

Александр Блок

АЛЕКСАНДР БЛОК

1913 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. А. БЛОК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА "НАУКА"

1997

А. А. БЛОК

ТОМ ТРЕТИЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ
КНИГА ТРЕТЬЯ
(1907–1916)

МОСКВА "НАУКА"

1997

УДК 820/89
ББК 84
Б70

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
А.А. БЛОКА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
А.А. БЛОКА

Т. III

1997

Подписное

ISBN 5-02-011189-9

ISBN 5-02-011670-X, т. III

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), составление, подготовка текстов, статьи, комментарии, 1997
- © Российская академия наук и издательство "Наука", Полное (академическое) собрание сочинений А.А. Блока в 20-ти томах, оформление, 1997 (год начала выпуска)

СТРАШНЫЙ МИР

(1909–1916)

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
10 Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? – Ты вся – не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты и Муза, и чудо.
Для меня ты – мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
20 И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами –
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого Аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
30 В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада –
Эта горькая страсть, как полынь!

1912

* * *

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания
И забываю, что и как...
Кругом – снега, трамваи, зданья,
А впереди – огни и мрак.

10 Что, если я, замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный, –
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
20 Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

* * *

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигаешь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливых пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!

10 Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
10 Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор – и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна –
Жизни только половина!
20 Но за вьюгой – солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, –
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
30 Смертный сумрак погасил.

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот, в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
10 От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится,
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу, – из ночи туманной,
Шатаюсь подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?)
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: "Устал я шататься,
20 Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать..."
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг – он улыбнулся нахально, –
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
30 Быть может себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

ПЕСНЬ АДА

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

10 Где спутник мой? – О, где ты, Беатриче? –
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь,

Пощады вопль, иль возглас нежный – скупю
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
20 И я, который пел когда-то нежно, –
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
30 И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там – брошены зияющие маски;
Там – старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

40 В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце – знак таинственного брака –

Сияет острый аметист кольца;
50 И я смотрю с волненьем непонятым
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
"Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?"

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

"Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
60 Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле, –
Томим волной безумного напева,
С печатью преступленья на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной – чудесная жена!

70 В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликование первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, нежданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
80 И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И – сомкнутых безмерными цепями –
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
90 Окованной навек глухими снами,

Дано ей чужья боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел – могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, –
Так сострадай и помни, мой поэт:

100 Я обречен в далеком мраке спальни,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально,
Вонзить свой перстень в белое плечо!"

* * *

Поздней осенью из гавани
От заметной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
10 Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно – больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой – с пленной – с ней.

Да, есть печальная услада
10 В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
20 Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
30 Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только – продолжение бала,
Из света в сумрак переход...

* * *

С мирным счастьем покончены счёты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший мотор....

*. * *

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось – сквозь храп коня –
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, –
10 Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг – ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступаю,
Безумно плачет о прошлых снах.

Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре – фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи.

10 Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: "И этот влюблен".

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

20 Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: "Лови!.."
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я – блуждал средь чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём исступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

10 На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил...

И снится – в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
20 Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених – не доскачет!
Чеченская пуля верна.

* * *

Там человек сгорел.

Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

* * *

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня – трезво торжествую,
А завтра – плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот – необъятною рукою
Покрывший зеркало – стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет,
10 И в ужасе, зажмурия очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он был. Но он – не нужен.
10 Кто обессилил руку мне? –
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас –
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? – Их не было. – Что ж было? –
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
20 И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: *Ессе homo!* –
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным
30 (Чтоб кровь не шла из черных жил)
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный – служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

10 Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот – дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
20 Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел – твой свист замогильный...
30 Чу! опять – бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я – не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце – острый французский каблук!

АВИАТОР

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

10 Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом – напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутым высоко,
Лишь воздух – ясный, как вода...

20 А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное –
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане,
Как будто неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

30 И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука – мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
40 Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвения
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910–1912

* * *

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветер ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит;
10 Он льстиво шепчет: "Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом".

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1.

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
10 Присутствие кончается. И вот –
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мервеца – к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем – изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
20 Хозяйка-дура и супруг-дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...
Он крепко жмет приятельские руки –
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою – она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

"Усталый друг, мне странно в этом зале". –
30 "Усталый друг, могила холодна". –
"Уж полночь". – "Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена..."

А там – NN уж ищет взором страстным
Его, его – с волнением в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
40 Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
"Как он умен! Как он в меня влюблен!"

В ее ушах – нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

1912

2.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

3.

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью *Venena*,
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул.
И череп повернул... Аптекарь крякнул,

10 Привстал, – и на другой свалился бок...
А гость меж тем – заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам безносым
На улице, под фонарем белёсым.

4.

Старый, старый сон: из мрака
Фонари бегут – куда?
Там – лишь черная вода,
Там – забвенья навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

10 Тень вторая – стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

20 Воеет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней – забвеньё навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

5.

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

10 Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он – с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

20 Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

1914

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, – который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

10 Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвеньё, сон и отдых от забот...
Очнешься – вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь – опасность миновала...
Но в этот самый миг – опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

20 И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, –
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен?

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! – Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

* * *

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: *Ленора*.

Эдгар По

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я – мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним – лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: "Ужель еще вам мало?
Пред Гением Судьбы пора смириться, сёр".

"Но в старости – возврат и юности, и жара..." –
10 Так начал я... но он настойчиво прервал:
"Она – всё та ж: *Линор безумного Эдгара*.
Возврата нет. – Еще? Теперь я всё сказал".

И странно: жизнь была – восторгом, бурей, адом,
А здесь – в вечерний час – с чужим наедине –
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бесшумно.
В час горький на меня уставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
20 Как будто говорит: *Пора смириться, сёр*.

1912

* * *

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, –
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой – точно сразу поймет:
10 Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется – и нет ничего;
Между тем – беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть – не влюбленность, не месть;
Так – игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
20 Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей – не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
30 Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока – в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

Как растёт тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесь мучит, жизнь хлопчет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
10 Иль – раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно, не хватит силы
Дотащить до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой – страх могилы,
20 Беспокойство мертвеца.

1913

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки, –
Что нужны? – Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось,
Молилось и пело тебя, но ведь ты – не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объятия, – тащиться без важного дела.

Но я – человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То *ревность по дому*, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: *Что делаешь, делай скорее.*

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1.

Весь день, как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.

Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, – а в глубине покорный:

Не выгорит – и пусть.

На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница

Твоих дневных забот.

10 Когда ж в морозный мрак засмотрится столица,
И полночь пропоет, –

И рад бы ты уснуть, но – страшная минута!

Средь всяких прочих дум –

Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:

Ни охнуть, ни вздохнуть,

20 Как будто ночь на всё проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,

Но некому помочь:

Куда ни повернись, – глядит в глаза пустые
И провожает – ночь.

Там – ветер над тобой на сквозняках простонет

До бледного утра;

Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

30 И, наконец, придет желанная усталость,

И станет всё равно...

Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

2.

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
10 Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

3.

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался *мукой ада*,
Перечислил все слова,
Но – болела голова...

Долго, жалобно болела,
10 Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет,
Хвать-похватъ, – а сердца нет.

Сердце – крашенный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

4.

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделение,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
10 Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!

5.

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
"Где деньги твой?" – "Снес в кабак". –
"Где сердце?" – "Закинуто в омут".

"Чего ж тебе надо?" – "Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего".

"Что лезешь ты в сердце чужое?
10 Ступай, проходи, сторонись!" –
"Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись..."

И правда (ну, задал задачу!)
Гляжу – близь меня никого...
В карман посмотрел – ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

6.

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой – о Христе,
О газете – четвертый.
Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
Книжки прислали

10 С множеством рифм и размеров.

Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпитафий
(Из Надсона и символистов).
После – под звон телефона –
Посыльный конверт подавал,
Надушенный чужими духами.
Розы поставьте на стол,
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...
20 После – собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, громя *футуризм*,
Символизмом шпынял,
Заклучив *реализмом*.
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого званья,
30 *Ее до себя возвышая...*
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
40 Ни грохот тележный, –
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольного мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

50 Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...

Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, – *не лучше ль,*
Думаешь ты, *чтоб и новый*
День проходил, как всегда:
60 *В сумасшествии тихом?*

7.

Говорят ЧЕРТИ:

Грехи, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи –
10 Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное "аминь".

Ведь всё равно, очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в иступленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать – но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
20 О камень не преткнулся ты.

8.

Говорит СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить Бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился – и ранний
10 Жар юности простыл – и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам – к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить Бога –
Уж он – не голос, только – стон.
Я отворю. Пускай немного
20 Еще помучается он.

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1.

Вполоборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне – искушенья тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко – гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
10 Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер –
Твой не глядящий, скользящий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже – свидание, даже – любовь!

2.

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.

Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных испугнуть?
Нет! Глаза отворотить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

3.

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воеет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю –
И, как кошка, ощерись ты...

4.

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятия страшные! Чтоб долго длились муки,
Когда – ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста – нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

10 Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! – Я уступаю, зная,
Что твой змеинный рай – бездонной скуки ад.

5.

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце – прочь, раскаяние – прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
10 Всё отойдет навек, настанет *никогда*,
Когда ты крикнешь: *Да!*

6.

Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

10 ... И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит Бог на теле спящей
Свой световой узор.

7.

Ночь, как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне – старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
Нет, не слова –
То, что теряет всё значенье,
Забрежжит бледный день едва...

10 Тогда – во взгляде глаз усталом –
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!

8.

Я ее победил наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольцо – померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
10 Еще просит пыток любви...

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон, и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб...

– О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

– Отгони непонятный страх –
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
20 Смутен вздох охладевших губ:

– Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
– Ты мертва, наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, –

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

9.

Над лучшим созданием Божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
10 Горит зарева кайма.

Далекие, влажные доли
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

ДЕМОН

Иди, иди за мной – покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный –
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
10 И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
20 Что дикой страстью ты зовешь? –

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, –

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

30 И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры –
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

40 И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем – вы и я –
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

10 Лжи и коварству меры нет,
А смерть – далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я:
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

20 Весны, дитя, ты будешь ждать –
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать –
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

1910–1914

ВОЗМЕЗДИЕ

(1908–1913)

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роєм...
10 Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
20 Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

1908

ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой – туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
10 Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной – толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце – в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
20 И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар. Напрасные скитанья.
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так – суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1908

* * *

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
10 Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
20 И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

* * *

Ночь, как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

10 Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День, как день; ведь решена задача:
Все умрут.

* * *

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда – в духоте, в тесноте,
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать –
И ночь.

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна –
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозой сжималась
10 Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.

Но – быть коленопреклонным,
Тебя благодарить, скорбя? –
Нет. Над младенцем, над *блаженным*,
20 Скорбеть я буду без Тебя.

Февраль 1909

* * *

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
10 Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

* * *

Дохнула жизнь в лицо могилой –
Мне страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

* * *

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
10 Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, –

Тогда – ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так – только замедляет шаг.

* * *

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

10 Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

* * *

Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный,
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;

10 Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни древ;
И на камнях поют наяды
Беспольный гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя!

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!
Я твой давно забытый час,
Стучусь – откройся.

10 Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!
Я всё равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

20 Ты полетел туда, туда –
В янтарь закатный!
Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь –
Что толку в споре?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?
Утешься: ветер за окном –
То трубы смерти близкой!

30 Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

* * *

Кольцо существования тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять – любить Ее на небе
И изменить ей на земле.

* * *

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...

10

Одно, одно –
Уснуть, уснуть...
Но всё равно –
Разбудит кто-нибудь.

ШАГИ КОМАНДОРА

В.А. Зоргенфрею

Тяжкий плотный занавес у входа,
За ночным окном – туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

10 Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
20 И в ответ – победно и влюбленно –
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хрипый бой ночных часов –
Бой часов: "Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?.."

30 На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа – тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета – ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! – Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

1910–1912

* * *

Мой бедный, мой далекий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
10 Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно падит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль – порываний нам довольно,
И лишь недуг – надежный щит?

* * *

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Величий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
10 Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся мезью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
20 Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
30 В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
40 Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, – и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода – сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
50 Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
60 Невеселые труды.

1913

ЯМБЫ

(1907–1914)

Fecit indignatio versum.

Iuven. Sat. 1, 79.

*Посвящается
памяти
моей покойной сестры
Ангелины Александровны Блок*

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, –
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство – разве это
10 Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!*

АЛЕКСАНДР БЛОК
ЯМБЫ

„АЛКОНОСТ“
ПЕТЕРБУРГ.
1919

АЛЕКСАНДР БЛОК. ЯМБЫ
Пб., 1919. Обложка с виньеткой
работы Н.Н. Купреянова

* * *

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
10 Я слышу трудный, хриплый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайную победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пой, таи ту новь,
Пройдет весна – над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
20 Созреет новая любовь.

1907

* * *

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
10 Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*

Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
20 Всё, всё – да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

1907

* * *

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь, под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

10 Народ – венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного – и нам.

1909

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

10 Над мировую чепухую;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

Ревель

* * *

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы— всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
10 Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои...

* * *

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далеко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

* * *

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою,
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань...*
И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
10 И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!*

* * *

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже, –
Оттуда зримей мир иной...
*Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?*
На непроглядный ужас жизни
10 Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне, –
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь – дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только – лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
20 Заройся в землю – там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя, –
Дням настоящим молвив: *нет!*

1911

* * *

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!

Я помню: днем я был "поэт",
А ночью (призрак жизни вольной!)
Над черной Вислой – черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
10 Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир – жилище Бога,
О холоде и об огне.

* * *

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью – зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пуškai зовут: *Забудь, поэт!*
10 *Вернись в красивые уюты!*
Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой!
Уюта – нет. Покоя – нет.

* * *

В огне и холоде тревог –
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам Бог
В час искупительный – у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
10 В своих сердцах, в своих певучих.
И всем – священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек – у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презреньё созревает гневом,
А зрелость гнева – есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве – воли дремлют;
20 Так точно – черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр, – пока
В горах не запоет кирка.

1910–1914

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

(1909)

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.

*Надпись под часами в церкви
Santa Maria Novella (Флоренция)*

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
10 Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

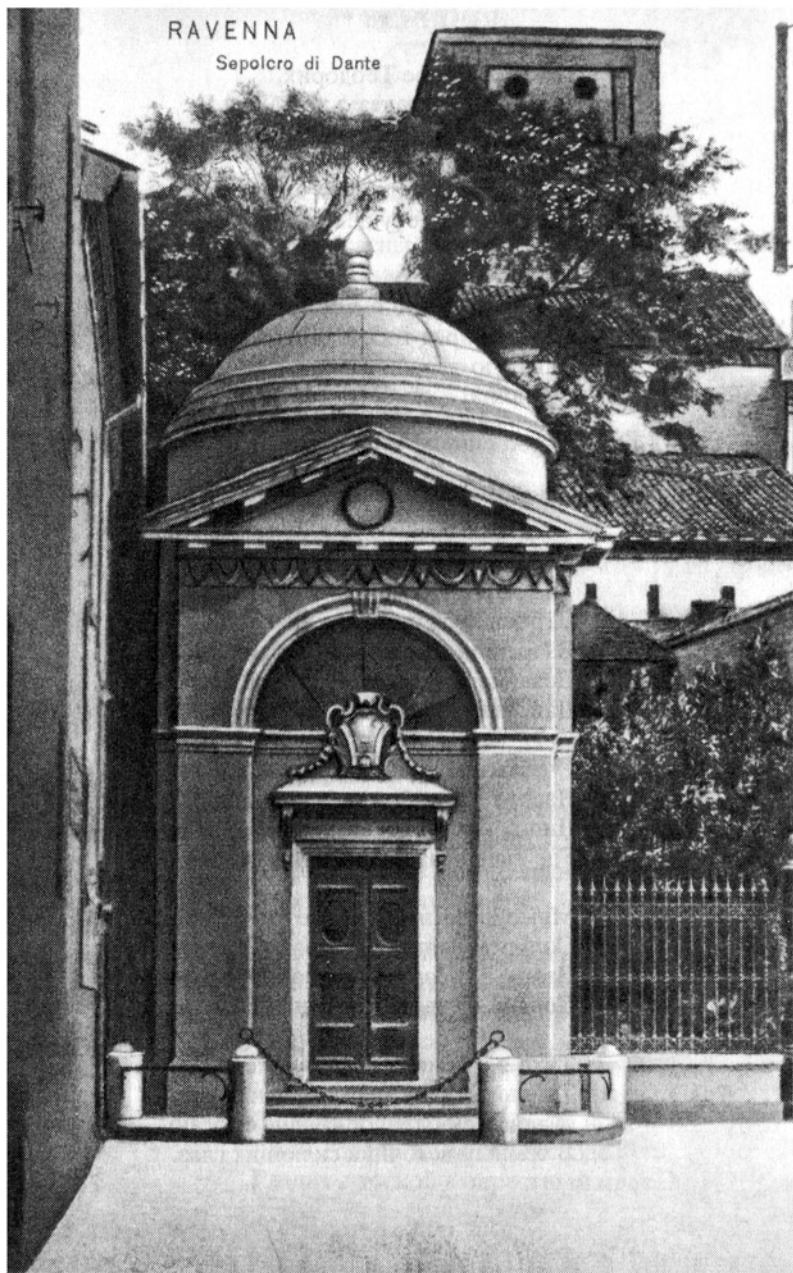
Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
20 Не пел страстей протекших лет.

Далеко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди – всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
30 Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

РАВЕННА. МОГИЛА ДАНТЕ
Открытка из альбома Блока (ИРЛИ)

Почует в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там – виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек – весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
10 Завидую твоей судьбе,
О, Галла! – страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой – мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи –
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, – и люблю!

Мимо, всё мимо – ты ветром гонима –
10 Солнцем палима – Мария! Позволь
Взору – прозреть над тобой херувима,
Сердцу – изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

ВЕНЕЦИЯ

1.

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких...

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
10 Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...

Адриатической любви –
Моей последней –
Прости, прости!

2.

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь – больной и юный –
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галереи,
10 Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит – дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

3.

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветер сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

10 Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух плена,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

20 И неужель в грядущем веке
Младенцу мне – велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, – живо!
Мечты, виденья, думы – прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

ПЕРУДЖИЯ

День полувеселый, полустрадный,
Голубая гарь от Умбрских гор.
Вдруг – минутный ливень, ветер прохладный,
За окном открытым – громкий хор.

Там – в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

10 На корзине – белая записка:
"Questa sera... монастырь Франциска..."

ФЛОРЕНЦИЯ

1.

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Велла, смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
10 Твои уродливы дома,
Всевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звенят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Медичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
20 В пыли торговой толчеи!

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах –
Весь груз тоски многоэтажный –
Сгинь в очистительных веках!

2.

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин!

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
10 И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

3.

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
10 Голубой вечерний зной
В голубое голубую
Унесет меня волной...

4.

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

5.

Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она – вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

6.

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Под зноем флорентийской лени —
 Ве ~~нам~~ ^{Кавказу} не ~~наша~~ ^{наша} ~~родина~~ ^{родина} наша:
 Молотом ^{Ирли} ~~звонил~~ ^{звонил} ~~стучал~~,
~~И~~ ~~Бессмертные~~ ~~убил~~.

~~Уже~~ ~~не~~ ~~радуны~~ ~~убил~~
~~убил~~ ~~не~~ ~~радуны~~ ~~убил~~

Там бегут остоющие глыбы,
 Храма холм ~~Горы~~ ~~стучит~~ ~~лени~~:
 Мешет в своем ~~глубоком~~ ~~искусстве~~
 Ом ~~судя~~ ~~мир~~ ~~уничтожил~~.

June 1909 (Florence) — 16 Feb. 1914.
 И ~~Хорезм~~.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ
 "ПОД ЗНОЕМ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ЛЕНИ..."
 (ИРЛИ)

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

7.

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
10 Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной...

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
20 В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

* * *

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.

Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севера.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
10 Некрасивой женщины под дрожащими тополями.

Settignano

MADONNA DA SETTIGNANO

Встретив на горном Тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок Твой разубран цветами –
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

10 Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику – мне?
Страстно твердить Твое Имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?

ФЬЕЗОЛЕ

Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьезоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?

СИЕНА

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни – свечи Божества.

О, лукавая Сиена,
Вся – колчан упругих стрел!
Вероломство и измена –
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
10 Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Наполняют образа,
Где коварные Мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит Младенцу буря,
Пусть грозит Младенцу враг, –
Мать глядится в мутный мрак,
20 Очи влажные сощуря!..

СИЕНСКИЙ СОБОР

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, --
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь – Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
10 Довольный возрастом своим.
Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот – мальчик над цветком и с птицей,
Вот – муж с пергаментом в руках,
Вот – дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
20 Кристально-ясный час любви.

* * *

Искусство – ноша на плечах.
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
10 Встает во всем шампанском блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего سینема!..
А через год – в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, – и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!..

Foligno

* * *

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но Ты, Мария, вероломна...

Быть с девой – быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах...
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

10 Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией Ее –
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытьё...

Однако, братьям надоело
.....
.....
.....

Конец преданьям и туманам!
Теперь – во всех церквах Она
Равно монахам и мирянам
20 На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный
Красы Божественной – поэт...
Он видит Твой необычайный,
Немеркнувший, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И Ты, Чье сердце благосклонно,
30 Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В Твою ласкающую высь!

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет – видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
10 Грезятся несбыточные сны.
И внезапно – красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде – сквозь золото ресниц –
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или Ангел, распростертый ниц...

Темноликий Ангел с дерзкой ветвью
Молвит: Здравствуй! Ты полна красы!
И она дрожит пред страстной вестью,
20 С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет – ближе, ближе,
Уж над ней – шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: "Я ли, я ли?"
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали –
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда – незнаемую болью
30 Озарился светлый круг лица...
А над ними – символ своеволья –
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, –
Он провидит страстной муки крест
И твердит: – Profani, procul ite,
Nis amoris locus sacer est.

Perugia – Spoleto.

УСПЕНИЕ

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.
Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз Архангел старый
Влагает белые цветы.

10 Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездой и зарею
20 Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный Ангел смотрит вдаль.

Spoletto

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ*

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти – у всех на устах.
Душу умел я вдохнуть искусными пальцами – в краски,
Набожных души умел – голосом бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись создания,
Принуждена меня звать мастером равным себе.
В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Медичи, прежде чем я в низменный прах обращусь.

---

* Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

CONDITUS HIC EGO SUM PICTURE FAMA PHILIPPUS
NULLI IGNOTA MEE GRATIA MIRA MANUS
ARTIFICIS POTUI DIGITIS ANIMARE COLORES
SPERATAQUE ANIMOS FALLERE VOCE DIU
IPSA MEIS STUPUIT NATURA EXPRESSA FIGURIS
MEQUE SUIS FASSA EST ARTIBUS ESSE PAREM

MARMOREO TUMULO MEDICES LAURENTIUS HIC ME
CONDIDIT ANTE HUMILI PULVERE TECTUS ERAM

РАЗНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

(1908–1916)

ЗА ГРОБОМ

Божья Матерь *Утоли мои печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом – в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец – родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
10 Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем – Бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венки случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова –
Возвела она в венец творенья,
20 В тайную улыбку Божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главу преклонить!

10 Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума,
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
20 Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля – так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достоянием доцента,
И критиков новых плодить...

30 Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

1908

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

10 Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

20 Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно,
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой.
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

30 Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, –
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Поэты.

Урава Зерина
(ср. 4700 Фосин)
+11909

За городом впрямь пугающий квартал
На полст болотных а зыблет.
Мам зина поэты — и каждая вутрен
Другого каменной улыбки.

Всаван
Сиза
На красне и дель строзурит ватаван
Надь эфан негальным бологом.
Его батател сво деал посвизан
Вилу и усурким работам.

Когда ^{келованши} отвлеклись, то в дружит килит,
Полган чинило а прело,
Надь утро их рвало, лорит, залершил,
Раво гало ^{упрело} тупо и рвало.

Потом Рилзам ир будом, как пав,
Селотрети, как моге горбю,
И златом ^{каждой} и гербю крво котей коч
Метилит со знаисю дла.

Миле Момилит суржид Мосинно Аленат.

Разитасал, мегам о вткв злагом, ¹⁰⁷
 Рукам издамелт друзико,
 И пакам юрко кады ^{тотчас} малым цыфком,
 Май малевкоя гужко шемучилой...

Мам зими поэтн. Цыфасл и друго!
 Мн дурасел, мезер дур, — хуше
 Мвоих ешедневных безсавных попуе,
 Мвоей одвалтвской лужи?

Мтр, милая цыфел, ^{* сам критик себя,} неграфика тн мот,
 По крайности, есть у поэта
 И коши, и тужи, и втн золотн,
 Мелт зш недостулко все это!

~~Мн будеш доволет сабои и шешн,
 Свои конституция кушои~~

~~А вот у поэта — великая Заняи
 И мало или конституция~~

Мн сурфат, каторый пугубил форм,
 Мн сурфат, каторый пугубил форм,
 Мн сурфат, каторый пугубил форм,
 Мн сурфат, каторый пугубил форм,
 Мн сурфат, каторый пугубил форм,
 Мн сурфат, каторый пугубил форм,
 Мн сурфат, каторый пугубил форм,
 Мн сурфат, каторый пугубил форм,

(1903/В.И.) И пучб з уиру подт зобором, как леси,
 Пустб зидан мез в зелоо втн лгали,—
 Я влрю: то бои мез сабои занси,
 Мо влои мез цтло вале!

24 VII
 108.

* * *

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой, прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

¹⁰ *Всё та же ты*, какой цвела когда-то,
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнувшей зари.

* * *

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
¹⁰ Неверного сама простишь.
Изменнику протянешь руки.
Весной далекой наградишь.

* * *

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

10 Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледаход –
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклевывает коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
20 Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю – не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он – немецкий.
Ему не больно и тепло.

10 Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла,
Хозяйка ищет – нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Создания хрупкие мечты.
20 Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка – душа...

СОН

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху – всё громче, всё нелепей;
И день последний настает,

Чуть брезжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами – красные каменья
И мавзолей из чугуна.

10 И он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами – с Ним:
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет:
"Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
20 И камень будет отвален". –

"Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил".

КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы – по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом –
Стальным и ровным – поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
10 Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу – стремят отныне
Полет стада – стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
20 Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

1910

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

10 Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда ушли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

20 Как мало в этой жизни надо
Нам, детям – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Aber' Wrach, Finistère. 1911

* * *

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пуškai и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке –
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
10 Прости меня. Нам быть – вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

1912

ПОСЛАНИЯ

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При получении "Идиллий и Элегий")

Дождь мелкий, разговор неспешный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный –
Ведь так при встречах повелось?

Но вот – какой-то светлый гений
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я – в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
10 Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.

1910

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ
(При получении "Зеркала теней")

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистойой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
10 Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство – пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
"Гори, гори. Живи, живи.
Пушкой крыло души прострелено –
20 Кровь обогреть алтарь любви".

1912

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ
(Отвечает)

Да, знаю я: пронзили ночь отвика
Незримые лучи.
Но меры нет страданью человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне – мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!)
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

10 Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

1912

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровью дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томноских
Ты золотою встал главой.

10 Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь – излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг – неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

20 И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

30 Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный – ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
40 Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

1912

АННЕ АХМАТОВОЙ

"Красота страшна", – Вам скажут –
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан – в волосах.

"Красота проста", – Вам скажут –
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан – на полу.

Но, рассеянно внимая
10 Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

"Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна".

1913

И вновь – порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было – и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
10 Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, –

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
20 Что счастьем привыкли звать!

1912

ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он – возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
10 В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
20 Творческий разум осилил – убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка – стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
30 Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду – и скучаю опять.

1913

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
10 Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой
Неузнанной, *красивой*, неживою.
Такой ведь ты искала? – Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
20 И ты *простой* возжаждешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от *неземного* сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
30 И вдруг – очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь – меня!

Как исступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
40 Их тайный жар тебе поможет жить.

1913

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я извела все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу – с печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
10 К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встреть,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
20 Иль просто скучно – одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, –

И вдруг, с мучительным усилием,
30 Чуть слышно произносит он:
"О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен".

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: "Букет забыли вы". –

"Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам..."
Он, холодно пожав плечами,
40 Сказал: "Они нужнее вам".

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

ПЕРЕД СУДОМ

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала – в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой – не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
10 Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь.

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
20 И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе – ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
30 И мечта права, что нам лгала. –
Все-таки когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь – такая золотая
Разве не от старого огня? –
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

1915

АНТВЕРПЕН

Пусть это время далеко,
Антверпен! – И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
10 И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты – во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
20 Цветы из золота вплелись...

Но всё – притворство, всё – обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури –
Кружащийся аэроплан.

1914

* * *

Похоронят, заруют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко,
На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко – там осень,
Если бурно – там значит весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
10 Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

* * *

На улице – дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуют себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
10 Ворчливые речи мои
Затемят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить, не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

* * *

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочесть ты умел,
Что грядущие ночи – темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот – свершилось. Весь мир одичал, и окрест
10 Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, –
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, –
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой –
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
20 Не пугаясь людской клеветы...

А теперь – тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось,
И, к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша, –
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И осталось – улыбкой сведенная бровь,
30 Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи.
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты – железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
40 Недоступный безумным рабам.

АРФЫ И СКРИПКИ

(1908–1916)

* * *

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
10 И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

* * *

Душа! Когда устанешь верить?
Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...

Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять – зовет другая,
Другая вызывает день...

Но мглой весеннею повито
10 Всё, что кипело здесь в груди...
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

* * *

И я любил. И я изведал
Безумный хмель любовных мук,
И поражения, и победы,
И имя: *враг*; и слово: *друг*.

Их было много... Что я знаю?
Вспоминанья, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
10 Чертой соединил их я,
Одной безумной красотой,
Чье имя: *страсть* и *жизнь* моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
20 Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

* * *

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кругом
10 В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, –
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В.

1.

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
10 Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн...

2.

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце – страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
10 Опыленные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

3.

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И готовый на новые муки,
10 Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

ВСТРЕЧНОЙ

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж – презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что мне его химеры!
10 Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: поедем, друг...
Тебя закутав в плэд зеленый
20 От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

МЭРИ

1.

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых перий
Овеяла меня.
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Укрась мое жилье,
Пусть будут те же речи
10 Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучающаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенести!

2.

Жениха к последней двери
Проводив,
О негданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
10 Мэри, спой.
Спой о жизни одиноко прожитой...
Спой о том, что не свершил он,

Для чего от нас спешил он
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3.

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем,
10 А вверху, в водоеме Твоем,
Тихий Господи,
И не счесть светлых рос,
Не заплесть желтых кос
Тучки утренней.

* * *

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...
Что падают звезды, чертя серебристые нити,
Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку
И винные змеи сплетутся в одну бесконечность,
Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.

* * *

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё – равно.
Вон счастье мое – на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой из-под подков...

10 В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

* * *

Не затем величал я себя паладином,
Не затем ведь и ты приходила ко мне,
Чтобы только рыдать над потухшим камином,
Чтобы только плясать при умершем огне!

Или счастье вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар?
Нет! В золе еще бродят последние искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул пожар!

* * *

Часовая стрелка близится к полночи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым Годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

* * *

Старинные розы
Несу, одиночек,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропкою,

С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
10 Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат,
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег?
Лишь розы на талый
20 Падают снег,
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

* * *

Уже над морем вечереет,
Уж ты мечтой меня томишь,
И с полуночи ветер веет
Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигая,
Уходят в море корабли,
А ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива,
10 Вся – в отступающих огнях,
Во мгле вечернего залива,
В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный
Тебе навстречу развести,
В венок страстной и неизбежный –
Цветок влюбленности влести...

Обетование неложно:
Передо мною – ты опять.
Душе влюбленной невозможно
20 О сладкой смерти не мечтать.

* * *

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью –
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной болью,
10 Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколотная змея!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною –
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
20 Мертвый окрик воронья!

* * *

Я не звал тебя – сама ты
Подошла.
Каждый вечер – запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
10 Два крыла.

На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.

И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
20 Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

* * *

Грустя и плача и смеясь,
Звенят ручьи моих стихов
У ног твоих,
И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
10 Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?

* * *

Опустишь, занавеска линиялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
10 Расстилалась ты предо мной,
Ой ли косами иссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шепоте, в забытьи,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал – не моя вина,
20 Ты, кому обещался, – прости...

* * *

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездой
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
10 Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

* * *

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Праздный слух был исполнен громами литавр,
Сердце – музыкой буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил средь божественных чащ.
Сон мой длился века, все виденья собрав
В свой широкий, полунощный плащ.

10 И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайτε – вновь он совется во тьму.
Беззакатного дня, легковерные, нет.
Я ночного плаща не сниму.

* * *

Покойник спать ложится
На белую постель.
В окне легко кружится
Спокойная метель.
Пуховым ветром мчится
На снежную постель.

Снежинок легкий пух
Куда летит, куда?
10 Прошли, прошли года,
Прости, бессмертный дух,
Мятежный взор и слух!
Настало *никогда*...

И отдых, милый отдых
Легко прильнул ко мне.
И воздух, вольный воздух
Вздыхнул на простыне.
Прости, крылатый дух!
Лети, бессмертный пух!

* * *

Уж вечер светлой полосой
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжег и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
10 Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь, –
Уж ты далеко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший мимо...
20 Огонь зеленый на заре.

* * *

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я – лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,
Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа...
Ушла – и нет другой души,
10 Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К.М.С.

1.

Всё та же озерная гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой неразлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови – она придет:
10 Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

2.

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я – память, весь я – слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу – вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В тенях траурной ольхи
10 Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет –
Всё, как призрак, всё, как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

3.

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени,—

Не знал я, что в *лесу девичьем*
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьим:

10 «Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

4.

Синеокая, Бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запеваёт осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,

10 И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

Bad Nauheim 1897–1909

5.

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг – туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
10 Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...

6.

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность –
10 Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

Елагин остров

7.

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недалный,
10 Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: *улетим*.

8.

Всё, что память сбереж мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

10 И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя.
И прозрачная нежность Кремля
В это утро, как прелесть твоя.

* * *

Как прощались, страстно клялись
В верности любви...
Вместе Таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всеи души восторг...

Да тоска заполонила,
10 Порвалась струна...
Не звала б, да не манила
Дальня сторона!

Вспоминай же, ради Бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

* * *

Всё на земле умрет – и мать, и младость,
Жена изменит и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда – и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
10 Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
10 И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс – в хладном серебре.
Ушла. От всех великолепий –
Вот только: крылья на заре.

Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
20 Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею – с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы – что мы на этой тризне?
30 Что можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел – в ночь...

Пускай хоть в небе – Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она –
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

10 Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

НА ПАСХЕ

В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новой гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертлявая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.

10 Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

* * *

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот – прошу ее смиренно:
"Спляши, цыганка, жизнь мою".

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

10 То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, – и вдруг
Вся замерла в истоме скуки.
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё – не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще – смертная тоска.

* * *

Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплятся в бокалах, –
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, вياءь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабя,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
10 Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..

Там всё – игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далёка
20 Печальный Ангел просквозит...

* * *

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь – проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик – будь он в поддевке темной
10 С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной, –
Не упускай его из глаз...

Задремлешь – и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалика
В кусте темнеющего поля
20 Лишь бедный светик светляка...

* * *

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить Творца?

В серых сферах летай и скитайся,
10 Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце – и винт.

* * *

Без слова мысль, волнение без названия,
Какой ты шлешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молнией знания
Глухой декабрьский мрак?

Всё призрак здесь – и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, – ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

10 Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века,
    Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвека
    Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
    Сбивающих с пути,
Со знанием несказанных очертаний,
    Как с факелом, пройти.

* * *

Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь – тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

10 Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг – малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

* * *

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус – наша ночь земная.
За ней – опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

10 И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая – нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола,
О чем гласят с несбыточной верой?
Ведь мгла – всё мгла.

10 И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

* * *

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

10 И напев заглушенный и юный
В затаенной зарронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.

* * *

Бологистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

10 Он морем ночью замкнут – дальный
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,
И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И это над пустыней звонкой
От цоканья копыт –
Всё говорит о беспредельном.
Всё хочет нам помочь,
20 Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!

ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...
Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая Господня слава
Исполняла священную шаль...
10 И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...
Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,
Чтоб неведомый северу танец,
Крик Nandà и язык кастаньет
20 Понял только влюбленный испанец
Или видевший Бога поэт.

* * *

В небе – день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он – ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь – не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
10 Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

* * *

В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул – исчез...
Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...
10 В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня.
И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльем поросла...
И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
20 И над бурьяном прянул
Испуганный мой конь...
"О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь – всё забудешь,

Забудешь – канешь в ночь!
В тумане, да в бурьяне,
Гляди, – продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!"

СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое...

Тургенев

Утреет. С Богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я – который раз подряд –
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинута назад, –
Задор свободы и разлуки,
Но, еле видная за мглой,
10 За дождевою, за докучной...
И взгляд, как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... "До свиданья..."
И звякнул о браслет жетон
20 (Какое-то воспоминанье)...
Я, молча, на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
"Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
30 Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши".

* * *

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря – в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Полсердца – туча грозовая,
10 Под ней – всё глушь, всё немота,
И эта – прежняя, простая –
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

* * *

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками – иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доньне узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда бывшее без следа
10 Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне – о счастье.

* * *

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю*.

Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

10 Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня – прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговой...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

20 Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

* * *

Ваш взгляд – его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом – вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо,
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,

10 Тогда – угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душевных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.

* * *

Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет.
Только тронь его голосом юным –
Запоет!

И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!

10 И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

* * *

Ты – буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты – серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох – странник,
Как воин – милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

10 Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

* * *

Как день, светла, но непонятна,
Вся – явь, но – как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней – всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

10 Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, –

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти –
20 Ничто пред холодом ума!..

* * *

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли – точно у девушки нежные,
А о чем, – и сама не пойму.

Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое – злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!

10 Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы,
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

* * *

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей – то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
10 Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

* * *

Ты жил один. Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..» –
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, все равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья».

* * *

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла – принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать,

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё – зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

10 Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое, –
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

* * *

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная – глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар.
10 И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо, – всё мимо, мимо,
Впереди – неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

* * *

Разлетясь по всему небосклону,
Огнечерная туча идет.
Я пишу в моей келье Мадонну,
Я пишу – моя дума растет.

Вот я вычертил лик Ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнечерные отсветы ярче
10 На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

* * *

Он занесен – сей жезл железный –
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее Лица.

И сквозь круженье вихревое,
10 Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

* * *

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, –
Всё ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
10 Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал – не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность –
20 И, замыкаясь, молчу.

* * *

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя – той же любовью полна,
10 И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума – и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

* * *

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными –
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнюю
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
10 И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

КАРМЕН

(1914)

Л.А.Д.

* * *

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг польхнет мигнувший свет, –
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

* * *

На небе – празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что месяца нежней, что зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь – перламутра переливы.

Но, как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей – червонно-красным,
И голос – рокотом забытых бурь.

* * *

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
10 Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

* * *

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас–Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит,
И глухо зазвенят запястья, –
10 Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

* * *

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий – таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере – ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
10 Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
20 Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов – несчастному тому...

О, не глядеть, молчать – нет мочи,
Сказать – не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете – в поступи истома,
30 И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, –
Ваш образ, дорогой навек...

*А там: Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...*

И март наносит мокрый снег.

* * *

Вербы – это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит – теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный – поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит – мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
10 Значит – ты вспоминаешь меня.

Розы – страшен мне цвет этих роз,
Это – рыжая ночь твоих кос?
Это – музыка тайных измен?
Это – сердце в плену у Кармен?

* * *

Ты, как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные дикие сны,
И твоя одичалая прелесть –
Как гитара, как бубен весны!

10 И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

20 Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

* * *

*О, да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно, – я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

10 Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь – звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
20 Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, –
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь,
Вот почему я – твой поклонник и поэт!

Здесь – страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную – постичь ее нет сил.
Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

10 Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его – твоя безумна младость...
Всё – музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...

20 Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

1.

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, – и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, – отрадно,
10 Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги – прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.

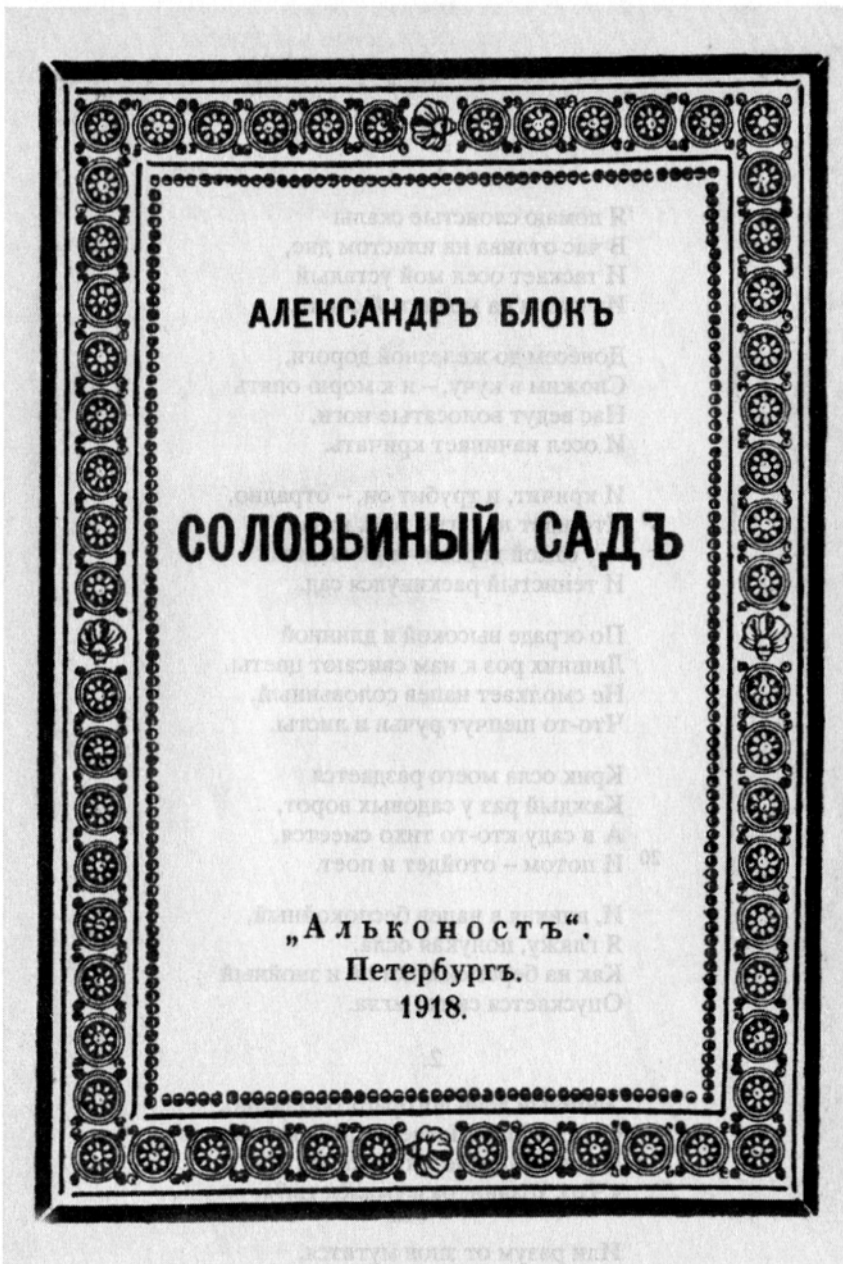
Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
20 И потом – отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2.

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
30 Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится
Жизнь другая – моя, не моя...

АЛЕКСАНДР БЛОК. СОЛОВЬИНЫЙ САД
Пб., 1918. Шрифтовая обложка работы Ю.П. Анненкова

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
40 За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3.

Отдыхает осел утомленный,
50 Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночью, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня – таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
60 Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4.

Правду сердце мое говорило,
 70 И ограда была не страшна,
 Не стучал я – сама отворила
 Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
 Однозвучно запели ручьи,
 Сладкой песнью меня оглушили,
 Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
 Мне открыли объятия те,
 И звенели, спадая, запястья
 80 Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
 Золотым опаленный огнем,
 Я забыл о пути каменистом,
 О товарище бедном своем.

5.

Пусть укрыла от дольного горя
 Утонувшая в розах стена, –
 Заглушить рокотание моря
 Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
 90 Рокот волн до меня донесла...
 Вдруг – виденье: большая дорога
 И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
 Обвиваясь горячей рукой,
 Повторяет она беспокойно:
 "Что с тобою, возлюбленный мой?"

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
 Надыхаться блаженством спеша,
 Отдаленного шума прилива
 100 Уж не может не слышать душа.

6.

Я проснулся на мглистом рассвете
 Неизвестно которого дня.
 Спит она, улыбаясь, как дети, –
 Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

110 Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог.
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задержнул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

120 И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7.

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

130 Где же дом? – И скользкой ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

140 И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закабался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, – он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.

РОДИНА

(1907–1916)

* * *

*Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.*

*О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты – родная Галилея
Мне – невоскресшему Христу.*

*И пусть другой тебя ласкает,
10 Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.*

Май 1907

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: "Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня – куст белых роз.
Вот здесь вчера – повилика вилась.
Где был, пропал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?"

10 Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь – тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой – зовет и манит...
Только скажет: "Прощай. Вернись ко мне". –
И опять за травой колокольчик звенит...

1907

* * *

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горячий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не споеет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

10 Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,
Спят, убаюканные ленью
Людской врагини – тишины.

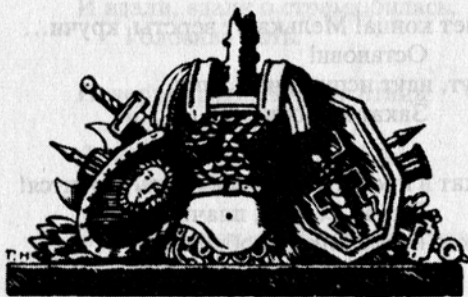
И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле –
Зачало рек, озер, болот.

20 И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХИ
О
РОССІИ

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
„ОТЕЧЕСТВО“

1915

АЛЕКСАНДР БЛОК. СТИХИ О РОССИИ
Пг., 1915. Обложка с виньеткой
работы Г.И. Нарбута

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

10 Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
20 Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

2.

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути – горючий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

10 И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: "Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!"

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

3.

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою. –
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

10 С полуночи тучей возносились
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

20 Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече.
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

30 И когда наутро, тучей черной,
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

4.

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

10 И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
20 Во мгlistой ночной вышине.

Вздыхают светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

"Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!
Вздыхает конская грива...
За ветром взывают мечи..."

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
10 Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –
Как слезы первья любви!

Тебя жалеть я не умею,
10 И крест свой бережно несущий...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же – лес, да поле,
20 Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

1908

* * *

Вот он, ветер,
Звенящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот, что ты мне сулила:
Могила.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
10 И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
20 Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

* * *

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари – покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
10 Помедли здесь, побудь со мной.
Забуди, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальною усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой –
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой –
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
20 Седым туманом – в алый круг.

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых...

10 Лодки, да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты –
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
20 Вольным играешься духом моим?

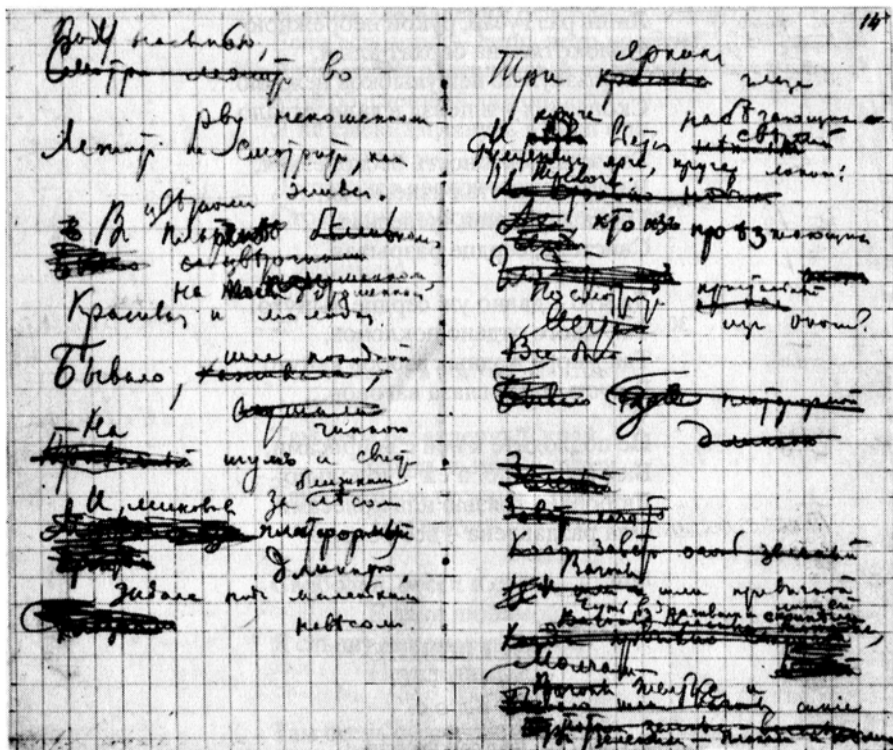
1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ "НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ"
 ("ПОД НАСЫПЬЮ, ВО РВУ НЕКОШЕННОМ...")
 Фрагмент. ЗК₃₁ (ИРЛИ)

Три ярких глаза набегающих –
 10 Нежней румянец, круче локон:
 Быть может, кто из проезжающих
 Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
 Подрагивали и скрипели;
 Молчали желтые и синие;
 В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
 И обводили ровным взглядом
 Платформу, сад с кустами блеклыми,
 20 Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул – и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что – давно уж сердце вынуто!
30 Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуту
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – всё больно.

1910

ПОСЕЩЕНИЕ

Г о л о с.

То не ели, не тонкие ели
На закате поднимают кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, –
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
10 Я сквозь темные ночи – в венце.
Вот они – еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоём голосе – возгласы моря,
На лице твоём – жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

В т о р о й г о л о с.

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
20 Наклонялся лишь пристальный враг.

И душа для видений ослепла,
Если вспомню, – лишь ветер налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было, – далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

с. Шахматово

1910

* * *

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так вятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

10 Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редает.

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится, – снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне – колючий шиповник,
И вечерний туман.

10 Сквозь цветы и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос – он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!...
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
10 О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
20 Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кровати
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
30 Бьется семь ночей?
На седьмую – над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлет в кровати.
Дремлешь? – Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
40 Я тебя люблю!

1912

НОВАЯ АМЕРИКА

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
10 Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами – кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
20 Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи –
Шепотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

30 А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горячей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это – стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там князьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
40 Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной – без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, – и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

50 На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь – подземный мессия,
Черный уголь – здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
60 Мне Америки новой звезда!

1913

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссе́нная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради Бога,
Не хрусти, песок!

10 Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека..
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клубука?..

И опять влечет неустойчиво
Вдаль из тихих мест
Путь шоссе́нный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь – она вошла.
Вот она – с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
10 Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это – легкий образ рая,
Это – милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
20 Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда.
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потюмили
Над последним миром ложа
30 И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато –
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость –
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять – коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец –
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
40 Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Повеет рукой любимой
50 В Елисейские поля.

1914

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти стороной в Божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

10 Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А, воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
20 Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне... –
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

1914

* * *

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
10   А другие – не в лад – *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
      И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
      Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
      Заиграл к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
      Наполняя тревогой сердца.
20 Громыханье колес и охрипший свисток
      Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
      И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё несло к нам *ура*,
      В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
      Несмотря на дождливую даль.
Это – ясная, твердая, верная сталь,
      И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость – ее заглушает пожар,
30   Гром орудий и топот коней.
Грусть – ее застывает отравленный пар
      С Галицийских кровавых полей...

Сентябрь 1914

* * *

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой – одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
10 Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи – всё пусто и немо,
В смертном сне – враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

* * *

Э.Н. Гиннус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый отсвет в лицах есть!

10 Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

1914

* * *

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

10 За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрему,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую – чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
20 Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

КОРШУН

Черта за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. –
В избушке мать над сыном тужит:
"На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси".

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
10 В красе заплаканной и древней. –
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

(1913)

* * *

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
10 Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда...
20 О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

* * *

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

10   Так древни мы,
              Так древен мира
              Бег,
              И лира
              Поет нам снег
              Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

20   Туда, туда,
              На снеговую грудь
              Последней ночи...
              Вздохнуть – и очи
              Навсегда
              Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

30   Возврата нет
              Страстям и думам...
              Смотри, смотри:
              С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
              Последний свет
              Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

* * *

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

10 За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури – Азраил!

* * *

Из ничего – фонтаном синим
Вдруг брызнул свет.
Мы головы наверх закинем –
Его уж нет,
Рассыпался над черной далью
Златым пучком,
А здесь – опять, – дугой, спиралью,
Шаром, волчком,
10 Зеленый, желтый, синий, красный –
Вся ночь в лучах...
И, всполошив ее напрасно,
Зачах.

* * *

Вспомнил я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочник добрый и старый
Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
"Плохо теперь бесприютным!" –
Сказочник добрый сказал.

10 В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь otvorил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивой тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
20 К старому сердцу приник.

"Что у тебя за игрушки?" –
"Их подарила мне мать". –
"Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?"

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и на пол спрыгнул.
"Вот как умею!" – сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
30 Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
40 Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века,
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло, –
Всё, всё.

* * *

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это – я помню не ясно,
Это – отрывок случайный,
Это – из жизни *другой* мне
Жалобный ветер напел...

10   Верь, друг мой, сказкам: я привык
        Вникать
        В чудесный их язык
        И постигать
        В обрывках слов
        Туманный ход
        Иных миров,
        И темный времени полет
        Следить,
        И вместе с ветром петь;
        Так легче жить,
20   Так легче жизнь терпеть
        И уповать,
        Что темной думы рост
        Нам в вечность перекинет мост,
        Надеяться и ждать...
        Жди, старый друг, терпи, терпи,
        Терпеть недолго, крепче спи,
        Всё равно, всё пройдет,
        Всё равно ведь никто не поймет,
        Ни тебя не поймет, ни меня,
30   Ни что ветер поет
        Нам, звеня...

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

**(к Собранию стихотворений. Кн. третья.
Снежная ночь (1907–1910). М.: Мусaget, 1912)**

Северные ночи длинные, синева их изменчива, видения их многообразны. Северный художник поневоле предпочитает бесцветному дню – многоцветную снежную ночь. Называя ее именем последнюю книгу моего нынешнего собрания стихотворений, я хотел бы, чтобы читатели вместе со мною видели в ней не одни глухие ночные часы, но и приготовление к ночи – свет последних закатов, – и ее медленную убыль – первые сумерки утра.

Некоторые стихотворения этой книги переработаны; – те немногие стихотворения 1906 года, которые внесены в нее по смыслу, отмечены датой; – Из стихотворений второго шестилетия (1904–1910) около полусотни исключено из собрания по разным причинам; сюда не вошли также переводы: из Байрона ("Библиотека Великих Писателей" под ред. С.А. Венгерова; Байрон, т. III); Гейне (мой сборник "Ночные Часы"); Верхарна ("Нива" 1907 г. № 1); С.Ш. Леконта (мой сборник "Земля в Снегу"). – Остальные стихотворения (кроме LXXII, CIII, CIV (3), CV, CXXIII, CXL) напечатаны в сборниках моих стихов и современных изданиях.

Следующие примечания относятся к отдельным стихотворениям.

XLVII. "Б а л а г а н". "Тащитесь, траурные клячи!" "Ну, старая кляча, пойдем ломать своего Шекспира!" – восклицает Кин в пьесе Дюма.

LV. "П е с н я Ф а и н ы" – на тему одной шансонетки. Фаина – действующее лицо в моей пьесе "Песня Судьбы".

LXXIII. "П е с н ь А д а" есть попытка изобразить "инфернальность" (термин Достоевского), "вампиризм" нашего времени, стилем *Inferno*, что видно с первых слов: "День догорел" ("Lo giorno se n'andava", – начинается вторая песнь "Ада") – "Где спутник мой? О, где Ты, Беатриче? – Иду один..." Современность не обладает не только райской спутницей, Божественною Мудростью, но и земною мудростью язычника Вергилия, который сопутствовал Данту в Аду и у райской двери передал его Беатриче (*Inferno I*, 112–114).

LXXVII. "Н а ж е л е з н о й д о р о г е". Бессознательное подражание эпизоду из "Воскресения" Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне вагона Нехлюдова в бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса.

LXXIX. "Д е м о н". Стих. написано под впечатлением смерти Врубеля; связь демонов Лермонтова и Врубеля, намеки на которую есть в этих стихах, подлежит исследованию.

LXXXIII. "Д р у з ь я м". "Молчите, проклятые книги" – "Молчите, проклятые струны" (А. Майков).

Эпиграф к Итальянским Стихам – надпись под часами в церкви Santa Maria Novella (Флоренция).

XCIX. "Равенна". Плиты пола в подземельи под алтарем храма Св. Аполлинария и в ротонде Теодориха Великого ушли в землю и постоянно покрыты водой; оттого низко стоящие мраморные саркофаги подергиваются нежной плесенью розовато-лилового и светло-зеленого цвета. – В Равенне и ее окрестностях покоятся прахи Теодориха, Данта и той, которая названа Галлой в четвертой строфе и Плакидой в пятой. Я позволил себе так грецизировать имя Галлы Плацидии, лицо которой у некоторых художников похоже на лицо гречанки. Впрочем, да простит мне археолог мои личные мысли о знаменитой царице V века, сестре, супруге и матери римских императоров (Гонория, Констанция и Валентиниана III), вдове вестготского вождя (Атаульфа). Многошумная судьба бросила эту страстную и властолюбивую женщину от позорной колесницы варвара на трон Западной Римской Империи, сердцем которой была пышная в те дни Равенна. Образ Галлы с лицом, то девически-нежным, то твердым и жестоким, почти как лицо легионера, неоднократно вставал перед художниками, в том числе и русскими. Средневековое предание говорит, что она похоронена в сидячем положении; но ее высокий саркофаг, как и соседние с ним (сына и мужа) – пусты.

Лежащий на юго-восток от Равенны Classe был во времена Августа главной римской гаванью – portus Classis; но Адриатика давно уже отступила от этих берегов, и шумная некогда гавань состоит теперь из нескольких домиков и огромной полупустой базилики, с прахом св. мученика Аполлинария. Sanguis martyris – semen fidei tuae, Ravenna¹.

C. "Maria da Spoleto". "Лишь, как художник, смотрю за ограду". Художники Возрождения любили изображать себя самих на своих картинах, в качестве свидетелей, или участников. Одни – сладострастно подсматривают из-за занавески, как старцы за купающейся Сусанной; другие – только присутствуют в качестве равнодушных участников: так, на фресках Пинтуриккио в Библиотеке Энея Сильвия в Сиенском Соборе – художники Рафаэль, Андреа дель Сарто, Джованни да Удинэ и сам автор стоят в церкви со свечами; присутствие третьих, по-видимому, необходимо и имеет уже характер какого-то таинственного действия: так, на фреске в Новой Капелле Орвьетского Собора, изображающей свержение с небес антихриста, автор фрески Лука Синьорелли изобразил себя самого и фра Джованни Анжелико – свидетелями великого события: оба художника стоят спокойно, в темных одеждах, со сложенными руками, напоминая позы ангелов (на других фресках той же Капеллы), которые так же спокойно взирают с небес на толпу грешников, обреченных на вечные муки геенны; а перед ними волнуется целое море обнаженных тел и напряженных мускулов.

В этом стихотворении, так же как в "Благовещении", я хотел представить художника третьего типа: созерцателя спокойного и свидетеля необходимого.

- CI. "Madonna da Settignano". Settignano – местечко в окрестностях Флоренции. Стих. это внушил мне бюст синеокой Мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный над местечком, в полугоре.
- СII. "Венеция". Я назвал "иконостасом" единственный в мире фасад Собора Св. Марка. – Черные шали с бахромой – до сих пор неизменная принадлежность костюма венецианок; их накидывают и носят особенно.
- CIV. "Флоренция". Второе стихотворение написано на мотив итальянской уличной песни.

---

¹ Кровь мучеников – семя веры твоей, Равенна (лат.).

- CV. "Сиенский Собор". Мраморный пол собора покрыт многими изображениями (т.н. "graffiti"); среди прочих – возраст человека и девять Сивилл, у одной из которых – Кумской – волосы распущены по плечам, лицо напоминает трагическую маску, и вся фигура – стремление; это та, которая пророчит: "Et mortis fatum finit. Trium dierum somno suscepto tunc a mortuis regressus in lucem veniet primum resurrectionis initium ostendens"¹.
- CVI. "Б л а г о в е щ е н и е". Гриф – символ Перуджии с древнейших времен, о чем свидетельствуют изображения грифов в соседящей с городом этрусской могиле Волумниев. Под знаком грифа был и внушивший мне эти стихи Джанникола Манни, автор нескольких фресок в Collegio del Cambio (Перуджия). Под его "Благовещением" и другими новозаветными фресками подписано *ite procul moneo, sacer est locus, ite profani*². Как бы оградившись этим заклинанием с оттенком личного (*moneo*³) от непосвященного и склонного заподозрить кощунство зрителя, художник позволяет себе с интимностью (вечной спутницей демонизма) изображать бытовые сцены: моют новорожденного Иоанна Крестителя; Елизавета прибегает с кумовскими ужимками сообщить Марии важную новость; тут же – история Саломеи; и наконец – темноликий вестник в красной одежде дерзким любовным приветствием заставляет красавицу оторваться от книги. – Демоны художников диктуют – "Леду и Лебеда" тому, кто замыслил "Annunziatazione"⁴, и "Гаврииаду" – автору стихотворения "Средь множества картин".
- CVII. "У с п е н и е". Стихотворение внушено фреской фра Филиппо Липпи в алтаре Сполетского собора (Умбрия).
- CIX. "Ч е р е з д в е н а д ц а т ь л е т". Градирни, салины – высокие стены из деревянных клеток, набитых хворостом, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду. Ряд салин стоит в полях с подветренной стороны немецкого курорта Bad Nauheim, благоуханный воздух которого насыщается солью.
- CXXXVII. "П р о ш л и г о д а". "Те баснословные года" – слова Тютчева.
- CXXXIII. "Н а з а к а т е". "Ни слов, ни счастья, ни обид" – "забвеньем счастья и обид" (В. Брюсов).
- CXXXVIII. "Р о м а н с". Эпиграф из цыганского романа.
- CXXXIX. "Н а п о л е К у л и к о в о м". Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди. Строка "Грядущий день заволокла" взята из предсмертного, обращенного к императору Вильгельму II, стихотворения Вл. Соловьева "Дракон".

¹ "Судьба смерти тоже имеет предел. Охваченный трехдневным сном, – потом, восстав из мертвых, он явится на смерть, являя первый пример воскрешения" (*лат.*).

² предупреждаю: подите прочь, непосвященные, это место свято (*лат.*).

³ предупреждаю (*лат.*).

⁴ "Благовещение" (*итал.*) (правильно: Annunziatazione). – *Ред.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

СТРАШНЫЙ МИР

К МУЗЕ

("Есть в напевах твоих сокровенных...")

(С. 7)

Варианты Т₇

- 1 Есть в твоих глубинах сокровенных[◇]
9 А когда ты смеешься над верой,[◇]
13–16 *зачеркнуты*
После 32: (33–36) [И доньше еще, безраздельно¹
Овладевши душою на миг,
Он ее опьяняет бесцельно –
Твой неистовый, дивный твой лик.]

Варианты публикаций в РМ, III₂ и в Изборнике

- 1,9 *как в Т₇ (РМ)*
После 32: (33–36) *как в Т₇ (РМ)*
13–20 *отсутствуют (III₂, Изборник)*

"ПОД ШУМ И ЗВОН ОДНООБРАЗНЫЙ..."

(С. 8)

Варианты ЧА ЗК₂₄

- 1 Под шум колес однообразный,[◇]
4 *было начато*: В метель, в[◇]
5 Я обрываю нить сознанья,^{2◇}
6 а. Я забываю, как и что,³
б. И забываю, что и как,

---

¹ Было: И доньше еще, беспредельно

² Было *начато*: Душа теряет

³ Было: Я забываю, что и где

Под шум и звон ~~однообразный~~ ^{открытых}, 24
Под ~~шум и звон~~ ^{судорожную} ~~однообразный~~ ^{судорожную} ~~однообразный~~ ^{судорожную}

И что-то, душою предавая,
Во метель, во адан и в ~~шторм~~

~~Душа ~~моя~~~~

И обречена ~~к~~ ^к ~~сознанию~~ ^{сознанию} ~~и~~ ^и ~~забыла~~ ^{забыла} ~~и~~ ^и ~~забыла~~ ^{забыла} ~~и~~ ^и ~~забыла~~ ^{забыла}

Кругом ~~свечи~~ ^{свечи} ~~трава~~ ^{трава}, ~~зданья~~ ^{зданья},
И ~~внезапно~~ ^{внезапно} — ~~огни~~ ^{огни} и ~~шум~~ ^{шум}....

~~И ~~длинный~~ ^{длинный} ~~шум~~ ^{шум}, и ~~шум~~ ^{шум} ~~моя~~ ^{моя}~~

Про ~~тебя~~ ^{тебя}, ~~если~~ ^{если} ~~своим~~ ^{своим} ~~завершением~~ ^{завершением},

Сознание ~~обречена~~ ^{обречена} ~~к~~ ^к ~~сознанию~~ ^{сознанию}

~~И ~~забыла~~ ^{забыла} ~~и~~ ^и ~~забыла~~ ^{забыла}~~

Не ~~момент~~ ^{момент} ~~р~~ ^р ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

- 7 Кругом – трамвай, зданья, ◊
 8 а. И впереди – огни и мрак....
 б. А впереди – огни и мрак....
 9–12 Что жь, если сном замороженный,¹
 Сознанья обрывая нить,
 Я возвращаюсь униженный, – ◊
 Не можешь ты меня простить?
 15 *начато*: Простишь ли мне, ◊
 16 а. *начато*: [Мой]
 б. *как в основном тексте*
 17–20 а. Ты можешь лучше: не прощая,²
 Быть Вестой моего огня,³
 Чтобы распутица ночная⁴
 Не одурманила⁵ меня.
 б. Иль можешь лучше: не прощая,
 Беречь огонь блудящий мой,
 Чтобы распутица ночная
 Не ( ) надо мной?
 в. *как в основном тексте*⁶
 л. 9 *начато*: [Ведь родина всегда туманна]⁷

Варианты Т₇ и публикации в НЧ

Без деления на строфы

Вариант публикации в "Новом журнале для всех" (НЖВ)

- 16 Мой бред, блуждания и мрак?

¹ Было: а. И зданий нет, и нет трамваев

б. Уж зданий нет, и нет трамваев

² Было: а. [Из] Иль из дому меня прогонишь

б. *как в основном тексте*

³ Было: а. Всегда хранить в душе меня,

б. *начато*: Беречь

⁴ Было *начато*: Чтоб ни одна стрела

⁵ Ниже в скобках записан и зачеркнут вариант: уничтожила

⁶ Промежуточные варианты ст. 20: а. *начато*: Меня

б. Из родины не увела?

⁷ Листы ЗК₂₄, где записан текст стихотворения, заполнялись в обратном порядке (л. 11–10 об.).

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие *отсутствует*
5 И вот в петербургском тумане
12 Так можешь вернуться и ты
13–18 а. *как в ЧА ЭК₂₉*
б. Вдруг вижу из ночи туманной
Шатаясь, идет на меня[◇]
Знакомый, задумчивый (странно,^{1◇}
Я видел его ( )[◇]
Выходит из ночи туманной
И прямо идет на меня.[◇]

Далее следовал набросок:

- [Берусь за тяжелое дело
( )
Трясу неподвижное тело
И мокрые плечи²]
20 а. Устал я туманом дышать,
б. Промозглым туманом скорбя[◇]
23 а. И стало мне страшным казаться,
б. *как в основном тексте*
в. И стало мне скучным казаться,³
25–30 а. Что где-то я видел его.
[Но] ( )
[И нет ( ) никого]
[Ведь в зеркале этом туманном⁴]
Я видел себя самого!
б. Вдруг он улыбнулся нахально,⁵
И нет близ меня никого.
Знаком этот образ печальный
И где-то я видел его.
Быть может, на глади зеркальной⁶
Я видел себя самого.

¹ Было: а. Задумчивый, грустный и странный

б. Когда-то знакомый и странный

² На этом же листе на полях набросок к ст. 19–22:

Устал я ( ) шататься...
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать

³ Ст. 24 вписан позже, над вар. а ст. 25.

⁴ Было: Ведь в зеркале этом стеклянном

⁵ Было начато: И вдруг

⁶ Было начато: Я

Варианты Т₈, БА ИРЛИ и публикации в ЕЖДВ

- 5 как в ЧА ИРЛИ ◊ (Т₈)
5 как в ЧА ИРЛИ (БА ИРЛИ, ЕЖДВ)
23 как в ЧА ИРЛИ, вар.в (Т₈)

ПЕСНЬ АДА

("День догорел на сфере той земли...")

(С. 10)

Варианты Т₇

- Заглавие Песнь Ада
(вампир)
1 Где спутник мой? – О, где Ты, Беатриче? –
46 Поблекшей розы цвет в петлице фрака^{1◊}
81 И был напиток тяжкий золотист...[◊]
100 Мне суждено в далеком мраке спальни,[◊]

Варианты публикации в альм. "Любовь" и НР НЧ

- 10 как в Т₇ (НР НЧ)
46 как в Т₇ (Любовь)
72 С единственной, что ласки презирала (НР НЧ)

Варианты Кор₁ НЧ и Кор₂ НЧ

- Заглавие Песнь ада (Кор₁ НЧ)
72 как в НР НЧ (Кор₂ НЧ)

"ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ ИЗ ГАВАНИ..."

(С. 13)

Первоначальный набросок (ЧН ЗК₂₉)

Как из сумрачной гавани,
От родимой земли
В кругосветное плаванье
Отошли корабли,
Так и вы мои –
Золотые года
В невозвратное –
Отошли навсегда

---

¹ Основной текст надписан сверху с пометой Блока: (Кузмин). Очевидно, вариант был предложен М.А. Кузминым.

Варианты Т₇, Кор₁ НЧ и публикаций в журн. "Новая жизнь" (НЖ)
и НЧ (НР НЧ)

- Заглавие Поздней осенью (НЖ, НЧ)
2 От запущенной снегом земли (НЖ)
4 а. *начато*: Ид(ут)
б. Ушли тяжелые корабли, $\diamond$ (Т₇)
Между 8 и 9 *интервал отсутствует* (Т₇, НЧ (НР НЧ))
14 Уж первый, ранний снег занес. (НЖ)
16 Сладко спать тебе, матрос? $\diamond$ (Т₇)
16 *как в Т₇* (Кор₁ НЧ)

НА ОСТРОВАХ

("Вновь оснеженные колонны...")

(С. 14)

Варианты Т₇

- Заглавие *отсутствует*
33 Чем ночь прошедшая махала, $\diamond$

Варианты публикаций в "Альманахе для всех" и в ЖЖ

- Заглавие "Нет" (*Альманах для всех*)
3 И голос женщины влюбленной. (*Альманах для всех*)
3 И голос женщины влюбленной, (ЖЖ)

"С МИРНЫМ СЧАСТЬЕМ ПОКОНЧЕНЫ СЧЕТЫ..."

(С. 15)

Черновой набросок в ЗК₃₀ (ЧН ЗК₃₀)

С бедной жизнью покончены счета
Не дразни запоздалым огнем¹

Черновой набросок ИРЛИ (ЧН ИРЛИ)

С бедной жизнью покончены счета,
Не дразни запоздалым огнем

Кто твердит, что печаль и заботы
Ждут² { }

¹ *Было начато*: Не дразни меня

² *Было начато*: Нам остались

Черновые наброски второй строфы в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

- л. 45 Жизнь пуста, безумна и бездонна,¹
Дай забыть, дать вспомнить об ином.
Он пропел – победно и влюбленно²
Твой рожок – в ( ) голубом³
- л. 49 об. О пойми, жизнь безумно бездонна,
Как и я это понял с тех пор,
Как запел ( ) и влюбленно
Твой сквозь ночь пролетевший мотор

Варианты ЧА ИРЛИ

- 2 а. Запоздалый уют, не дразни⁴
б. Не дразни, запоздалый уют,
3 а. Эти вечно щемящие ноты
б. Бесконечно щемящие ноты[◇]
- 5-6 Жизнь пустынна, безумна, бездонна,[◇]
Да, я этому верю с тех пор⁵

"СЕДЫЕ СУМЕРКИ ЛЕГЛИ..."

(С. 15)

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

- л. 44 Дай забыть, как жизнь безумна и бездонна
- Автомобилей пролетающих
Рожок победный и влюбленный.
- л. 44 об. Автомобиль запел во мгле⁶
В рожок победный и влюбленный,
- Я изменил тебе давно
бесповоротно...
Шагов тяжелых Командора⁷

---

¹ Было: Жизнь скучна, безумна и бездоина,

² Было начато: а. Мне пропел – в рожок

б. Уж пропел – в рожок

³ Далее на л. 45 об., 46 – наброски к стих. "Шаги Командора".

⁴ Было начато: а. Не дразни запоздалой

б. Запоздалым уютом

⁵ Было начато: Да, я понял

⁶ Было начато: Автомобиль поет

⁷ Было: Шагов тяжелых командора

Черновой набросок в ЗК₃₂ (ЧН ЗК₃₂)

Я изменил тебе давно
бесповоротно...

*Черновые наброски ИРЛИ (ЧН₁, ЧН₂)
(ЧН₁)*

a. Я изменил тебе давно,
Я изменил бесповоротно...

Автомобиль запел во мгле
В рожок победный и влюбленный
b. Глядись. Ты изменил давно,¹
Бесповоротно...
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный

[О, пойми, жизнь безумна, бездонна
Нет пределов ( ) с тех пор²
Как пропел ( ) и влюбленно
Тот сквозь ночь пролетевший мотор!³]

(ЧН₂)

Седые сумерки легли⁴
Весной на город бледный⁵
Глядись сквозь бледное окно,⁶
К стеклу прижавшись плотно...

"ДУХ ПРЯНЫЙ МАРТА БЫЛ В ЛУННОМ КРУГЕ..."

(С. 15)

Черновая редакция в ЗК₃₀ (ЧА ЗК₃₀)

Весь город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал безумно у чьих-то ног.
Дух марта пряный был в лунном круге
Ночь светлая сбила со всех дорог.
Среди ночи припал я к холодной ступени,
Там, на выезде к морю, где часовня и мрак.

¹ Было: Ты изменил себе давно,

² Было: Как и я это понял с тех пор.

³ Было: Твой сквозь ночь пролетевший мотор!

⁴ Было начато: Заря

⁵ Было: На город бледный

⁶ Было: *a.* И в бледное мое окно,

b. И в бледное глядит окно,

- Как любовницам гордым целовал я колени,
Смерть, целую твой { }
Душа на последний путь вступая
(10) Безумно плачет...

Март пряный пахнет

Варианты переработки ЧА ЗК₃₀

- (2) Рыдал влюбленный у чьих-то ног¹
(6) На выезде к морю, где часовня и ночь.
(8) Смерть, целую твой след, если можешь помочь.

Варианты ЧА ЗК₃₁

- 5-8 а. Ты прижималась, полна боязни
{ }
Венгерский танец томит и дразнит
Забывтый танец прошедших дней...
б. Ты прижималась все суеверней
Но все яснее сквозь храп коня
Венгерский танец в небесной черни
{ } дразня²
в. Ты прижималась все суеверней,
А³ мне казалось сквозь храп коня,
Венгерский танец в небесной черни
Летал и плакал, дразня меня.⁴
9-12 а. А хмурый ветер, носясь над далью
{ }
Швырял в лицо мне твоей вуалью...
{ }
б. То хмурый ветер, носясь над далью,
Хотел ворваться в душу мне,⁵
В лицо швыряя твоей вуалью.
И запевая о старине....⁶
13-16 И вдруг – ты, дальняя, ты чужая,⁷
Сказала с молнией в глазах:
То { }
{ } снах...

¹ Предыдущий вариант не зачеркнут.

² Вар. б. написан чернилами в скобках при незачеркнутом вар. а.

³ Было: И

⁴ Вар. в – правка карандашом.

⁵ Было начато: Пронзал мне сердце

⁶ Вар. а – чернилами, вар. б – карандашом. Далее карандашом дописаны ст. 13-16.

⁷ Было: И вдруг – ты, дальняя, чужая,

Варианты Т₇

9 А хмурый ветер, носясь над далью,¹

Варианты НР НЧ и публикации в НЧ

9–12 отсутствуют

В РЕСТОРАНЕ

("Никогда не забуду (он был, или не был...")

(С. 16)

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

И порхали из глаз и шептали: ты видишь?²
И прильнули к губам

Как по нити незримой, из ( ) глуби
Понеслись от тебя огоньки³
И прильнули к глазам и спросили – ты любишь⁴
И глаза отвечали: люблю.

Но была уже искра в
В незаметном дрожаньи руки⁵

Но была ты со мной – всем презрением юным,⁶
Чуть заметным дрожаньем руки

Как звенел твой разбитый хрусталь – не забуду

[Как] [Не забуду]

В складках платья свистела змея⁷
В исступленном томленьи
И, рванувшись, движеньем встревоженной птицы,⁸

---

¹ Ст. 9–12 вписаны под текстом, знаком указано на их место после 2-й строфы.

² Было начато: ^a. Понесли
^b. И прильнули к глазам и шепт(али)

³ Было начато: От

⁴ Было начато: И прильнули к губам

⁵ Было начато: В незаметной

⁶ Было: Но моя ты, моя – всем презрением юным,

⁷ Было начато: Как ты з(...)

⁸ Было: ^a. начато: И, рванувшись, как

^b. И, рванувшись, движеньем испуганной птицы,

Ты прошла, словно сон мой, легка,¹
И вздохнули духи, задремали ресницы,²
Зашептались тревожно шелка³
Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала⁴
Шлейф вился – ты кричала: лови!

В мир, исполненный визгом страстей⁵
[Не забуду, как]
[Как звенел]
[В звон разбитых]
И презренье, презренье в

Черновые наброски в ЗК₃₀ (ЧН ЗК₃₀)

Я сижу у окна в переполненном зале,
Где-то плачут⁶ смычки о любви.
Шлю тебе эту черную розу в бокале
Золотого, шального Аи.

Ты глядишь, Я встречаю смущенно и дерзкий *(sic!)*
Страшный взор твой (иль все это сон?)⁷
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты хохочешь: И этот влюблен...
[И внезапно приходит на память иное:⁸

---

¹ Было начато: а. И шипела змея – в длинных
б. И когда проходила ты мимо
в. Никогда не
г. И хрусталь
д. Все
е. Не забуду
ж. Это было – иль (?)
з. Не
и. Как прошла ты, как сон мой, легка,

² Было: а. И вздохнули духи, и шелка зашептались
б. И вздохнули духи, зашептались шелка
в. И вздохнули духи, хрустали прозвенели,
г. И вздохнули духи, опустились ресницы,

³ Было: Когда мимо ты гордо прошла

⁴ Было начато: а. Если
б. Но в

⁵ Было: Мир, исполненный визгом страстей

⁶ При незачеркнутом предыдущем варианте: Где-то ноют

⁷ Было: Страшный взор твой (иль это был сон?)

⁸ Было начато: а. И сейчас же в ответ
б. Ты встаешь. Все становится странно
в. И иное встает. ( ) знакомым
г. [В] [Прощ( )] И приходят на память, что было
д. И приходит на память былое

Я – посол в королевском дворце
Трон и шлейф на ступенях. Лицо королевы.¹
Гнев]
[И сейчас же в ответ по струнам иступленным
Вихорь смеха проносят смычки²]

Варианты ЧА ЗК₃₀

Заглавие *отсутствует*

Без деления на строфы

- 1 а. Никогда не забуду – он был или не был
б. Никогда не забуду – я был или не был³
в. Никогда не забуду – пусть был он иль не был⁴
2–4 Этот вечер. Пожаром зари
Сожжено (   ) весеннее небо⁵
(   ) на желтой зоре – фонари⁵⁶
8 Золотого, шального Аи.⁶
10 а. Страшный взор твой (иль это был сон?)
б. Взор надменный – и отдал поклон.
13 И сейчас же в ответ что-то грянули струны⁶
Вм. 15–20: (15–16)⁷ [И над гамом трактирным – [восторженно] юны⁸
Загорелись, взвились мотыльки.⁹]
21–24 Как бренчало монисто, цыганка плясала
И визжала заре о любви,
Как ты шлейф подбирала и взоры бросала
И, бросая, кричала: лови!
После ст. 24 *наброски карандашом:*
[Ты бросала мне взоры из]
[В¹⁰ глуби зала ты взоры]
И потом через зал ты мне взоры бросала,¹¹
Шлейф вился, ты кричала – лови
А монисто бренч(ало)¹²

¹ Было: королевы,

² Было начато: И сейчас же в ответ на звенящие струны
Иступленно

³ При заключенном в скобки предыдущем варианте.

⁴ Правка карандашом.

⁵ Правка в ст. 3–4 карандашом.

⁶ Вариант в круглых скобках: скрипки,

⁷ Ст. (15–16) вписаны карандашом.

⁸ Было начато: Но над свистом (?)

⁹ Было: От тебя понеслись мотыльки.

¹⁰ Было: Во

¹¹ Было: И потом ты мне взоры бросала,

¹² Было начато: А цыганка

- 5 Я сидел у окна в переполненной зале. (Кор₂ НЧ)
17 И, рванувшись, движеньем испуганной птицы (БА РГАЛИ)
17 И, рванувшись, движеньем испуганной птицы, (Т₇)

ДЕМОН

("Прижмись ко мне крепче и ближе...")

(С. 16)

Черновой набросок в ЗК₃₀ (ЧН₁ ЗК₃₀)

Д е м о н

л. 26 об. Прижмись ко мне крепче и ближе,¹
Не жил я [,] блуждал средь чужих²
И новое что-то я вижу
В бреду поцелуев твоих

Целуешь ты дерзко и душно,
И вот уже – прошлого нет.³
Душа ко всему равнодушна,
Лишь где-то – рассеянный свет –⁴
л. 27 Я вижу – в лиловом ущельи
(10) Лежу я один в забытьи.
И губы лобзать ослабели
И сломаны руки мои.⁵

¹ Было начато: а. Склонись ко мне,

б. Его

² Было начато: а. Я долго

б. Я новые

³ Было начато: И с

⁴ Ниже незначеркнутый вариант: И скучно – в ( ) лет

⁵ Было: а. В глазах ли, в руках ли усталых,

{ }
Мне жизни, мне радости мало

б. начато: Я вижу – в лиловых провалах

а. Я вижу – в лиловом провале

Лежу я один в забытьи,

И губы, и очи устали,

И сломаны руки мои.

И вечер пустынный и старый¹
[Вечерний сияющий]
Пришел над тобою – Тамарой
[Бессмертьем² златым]³
л. 27 об. И снова огнем небывалым⁴
Горит на вершинах заря

И вижу в заре небывалой
С вершины < > горы
Твое < > покрывало
И < > чадры

[Вершину в заре утопила
Моя < >]
А там, как издревле манила,⁵
Ненужная манит чадра⁶]

Черновой набросок в ЗК₃₀ (ЧН₂ ЗК₃₀)

л. 30 В томленьи твоём иступленном⁷
Гармония странная есть –
Лучом ли горит отдаленным,⁸
Иль звуком плывет эта весть⁹
Как будто все сорваны маски,
И все позабыты века¹⁰
И визгом врывается в ласки
Она – Незнакомка – Тоска¹¹

---

¹ Было начато: ^{a.} И старый,
^{b.} И мир < > старый
^{c.} И вечер < > старый

² Было начато: Весь < ? >

³ Слева на полях незачеркнутый вариант, возможно, предназначавшийся для замены либо ст. (14), либо ст. (16): Бессмертное золото

⁴ Было начато: И так

⁵ Было: А там, как издревле мелькала,

⁶ Было начато: Мелькала

⁷ Было начато: ^{a.} Твои иступленные
^{b.} В твою исту(пленную)
^{c.} Тво< >
^{d.} Все было забыто
^{e.} Все

⁸ Было: ^{a.} начато: < > огнем отдаленным,
^{b.} Здесь < > огнем отдаленным,

⁹ Было: начато: Горит

¹⁰ Было начато: ^{a.} И все поза< >
^{b.} Забыты

¹¹ Было: И визгом и пламенем в ласки

- л. 30 об. Давно ее слышу и вижу¹
Она – измененная ты
(ты – измененная страстью)

Варианты Т₇

- 10 Принес я не луч и не звук²

"КАК ТЯЖЕЛО ХОДИТЬ СРЕДИ ЛЮДЕЙ..."

(С. 17)

Черновые наброски в ЗК₃₀ (ЧН ЗК₃₀)

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим.
[Ты]

Одно осталось мне – ночной кошмар.
И бледным заревом
[Указывает]
говорит: здесь был пожар.

Варианты ЧА ИРЛИ

- Эпиграф *отсутствует*
- 3 а. И о губительном огне страстей³
б. И об огне губительном страстей
в. И об игре губительной страстей
- 5 а. Одно осталось мне – ночной кошмар,
б. И хладно созерцать ночной кошмар,
в. И вглядываться в свой ночной кошмар,
г. И вглядываясь в свой ночной кошмар,
- 6 а. *начато*: И
б. *начато*: Чтоб
в. *начато*: Ему ◊
- 7–8 а. И бледным заревом
< > говорить: здесь был пожар
б. Чтобы по бледным заревам искусства
б. Узнали⁴ жизни гибельный пожар.

Врывается < > тоска

¹ Было *начато*: У ней твои губы и плечи
Твой взор, измененный

² Возможно, *описка*.

³ Было *начато*: 0

⁴ Было *начато*: Узнала

Варианты Т₈ и публикации в РМ

Эпиграф *отсутствует (РМ)*
8 *как в ЧА ИРЛИ, вар. 6*

"Я КОРОТАЮ ЖИЗНЬ МОЮ..."

(С. 17)

Варианты Т₇, публикаций в журн. "Огонек", III₂ и Кор₁ Земли

Без деления на строфы (Огонек)

- 8 Покрывши зеркало, – стоит? (Т₇)
8 Покрывши зеркало, – стоит?.. (Огонек, III₂)
8 Покрывши зеркало, – стоит?.. ◊(Кор₁ Земли)

"ИДУТ ЧАСЫ, И ДНИ, И ГОДЫ..."

(С. 18)

Варианты Т₇

- 34 Я вспомнил: так, я не слуга. ◊

Вариант публикации в сб. "Антология"

Заглавие Исход

УНИЖЕНИЕ

("В черных сучьях деревьев обнаженных...")

(С. 19)

Варианты БА₁ РГАЛИ, БА₂ РГАЛИ, Т₇

- 3 (К эшафоту на казнь обреченных (БА₁ РГАЛИ, БА₂ РГАЛИ)
23 (Разве это мы звали любовью?) (БА₂ РГАЛИ)
35 И вонзи мне, мой ангел вчерашний, ◊ (Т₇)
35 И вонзи мне, мой Ангел¹ вчерашний, (БА₁ РГАЛИ, БА₂ РГАЛИ)

---

¹ В БА₂ РГАЛИ было: ангел

АВИАТОР

("Летун отпущен на свободу...")

(С. 20)

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

Лицо бледней крыла машины
Рука мертвее рычага.

Глазами выцветшими ищет
Опоры в воздухе пустом.

Мировой рекорд

Ты подняла фиалки глаз

"ПОВЕСЕЛЯСЬ НА БУЙНОМ ПИРЕ..."

(С. 21)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой.¹
Тьма тихо ходит по квартире,²
Заглядывая в угол мой.

Забыть о временном и пошлом³
И в песнях свято лгать о прошлом⁴
Скользят последние каменья
Под оступившейся ногой.
< > мгновенья –
< > не я – другой.⁵

Варианты БАП ИМЛИ

Посвящение *отсутствует*
8 Хранит уютный угол мой.◇
5 Все лица <нрзб> все обиды◇
7 *начато: А ночь*◇

¹ Было: Вернулся ночью я домой.

² Было: Ночь тихо ходит по квартире.

³ Вписано.

⁴ Далее следует четверостишие, относимое к данному стихотворению предположительно.
Наброски отделены от него чертой.

⁵ Далее помета: нет.

- 8 Над ними песни панихиды...◇
 9 а *начато*: Как я далек
 б И соблазнитель мой не спит;
 в Но соблазнитель мой не спит;◇
 10 а. Он сладко шепчет: – Здесь твой скит,
 б. Он льстиво шепчет: – Здесь твой скит,
 11–12 – Так сладостно не знать о прошлом
 – И в песнях свято лгать о прошлом...

Варианты Т₇ и публикации в журн. "Заветы"

Посвящение Маме (Т₇)

Посвящение *отсутствует* (Заветы)

Без деления на строфы (Заветы)

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1. "КАК ТЯЖКО МЕРТВЕЦУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ..."

(С. 22)

Варианты Т₇

- Заглавие [Totentanz]¹
 25 Лишь у колонны встретится глазами◇
 32 а. NN на вальс. Она в вас влюблена."
 б. На вальс NN. Она в вас влюблена."
 Между 36 и 37 [И льнет к нему... в его лице румянец.
 Ресницы опустив, скользит она,
 Не ведая, что это – смерти танец,
 Им, скрипками и вальсом пленена...]
 Между 43 и 44 *интервал отсутствует*

Варианты БА РГАЛИ, публикации в журн. "Современник" и Изборника

Заглавие Totentanz (БА РГАЛИ)

Заглавие Пляска смерти (III₂)

Заглавие Пляска смерти² (Изборник)

Без деления на строфы (Современник)

- Между 36 и 37 И льнет к нему... в его лице – румянец...
 Ресницы опустив, летит она,
 Не ведая, что это – смерти танец,
 Им, скрипками и вальсом пленена...

¹ Пляска смерти (нем.).

² Было: а. Пляски смерти
 б. как в тексте

4. "СТАРЫЙ, СТАРЫЙ СОН: ИЗ МРАКА..."

(С. 23)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. Старый, старый сон. Во мраке
б. Старый, старый сон. Из мрака
- 2 *начато:* Прямизна отв < >[◇]
- 7 а. *начато:* Расстегнула <?> плащ
б. *начато:* Плащ расстегнут[◇]
- 9–11 а. Тень вторая < >
Третья тень меж фонарями
[В шлеме]
Шлем и перья. Нет лица
- б. Тень вторая < > плывет < >¹
Третья тень под фонарем
< >
Шлем и перья. Лица нет.
- в. *как в основном тексте*
- После 12 [Вот – под далеким фонарем
Мелькнула тень. То латник]
- 15 И ступают за порог –
17 Ветер леденящий.[◇]
- 18 а. Утро. Все еще темно.
б. Утро близится, темно.
в. Утро близится. Темно.
г. *начато:* Пусть[◇]
- 21 Как свинец, темна вода[◇]
- 21 а. Там забвенье – навсегда.
б. В ней забвенье – навсегда.
23 Третья тень. А ты куда,[◇]

Вариант публикации в БВ

Заглавие Пляска смерти

¹ Ст. 9 исправлен: Тень вторая плывет. То – < >

5. "ВНОВЬ БОГАТЫЙ ЗОЛ И РАД..."

(С. 24)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 Вновь унижен, зол и рад,[◇]
Между 4 и 5 [Прямизною¹]
[Стен отвесных прямизна,]
[Полотно забора²]
[Вот она,]
[Ты, из тени в тень скользящий,³]
[Я лечу – куда?]
[Ты куда?]
- 9 *как в основном тексте⁴*
- 11 а. Городской тревоги
б. Чтущего законы.[◇]
- 13 Милосердного лица,
15 а. Вдоль заборов
б. Вдоль далеких пустырей'
в. У далеких пустырей
з. Он с далеких пустырей⁵
- 20 *начато: Светит[◇]*

Варианты Т₇ БА РГБ и АС РГАЛИ

- Заглавие Пляска смерти⁶ БА РГБ, АС РГАЛИ
9–14 *зачеркнуты БА РГБ*
15 а. *как в основном тексте*
б. *И – с далеких пустырей Т₇, БА РГБ*

Варианты публикации в РМ

- Заглавие Пляска смерти
9–14 *отсутствуют*
15 *как в БА РГБ*
Между 17 и 18 *интервал отсутствует*

¹ Было: Прямизна

² Было: а. Облетельный сук

б. Голый сук

³ Было: И из тени в тень скользящий,

⁴ Зачеркнуто и восстановлено.

⁵ Первоначально ст. 15–17 предшествовали ст. 18–20.

⁶ В АС РГАЛИ заглавие было: Пляски смерти

"МИРЫ ЛЕТЯТ. ГОДА ЛЕТЯТ. ПУСТАЯ..."

(С. 25)

Варианты Т₇

7 Иль тайные порочные улады¹◇

**"ОСЕННИЙ ВЕЧЕР БЫЛ.
ПОД ЗВУК ДОЖДЯ СТЕКЛЯННЫЙ..."**

(С. 26)

Варианты Т₇, БА РГАЛИ, Изборника и публикации в СЗ

- Заглавие Осенний вечер был (СЗ)
Эпиграф *отсутствует*
3 Тогда в мой кабинет, огромный и туманный,
(Т₇, Изборник)
8 "Пред Гением Судьбы пора смириться, сер."
(Т₇, БА РГАЛИ, Изборник)
8 "Пред Гением судьбы пора смириться, сёр." (СЗ)
20 Как будто говорит: "Пора смириться, сер."
(Т₇, БА РГАЛИ, Изборник)
20 Как будто говорит: "Пора смириться, сёр." (СЗ)

Варианты публикации в III₂ и Кор₁ Земли

- Эпиграф О Леноре, что блистала
Ярче всех земных огней!
Эдгар По.
5 На кресло у окна уселся гость устало,◇ (Кор₁ Земли)
8, 20 как в СЗ

Варианты Кор₂ Земли

- Эпиграф как в Кор₁ Земли◇
8 "Пред Гением Судьбы пора смириться, сёр."◇
20 а. как в Кор₁ Земли
б. как в основном тексте²

¹ Первоначальный вариант не зачеркнут.

² Под текстом приписка Блока: Брюсов очень верно указал на неуместность ада. Чуковский – против сёр. Стихи близки А. Белому.

"ЕСТЬ ИГРА: ОСТОРОЖНО ВОЙТИ..."

(С. 26)

Черновые наброски (ЧН ИРЛИ)

Есть безумие: тихо входить,¹
Чтоб никто не заметил тебя
И глазами добычу найдя
Осторожно за нею следить²

Не корысть – не влюбленность, не месть,³

Нет, игра ( ) детей⁴
Что в собрании каждом людей⁵
Эти тайные сыщики есть.⁶

Всех страшнее невидимый взгляд,⁷
Ведь его невозможно поймать.⁸
Чуешь ты, но не можешь узнать,⁹
Чьи глаза за тобою следят.¹⁰

[Ты одно только]
Только вот почему
Ты [собой] на собранье придешь¹¹

---

¹ Было: а. Есть безумие: тихо входить

б. Есть безумие: тихо войти,

² Было: а. Начинать незаметно следить

б. Начинать осторожно следить

³ Было: а. Тут не гнев, не любовь и не месть

б. То не гнев, не любовь и не месть,

в. Не корысть, не любовь и не месть,

⁴ Было начато: Ты заметил ли

⁵ Было: Замечал ты, что в каждой толпе (*незачеркнутый первоначальный вариант*)

⁶ Было: Сумасшедшие сыщики есть?

⁷ Было: а. Всех ужаснее эти глаза

б. Всех ужаснее этот вот взгляд,

⁸ Было: а. Потому что никто, никогда,

б. Никогда невозможно узнать

⁹ Было: а. *начато*: Не заметит, что

б. *начато*: Не узнает, что

в. *начато*: Ты не

г. Чуешь ты, и ( ) узнать,

¹⁰ Было: а. Что за ним так упорно следят.

б. За тобою упорно следят.

¹¹ Было: а. Ты приходишь одним, а уходишь другим

б. Ты приходишь один, а уйдешь

в. *начато*: Ты одним

А уйдешь не таким, как пришел.¹

Есть дурной и хороший есть глаз²
Слишком много есть в каждом из нас.³

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. *начато*: У людей есть игра:⁴
б. Есть игра: незаметно войти◇
3-4 И глазами добычу найти,⁵
И за ней осторожно следить.◇
5 Как бы ни был ⟨ ⟩ и груб◇⁶
7 Он почует внимательный взгляд⁷
9 а. А у тех, кто нервнее других
б. А у чутких тревога растет,
в. *начато*: А у чуткого
г. А другой, точно сразу, поймет:
11 а. Обернется – и нет никого.⁸
б. Обернется – и нет ничего.
12 А меж тем – беспокойство растет.⁹

После ст. 12 следовали ст. 21–24:

- 21–24¹⁰ Потому то и сам не поймешь,¹¹ ◇
По ⟨ ⟩◇
13–15 Всех страшнее – невидимый взгляд,
Ведь его невозможно поймать.
Чуешь ты, и не можешь узнать,◇
18 а. Нет, игра ⟨ ⟩ детей...
б. Так, игра, как игра у детей...
26 а. *начато*: Но
б. Только лучше б ничей не следил.
28 а. *начато*: Непонятных са(мим?)

¹ Было *начато*: А уйдешь, не таким, каким

^{2,3} Записаны слева на полях.

⁴ Было *начато*: а. Есть особая страсть: так войти,
Чтоб вниманье толпы не спугнуть
б. Есть особая страсть: так войти,
Чтоб вниманье нячье не спугнуть

⁵ Было *начато*: И,

⁶ Было *начато*: а. Поверн⟨ ⟩
б. Тот, за кем
в. Если

⁷ Было *начато*: Под

⁸ Между ст. 10 и 11 вписано и зачеркнуто: Наконец

⁹ Было *начато*: А тревога

¹⁰ Ст. 21–24 записаны на л. 2 после ст. 12 и отделены от предыдущей строфы чертой. Знаком указано на порядок следования строф, соответствующий их расположению в основном тексте.

¹¹ Было *начато*: Потому-то не

- б. *начато*: Нам самим непонятных
 в. *Неизвестных, играющих сил*
 29 а. *Чтоб чрез сотни и тысячи лет*
 б. *Через малую тысячу лет*
 в. *Через малые тысячи лет*
 з. *О, тоска! – Через тысячу лет*
 30 а. *начато*: Жизнь
 б. *начато*: Вся душа будет[◇]
 32 а. *Станет громом для нас тишина.*
 б. *Громовые раскаты – в тиши.*
 33–36 а. *А пока – мы, как дети, смешны*
И, как дети, играем с огнем,
Обжигаясь
 б. *как в основном тексте*

Варианты Т₈

- 7–8 Он почует внимательный взгляд
 Хоть в углах еще дронувших губ,
 12 А меж тем – беспокойство растет.
 13–14 Всех страшнее – невидимый взгляд,
 Ведь его невозможно поймать;
 26 Только б лучше ничей не следил:
 29 а. *как в основном тексте*¹
 б. *Через малую тысячу лет*²
 29–32 *Зачеркнуты*

Варианты публикации в ЕЖ

- Заглавие *Есть игра.*
 7, 12–14, 26 *как в Т₈*
 29 *как в Т₈ вар. б*

Варианты переработки в Т₈ (Т₈-1916)

- 7–8, 12–14, 26 *как в основном тексте*
 29–32 *зачеркнуты*

Варианты публикации в III₂ и Изборника

- 29–32 *отсутствуют*
 33 *И пока – в неизвестном живем*

¹ *Вариант не зачеркнут.*

² *Через малую заключено в скобки.*

"КАК РАСТЕТ ТРЕВОГА К НОЧИ!"

(С. 28)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. Как растет в ночи тревога!
б. *как в основном тексте*
в. Как растет тревога к ночи.◇
2 а. Лунный серп глядит в окно.¹
б. *начато: Все*◇
Между 3 и 4 [О, как в жизни было (?) много!]
[Лунный] [Пол луны]
4 На луну глядеть нет мочи
7 Страшно утром развернуть◇
9 Появиться, кто-то ходит -²
10 а. *начато: Или*
б. Иль раздумал, может быть?
11 *начато: Слух ли дразнит,*◇
12-13 а. Понял: вот когда ( ) вино,
Верный спутник. Вот
б. Ах, не все ли мне равно?
Подружась с кабацкой скрипкой
в. *как в основном тексте*
16-17 а. Все равно не хватает сил
Искупить
б. Все равно не хватает силы
Дотянуться до конца
в. *как в основном тексте*
18 С этой лживою улыбкой,◇
20 Безразличье мертвеца.◇
После 20 [Усыпить бы сердце это,
Несумевшее спасти
Эту проданную душу
поэта]
О, сто раз блаженна тупость
Человеческая глупость

¹ Было начато: Лунный серп гр ( )

² Было начато: О себе дать знать,

"НУ, ЧТО ЖЕ? УСТАЛО ЗАЛОМЛЕНА СЛАБЫЕ РУКИ..."

(С. 28)

Черновые наброски (ЧН ЗК₁₈)

Ты видишь: [протянуты жалкие, бледные руки]¹
И Вечность сама загляделась в [покорные] очи.²
И речи умолкли. А если б и были все те же высокие речи –³
Что нужды? Я вижу печальное шествие ночи.⁴

Так солнце, положенный круг обойдя, закатилось.⁵
Открой мою книгу: там сказано все, что свершится.⁶
И был я пророком, когда это сердце открылось⁷
Теперь я остался
Царем я не буду: ты царства мечты не делила.⁸
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: С тяжелым⁹
Но я – человек: суждено

Не ты

"Что делаешь, делай скорее." Начертано в Книге.¹⁰
И, верный заветам,¹¹

---

¹ Было: Ты видишь: заломлены жалкие, бледные руки?

² Было начато: ^{a.} И сердце
^{b.} Дово( )

³ Было: ^{a.} начато: Сказать
^{b.} И речи умолкли. А если б и были [д( )] высокие речи –

⁴ Было: ^{a.} начато: Что нужды? Я вижу
^{b.} Что нужды? Я слышу [и] печальное шествие ночи.
^{c.} Что нужды? Я знаю печальное шествие ночи.

⁵ Было: ^{a.} начато: И сердце, которое
^{b.} начато: Ведь сердце, которое
^{a.} Так солнце, все небо пройдя закатилось.
^{2.} Так солнце, свой круг обойдя, закатилось.

⁶ Было: ^{a.} начато: Ведь
^{b.} Открой мою книгу ( ) все, что свершится.

⁷ Было: И был я пророком, пока это сердце открылось

⁸ Было: ^{a.} Царем я не стану: ты слишком прекрасна, царица.
^{b.} Царем я не буду: ты царства со мной не делила.

⁹ Было начато: ^{a.} Еще
^{b.} Вот новая ноша: свинцовый
^{*.} Вот новая ноша: свинцовая
^{2.} Вот новая ноша: обломок тяжелый свинцовый

Правка начата и не завершена.

¹⁰ Было: Начертано в книге: "Что делаешь, делай скорее".

¹¹ Было начато: Но

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 *начато*: Ну, что же? За(ломлены)◇
2 И Вечность сама загляделась в погасшие очи.
6 Открой мою книгу: там сказано все, что свершится.◇
7-8 а. Да, был я пророком, пока это сердце молилось
Тебе, – но ведь ты – не царица.
б. Да, был я пророком, пока это сердце молилось,
Молилось и пело Тебя, – но ведь ты – не царица.
11 а. Вот новая ноша, пока нас не примет могила
б. Вот новая ноша: пока нас не примет могила
12 а. В сырые объятия – тащиться по жизни без дела.
б. В сырые объятия – тащиться без важного дела.
14 а. *начато*: Тревогу мою
б. Тревогу свою не смирю я – она все сильнее.
15 а. *начато*: Под ношей свинцовой
б. И ревность по дому, тревогою сердце снедая,◇
16 а. Написано в Книге: "Что делаешь, делай скорее."
б. Твердит неустанно: "Что делаешь, делай скорее."◇

Варианты Т₈, публикации в РМ, Изборника

- 2 *как в ЧА ИРЛИ (Т₈)*
2 И Вечность Сама загляделась в погасшие очи. (РМ)
2 И Вечность Сама загляделась в погасшие очи,
(Изборник)
8 Молилось и пело Тебя, но ведь ты – не царица.

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1. "ВЕСЬ ДЕНЬ, КАК ДЕНЬ: ТРУДОВ ИСПОЛНЕН МАЛЫХ..."

(С. 29)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие Жизнь моего приятеля.
4 Спокойно проплывет.
5 Волнуешься, – а в глубине спокоен:
6 а. Не так – так и не так
б. Не выйдет – так и пусть.
в. Не выгорит – и пусть:
7 а. На дне твоей души < >, бедный воин,¹

¹ Было *начато*: а. Так в
б. Вот каков
в. А в
г. А там, в душе
д. А в глубине

- б. На дне твоей душонки, бедный воин,
 в. На дне твоей души¹ютятся, бедный воин,²
 з. На дне твоей души о, современный воин,
 9–10 а. Зато, в тот час, когда отхлынет вереница
 Забот и малых дел,
 б. А в страшный час, когда отхлынет вереница
 Дневных < > забот,
 в. А к вечеру – отхлынет вереница
 Твоих дневных забот.
 11 а. Когда в пустую ночь засмотрится столица,
 б. Когда же в темноту засмотрится столица,[◇]
 13 а. Тогда – откроется ненужность всех уютов³
 б. *начато*: В тот час, когда для совести⁴
 в. О, страшная для совести минута!⁵
 з. *начато*: И рад б <ы>[◇]
 14 а. *начато*: Среди прочих
 б. Среди всяких прочих дум,[◇]
 15 а. Безрадостность всех дел, ненужность всех уютов,
 б. Безрадостность всех дел, постылость < > уютов.[◇]
 17 а. И нежная тоска сожмет рукою нежн(о)
 б. *начато*: Тоска придет сжимать тебе
 в. И тихая тоска сожмет так нежно горло –
 18–20 а. Не крикнуть, не вздохнуть,
 И кажется, что ночь на все, проклятие простерла,⁶
 Навек, на весь твой путь.⁷
 б. Ни охнуть, ни вздохнуть.
 Как будто ночь на все, проклятие простерла,
 Иль дьявол сел на грудь![◇]
 21 Забыть, забыть – бежишь на улицы пустые[◇]
 23 Куда ни повернись – глядишь в глаза пустые[◇]
 24 а. *как в основном тексте*⁸
 б. Твой вечный спутник – ночь.
 25 а. Там ветер над тобой < > простонет⁹

¹ Было *начато*: На дне твоей души,

² Над ютятся поставлен и зачеркнут знак вопроса.

³ Было *начато*: а. И в этот час

б. И в этот тихий час

⁴ Было *начато*: В тот час, когда вкусить

⁵ Было: а. *начато*: О как

б. Какая страшная для совести минута?

⁶ Было *начато*: И кажется, что ночь навеки

⁷ Было: На весь твой путь.

⁸ Незачеркнутый первоначальный вариант.

⁹ Было *начато*: а. Там ветер

б. Там ветер над тобой

- б. Там ветер над тобой на сквозняках простонет
 27–28 а. Городовой, подшлепнув шашкой, гонит
 Бродягу – от костра.
 б. Городовой, устав стоять, прогонит¹◇
 Бродягу – от костра.
 29 А там пора домой, забыться сном тяжелым◇
 30 а. Все станет все равно,
 б. И станет все равно:
 31 Что? Совесть? Счастье? Жизнь? такая малость!²◇

Варианты Т₈

- Заглавие Жизнь моего приятеля
 5 а. Волнуешься, – а в глубине спокоен:
 б. Волнуешься, – а в глубине уютно:◇
 7 а. На дне твоей души, о, современный воин,
 б. На дне твоей души, пустой и бесприютной◇
 17–19 *зачеркнуты*
 20 а. *как в ЧА ИРЛИ, вар. б*
 б. *как в основном тексте*
 в. *зачеркнуто*

Варианты БА РГАЛИ

- 5, 7 *как в Т₈, вар. а*

Варианты АС ИМЛИ, публикаций в газ. "Голос", НР СУ

- Заглавие Из "Жизни моего приятеля" (АС ИМЛИ, Голос)
 Заглавие *как в ЧА ИРЛИ (НР СУ)*

2. "ПОГЛЯДИТЕ, ВОТ БЕССИЛЬНЫЙ..."

(С. 30)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. Обескровленный, бессильный,
 б. Поглядите: вот – бессильный,
 2 а. *как в основном тексте*
 б. Несумевший жизнь спасти,
 3 *было начато: Жизнь*◇

¹Было: а. Городовой замерзший гонит

б. Городовой давно промерзший, гонит

²Было: а. *начато*: И, может быть смешно, что

б. И, может быть такая малость?

в. Подумаешь: такая малость?

- 5 а. Красный шар в железном небе
 б. В голубом железе неба
 в. В голубом железном своде[◇]
 6 а. Сплюснут желтый шар¹
 б. Дико сплюснут желтый круг
 в. Дико сплюснут диск больной,
 7 Заковавший все в природе
 10-12 Ты терпел, мой давний друг,[◇]
 От моей тоски, невольной,[◇]
 От моих невольных мук.[◇]
 14 а. Наш удел – на все похож:
 б. Ваш удел – на все похож:

Варианты Т₈

- Заглавие Конченый²
 2 Несумевший жизнь спасти,
 7 Оплевавший все в природе

Варианты БА РГАЛИ

- Заглавие Из Жизни моего приятеля

Варианты публикации в СРоссии

- Заглавие как в Т₈
 11 От его тоски невольно.

3. "ВСЁ СВЕРШИЛОСЬ ПО ПИСАНЬЯМ..."

(С. 30)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 2-3 Южный жар,³ смирясь простыл^{4◇}
 И конец всем упованиям.[◇]
 5-6 а. *начато*: Был в чаду – не слыша
 Утешался ⟨ ⟩ "Ада"⁵
 б. Был в чаду – не чужа чада,
 Утешался мукой ада,
 7-8 Перечислил все слова.

¹ Было *начато*: Красный шар

² Вписано карандашом, вверху листа записано название цикла "Из жизни моего приятеля", заключенное в скобки.

³ Было: а. *начато*: Юность

б. Юный жар, простыв, унес

⁴ смирясь заключено в скобки.

⁵ ст. б заключен в скобки.

- Но – болела голова.¹
- 9 Тихо, долго так болела, ◇
- 11 а. Тридцать лет.
- б. *начато*: Я про ( )
- в. Пробудился: тридцать лет.
- 12 Хватъ похватъ – да сердца нет. ◇
- 14 а. А когда погиб я сам
- б. И когда настал конец,
- 15 Показалась мне банальной ◇
- 16 а. Смерть души моей печальной
- б. Смерть души его печальной

Варианты Т₈

Заглавие Из "Жизни моего приятеля"

4. "КОГДА НЕВЗНАЧАЙ В ВОСКРЕСЕНЬЕ..."

(С. 30)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1–4 В какое то там воскресенье² ◇
 Я душу свою потерял, ◇
 В сыскное я шел отделение, ◇
 Свидетелей я не терял. ◇
- 8 Да дворник на чай попросил. ◇
- 9–12 Когда³ же я медленно вышел ◇
 Подняв воротник из ворот, ◇
 Таращил глазищи на крыше ◇
 Чердачный обмызганный кот. ◇
- 13–16 а. Подумаешь, тоже, свидетель!
 Попробуй
- б. Ты думаешь тоже – свидетель?
 ( ) ничего.
 Быть может, моя добродетель⁴
 Гораздо ( ), чем его.
2. Ты думаешь, тоже – свидетель?
 ( ) ничего.⁵
 Пожалуй моя добродетель
 Нисколько не меньше его.

¹ Стихи заключены в скобки, зачеркнутые карандашом.

² Было начато: а. Я душу без свидетелей

б. Когда я душу потерял,

³ Было начато: Да

⁴ Было начато: Моя

⁵ При дальнейшей правке слово не зачеркнуто.

- д. Ты думаешь, тоже – свидетель?
Спроси, не ответит злодей
Пожалуй его добродетель
Нисколько не больше моей
- е. Ты думаешь, тоже – свидетель?
Так он и ответит тебе!¹
В такой же гульбе
Его добродетель.

Варианты Т₈

Заглавие Из "Жизни моего приятеля"

Варианты БА НР СУ

- 5 А было их, впрочем, немало:

Варианты НР СУ

Заглавие [Из "Жизни моего приятеля"]

5. "ПРИСТАЛ КО МНЕ НИЩИЙ ДУРАК..."

(С. 31)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1–4 а. Припутался ⟨   ⟩ дурак
И бродит за мной ⟨   ⟩ до дому.
– Где деньги твои? – Снес в кабак.
– Где сердце твое? – Бросил в омут?
- б. Пристал ко мне нищий дурак,^{2◇}
Идет, как знакомый, до дому.^{3◇}
– Где деньги твои? – Снес в кабак.
– Где сердце? – Зброшено в омут.^{4◇}
- 6–8 а. Чтоб стал ты, как я. – Для чего же?⁵
– Да ты то ведь также ничтожен,⁶
Вот, миленький мой, для чего.
- б. – Чтоб стал ты, как я – откровенен,
Как⁷ я, в униженьи [,] смиренен,
А больше, мой друг, ничего.
- 9 *начато*: – Не лезь ты в[◇]

¹ Было начато: Так

² Правка чернилами и карандашом.

³ Правка простым и синим карандашом.

⁴ Правка синим карандашом.

⁵ Было начато: – Чтоб стал ты, как я,

⁶ Исправлено карандашом: Да ты то ведь тоже ничтожен,

⁷ Было начато: И

- 11 – Ты думаешь, друг мой, нас двое?
 12 а. Напрасно; гляди, оглянись.
 б. Напрасно: смотри, оглянись.
 13–15 И вправду ведь (вот так задача!)¹
 Смотрю – близ меня никого.²
 В карман посмотрел – ничего.³

Варианты Т₈

- 4, 14 как в ЧА ИРЛИ⁴
 11 как в ЧА ИРЛИ⁵

Варианты Изборника, БА ГЛМ и публикации в ГЖ

- 1 Пристал ко мне нищий-дурак, (ГЖ)
 4, 14 как в ЧА ИРЛИ
 11 – Ты думаешь, друг мой, нас – двое? (ГЖ)
 11 Ты думаешь, друг мой, нас двое? (Изборник, БА ГЛМ)

6. "ДЕНЬ ПРОХОДИЛ, КАК ВСЕГДА..."

(С. 32)

Черновые наброски в ЗК₂₈(ЧН ЗК₂₈)

- л. 11 Уснуть, уснуть
 Навеки в мир вползает ночь
 Ни словом друга,
 Ни собачьим лаем,
 Ни скрипом телег
 Ни зарей ни росой
 Не будите меня
 л. 11 об. Я с вечера крепко уснул⁵
 И проснулся в другой стране.
 Ни холодом утра,⁶
 Ни криком, ни словом,
 Ни лаем собачьим,
 Ни скрипом телег

¹ Было: Гляжу – а и правду сказал он,

² Было: а. И нет никого близ меня.

б. И нет близ меня никого.

в. Гляжу – близ меня никого.

³ Было: В карман поглядел – ничего.

⁴ Первоначальный вариант не зачеркнут.

⁵ Было: Я под вечер крепко уснул

⁶ Было: Не стало привычного утра.

Меня разбудить не могли.
Для всех я был
бездыханен
Жил только там.

Черновой автограф (ЧА ИРЛИ)

1. Наброски¹

(1)

- л. 1 День проходил, как всегда,
В сумасшествии тихом.²
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
Друг говорил мне о службе,
Другой – о Христе,
О газете – четвертый...
Хлебников и Маяковский
Назначили цены большие за книги,
Так что приказчик у Вольфа³
Не мог их продать без улыбки.⁴
Два стихотворца⁵
(Поклонники Пушкина)
Книжки прислали,
- л. 2 С множеством рифм и размеров. Курсистка
прислала⁶
Рукопись с тучей эпиграфов из
символистов.
После же завтрака (в час),
едва котелок я напялил,⁷
Долго звонил телефон, а
посыльный (как раз в это время)⁸
Передавал мне конверт, надушенный
чужими духами,
И приходилось, не сняв котелка,
наливать из кувшина⁹

---

¹ Чернилами.

² Было начато: Сумасшедший

³ Было начато: За в (нрзб)

⁴ Было начато: С улыбкой

⁵ Было. Два стихотворца (поклонники

⁶ Было начато: С множеством ямбов и рифм

⁷ Было начато: После же завтрака (в час), когда

⁸ Было начато: Долго звонил телефон, а посыльный, принес

⁹ Было: ^{а.} начато: И приходилось, мне (нрзб)

^{б.} И приходилось, не сняв котелка, за водой из

^{в.} И приходилось, не сняв котелка, наливать из кувшина,

Воду в высокую вазу,
и ставить на стол, потому что¹
л. 3 "Розы поставьте на стол," в письме
написано было.²
После, средь белого дня,
в бороду утонувший писатель³
О причитаньях у южных хорватов
рассказывал долго,
Критик, грома футуризм,
символистов шпынял, заключив
реализмом,⁴
Долго сидел я в трамвае⁵
меж толстым попом
и девицей,
В кинематографе знатный барон⁶
целовался под пальмой
С барышней низкого звания, ее до себя
возвышая,
[Пьяный лежал на панели, а дворник]
А у ворот на панели,⁷
где пьяный лежал (или мертвый)⁸
Дворник и горничных две с собачкой⁹

(2)

л. 6 Я с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холодом утра,
Ни криком,¹⁰

¹ Было начато: Воду в высокую вазу, чтоб

² Было: "Розы поставьте на стол," было написано кем-то.

³ Было: После, средь белого дня, писатель, обросший

⁴ Было: ^{а.} начато: Критик шпынял реализмом

^{б.} Критик символизмом шпынял, заключив реализмом,

^{в.} Критик, грома футуристов, символизмом шпынял,
заклучив реализмом,

^{г.} Критик, грома футуризм, символизмом шпынял,
заклучив реализмом,

^{д.} Критик, грома футуристов и символистов шпынял,
заклучив реализмом,

⁵ Было начато: И

⁶ Было: В кинематографе знатный (нрзб) граф

⁷ Было начато: ^{а.} А у дверей освещенных

^{б.} А у ворот на панели, валяе ( )

⁸ Было: где пьяный лежал без движенья, (незачеркнутый первоначальный вариант)

⁹ Было начато: Дворник,

¹⁰ Было: Ни криком, ни словом,

Ни словом друга,
Ни скрипом телег,
Ни лаем собачьим,
Ни зарей, ни росой,¹
Меня разбудить не могли
Я был бездыханен,
Жил только там..

II. Первоначальная редакция

- л. 1 День проходил, как всегда,
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
Друг говорил мне о службе,
Другой – о Христе,
О газете – четвертый...
Хлебников и Маяковский
(10) Назначили цены большие за книги,
Так что приказчик у Вольфа
Не мог их продать без улыбки.
Два стихотворца
(Поклонники Пушкина)
Книжки прислали,
- л. 2 С множеством рифм и размеров. Курсистка –
Рукопись с тучей эпитафий
(Из символистов, конечно)
После звонил телефон, а посылный
(как раз в это время)
(20) Передавал мне конверт,
надушенный чужими духами,
- л. 3 "Розы поставьте на стол",
в письме написано было,
и приходилось послушно на стол их поставить.
После – собрат по перу,
В бороде утонувший
О причитаньях у южных хорватов
рассказывал долго,
(30) Критик, громя футуризм,
символистов шпынял,
заклучив реализмом.
После сидел я в трамвае
меж толстым попом и девицей,
В кинематограф зашел,
Где на грязном экране

---

¹ Стих вписан позже.

Знатный барон целовался
 под тощею пальмой
 С барышней низкого званья,
 л. 4 (40) ее до себя возвышая,
 Вышел – и вечер настал,
 И уже у ворот собралися¹
 Дворник и горничных две,
 Собачка, девчонка и кошка;²
 Городовой говорил им³
 Галантно о случаях разных,⁴
 л. 5 А перед ними⁵
 У самого края панели
 Пьяный, иль мертвый
 лежал с полчаса,⁶
 (50) и его объезжал аккуратно⁷
 каждый извозчик,
 Все – было в отменном порядке.⁸
 л. 6 Я с вечера крепко уснул
 И в другой стороне
 я проснулся.
 Ни холод утра,
 Ни слово друга,
 Ни дамские розы,⁹
 (60) Ни манифест футуриста,
 Ни стихи пушкинианца,
 Ни лай собачий,
 Ни грохот тележный,
 Ни звон телефона –¹⁰
 Ничто, ничто
 Меня разбудить не могло.

¹ Было: *а. начато:* У ворот на панели

б. И уже у ворот на панели

² Было *начато:* И собачка

³ Было: *а.* Городовой им галантно

б. Городовой сообщает

в. Городовой повествует

⁴ Было *начато:* Сообщает о

⁵ Было: *а. начато:* А [у] перед ними

б. А перед ними у края

⁶ Было: лежит с полчаса

⁷ Было: и его объезжает

⁸ Было: И все – в образцовом порядке.

⁹ Было: *а.* Ни грохот телег,

б. начато: Ни розы

¹⁰ Было: Ни звонки телефона –

- Я был бездыханен,
 Жил только там.
- (70) И что же, право, мне делать,¹
 Когда отменный порядок²
 Милого дольного мира
 В сны погрузит иногда,³
 И в снах этих, многое снится,
 И не всегда в них такой,⁴
 Как у нас, отменный порядок.⁵
 Также, однако, не все⁶
 В них светло и прекрасно,⁷
 Как полагается в снах⁸
 Которые снятся поэтам.
- (80) Нет, очнешься порой,⁹
 Взволнован, встревожен¹⁰
 Воспоминанием смутным,
 Предчувствием странным, [т( )]
 Буйно и страшно
 Забьются в мозгу
 Слишком светлые мысли
 И, укрощая их буйство,¹¹
 Пугаясь чего-то, – "Не лучше-ль,"¹²

¹ Было начато: И что же

² Было: ^a начато: Если
^b Когда образцовый порядок

³ Было: иногда

⁴ Было: И не всегда в них

⁵ Было: ^a Как у нас, образцовый порядок,
^b Как у нас, образцовый порядок.

⁶ Было: ^a Но не подумайте, также,
^b Но не подумайте, впрочем,

⁷ Было: ^a Что все в них прекрасно,
^b Что все в них светло и прекрасно,

⁸ Было: ^a Как подобает быть
^b Как подобало бы быть

⁹ Было: ^a Нет, очнувшись порой,
 От сна

^b Нет, очнувшись порой

От сна

^c Нет иногда ты очнешься

¹⁰ Было: ^a Испуган и бледен

^b Испуган, взволнован, отравлен

^c Испуганный, чем-то встревожен

¹¹ Было: И, укрощая порывы,

¹² Было: ^a начато: Смирная напор

^b начато: Ты

^c Пугаясь чего-то, ты мысли(шь)

- (90) Думаешь ты, "чтоб покамест и этот"¹
"День проходил, как всегда, –
В сумасшествии тихом?"

Варианты первоначальной редакции в Т₈ (Т₈-(1914))

- (5) а. как в ЧА ИРЛИ
б. О службе рассказывал друг,
(9) а. Назначили цены за книги,
б. Набавили цены за книги,
Вм. (12–13) Два стихотворца (поклонники Пушкина)
(17) (Из "символистов" конечно).
(18–19) После – звонил телефон
А посыльный (как раз в это время)
(23) Написано было в записке,
Вм. (24) И приходилось
На стол их поставить послушно.
(26) До глаз в бороде утонувший,
(30) Символизмом шпынял,
(36–37) В кинематограф зашел,²
И там, на грязном экране,
(39) Под собственной пальмой
(40) Вышел я – вечер настал,
Между ст. (52) и (53) *интервал*
Вм. (54–55) И в другой стране я проснулся.
(61) Ни стихи пушкиньянца,
Между ст. (68) и (69) *интервал*
(70) Если отменный порядок
(72) В сны иногда погружает,
Вм. (76–77) Также, однако, не все в них
Светло и блаженно,
Вм. (84–85) Буйно забьются в мозг
(89) Думаешь ты, "чтоб покамест и новый

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₈ (Т₈-(1915?))³

- (9) Набавили цену за книги,
(15) как ст. 10 основного текста
Между (15) и (16) как ст. 11 основного текста
(17–18) (Из Надсона и "символистов")⁴
После – под звон телефона,
Вм. (19–20) как ст. 15 основного текста

¹ Было: Думаешь ты, "чтоб и этот

² Было начато: В кинематографе было,

³ Правка карандашом.

⁴ Правка карандашом, затем чернилами по карандашу.

- (24) *как ст. 19 основного текста*
 (32–33) *зачеркнуты*
 (34) *В кинематографе вечером,¹*
 Вм. (35–37) *как ст. 28 основного текста*
 (39) *"Ее до себя возвышая."*
 (40–51) *зачеркнуты*
 (53) *Он с вечера крепко уснул,*
 (54) *как ст. 31 основного текста*
 (64) *зачеркнут*
 (66) *В мир возвратить не могло.²*
 (67) *[Он был бездыханен для мира.]*
 (68) *зачеркнут*
 (69) *как ст. 43 основного текста*
 (72) *как ст. 46 основного текста*
 (75) *Как в мире отменный порядок;*
 (76–79) *зачеркнуты*
 Между ст. (75) и (80) *интервал*
 (80) *как ст. 50 основного текста*
 (88–89) *Словно пугаясь чего-то, "Не лучше ль,"*
Думаешь ты, "чтоб и новый"

Варианты БА РГАЛИ и публикации в сб. "Стрелец" (С)

- Заглавие *Из "Жизни моего приятеля" (С)*
 1 *Жизнь проходила как всегда: (С)*
 7 *О газетах – четвертый. (С)*
 Между 7 и 8 *Хлебников и Маяковский*
Набавили цену на книги
(Так что прикащик у Вольфа
Не мог их продать без улыбки).
 13 *(Из Надсона и "символистов" (БА РГАЛИ))*
 Между 26 и 27 а. *После сидел я в трамвае*
Меж толстым попом и девицей,
 б. *зачеркнуто (БА РГАЛИ)*

¹ *Было:* В кинематограф зашел

² *Было:* Разбудить не могло

7. ГОВОРЯТ ЧЕРТИ:

("Греши, пока тебя волнуют...")

(С. 33)

Черновой набросок ст. 1–4 (ЧН ЗК₄₅)

Греши, пока тебя волнуют
Твои печальные грехи,
Пока питают и < >
Твои певучие стихи.¹

Варианты ЧА ЗК₄₇

- Заглавие "Черти говорят:"
- 5–6 Пока вино тебе по нраву,²
Пей искрометное вино³
- 8 Пока не тяготит оно.⁴
- 9 *начато:* И если⁵
- 10 Ты их сверканию ответь⁶
- 11 Грехам, вину, любви и ночи
- 12 а. Шепча безумное "аминь".
- б. Шепча восторженно "аминь".⁷
- 13–17 а. Ведь все равно – очарованье
Пройдет, и час настанет твой⁴
И в сумасшедшем покаяньи⁵
Ты будешь биться головой
О пол церковный безответный
- б. Ведь все равно – очарованье
Пройдет, и в новый, страшный час
Ты в сумасшедшем покаяньи
Нас проклянешь, прогонишь нас,⁶
А мы,⁷ как ангелы
- в. Ведь все равно – очарованье
Пройдет, и в новый, страшный час
Ты в сумасшедшем покаяньи

¹ Было: Твоя красивые стихи.

² Было *начато:* а. И
б. На

³ Было *начато:* Пей это

⁴ Было *начато:* Пройдет и час пробьет

⁵ Было: Ты в сумасшедшем покаяньи

⁶ Было: а. *начато:* И умолять

б. Нас проклянешь, оттонишь нас,

⁷ Было *начато:* А мы

Проклясть захочешь бедных нас,¹
И² станешь падать, но толпою

Варианты Т₉

- Заглавие а. Черти говорят:
б. Говорят черти:

Варианты АС РГАЛИ, публикаций в журн. "Вестник Воронежского округа путей сообщения" (ВВОПС), СУ (НР СУ), Кор₁ Земли

Без деления на строфы (ВВОПС)

- 3 Пока красавицу чаруют (СУ)
12 Шепчи заветное "аминь".[◇] (НР СУ, Кор₁ Земли)
12 Шепчи заветное "аминь" (АС РГАЛИ)

8. ГОВОРИТ СМЕРТЬ:

("Когда осилила тревога...")

(С. 33)

Варианты ЧА ЗК₄₅

- Заглавие "Смерть говорит:"
1 Когда замучила³ тревога
2 *начато*: И оторопь[◇]
6 Он вспоминал и смутный рой[◇]
9–12 а. Тогда тщета воспоминаний
Внезапно встала перед ним
< >
< >
б. Когда же
Огонь погас < > и вот
Тщета святых воспоминаний
Внезапно перед ним встает.
в. Но он измучился, – и ранний
Жар юности погас и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.⁴
13–16 Он ни во что уже не верит,^{5◇}
Себя лишь хочет обмануть,
И сам – к моей < > двери[◇]

¹ Было: Захочешь < > нас,

² Было *начато*: И б < >

³ Замучила *подчеркнуто*.

⁴ Было: < > восстает.

⁵ Было: < > восстанет.

- Лениво направляет путь
17 а. С него довольно веры в Бога,¹
б. С него довольно славить Бога,

Варианты Т₉

- Заглавие: а. Смерть говорит:
б. Говорит смерть:

*Варианты публикации в журн. "Вестник Воронежского округа
путей сообщения" (ВВОПС), НР СУ, Кор₁ Земли*

Без деления на строфы (ВВОПС)

- 1 а. Когда осилили тревоги
б. Когда осилила тревога (НР СУ)
1 Когда осилили тревоги,[◇] (Кор₁ Земли)

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1. "ВПОЛОБОРОТА ТЫ ВСТАЛА КО МНЕ..."

(С. 34)

Черновой автограф (ЧА ИРЛИ)

1. Наброски

- л. 1 [И взгляд другой – огромный, тусклый, жадный]
Я тебя когда то видел раз,
Я тебя²
Твой огромный тусклый жадный глаз

[Ты прячешь за спину]

Ты повернулась

В пол-оборота ты встала ко мне,³
Грудь и рука твоя видится мне,
Нет, опустил я напрасно глаза,⁴
Дышет, преследует, стонет гроза.
л. 2 [Этой руки]
[И сквозь ресницы]
[Издали даже⁵]

¹ Было начато: Ему

² Вписано.

³ Было: В пол-оборота ко мне, ты стояла в толпе

⁴ Было: Нет, я напрасно глаза опустил,

⁵ Вписано.

[Даже далеко]
 [Даже сквозь веки ты видишься мне]
 [Так широко]
 Ширится круг твоего мне огня,
 Ты и не глядя, глядишь на меня,
 Только лукаво ты делаешь вид,¹
 Что ты внимательно слушаешь
 л. 3 Вид твой лукавый и взор²
 Взор твой как пеплом подернутый уголь³
 Уголь, подернутый серой золой,
 Сдунешь – огонь

II. Варианты

- 3–4 а. Мать запрещает тебе подойти.⁴
 Глаз не могу от тебя отвести.
 б. Мать запрещает тебе подходить
 Мне – искушенья тебя оскорбить
 6 Дышет, преследует, близко – гроза...
 7 Взор мой горит на щеке у тебя⁵◇
 8 Трепет бежит по (дрожащей) руке
 11 *начато*: Глаз
 12 а. – Твой ускользящий < > взор
 б. Твой не глядящий, скользящий твой взор⁶
 После 14: (15–18) а. Много безумных, тяжелых ночей
 Даже в разлуке ты будешь моей
 Туча пройдет – ты очнешься не та.⁷
 Мной < > твоя красота.⁸
 б. Даже в разлуке ты будешь моей

¹ Было: Только лукавый ты делаешь вид.

² Было *начато*: а. Лик

б. Вид твой лукав

³ Было: а. *начато*: Взор и

б. Взор твой и жжет

в. *начато*: Взор твой, как уголь догорающий

г. Взор твой, как свет догоревших углей

д. Взор твой, как уголь подернут золой

⁴ Ст. 3–4 первоначально предшествовали ст. 1–2. Порядок следования стихов изменен при правке.

⁵ Первоначально ст. 7–8 следовали после ст. 11–12. Порядок следования стихов изменен при правке.

⁶ Правка карандашом.

⁷ Было: а. Туча пройдет – ты очнешься, больна,

б. Туча пройдет – ты очнешься, бледна,

⁸ Вар. а ст. (15–18) не зачеркнут.

Много тяжелых и страшных ночей¹
Туча пройдет – пронесется гроза –²
Ты не девичьи откроешь глаза.³

Варианты Т₈ и публикации в СЗ

6
После 14: (15–18) Дышет, преследует, близко – гроза. (Т₈)
Даже в разлуке ты будешь моей
Много тяжелых и страшных ночей.

Туча пройдет, пронесется гроза, –
Ты не девичьи откроешь глаза!

Варианты переработки в Т₈ (Т₈ – (1916)) и публикации в III₂

3–4, 11–12, (15–18) *зачеркнуты (Т₈-(1916))*
3–4, 11–12 *отсутствуют (III₂)*

2. "Я ГЛЯЖУ НА ТЕБЯ. КАЖДЫЙ ДЕМОН ВО МНЕ..."

(С. 34)

Черновые наброски (ЧН ЗК₂₇)

л. 24 И глаза отвратить – и не сметь и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть⁴
л. 23 об. Я смотрю на тебя. Каждый демон во мне
Упоен синевою твоих глаз.⁵
Лучше нам не встречаться в такой тишине⁶

Варианты ЧА ИРЛИ

1 Я смотрю на тебя. Каждый демон во мне ◊
2 а. Упоен ( ) синевою
б. На тебя упоенно глядит. ◊
3 а. Лучше нам не встречаться в такой тишине
б. *начато*: Ночь ◊
4 а. Ночь плывет в грозовой тишине.
б. Притаясь в грозовой тишине.

¹ Было: Много тяжелых и (долгих) ночей

² Было: Туча пройдет – ты очнешься не та (*правка карандашом*)

³ Было: а. А уж не девичьи взглянут глаза.

б. Ты уж не девичьи вскроешь глаза.

⁴ Было *начато*: В эту глубь

⁵ Было: Упоен глубиной твоих глаз.

⁶ Было: а. как в тексте

б. Лишь бы взор отвратить и не сметь, и не сметь

- 5–8 а. Нет, не станем будить эту тьму
 Я уйду ( ) ты к нему.
 И глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
 В эту страшную пропасть глядеть!¹
- б. Этим демонов страшных вспугнуть²
 Порывается каждая грудь.³
 Нет! Глаза отвратить (и не сметь и не сметь
 В эту страшную пропасть) глядеть⁴

Варианты Т₈

- 8 а. как в основном тексте
 б. В эту черную пропасть глядеть!⁵

3. "ДАЖЕ ИМЯ ТВОЕ МНЕ ПРЕЗРЕННО..."

(С. 35)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

Набросок (ЧН)

Даже имя твое мне презренно,
 ( )
 И в груди – уж поток многопенный⁶
 И в ушах – этот шум веретен!⁷
 О, проклятие темной богине,⁸
 Что такую тебя⁹ создала.¹⁰
 Это лъстивое пение линий¹¹
 Эту лживую тень вокруг чела.¹²
 Подойди, может быть, ударю,
 (10) Может быть

¹ Ст. 7–8 *вар. а* не зачеркнуты.

² Было: *а.* Лучше нам не будить эту тьму
б. начато: Лучше нам не тревожить

³ Было: грудь!

⁴ Ст. 7–8 записаны не полностью, вместо недостающих слов – *отточия.*
 черную записано при незачеркнутом предыдущем варианте.

⁶ Было: Но в груди – уж поток многопенный

⁷ Было: Но в ушах – этот шум веретен!
Далее следовало: [Кто такой тебя создал]

⁸ Было: И проклятие темной богине,

⁹ *Описка "тебе" исправлена при переработке ЧН.*

¹⁰ Было: создала,

¹¹ Было: *а.* Создала эту
б. Создала это пение линий

¹² Было: Эту лживую тень от волос

Варианты переработки ЧН

- После 1: (2) а. Но, когда ты смежаешь глаза,¹
б. Но, когда ты прищуришь глаза,
(3–4) а. В сердце бьется поток многопенный,²
б. как ст. 3–4 основного текста³
(5–8) а. О, проклятие ( )
Что такую тебя создала
Этим вскрадчивым⁴ пением линий
( ) тень вокруг чела
б. И, как ветер горячий пустыни⁵
( ) обожгла
в. зачеркнуты
(9–10) зачеркнуты
- После ст. (10) ст. 5–8 основного текста:
5 а. Этот глаз золотистый и карий⁶
б. Смотрит глаз золотистый и карий –
в. Глаз молчит золотистый и карий –
- Между 6 и 7 начато: [Что мне]
7 начато: а. Подойди
б. Подойди. Я◇

4. "О, НЕТ! Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБ ПАЛИ МЫ С ТОБОЙ..."

(С. 35)

Варианты Т₇

- Заглавие Сонет*
12 а. начато: Но ты меня зовешь, – т(вой?)
б. Но ты меня зовешь. Твой ядовитый взгляд

Варианты публикации в журн. "Новая студия"

- Заглавие Сонет
1–8 с делением на двустихия

¹ Было начато: Но собой

² Возможен вариант: Слышу бьется поток многопенный,

³ Было начато: П( )

⁴ После вскрадчивым было: пением

⁵ Было: Точно ветром горячим пустыни (?)

⁶ Вар. а не зачеркнут.

Изукрашенный по-дикарски (Пяст) (примеч. А. Блока. – Ред.).

5. "ВНОВЬ У СЕБЯ... УНИЖЕН, ЗОЛ И РАД..."

(С. 35)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

I. набросок

Вновь у себя... Унижен, зол, безумен, рад¹
{
Вон месяц, как паяц, над кровлями громад²
Гримасу корчит³ { }
В опустошенный мозг⁴

II. Варианты

- 5-6 Пусть день – но солнце – прочь, раскаяние – прочь!◇
Никто не смеет мне помочь!◇
7 *начато*: В опустошенный мозг врывается◇
9 В пустую грудь один проникает взгляд,
11 а. Настанет ничего, настанет никогда,⁵
б. Не будет ничего, настанет никогда,
в. И все пройдет навек; настанет никогда,⁶
12 Когда ты скажешь: Да!

Варианты Т₈

- 12 *как в ЧА ИРЛИ*◇

Варианты БА РГАЛИ, НР СУ и публикаций в ГЖ и СУ

С делением на двуступишия (СУ)

- 12 *как в ЧА ИРЛИ (БА ИРЛИ, БА РГАЛИ)*
12 Когда ты скажешь: "Да!" (ГЖ)
12 Когда ты скажешь: "Да!"◇ (НР СУ)

¹ Было: Вновь у себя... Унижен, зол и рад

² Было: И месяц, как паяц, над кровлями громад (*незачеркнутый вариант*)

³ Было *начато*: Глядит

⁴ *Набросок* – чернилами, последующая правка и текст – карандашом.

⁵ Было *начато*: И будет

⁶ Было *начато*: И все навек

6. "ИСПУГОМ СХВАЧЕНА, ВЛЕКОМА..."

(С. 36)

Первоначальная редакция (ЧА, ИРЛИ)

Испугана, взволнована, влекома
За мною – в страсть!¹
Как² пропасть ей желанна и знакома³
Как сладко пасть!...⁴
То отрезвась⁵ на миг, пугливо шепчет⁶
"Погибнешь!... До всего дойдешь!"
Стыдись, от этого лишь руки крепче⁷
Сожмешь, совьешь, сплетишь!⁸ –
Проходит все – пройдет и мрак звенящий,⁹
(10) [Сквозь бледность] штор¹⁰

---

¹ Было: *а. начато:* В

- б.* За мной – в глухой водоворот,
- в.* За мной – в страстей водоворот,
- г.* За мной – водоворот...
- д.* За мной – в водоворот огня
- е.* За мной – в водоворот страстей
- ж.* За мной – в глухую страсть
- з.* В ночь и в страсть!

² Было начато: *а.* Она
б. Он (а)
в. Жена
г. Всю жизнь

³ Было: Как пропасть ей знакома

⁴ Было: *а. начато:* И вдруг
б. Как страшно каждый раз упасть!..

⁵ Было начато: *а.* То, отрезвась,
б. То, полуотрезвась,

⁶ Было: *а. начато:* То полуотрезвась
б. То отрезвась (?), как гадалка,
"Погибнешь!", шепчет...

в. То отрезвась на миг, стыдливо шепчет

⁷ Было: *а. начато:* То вновь
б. Так шепчет и сжимает руки крепче,
в. Но и шепча, сжимает руки крепче,
г. Шапча, от этого лишь руки крепче

⁸ Было начато: Опять

⁹ Было начато: Когда ж минует

¹⁰ Было: *а. начато:* И утром с
б. И утром из-за штор
в. Сквозь сумрак штор

Начертит¹ Бог на теле тяжело спящей²
Свой утренний узор.³

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА₂ ИРЛИ)

Наброски

л. 4 об. [Быть может – навсегда?]
Испугана, (   )
    За мной – туда...⁴
И миг еще⁵
    Все минет навсегда
[Но минет]
Сожми объятья

Варианты ЧА₂ ИРЛИ⁶

3 Так все кругом знакомо[◇]
5–8 а. И отрезвась, пугливо шепчет,
Сомкнув кольцо⁷
И руки обвивает крепче,
И прячет в волосы лицо
б. И в ужасе несвязно шепчет,
И, скрыв лицо,⁸
Пугливых рук свивает крепче
Горячее кольцо.
9 И ночь. И первый луч звенящий
12 Свой утренний узор.

---

¹ Было начато: а. По телу спящей
б. На обнаженном теле спящей
в. На обнаженном теле крепко спящей
[Багровы(й)] Бог
² На обнаженном теле крепко спящей
Рисует Бог

² Приписан вариант И чертит

³ Было: Свой световой узор.

⁴ Было: В водоворот...

⁵ Было: Еще лишь миг

⁶ Ст. 1–4 записаны карандашом, правка в ст. 3 и последующий текст – чернилами.

⁷ Было: пугливо шепчет

⁸ Было: Закрыв лицо,

7. "НОЧЬ, КАК ВЕКА, И ТОМНЫЙ ТРЕПЕТ.."

(С. 36)

Черновые наброски (ЧН ИРЛИ)

И сон
А¹ утром – в зеркале
[Свой рот, таинственно похожий²
На твой]
[И]
[Таинственное сходство]
Во взгляде темном и усталом³
Твоя⁴ в нем ложь⁵
И рот извивом четко-алым –⁶
На твой таинственно похож...⁷

И целый день в⁸
И сердце⁹ женщины безумной,
Чье имя помнит ночь одна

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 Ночь, как века, и долгий◇
5 И обещанья безрассудны◇
7 Они теряют все значенье,◇
Между 8 и 9 О, в бледный день о несказанном [,]¹⁰
Не говори.
Вон в зеркале, еще туманном¹¹
От бледности зари, – смотри:
9 Во взгляде глаз моих – усталом –
11 Мой рот изливом четко-алым

---

¹ Было начато: И

² Было начато: Что

³ Было начато: Мой взгляд красивый и усталый

⁴ Было начато: К

⁵ Строка вписана.

⁶ Было: а. Извилистый, живой и алый –

б. начато: И рот извивом и

в. И рот своим извивом алым –

⁷ Было: а. На твой таинственно похож

б. – Все сходство тайное с тобой

в. Таинственно похож на твой....

⁸ Было: как в тексте

⁹ Было начато: Два сердца

¹⁰ Было: О, в этот день о несказанном,

¹¹ Было: Он в зеркале, еще неясном

Варианты Т₈, БА РГАЛИ, публикации в "Голосе жизни" (ГЖ)

- 7 *начато*: Все[◇] (Т₈)
Между 8 и 9 *как в ЧА ИРЛИ* (Т₈)
Между 8 и 9 О, в бледный день о несказанном
Не говори.
Вон в зеркале, еще туманном
От бледности зари, – смотри:
(БА ИРЛИ, БА РГАЛИ, ГЖ)
9 *как в ЧА ИРЛИ* (Т₈, БА ИРЛИ, БА РГАЛИ)
11 Мой рот своим извивом алым (Т₈, БА ИРЛИ, ГЖ)

Переработка в Т₈ (Т₈-⟨1916?⟩) и в БА РГАЛИ (БА РГАЛИ-⟨б.д.⟩)

- 9–12 *зачеркнуты*
9 Тогда во взгляде глаз усталом – (Т₈-⟨1916?⟩)
11 *как в основном тексте* (Т₈-⟨1916?⟩)

8. "Я ЕЕ ПОБЕДИЛ НАКОНЕЦ!"

(С. 36)

Черновой набросок в ЗК₂₉ (ЧН ЗК₂₉)

Я ее победил наконец
Я завлек ее в мой дворец
Эта дикая разность глаз,
Этих кос двойная змея¹

Три свечи в бескон(ечной) дали
Мы в тяжелых коврах,
Лишь на перстне горит алмаз.
Ночь дошла до предельной черты

- (10) Я вижу – в сиянии свеч
Льнет и льнет он к губам моим
(   ) плеч
Окровавлен перстнем твоим
Мой любимый, молчи молчи
Мой красавец, мой бич, мой позор
(Все в стремительном вихре летит.)

Знаю, выпил твою я кровь
Уложу тебя в саркофаг
Приходить смотреть на тебя
Буду в мглистый вечер весны.

¹ Под словом змея записано начало слова (неразборчиво).

- 7 Буря кос, тусклый глаз[◇]
8 а. На кольцо – { } алмаз
б. На кольцо – и на перстне алмаз
в. На кольцо – разбитый алмаз
2. На кольцо – померкший алмаз
9 а. И обугленный красный рот,
б. И обугленный кровью рот,
10 Задыхаясь, опять зовет
11 а. А в глухом провале окон¹
б. А в ночном провале окон
в. А в провале ночных окон
12 а. Смутен шелест многих знамен
б. Смутный шелест многих знамен
Между 12 и 13 [Храп коней, завыванье трубы]
13 а. Звон, мерцанье и конский топ²
б. Звон, и трубы и конский топ
14 И качается грузный гроб.³
15–16 а. – Мой любимый, туши огни,
Мой любимый, мы не одни!
б. – Мой любимый, то смерти конь,
Мой несчастный, гаси огонь.
17 – Усмири непонятный страх,
Между 18 и 19 [Ночь глухая Ночь без огня]
– Ты убил, истерзал меня]
19 Ближе вой похоронных труб⁴
20 *начато:* а. И
б. Смутен шелест[◇]
Между 20 и 21 [– Ты убил, истерзал меня.
Ночь глухая, ночь без огня.]
21–22 а. – Мой красавец, мой бич, мой позор...
Ночь⁵ { }
б. Мой красавец, мой бич, мой позор...
Ночь простерла черный шатер⁶
23 *начато:* И[◇]
26 а. Я кладу тебя в гроб и пою.
б. В гроб кладу, как царицу свою.⁷

¹ *Начата правка:* А в ночных (?)

² *Было начато:* Звон и

³ *Было:* а. *начато:* И качается ме(рно?)

б. И качается безмерный гроб

⁴ *Было начато:* Ближе, ближе

⁵ *Вар. а ст. 21–22 вписан карандашом.*

⁶ *Вар. б ст. 22 после слова ночь записан чернилами.*

⁷ *Правка чернилами.*

- 27 а. В мгlistый вечер о ясной весне
 б. В мгlistый вечер о нежной весне¹

Варианты БА ИРЛИ

- 14 а. И мерцает огромный гроб.
 б. И качается тяжкий гроб.
 25 а. Знаю,² выпил кровь твою,
 б. Знаю, выпил я кровь твою,
 26 а. В гроб кладу я тайну мою,
 б. Я кладу тебя в гроб и пою,

Варианты Тг

- 7 *начато*: Буря сп(утанных)◇
 14 *начато*: И мерцает◇
 26 *начато*: В гроб◇
 27 *начато*: В м( )◇,

9. "НАД ЛУЧШИМ СОЗДАНИЕМ БОЖЬИМ..."

(С. 37)

Варианты ЧА в ЗК₃₀ (ЧА ЗК₃₀)

- Перед 1 [Всю гневную]
 3 Я женщину палкой ударил,◇
 Между 3 и 4 [Я сделал из гибкого тела
 Комок униженной тоски.
 б. Всегда так бывает – полюбишь –
 Захочешь, захочешь – ударишь,
 Ударишь – и кончены счета
 С любовью – презренье и стыд.
 в. Всегда так бывает – полюбишь –
 Захочешь, захочешь – ударишь,
 Презренье – замена любви.]
 8 Вливается³ вечер ненастный
 12 *начато*: Далекое◇
 14 Тому, что мне ветер поет◇
 17 *начато*: И◇

¹ *Правка чернилами.*

² *Было начато*: Знаю, я

³ *Было начато*: Глядит

ДЕМОН

("Иди, иди за мной – покорной...")

(С. 38)

Варианты ЧА в ЗК₄₈ (ЧА ЗК₄₈)

- 9–12 а. И от дождя эфирной пыли¹
И от круженья (   )
Всей силой мышц и мощью крылий,
Я охраню (   )
- б. Я от дождя эфирной пыли²
И³ от круженья – охраню
Всей⁴ силой мышц и сенью крылий –
И, вознося, не уроню.
- 13–16 а. И там, в сверканьи, белом, вечном,
На⁵ незапятнанном лугу,
Я стану страстным, человеческим,
Я жалостью тебя ожгу.
- б. И там, в горах, в сверканьи белом,[◇]
На незапятнанном лугу,
Божественным и дивным телом[◇]
Тебя я странно обожду.
- 19–20 Та (истекающая) жалость,[◇]
Что страстью ты (   ) зовешь?[◇]
- 22 Когда, проникнутая⁶ мной[◇]
- 26–27 Я вознесу тебя туда,[◇]
Где⁷ кажется звезда (   )[◇]
- 29–32 Вся (   ) от восхищенья[◇]
Ты⁸ узришь новые миры,
Невероятные виденья⁹ –
Создания моей игры...¹⁰
- 33–36 а. Я распушу тихонько крылья,
И улыбнусь тебе: Лети.
(   )
(   )

¹ Было начато: Ты под дождем

² дождя заключено в скобки, затем зачеркнутые.

³ Было начато: Тебя я

⁴ Было начато: Я

⁵ Было начато: Вдали

⁶ Было начато: Когда, проникнув

⁷ Было начато: Где зве(зды)

⁸ Было начато: Пройдут

⁹ Было начато: Ты будешь

¹⁰ Было: И неизвестные миры

Ст. 29–32 записаны после ст. 37–40, перестановка строк обозначена красным карандашом.

- б. Полна восторга и бессилья,
Шепнешь ты, вздрогнув, отпусти...¹
И распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: Иди.
- в. Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь Ты: отпусти...
И распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.
- 40 а. В зияющую пустоту.
- б. В сияющую пустоту.

*Варианты Т₉, авторизованной машинописи РГБ (АМ-РГБ) и публикации
в «Альманахах "Творчество"» (АТ)*

- Подзаголовок (упражнение).
- 30 У зришь ты, новые миры – (АМ-РГБ)
- 30 У зришь ты новые миры – (АТ)

ГОЛОС ИЗ ХОРА

("Как часто плачем – вы и я...")

(С. 39)

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

- л. 2 О, если бы знали, дети, вы²
Холод³и мрак грядущих дней
Один, один – в холодной мгле
Ты будешь солнце на небо звать⁴
Оно не встанет
Ты
Что камень – канет⁵
Жизнь и⁶ мученье

¹ Было: а. Полна восторга и бессилья,
Задремлешь на моей груди,
б. Ты от восторга и бессилья,
Задремлешь на моей груди,

² Было начато: О, если б знали вы

³ Было начато: Гря( )

⁴ Было: Ты будешь солнце звать

⁵ Внизу приписан вариант обманет

⁶ и вписано.

- л. 2 об. Блеснет во тьме ночной кинжал¹
 Руки² убийственной
 Ни
- л. 3 Ты милой руки страстно жал
 В ночи Таинственной
 Смотри – блеснет сквозь ночь кинжал³
 В руке убийственной
 Ты звал ее душой своей

Простись навек с душой твоей

- л. 3 об. Только дети, да глупые знают⁴
 Мрак и холод грядущих дней,⁵
 Я хочу, чтоб душа веселилась⁶
 В самый мертвый полуночный час,⁷
 Чтоб⁸ в страну, куда ты удалилась
 В легком⁹ танце душа понеслась
 Я крылатым¹⁰ рожден и веселым,
 Это¹¹ нынче лишь
 Лишь до времени камнем тяжелым
 Вход завален и дух мой в гробу

Черновые наброски (ЧН ИРЛИ)

О, если б знали, дети, вы,
 Холод и мрак грядущих дней
 Ты будешь солнце на небо звать
 Оно не встанет
 <   >
 Как камень, канет...
 Ты милой руки страстно жал
 В ночи таинственной
 <   > блеснет <   > кинжал
 в руке убийственной

¹ Было начато: Блеснет во тьме ночей

² Было начато: Небесн( )

³ Было: Смотри – блеснет во тьме кинжал

⁴ Было: знали

⁵ грядущих зачеркнуто и восстановлено.

⁶ Было: Я хочу, чтобы ты веселилась

⁷ Было начато: Хоть в часы

⁸ Было начато: ^{а.} И
^{б.} Чтобы (?)

⁹ Было начато: В(нрзб)

¹⁰ Было начато: Я хочу

¹¹ Было начато: Я и

Ты звал ее душой своей
Простись навек с душой твоей

Тише воды, ниже травы,
Будьте вы жизнью довольны своей¹

Первоначальная редакция (ЧА ИРЛИ)

Заглавие *отсутствует*

Как часто плачем, вы и я,²
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руки жмешь,
Играешь, с ней, шутя.³
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой – нож,
Дитя, дитя!⁴

(10) Дитя, весны ты будешь ждать –⁵
Она обманет,⁶
Ты будешь солнце на небо звать –⁷

---

¹ Было: Будьте вы в жизни счастливой своей

² Было: Мы плачем часто, вы и я,

³ Было: а. Ты будешь милой руки жать
В ночи таинственной –
б. Ты милой руки нежно жмешь,
Беспечное дитя!

⁴ Было: а. Смотри – уже сверкает нож,
В руке убийственной!..
б. Смотри – уже сверкает нож,
В руке единственной

После ст. (9) *наброски:*

а. Ты назовешь

б. Ты

в. Ты женщину душой своей
Зовешь

г. Ты женщину душой своей
Вон ту

⁵ Было: а. *начато:* Ты буд(ешь)

б. Зовешь ты солнце утром

в. Ты будешь ждать весенних дней

г. Поры весенней будешь ждать, –

⁶ Было: Обманет, –

⁷ Было: Ты будешь солнце в небо звать –

Оно не встанет.¹
А крик, когда ты начнешь кричать,²
Как камень, канет...
Лжи и коварству меры нет,³
А смерть – далека.
Все будет <   > страшный свет,⁴
И все безумный вихрь планет⁵
(20) Еще – века, века...!

И век последний – ужасней всех –⁶
Увидим и вы, и я...⁷
Чума <   > грех⁸
На всех устах – застывший смех,⁹
Тоска небытия.¹⁰

Варианты Т₈ и БА РГАЛИ

Заглавие *отсутствует*
7а. *как в основном тексте*¹¹
б. Испуган ты, заметив ложь, (Т₈)
7 Испуган ты, заметив ложь, (БА РГАЛИ)
Вместо 27 Тише воды,
Ниже травы! (БА РГАЛИ)

¹ Было: Не встанет.

² Было: а. Твой крик, когда ты начнешь кричать,
б. начато: И

³ Было начато: Ты

⁴ Было: а. начато: И самый
б. Все тот же серый, страшный свет,

⁵ Было: Все тот же безумный вихрь планет,

⁶ Было: а. начато: Еще
б. И наконец – железный век,
Последний
в. И наконец – последний век,

⁷ Было: Весь ужас бытия

⁸ Было начато: Во всех сердцах

⁹ Было: а. начато: И на губ(ах)
б. На всех устах – застывший смех, –

¹⁰ Было начато: У

¹¹ Вар. а не зачеркнут.

ВОЗМЕЗДИЕ

"О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ..."

(С. 43)

Первоначальная редакция в ЗК₂₂ (ЧА ЗК₂₂)

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. – И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.¹
Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,²
И сны встают в земной дали.

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,³
Когда твое лицо в простой оправе⁴
(10) Передо мной сияло на столе.

Но час настал – свой плащ скрутило время,
И меч блеснул – и стены разошлись.
И я пошел с толпой туда, за всеми,
Где призраки всем милые ждались.

Мелькала нам за серой кручей – круча,
Народ роптал, вожди лишились сил,
Навстречу нам шла грозовая туча,⁵
Мгновенных⁶ молний сноп ее дробил.⁷

И руки повисали, точно плети,⁸
(20) Когда кругом, завидя кулаки
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в печальные платки.

---

¹ Было: На разных двух концах земли.

² Было: Часы. Идут года походкою столетий,

³ Было: Я забывал в те памятные дни,

⁴ Было начато: ^а. Когда твой лик

^б. Когда твой милый лик

⁵ Было начато: Навстречу шла

⁶ Было начато: И

⁷ Было: Мгновенных молний сноп по ней рябил.

⁸ Было начато: И опускались руки

И я¹, без сил, бежал, бежал из строя,²
За мной с горы сошли толпы других,
Но не сияло небо голубое,
И солнце скрылось в тучах грозových.
Скитались мы, беспомощно роптали,
На месте прежних хижин не нашли³
И у ночных костров, дрожа, мечтали
(30) Искать иной, неведомой земли...

Напрасный жар! Напрасные надежды!
Мечтали мы, мечтаний не любя,
И не было ни пищи, ни одежды,
Ни крова, ни свободы... ни Тебя!
Я звал Тебя – и Ты⁴ не оглянулась.
Я слезы лил – и Ты не снизошла.
Ты в серый плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.⁵

(40) Не знаю, где приют своей гордыне⁶
Ты, милая, ты, нежная, нашла,
Я крепко сплю, и вижу плащ твой синий,⁷
В котором ты в сырую ночь ушла.

Уж не мечтать о нежности, о славе!
Все миновалось – молодость прошла
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Варианты БА РГАЛИ, Т₆, НР НЧ

Без деления на четверостишия (БА РГАЛИ, Т₆)

- 3 Когда лицо твое в простой оправе ◇ (Т₆, НР НЧ)
12 Я звал тебя, как молодость свою... (БА РГАЛИ)
12 Я звал тебя, как молодость свою... ◇(Т₆)
19 Я крепко сплю, я вижу плащ твой синий, (БА РГАЛИ)
19 Я крепко сплю, я вижу плащ твой синий, ◇(Т₆)

¹ Было начато: И, не

² Было: И я, без сил, как тать, бежал из строя,

³ Было начато: И

⁴ Было: ты

⁵ Было начато: И

⁶ Было: Не знаю, где теперь приют твоей гордыне

⁷ Было начато: ^a. Я крепко сплю. Во сне

^b. Я крепко сплю, и вижу пр(ежний?)

ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ

("И час настал. Свой плащ скрутило время...")

(С. 43)

Варианты T₈ и БА ГПБ

- Заглавие *отсутствует (T₈)*
- 1 Мой час настал. Свой плащ скрутило время, ◇(T₈)
- 10 *начато*: Когда кр(угом) ◇(T₈)
- 11 *начато*: Грозящие детям ◇(T₈)
- 13 а. *как в основном тексте*
- б. И я, без сил, отстал, ушел в иное,¹(T₈)
- 13 а. *как в основном тексте*
- б. *как в T₈, вар. б* ◇(БА ГПБ)
- 14 За мной с горы сошла толпа других, (T₈)
- 17 Скитаясь, мы беспомощно роптали,
- 21 а. Напрасный жар! Напрасные надежды!
- б. Напрасный жар! Напрасные скитанья! (T₈)
- 22 а. Скитались мы, скитаний не любя!
- б. Мечтали мы, мечтаний не любя! ◇(T₈)

Варианты публикации в ЕЖ

- 13 *как в T₈, вар. б*
- 14, 17 *как в T₈*

"ОНА, КАК ПРЕЖДЕ, ЗАХОТЕЛА..."

(С. 44)

Варианты T₆

- Между 4 и 5 а. Как белый ангел в воскресенье,
Вошла тихонько поутру,
Не ведая, что нет спасенья,
Что умирающий – умру.
- б. *зачеркнуты*
- 9–12 *зачеркнуты*
- 24 Костер волнений залила... ◇

¹ Вписано карандашом при незачеркнутом предыдущем варианте.

Варианты публикаций в газ. "Правда жизни" (ПЖ),
НЧ, Ш₁(НР₁₋₂ Ш₁), Ш₂

Заглавие На закате (ПЖ, НЧ, Ш₁(НР₁₋₂ Ш₁))
Между 4 и 5 как в Т₆, вар. а (ПЖ)
9-12 отсутствуют (Ш₂)

"НОЧЬ, КАК НОЧЬ, И УЛИЦА ПУСТЫННА..."

(С. 45)

Черновой автограф в ЗК₂₃ (ЧА ЗК₂₃)

I. Первоначальная редакция

Ночь сыра и улица пустынна.¹

Так всегда.

Для кого же ты была невинна

И горда?

Лишь сырая мгла течёт с карнизов.²

Я и сам

Приготовлюсь бросить мрачный вызов

Небесам.

Ничего на свете молодого

(10) Больше нет.

Я (нрзб) ( )

Пистолет

II. Переработка первоначальной редакции

(1) Ночь, как все, и улица пустынна.

Вм. (9-12) Все на свете, все на свете знают –

Счастья нет.

И который раз рукой сжимают³

Пистолет?

Ст. 13-16 основного текста вписаны:

¹⁴ Вновь живут?

^{15 а.} День за днем – тяжела(я) задача –

^{б.} День, как день – ведь решена задача –

¹ Было: Ночь глуха и улица пустынна.

² Было начато: ^{а.} Если так, то не о чем

^{б.} Если мгла

^{в.} Если только мгла

³ Было: И который раз рука сжимает

Заглавие Ночь, как ночь... (НЧ)

Без деления на строфы (Т₆, Речь)

7 Приготовлюсь бросить злобный вызов (Речь, НЧ, III₁)

7 Приготовлюсь бросить злобный вызов ◊(Т₆, РЭ III₁,

Изборник)

"Я СЕГОДНЯ НЕ ПОМНЮ, ЧТО БЫЛО ВЧЕРА..."

(С. 45)

Черновой автограф в ЗК₂₄ (ЧА ЗК₂₄)

I. Первоначальная редакция

Я сегодня не помню, что было вчера,¹

По утрам забываю свои вечера,

В белый день забываю огни,

По ночам забываю дни.²

Но все ночи и дни наплывают на нас

Перед смертью в торжественный час.

И тогда – в пустоте, в духоте³

Слишком больно мечтать о былой красоте

Уж никто не поможет на смертном одре,⁴

(10) И никто не встревожит в седом серебре⁵

И печатью серебряной залит ларец,

В нем рожденье, любовь и конец,

Перед ним – мертвец.

II. Переработка первоначальной редакции

Вм. ст. (8) Слишком больно мечтать о былой красоте

Между ст. (8) и (9) как ст. 10–12 основного текста

(11)–(12) Печатью серебряной залит ларец,

В нем рожденье, любовь и смерть,

После (13) Над ними – твердь.

¹ Было: Сейчас я не помню, что было вчера,

² Было: По ночам забываю печальные дни,
В белый день забываю ночные огни.

³ Было: И тогда – в пустоте, и тогда в духоте

⁴ Было: ^{а.} начато: Уж никто не поможет, когда
^{б.} Уж никто не поможет
На смертном одре,

⁵ Было: И никто не встревожит:
Все в седом серебре

Варианты Т₇

- 7
После 12 а. И тогда – в духоте, в пустоте
Уж никто не поможет
На смертном одре,
И ничто не встревожит
В седом серебре.
Печатью серебряной залит ларец.
В нем – рождение, любовь и смерть.
Перед ним – мертвец.
Над ними – твердь.
б. *зачеркнуто*

Варианты публикаций в газ. "Речь" и НЧ

- Заглавие Я сегодня не помню... (НЧ)
Без деления на строфы (Речь)
7 И тогда – в духоте; в пустоте – (Речь)
После 12 как в Т₇, вар. а (Речь)

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА.."

("Когда под заступом холодным...")

(С. 46)

Варианты Т₇ и публикации в НЧ

Без деления на строфы

- 7 Уж проступили злые пятна ◇(Т₇)

"КОГДА Я ПРОЗРЕВАЛ ВПЕРВЫЕ..."

(С. 46)

Варианты БА ИРЛИ и публикации в НЧ

- Заглавие Когда я прозревал... (НЧ)
4 И трубный Ангел в высоте. (БА ИРЛИ)

"ДОХНУЛА ЖИЗНЬ В ЛИЦО МОГИЛОЙ..."

(С. 47)

Вариант публикации в НЧ

- Заглавие Дохнула жизнь...

"КОГДА, ВСТУПАЯ В МИР ОГРОМНЫЙ..."

(С. 47)

Варианты Т₇ и публикаций в альм. "Антология", НЧ(НР НЧ)

- Заглавие Вступление (*Антология*)
Заглавие Когда, вступая в мир... (*НЧ*)
Посвящение *отсутствует* (*Антология*)
10 И страхом уж не дышишь ты; ◇(*Т₇, НР НЧ*)
15 А жизнь, не зная разрушенья, ◇(*Т₇, НР НЧ*)
15 А жизнь, не зная разрушенья, (*Антология*)

"ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ ПРОШЕЛ БЕЗ ДЕЛА..."

(С. 48)

Варианты публикаций в журн. НС и НЧ

- Заглавие Итог (*НС*)
Заглавие Весенний день прошел... (*НЧ*)

"КАКАЯ ДИВНАЯ КАРТИНА..."

(С. 48)

Варианты Т₇ и НР НЧ

- Заглавие Мой север (*Т₇*)
Заглавие а. Мой север
б. [На севере] (*НР НЧ*)
1-4 *зачеркнуты*

Варианты публикаций в РМ, НЧ, Ш₁, Ш₂

- Заглавие На севере (*РМ*)
Заглавие Здесь дух мой злобный... (*НЧ*)
1-4 *отсутствуют*

"ТЫ В КОМНАТЕ ОДИН СИДИШЬ..."

(С. 49)

Варианты Т₇

- Заглавие а. Последний час
б. Искуситель
22 Забудь о споре. ◇
29-32 а. Старинный друг, смотри, смотри
И слушай трубы!
Сияние другой зари

- Тебя целует в губы!
- б. Я в царский саван облеку
Тебя охотно
И пышный труп твой сволоку
Я в дар земле болотной!
- в. как в основном тексте

Вариант публикаций в альм. "Антология", НЧ, III,

Заглавие Искуситель

"КОЛЬЦО СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕСНО..."

(С. 50)

Черновой набросок в ЗК₂₇(ЧН ЗК₂₇)

Но все один и тот же жребий¹

{ }

Опять любить ее на небе

И изменять ей на Земле

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

I. Набросок

Все тот же... жалкий жребий

{ }

Опять любить ее на небе

И изменить ей на земле²

II. Варианты

- 5 а. И мой такой же, верно, жребий
- б. И мне все тот же, верно, жребий[◇]
- 7 Опять – любить ее на небе[◇]
- 8 а. как в основном тексте
- б. И изменить Ей на земле.
- Вариант Т₈ и публикации в РМ
- 8 как в ЧА ИРЛИ, вар. б

"ЧЕМ БОЛЬШЕ ХОЧЕШЬ ОТДОХНУТЬ..."

(С. 50)

Варианты ЧА ЗК₂₈

- 2 Тем жить страшней, тем жизнь страшней
- 5 а. И душат сны
- б. По бархату ночей.
- После 7 вписано: { } все равно

¹ Первая строка вписана.

² Было: И изменять ей на земле

8–10 – Разбудит кто-нибудь
отсутствуют

Вариант Т₇ и публикации в «Сборнике товарищества "Знание"
за 1912 год» (Знание)

Заглавие Усталость

ШАГИ КОМАНДОРА

(“Тяжкий плотный занавес у входа...”)

(С. 50)

Наброски в ЗК₃₁(ЧН ЗК₃₁)

л. 44 об. Шагов тяжелых Командора¹
л. 45 Жизнь пуста, безумна и бездонна,²
Дай забыть, дай вспомнить об ином,
Он пропел – победно и влюбленно³
Твой рожок – в ( ) голубом

л. 45 об. [Твой мотор сверкнул сквозь мглу]
[Он]
Пролетел, сверкнув сквозь мглу очами
Твой безумный, черный твой мотор
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступил старинный командор

Далее на л. 46 запись:

Я кощунствовал – и услышал
рожок
Пролетел мотор и
командор вошел в
мой дом.
– Ты звал меня на пир?
– Налейте вина командору.
– ( )

Наброски в ЗК₃₂(ЧН ЗК₃₂)

л. 25 Настежь дверь. Из непомерной стужи
Словно хриплый бой ночных часов⁴
Твой дурак позвал меня на ужин

¹ Было: командора

² Было: а. Жизнь скушна, безумна и бездонна,
б. Жизнь скучна, безумна и бездонна,

³ Было: а. *начато*: Мне пропел – в рожок
б. Уж пропел – победно и влюбленно

⁴ хриплый заключено в скобки.

Я пришел на зов...
Прочь... ( )
Слуги спят и ночь темна

Командору нет вина!

Там зажгла огни ночная скука...

Донна Анна встанет из могилы
В час, когда ты будешь умирать.

Что изменнику блаженства звуки
Донна Анна видит сны.

Варианты T₇ и публикации в РМ

Посвящение	Посв(ящается) В. Зору (В.А. Зоргенфрею) (T ₇)
Посвящение	<i>отсутствует (РМ)</i>

"МОЙ БЕДНЫЙ, МОЙ ДАЛЕКИЙ ДРУГ!.."

(С. 52)

Вариант T₇ и публикации в РМ

С делением на четверостишия

"КАК СВЕРШИЛОСЬ, КАК СЛУЧИЛОСЬ?.."

(С. 52)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 2 Был я беден, нищ и мал.
- 3 *начато:* Но великий◇
- 4 Мне, убогому, открылась,◇
- 5 Я Высокое узнал.◇
- 6-7 а. Недостойный раб, я предал,
- б. Недостойный страж, уснул
- в. Недостойный раб, сокровищ
Я хранить
2. Раб презренный, я сокровищ,◇
Мне врученных, не хранил,◇

- 8 а. Царь мгновенный, страж случайный,¹
 б. Был я страж и царь случайный.
 9 Не пошел я на чудовищ[◇]
 11 а. Приручил я дикой лестью²
 б. Приручил я страшный лестью[◇]
 13 Но не счесть нам вражьей стаи![◇]
 17 а. *начато*: Я пришел
 б. Сам пошел я в стан врагов.[◇]
 Между 20 и 21 [Был я [счастлив] ( ), как небожитель,³
 Слеплен на эту ночь
 Всеми]
 21–22 а. Падший ангел, был я встречен
 Всеми чарами земли.⁴
 б. Падший ангел, был я встречен,[◇]
 Как земной и юный бог.[◇]
 23 *начато*: Был я [◇]
 25 Я вошел (?) в ее чертог, [◇]
 27 *начато*: Обратясь,[◇]
 28 а. Но не спал мой грозный мститель.
 б. Но не спал мой грозный Мститель.
 29 а. Лик Его в ту ночь был светел
 б. Лик Его в ту ночь светил (?)
 в. Лик Его в те ночи светел
 30 Гневным светом на скале.
 32 а. *начато*: Скудный день
 б. Заалел мне скудный день.[◇]
 33 а. *начато*: Только
 б. Чьих-то крыл я чуял трепет,
 в. Только крыл был слышен трепет,[◇]
 34 Кто-то гневно в небо канул,[◇]
 35 *начато*: Как разгневаны ( )[◇]
 36 а. *начато*: Длился
 б. И томленье длилось, длилось...[◇]
 38 *начато*: Страстный[◇]
 41–42 а. Но стихало и стихало
 Все волнение
 б. Но стихала и стихала
 Нежить жалкая – и вдруг
 в. Но ( ) гонима^{5◇}

¹ Было *начато*: Царь мгновенных

² Было *начато*: Приручил их

³ Было *начато*: Был я счастлив

⁴ Исправлено: Всеми чарами пиров.

⁵ Было: томима

- 43–45 а. Нежить сгнула – и вдруг
 День, как призрак встал железный
 И рука неумолимо¹
 Предо мной замкнула круг.²
- б. День жестокий, день железный
 Вкруг меня неумолимо
 Описал жестокий круг.◇
- 48 И громадой бесполезной◇
 49 Душу жалкую обстала◇
 50 Прежде < > даль.◇
- 51 а. *начато*: Всех беднее
 б. Всех бедней и всех печальней, –
 в. Не таюсь я перед вами, –
 Между 55 и 56 [И идет ко мне навстречу]
 56–58 а. Выходи ж, не медли боле,
 Выходи ко мне, товарищ,
 б. Приходи, не медли боле,³
 Ты, как я, не ждешь звезды.
 Приходи ко мне, товарищ,
 59 Разделить земной неволи◇
 60 < > скорби и труды.◇

Варианты БА РГАЛИ

- 29–30 а. Лик Его в те ночи светел
 Гневным светом на скале.
 б. *как в основном тексте*
 56 *как в ЧА ИРЛИ, вар. б*◇

Варианты БА Изборника

- 29–30 а. Лик Его в те ночи светел
 Гневным светом на скале.
 б. Лик Его в ночи светил◇
 Гневным светом на скале.◇

¹ Было *начато*: Описав

² Было *начато*: За < >

³ Было: Приходи ж, не медли боле,

ЯМБЫ

"О, Я ХОЧУ БЕЗУМНО ЖИТЬ..."

(С. 57)

Черновой набросок в ЗК₂₅(ст. 9–12)(ЧН ЗК₂₅)

Пусть он живет "иным" – не это
Сокрытый двигатель его.
Он весь – дитя – добра и света¹
Он весь – свободы торжество.

Варианты ЧА ИРЛИ

- 2 а. Прошедшее увековечить,
б. Все сущее увековечить,
5 Пусть душит жизни сон тяжелый²
7 а. И голос бодрый и веселый
б. И голос юный и веселый³
в. Но голос юноши веселый
9 Пусть он живет друим – не это[◇]

Варианты Т₈

- 7 как в ЧА ИРЛИ, вар. в[◇]

Варианты публикации в "Маленькой газете" (МалГ)

Без деления на строфы

"Я УХО ПРИЛОЖИЛ К ЗЕМЛЕ..."

(С. 59)

Варианты Т₆

Заглавие Рабочему

С делением на четверостишия

- 10–11 Я слышу тяжкий, хриплый голос.
Не медли. Помни: поздний колос
13–14 Как зерна, злую землю взрой
И к солнцу поднимись. И ведай:
17–20 Взойдет и всколосится новь,

¹ Было начато: Он са(м?)

² Было: а. начато: Пусть

б. Но душит жизни сон тяжелый (вар. а, б – карандашом)

в. как в тексте

² как вар. б

³ Возможно чтение: Но голос юный и веселый

И по весне – для новой нови
Прольем ковши их жирной крови,
Чтоб зрела новая любовь.

Варианты публикации в журн. "Луч"

С делением на четверостишия

- 4 Бессмертную томишь во мне.
10–11, 13–14 как в T_6
17–20 отсутствуют

Варианты: переработки в T_6

- Заглавие *зачеркнуто*
10 Я слышу трудный, хриплый голос.
11 Не медли. Помни: робкий колос[◇]
13–14 как в основном тексте
17 начато: Лелей, [пой][◇]
18 а. как в основном тексте
б. Придет весна – над этой новью
19 Вспоенная их жирной кровью,[◇]
20 а. как в основном тексте
б. Повеет новая любовь.[◇]

Варианты НР Ямбы

С делением на четверостишия

- 4 Бессмертную томишь во мне![◇]

"ТРОПАМИ ТАЙНЫМИ, НОЧНЫМИ..."

(С. 59)

Варианты T_6

С делением на четверостишия

- 4 Их станут мучить упыри.
5 Обстанут призраки ночные
9 И корабли их в бездне водной
11–12 И, не успев дочесть отходной,
Сгниет пузатый иерей!¹
13–16 Так нам велит времен величье
И розоперстая Судьба,
Чтоб их проклятое обличье
Укрылось в темные гроба.
18–19 Рабочий сбросит с вольных плеч,
И гниль предстанет вечной пылью

¹ Ст. 9–12 заключены в прямые скобки карандашом, зачеркнутые затем чернилами.

Варианты переработки в Т₆(Т₆-(1907–1910))

- 4,5 как в основном тексте
9–12 а. как в основном тексте¹
б. зачеркнуты
13–16 Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба.²
Так нам велит времен величье
И розоперстая Судьба!
18 а. Рабочий, сбрось с могучих плеч, –
б. Свободный, сбрось с могучих плеч, –
19 И все предстанет легкой пылью³

Варианты НР Ямбы и публикации в журн. "Знамя"

С делением на четверостишия

- 14 Скрывайся в темные гроба! (НР Ямбы)
14 Укройся в темные гроба! (Знамя)

"В ГОЛОДНОЙ И БОЛЬНОЙ НЕВОЛЕ..."

(С. 60)

Варианты ЧА ЗК₂₄

- 1 *начато*: В голодное⁴
2 Нам день не в день, нам год не в год.⁵
3 а. Но знаем: всколосится поле,
б. Когда ж заколосится поле,
5–8 а. И шелестят уже во мраке,³
[Под] Под ветром тайным ( )
Дождем насыщенные злаки –
Еще
б. Дрожат и шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь,
Под ветром – полевые злаки –⁴
( )
в Что лето, – шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь,
Всю ночь, под тайным ветром злаки.⁵

¹ В ст. 12 была начата правка: Утонет!? ( ) иерей!

² Было: Пусть их проклятое обличье
Сойдет в ( ) гроба

³ Было: Как шелестят уже во мраке

⁴ Было: В полях подветренные злаки

⁵ Было: Всю ночь, под ветром тайным злаки.

- 9–12 а. Пора цветенья началась.
 Не миновать Господня лета¹
 Благоприятного и нам:²
 Народ – венец земного цвета
 Краса и радость всем цветам.
- б. *последовательность стихов – как в основном тексте*

"НЕ СПЯТ, НЕ ПОМНЯТ, НЕ ТОРГУЮТ..."

(С. 60)

Варианты Т₇

Заглавие Святая Пасха
 Вм. 1–4:(1–8) В тряпье покорности и веры
 Ты хочешь скрыть хозяйский стыд?
 Поверь: бесстыдству нету меры;
 Не счесть бесчисленных обид.
 Стыдится ли хозяин ражий
 Когда рабы, со всех сторон,
 И за убийства, и за кражи
 Ему дарят пасхальный звон?

Переработка в Т₇ (Т₇-1911)

1–4 *вписаны вместо зачеркнутых ст. (1–8)*

Варианты НР₂III₁

Без деления на строфы ◊

Вариант публикации в III₂

6 Которое Он в землю вбил,

"О, КАК СМЕЯЛИСЬ ВЫ НАД НАМИ..."

(С. 61)

Черновая редакция (ЧА ИРЛИ)

л. 229 Правдивы вы – и без прикрас,
 Стихи печальные поэмы! –³
 Да, слишком ярко помним все мы,⁴

¹ *Было начато:* Так

² *Было:* Благоприятного тебе,

³ *Было:* а. Но будь без лжи и без прикрас
 Моя печальная поэма! –

б. [0] Правдива ты – и без прикрас,
 Моя печальная поэма! –

⁴ *Было:* а. *начато:* Да, в холоде

б. Да, нас немного. Знаем все мы,

в. Да, нас немного. Помним все мы,

Как зло обманывали нас.¹
 Мы, современные поэты,
 За вас, от вас тоскуем вновь,²
 Храня священную любовь,
 Твердя старинные обеты!
 л. 230 Пусть будет прост и скуден храм,³
 (10) Где небо кроют мглою бесы,⁴
 Где слышен хохот желтой прессы,
 Жаргон газет и визг реклам,
 Где под личиной провокаций⁵
 Скрывается больной цинизм,⁶
 Где торжествует нигилизм –⁷
 Беспольный спутник "стилизаций",⁸

 Где "Новым Временем" смердит,⁹
 И хамство с каждым годом – пуще,¹⁰
 Где полновластны, вездесущи
 (20) Лишь офицер, жандарм – и жид,¹¹

¹ Было: Так зло обманывали нас.

² Было: а. Опять хороним наши сны,
 Но знайте – все мы влюб(лены)
 б. От вас сердца хороним вновь,
 в. Для вас, от вас мы плачем вновь,
 г. О вас, от вас мы плачем вновь,

³ Было: а. Пусть будет незаметен храм
 б. Пусть будет беден ( ) храм

⁴ Было начато: [Нам чужды] ( )
 [Когда кругом] ( )
 Жаргон газет и визг реклам,

⁵ Было начато: Где в

⁶ Было: а. Беспольный и (нрзб) цинизм,
 б. Беспольный и больной цинизм,

⁷ Было: а. И тот беззубый нигилизм –
 б. И где беззубый нигилизм –

⁸ Было: а. начато: (нрзб)
 б. Беззубый спутник "стилизаций",

⁹ Перед ст. (17): [Где ( ) стиль модерн]

Далее пробел перед ст. (17), возможно, для продолжения строфы.

¹⁰ Было: а. начато: И где равно ( )
 б. начато: Где ( )

в. Где хамство с каждым годом – пуще,

¹¹ Было: а. начато: И где равно (нрзб)
 б. И где равно неистребимы
 Нахальный офицер и жид,

Где память вечную Толстого¹
Стремится омрачить жена...²
Прочь, прочь! – Душа жива – она
Полна предчувствием иного!³
Поют подземные струи,
Мерцают трепетные светы...
Но – помни Тютчева заветы:
"Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои".

Вариант Т₈

Между 14 и 15 *интервал отсутствует*

Варианты правки в Т₈(Т₈-1915)

- 3–4 Когда певучими стихами
Мы грозно обличили вас!
11 Что ж – смейтесь и не верьте нам,
14 Поют, что в небе бродят светы...

Варианты публикации в РС

3, 4, 11, 14 *как в Т₈-1915*

Вариант Кор₁ Земли

- 4 Мы громко обличали вас![◇]

Варианты НР Ямбы

3, 11, 14 *как в Т₈-1915*

Варианты Изборника

- 3–4 а. За то, что тихими стихами
Мы громко обличали вас!
б. Когда певучими стихами
Мы грозно обличали вас!
11 а. Так – смейтесь и не верьте нам
б. Что же, смейтесь и не верьте нам
14 *как в Т₈-1915*

---

¹ Было: И где священный прах Толстого

² Было: а. начато: Позорит ( )

б. начато: Жена и сын (?)

в. Стремится оскорбить жена...

³ Было: а. Прочь, прочь! – Предчувствием иного
Душа свободная полна!

б. Прочь, прочь! – Душа – она полна
Уже предчувствием иного

"Я – ГАМЛЕТ. ХОЛОДЕЕТ КРОВЬ..."

(С. 61)

Варианты ЧА ЗК₂₄

- 2 а. *начато*: Когда коварство сети (>)
б. Когда плетет коварство сети.
4 Жива – к одной на целом свете. ◊
5–8 а. *начато*. Нежна Офелия моя
б. (>) (Офели)ю (мо)ю¹
(>)
И гибну принц в чужом краю.²
Пронзен отравленною шпагой
в. Тебя, Офелию мою,³
Унес далеко жизни холода⁴
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.⁵

Вариант III₂

- 5 Ее, Офелию мою,

"ТАК. БУРЯ ЭТИХ ЛЕТ ПРОШЛА..."

(С. 61)

Варианты ЧА ЗК₂₄

- 1–4 *отсутствуют*
5 И страшно и легко и больно, –⁶
7 а. *как в основном тексте*⁷
б. Опять целую богомольно
8 а. *начато*: Воздушной
б. Ее невидимую ткань.
9 а. *начато*: За легкоперой
б. И сердце бьется слишком скоро
13 Забудь, забудь, что в странном мире, ◊
14 а. *начато*: Взлети... и будет там
б. Взмахни крылом – взлети... туда...

¹ Окончания вписаны при незачеркнутом предыдущем вар.

² Было: Но гибнет принц в чужом краю

³ Было: Но ты, Офелия моя,

⁴ Было *начато*: Унес поток

⁵ Было: Клинком отравленным пронзенный.

Вар. а, б ст. 5–8 записаны карандашом, вар. в – чернилами.

⁶ Было: Мне страшно и легко и больно, –

⁷ И я заключено в скобки.

- 15 а. Нет! Я один – не пьян на пире!
 б. Нет! Не один я был на пире!
 После 16 следовал набросок: [Есть крылья – да в крови тяжелой,
 Есть силы¹ – да
 Вот погоди!]

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ст. 1–3) (ЧН ЗК₂₆)

[Так. Буря этих лет прошла
 Мужик поплелся бороздою,
 Как воздух черной.]

Варианты ЧА ИРЛИ (ст. 1–4)

- 3 Как воздух, черной. Надо мною

Варианты Т₈

- 1–4 *вписаны и зачеркнуты*

- 3 *как в ЧА ИРЛИ*[◊]

Варианты публикаций в РС и "Маленькой газете" (МалГ)

*Без деления на строфы*² (МалГ)

- 1–4 *отсутствуют*

Варианты НР Ямбы

- 1 Так. Буря грозная прошла.

- 3 *как в ЧА ИРЛИ*

"ДА. ТАК ДИКТУЕТ ВДОХНОВЕНЬЕ..."

(С. 62)

Черновой автограф (ЧА ИРЛИ)

1. Набросок

- л. 309 [Но так ( )
 ( ) мечта³
 Все льнет туда, где униженье,⁴

¹ *Было начато:* Есть сила

² *Публикация в МалГ – перепечатка из РС, где, однако, деление на четверостишия имеется.*

³ *Было:* ^{а.} *начато:* Что

^{б.} Но ты прости мне эту малость
 Поэта вольная мечта

^{в.} Но ты прости мне эту малость:
 Поэта чистая мечта

⁴ *Было:* ^{а.} Всегда вольнее там, где горе,

^{б.} Всегда блуждает там, где горе,

^{в.} Всегда блуждает там, где жалость

Где грязь, и мрак, и нищета,¹
И я люблю сей мир ужасный,²
За ним сквозит мне мир иной,³
Неопксуемо прекрасный⁴
И человечески – простой...]

II. Черновая редакция

- л. 310 Но так велит мне вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета,
И я люблю сей мир ужасный:⁵
За ним виднее мир иной –
Обетованный и прекрасный,
Непредставимый⁶ и простой...
л. 311 А если ты не жнешь, не сеешь,⁷
(10) Коль ты "Так просто – человек",
То что ты знаешь? Что ты смеешь
Судить в безумный этот век?
Ты был ли жалок и унижен –⁸

Возможно иное чтение вар. б.: Всегда вольнее там, где жалость

¹ Было: Где мрак, и грязь, и нищета,

² Было: И я люблю сей дух ужасный,

³ Было: ^{a.} начато, Где ( )
^{b.} начато: В них ( )

^{a.} В нем предстоит мне мир иной,

⁴ Было: ^{a.} Иной – немислимо прекрасный

^{b.} Иной – не ( ) прекрасный

⁵ Было начато: Люблю сей мир ужасный:

⁶ Непредставимый заключено в скобки и отмечено знаком вопроса.

⁷ Было начато: ^{a.} А если это

^{b.} А если ты иному миру
Не веришь

Далее после пробела следовали наброски карандашом, переработанные затем в текст ст. (11–17):

^{a.} И что ты знаешь? Что ты можешь

^{b.} И что ты знаешь? Как ты можешь
Судить в безумный этот век?

Ты видел ли детей в Париже?

[Когда я вспомню [ужас жизни] жизни ужас,
Я (нрзб) ( ) да, он прав!]

⁸ Было начато: ^{a.} Ты падал ли

^{b.} И сам ты падал

^{a.} Все, что несчастно, к небу ближе,
( ) ниже

^{b.} Ты был ли жалок и унижен?

Болезнью, голодом, тоской?
 Ты видел ли детей в Париже
 Иль нищих на мосту зимой?¹
 На непроглядный ужас жизни
 Открой скорей, открой глаза,
 Пока великая гроза
 Все не смела в твоей отчизне!²
 И пусть он зреет, правый гнев,³
 Не там, где тяжело жизни бремя...
 Чудак мой злое сеял семя,⁴
 Но не бесплоден был посев...⁵
 Но только – лживой жизни этой
 л. 312 Румяна жирные сотри,
 (20) И, как пугливый крот, от света
 Заройся в землю – и замри,⁶
 Всю жизнь жестоко ненавидя
 И проклиная этот свет,⁷
 Пускай – грядущего не видя,
 Но существу сказавши: "Нет!"

Томим болезнью иль

¹ Было: *a. начато:* Ты видел
b. как в тексте

c. Зимую нищих на мосту?

² Было: Все не смела в твоей отчизне,

³ Стиху предшествовал набросок:

Клеймом на совести людской
 Лишь не на тех, кто ниц и жалок
 И мой старик

⁴ Было: Старик мой злое сеял семя,

⁵ Было: И не бесплоден был посев...

⁶ Было: (17-20) *a. начато:* Он прав уж

*b. Он прав хоть тем, что жизни этой
 Взглянул в бесстыдное лицо*

*a. Он прав хоть тем, что жизни этой
 Взглянув в бесстыдное лицо*

*2. Он прав хоть тем, что жизни этой
 Бесстыдное лицо он (   )*

*δ. Он прав хоть тем, что жизни этой
 Румяна жирные отверг,
 [Ушел как] Что, как пугливый крот, от света
 Зарылся в землю – и померк,*

⁷ Было: *a. Едва влача существованье
 И ненавидя*

*b. Едва влача существованье,
 Жестоко ненавидя свет,*

*a. (   ) жестоко ненавидя,
 (   ) свет,*

Варианты БА РГАЛИ¹

- 1 Но так велит мне вдохновенье:
Вм. 5-6: (5-14) И я люблю сей мир ужасный:²
За ним сквозит мне мир иной.
Обетованный и прекрасный.
И человечески – простой.
И, если ты не жнешь, не сеешь,
Коль ты "так просто – человек",
То что ты знаешь? Что ты смеешь
Судить в безумный этот век?
Ты был когда-нибудь унижен³
Болезнью, голодом, нуждой?
13-16 И пусть разит твой правый гнев
Не тех, кто носит жизни бремя...
Чудак мой злое сеял семя,
Но не бесплоден был посев...
17-20 Он прав хоть тем, что жизни этой
Румяна жирные отверг,
Что, как пугливый крот, от света
Зарылся в землю, там померк,
22 И проклиная этот свет,

Черновой набросок (ЧН ГПБ)

Так мне диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где унижение,...
Где грязь, и мрак, и нищета,
И я хочу спуститься ниже –
Оттуда зримей мир иной...⁴
Ты видел ли детей в Париже?
Иль нищих на мосту зимой?
На непроглядный ужас жизни
{ }
{ } отчизне, –
Дай гневу правому созреть,⁵
И закали в работе руки...
Не можешь – дай тоске и скуке⁶
В тебе копиться и гореть,

¹ Начало автографа (со слов: "Так жил отец: скупцом забытым") см. в разд. "Другие редакции и варианты" к поэме "Возмездие" (т. 5 наст. изд.).

² Было: И я люблю сей мир ужасно.

³ Было: Ты был ли жалок и унижен

⁴ Было: ^{а.} За ним виднее мир иной...

^{б. начато:} Оттуда з(римей?)

⁵ Было начато: И пусть

⁶ Было: Не можешь – дай безумной скуке

Варианты Т₈

- 1 Так мне диктует вдохновенье:
5 Хочу сойти безмерно ниже,
19 И, как пугливый крот, от света
20 Заройся в землю – и замри,
24 Но существу сказавши: нет!

Варианты БА ИРЛИ

- 1 как в Т₈
5 Хочу сойти безмерно ниже, –
19 И, как пугливый крот, от света
25 *Начато: И*[○]

Варианты переработки в Т₈ (Т₈-1915)

Заглавие Современнику

С делением на строфы

- 1 Да, так диктует вдохновенье:
2 Поэта вольная мечта
4 Где грязь, где мрак и нищета!
5 *как в основном тексте*
12 Безумствует в твоей отчизне; –
13 а. *начато: И дай*
б. Дай совести в себе созреть
14 И приготовь к работе руки...
Ст. 17–18 следуют после ст. 19–20
19 *как в основном тексте*
21–24 а. Жизнь молчаливо ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя,
Дням настоящим молвив: нет!
б. Пусть жизнь ты страстно ненавидишь,
Пусть жалкий презираешь свет,¹
Пускай грядущего не видишь, –
Себе сказал ты твердо: – Нет!
в. Пусть жизнь ты, бедный, ненавидишь,
Пусть разучился видеть свет,
Пускай грядущего не видишь, –
Себе, себе сказал ты: – Нет!

¹ *Исправлено: Пускай забыл старинный свет,*

Варианты БА ГПБ

- Заглавие * как в Т₈-1915
С делением на четверостишия
2, 4 как в Т₈-1915
12 Безумствует в твоей отчизне,
13-14 Дай совести в себе созреть
И приготовь к работе руки!
19-20 отсутствуют
21-24 как в Т₈-1915, вар.б¹

Варианты публикаций в БВ и БВ 2-е изд.

- Заглавие как в Т₈-1915
С делением на четверостишия
2, 4 как в Т₈-1915
5 Туда, туда, смиренный,² ниже –
12 Безумствует в твоей отчизне.
13-14 как в БА ГПБ
Ст. 17-18 следуют после ст. 19-20
21-24 как в Т₈-1915, вар.в

Вариант Кор₁ Земли

- 19 И как пугливый крот, от света[◇]

Варианты НР Ямбы

- 4 а. начато: Где грязь
б. Где мрак, где грязь и нищета!
Вм. 13-14 И пусть разит твой правый гнев
Не там, где тяжко жизни бремя...
Иной и злое сеял семя,
Но не бесплоден был посев!
Приготовляя к работе руки,
Дай совести в тебе созреть...
22 И злобно презирая свет,

Вариант публикации в Ямбы

- 19 И, как пугливый крот, от света

Варианты публикации в журн. "Знамя"

- 1 Да, так велит мне вдохновенье
Вм. 5-6 И я люблю сей мир ужасный:
За ним сквозит мне мир иной,

¹ Нет! в ст. 24 подчеркнуто.

² смиренный вместо "смиренней", возможно, опечатка

- Обетованный и прекрасный,
 И человечески-простой.
 И, если ты не жнешь, не сеешь,
 Коль ты "так просто – человек",
 То что ты знаешь? Что ты смеешь
 Судить в безумный этот век?
 Ты был когда-нибудь унижен
 Болезнью, голодом, нуждой?
 Вм. 13–16 И пусть разит твой гордый гнев
 Не тех, кто тащит жизни бремя...
 Иной и злое сеял семя,
 Но не бесплоден был посев...
 17–20 Он прав хоть тем, что жизни этой
 Румяна жирные отверг,
 Что, как пугливый крот, от света
 Зарылся в землю, там померк.
 22 И проклиная этот свет,

"КОГДА МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С ТОБОЙ..."

(С. 62)

Черновой набросок (ЧН ИРЛИ)

- л. 168 И¹ новых встреч [позорный] сон
 И ночи, где темно и вольно

 Как скучно, холодно и больно

 И² днем я – пугало ("поэт"),³
 А ночью – призрак жизни вольной,⁴

¹ *Перед стихом наброски:*

[Потом дни]
 [И дни потом – как черный дым]
 [И по ночам безумно вольно...]
 [И глупость]
 [И ночи, ночи [заревые] дождевые]
 И дни, и дни – как [черный] дым

² *Перед стихом наброски:*

[И] [речи] [люди]
 [И цвет убогий]
 [Над черной Вислой]
 [И жалкий]
 [И ложь дневных]

³ *Далее следуют наброски:*

[И]
 [Потом]
 [А люди?] [И люди?]

⁴ *Было: Убогий призрак жизни вольной,*

Над черной вислой – пьяный бред...¹
Как скучно холодно и больно!

Потом – ( ) лжи дневной
В награду

Лишь новой язвою легла
На сердце грязная Варшава²
(...)
л. 169 Когда б из памяти своей³
Я вычеркнуть имел бы право⁴
Сырой притон тоски твоей
И скуки, черная Варшава!⁵
Там жизнь разыграна, как фант⁶

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

Когда б из памяти своей

( ) притон тоски твоей
( ) черная Варшава!⁷

(...)
А ночью – призрак жизни вольной
Над черной Вислой – пьяный бред

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. В тот день мы встретились с тобой.
- б. В те дни мы встретились с тобой.
- в. Тогда мы встретились с тобой.

---

¹ Было: Над черной вислой – бред ночной
вислой со строчной буквы вместо прописной – описка.

² Опущены наброски, не связанные с текстом данного стихотворения.

³ Было: а. О, если б выбросить навек

б. О, если б выбросить из дней

в. начато: Когда бы

⁴ Было начато: а. (чрзб)

б. Фабричной гари

в. Проклятье

⁵ Было: а. начато: И бешеной Варшавской скуке

б. И скуки бешенства твоей

Прощу ли, черная Варшава?

⁶ Впоследствии строка отошла к стих. "В огне и холоде тревог...".

⁷ Опущен текст, не относящийся к данному стихотворению.

- 8 а. *как в основном тексте*
 б. Как скучно, тягостно¹ и больно!²
 9–12 *отсутствуют*
 13 Лишь ты напоминала мне
 14 Своей бессонною тревогой[◇]
 15 а. О том, что в мире ( ) много
 б. О том, что мир – ( ) Бога,³ [◇]

Варианты Т₈, публикации в ЕЖ и НР Ямбы

- Заглавие Моей сестре (Т₈, ЕЖ)
 С делением на четверостишия
 13 *как в ЧА ИРЛИ[◇] (Т₈)*

"ЗЕМНОЕ СЕРДЦЕ СТЫНЕТ ВНОВЬ..."

(С. 63)

Варианты ЧА ИРЛИ

Без деления на строфы

- 1 а. Вот – мрак, и страх, и холод вновь.
 б. Год минул, сердце стынет вновь.
 в. ( ) Сердце стынет вновь.
 2. Земное сердце стынет вновь.
 5 а. Но с ней – с любовью – зреет гнев,
 б. Но с той любовью – зреет гнев,
 в. А за любовью – зреет гнев,
 6 а. *начато*: Все
 б. *начато*: И все
 в. Растет презренье – и желанье
 Перед 9 *наброски*:
 [Сей суд – не мой. Но счастья нет]
 [Ни]
 Зовут забыть ( )
 [Найти уют, идти ( )]
 [Погибнуть в безнадежной стуже]
 [И знаем мы: покоя нет]
 9 а. Они зовут: забудь, поэт,
 б. Меня зовут: забудь, поэт,
 в. Пускай зовут: забудь, поэт,

¹ Слово вписано карандашом, подчеркнуто и отмечено вопросительным знаком.

² Далее было начато: С тех

Ниже тем же красным карандашом, что и помета о выделении отрывка в отдельное стихотворение, вписано начало ст. 9: "Когда б из памяти ( )", обозначающее вставку ст. 9–12.

³ Основной текст – правка карандашом. Вписанное слово жглице заключено в скобки.

- 10 а. Приди в прекрасные уюты.
 б. Вернись в прекрасные уюты.
 11–12 а. Нет! лучше согнуться в стуже лютой,
 Чем ( ) на мирный свет
 б. Нет! лучше согнуться в стуже лютой!
 Уюта – нет! Покоя – нет!

Варианты БА₂ РГАЛИ

Без деления на строфы

- 1 ...Год минул. Сердце стынет вновь,
 5 А за любовью зреет гнев,

Варианты Т₈

- 5 как в ЧА ИРЛИ, вар. в
 10 – Вернись в прекрасные уюты!◇
 12 а. как в основном тексте
 б. Уюта – нет. [Забвенья] – нет.

Варианты БА ИРЛИ и БА₁ РГАЛИ

- 5 как в ЧА ИРЛИ, вар. в
 12 а. как в основном тексте
 б. Уюта нет. Забвенья – нет. } (БА₁ РГАЛИ)

Варианты публикации в РС

- 12 как в БА₁ РГАЛИ, вар. б

Варианты НР Ямбы

Без деления на строфы

- 1 ...Год минул. Сердце стынет вновь,
 5 как в ЧА ИРЛИ, вар. в

Варианты БА Жевержеева

Без деления на строфы

- 1 Год минул. Сердце стынет вновь,
 7 Читать в сердцах мужей и дев
 9–12 отсутствуют

- (10) В своих сердцах, в своих певучих,
И нам священный меч войны¹
Сверкает в неизбежных тучах.²
Пусть день далек – мечты все те ж³
Презренье зреет ( ) гневом
- (15) А зрелость гнева – есть мятеж⁴
Где жизнь и смерть, как праздный фант,
Разыграны в тоске гостиной, –
Там – пусть вонзится, Ангелина,
Возмездья черный бриллиант!

*Переработка первоначальной редакции
(правка карандашом, ЧА ИРЛИ-1914)*

- Заглавие Моей сестре
(2–4), (7–9), (13–15) *как в основном тексте*
- (6) И там – средь бедных поколений[◇]
- (11) И всем священный меч войны
(17–20) а. Здесь жизнь разыграна, как фант,
( )
В твоём волнении, Ангелина,⁵
Возмездья черный бриллиант!⁶
- б. Разыгрывайте жизнь, как фант, –
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве – воли дремлют.⁷
Так точно – черный бриллиант.⁸
- (21–24) а. *начато*: Пока не започут во мраке

¹ Было: а. И неизбежный меч войны

б. И каждый мавзолей чугунный

² Было: а. *начато*: В

б. Сверкает нам в закатных тучах.

³ Было: Тот день далек – мечты все те же

⁴ Было: И зрелость гнева – есть мятеж

Текст Пусть день далек ~ есть мятеж заключен в скобки. Скобки зачеркнуты при переработке первоначальной редакции.

⁵ Было: В твоей тревоге, Ангелина,

⁶ Далее следовали наброски (зачеркнуты вместе со ст. 17–20, вар. а):

Сестра! В твоём волнении юном –

( )

Поверь [вдали] в душе звучащим струнам:

Так верь звучащим тайно струнам:

⁷ Было: а. В сердцах тревожных спит возмездье

б. И в их тревогах – воли дремлют,

⁸ Было: а. Как в недрах [гор(ных?)] каменных – бриллиант,

б. Как в горных недрах – бриллиант,

- Ломающие < > кирки
 Спит в недрах горных < >
 < > очарованный < >
 б. как в основном тексте

Варианты БА РГАЛИ

Без деления на строфы

- 7 Недаром славил свой народ
 15–16 отсутствуют¹

Варианты Т₈

- Заглавие как в ЧА ИРЛИ-1914²
 24 а. как в основном тексте
 б. [Не запоет в горах кирка.]

Переработка в Т₈ (Т₈-1915)

- 1–4, 13–16, 17–20, 21–23 зачеркнуты
 24 а. как в основном тексте
 б. Не запоет в горах кирка.
 в. как в основном тексте³

Вариант НР Ямбы и публикации в журн. "Знамя"

Без деления на строфы

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

РАВЕННА

("Всё, что минутно, всё, что бренно...")

(С. 68)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН₁ ЗК₂₅)

Все, что < >, все, что бренно
 Я забывал < >
 Среди < > твоих, Равенна

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН₂ ЗК₂₅)

Все, что минутно, все, что бренно
 Похоронила ты в веках.⁴

¹ Вм. ст. 15–16 следуют две строки отточий.

² Заглавие зачеркнуто и восстановлено.

³ Вар. в зачеркнутом.

⁴ Было: а. начато: Забыла

б. Все утопила ты в веках.

Ты непробудно спишь, Равенна,¹
У сонной Вечности в руках.

Ты Дантов трепет утолила
( )
И даже море отступило
От ( )²
Здесь тихо уступало море³
Свой (жезл) – зеленой тишине
Чтобы мятежный Теодорих
Войной не бредил (грезил) в смертном сне.⁴
Чтоб спящий в гробе Теодорих⁵
О бурях жизни не мечтал

*Вариант Т₇, БА РГАЛИ, БА РГБ, публикаций в журн. "Аполлон",
НЧ (НР НЧ), III₁*

36 О новой жизни мне поет.

Варианты правки в РЭ III₁

17-20 *зачеркнуты*

36 О новой жизни мне поет. ◊

Вариант публикации в III₂

17-20 *отсутствуют*

"ПОЧИЕТ В МИРЕ ТЕОДОРИХ..."

(С. 70)

Набросок в ЗК₂₅ (ЧН ЗК₂₅)

Всегда взволнован и встревожен
( )
Как я перед тобой ничтожен,
Как я завидую тебе!

¹ Было начато: И неподвижно

² Рядом, на л. 14 об., записан вариант:

И Данта замогильный трепет
[Как (?)] Здесь, – как младенца первый лепет

³ Было: ^{a.} начато: И на холме зеленом

^{b.} начато: Здесь на холме в плюще

^{a.} Здесь на холме в плюще и розах

^{2.} И тихо отступило море (вар. не зачеркнут)

⁴ Было начато: ^{a.} Не бредил

^{b.} Не пр( )

⁵ Строка вписана.

В ласкающем, тихом и пристальном взоре¹
Равенских красавиц мне сни( )
Я видел тебя, отступившее море,

Там, где прежде было море –
Виноград и тишина.
О, Равенна, о, Равенна!

Спит мятежный Теодорих
Дант не встанет с ложа сна
Все проходит. Все – мгновенно²

Первоначальная редакция ЧА ИРЛИ

Р а в е н н а

В ласкающем и тихом взоре
Равенских девушек – весна.
Где прежде бушевало море,³
Там – виноград и тишина.
Почил мятежный Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.⁴
Здесь голос страсти невозможен,⁵
Ответа нет моей мольбе
И я, взволнован и встревожен,
(10) ( ) судьбе
О, как я пред тобой ничтожен,
Как я завидую тебе!

Варианты переработки первоначальной редакции (ЧА ИРЛИ-1914)

(1–6) как ст. 1–6 основного текста⁶

(9–12) а. А я, взволнован и встревожен,
О, Галла, страстию к тебе!
О, как я пред тобой ничтожен,
Завидую твоей судьбе!

б. О, как я пред тобой ничтожен,
Завидую твоей судьбе,
Всегда взволнован и встревожен,
О, Галла, страстию к тебе!⁷

¹ Далее было начато: Ласкающей (?) тих( )

² Было: Все – мгновенно

³ Было: И там, где прежде было море,

⁴ Было: ^{а.} как в тексте

^{б.} Дант не пробудится от сна.

⁵ Было начато: ^{а.} Так

^{б.} И

⁶ Порядок расположения стихов, соответствующий основному тексту, обозначен на полях римскими цифрами: ст. (5–6) – I, ст. (3–4) – II, ст. (1–2) – III.

⁷ Окончательный порядок расположения стихов второй половины текста обозначен на полях римскими цифрами: ст. (7–8) – I, ст. (11–12) – II, ст. (9–10) – III.

Варианты Т₈

- Заглавие *как в ЧА ИРЛИ*
11–12 а. Всегда взволнован и встревожен,
О, Галла! – страстию к тебе!
б. *как в основном тексте*

Вариант публикации в РМ

- Заглавие *как в ЧА ИРЛИ*

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

("Строен твой стан, как церковные свечи...")

(С. 70)

Варианты ЧА ЗК₂₆

- Заглавие *отсутствует*
1 Стан твой стройней, чем церковные свечи¹◇
3–4 Дева – тебя на земле я не встречу.²
Дева, свершай надо мной приговор!³
5 Счастья не требую, ласк мне не надо,
6 а. Лаской жестокой отмщу я другой.⁴
б. Ласки жестокой достойна ли ты?
в. Ласки ль жестокой достойная – ты?⁵◇
8 а. Где ты проходишь, срывая цветы.
б. Где ты срываешь цветы, – и люблю.⁶
9 а. Мимо и мимо – ты ветром гонима,
б. Мимо, все мимо – ты ветром гонима,
11 а. Зреть за плечом твоим лик херувима
б. Взором – прозреть над тобой херувима
12 Сердцем – изведать сладчайшую⁷ боль!
13 а. Слушай, я в темные кудри влетаю⁸

¹ При правке вариант не зачеркнул.

² Было: Слушай – тебя на земле я не встречу.

³ Было начато: Так

⁴ Было начато: Стой только

⁵ Вариант основного текста вписан при незачеркнутом вар. в.

⁶ При незачеркнутом вар. а.

⁷ При незачеркнутом сладчайшую вписано священную

⁸ Было начато: а. Дай мне влюбленной

б. Дай

в. Ты ль не позволишь

г. В желтом платке

д. Бросить

6. Слышишь, я в темные кудри вплетаю
 15 Видишь, влюбленное сердце бросаю¹
 16 В темных² источниках траурных глаз[◇]

Варианты Т₇ и БА РГАЛИ

- Заглавие *отсутствует*
 3 Дева, тебя на земле я не встречу –

Варианты правки в Т₇ (Т₇-1909)

- Заглавие *Maria da Spoleto*
 3 *как в основном тексте*

Вариант публикаций в журн. "Аполлон", в НЧ (НР НЧ), III₁ (НР III₁)

- Заглавие *как в Т₇-1909*

ВЕНЕЦИЯ

1. "С НЕЙ УХОДИЛ Я В МОРЕ..."

(С. 71)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН ЗК₂₅)

Красный парус в зеленых далях,
 Венецианки в черных шалях

С нею я был в море,³
 С нею забыл я гавань⁴
 С нею был я далеко,
 С нею забыл я близких.

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие *В Венеции*
 2 *С ней забыл я берег,*
 7-8 *Мелкий стеклярус*

^ε В темные

^ж Видишь

^з В черные [волосы] кудри

¹ Было начато: ^а Слушай, я камень

^б Слушай, я сердце м(ое?)

^в Видишь, я

² Исправлено: темном

³ Было начато: С нею забыл я

⁴ При незачеркнутом гавань вписано берег

- На черной шали!
9 И вот идешь ты от обедни, ◇
11 За ней – Христос, уставший крест нести... ◇

Варианты Т₈

- Заглавие как в ЧА ИРЛИ
2 как в ЧА ИРЛИ ◇
7 Темный стеклярус ◇
8 а. На черной шали!...
б. На темной шали!...

Вариант публикации в РМ

- Заглавие Венеция
Варианты переработки в Т₈ (Т₈-(1915))
1–4, 9–14 *зачеркнуты*

Редакция в Ш₂

О, красный парус
В зеленых даях!
Черный стеклярус
На темных шаях!

2. "ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР ОТ ЛАГУНЫ..."

(С. 71)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН₁ ЗК₂₆)

В день пасмурный сидит устало¹
[У] У львиного столба²

[Всю ночь на черной тверди будет
Сиять]

На серой³ площади, где люди

Главу Крестителя на блюде
Неси, царевна, в этот мрак⁴

¹ Было: ^а начато: Весело

^б начато: Буйно

^в В день пасмурный сидеть устало

² Стих вписан синим карандашом; в слове "столба" над буквой "б" вписано "п" (т.е. "столпа").

³ Было: черной

⁴ Было: ^а начато: С улыб(кой)

Главу Крестителя на блюде¹
 Она сквозь сумрак галлерей²
 Несет на площадь, там где люди³
 Тоскливо кормят голубей,⁴
 Где светлый Марк навеки будет
 { }
 Главу Крестителя на блюде
 [Неси, царевна]
 Она несет
 Едва развившиеся груди
 [Закрыв прозрачно(й)]
 Прозрачной тканью

Черновые наброски в ЗК₂₈ (ЧН₂ ЗК₂₈)

л. 2 об.-3

[Холодный ветер от лагуны
 Гондол безмолвные гроба
 Я в эту ночь больной и юный⁵
 Простерт⁶ у львиного столба
 [Я слышу волны, волны – струны⁷
 Органа твоего, Судьба!]

Мне не избежать доли мрачной,
 Свое паденье признаю.
 Плясунья в тунике прозрачной⁸
 Лобзает голову мою!⁹]

⁶ Неси с улыбкой в этот мрак

¹ Было начато: Все мрак (?)

² Было: ^a начато: Любо { }

^b Неси (?), царевна, в сумрак зал

^a Несет царевна в сумрак зал

³ Было: ^a начато: На площадь

^b На ветер площадной, где люди

⁴ Было начато: Снуют

⁵ Было: ^a начато: И я

^b Я, одинокий, бедный, юный

⁶ Первоначально было: Простертый

⁷ Было: ^a начато: И слушаю, что

^b И слышу волны, волны – струны

⁸ Было: Царевна в тунике прозрачной

⁹ Первоначальный набросок строфы:

{ }
 { }

Как обнаженная царевна
 Целует голову в уста

И став над морем почернелым,¹
Где волны пенные гудят
Царевна с серебристым телом²
Творит полуночный обряд.³

л. 12 об.   Вовеки не забудут люди⁴
Ее беспечного лица
Главы Крестителя на блюде,
На пальце – тонкого кольца...⁵

{Неси царевна
И ры <   >}

Варианты Т₇

Заглавие   В Венеции
Посвящение   Евгению Иванову⁶
После 16: (17–24)   И, став над морем почернелым,
Где волны пенные гудят,
Царевна с серебристым телом
Творит полуночный обряд.

Мне не избежать доли мрачной –
Свое паденье признаю:
Плясунья в тунике прозрачной
Лобзает голову мою!⁷

Варианты публикации в журн. "Аполлон" и в НЧ (НР НЧ)

Посвящение   *отсутствует (Аполлон)*
Заглавие   *Венеция (НЧ (НР НЧ))*

---

¹ Было: ^a И там, над морем почернелым,
Вступив на

^b И встав над морем почернелым,

² Было: Царевна серебристым телом

³ Было начато: ^a Проход(ит)

^b Встает, как

⁴ Было начато: ^a По краю

^b К <   > люди

⁵ Первоначальный вариант строфы:

Вовеки не забудут люди
Ее беспечное лицо
Главу Крестителя [на блюд(е)] и блюдо
На пальце – тонкое кольцо...

⁶ Вписано позднее карандашом.

⁷ Зачеркнуты карандашом.

3. "СЛАБЕЕТ ЖИЗНИ ГУЛ УПОРНЫЙ..."

(С. 71)

Черновые наброски в ЗК₂₈ (ЧН ЗК₂₈)¹

Слабеет жизни гул упорный,²
Уходит вспять прилив забот,³
И некий ветер сквозь бархат черный⁴
О жизни будущей поет

Но вновь – под веяньем прилива⁵
( )
Я возвращаюсь сиротливо
В глухую бархатную ночь.⁶

[Поют, поют глухие струны,
О веке будущем поют⁷]
Нет, все, что есть, что было – живо!⁸
Мечты, виденья, думы – прочь!⁹
Волна возвратного прилива¹⁰
Бросает в бархатную ночь

[Быть может]
Проснусь ли я в другой отчизне,¹¹
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне.¹²

---

¹ Черновые наброски стихотворения в ЗК₂₇ и ЗК₂₈ приводятся ниже, среди набросков стихотворения "Все это было, было, было...", с которыми они первоначально составляли единое целое: на л. 5–5 об. в ЗК₂₇; на л. 7–8 в ЗК₂₇; на л. 3 об.–4 в ЗК₂₈; на л. 6 об.–8 в ЗК₂₈.

² Было: ^a. Порой сквозь жизни сон упорный,
^b. Редет жизни сон упорный,

³ Было: ^a. *начато*: Сквозь ночь

^b. Отходит вспять прилив забот,

⁴ Было: Какой-то ветер сквозь бархат черный

⁵ Было: Но вновь – в предчувствии прилива
Тяжелый бархат

⁶ Было *начато*: В (нрзб)

⁷ Зачеркнуто чернилами.

⁸ Было: ^a. Как сиротливо и упорно

^b. *начато*: Но вновь

^a. Но здесь, как прежде, сиротливо, (вар. а, б – карандашом, вар. в – чернилами).

⁹ Было: Виденья, думы, – прочь!

¹⁰ Было: ^a. как в тексте

^b. И гул возвратного прилива

¹¹ Было: Очнусь ли я в другой отчизне,

¹² Строфа и варианты к ней записаны чернилами.

Варианты Т₇

Заглавие	Дума
Эпиграф	(Слабеет моря гул прощальный) Мережковский
13	Быть может, венецьянской девы [◇]
18	Младенцу мне – велит Судьба [◇]

Варианты НР НЧ, Кор₃ НЧ, НЧ

Заглавие	Венеция
10 а.	<i>как в тексте</i>
б.	Купец, рыбак или иерей (Кор ₃ НЧ)
10	<i>как в Кор₃ НЧ, вар. б. (НЧ)</i>

ПЕРУДЖИЯ

("День полувеселый, полустрадный...")

(С. 72)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

л. 13	День полувеселый, полухмурый < > очерк Умбрских гор < > дождь прохладный За окном открытым громкий хор. И в окно – рука твоя корзину Хочет и не смеет дотянуть И в окне, где фрески Перуджино
л. 31	[И в окне – меж фресок Перуджино ¹ Вижу]

Варианты Т₇

Эпиграф	Carita, justicia, fide (Слова девушки)
1	День полувеселый, полухмурый, [◇]
Между 9 и 10:(10)	Я ее читаю наизусть:

Варианты публикации в III₁ (НР₂ III₁)

Эпиграф	<i>как в Т₇</i>
(10)	<i>как в Т₇</i>

¹ Было: А в окне – меж фресок Перуджино

Эпиграф   *зачеркнут*
(10)   *зачеркнут*

ФЛОРЕНЦИЯ

1. "УМРИ, ФЛОРЕНЦИЯ, ИУДА..."

(С. 73)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)¹

1

л. 7   А ты, Флоренция, Иуда,²
Исчезни в сумрак вековой!³
Я в час любви тебя забуду
В час смерти буду не с тобой

[Рожки твоих автомобилей,
Твоих отелей кутерьма,
Твой жар и клубы желтой пыли –
Ты предала себя сама!]

3

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома.⁴
Всевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

2

л. 7 об.   О, bella, смейся над собою,
Уж больше не прекрасна ты!
Гнилой морщиной гробовою⁵
Искажены твои черты.

---

¹ Нумерация отдельных строк обозначена Блоком позднее; в такой последовательности они были переписаны в Т₇.

² Было: Флоренция, ты вся Иуда,

³ Было: Исчезни в сумрак гробовой

⁴ Было: Уродливы твой дома.

⁵ Было: Морщиной гробовою

Я ухожу, < >¹
 Забыть в мечтаниях своих²
 Гнусавой мессы стон позорный³
 И трупный запах роз твоих⁴

л. 8 Гнусавой мессы ... протя(жный)⁵
 И трупный < >
 Весь груз тоски многоэтаж < >
 Сгинь в очистительных веках

От ног я прах твой отрясу

[От]
 Теперь и Винчи и Беато
 Твой прах бы отрясли от ног⁶
 Бежав от площади проклятой

¹ Было: ^{a.} Забыть, забыть в полях блаженных –
^{b. начато:} И я бегу в поля

^{a. начато:} Я ухожу в поля

² Было: ^{a.} Чтоб довершить мой злобный стих

^{b.} Забыть, включая в злобный стих

^{a.} Вонзить на < > злобный стих (*вар. не зачеркнуто*)

³ Было: ^{a. начато:} Тор (?)

^{b.} Шум храмов, некогда священных,

^{a.} Шум в храмах, некогда священных,

^{2.} Гнусавой мессы стон протяжный

⁴ *Параллельный незачеркнутый вариант:* И трупный запах роз в церквах
 Рядом, справа, на л. 8, наброски к этим стихам:

^{a.} Прощай же город < > продажный

Забуду я в полях < >

^{b.} Прощай же город < > продажный

Забуду я в мечтах иных

^{a.} Ты ядовитый, ты продажный

И не забыть в местах иных

^{2.} Ты < > продажной

И долго снятся в черных снах.

^{d.} Ты < > продажной

И долго мучит в черных снах.

⁵ Было начато: ^{a.} Где Леонарда

^{b.} Здесь видел

^{a.} Здесь (*не зачеркнуто*)

⁶ Было: Твой прах от ног бы отрясли

л. 8 об. [Гнусавой мессы ты не спрячешь
В пустынный холод алтарей.¹
Как площадная девка, плачешь²
О дряблой наготе своей.³]

И ( )

л. 9 [Ты древних Медичей тревожишь
Ты топчешь лилию свою]

7

Ты воскресить себя не можешь⁴
В пыли торговой толчеи
Лишь пышных Медичей тревожишь,⁵
Ты топчешь лилии свои!⁶

Но воскресить...

л. 34 об. В Palazzo Vecchio впустила
Ты ( )

4

Звенят в пыли велосипеды,⁷
Там, где святой монах сожжен,⁸
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!⁹

---

¹ Было: ^{a.} В одежду (нрзб) веков,
^{b.} В одежду пышную веков,
^{c.} За недо ( )

² Было: Обнажена, бесстыдна, плачешь.

³ Было: О дряблой старости своей.

⁴ Было начато: Кошунством

⁵ Было: ^{a.} как в тексте
^{b.} Лишь кости Медичей тревожишь,

⁶ Было: Да топчешь лилии свои!

⁷ Было начато: Здесь Леонардо

⁸ Было: ^{a.} начато: Там, где монах сожжен
^{b.} Там, где сожжен святой монах,

⁹ Было: ^{a.} начато: Беато
^{b.} Беато видел яркий сон!

л. 35 В Palazzo Vecchio впуская¹
Своих чиновников стада,
Ты, словно девка площадная²
Вся обнажилась без стыда!³

6

Ты, как она, внесла в хоромы⁴
Свою зловонную постель,⁵
Пред пышным, многоцветным Duomo⁶
Взнося публичный дом – отель!⁷

Варианты T₇

Заглавие Флоренция
1 А ты, Флоренция, Иуда, ◇
Между 16 и 17: (17–24) В Palazzo Vecchio впуская
Своих чиновников стада,
Ты, как блудница площадная,⁸
Вся обнажилась без стыда!

Ты ставишь, как она, в хоромы
Свою зловонную постель,
Пред пышным, многоцветным Диото
Взнося публичный дом – отель!⁹

Варианты НР НЧ

Заглавие Флоренция
1 как в T₇
9–12 *зачеркнуты*
Между 16 и 17: (17–24) как в T₇¹⁰
23 Весь груз тоски многоэтажной –

¹ Было: В Palazzo Vecchio внесла ты

² Было: ^{a.} *начато*: Ты
^{b.} Как девка площадная
^{c.} Ты, как девка площадная

³ Было: Ты обнажилась без стыда!

⁴ Было *начато*: Ты, как она, на

⁵ Было: ^{a.} *как в тексте*
^{b.} *начато*: Ты

⁶ Было: ^{a.} *начато*: Взнося
^{b.} Так ты перед великим
^{c.} Пред( )великим

⁷ Было *начато*: Кафэ

⁸ Было: Ты, словно девка площадная,

⁹ Обе строфы *перечеркнуты синим карандашом*.

¹⁰ Ст. (19): Ты, словно девка площадная, "словно девка" *зачеркнуто*; затем *зачеркнуты* оба четверостишия.

Варианты публикаций в НЧ, III₁ и Кор₁ Земли

- Заглавие *как в НР НЧ (НЧ)*
9–12 *отсутствуют (НЧ, III₁)*
23 *как в НР НЧ (НЧ, III₁)*
23 *Весь груз тоски многоэтажной –[◇] (Кор₁ Земли)*

2. "ФЛОРЕНЦИЯ, ТЫ ИРИС НЕЖНЫЙ..."

(С. 73)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН ЗК₂₅)

В моей влюбленности

Флоренция – ты ирис нежный
Страны, где я когда-то жил¹
Любовью длинной,² безнадежной
Твой старый прах я полюбил.³

Твой дымный ирис будет сниться,⁴
Как первая любовь⁵

Вариант Т₇

Заглавие **Флоренции**

3. "СТРАСТЬЮ ДЛИННОЙ, БЕЗМЯТЕЖНОЙ..."

(С. 74)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН ЗК₂₅)

Ирис дымный, ирис длинный⁶
Я в саду моем взращу

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

1. Набросок⁷

Ирис дымный, ирис нежный
Я в саду моем взращу

---

¹ *Строка вписана чернилами*

² *Было: долгой*

³ *Было: ^{a.} начато: Тебя я*

^{b.} *начато: Я полюбил*

⁶ *Я полюбил твой старый прах. ("твой старый прах" вписано чернилами)*

Вариант в тексте записан чернилами.

⁴ *Было: Туманный ирис будет сниться,*

⁵ *Было начато: Как молодость, как*

⁶ *Вверху вписано: тонкоствольный*

Возможный параллельный вариант: Ирис дымный, тонкоствольный

⁷ *Записан чернилами.*

Страстью длинной, безнадежной¹

И пока ты не утонешь
В тех вечерних небесах

II. Варианты²

- 1
5-8 а. Страстью длинной, безнадежной
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах
Переплыть велит все реки³
На воздушных парусах,
б. *как в основном тексте*
9 а. Мне велит забыться в зное,⁴
б. И велит забыться в зное,
в. Мне велит отдаться зною,
2. И, когда предамся зною,
10 а. *начато*: Чтобы было
б. *начато*: И[◇]
11 Голубое, голубое[◇]
12 а. Голубой унес волной.
б. Унесет меня волной.

Вариант Т₈

Заглавие
Флоренция

4. "ЖГУТ РАСКАЛЕННЫЕ КАМНИ..."

(С. 74)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН₁ЗК₂₅)

В черное небо Флоренции⁵
Глядеть, и глядеть и глядеть⁶

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ЧН₂ЗК₂₆)

[В черное небо Флоренции

Дымные ирисы в пламени,⁷
Словно хотят улететь]

Пламень ирисов дымных

¹ Было: безнадежной

² Текст записан карандашом.

³ Было: Переплыть велит мне реки

⁴ Было *начато*: И

⁵ Было: В черное небо Италии

⁶ Было: Глядеть, глядеть и глядеть

⁷ Было: Дымные ирисы клонятся,

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

1. набросок¹

В черное небо Италии
Черной душою глядись²

Что же мне спеть вам, синьор,
Спеть, чтоб вам сладко спалось

Дымные ирисы клонятся,
Словно хотят улететь

II. Варианты³

Заглавие	Флоренция
1-4	как ст. 5-8 основного текста
5 а.	В зное томительном тонет
б.	как ст. 1 основного текста
6-8	как ст. 2-4 основного текста

Варианты Т₈, публикации в Ш₂ и Кор₁ Земли

Заглавие как в ЧА ИРЛИ (Т₈)

С делением на четверостишия

5. "ОКНА ЛОЖНЫЕ НА НЕБЕ ЧЕРНОМ..."

(С. 74)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН ЗК₂₅)⁴

Что мне спеть в этот вечер, синьора,⁵
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

1. набросок⁶

Тринадцать ложных окон в черном небе,
Вино опять вливает в жилы кровь

¹ Первоначальный слой (чернилами).

² Исправлено позднее карандашом: глядись

³ Карандашный слой правки первоначального наброска.

⁴ Сопровожден пометой: "Мотив песенки, петой на площади Сяньорри".

⁵ Было: синьор

⁶ Записан чернилами.

II. Варианты¹

Заглавие	Флоренция
Подзаголовок	(Площадь Синьории)
Перед I	[Ложных окон на черн( )]
3 а.	<i>начато</i> : Кто там машет
б.	Вновь проходит она – вся в узорном
4	И с улыбкой на бледном лице.
5 а.	Но вино уж мутит мои взоры,
б.	А вино уж мутит мои взоры,
6	И в крови, как огонь, разлилось. ²

Варианты Т₈

Заглавие
и подзаголовок как в ЧА ИРЛИ

Варианты публикации в РМ и III₂

Подзаголовок как в ЧА ИРЛИ

6. "ПОД ЗНОЕМ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ЛЕНИ..."

(С. 74)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН ЗК₂₅)

Под зноем флорентийской лени
Все тот же ты

Да, береги³ остаток чувства
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь

Варианты ЧА ИРЛИ

- 2 а. Все так же нищ и беден ты.⁴
- б. Все так же чувством беден ты.
- в. Все так же беден чувством ты.^{5◇}
- 4 а. Безароматные цветы.⁶
- б. Не радуют тебя цветы.
- в. Уже не радуют цветы.
- 2. Не радостно цветут цветы.^{7◇}

¹ Текст записан карандашом.

² Ст. 7–8 записаны выше остального текста (видимо, ранее).

³ Было: сохра(ни)

⁴ Было *начато*: Все тот же

⁵ *Правка, приводящая к основному тексту*, – карандашом.

⁶ Было *начато*: Не

⁷ *Вар. г и основной текст* – карандашом.

7. "ГОЛУБОВАТЫМ ДЫМОМ..."

(С. 76)

Черновые наброски в ЗК₂₇ (ЧН ЗК₂₇)

л. 9–9 об. Дымные ирисы клонятся
Словно хотят улететь
[Мыши летучие носятся]
[Мышью летучей]
[Флоренция, ночь над тобой
Не скроешь]
[Ночь над Флоренцией пламенной
В душных желаниях – ночь
Все еще]

л. 10 [Правда Флоренции явлена
Проклятый лик]

Демон:

Летучей мышью бросится¹
Под уличный фонарь
И клонит дымный ирис
И легкой пеной бьется
В хрустальном бокале
Слез Христа.

Варианты ЧА ЗК₂₇ (ст. 1–14)²

- 1–6 а. В плаще голубоватом,
Как даль тосканских гор
Он в сумерках проносится
- б. Он в сумерках проносится
В дыму голубоватом
Долин тосканских царь.
{ }
- в. Он в сумерках возносится
Голубоватым дымом
Долин тосканских царь.
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь
И мимо, мимо, мимо
2. как в основном тексте³
- 10 Зажглись огни камней⁴◇

¹ Было: Летучей мышью носится

² Весь текст ЧА перечеркнут.

³ Порядок следования ст. 1–6; соответствующий основному тексту, обозначен цифрами.

⁴ Ст. 9–10 записаны ранее ст. 7–8.

- 11 И скрыли город горы¹◇
 13–14 а. И ⟨ ⟩ синьоры
 Канцоной площадной
 б. И без ума² синьоры
 От песни площадной
 в. как в основном тексте
 После 14 было: И бродит легкой пеной
 Бокал Христовых Слез³
 И клонит дымный ирис

Варианты ЧА ЗК₂₈ (ст. 15–28)⁴

- 15 И дымный ирис клонится◇
 17 Бокал Христовых слез.
 18 а. Танцуй на знойном пире,⁵
 б. Пляши на знойном пире,◇
 20 а. В венке измятых роз!
 б. В венке спаленных роз!
 21–22 а. Своди с ума канцоной
 И струны оборви⁶
 б. Сведи с ума канцоной
 О преданной любви⁷
 26 Тебя прощаю я:
 27 В печальном ⟨?⟩ переулке◇

Варианты Т₇

- Заглавие Флоренция
 17 Бокал Христовых слез...◇
 26 Тебя прощаю я;◇

---

¹ Было начато: И вот
² без ума написано и зачеркнуто дважды.
³ Было: а. начато: И п(еной)
 б. Он легкой пеной ⟨ ⟩
 В бокал Христовых Слез
⁴ Весь текст ЧА перечеркнут.
⁵ Было начато: а. Поет
 б. Изменница
 а. Она
 з. Ты
⁶ Было начато: а. Звени
 б. Залейся, мандолина,
 И струны ⟨ ⟩
 а. Звени
⁷ Далее было начато: Из

Варианты публикации в НЧ (НР НЧ), III₁, III₂

Заглавие как в Т₇ (НЧ (НР НЧ))
17 как в Т₇

"ВОТ ДЕВУШКА, ЕДВА РАЗВИВШИСЬ..."

(С. 76)

Первоначальная редакция в ЗК₂₅ (ЧА ЗК₂₅)

И девушки, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрят мне навстречу.

И сидеть без конца в Сеттиньяно
У выветрившегося камня Септимия Севера
Неожиданно внушительного своей древней серостью
Даже среди старой¹ Италии, –
(10) Смотреть на холмы залитые солнцем
На красивую загорелую шею и спину²
Некрасивой женщины
Под дрожащими тополями

Варианты Т₈

Заглавие В Сеттиньяно
Между 4 и 5 *интервал*
Между 7 и 8: (8–9) [Внушительного даже среди старой Италии
Своей древней святостью]

Варианты публикации в РМ, Кор₁ Земли

Заглавие Сеттиньяно (РМ)
Между 4 и 5 *интервал*

---

¹ Было: древне(й)

² Было: На загорелую шею и красивую спину

MADONNA DA SETTIGNANO

("Встретив на горном тебя перевале...")

(С. 77)

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

Встретив на горном тебя перевале,¹
Мой прояснившийся взор²
Понял туманные Умбрские дали³
И очертания гор⁴

В желтом платке с полевыми цветами,
Бедному страннику вслед⁵
Смотришь большими, как небо, глазами,

Бедному стра(ннику)

Долго твердить твое имя, Мария,
Сбросить запреты монахов

Варианты Т₇

Заглавие   Maria da Settignano[◇]
3   Понял туманные Умбрские дали[◇]
11   Страстно твердить твое имя, Мария,

Варианты БА РГАЛИ, БА ИРЛИ и НР НЧ

Заглавие   К Мадонне (БА ИРЛИ)
Заглавие   отсутствует (БА РГАЛИ)

---

¹ Было: ^{а. начато:} Вся т(ы)

^{б.} Встретил на горном тебя повороте,

^{в.} Встретив на горном тебя повороте,

² Было начато: ^{а.} Все я забыл, что священным

^{б.} Горы

^{в.} Сразу прозр(ел)

^{г.} Миг – и

^{д.} Спала пов(язка)

^{е.} Сразу прозрел

^{ж.} Бедному страннику вслед (*вар. не зачеркнул!*)

³ Было: ^{а. начато:} В раме иконы

^{б.} Понял и Умбрии дымные дали

⁴ Было: Понял туманные линии гор

⁵ Было начато: ^{а.} Видит

^{б.} Мор

^{в.} Черными

^{г.} Тихо напутствуешь

^{д.} Бедному страннику ты

^{е.} Бедного странника ты

- 1 Встретив на горном тебя перевале,
 3 Понял туманные Умбрские дали (БА РГАЛИ)
 5 Желтый платок твой разубран цветами, (БА ИРЛИ)
 5 Желтый платок твой разубран цветами – (БА РГАЛИ, НР
 НЧ)
 11 Страстно твердить твое имя, Мария,

Варианты НЧ, НР₂ III₁, III₁

- 3 Понял Тосканские дымные дали[◇] (НР₂III₁)
 11 Страстно твердить Твое имя, Мария,

ФЬЕЗОЛЕ

("Стучит топор, и с кампанил...")

(С. 77)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

I. набросок¹

[Здесь время ткало свой узор.

Во Фьезоле стучал топор,
 Как нынче, завтра, ка(к) когда-то...

Топор стучал и с кампанил
 Все тот же звон

Флоренцию с высоких гор
 Приметил детский взор Беато]

II. Варианты²

- 2 Идет старинный звон долинный^{3◇}
 3 а. И к нам взлетел и пробудил
 Воспомянать
 б. И к нам дошел и пробудил[◇]
 7 *начато*: Когда приметил[◇]

¹ Записан чернилами.

² Текст записан карандашом.

³ Было начато: а. В

б. Идет

в. Плывет

г. Долиной звон идет

СИЕНА

("В лоне площади пологой...")

(С. 78)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

л. 35 об. – 37

Остроконечный и зубчатый

Длинноокие мадонны

<   > (буря)

<   > прищуря

Очи длинные прищуря¹

[На младенца смотришь ты]

Запевают петухи

Солнце острыми лучами

Башен острые верхи

Жаля острыми мечами²

[Длинных глаз]

Длинноокая моя!

Сонно длинные ресницы

[Остро]

О Сиенна, о Сиенна –

Башен³ острыми зубцами

Ты пронзила небеса⁴

В сердце Бога метишь ты

В лоне площади пологой

Пробивается трава.

Месяц бледный, длиннорогий,

Башни – свечи божества.⁵

---

¹ Над прищуря вписано: со

Параллельный незачеркнутый вариант: сощуря

² Было: ^a. Острыми лучами

^b. Жаля острыми лучами

³ При незачеркнутом Башен вписано Храмов

⁴ Было: О, Сиенна, о Сиенна –

Ты пронзила небеса

Башен острыми зубцами

⁵ Было: [Площадь]

Лоно площади пологой,

[Башня стройная, как]

Башни – свечи Божеству.

Месяц старый длиннорогий

Грустно смотрит на траву

О, Сиенна, о Сиенна!
[Вся] [Островер(хая)]
[Ты в огне]

л. 60 об. – 61 об. Строгой готикой играешь,
В сердце Бога метишь ты!

О, Сиенна, о Сиенна,

Вся – колчан упругих стрел¹

Между лоз и древних пашен
[Красотой]

И от мирных лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен²
Ты вонзила в небосклон.

[Площадь выгнулась, как небо]

И смущая земледела
На холмах < >
Ты запела, загудела,
Как военная стрела.

В лоне выгнутой долины
У подножья < >
Ты на зависть гибеллинам
Башню узкую взнесла.

Ты на зависть той – цветущей

Варианты ЧА ИРЛИ

Заглавие	<i>отсутствует</i>
3	Месяц узкий, круторогий,
Между 4 и 5	<i>было начато:</i> Это
8	Твой безрадостный удел! [◇]
Между 12 и 13	И, неся грозу долинам, ³
	Как военная стрела,

¹ Было: ^{a.} *начато:* Вся

^{b.} *начато:* Ты

^{6.} Вся, как острая стрела,

² Было: ^{a.} Ты < > церквей и башен

^{b.} Ты < > тонких башен

³ Было: Мирным страх неся долинам,

Ты, на зависть гибеллинам,
Ту, последнюю взнесла!¹

[Строгой готикой играя,
В сердце Бога метишь ты!]

- 14 а. Страшны в храмах образа,
б. Исполняют образа,
15 Длинноокие Мадонны[◇]
17–20 а. Над младенцем встанет буря, –
Но, как женщина ( )
Будут ( )
Все глядеть, глаза сощура
как в основном тексте
б. После 20:(21–24) Иль, сама о том не зная,²
С безрассудством красоты,³
Строгой готикой играя,
В сердце Бога метишь ты?⁴

Варианты T₈ и публикации в РМ и III₂

- 14 (21–24) Исполняют образа,
как в ЧА ИРЛИ (T₈⁵, РМ)

СИЕНСКИЙ СОБОР

("Когда страшишься смерти скорой...")

(С. 78)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

- л. 15 ( ) не трогай,
( ) не зови,
Когда-нибудь придет он, строгий
Кристалльно ясный час любви.
л. 21 Доволен возрастом своим
[И отрок –]
Доволен юный⁶ статью стройной

¹ Было: Башню узкую взнесла!

Строфа зачеркнута позднее карандашом.

² Было: И сама о том не зная,

³ Было: В безрассудстве красоты,

⁴ Ст. (21–24) следуют после ст. 16, однако они считаются завершающими, поскольку к записанной на л. 3 строфе (ст. (17–20)) относится помета: "предпосл(едняя)"

⁵ В T₈ строфа позднее зачеркнута.

⁶ Было: юный –

- 7 И мимолетную любовь¹
 8 За тучкой ощутить летучей,[◇]
 9–10 а. Пропасть в вечернем Сinема²
 И за его певучим треском³
 б. Пропасть в вечернем Сinема:
 Во тьме, в мурлыкающем треске⁴
 11 Там жизнь представится сама⁵
 12 а. Во всем ее пьянящем блеске...⁶
 б. Во всем ее пьянящем блеске.⁷
 13–14 а. А через год – в чужой стране⁸
 Приехать в город неизвестный,
 б. *как в основном тексте*
 15 а. И увидать на полотне
 б. И там опять – на полотне
 в. Толпа и вновь – на полотне

"ГЛАЗА, ОПУЩЕННЫЕ СКРОМНО..."

(С. 79)

Черновой набросок в ЗК₂₅ (ЧН₁ ЗК₂₅)

Но ты, чье имя [так(?)]
 Не смейся мне и не дивись,
 Что я зову тебя, Мадонна,
 За мной, в ласкающую высь.

¹ Было: И в тучке перистой, летучей

² Было: Пропасть, исчезнуть, не дышать (не дышать записано дважды)

³ Было начато: а. В

б. Дремать под легкий треск

в. И за дрожаньем легким

г. И за миганьем

⁴ Было: а. И за мурлыкающим легким треском

б. начато: И там под

в. начато: Где

Вар. б ст. 9–10 – карандашный слой правки.

⁵ Было начато: Жизнь снится

⁶ Было начато: а. В

б. С ее

в. В ее

⁷ Вар. ст. 11–12 записаны карандашом.

⁸ Было начато: И придется мне *Варианты ст. 13–16 – правка карандашом поверх наброска, приведенного выше.*

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН₂ ЗК₂₆)

Быть с девой – быть во власти ночи¹
{ }
{ }

И не напрасно эти очи
Монах к мирянам ревновал

Глаза опущенные скромно²
{ }
{ }

Но ты, Мария, вероломна,
Как все { }
{ }

Прошли века – монах уснул

Потом монахам надоело³
И не хватало больше сил⁴
Хранить нетронутое тело –
Один из них его растлил.

Конец преданьям и туманам⁵ –
С тех пор во всех церквах она
Равно монахам и мирянам
На поруганье предана

Первоначальная редакция (ЧА ИРЛИ)⁶

л. 1 Глаза, опущенные скромно,
Плечо укрыто под фатой.⁷
Ведь ты, Мария, вероломна,
Хоть многим кажешься святой.⁸

Быть с девой – быть во власти ночи.
(Мудрец какой-то так сказал).
И не напрасно эти очи⁹
Монах к мирянам ревновал.¹⁰

¹ Было: Быть с девой – быть на лоне ночи

² Было начато: ^a Она

^b Всегда

³ Было: И вот монахам надоело

⁴ Было начато: И не хв(атало)

⁵ Параллельный вариант: Конец легендам и обманам –

⁶ Нижний слой текста, записанный чернилами.

⁷ Было: ^a начато: Стыдливо

^b Плеча укрыты под фатой.

⁸ Было: Ты многим кажешься святой,

Но ты, Мария, вероломна.

⁹ Стих зачеркнут, затем восстановлен подчеркиванием.

¹⁰ Первоначально было: { } сказал:

- (10) Он в нише сумрачной, церковной¹
Поставил с братией ее.²
Там золотое спит шитье,
Там места нет мечте греховной...³

Однако братьям надоело⁴
(И не хватало больше сил)
Хранить нетронутое тело.
Один из них его растлил.

- л. 2 Конец преданьям и туманам:
Теперь во всех церквах она
Равно – монахам и мирянам –
(20) На поруганье предана.

Один лишь есть вздыхатель тайный
Красы божественной – поэт.
Он видит твой необычайный,⁵
Немеркнувший, Мария, свет.

- л. 3 Он на коленях в нише темной
Пред статуей Твоей – грехи⁶
Замолит – и восторг нескромный,
И грешные свои стихи.⁷

- (30) Прости и шелохни фатою,
Дай мне, безумцу, два крыла,⁸
Чтобы Твоею красотой
Душа насытиться могла!

Не отвращай очей суровых,
Улыбкою благослови
Погибнуть за тебя готовых

Быть с девою – быть во власти ночи.
И не напрасно эти очи
Монах к мирянам ревновал.

¹ Было: Он с братьей на помост церковный

² Было: Поставил с братией тебя,

³ Было: Где золотое спит шитье,
Где глас молитвы – не любовный

⁴ Было: Потом монахам надоело

⁵ Было: ^a начато: И

^b. Он верит в твой необычайный,

⁶ Было начато: Готов

⁷ Было: ^a начато: Искупит

^b. Замолит – свой восторг нескромный,
Свои нескромные стихи.

⁸ Было начато: ^a Дай крылья

^b. Дай мне, безумному,

Варианты переработки в Т₈ (Т₈-1915)

Заглавие	Мадонна
1-4 а.	Глаза, опущенные скромно, Плечо, закрытое фатой... В венецианской церкви темной ¹ Марию видел я такой...
б.	В венецианской церкви темной Мария в нише предо мной; Глаза, опущенные скромно, Плечо, закрытое фатой...
10-12	В полутени укрыл Ее, Далеко от мечты греховной, В молитвенное забытьё. ²
13-20	<i>зачеркнуты</i>
21	<i>как в основном тексте</i>
26	Замолит пред Тобой грехи,
27	Замолит и восторг нескромный, ◇
28	И грешные свои стихи!
30-32	<i>как в основном тексте</i>

*Варианты БА ИРЛИ, БА ГПБ, публикаций в БВ
БВ 2-е изд. и ЕЖДВ*

Заглавие	Мадонна
1-3	<i>как в Т₈-1915, вар. б.</i>
4	Плечо, прикрытое фатой.
11	<i>как в Т₈-1915</i>
13-20	<i>отсутствуют</i>
22	Красы божественной – поэт... (БВ, БВ 2-е изд.)
27	Замолит он восторг нескромный, (БВ, БВ 2-е изд.)
29	И Ты, чье сердце благосклонно, ³

Вариант публикации в СУ

Заглавие	Мадонна
----------	---------

¹ Было: Так в венецианской церкви темной

² Слова молитвенное забытьё заключены в скобки, впоследствии снятые.

³ В БА ИРЛИ и БА ГПБ – как в основном тексте.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

("С детских лет – видения и грезы...")

(С. 80)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

л. 13–13 об. Темноликий Ангел с дерзкой ветвью
Говорит ей – здравствуй, ты полна красоты
А она дрожит пред страстной вестью,
Распустила темных две косы.¹

Темноликий Ангел ближе, ближе.
За плечами – призрак Умбрских гор.
И она склоняет ниже, ниже
Уж не скромный, недевичий взор.²

л. 14 И дрожит, не верит – я ли, я ли³
И рукою закрывает грудь.
Но синеют беспощадно дали –
Не уйти, не < >, не вздохнуть.⁴
< > [нив]
[Над ними]

л. 14 об. А над ними – символ своеволя –
Душит агнца перуджийский гриф.⁵
[Плодоносные]
Говорит: profani procul ite
Locus hic amoris sacer est

[Ветер поднимает покрывало]
[Ангел] [Ветер,] [Ветер]
< > [шепчет: Я пропала]
[Ветер к матери откроет дверь⁶]
[Ветер]
л. 15 < > Я пропала
Если м(ать)

л. 21 об. Робкие тревожили надежды
Грезилась несбыточные сны...⁷

¹ Было: Распустились темных две косы.

² Было начато: Свой девичий

³ Было начато: Все еще не

⁴ Было начато: ^a: И о(на)

^b: Ей не скрыться

⁵ Параллельный вариант: Когтит тельца < > гриф.

⁶ Было: Ветер с матерью ворвется в дверь

⁷ Параллельный вариант: Снились ей несбыточные сны...

И под вечер красные одежды¹
Дрогнули на золоте стены.

Наклонилась ниже над шелками
Но и так – сквозь золото ресниц
Ангел с многоцветными крылами
[Весь] – < > преклоненный ниц

л. 22 С ранних лет – видения и грезы²
Умбрии далекой < > мгла
На ограде < > розы³
Тонкие поют колокола⁴

Как проник ты – розы

[Тише]
Тише
Чтобы не проведала мать.
Я пропала, если мать войдет

Варианты ЧА ЗК₂₆

- Заглавие *отсутствует*
- 3 а. *начато: Все*
- б. *начато: Взор слепят*
- в. *начато: Всюду*
- г. *как в основном тексте*
- д. *начато: Все подруги слишком* ◊
- 7 а. *Лишь одна Мария – в тайном круге*⁵
- б. *Лишь она одна – в предвечном круге*
- 8 *Вечно тклет свой шелковый узор.*⁶ ◊
- Вм. ст. 11–12 *две строки отточий*⁷
- 13 *И совсем склонилась над шелками,* ◊
- 15 а. *Ангел с многоцветными крылами.*⁸
- б. *Словно вихрь с открытыми крылами,* ◊

¹ *Начато:* (В час, когда)

² *Было:* С детства сны – и скованная снами

³ *Было начато:* За оградой

⁴ *Было:* Тонкие звонят колокола

⁵ *Слова Мария и тайном заключены в скобки.*

⁶ *Было начато:* Вы < >

⁷ *Возможно, на месте отточий предполагались строки из первоначального наброска:*

И под вечер красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

⁸ *Было начато:* Он

- 16 *начато*: Ангел ли, пред < >[◇]
- 17 Темноликий ангел с дерзкой ветвью
- 19 *а. начато*: И в смятеньи –
- б. И она – дрожит пред страстной вестью
- 20 *а.* С плеч упали темных две косы.
- б. С плеч упали тяжких две косы.
- 21 *начато*: Он вещает, он[◇]
- 22 *а.* За окном – туманы Умбрских гор¹
- б. Уж над ней – шумящих крыл шатер,²
- 24 *а.* Потемневший, помутневший взор.
- б. *начато*: Разгораю(щийся)
- в. Потемневший, помутневший взор.
- 25–28 Трепеща, не верит – я ли, я ли
< > грудь³
Но чернеют пламенные дали⁴
Мгла и мгла – не встать и не вздохнуть
- 29 *а.* И внезапно – всей грядущей болью
- б. И тогда⁵ – незнаемую болью
- 30 *а.* Озарился круг лица.
- б. Озарился светлый круг лица.
- 33–36 *а.* И⁶ художник, занавесью скрытый,
Прозревая страстной муки крест,⁷
Говорит: Profani, procul ite:
Locus hic amoris sacer est.
- б. Лишь художник, занавесью скрытый,
Он провидит страстной муки крест, –
И твердит: Profani, procul ite:
Locus hic amoris sacer est.⁸

¹ Было *начато*: а. Он крыла
б. Два крыла
в. Заслонил крылами

² Вар. б вписан над ст. 21 при незачеркнутом вар. а.

³ Было *начато*: а. Только шепчет
б. И рукою закрывая груди,
Вся дрож(ит)
в. И рукою

⁴ Было: Но синют пламенные дали

⁵ тогда зачеркнуто и восстановлено подчеркиванием.

⁶ Исправлено: Но

⁷ Было *начато*: Прозревает

⁸ Вар. б вписан при незачеркнутом предыдущем варианте.

Варианты Т₇ и БА РГАЛИ

- Подзаголовок Итальянская картина
29 а. как в основном тексте
б. Я пропала, если мать войдет... И болью (Т₇)

Вариант НР₂ III₁, публикаций в журн. "Аполлон" и НЧ

- Подзаголовок Фреска

УСПЕНИЕ

("Ее спеленутое тело...")

(С. 82)

Черновые наброски в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)¹

л. 31–31 об.

Она от мук помолодела²
И юность воротилась к ней.³
Лежит спеленутое тело'
Среди <   >

От смертных мук помолодело,
Вернуло прежнюю красу
Ее спеленутое тело
В цветах и в молодом лесу⁴

В последний раз Архангел старьй
Целует⁵ в очи и в уста
В последний раз

[А день по-прежнему⁶]

На горном склоне меж камнями
Огромный белый саркофаг.

л. 32   Ее спеленутое тело

---

¹ Все наброски, кроме строфы, соответствующей первой строфе основного текста (л. 32), перечеркнуты вертикальной чертой.

² Было: а. Она от мук похорошела
          б. От смертных мук помолодела

³ Было начато: а. Опять
                      б. Краса вернулась к (не зачеркнуто)

⁴ Было: а. начато: Среди цветов
          б. В цветах и молодом лесу

⁵ Далее было начато: ей

⁶ Было начато: а. И
                      б. А

Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело
Вернув бывалую красу.

[День, как всегда – слепой и ярый,¹
Но с глаз упала слепота]
В последний раз Архангел старый
[Целует бережно уста.]
Влагает белые цветы
[С прощальным]
В окостенелые² персты

л. 32 об.

Опять, как в те года былые³
Взглянуть в ее потухший взор⁴
[Пришли когда-то молодые
Теперь седые пастухи]

Те пастухи – теперь седые
Свои стада сгоняют с гор.
Звезда

Пришли когда-то молодые
Теперь седые пастухи.

л. 33

Взошла, как в те года былые⁵
Другая, поздняя звезда.
И пастухи – уже седые
Опять сгоняют с гор стада.

[А там где обожгла вершины]
В последний раз златит вершины⁶
Златит прощальная заря
[И] И
Встают усопших три царя.

---

¹ Было начато: Как вечно

² Было: окостеневшие

³ Было начато: ^{a.} И
^{b.} Опять, как в годы

⁴ Было начато: Послед( )

⁵ Было начато: ^{a.} А там где
^{b.} И горы

⁶ Было начато: И

Заглавие	<i>отсутствует</i>
5	Уже седой, уже не ярый, [◇]
9 а.	<i>начато</i> : В после ( )
б.	<i>как в основном тексте</i>
10	Уже прощальная заря
13 а.	<i>начато</i> : И светит
б.	Их привела, как в дни былые –
16	Опять сгоняют с гор стада.
17–20	Лишь меж зарею и звездую ² Златятся нимбы без числа. Уж стражей вечному покою ³ Долины заступила мгла. ⁴
21 а.	А выше – над седым оврагом ⁵
б.	А выше – по крутым оврагам
23	Над открытым саркофагом [◇]
24	Белеет Ангел гробовой ^{6 ◇}

¹ Ст. 1–4 записаны на л. 32 в составе ЧН ЗК₂₆.

² Было: а. *начато*: И
б. *начато*: А там
в. *начато*: И всей
г. *начато*: А по ущелью
д. И по долинам, над горою
Ползет ( )
Где меж зарею и звездую
е. И меж зарею и звездую

³ Было: а. *начато*: А над
б. *начато*: И всей
в. *начато*: А
г. *начато*: Но всей долиной
д. Но стражей вечному покою
е. На стражу вечному покою

⁴ Было: а. *начато*: Прохлада
б. *начато*: Прохлада
в. Все тропы заступила мгла.

⁵ Было *начато*: А меж
Далее было *начато*: а. Где камни
б. Б
в. Б(е)ле(?)

⁶ Возможный первоначальный вариант строфы (ст. 21–24):
А выше – над седым оврагом
Где камни ( )
Над открытым саркофагом
Белеет Ангел гробовой

Варианты Т₇ и БА РГАЛИ

Заглавие	Успение Божией Матери
Подзаголовок	Итальянская картина
3	Она от мук помолодела, $\diamond$ (Т ₇)
3	Она от мук помолодела, (БА РГАЛИ)

Вариант публикации в журн. "Аполлон", в НЧ (НР НЧ) и НР₂ III₁

Подзаголовок Фреска

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ

("Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...")

(С. 83)

Черновой автограф (ЧА ИРЛИ)

1. *Набросок*¹

Здесь я покоюсь, Филипп, ( ) слава²
Дивную (прелесть) моей каждый ( ) руки³
Душу умел я (сообщить) искусными пальцами краскам⁴
Души ( ) голосом бога смутить⁵
Даже природа сама ( )
Равным признала меня в творческом ей мастерстве.⁶
В мраморном этом гробу меня (упокоил) Лаврентий⁷
Медичи, прежде, чем я с низкой смешаюсь землей

¹ Текст записан чернилами.

² Было начато: Я здесь покоюсь
Над пропуском вписано: живописи!?

³ Параллельный вар.: Дивную (верность) моей кто не изведал руки

⁴ Было: ^a начато: Пальцами мастера

^b Жизнью умел я ( ) краски

^c Душу (бездушным) сообщал я искусными пальцами краскам

^d Душу сообщал я (моими) искусными пальцами краскам

^e Душу сообщал я под искусными пальцами краскам

⁵ Было: ^a Верные души ( ) голосом бога смущал

^b Полных (?) надежд голосом бога смутить

^c Души ( ) голосом бога смущал

⁶ Было: ^a ( ) Признала меня равным себе в мастерстве.

^b ( ) Признала меня равным ей в мастерстве.

^c ( ) Признала меня равным (в искусстве) себе.

Все варианты не зачеркнуты.

⁷ Было: ^a начато: В мраморном гробе

^b В мраморной этой могиле меня (упокоил) Лаврентий (не зачеркнуто)

II. Варианты¹

- 1 Здесь я покоюсь, Филипп, художник, навеки бессмертный[◇]
2 *как в основном тексте*
3 Душу умел я (сообщать) искусными пальцами краскам
4 Набожных души умел голосом бога смущать
5 а. *как в основном тексте²*
б. Даже природа сама, на мой образа заглядевшись,
6 Принуждена меня звать – мастером равным себе.³
7 В мраморной этой могиле меня упокоил Лаврентий
8 *как в основном тексте*

Варианты T₈ и публикации в РМ

Заглавие "Латинская Эпитафия Фра Филиппо Липпи" (T₈)
Между 6 и 7 *интервал*

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗА ГРОБОМ

("Божья Матерь Утоли мои печали...")

(С. 87)

Черновые наброски в ЗК₂₁ (ЧН ЗК₂₁)

В толпе я нищ и жаден
[И траур – на рукаве.]⁴

В процессии похоронной⁵
Иду, иду с толпой⁶
А рядом – твой глаз зеленый
За траурной фатой.

---

¹ Правка наброска карандашом, приближающая текст к основному.

² Под текстом было начато: Даже природа сама, изумленная

³ Было начато: а. В

б. Равным ( ) признала меня

в. И ( ) признала меня

г. И пришлось ей признать в

Последовательность вариантов гипотетична.

⁴ Было начато: а. За

б. За тра ( )

⁵ Было: Процессией похоронной

⁶ Было: Иду, иду, как все

Идешь ты с незнакомым
Печальная, как все.

За нарядным гробом мужа¹
Желтой пылью обдана.
Ты прошла, как все, печальна,
[Но]

Варианты ЧА ЗК₂₁

- 2 а. Впереди тихонько колыхалась.
б. Перед гробом шла, светла, тиха...
- 3–4 а. *начато*: Ты прошла
б. В длинной проходила ты вуали
За нарядным гробом жениха...
в. А невеста в траурной вуали
Скорбно провожала жениха..²
- 5 *начато*: Кто он был[◇]
- 6 а. *начато*: Что же
б. Только слов кощунственных творец,
- 7 а. *начато*: Но толпа конец
б. Но мертвец – родной толпе народной:[◇]
- 8 Свято³ чтит она конец.[◇]
- 9–10 а. *начато*: И встречаясь кланялись, крестились
На икону, на тебя, на
б. И навстречу, кланялись, крестили
Многодумный и усталый лоб.[◇]
- 11 *начато*: ^аВ этой легкой⁴
б. И соседи
^вИ попы и гости⁵[◇]
- 12 На икону, на тебя, на гроб...⁶[◇]
- 14 а. *как в основном тексте*
б. (Не о нем – Бог весть о Ком?)
- 15 а. Принимала ты слова сочувствий

---

¹ Было: ^а *начато*: Ты идешь за гробом

^б За нарядным гробом летом

² Вар. в – правка чернилами.

³ Было *начато*: И

⁴ Было *начато*: ^а И

^б Эт ( )

^в Этой

⁵ Возможно иное чтение вар. в: А попы в гости ( ) пылили

⁶ Основной текст – правка чернилами.

- б. *как в основном тексте*¹
 а. Принимала [ты] [слова] сочувствий
 19 а. *начато*: Были
 б. Возводила ты в венец творенья,² ◇
 20 а. Как улыбку Божества,
 б. В тайную улыбку Божества,
 22 Где сама печаль была глуха ◇
 23 а. Трауром укрылась ты от пыли,
 б. Убралась фатой она от пыли,³ ◇

Варианты Т₆

Без деления на строфы

- 7 *начато*: Но мертвец – родной то(лпе?)
 14 *как в ЧА ЗК₂₄, вар. б*
 17 а. Этих фраз избитых повторенье –
 б. Этих фраз избитых повторенья –
 24 И ждала иного жениха...

Вариант публикации в журн. "Сатирикон" и НР НЧ

- 15 Приняла она слова, слова сочувствий

ДРУЗЬЯМ

("Друг другу мы тайно враждебны...")

(С. 88)

Варианты Т₆

- Эпиграф *отсутствует*
 8 И негде главы приклонить!
 17 а. Когда под забором, в крапиве
 б. Когда ж под забором, в крапиве

Варианты переработки в Т₆

- 13–16, 25–28 *зачеркнуты*

*Варианты НР₂ III₁, публикаций в III₁, в III₂
 варианты Изборника и Кор₂ Земли*

- Эпиграф *отсутствует (III₁ (НР₂ III₁))*
 8 *как в Т₆ (III₁ (НР₂ III₁), Изборник)*

¹ Вар. б – правка чернилами.

² Основной текст – правка чернилами.

³ Вар. б – правка чернилами.

- 8 И негде главы преклонить! (III₂)
 8 И негде главы преклонить![◇] (Кор₂ Земли)
 13–16, 25–28 отсутствуют (III₁ (НР₂ III₁), III₂, Изборник)
 17 Когда ж под забором в крапиве (III₁ (НР₂ III₁), III₂, Изборник)

ПОЭТЫ

("За городом вырос пустынный квартал...")

(С. 88)

Черновая редакция в ЗК₂₅ (ЧА ЗК₂₅)

- л. 6 За городом вырос пустынный¹ квартал
 На почве болотной и зыбкой.
 Здесь жили поэты. И каждый взирал
 На другого с тревожной улыбкой.²
 [И³ были как дети, мудрее людей⁴
 Они и⁵ любили б друг друга
 Да не было сердца и не было дней⁶
 Свободных⁷ от злого недуга⁸]⁹
 л. 5 об. И все уставали от вечных надежд¹⁰

¹ пустынный *подчеркнуто, вписан вар.:* утрюмый

² Было: Здесь жили поэты – и каждый взирал
 На другого с безумной улыбкой.

³ Было: Все (*незачеркнутый вар.*)

⁴ Исправлено: ^a И были как дети, мудрее, чем все
^b И были как дети, мудрей стариков

⁵ Начата правка: Они бы(?)

⁶ Исправлено: ^a Да не было силы вздохнуть о красе
^b начато: Но было так много

⁷ Было начато: ^a И
^b Свободных от мысли

⁸ Начата правка: [Свободных от (дум и)]

⁹ Далее – наброски: И были, как дети и птицы

Их мудрость была глубока и смела.
 [Они бы любили]
 [(Они) уставали от]

л. 6 об. Открыты грозящие тайны
 [Они погружались в отраду веков]
 [И ждали явлений]

л. 7 [(И ждали) немеркну ( )]

¹⁰ Было начато: ^a Одну без
^b Одну безначальность
^c Одно
^d И все полубили

- (10) На¹ чей-то вызывающий² голос.
Боролись, кричали, громили невежд...
А в поле был ветер, цвел колос.³
- л. 5 Так жили поэты. Казалось порой,
Что зори всходили другие,⁴
Что утро, иль день, или вечер – чужой,⁵
И любимые ночи – чужие.⁶
Так было,⁷ когда провожали они⁸
Одного из⁹ готовых и твердых¹⁰
На подвиги жизни, на яркие¹¹ дни –
- (20) На выход из замкнутой касты¹²
- л. 4 об. Но реже и реже пустынный квартал¹³
Оглашался¹⁴ прощальной тревогой.¹⁵
Давно уж никто уходить не дерзал¹⁶
[Из власти]
- л. 4 И знали о рабстве – но все сознавать¹⁷
Считали угрюмым величьем.¹⁸
И серые маски пришлось закрывать¹⁹
Небывалым и страшным обличьем.²⁰
На красных губах появились черты²¹

¹ Было начато: ^a На лучшее (!)

^b На лучшую долю

² вызывающий не зачеркнуто, вписан вар.: неведомый

³ Далее начато: Желтел, наливался, и сжатый людьми,

⁴ Было: ^a Что зори чужие всходили

^b Что зори всходили чужие

⁵ Было начато: Что день или вечер

⁶ Было: И ночи казались – чужие.

⁷ Было начато: То было,

⁸ они не зачеркнуто, вписан вар.: в пирах

⁹ Было начато: Одного из б( )

¹⁰ твердых подчеркнуто и помечено знаком вопроса.

¹¹ яркие не зачеркнуто, вписан вар.: новые

¹² Далее начато: ^a [Они пировали и зависть]

^b [Он]

¹³ Было: ^a начато: Но редко

^b Но реже и реже прощались они

¹⁴ Начато: Оглашаясь

¹⁵ Далее начато: [И чаще и чаще на лицах сиял]

¹⁶ Было начато: Никто уже

¹⁷ Было: (Но) знали о рабстве – (и) все сознавать

¹⁸ Было начато: Считали велич(ем)

¹⁹ Было: И черные маски пришлось укрывать

²⁰ Далее начато: [Так]

²¹ Было: На бледных губах появились черты

(30) Какой-то улыбки безбрачной.¹
 Открылись болезни. Согнулись персты.²
 И стали, как ногти, прозрачны.
 И ночью мужчина к мужчине вошел³
 И с женами жены смешались⁴
 А утром по улицам шопот прошел⁵
 И долго – Кому-то молились...⁶

Между (36) и (37)

наброски:

л. 3 об. а.

Однажды в недвижно сереющий день⁷
 Явился в багряной одежде⁸
 Когда не⁹ ( )
 Не знали ( ) надежды¹⁰

б. И утром пришел неожиданный гость,¹¹
 ( ) ржавых
 И вынес из храма железную трость,
 Как пастырь для ( ) правых.¹²

л. 3 в.

И вот – в неподв(ижно) сер(еющий) день¹³

¹ Было: а. Насмешки ( ) дрожащей

б. *начато:* Сме( )

в. Какой-то угрюмой улыбки

² Было: Открылись болезни; согнулись персты.

³ Было: а. входил

б. пришел

⁴ Было: И малые дети смешались.

⁵ Было: а. А утром владыка на башню всходил,

б. А утром владыка на кровлю взошел

в. *начато:* А утром на улицах

⁶ Было: И утром – кому-то молились...

⁷ Было *начато:* а. Но вот

б. Но вот – в сероватый

в. Но вот – в неподвижно сереющий день

⁸ Было *начато:* Явился багровый

⁹ Было *начато:* Когда

¹⁰ надежды *подчеркнуто*

¹¹ Далее следуют *зачеркнутые наброски:*

а. Закрывающий

б. Красивый и

в. С лицом, откровенно открытым

г. В заржавленной

д. [С] Покрыйтый

е. Под шлемом

¹² Было *начато:* а. Увитуго

б. И

в. Я – пастырь для ( ) правых

¹³ Было *начато:* И утром

- За ленью строений
 Услышали¹ песню из тех деревень,
 [И² голос зывал]³
 л. 2 об. г. Так жили поэты – и прокляли день,⁴
 [Когда]⁵
 А рядом был вечер больших деревень⁶
 И простые спокойные люди⁷
 Так жили поэты – и прокляли день,
 Когда размечтались⁸ о чуде.
 А рядом был шорох больших деревень
 (40) И жили спокойные люди.⁹

Далее наброски:

л. 2

[Я [утром] вышел ночью. К утру был]
 [За ленью строений]
 Они погружались в глубокие сны
 И многие знали

Варианты Т₆

- 5 а. как в основном тексте
 б. Напрасно и день светозарный сиял
 9 Когда опьянялись, то в дружбе клялись,
 15 И золотом и чернью прохожей косы
 25 Нет, милый читатель, несчастный ты мой,
 29–32 а. как в основном тексте
 б. зачеркнуты
 33 И пусть я умру под забором, как пес,

¹ Было начато: Из

² Было начато: Что

³ Вар. в не зачеркнут. Далее начато: [И]
 [Вошла и не вышла из кельи]

⁴ Было начато: а. Когда же зажгли
 б. Так жили поэты – и
 в. И день красовался – немеркнувший день
 Не ( )

⁵ Было начато: В который

⁶ Было начато: а. А в
 б. А там – на

⁷ Было: А рядом – в зеленой тени деревень
 Простые спокойные люди

⁸ размечтались не зачеркнуто, вписан вар.: услышали

⁹ жили спокойные дважды подчеркнуто, вписан вар.:
 И (простые) (здоровые) люди.

Без деления на строфы

- 5 как в Т₆, вар. б
9 как в Т₆
15 И златом, и чернью прохожей косы
25 Нет милый читатель, несчастный ты мой!
29–32 *отсутствуют*
33 как в Т₆

Варианты переработки в Т₆ (Т₆-1918)

- 5 как в основном тексте¹
6 Над этим [несчастливым]² болотом.
9 как в основном тексте³
12 Трудились упрямо и рьяно.⁴
15 как в основном тексте⁵
19 И плакали горько над [нежным]⁶ цветком,
25 а. как в основном тексте
б. Нет, милый читатель [и]⁷ критик слепой,⁸
29–32 а. Ты можешь быть счастлив собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
Не надо ему конституций!
б. Ты можешь быть счастлив собой и женой,
Но жизнью не слишком доволен,⁹
А вот у поэта – всемирный запой,
И в жизни и в смерти он волен!¹⁰
Между 32 и 33 Ты смотришь, без смысла, разинувши рот,¹¹
На все равнодушно на свете,¹²
Как ветер бежит, или дождик идет,
Мне любви и дождик и ветер!¹³

¹ При незачеркнутом предыдущем вар. (см. вар. б в Т₆).

² Зачеркнуто карандашом.

³ При незачеркнутом первоначальном вар. (см. Т₆).

⁴ Первоначальный текст, совпадающий с основным, не зачеркнут.

⁵ Первоначальный вар. (см. Т₆) не зачеркнут.

⁶ Зачеркнуто карандашом; первоначальный текст, совпадающий с основным, не зачеркнут.

⁷ Зачеркнуто карандашом.

⁸ Правка (вар. а, б) производилась при незачеркнутом первоначальном вар. (см. Т₆).

⁹ Было: А жизнью не очень доволен, (Оба вар. вписаны карандашом)

¹⁰ Вар. вписан карандашом.

¹¹ Было: Ты смотришь в окошко, разинувши рот,

¹² Было начато: Ты смотришь

¹³ Приписан вар.: Любимый мой дождик и ветер! (Оба вар. не зачеркнуты)

Варианты БА РГАЛИ

3 Здесь жили поэты, и каждый встречал
6 Над этим несчастным болотом
12 *как в Т₆-1918*
19 И плакали горько над нежным цветком,
25 Нет, милый читатель и критик слепой,
28 Тебе недоступно все это!
29 Ты можешь быть счастлив собой и женой,
32 Не надо ему конституций.

Между 32 и 33:
(33–36)

Ты смотришь, без смысла разинувши рот,
На все равнодушно на свете:
Как ветер бежит, или дождик идет, –
Любимый мой дождик и ветер!¹
33 *как в Т₆*
35 Я верю, что Бог меня снегом занес,

Варианты публикации в газ. "Пламя"

6 Над этим несчастным болотом:
12 *как в Т₆-1918*
28, 29, 32 *как в БА РГАЛИ*
Между 32 и 33 *как в БА РГАЛИ²*
33, 35 *как в БА РГАЛИ*
36 Что вьюга меня целовала!

"КОГДА ЗАМРУТ ОТЧАЯНЬЕ И ЗЛОБА..."

(С. 92)

Варианты ст. 1–6 ЧА ЗК₂₂

Без деления на строфы

3 На разных двух концах земли.^{3◇}
5 Часы. Идут года походкою столетий,[◇]

Варианты ЧА ИРЛИ (ст. 7–12)

7 И вижу в снах твой образ, мне знакомый[◇]
8 *начато*: Каким он был до это(й)[◇]
9 а. Каким он был на утренней заре
б. *начато*: Каким являлся мне в

¹ *Начато*: (нрзб)

² Ст. (35): идет,

³ Основной текст – правка карандашом.

6. Каким являлся мне...¹ Смотри:
 10 Все та же ты, какой была когда-то
 11 а. Над той горой – осенней и зубчатой,
 б. Там, над горой, осенней и зубчатой,

Вариант Т₈

- 10 как в ЧА ИРЛИ[◇]

"ТЫ ТАК СВЕТЛА, КАК СНЕГ НЕВИННЫЙ..."

(С. 92)

Варианты Т₆²

- 1 а. как в основном тексте
 б. Ты так нежна, как снег невинный,[◇]
 3 а. как в основном тексте
 б. Не верю этой жизни длинной[◇]
 8 а. В твои я двери постучу.
 б. как в основном тексте³
 9 а. как в основном тексте
 б. начата правка: За эти ( ) муки[◇]

*Вариант публикации в журн. "Новый журнал для всех"
 и в сб. "Вихрь"*

- 8 как в Т₆, вар. а

"ВСЕ ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО..."

(С. 92)

А. Наброски первоначального замысла

I

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

Все это было, было, было!
 Совершился дней круговорот!
 Какая ложь,⁴ какая сила
 Тебя, прошедшее, вернет?

¹ Было: мне –

² В ст. 1, 3, 9 основной текст, обозначенный знаком [◇], был восстановлен подчеркиванием первоначального текста (см. вар. а этих стихов).

³ тихий терем подчеркнута синим карандашом.

⁴ Ложь не зачеркнута, вписан вар.: ночь

И будет ли то ночью звездной –
[В]
Клюкой < > железной¹
В ворота² дома моего

II

Черновые наброски в ЗК₂₇ (ЧН ЗК₂₇)

(1.)
л. 4

Все это было, было, было
Свершился дней круговорот
Какая ночь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?
Или в час утра, в час хрустальный³
У стен московского кремля⁴
Мне мой восторг первоначальный
С улыбкой возвратит земля?⁵
л. 4 об. Иль в ночь на Пасху над Невою⁶
(10) Под резким ветром, в ледоход⁷
Старуха нищая клюкою
Мой труп счастливый шевельнет?
Иль на возлюбленной поляне⁸
Меня < >
В душистом утреннем тумане
Расклетает коршун молодой?⁹

¹ Вписано.

² Исправлено: В ворот (в конце слова вместо "а" вписан "ъ")

³ Было: Или в час утренний, хрустальный

⁴ Было начато: Над < > московского кремля

⁵ Было: Скупая возвратит земля?

⁶ Было начато: а. Иль в час ночного ледохода

б. Или над невским ледоходом

л. 4 Я в ночь пасхальную

в. Или при виде ледохода
В < >

г. Или при виде ледохода
Я в ночь пасхальную

л. 4 об. д. Иль в ночь пасхальную

⁷ Было начато: В < > стужу, в ледоход (незачеркнутый вар.)

⁸ Было: а. начато: Иль средь

б. начато: Иль я задумаюсь

в. Иль я усну средь пышных злаков

г. начато: Иль на поляне

⁹ Помещенный ниже набросок соответствует ст. 17–19 стих. "Все это было, было, было...". Он записан в ЗК₂₇ отдельно на развороте записной книжки на л. 3 об. против зачеркнутых набросков ст. (9–10). Его место в первоначальном замысле не обозначено, возможно, он должен был следовать после ст. (8).

- Под шелест осени седой¹
 Закружит коршун молодой
 [Или очнусь в другой отчизне]
 Или
 < >
- л. 7 [Другая мать рукою юной²
 Быть может
 От снов, от ветра, от лагуны
 Священной шалью завернет]
 Кто даст мне жизнь? потомок дожа,³
 Купец, рыбак, иль иерей⁴
 В грядущем мраке делит ложе⁵
 С грядущей матерью моей?
- л. 7 об. Порою всматриваюсь жадно⁶
 В глубокий мрак – грядущий век.⁷
 Что буду? Прах немой и хладный,⁸
 Иль вновь – мятежный человек.
 Увижу ль полночью пасхальной
 Студеный ледоход Невы⁹
 Увижу ль утром Кремль хрустальный
 Холмы прозрачные Москвы?
 И на возлюбленной поляне
 Пригрезятся ль мне вновь и вновь¹⁰
- л. 8 В осеннем дождевом тумане
 Твои видения, любовь?¹¹
 Или проснусь в другой отчизне¹²

¹ Возможно, стих вписан

² Было начато: И мать

³ Было: ^{a.} начато: Кто даст мне жизнь –
^{b.} Кто жизнь мне даст? потомок дожа,

⁴ Было начато: ^{a.} Бедняк
^{b.} Рыбак

⁵ Было начато: ^{a.} Взойдет
^{b.} Разделит

⁶ Было: Живу и всматриваюсь жадно:

⁷ Было: ^{a.} В грядущий мрак. Что буду я?
^{b.} В грядущий незнакомый век.

⁸ Было начато: Что буду я?

⁹ Было начато: Вновь ледоход

¹⁰ Было: ^{a.} начато: (нрзб)
^{b.} Я призову ли вновь и вновь

¹¹ Было начато: Твое

¹² Было: ^{a.} начато: Или в другой отчизне
^{b.} Или очнусь в другой отчизне
^{c.} Или очнусь для новой жизни
 В другой

Не в этой пасмурной стране¹
И памятью об этой жизни
Вздохну когда-нибудь во сне?
Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец

л. 8 Другая мать рукою юной
[Уже] Уже мечтает, может быть,
Меня² от ветра и лагуны
Священной шалью оградить,
Быть может, мой отец грядущий³
У ( )

Ш

Черновой набросок в ЗК₂₈ (ЧН₁ ЗК₂₈)
л. 3 об. Быть может, мой отец мятежный⁴
Струной пред девою звеня
Уже в глазах влюбленной девы⁵
Провидит, может быть, меня⁶

И эта мать, вникая в струны,
Мать, что поют глухие струны⁷
Ты, ты мечтаешь⁸

² Или про(снись) для новой жизни

³ Или увижу новой жизни

¹ Стих вписан.

² Было начато: От си( )

³ Было начато: а. Иль указать

б. И, может быть, отец грядущий

⁴ Было начато: а. И он – отец – канцоной нежной

б. И тот отец – канцоной нежной

в. Другой отец – канцоной нежной (вар. не зачеркнут)

г. Уж

д. Девичий

е. Пленяет

ж. Другой отец, свои напевы

Слагает, может быть, (любя?) звеня

з. И может быть, пленяя деву,

Отец грядущий

⁵ Было: В грядущей страсти ( ) нежной

⁶ Вписан и не зачеркнут вар.: Уже предчувствует меня.

⁷ Было начато: И мать, внемля

⁸ Ниже прочерк и начато: а. Но все

б. Все, все изменчиво

( ) воз ( )

л. 4 Так ветер из будущих времен¹
Завесу черную взвивает²
Глухою музыкой стена³

И черным бархатом играет
Завесы будущих времен

[Быть может,] песнью нерожденной⁴
Отец (   )
Уже провидит мать мою

Тебя я в песне нерожденной
Отец грядущий, узнаю!
Не ты ль слагаешь песни деве⁵
И в ней провидишь мать мою?

л. 4 об. Но⁶
Чуть зримы очертанья лиц
И мрак

IV

Черновой набросок в ЗК₂₈ (ЧН₂ ЗК₂₈)

л. 6 об. Быть может, венецьянской девы⁷
Канцоной нежной слух плена,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

---

¹ Было: ^a начато: Все, все, что
^b И ветер, из будущего вея,
^c Так ветер будущих веков (вар. не зачеркнут)
² начато и не зачеркнуто: Так ветер из мрака

² Было: Завесу черную колеблет

³ Было: ^a начато: Глухой
^b Глухою музыкой взывает
^c Глухою музыкой чреватый

⁴ Было начато: Быть может, юноша

⁵ Было: ^a начато: Быть может
^b Не ты ль, слагая песни деве,

⁶ Было начато: ^a И
^b Но слов

⁷ Было начато: ^a И краем
^b И
^c И тяжким барх(атом?)
^d И тяжкий барх(ат?)
^e Тяжелый бархат шевельнет
^f И может быть,

И неужель, в грядущем веке¹
Младенцу – мне велит судьба²
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

[Так – беспокойно и напрасно³
То здесь, то там – сквозь мрак и сон⁴
Блеснет мне светоч молнии красной⁵
Иль донесется тихий звон]

Так налетевший ветер глухо⁶
Приносит отдаленный шум⁷
О том, чего не слышит ухо,
Чего не понимает ум.⁸

И сиротливо, сиротливо⁹
Ты странствуешь из века в век¹⁰
Неуслышанный, горделивый
И бесприютный человек!¹¹

---

¹ Было начато: И

² Было: ^a. Велит мне строгая судьба
^b. Ребенку – мне велит судьба

³ Было начато: ^a. Все – мрак
^b. Все дальше
^c. Все мрак и сон. И в сонной дали
Внезапной молнией
². Все мрак и сон. Но в сонной дали
Внезапной молнией

⁴ Было: То здесь, то там – во мрак и в сон

⁵ Было: Блеснет зигзаг ( ) красной

⁶ Было начато: ^a. И ветер, налетев
^b. И ветер, полетев
^c. И ветер, налет( )

⁷ Было: ^a. начато: Поет
^b. О том ( ) поет
^c. начато: О том, чего

⁸ Было начато: О т(ом)

⁹ Было: И сиротливый, сиротливый

¹⁰ Было начато: Среди

¹¹ Было: И непонятный человек!

Иль обновлю в грядущей жизни¹
Любовь и память и мечту,²
И буду знать о той отчизне,
Как нынче знаю Калиту?

- л. 8 об. Кто даст мне жизнь?³
[Порою всматриваюсь жадно
В грядущий мрак]
[Грядущий мрак, как бархат черный]
[В грядущий]
[В грядущем ночь, как бархат черный]
[Нам ночь, как бархат черный]
Нас душит ночь, как бархат черный⁴

Б. Варианты основного текста

Варианты Т₇

- 21 Иль в новой жизни, непохожей,

Варианты НР₁ III₁ и НР₂ III₁

Без деления на строфы (НР₂ III₁)

- 10 Под ветром, в стужу, ледоход – ◊ (НР₂ III₁)
21 как в Т₇

Вариант публикации в РМ

- 6 У стен московского кремля

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

("На разукрашенную елку...")

(С. 93)

Варианты Т₇

- 5 *начато*: А няня топит печку в спаль(?)◊
15 А нянька старая оглохла,
17–24 *приписаны*⁵
19 Под шумным пламенем событий,

¹ Было: ^а Или проснусь для новой жизни

^б Иль принесу для новой жизни

² Было: ^а *начато*: Другую

^б И даль, и память и мечту,

³ Ниже – строка отточий.

⁴ Далее – прозаическая запись: Не могу писать. Мож(ет) быть не нужно. С прежним "романтизмом" (недоговариваньем и т.д.) борется что-то, пробиться не может, а только ставит палки в колеса. (л. 8 об. – 9)

⁵ Доработка 1911 г.

- 21 а. Так исчезайте! Что в вас толку?
 б. Так, исчезайте, что в вас толку?
Варианты публикации в журн. "Заветы"

Без деления на строфы

19 как в Т₇

21 Так, исчезайте! Что в вас толку?

Варианты НР Сказки и публикации в сб. "Сказки"

- 5 А няня топит печку в спальной. ◇ (НР Сказки)
 17-24 отсутствуют

СОН

("Я видел сон: мы в древнем склепе...")

(С. 94)

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

Скрипеть зубами, рвать когтями
 Неотвечающую

Рубиться, рубиться, рубиться

И даже в утро воскресенья
 Нам хватит ли ( ) сил¹
 Ломать тяжелые каменя
 Своих ( ) могил

[Века]

Я мертв. Века. И воскресенья
 Чуть брежит утро. Он идет.
 А надо мной

[Идет он]

[Как]

Идет, как в книгах мы читали

Варианты ЧА ЗК₃₁

Заглавие
 и посвящение *отсутствуют*

- 1-3 Мать, и жена, и я – мы в склепе,
 Мертвы. – А жизнь вверху идет

¹ Было начато: Нам будет

- Все непонятней, все нелепей...¹
- 6 а. *начато*: ⟨нрзб.⟩
 б. *начато*: Глас трубный
 в. *начато*: Идет²
2. Он сходит с горней Высоты◇
- 7 а. Над нами тяжкие камня
 б. Над нами красные камня
- 9–12 *записаны после ст. 24*
 Но Он идет из дымной дали³
 В хитоне белом ( )
 Как в древних книгах мы читали,⁴
 Скучая и не веря им⁵
- 13–16 *отсутствуют*
- 17–20 И слышу тихий голос рядом:
 Мой сын, ты был ( ) силен⁶
 Нажми рукой
 Чтоб мы из гроба встать могли⁷
- 21 а. *начато*: Мать, я ослаб
 б. Нет, мать, я задохнулся в гробе
- 22 И нет ( ) прежних сил.◇
- 23 а. Я не могу ( ) вы обе,
 б. Просите и молитесь обе,
- 24 Чтоб Ангел камень отвалил.

Варианты Т₇

- Посвящение *отсутствует*
- 10 И Ангелы с мечами – с ним.
- Ст. 13–16 следуют после ст. 17–20*
- 14 *начато*: Лежит своб(одная?)◇
- 24 *как в ЧА ЗК₃₁*

¹ После всего текста ЧА на л. 12 записан чернилами еще один вар. ст. 1–2:

Мы мертвые – в подземном склепе
 А жизнь вверху – она идет.

² Возможен вар.: Идет Он с горней Высоты

³ Было: Но он идет из дымной дали

⁴ Было: Такой, как в книгах мы читали,

⁵ Было *начато*: Не

⁶ Было *начато*: И слышу тихий голос рядом –
 То мать: мой сын

⁷ Было: а. *начато*: И каме(нь)

б. Чтобы воскреснуть мы могли

в. Чтоб встать ( ) мы могли

Варианты публикации в ЛА-1912, ЛА-1914

- Посвящение *отсутствует*
10 И Ангелы с мечами – с Ним, –
Ст. 13–16 следуют после ст. 17–20
24 *как в ЧА ЗК₃₁*

Варианты НР₁ III₁, НР₂ III₁ и публикации в III₁

- Заглавие
и посвящение а. *как в основном тексте*
б. *зачеркнуты (НР₂ III₁)*
- Заглавие
и посвящение *отсутствуют (III₁)*
5 Чуть брезжит утро воскресенья.
10 *как в Т₇ (НР₁ III₁)*
10 а. И ангелы с мечами – с ним.
б. И ангелы с мечами – с ним; (НР₂ III₁)
Ст. 13–16 следуют после ст. 17–20
24 *как в ЧА ЗК₃₁ (НР₁ III₁)*

Варианты публикации в III₂

- 1 Мать, и жена, и я – мы в склепе
5 Чуть брезжит утро воскресенья,
13–16 *отсутствуют*

КОМЕТА

("Ты нам грозишь последним часом...")

(С. 93)

Варианты Т₇

- 17–18 Летят на демонской машине
Моран, Ефимов и Шавез!
19–24 Нет! Гибель не страшна герою,
Когда безумствует мечта!
Пусть даже ты над головою
Источишь сладкий яд хвоста,¹
И грозно смолкнет за спиною
Однообразный треск винта!

---

¹ Было: хвоста!

Варианты публикации в сб. "Гамаюн"

17-18 как в T_7

19-24 как в T_7^1

Варианты переработки в T_7 (T_7-1917)

17-18 Сквозь ночь, сквозь мрак – стремят отныне $\diamond$

Полет стада стальных стрекоз!

23 Пусть грозно смолкнет за спиною²

19-24 а. *начато:* Пусть над безумной головою³

Простерла грозный

б. *начато:* Пускай

в. *как в основном тексте*

"ТЫ ПОМНИШЬ? В НАШЕЙ БУХТЕ СОННОЙ..."

(С. 96)

Черновой набросок в ZK_{33} ($ЧН ZK_{33}$)

Мир станет древним⁴ и желанным

( )

Случайно на ноже карманном

Крупицу пыли дальних стран

Найдешь пылинку

Варианты ЧА ИРЛИ

3 И вдруг – кильватерной колонной $\diamond$

5 а. То было – в год войны.

б. Пять миноносцев. И вопросы $\diamond$

6 *начато:* Томили нас $\diamond$

7 а. *начато:* Когда

б. Как загорелые матросы $\diamond$

8 *начато:* Ходили по деревне $\diamond$

9 *начато:* Мир стал новее $\diamond$

11 а. *начато:* И было нам печально

б. И было нам смотреть печально

в. Мы видели, как все четыре

2. Нам было видно – все четыре

12 *начато:* С горы, как их $\diamond$

13 И обыденным стало море, $\diamond$

¹ Ст. 22: хвоста,

² Исправление внесено в первоначальный текст, новый текст ст. 19-24 записан ниже карандашом.

³ Исправлено: Пусть даже ты над головою

⁴ Было: дивным (?)

- 15 Как на прибрежном семафоре◇
 17 Немного в этой жизни надо◇
 20 *начато*: Малейшей◇
 21 Мир станет древним и желанным◇
 22 а. Найдешь пылинку стран чужих
 б. Найди пылинку дальних стран, –
 23 *начато*: Мир◇
 24 В цветной окутанным туман.

Варианты Т₈

- 14 Маяк уныло замелькал◇
 24 а. В цветной окутанным туман!
 в. В цветной закутанным туман!

Вариант публикации в РМ

- 24 как в Т₈, вар. б

"БЛАГОСЛОВЛЯЮ ВСЁ, ЧТО БЫЛО..."

(С. 96)

Черновой набросок в ЗК₃₂ (ЧН ЗК₃₂)

Благословляю все, что было –
 Я лучшей доли не искал.
 О, сердце, сколько ты любило!
 О, разум, сколько ты пылал!
 В лесу и в городе
 < > в келье, во хмелю
 Все помню
 Другьям, врагам < > люблю
 Ты жизни хмурой < > бедной
 Постылый < > Бог с тобой
 Еще поборемся с тобой
 А ты, кого терзал я новым,
 Ревнуя < > любя

Черновая редакция в ЗК₃₂ (ЧА)

Благословляю все, что было,
 Я лучшей доли не искал.
 О, сердце, сколько ты любило!
 О, разум, сколько ты пылал!

⟨ ⟩ Я падал низко,¹
Но знала счастье эта грудь,²
И черный рыцарь близко, близко³
Пересекал мой светлый путь.⁴

(10) Но в долгой скуке, в страстной буре
Не вся растрачена душа.
Смотри – она опять к лазури
Стремит, волнуясь и дыша!⁵

И ты, кого терзал я новым –
Любя, ревнуя и кляня, – ⁶
За все, чего не скажешь словом,
Прости, люби, веди меня.

А ты
Всесильный призрак
Когда-нибудь на новом поле
(20) Еще поборемся с тобой!

Варианты Т₇

Заглавие Заключение "Собрания стихотворений"
14 И сердце распирает грудь,[◇]

Варианты БА НР₂ III₁, Кор. III₁ и публикации в III₁

Заглавие Заключение
14 как в Т₇ (БА НР₂ III₁)
16 Свой верный ⟨нрзб⟩ путь.[◇] (БА НР₂ III₁)

¹ Было: ^a начато: Как иногда

^b Как падал я позорно-низко,

^a И падал я позорно низко,

² Было: ^a Как счастье разрывало грудь,

^b И счастье разрывало грудь,

^a Но счастье – знала эта грудь,

³ Было: ^a Как иногда казалось, близко

^b И черный рыцарь где-то близко,

⁴ Было начато: Все

⁵ Было начато: (9–12) ^a. Но все – да будет по-иному

^b. Но если часть души

^a. Но в смертной буре, в страстной буре

Потеряна лишь часть души

Другая – вновь стремится к лазури

². Но в смертной буре, в страстной буре

Лишь часть души схоронена.

Другая вновь стремится к лазури

⁶ Было начато: И изменяя

ПОСЛАНИЯ

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При получении "Идиллий и Элегий")
("Дождь мелкий, разговор неспешный...")
(С. 97)

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

⟨1⟩

л. 23 об.

Верховскому
За томной резвостью¹
Сквозь резвость томную идиллий
[За]
За скорбную элегий ткань

⟨2⟩

Смех легкий и немножко грешный,²
Из-под цилиндра – прядь волос,
Дождь мелкий, разговор неспешный –
Ведь так при встречах повелось?³

Не почтальон – я верю – гений⁴
С печальным факелом в
Ваш нежный дар в мой дом осенний⁵
В прекрасный день

⟨3⟩

л. 24

Поэт
Я помню
Дождь мелкий, разговор неспешный
И под⁶ цилиндром – прядь волос
Смех легкий, взгляд немного грешный
– Так

---

¹ Вписано.

² Было: Смех легкий, приторный и грешный,

³ Было начато: Так

⁴ Было начато: И вот пришел

⁵ Было: Ваш милый дар в мой дом осенний

⁶ Было начато: Из-под

⟨4⟩

Но¹ разве не печальный гений²
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,³
Где я – в тревоге и тоске.⁴

⟨5⟩

л. 24 об. И в жизни холоде суровом⁵
Я Вас узнал,⁶ люблю уже⁷
За каждый Ваш намек о новом⁸
В старинном грустном чертеже

⟨6⟩

Сквозь резвость томную идиллий⁹
В ночь скорбную элегий плыть.

⟨7⟩

л. 25 Шушат мне тихие страницы
Живой мечтательной души

⟨8⟩

И в шуме осени суровом
Я Вас узнал и Вас люблю
За каждый Ваш намек о новом
На старой ткани "тюрлюрю".¹⁰

Варианты Т₇

10–11 Я вспомнил Вас, люблю уже
За каждый Ваш намек о новом

---

¹ Было: И

² Исправлено карандашом: Но вот иной, печальный гений

³ Было: ^a. начато: Вн(?)

^b. Принес ваш дар в мой дом осенний,

⁴ Исправлено карандашом: Где я – в заботе и тоске?

⁵ Исправлено чернилами: И в шуме осени суровом

⁶ Было начато: Я узнаю Вас

⁷ Исправлено чернилами: Я вспомнил Вас, люблю уже

⁸ Было: Быть может, лишь намек о новом

⁹ Было: За резвость томную идиллий

¹⁰ Было: "тюрлюрю-лю". Под текстом приписка: Тюрлюрю-Тюрмарло

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ
(При получении "Зеркала теней")
("И вновь, и вновь твой дух таинственный...")
(С. 98)

Варианты Т₇

- 1 И вновь, и вновь Твой дух таинственный
3 а. как в основном тексте
6. Велит к Твоей мечте единственной
4 Прильнуть и пить напиток Твой...

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(Ответ)
("Да, знаю я: пронзили ночь отвеча...")
(С. 98)

Вариант Т₇

Заглавие "Владимиру Гиппиусу
(ответ на его послание)".

Вариант БА ИРЛИ

Заглавие Владимиру Гиппиусу.
Подзаголовок *отсутствует*

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

("Был скрипок вой в разгаре бала...")
(С. 99)

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

Вяч(еславу) Иванову
(Ответ)¹

Я был < > бала²

Когда судьба меня послала
В объятия мудрости твоей.

Слегка согбен, не стар, не молод,
[Кто ты?]

С
Моей души пылавший холод
Сверлящим взором пронизал.

¹ Подчеркнуто.

² Над пробелом вписано: городского

Варианты Т₇

- Подзаголовок (надпись на книге)
23 а. *как в основном тексте*
б. Очей пронзительных Твоих,
29 а. *как в основном тексте*
б. В Тебе не вижу, как тогда.
31 Бездонных чар Твоей души...
33 Песнь соловья в Твоей глуши....
37 Да, царь самодержавный – Ты.
39 В час ранний встретивший зарю,◇
41 На царский поезд Твой смотрю.

Вариант БА₁ РГАЛИ

- 30 Как в юности, не знаю◇

Варианты БА₂ РГАЛИ

- 12 Своим Ты холодом пронзил!
23,29 *как в Т₇, вар. б*
31 *как в Т₇*
33 Песнь соловья в Твоей глуши...
37,41 *как в Т₇*

АННЕ АХМАТОВОЙ

(«Красота страшна», – Вам скажут...») (С. 100)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

1. Наброски¹ (ЧН)

- л. 1 Да, [людская молва]
Что

Слишком много

Пройдет молва: Вы демон страшный и красивый²

И

Покорная молве, заколете лениво

Цветком³

¹ *Перечеркнуто синим карандашом.*

² *Было: а. начато: Молва: опасной красотой*

б. Пройдет молва: опасной красотой

в. начато: Пройдет молва: в Вас

Вместо вар. б возможно чтение: начато: Молва: в Вас

³ *Было начато: Вы*

- л. 2 Кругом твердят: "Вы – демон, Вы – красивы."¹
И Вы, покорная молве,
Шаль желтую накинете лениво,²
Цветок на голове.

Ребенка вы качаете несмело³
[С цветком испанским в волосах]⁴
[А в волосах – цветок.]
[Но через все слова]
[Так]
[Под музыку]

- л. 3 [И равнодушно вслушиваясь]
Прислушиваясь с равнодушьем жадным
Так равнодушно и так жадно

Внимательно и, вместе, равнодушно
[Вы вслушаетесь]
Вы внемлете

- л. 3 об. Но ⁵ не так я проста, и не так я сложна,
Чтоб ⁶ забыть, что ( ) жизнь мне дана

Знаю, многие люди твердить Вам должны,⁷
Что Вы странно красивы и странно нежны,⁸
Знаю также, что скажут другие: она⁹
Так, как все [,]:

---

¹ Было: Кругом твердят: безумной и красивой

² Было: ^a Приколете небрежно и лениво
Цветок испанский в голове.

^b начато: В (шаль желтую?)

^c Шаль желтую накинете лениво,
Цветок испанский – в голове.

³ Стих не зачеркнут. Над ним начата правка: ( ) неумело

⁴ Было начато: С испанской

⁵ Над текстом наброска (л. 3 об.) вписано карандашом: Анна Ахматова 15 декабря.

⁶ Было начато: Чтобы

⁷ Было начато: Знаю, многие люди твердить Вам должны
( )
Знаю Вам говорили, что

⁸ Было: Что Вы страшно красивы и странно нежны,

⁹ Было начато: Знаю также, что люди другие: она (люди подчеркнута)

II. Варианты

- Заглавие *вписано*
- л. 2 об. 1а. *начато*: Вам твердят: Вы
б. Вы красивы, Вы, как демон,
в. "Красота страшна", Вам скажут,
2. Вам твердят – и Вы лениво[◇]
4. *начато*: Розу[◇]
- 6–7а. И несмело, неумело
Вы качаете ребенка,
б. Желтой шалью неумело^{1◇}
Вы укроете ребенка,
- 9–12 а. Но сквозь все слова чужие²
Вас страшит расцвет Ваш ранний³
И, задумавшись печально,⁴
Вы твердите про себя:⁵
- б. Но, рассеянно внимая
Всем словам, вокруг звучащим,⁶
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:⁷
- л. 1 об. 13–16 а. Не страшна я; не проста я;⁸
Не страшна, – не смею просто⁹
Убивать; не так проста я,¹⁰
Чтоб забыть, что жизнь страшна.
- б. *как в основном тексте*¹¹

Вариант T₈

- 16 Чтоб забыть¹², как жизнь страшна[◇]

¹ Основной текст – правка синим карандашом.

² Было: а. как в тексте

б. Но сквозь все чужие речи

³ Было: а. Ранний Ваш расцвет печалит

б. Вас печалит цвет Ваш ранний

⁴ печально зачеркнуто и вписано.

⁵ Было начато: Вы твердите просто

⁶ Было: Но, рассеянно и чутко
Всем словам чужим внимая,

⁷ Вар. б – карандашом.

⁸ Было начато: Я не так страшна, чтоб

⁹ Было начато: Я не так страшна

¹⁰ Было: простая (видимо, описка)

¹¹ За исключением пункт. вар. в ст. 14: страшна, – кавычки отсутствуют. Правка чернилами и синим карандашом. Под текстом (л. 1 об.) – дата (карандашом): "16 дек(абря) 1913".

¹² Незачеркнутый вар.

"И ВНОВЬ – ПОРЫВЫ ЮНЫХ ЛЕТ..."

(С. 101)

Варианты ЧА ИРЛИ

Без деления на строфы

- 8 Лишь, наконец, поверишь чуду...
9 И, наконец, поверишь ты, ◊
14 *начато*: Давно ◊
15 И все – уж не "мое", но "наше",
19 О той мечте, ( ) о зыбкой ◊

Варианты Т₇

- 15а. И все – уж не "мое", а "наше",
б. И все – уж не "твое", а "наше",
19 О нежной той мечте, о зыбкой,¹ ◊

Варианты публикации в РМ

- 8 Лишь, наконец, поверишь чуду,

ХУДОЖНИК

("В жаркое лето и в зиму метельную...")

(С. 101)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие а. *как в основном тексте*
б. Творчество²
1–4 а. *было начато*: ( )
( )
Тихо войдет в эту скуку смертельную
Легкий, чужой и не слышанный звук.
б. *как в основном тексте*³
7–8 И перед грешным моим ожиданием [:], ◊
Тянет он чистую, чистую нить.⁴
9–12 *вписаны*⁵

¹ Провка карандашом.

² Оба вар. заглавия вписаны позже и не зачеркнуты. Вар. а взят в кавычки и подчеркнут, вар. б заключен в скобки.

³ За исключением вар. в ст. 3:

^{а.} *начато*: Входит ( ) в скуку смертельную

^{б.} Жду, потревожит ли скуку смертельную

^{в.} Ждать чтоб спугнуть эту скуку смертельную

^{г.} Жду – чтоб спугнул мою скуку смертельную

⁴ Исправлено: Тянет он тонкую, чистую нить. ◊

⁵ Ст. 9–12 записаны на отдельном листе, строфа помечена цифрой "3".

- 9–10 а. С моря ли зов, или светлые сирины
В райских¹ ветвях, или время стоит,
- б. С моря ли вихрь, или сирины райские
Где-то поют, или время стоит,
- 12 а. Цвет снеговой, или Ангел летит...
б. Снежный свой цвет, или Ангел летит...
- 13 а. *начато*. Длятся часы, ш ⟨ ⟩
б. Длятся часы, мировое мне слышится,
в. Длятся часы, мировое несущие,
- 14 а. *начато*: Прошлое слы ⟨шится?⟩
б. Звук и движенье и трепет и свет.◇
- 15 а. Прошлое дико глядится в грядущее,
б. Прошлое страстно глядится в грядущее,
- 16 а. Нет настоящего, жалкого – нет.
б. И настоящего, жалкого – нет.
в. *как вар. а²*
- 17 И на границе познания, зачатия◇
- 18 а. Новой души, как удар громовой
б. Новой души, неизведанных сил,
- 19 Страшное душу сражает проклятие:◇
- 21–24 а. *начато*: Да, я убил в себе птицу свободную
б. *начато*: Да, я ловлю эту птицу свободную
Птицу веселую в клетку свою
в. Да, я замкнул в мою клетку холодную³
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, летевшую мир обновить,⁴
Птицу, хотевшую жизнь воскресить.⁵
2. *как в основном тексте*⁶
- 25 а. В клетку мою золотую, тяжелую,
б. Клетка моя золотая, тяжелая
в. Вот моя клетка, золотая, тяжелая,
2. Вот моя клетка стальная, тяжелая,⁷

¹ райских подчеркнуто.

² Вар. в – правка карандашом.

³ Возможно, было: Да, я ловлю в мою клетку холодную

⁴ Было: Птицу, летевшую душу спасти

⁵ Ст. 23–24 исправлены: Птицу, хотевшую мир обновить,
Птицу, летевшую жизнь воскресить.

⁶ Правка карандашом.

⁷ Вар. г – правка карандашом.

- 26 а. *начато*: Птица моя
 б. Много труда с этой клеткою мне
 в. Много труда в ней и горького мне.
 з. Много таится в ней горького мне.
 д. *начато*: Золотом
 е. Как золотая – в вечернем огне.¹
- 27 а. *начато*: Птиц(а)
 б. Вот она, птица, когда-то веселая, ◇
- 28 а. *начато*: В
 б. Обруч качает, послушная мне.
 в. Обруч качает, поет обо мне. ◇
- 30 а. *начато*: Все-таки нравятся
 б. *начато*: С
 в. *начато*: Любите вы их поро ( )
 з. Любите вы под окном постоять.
- 31 а. Вот я и сам – оскудевший, измученный,
 б. Вам они нравятся. Я же, измученный, ◇

"О, НЕТ! НЕ РАСКОЛДУЕШЬ СЕРДЦА ТЫ..."

(С. 102)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 3–4 а. Все буду я тебе – чужим и новым,
 Как призрак, как мертвец, – в лучах мечты.
 б. Я буду для тебя – чужим и новым,
 Все призрак, все мертвец, – в лучах мечты.
- После 4 *следуют наброски*:
 [Ты будешь спать и в снах мой саван белый²
 Ты будешь целовать, и плакать надо мной³
 И в тех же снах мое схоронишь тело,⁴
 И будешь отпевать]
 [И день девятый, и сороковой настанет⁵
 Могильный холм, приснившийся тебе⁶]

¹ Вар. д, е – правка карандашом.

² Было: Ты будешь спать и в снах мой саван видеть

³ Было *начато*: Ты робко целовать

⁴ Было *начато*: И в том же

⁵ Было *начато*: а. И

б. И день прой(ет?)

⁶ Было *начато*: а. Ты

б. Мой мнимый холм могильный

в. Могильный

з. Мой

5–8 *записаны позднее*¹
Так я умру. А ты мой саван белый²
Прижмешь к губам, все пребывая в снах.³ ◇
Ты умастишь и спеленаешь тело,⁴
Ты прстоишь три ночи в головах. ◇

Перед 9 *начато* [Девятый день, сороковой]
9 а. *начато*: Ты
б. *как в основном тексте*⁵
10–11 а. Ты будешь слать проклятия судьбе
И украшать красивыми цветами
б. Ты укоризны будешь слать судьбе,⁶ ◇
Украсишь ты венками и цветами
13 а. *начато*: Ты помянешь
б. *начато*: Мой ◇
14 а. В девятый день и день сороковой
б. Девятый день и день сороковой ◇
15 а. Неузнанной, красивой, гробовою
б. Неузнанной, красивой, неживой,
в. Неузнанной, красивой, неживою...
16 а. *начато*: Ты
б. *начато*: Такой, какой
в. Такой ведь ты искала? – Да. Такой.
18 а. *начато*: Когда
б. *начато*: И ты начнешь
в. Начнешь дышать сначала робко ты
19 *начато*: Слезами теми и мечтами ◇
20 *начато*: а. И понимать
б. И страсть придет
в. И он придет
г. Ты будешь⁷ ◇

---

¹ Ст. 5–8 записаны на отдельном листе чернилами. Карандашом произведена правка, приводящая их к основному тексту; строфа помечена на полях цифрой "2".

² Исправлено (карандашом):

а. Так я умру. А ты... мой саван белый

б. Так я умру. А ты – мой саван белый

в. как в основном тексте

³ Было *начато*: Прижмешь к губам, все в том же

⁴ Исправлено (карандаш):

а. Все будет сном: что пеленаешь тело,

б. как в основном тексте

⁵ красивыми подчеркнута карандашом.

⁶ Пунктуация приведена к основному тексту карандашом.

⁷ Вар. г и основной текст записаны карандашом; простой в основном тексте подчеркнута.

- 21–24 а. Не я – другой – живой, давно желанный,¹
И вскрикнешь ты, освободясь от сна²
И в новый мир, ( ) благоуханный³
Тебя на крыльях унесет весна.
- б. Не я, другой – простой и долгожданный,⁴
И в новый мир⁵ ( )
На миг живой, на миг благоуханный,
Тебя на крыльях понесет весна.
- в. И он придет, – знакомый,⁶ долгожданный,
Тебя будить от неземного⁷ сна.⁸
И в мир другой, на миг благоуханный,⁹
Тебя умчит последняя весна.¹⁰
- 25–28 *вписаны*
- 25 *как в основном тексте*¹¹
- 26–27 *начато*: В тот самый день, когда, смеясь с тобой,[◇]
Твой новый друг[◇]
- 28 Покажет всем, что миновал недуг.^{12 ◇}
- 29–36 *следовали первоначально после ст. 24*
- 29–32 а. *начато*: Но в час когда¹³
( )
Вдруг вспомнишь ты под ласками чужими
Другие дни... друго ( )... меня!^{14 ◇}
- б. Забудешь все: мою могилу, имя...^{14 ◇}
И вдруг очнешься: пусто, нет огня...
И в этот час под ласками чужими¹⁵

¹ Было начато:^а И он придет

^б Придет другой – и ты

^в Не я – другой, живой, давно желанный,

Вар. а, б, возможно, относились к ст. 20.

² Было: И вскрикнешь ты, очнувшись ото сна

³ Было: И в новый мир, ( ) благоуханный

⁴ Было: Не я – другой – живой и долгожданный,

⁵ Было начато: И

⁶ знакомый *подчеркнуто*.

⁷ неземного *подчеркнуто*.

⁸ Было: Будить тебя от неземного сна.

⁹ Было начато: Пусть

¹⁰ Было: ^а начато: Снесет

^б Последняя твоя, усталая

^в начато: Умчит те(бя)

¹¹ Текст не зачеркнут. Начата правка: А я умру, [покинутый,]

¹² недуг *подчеркнуто*.

¹³ Было начато: И вспомнишь ты

¹⁴ Основной текст – правка карандашом.

¹⁵ Возможно было: И вспомнишь ты под ласками чужими

- Припомнишь ты и призовешь меня!...¹
- 33 а. *начато*: В отчаяньи
 б. Как испугленно ты заломил руки,
 в. Как испугленно ты протянешь руки,
- 34 а. *начато*: Несчастная!
 б. *начато*: О, бедная!
 в. *как в основном тексте*
2. В глухую ночь, о, бедная моя...² ◊
 35 Не долетают к мертвым жизни звуки ◊
- После 36 *наброски*:
 Как поздно ты поймешь,³
 Весь жар мечты⁴ ( ])
- 37 ⁵ Ты будешь клясть в мученьях невозможных⁶
 39 Найдешь ответ в моих стихах тревожных: ◊

Варианты Т₈

- 18 Начнешь дышать, сначала робко, ты ◊
 25–28 *перечеркнуты карандашом*

Варианты публикаций в III₂

- 25–28 *отсутствуют*

Варианты Изборник

- 18 *как в Т₈* ◊
 40 Их тайный жар тебя научит жить.

¹ Было: ^а Припомнишь ты, ты призовешь меня!...

^б Припомнишь ты и позовешь меня!...

Вар. в тексте – правка карандашом.

² Пункт. вар. г и восстановление пунктуации как в основном тексте – правка карандашом.

³ Было: ^а *начато*: Тогда поймешь

^б Так поздно ты поймешь, что вся тревога,

⁴ Было *начато*: ^а Весь жизни смысл

^б Весь жизни пыл

⁵ Ст. 37–40 записаны карандашом с пометой: "допис. 15 XII". Им сопутствуют зачеркнутые наброски карандашом:

[Звения тебе тревожными стихами]
 Лишь
 Напрасная
 Тех песен, что меня переживут.
 В тот горький час
 [Лишь]
 Их тайный жар меня переживет.

⁶ Было: Тогда лишь ты, в мученьях невозможных,

ЖЕНЩИНА

("Да, я извела все муки...")

(С. 103)

Черковой набросок ст. 1–4 в ЗК₂₄ (ЧН ЗК₂₄)

Я [много лет] извела все муки¹
И много лет мечтала о конце.²
Но выжила. Остановились руки.³
Теперь живу – с рубцами на лице.⁴

Варианты ЧА ИРЛИ

Заглавие *отсутствует*
Посвящение *отсутствует*
1–4 Да, я извела все муки,⁵
Мечтала жадно о конце⁶
Но, нет: остановились руки⁷
Живу – с печалью на лице.⁸
После 4 *наброски:*
[Я все похоронить решила,⁹
Что обмануло, что сожгло.¹⁰
(   ) могила
А мне на солнышке тепло,¹¹
Все ходит кто-то, ходит мимо¹²
И взглядывает на меня.

¹ Над стихом вписано: [Такие]

² Было: Я много лет мечтала о конце.

³ Было начато: И выжила. И

⁴ Было: И вот живу – с рубцами на лице

⁵ Было: ^a Я (   ) извела все муки,

^b Да, я извела все муки,

^c Теперь узнала я все муки, (*незачеркнутый вар.*)

⁶ Было: ^a И много лет мечтала о конце!

^b Мечтала жадно о конце,

^c Уже мечтала о конце,

⁷ Было: ^a Но, выжила: остановились руки

^b Но, нет! Остановились руки

⁸ Было: ^a И вот живу – с рубцами на лице.

^b И вот ... живу – с рубцами на лице.

^c Живу – с рубцами на лице.

(*Вм. вар. б и в возможно чтение:*

И вот... Живу – с печалью на лице.)

⁹ Было начато: Решила все забыть

¹⁰ Было: Что мучило

¹¹ Было: (   ) тепло.

¹² Было начато: ^a Все ходит статный,

^b Все ходит кто-то ста(   )

Или мой вид внушает жалость?
Иль всем [вид]
Или (   ) усталость
Нет, лучше я глаза закрою¹
(   )
Чтоб не легла меж ним и мною
Еще]

Вм. 5–8 (5–12)²:

(5–8) а. *начато*: Я на кладбище одиноком³

Себе могилу избрала.

б. *начато*: На кладбище уединенном

Нашла я холм. Младенец там.

Был похоронен. Над⁴

в. На кладбище уединенном

Нашла я холмик небольшой.

И замечталась над зеленым⁵

Моей измученной душой...

(9–12) а. И там похоронить решила

Все, что любила, что сожгло.

Сижу. Передо мной могила,

А мне на солнышке тепло.

б. И там похоронить решила

Все, что любила, что сожгла.

Какая милая могила,

С собой цветов я принесла.

в. И там похоронить решила

Все, что любила и сожгла:

О, милая моя могила,

Тебе цветов я принесла.

г. Я все похоронить решила⁶

В чем обманулась, что сожгла

Пусть эта милая могила

Узнает все, чем я жила.

9–10 а. И по весне на холм любимый⁷

Хожу я на исходе дня.

¹ *Было начато*: Нет, не(т?)

² *Ст. (5–12) и вар. к ним зачеркнуты карандашом.*

³ *Было начато*: На кладбище

⁴ *Было начато*: а. Был схоронен. И пред

б. Был погребен. И пред

⁵ *Было*: а. И перед холмиком зеленым

Сидеть любила я весной

б. (   ) Над зеленым

Холмом я предалась мечтам.

⁶ *Было*: И все похоронить решила

⁷ *Было начато*: а. А за

б. И раз

- б. И по весне на холм любимый
Хожу мечтать в исходе дня.
- в. И я хожу на холм любимый
Мечтать всегда в исходе дня.
- г. Я прихожу на холм любимый
Мечтать всегда в исходе дня.
- 13 а. *начато*: И раз я уловила
- б. *начато*: И раз случайно встретясь взором
С его
- в. И взгляд его случайно встретя, $\diamond$
- 22 а. *начато*: В его глазах такая грусть.
Пусть
- б. *начато*: Он тоже грустен
- в. Он строен, он печален. Пусть
- 25 а. И вдруг я слышу. За плечами
- б. И чувствую я. За плечами¹
- в. Но чувствую как за плечами²
- 26 а. *начато*: Стоит он тихо.
- б. Стоит и смотрит он. И я
- в. Стоит он и³ глядит в упор...
- 27–28 И только гневными речами⁴ $\diamond$
Ему хочу я дать отпор, – $\diamond$
- После 28 *начато*: И вижу
- 29–31 а. И вдруг с мученьем и усильем⁵
Чуть слышно произносит он:⁶
– О, не тревожьтесь. Здесь в могиле⁷
- б. И вдруг – с мучительным усильем⁸
И тихо произносит он:
– О, не пугайтесь. Здесь в могиле⁹
- 33–40 *отсутствуют*
- После 32 *вписаны наброски*:
[Я [встала] извинилась и пошла я,
[И сл( )] [И] <?>

¹ Вар. не зачеркнут.

² Вар. карандашом.

³ На полях вписано и не зачеркнуто: Он медлит и

⁴ Было: а. *начато*: Готовлюсь

б. *начато*: Готовыми

в. Готова гневными речами

⁵ Было *начато*: И слышу:

⁶ Было: И тихо произносит он:

⁷ Было *начато*: – Не бойтесь

⁸ Было: а. Вдруг – на губах его усилия

б. Вдруг – на губах его усилие

⁹ Предыдущий вар. ст. 30–31 не зачеркнут.

42–43 [И, мне цветы передавая,
Сказал "Они нужнее вам".]
Да, каюсь я в своей ошибке, ◇
После 44 Но [не прощу до смерти,]¹ нет,
наброски первой строфы, ст. 33–40, 5–10

Женщина.²

33–40 Тот разлюбил меня и бросил,³
А этот ... просто дикий зверь:⁴
Он слишком униженно просит,⁵
Ему я показала дверь!
[Я извинилась, выражая⁶.
Печаль склоненьем головы.
А он, букет передавая,⁷ ◇
Сказал: – Цветы забыли вы... ◇
– Я их на память встречи с вами⁸ ◇
– Ребенку вашему отдам.
Но он, упрямо и надменно⁹
Сказал: – Оне нужнее вам.¹⁰
5–10 На кладбище ( ) бродила ◇
И холмик маленький нашла.
Пусть эта бедная могила ◇
Узнает все, чем я жила.
Я убрала ее цветами¹¹
На

Варианты Т₈

Подзаголовок (рассказ)
Посвящение *отсутствует*

¹ Зачеркнуто карандашом.

² Не отразились в основном тексте.

³ Было: ^a как в тексте

^b Он разлюбил меня и бросил,

⁴ Было: ^a А этот ... что мне в нем теперь!

^b А этот ... это просто зверь:

⁵ Было начато: Пусть

⁶ Над стихом вписано: Собралась уйти

⁷ Было: как в основном тексте

⁸ Начата правка: [– На память ( )
Я их ( )]

⁹ Исправлено: ^a Он недлюбезно и надменно

^b как в основном тексте

¹⁰ Исправлено (оба вар. не зачеркнуты):

^a как в основном тексте

^b Сказал: – Цветы нужнее вам.

¹¹ Исправлено: ^a Я принесла цветов

^b как в основном тексте

Варианты БА РГАЛИ

Подзаголовок   Рассказ
Посвящение   отсутствует

Вариант публикации в газ. "День"

Без деления на строфы

ПЕРЕД СУДОМ

("Что же ты потупилась в смущенья?..")

(С. 105)

Варианты ЧА ЗК₄₅

Заглавие	<i>как в основном тексте</i> ¹ .
Перед 1	<i>начато:</i> [Подошла и взглянула] ² [Вот она передо мной – когда-то] [Ты была]
1	Что потупилась, к чему смущенья? [◇]
3 а.	Вот она какая – в униженьи,
б.	Вот какая ты – в уничиженьи,
4 а.	Залитая резким светом дня!
б.	<i>начато:</i> При
в.	В резком правосудном свете дня!
5–8	Я и сам ведь не такой, не прежний – ³ Гордый, чистый, недоступный, злой. ⁴ Я смотрю добрей и безнадежней ⁵ На широкий, скучный путь земной
10–11 а.	Не могу я упрекнуть тебя, ⁶ Что была ты, может быть, лукава
б.	<i>как в основном тексте</i>
12 а.	Женщинам знакомый путь
б.	Многим женщинам знакомый путь.
После 12	Женщина, прекрасная когда-то, Слабая, замучила семья, ⁷

¹ Вписано одновременно с датой над текстом.

² Записано дважды.

³ Было *начато:* Я и сам ведь не такой, как прежде,
И тебе казался не таким

⁴ Было: Гордый, чистый, неприступный, злой.

⁵ Было: Я теперь добрей и безнадежней

⁶ Исправлено: а. Не хочу я упрекнуть тебя,

б. *начато:* Не хочу тебя за

в. Не хочу тебя я упрекнуть,

⁷ Было *начато:* а. Если пала ни(зко?)

б. Слабая, как все

- Пала низко, мало виновата, –¹
 Так и судьи скажут – так и я.²
 14 Чем иные, думал о тебе,³◇
 15–16 Мне немного более знакомо,
 Как ты очутилась на краю,⁴
 17–18 Ведь по краю вместе, было время,⁵
 Нас водила торопливо страсть,⁶
 19 а. Жажда жизни, жажда сбросить бремя,⁷
 б. *начато*: Жажда жизни, жа(жда?)
 в. *начато*: Нудной жизни, жажда
 г. *начато*: <   > нам <   >
 д. *начато*: Вместе <   >◇
 21–22 Ты всегда мечтала, что, сгарая,⁸
 И меня ты в пепел обратишь⁹
 23–24 Что возможно [,] вместе, умирая,
 Увидать блаженные края,¹⁰
 27 И что жизнь тебя, как всех, стегнула¹¹
 30 а. И она права, что нам лгала.
 б. И мечта права, что нам мала.
 32 Разве от меня ты не была?
 33–34 а. Разве эта ночь кудрей золотая¹²
 Не хранит следов того огня?
 б. Ночь кудрей – такая золотая
 Разве не от прежнего огня? –
 35–36 Страстная, преступная <   >¹³◇
 Мне прости, как я простил тебе!

¹ Было: а. Низко пала – ты не виновата, –

б. Низко пала, но не виновата, –

² Было: а. Скажет всякий – да скажу и я

б. Скажет всякий – и за всяким – я

³ Было *начато*: а. На тебя смотрел

б. Чем др(угие?)

⁴ Было *начато*: Мне гораздо более знакома

Боль

⁵ Было: Ведь по краю этому мы оба

⁶ Было *начато*: а. Мы ходили

б. Нас водила <   > страсть,

⁷ сбросить бремя не зачеркнуто.

⁸ Было: Ты всегда мечтала о минутах

⁹ Исправлено: а. *начато*: <   > [сожжешь]

б. как в основном тексте

¹⁰ Было *начато*: Завершить

¹¹ Было: Что грубей и проще заглянула

¹² Было *начато*: Разве эта ночь волос

¹³ Исправлено: Незабвенная, – прости меня!

АНТВЕРПЕН

("Пусть это время далеко...")

(С. 106)

Первоначальная редакция (ЧА ИРЛИ)

А н т в е р п е н

Гром¹ пушек, стон, потоки крови...²

Как это время далеко!³

Речной туман ползет с верховий⁴

Широкой, медленной Эско.⁵

И в мирно стелющемся дыме⁶

Тревожа водяную гладь,⁷

Тяжелый двухмачтовый стимер

Готов на Конго курс держать.⁸

(10) В тумане [–] теплом и глубоком,⁹
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

А в тихом городском музее, –

Где царствует Квентин Массис,

В воздушность платья Саломей¹⁰

Цветы из золота вплелись...¹¹

¹ Перед ст. (1) было начато: Над шумящим пожаром войны
В

² Было: ^{а.} Орудий гром, потоки крови...

^{б.} начато: Гром пушек, стоны

³ Было: А разве время далеко?..

⁴ Было начато: Тум(ан)

⁵ Было: Широкой, как Нева, Эско. (как ст. 5 основного текста)

⁶ Было начато: И в мирно уходяще(м)

⁷ Стих вписан.

⁸ Было: ^{а.} начато: [О] Отваливает гр ( )

^{б.} начато: Отчаливает двухмачтовый стимер,
Держа

^{а.} Отчаливает грузный стимер,
Чтобы на Конго курс держать.

⁹ Было: ^{а.} начато: И

^{б.} А над Эско – леса

¹⁰ Было: [В] В прозрачность платья Саломей

¹¹ Было: Узоры нежные вплелись...

- Спят львы, вздыхают бегемоты¹
В Зоологическом саду –
Торговля, мир, покой, дремота,²
(20) Лишь я, чужой,³ чего-то жду,
И вглядываюсь с напряженьем,
В туманную (   ) высь,⁴

Варианты переработки первоначальной редакции ЧА ИРЛИ⁵

(4) *как ст. 5 основного текста⁶*

Вместо ст. (1–4) вписаны ст. (1–6):

Как⁷ это время далеко,⁸
Антверпен! И за морем крови
Ты памятен мне глубоко!
Мне памятна твоя Эско.
Туман ползет с ее верховий,
В нем груди⁹ дышится легко.

Вместо ст. (5–8) вписаны ст. 11–15:

11–13 *как в основном тексте*

14–15 Тяжелый двухмачтовый стиме(р)
Он будет в Конго курс держать.

Перед ст. (9) первоначальной редакции вписан ст. 6 как в основном тексте¹⁰

Вместо ст. (13–16) вписаны ст. 16–20:¹¹

И в глубь веков глядись, глядись [...]

¹ Было начато: И все так мирно

² Было начато: Торговля, (нрзб)

³ чужой вписано.

⁴ Было: ^a начато: Жду и гляжу

^b И вглядываюсь с напряженьем
{В высь} И

^c И вслушиваюсь с напряженьем,
Упорно вглядываюсь ввысь,

^d И вслушиваюсь с напряженьем,
Упорно вглядываясь ввысь,
{Оттуда} И слышу, слышу – в отдалении

^e И вглядываясь с напряженьем,
В без (   )

Далее было начато: [Там отд (   )]

⁵ Стрфы 1–4 первоначальной редакции помечены цифрами на полях, обозначившими их перестановку в соответствии с последовательностью строф в основном тексте. При переработке ст. (1–4) и (5–8) не зачеркнуты, новые вар. этих строф вписаны на полях.

⁶ Провка в ст. (4) первоначальной редакции – карандашом.

⁷ Было: как в основном тексте

⁸ Стих вписан (начат чернилами, как ст. (2–6); дописан – карандашом).

⁹ груди вписано.

¹⁰ Строфа помечена цифрой "2".

¹¹ Строфа помечена цифрой "4".

Антверпен

1914 г. 4-5

~~Каждый из нас~~
 1191212
 Тром, шум, смех, ...
 Как же здесь ...
 А где же ...

И в мире ...
 Широкой, ...
 И в мире ...

И в мире ...
 Стиснул,
 И в мире ...

~~И в мире~~
 И в мире ...
 И в мире ...

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ "АНТВЕРПЕН" (ИРЛИ)

- В ( ) городском музее...
 Там царствует Квентин Массис,
 Там в пышность платья Саломей¹ ◇
 Цветы из золота вплелись...
 (17-22) *зачеркнуты*²
 21-25 *вписаны:*
 а. *начато:* Но ты взглядишь
 б. *начато:* Но если всмотришься в туман,³
 Увидишь там в клочке лазурь
 в. Но все – притворство, все – обман:
 Взгляни наверх: в клочке лазури,⁴
 Открывшемся через туман ◇
 Увидишь предвещающие бури, ◇
 Кружащийся аэроплан.

Варианты Т₈

- 16 А ты – во тьму веков глядишь ◇
 18 Там властвует Квентин Массис; ◇

Вариант публикации в БСБ

Без деления на строфы

"ПОХОРОНЯТ, ЗАРОЮТ ГЛУБОКО..."

(С. 106)

Черновая редакция в ЗК₆ (ЧА ЗК₂₆)⁵

Похоронят, зароят глубоко⁶
 На могилы роса упадет⁷
 Мы услышим – далеко, высоко
 На земле где-то дождик идет.
 Не дрожат уже бледные руки,⁸
 Не сжимает нас больше тоска.
 Там – над нами – все звуки, все муки,

¹ Было: В убор лиловый Саломей

² Правка карандашом.

³ Было *начато:* Но в

⁴ Было *начато:* а. Увидишь там, в клочке лазури,

б. *начата правка:* Вглядишь

в. Вверх погляди: в клочок лазури,

⁵ *Над текстом запись:*

[Я укрываюсь в седые травы,]

[В ночные травы]

⁶ Было *начато:* Нас зароят

⁷ Было *начато:* Под землей

⁸ Было: Не дрожат наши бледные руки

Нас спасла гробовая доска
Отделила от слабых и славных
Заградила хвалу и хулу¹
Под землей так уютно, так славно
Будто в теплом родимом углу²

Варианты ЧА ЗК₄₅

Без деления на строфы

- 2 а. *начато*: На м(огиле?)
б. И могила травой зарастет.
в. Бедный холмик травой зарастет.
3 а. *начато*: Мы услышим: далеко, д( )
б. Мы услышим: далеко, высоко◇
5 а. Но ужь больше не спросим,
б. Никого ужь мы больше не спросим,
в. Ни о чем уже больше не спросим,
7 а. *начато*: Сами знаем
б. *начато*: Сами ведаем:
в. *как вар. а*
2. Знаем: если негромко, – там осень,
9 Пусть³ доносятся дремные звуки,⁴◇
11 *начато*: От◇
12 а. Нас хранит гробовая доска.
б. Упасет гробовая доска.
14 И (?), пожалуй, надумаем мы,◇
16 Разумеют земные умы.◇

"НА УЛИЦЕ – ДОЖДИК И СЛЯКОТЬ..."

(С. 107)

Варианты ЧА ЗК₄₅

- 2 В углу ( ) кровать◇
5–8 а. *начато*: Давай-ка, наколем лучину
И выпьем по старому чаю
б. Разгоним же злую кручину⁵
( )
Возьмем-ка, наколем лучины,

¹ Было *начато*: За

² Было *начато*: Как

³ Перед ст. 9 – наброски:

[И живые не вспомнят – известно]

[Им] [От попов, доктор(ов?)]

⁴ Было *начато*: [И] Пусть дремо( )

⁵ Перед *вар. б* ст. 5–8 – дата: 21.Х.

- Раздуем себе самовар
 в. И эта тоска без причины,¹
 Как ноющий в уши комар.²
 Давай-ка, наколем лучины,
 Раздуем себе самовар!
2. *как в основном тексте*
- 9–12 а. Авось бы, хоть в чайном похмельи³
 За⁴ словом случай (   )
 Блеснет (   )
 Твой сонный агатовый глаз.
- б. Авось, хоть за чайным похмельем,
 Веселое слово мое⁵ ◊
 Затеплит случайным весельем
 Лицо (   ) твое ◊
- 13–16 а. *начато*: Авось, и разгоним кручину,⁶
 И (   )
 За верность старинному чину,⁷
 За истовый (   )
- б. За верность старинному чину!
 За то, чтобы жить, не спеша! –
 Авось, и разгонит кручину⁸ ◊
 Хлебнувшая чаю душа.

**"ТЫ ТВЕРДИШЬ, ЧТО Я ХОЛОДЕН,
 ЗАМКНУТ И СУХ..."**

(С. 107)

Черновой набросок в ЗК₄₅ (ЧН₁ЗК₄₅)

- л. 7 об. И к кому шел с открытой душою тогда
 От того отвернуться пришлось
- Шел я к людям с открытой и честной душой
- Но железною маской лицо я закрыл
 И оскалилась маска на них

¹ Было *начато*: И нет

² *Начата правка*: а. И (   ) и жар.

б. И дум не отс(   )

³ Было *начато*: В

⁴ Было *начато*: Я

⁵ Было *начато*: Под

⁶ Было: Авось, мы разгоним кручину,

⁷ Было *начато*: Мы

⁸ Было: Авось и разгоним кручину

Возможно, этот стих был записан ранее ст. 13–14, записанных (вписанных?) в самой верхней части листа, и повторял предыдущий вар. начала строфы.

Черновой набросок в ЗК₄₅ (ЧН₂ЗК₄₅)

л. 8 Ты твердишь, что я злобен и замкнут и сух,¹
Да, таким я и буду с тобой.²
Не для ласковых слов я выковывал дух,³
Не для дружб я боролся с судьбой.

Видишь – ныне весь мир одичал – [и окрест]
Лишь пустыня, лишь полюс, лишь смерть!
И тому, кто не помнит о холоде звезд,⁴
Нестерпима⁵ пустынная твердь⁶

Черновой набросок в ЗК₄₇ (ЧН ЗК₄₇)

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух.⁷
Да, таким я и буду с тобой.
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Вот – свершилось: весь мир одичал – и окрест –
Ни один не мерцает маяк.⁸
И тому, кто не помнил о холоде звезд,
Нестерпим окружающий мрак.

Не стучись же напрасно у ..... дверей⁹
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у этих зверей,
Называвшихся прежде людьми!

Так забудь навсегда золотые года¹⁰
Бедной юности
< >
< >

¹ Было начато: ^{a.} Шел я к людям с открытой душой < >

^{b.} Отчего я озлоблен и

² Было начато: ^{a.} Да, ты прав

^{b.} Да, таким я л < >

³ Было начато: Не для не < >

⁴ Было: ^{a.} начато: Время – вспомнить

^{b.} И тому, кто не помнил о холоде звезд.

⁵ Было начато: Нестерпимо

⁶ Стих заключен в круглые скобки.

⁷ Было: Ты твердишь, что я замкнут и злобен и сух.

⁸ Было начато: Лишь пустыня

⁹ Было начато: Не стучись у дверей

¹⁰ Было: ^{a.} начато: Но железною маской

^{b.} начато: Да

^{a.} Ты забудь навсегда золотые года

Вот – свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк
И тому кто не помнил о холоде звезд,¹
Нестерпим окружающий мрак.

(20) Не стучись же напрасно у этих дверей,²
Тщетным стоном себя не томи.
Ты не встретишь участия у бедных зверей,³
Называвшихся прежде людьми.

Было время надежды и веры большой
Я как ты был доверчив и прост,⁴
Шел я к людям с открытой и чистой душой,⁵
Повинуясь велениям звезд.⁶

Но к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.
Так забудь [навсегда] золотые года,
Упования детские брось

(30) И железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя до времени радостный рай,⁷
Недоступный⁸ безбожным рабам.⁹

Первая переработка ЧА ЗК₄₈

(21–28) *зачеркнуть*¹⁰

*Ст. 21–24 вписаны:*¹¹

21–22 а. А теперь ты ни в ком не отыщешь следа¹²

¹ *Исправлено:* а. И тому, кто не слышал о холоде звезд,

б. И тому, кто не видел ( ) звезд,

в. И тому, кто не ведал вещания звезд,

г. И тому, кто не понял вещания звезд,

Возможно иное чтение вариантов.

² *Было:* а. как в тексте

б. Не стучись же напрасно у плотных дверей,

³ *Было:* Ты не встретишь участия у этих зверей,

⁴ *Исправлено:* а. Я как ты был доверчив и юн

б. Я как ты был доверчив тогда

в. Был я прост и доверчив, как ты,

⁵ *Исправлено:* Шел я к людям с открытой и детской душой,

⁶ *Исправлено:* а. *начато:* Не страшась

б. Не пугаясь людской клеветы.

⁷ *Исправлено:* Охраняя железом до времени рай,

⁸ *Было начато:* В

⁹ *Исправлено:* Недоступный безумным рабам.

¹⁰ *Зачеркнутые ст. (21–24) помечены цифрой "V" (предыдущая их нумерация: "VI" – зачеркнута) и, видимо, оставлены в составе текста в качестве его 5-й строфы.*

¹¹ *Ст. 21–24 записаны ниже текста первоначальной редакции. Строфа помечена цифрой "VI".*

¹² *Было начато:* Но

- Тех надежд, улетевших как дым
 б. А теперь ты ни в ком не отыщешь следа
 Тех надежд – все к звездам унеслось,
 в. А теперь тех надежд не отыщешь следа,
 Все – к далеким звездам унеслось.

23–24 *как в основном тексте*

Ст. (17–20) следуют после ст. 24¹

Вторая переработка ЧА ЗК₄₈

Ст. 25–32 вписаны:²

25–27 а. И сама та душа, что горела, ждала,
 Мировому отдаться спеша,
 И любовью ( ) она изошла,

б. *как в основном тексте*

28 *как в основном тексте*

29 а. И осталась мучительно сжатая бровь,

б. И осталась в улыбке сведенная бровь,

в. И осталась улыбкой сведенная бровь,

30 Сжатый рот, и печальная власть³

31–32 Бунтовать ненасытную³ женскую кровь,⁴
 Утолять ненасытную страсть.⁵

Ст. 33(17)–36(20) следуют после ст. 32⁶

Ст. 37(29)–40(32) следуют после ст. 36⁷

Вариант Т₉

Заглавие Другу⁸

Вариант НР СУ

Заглавие Другу⁹

Вариант публикации в СУ

29 И остались – улыбкой сведенная бровь,

¹ Строчка помечена цифрой "VII" (предыдущая ее нумерация: "V" – зачеркнута). Нумерация остальных строчек первоначальной редакции оставлена без изменений.

² Ст. 25–32 записаны ниже ст. 21–24 (см. первую переработку). Ст. 25–28 помечены цифрой "VII". Ст. 29–32 – цифрой "VIII".

³ Ненасытную заключено в круглые скобки, затем зачеркнутые.

⁴ Было начато: Чтобы жець

⁵ Исправлено: Зажигая звериную страсть.

⁶ Предыдущая нумерация строфы зачеркнута. Строчка помечена цифрой "IX".

⁷ Предыдущая нумерация строфы зачеркнута. Строчка помечена цифрой "X".

⁸ Вписано позднее.

⁹ Заглавие подчеркнуто.

АРФЫ И СКРИПКИ

"СВИРЕЛЬ ЗАПЕЛА НА МОСТУ..."

(С. 111)

Варианты ЧА ЗК₂₀

- 1 а. Поют свирели на мосту
б. Свирель запела на мосту
3 а. *начато*: И странно видеть
б. И Ангел поднял в высоту
5 а. *начато*: И странно видеть
б. И страшно стало на мосту[◇]
8 а. Свирель поет: Домой, домой,
б. Свирель поет: Взошла звезда
11 а. Смотри, какая глубина,
б. Смотри, какая быстрина,[◇]
13 *начато*: а. Во
б. И[◇]
16 Не слушал никогда...^{1◇}

Варианты Т₆ и публикации в ЗР

Заглавие
Подзаголовок

Май
(романс)

Без деления на строфы (ЗР)

- 3 как в ЧА ЗК₂₀, вар. б
Между 16 и 17 интервал отсутствует

Варианты НР НЧ, НЧ, III₁, III₂, Изборника

- 3 как в ЧА ЗК₂₀, вар. б (НР НЧ)
Между 16 и 17 интервал отсутствует

"ДУША! КОГДА УСТАНЕШЬ ВЕРИТЬ..."

(С. 111)

Варианты ЧА ЗК₂₀

- 1 а. Душа и так любить устала
б. Душа, когда устанешь верить?
2 а. Весна, весна! Она томней,
б. *как в основном тексте*
в. Весна, весна! Она темна,
3 а. *начато*: Чем
б. Как тайна чуть открытой двери

¹ Ст. 17–18 описаны позже.

в. Как тайны чуть открытой двери¹

Ст. 5 предшествовали наброски:²

[Я всех забыл. Весна иная
Меня влечет

И грудь]³

7-8 а. И вот – меня зовет другая,

Другая хочет ласк моих.⁴

б. И вот – опять зовет другая,⁵

Другая вызывает день.

Между 8 и 9^б а. И нежно имя называет

( )

¹ После ст. 4 зачеркнуто карандашом:

И я любил. И я изведал
Всю

Далее, на л. 7 четверостишие, отошедшее к стих. "Их было много – дев прекрасных..." (см. т. 4 наст. изд.).

² Записано чернилами, зачеркнуто карандашом.

³ Далее чернилами записаны ст. 7-8 и 11-12, ст. 5-6 и 9-10 вписаны карандашом.

⁴ Вар. а – чернилами, правка – карандашом.

⁵ Было: Но вот – зовет еще другая,

⁶ Было начато: а. И подписалась Маргарита

б. И

в. И Маргаритой

г. И нежным

д. И повторяет так напевно

е. И новым

ж. На имя новое

з. Мне имя называет нежно,

Сулит [мне] страстные вечера

и. И так (л. 5 об.)

к. И нежно называет имя

л. И нежно имя называет

И безнадежн(о?)

м. И нежно имя называет,

И страстью

н. И нежно имя называет,

И слышу в тихий полдень

о. И нежно имя называет,

( )

В мой светлый полдень посылает (вариант не зачеркнут)

п. И нежно имя называет

( )

И за теньями по(сылает)

р. И нежно имя называет

( )

И за полдневными теньями

Я слышу страстный ночи шаг.

с. И нежно имя называет

( )

И за полдневными теньями

Вечерний [шаг (?)] слышу я призыв (л. 6 об.)

Варианты р и с восстанавливаются гипотетически.

- В мой светлый полдень посылает
 Вечерний темный свой призыв
 б. И нежно имя называет,
 И, тишины не возмутив,
 В тенистый полдень посылает
 Ночной и трепетный призыв¹
 9-10 Но мглой весеннею повито
 Все, что кипело здесь (в) груди:²

Варианты Т₆

- Заглавие Маргарите
 2 как в ЧА ЗК₂₀; вар. в
 3 Как тайна чуть открытой двери[◇]
 Между 8 и 9 а. И нежно имя называет,
 И, тишины не возмутив,
 В тенистый полдень посылает
 Ночной и страстный свой призыв...
 б. *зачеркнуты*

Варианты публикаций в ЗР, НЧ и НР НЧ

- Заглавие как в Т₆ (ЗР, НЧ)
 Посвящение а. М.
 б. *зачеркнуто* (НР НЧ)
 3 *начато*: Как тайна чуть[◇] (НР НЧ)
 Между 8 и 9 как в Т₆, вар. а (ЗР)

"И Я ЛЮБИЛ, И Я ИЗВЕДАЛ..."

(С. 112)

Первоначальная редакция в ЗК₂₀ (ЧА ЗК₂₀)

И я любил. И я изведал
 Безумный хмель любовных мук
 И пораженья, и победы
 И имя: враг, и слово: друг.³

¹ Было начато: Вечерний

Далее записано карандашом, обведено чернилами и зачеркнуто карандашом: Весенний ливень женских слез (см. стих. "Я помню длительные муки...", см. т. 2 наст. изд.).

² Было начато: а. Но разве

б. Но все туманами повито

в. Но мглой весеннею повита

Вся, в этой царственной груди:

д. Но мглой весеннею повита

Вся, страсть и

³ Было: И слово: враг; и слово: друг.

Их было много – но одною
Чертой соединил их я –¹
Одной безумной красотой,²
Чье имя – страсть и жизнь моя.³

(10) И страсти таинства свершая,
И поднимаясь над землей,⁴
Я видел как идет другая⁵
На ложе страсти роковой⁶

И неизбежно те же речи,⁷
И повторенья тех же чар⁸
И примелькавшиеся плечи,
И застывающий пожар...⁹

Я долго был тебе покорным,¹⁰
Тебя я страстью звал всю ночь¹¹
Но взорам светлым, взорам черным¹²
(20) Я говорю отныне: "Прочь!"¹³

И горный храм свой обожу я,¹⁴

---

¹ Было начато: ^{a.} Черты
^{b.} Чертою всех
^{c.} Чертой их наделила

² Было: Одной безумною мечтой,

³ Было: И та мечта – любовь моя.

⁴ Было: ^{a.} начато: Под (?)

^{b.} начато: В тиши полей

^{c.} В гробах столиц, в тиши полей

^{d.} Во мгле столиц, в тиши полей

^{d.} начато: Меж

⁵ Было: ^{a.} Я знал – придет еще иная

^{b.} Я знал всегда – придет иная

⁶ Было: На ложе страстное мое.

⁷ Было: ^{a.} И те же дни. И те же речи,

^{b.} И те же дни, и те же речи,

⁸ Было начато: И те же

⁹ Далее зачеркнутые наброски: [И вот – [пасту(х)] я пастырь стад]

[И всех страшней]

[Бесстыдней (?)]

¹⁰ Было: И долго был я им покорен

¹¹ Было: ^{a.} начато: И долго

^{b.} начато: Ты, страсть

^{c.} Тебя я страстью звал всю ночь

^{d.} Тебя я страстью звал все дни

¹² Было: И взорам светлым, взорам черным

¹³ Было начато: ^{a.} Отныне

^{b.} Я жи ( )

^{c.} Я говорю

¹⁴ Было начато: Приделы храма

Огни ночных очей гашу¹

Зане грозу в себе иную
И небывалую ношу.

Судьба, взнеси еще безмерней²
На самый недоступный кряж,³
Чтоб каждый луч зари вечерней
Мне повторял: Ты – наш, ты наш.⁴

(30) И – дай смеяться, дай весельем
Наполнить грудь – и с верхних скал⁵
Послать осколок тем ущельям,
Где я любил и целовал!
И слушать стоны и проклятья⁶
И видеть кровь и боль и смерть,⁷
Чтоб смел, жестокий, обладать я⁸
Тобой одной – Пустая Твердь!

*Варианты первоначальной редакции в Т₆ и публикаций в журн. "Образование" (О)
и "Литературно-художественном сборнике" журн. "Жизнь" (ЛХС)*

Заглавие	Анархист
(2)	Безумный хмель любовных мук, (ЛХС)
(3)	И поражение, и победы, (О, ЛХС)
Между (4) и (5)	как ст. 5–8 основного текста
(8)	Чье имя: Страсть и жизнь моя.
(9)	как в ЧА ЗК ₂₀ [◇] (Т ₆)
(9–10)	И страсти таинство свершаю, И поднимаюсь над землей, (О, ЛХС)
(20)	Я говорю отныне: прочь!
(21–22)	Высокий храм свой обхожу я,

¹ Было: ^а. Гашу огни его очей

^б. начато: Огни очей гашу

² Было начато: ^а. Дай мне взойти

^б. Дай мне, Судьба, взойти

³ Было начато: На самый снежный

⁴ Было: Мне говорил: ты – наш, ты – наш.

⁵ Было: Наполнить грудь – и с темных скал

⁶ Было: И слышать стоны и проклятья

⁷ Было: ^а. начато: И,

^б. И видеть кровь и боль и смерть

^в. И видеть кровь и видеть смерть,

⁸ Было: ^а. начато: Чтобы (нрзб)

^б. Чтоб мог, жестокий, обладать я

- Огни очей ночных гашу,
(35) Чтоб мог, жестокий, обладать я – (Т₆)

Варианты переработки в Т₆ (Т₆-1912)

- (17–40) *зачеркнуты*
17 Одни и те же ласки, речи, ◇
18–19 *как в основном тексте*
20 а. *начато*: Нет, мир безр(адостен)
б. Нет, мир бесстрастен, чист и пуст!
21 *как в основном тексте*
22 *начато*: С вершин оснеженных ◇
23–24 *как в основном тексте*

Варианты III₁ и III₂

- 4 И имя: враг; и слово: друг.

"МАЙ ЖЕСТОКИЙ С БЕЛЫМИ НОЧАМИ..."

(С. 112)

Варианты ЧА ЗК₂₀

Заглавие	Родине
Посвящение	<i>отсутствует</i>
1 а.	Развратный май с ночами белыми
б.	Май развратный с белыми ночами,
в.	Май жестокий с белыми ночами,
3	<i>начато</i> : И туманы ◇
7 а.	<i>начато</i> : Вам привет
б.	Встань же, встань над этими ночами
в.	О, восстань над этими ночами
2.	Пробудись! Пронзи меня мечами!
8 а.	<i>начато</i> : Умири,
б.	<i>начато</i> : Дай покой
в.	<i>начато</i> : Убаюкай, уведи,
2.	<i>начато</i> : Дай мне тишины!
д.	От страстей моих – освободи!
9	Хорошо в лугу широким кругом, ¹
10	Хороводом пламенным пройти, ◇
11	Хорошо смеяться с милым другом ◇
12 а.	Хорошо безумьями хмелеть,
б.	И венки веселые плести,
в.	И венки цветные заплести,

¹ Было *начато*: а. Ты

б. Никому

- 13 а. *начато*: Хорошо
 б. И дарить цветы чужим подругам,[◇]
- 14 а. *начато*: Страсть и гибель петь
 б. *начато*: Страсть и радость петь
 в. *начато*: как *вар. а*
 2. Страстью, счастьем, грустью изойти,
 Между 14 и 15 *было*: Хорошо над лесом и над лугом
 Голубым туманом пролететь¹
- 15 а. Но еще прекрасней – тяжким плугом
 б. Но достойней – за тяжелым плугом
- 16 а. *начато*: В тихом²
 б. *начато*: Под
 в. В свежих росах утра умереть!
 2. В свежих росах по утра идти.
- После 16:
 (17)–(20) И над этим плугом все мечтанья,
 И под этим плугом – вся земля,
 И душа, – как в первый миг свиданья,³
 И душа, как парус корабля.⁴
- Далее следовали наброски:*
- л. 19 И в руке – тяжелый трепет, ропот⁵
 И над взрытым паром – тишина,⁶
- л. 19 об. И Твои, Твои очарованья⁷
 Медленно сходящая Весна,
 [И далекий лепет, бормотанье, топот,⁸
 Конницы тяжелой знамена,⁹
 И трубы военной завыванье]
- л. 20 [Чтобы вольны над широкой далью¹⁰]
 Как суровый парус неуклонно¹¹

¹ *Было*: а. Голубым туманом улететь,

б. Голубым туманом взлететь,

² *Правка* В тихим, вероятно, связана с рассмотрением *вар.* В тихих

³ *Было начато*: Страсть и радость

⁴ *Было*: а. *начато*: Как ветрила (?)

б. Как суровый парус корабля,

⁵ *Было*: И в руке – тяжелое дрожанье,

⁶ *Было*: а. *начато*: И над

б. Над весенним паром – тишина,

⁷ *Было*: И твое, твое очарованье

⁸ *Было начато*: И далекий

⁹ *Было начато*: Звук

¹⁰ *Начата правка*: Чтоб

¹¹ *Было*: а. Как суровый парус, в даль ведущий,

б. Как суровый парус, уводящий

в. Как суровый парус над морями (*незачеркнутый вариант*)

- б. Мое усталое плечо
 б а. *начато*: И
 б. *начато*: Твои
 в. Неверный поворот руля,
 9–12 а. И в бесконечном утопающий¹
 Бесцельный путь, бесцельный вьюн²
 б. И в ясном море пропадающий
 Бесцельный путь, бесцельно вьющийся³
 {
 И этот длинный шлейф влекущийся
 в. *как в основном тексте*

Варианты Т₆ и публикации в ЗР

Заглавие   Белая ночь
 Посвящение   В.А.Щ.

2. "ЧЕРНЫЙ ВОРОН В СУМРАКЕ СНЕЖНОМ..."

(С. 113)

Черновой набросок в ЗК₃₀ (ЧА₁ ЗК₃₀)

И я никогда не забуду
 Этих рук этих плеч
 И быть Валентиной – кометой – мечтаньем

Все сказано, выжжено, брошено,⁴
 В безумные ночи
 Но горящим зигзагом взвивается
 Эта повесть в ночных небесах,⁵
 Все, что память запомнить старается,
 Пропадает в безумных годах.
 (10) Все, что выжжено, брошено, сказано,
 Все опять возникает оно⁶
 Как любовницы письма – завязано
 Накрест – лентой кровавой оно⁷

¹ Было *начато*: И на

² Было *начато*: Бесцельно

³ *Начата правка*: Печальный остов

⁴ Было: Все сказано, брошено, выжжено

⁵ Было: ^а Горящим зигзагом начертана
 Эта повесть в безумных годах

^б И горящим зигзагом взвилась
 Эта повесть в ночных небесах,

⁶ Было *начато*: Возникает

⁷ Было: Как любимые письма – завязано
 Красной лентою – накрест( )

И опять на ночное свидание¹
Ты приходишь в забвеньи и сне,²
Валентина, комета, мечтание,
От Востока на Запад ко мне³

Варианты переработки в ЗК₃₀

- (8) Все, что в памяти смутной стирается
(11) Возникает и манит все вновь,
(13) Накрест – лентою алой, как кровь
(14–17) а. Что за гранью <   > свиданий⁴
Из ночных, непонятных мне встреч⁵
Валентина, звезда и мечтание
Снежной пылью лицо мне обжечь⁶
б. Ты опять восходишь, [мерцается(?)]⁷
Легкий сон непонятных встреч⁸
Валентина, звезда, мечтанье,⁹
Снежной пылью мне сердце жечь?¹⁰

Далее следовало:

[В нежных пальцах – цветок]
Песня смуглых и нежных плеч¹¹

Первоначальная редакция в ЗК₃₀ (ЧА₂)

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пеньем нежным
Мне поет о южных ночах.

Верю, верю – южные ночи
И твои поют соловьи.

---

¹ Было: а. *начато*: Эти смуглые руки

б. *начато*: Ты плечами

а. *начато*: Ты

з. Ты – с колчаном на смуглом плече

² Было: Ты идешь в забвеньи и сне

³ Было *начато*: С

⁴ Было: И опять ты идешь на свидание

⁵ Было *начато*: а. Для

б. Ты приходишь для <   > встреч

⁶ Было: а. Звездной пылью лицо мне обжечь

б. Снежной пылью мне сердце обжечь

а. Ты приходишь лицо мне обжечь

⁷ Было *начато*: Ты

⁸ Было *начато*: Легкий зной

⁹ Было: Валентина, звездой, мечтаньем,

¹⁰ а, б – *незачеркнутые варианты*.

¹¹ *Незачеркнутый вариант*: рук

- Пугливые быстрые очи
 Опьяняются губы твои.¹
 В легком сердце – страсть и беспечность,
 (10) Снег и пламень, север и мрак.
 Над бездонным провалом в вечность,
 Задыхаясь, летит рысак.
 (   ) мое обаянье
 Торопливый полет звезды²
 Валентина, звезда, мечтанье,
 Снежной пылью сердце жги (?)³

Варианты переработки первоначальной редакции в ЗК₃₀

- (5-8) Верю, – южной ночи дыханье
 Опьяненные губы твои
 Валентина, звезда, мечтанье,
 (   )
 (10) Точно с моря нам подан знак

Варианты Т₇

- Заглавие а. Валентина
 б. Вдвоем
 Посвящение В.А.Щ.⁴
 9-12 а. Снежный ветер летит от залива
 В опьяненные губы твои...
 Валентина, мечтанье, диво,
 Как поют твои соловьи!
 б. как в основном тексте

Вариант публикации в РМ

Заглавие Вдвоем

3. "ЗНАЮ Я ТВОЕ ЛЬСТИВОЕ ИМЯ..."

(С. 114)

Черновой автограф в ЗК₃₁ (ЧА ЗК₃₁)

1. Наброски

[И вновь летит]
 [Я не хочу дарить и]

- а. Имена незнакомы,
 Знаю только – лишь

¹ Было: Смелые губы твои

² Было начато: а. Торопливый (бред)

б. Торопливый (сон)

в. Торопливый (лет)

³ Было: Снежной пылью мне сердце жги (?)

⁴ Посвящение приписано позже карандашом.

- б. [Мне твои имена незнакомы
Знаю только – лишь город заж< >]
[Мне названа]
[Мне знакомо далекое имя,
Смуглый]

II. Черновая редакция

Знаю я твоё льстивое имя¹
Чёрный бархат и губы в огне,²
Но [стоит] за плечами твоими
[Иногда] неизвестное мне.³
[Или⁴ в каждом манящем изгибе⁵
Твоих рук, твоих ног, твоих плеч⁶
Не заносит⁷ разящая гибель
Надо мною невидимый меч?⁸]

И готовый на новые муки
Я пред(чув)ствую (?) вьюги, снега
Твои дикие, слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.⁹

Черновые наброски ст. 5–8 в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

- а. И какая-то новая гневность
Меж бровей – на челе
Пусть бы жгла тебя – чёрная ревность
По далеким, не нашим, чужим,
б. О, какая упорная гневность
У тебя меж бровей – на челе
Она жгла тебя – чёрная ревность
По далекой, не нашей, стране?
в. И чужая угрюмая гневность

¹ Было: Знаю я твоё дальнейшее имя,

² Было начато: Льстивый бархат

³ Было: Иногда незнакомое мне

⁴ Незачеркнутый вариант: Разве

⁵ Было начато: Разве с этим

⁶ Незачеркнутый вариант: Льстивых рук, узких ног, низких плеч

⁷ Было: возносит

⁸ Было: Надо мной ослепительный меч?

⁹ Незачеркнутый вариант: [Я могу]

И в предчувствии боли и муки
[Я не] Вспоминаю я в странах чужих
[О] Твои [бедные] дикие, слабые руки,
[Бормотан(...)] Серебро бормотаний твоих.

- У тебя меж бровей – на челе
 Она жгла тебя – черная ревность
 По далекой, не нашей земле?
 2. *как в основном тексте*

Варианты Т₇

- Посвящение В.А.Щ.¹
 9–10 Я предчувствую новые муки,
 Вспоминая те вьюги, снега,

ВСТРЕЧНОЙ

("Я только рыцарь и поэт...")

(С. 114)

Варианты БАП Т₆

- Заглавие Даме с парохода²
 1 Я – только [рыцарь и] поэт,
 3 Твой муж таскает томик Уайльда,[◇]
 5 а. Твой муж, наверное, кадет!
 б. Твой муж – презрительный эстет...
 6–10 а. Интеллигентен он не в меру,
 Начитан и насмешлив он,
 Следит, кому отдашь поклон,
 И не подпустит кавалера,
 А я – свободен. Я влюблен!
 б. Он подозрителен не в меру,
 И оттого насмешлив он!³
 Следит, кому отдашь поклон...
 А я?.. Что мне его химеры?⁴
 Я волен, счастлив и влюблен!
 в. *как в основном тексте*
 11 а. Ты вся влюбленностью и ложью,
 б. И ты влюбленностью и ложью,[◇]
 13 а. И знаю, верная жена, –
 б. Скажи же, верная жена, –
 в. Скажи мне, верная жена, –
 14 а. Дрожала ты заветной дрожью?
 б. Дрожала ль ты запретной дрожью?
 15 Была ль ты тайно влюблена?[◇]
 18–20 а. От зимних петербургских вьюг

¹ *Посвящение приписано карандашом.*

² *Заглавие заключено в круглые скобки.*

³ *Было: Лишь оттого насмешлив он!*

⁴ *Было начато: А я?.. и что*

- Тебя закутав¹ в плед зеленый,
Шептал тебе: Поедем, друг?
б. *как в основном тексте*²
21–25 а. И неужели, после бала,
Когда воздушный свой наряд,
Изведав танца легкий яд,
Ты с плеч покатых опускала,
Ты не смежала томный взгляд?
б. *как в основном тексте*³

Варианты публикаций в газ. "Речь" и «Неделе "Современного слова"»

- Заглавие *отсутствует*
6–7 Он подозрителен без меры
И оттого насмешлив он,
10 *как в Т₆, вар. б*
11 И ты, влюбленностью и ложью, (*Речь*)
13 Скажи же, верная жена,
15 Была ль ты тайно влюблена?
22 Ты не смежала томный взгляд,

Варианты НР₂ III₁

- 1 Я только [рыцарь и] поэт,[◇]
11 *как в БАП Т₆, вар. б*

МЭРИ

1. "ОПЯТЬ У ЭТОЙ ДВЕРИ..."

(С. 115)

Черновой наборосок в ЗК₂₁ (ЧН ЗК₂₁)

Твои высокие плечи,
Безумие мое!⁴
Вот эти злые речи
И взоров острие.

¹ Было: укутав

² На полях Блоком обозначен порядок строк, совпадающий с основным текстом.

³ На полях Блоком обозначен порядок строк, совпадающий с основным текстом.

⁴ Было начато: Ведут

Опять у этой двери
Оставила коня,¹
И пухом светлых перий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри²
Горит на склоне дня.
О, как приму тебя я
Когда дышу едва?
Ты слышишь – повторяю³
(10) Несладкие слова,
Смотри – полуседея⁴
Склонилась голова...⁵

Опять затепли свечи,⁶
Украшь мое жилье...⁷
Пусть будут те же речи⁸
Про вольное житье...⁹
Твои высокие плечи,
Безумие мое!¹⁰

---

¹ Было: ^a Опять стучит у двери [и]
Пришла светлее дня,

^b Опять у этой двери
Стоит светлее дня,

^c Опять у бедной двери
Из П ( )

^d Опять у этой двери
На склоне дня,

² ^a Грустнее падшей Пери

^b Нежнее прежней Мэри

³ Было начато: Смотри

⁴ Было: И вот – полуседея

⁵ Было начато: ст. (7–12) О, как тебя приму я?
Я болен, [стар и сед] я устал
Я голову седую
И ( )
( ) поцелую

⁶ Было: ^a Ну, что ж, зажгутся свечи,

^b Ну что ж, затепли свечи,

⁷ Было: Украсится жилье, –

⁸ Было: И те же будут речи

⁹ Было: житье,

¹⁰ Далее было начато: ^a Но не дивись, что много
Печали

^b [Но не дивись, не думай
Что я]

(20) Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,¹
Тебя не перенести!

Что если здесь на ложе,
Проснувшись едва,
Увидишь ты, что строже
Седая голова,²
(30) И, может быть, моложе,
Когда любовь мертва?³

О, царственная Мэри!
Безумие мое!
Запри тихонько двери,
Войди в мое жилье,
И расскажи мне Мэри,
Про вольное житье!

Варианты первоначальной редакции в Т₆ и публикации в сб. "Италии"

(1–36) как в ЧА ИРЛИ

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₆

(7–12); (25–36) *зачеркнуты*

---

¹ Было начато: О, пол ( )

² Было: ст. (25–28) ^a И если здесь на ложе,
Близ милых губ,
Увидишь ты, что строже
Мой] Я стал, чем поутру

^b Что если здесь на ложе,
Близ этих милых губ,
Увидишь ты, что строже
Я стал, чем ввечеру?

^c Что если здесь на ложе
Проснувшись поутру
Увидишь ты, что строже
Я стал, чем ввечеру?

² Что если здесь на ложе,
Проснувшись едва,
Увидишь – стала строже
Седая голова,

³ Далее следовал зачеркнутый вариант ст. (27–30):
Увидишь, что моложе
Седая голова,
Торжественней и строже,
Когда любовь мертва?..

2. "ЖЕНИХА К ПОСЛЕДНЕЙ ДВЕРИ..."

(С. 115)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1-2 а. Мэри смотрит ввысь.
Жениха
б. *как в основном тексте*
в. Жениха к последней двери
Проводя[◇]
- 3-4 а. Об негаданной потере
Погрустив,
б. О негаданной потере
Погрустя,[◇]
- 5 а. *начато*: За
б. *начато*: Вышла
в. Стала Мэри на пороге
з. Стала Мэри у порога,
- 6 а. *начато*: Видит
б. Смотрит ( ) на дорогу,
в. Тихо смотрит на дорогу,[◇]
- 7 а. Там огни зажглись,
б. Там огни вдали зажглись,
в. Вдалеке огни зажглись,[◇]
9 Как о той звезде далекой,[◇]
- Вм. 11 Спой о жизни одиноко
Прожитой
- 12 а. *как в основном тексте*
б. Пой о том, что не свершил он,
14 *начато*: В тихий,[◇]
- 15 а. Мэри, в песнях вспоминай.
б. В песнях, Мэри, вспоминай.
16 Тихо пой у двери[◇]
18 Погрустим с тобой, Мэри.[◇]

Варианты Т₆ и публикации в сб. "Италии"

- 5 *как в ЧА ИРЛИ, вар. з.*
Вм. 11 *как в ЧА ИРЛИ*
12 *как в ЧА ИРЛИ, вар. б[◇] (Т₆)*
12 *как в ЧА ИРЛИ, вар. б. (Италии)*
14 а. В незнакомый, тихий край... (Т₆)
б. Незнакомый, тихий край, (Т₆)

Варианты НР НЧ и НР₂III₁

- Вм. 3-4 а. О негаданной потере погрустив,
б. *как в основном тексте*

- 5 как в ЧА ИРЛИ, вар. 2. ◊ (НР НЧ)
 Вм. 11 а. как в ЧА ИРЛИ
 б. как в основном тексте
 14 Незнакомый, тихий край ◊ НР НЧ

3. "КОСЫ МЭРИ РАСПУЩЕНЫ..."

(С. 116)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 *начато*: И рассыпалась грусть ◊
 2 Руки слабо опущены, ◊
 11 Тихий, Боже, ◊
 12 И не счесть капли рос, ◊
 13 Не заплесть русых кос
 14 Тучек утренних ◊

Вариант Т₆

- 11 как в ЧА ИРЛИ

Вариант публикации в сб. "Италии"

- 10 А вверху, в водоеме твоём

"УСНИТЕ БЛАЖЕННО, ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ, УСНИТЕ..."

(С. 116)

Варианты Т₆

- 1 Вы спите блаженно, заморские гости, вы спите
 2 Забудьте, что в мире, где плачем, темней и темнее,
 5 а. Когда ж эти нити сплетутся в серебристую сетку,
 б. Когда ж эти нити соткнутся в серебристую сетку,

Варианты публикации в журн. "Лебедь"

- 1-2 Вы спите блаженно, заморские гости, вы спите...
 Забудьте, что в мире, где плачем, темней и темнее...
 5 как в Т₆, вар. б

Варианты переработки в Т₆-(1912?)

- 1 как в основном тексте
 5 Когда ж эти нити соткнутся в блестящую сетку,

Варианты НР₂ III₁

- 2 Забудьте, что в (   ), где пла(чем?) ◊
 5 как в Т₆-(1912?)

"Я ПРИГВОЖДЕН К ТРАКТИРНОЙ СТОЙКЕ..."

(С. 116)

Варианты ЧА ЗК₂₃

- 1 *начато*: Я здесь – ◇
- 2 а. Я пьян давно. Мне все смешно.
б. Я пьян давно. Мне все равно.
- 3 Вон счастье – на далекой тройке ◇
- 4 а. *начато*: В
б. *начато*: От
в. В серебристый дым унесено.
- После 4: (5–7) а. *начато*: Из-под полозьев брызжут
б. Из-под полозьев брызжет снег,
в. [Сквозь пьяный сон я все провижу
Как от полозьев брызжет снег,
Как ближе, ближе, ближе, ближе]
- 5 Летит на тройке одичалой ◇
- 6 а. *начато*: В пыли веков
б. В пыли времен, в дали веков
- 7 а. *начато*: И
б. Мне только душу захлестнуло ◇
- Между 8 и 9 [В глухую темень искры мечет]
[В глухую темень]
- 9–16 И сбруя тройки золотая¹
Всю ночь видна... Вся ночь слышна²
А ты душа, душа глухая –³
Пьяным пьяна, пьяным пьяна...
- В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло⁴
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло⁵

Вариант Т₆

- 14 Всю ночь видна. Вся ночь слышна...

---

¹ Было: Нам только сбруя золотая

² Было: а. Сквозь ночь видна... Нам слух томит

б. Сквозь ночь видна... Наш слух томит

в. Сквозь ночь видна... и мгла страшна

³ Было *начато*: И

⁴ Было: а. *начато*: И

б. И далеко от искр светло

⁵ Было: а. как в тексте

б. О том, что счастье ушло

в. О том, что счастья с нами нет

*Варианты публикаций в журн. "Новое образование" (НО),
сб. "Вешние воды" (ВВоды), НР НЧ, журн. "Весна", ЖЖ*

- 11 От искр всю ночь светло, светло... (Весна)
14 как в Т₆ (НО, ВВоды)
14 Всю ночь видна. Вся ночь слышна. (НР НЧ, Весна)
15-16 А ты, душа... Душа глухая...
Пьяным пьяна... Пьяным пьяна... (ЖЖ)

"НЕ ЗАТЕМ ВЕЛИЧАЛ Я СЕБЯ ПАЛАДИНОМ..."

(С. 117)

Варианты ЧА ЗК₂₃

- 1 а. Не затем я себя называл паладином,
б. Не затем я себя величал паладином,
5 а. Или все миновалось, что счастье сулило?
б. Или все обмануло, что счастье сулило?
в. *начато*: Или счастье вправду так ◊
6 а. Что же, выберем сказку, какая зв( )
б. Что же, выберем сказку покраше других ◊
7 Но в золе еще бродят последние искры,
8 а. И довольно огня, чтобы вспыхнул пожар
б. Есть огонь, чтобы вспыхнул последний пожар

Вариант Т₆

- 8 Есть огонь, чтобы вспыхнул последний пожар!

Варианты переработки Т₆-<1911?>

- 7 а. Нет! в золе еще светятся красные искры,
б. Нет! в золе еще бродят последние искры,
8 как в основном тексте

Варианты НР НЧ

- 7 а. *начато*: Нет! В золе еще бродят
б. Нет! В золе еще светятся красные искры, ◊

Варианты публикации в "Новом журнале для всех"

Без деления на строфы

- 8 как в Т₆

"ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА БЛИЗИТСЯ К ПОЛНОЧИ..."

(С. 117)

I. Черновой прозаический набросок (ЧН, ИРЛИ)¹

В новогодний вечер мы собрались большой компанией у ярко² освещенного стола. По правую и по левую сторону от меня были ряды все уменьшающихся но³ ни в чем не отличных друг от друга лиц. Перед собою⁴ я видел золотой⁵ этикет бутылки и⁶ огромную рубиновую запонку на груди⁷ безобразного карлика – моего vis à vis. В тот вечер глухо застегнутый сюртук не защищал меня от клеветы, золотистое⁸ вино не баюкало и слова не защищали⁹ от холода

II. Черновой прозаический набросок (ЧН₂ ИРЛИ)

Нас было много в новогодний вечер у ярко освещенного стола. Сидя близко от середины, я мог видеть две¹⁰ длинные вереницы все уменьшающихся и ни в чем¹¹ не отличных одно от другого лиц – по правую и по левую сторону стола. Груды яств и бутылки с винами расположились¹² также равномерно, как десятки этих человеческих лиц¹³, которые я умел различать¹⁴ только по привычке.

Одни из них ели и пили, другим дремалось, третьи нудно спорили о литературных направлениях, о добродетелях¹⁵ и пороках, об умерших родных и новорожденных знакомых. Никто, кроме меня, не помнил, что за столом нашим присутствует приезжая польская панна. Она сидела прямо против меня, и лицо ее было в тени очень широкой шляпы, с которой ниспадали каскадами страусовые перья на ее открытые плечи, сияющие, как слоновая кость,¹⁶ и на узкое платье из черного шелка.¹⁷ Среди всех, сидящих за столом, только она и я – молчали. Может быть это¹⁸ способствовало тайному сближению моих восхищенных глаз¹⁹ с ее глазами, которые, я чувствовал, смотрели на меня не отрываясь, с той

---

¹ На л. 1 об. красным карандашом записано: "Рассказ", зачеркнуто простым карандашом.

² у ярко / у ново(годнего?)

³ но / ни вписано.

⁴ Перед собою / Перед мною

⁵ золотой / начато: ог( )

⁶ бутылки и / бутылки с

⁷ на груди / начато: на крах(мальной?)

⁸ золотистое / и

⁹ не защищали / не были

¹⁰ две вписано.

¹¹ ни в чем / ничем

¹² и бутылки ~ расположились / ^a и бутылки вин ^b и бутылки с винами также равномер(но) ^a и бутылки с винами располагались

¹³ этих человеческих лиц, / этих людей, которых я

¹⁴ умел различать / мог отличать б( )

¹⁵ о добродетелях / о доброте

¹⁶ на ее открытые плечи ~ кость / ^a на матовые ее открытые плечи, ^b на ее открытые плечи, матовые, как слоновая кость,

¹⁷ из черного шелка. / из черного шелка. Я молчал

¹⁸ это / это обстоятель(ство?)

¹⁹ тайному сближению ~ глаз / тайному сближению ее глаз с моими восхищенными глазами

широкой и укоризненной печалью, с какою смотрят глаза запертой в клетку вольной птицы.

Минутная стрелка уже приближалась к полуночи, когда я, первый, налил¹ в свой узкий бокал² крепкого³ золотистого вина, играющего иглами, и опустил на дно его⁴ единственный драгоценный⁵ перстень, который носил на руке. Таков был мой обычай: забывая женщину,⁶ я снимал перстень, на котором был вырезан ее знак, и бросал его в бокал с вином перед лицом другой – возбуждившей во мне новую страсть.⁷

И в ту минуту, как, волнуясь и тревожась, взглянула на меня с конца стола та – прежняя, с лицом кротким и слишком знакомым, – я встал со своего места и высоко поднял бокал с вином и перстнем. Среди воцарившегося внезапно молчания, увидел я, как подняла на меня лицо⁸ незнакомая⁹ панна; свет¹⁰ бросился в ее прежде затененные, непомерно грустные и темные глаза.

И, словно читая свой приговор по длинному и древнему свитку, на котором горели непонятные и торжественные руны ее очей,¹¹ я громко произнес: – Я ненавижу вас, люди. Я люблю вас, панна.

Первоначальная редакция (ЧА₁ ИРЛИ)

Нас было много в новогодний вечер
У ярко освещенного стола.
На груди яств глядел морозный ветер
Из синего, холодного окна.

Нас было много. Но одни зевали,¹²
Другие говорили ( )¹³
И я один, как всюду, помнил ярко,

---

¹ налил / налил себе

² в свой узкий бокал / в стак(ан)

³ крепкого *вписано*.

⁴ на дно его / в него

⁵ драгоценный *вписано*.

⁶ женщину, / одну женщину, и загораясь любовью к другой, я

⁷ перед лицом ~ страсть. / перед лицом той – новой, к которой начинал чувствовать страсть.

⁸ подняла на меня лицо / ^a подняла голову ^b подняла ко мне лицо

⁹ незнакомая *вписано*.

¹⁰ свет / и свет

¹¹ очей / глаз

¹² Было: ^a Нас было много. Но один я видел

^b Нас было много. Но один я помнил
О том, что не по( )

^a Нас было много. Но один я помнил
О том, о чем не помнили они:

² Нас было много. Но один я помнил
Что между нас ( )

¹³ Было: Другие пили, третьи и ( )

Что между нас присутствует она.¹

- (10) Она была в тени широкой шляпы,²
И перья ниспадали, как всегда,
На плечи бледные, как из слоновой кости,³
На матовые черные шелка.⁴

Ее глаза ( ) в клетку птицы⁵
Широко-грустные смотрели на меня.⁶

Часовая стрелка к полуночи
Приближалась. Темною волною⁷
Поднимались думы. Светлою волною⁸
Колебались свечи. Было страшно.
Я хотел сказать: Люблю вас, панна.

Варианты переработки первоначальной редакции ЧА ИРЛИ-(1908?)

- (15) Часовая стрелка приближалась
(16) К полуночи. Темною волною
(18) Колебались свечи. Я люблю вас тайно
(19) Вечера глухие, ночи без рассвета,
(20-21) Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни ( )⁹

---

¹ Было: Что среди нас присутствует она.

² Было начато: Она сидела

³ Было: ^a. На стройные блистательные плечи
^b. начато: На б( )

^a. На бледные, как из слоновой кости,

⁴ Было начато: ^a. На матовый
^b. И на

⁵ Было начато: И грустные глаза

⁶ Было начато: С широкой грустью

⁷ Было: ^a. А стрелка часовая приближалась
К полуночи

^b. начато: К полуночи

^a. начато: А

². И минутная стрелка к полуночи
Приближалась

^d. Часовая стрелка приближалась
К полуночи – и в пос( )

^c. Часовая стрелка близилась
К полуночи. Стало страшно

^ж. Часовая стрелка приближалась
К полуночи. Стало страшно

⁸ Было: ^a. начато: Поднимались думы, колеб(ались?)

^b. Поднимались думы, светлою волною

⁹ Было начато: Юности несчастной

Черновой набросок (ЧН₃ ИРЛИ)

Стрелка часовая близко к полуночи,
С новым годом, [волны те ( )]

Промежуточная редакция (ЧА₂ ИРЛИ) (1908)

Часовая стрелка приближалась
К полуночи. Светлою волною
Колебались свечи. Темною волною
Поднимались думы. Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые...
Я люблю Вас тайно, темная подруга¹
Юности порочной, жизни догоревшей.
Все, что сегодня,
Было [и] вчера.
10 Вечер новогодний,
Как все вечера.
Также одиноко
Городом бреду²
( )
( )
И той же тропею
С мечом на плече
Идет он за мною
В туманном плаще.³
20 Идет и не знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат.
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где запоздалый⁴
Отыщет ночлег?
30 Лишь розы на талый⁵
Падают снег.
Лишь слезы на талый

¹ Было: Я люблю вас тайно, темная подруга

² Ст. (8–13) зачеркнуты при дальнейшей переработке.

³ Было: В черном плаще.

⁴ Было: ^a начато: Что связан

^b начато: Идет

^c начато: Куда ни

² И где, запоздалый

⁵ Было: И розы на талый

Падают снег.
Лишь одного смертельно жажду я, –
Чтоб он не следовал за мной.
Он втоптывает розу каждую
В снега железною стопой.

Варианты переработки промежуточной редакции ЧА₂ ИРЛИ (1913?)

- (1) Часовая стрелка близится к полночи.
(2) а. *начато*: С Новым Годом, сердце!
б. Светлою волною всколыхнулись свечи.
(3) а. Кольхнулись свечи. Темною волною
б. Темною волною всколыхнулись думы.
(4) С Новым Годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вм. (8–13) а. *начато*: В тот же
б. Я – вечный, я – прежний
Иду одиноком
И старые розы
И путь мой ( )
в. Старинные розы
Несу, одиноком
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
(20) Идет он и знает,
(23) Последний закат,
(29) Сыщу я ночлег?
(30) *как в тексте промежуточной редакции (ЧА₂ ИРЛИ)*
(32) Лишь слезы на алый
(34) И одного смертельно жажду я, –

Черновой набросок (ЧН₄ ИРЛИ)

Тоскую смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.¹

"СТАРИННЫЕ РОЗЫ..."²

(С. 117)

---

¹ Было: а. И жажду смертельно,
Чтоб розу бесцельно
Втоптал он в снега

б. И жажду смертельно,
Помочь не могу.
И розы бесцельно
Он втоп( )

На обороте листа набросок стих. "И теперь тот самый мальчик нищий..." (см. том 11 наст изд.).

² Черновые автографы приведены при стих. "Часовая стрелка близится к полночи..."

"УЖЕ НАД МОРЕМ ВЕЧЕРЕЕТ..."

(С. 118)

Черновой набросок в ЗК₂₃ (ЧН ЗК₂₃)

Заглавие   Бывшим друзьям
              Но [вся]
              Душе влюбленной невозможно
              О сладкой смерти не мечтать

Первоначальная редакция в ЗК₂₃ (ЧА ЗК₂₃)

Уже над морем вечереет,¹
Ужь ты мечтой меня томишь,²
Что с полуночи ветер веет³
Через неласковый камыш⁴

Огни на мачтах зажигая
Уходят в море корабли⁵
А ты, земная, ты, ночная⁶
Опять уносишь от земли

(10)   Обетование неложно,
          Передо мною ты опять⁷
          Душе влюбленной невозможно
          О сладкой смерти не мечтать.⁸

Ты вся пленительна и лжива,⁹
Вся – в отступающих огнях¹⁰
Во мгле вечернего залива
В легкотуманных пеленах.¹¹

---

¹ Было начато: Ужь

² Было: ^a. Ужь ты мечтой себя томишь;
^b. Уже мечтой себя томишь,

³ Было начато: Что тихий

⁴ Было начато: Сквозь

⁵ Было начато: Далеко

⁶ Было: ^a. А ты, земная, ты, морская
^b. И ты, земная, ты, морская

⁷ Было начато: Передо мной

⁸ Было начато: О близ(кой?)

⁹ Было: Ты так пленительна и лжива,

¹⁰ Было начато: ^a. Ты
^b. Ты

^c. Вся – в дальних

¹¹ Было: ^a. В далеких тающих огнях.

^b. В далеко тающих огнях.

- И ветер, с полуночи вея,¹
 Туманов не разгонит грусть.
 Твою я помню поступь, фея,²
 (20) Твой шелест знаю наизусть.
- Позволь и мне огонь прибрежный³
 Тебе навстречу развести⁴
 В веночек страстной и неизбежный⁵
 Цветочек влюбленности вплести,
- Хочу, чтоб не был миг напрасным,⁶
 Хочу не раз владеть тобой,⁷
 И, просияв весельем страстным,
 Влюбленно ночи ждать другой.⁸
- Еще пылать одним мгновеньем
 (30) И после – много серых дней,
 Гордясь своим уничтоженьем
 Ждать новых (   )

Варианты Т₆

- Заглавие   Моей смерти
                   2,3   как в ЧА ЗК₂₃ ст. (2), (3)
 Между 12 и 13:
                   (13–16)   как в ЧА ЗК₂₃ ст. (17–20)⁹

Варианты публикации в газете "Слово"

- Заглавие   Моей смерти
                   3   как в Т₆
 Между 12 и 13:
                   (13–16)   как в Т₆

¹ Было: *а* как в тексте

б. Но ветер, с полуночи вея.

² Было: Твою я знаю поступь, фея,

³ Было: *а*. Позволь же и огням прибрежным

б. как в тексте

в. Позволь и мне костер прибрежный

⁴ Было начато: Затеплить

⁵ Было начато: *а*. И безнадежный

б. В веночек огня

⁶ Было: *а*. И просияв весельем страстным

б. Чтоб не был день всегда напрасным,

в. Хочу чтоб не был день напрасным,

⁷ Было начато: Чтоб

⁸ Было начато: Влюбленно ждать

⁹ Строфа зачеркнута.

Варианты правки в Т₆-{1911?} и НР НЧ

- Заглавие [Моей смерти] (НР НЧ)
3 как в основном тексте
Между 12 и 13:
(13-16) *зачеркнуты (Т₆-{1911?})*

- Между 12 и 13: а.
(13-16) как в Т₆
б. *зачеркнуты (НР НЧ)*

Варианты Кор₁ Земли и Кор₂ Земли

- 2 а. как в основном тексте
б. *УЖЬ ТЫ МЕЧТОЙ МЕНЯ ТОМИШЬ (Кор₁ Земли)*
2 *УЖЬ ТЫ МЕЧТОЙ МЕНЯ ТОМИШЬ[◇] Кор₂ Земли*

"Я НЕ ЗВАЛ ТЕБЯ – САМА ТЫ..."

(С. 119)

Варианты Т₆ и БА₂ РГАЛИ

- 16 а. Неживой, с тобою рядом,
б. *Я живу с тобою рядом,[◇] (Т₆)*
16 *как в Т₆, вар. а[◇] (БА₂ РГАЛИ)*
18 *Я живу под бледным взглядом[◇]*

Варианты НР НЧ и публикации в журн. "Аполлон"

- Заглавие Пришлища (Аполлон)
Заглавие [Пришлища] (НР НЧ)

"ГРУСТЯ И ПЛАЧА И СМЕЯСЬ..."

(С. 120)

*Варианты публикаций в "Нашей газете",
журн. "Задушевные речи"*

Без деления на строфы

"ОПУСТИСЬ, ЗАНАВЕСКА ЛИНЯЛАЯ..."

(С. 120)

Набросок в ЗК₂₀ (ЧН₁ ЗК₂₀)

Что ж, опустишь занавеска линиялая
Жизнь-то какая была небывалая
Смуглая, ярая
Жизнь, как цыганка, с плечами¹

¹ Далее следует: Сыро в коморке

Черновой набросок в ЗК₂₃ (ЧН₂ ЗК₂₃)

Опустишь, занавеска линиялая,
На больные герани мои.¹
Сгинь цыганская жизнь небывалая,²
Огневы смежи очи свои.³

[Не она ль, как цыганка, узорными
Убиралась платками, маня⁴
Или косами иссиня черными,
Что ни ночь, оплетала меня.
Но влюбленной душе прищель < >]⁵

Варианты Т₆

- 4 Огневы смежи очи твои!◇
9–12 а. Как цыганка, платками узорными
Расстилалась ты предо мной,
Ой ли, косами иссиня-черными,
Ой ли, бурей страстей огневой!
б. Как цыганка, платками узорными
Расстилалась ты ниц предо мной,
Теми косами иссиня-черными,
Тою бурей страстей огневой!
в. как в основном тексте
2. зачеркнуты
18 С чем и жил – умираю ни с чем,◇
20 И кому обещался – не вем.◇

Варианты публикаций в БВ и журн. "Новое слово"

- 4 Огневы смежи очи твои!
18 С чем и жил – умираю ни с чем,
20 И кому обещался – не вем.

---

¹ Было: На герани больные мои.

² Было: ^{а.} начато: Жизнь прошла

^{б.} Уходила ты жизнь небывалая,

^{в.} Скоро минула жизнь небывалая,

^{2.} Сгинь ты жизнь небывалая,

³ Было: ^{а.} начато: Как

^{б.} Молодая, как очи твои.

^{в.} Смежены видно, очи твои.

^{2.} начато: Успокой

⁴ Было: Не она ль, как цыганка, проворными
Оплетала руками меня

⁵ Было начато: Но влюбленное сердце

Без деления на строфы

9–12 отсутствуют

"МОЙ МИЛЫЙ, БУДЬ СМЕЛЫМ..."

(С. 121)

Варианты Т₇ и публикаций в "Новом журнале для всех" (НЖВ) и НЧ

Заглавие Песня (Т₇, НЖВ)

Без деления на двустишия

⁷ Весенней волною $\diamond$ (Т₇)

⁷ Весенней волною (НЖВ)

"НЕ ВЕНЧАЛ МОЮ ГОЛОВУ ТРАУРНЫЙ ЛАВР..."

(С. 122)

Черновой автограф в ЗК₂₄ (ЧА ЗК₂₄)

I. набросок¹

Не венчал эту голову царственный лавр²
В годы буйных пиров и скорбей.³
От удушливых роз и гремящих литавр⁴
Вечно песни $\langle \quad \rangle$ ⁵
Вьюги $\langle \quad \rangle$ зим обожгли этот лик
И одна – с непреклонной душой⁶
Это сердце $\langle \quad \rangle$ ⁷

---

¹ Над ЧА, отделенное чертой, записано двустишие, датированное "19.1.09":

Ночи, ночи безумных и пьяных мгновений –
За мгновеньем – мгновение

² Было начато: ^a. Ночи роз и литавр

^b. Эт $\langle \quad \rangle$

^c. Эту голову

³ Было: ^a. начато: В эти дни

^b. В эти годы пиров и скорбей

⁴ Было: ^a. начато: В эти ночи от

^b. начато: Но от

^c. Удушающих роз и гремящих литавр

⁵ Было начато: ^a. Над

^b. Не спастись

⁶ Было: И одна – точно вьюга сама

⁷ Было начато: Начертала

"ПОКОЙНИК СПАТЬ ЛОЖИТСЯ..."

(С. 122)

Варианты ЧА ЭК₂₄¹

Без деления на строфы

- 1 Покойник отдыхает◇
2 *начато*: На бел ( )◇
Вм. 3-6 а. В окне легко кружится²
Спокойная метель.
На запад мчит, на запад³
Пуховый ветер снег
б. В окне легко кружится
Спокойная метель.
Пуховый ветер мчитсЯ.
в. В окне легко кружится
Пуховым ветром мчитсЯ⁴
Спокойная метель.
7-8 а. Снежинки крупным пухом
Куда летят, куда?
б. Снежинок крупный пух
Куда летит, куда?
9 *отсутствует*
10 а. Простись с бессмертным духом,
б. Прости бессмертный дух,
11 а. *начато*: Простись с
б. Прости, тревожный взгляд,
в. Прости, тревожный взгляд и слух
2. Тревожный взор, тревожный слух⁵
После 12: (13-14) Сгорел костер, прошли года...⁶
В снега, в снега, туда,⁷
13 На отдых, отдых, отдых,◇
14 а. *начато*: Склоняясь
б. *начато*: В
в. Прильнул слегка ко мне,
2. Легко прильнул ко мне,
17 Прости, бессмертный дух!◇

¹ Слева от текста рисунок и помета: "Сады в инее".

² *Начато*: В окне

³ *Было начато*: К востоку

⁴ *Было*: В пуховом ветре мчитсЯ

⁵ *Далее шло*: Тревожный слух

⁶ *Было*: а. *начато*: Склоняясь

б. И рея и качаясь

в. *начато*: Качаясь

⁷ *Было начато*: В во ( )

Варианты Т₇

Без деления на строфы¹

- 9 Сгорел костер, прошли года, ◇
11 Тревожный взор! Тревожный слух!² ◇
После 12: (13) [В снега! Туда! Туда!]
13 а. как в основном тексте
б. И отдых, легкий отдых ◇

Варианты публикаций в журн. "Остров"

- 9 Сгорел костер, прошли года,
11 Тревожный взор! Тревожный слух!
После 12: (13) В снега! Туда! Туда!

"УЖ ВЕЧЕР СВЕТЛОЙ ПОЛОСОЮ..."

(С. 123)

*Варианты Т₇ и публикаций в газ. "Бодрое слово" (БС),
НЧ (НР НЧ) и III₁*

Заглавие Встреча
С делением на строфы (БС)

Варианты Кор₂ Земли

- 1 Ужь вечер светлой полосою ◇
13 Ужь ты далеко уходила ◇

"ЗДЕСЬ В СУМЕРКИ В КОНЦЕ ЗИМЫ..."

(С. 123)

Вариант Т₇

Заглавие На островах

---

¹ Разделено на строфы при последующей правке.

² Возможный промежуточный вариант: Мятежный взор! Тревожный слух!

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

1. "ВСЕ ТА ЖЕ ОЗЕРНАЯ ГЛАДЬ..."

(С. 124)

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ЧН₁ ЗК₂₆)

Ты позови – она придет
Мелькнет, как прежде, профиль важный
И голос прошлого протяжный¹
Как прежде имя назовет

Черновой набросок в ЗК₃₁ (ЧН₂ ЗК₃₁)

Каплет соль с градирен

Вариант Т₇

9 Ты позови – она вздохнет,

Вариант публикации во "Всеобщем ежемесячнике"

9 Ты позови – она вздохнет

Варианты НР₂ III₁

- 8 Той дивной незабвенной тени?[◇]
9 а. Ты позови – она вздохнет,
б. Ты позови – она придет,

Вариант РЭ III₁

12 Как прежде, имя назовет.

2. "В ТЕМНОМ ПАРКЕ ПОД ОЛЬХОЙ..."

(С. 124)

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ЧН₁ ЗК₂₆)

- а. В парке темном и сыром
Я иду с тобой вдвоем.
б. [Парком темным и сырым
Я иду к ногам твоим]

---

¹ Начата правка: И голос юга

Влажным вечером в саду¹
По следам твоим иду.
Знаю, знаю, – вот твой след,²
Смытый влагой многих лет.³
Все прошло⁴

Черновой набросок в ЗК₂₇ (ЧН₂ ЗК₂₇)

В старом парке под ольхой
[В] [Леб( )] [Старый лебедь]

Варианты ЧА ЗК₃₁

- Заглавие "Через 12 лет" (1897–1909)
3 *начато*: Только[◇]
5 а. *начато*: Я иду
б. *начато*: В ночь иду[◇]
6 *начато*: Ты со мною[◇]
7 а. Знаю, вот он – влажный след
б. Знаю, вот он – легкий след
в. Вот он – твой забытый след
г. Вот едва заметный след,
д. Вот он – чуть заметный след,⁵
10 Дышат мне твои духи
12 Шелестит твоя душа
13–14 *отсутствуют*
15 а. Все, что было, что прошло –
б. Все, что было, то прошло –

---

¹ Было *начато*: К

² Было *начато*: а. Мно( )
б. Знаю

³ Было *начато*: Стертый

⁴ Было: а. *начато*: Пус( )
б. Все иначе, чем тогда
в. *начато*: То

⁵ Вар. в, г не зачеркнуты.

3. "КОГДА МУЧИТЕЛЬНО ВОССТАЛИ..."

(С. 125)

Черновой автограф в ЗК₂₆ (ЧА ЗК₂₆)

1. набросок

9–12 как в основном тексте

II. Черновая редакция

Заглавие Frauenwald*
В твоём лесу, лесу девичьем,
Утратив память прежних дней,
Я был разбужен пеньем птичьим,
Игрою солнечных теней
Так ясно встали эти миги,
Когда твой гений мне блистал,¹
Когда еще в закрытой книге
Я о грядущем не читал.
И так мучительно воскресли²
(10) Дела и дни передо мной.
Они меня замучат, если
Их не потопит шум лесной
Приди же, сон весны волшебной,³
Что было, память, возврати,
<   > целебной
<   > пути.

Первоначальная редакция в БА, ИРЛИ

В твоём лесу, лесу девичьем,
Утратив память прошлых дней,
Я был разбужен пеньем птичьим,
Игрою солнечных теней...
Когда мучительно воскресли⁴
Дела и дни передо мной...
Но шум зеленый, шум лесной⁵
Мне громко пел: А если, если...

* Frauenwald (нем.) – Девичий Лес

¹ Строка вписана; слова твой гений мне блистал подчеркнуты.

² Было начато: И муки прежние

³ волшебной подчеркнута.

⁴ Было: И там мучительно воскресли

⁵ Было: А шум зеленый, шум лесной

- (10) Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными¹ часами
В блаженства замкнутую дверь...

Варианты Т₈

- 5 а. Не знал я, что в лесу девичьем
б. Не знал я, что в Лесу Девичьем

Варианты БА₂ ИРЛИ

- 3 Когда уснул я от печали[◇]
4 а. *начато*: В
б. *начато*: Уснул я[◇]
5 *начато*: Не ведал[◇]
7 а. Я был разбужен пеньем
б. Но, пробудясь в игре теней,
8 *начато*: Я ясно[◇]

4. "СИНЕОКАЯ, БОГ ТЕБЯ СОЗДАЛ ТАКОЙ..."

(С. 125)

Первоначальная редакция (ЧА ЗК₂₆)

Синеокая, Бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной.

Встал он тихий, дождями омытый,
Ему легкого имени нет
Запеваает осой ядовитой,
Разметает он прошлого след²

- Снова вижу я тонкие руки³
Погружаюсь опять наяву
В эти южно-гортанные звуки,
(10) И в глубокую глаз синеву.

Но взлетает, взвивается, рыщет⁴
И сквозь ночи, сквозь ночи и дни —⁵
Пыль годов отягченная ищет
Потушить, уничтожить огни.

---

¹ полночными заключено в скобки.

² Было: Заметает он прошлого след

³ Было *начато*: И я вижу

⁴ Было: ^{а.} *начато*: Но взлетает, свивая,

^{б.} Но взлетает, взвивается, мчится

⁵ Было *начато*: Пыль веков

Варианты первоначальной редакции в БАП ИРЛИ

- (6) Замечает прошлого след –
(13–14) Пыль веков < > ищет
< > уничтожить огни.

Варианты переработки БАП ИРЛИ (БАП ИРЛИ-б.д.)

- 5а. *начато*: Раз < >
б. Замечает он прошлого след –
7–10 *как в основном тексте*
(11–14) *зачеркнуты*

Вариант Т₈

- 5 Замечает он прошлого след,[◇]

5. "БЫВАЮТ ТИХИЕ МИНУТЫ..."

(С. 125)

Черновой набросок в ЗК₂₆ (ЧН ЗК₂₆)

Все памятно – деревья сада,
И серый вечер
Вся в розах серая ограда¹
Железный мост над ручейком²
О чем-то шепчущие струи,³
Кружащаяся голова
Твои, [хохлушка] поцелуи⁴
Твои гортанные слова.

6. "В ТИХИЙ ВЕЧЕР МЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ..."

(С. 126)

Первоначальная редакция в ЗК₃₀ (ЧА ЗК₃₀)

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок
Поздний вечер над прудами,
Надушенный ваш⁵ платок.

---

¹ *Было*: *а. начато*: Мост ка < >

^{б.} Вся в розах белая ограда

² *Было*: И серый мост над ручейком

³ *Было*: И ночью шепчущие струи.

⁴ *Было*: Твои, мой милый, поцелуи.

⁵ *Было*: твой

В тихий вечер мы встречались –
Сердце помнит эти сны.
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

- (10) Под зарей едва алея,¹
Уводила нас куда
Эта узкая аллея
Вдоль туманного пруда?
Эта юность, эта нежность
[Разве счастья не дала?]
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?²

[Разве] не было нам сладко³
Уплывать в челне мечты
Как весна ступала в < >⁴
Чередую "вы" и "ты".⁵

---

¹ Было: *a. начато:* Был прозрачен < >

b. На прозрачность заревую

² Было: *a. [В]* Тихим шелестом и ладом

[Отвечали вечера]
Нашим думам, нашим взглядам
Отвечали вечера.

b. начато: Вашим дум < >

a. начато: Эта юность, эта нежность –
Не она ли создала

^{2.} Эта юность, эта нежность –
< >
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

^{d.} Эта юность, эта нежность –
< >

И моих к вам песен дива
Не она ли создала?

^{e.} Эта нежность, эта юность –
Что
И моих к вам песен струнность
Не она ли создала?

³ Было: Разве не было вам сладко

⁴ Было *начато:* *a.* Разве вы не

b. Молодело

a. И весна

^{2.} Синий *незачеркнутый вариант.*

⁵ Далее следовало: *a.* Налетал отрадный ветер
[Уносил] [Ты] Кольхал челнок мечты,
И синел прохладный вечер,
Чередую "вы" и "ты".

Переработка ст. (9–12) в ЗК₃₀

- а. Эта узкая аллея
Вдоль туманного пруда,
Ясным заревом алея
Увела нас навсегда.
- б. Ясным заревом алея
Уводила вдоль пруда,¹
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда,

Варианты Т₇

- Заглавие Юность
Между 12 и 13 а. Налетал отрадный ветер,
Колыхая челн мечты,
Обступал прохладный вечер,
Чередуя "вы" и "ты"....
- б. *зачеркнуто*

Вариант НР НЧ и публикации в НЧ

Заглавие *как в Т₇*

7. "УЖЕ ПОМЕРКЛА ЯСНОСТЬ ВЗОРА..."

(С. 126)

Варианты Т₇ и НР НЧ

- 5–8 а. Она сдавалась. Очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне...
Уж к нам со сцены мчались гимны
Об ослепительной весне...
- б. *как в основном тексте*
- 15 Твой призрак, твой непобедимый... ◇

---

⁶ [Налетал отрадный ветер
Колыхая челн мечты,
Обступал прохладный вечер,
Чередуя "вы" и "ты".]

¹ Было: Увела нас вдоль пруда,

8. "ВСЕ, ЧТО ПАМЯТЬ СБЕРЕЧЬ МНЕ СТАРАЕТСЯ..."

(С. 127)

Первоначальная редакция в ЗК₃₀ (ЧА₂ ЗК₃₀)¹

Все минует, бесследно стирается²
Пропадает в безумных годах.
Но горящим зигзагом взвивается
Лишь одно в ночных небесах.

Сожжено, и (   ) и досказано³
Лишь одно возникает вновь:
Как любовницы письма – завязано
Накрест лентою алой, как кровь

Черновой набросок ст. 9–12 в ЗК₃₀ (ЧН ЗК₃₀)

И когда в тишине моей горницы,
Под лампадой томлюсь от обид⁴
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит⁵

УТРО В МОСКВЕ

("Упоительно встать в ранний час...")

(С. 127)

Черновые наброски в ЗК₂₇ (ЧН ЗК₂₇)

л.3 Упоительно встать в ранний час
Увидать твой вчерашний след [на] по росе
Упоительно вспомнить тебя
Перед (   )
Упоительно знать о тебе,
Что ты здесь, что ты спишь и моя
л.3 об. Я люблю тебя, панна моя,
(   ) прелесть моя
Воробьи проснулись недавно
и умываются в песке

¹ Первоначальный черновой набросок, относящийся к данному стихотворению и к стих. "Черный ворон в сумраке снежном...".

² Было: Все минует, навеки стирается,

³ Было начато: Все, что

⁴ Было: Я томлюсь от (   ) обид

⁵ Было: Над кадилом мечтаний моих.

л.2 об. Но люблю тебя, панна моя,
Но люблю тебя, прелесть моя
Моя юность – (   )

В это утро прозрачность Кремля
Утренняя нежность Кремля

Варианты ЧА ИРЛИ

Заглавие *отсутствует*
2 Увидать легкий след на песке[◇]
4 Знать, что спишь ты, и здесь, и моя.[◇]
6 (   ) юность моя,[◇]
7 Как прозрачная нежность Кремля,[◇]

Варианты БА ИМЛИ

5–8 *отсутствуют*

Варианты Т₈

Заглавие *отсутствует*

Варианты публикации в журн. "Голос жизни"

Без деления на строфы

"КАК ПРОЩАЛИСЬ, СТРАСТНО КЛЯЛИСЬ..."

(С. 127)

Черновые наброски в ЗК₂₈ (ЧН ЗК₂₈)

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья
Весь души восторг
Будь счастливой в той сторонке¹

Как прощались, страстно клялись²
В верности любви³
Вместе таин приобщались,

---

¹ *Было:* Взял гитару на прощанье
Мой восторг
Струн признанье, обещанье
Я исторг
[Счастлив будь]
Будь счастлива в той сторонке

² *Было:* Как прощались, обещались, *правка чернилами.*

³ *Было:* В верности клялись

Пели соловьи¹
Ты весной [в чужу сторонку]²
В чужу сторону

Варианты Т₇

Без деления на строфы

16 Выйдет до плетня!

Варианты публикаций в БВ и НС

Заглавие Простая песня

16 как в Т₇ (НС)

Варианты НЧ (НР НЧ), III₁, III₂, Изборника

Без деления на строфы (НЧ (НР НЧ))

16 Выйдет до плетня...

"ВСЁ НА ЗЕМЛЕ УМРЕТ – И МАТЬ, И МЛАДОСТЬ..."

(С. 128)

Варианты ЧА ЗК₂₈

- 2–4 Жена изменит и обманет друг,
Но ты учишь вкушать иную радость
Глядись в холодный и полярный круг. ◇
6–7 В лесах из льда – и тихо забывай,
Как здесь любили, гибли³ и боролись
8 а. И забывай скорбей бывалый край.⁴
б. И забывай скорбей бывалых край.
10 Усталое ты сердце приучи,

Варианты публикации в ЛА-1912 и в ЛА-1914

- ³ как в ЧА ЗК₂₈
7–8 Как здесь страдали, гибли и боролись.
И забывай страстей бывалых край...

---

¹ Было: а. Да из церкви шли

б. И из церкви шли

² Было: По весне в чужу сторонку

³ гибли заключено в скобки.

⁴ скорбей вписано.

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

("Пришла порою полуночной...")

(С. 128)

Черновые наброски в ЗК₃₀ (ЧН ЗК₃₀)

И мы < > мы любили,
Был праздник – буря¹ и гроза –²
Когда над нами восходили
Ее звездистые глаза.
Как требовал, как плакал голос –
Его рыданий не избыть
В нем бушевала и боролась³
< >
И вечно юных < >
< >
Еще глаза глядят и светят,
А голос плачет и зовет.⁴
Как будто ветер тронул струны
В без < >
Как будто < >
< > рыдают серафимы,
Сложив испуганно крыла

Варианты Т₇

- Заглавие Памяти В.Ф. Коммиссаржевской († 10 февраля).
19 а. *как в основном тексте*
б. Не знаем. Умер струнный голос,
31 Пускай хоть Смерть понятней жизни,

Вариант публикации в "Ежегоднике императорских театров"

Без деления на строфы

Вариант НР₂ III₁ и III₁

- Заглавие На смерть Веры Федоровны Коммиссаржевской

---

¹ Незачеркнутый вариант: слезы

² Было начато: а. То было –

б. То был –

в. То праздник был

³ Было начато: В нем страсть

⁴ Было начато: Еще

ГОЛОСА СКРИПОК

("Из длинных трав встает луна...")

(С. 129)

Черновые наброски в ЗК₃₀ (ЧН ЗК₃₀)

Равнина (лунная) бледна¹
[Голова моя в росе]

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим в туман.²

[Щитом надежным от] земли³
Из грустных трав свой щит подняв
Рыданье скрипок мировых.⁴

Тянись, мой слух⁵
В отчизну скрипок мировых.
Визгливо злится мой⁶ смычок
В оркестр врываясь мировой.⁷

Варианты БА РГАЛИ

Заглавие *отсутствует*
Посвящение *отсутствует*

Без деления на строфы

5 Зачем в спокойный час торжеств

Варианты Т₇

Заглавие *отсутствует*

5 как в БА РГАЛИ⁸

Варианты публикаций в журн. "Аполлон" и "Музыка"

Посвящение *отсутствует*

---

¹ Записано чернилами.

² Было: Краснея сквозь туман. Возможен промежуточный вариант Щитом краснея сквозь туман.

³ Было начато: ^{a.} Из
^{b.} Д ( )

^{a.} Слепая даль

⁴ Было: В рыданьи скрипок мировых.

⁵ Вписано чернилами при незачеркнутом предыдущем варианте: И я тяну мой взор и слух

⁶ мой вписано.

⁷ Было начато: Рыдает другой Правка чернилами.

НА ПАСХЕ

("В сапогах бутылками...")

(С. 130)

Варианты ст. 9–16 ЧА ЗК₃₀

Без деления на строфы

Варианты ЧА ИРЛИ¹

- Заглавие *отсутствует*
- 1 *начато*: В сапогах бутылън < >◇
- 2 Квасом припомаженный◇
- 4 а. Ждет у крыльца
- б. Стоит под окном
- в. Стоит у крыльца◇
- 5–7 А в окне вертлявая◇
В фартучке с кружевцом
Румяная, курнося,
- 8 а. Господская мамзель.
- б. На тонких каблучках.

Варианты Т₈, БА ГПБ и публикаций в кн. "Альманахи стихов, выходящие в Петрограде" и журн. "Рабочий мир"

- Заглавие Гармоника
- 6 В фартучке с кружевом,◇ (Т₈)

Вариант НР СУ

- Заглавие Гармоника◇

"КОГДА-ТО ГОРДЫЙ И НАДМЕННЫЙ..."

(С. 130)

Варианты ЧА ЗК₃₁

- 5 И долго длится пляс жестокий◇
- 6 И все проходит предо мной◇
- 9–12 *отсутствуют*
- 13 а. *начато*: Да
- б. О, да, я был богат когда-то!
- в. О, как я был богат когда-то!
- 14 [И] < > легка.²

¹ Ст. 1–8 записаны карандашом после ст. 9–16 (чернила).

² Вписано позднее.

- 15 а. Враждой, любовью, славой, златом –
 б. Вражда, любовь, тоска и злато –
 в. Вражда, любовь и страсть и злато –
 2. Враждой, любовью, страстью, златом –
 д. Вражда, любовь, молва и злато –
 16 а. Но пуще – сонною тоской.
 б. А пуще – сонная тоска.¹◇

Варианты ст. 9–12 ЧА ИРЛИ

- 9 То, закружившись, вскинет руки,
 11 Сожмется вся в истоме скуки,◇
 12 И бубен выпадет из рук...◇

Варианты Т₈ и Изборника

- 3 а. как в основном тексте
 б. И я – прошу ее смиренно:²(Т₈)
 3 как в Т₈, вар.б (Изборник)
 5 а. как в основном тексте
 б. Она пустилась в пляс ужасный, (Т₈)
 5 Она пустилась в пляс ужасный, (Изборник)
 7 а. как в основном тексте
 б. Многообразной и прекрасной (Т₈)
 7 Многообразной – и прекрасной, (Изборник)
 13 а. как в ЧА ЗК₃₁, вар.б
 б. как в ЧА ЗК₃₁, вар.в◇ (Т₈)
 14 а. как в основном тексте
 б. А что тут стоит пятака: (Т₈)
 14 А что тут стоит пятака? (Изборник)
 16 а. как в основном тексте
 б. А пуще – одурь, да тоска. (Т₈)
 16 А пуще... одурь, да тоска! (Изборник)

Вариант БА РГБ и публикации в БВ

Заглавие Тоска

¹ Возможен промежуточный вариант: А пуще – сонною тоской.

² я зачеркнуто карандашом.

"ГДЕ ОТДАЕТСЯ В ДЛИННЫХ ЗАЛАХ..."

(С. 131)

Первоначальная редакция в ЗК₃₁ (ЧА ЗК₃₁)

Где раздаётся в длинных залах¹
Безумных троек тихий лет,
Где вина теплятся в бокалах –²
Там возникает хоровод.
Шурша, звеня, вивясь, белея³
Идут по медленным кругам⁴
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

(10) Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу,
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка – в нем сладость⁵
Забвенья всех прожитых дней⁶
И вся неистовая радость⁷
Грядущей гибели твоей!⁸

(20) Лишь обреченных – тех тревожит⁹
Неведомое с детских лет,
И, кто назначен, тот не может
Не целовать воздушный след

---

¹ Было: *а. начато:* Где в

б. Где раздаётся в тихих залах

² Было: Где вина искрятся в бокалах

³ Было *начато:* Шурша, вивясь, белея

⁴ Было: *а.* По кругу медленно идут

б. Идут неспешно по кругам

⁵ Было: *а.* О, не бери цветка – в нем жало

б. О, не бери цветка – в нем сладость (*незачеркнутый вариант*)

⁶ Было *начато:* Забвенье жизни

⁷ Было: *а. начато:* В нем

б. И в нем же – бешеная радость

⁸ Было *начато:* Грядущих (?)

⁹ Было *начато:* *а.* Но кто назначен, – тот не может

Не ( )

б. Но обреченных – их тревожит

Между (20) и (21) [И рано ль, поздно ль – все святое¹
Погаснет в зорях, испарясь,²
А все земное, роковое³
Сплетет таинственную вязь

И станет мир – игрою Рока,⁴
В душе, утратившей Царя,⁵
Взойдет просторно и широко⁶
Иная – мгlistая заря]⁷

Он призван, тайно пламеня,⁸
В бездонный сумрак снизойти⁹
Где нежная рука, белея,¹⁰
Уводит с ясного пути.¹¹

---

¹ Было: Их все земное, роковое

² Было начато: ^a. По ( )

^b. Ро ( )

^c. В круженьи танца (описано позже)

Возможен вариант: В круженьи танца испарясь,

³ Было: И все земное, роковое

⁴ Было: ^a. начато: И будет мир

^b. начато: И будет в мире

^c. И будет мир – игрою теней,

Возможен промежуточный вариант: И станет мир – игрою теней

⁵ Было начато: ^a. Ни свет, ни мгла –

^b. Взойдет

⁶ Было начато: Взойдет играя

⁷ Далее начато и зачеркнуто: ^a. И под зарей – с цветком увялым
Застанет

^b. И под зарей – с цветком увялым
Его застигнет

⁸ Было начато: ^a. Идет, стопой

^b. Идет, дрожа и пламеня,
Он, в

^c. Идет, дрожа и пламеня,
Куда ведет ее рука

⁹ Было: ^a. В бездонный погружаться мрак

^b. В бездонный погрузиться мрак

¹⁰ Было: ^a. Лишь тонкая рука, белея,

^b. Где лишь ее рука, белея,

^c. Где тонкая рука, белея,

Дальнейшая правка – чернилами.

¹¹ Было: ^a. Путь озаряет, как маяк.

^b. Уводит с правого пути.

Там все – игра огня и рока¹
И только в горький час обид²
Из невозвратного далека
Печальный Ангел просквозит.³

Далее следовали наброски:

[И там в ином померкшем мире]
Не [может] властен не коснуться праха

И там [пер ( )] в стр ( )
Переключанье голосов
Не ты ль

Варианты Т₇

Заглавие Хоровод
1 как ст. (1) ЧА ЗК₃₁◇
Между 16 и 17 было: как ст. (17–20)³, (21–24) в ЧА ЗК₃₁
17 Где все игра огня и рока,◇

Варианты публикации в журн. "Свободным Художествам"

Заглавие как в Т₇
1 как ст. (1) ЧА ЗК₃₁
14 Забвенья всех прожитых дней.
Между 16 и 17 как ст. (17–20), (21–24) в ЧА ЗК₃₁
17 Где все – игра огня и рока,

"СЕГОДНЯ ТЫ НА ТРОЙКЕ ЗВОНКОЙ..."

(С. 131)

Варианты Т₇ и публикаций в РМ, III₁ (НР₂ III₁)

Заглавие Большая дорога
19 В кустах темнеющего поля◇ (НР₂ III₁)

¹ Было: ^a. Там все предстанет небывалым,

^b. Но все предстанет небывалым,

^c. И все предстанет небывалым,

². Где все – в игре огня и рока

² Было: ^a. *начато*: Там нет возврата

^b. *начато*: Там в невозврат ( )

^c. Лишь в горький час обид

³ Было: Печальный залетит привет

"В НЕУВЕРЕННОМ, ЗЫБКОМ ПОЛЕТЕ..."

(С. 132)

Черновой набросок в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

Что под легкую музыку вальса¹
Остановится сердце и винт²

Варианты Т₇

- 10 а. Пусть с трибуны музыка гремит,
б. Пусть оркестр над трибуной гремит,[◇]
12 Остановятся сердце – и винт.

Варианты БА₁ РГАЛИ, НР₂ III₁ и III₁

Заглавие Аэроплан

- 10 как в Т₇, вар.б (НР₂ III₁)

"БЕЗ СЛОВА МЫСЛЬ, ВОЛНЕНИЕ БЕЗ НАЗВАНЬЯ..."

(С. 132)

Варианты Т₇

- 7 Чтоб ни было, – Ты помни, вспомни что-то,
13 Чтобы сквозь сон бытийственных мечтаний,[◇]

"ВЕТР НАЛЕТИТ, ЗАВОЕТ СНЕГ..."

(С. 132)

Черновой набросок в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

Ветр налетит, завоет снег
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
А цвет увял, под снегом никнет.

И шелестят в траве сухой³
Мои < > [мои] болезни
И ночь. И в ночь тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне

[Снег под ногою захрустит]

¹ Было начато: Чтоб

² Далее следуют наброски к стих. "Авиатор".

³ Было: И шелестят сухой травой

Вариант Т₇

11 *начато*: И вдруг◊

"ШАР РАСКАЛЕННЫЙ, ЗОЛОТОЙ..."

(С. 133)

Вариант Т₇

Посвящение Посвящается Б.А. Садовскому.

Варианты БА₁ РГАЛИ и БА₂ РГАЛИ

Посвящение *отсутствует (БА₁ РГАЛИ)*

Посвящение Б.А. Садовскому (*БА₂ РГАЛИ*)

"СКВОЗЬ СЕРЫЙ ДЫМ ОТ КРАЮ И ДО КРАЮ..."

(С. 134)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. Сквозь серый дым – от краю и до краю
- б. Сквозь черный дым – от краю и до краю
- в. *как вар.а*
- 9 а. И в чем ( ) спорит в сумрак будень
- б. И чем он громче спорит с мглою будней
- 11 а. Тем в этот век железный, непробудней
- б. Тем, кажется, железней, непробудней◊
- 12 а. Наш тяжкий сон.
- б. Мой тяжкий сон.

ИСПАНКЕ

("Не лукавь же, себе признаваясь...")

(С. 135)

Варианты Т₇ и III₂

5–8 *зачеркнуты (Т₇)*

5–8 *отсутствуют (III₂)*

"В НЕБЕ – ДЕНЬ, ВСЕХ НОЧЕЙ СУЕВЕРНЕЙ..."

(С. 136)

Вариант Т₇ и публикации в СЗ

Заглавие Белая ночь

"В СЫРОМ НОЧНОМ ТУМАНЕ..."

(С. 136)

Черновые наброски в ЗК₂₇ (ЧН ЗК₂₇)

В сыром сыром тумане
Мигает огонек
И тихие герани
В окошечке твоём

Неведомо несчастным
Быльем поросла

Попробуй-ка – доедешь
Забудешь обо всем

За полем – поле

Варианты Т₇

Заглавие Навождение
3 В глухом лесном бурьяне

*Варианты публикаций в газ. "Русская молва" (РМолва
в "Новом журнале для всех" (НЖДВ) и СУ*

Заглавие как в Т₇ (РМолва, НЖДВ)
С делением на четверостишия

СЕДОЕ УТРО

("Утреет. С Богом! По домам!..")

(С. 137)

Черновые наброски ИРЛИ (ЧН, ИРЛИ)

За сеткой¹ дождевой заря
Желтела
[И пальцы в кольцах]
Тонкие бледные² руки
В кольцах серебряных

Тонкие руки цыганские³
В кольцах серебряных

¹ Было: За сетью

² бледные вписано.

³ Было: цыганских (?)

Черновые наброски ИРЛИ (ЧН₂ ИРЛИ)

Уже не вспыхивает взгляд,
Как на эстраде под гитару

Мгновенная любовь прошла
Подернут пеплом уголь взора

"Любила, барин, я тебя.
Цыганки мы – народ рабочий..."¹
[И² я, уж тоже не любя],
Гляжу я в утренние очи, –³
Уж в половину разлюбля...⁴

Черновые наброски ИРЛИ (ЧН₃ ИРЛИ)

Так этот голос пел вчера⁵
Там под гитару на эстраде⁶
И в этом странно черном взгляде⁷
Я черпал счастье до утра?

Плечо откинута назад –
Задор свободы и разлуки...⁸
А⁹ я – который раз подряд
Целую кольца, а не руки!¹⁰

Гляжу, сжимая пальцы ей

Черновые наброски ИРЛИ (ЧН₄ ИРЛИ)

[Все еле видно]

Чуть брежит тройка в дождевой¹¹
Передраассветной мгле докучной,¹²
И взгляд, недавно¹³ огневой,
Подернут пеплом. Скучно, скучно.

---

¹ Было начато: Цыгане мы,

² Было: А

³ Было: ^a. Смотрю в тускнеющие очи, –
^b. Смотрю я в утренние очи, –

⁴ Было: Лишь в половину разлюбля...

⁵ Было: Так этот взгляд горел вчера

⁶ Было начато: Там на

⁷ Было начато: И этот потускнев(ший?)

⁸ Было: ^a. начато: Ты вся
^b. Задор свободы и разлуки,

⁹ Было: И

¹⁰ Было: Холодные целую руки!

¹¹ Было: Чуть брежит тройка в темноте

¹² Было: ^a. И ранней (?) мгле докучной,
^b. В передраассветной мгле докучной,

¹³ Было: доселе

Черновые наброски ИРЛИ (ЧН₅ ИРЛИ)

В глаза усталые гляжу,
Сжимая пальцы ей до боли...¹

Что на прощанье ей скажу?
Ведь нам уж не встречаться боле.²

И как (   )

Как мальчик шаркнув, мне поклон
Учтиво (   )
И звякнул о браслет жетон –
Воспоминанье "Невечерней".

Варианты ЧА ИРЛИ

Заглавие	<i>отсутствует</i>
Эпиграф	<i>отсутствует</i>
1	<i>начато: Уж утро.</i> ◊
2	<i>начато: Поскрипывают</i> ◊
3	<i>Ты жмешь к моим губам</i> ³ ◊
Между 4 и 5	[В накидке черной ⁴] [И белый ряд твоих] [Чуть виден загородный сад В глубоких сумерках Твоих зубов блестящий ряд]
7а.	<i>начато: Плечо</i>
б.	<i>В плече, откинута назад,</i>
9	<i>Но еле видная во мгле,</i> ◊
10 а.	<i>Она не та, не огневая,</i>
б.	<i>Она, как уголь, в пепле сером</i>
в.	<i>начато: За дождевой</i> ◊
Между 12 и 13: (13–16)	"Любила барин я тебя... Цыганки мы – народ рабочий..." И вполовину разлюбя Смотрю в тускнеющие очи...
13 а.	<i>Уже (ли) этот голос пел</i>
б.	<i>Не этот голос пел вчера</i>

¹ *Вместо первых двух стихов было: Сжимая пальцы ей, гляжу*

² *Было начато: Ведь мне*

³ *Начата правка: Устало*

⁴ *Было начато: Ты*

- в. Нет, я до этого утра¹
 з. Нет, я сегодня до утра◇
 14 а. В другом не в этом взгляде,²
 б. Я почерпал не в этом взгляде,
 в. Я находил не в этом взгляде,
 15 а. *как в основном тексте*
 б. Гитара старая вчера
 в. Не этот голос звал вчера◇
 17 Как мальчик шаркнув, мне поклон
 18 Отвесила. "Ну, до свиданья..."◇
 21 а. *начато*: А я молчу и вслед
 б. *начато*: Молча◇
 23 а. Что на прощанье ей скажу?
 б. Ведь нам уж не встречаться боле, –
 Вм. 25–32: Прощай, возьми еще колечко³
 Чтоб руку тонкую⁴ твою◇
 И смуглое сковать⁵ сердечко◇
 В серебряную чешую,
 [Воспоминанье притуши
 И путь снежком запороши.]⁶

Варианты Т₈

- Заглавие Седое утро (Разлука)
 Эпиграф *отсутствует*
 Между 12 и 13: (13–16) – Любила, барин, я тебя...
 – Цыганки мы – народ рабочий...
 И, вполовину разлюбя,
 Смотрю в тускнеющие очи...⁷

Варианты БА РГАЛИ и публикации в сб. "Сирин"

- Заглавие Разлука◇ БА РГАЛИ
 Эпиграф *отсутствует*
 Между 12 и 13: (13–16) *как в Т₈*⁸

¹ Было *начато*: Нет

² Вар. б – синим карандашом

³ Далее было *начато*: Н

⁴ Исправлено: смуглую

⁵ Исправлено: заковать

⁶ Далее было *начато*: ^аТы мне была, как жизнь и радость

^б Была ты как

^в Была ты счастьем (?) и свободой

⁷ Строчка позднее зачеркнута. Ниже записан основной текст ст. 28–32.

⁸ В БА РГАЛИ строфа впоследствии зачеркнута.

"ЕСТЬ ВРЕМЕНА, ЕСТЬ ДНИ, КОГДА..."

(С. 138)

Черновой набросок ИРЛИ (ЧН ИРЛИ)

Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 Есть и другие дни, когда[◇]
3 а. И не спастись ни в ласке нежной,¹
Ни в ( )
б. *как в основном тексте*
Между 4 и 5 *начато:* а. Тогда безумье бьет
б. Тогда все
9 а. Пол-сердца – в грозовом затишьи
б. Пол-сердца – грозовая туча[◇]
10 а. Пол-неба – зарево зари²
б. *начато:* Вся
в. *начато:* Под нею
г. Под ней – все дико
д. Пред ней – весь мир уже не тот[◇]
14 И, задыхаясь – не дыша,³
15 Уже во всем тебе послушна[◇]
16 Досель упрямая душа!⁴ [◇]

"Я ВИЖУ БЛЕСК, ЗАБЫТЫЙ МНОЙ..."

(С. 138)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие На балу
1 Твой южный блеск, забытый мной,[◇]
2 Дай мне услышать на мгновенье⁵ [◇]
3 *начато:* Сквозь⁶ [◇]
4 а. *начато:* И

---

¹ Было *начато:* а. И нет

б. И не спастись

² Было *начато:* а. И душно

б. Как гр ( )

³ Было: а. *начато:* И новой

б. *как в основном тексте*

⁴ Далее было *начато:* И только

⁵ Было *начато:* Дай мне расслышать в

⁶ Было *начато:* а. Г

б. В

- б. Тот голос – низкий и грудной,
 5 Которым встретила подруга ◊
 6 а. На первую любовь мою,
 б. На первую мою любовь,
 в. *как вар. а*
 7 а. Каким доньше вновь и вновь
 Мне
 б. Который ныне вновь и вновь
 Мне
 в. Который ныне узнаю
 9–10 а. Когда все минуло давно,
 И лишь чужие ( ) страсти¹
 б. *начато*: Все миновалось
 в. *как в основном тексте*
 11 *начато*: Напоминают мне ◊

Варианты Т₈ и БА РГАЛИ

- Заглавие [На бале]
 7 *как в ЧА ИРЛИ, вар. в ◊ (БА РГАЛИ)*

Вариант публикации в сб. "Сирин"

- Заглавие На бале

"ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО Я ДРЕМЛЮ..."

(С. 138)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

1. Наброски

Ты говоришь, что без улыбки²
 На жизнь³
 Весь – ожиданье, весь –

Придет

Ты знаешь, я пришел из стран,
 Где вечный снег⁴ и вой метели

¹ Было *начато*: Когда

² Было *начато*: Да, без улыбки

³ Было *начато*: П

⁴ Было: лед

И я боюсь тебя назвать¹
По имени – зачем мне имя?
Дай мне сначала созерцать
Очами жадными моими
Твой южный блеск, забытый мной,
Твой

II. Варианты

- 1 Ты говоришь, что я – во сне, ◇
2 а. *начато*: Что
б. Ты унизительно хохочешь,
4 Произнести сто раз: "люблю". ◇
5 Твой голос южный. Твой стан² ◇
10 а. И облак душного тумана
б. И душный облак над тобою,
11 *начато*: Ты все еще – ◇
12 Тебя за пылью снеговой ◇
15 Дай мне сначала созерцать ◇
17–18 а. Твой³ южный блеск, забытый мной
На ледяных пустынях⁴
б. Твой южный блеск, забытый мной
Напоминающий мне страстно⁵ ◇
19 *начато*: О том, что было ◇

Варианты БА, РГАЛИ

- 5 Твой [южный] голос томен. Стан
17 Твой [южный] блеск, забытый мной,

Варианты публикации в III₂

1–4, 9–12 отсутствуют

---

¹ Было *начато*: Ты

² Было *начато*: Твой южный голос

³ Было: Весь

⁴ Было: На снежных и ночных пустынях

⁵ Было: Напоминающий мне смутно

"ВАШ ВЗГЛЯД – ЕГО МНЕ ПОДСТЕРЕЧЬ..."

(С. 139)

Черновые наброски ИРЛИ (ЧН ИРЛИ)

Украдкой ты согласишься вслед¹
Мне, непонятному скитальцу
Тревожно шолк зашевелят²
Твои трепещущие пальцы³

Украдкою скользнет⁴ твой взгляд
Вослед угрюмому скитальцу

Ты молчалива – слишком речь⁵
Твоя страстна (   )
И взглядом ты боишься сжечь⁶

И взглядом вы боитесь сжечь⁷
Преграды, вставшие меж нами.

Не поднимаете вы глаз

И уклоняете вы взгляды,
Затем, что взгляды могут сжечь⁸
Меж нами вставшие преграды.

Варианты ЧА ИРЛИ

- 5 Когда же отойду я в тень ◊
6–7 Колонны мраморной и стану ◊
Скрестивши руки ◊
9–10 Вослед угрюмому скитальцу⁹
Тогда скользнет ваш беглый взгляд,
13 Завижу хлынувшую кровь ◊
14 а. Сквозь кружевную полумаску
б. *начато*: Не скроет
в. И кружевная полумаска ◊
15 И в трепетаньи плеч послушных ◊

¹ *Было*: Ты удивленно смотришь вслед

² *Было*: Шолк (   ) зашевелят

³ Знаком указано на перестановку ст. (1–2) и (3–4).

⁴ *Было*: скользит

⁵ *Было начато*: Молчишь ты

⁶ *Было*: Но взглядом ты боишься сжечь

⁷ *Было начато*: Вы

⁸ *Было*: а. *начато*: Как будто ими

б. Да, ваши взгляды могут сжечь

⁹ *Было начато*: Тогда

"НАТЯНУЛИСЬ ГИТАРНЫЕ СТРУНЫ..."

(С. 140)

Черновой автограф в ЗК₄₁ (ЧА ЗК₄₁)

I. набросок

[В серебре смуглые руки,
Очи сияют твои.¹]

II. Варианты

- 1 Натянуты злые гитарные струны,² ◇
2 И сердце готово звенеть.³ ◇
5 И старик в черном бархате⁴ ◇
6 Топнул ногой. ◇
7 *начато*: И меня ◇
9 Вот гортанные дикие звуки ◇
11 а. В светлом серебре – смуглые руки
б. Словно в серебре – смуглые руки
16 а. Вот оно!
б. На, лови!

Варианты Т₈

Посвящение К.К.П (рохоровой)⁵
13–16 *зачеркнуты*

Варианты публикаций в журн. "Отечество" и III₂

Заглавие Цыганка (*Отечество*)
13–16 *отсутствуют (III₂)*

Вариант Кор₂ Земли

Посвящение К.

¹ Было: Очи глядят и не видят.

² Было: а. *начато*: Тронуть гитару
б. В злые гитарные струны,

³ Было *начато*: Как

⁴ Было: И старик (в) безрукавке

⁵ Вписано позднее карандашом.

"ТЫ – БУЙНЫЙ ЗОВ РОГОВ ПРИЗЫВНЫХ..."

(С. 140)

Черновые наброски в ЗК₂₀ (ЧН ЗК₂₀)

[Тоскою] песен заунывных¹
[Простором рек]
И серый ветер с рек разливных

Люблю тебя, как бедный странник
Свой посох и суму свою,²
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие Кому-то
- 1 а. В тебе – есть звук рогов призывных,
б. Ты – голоса рогов призывных,³ ◇
- 2 а. (   ) на ложный след,⁴
б. Влекущий⁵ на неверный след.
3 Есть – серый ветер рек разливных, ◇
4 Обманчивый, могильный свет.
- 5–6 Люблю тебя, как любит странник
Свой посох и суму свою.⁶
- 9–12 Но образ твой – он мне неведом,⁷
Твоя мне непонятна власть.
Но ты ведешь меня к победам,⁸
Как вождь, и губишь ты, как страсть.⁹

---

¹ Было начато: К печали

² Было: Люблю тебя, как любит странник
Свой бедный посох и суму

³ Было начато: Ты – голос

⁴ Было начато: а. Которым
б. Ука (   )

⁵ Было: а. Зовущих
б. Влекущих

⁶ Было: свою,

⁷ Было начато: Но я не знаю, кто ты

⁸ Было: а. начато: Но
б. Лишь знаю: ты ведешь к победам,
в. Но ты, как вождь, ведешь к победам,

⁹ Было: а. Испепеляющая страсть.
б. как в основном тексте
в. И сожигаешь ты, как страсть.
г. И вместе губишь ты, как страсть.

Варианты Т₈

- Заглавие Неотступное
5–6 а. Люблю тебя, как любит странник
Свой посох в неродном краю,
б. как в основном тексте¹
9–10 а. как в ЧА ИРЛИ
б. как в основном тексте²

Варианты БА РГАЛИ, БА₁₋₂ ГПБ, публикации в БВ и Изборника

- Заглавие как в Т₈
5–6, 9–10 как в Т₈, вар. а (БА₁₋₂ ГПБ³, БА РГАЛИ, БВ)
Люблю тебя, как любит странник[◇]
Свой посох в неродном краю,[◇] (Изборник)

"КАК ДЕНЬ, СВЕТЛА, НО НЕПОНЯТНА..."

(С. 140)

Варианты ЧА ЗК₁₈

- 1–2 а. Как день ясна,⁴
Проста, понятна,
б. Как день светла
И непонятна
в. Как день светла, но непонятна,
Вся явь, но будто ( ) сна⁵
2. Как день светла, но непонятна,
Вся явь, но, как обрывок сна,
4 а. Как входит ранняя весна.
б. начато: И с нею
5
Вот здесь – садится. Здесь болтает.⁶
6
И любит подразнить меня⁷ ◇
7 а. И рассказать, как всякий знает
б. И намекнуть, что всякий знает[◇]
После 8 начато: [Она, как ветер, как стихия,
Но проще видел ли⁸
( )

¹ При незачеркнутом вар. а.

² При незачеркнутом вар. а.

³ В БА₂ ГПБ в ст. б первоначально было: Свой посох и суму свою,

⁴ Было: Как день проста

⁵ Было начато: Она яснее

⁶ Было: а. Вот здесь – садится. Здесь проходит

б. Вот здесь – садится. Здесь болтает,

⁷ Было начато: И мучит

⁸ Было: Но проще девушки

- Она]
- 9 А я, не вслушиваясь строго,¹
 10 *начато*: С улыбкой[◇]
- 11 а. Как расцветет ее тревога
 б. Смотрю как ширится тревога[◇]
- 13 а. Когда ж² заслушаюсь той речи,
 б. Когда ж заставят вздрогнуть речи,[◇]
- 15 И я влюблюсь³ в глаза и в⁴ плечи
 16 Как в жизнь, как в ветер, как в стихи, –⁵
 17 Бряцая кольцом запястья,[◇]
- 18–19 а. Речь оборвав, твердит сама,⁶
 Что сила юности и страсти –
 б. Речь оборвав, она сама
 Уже твердит, что сила страсти –

Вариант Т₈

- 19 Твердит, что сила страсти – ◇

Вариант публикации в "Новом журнале для всех"

Заглавие Она

Вариант НР СУ

- 16 Как в синий ветер, как в стихи, – ◇

"ПЕТЕРБУРГСКИЕ СУМЕРКИ СНЕЖНЫЕ..."

(С. 141)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

I. набросок

Усталая, влюбленная и злая

Больная усталая злая влюбленная

II. Варианты

Посвящение Л.А.Д.

- 1 а. В петербургские сумерки белые
 б. Петербургские сумерки снежные...
 2 а. Взгляд на улице, дома – цветы
 б. Взгляд на улице, розы – в дому...

¹ Было *начато*: А я

² Было: же

³ Было: влюбляюсь

⁴ в *вписано*

⁵ Было: Как жизнь, как ветер и стихи, –

⁶ Было *начато*: а. Сурово

б. И речь

- 3 а. Мысли смутные, страстные, нежные, –
 б. Мысли, точно у девушки, нежные,
 5 а. Все смотрюсь в это зеркало сонное,¹
 б. Все гляжусь в мое зеркало сонное,
 7–8 а. Вон усталое, злое, влюбленное,
 Мне навстречу чуть (   ) лицо.
 б. Вон лицо мое злое, влюбленное...:
 Мне давно надоело оно.²◇
 9–11 а. Завивать надоело мне волосы,³
 Я люблю только руки свои
 Да еще (   )
 б. Эти длинные⁴ рыжие волосы,
 Эти (   )
 И (   ) низкого голоса
 в. (   ) низкого голоса
 И открытые руки мои,
 Мои тонкие, рыжие волосы, –⁵
 12 Как давно они стали ничьи...⁶
 13 а. Муж ушел. Свет такой безобразный –
 б. Муж ушел. Свет какой безобразный...
 14–16 а. Все же кровь розовеет в руке...
 Так и есть... ах, какой неотвязный!⁷
 Он стоит на углу в котелке.⁸
 б. Все же кровь розовеет – на свет...⁹
 Погляжу-ка, он там, или нет...
 Так и есть... ах, какой неотвязный!

Варианты Т₈

- Посвящение   как в ЧА ИРЛИ
 15   Погляжу-ка, он там, или нет...

Вариант публикации в СУ

- 7   Вот лицо мое – злое, влюбленное!

¹ Было начато: П (   )

² Было: (   ) в зеркалах.

³ Было начато: Надоели мне

⁴ Было: тонкие

⁵ Было: И мои рыжеватые волосы, –

⁶ Было: начато: Ведь они

⁷ Было: Так и есть: неотвязный какой!

⁸ Ст. 15, вар. а и 16, вар. а заключены в скобки.

⁹ Было начато: Все же пальцы

"СМЫЧОК ЗАПЕЛ. И ОБЛАК ДУШНЫЙ..."

(С. 142)

Черновой набросок в ЗК₂₄ (ЧН ЗК₂₄)

И сердце пело, пело, пело...¹
Когда ж оборвалась струна, –²
Кругом рыдала и звенела³
И содрогалась тишина.

Мы поняли, что эти звуки –⁴
Сама любовь, сама гроза...⁵
Пугливые сближались руки
И жгли смеженные глаза...

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1–2 а. Смычок запел, и облак душный⁶
Над нами встал
б. Смычок запел, и в облак душный
Горячие струи
в. Смычок запел, и в облак душный
Струя
г. Смычок запел, и в облак душный
Вошли
д. Смычок запел, и облак душный
Над нами встал. И соловьи
4 В объятя жаркие мои
5 а. И сердце пело, пело, пело,
б. И сердце за смычком⁷ запело,
8 а. И содрогалась тишина
б. Как в вешней роще, – тишина
9 а. Мы поняли, что эти звуки
б. И в замирающие звуки
в. *начато*: И так же[◇]
10 а. Сама любовь, сама гроза...
б. Вступала синяя гроза...[◇]

---

¹ Было: а. *начато*: А сердце, се(р)дце)

б. И сердце пело, пело, пело,

² Было *начато*: Оборвалось

³ Было: Еще рыдала и звенела

⁴ Было: звуки,

⁵ Было: а. *начато*: Когда

б. Сама весенняя гроза...

⁶ Было *начато*: На бале в час

⁷ Было: со смычком

- 11 а. *начато и не зачеркнуто*: Уже
б. *как в основном тексте*¹
После 12 Не соловей, то скрипка пела...²

*Варианты публикаций в сб. "Артист солдату" (АС),
в "Свободном журнале" (СЖ) и СУ*

Заглавие Скрипка (АС)
С делением на четверостишия (СЖ, СУ)

"ТЫ ЖИЛ ОДИН. ДРУЗЕЙ ТЫ НЕ ИСКАЛ..."

(С. 142)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. Да, счастья не нашел. И собственной рукой³
Убил все то
б. Да, счастья не нашел и не сумел прожить.
в. Он шел один. Друзей он не искал
2. Ты жил один. Друзей ты не искал
3 Ты острый нож убийственно вонзал⁴
4 *начато*: В открытую⁵
5-8 а. Зачем, зачем? Ты мог бы счастлив быть?⁵
О нет! Во тьме ночной, стоокой⁶
Мы⁷ все равно не можем сохранить
И в тайне сохранить глубокой
Неумирающего.
б. Безумный друг! Ты мог счастливым быть!⁸
О нет! В окрестной тьме стоокой
Мы все равно не можем сохранить
Души прозрачной и глубокой.
в. Безумный друг! Ты мог счастливым быть! –
Зачем? – Средь бурного ненастья
Мы все равно не в силах сохранить
Неумирающего счастья⁹

¹ В ЧА ИРЛИ и в Т₈ в ст. 11 запятая не поставлена, в результате чего возникает неверное прочтение ст. 11–12.

² Было: Не вешний лес, – то скрипка пела...

³ Было *начато*: Да, счастья не умел

⁴ Было: И острый нож вонзал

⁵ Было *начато*: а. Все, что манило

б. Сначала

⁶ Было *начато*: Но дух

⁷ Было: Ты

⁸ Было: Безумный дух! Ты мог счастливым быть! –

⁹ Было *вписано*: для счастья

Вариант Т₈

- 7 а. Мы все равно не в силах сохранить
б. Мы все равно не можем сохранить¹

Варианты БА ГЛМ и публикации в ГЖ

- Заглавие Один
7 как в ЧА ИРЛИ, вар. в

"ПРЕВРАТИЛА ВСЁ В ШУТКУ СНАЧАЛА..."

(С. 142)

Варианты ЧА ЗК₄₇

- 7 а. Вдруг припомнила вновь – про ⟨?⟩
б. Вдруг припомнила вновь – зарыдала,
9 а. Подурнела, пошла, воротилась,
б. Подурнела, ушла, воротилась,[◇]
10 *начато*: И опять[◇]
11 Прокляла и спиной повернулась
Перед 13 И когда шелестящее платье²
На последней ступеньке
14 а. И впадая ⟨ ⟩ забытье
б. За ⟨ ⟩ дело свое
16 а. Отшумела, как платье ее.
б. Как нарядное платье ее.[◇]

Вариант публикации в БВ и журн. "Северный луч"

- Заглавие Она

"ТА ЖИЗНЬ ПРОШЛА..."

(С. 143)

Черновой набросок в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

И ночь пришла.
Бесстрашная – глядит
В окно мое.

Варианты ЧА ИРЛИ

- 2–3 И сердце тихо спит,[◇]
Давно.[◇]
4 И ночь пришла,^{3◇}

¹ Вар. б вписан при незачеркнутом вар. а.

² Было: И пока шелестящее платье

³ При правке дважды вписано сверху слово опять; один раз зачеркнуто.

- 6 В окно мое.◇
 Между 6 и 7 И белый снег¹
 Пошел, и чар²
 Не разобьет³
 [Блаженный брег –
 Он далеко. И чар
 Не отогнать.]
 Ни голос нег,
 Ни пламенный пожар,
 9 Тех сонных чар⁴◇
 10 И не вернуть тех летних нег,⁵◇
 11 И странно вспомнить◇

Варианты публикаций в журн. "Вершины" и в СУ

С делением на трехстишия

- 5 Бесстрашной⁶ – глядит (Вершины)

"БЫЛА ТЫ ВСЕХ ЯРЧЕ, ВЕРНЕЙ И ПРЕЛЕСТНЕЙ..."

(С. 143)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 3 А поезд летит, как цыганская песня,◇
 5–8 а. Неповторимо, невозвратно,⁷
 Всему, что было, – прости
 Лети же, лети ( ) мимо
 Опять в неизвестность – лети!
 б. Что было любимо, – все мимо, все мимо,⁸◇
 Впереди – неизвестность пути...
 Неповторимо, невозвратно,◇
 Благословенно◇

¹ Было: И тихий снег

² Было: ^{а.} начато: Пошел, и сонный
^{б.} Пошел, и сонных чар

³ Было: Не отогнать

⁴ Было начато: И сонный

⁵ Было начато: Не разобьешь

⁶ Возможно, опечатка.

⁷ Было начато: Но неповторимо и

⁸ Было начато и не зачеркнуто: Была ты

"РАЗЛЕТЯСЬ ПО ВСЕМУ НЕБОСКЛОНУ..."

(С. 144)

Первоначальная редакция в ЗК₂₄(ЧА ЗК₂₄)

Разлетясь по всему небосклону,¹
Огнекрасная туча идет.²
Я пишу в своей келье Мадонну³
Я пишу – моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот он – творческий сон белоснежный,⁴
Два небесных, два легких крыла.

(10) Огнекрасные отблески ярче
Здесь на влажном моем полотне,⁵
Беззакатная дума все жарче
Обнимает – прильнула ко мне

Тишина моя шепчет: не трогай,⁶
Красота моя шепчет ( )
А уж там, за окном, на дороге⁷
Полыхает огонь грозовой⁸

Варианты ЧА ИРЛИ

3–4 Я [пи(шу)] в моей келье Мадонну
Я ( ) моя дума растет
5 как ст. (5) ЧА ЗК₂₄
7 Засияли красой белоснежной⁹
9 как ст. (9) ЧА ЗК₂₄
10 ( ) на влажном моем полотне
11 [Бе] дума все жарче

¹ Было начато: Разб ( )

² Было: ^a начато :Буревестники близятся

^b Буревестники-тучи пришли.

³ Было начато: ^a Я

^b Я пишу мо( )

⁴ Было начато: ^a Вот еще

^b Вот еще

⁵ Было начато: На

⁶ Было начато: И теряясь

⁷ Было: А уж там, за окном, по дороге

⁸ Было: Приближается дождь грозовой

⁹ Было начато: Вот он – творческий сон

Варианты Т₈

- Заглавие Художник
5 Вот – я вычертил лик ее нежный,
10 а. Здесь, на влажном моем полотне,
б. На суровом моем полотне,
11 Беззакатная дума все жарче◇

Варианты публикации в БВ

- Заглавие как в Т₈
10 как в Т₈, вар. а
11 как ст. (11)ЧА ЗК₂₄

"ОН ЗАНЕСЕН – СЕЙ ЖЕЗЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ..."

(С. 144)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 а. Мы видим меч и жезл железный –¹
б. Он занесен – сей жезл железный –
3 Летим, клонясь² над страшной бездной,³
4 В зияющее царство тьмы...⁴
7 Тем лучезарнее и зримей
8 Небесный Свет Ее Лица.◇
10 а. Сынам отчаянья сквозит
б. Сквозит отчаянья сынам◇
11 а. Сквозит святое, голубое
б. Там голубое голубое
в. Уже уводит в голубое
12 Ее лазурная стезя.

Варианты Т₈ и БА РГАЛИ

- 3 Летим над грозной бездной◇ (Т₈)
7, 12 как в ЧА ИРЛИ
11 как в ЧА ИРЛИ, вар. в

Варианты публикации в журн. "Огонек"

- 7, 12 как в ЧА ИРЛИ
8 Сияние Ее лица.
11 как в ЧА ИРЛИ, вар. в

Варианты правки в Т₈-б.д.

¹ Было начато: Мы видим меч и жезл и

² Было: склонясь

³ Было начато: Мы наклонились

⁴ Было: Летим ( ) в царство тьмы...

- 7 как в основном тексте
 8 Сиянье Божьего Лица.¹
 11–12 как в основном тексте

*Варианты БА ИРЛИ, публикации в газете "Знамя труда" (ЗТ),
 Кор₂ Земли и НР СУ*

- 8 как в Т₈-б.д. (БА ИРЛИ, ЗТ)
 8 как в Т₈-б.д.◇ (Кор₂ Земли, НР СУ)

Варианты Изборника

- 7, 12 как в ЧА ИРЛИ

"ПУСТЬ Я И ЖИЛ, НЕ ЛЮБЯ..."

(С. 144)

Варианты ЧА ЗК₄₅

- 3–4 Где бы ни встретил тебя,²
 Все ты волнуешь мне душу.³
 7 а. Даже в беде и в разлуке⁴
 б. Даже внесешь ты в разлуке
 в. Вносишь ты даже в разлуке
 8 Очарованье свое.⁵
 9 И в одиноком моем,⁶◇
 10 Доме – немом⁷ и холодном,
 13 а. как в основном тексте
 б. Старые снятся свиданья◇
 16 а. Думы тобою замкнуты,⁸
 б. Нет без тебя мне приюта.⁹
 17–20 а. Кто бы ни звал – ни к кому¹⁰

¹ Вариант вписан при незачеркнутом предыдущем; зачеркнут при последующей правке, приводящей текст к основному.

² При данном незачеркнутом варианте вписан другой: Где я ни встречу тебя,

³ Порядок стихов приведен в соответствии с основным текстом.

⁴ Было начато: а. Все проливаешь ты

б. В ( )

в. ( ) вносишь

⁵ Далее начато и зачеркнуто: руки

⁶ Было начато: В комнате

⁷ Было: пустом

⁸ Было: а. начато: Мысли

б. Думы тобою сомкнуты,

⁹ Вар. б вписан при заключенном в скобки вар. а.

¹⁰ Было: а. начато: И никогда не

б. Кто б ни позвал – никому

в. Кто б ни позвал – ни к кому

- Мне не почувствовать нежность¹
 Не променять безнадежность²
 На <   >³
- б. Кто бы ни звал – не хочу
 <   >
- в. Кто бы ни звал – не хочу⁴
 Больше на новую нежность⁵
 Я променять безнадежность,
 И, замыкаясь, молчу.⁶

Вариант публикации в БВ

Заглавие Очарования сна

"ПРОТЕКЛИ ЗА ГОДАМИ ГОДА..."

(С. 145)

Черновой набросок в ЗК₄₅(ЧН₁ЗК₄₅)

Протекли за годами года
 И слепой <   > он⁷
 Вдруг отчетливо понял сквозь сон⁸
 Что она не любила его никогда
 Только встречным случайным он был⁹
 Первым встречным он был на пути¹⁰

А теперь – там мятеж, там война

Думы те же – и (песня) одна

Все минуты с другими отравлены ей

¹ Было начато: ^a Нежно(сть)
^b Не

² Было: ^a начато: И полюбить
^b И не променять безнадежность

³ Было начато: И не

⁴ Было начато: Пер <   >

⁵ Было начато: Я променять

⁶ Ст. 17–20, вар. в записаны на л. 9.

⁷ Было: ^a И слепому и глупому мне
^b И слепой и <   > он

⁸ Было: ^a Лишь сегодня приснилось во сне
^b начато: Вдруг увидел

⁹ Было: Только встречным случайным я был

¹⁰ Было: Только встречным я был для нее

Черновой набросок в ЗК₄₇(ЧН₂ ЗК₄₇)

Протекли за годами года
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда.

Только встречным случайным я был,
Первым встречным я был для нее

А теперь – там мятеж, там война

Думы те же ( ) и песня одна
Все минуты с другими отравлены ей

Варианты ЧА ЗК₄₈

- 6 Только встречным я был для нее[◇]
Между 6 и 7 [А теперь – там мятеж, там война
Думы те же и песня одна
Все минуты с другими отравлены ей]
- 7 Но младенческий пыл простыл,[◇]
9 А¹ душа моя также любовью полна
10 а. Думы те же, и песня одна
б. Та же дума, и песня одна

"ЗА ГОРАМИ, ЛЕСАМИ..."

(С. 145)

Черновой набросок в ЗК₄₅(ЧН₁ ЗК₄₅)

За горами, долами, лесами,²
За дорогами пыльными
Под другими цветешь небесами,

И когда засинеет гора,
Дол оденется зеленью³

Черновой набросок в ЗК₄₇(ЧН₂ ЗК₄₇)

За горами, лесами, долами
За дорогами пыльными
Под другими цветешь небесами

---

¹ Было: Но

² Было начато: За дорог(ами)

³ Было: а. Доли зеленью влажною

б. Или зеленью влажною

Так ты, душа, боясь вздохнуть,¹
Уже меняешь строй ( )²
И кровь бросается в ланиты
И слезы счастья душат грудь³

Варианты ЧА₂ ИРЛИ

- 3 Вдруг полыхнет зеленый свет, —◇
4 *начато*: И◇
8 При появлении Карменситы.◇

Вариант Т₈

Посвящение Л.А.Д.⁴

Варианты III₂ и Изборника

- Заглавие Кармен (*Изборник*)
Посвящение Л.А.Д. (*Изборник*)
7 И слезы счастья давят грудь (*III₂*)

"НА НЕБЕ – ПРАЗЕЛЕНЬ, И МЕСЯЦА ОСКОЛОК..."

(С. 151)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

I. Наброски

[И в верхнем этаже на миг окно зажжется⁵]
И ждет, и чутко ждет, чтобы⁶ не под зарею
В последнем этаже зажглось на миг окно⁷
Не от одной зари зажглось ее окно.⁸

II. Варианты

- 5 а. *начато*: И смотрит, в вышину
б. Что месяца нежней, что зорь зеленых выше?⁹◇
8 а. Горит одно окно не от одной зари...
б. Окно, горящее не только от зари...

¹ Было: Так ты, душа, меняешь строй

² Вписано.

³ Было: И слезы душат грудь

⁴ Посвящение вписано позже.

⁵ Было *начато*: И верхнее окно

⁶ Было: чтоб

⁷ Было: На верхнем этаже зажглось на миг окно

⁸ Наброски зачеркнуты.

⁹ Было *начато*: И

- Посвящение: Л.А.Д.
 8 а. как в ЧА ИРЛИ, вар.б
 б. как в основном тексте¹

"ЕСТЬ ДЕМОН УТРА. ДЫМНО-СВЕТЕЛ ОН..."

(С. 151)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1-4 а. Есть демон утра. Светозарен он,²
 В нем – перламутра переливы.³
 Еще сквозит ( ) сон
 Лик златокудрый и счастливый.⁴
- б. Есть демон утра. Светозарен он,
 Лик златокудрый и счастливый.⁵
 Весь – перламутра переливы.
 Как небо, синь струящийся хитон.
- в. как в основном тексте
- 5-8 а. *начато*: Во взоре смех. Но [так] летняя лазурь
 Вдруг просквозит⁶
- б. В его улыбке – летняя лазурь.
 Но, как лазурь сквозит ( ) тьмой бездонной⁷
 Прядь золотая станет вдруг червонной,⁸
 И в голосе – забытый рокот бурь⁹
- в. *начато*: Но как порою просквозит лазурь,¹⁰
 Угрозою и чернотой бездонной,
 Так золотая прядь¹¹

¹ Вар.а взят в скобки.

² Было *начато*: Есть демон утра. Он

³ Было *начато*: Весь

⁴ Было: а. Еще сквозит ( ) сон

( )

б. ( )

Сквозь лик безумный и счастливый.

в. Еще сквозит ( ) сон

Лик беззаботный и счастливый.

⁵ Было *начато*: Он

⁶ Было: Сквозит на миг

⁷ Было *начато*: Но, как лазурь, на миг

⁸ Было: Златая прядь становится червонной,

⁹ Было: а. *начато*: К

б. И взор блеснет угрюм ( )

¹⁰ Было *начато*: Но, как порой весенняя

¹¹ Перед вар.в на л. 2 записано: [В пунцовой кофточке
 На красных каблуках]

2. Но, как ночью тьмой сквозит лазурь,
 Так этот лик становится ужасным,
 И золото кудрей – червонно-красным,
 И в голосе – забытый рокот бурь.
- д. *как в основном тексте*¹

Варианты Т₈ и БА ИРЛИ

Посвящение Л.А.Д.

"БУШУЕТ СНЕЖНАЯ ВЕСНА..."

(С. 151)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 4 Гадала по руке Цуниге![◇]
 5 а. Во взгляд Хозе метнула взор
 б. В глаза Хозе метнула взор
 в. В глаза Хозе метнула взгляд
 2. Насмешливо метнула взгляд
     В глаза Хозе
 д. В глаза Хозе метнула взгляд...
 6 Он был черней (?) испанской ночи[◇]

Варианты Т₈

Посвящение Л.А.Д.²

- 5 В глаза Хозе метнула взор[◇]

"СРЕДИ ПОКЛОННИКОВ КАРМЕН..."

(С. 151)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

1. Наброски

- л. 1 Среди поклонников Кармен

"Кармен, когда пойдешь за мною",
 Поет

Спешат поклонники Кармен
 Спешат нестройною толпою.³

¹ Незачеркнутый вариант ст. 8:

И голос – отдаленным гулом бурь.

² Посвящение вписано позже.

³ Было: За нею пестрою толпою.

- л. 2 Среди порхающих созвучий¹
Глядеть² на стан ее певучий,
И видеть творческие сны.³

[На нем (?)]

Тяжелый груз безумных лет,⁴
Воспоминанья вековые,

II. Варианты

- 4 а. Один, как тень, вдоль лунных стен,⁵
б. Один, скользя, как тень, вдоль лунных стен,[◇]
[Проходит по ночам]
8 а. И ждет, когда сверкнут запястья,
б. *начато*: Когда ж сверкнут ее
в. *начато*: И[◇]
9 И зазвонят ее запястья, –[◇]
10 Он вспомнит дни своей весны,^{6 ◇}
11 Среди бушующих созвучий

Вариант Т₈

Посвящение Л.А.Д.⁷

"СЕРДИТЫЙ ВЗОР БЕСЦВЕТНЫХ ГЛАЗ..."

(С. 152)

Варианты ЧА ИРЛИ

С делением на четверостишия

- 1 а. Упорный взгляд бесцветных глаз,
б. Сердитый взор бесцветных глаз,
3 И линий таянье и пенье, –
После 4 [И [эта] чуткость рук и плеч
Почуяв, что следят за ним
В толпе затерян, кто то]
После 8 *следуют ст. 13–16*:
13–16 а. В движеньях головы и плеч

¹ Было: Среди играющих (?) созвучий

² Было: Гляди

³ Было *начато*: Чтоб

⁴ Было: а. И тяжкий груз безумных лет,

б. *начато*: Тяжелых

⁵ Было *начато*: Есть

⁶ Было *начато*: Он вспомина(ет)

⁷ Посвящение вписано позже.

- И беспокойство и досада,
 Что кто-то смеет Вас стеречь,¹
 Что
- б. В движенях гордой головы
 Прямые признаки досады,
 (Так иногда из-за ограды[◇]
 Глядят встревоженные львы)[◇]
- После 16 *следуют ст. 25–28:*
 25 О,² не глядеть, забыть – нет мочи...
 27 а. *начато:* И Вы уходите
 б. И вот уже (звездой средь ночи),
 После 28 *следовали наброски:*
 [Когда по темному партеру
 Скользящей поступью скользя]
 [В партере темном]
 [О,]

Далее следуют ст. 9–12:

- 9 О, не впервые этих встреч[◇]
 11 О, этих нервных рук и плеч[◇]
 12 Пугающая чуткость^{◇3}
- После 12 *следовали наброски:*
 [И память, [память (?)] сотрясая]
 [И душный]
 [И душный, и ночной⁴]
 [И в ночь закутанный партер,]
 [И в духоте⁵]

Далее следуют ст. 17–24:

- 17 И буря страстной сегидильи[◇]
 18 а. Промчалась бурей сегидилья,⁶
 б. Уже умолкла сегидилья...
 19–20 а. И злость, и ревность, что не к вам
 Идет по сцене Эскамильо.⁷
 б. *как в основном тексте*
 21 а. Не вы возьметесь за шнурок,⁸
 б. Не вы возьметесь за тесьму,
 23 И не блеснет мне ряд жемчужный[◇]

¹ Было: Что кто-то смеет Вас (*нрзб*)

² Было *начато:* И

³ Сначала были написаны ст. 11–12, затем 9–10; знаком указано на изменение порядка расположения двустиший.

⁴ Было *начато:* И тьмой (?)

⁵ Было: И воздух душный

⁶ Было *начато:* Промчалась буря

⁷ Было *начато:* Подходит

⁸ Было *начато:* Не вы потянете

- д. Розы – в цвете их дремлет гроза,
Это – нож¹
- е. Розы – ночь²
- ж. Розы – розовожелтая тьма,
- з. Розы – страшен мне цвет этих роз,

Варианты Т₈ и БА₁ Собр. Фацевской

- Заглавие *как в ЧА ИРЛИ*
 Посвящение Л.А.Д.³ (Т₈)
 5 И тебя я целую в плеча. (БА₁ Собр. Фацевской)

"ТЫ, КАК ОТЗВУК ЗАБЫТОГО ГИМНА..."

(С. 153)

Варианты ЧА ИРЛИ

- После 4 [Ты пойми]
 [Невозвратным блаженством и счастьем]
 [Ты ( ) прелесть земли,⁴]
 5 *начато*: Вешний трепет, и буй( ) ◇
 6 И глубокие, дикие сны,⁵ ◇
 8 Как гитара и бубен весны!
 9 а. *начато*: Ты мне снишься
 б. *начато*: И ты снишься мне ◇
 11 Как царица бездонных времен,⁶
 13 И, склубясь прихотливой змеєю, ◇
 14 Спишь в дурмане, и видишь (нрзб)⁷
 15 а. *начато*: Синий берег
 б. Сине море, да берег счастливый, – ◇
 16 Ту мечту, недоступную мне, ◇
 17 *начато*: Чтобы ◇
 18 Как родимый твой край, ◇
 19–20 Синий, синий, бездонный, певучий,
 Неподвижно блаженный, как рай,
 21 Все там спит в тишине бездыханной,⁸

¹ Было: Это – взор твой

² Было: Розы – цвет

³ Посвящение вписано позже.

⁴ Было: а. Ты сверкаешь, земная
 б. Ты сияешь, земная

⁵ Было *начато*: Все

⁶ Было *начато*: Как

⁷ Было *начато*: а. На
 б. В одуряющей

⁸ Было: а. *начато*: Где

б. И поешь ты одна, в тишине бездыханной,

- б. Твой голос передам,
 После ст. 12 *следовали ст. 1–4:*
 1–4 а. О, да, любовь вольна, как птица,
 Я все равно, – с тобой,¹
 Да, все равно, ты будешь сниться
 Твой стан, и голос твой.²
 б. *как в основном тексте*
 13 Плеснешь ты бурною волною³◇
 14 а. *как в основном тексте*
 б. В ⟨нрзб⟩ моих стихов,◇
 15 Да, я с руки моей не смою◇
 17 а. И в пожирающее пламя
 б. И в тайне ⟨?⟩ жальщее ⟨?⟩ пламя
 в. И в ночь, когда◇
 18 а. Моих ночных тревог
 б. *начато:* На
 в. *как в основном тексте*
 2. Блеснувшее на миг,
 19 а. Сверкнешь ты белыми зубами⁴
 б. Сверкнешь мне белыми зубами
 21 И я томлюсь надеждой сладкой,⁵
 23 а. Когда-нибудь, украдкой,
 б. А ты, когда-нибудь, украдкой,
 в. И ты, когда-нибудь, украдкой,
 25 Под бурей жизни, под тревогой,⁶◇
 28 а. И белой, белой, как дорога,
 б. Далекой, белой, как дорога,◇

Вариант Т₈

Посвящение Л.А.Д.⁷

Варианты публикации в III₂

9–12, 21–24 *отсутствуют*

¹ Было: а. Да, твой я – все равно
 б. Ты все равно – со мной
 а. Да, все равно, – я твой

² Было: Твой стан, и голос твой

³ Было *начато:* а. Да, ты войд(ешь)
 б. Да ты пройдеши

⁴ Было *начато:* Войдеши

⁵ Ст. 21–22 *вписаны.*

⁶ Было *начато:* И в бурях жизни,

⁷ *Посвящение вписано позже.*

Варианты ЧА ИРЛИ

- 2 а. *начато*: Вот, что влекло меня, когда
б. *начато*: Вот, что влекло меня
в. Вот, что влекло к тебе сквозь бездну лучших лет,
2. Вот, что влекло меня сквозь бездну грустных лет,[◇]
3 Сквозь бездну грустных дней, чье бремя не избудешь,[◇]
5 а. Ты страшная печать отверженности женской
б. А здесь, у нас – печать отверженности женской
в. Здесь – грустная печать отверженности женской
2. Здесь – тихая печать отверженности женской[◇]
6 а. За прелесть, недоступную земле¹
б. За прелесть, непосильную земле
в. За прелесть, для которой нету сил.[◇]
7 а. *начато*: Какой-то странный (?)
б. Какой-то сплав миров, где часть души вселенской[◇]
8 а. Тоскует, исходя безумным гимном в ночь
б. Тоскует, исходя в безумный гимн светил...
в. Рыдает, исходя в гремящий гимн светил...
9 а. Так вот над кем дрожал в тот вечер в темном зале!
б. Так вот над чем дрожал в тот вечер в темном зале![◇]
10 а. Вот, почему я так тревожусь за тебя!²
б. И³ вот, зачем тревожусь за тебя!
в. Вот, дивная, зачем тревожусь за тебя![◇]
11–12 Вот чьи глаза меня укором провожали,[◇]
Еще не ведая, не зная.... не любя![◇]
14 а. К созвездиям другим направив свой полет,⁴
б. К созвездиям другим. Тебя твой рок стремится[◇]
15 Мир этот для тебя – лишь красный облак дыма,^{5◇}
16 В котором что-то жжет, тревожит и горит.
18 *начато*: а. Нет
б. Полет, один полет, и нет[◇]
19 а. Безумие одно – твои печаль и радость,
б. Мелодией одной звучат печаль и радость....
20 Но я люблю тебя: я сам таков, Кармен.^{6◇}

¹ Было *начато*: а. И слишком

б. И прелесть, которой нет имен

² Было *начато*: Вот, почему боюсь я так

³ Было: Так

⁴ Было *начато*: В

⁵ Было *начато*: а. И иногда земля

б. И

⁶ Было *начато*: А я тебя люблю!

После 20 [О, если б только с ним, молитвь ты будешь]

Варианты Т₈ и БА₁ Собр. Фащевской

Посвящение Л.А.Д.¹ (Т₈)

8 Рыдает, исходя в гремящий гимн светил...[◇] (Т₈)

8 Рыдает, исходя в гремящий гимн светил... (БА₁ Собр.

Фащевской)

СОЛОВЬИНЫЙ САД

1. Первоначальные черновые наброски (ЧН ИРЛИ)

1 л. 1 Я ломаю приморские скалы²
В час отлива на илистом дне.³
И таскает осел мой усталый⁴
Их обломки на бедной спине.⁵

Донесем до железной дороги,⁶
Сложим в кучу, – и к морю опять
Нас несут волосатые ноги,⁷

И осел начинает кричать.
И кричит и трубит он – отрадно,⁸
(10) Что идет налегке хоть назад.⁹
А у самой дороги – прохладный

---

¹ *Посвящение вписано позже.*

² *Было:* ^{a.} Я ломаю прибрежные скалы

^{b.} Я ломаю графитные скалы

(слово графитные заключено в скобки, над ним – восклицательный знак)

³ *Было начато:* Тяжким ломом

⁴ *Было начато:* И по

⁵ *Было:* ^{a.} Носит камень (?) на бедной спине.

^{b.} Эти камни на бедной спине.

⁶ *Было:* И везут по железной дороге

⁷ *Было:* ^{a. начато:} Доберемся

^{b. начато:} Я

^{a.} Нас несут мохнатые ноги, *(слова несут и мохнатые заключены в скобки, над словом мохнатые – восклицательный знак)*

⁸ *Было:* И кричит и трубит он – довольный,

⁹ *Было начато:* ^{a.} Что камней

^{b.} Что без камня

И тенистый раскинулся сад.¹

л. 3 Вот он, ( ) сад предо мною

л. 2 Над оградой высокой и длинной²
Лишних роз к нам свисают цветы,³
Не смолкает там свист соловьиный,⁴
Вечно шепчут о чем-то листья.
Крик осла далеко раздается⁵
Всякий раз у закрытых ворот.⁶
(20) И не раз мне казалось, вот, вот –⁷
Кто-то тихо над ними смеется,
А потом – отойдет и поет.⁸

л. 4 Бледный день догорает бесследно,⁹
Сумрак ночи с туманом ползет¹⁰
И осел мой задумался, бедный,
Не трубит у садовых ворот.

Иль от зноя мой разум мутится¹¹
Замечтался ли в сумерках я?¹²
Только все неотступно мне снится¹³
(30) Жизнь другая – моя – не моя...¹⁴
Вот он, сад предо мной легковейный¹⁵

---

¹ Было: И старинный раскинулся сад.

² Было: ^{a.} Обнесен он высокой стеною

^{b.} За оградой высокой и длинной

³ Было: ^{a.} начато: Вьются розы

^{b.} Лишних роз к нам свисают пучки.

⁴ Далее была записана фраза:

[Сделать бы из этого "рассказ в стихах..."]

⁵ Было: Крик осла моего раздается

⁶ Было: ^{a.} Всякий раз, как проходим мы тут

^{b.} Всякий раз, как мы мимо идем

^{c.} Всякий раз у садовых ворот.

⁷ Было: И не раз мне казалось, что там

⁸ Было начато: И казалось

⁹ Над строкой дата: 6 янв(аря) 1914.

¹⁰ Было: Сумрак ночи ползет сквозь кусты

¹¹ Было: Или бедный мой разум мутится

¹² Было: Замерзаю ли я в темноте,

¹³ Было: Только все неотступное снится

¹⁴ Было: Жизнь другая – моя л, не моя?

¹⁵ Было: ^{a.} начато: Точно

^{b.} Отчего этот сад соловьиный,

^{c.} Снова (?) сад предо мной соловьиный,

Обнесенный высокой стеной,
За стеною той стебель лилейный,¹
Длинный стебель ( )

Не доносятся жизни проклятья
В этот круг, обнесенный стеной,
В синем сумраке – белое платье
( )

л. 6
(40) Но за дверь соловьиного сада
Никогда не могу я пройти.

Знаю, буду я гостем желанным²
В соловьином саду навсегда.

Легковейным движением манит,
Тиховойным круженьем зовет.³

Всю-то жизнь я в вечернем тумане
Прохожу мимо этих ворот,⁴
И она меня, легкая, манит,⁵
И круженьем (лилейным) зовет

л. 5 об.
(50) День сегодня без солнца, без тени,
Еле дышит и сам океан.⁶
Грудь стеснило и ломит колени,
Над равниной – молочный туман.⁷

---

¹ Было: *а. начато:* За стеной

б. За стеною той стебель невинный,

² Было *начато:* И манит

³ Было: *а. начато:* И нездешним движ(еньем)

б. И нездешним кружением манит

в. И нездешним круженьем

г. как в тексте

д. Тиховойным круженьем влечет

⁴ Было: *а.* Прохожу я в вечернем тумане

Каждый день мимо этих ворот,

б. И всю жизнь я в вечернем тумане

Прохожу мимо этих ворот,

⁵ Было *начато:* А она

⁶ Было *начато:* *а.* Неподвижен

б. Чуть

⁷ Было *начато:* Со (?)

Набросок (л. 5 об.) зачеркнут карандашом; под текстом карандашная приписка: в Шахматове (в 1914). К черту!

Я ломаю графитные скалы²
 В час отлива на илистом дне.
 И таскает осел мой усталый
 Их куски на мохнатой спине.³

Донесем до железной дороги,
 Сложим в кучу, – и к морю опять
 Нас несут загрубелые ноги,⁴
 И осел начинает кричать.

(10) И кричит и трубит он – отрадно,
 Что идет налегке хоть назад.
 А у самой дороги – прохладный
 И тенистый раскинулся сад.

Над оградой высокой и длинной
 Лишних роз к нам свисают цветы,
 Не смолкает там свист соловьиный,
 Вечно шепчут о чем-то листья.

(20) Не доносятся жизни проклятья
 В этот круг, обнесенный стеной,
Мреет в сумраке белое платье
 За дверною решеткой резной⁵

Крик осла далеко раздается
 Всякий раз у садовых ворот.
 А в саду кто-то тихо поет,
 И потом – отойдет и смеется.

〈 II 〉

Знойный день догорает бесследно,
 Я лежу на земле и пою⁶
 И осел мой задумался, бедный,
 Грустно слушает песню мою.⁷

¹ Исправленный карандашом выше воспроизведенный текст с дополнительными карандашными набросками (л. 1–9); строфы пронумерованы на полях римскими цифрами.

² При незачеркнутом предыдущем варианте ст. (1).

³ При незачеркнутом предыдущем варианте ст. (4).

⁴ При незачеркнутом предыдущем варианте ст. (7).

⁵ Было: За дверною решеткой сквозной

⁶ Было: Сумрак ночи ползет по кустам

⁷ Было: Грустно в хижину смотрит мою.

Далее было: ^a начато: В бедной хижине душно

^b начато: В тесной хижине душно

^c начато: В тесной хижине душно и

^d начато: Но

(30) И чего в этой хижине тесной¹
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторя напев неизвестный,
Мельком слышанный мною в саду?

Иль от зноя мой разум мутится
Замечтался ли в сумерках я?
Только все неотступнее снится
Жизнь другая – моя – не моя...

Вот он, сад предо мной легковейный,
Обнесенный высокой стеной,
Там [белеется] стебель лилейный,²
(40) За дверною решоткой сквозной³

Всю-то жизнь мою в знойном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит,
И круженьем и пеньем зовет

И в лилейном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю,⁴
Я любить начинаю томленьем,⁵
Недоступность ограды люблю⁶

---

^d. Это сладкий напев неизвестный,

Тот, который я слышал в саду

^e. Повторя напев неизвестный,

Тот, который я слышал в саду

¹ Было: ^a. как в тексте

^b. И чего в моей хижине тесной

² Было: И белеется стебель лилейный,

³ Далее зачеркнуто: ст. (35–38) первоначального слоя текста .Ст. (38) первоначального слоя
(вписано карандашом):

^a. начато: За

^b. За решоткой резной

^c. За дверною решоткой резной

⁴ Было: ^a. О забытых краях узнаю,

^b. начато: Но не знаю,

⁵ Было: И люблю ( ) томленьем,

⁶ Было начато: И

Далее следует зачеркнутый набросок:

Ловит что-то забытое он
Он любить начинает томленьем,
В недоступность ограды влюблен

Возможно, набросок записан раньше ст. (45–48).

Далее следуют зачеркнутые наброски:

^a. И в лилейном круженьи и пеньи

Донесут до железной дороги,
Свалят в кучу – и к морю опять
Их несут волосатые ноги.¹
И осел начинает кричать.

- (10) И кричит и трубит он – отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги – прохладный
И тенистый раскинулся сад.

За оградой высокой и длинной
Лишних роз к ним свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Тихо шепчут о чем-то листья.

- (20) Не доносятся жизни проклятья
В этот круг, обнесенный стеной.
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.²

Крик осла далеко раздается
Каждый вечер у этих ворот.³
А в саду кто-то тихо поет
И серебряным смехом смеется.

Варианты переработки гл. I

- (1) Он ломает слоистые скалы
(23–24) А в саду кто-то тихо смеется,
И потом, отойдет и поет.⁴

- После (24) И, вникая в напев беспокойный,⁵
Он глядит, понукая осла,⁶
Как на берег скалистый и знойный
Опустилась вечерняя мгла.⁷

¹ волосатые подчеркнута красным карандашом.

² Было: За решеткой мелькает сквозной
Строфа отчеркнута карандашом на полях.

³ Было начато: Всякий

⁴ Было: И потом, отойдя, запоет.

⁵ Было: ^a Но, стараясь пройти незаметно,

^b Но, стараясь казаться спокойным,

⁶ Было: Он ( ) понукает осла,

⁷ Было: ^a А над морем ( )
Расстиляется синяя мгла.

^b Как над берегом ( )

Расстиляется синяя мгла.

II

л. 12–13 Знойный день догорает бесследно,
Луч последний над морем погас.
И осел удивляется, бедный,
Что хозяин не спит в этот час.

А хозяин из хижины тесной
Вышел, бродит у моря в бреду,
Повторяя напев неизвестный,
Тот, который он слышал в саду.²

(10) Вот он, сад перед ним, легковейный,³
Обнесенный высокой стеной,⁴
Вот качается стебель лилейный⁵
И цветет за решоткой сквозной.⁶

Каждый вечер в закатном тумане
Он проходит близь этих ворот,
И она его, легкая, манит,
И круженьем, и пеньем зовет.

(20) И в лилейном круженьи и пеньи
Чует что-то забытое он,
И любить начинает томленье,
В недоступность ограды влюблен...

Или разум от зноя мутится,
Или вечер навеял тоску,
Только все неотступнее снится
Жизнь другая ему, бедняку.

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если он <   > с пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?...⁷

¹ Первоначальный слой записи черными чернилами.

² Было начато: Мельком слышанный

³ Было: И в мечтах его – сад легковейный,

⁴ Было: ^a как в тексте

^b Обнесенный стеною, и вот

⁵ Было: ^a Там белеется стебель лилейный

^b Там качается стебель лилейный

⁶ Было: ^a как в тексте

^b начато: За сквозною

⁷ Было начато: Постучаться, и как бы

- (30) А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду...
Сердце знает, что гостем желанным¹
Будет он в соловьином саду.²

Варианты переработки гл. II

- (2-4) Сумрак ночи ползет сквозь кусты.
И осел удивляется, бедный:
– Что́, хозяин, не спишь, милый, ты?
(11) Там качается стебель лилейный
(9-12) *зачеркнуто*
(21-24) *заклочены в скобки*³

Первоначальный набросок гл. III⁴

III

- л. 14 Спи, осел утомленный, глубоко,
Грузный лом, отдыхай под скалой!
Ваш хозяин блуждает далеко⁵
За ночью, за синею мглой.

Поднимаются знойные мысли,⁶
Наливаются кровью глаза.
О, как черные розы нависли!
Верно, к вечеру будет гроза?⁷

- (10) Странной кажется эта ограда,
Уходящая в мутную даль.
Соловьиная песня из сада
Навевает и страсть и печаль...

Помоги мне, десница Господня,
Я хожу здесь часы и часы...

---

¹ Было: Тайно верит, что гостем желанным

² Под текстом дата: 11 августа 1914.

³ На полях – вопросительный знак (синим карандашом).

⁴ Первоначальный слой записи черными чернилами.

⁵ Было: Спит осел утомленный глубоко,
Лом лежит на песке под скалой,
А хозяин блуждает далеко

⁶ Было: Поднимаются бурные мысли,

⁷ Было: Или к вечеру будет гроза?

Только с ним погружаясь в забвенье

Непробудные <   > сны
Бесконечное, дикое пенье¹
Никогда не слабевшей струны

(10) И внезапно, в непонятной тревоге,²
Как виденье³

л. 21 Но сквозь пенье – тревога, тревога,
И <   > росла⁴
Вдруг – виденье: <   > дорога
И усталая поступь осла...⁵

И во мгле благовонной и знойной,⁶
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
– Что с тобой, милый мой, что с тобой?

(20) Но, вперившись во мглу сиротливо,⁷
Нарушая забвенье и сон,
Вникнуть в шум отдаленный прилива
Безответный пытается он⁸

л. 16 VI⁹ Потому что от жизни и горя¹⁰
Не спасет никакая стена,
И <   > моря¹¹
Соловьиная песнь не вольна.¹²

Потому что нет в мире ограды¹³

---

¹ Было: Точно дикое <   > пенье

² Было: ^a И внезапно, в высоком чертоге

^b И потом, в непонятной тревоге,

³ Ст. (5–11) позднее зачеркнуты (синим карандашом).

⁴ Было: ^a И тревога <   > росла

^b И она <   > росла

⁵ Далее было: И она, обвивая руками,

Что с тобой

⁶ Было начато: И во мгле благовонной зо (?)

⁷ Было: Но вперяясь во мглу сиротливо,

⁸ Было: К отдаленному шуму прилива

Уже <   > прислушаться он. (Незачеркнутый вариант)

⁹ Текст записан фиолетовыми чернилами; позднее перечеркнут синим карандашом.

¹⁰ Было: <   > горя

¹¹ Было: Заглушить <   > моря

¹² Четверостишие вписано позднее, чем следующий стих.

¹³ Было начато: Потому что оградой

Он поднялся – и краб приподнялся,
Вышел боком, разинув клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,¹
И, подравшись, исчезли они.

Черновая редакция гл. IV основного текста²

IV

- л. 18 Сердце правду ему говорило,
Обманула ограда одна.
Не стучал – ему так отворила
Недоступные двери она.
- л. 19 Вдоль прохладной дороги из лилий³
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью его оглушили,
Душу взяли его соловьи.⁴

- (10) О доселе неслыханном счастье
Прочитал он в смятенных очах⁵
И, упав, зазвенели запястья⁶
Громче, чем в его нищих мечтах

И они погрузились в забвенье,
И влилось в чародейные сны⁷
Бесконечное⁸ дикое пенье
Заглушающей время струны⁹

¹ Было: Но сейчас же с другим повстречались,

² Первая строфа записана фиолетовыми чернилами (текст первой строфы фрагмента V *Набросков*, относящихся к гл. III первоначального текста, – без исправлений); остальной текст – черными чернилами с правкой и дополнениями черными чернилами и карандашом.

³ Было: И на длинной дороге из лилий

⁴ Стих подчеркнут волнистой чертой.

Далее было: И она оказалась прекрасней,
Чем была в его нищей мечте
С белых рук

⁵ Стих записан карандашом.

Было: Он прочел в ( ) очах

⁶ Было: С белых рук зазвенели запястья

⁷ Было начато: ^{а.} И влилось в их

^{б.} И вступило

⁸ Было начато: Не

⁹ Было начато: Н ( )

Ст. (13–16) записаны карандашом.

Опьяненный вином золотистым,¹
Опаленный ( ) огнем,²
Я забыл о пути каменистом,
(20) О товарище прежнем своем.³

Вариант 3-й строфы (ст. (9–12)) гл. IV⁴

л. 18 об. И запястья, спадая, звенели⁵
Громче, чем в моей нищей мечте,
Страны счастья, чужого доселе
Мне открыли объятия те.

Наброски к гл. IV–V основного текста⁶

л. 19 об. Дни и ночи в ( ) чертоге
Были песни и сны без числа.
Только не было длинной дороги
И товарища ( )

Сны и песни и сумрак тенистый⁷
Но сквозь пенье – тревога растет...
Вдруг – видение: путь каменистый,
Запыленный погонщик бредет...

Но сквозь пенье – тревога, тревога,

Дни и ночи в чертоге тенистом
Слыша песни ( ) без числа⁸

Я забыл о пути каменистом,
О товарище прежнем в пути.⁹

---

¹ Было: *а.* И когда наступило забвенье,
б. И когда над чертогом тенистым

² Было: *а.* Одурманенный сладким вином,
б. Обожженный ( ) огнем

³ Было: *а.* О товарище прежнем в пути
б. О товарище прежнем забыл

⁴ *Записан черными чернилами.*

⁵ Было: *а.* И о счастья, мне странном доселе
Мне уста
б. И о счастья, мне чуждом доселе
Мне открыли объятия те,

⁶ *Записаны черными чернилами.*

⁷ Было: День и ночь за оградой тенистой

⁸ *Далее было начато:* *а.* И не помнил я
б. Не припомнил я

⁹ Было: *а. начато:* И товарища
б. И о спутнике бедном осле.
а. И о спутнике бедном моем. (*Незачеркнутый вариант*)

V

л. 20 Сколько неги в ( ) взоре,²
Пусть ( ) стена –³
Заглушить рокотание моря⁴
Соловьиная песнь не вольна.

Пусть спасла нас от дольного горя⁵
Утонувшая в розах стена, –⁶

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Ужь не может не слышать душа.⁷

л. 21 И в забвенье вступила тревога,⁸
Ропот волн до меня донесла...⁹
Вдруг – виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...¹⁰

И во мгле благовонной и знойной,
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
– Что с тобою, возлюбленный мой?

¹ Текст записан черными чернилами (л. 20) и фиолетовыми чернилами (первоначальный слой) с правкой черными чернилами (л. 21).

² Было: Сколько счастья в ( ) взоре,

³ Было: ^a. Высока ( ) стена –
^b. Как высока ( ) стена –

⁴ Было: ^a. начато: Но
^b. Глушить беспокойное море

⁵ Было начато: Пусть от дольного

⁶ Было: ^a. Недоступная ( ) стена, –
^b. Отделяет глухая стена, –

Далее было: ^a. начато: К отдаленным

^b. начато: Не могу

^c. К отдаленному рокоту волн

^d. Я не в силах не слушать
Отдаленного рокота волн

⁷ Было: Ужь не может не слышать душа.

⁸ Но сквозь пень – тревога, тревога, (Незачеркнутый вариант первоначального слоя текста)

⁹ ^a. И тревога росла и росла... (Незачеркнутый вариант)

^b. Песня моря до слуха дошла. (Незачеркнутый вариант)

¹⁰ По дороге погонщик бредет... (Незачеркнутый вариант)

VII

л. 24 Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел²
Выхожу я на берег пустынный,
Где остался мой старый осел.³

л. 25 [Разве шел я не тою дорогой?⁴
Нет, ( )
Вот за этой скалою отлогой⁵
Приютился шалаш мой в кустах.]⁶

Или я заблудился в тумане?⁷
Или кто-нибудь шутит со мной? –

¹ Исправлено черными чернилами и карандашом по первоначальному слою, записанному фиолетовыми чернилами (фрагмент IV Набросков, относящихся к гл. IV первоначального текста); новый текст записан черными чернилами; под текстом дата (синим карандашом): 14 X 1915

² Было: В это утро мне странно тяжел

³ Было: Где остались шалаш и осел.

Далее было: ^{1a} начато: [Верно]

^b начато: [Я не мог ошиб(иться?)]

^a начато: [Или]

² начато: Нет, не мог я

^d Нет, знакомые черные камни

^e Нет, знакомые черные скалы

^ж Только лом ( ) и ржавый
Под скалой (Записано карандашом)

³ Нет, знакомые черные скалы
( )

Только лом ( ) и ржавый

Затянуло ( ) в песок

Последние две строки записаны карандашом. Весь текст зачеркнут карандашом (л. 24).

II^a начато: Было

^b начато: Как здесь

^a Это ме(ня) ( ) обманула

² И пустыня

Или память меня покидала

Или кто-нибудь шутит со мной?

[Эти самые] Вот те черные скалы (л. 25)

⁴ Было: ^a начато: Или

^b начато: Иль меня кто-нибудь

^a Иль я сбился в тумане с дороги

² Иль во мгле я ошибся дорогой?

^d Или шел я не тою дорогой?

⁵ Было: ^a начато: Вот те самые камни

^b Вот под этой скалою отлогой

⁶ Фрагмент четверостишия зачеркнут карандашом.

⁷ Было: Иль я сбился с дороги в тумане?

Нет, я помню камней очертанья,¹
Этот кустик над самой водой²

л. 26 И споткнувшись в воде под скалою,³
Я увидел заржавленный лом,⁴
Здесь когда-то брошенный мною,⁵
Затянувшийся мокрым песком

Где же дом мой? – Скользящей ногою⁶
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
{ }⁷

л. 27 Размахнувшись движеньем знакомым,⁸
(Иль я все еще грежу во сне?)⁹
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне¹⁰

---

¹ Было: ^{a.} Нет, знакомые мне очертанья,
^{b.} Нет, я помню вон те очертанья,
^{a.} Нет, мне памяты те очертанья,
^{2.} *начато*: Нет, мне

² Было: ^{a.} Окаймляемых пеной камней
^{b.} *начато*: Тоших кустиков
^{a.} Этот кустик я знаю давно

³ Было: ^{a.} *начато*: Тот ли это
^{b.} *начато*: Тот ли берег (*Незачеркнутый вариант*)
^{a.} *начато*: И нечаянно
^{2.} И случайно скалу огибая,
^{d.} И случайно под черной скалою

⁴ Было: ^{a.} *как в тексте*
^{b.} Я споткнулся на брошенный лом,

⁵ Было *начато*: Я отрыл

⁶ Было: ^{a.} Где же хижина? – Вдруг под ногою
^{b.} Где же домик мой? – Вдруг под ногою

⁷ Далее было: Тот ли берег? – Вот { }
И знакомые черные скалы (*Зачеркнуто карандашом*)

⁸ Было: ^{a.} *начато*: Он отту(да) (?)
^{b.} Он ударил заржавленным ломом
По слоистой и гулкой скале
^{a.} Он ударил заржавленным ломом
По слоистой подводной скале

⁹ Было *начато*: ^{a.} Чтоб
^{b.} (На (?))

¹⁰ Было *начато*: О слоистую { } скалу

- 17 а. как в основном тексте
 б. Крик осла далеко раздаётся ◇
 18 Каждый вечер у садовых ворот, ◇
 28 – Что, хозяин, не спишь, милый, ты? ◇
 36 Что звенит в соловьином саду? ◇
 45 И в мельканьи, круженье и пеньи ◇
 49 а. Спит осел утомленный глубоко
 б. Спит глубоко осел утомленный, ◇
 50 а. Грузный лом – на песке под скалой,
 б. Брошен лом – на песке под скалой,
 52 За ночную, за синюю мглой. ◇
 53–56 *вписаны*
 57–58 Помоги мне, десница Господня! ◇
 Я брожу здесь часы и часы, ◇
 70–72 Обманула ограда одна.
 Не стучал я – мне так отворила
 Недоступные двери она.
 73 а. Вдоль прохладной дороги из лилий
 б. Вдоль прохладной дороги средь лилий
 76 Душу взяли мою соловьи.
 77 Страны счастья, чужого доселе,
 79 И запястья, спадая, звенели
 84 О товарище прежнем своем.
 90 Ропот волн до меня донесла... ◇
 106 а. Очерк, бледный от страсти, красив! –
 б. Лик, прозрачный от страсти, красив! –
 124 Где остался мой старый осел. ◇
 128 Тощий куст на скале над водой... ◇
 129 Где же дом мой? – Скользящей ногою ◇
 140 И уселся на камень вдали. ◇
 144 а. И, подравшись, исчезли они...
 б. Подрались и исчезли они... ◇

*Варианты публикаций в РС (Т₉), "Воля народа" (ВН) – Изборник,
 в альм. "Стихи 1918" (Ст.), в отд. изд. 1918 г. (ССад 1918)
 и 1921 г. (ССад 1921)*

Без деления на строфы (ВН, Изборник)

- 70 И ограда была нестрашна, (ССад 1918, Ст.)
 77–80 И звенели, спадая, запястья;¹
 Мне в объятых открылся иной,
 Чуждый край незнакомого счастья
 И вознес над убогой мечтой.

¹ И звенели спадая запястья; (ССад 1918, Ст., ССад 1921)

РОДИНА

"ТЫ ОТОШЛА, И Я В ПУСТЫНЕ..."

(С. 167)

Варианты Т₆ и БА РГАЛИ

- Заглавие Л.Д.Б. (БА РГАЛИ)
Л.Д.Б.
(Заключение цикла "Подруга Светлая")¹ (Т₆)
9 И пусть другой Тебя ласкает,
12 Где приклонить Ему главу.

Варианты публикации в ЗС

- Заглавие Ты отошла
Эпиграф Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Нечаянная Радость.
9 как в Т₆ и БА РГАЛИ
11 Сын человеческий не знает,

"В ГУСТОЙ ТРАВЕ ПРОПАДЕШЬ С ГОЛОВОЙ..."

(С. 168)

Первоначальная редакция в Т₆ и БА ИРЛИ

- Н а р о д и н е ²
В густой траве
Пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь,
Не стучась.

Обнимет рукой,
Оплетет косой
И, статная, скажет:
– Здравствуй, князь.

– Вот здесь у меня
(10) – Куст белых роз.
– Вот здесь вчера
– Павилика вилась.

¹ Вписано позднее.

² В Т₆ заглавие вписано позднее фиолетовыми чернилами (текст – черными чернилами).

– Где был, пропал?
– Что за весть принес?
– Кто любит, не любит,
– Кто гонит нас?

Как бывало, забудешь,
Что дни идут.
Как бывало, простишь,
(20) Кто горд и зол.

И смотришь – тучи
Вдали встают.
И слушаешь песни
Далеких сел.

Заплачет сердце
По чужой стороне,
Запросится в бой –
Зовет и манит...

Только скажет: – Прощай.
(30) – Вернись ко мне.
И опять за травой
Колокольчик звенит.

Варианты публикаций в журн. "Трудовой путь" (ТП) и ЗС

Заглавие	На родине
Эпиграф	Parva domus – magna quies (ЗС) <i>Варианты НР₁ Ш₁</i>
Заглавие а.	На родине (?) ¹
б.	Parva domus – magna quies ²

"ЗАДЕБРЕННЫЕ ЛЕСОМ КРУЧИ..."

(С. 168)

Черновой набросок в ЗК₁₇ (ЧН ЗК₁₇)

Так смуглолица и статна,
Под заревом старинной веры...

За чернобровой, смуглолицей
С испуганной душой < >

Ты родилась вон в той избушке

¹ Текст вымаран.

² Зачеркнуто в НР₂ Ш₁.

И бич пастуший здесь не свиснет,¹
И песни не поет свирель...²

- в. Там мох сырой³ с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель,
И бич пастуший там не свиснет,
И песни не поет свирель...

Вм. 9–16 а. Здесь не спугнет печальной цапли
Владыка сосен – человек.
Здесь в каждой малой, ржавой капле –
Зачало полноводных рек.

<   > тенью⁴
Ресницы мхов опушены,
Они полны дремотной ленью,⁵
Они вкусили тишины.

- б. И не спугнет печальной цапли
Владыка сосен – человек,
Но в каждой тихой, ржавой капле –
Зачало полноводных рек.

[Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,
Они полны дремотной ленью,
Они вкусили тишины.]⁶

17–20 а. И воды ржавые, лесные,
Просачиваясь в реки те
Разносят память по России
Костров и песен о Христе⁷

---

¹ Было: Пастуший бич едва ли свиснет,

² Было: ^а начато: В такой

^б. Едва ли запоем свирель...

³ Было: седой

⁴ Было: И вечною дремотной тенью

⁵ Было: Они полны глубокой ленью

⁶ Далее зачеркнуто: ^а. И эта сонная врагиня
Людских волнений

^б. Воспоминание

^в. И память о кострах

^г. Во славу темного Христа.

(вар. а – чернилами, вар. б–г – карандашом)

⁷ Было: Разносят по рекам России
Воспоминанья о кострах

- б. И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Разносят по [рекам] России
Весть о чудовищном Христе

Варианты Т₈

- 9–12 *вписаны*
13 И не спугнет печальной цапли ◇
19 Несут запуганной России
20 а. Весть о чудовищном Христе.¹
б. *как в основном тексте*

Варианты правки в Т₈ и БАП РГАЛИ

- 19 *как в основном тексте (Т₈)*
9–12, 17–20 *зачеркнуты*

Варианты публикации в СР

- 17–20 *отсутствуют*

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Варианты Т₆

- Заглавие а. Куликово поле²
б. *как в основном тексте*

Вариант публикации в альм. "Шиповник"

- Заглавие На Куликовом поле (стихи)

1.

"РЕКА РАСКИНУЛАСЬ. ТЕЧЕТ, ГРУСТИТ ЛЕНИВО..."

(С. 170)

Варианты ЧА ЗК₂₀

- 2 И круты берега. ◇
3 а. А там, над желтым глинистым обрывом³
б. И там, над желтым глинистым обрывом ◇
4 Грустят стога. ◇
5 а, б, в. *как в основном тексте*

¹ Вар. а не зачеркнут.

² Вписано над текстом первого стихотворения цикла (л. 50).

³ Было начато: И над

- 6 а. Изныла грудь
 б. Изныла эта грудь
 в. Нам ясен путь! ◇
- 7–8 а. Но, как стрела татарской древней воли – ¹
 Мой правый путь!
 б. Одна стрела татарской древней воли – ²
 Пронзила грудь!
 в. Наш путь – стрелой татарской древней воли –
 Пронзил нам грудь!
- 9 Наш путь – в полях, наш путь – тоской безбрежной³ ◇
- 10 а. Твоей, о Русь!
 б. В тоске твоей, о Русь! ◇
- 11 а. И этой мглы – ночной, пустынной, зарубежной
 б. И даже мглы – ночной и зарубежной
- 13–14 а. Пусть так. Придем. Зажжем костер – и пламя⁴
 Опять осветит даль.
 б. Пусть – ночь: домчимся! Озарим кострами
 Степную даль.
- 15 а. И в дыме призрачном блеснет святое знамя⁵
 б. Нам в призрачном дыму блеснет святое знамя
- 17–18 а. И вечно – бой. И вечно будет сниться
 Наш мирный дом.
 б. И вечный бой! В бою нам будет сниться
 Наш мирный дом.
 в. И вечный бой! И лишь ⟨?⟩ в бою приснится
 Наш мирный дом.
 г. И вечный бой! И счастье только мнится
 Сквозь кровь и пыль
 д. И вечный бой! И счастье только снится
 Сквозь кровь и пыль
 е. как в основном тексте
- 19–20 а. Но – где же он? Подруга! Чаровница?
 Мы не дойдем?
 б. Но – долог путь! Подруга! Чаровница!
 Мы не дойдем?

¹ Было: а. начато: А все

б. И, как стрелой, – татарской древней воли –

² Было: а. Ее пронзил какой-то древней воли

б. начато: Но, как стрелой,

³ Было начато: а. И суждено на глине

б. Одной стрелой

⁴ Было: Пусть так. Придем. И отдохнем

⁵ Было начато: И в

- в. И долог путь! Степная кобылица
Несет нас в даль!
2. И долог путь! Несется кобылица
И мнет ковыль.¹
- д. *как в основном тексте*
- 23 *начато:* А встречу нам ◇
- 24 И все идут ◇
- 25 а. Закат в крови! И кровь из сердца льется!²
- б. Закат в крови! Ведь (?) кровь из сердца льется! ◇
- 26 а. Останови!
- б. О, сердце плачь!
- в. Плачь, сердце плачь!
- 27 а. Пределов – нет! Степная кобылица
- б. Ведь счастья – нет: степная кобылица ◇

Варианты БА РГАЛИ, Т₆, НР НЧ

- 15 Нам в призрачном дыму блеснет святое знамя (БА РГАЛИ)
- 15 Нам в призрачном дыму блеснет святое знамя ◇ (Т₆, НР НЧ)

Вариант публикации в ЖЖ

Заглавие На поле Куликовом

2.

"МЫ, САМ-ДРУГ, НАД СТЕПЬЮ В ПОЛНОЧЬ СТАЛИ..."

(С. 170)

Варианты ЧА ЗК₂₀

- 1 а. Мы на мертвом поле в полночь встали
- б. Мы, сам друг, над степью в полночь встали
- 5 Залегла в пути тоска-кручина³ ◇
- 7 *начато:* Стяг ◇
- 9 а. И к земле прислушиваясь томной,
- б. И к земле приникнув головою,
- в. И к земле склонившись головою,
- 10 а. Говорю жене: Точи свой меч,
- б. Говорю ему: Остри свой меч,⁴ ◇

¹ Было начато: Уносит

² Было начато: Ведь эта кровь – из сердца

³ Далее было начато: а. Сторожит в полях

б. Залегла в

⁴ Возможный промежуточный вариант:

Говорю ему: Точи свой меч,

- 12 а. *начато*: В черном поле
 б. За святое дело мертвым лечь.
 13–16 а. Помяни жь за раннею обедней¹
 Мила друга, светлая жена.²
 Я – не первый воин, не последний, –
 Долго будет родина больна.
 б. *как в основном тексте*

3.

"В НОЧЬ, КОГДА МАМАЙ ЗАЛЕГ С ОРДОЮ..."

(С. 171)

Черновой набросок в ЗК₂₀ (ЧН ЗК₂₀)

[Мамай залег с ордой проклятой
 Пути, равнины и мосты.
 Я – князь Христов.³ Сияют латы.⁴]

Варианты ЧА ЗК₂₀⁵

- 1 В день,⁶ когда с проклятою ордою[◇]
 2 а. Все пути, равнины и мосты,⁷
 б. *как в основном тексте*⁸
 3 а. В темном поле были мы – с тобою, –
 б. В темном поле были мы с Тобоею, –
 4 а. Но тогда меня не знала Ты?
 б. Но не знала Ты?[◇]
 Между 4 и 5 [Я Тебя провидел вещим сердцем,⁹
 Чувял близость в крике лебедей,¹⁰]

¹ *Было начато*: Помяни, когда пойдешь)

² *Было*: Мила друга, светлая княжна.

³ *Было начато*: Я – светлый князь,

⁴ *Далее было начато*: На

⁵ *Перед ст. 1 наброски, возможно, не относящиеся к данному стихотворению:*

[И жизнь прошла. И счастье]

[На твой костер я шел болотом]

⁶ *Было начато*: Я

⁷ *Было начато*: За Непрядвой

⁸ *Вариант зачеркнут и вновь записан.*

⁹ *Было*: Я же знал тебя лишь чутким сердцем,

¹⁰ *Было*: ^{а.} Узнавал по крику лебедей

^{б.} *начато*: Знал тебя

Далее было начато: ^{а.} Слушал

^{б.} В пламени костра

^{б.} В тот день Мамай залег

^{2.} В [оный] страшный день Мамай

- 5 а. Но¹ над полем темным и зловещим
 б. И над полем темным и зловещим²◇
- 6 а. В сумерках полей,
 б. В тишине полей,◇
 7 Слушал я Твой голос сердцем вещим³◇
 9 Издали, как туча возносила⁴,◇
 11 а. *как в основном тексте*⁵
 б. И вдали о стремя сына билась,◇
 13–20 А Непрядва убралась туманом,⁶
 Что княжна фатой.⁷
 Орлий клетот над татарским станом
 Угрожал бедой.⁸
 И, чертя круги, ночные птицы
 Реяли вдали,⁹
 А над Русью – тихие зарницы¹⁰
 Князя стерегли.
 21–22 а. И в тумане, над Непрядвой спящей,
 Тихий лик клоня,¹¹
 б. *как в основном тексте*
 23 а. *начато*: Ты взошла, как
 б. *начато*: Ты с туман(ом?)◇
 25 Дивным светом Ты блеснула другу¹²◇

¹ Было начато: И

² Далее было начато: а. В
 б. М(?)

³ Было начато: Я Тебя

⁴ Было начато: а. Слышал я как
 б. Слышал я – звенела
 [То (?)] В сто ( )
 в. Издали

⁵ Было начато: Где-то

⁶ Было: а. начато: [И] И в Непрядве
 б. А над ханским станом орлий клетот,
 И ползли, пол(зли?)
 в. И Непрядва убралась туманом,

⁷ Было: Свадебной фатой.

⁸ Ст. 15–16 поставлены перед ст. 13–14.

⁹ Было: И, чертя круги, носились птицы
 Только ночь сошла,

¹⁰ Было начато: А над русским с(таном?)

¹¹ Было начато: Лик

¹² Было начато: а. С той поры
 б. Никогда
 в. И отныне
 г. И когда ст( )
 д. Ты блеснула дивным

- Между 28–29 [И когда [ту (?)]¹ ( )
 Таял в высоте,
 Просиял Твой Лик Нерукотворный²
 На моем щите.]
- 29 а. День взыграл, и ангел ночи черной
 б. День взыграл, и Ангел ночи черной
 в. И когда ( ) ночи черной
 г. И когда на утро тучей черной
- 31 а. На щите твой лик нерукотворный
 б. Был в щите Твой лик Нерукотворный

Варианты Т₆

- Заглавие Куликово Поле³
- 3 а. В темном поле были мы с тобою.
 б. В темном поле были мы с Тобюю. ◊
- 31 Был в щите Твой Лик Нерукотворный

Варианты АС РГАЛИ, НР НЧ, публикаций в альм. "Шиповник", СР

- 4 Разве знала ты? (*Шиповник*)
 31 как в Т₆

4.

"ОПЯТЬ С ВЕКОВОЮ ТОСКОЮ..."

(С. 172)

Варианты Т₆⁴

- 8 Под властью ущербной луны. ◊
 11 Не знаю, что сделать с собою, ◊
 12 а. как в основном тексте
 б. Куда мне лететь за Тобой!
 16 Широкий тихий пожар.⁵ ◊

Варианты публикации в альм. "Шиповник"

- 12 как в Т₆, вар. б

Вариант НР НЧ

- 8 как в Т₆

Вариант НЧ,⁶ СР

- 14 И трубные клики татар,

¹ Было начато: На щите

² Было: Засиял Твой Лик Нерукотворный

³ Заглавие и порядковый номер стихотворения (3) вписаны позднее.

⁴ Над текстом пояснительная помета: Продолжение цикла "Куликово поле". Порядковый номер стихотворения (4) вписан позднее.

⁵ Возможно, описка.

⁶ Исправлено в Кор. НЧ.

"ОПЯТЬ НАД ПОЛЕМ КУЛИКОВЫМ..."

(С. 173)

Черновой набросок в ЗК₂₀ (ЧН ЗК₂₀)

[Плесканье кры(льев?)]
 [Лебязьих криков трубный звук,]

И вишеньем белым¹*Черновая редакция в ЗК₂₃ (ЧА ЗК₂₃)*

V

Опять над полем Куликовым²
 Взошла и расточилась мгла³
 И словно облаком суровым⁴
 Лучи светил заволокла.⁵

За тишиною непробудной,⁶
 За разливающейся мглой —⁷
 Не слышно грома битвы чудной
 Не видно молнии боевой.⁸

(10) Под вражьем станом, как бывало,⁹
 Тревожно лебеди кричат,¹⁰
 Орда недолго отдыхала,¹¹
 Вновь русской крови ждет булат,¹²

¹ Это же начало стиха — на л. 21 (ЗК₂₀); возможно, набросок имеет самостоятельное значение.

² Было: *а.* как в тексте
б. Вновь над полем Куликовым

³ Было: *а.* как в тексте
б. Расточилась ночь и мгла
в. Расточилась злая мгла

⁴ Было: *а.* начато: И об(лаком?)
б. начато: И
в. Словно облаком суровым

⁵ Было: *а.* как в тексте
б. Блеск светил заволокла.

⁶ Было: *а.* начато: И тишина
б. С тишиною непробудной

⁷ Было начато: За

⁸ Было: Не видно молний от меча.

⁹ Было: *а.* начато: И только
б. Лишь, как бывало, в стане вражьем
в. Лишь в стане вражьем, как бывало,

¹⁰ Было начато: Скрипят возы

¹¹ Было: И над холмами засияла

¹² Было начато: Тат( )

Сулишь ты горы золотые¹
Ты дразнишь <   > недр
Россия, нищая Россия,
Твой <   > щедр.]

Нейдешь ты замуж, не стареешь,²
В прекрасном рубище стоишь³
О днях протекших не жалеешь,⁴
Легко в грядущее глядишь.

Зимуешь в хате чадной...⁵

Далее следует прозаическая запись:

А летом рвет загорелыми ногами [травы] злаки. О том, как жених ее сосватал, как долго не давалась она жениху. Как сыпала звезды в осенние ночи, как ветром гуляла по хлябям болот. Но как полюбивший ее приколдовал ее, смирил, прижил с ней сына – и таинственный сын *растет*. А "Россия" смиренно ждет, что скажет сын, и всю свою свободу вложила (?) в него. Ждет у колыбели. А сын растет, просыпается

Черновой автограф в ЗК₂₃ (ЧА ЗК₂₃)⁶

л. 12 Пускай⁷ заманит и обманет,⁸
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит⁹
Твои прекрасные черты.

---

¹ Было начато: Ты

² Было начато: ^{а.} Так
^{б.} Ты не
^{в.} Не идешь

³ Было: Прекрасна в рубище своем

⁴ Было: ^{а.} О страшном прошлом не жалеешь,
^{б.} О днях прошедших не жалеешь,

⁵ Было начато: ^{а.} Зимуешь в
^{б.} Зимуешь ты

⁶ Является продолжением ЧА ЗК₂₂; над текстом помета Блока: См. предыд(ущую) книжку.

⁷ Было начато: ^{а.} Твои болотистые топи (л. 11)
^{б.} Твои болотистые топи
Осушат (л. 12)
^{в.} Твои болотистые топи –
Наряд (?)
^{г.} Но ты обманчиво бедна
^{д.} Обманчивы

⁸ Было: Пусть отуманит и обманет,

⁹ Было: И лишь забота отуманит

Но что жь? Одной заботой боле,¹
Одною болью и слезой,²
Зато – как вольно в чистом поле³
Под угасающей зарей!

л. 11 об. Твои болотистые топи
Обманчивы, как ты сама:
Там – угля каменного копи,
Там драгоценных камней тьма!

Сулишь ты горы золотые,
Ты дразишь⁴ дивным мраком недр,⁵
Россия, нищая Россия,
Твой голос звонок, взор твой щедр!⁶

л. 12 об. Вон там, где загляделась хата⁷
С обрыва желтого в ручей,⁸
Там дочь твоя в огне заката⁹
Стоит, накрывшись до бровей.¹⁰

Она пред встречным опускает
Глаза лукавые свои
Едва дрожа, плечо качает
На коромысле две бадьи.¹¹

---

¹ Было начато: ^a. Но ты привыкла (?)

^b. Одной заботой

² Было начато: Одной слезой

³ Было начато: Зато – какая

⁴ Было начато: Сулишь ты

⁵ дивным вписано

⁶ Было начато: Твой взор

⁷ Было: Вон там, где наклонилась хата

⁸ Было: ^a. начато: Сто( )

^b. С крутого склона над ручьем,

⁹ Было: ^a. начато: Стоит

^b. Стоишь ты в зареве заката

¹⁰ Было: ^a. начато: Платком

^b. Накрывшись до бровей платком

¹¹ Было: ^a. начато: И коромыс(ло?)

^b. начато: И взор твой манит и сияет

^a. начато: Твое плечо едва качает
Две полновесные бадьи,

². Ее плечо едва качает
На коромысле две бадьи.

[А [взор] взор]

[Мне взоры девичьи твои]

- л. 13 Ручей бежит, бурля и пенясь,¹
Взглянула – взором обожгла,
Мы поровнялись, – подбоченясь,
Как лебедь, плавно прочь пошла.²

Но невозможное возможно,
Дорога долгая легка
Когда блеснет в дали дорожной³
Мгновенный взор из-под платка,⁴
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика.⁵

Первоначальная редакция в Т₆, в БВ и журн. "Новое слово" (НСл)⁶

Заглавие Россия (БВ, НСл)

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –
Как слезы первые любви!

- (10) Пусть оскудевая природа
О близкой гибели твердит, –
Какая пьяная свобода
В чертах погибельных сквозит!

[А взоры] [Она пр( )]
Она пред встречным опускает
Глаза манящие свои

д. Едва дрожа, плечо качает
На коромысле две бадьи,
Она пред встречным опускает
Глаза лукавые свои

¹ Было: *а.* Вот поровнялась, – подбоченясь
б, в. *начато:* Взглянула

² Едва взглянула – обожгла

² Было *начато:* *а, б.* Как лебедь

³ Было: Когда блеснем огнем дорожным

⁴ Было: Лукавый взор из-под платка.

⁵ Было: *а.* как в тексте

б. Глухая песня с облучка.

⁶ Воспроизводится по тексту Т₆.

Жалеть и плакать не умею,
Я крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

(20) Пускай заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота отуманит
Твои прекрасные черты...

Но что ж? Одной заботой боле,
Одною болью и слезой, –
Зато – как вольно в чистом поле
Под угасающей зарей!

Твои болотистые топи
Обманчивы, как ты сама:
Там – угля каменного копи,
Там – драгоценных камней тьма!

(30) Сулишь ты горы золотые,
Ты дразнишь дивным мраком недр,
Россия, нищая Россия,
Обетованный край твой щедр!

Вон там, где загляделась хата
С обрыва желтого в ручей, –
Там дочь твоя в огне заката
Стоит, накрывшись до бровей.¹

(40) Она пред встречным опускает
Глаза лукавые свои.
Едва дрожа, плечо качает
На коромысле две бадьи.

Ручей бежит, бурля и пенясь,
Взглянула – взором обожгла,
Мы поравнялись, – подбоченься,
Как лебедь, плавно прочь пошла.

(50) Но невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика...

---

¹ Стоит, закрывшись до бровей. (БВ)

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₆

- (9–12) *зачеркнуты*
(13) *как ст. 9 основного текста*
(19) *как ст. 15 основного текста*
(21–22) *как ст. 17–18 основного текста*
(23) а. Но ты все та же – лес, да поле,
б. *как ст. 19 основного текста*
(24) а. В платке узорном до бровей
б. Платок узорный до бровей...
в. *как ст. 20 основного текста*
(25–44) *зачеркнуты*
(45) *как ст. 21 основного текста*
(50) *как ст. 26 основного текста*

Вариант НР НЧ

- 10 Я крест свой бережно несусу...[◇]

Вариант НР₂ III₁

- Заглавие а. *как в основном тексте*
б. Родина^{1◇}

Вариант публикаций в ИСП, ИСТ

- 10 И крест твой бережно несусу...²

Варианты первоначальной редакции (АС РГАЛИ, Кор₂ Земли)

- (13–14) *как ст. 9–10 основного текста*
(19) *как ст. 15 основного текста*
(21–24) *как ст. 16–20 основного текста*³
(27) Там – угля каменные копи,⁴ (АС РГАЛИ)

Варианты переработки первоначальной редакции в Кор₂ Земли

- (9–12), (25–44) *зачеркнуты*
(45) *как ст. 21 основного текста*

---

¹ Восстанавливается по стертому карандашу.

² Возможно, опечатка.

³ Ст. 19: лес да поле, (АС РГАЛИ)

⁴ Возможно, описка.

"ВОТ ОН, ВЕТЕР..."

(С.174)

Черновая редакция в ЗК₂₃ (ЧА ЗК₂₃)

- л. 18 об. Вот он, ветер, звенящий тоскою острожной,¹
За бескрайною топью – огонь невозможный
Распростершийся призрак ветлы придорожной,
[Гольй призрак ветлы.]
Вот, что ты мне сулила, – глухая могила²
Одинокая смерть на дороге унылой.³
    Это сердце любило
    Это сердце остыло
- л. 18 Вот зачем я пустился
В [дорогу такую!]
Вот зачем я простился
С родною семьею!

Хорошо

Варианты Т₆ и публикации в "Нашей газете" (промежуточная редакция)

- После 7: (8–12) Глухая могила.
Одинокая смерть
На дороге унылой.
Это сердце любило.
Это сердце остыло.

Варианты переработки в Т₆ (Т₆-б.д.)

- Между 6 и 7 Вот, зачем я простился с подругою милой,
(8) Глухая могила,
(10) На дороге унылой!
(11–12) *зачеркнуты*

Варианты публикаций в СР и сб. "88 стихотворений"

- Между 2 и 3 *интервал*
3–6 Распростершийся призрак
Ветлы придорожной,

Над бескрайною топью
Огонь невозможный.

¹ Было: ^а. Ты ли ветер, звенящий тоскою острожной,

^б. Это ветер, звенящий тоскою острожной,

² Было: Все, что ты мне сулила, – глухая могила

³ Было: Одинокая смерть на дороге унылой,

Где

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

("Идем по жнивью, не спеша...")

(С. 174)

Черновой набросок в ЗК₂₂ (ЧН ЗК₂₂)

В последний раз близь этих мест
Шел мелкий дождь, мой конь устал
И ворон сел на серый крест
И братьев – воронов сзывал.¹

Овин расстелет низкий дым,
Бывало, за овином²
Мы долго, пристально следим³
За летом журавлиным

По смятым жнивьям, не спеша,⁴
Идем –⁵

Варианты Т₇

Без деления на строфы

- 10 И долго за овином◇
17 И нищих, низких деревень◇

Вариант публикации в "Юбилейном сборнике Литературного фонда"

- 17 И нищих, низких деревень

"ДЫМ ОТ КОСТРА СТРУЕЮ СИЗОЙ..."

(С. 175)

Черновой набросок в ЗК₂₈ (ЧН ЗК₂₈)

[Кольцом из рук, кольцом живым
<   > лицом живым
Молчи, молчи, мой кроткий друг

Ночной из туч (повеял) холод
Ночной росой дохнула грудь⁶]

¹ Далее было начато: ^a. Скирды желтели

[Д< >]

^b. И ни< >

² Было начато: И за овином

³ Было начато: ^a. Мы под

^b. Под

^a. Мы долго, за по< >

⁴ Было: ^a. начато: Мы выйдем н< >

^b. По жнивьям колким, не спеша

⁵ Было начато: ^a. Проходим – в

^b. Пройдем – и с нами

^a. Пройдем – душе < >{?}

⁶ Ниже в скобках записан вариант: стынет

- Эпиграф *отсутствует*
- 3-4 Лишь запад алый [алой] ризой²
 (   ) покрой меня³
- 5 *начато*: Все за об(ман?)[◇]
- 6a. Ползет нерадость здешних мест,⁴
 б. Ползет печаль угрюмых мест,
 7a. *как в основном тексте*
 б. Лишь ель крестом, крестом багряным^{◇5}
- 9a. *начато*: Приди ко мне,
 б. *начато*: На[◇]
- 10 Со мной побудь, побудь со мной[◇]
- 13 Молчи, мой друг, мой друг не падай,^{6 ◇}
- 14a. Как вьется дым, как вьется дым⁷
 б. Как на заре вползает дым
 в. Как по заре вползает дым[◇]
- 15a. *начато*: Тебя от(?)
 б. *начато*: Тебя я огражу
 в. Я огражу тебя оградой
- 17a: В кольце из рук изнемогая
 б. *начато*: Ты изнеможешь

¹ Весь текст перечеркнут.

² Было *начато*: а. И ризой
 б. Пе(?)
 в. И только там
 з. Лишь запад
 д. Лишь
 е. Лишь алый запад

³ Было: а. Лишь запад алой ризой
 Алеет там
 б. Лишь запад алый алой ризой
 Обвил меня, и умудрил меня
 в. О, бархатной, о черной ризой
 Покрой, о ночь, покрой меня

⁴ Было *начато*: Ползут

⁵ Далее было *начато*: а. Чертит в
 б. Крестила
 в. Мой
 з. Мне
 д. На путь мой
 е. К
 ж. Воздушный

⁶ падай, заключено в скобки.

⁷ Было *начато*: Смотри

- в. Я огражу тебя оградой
 18 а. Кольцом из рук, кольцом живым
 б. Живым кольцом, кольцом из рук,
 19 И нам, как дым, подняться надо,¹

*Вариант Т₇, публикаций в сб. "На рассвете",
 НЧ (НР НЧ), III₁ (НР₁ III₁, НР₂ III₁)*

Заглавие Романс

"РУСЬ МОЯ, ЖИЗНЬ МОЯ, ВМЕСТЕ ЛЬ НАМ МАЯТЬСЯ?..."

(С. 176)

Варианты ЧА ЗК₃₀²

- 1-4 *отсутствуют*
 6 *начато*: Нам не понять ◊
 8 а. Гатей, дорог и столбов верстовых
 б. Гатей, дорог да столбов верстовых
 10 а. *начато*: Но до Царьград⟨ ⟩
 б. Но до Царьградских святынь не дошла,
 12 Кинулась из степи черная мгла³
 14-16 В долгие ⟨?⟩ ночи и в белые дни⁴ ◊
 Смотрится сонно лицо онемелое ◊
 Очи татарские мечут огни
 18 а. *начато*: В ночи над
 б. Каждую ночь над становьем твоим.
 19 а. Что же маячишь ты, дикое марево,
 б. Что же маячишь ты, сонное марево,
 20 Что ты играешься духом моим. ◊

Варианты Т₇

- 3 а. Ах, не пора ль разлучиться, раскаяться –
 б. Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться –

Вариант публикаций в НЧ (НР НЧ), III₁ (НР₁ III₁, НР₂ III₁), ИСП, ИСТ

Заглавие Родине

Вариант публикации в III₂

- 14 В черные ночи и белые дни⁵

¹ Было *начато*: И нам светло

² Текст имеет два слоя – первоначальный, записанный чернилами (28 февраля), и последующий, записанный (исправленный) карандашом (19 июля) (см. коммент. к стихотворению).

³ Было *начато*: а. Из степи

б. Так

⁴ Было *начато*: Сонно глядишь ⟨?⟩

⁵ Возможно, опечатка.

Под насыпью, во рву некошенном¹
Лежит и смотрит, как живая.
В цветном платке на косы брошенном²
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом³.
И, миновав платформу длинную,⁴
Ждала под маленьким навесом.⁵

(10) Три ярких глаза набегающих –⁶
Румянец ярче, круче локон:⁷
Тревога: кто из проезжающих⁸
Посмотрит пристальней из окон?⁹

---

¹ Было: ^a. Смотри – лежит во рву некошенном
^b. У насыпи, во рву некошенном

² Было: ^a. *начато*: Бывало
^b. В платочке беленьком изношенном
^c. В платочке беленьком поношенном
^d. В платке с цветочками поношенном
^e. В цветном платке на плечи брошенном

³ Было: Бывало, хаживала, слушала
Привычный шум и свист за лесом

⁴ Было *начато*: ^a. Мечтала за платформой
^b. Пройдя платформу

⁵ Было *начато*: Глазком

⁶ Было: Три красных глаза набегающих –

⁷ Было: ^a. И резво вьется нежный локон:
^b. И круче вьется светлый локон: (*Незачеркнутый вариант*)

⁸ Было: ^a. И сколько новых проезжающих
^b. Ах, кто из проезжающих
^c. Сегодня кто из проезжающих

⁹ Было: ^a. Глядит из ( ) окон
^b. Посмотрит на нее из окон?

Далее было: ^a. *начато*: Мечтала
^b. Бывало над (?) платформой длинную
^c. Все было – за платформой длинную
^d. *начато*: Зеленый
^e. *начато*: Зовет кого-то
^f. Кого зовет огонь зеленый

- (30) Не подходите к ней с вопросами.¹
Пусть отдохнет ( ) бедняжка.²
Раздавлена она колесами.³
Или любовью – все тяжко.⁴

Лишь раз гусар – рукой небрежною⁵
Облокотясь на бархат алый⁶
Скользнул по ней улыбкой нежною –⁷
– Скользнул – и поезд в даль умчалю.

Варианты Т₇, БА₁ РГАЛИ, БА₂ РГАЛИ, НР НЧ

Заглавие и посвящение *отсутствуют*⁸ (БА₁ РГАЛИ)
Посвящение *Посвящается Марии Павловне Ивановой (Т₇, БА₂ РГАЛИ)*

Без деления на строфы (БА₂ РГАЛИ)

- 18 И обводили сонным взглядом[◇] (Т₇)
18 И обводили сонным взглядом (БА₁ РГАЛИ)
19 Платформу, сад с цветами блеклыми, (БА₂ РГАЛИ)
19 Платформу, сад с цветами блеклыми,[◇] (НР НЧ)
32 Из пробегающих вагонов...[◇] (Т₇)
32 Из пробегающих вагонов... (БА₁ РГАЛИ)

Вариант публикации в журн. "Новая жизнь"

Посвящение *отсутствует*

---

¹ Было: *а. начато:* Но не жалеете юность
б. Но отойдите вы с вопросами.

² Пусть смотрит ( ) бедняжка. (*Незачеркнутый вариант*)

³ Было: Она раздавлена колесами

⁴ Было: *а. б.* Или любовью – все тяжелое.
в. Или любовью – все так тяжко!

⁵ Было: *а. начато:* Глядели многие
б. Глядели много – суетливые
в. начато: Глядели разные
г. начато: И только раз – в венгерке
д. Лишь только раз – рукой небрежною
е. Один лишь раз – рукой небрежною

⁶ Было: Играя на подушке алой

⁷ Было: *а.* Скользнул по ней с улыбкой нежною –
б. И взор скользнул с улыбкой нежною –

⁸ В Т₇ заглавие и посвящение вписаны позднее.

ПОСЕЩЕНИЕ

("То не ели, не тонкие ели...")

(С. 178)

Черновой набросок в ЗК₂₇ (ЧН₁ ЗК₂₇)

Заглавие Ночная песнь.

Унесенная белой метелью
В глубину, в безотзывность мою —¹
Вот я вновь над твоею постелью —
Наклонилась, дышу, узнаю.²
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь ночи {   } в венце³
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице.⁴
Виновата ли я, что любила
И любить — не умела тебя⁵

Черновой набросок в ЗК₂₈ (ЧН₂ ЗК₂₈)⁶

То не ели, не тонкие ели
На закате поднимают кресты⁷
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.⁸
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою —⁹
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице.
[Виновата ли я, что гонима
Снежной вьюгой, далеко ушла?
Виноват ли и ты, мой любимый,
Что другая тебя увела?

¹ Было: В глубину, { } на зарю

² Было: Наклонилась, дышу, говорю.

³ Было начато: Я сквозь ночи и дни

⁴ Было: На моем побледневшем лице.

⁵ Было: Я любить — не умела тебя

⁶ Датировано: 17 сентября (над текстом)

⁷ Было: На закат поднимают кресты (Незачеркнутый вариант)

⁸ Было: Мои тонкие, милый, персты.

⁹ Было: В глубину, в безотзывность мою —

Я печально, печально, печально
Виновата ли я, что могила
Разлучила¹]
Только ночь²

Черновой набросок в ЗК₂₈ (ЧН₃ ЗК₂₈)³

Если жь старостью сменится младость⁴
Как и встарь над зубчатой горой⁵
Для тебя моя тихая радость⁶
Разольется вечерней зарей.

Черновой набросок в ЗК₃₁ (ЧН₄ ЗК₃₁)

Виноваты ли мы, что нам снились
Непонятные долгие сны,⁷
Что злоеущие птицы носились,
Глухо каркая, в⁸

Если помнишь и любишь меня?⁹

На лице твоём жала огня

Долгих странствий чернеющей ночи
Память страшную сердце хранит

(10) В твоём голосе – возгласы моря,¹⁰
На лице твоём – жала огня
Но ловлю в твоём пристальном взоре,¹¹
Что ты помнишь и любишь меня.

И чужая угрюмая гневность¹²

---

¹ Было начато: Разлучилась

² Было начато: Только в тихие ночи

³ Датировано: 12 января 1910

⁴ Было: Если старостью сменится младость

⁵ Было: ^a. Я опять ( ) над горой

^b. Как бывало ( ) горой

⁶ Было: Над тобой моя тихая радость

⁷ Было: Виновата ли я, что мне снились

Непонятные долгие сны,

⁸ Далее было начато: [Нам так долго]

Ты

⁹ Было: Еще помнишь и любишь меня?

¹⁰ Было начато: На устах твоих –

¹¹ Было: Но ловлю в твоём ( ) взоре, (Правка карандашом)

¹² Было: ^a. И какая то новая гневность

^b. О, какая то новая гневность

^c. И чужая упорная гневность (Незачеркнутый вариант)

У тебя межь бровей – на челе¹
Она жгла тебя – черная ревность²
По далекой, не нашей, земле?³

Встань⁴ из пепла⁵

Я не ждал тебя, я не умею

(20) Я не знаю, я верить не смею,⁶
Что ты можешь меня возвратить!

О н о т в е ч а е т:

Здесь звенели лишь песни метели,⁷
Темен дом, холодны очаги⁸
Я привык, чтобы к этой постели⁹
Наклонялись лишь злые враги.

Я не ждал тебя

С той поры, когда в сумрак глубокий¹⁰
Отошла моя¹¹

(30) [Страшных] странствий чернеющей ночи
Память страшная сердцу дана.
Я не помню, я помнить не смею,
Кто разбудит меня ото сна.¹²

---

¹ Было начато: Межь бровей – на челе

² Было начато: Пусть

³ Было: ^{а.} По далеком, не нашим, чужим,

^{б.} По далекой, не нашей, стране?

Ст. (13–16) исправлены карандашом:

И ложится упорная гневность
У меня межь бровей – на челе
Она жжет меня – черная ревность
По твоей незнакомой земле

Стихи отчеркнуты красным карандашом и сопровождаются пометой (карандаш): Относ(ится) к другому

⁴ Было начато: Она

⁵ Зачеркнуто позднее карандашом.

⁶ Было: Я не знаю и верить не смею,

⁷ Ремарка и стих вписаны.

⁸ Было: ^{а.} Темен дом мой и хладен очаг

^{б.} Темен дом мой, очаг охладел

⁹ Было: И к моей одинокой постели

¹⁰ Было: С той поры, как во мрак глубокий

¹¹ Было начато: Погру(зилась?)

¹² Было: Страшных странствий чернеющей ночи

Память велено сердцу хранить.
Я не знаю, я верить не смею,
Что ты можешь меня разбудить.

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН₅ ЗК₃₁)

Изменила мне верность мечтаний
[И колеблется пламя свечи¹]
Я не знаю – ты в сонном тумане
[Или в явь ( ) мою ночь?]

Темный дом мой ( ) метелью
И остыл ( ) очаг
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь ( ) враг

(10) Я не смею взглянуть тебе в очи
И не помню, чей голос звенит?²
Долгих лет нескончаемой ночи³
Память страшную – сердце хранит.⁴

Если даже припомню, что было⁵
Только пепел мне в очи⁶
Ветер в памяти бедной моей⁷

Лишь рубин раскаленный из пепла
Еще раз мне лицо опалит⁸

И душа ( ) ослепла

Если вспомню – лишь ветр налетит⁹

---

¹ Было начато: Пла(мя?)

² Было: ^a. Чей там голос поет и звенит?

^b. Чей мне голос поет и звенит?

Была начата правка: И не помню

³ Было начато: Долгих странствий

⁴ Далее следует незачеркнутый вариант ст. (9–12):

Я не смею взглянуть тебе в очи
Все что было – так было давно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью – сердце полно.

⁵ Было: Если даже признаю твой голос

⁶ Было: ^a. начато: Только

^b. Только пеплом взметет и развеет

⁷ Далее зачеркнуто: Только искрой рубина из пепла
Ветер бросит в

⁸ Было: Еще раз обожжет мне лицо

⁹ Было: Если вспомню – лишь ветр пролетит

Далее было начато: Ли(?)

"ТАМ НЕБА ОСВЕЩЕННЫЙ КРАЙ..."

(С. 179)

Черновые наброски в ЗК₃₁ (ЧН ЗК₃₁)

Неба ( ) край

Там разговор гусиных стай

И осень сумрачным пером
Широко реет
И старый лес под топором
Редеет

Варианты Т₇

Заглавие Осень
5 а. Как прежде, волен и силен,
б. Как прежде, волен и силен –
11 И старый лес под топором

Варианты публикации в Сборнике товарищества "Знание"

Заглавие Осень
5 как в Т₇, вар. а
11 как в Т₇

Варианты публикации в кн. "Круглый год"

Заглавие Осенняя радость
Без деления на строфы

"ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЗВУК. И ПОКОРНА ЩЕМЯЩЕМУ ЗВУКУ..."

(С. 179)

Вариант БА ИРЛИ

3 В тонком сне прижимаю к губам твою тонкую руку,

СНЫ

("И пора уснуть, да жалко...")

(С. 180)

Варианты Т₇ и БА РГАЛИ

Заглавие В детской (Сны) (Т₇)
В детской (БА РГАЛИ)
2 Не могу уснуть![◇] (БА РГАЛИ)
Между 8 и 9: (9–12) Тихо, сладостно, знакомо,

- Все, что я люблю...
 Сладко мне внимать сквозь дрему.
 Дремлешь?.. Внемлю... сплю...¹
- 12 а. О царевне ... а-ах!
 б. О царевне ... ах! (Т₇)
- 14 Горячит коня

*Варианты публикаций в альм. "Огоньки" (Ог.),
 сб. Сказки и сб. "Проталинка" (Пр.)*

- Заглавие В детской (Ог.)
 7 Едет конница... а няня² (Пр.)
- Между 8 и 9: (9–12)
 как в Т₇
 12 как в Т₇, вар. а
 14 как в Т₇

НОВАЯ АМЕРИКА

("Праздник радостный, праздник великий...")

(С. 181)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Заглавие Россия³
- 1 Праздник ( ), праздник великий[◇]
- 2 а. отсутствует
- б. Но звезда между туч не видна...^{4 ◇}
- 3 Но стоишь под метелицей дикой[◇]
- 4 Ты, родная, глухая страна.[◇]
- 5 *начато*: За снегами, степями[◇]
- 6 Твоего нам не видно лица[◇]
- 7 а. Только страшный простор перед нами,
 б. Только страшный простор пред очами,[◇]
- 8 а. Только вольная ширь без конца.⁵
 б. Непонятная ширь без конца.[◇]
- 9 а. Утопают в сугробе избушки,
 Здесь корявый корел
 б. Утопая в высоком сугробе,[◇]
- 11 Спишь в снегу, как ( ) во гробе^{6 ◇}

¹ Строчка позднее зачеркнута карандашом (Т₇).

² Возможно, опечатка.

³ Вписано карандашом.

⁴ Было *начато*: Только

⁵ Было *начато*: Только воля

⁶ Было *начато*: Спит в снегу, как в

Над во гробе зачеркнуто: ты

- 12 Эта бедная финская Русь!¹ ◇
 13 *начато*: Ты когда-то ◇
 15 а. К сердцу песней прильнешь колокольной,²
 б. ( ) глас колокольный ◇
 17 Или ладан твой синий и росный ◇
 18 а. Просквозит небывалой красой
 б. Просквозит грешной красой
 в. Просквозит мне порою иным.³
 19–20 а. *отсутствуют*
 б. Лик твой старческий, тихий и постный
 Под московским цветочным платком.⁴
 в. Нет не старческий лик и не постный
 Под узорным московским платком.
 г. Нет не старческий лик и не постный
 Под московским платочком цветным.
 21 а. И земные поклоны, да свечи,
 б. Всё земные поклоны, да свечи, ◇
 23 а. *начато*: А ужь тут
 б. *начато*: И ◇
 25 Дальше, дальше... Так ветер крепчает, ◇
 26 а. Черноземные степи в снегу
 б. Черноземный и дикий пустырь
 в. Черноземным летя пустырем
 27 Куст в метель снеговую метнулся,⁵ ◇
 28 а. Точно дьякон взмахнув орарем
 б. Словно дьякон взмахнул орарем
 29 а. А ужь там – за степной полосой
 б. А еще – за степной полосой
 в. А еще – за рекой полноводной,
 г. Эй, взгляни – за рекой полноводной,
 д. А ужь там⁶ – за рекой полноводной,
 30 Где пригнулись к реке ковыли, ◇
 33 а. Что же? Снова там стан половецкий,

¹ Далее было *начато*: Слит Ст. 9–12 были записаны позднее на отдельном листе.

² Было *начато*: а. Высюю
 б. в. В

³ Было *начато*: И сквозит и

⁴ Было *начато*: Под платком

⁵ Было *начато*: а. И в последний
 б. Как
 в. Куст в последний

г. Куст

д. Дикий

е. Куст протя(?) ( ) в снежную (?)

⁶ Было *начато*: И нет

- б. Или снова там стан половецкий,
 в. Иль опять это – стан половецкий,
 34 а. Татарва ковыли подожгла?
 б. (   ) татарская крепь?◇
 35 Или заревом фески турецкой¹ ◇
 36 Разукрасилась дикая степь?◇

После ст. 36 следуют ст. 41–44:

Нет, не выются там по ветру чубы,²
 Не пестреют в степи бунчуки, –³
 Там чернеют фабричные трубы,⁴
 Там заводские стонут гудки,

Далее следуют ст. 37–40:⁵

- Нет, не видно там княжьего стяга,⁶
 Не шеломами черпают Дон,⁷
 И прекрасная внучка варяга⁸
 Не клянет половецкий полон
 45 а. Степь, да степь – (   ) без исхода⁹
 б. Степь, да степь – без конца, без исхода
 46 а. (   ) и вдруг
 б. Путь, овеянный ветром, – и вдруг¹⁰
 в. Путь, да ветер, да ветер, – и вдруг
 47 а. Корпуса многотрубных заводов,
 б. Многобашенный корпус завода,
 50 а. отсутствует
 б. Ты все та ж, что была, и не та...
 в. Ты все та, что была, и не та...
 52 а. Ты хмелишь меня новой мечтой.¹¹
 б. Ужь иная волнует мечта.

¹ Было: Или (   ) турецкий

² Было: ^а начато: Бунчуки ли

^б Нет, не выются там длинные чубы,

³ Было: Не звенят уже там бунчуки, –

⁴ Было: Там чернеют заводские трубы,

⁵ Последовательность строф (как в основном тексте) изменена при правке.

⁶ Было начато: Так

⁷ Стих вписан.

⁸ Было: ^а И красивая дочка варяга

^б И (   ) варяга

Не клянет половецкий потомок.

На полях слева от стиха: [!?!]

⁹ Было: ^а начато: На

^б Там, в раздольи пустынном и диком,

Где

^в начато: Ты (не зачеркнуто)

¹⁰ Было начато: Только путь

¹¹ Было начато: Новой

- в. И другая волнует мечта.
 53 а. Черный уголь, как страшный Мессия,¹
 б. Черный уголь, подземный Мессия,
 54 а. Этих каменных песен твоих²
 б. Голос каменных песен твоих
 в. Здесь царит, как венчаный жених,³
 55 а. Но еще нам, невеста, Россия,⁴
 б. Он нам слышен, невеста, Россия, ◇
 56 Эти уголь, и соль, и руда ◇

Далее следовали наброски ст. 57–60

- л. 7 [Соль белеет,⁵ руда распева⁶
 И над⁷ ( ) медной руды
 Над ( ) степью витает⁸
 Небывалых Америк сады!⁹]
 л. 7 об. [Там Америка новая снится¹⁰
 За¹¹ ( )
 Соль белеет, да медь золотится,¹²]¹³

Здесь поют твои недра, Россия,
 Здесь сокровища блещут твои¹⁴

¹ Было начато: Чер(ный)

² Было начато: а. Покидает
 б. Страшн(ый?)

³ Было начато: а. Св ( )
 б. И
 в. Что

⁴ Было начато: Но еще непоня(тны?)

⁵ Было начато: а. Мы вникаем
 б. В соляных

⁶ Было: а. Соль белеет, и медь золотится
 б. Соль белеет, руды золотятся

⁷ Было начато: И железны (?)

⁸ Было: а. начато: И над дикою снится
 б. начато: И над дикою снится
 в. И над дикою степью витает

⁹ Было: Небывалой Америки сны

¹⁰ Было: а. начато: Там Америкой новой
 б. Там Америка новая снится,

¹¹ Было начато: Роковая, родная

¹² Было: а. начато: Пышет медью и углем
 б. Медью пышет, да углем чернеет,
 [Да] Белой солью белеет она

¹³ Набросок на л. 7 об. зачеркнут карандашом, следующий набросок записан карандашом.

¹⁴ Было: а. начато: Извергая
 б. Здесь сокровища стонут твои

л. 8 об. Соль белеет, да уголь крошится,¹
Да железная стонет руда.
И Америка новая снится

Там, за белым, за красным, за черным —²
Непонятный нам день Рождества.³

И Америка новая снится,

л. 8 [Соль белеет (   )
(   )
Но над белым, над черным, над красным
Небывалых Америк сады.
Соль белеет и уголь крошится
И железная стонет руда,
И Америка новая снится,
[Новый род, и его города,]
И мерцает над⁴ (   )]
[Мне⁵] Америки новой звезда.

[А над степью медлительно всходит⁶
Небывалых Америк звезда.]

57–60 а. Уголь стонет, и соль забелелась,
Медяная грохочет руда,⁷
Чтоб над степью пустой загорелась
Нам Америки новой звезда.

б. *как в основном тексте*

¹ Было: ^{а.} Мне Америка новая снится

^{б.} Здесь Америка новая снится, (*исправлено карандашом*)

^{а.} начато: Снится

² начато: Уголь стонет

² Было: ^{а.} И над белым, и красным, и черным (?)

^{б.} В этом белом, и красном, и черном (?)

Далее было: Есть великое счастье труда

³ Было начато: Воскресение мертвых

⁴ Было начато: Там, где

⁵ Было начато: ^{а.} То

^{б.} Нам

⁶ Было начато: ^{а.} Что мерцает над

^{б.} Сквозь

⁷ Было: ^{а.} И распелась (   ) руда,

^{б.} И железная (   ) руда,

Варианты БА РГАЛИ, Изборника, публикаций в РС, СР, III₂

Заглавие Россия (БА РГАЛИ,¹ РС)

Заглавие отсутствует (СР)

58 И железная стонет руда...

Варианты правки в Т₈

1-24 *зачеркнуты*

25 Степь, да ветер... И ветер рванулся,

49-52 *зачеркнуты*

"ВЕТЕР СТИХ, И СЛАВА ЗАРЕВАЯ..."

(С. 183)

Варианты ЧА ИРЛИ

Посвящение *отсутствует*

Перед 1 Да и что за жизнь без клобука²

Невысокий стелется раakitник

По излучинам речным

Крест горит издалека.

1 *начато:* ^a Ветер стих, и заводь

^b Ветер стих, и за пово(?)[◇]

2 Облекла далекие пруды.[◇]

3 Вот и схимник. Книгу закрывая,[◇]

7 Дай вздохнуть мне, погоди немного,[◇]

9 Золотеет славой заревою

11 *начато:* Не свернуть ли? Не[◇]

13 a. Но влечет, влечет неудержимо

b, в. Но опять влечет неудержимо

14 Из спокойных мест³[◇]

15 a. И широкий путь стремится мимо,

b. А шоссейный путь стремится мимо,[◇]

Варианты Т₈

Посвящение *отсутствует*

1 Ветер спал, и слава заревая

15 Путь шоссейный, убегая мимо,[◇]

¹ Заглавие зачеркнуто.

² Записано карандашом; остальной текст – чернилами.

³ Было начато: От

*Вариант БА РГАЛИ и Изборника*¹

1 Ветер спал, и слава заревая[◇]

Варианты публикации в ЕЖ

Посвящение *отсутствует*

1 *как в Т₈*

Варианты переработки в Т₈ (Т₈-б.д.)²

Посвящение *посв. маме*

1 *как в основном тексте*

2-4 Облекла далекие пруды.
Схимник, книгу закрывая,
Богомольно ждет звезды.

13 Но влечет, влечет неудержимо

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

("Боль проходит понемногу...")

(С. 183)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

*I. набросок*³

Боль проходит понемногу

Безысходное проходит
Смерть приходит, с чистым звоном⁴
Расщепляя зеркала

II. Варианты

Заглавие *отсутствует*

3 а. Есть конец <   > стонам,
б. Есть конец мятежным стонам,
4 а. *как в основном тексте*

б. Муку, злобу и тревогу
6 Ты смежил от муки вежды,^{5 ◇}

7 а. Ты не ждешь – она пришла,

б. Ты не ждешь – она вошла,

8 И стоит, с хрустальным звоном,^{6 ◇}

9-10 Тихой вестницей надежды,

¹ *Посвящение вписано (БА РГАЛИ, Изборник).*

² *Правка карандашом.*

³ *Карандашом.*

⁴ *Было: Смерть проходит, с чистым звоном*

⁵ *Было начато:* ^{а.} Час придет

^{б.} Ты не ждешь

⁶ *Было начато: И прошла*

- Расщепляет зеркала.¹
- 12 а. Точно друг твой, друг былой,
б. Точно друг твой, прежний друг, ◇
- 13 Тронул сердце тихой скрипкой?
- 15 а. Прилетел воздушный рой?²
б. Нежный рой домчался вдруг?
- 16–17 а. То она пришла, лаская,³
(Влагой смутною поя)
б. Это – тихий образ рая,
Это милая твоя,
- 18–20 а. И на смертный одр с улыбкой
Тихо ляжешь ты, смыкая
Навсегда глаза твои.⁴
б. Ляг на смертный одр с улыбкой, –
Тихо грезить, забывая
Круг постылый бытия.⁵
в. *как в основном тексте*
- Между 20–21 [И на смертный одр с улыбкой
Тихо ляг⁶]
- 21 Протянуться, улыбнуться ◇
- 23 И в последний раз – чтобплыли ◇
- 24–25 а. Сонно, мимо – груди зданий,⁷
Люди, звери, города
б. Мимо, сонно, как в тумане –
Люди, зданья, города
- 26 И чтоб звуки, не тревожа ◇
- 27 а. *начато*: Отдаленно
б. *начато*: Все ◇
- 28 а. Прозвучали в отдаленьи
б. Прозвучали б и застыли ◇
- Между 30–31 [Дерева, леса, поляны,
И проселки и шоссе,]
- 32 а. *начато*: Страсть
б. Мимо, мимо – навсегда...
- 35 а. Все, что радости несло
б. Веселило иногда...

¹ *Далее было начато*: а. И ты
б. И средь
в. И в
г. И

² *Было начато*: На

³ *Было начато*: То она

⁴ *Было*: а. *начато*: Вежды

б. Навсегда глаза свои.

⁵ *Была начата правка*: Круг [земно(го)] бытия.

⁶ *Было*: Тихо лечь

⁷ *Было начато*: Мимо, сонно

- 37 Злато, лесь – венец всего –◇
 40 а. Бесконечна ... что ж, конец?
 б. Бесконечна ... что ж – конец?
 Между 40–41 [Человеческая глупость¹]
 [Лесь, и слава, и коварство]
 41 а. А² потом леса, поляны
 б. Нет ... еще – леса, поляны
 43 а. Безысходная дорога,
 б. Каменная дорога,
 в. Наша, русская дорога,
 46 И когда пройдет все мимо, ◇
 47 а. Что я видел, слышал, знал,
 б. Чем я жил с тобой, земля,
 в. Что дарила мне земля, ◇
 Между 47–48 [Пусть последним мне виденьем]
 48 Те, кого любил я бедной ◇
 49 Уведет рукой любимой³

Варианты Т₈

- Заглавие Утешение ◇
 4 Муку, злобу и тревогу ◇
 10 а. Расщепила зеркала.
 б. Тихим кругом обвела. ◇
 16 Это – тихий образ рая, ◇
 26 Чтобы звуки, не тревожа ◇
 28 а. как в основном тексте
 б. Позвучали, потомили

"ГРЕШИТЬ БЕССТЫДНО, НЕПРОБУДНО..."

(С. 185)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)⁴

- л. 1 Три раза преклониться долу⁵
 Семь – осенить себя крестом,
 К холодно-каменному⁶ полу⁷
 Три раза прикоснуться лбом.⁸

¹ Записано карандашом (возможно, ранее остального текста).

² Было начато: Д { }

³ Было начато: Проведет меня

⁴ Над текстом вписано позднее: Грешить бесстыдно

Исправлено карандашом: ^а Грешить бесстыдно, (безрассудно?)

^б Грешить бесстыдно, непробудно

⁵ Было начато: Три раза окреститься

⁶ Было начато: К холодному

⁷ Исправлено карандашом: Тайком к заплеванному полу

⁸ Исправлено карандашом: Горячим прикоснуться лбом.

И, грош кладя в тарелку медный¹
Три раза, иль семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный²
И зацелованный оклад.³

[И под лампадкой у иконы⁴
[На жирный опершись комод⁵]
Неторопливо стричь купоны
Затем, что деньги (   )
Сальные счета]

(10) И под лампадой у иконы⁶
Пить чай, отщелкивая счет,⁷
Потом перелистать купоны,⁸
Пузатый отворив комод.

л. 2 Грешить бесстыдно, непробудно,⁹
Счет потерять ночам и дням,
И с головой от хмеля трудной¹⁰
Пройти сторонкой в Божий храм,¹¹

¹ Было начато: Потом

² Было начато: ^{a.} Поцеловать устами
^{b.} Поцеловать стеклом п(окрытый?)

³ Было: Перецелованный оклад.

Далее было начато: ^{a.} Воротясь домой:
^{b.} А воротясь домой:

⁴ Было: И под лампадкой у иконы

⁵ Было начато: ^{a.} Комод
^{b.} Когда

⁶ Было: ^{a.} А к вечеру перед иконой
^{b.} И под лампадкой у иконы

⁷ Было: ^{a.} начато: Свести
^{b.} Отщелкивать торговый счет,

⁸ Было: ^{a.} И пересчитывать купоны,
^{b.} И перелистывать купоны,

⁹ Было начато: Он плеч(   )

¹⁰ Было: ^{a.} А после с головою трудной
^{b.} И с головой хмельной и трудной

¹¹ Было: ^{a.} начато: В
^{b.} Прийти сторонкой в Божий храм,

А, воротясь домой, обмерить¹
На тот же грош, кого-нибудь,²
И пса костлявого от двери
(20) Икнув, ногою отпихнуть,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,³
Ты всех краев дороже мне!

Варианты Т₈ и БА ИРЛИ

Заглавие Россия (БА ИРЛИ)
15 И пса костлявого от двери,
19 а. Потом – перелистать купоны,
б. Потом – переслюнить купоны, (Т₈)

Варианты публикации в РС

Заглавие как в БА ИРЛИ
19 Потом перелистать купоны,

"ПЕТРОГРАДСКОЕ НЕБО МУТИЛОСЬ ДОЖДЕМ..."

(С. 185)

Черновой автограф (ЧА ИРЛИ)

1. Черновая редакция

Петроградское небо ( ) дождем
И краснел за вагоном вагон.
( )
На войну уходил эшелон.

В этом поезде тысячью жизней жила:⁴
Юность, радость, вражда и любовь
И еще – ничего... На закате была
Полоса зарева, как кровь.

¹ Было: а. как в тексте

б. И, в лавку воротясь, обмерить

² Было: Хотя на грош, хоть как-нибудь.

³ Было: Нет, и такой, моя Россия,

⁴ Было: а. начато: Было тысячу жизней

б. начато: Было тысяча жизней

а. В этом поезде тысяча жизней была:

- (10) И, садясь, запевали "Варяга" одни,¹
 А другие < > "Ермака"²
 И кричали ура, и шутили они,
 И кого-то крестила рука
- Догорела заря, и фонарь под дождем³
 Закачался < > замигал
 И горнист < > рожком
 < > сигнал
- И военной славой запел тот рожок,⁴
 И у всех обнажились сердца,
 Громыханье колес и охрипший свисток⁵
 Заглушало ура без конца.
- (20) Уж последние скрылись во мгле буфера,⁶
 < >
 А с дождливых полей все несло к нам ура,⁷
 В грозном клике звучало: Пора!
- Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,⁸
 Несмотря на дождливую даль!⁹
 Это – ясная, верная, твердая сталь¹⁰
 И нужна ли им наша печаль?
- (30) Сердце издали слышит шумящий пожар,¹¹
 Гром орудий и топот коней,
 Грудь вдыхает зловонный, отравленный пар
 С Галицийских кровавых полей.¹²

¹ Было: И, садясь, запевали "Варяга" они.

² Было: Запевали они "Ермака"

³ Было: Догорела заря, над платформой – фонарь

⁴ Было начато: И залиvistый

⁵ Было: ^a начато: И

^b Громыханье колес и охрипший свисток

⁶ Было: И последние скрылись во мгле буфера,

⁷ Было: И с дождливых полей доносилось ура,

⁸ Было: ^a начато: Нет, их было

^b Нет, мне не было грустно, и не было жаль,

⁹ Было: ^a начато: Да и что

^b И нужна ли им наша печаль?

¹⁰ Было начато: Эта – чистая, верная, весе(лая?)

¹¹ Было: ^a Там растет небывалый пожар,

^b На Карпатах растет небывалый пожар,

^c Сердце слышит шумящий пожар,

¹² Далее зачеркнуто:

Сердце, темное сердце, ты видишь пожар,

Слышишь пушки и топот коней?

Ты вдыхаешь ли < > отравленный пар

Галицийских кровавых полей?

И теперь нашей силе не видно конца,¹
Как предела нет нашим краям,²
И твердят о победе стальные сердца,³
Прирученные к долгим скорбям.⁴

Но за нами – равнины, леса и моря,
И Москва, и Урал, и Сибирь,
(40) Не отсюда грозу нам пророчит заря,⁵
Заглядевшись на русскую ширь...

Не немецкая тяжесть страшна
Восходящая⁶ тихо с Востока заря,
Во( )
И дурман золотого вина.⁷

Тихо восходящее солнце страшней⁸

II. Варианты переработки черновой редакции⁹

(1) Петроградское небо мутилось дождем
Вм. ст. (2) следует ст. (4)

Вм. (3–4) а. Взвод за взводом и штык за штыком
За вагоном тянулся вагон.

б. как ст. 3–4 основного текста

(5) В этом поезде тысячью жизней цвели:
(7–8) И еще – ничего... А на Западе шли¹⁰
Дымно-красные тучи, как кровь.

(10) А другие не в лад "Ермака",

(11) а. И кричали ура, и смеялись они,

б. как в тексте

(12) Рот смеялся, крестилась рука

(13–16) Вдруг под ветром вскрутился ( ) лист¹¹
Раскачнувшись, фонарь замигал¹²

¹ Было: а. И сильна наша сила, и нет ей конца,

б. И грозна наша сила, и нет ей конца,

² Было начато: Но победой

³ Было начато: а. Но

б. Обещают

⁴ Было: Закаленные в долгих скорбях

⁵ Было: И не здесь нам ( ) пророчит заря,

⁶ Было начато: Нет

⁷ Было начато: Легкий

⁸ Было: Восходящее солнце страшней

⁹ Правка карандашом по первоначальному чернильному слою.

¹⁰ Было: И еще – ничего... А в туманной дали

¹¹ Было: Вдруг под ветром осенний ( ) лист

¹² Было: Над платформой фонарь замигал

Варианты Т₈

- Заглавие   Война
11   И кричали ура, и шутили они.
12   Рот смеялся, крестилась рука.
17   И военною славой запел тот рожок,
20   Заглушило ура без конца.
22   Ужь сошла тишина – до утра,
23–24   А с дождливых полей все несло к нам ура
В грозном клике звучало: "Пора!"

Варианты БА РГАЛИ

- 12, 17   как в Т₈
24   В грозном клике звучало: Пора!

Варианты публикаций в РС, СР, сб. "Война в русской поэзии" (ВРП)

- Заглавие   На войну (РС)
11   как в Т₈ (ВРП)
12, 17   как в Т₈
20, 23   как в Т₈ (ВРП)
24   как в БА РГАЛИ (РС, СР)
24   В грозном клике звучало: Пора! (ВРП)
32   С галицийских кровавых полей! (РС)

Варианты правки в Т₈ (Т₈-б.д.)

- 12, 17, 20   как в основном тексте
22   И сошла тишина – до утра,
23   как в основном тексте
24   Громыхало, катилось ура.¹
25–32   зачеркнуты

Варианты публикации в III₂

- 11, 20, 23   как в Т₈
24   Громыхало, катилось ура.
25–32   отсутствуют

"Я НЕ ПРЕДАЛ БЕЛОЕ ЗНАМЯ..."

(С. 186)

БАП в Т₂ (ст. 1–4)

- а. Я пронес мое белое знамя,
Оглушонный криком врагов.
Ты прошла другими путями –
И мы одни у валов.

¹ Слева на полях – вопросительный знак (карандашом).

- б. Я не отдал белое знамя,¹
 Оглушонный криком врагов.
 Ты прошла ночными путями –
 Мы с тобой одни у валов.

Варианты ЧА ИРЛИ

1–4 *отсутствуют*

Вм. ст. 5–8 следуют ст. 13–16:

- 13 а. Но кругом все тихо и немо,
 б. А вблизи все пусто и немо,
 14 В смутном сне – враги и друзья.

Вм. ст. 9–12 следуют ст. 5–8:

- 5–6 Огневые пути, роковые²
 Развели нас и вновь свели.³
 И опять к тебе, мать (?) Россия, ◇

Вм. ст. 13–16 следуют ст. 9–12:

- Крест и насыпь могилы братской, –⁴
 Вот где ты теперь, тишина!⁵
 Лишь щемящей песни солдатской⁶
 Издали несется волна.⁷

Варианты Т₈ и БА ИРЛИ

- 16 а. *как в основном тексте*
 б. Так светло, как Любовь моя

Варианты публикаций в БВ (БВ I, БВ II), СР

- б Развели нас и снова свели, (БВ I, БВ II)
 16 *как в Т₈ и БА ИРЛИ (вар. б)*

Варианты переработки в Т₈ (Т₈-б.д.)

- 1–4 *зачеркнуты*
 5 а. Роковые пути, ночные
 б. Роковые пути ночные
 13–16 *зачеркнуты*

¹ Было: Я не предал тайное знамя,

² Было начато: а. Роковые пути, роковые

б. Огневые пути, роковые

в. Ты прошла

³ Было начато: Нас вели

⁴ Было: а. Все кресты на черни небес

б. В черном небе – кресты, кресты

в. В черном небе – молчат кресты

г. Чем же встретим – могилой братской, –

⁵ Было: Вот и насыпь могилы братской, –
 Вот какая теперь тишина!

⁶ Было: а. начато: Да

б. Да далекой песни солдатской

⁷ Было: Издали щемящий призыв

Первоначальный слой ст. (11–12) записан ранее первоначального слоя ст. (9–10).

"РОЖДЕННЫЕ В ГОДА ГЛУХИЕ..."

(С. 187)

Черновой автограф ИРЛИ (ЧА ИРЛИ)

1. Первоначальный слой записи

- л. 1 Родившийся в глухие годы
Не помнит детства своего.
Но мы – мы дети дней свободы,¹
Мы не забыли ничего.²
- Быть может, старость слишком рано³
Стучится в наши двери. Пусть.⁴
Нас старят виденные раны,
О невозможном счастья грусть.⁵
- Мы все – невольны, или вольно –
Свидетели великих лет,⁶
Мы знали голос колокольный,
Вы, вновь родившиеся, – нет.⁷

- л. 2 [Неведомый и тихий Боже!

Дай хоть на смертном ложе]

И так все страшно, Боже, Боже,⁸
Так (   ) судьба⁹
Что даже над последним ложем
Твои взвьются ястреба!¹⁰

---

¹ Было: Но мы – мы дети "дней свободы",

Исправлено: ^a. Но мы – питомцы дней свободы, (карандашом)

^b. как в тексте (чернилами)

² Было начато: И

Далее было начато: И дней (   ) войны.

³ Исправлено карандашом: Быть может, мудрость слишком рано

⁴ Было начато: Стучится к нам

⁵ Было: Надежд несовершенных грусть.

Далее было начато: Но в каждом сердце

⁶ Было: Свидетели великих дней,

⁷ Исправлено карандашом: ^a. Родившиеся позже – нет.

^b. как в тексте

⁸ Было начато: Пусть!

⁹ Было: Так невозможна тишина,

¹⁰ Было: ^a. Все будут вороны кружить.

^b. Кричать и виться коршуна!

^c. Взовьются с криком ястреба!

л. 3 [До каждого из нас – когда-то¹

Достиг тревожный гул набата
И

И эти памятные годы]

От дней войны, от дней свободы –²
Багряный отсвет в лицах есть.³
Испепеляющие годы!⁴
Безумья ли в вас, надежды ль весть?

Есть немота – то гул набата⁵
Заставил замолчать уста,⁶
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

л. 3 об. [У нас, у каждого – глубоко
В душе есть странное]
[У нас]
[И звуки были так могучи]
[И колокол]

II. Первоначальная редакция

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России⁷
Забить не в силах ничего.⁸

Мы все – невольны, или вольно –
Свидетели мятежных лет,
Слыхали голос колокольный
И видели багровый свет.⁹

---

¹ Было: ^{a.} У каждого из нас – когда-то
^{b.} как в тексте

² Было: От дней войны, от дней отсвета (?)

³ Было: ^{a.} Багровым отсветом легли
^{b.} Багряный отсвет в сердце есть.

⁴ Было начато: ^{a.} Безумны
^{b.} О

⁵ Было начато: И есть

⁶ Было: Надолго заградил уста,

⁷ Было: Мы – дети бурных лет России

⁸ Было: Мы не забудем ничего.

⁹ Было: И видели багряный свет

Взовьется с криком воронье, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!
[Да узрят Царствие Твое!]

*Варианты Собр. М.Л. Лозинского (БА) и публикаций в журнале "Аполлон",
СР, сб. "88 стихотворений", Изборника*

Посвящение *отсутствует (БА, Аполлон, СР, 88
стихотворений)*

7 От дней войны, от "дней свободы" –

"ДИКИЙ ВЕТЕР..."

(С. 187)

Варианты ЧА ЗК₄₈

- 1–9 а. Ночь и горница пуста.
В час заутрени пасхальной
Гость залетный, гость печальный
Разве стукнет в ворота?
Только ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Дико рвет,
Что ты, ветер... и т. д.
- б. Дикий ветер¹
Стекла гнет,
Ставни с петель
Дико рвет.
- 10 За окном черно и глухо[◇]
- 14 а. Но не скинуть темной дремы
б. Но не скинуть дрему, путы,
в. Как мне скинуть дрему, путы,[◇]
- 16–17 а. Как невесту ( ) в хоромы
И по имени назвать?
б. Как мне милую чужому,
Проклятому – не отдать?
- 18–22 а. Как не кинуть все на свете,
Не заплакать обо всем²
В полуночный дикий ветер,³

¹ Было: Буйный ветер

² Было начато: К(ак?)

³ Было: В полуночный буйный ветер.

Исправлено: Если ходит в гости ветер.

- Сотрясающий мой дом?
б. как в основном тексте
23 Что ты, ветер,
26 Дико рвешь

Варианты Т₉ и публикации в РС

Заглавие Ветер¹

КОРШУН

("Чертя за кругом плавный круг...")

(С. 188)

Варианты ЧА ЗК₄₈

- 1 Чертя² за кругом круг, ◊
2 а. Над лугом коршун кружит,
б. Над лугом коршун плавно кружит,
в. Над сонным лугом коршун кружит,
3 а. И смотрит на просторный луг.
б. И смотрит на пустынный луг.
4 В избушке мать над люлькой тужит –
6 "Расти, трудись и крест неси". ◊
7 а. Идут века. Горят хлеба
б. Идут века. Горит война,
в. Идут века. Встает война,
2. Идут века, встает война, ◊
8 Но ты все та ж,³ моя страна, – ◊
11 И ( ) коршуну кружить⁴ ◊

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

Вариант публикации в РМ

Посвящение Посвящается моей жене.

---

¹ Вписано красным карандашом (Т₉).

² Было начато: За

³ Было начато: а. Все (?)

б. Все та же

⁴ Далее было начато: И

"МЫ ЗАБЫТЫ, ОДНИ НА ЗЕМЛЕ..."

(С. 191)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Перед 1 [Чтоб хоть шелк, что вдеваешь в иглу¹
Побеждал пестротой эту мглу.]
2 *начато*: Будем тихо сидеть[◇]
3 а. В этом комнатном тихом углу
б. В этом комнатном теплом углу
5 а. Погляди, как тогда... огоньки...
б. За окном, как тогда... огоньки...
10 а. Еще новую весть.
б. Там какую-то новую весть.
12 а. *начато*: Точно
б. Все прошло, ничего не вернешь,
13 а. Только стены, да книги мои²
б. Только стены, да книги, да дни,
15 *начато*: И безропотно[◇]
17 а. Только вот – занялась ты опять
б. Только вот – начала ты опять
в. Только вот – принялась ты опять³
Между 20 и 21: (21–22) Как весна постучалась к нам в дверь...
Ну, да разве припомнишь теперь!⁴
[Так возьми же поярче шелка
Как тогда ты брала

Помню только, что ярче брала⁵
Ты шелка]
21 (Но,) когда ты моложе была,
26 Скрасил эту октябрьскую мглу...⁶

Вариант Т₈, Изборник

9–10 *зачеркнуты*

Вариант публикации в III₂

9–10 *отсутствуют*

¹ Было *начато*: Чтоб хоть шелк, что вдеваешь ты

² Было *начато*: Кроме этих

³ Далее было *начато*: Этот

⁴ Ст. (21–22) *перечеркнуты позднее карандашом.*

⁵ Было *начато*: Помню только, что ярче был

⁶ Исправлено *карандашом*: а. *начато*: Скор (?)

б. Побеждал пестротой эту мглу...

"ПОЕТ, ПОЕТ..."

(С.192)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 5 *начато*: Седо ⟨?⟩◇
8 Баюкает и нежит Время...
9 а. *начато*: Так древен
б. И древни мы,
10-11 Так древен мира бег, ◇
Между 15-16 [Вернись]
17-18 а. В холодные объяття
Ночи...
б. *как в основном тексте*¹
19-22 а. Всю жизнь отдать,
Отдать ей навсегда,²
И очи
Смыкать, смыкать,
Смыкать навек в объяттях ночи,
б. Всю жизнь (вздохнуть)
Ей навсегда,
И очи
Сомкнуть, сомкнуть,
Сомкнуть навек в объяттях ночи.
в. Вздохнуть, и очи³
навсегда
Сомкнуть
Сомкнуть в объяттях ночи.
24 а. *начато*: Страстям
б. Страстям и думам
26 Полночным шумом ◇
28-29 а. *начато*: От огневой зари
б. *начато*: Былой зари
в. Последний свет
Былой зари
2. Последний свет
Померк, умри,
30 а. *начато*: умри, по⟨ ⟩
б. Померк последний свет зари...

---

¹ Исправлено при незачеркнутом предыдущем варианте:

На снеговую [гладь]
Последней ночи...

² Было *начато*: Ей

³ Было *начато*: Всю жизнь отдать

После 30:
(31–38)

И огневой
Последней полосой¹
Заката²
Любуйся, и бледней, и пой,³
Когда-то⁴
Ты был, как небо, огневой,
Ты был, как месяц, молодой,
Ты был, как небо огневой...⁵

Вариант публикации в III₂

21–22 Сомкнуть. Сомкнуть в объятых ночи...

"МИЛЫЙ ДРУГ, И В ЭТОМ ТИХОМ ДОМЕ..."

(С. 192)

Варианты ЧА ИРЛИ

- 1 *начато*: Милый друг, и в этой ◊
5 а. Все еще поют, взывают вьюги,
6. Все еще поют, взывая, вьюги, ◊
Между 6–7 [Взор мой] [слепот(а?)]
[бродит]
7 За плечом твоим подруга ◊
9–12 а. За твоими тихими плечами
Не дают вздохнуть
Серафимы с жадными очами
< >
6. Прятаясь за тихими плечами
Не дают вздохнуть
Серафимы со светящими очами,
< >
в. Прятаясь за тихими плечами
Не дает вздохнуть
Серафим с светящими очами,
< >
2. За твоими тихими плечами
Не дает вздохнуть
Ангел бьет светящими очами.⁶
Как мечами, в грудь

¹ Было: Последней полосой

² Было: Света

³ Было: Любуйся, и бледней, бледней

⁴ Далее было: [Она была началом дней]
[Она] [И ты был]

⁵ Ст. (31–38) позднее перечеркнуты карандашом.

⁶ Было начато: Бь(ет)

- д. За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл.
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури – *Азраил*.¹

"ИЗ НИЧЕГО – ФОНТАНОМ СИНИМ..."

(С. 193)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Перед 1 [И в трубных взлетающих звуках
И в шумах² и в гулах]
- Вспорхнуло, вздохнуло, взвилось³
Он разлетелся (?) там над далью⁴
Лишь искр пучком⁵
А здесь – один спиралью⁶
- 2 а. Брызнул свет,⁷
б. Вдруг брызнул свет,⁸
- 5–6 а. Рассыпался над водной далью
Лишь искр пучком,
б. *как в основном тексте*
- 7–8 а. А здесь – опять – один – спиралью,
Другой – волчком
б. А здесь, опять, один – спиралью,
Другой – волчком
в. А здесь, опять, опять – спиралью,
Дугой, волчком
- 9–12 а. Зеленый, желтый, красный, синий⁹

¹ Было: Ангел бури, ангел *Азраил*.

² Было начато: И в песнях

³ Было: Померкло, вздохнуло, взвилось

⁴ Возможный вариант: Он разметался там над далью

Было: а. И только над морской далью

б. Там над ночной морской далью

⁵ Было начато: а. Огней

б. Пучок (?), и за звезд (?)

⁶ Было: а. А здесь – шипящую спиралью

б. А здесь – опять (?) спиралью

⁷ Было начато: Синим

⁸ Далее было: [Шипит спираль]

[Брызги]

[И чахнет в море]

[Чахнет в море]

[Чахнет в море]

⁹ Было: а. Летит – зеленый, желтый, красный,

б. Летят – зеленый, желтый, красный,

[Зигзаг огня,]¹
И, овладев ночной пустыней,²
Зачах.

б. *как в основном тексте*

Вариант Т₈

Заглавие Фейерверк

"ВСПОМНИЛ Я СТАРУЮ СКАЗКУ..."

(С. 193)

Варианты ЧА ИРЛИ

2 а. *начато:* Слушай

б. Друг мой, послушай меня.

После 4 [Лук с тетивою тугою
Стрел закаленных колчан]

б. Ветер в трубе бушевал. ◊

7 а. *начато:* Боже,

б. *начато:* Бог, сохрани

в. – Тяжко теперь бесприютным!

г. – Плохо теперь бесприютным!

д. – Трудно теперь бесприютным! ◊

После ст. 8 следуют ст. 17–20:

а. И посадил на колени³
Мальчика добрый старик,
Мальчик дрожащий от стужи
К старому сердцу приник.

б. И, усадив на колени,
Мальчика греет старик,
Тихо доверчивый мальчик⁴
К старому сердцу приник.

Далее следуют ст. 9–12:

10 а. Отпер старик перед ним

б. Сказочник дверь отворил.

После 12 – Где ж твои папа и мама?

– Нет никого у меня.

– Кто же отец твой и мать?

Далее следуют ст. 13–16:

13 а. Маленький мальчик с порога

б. *как в основном тексте*

15 Стрелок колчан за плечами,

¹ *Далее было начато:* И

² *Было:* И над морской пустыней

³ *Было начато:* Мальчика

⁴ *Было:* Тихо застуженный мальчик

После ст. 16 следуют ст. 21–24:

- 21–22 а. *начато*: Кто твоя мать, кто отец твой?
б. Что у тебя за игрушки,
Кто подарил их тебе?
в. *как в основном тексте*
23 *начато*: – Верно, из[◇]
24 Метко умеешь пускать?[◇]
25–26 а. Вдруг засмеялся и спрыгнул
Мальчик с колен ( )
б. Громко в ответ засмеялся[◇]
Мальчик, и на пол спрыгнул
27 а. Вот тебе старый! сказал он
б. Вот как умею! сказал он
29–32 а. Вот тебе, старый, ( )
В сердце попала стрела
б. Вот тебе, старый! ( )
В сердце пуская стрелу.
Скрылся, ( )
Сказочник плачет ( )
в. В старое сердце глубоко
Тонкая стрелка впилась.
г. В старое сердце глубоко
Тонкая стрелка вошла.
д. Стрелка вонзилась глубоко
Старое сердце в крови.
Вот как разят ( )
Острые стрелы любви.
е. В самое сердце попал он
Старое сердце в крови.
Ранят неожиданно и больно
Острые стрелы любви.
33–34 а. Тяжек недуг,
Старый, терпи,
б. Тяжкий недуг,
Старик, терпи,
40 Провспоминаешь ты всегда,
47–48 а. Что влекло,
Что цвело,
б. *как в основном тексте*

После 49:
(50–54)

Все, все,
Все, что было,
То и се
Вспомнишь ты и то и се.

15 как в ЧА ИРЛИ[◇]

"БЫЛО ТО В ТЕМНЫХ КАРПАТАХ..."

(С. 195)

Варианты ЧА ИРЛИ

- Перед 1 Что? "Не общественно"? – Знаю.
Что? "Декадентство"? – Пожалуй.
Что? "Непонятно"? – Ну, пусть.¹
Все-таки вечер прошел.
2 Было в Богемии темной...
4 а. Жутко и боязно стало...
б. Жутко и холодно стало...
5 Это я помню неясно...
6 а. Это – отрывок чего-то...
б. Это – отрывок случайный...
7 а. Это – из жизни *другой*...
б. Это... из жизни *другой* мне
8 а. *начато*: Ветер
б. Жалобный ветер напел.
9 Ты слушай сказки. Я привык
10–11 а. Вникать в туманный их язык
Есть чудный мир
б. *как в основном тексте*
12 И узнавать[◇]
14 Ты слушай ход^{2 ◇}
17 И темной думы рост[◇]
18 а. И с ветром петь,
б. И вместе с ветром петь,
19 И легче жить,[◇]
21–24 *отсутствуют*
25–26 Мой старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго – крепче спи,³
30 Что ветер поет[◇]

¹ Было: Что? "Непонятно"? – Ну, да.

² Было *начато*: Есть

³ Было *начато*: Уже

Ст. 25–26 вписаны.

Варианты T₈ и публикаций в РМ, III₂

Между 8 и 9:⁵(9–12) Это – я помню неясно, (T₈)
Что ж? "Не общественно"? – Знаю.
Что? "Декадентство?" – Пожалуй.
Что? "Непонятно"? – Пускай;¹
Между 24 и 25 Все-таки, вечер прошел.²
интервал отсутствует

Вариант правки в Кор₂ Земли

Между 8 и 9 (9–12) *зачеркнуть*

---

¹ Пускай: (T₈)

² В T₈ четверостишие зачеркнуто позднее карандашом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

⟨к Собранию стихотворений. Кн. третья.
Снежная ночь (1907–1910). М.: Мусагет, 1912⟩

(С. 196)

Черновой набросок в ЗК₃₂ (ЧН ЗК₃₂)

Заканчивая этой третьей книгой мое¹ "собрание² стихотворений", я хочу объяснить в самых общих чертах, почему и в каком смысле³ я объединяю все три книги под именем⁴ "трилогии".⁵ Испытывая свои художнические⁶ способности на других литературных формах, я еще не настолько отошел от своих лирических стихов, чтобы забыть их, но однако настолько, что получил возможность и, как мне кажется, право отнести к ним с большей объективностью.⁷

---

¹ мое вписано.

² Далее вписано и зачеркнуто моих

³ и в каком смысле вписано.

⁴ Было: даю всем трем книгам название

⁵ Далее зачеркнуто: Отойдя на большое расстояние от своих лирических стихов

⁶ Вписано.

⁷ Далее зачеркнуто и попробовать.

КОММЕНТАРИИ

В третий том настоящего издания вошли стихотворения 1907–1916 гг. (разделы: "Страшный мир", "Возмездие", "Ямбы", "Итальянские стихи", "Разные стихотворения", "Арфы и скрипки", "Кармен", "Родина", "О чем поет ветер") и поэма "Соловьиный сад" (1915), включенные самим поэтом в "канонический" "третий том" так называемого "основного собрания" его лирики. Том, подготовленный Блоком в 1918 г. в издательстве "Земля", вышел из печати в 1921 г. в издательстве "Алконост".

"Третий том" был задуман и впервые сформирован Блоком как заключительная часть его поэтической "трилогии". Идею "трилогии" поэт воплотил в издании трехтомного "Собрания стихотворений" 1911–1912 гг. В переговорах Блока с книгоиздательством "Мусагет", проходивших осенью 1910 г. (см. воспоминания Андрея Белого об этом: Эпопея. 1922. № 4. С. 191–200), речь шла сначала о собрании сочинений поэта. Затем вырисовывается план издания "трилогии" лирики. 19 декабря 1910 г. Блок писал одному из руководителей "Мусагета" Э.К. Метнеру: «Для меня окончательно выяснилось, как бы я хотел издать свои книги. Оставим преждевременное "собрание сочинений", пусть это будет лучше "собрание стихотворений в 3-х книгах". У меня выработан совершенно определенный план, который предлагаю на Ваше рассмотрение. Minimum того, что я хотел бы, чтобы "Мусагет" издал в этом сезоне (в течение января, февраля) – небольшой сборник новых моих стихов под заглавием "Ночные часы". (...) Впоследствии этот сборник должен составить часть третьей книги стихов вместе с "Землей в снегу"». Стихотворения двух этих сборников и легли в основу третьей книги "Собрания стихотворений" (Снежная ночь (1907–1910). М.: Мусагет, 1912).

Сборник "Земля в снегу" (ЗС) вышел в свет в июле 1908 г. В книгу, состоящую из шести разделов ("Подруга Светлая", "Мещанское житье", "Вольные мысли", "Песня Судьбы", "Послания", "Снежная Маска"), входит 96 стихотворений. 70 из них включены в состав третьей книги "Собрания стихотворений" 1912 г., 2 – в "канонический" "третий том": "На родине" ("В густой траве пропадешь с головой..." (в основном тексте без заглавия), "Ты отошла" ("Ты отошла, и я в пустыне...") (в основном тексте без заглавия).

Сборник "Ночные часы" Блок начал готовить независимо от предложения "Мусагета", а затем вел работу по подготовке обоих изданий одновременно. 13 декабря 1910 г. поэт писал матери: "Не знаю, что издавать прежде – новый сборник, или I том". Составление сборника заняло около года. Блок хотел включить в его состав поэму "Отец" (впоследствии – третья глава поэмы "Возмездие"). О трудностях в работе Блок не раз сообщал матери, например, 6 января 1911 г.: "Начать работу, как следует, мне все не удастся. Метнер просит присылать и новый сборник и первый том и пишет, что они постараются издать весной и то-и другое. Но новый сборник все не готов (и поэма тоже) – кажется, лучше отложить до осени. Пошлю только первый том". 9 января 1911 г. Блок писал матери: «Сборник – не механическая работа: надо

дописать и поэму и несколько стихотворений. Я все еще кое-что переделываю и подчищаю. Чем зрелей – тем лучше. "Земли в снегу", все равно, продано только 1000, остальная 1000 осталась, и придется ждать с третьим томом».

28 мая 1911 г. Блок обратился к секретарю "Мусажета" А.М. Кожебаткину: «Что "Ночные часы"? Хочу Вас просить три экземпляра корректуры: один верну Вам, а при помощи двух других буду составлять III книгу: она почти готова (как и вторая) – дело стало только за текстами стихов».

Сборник "Ночные часы" вышел из печати в октябре 1911 г. (см. запись в дневнике от 29 октября). Он состоит из 6 разделов: "На родине", "Возмездие", "Опять на родине", "Голоса скрипок", "Страшный мир", "Итальянские стихи". В сборнике – 78 стихотворений. 65 из них вошли в третью книгу "Собрания стихотворений" (не включен отдел переводов из Гейне "Опять на родине" и стих. "Маргарите" ("Душа! Когда устанешь верить?...").

64 стихотворения вошли в "третий том" "основного собрания": "Благовещение"; "Весенний день прошел без дела..."; "Всё, что память сбережет мне старается..."; "Встреча" ("Уж вечер светлой полосой...") (в основном тексте без заглавия); "В ресторане", "Голоса скрипок"; "Голубоватым дымом..."; "Грусть и плача и смеюсь..."; "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."); "Дохнула жизнь в лицо могилы..."; "Дух прятный марта был в лунном круге..."; "За гробом"; "Здесь дух мой злостный и упорный..." (в основном тексте "Какая дивная картина..."); "Идут часы, и дни, и годы..."; "Из хрустального тумана..."; "Искуситель" ("Ты в комнате один сидишь..." (в основном тексте без заглавия); "Как прощались, страстно клялись..."; "Когда, вступая в мир огромный..."; "Когда я прозревал впервые..."; "Madonna da Settignano"; "Май жестокий с белыми ночами..."; "Maria da Spoleto" (в основном тексте под заглавием "Девушка из Spoleto"); "Маргарите" ("Душа! Когда устанешь верить?...") (в основном тексте без заглавия); "Мой милый, будь смелым..."; "Мэри" (три стихотворения); "На железной дороге"; "На закате" ("Она, как прежде, захотела...") (в основном тексте без заглавия); "На островах"; "На поле Куликовом" (пять стихотворений); "На смерть младенца"; "Не затем величал я себя паладином..."; "Не спят, не помнят, не торгуют..."; "Ночь, как ночь, и улица пустынна..."; "О доблестях, о подвигах, о славе..."; "Опустись, занавеска линиялая..."; "Осенний день"; "Песнь Ада"; "Под шум и звон однообразный..."; "Поздней осенью из гавани..."; "Посещение"; "Равенна"; "Родине" ("Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...") (в основном тексте без заглавия); "Романс" ("Дым от костра сгуюю сизой...") (в основном тексте без заглавия); "Россия"; "Свирель запела на мосту..."; "Слабеет жизни гул упорный..."; "Три послания"; "Уже над морем вечереет..."; "Уже померкла ясность взора..."; "Умри, Флоренция, Иуда..."; "Успение"; "Холодный ветер от лагуны..."; "Юность" ("В тихий вечер мы встречались...") (в основном тексте без заглавия); "Я не звал тебя – сама ты..."; "Я пригвожден к трактирной стойке..."; "Я сегодня не помню, что было вчера...".

Формированием третьей книги "Собрания стихотворений" Блок был занят с весны 1911 г. В это время он работает над композиционной "рамой" для книги. 15 апреля 1911 г. датирован черновой набросок стих. "Благословляю всё, что было..." (ЗК₃₂. Л. 17 об.), которое предназначалось для третьей книги как "заключение" всей "трилогии". В начале июня Блок создает еще один набросок этого стихотворения и – набросок предисловия (не вошедшего в издание, см. Приложение наст. тома).

Рукописи второй и третьей книг были подготовлены Блоком одновременно. В письме к Л.Д. Блок от 13 июня 1911 г. он сообщал: "Везу Кожебаткину рукописи второй и третьей книги". В письме к А.М. Кожебаткину от 3 ноября 1911 г. Блок выразил пожелание, "чтобы они вышли одновременно" и "чтобы они были непременно на такой же бумаге, как первая, чтобы их можно было вместе переплести и получить внушительный том".

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

×

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1905—1914)

М. 76.
11.05/15.
Страшный миръ. — Возмездіе. — Опять на родинѣ. — Итальянскіе стихи. — Разныя стихотворенія. — Арфы и скрипки. — Кармень. — Родина. — О чемъ поетъ вътеръ.

Изданіе 2-е, переработанное и дополненное.

МОСКВА

Издательство МУСАГЕТЬ

МСМХVI

АЛЕКСАНДР БЛОК. СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ (1905—1914)

Обложка. М., 1916

Третья книга доставила Блоку много хлопот. 19 декабря 1911 г. Блок писал А.М. Кожебаткину: "Я увидел вдруг, что совершенно неправильно распределил материал третьего тома. Если не поздно, нельзя ли получить сначала не сверстанную корректуру, многое придется переставить, а кое-что прибавить. После этого – хорошо бы, как прежде – корректуру и в сверстанном виде". Начало работы над первой корректурой третьей книги относится к 3 января 1912 г. (СС–87. С. 118).

О завершении работы над книгой Блок сообщал матери 15 января 1912 г.: "Я написал заключит(ельное) стих(отворение) к собранию стих(отворений)". Запись в дневнике от 1 февраля 1912 г.: "Корректурa III книги, примечания" – фиксирует последний этап работы над изданием.

Книга вышла в свет в марте 1912 г. (см. дневниковую запись от 24 марта 1912 г.). Она имеет название – "Снежная ночь" – и состоит из девяти разделов: "Снежная Маска" (с двумя подразделами: "Снега" и "Маски"); "Вольные мысли"; "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; "Песня Судьбы"; "Страшный мир"; "Возмездие"; "Итальянские стихи"; "Арфы и скрипки"; "Родина". В составе книги 164 стихотворения; более половины из них вошли в "третий том" основного собрания: из его 242 стихотворений в издании 1912 г. уже было 85: "Аэроплан" ("В неуверенном зыбком полете...") (в основном тексте без заглавия); "Благовещенье"; "Большая дорога" ("Сегодня ты на тройке звонкой...") (в основном тексте без заглавия); "Весенний день прошел без дела..."; "Всё б тебе желать веселья..."; "Всё на земле умрет – и мать, и младость..."; "Всё та же озерная гладь..."; "Всё, что память сберечь мне старается..."; "Всё это было, было, было..."; "Встреча" ("Уж вечер светлой полосой...") (в основном тексте без заглавия); "Встречной"; "В густой траве пропадешь с головой..."; "В ресторане"; "В темном парке под ольхой..."; "В тихий вечер мы встречались..."; "В эти желтые дни меж домами..."; "Голоса скрипок"; "Голубоватым дымом..."; "Грустя и плача и смеясь..."; "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."); "Дохла жизнь в лицо могилы..."; "Друзьям"; "Дух пряный марта был в лунном круге..."; "Жениха к последней двери..."; "За гробом"; "Заключение" ("Благословляю всё, что было...") (в основном тексте без заглавия); "Здесь дух мой злобный и упорный..." (в основном тексте – "Какая дивная картина..."); "Идут часы, и дни, и годы..."; "Из хрустального тумана..."; "Искуситель" ("Ты в комнате один сидишь...") (в основном тексте без заглавия); "И я любил. И я изведаль..."; "Как прощались, страстно клялись..."; "Когда, вступая в мир огромный..."; "Когда я прозревал впервые..."; "Косы Мэри распущены..."; "Madonna da Settignano"; "Май жестокий с белыми ночами..."; "Maria da Spoleto" (в основном тексте под заглавием "Девушка из Spoleto"); "Мой милый, будь смелым..."; "На железной дороге"; "На закате" ("Она, как прежде, захотела...") (в основном тексте без заглавия); "На островах"; "На поле Куликовом" (пять стихотворений) "На смерть Коммиссаржевской"; "На смерть младенца"; "Не венчал мою голову траурный лавр..."; "Не затем величал я себя паладином..."; "Не спят, не помнят, не торгуют..."; "Ночь, как ночь, и улица пустынна..."; "О доблестях, о подвигах, о славе..."; "Опустись, занавеска линиялая..."; "Опять у этой двери..."; "Осенний день"; "Песнь Ада"; "Перуджия"; "Под шум и звон однообразный..."; "Поздней осенью из гавани..."; "Посещение"; "Равенна"; "Родине" ("Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?.."; в основном тексте без заглавия); "Романс" ("Дым от костра струю сизой..."; в основном тексте без заглавия); "Свирель запела на мосту..."; "Сиенский собор"; "Сквозь серый дым от края до края..."; "Слабеет жизни гул упорный..."; "Три послания"; "Ты отошла, и я в пустыне..."; "Ты так светла, как снег невинный..."; "Уже над морем вечереет..."; "Уже померкла ясность взора..."; "Умри, Флоренция, Иуда..."; "Усните блаженно, заморские гости..."; "Успение"; "Флоренция, ты ирис нежный..."; "Холодный ветер от лагуны..."; "Я видел сон: мы в древнем склепе..."; "Я не звал тебя, сама ты..."; "Я пригвожден к трактирной стойке..."; "Я сегодня не помню, что было вчера...".

Таким образом, в первом издании присутствует треть стихотворений будущего "третьего тома".

Стихотворения в книге напечатаны без спусков, многие – датированы. Книга содержит авторский комментарий к отдельным стихотворениям и примечания (см. Приложение наст. тома), в которых, в частности, Блок указал на шесть ранее не печатавшихся стихотворений: "В эти желтые дни меж домами..." (LXXII); "Перуджия" ("День полувеселый, полустрадный...") (CIII); "Флоренция" ("3. Флоренция, ты ирис нежный...") (CIV); "Сиенский собор" ("Когда страшишься смерти скорой...") (CV); "Аэроплан" ("В неуверенном зыбком полете...") (CXXIII); "Заключение" ("Благословляю всё, что было...") (CXL).

В промежутке между двумя изданиями собраний стихотворений, с 1912 по 1915 гг., Блок выпустил только три небольших сборника. В декабре 1912 г. (см. дневниковую запись 24 декабря) вышли в свет две детские книги: "Круглый год. Стихотворения для детей" и "Сказки. Стихи для детей" (обе в издательстве "Т-во И.Д. Сытина". М., 1913). О работе над этими книгами Блок писал матери 2 июня 1912 г.: "Составляю детские книжки для Сытина". Третий сборник "Стихи о России" (Пг.: Отечество, 1915) вышел из печати в мае 1915 г. (об отправке двух экземпляров книги Блок сообщил матери в письме от 29 мая 1915 г.).

Ряд стихотворений из этих сборников – имеются в виду стихотворения, не входившие в другие книги и сборники, – были помещены Блоком в третью книгу второго собрания "Стихотворений" (М.: Мусагет, 1916. Кн. 3). Это – одно стихотворение из сб. "Круглый год" ("Там неба осветленный край..."), одно – из сб. "Сказки" ("Сны" ("И пора уснуть, да жалко...")); семь – из "Стихов о России" ("Задебранные лесом кручи...", "Ветер стих, и слава заревая...", "Рожденные в года глухие...", "Грешить бесстыдно, непробудно...", "Праздник радостный, праздник великий..." ("Новая Америка"), "Петроградское небо мутилось дождем...", "Последнее напутствие"). Перечисленные стихотворения, а также еще одно из "Сказок" ("Сусальный ангел") и два – из "Стихов о России" ("Вот он, ветер...", "Я не предал белое знамя...") вошли в "канонический" третий том.

В 1913–1914 гг. Блок готовил к изданию три книги стихотворений и том "Театр" для основанного в ноябре 1912 г. издательства "Сирин". Издание не состоялось: сохранилась лишь часть корректуры первой книги. Блок вернулся в "Мусагет", для которого в 1915 г. подготовил новое собрание "Стихотворений" (о работе над новым собранием см., в частности, в письме Вл. А. Пясту от 26 апр. 1915 г.)

Переговоры об издании собрания "Стихотворений" в "Мусагете" Блок вел с 7 февр. 1915 г. (см. публикацию М.В. Чарушниковой "Письма А. Блока Н.П. Киселеву" // Зап. Отд. рукописей. ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 225 и след.). В письме секретарю издательства Н.П. Киселеву от 13 марта 1915 г. Блок сообщил, что, занимаясь "своими старыми стихами" после предварительных переговоров с сотрудником издательства В.В. Пашуканисом, он "решил совершенно переработать издание и сделать не три (и не четыре) тома, а всего два (стихов; театр – отдельно)". Причиной такого решения послужили сомнения в художественной значительности многих ранних стихотворений (см. записи от 25 февр. и 2 марта 1915 г. – ЗК. С. 256, 257). В следующем письме от 6 апреля 1915 г. Блок уже предложил проект трехтомного издания, в котором написал о заключительной книге стихов: "Третья книга – без заглавия (1905–1914): Вольные мысли, Страшный Мир, Возмездие, Итальянские стихи, Арфы и Скрипки и Родина". Готовя книгу к печати, Блок изменил ее композицию, включил в состав разделы "Опять на родине", "Разные стихотворения", "Кармен", "О чем поет ветер"; раздел "Вольные мысли" перевел во вторую книгу.

Договор на издание собрания "Стихотворений" и книги "Театр" был заключен

15 апреля 1915 г. (копия договора: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1). 1 июня 1915 г. Блок сообщил матери: "Все рукописи в "Мусажет" посланы. Поскольку Блок был призван на воинскую службу, работу над корректурой третьей книги заканчивала в августе 1916 г. Л.Д. Блок (см. ее письмо Блоку от 9 августа – *ЛН*. Т. 89. С. 365).

Второе издание "третьего тома" было осуществлено в 1916 г. В нем 178 стихотворений (из них 12 переводов). По составу оно сильно отличается от первого издания. Примерно треть стихотворений, бывших в составе "третьего тома" 1912 г., Блок в издании 1916 г. поместил во "второй том". Среди 166 оригинальных стихотворений третьей книги 1916 г. лишь 77 уже входили в третью книгу собрания 1912 г. В состав третьей книги "Стихотворений" был включен отдел переводов из Гейне "Опять на родине" (12 стих.), входивший в сборник "Ночные часы". 6 стихотворений были взяты из второй книги собрания 1912 г. (в издании 1918 г. они возвращены во "второй том"). По существу, Блок в 1916 г. сформировал "третий том" заново. Переработку текстов отдельных стихотворений для издания 1916 г. отличало стремление к сокращению.

В книге – девять разделов: "Страшный мир", "Возмездие", "Опять на родине", "Итальянские стихи", "Разные стихотворения", "Арфы и скрипки", "Кармен", "Родина", "О чем поет ветер". Книга не имеет заглавия – только указание тома примечаний нет, датированы отдельные (немногие) стихотворения, тексты напечатаны со спусками.

158 стихотворений книги вошли в "третий том" основного собрания, что составляет примерно 65% его состава.

Переговоры об издании третьего собрания "Стихотворений" и книги "Театр" Блок начал с издательством "Земля" 11 июня (29 мая) 1918 г. Этим днем датирована следующая запись в записной книжке: "В 7-м часу придут Княжнин и Ал(ексей) Ив(анович) Эйманишвили (искаж. Имнайшвили. – *Ред.*) говорить об издании". (*ЗК*₅₆. Л. 81). 14(1) июня был заключен договор (см.: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 217–218).

Этапы работы над томом фиксируют следующие записи: от 16(3) июля 1918 г.: "Составл(ение) III книги" (*ЗК*₅₆. Л. 101 об.); от 26 (13) августа 1918 г. "Сдал текст III тома и корр(ектуру) др(угого (?))" (*Там же*. Л. 123); от 28(15) сентября 1918 г.: "Верстка всей III книги (11 листов)" (*Там же*. Л. 139 об.). Итак, в сентябре 1918 г. том был сверстан. Однако в печать он не поступил в связи с ликвидацией издательства "Земля". Готовый для печати набор оставался в типографии более двух лет. Затем руководитель Петроградского отделения Государственного издательства И.И. Ионов решил выпустить том в Госиздате. Предложение Иконова Блок отклонил; 9 января 1921 г. он записал в дневнике: «Звонил г. Белопольский, предлагал мне по поручению г. Иконова продать III том государственному издательству. Я сказал, что хочу, чтобы книга вышла в "Алконосте"» (см. запись от 4 января 1921 г.). Ионов был настроен непримиримо, он готов был скорее рассыпать набор книги, чем уступить право ее издания "Алконосту". 15 января Блок написал "Заявление" в Редакционную коллегию Петроградского отделения Государственного издательства, в котором настаивал на пересмотре решения о выходе книги в Госиздате (*БС-1*. С. 534–535). Несмотря на это было принято постановление печатать том, о чем Ионов сообщил Блоку письмом от 5 февраля (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 9). 7 февраля Блок ответил категорическим отказом и вновь повторил свою просьбу: "Разрешить мне выпустить III том моих стихотворений в издательстве "Алконост", наиболее близком по духу к символической школе, к которой я всегда принадлежал" (*БС-1*. С. 535).

Твердая позиция Блока в конце концов восторжествовала. В дневниковой записи от 25 мая 1921 г. Блок отметил: "Моя переписка с Ионовым, окончившаяся его покаянием в апреле". На конверте письма Иконова Блок написал: «Разрешение "Алконосту" дано 28.IV.» (*БС-1*. С. 535). Так том вышел в свет в издательстве "Алко-

ност" (см. *Чернов И. А.* Блок и книгоиздательство "Алконост" // *БС-1*. С. 530–538).

В "каноническом" "третьем томе" издания 1921 г. – 242 стихотворения и одна поэма. По составу он точно соответствует третьему тому, сверстанному в 1918 г. в издательстве "Земля". В связи с этим важно подчеркнуть, что стихотворения из будущих сборников "Ямбы" (1919) и "Седое утро" (1920) входили в состав "третьего тома" уже в верстке "Земли". Формирование изданий шло в данном случае не от сборников к тому, а от тома к сборникам: 10 стихотворений из "третьего тома", сверстанного в издательстве "Земля", и 2 стихотворения из третьей книги 1916 г. составили сборник "Ямбы"; 55 стихотворений из корректуры-верстки "Земли" вошли в сборник "Седое утро" (всего в нем 60 стихотворений).

Примечаний в томе нет. Стихотворения напечатаны со спусками, отдельные – датированы.

Текст корректуры-верстки издательства "Земля" 1918 г. вычитан Блоком и правлен его рукой. ПРАВКА датирована Блоком: "2 кор(ректурa) 28 IX (1918) Корр(ектура) испр(авлена)" (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 19). Именно с этим текстом сверялся набор тома издания 1921 г., корректуру которого Блок не видел. Экземпляр книги семья Блока получила после его смерти, о чем свидетельствует надпись Л.Д. Блок на шмуцтитуле: "Получ(ено) 30 VIII – 1921" (см. *Блок А.* Стихотворения: Кн. 3 (1907–1916). Пб.: Алконост, 1921. – Библ. *ИРЛИ*. 94 6/54). Печатный текст стихотворений издания 1921 г. содержит ряд отличий от текста корр.-верстки "Земли" (см. об этом ниже).

Состав и композиция "третьего тома" основного собрания, а также редакция стихотворений имеют ряд особенностей. Блок взял 158 стихотворений из второго издания "третьего тома": "Авиатор", "Без слова мысль, волнение без названья...", "Благовещенье", "Болотистым пустынным лугом...", "Бушует снежная весна...", "Бывают тихие минуты...", "Было то в темных Карпатах...", "Ваш взгляд – его мне подстеречь...", "Венеция" (три стихотворения), "Вербы – это весенняя таль...", "Весенний день прошел без дела...", "Всё б тебе желать веселья...", "Всё на земле умрет – и мать, и младость...", "Всё это было, было, было...", "Вспомнил я старую сказку...", "Встречной", "В густой траве пропадешь с головой...", "В неуверенном зыбком полете...", "Вполоборота ты встала ко мне...", "В ресторане", "В темном парке под ольхою...", "В тихий вечер мы встречались...", "Ветер стих, и слава заревая...", "Ветр налетит, завоюет снег...", "Всё та же озерная гладь...", "Всё, что память сберечь мне старается...", "Где отдается в длинных залах...", "Голоса скрипок", "Голубоватым дымом...", "Грешить бесстыдно, непробудно...", "Грустя и плача и смеясь...", "Даже имя твое мне презренно...", "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."), "Друзьям", "Дух пряный марта был в лунном круге...", "Дым от костра струею сизой...", "Девушка из Spoleto", "Есть игра: осторожно войти...", "Есть времена, есть дни, когда...", "Есть демон утра. Дымно-светел он...", "Есть минуты, когда не тревожит...", "Жгут раскаленные камни...", "За гробом", "Задебренные лесом кручи...", "Здесь в сумерки в конце зимы...", "Здесь дух мой злобный и упорный..." (в основном тексте – "Какая дивная картина..."), "И вновь – порывы юных лет...", "Идут часы, и дни, и годы...", "Из ничего – фонтаном синим...", "Из хрустального тумана...", "Испанке", "Испугом схвачена, влекома...", "И я любил. И я изведал...", "К Музе", "Как океан меняет цвет...", "Как прощались, страстно клялись...", "Как растёт тревога к ночи!...", "Как свершилось, как случилось?...", "Как тяжело ходить среди людей...", "Как тяжело мертвецу среди людей...", "Когда, вступая в мир огромный...", "Когда замрут отчаянье и злба...", "Когда мучительно восстали...", "Когда я прозревал впервые...", "Кольцо существованья тесно...", "Madonna da Settignano", "Май жестокий с белыми ночами...", "Милый друг, и в этом тихом доме...", "Мой милый, будь смелым...", "Мы забыты, одни

на земле..."; "На железной дороге", "На небе празель, и месяца осколок...", "На островах", "На поле Куликовом" (пять стихотворений), "На смерть Коммиссаржевской", "На смерть младенца", "Над лучшим созданием Божиим...", "Натянулись гитарные струны...", "Не венчал мою голову траурный лавр...", "Не затем величал я себя паладином...", "Не спят, не помнят, не торгуют...", "Новая Америка", "Ночь, как века, и томный трепет...", "Ночь, как ночь, и улица пустынна...", "Ночь, улица, фонарь, аптека...", "О, да, любовь вольна, как птица...", "О доблестях, о подвигах, о славе...", "Окна ложные на небе черном...", "Она, как прежде, захотела...", "О, красный парус..." (в основном тексте – "С ней уходил я в море..."), "О, нет, не расколдуешь сердца ты...", "Опустишь занавеска линиялая...", "Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...", "Осенний день", "Песнь Ада", "Перуджия", "Петроградское небо мутилось дождем...", "Повеселясь на буйном пире...", "Под зноем флорентийской лени...", "Под шум и звон однообразный...", "Поет, поет...", "Поздней осенью из гавани...", "Покойник спать ложится...", "Послания" (пять стихотворений), "Посещение", "Последнее напутствие", "Приближается звук. И покорна щемящему звуку...", "Пустая улица. Один огонь в окне...", "Равенна", "Рожденные в года глухие...", "Россия", "Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..", "Свирель запела на мосту...", "Седое утро", "Седые сумерки легли...", "Сиена", "Сиенский собор", "Сны", "Сон. Моей матери", "Среди поклонников Кармен...", "Страстью длинной, безмятежной...", "Там неба осветленный край...", "Твой южный голос томен. Стан..." (в основном тексте – "Ты говоришь, что я дремлю..."), "Три послания", "Ты в комнате один сидишь...", "Ты, как отзвук забытого гимна...", "Ты отошла, и я в пустыне...", "Ты помнишь? В нашей бухте сонной...", "Уж вечер светлой полосой...", "Уже померкла ясность взора...", "Унижение", "Успение", "Флоренция, ты ирис нежный...", "Фьезоле", "Художник", "Часовая стрелка близится к полночи...", "Чем больше хочешь отдохнуть...", "Шаги Командора", "Шар раскаленный, золотой...", "Эпитафия Фра Филиппо Липпи", "Я вижу блеск, забытый мной...", "Я – Гамлет. Холодеет кровь...", "Я коротаю жизнь мою...", "Я не звал тебя, сама ты...", "Я пригвожден к трактирной стойке...", "Я сегодня не помню, что было вчера..."; 11 стихотворений из первого издания, исключенных из второго ("Большая дорога" ("Сегодня ты на тройке звонкой..."; в основном тексте без заглавия), "В эти желтые дни меж домами...", "Дохнула жизнь в лицо могилы...", "Заключение" ("Благословляю всё, что было..."; в основном тексте без заглавия), "Мэри" ("Жениха к последней двери...", "Косы Мэри распущены...", "Опять у этой двери..."), "Ты так светла, как снег невинный...", "Уже над морем вечереет...", "Умри, Флоренция, Иуда...", "Усните блаженно, заморские гости..."), и ввел еще 73 стихотворения, не входившие в предыдущие издания тома ("Антверпен", "Была ты всех ярче, верней и прелестней...", "Весь день, как день: трудов исполнен малых...", "Вновь богатый зол и рад...", "Вновь у себя. Унижен, зол и рад...", "Вот девушка, едва развившись...", "Вот он, ветер...", "Всё свершилось по писаньям...", "В голодной и больной неволе...", "В небе – день, всех ночей суеверней...", "В огне и холоде тревог...", "В сыром ночном тумане...", "Глаза, опущенные скромно...", "Говорит СМЕРТЬ", "Говорят ЧЕРТИ", "Да. Так диктует вдохновенье...", "Двойник", "Демон" ("Иди, иди за мной – покорной..."), "День проходил, как всегда...", "Дикий ветер стекла гнет...", "Душа! Когда устанешь верить?..", "Женщина", "Забывшие Тебя", "За горами, лесами...", "Земное сердце стынет вновь...", "Искусство – ноша на плечах...", "Как день светла, но непонятна...", "Когда мы встретились с тобой...", "Когда невзначай в воскресенье...", "Когда-то гордый и надменный...", "Комета", "Коршун", "Миры летят. Года летят. Пустая...", "Мой бедный, мой далекий друг...", "На Пасхе", "На улице – дождик и слякоть...", "Ну что же? Устало заломлены слабые руки...", "Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...", "О, как смеялись вы над нами...", "Он занесен, сей жезл железный...", "О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...", "О, я хочу безумно жить...", "Перед судом",

"Петербургские сумерки снежные...", "Поглядите: вот бессильный...", "Похоронят, заруют глубоко...", "Почует в мире Теодорих...", "Поэты", "Превратила всё в шутку сначала...", "Пристал ко мне нищий дурак...", "Протекли за годами года...", "Пусть я и жил, не любя...", "Разлетаясь по всему небосклону...", "Сердитый взор бесцветных глаз...", "Синеокая, Бог тебя создал такой...", "Сквозь серый дым от краю и до краю...", "Смычок запел. И облак душный...", "Старинные розы несут одиноков...", "Старый, старый сон: из мрака...", "Сусальный ангел", "С мирным счастьем покончены счеты", "Та жизнь прошла...", "Так. Буря этих лет прошла...", "Тропами тайными, ночными...", "Ты – буйный зов рогов призывных...", "Ты жил один. Друзей ты не искал...", "Ты, как отзвук забытого гимна...", "Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...", "Утро в Москве", "Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...", "Я ее победил наконец...", "Я не предал белое знамя...", "Я ухо приложил к земле..."). Из этих 73 текстов 20 введены в раздел "Страшный мир", 2 – в "Возмездие", 10 – в "Ямбы", 4 – в "Итальянские стихи", 9 – в "Разные стихотворения", 22 – в "Арфы и скрипки", 2 – в "Кармен", 4 – в раздел "Родина" (перечень стихотворений см. в комментариях к соответствующим разделам).

Изменениям подверглась и композиция тома. Впервые вошли в его состав раздел "Ямбы" (вместо раздела "Опять на родине") и поэма "Соловьиный сад". Сохраняя ядро каждого раздела, Блок в то же время осуществил перестановку ряда стихотворений – не только внутри разделов, но и из одного в другой. Были расширены разделы "Страшный мир", "Итальянские стихи", "Арфы и скрипки", "Кармен", "Родина" и сокращен раздел "Разные стихотворения". В разделе "Страшный мир" Блок образовал цикл "Пляски смерти", ввел цикл "Жизнь моего приятеля" и расширил цикл "Черная кровь", в "Итальянских стихах" дополнил цикл "Флоренция". Блок вернул триптих "Мэри", исключенный из второго издания тома, в раздел "Арфы и скрипки" и пополнил цикл "Через двенадцать лет".

Работу над текстом в целом характеризовало общее для третьего издания "трилогии" стремление давать расширенные и полные редакции стихотворений. Блок восстановил в ряде стихотворений (более десяти) строфы, отсутствовавшие в предыдущем издании, и лишь в одном случае, в стихотворении "Было то в темных Карпатах...", убрал из текста строфу.

Последним авторизованным текстом 55 стихотворений, вошедших в сб. "Седое утро" (Пб.: Алконост, 1920), является текст этого издания, имевшего правленую авторскую корректуру. По отношению к тексту корректуры-верстки "Земли" Блок произвел в тексте сборника ряд изменений. Он дал заглавие "Мадонна" стих. "Глаза, опущенные скромно...", изменил строфику четырех стихотворений ("В сыром ночном тумане...", "Вновь у себя... Унижен, зол и рад...", "Смычок запел. И облак душный...", "Та жизнь прошла..."). Внес пунктуационные поправки в текст многих стихотворений. Все стихотворения сборника датированы, тогда как в составе тома датированы лишь немногие из них.

Р.В. Иванов-Разумник рассматривал текст "Седого утра" как текст, в котором выражена последняя авторская воля Блока в отношении всех 55 стихотворений сборника (*Иванов-Разумник*. Л. 126 об.). В редакции "Седого утра", по мысли Иванова-Разумника, и должны эти стихотворения даваться в составе тома.

Однако считать текст стихотворений сборника "Седое утро" основным можно лишь в отношении этих стихотворений как отдельных – автономных – произведений. Но они являются неотъемлемой частью тома как неделимого целого. Лишь в контексте тома эти стихотворения выражают авторскую волю Блока во всей ее полноте.

Таким образом, последняя воля Блока в отношении всех без исключения стихотворений настоящего тома воплотилась в корректуру-верстке "Земли" 1918 г., состав и текст которой поэт утвердил в качестве последнего тома "трилогии". Эта

корректурa послужила основой при подготовке к печати тома в издательстве "Алконост" в 1921 г. (III₃). Между текстами Кор₂ Земли и III₃ есть некоторые (в основном пунктуационные) расхождения. Однако это обстоятельство не может поколебать статус III₃ как канонического издания. Существенное значение имеет тот факт, что работа Блока над корректурой изд. "Земля" продолжалась и после 1918 г., возможно, вплоть до момента передачи ее в "Алконост". Так, Блок по совету К.И. Чуковского сократил стих. "Россия" (раздел "Родина"); запись об этом сделана в дневнике Чуковского в январе 1921 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 254). Кроме того, уже после выхода сб. "Ямбы" (1919) Блок исправил ошибку в эпиграфе к данному разделу в Кор₂ Земли. Есть достаточные основания считать текст III₃ каноническим, так как он, в принципе, за редкими исключениями, отражает авторскую волю. Безусловно, однако, что в некоторых случаях (непропечатка знаков, дефекты набора в III₃) текст Кор₂ Земли является основным при определении окончательного текста того или иного стихотворения.

Третий том стихотворений А. Блока, вышедший в 1912 г. под названием "Снежная ночь" (1907–1910), в большой степени вобрал в себя более ранние сборники "Земля в снегу" (1908) и "Ночные часы" (1911). Критическая рецензия третьего тома в 1912 г. в немалой степени была обусловлена откликами на сборники 1908 и 1911 годов.

После выхода в свет ЗС пресса отметила возросшее значение творчества Блока в русской поэзии. Скептически настроенный по отношению к символистам А.А. Измайлов писал, что Блок – представитель "нового времени в литературе, резко отличного от того недавнего, когда писатель клал все в рот читателю и тому оставалось только все разжевывать". По мнению критика, "взятый Блоком аванс огромный. Поэтическая удача его исключительна", но успех Блока в это время, считал Измайлов, еще не общенароден, это "успех у столичных кружков, у литературных гурманов...", творчество Блока идет впереди неподготовленного столичного и особенно провинциального читателя, "который привык требовать и от поэзии логики" (Аякс [Измайлов А.]. В литературном мире // БВ. 1908. 9 сент., веч. вып.).

К подобным читателям принадлежали многие рецензенты массовой прессы, анонимные или скрывшиеся под псевдонимами, негодующие по поводу "непонятности" стихов нового сборника: «Козьма Прутков говорил: "Нельзя объять необъятное". С таким же правом можно сказать: "Нельзя понять непонятное» (Библиограф. Литературный ералаш // Будильник. 1908. № 40. С. 10); "Никто не доказал, что ясность – недостаток, но надо ли доказывать, что в непонятности мало хорошего?" (Боривой [Якушев Д.]. Литературные очерки // Голос правды. 1908. 17 сент.).

Для символистской критики не было сомнений в том, что Блок – подлинный и современный лирик, но читатель не подготовлен к восприятию его поэзии. "Едва ли можно не соглашаться, – писал символист третьей волны Виктор Стражев в рецензии на ЗС, – что для большинства стихи Блока останутся замкнутым кругом, ибо достаточно упорно поэт предлагает себя угадывать" (Русские ведомости. 1908. № 214. 16 сент.).

"Ал. Блок один из замечательнейших поэтов современности", – писал Андрей Белый (Критическое обозрение. 1908. Вып. 6(11). С. 36), и к нему могли присоединиться все символистские критики. Даже С. Соловьев, не простивший Блоку отход от путеводного идеала Прекрасной Дамы, должен был отметить: "Каждая книга Блока (...) входит в сознание общества; направляет его вкус..." (Весы. 1908. № 10. С. 87). Но за подобными мнениями было множество оттенков, диктуемых внутри-символистскими разногласиями этого периода.

Так, по мнению З. Гиппиус, верной идеалам религиозной общественности, Блок

еще не нашел "истинного лица своей Музы, – Девы-Жены-Матери", так как «через мудрую любовь к ней не только "всё" может сделаться родным, но и "все" (...) станут родными...» (*Крайний А. [Гиппиус З.] Милая девушка // Речь. 1908. 19 окт.*). Своему идеалу был верен и Г. Чулков. Его теория "мистического анархизма", основанная на идеях Вяч. Иванова, предусматривала любовь к всемирному и стихийному началу. Поэтому Вячеслав Иванов и его окружение в 1907 г. восторженно встретили "Снежную маску", ставшую в 1908 г. составной частью *ЗС*. Теперь Г. Чулков увидел в новом сборнике "оправдание земли и сораспятие с миром" – залог будущей сорборности и связи лирика с народом (*Кремнев Б. [Чулков Г.] Снежная дева // ЗР. 1908. № 10. С. 53*). Таким образом, символистские критики с различных позиций, включавших в себя идеи "общественности", пытались решить важный для них вопрос связи поэта с народом, общечеловеческого значения его лирики.

Для А. Белого и С. Соловьева общечеловеческий и даже "надчеловеческий" смысл поэзии Блока состоял в ее близости к соловьевскому идеалу Вечной Женственности. То, что "юноша, мечтавший стать пророком, стал поэтом" (В. Брюсов), по-разному оценивалось Андреем Белым, Соловьевым и Брюсовым. «Отчаявшись в преображении жизни, Ал. Блок задумчивей, глубже вдумывается в жизнь, – пишет Андрей Белый, – "фантаст" начинает уступать место реалисту (конечно, не наивному); от этого темы его поэзии определяются проще и строже; стих его приобретает музыкальность и звучность, третий сборник стихов молодого поэта, являясь во многом противоположным 1-му, вместе с первым выгодно отличается от "Нечаянной радости" (*Критическое обозрение. С. 35–36*). С. Соловьев в отходе Блока от объективного идеала Вечной Женственности видит "отвращение от объективности и реализма", а в сборнике *ЗС* – "субъективизм, возведенный в поэтическое credo" (*Весы. 1908. № 10. С. 87*). Иным было понимание реализма у В. Брюсова. В своем отклике на *ЗС* он, как это было свойственно ему и ранее, в "воспитательных" целях придал образам сборника подчеркнuto земной, ясный смысл. «Область вдохновений, создавших "Стихи о Прекрасной Даме", – писал Брюсов, – была ограничена, чтобы найти новые силы для своей поэзии, Блоку необходимо было обратиться к действительности, к реальной жизни". Отход от концепций юношеской лирики привел к созданию "наиболее сильных стихов Блока" (*Брюсов В. Александр Блок // РМ. 1912. № 1. С. 32. 3-я паг.*).

После выхода *НЧ* в критике стала закрепляться картина трех этапов творческого развития поэта, которая с поправками на литературно-общественную ориентацию каждого критика выглядела приблизительно так: от мистики вечно-женственного начала в "Стихах о Прекрасной Даме" через преодоление субъективных "горестных восторгов" "Нечаянной радости" и "Снежной Маски" к утверждению реальных ценностей в теме родины и народа в "Ночных часах" и позднее в третьем томе стихотворений. Эта схема в ее символистском варианте была представлена в статьях В. Брюсова (*РМ. 1912. № 1. С. 31–32*), С. Городецкого (*Речь. 1911. 19 сент., 21 нояб. Всеобщий ежемесячник. 1911. № 11. С. 155*). Если ранее в 1909 г. М. Гофман ограничивал путь Блока-романтика "Снежной Маской" и писал об исчерпанности этого пути (*Гофман М. Творчество Александра Блока // Лебедь. 1909. № 1. С. 22–31*), то в 1911 г. в статьях С. Городецкого Блок предстает как поэт "органического развития". "Хорошо уже, что об этом можно говорить популярно", – заметил сам поэт в ответ на замечание Вас. Гиппиуса об элементарности подобного выпрямления пути Блока (*Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 335*).

Литературная обстановка, в которой появились *НЧ*, характеризовалась "настроением отрезвления" от "мистического похмелья". Это отмечали в своих обзорных статьях многие критики (М. Неведомский, А. Измайлов, К. Чуковский и др.).

Символисты, основываясь на своем понимании реализма, могли бы в это время написать: "Вперед к реализму", а критик московского еженедельника "Наша жизнь" написал: "Назад к реализму – вот новый лозунг современной русской литературы" (Современник. Записная книжка // Наша жизнь. 1911. № 2. С. 11). Для этого критика реализм *НЧ* заключался в "конкретизировании образов", "в самой четкости стихов", в изменении главной героини Блока: "Это не туманная вечная женственность, а более реальная величина – Русь".

На динамику центрального женского образа Блока обратили внимание почти все критики. "Подруга жизни стала реальной женщиной, сочетав в себе одновременно загадочность цыганки" (*Н. Б[ернер]* // Путь. 1911. № 2. С. 75); социал-демократ В. Львов-Рогачевский услышал в новом сборнике Блока "вопли отчаяния и растерянности", свидетельствующие о "крахе души", а в героине сборника увидел "Смерть владычицу" (Современник. 1913. № 6. С. 270–271). *НЧ* были для Львова-Рогачевского свидетельством глубокого кризиса символистов – "гастролеров общечеловечности". Отсюда двойственное построение третьей книги. Такое одностороннее прочтение сборника социал-демократическим критиком имело под собой некоторое основание. И все же многие читатели и рецензенты различных литературных ориентаций увидели "настоящего" Блока в иных, гармонических чертах его музыки, катарсически разрешающих боль и отчаяние. "Ночные часы" – "новая победа поэта, большой камень его нерукотворного памятника, в идейном отношении – дальнейший этап служения Вечно-Женственному...", – писал в 1912 г. П. Медведев. Блок пришел в своем развитии, считал Медведев, к "моменту прозрачной глубины и глубоко-мысленной ясности", в его творчестве "выросла сила и родилась внутренняя художественная убедительность образов, стих стал виртуозней, музыкальней, расширилась область поэтических задач, обострился ритм речи" (Против течения. 1912. 10 марта).

Символисты и постсимволисты, чуткие к художественной форме произведения не менее, чем к его содержанию, обратили внимание на "волшебство" звуков сборника *НЧ* (*Гордеецкий С.* Рец. на кн.: Блок А. Ночные часы. М., 1911 // Речь. 1911. 21 ноября; *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон, 1912. № 1; *Иванов Вяч.* The Russian Review. 1912. № 2. – Рус. текст: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 397). Но поэтическая ценность книги, оторванная от ее содержания, не смогла бы создать тот высокий авторитет певца России, который появился у Блока в читательской и литературной среде после выхода *НЧ*. Блок не стал бы национальным поэтом, если бы критики не увидели этической направленности его книги, "морализма", который Гумилев счел "несвойственным" русской поэзии (Аполлон. 1912. № 1. С. 70). Мысль о том, что *НЧ* создали "настоящего" Блока, укрепились и осталась в умах современников и после смерти поэта. "Торжественной книгой" назвал сборник в своих воспоминаниях "добрый приятель" Блока Ю. Вёрховский, "прекраснейшей из всех книг" счел "Ночные часы" А.Н. Толстой (*Толстой А.Н.* Нисхождение и преображение. Берлин, 1922. С. 31).

Вышедшая в апреле 1912 г. третья книга "Сборника стихотворений" Блока была признана в печати одной из лучших поэтических книг года (В. Брюсов, Б. Садовской), а сам Блок – "наиболее выдающимся" "из всех поэтов, которых выдвинула русская литература последнего времени" (*Чунов М.* [Ясинский И.] Рец. на кн.: Блок А. Сборник стихотворений. Кн. 3. М., 1912 // Новое слово. 1912. № 8. С. 159). В критических статьях и обзорах это мнение стало повторяться: Блок – "один из немногих наших современников, которые останутся в истории литературы" (Голос Москвы. 1913. 19 дек.), "один из талантливейших поэтов наших" (ЖЖ. 1915. № 12. С. 16).

Были и другие мнения. Со времен "Стихов о Прекрасной Даме" не изменилось отношение к Блоку-"декаденту" газеты "Новое время". Ее рецензенту теперь даже

первый сборник поэта показался более приемлемым для "здорового смысла", чем "холодная риторика" и "умышленно грубое манерничанье" "Снежной ночи" (Ю-н [Вентцель Н.]. Поэтические загадки // Новое время. Ил. прил. 1912. 21 апр.). Если вспомнить все претензии критики к "Снежной Маске" и к ЗС, то неудивительно, что все они были перенесены на третью книгу собрания стихотворений, в состав которой вошли названные сборники. В разделе "Снежная Маска", по словам В. Волькенштейна, "автор доверяется случайным ощущениям, отдается наслаждению творчества – и не преодолевает трудности художественного выбора: и тогда в музыкальных строфах возникают неожиданные неясности, ничем не оправданная недоговоренность или лихорадочное многословие". Субъективность и импрессионистическая поэтика автора "Снежной ночи" объясняют, по мнению критика, и сильные, и слабые стороны книги: с одной стороны, "музыкальность стиха", "очаровательная хрупкость, нежность слова и сила чувства", а с другой "бессилие" в темах, требующих "рельефной художественной разработки" (Волькенштейн В. Рец. на кн.: Блок А. Собрание стихотворений. Книга третья. "Снежная ночь". М., 1912 // Современный мир. 1912. № 5. С. 311).

"Острый импрессионизм", усиленное внимание Блока не к "мелодии жизни в целом", а к "налетающим мгновениям" отмечали и другие критики, например, А. Дерман (РМ. 1913. № 7. С. 51–71. 2-я паг.), но только Н. Гумилев, печатавший в журнале "Аполлон" "Письма о русской поэзии", понял, что Блок "обладает чисто пушкинской способностью в минутном дать почувствовать вечное". Гумилев – единственный, кто определил структурное и смысловое соотношение двух частей "Снежной ночи". Стихотворения, составляющие ЗС, содержат в себе не только гибельный, "истерический восторг", писал Гумилев, но «в них уже чувствуется торжественное приближение Духа Музыки, побеждающего демонов. (...) В скрипках и колоколах "Ночных часов" (второй половины "Снежной ночи") уже нет истерии, – этот период счастливо пройден поэтом. Все линии четки и тверды, в то же время ни один образ не очерчен до замкнутости в самом себе, все живы в полном смысле этого слова, все трепетны, зыблются и плывут в "отчизну скрипок беспредельных". Слова – как ноты, фразы – как аккорды. И мир, облагороженный музыкой, стал по-человечески прекрасным и чистым, – весь, от могилы Данте до линиялой занавески над большими геранями» (Аполлон. 1912. № 8. С. 60–62).

Критики не раз отмечали, что Блок – "поэт живой, в своих новых стихах отражающий новые этапы своей духовной жизни" (РМ. 1912. № 7. С. 18. 2-я паг.), особенно живой, как подчеркивает старший современник Блока писатель и критик И. Ясинский, на фоне других, даже больших символистских поэтов, в творчестве которых видны "следы культуры и риторики" (НСл. 1912. № 8. С. 159).

"Неореализм" Блока, его обращение к действительности в НЧ, а затем в третьей книге "Собрания стихотворений", стало для критиков свидетельством преодоления поэтом модернизма. Завоевывая читателей, символистская литература "неизбежно должна все дальше и дальше отходить от нарочитых экстравагантностей старого декадентства, так что для нее установление связи с читателем не может не иметь неизбежным следствием разрыв со своими художественными традициями, а это есть тягчайшее осуждение для школы. Третья книга стихов Блока принадлежит к числу тех, которые такое завоевание совершают", – писал А. Дерман (РМ. 1913. № 7. С. 59). Сами символисты не считали, что обращение к действительности противоречит принципам символистского искусства: "Искусство всегда воплощение, – писал В. Брюсов, – даже все неопределенное, несказанное оно должно сказать и определить в образах. Обратившись к жизни, к явлениям реальным, А. Блок нашел новые силы для своей поэзии..." (РМ. 1912. № 1. С. 32). Блок был абсолютно согласен с Брюсовым и сердечно благодарил его за этот отзыв: "Уже давно мне не приходилось читать о себе

таких простых и так объективно выраженных мнений", – писал он Брюсову 16 января 1912 г.

Свидетельство возмущения Блока как поэта и как человека критика видела и в его обращениях к теме России, к национальной традиции Лермонтова, Тютчева, Некрасова. Однако критики не всегда сходились во мнениях об истоках и значении национальной традиции в третьей книге поэта. А. Дерман, отмечая тютчевскую направленность блоковских стихов, отказывал поэту в самостоятельности национального чувства и его художественного выражения, видел в книге "невольное и бессознательное отражение пленившего некогда поэта тютчевского мотива" (*РМ.* 1913. № 7. С. 70–71). Ю. Никольский, рецензируя два года спустя *СР*, писал, что у Блока "нет того религиозного проникновения, какое было у Тютчева", Русь Блока «не церковно-византийская, но старая Русь – какою видел ее Врубель в своем "Пане"».

Не было единства при обсуждении национальной темы в творчестве Блока и в символистском лагере. Брюсов, увлеченный расширением сферы художественного воплощения в *НЧ* и в третьей книге стихотворений, менее всего придал значение стихам о России. Гумилев, как ранее и С. Соловьев, подчеркивал германскую струю в творчестве Блока, даже в таком вопросе, как любовь к родине. В "Письмах о русской поэзии", рецензируя *НЧ*, Гумилев писал о том, что Блок от некрасовского негодования, печали и гнева приходил "не к делу или призыву", а к гармонии шиллеровского типа: "Перед нами не Илья Муромец, не Алеша Попович, а другой гость, славный витязь заморский, какой-нибудь Дюк Степанович. И не как мать любит он Россию, а как жену, которую находят, когда настанет пора" (*Аполлон.* 1912. № 1. С. 69).

Как уже упоминалось в связи со статьями С. Городецкого о Блоке (1911), в критике этого периода существовала плодотворная, хотя и несколько упрощенная идея развития и единства героини лирической трилогии Блока: Прекрасная Дама – Незнакомка – Россия (С. Городецкий, П. Медведев, Ю. Никольский). Эту мысль, позволяющую воспринимать поэтическое творчество Блока как единое целое, сформулировал в 1915 г. Ю. Никольский: «Мы будем понимать Блока тогда, когда увидим, что одна истина раскрывалась ему и в "хладных мехах" и в "Стихах о России"», "теперь уже совершенно ясно: ведь все стихи Блока о России" (*РМ.* 1915. № 11. С. 19. 3-я паг.).

В 1916 г. трехтомник стихотворений Блока был переиздан, при этом третий том представлял собой новую лирическую книгу по сравнению с изданием 1912 г. Военным и предреволюционным временем можно объяснить спад интереса прессы к поэзии. Уменьшилось количество журналов. Кроме того, критика объявила символизм уже не существующим явлением литературы. Знаменательно, что немногочисленные рецензии на переизданный третий том Блока были ограничены январем–февралем 1917 г., тогда как книга вышла в июле 1916 г.

Д. Выгодский, подводящий литературные итоги 1916 г., придерживался того же мнения о позднем творчестве Блока, что и В. Львов-Рогачевский (см. выше его рецензию на *НЧ*). Выгодский объявил третий том Блока прямым свидетельством "краха символизма", ибо эта книга, по его мнению, не представляла из себя ничего нового и не предвещала ничего в дальнейшем (*Выгодский Д. Поэзия и поэтика // Летопись.* 1917. № 1. С. 250). Но в двух других откликах – молодого поэта Г. Иванова и критика Б. Казанского (впоследствии профессора-филолога Ленинградского университета) книга Блока ставилась на то высокое, "почетное место в сердце России" (Б. Казанский), которого она заслуживала. Оба критика выводят позднего Блока за рамки символистской школы. Г. Иванов, видя с каждым годом крепнущее стремление поэта к реализму, к "чудесной гармонии пушкинских стихов", считал Блока потомком

"поэтической линии Державина, Пушкина, Тютчева" (Иванов Г. Творчество и ремесло // Русская воля. 1917. 23 янв.), а Б. Казанский писал: "Вместе с озаренностью чувства в стихе Блока, растворив в нем последнюю муть символизма, все прозрачнее и чище струится подлинный романтизм от своих истоков – Лермонтова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева. Романтизм Блока не мирозерцание, но и не манера письма, а самое существо лирического мышления" (Казанский Б. Рец. на кн.: Блок А. Стихотворения. Кн. 3. 2-е изд. М., 1916 // БВ. 1917. 17 февр.). Б. Казанский, продолжая размышлять над существом художественной манеры поэта, сравнивал ее с поэзией Вяч. Иванова: «В нем нет претенциозности, нет роскоши, как нищий, он смотрит на "царский поезд" Вячеслава Иванова и свой синий плащ романтизма он носит божьей милостью. Простоту и прозрачность стиля в третьем томе его стихотворений всегда озаряет изнутри "тайный жар" глубокого пафоса, предохраняя его от жесткости и сухости» (Там же). В свою очередь, ценным наблюдением Г. Иванова можно считать мысль об особенностях преломления в стихотворениях Блока образов и средств традиционной поэтики, о том, что "часто банальная рифма, знакомый образ, схваченные водоворотом напевов Блока, неожиданно загораются новой силой и кажутся произнесенными в первый раз". Это мнение интересно и важно сравнить с возмущившими многих современников более поздними выпадами С. Боброва, обвинявшего Блока чуть ли не в плагиате (Бобров С. Рец. на кн.: Блок А. Седое утро. Пб., 1920 // Печать и революция. 1921. № 1. С. 146–147; Символист Блок // Красная новь. 1922. № 1. С. 244–250).

Все отклики на третью книгу "Стихотворений" А. Блока, вышедшую третьим, дополненным изданием уже посмертно, в 1921 г., были, естественно, окрашены впечатлением от кончины поэта. Но дело было отнюдь не в посмертном приукрашивании, выпрямлении его пути. "Уже нельзя говорить об Александре Блоке как представителе известной литературной партии, литературного кружка, группы людей, объединенных общим политическим и религиозным канонам. Исторгнутый из круга жизни, он стал просто русским поэтом и вступает в наше сознание как новый вечный спутник, властно претендуя на особое место среди старинных знакомцев. И в душе невольно рождается вопрос, кто же он, этот новый гость среди испытанных друзей и наставников, – откуда он пришел и в чем его право на место среди избранных?" – написал в статье "В пути погибший" Б. Энгельгардт и попытался дать ответы на поставленные им вопросы (Об Александре Блоке. Пб., 1921. С. 9–10).

Немногочисленные отклики непосредственно на третью книгу "Стихотворений" мало помогали решению вопросов, стоявших перед теми, кто задумывался над явлением Блока в русской литературе и культуре. Чаще всего речь не шла дальше констатации факта, что третий том – "драгоценная настольная книга для многочисленных поклонников великого поэта" (Г. Рец. на кн.: Блок А. Стихотворения. Кн. 3. Пб., 1921 // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 15), но был и отзыв, автор которого считал, что "новое издание книги его (Блока. – Ред.) стихов не является, конечно, ничем особенно важным для характеристики поэта..." (Выгодский Д. О новых стихах // Пб., 1921. № 1. С. 30).

В 1921–1922 гг., когда еще не были опубликованы материалы биографии и творчества Блока (дневники, записные книжки, переписка), осмысление наследия и личности поэта было возможно только на основе его непосредственного литературного творчества, главным образом – его лирической трилогии. В это время из печати вышли книги, которые содержали в себе не только неизданные стихотворения, биографические сведения, библиографические списки, но и статьи современников Блока, пытавшихся окинуть взором весь путь поэта (Об Александре Блоке. Пб., 1921; Памяти Блока // Сост., предисл. и коммент. П. Медведева. Пб., 1922; К. Чуковский. Книга об

Александре Блоке. Пб., 1922). В каждой из этих книг и в статьях, входящих в них, дана высочайшая оценка третьего тома Блока как поэтической книги, создавшей "великого поэта", "потому что только в третьем томе он великий поэт" (Чуковский К. Книга об Александре Блоке. С. 62). В книгах Чуковского и Медведева, в статьях Б. Энгельгардта "В пути погибший", Б. Эйхенбаума "Судьба Блока", В. Жирмунского "Поэзия Блока", Ю. Верховского "Восхождение" (Об Александре Блоке. Пб., 1921) были поставлены вопросы, во многом определившие дальнейшее развитие блоковедения. Так, начало изучению основных образов-символов во всех трех томах лирики Блока положил К. Чуковский; к поэтике Блока как средству и способу постижения смысла каждого стихотворения, отдела, тома и всего творчества в целом обратились В. Жирмунский и Ю. Верховский; единой концепцией пытались охватить весь путь поэта Энгельгардт, Эйхенбаум и Жирмунский. Ярким примером поиска "двигателя" творчества поэта, ведущей идеи всего пути была статья Б. Энгельгардта "В пути погибший". По мнению Б. Энгельгардта, Блок вступил в литературу в период общекультурного европейского кризиса, когда при отсутствии религиозно-просветленного восприятия прежде целостный мир распался на чувственный образ и понятийную схему. Перед поэзией, призванной раскрыть мир через слово, встала задача вновь сделать мир единым, без чего истинное искусство существовать не могло. Блок, все становление которого "сполна подчинялось единому, чисто художественному заданию: полному раскрытию современного явления мира как значения поэтического слова" (С. 18), прошел в этом становлении три этапа. В период создания "Стихов о Прекрасной Даме" поэт, по мысли исследователя, отъединен от мира явлений, утверждает реальность мечты и таким образом восстанавливает слово вне действительности. Во втором, символическом периоде происходит "нисхождение слова в мир", Блок пронизывает косность мира просветляющей мистикой, и в этом определенное достижение в его борьбе с позитивно-односторонним восприятием жизни. Но мир шире субъективного восприятия мистически настроенного духа.

И, наконец, в третьем периоде, который отражен в третьем томе лирики Блока, мир дан подлинным, а борьба с понятийно-чувственным выразилась в религиозном отрицании мира, во взгляде на него как на "страшный мир". Здесь впервые слово Блока завоевало мир, но поэт как человек сгорел. Муза, равнозначная, по Энгельгардту, самодовлеющему слову, завела поэта в страшную пустыню, где единственным просветом в одухотворенный мир стали воспоминания. Исследователь считает, что трагедия и одновременно подвиг Блока были в том, что на этом страшном пути отрицания Блок, погибая, спас поэтическое слово. Считая объективную религиозность, недоступную Блоку (в результате чего ему пришлось проделать такой страшный путь), единственным критерием ценности, Энгельгардт был близок к мысли о сущностном, духовно направленном содержании слова.

Задачу поиска объективного критерия ценности решал и Б. Эйхенбаум. Здесь творчество Блока освещено в одном из главных для него аспектов – в вопросе о слитности и разомкнутости искусства и жизни. Могучим императивом творчества Блока, по Эйхенбауму, является история (Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987. С. 501–505).

В. Жирмунский в статье "Поэзия Блока" считал, что третий том – самое глубокое выражение "последней ступени в развитии поэта-романтика", ведомого вперед "духом музыки", романтическим максимализмом, "динамизмом художественного и жизненного устремления, разрушающим затвердевшие грани искусства и культуры, расплавляющим неподвижные жизненные ценности..." (С. 164–165).

Таким образом, в сборнике "Об Александре Блоке" выражено мнение его современников о том, что в творчестве Блока, направляемом императивом "слова", "исто-

рии", "духа музыки", именно третий том лирики в наибольшей степени выявляет сущность и трагическую предопределенность творческой судьбы поэта. Но в этом же сборнике мы находим строки и о том, что самое создание третьего тома свидетельствовало о катарсическом преодолении трагедии. "Да, он (<"Страшный мир". – Ред.) действительно страшен в той мрачной симфонии, в какую слагаются эти отдельные стихотворения. Но самая интенсивность, и действенность, и полнота воплощения говорят уже о великом последствии подлинного творческого акта – о преодолении", – писал Ю. Верховский (С. 197).

В настоящем томе подготовили тексты и варианты стихотворений цикла "Страшный мир", составили текстологические комментарии к ним Г.К. Каурова и А.М. Грачева; составили историко-литературные комментарии и написали вступительную заметку к циклу С.Ю. Ясенский и В.Н. Быстров;

подготовила тексты и варианты стихотворений цикла "Возмездие", составила комментарии к ним и написала вступительную заметку к циклу И.А. Ревякина;

подготовила тексты и варианты стихотворений цикла "Ямбы", составила комментарии к ним и написала вступительную заметку к циклу Н.В. Лощинская;

подготовил тексты и варианты стихотворений цикла "Итальянские стихи", составил комментарии к ним и написал вступительную заметку к циклу В.Н. Быстров;

подготовила тексты и варианты стихотворений раздела "Разные стихотворения" и составила комментарии к ним Н.В. Лощинская; составила историко-литературные комментарии к стихотворениям "Послания" (5), "Женщина", "Перед судом" и написала вступительную заметку к разделу "Разные стихотворения" А.М. Грачева;

подготовили тексты и варианты стихотворений раздела "Арфы и скрипки" и составили текстологические комментарии к ним: С.Ю. Ясенский, О.А. Кузнецова, О.А. Линдеберг, В.Н. Быстров; составили историко-литературные комментарии к циклам "Три послания", "Через двенадцать лет", "Мэри" О.А. Кузнецова, к остальным стихотворениям – Б.В. Аверин, им же написана вступительная заметка к разделу;

подготовила тексты и варианты стихотворений цикла "Кармен" и составила текстологические комментарии к ним Н.Ю. Грякалова, составила историко-литературные комментарии к стихотворениям цикла и написала вступительную заметку к нему О.А. Кузнецова;

подготовил тексты и варианты поэмы "Соловьиный сад" и стихотворений разделов "Родина", "О чем поет ветер", составил текстологические и историко-литературные комментарии к ним и написал вступительные заметки А.В. Лавров;

дополнительная библиография по отзывам прессы к отдельным стихотворениям разделов "Страшный мир" и "Арфы и скрипки", а также по отзывам на третий том "Собрания стихотворений" А.А. Блока собраны Н.В. Скворцовой.

Автор вступительной заметки к III тому – С.Ю. Ясенский.

Редакционно-техническая работа осуществлена Н.Ю. Грякаловой и О.А. Линдеберг. Подбор иллюстраций – И.Е. Усок.

Редактор тома – Ю.К. Герасимов.

СТРАШНЫЙ МИР

Поэтическая формула "страшный мир" впервые возникает в стих. "Дым от костра струею сизой..." (август 1909 г.), а затем в стих. "Черный ворон в сумраке снежном..." (февраль 1910 г.): "Страшный мир! Он для сердца тесен!..". Она послужила заглавием небольшого цикла, в состав которого, помимо второго из упомянутых стихотворений, вошли: "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."), "В ресторане", "Большая дорога" ("Сегодня ты на тройке звонкой..."). Об этой подборке Блок сообщил В.Я. Брюсову в письме от 3 сентября 1910 г.: «С удовольствием посылаю Вам для "Русской мысли" маленький цикл стихов (под заглавием "Страшный мир")». Цикл был опубликован в № 11 журнала за 1910 г. С того времени Блок нередко использует эту метафору для обозначения мира реальной действительности. Так, в письме к В.А. Пясту от 3 июля 1911 г. он в частности замечает: «Дело в том, что Петербург – глухая провинция, а глухая провинция – "страшный мир"». В тот же день он делает следующую запись: "Вчера в сумерках ночи под дождем на Приморском вокзале цыганка дала мне поцеловать свои длинные пальцы, покрытые кольцами. Страшный мир. Но быть с тобой странно и сладко" (ЗК. С. 183). Ср. также запись в дневнике от 28 февраля 1912 г.: "Вечерние прогулки (...) по мрачным местам, где хулиганы бьют фонари, пристает щенок, тусклые окна с занавесочками. Девочка идет – издали слышно, точно лошадь тяжело дышит: очевидно, чохотка; она давится от глухого кашля, через несколько шагов наклоняется... Страшный мир".

Как некое художественное единство со своей поэтической концепцией раздел "Страшный мир" впервые появился в четвертом сборнике Блока "Ночные часы" (М., 1911). Он имел хронологический подзаголовок: (1909–1910). В его состав вошли 9 стихотворений: "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."), "Из хрустального тумана...", "Я помню длительные муки...", "Своими горькими слезами...", "Вновь оснеженные колонны...", "Дух пряный марта был в лунном круге...", "В ресторане", "Песнь Ада", "Идут часы, и дни, и годы...". В эту первую редакцию вошли стихотворения, составляющие во всех последующих редакциях раздела его основу и концентрирующие в себе ряд основных тем, образов и мотивов "Страшного мира" ("Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."), "Из хрустального тумана...", "В ресторане", "Песнь Ада"). Два стихотворения ("Я помню длительные муки...", "Своими горькими слезами...") позднее в раздел не включались. Во второй раздел сборника, озаглавленный "Везде", вошло стих. "Под шум и звон однообразный...", а в четвертом разделе ("Голоса скрипок") было помещено стих. "Поздней осенью из гавани...". Оба стихотворения в дальнейшем вошли в состав "Страшного мира". Хотя раздел формировался по принципу эмоционально-тематической близости стихотворений, он еще не обладал внутренней целостностью.

Следующий этап формирования раздела – публикация в третьем томе "Собрания стихотворений" (1912). "Страшный мир" помещен после раздела "Песня судьбы" и перед разделом "Возмездие". Раздел в этой книге состоит из стихотворений: "Клеопатра", "Девушке", цикл "Белые ночи" ("Придут незаметные белые ночи...", "С каждой весною пути мои круче..."), "Не пришел на свиданье", "Усните блаженно, заморские гости, усните...", "Я пригвожден к трактирной стойке...", "Из хрустального тумана...", "В эти желтые дни меж домами...", "Песнь Ада", "На островах", "Дух пряный марта был в лунном круге...", "В ресторане", "На железной дороге", "Большая дорога" ("Сегодня ты на тройке звонкой..."), "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."), "Идут часы, и дни, и годы...". Раздел в сравнении с предыдущим расширен на 11 текстов, из которых только один ("В эти желтые дни меж домами...") вошел в его окончательный состав. Стихотворения расположены в хронологическом порядке. Стихотворения "Под шум и звон однообразный..." и "Поздней осенью из гавани...", впоследствии включенные в окончательный состав раздела, представлены, соответственно, в разделах "Возмездие" и "Голоса скрипок".

Важная стадия в истории формирования раздела – третий том "Стихотворений" 1916 г. Теперь "Страшный мир" открывает третью книгу "трилогии", предшествуя разделу "Возмездие". Этот порядок чередования разделов, при котором "Страшный мир" получает особое значение вступления ко всему тому, соответствует окончательной структуре книги. Данную редакцию "Страшного мира" составили 16 стихотворений: "К Музе", "Из хрустального тумана...", "Песнь Ада", "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе..."), "В ресторане", "Унижение", "Авиатор", "Пляска смерти" ("Как тяжело мертвецу среди людей..."), "Пустая улица. Один огонь в окне...", "Ночь, улица, фонарь, аптека...", "Есть игра: осторожно войти...", цикл "Черная кровь" ("Вполоборота ты встала ко мне...", "Даже имя твое мне презренно...", "Испугом схвачена, влекома...", "Ночь, как века, и томный трепет...", "Над лучшим созданием Божьим..."). Расположение текстов в целом подчинено хронологии, однако имеются некоторые ее нарушения, связанные с формированием композиционного единства, а также с тенденцией к циклизации внутри раздела (стих. "Пляска смерти" ("Как тяжело мертвецу среди людей..."), "Пустая улица. Один огонь в окне...", "Ночь, улица, фонарь, аптека...", в окончательной редакции раздела вошедшие в цикл "Пляски смерти", цикл "Черная кровь"). По сравнению с *III*₁, из раздела исключены не только 7 стихотворений, не вошедших в окончательный состав ("Клеопатра", "Девушке", "Придут незаметные белые ночи...", "С каждой весною пути мои круче...", "Не пришел на свиданье", "Усните блаженно, заморские гости, усните...", "Я пригвожден к трактирной стойке..."), но и стихотворения "В эти желтые дни меж домами...", "На островах", "Дух пряный марта был в лунном круге...", "Идут часы, и дни, и годы...", затем вновь включенные в состав раздела. 9 стихотворений из канонической редакции "Страшного мира" вошли в другие разделы *III*₂: "Как тяжело ходить среди людей...", "Как растет тревога к ночи!" – в раздел "Возмездие"; "Под шум и звон однообразный...", "Поздней осенью из гавани...", "На островах", "Я коротаю жизнь мою...", "Идут часы, и дни, и годы...", "Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный..." – в раздел "Разные стихотворения"; "Дух пряный марта был в лунном круге..." – в раздел "Арфы и скрипки".

В окончательном виде раздел "Страшный мир" представлен в третьей книге "Стихотворений" 1921 г. Он сохраняет преемственную связь с композицией раздела в предыдущем издании, однако значительно расширен. Раздел увеличен до 48 стихотворений за счет: 1) текстов, перенесенных из разделов "Возмездие", "Разные стихотворения" и "Арфы и скрипки" предыдущего издания (10 стихотворений); 2) стих. "В эти желтые дни меж домами...", входившего в *III*₁ и исключенного из *III*₂; 3) стихотворений, впервые включенных Блоком в основное собрание: "Двойник" ("Однажды в

октябрьском тумане..."), "С мирным счастьем покончены счеты...", "Старый, старый сон: из мрака...", "Вновь богатый зол и рад...", "Миры летят. Годы летят. Пустая...", "Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...", цикл "Жизнь моего приятеля" ("Весь день, как день: трудов исполнен малых...", "Поглядите, вот бессильный...", "Всё свершилось по писаньям...", "Когда невзначай в воскресенье...", "Пристал ко мне нищий дурак...", "День проходил, как всегда...", "Говорят черти", "Говорит смерть"; стихотворений, включенных в цикл "Черная кровь" ("Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...", "О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...", "Вновь у себя... Унижен, зол и рад...", "Я ее победил, наконец!.."), "Демон" ("Иди, иди за мной – покорной..."), "Голос из хора". Единство раздела обусловлено идейно-тематической близостью и стилистической соотношенностью стихотворений. «Укрупнение масштабов "Страшного мира" – вплоть до вселенских, постоянное обращение к потустороннему, с одной стороны (то есть аспект "страшный мир – всеобщее грехопадение"), и одновременно – конкретизация, внимание к социальным и бытовым приметам, с другой (то есть "страшный мир" – социальное зло); этот процесс особенно ясно выражен в последней редакции» (*Правдина И.* История формирования цикла "Страшный мир" // В мире Блока. М., 1981. С. 234; подробнее об истории создания раздела "Страшный мир" см.: *Там же.* С. 209–244).

Андрей Белый в своих воспоминаниях свидетельствовал, что мироощущение, присущее Блоку в 1910-е годы, определившее во многом трагическую окраску стихотворений, стало проявляться у него несколько раньше: «В то время (в 1908 году) в сознании А.А. очень прочно откладывались контуры его "Страшного Мира" (...) Именно в это время слагались темы той роковой безнадежности, которые с потрясающей силой встречаются нас в третьем томе стихов (...) в 1908 году складывались краски зренья на мир и на жизнь у А.А. (...) он вступал в свою трудную полосу жизни; угаром и страстью охвачены строчки стихов; его страсть, роковая и знойная, зазвучала из ветра и вьюги» (*Белый, 4.* С. 94). Эти "краски зренья на мир и на жизнь" с каждым годом сгущались все больше, о чем говорят записи в блоковских дневниках и записных книжках. Мрачные впечатления от действительности, накапливаясь, оказывали на Блока все большее воздействие. Все чаще охватывали его настроения подавленности, безысходности, скуки, тоски: "Мир во зле лежит. Всем, что в мире, играет судьба, случай..." (Дневник. 3 декабря 1911 г.); "Тягостно, плохо себя чувствую, пусто, во мне мертвое что-то..." (Дневник. 25 января 1912 г.), "...Живу не тем, что наполняет жизнь, а тем, что ее делает черной, страшной, что ее отталкивает" (Дневник. 11 октября 1912 г.). К этим настроениям нередко примешивалось чувство страха перед ужасами жизни: "Боюсь жизни, улицы, всего, страшно остаться одному..." (Дневник. 28 мая 1912 г.); "...боюсь проклятой жизни, отворачиваю от нее глаза..." (Дневник. 11 июня 1912 г.).

Безусловно, "страшный мир" не заслонял в сознании Блока светлых сторон жизни, "контрастное" восприятие мира было присуще ему и в этот тяжкий период; ср., например: "Жить на свете и страшно и прекрасно" (Дневник. 10 ноября 1911 г.), "Нет, рано еще уходить из этого прекрасного и страшного мира" (Дневник. 9 декабря 1911 г.). Однако именно обостренное чувство всеобщего (и личного тоже) неблагополучия, мировой бессмыслицы, греховности, позора, наиболее полно и отчетливо отразившееся в "Страшном мире", обусловило трагические интонации "третьего тома". Это неоднократно подчеркивалось еще современниками поэта. Так, критик Свенельд воспринял "Страшный мир" как поэзию безверия, как "мир", в котором нет масок, где поэт открывает истинное лицо свое, где присутствует он сам – "позорный и продажный, с кругами синими у глаз" (*Свенельд.* Религия иллюзии: Поэзия А. Блока // Очарованный странник. СПб., 1914. Вып. 4. С. 10–12).

А. Белый отмечал, что "страшный мир" – лейтмотив, проходящий сквозь весь третий том" (*Белый, 4. С. 94*). Приметы драматического, "кризисного" периода (от восторгов юности – к разочарованию и усталости, от веры – к безверию), отразившиеся в разделе, уловил Ю. Айхенвальд: "Можно было бы различить в его поэзии течение благочестивое, в духе Жуковского, (...) и течение противоположное, уже потерявшее свою религиозную кристалльность, уже смешавшееся с черной кровью и тенями утомленного сердца, охлажденного солнца, уже отравленное ядами той поры возраста и духа, когда

...ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью...

(...) не юная и не быстрая кровь, жизнь, еще не остановившаяся, но уже замедлившая свой шаг: именно этот период так опасен для романтизма и так склонен пятнать его мечты" (*Айхенвальд Ю. Поэзия Блока // Слово о культуре. Сб. критических и фило-софских статей. М., 1918. С. 52*). Используя характерные мотивы и образы стихотворений раздела, Ю. Айхенвальд так интерпретировал его содержание в контексте тома: «Тяжесть любви, и соединение любви с болью, с убийством, с кровопийством и вообще-то не однажды мерещится Блоку в странных сонных видениях его стихов. Как вонзается в сердце острый французский каблук, как любовник-вампир вонзает свой перстень в белое плечо, и кровь, душный и смолистый напиток, пьет из плеч благоуханных, – это ведомо нашему поэту.

Над миром простым построил он страшный мир. Недаром третью книгу своих стихов, самую зрелую и примечательную, он посвятил такой музе, в чьих напевах сокровенных есть роковая о гибели весть, проклятые святынь, поругание счастья, насмешки над верой, искушение ангелов, и была ему "роковая отрада в попираньи заветных святынь". Всякие песни ада, и пляски смерти, и смерть, наклонившаяся в аптеке перед шкапом с надписью *Venepa*, и дурной глаз тайного соглядатая: все это дошло до слуха и духа Блока» (*Там же. С. 55*).

Тревожную и мрачную атмосферу "Страшного мира" В. Жирмунский характеризовал так: «Отвращение к прошлому и безнадежность в будущем, а в настоящем – та безысходная печаль и скука, та "ацеция", о которой говорили старинные религиозные писатели, или употребляя более новые и менее значительные аналогии – "мировая скорбь" или Бодлеровский "сплин" – постепенно овладевают поэтом, как некая метафизическая болезнь души, "таинственно и неуклонно снедающий меня недуг" (ср. особенно "Пляски смерти", "Жизнь моего приятеля" в отделе "Страшный мир")» (*Жирмунский В. Поэзия Блока // Об А. Блоке. С. 88*). И в то же время, отмечал В. Жирмунский, раздел проникнут мистическими ощущениями, которые преодолевают герметическую замкнутость "страшного мира", указывая на наличие или возможность иных миров, иных состояний души: «Сознание душевного унижения, греха и падения проходит сквозь все последние стихи (ср. в особенности "Унижение", "Черная кровь" – вообще, отделы "Страшный мир" и "Возмездие"), – но в самом падении – взлеты мистически страстных восторгов, дающих болезненное опьянение бесконечным» (*Там же. С. 86*). О том же, по сути, писал и Ю. Верховский: "Неотразимое впечатление производит и новая композиция, данная последним стихотворениям в начальном отделе третьего тома – *Страшный Мир*. Да, он действительно страшен в той мрачной симфонии, в которую слагаются эти отдельные стихотворения. Но самая интенсивность и действительность, и полнота воплощения говорят уже о великом последствии подлинного творческого акта – о преодолении..." (*Верховский Ю. Восхождение // Об А. Блоке. С. 196–197*).

Раздел играет существеннейшую роль во всей концепции "третьего тома", и именно в единстве с целым, а отнюдь не автономно, его замысел предстает во всей художественной глубине. Есть основания утверждать, что "Страшный мир" вообще – «не раздел, не цикл и даже не одна из тем поэзии Блока; это нечто несравненно более важное. Художественная концепция "Страшного мира", в органических соотношениях с циклом "На поле Куликовом" и "Итальянскими стихами", представляет собой один из определяющих, организующих факторов зрелой лирической системы Блока» (Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 414). В этой связи весьма значимо суждение Блока о должной позиции современного художника, высказанное им в письме к Андрею Белому от 8 мая 1911 г.: "Всё дело в том, есть ли сейчас в России хоть один человек, который здраво, честно, наяву и по-божьи (т.е. имея в себе в самых глубинах скрытое, но верное "ДА") сумел бы сказать "НЕТ" всему настоящему... Пишу и хочу писать об этом..."

Критика социальной действительности в разделе предопределена судом над собственной личностью. Лирическое "я" поэта оказывается вместилищем "страшного мира", и его изображение носит почти интимный характер, что придает темам и мотивам раздела особую личную боль. Сам Блок размышлял по этому поводу остро и жестко; ср., например, в статье "Судьба Аполлона Григорьева": Григорьев «никогда не был дилетантствующим критиканом; то есть не "бичевал" никогда "темных царств", а боролся с ними; он понимал, что смысл слов "темное царство" – глубок, а не поверхностен (смысл не бытовой, не гражданский только). "Темное царство" широко раскинулось в собственной душе Григорьева; борьба с темною силою была для него, как для всякого художника (не дилетанта), – борьбою с самим собой» (СС-85. С. 500).

Акцент в разделе сделан на том, что демонический индивидуализм героя "страшного мира" – зло, направленное против всего живого, человеческого в нем. Тема умирания человеческого в человеке наиболее отчетливо реализуется в стихотворениях о любви-страсти. Особенностью изображения такой любви является то, что «Блок стремится объяснить "демонические", "инфернальные" страсти исторически: злая любовь-страсть "вампирического века" неотделима у него от "железного века" буржуазности» (Миц, 4. С. 60).

Широко варьируются в разделе мотивы гибели и смерти: самоубийства, смерти от "вампирической страсти", смерти – возмездия за измену, прижизненной смерти как выражения мертвенного бесчеловечного существования. Насилие и гибель являются формой протеста и возмездия "страшному миру", способом мести. В этом смысле важна запись, сделанная Блоком в январе 1911 г. в планах поэмы "Возмездие": "Человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Всё так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю – есть право каждого. Это возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир" (т. 5 наст. изд.).

Сложность, многогранность изображения "страшного мира" предопределена и тем, что он показан не только как жестокий, губительный, проклятый, но и как прекрасный, влекущий, упоительный. Это во многом связано с тем, что "страшный мир" есть мир воплощенный, обладающий чувственной реальностью. В этом – антимическое отталкивание "страшного мира" от мира Первой любви, Памяти о прошлом, запечатленного в "первом томе" трилогии. «В значительных и весьма существенных своих чертах "страшный мир" – антоним "синего берега рая", где герой был раньше. Противопоставление начинается уже с самых общих, универсальных пространственных и временных характеристик. Так, если мир "первой любви" – это мир природы (дикой или "культивированной"), то "страшный мир" ассоциируется с городом (хотя им и не ограничивается)» (Миц, 4. С. 40). Среди цветообозначений преобладают теперь "черный", "желтый" (сменивший прежние цвета зари "голубой" и "розовый" и оказывающийся, по сути, их художественным антонимом), "лиловый", "Белый"

утрачивает значение ослепительной яркости, становится синонимом "бледного". Если мир "Первой любви" был бесконечно светел – и в то же время светел гармонично, не ослепляюще, то "страшный мир" – либо "тусклый" ("померкший", "грязный", "мутный"), либо слепяще яркий "сиянием небытия", красным светом "жизни гибельного пожара" (*Мицк., 4. С. 46*). Описание "страшного мира", таким образом, предстает как описание "антимира" царства Первой любви (*Там же. С. 46*).

"Страшный мир" является антиподом "мирам иным". Лирический герой его наделен свойствами не просто другими, но нередко обратными тем, что были присущи герою "первого тома". Закономерно поэтому, что в разделе "Страшный мир" Блоком переосмыслены, переакцентированы некоторые важные образы, символы и мотивы ранней лирики. Концептуальная связанность раздела с предыдущим творчеством подчеркнута целым рядом автореминисценций и автоцитат.

Историко-культурный и литературный подтекст раздела глубок и разнообразен. С одной стороны, он обусловлен "подключением" к мировым традициям (тема "демонизма", восходящая к Лермонтову и Врубелью, тема "вампиризма", тема "живых мертвецов", мотивы "ада", связанные с "Божественной комедией" Данте, мотивы "двойничества" и т.д.), но, с другой стороны, он обусловлен сильным непосредственным воздействием на Блока некоторых близких ему в эти годы по мироощущению художников. В первую очередь следует назвать А. Стриндберга, которого Блок много читал и изучал в 1911–1912 гг. ("Ад", "Исповедь глупца", "Сын служанки", "Пляска смерти" и др.) и который оказал на него влияние, нашедшее отчетливое отражение в некоторых стихотворениях раздела ("Есть игра: осторожно войти...", "Как растет тревога к ночи...", "Весь день – как день: трудов исполнен малых..."). По свидетельству М.А. Бекетовой, "знакомство с произведениями Стриндберга он считал одним из событий своей жизни. Стихийное начало, глубокий мистицизм, специальная склонность к глубокому изучению естественных наук, общая культурность европейского склада – такое сочетание казалось Блоку до крайности знаменательным, и в этом периоде он рассматривал все события своей жизни с точки зрения Стриндберга" (*Бекетова И. С. 172–173*). Очень значимы для духа и тональности раздела мотивы горькой усмешки, "провокаторской иронии", восходящие к Г. Гейне. Из других западных художников близки в эти годы Блоку Г. Ибсен, Э. По, Р. Вагнер. Из русских писателей-классиков в наибольшей степени ощутимо влияние произведений Достоевского, Л. Толстого, Некрасова, что убедительно раскрыто в многочисленных работах, посвященных сопоставлению творчества Блока с творчеством этих писателей.

К МУЗЕ

("Есть в напевах твоих сокровенных...")

(С. 7)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₇*. Л. 87 об. – 88, "Осень – 29.XII.1912"; *Кор₁ Земли*. Л. 3; *Кор₂ Земли*. Л. 6–6 об. и 22–22 об.; *АС – Изборник*. Л. 328, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *РМ*. 1913. № 11. С. 1–2. 1-я паг.

Публикации: *Ш₂*. С. 9–10; *Ш₃*. С. 7–8.

Нижний слой *БАП Т₇* соответствует тексту в *РМ*. Правка в *Т₇* произведена карандашом перед публикацией в *Ш₂*. В процессе переработки были исправлены ст. 1, 9, зачеркнуты – 4-я, 5-я и 6-я строфы и ст. (33–36), затем 5-я и 6-я строфы восстановлены, рядом с текстом каждой из них поставлен знак №, но в *Ш₂* 5-я строфа отсутствует.

Стихотворение открывает собою "третий том" и закономерно воспринимается как ключевое по отношению к поздней лирике Блока. По мысли Ю. Айхенвальда, оно определило основную, "демоническую" тональность третьего тома лирики Блока (см. коммент. к разделу "Страшный мир"). В. Жирмунский, подчеркивая, что цикл "Страшный мир" характеризует "метафизическая болезнь души", которая "постепенно овладевает поэтом", писал: «Быть может, самое глубокое выражение этой последней ступени в развитии поэта-романтика дает стихотворение "К Музе", знаменательно предпосланное III книге. Здесь Муза и возлюбленная сливаются в одном образе, интимный и личный опыт любовного переживания расширяется в сверхличное истолкование вопроса о смысле жизни, познаваемой через любовь. По глубине и мощи трагического ощущения жизни Блок приближается здесь к наиболее зрелым стихотворениям Тютчева, посвященным его трагической "последней любви"...» (Жирмунский В. Поэзия Блока // Об А. Блоке. С. 89).

Бор. Энгельгардт в статье "В пути погибший" писал: "Есть глубокий смысл в том, что именно песни о страшном мире Блок посвятил своей Музе. Ведь это она завела его в безотрадную пустыню, откуда для него не было уже возврата". Цитируя далее ст. 1–4 и 13–24, критик подчеркивал, что от них веет "подлинным трагизмом" (Об А. Блоке. С. 34–35).

Г.И. Чулков считал, что в стихотворении Блок "подводит итоги своей жизненной судьбы" (Воспоминания, 1. С. 363).

Мать Блока, А.А. Кублицкая-Пиоттух, в письме к М.П. Ивановой от 6 окт. 1912 г. назвала эти стихи "страшными" (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 404).

Есть в напевах твоих сокровенных... – В. Жирмунский отметил переключку со стих. Ф. Тютчева "Есть и в моем страдальческом застое..." (1865) (Жирмунский В. Поэзия Блока // Об А. Блоке. С. 89).

...Будто ангелов ты низводила, // Соблазняя своей красотой... – Мотив падения, тесно связанный с мотивом измены, характерен для "третьего тома". Ср. в стих. "Как свершилось, как случилось..." (19 дек. 1912): "Падший ангел, был я встречен // В стане их, как юный бог". Мотив падшего ангела (библейзм) вводит в стих. тему Демона.

Зла, добра ли? – Ты вся – не отсюда. – Не исключено что Блок использовал формулу Ницше: "по ту сторону добра и зла". Ницше полагал, что источник творчества находится вне морали, общества и государства.

...В час, когда уже не было сил... – Мотив бессилия повторяется в томе: "И я без сил, отстал, ушел из строя" ("Забывшие Тебя", 1 авг. 1908 г.); "...вот бессильный, // Не умевший жизнь спасти" ("Поглядите, вот бессильный...", 30 дек. 1913); "Слишком больно мечтать // О былой красоте // И не мочь: // Хочешь встать – // И ночь" ("Я сегодня не помню, что было вчера...", 3 февр. 1909 г.). Отмечено З.Г. Минц в ее кн.: Минц, 4. С. 52–53.

...аи... – марка французского шампанского.

...В попираньи заветных святынь... – В. Жирмунский усматривал в этих стихах переключку со статьей Ф.М. Достоевского "Влас", из которой цитировал следующие строки: "Это потребность отрицания в человеке, иногда самом неотрицающем и благоговееющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте, перед которой сейчас лишь благоговел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем" (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 35) (Жирмунский В. Поэзия Блока // Об А. Блоке. С. 102). Ср. также в романе "Братья Карамазовы" слова Дмитрия Карамазова: "...попирание всякой святыни, насмешка и безверие" (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. С. 417).

"ПОД ШУМ И ЗВОН ОДНООБРАЗНЫЙ..."

(С. 8)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₂₄. Л. 11–9, "2 II"; *БА* – *Т*₇. Л. 10, "2 февраля"; *БА* – *НР НЧ*. Л. 31; *Кор*₁ *НЧ*. Л. 22; печ. текст – *НР*₂ *III*₁. Л. 72; *Кор*₂ *Земли*. Л. 7 и 23.

Впервые: Новый журнал для всех (*НЖВ*). 1909. № 12. Стб. 5–6.

Публикации: *НЧ*. С. 43, в разд. "Возмездие"; *III*₁. С. 121–122, в разд. "Возмездие"; *III*₂. С. 110, в разд. "Разные стихотворения"; *III*₃. С. 9.

Дата в *ЧА ЗК*₂₄ записана дважды: над текстом и после него. На л. 9 записана строка, которая, возможно, являлась продолжением *ЧА ЗК*₂₄ (см. разд. "Другие редакции и варианты").

А. Дерман привел стихотворение в качестве примера блоковского отношения "к жизни города": "Она до такой степени в целом чужда и даже враждебна ему, он до того сильно – я сказал бы, болезненно – реагирует на то, что принято считать признаком, так сказать, городского здоровья: шум, движение, многообразие города, что все это он воспринимает как оскорбление жизни" (*Дерман А. Об Александре Блоке // Русская мысль*. 1913. № 7. 2-я паг. С. 61).

"Примечательно, что самые капризные и отвлеченные индивидуальные переживания преломляются у Блока в чувстве родины", – писал С. Гордон по поводу стихотворения в статье "Приспособление к трагедии" (*Слово о культуре*. М., 1918. С. 83).

Я обрываю нить сознанья // И забываю, что и как... – Мотив утраты памяти повторяется в том: "Я сегодня не помню, что было вчера, // По утрам забываю свои вечера, // В белый день забываю огни, // По ночам забываю дни" ("Я сегодня не помню, что было вчера..."); "Забудь о том, что жизнь была, // О том, что будет жизнь, забудь" ("Чем больше хочешь отдохнуть..."); "Не поднимай цветка: в нем сладость // Забвенья всех прошедших дней" ("Где отдастся в длинных залах..."). Отмечено З.Г. Минц в ее кн.: *Минц, 4*. С. 53.

"В ЭТИ ЖЕЛТЫЕ ДНИ МЕЖ ДОМАМИ..."

(С. 8)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₇. Л. 23–22 об., *БА* – *Т*₇. Л. 27 об., "6 X. СПб"; *БА* – *НР*₂ *III*₁. Л. 66; *Кор*₁ *Земли*. Л. 4; *Кор*₂ *Земли*. Л. 7 об. и 23 об.

Впервые: *III*₁. С. 102–103.

Публикации: *III*₃. С. 10.

ЧН 3-й строфы примыкает к наброскам стихотворений "Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне..." и "Посещение".

В *РЭ III*₁ стихотворение перечеркнуто и в *III*₂ не вошло.

...*Твой разящий, твой взор, твой кинжал!* – Ср. в стих. В. Брюсова "Ответ": "*Остро и пламенно ранит // Взор твой, блестящий клинок*" (1908).

"ИЗ ХРУСТАЛЬНОГО ТУМАНА..."

(С. 9)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₂₇*. Л. 22–20 об.; *ЧН₂ – ЗК₂₈*. Л. 3; *БА – Т₇*. Л. 26 об.–27, "6 X. СПб"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 46. Л. 9–9 об., "доконч. 6 X 09. СПб"; *БА – РГБ*. Ф. 644. Оп. 2. Ед.хр. 17; подпись: "Александр Блок"; *БА – НР НЧ*. Л. 70; *Кор₁ НЧ*. Л. 48–48 об.; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 66, "Октябрь 1909"; *Кор₁ Земли*. Л. 5; *Кор₂ Земли*. Л. 8–8 об. и 24–24 об.; печ. текст – *Изборник*. Л. 291–292.

Впервые: Весы. 1909. № 10/11. С. 127–128.

Публикации: *НЧ*. С. 97–98; *III₁*. С. 101–102, "Октябрь 1909"; *III₂*. С. 11–12; *III₃*. С. 11–12.

ЧН₁ ЗК₂₇ и *ЧН₂ ЗК₂₈*, по мнению Р.В. Иванова-Разумника, "тематически связаны с настоящим стихотворением" (*Иванов-Разумник*. Л. 211).

Было послано в письме к матери (между 6 и 15 октября 1909 г.) с припиской: "Нравится ли тебе, мама, это стихотворение? Мне и Любе нравится".

На обороте *БА РГБ* (фонд В.Э. Мейерхольда) сверху зачеркнутая помета: "В.Я. Б(рюсов)".

В *НР₂ III₂* карандашом произведено деление на строфы.

В статье В. Жирмунского "Поэзия Александра Блока" стихотворение названо примером романтического "двоемирия", при котором земная действительность кажется поэту иллюзорной, нереальной..., а "сам поэт наполовину поддается искушению посмотреть на свои видения, как на сонную грезу или пьяный бред" (*Об А. Блоке*. С. 79).

Визг цыганского напева (...) *Дальних скрипок вопль туманный...* – Ср. в других стихотворениях тома: "Голоса скрипок" ("Из длинных трав встает луна..."): "Ты злишься, мой смычок визгливый"; "Вячеславу Иванову" ("Был скрипок вой в разгаре бала..."), ср. также в статье "Памяти В.Ф. Коммиссаржевской" (1910): "Расстроенная скрипка всегда нарушает гармонию целого; ее визгливый вой врывается докучной нотой в стройную музыку мирового оркестра...". См. также всю концепцию цикла "Арфы и скрипки".

...Налетел из дальних зал, // Дальних скрипок вопль туманный... – А. Дерман, говоря об импрессионизме поэзии Блока, цитировал ст. 7–8 и так комментировал их: "Этот образ необыкновенно характерен для Блока: не мелодия жизни в целом его интересует, не длительное нечто, а откуда-то налетающее мгновение (...)", "воплъ туманный" захватывает его в плен" (*Дерман А. Об Александре Блоке*. С. 61).

Входит ветер, входит дева // В глубь исчерченных зеркал. – В резко отрицательной антисимволистской рецензии на "Седое утро" С. Бобров приводит эти стихи в качестве примера "блоковщины", перепевов поэтом собственных тем и мотивов и сопоставляет их со стих. "Двойник". – Печать и революция. Кн. 1. М., 1921. Май–июль. С. 146.

Магдалина! Магдалина! – Мария из Магдалы – в евангельской истории – блудница, обращенная Христом к праведной жизни.

ДВОЙНИК

("Однажды в октябрьском тумане...")

(С. 9)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₉*. Л. 2 об. – 3; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 88. Л. 1, 2, "Окт. 1909" (над текстом); *БА – Т₈*. Л. 75–75 об., "Окт. 1909 – 26 авг. 1914"; *БА – ИРЛИ*. Ф. 185. Оп. 1. Ед.хр. 1371. Л. 5–6; *Кор. III₃. Кор₁ Земли*. Л. 5–6; *Кор₂ Земли*. Л. 9–9 об. и 25–25 об.

Впервые: *БВ*. 1915. 26 окт. № 15169, утр. вып.

Публикации: Ежемесячный журнал для всех (Журнал для всех) (*ЕЖДВ*). 1918. № 2–3. Стб. 5–6; *СУ*. С. 20–21, "Октябрь 1909"; *III₃*. С. 13–14.

В *ЧА ЗК₂₉* 3-я строфа (ст. 13–18) значительно отличается от основного текста. После нее следуют наброски. В *ЧА ИРЛИ* воспроизведен текст *ЧА ЗК₂₉* – ст. 1–18 и наброски следующей строфы. При правке ст. 13–18 был зачеркнут первый набросок ("Берусь за тяжелое дело..."), а второй (начинающийся со ст. "Устал я { } шататься...") записан на полях. В *ЧА ИРЛИ* произведена и окончательная доработка текста, относящаяся к 1914 г. Беглость записи *ЧА ИРЛИ* позволяет не приводить пунктуационные разночтения данного источника, нет в нем и круглых скобок в ст. 3–4, 11–12.

Стихотворение связано с традицией мировой литературы, в которой тема двойника заняла большое место со времен романтизма. «Важнейшими вехами в развитии этой темы в Западной Европе и в Америке явились произведения таких авторов, как Ахим Арним ("Изабелла Египетская"), Шамиссо ("Петер Шлемиль"), в особенности Гофман (в первую очередь "Эликсир Сатаны"), Гейне ("Двойник")... Эдгар По ("Вильям Вильсон"), Стивенсон ("Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда")...» (*Максимов I*. С. 146).

В русской классической традиции тема двойника решалась в социально-психологическом ("Нос" Гоголя и "Двойник" Достоевского) и философско-психологическом преломлении (основные романы Достоевского, в особенности "Братья Карамазовы"). По мнению Д.Е. Максимова, Блок «был связан главным образом с такими авторами, как Гейне (его "Двойника" он перевел в начале 1909 г.), как Гофман, может быть Андерсен, идущий в своем рассказе "Тень" по следам Шамиссо ("Петер Шлемиль"). Но эта традиция (...) обогащалась у Блока опытом Достоевского (...)» (*Максимов I*. С. 149).

Тема двойника была исполнена для Блока автобиографического смысла (см. признание в собственном раздвоении, открывающее юношеские дневники Блока; см. записку к Е.М. Тагер 1915 г.: "В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются" (*УЗ ТГУ*. Вып. 104, 1961. С. 303). Эта тема берет начало в "первом томе" (юноша-старик, двоящиеся лики Возлюбленной), развивается в феерии "Балаганчик" (Пьеро и Арлекин – антиподы-двойники), драме "Незнакомка" (дублирование персонажей как знак "вечного возвращения", повторяемости всего на свете); продолжается во "втором томе": "По улицам метель метет...". Тема двойника-маски поэта проходит в "третьем томе", в разделе "Страшный мир" (стих. "Как тяжко мертвецу среди людей..."), циклы "Жизнь моего приятеля", "Черная кровь", стихотворения "Песнь Ада", "Поздней осенью из гавани...", "Демон" (1910 и 1916), "За гробом").

(*О, миг непроданных лобзаний! // О, ласки некупленных дев!*) – В. Жирмунский в статье "Поэзия Блока" писал: "Из глубины падения поэт опять вызывает к детскому видению чистой и непорочной любви" (*Об А. Блоке*. С. 87).

*И шепчет: "Устал я шататься... – Мотив усталости героя характерен для "третьего тома" в целом: "Усталые губы и взоры" ("Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе...")); "Он изнемог от дна чиновной скуки", "Усталый друг" ("Как тяжело мертвецу среди людей..."); "Душа усталая" ("Миры летят. Года летят. Пустая..."); "...глаз усталых" ("Весь день – как день: трудов исполнен малых..."); "душе, давно усталой" ("Ты так светла, как снег невинный..."). Отмечено З.Г. Минц в ее кн.: *Минц, 4*. С. 52–53.*

ПЕСНЬ АДА

("День догорел на сфере той земли...")

(С. 10)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 28–30 об., "...31 X", ("Песнь Ада (вампир)"); *АС – НР НЧ*. Л. 76–77 об., рукой Л.Д. Блок; *Кор₁ НЧ*. Л. 54–57; *Кор₂ НЧ*. Л. 55–58; *Кор₃ НЧ*. Л. 55–58; *НР₂ III₁*. Л. 66–68, "Октябрь 1909"; *Кор₁ Земли*. Л. 6–9; *Кор₂ Земли*. Л. 10–12 и 26–28.

Впервые: альм. "Любовь". СПб., 1910. С. 7–10.

Публикации: *НЧ*. С. 109–115; *III₁*. С. 103–106; *III₂*. С. 13–17; *III₃*. С. 15–19.

В *НР₂ III₁* произведено деление на строфы. В *РЭ III₁* вписан эпитаф: "Lo giorno se n'andava. Dante, Inferno, II, 1" ("День уходил. Данте, Ад, II, 1"), который не вошел ни в одно из изданий.

Блок так объяснял замысел "Песни Ада" в примечаниях к *III₁*: «"Песнь Ада" есть попытка изобразить "инферальность" (термин Достоевского), "вампиризм" нашего времени стилем Inferno (т.е. стилем "Ада", первой книги "Божественной комедии" Данте. – *Ред.*), что видно с первых слов: "День догорел" (Lo giorno se n'andava – начинается вторая песнь "Ада"). "Где спутник мой? О, где ты, Беатриче? – Иду один..." Современность не обладает не только райской спутницей, божественной Мудростью, но и земною мудростью язычника Virgilia, который сопутствовал Данту в Аду и у райской двери передал его Беатриче (Inferno. I. 112–114)» (см. разд. "Приложение").

Л.Д. Блок в письме А.А. Кублицкой-Пиотух от 31 октября 1909 г. сообщала: "Саша написал очень хорошее стихотворение, песнь из "Ада", очень мрачное, одно спасение, что оно очень объективно, эпично. Наверно, он пошлет его Вам, а, впрочем, не знаю... очень уж адское, "декадентского" ада. Но оно не в его теперешнем настроении, он ведь не так грустит теперь, как в начале" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 355).

В письме к матери от 10 ноября 1909 г. Блок, посылая ей стихотворение, замечал, что оно ему "нравится ограничительно", но что в нем "есть нечто от старинных культур и от Данта и т.д. – то есть от священного прошлого".

Стихотворение построено на образах "Божественной комедии" Данте и повторяет ее строфику и размер. Однако даже отдаленного сходства между содержанием "Песни Ада" и содержанием какой-либо из песен дантовского "Ада" нет: это свободная вариация исходной темы. Особенностью "Песни Ада" является также то, что ее герой является одновременно и наблюдателем адских мучений и мучеником (в этом отличие и от Данте, и от Пушкина – стих. "И дале мы пошли...", 1832).

Мотив дантовского путешествия по потустороннему миру мог быть связан и с впечатлениями Блока от путешествия в Италию в мае–июне 1909 г.: этот мотив неоднократно отражен в его очерках об Италии "Молнии искусства", он сопровождается размышлениями Блока о судьбе современной цивилизации, искусства и культуры. Блок сам раскрыл философско-эстетическое содержание этого мотива в

очерке "Призрак Рима и Monte Luca" (осень 1909; апрель 1920), что помогает увидеть "Песнь Ада" в ее художественной перспективе: "...Я, как художник, имею сообщить вам, ничего не навязывая (ибо область искусства приемов навязывания не ведает), что описанное мною нисхождение под землю и восхождение на гору имеет много общих черт если не со способом создания, то с одним из способов постижения творений искусства".

Ю. Верховский писал о стих.: "К эпической описательности и повествовательной объективности восходит прекрасная Песнь Ада. Самым созданием своим она свидетельствует о просветлении, достигнутом душою поэта – через гармонию художественную" (*Верховский Ю. Восхождение // Об А. Блоке. С. 198–199*).

День догорел на сфере той земли (...) Там сумерки лиловые легли. – Ср. у Данте (Ад. 2): "День отходил и сумрак пал в долины..." (*Данте Алигьери. Божественная комедия. Ч. 1. Ад. СПб., 1897. С. 9 / Пер. Д.И. Мина; издание находилось в библиотеке Блока, далее цитируется по этому изд.*).

Знакомый Ад глядит в пустые очи. – Ср. в стих. "Весь день – как день: трудов исполнен малых...": "Куда ни повернись – глядит в глаза пустые".

Где спутник мой? – О, где ты, Беатриче? – Сопровождающий Данте в его путешествии от Ада к Раю Вергилий обещает ему (Ад. 1), что в конце пути он увидит свою возлюбленную Беатриче. Ср. в очерке Блока "Немые свидетели": "Хорошо, если носишь с собою в душе своего Вергилия, который говорит: "Не бойся, в конце пути ты увидишь Ту, Которая послала тебя". Ср. также в статье "О современном состоянии русского символизма": «Искусство есть Ад. Недаром В. Брюсов завещал художнику: "Как Данте, подземное пламя должно тебе щеки обжечь". По бессчетным кругам Ада может пройти, не погибнув, только тот, у кого есть спутник, учитель и руководительная мечта о Той, которая поведет туда, куда не смеет войти и учитель».

Иду один, утратив правый путь... – Ср. у Данте: "Путь истинный утратив в час тревоги" (Ад. 1). Мотив потери пути повторяется в томе: "Скитались мы, беспомощно роптали // И прежних хижин не могли найти, // И у ночных костров, сходясь, дрожали, // Надеясь отыскать пути... // Напрасный жар! Напрасные скитанья!" ("Забывшие Тебя"); "Ни огня, ни звезды, ни пути..." ("Опустись, занавеска линиялая...").

...В кругах подземных... – Дантов Ад имеет девять кругов, в каждом из которых в зависимости от содеянных грехов находятся грешники.

...И где застиг меня последний пир. – Мотив последнего пира в библейской и античной традиции (пир Валтасара, пир Петрония) связан с концом мира, концом эпохи; ср. также стих. Ф. Тютчева "Кончен пир, умолкли хоры..." (1850). Ср. в статье "О современном состоянии русского символизма": "Нам предлагают: пой, веселись, призывай к жизни, – а у нас лица обожжены и обезображены лиловым сумраком".

Увидшей розы цвет в петлице фрака... – Ср. в стих. "Старый, старый сон. Из мрака...": "Алый цвет в петлице фрака".

...Сожженный рот глотает воздух жадно... – Ср. в стих. "Я ее победил, наконец!": "И обугленный рот в крови // Еще просит пыток любви...".

Из глубины невиданного сна... – Ср. в стих. "Из хрустального тумана...": "Из невиданного сна".

...Язык огня взлетел... – Ср. в стих. "Как свершилось, как случилось?": "Я стою среди пожарищ, // Обожженный языками // Преисподнего огня".

...Гоним тоскою страсти безначальной... – Ср. в записной книжке 1906 г. (ЗК₁₂): «В первом круге Дантова ада нет боли, а только тоска. И это считается "милостью неба". А мы ищем боли, чтобы избежать тоски. Да еще тоска у Данта светлая, "воздух тих и нем" – что ужаснее для нас?»

"ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ ИЗ ГАВАНИ..."

(С. 13)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₉*. Л. 2; *БА – Т₇*. Л. 31, "14 XI"; *БА – НР НЧ*. Л. 67; *Кор₁ НЧ*. Л. 45; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 86, "Октябрь 1909"; *Кор₁ Земли*. Л. 9; *Кор₂ Земли*. Л. 12 об. и 28 об.; печ. текст – *Изборник*. Л. 294.

Впервые: *Новая Жизнь*. 1910. № 1. С. 3 ("Поздней осенью").

Публикации: *НЧ*. С. 91, последнее в разд. "Голоса скрипок"; *III₁*. С. 161, "Октябрь 1909", в разд. "Арфы и скрипки"; *III₂*. С. 114, в разд. "Разные стихотворения"; сб. "Осенняя антология" (*ОА*). 2-е, доп. изд. Пг., 1918. С. 28; *III₃*. С. 20.

Дата в *III₁*, по мнению Р.В. Иванова-Разумника, ошибочна (*Иванов-Разумник*. Л. 213). *ЧН ЗК₂₉*, однако, относится к октябрю 1909 г.

В дневнике от 7 ноября 1912 г. Блок записал рассказ М.И. Терещенко о его разговоре с Леонидом Андреевым: "Андреев поминал обо мне с каким-то особым волнением, говорил, что я стою для него – совершенно отдельно, говорил наизусть мои стихи (матроса, незнакомку)...".

Корней Чуковский привел свидетельство об отношении Леонида Андреева к этому стих.: "Как-то в Ваммельсуу я пошел с Андреевым на лыжах, и он неподалеку от станции Райвола рухнул в снег и не встал, а когда я попробовал помочь ему встать, оттолкнул мою руку и повторил со слезами:

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Все потеряно, все выпито:
Довольно – больше не могу...

И назвал эти стихи гениальнейшими" (*Воспоминания*, 2. С. 233).

НА ОСТРОВАХ

("Вновь оснеженные колонны...")

(С. 14)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 31, об. – 32, "22 XI"; *БА – НР НЧ*. Л. 73–74 об.; печ. текст – *НР₂ НЧ*. Л. 68; *Кор₂ Земли*. Л. 13–13 об. и 29–29 об.

Впервые: *НЧ*. С. 103–105.

Публикации: Альманах для всех. СПб., 1911. Кн. 2. С. 7–8 ("Нет"); *III₁*. С. 107–108; *ЖЖ*. 1915. № 12. С. 17; *III₂*. С. 115–116, в разд. "Разные стихотворения"; *III₃*. С. 21–22.

В *НР₂ III₁* произведено деление на строфы.

Н. Анциферов в ст. "Непостижимый город", отмечая, что у Блока Петербург обычно отражается "без определенного топографического образа", привел ст. 1–2 в качестве редкого примера точной городской детали (*Об А. Блоке*. С. 305).

В. Брюсов в рецензии на *I₂* и *НЧ*, замечая, что в *НЧ* "образы становятся более конкретными", иллюстрировал эту мысль образами данного стих.: «"Елагин мост", быстрый лет санок, когда кто-то "легко направляет медвежью полость на лету" и "лукавит, тонкий стан обняв"...» (*РМ*. 1912. Кн. 1. 3-я паг. С. 32).

Н. Гумилев в "Письмах о русской поэзии" писал о свойственных творчеству Блока

"морализме" и "человечности" и цитировал предпоследнюю строфу стихотворения (Аполлон. 1912. № 1. С. 70).

В. Жирмунский отметил повторяемость в поэзии Блока изображенной здесь ситуации: «Эта ситуация возвращается... в целом ряде стихотворений, ср. "Здесь и там", "Вот явилась, заслонила...", "Под ветром холодные плечи...", "Своими горькими слезами..." (во II томе), "На островах", "Я пригвожден...", "Дух пряный марта...", "Болотистым, пустынным лугом..." (в III томе)...» (Жирмунский В. Вопросы теории литературы. Л., 1928. С. 248). Эту мысль развивали впоследствии и другие литературоведы. Л.Я. Гинзбург писала о том, что "На островах" и "Дух пряный марта..." дают "два (...) варианта той же лирической ситуации", причем в финальных строках последнего стих. "подразумеваемое первого варианта прямо вынесено на поверхность" (Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 307). Анаст. Горелов, напротив, считал, что стих. "На островах" и "Дух пряный марта..." "полемически противостоят друг другу" (Горелов Анаст. Гроза над соловьиным садом. 2-е изд., доп. Л., 1973. С. 249).

Заглавие. – Елагин, Каменный и Крестовский острова – окраинные районы Петербурга, излюбленные места для прогулок.

Елагин мост. – Имеется в виду 1-й Елагин мост, соединяющий Елагин и Каменный острова.

...Я с этой новой – с пленной – с ней. – Плененность героини связана не только и не столько с бытовой ситуацией любовного приключения, любовного плена; она предопределена скорее метафизическим контекстом изображаемого: пленная красота, пленная душа есть знак того, что высокая духовность и миры иные находятся в плену у земного существования, "страшного мира". Иванов-Разумник писал об изменении женского образа в лирике Блока: "Прежде поэт мечтал о любви непроходимой, о вечной верности Даме, о своем спасении от одиночества. И что же? (...) Какие же царства можно требовать у ней – у Пленной? Вот новое имя Незнакомки, Прекрасной Дамы: Пленная. Она сама в плену, и ничем не может она помочь поэту" (Иванов-Разумник. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1919. С. 20).

геометра: ветра – Вас. Гиппиус назвал эту рифму "неуместной" (Новая жизнь. 1911. № 12. Стб. 270).

"С МИРНЫМ СЧАСТЬЕМ ПОКОНЧЕНЫ СЧЕТЫ..."

(С. 15)

Автографы и авторизованные тексты *ЧН – ЗК₃₀*. Л. 11, "Ночь 10–11 февраля" (над текстом); *ЧН – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 2, "10–11 февр. 1910"; *ЧН – ЗК₃₁*. Л. 45, 49 об.; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1, "Допис(ано?) 25 XII 1914"; *БА – Т₈*. Л. 87, "февр. 1910 – 25.XII. 1914"; *Кор₁ Земли*. Л. 10; *Кор₂ Земли*. Л. 14 и 30.

Впервые: *ГЖ*. Пг., 1915. № 5. С. 10, вместе со стих. "Седые сумерки легли..." под общим загл. "Бесповоротно".

Публикации: *ПОД*. С. 22, "1910", шестое в цикле из семи стихотворений под загл. "Городские видения"; *СУ*. С. 26, "11 февраля 1910"; *III₃*. С. 23.

В *ЗК₃₀* в феврале 1910 г. были записаны варианты ст. 1–2 (*ЧН ЗК₃₀*). *ЧН ИРЛИ* представляет собой набросок 1-й строфы. В *ЗК₃₁* два наброска 2-й строфы: один записан карандашом (Л. 45), другой – чернилами (Л. 49 об.). На этом же листе имеется запись чернилами: "Декабрь 1910. По поводу новых бряцаний оружием В.Я. Брюсова –

провозглашений по реализму и позитивизму (доклад в Моск. Худ. кружке)". *ЧН ЗК₃₁* перекликаются с набросками к двум стихотворениям – "Седые сумерки легли..." и "Шаги Командора", расположенными на соседних страницах *ЗК₃₁*.

ЧА ИРЛИ представляет собой близкий к основному текст стихотворения с пометой Блока: "Допис(ано?) 25 XII 1914". Эта дата зафиксирована и в *Т₈*. Однако в публикациях в *ПОД* и *СУ* стихотворение датируется 1910 г.

С. Бобров в антисимволистской рецензии на сборник "Седое утро" написал, что в этом стихотворении Блок "рассказывает свои ужасные постыдные отребья и показывает их Риму и миру в великом огорчении" (Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 146–147).

Д.Е. Максимов в статье "А. Блок и Вл. Соловьев (По материалам из библиотеки Ал. Блока)" полагал, что помета, сделанная Блоком в экземпляре "Стихотворений" Вл. Соловьева (3-е изд. СПб., 1900) на полях стих. "Ответ на "Плач Ярославны" против подчеркнутой им строки "Свое уж не вернется вновь" – "1910", фиксирует "совпадение соловьевского мотива "невозвратимости былого" со своим переживанием, реализованным в стихотворениях того же года: "С мирным счастьем покончены счета", "Седые сумерки легли", "Дух пряный марта..." ... "(Творчество писателя и литературный процесс. Межвузовский сб. научн. трудов. Иваново. 1981. С. 126).

...*Не дразни, запоздалый уют.* – Ср. в стих. "Земное сердце стынет вновь...": "Вернись в красивые уюты!". В сознании Блока сочеталась привычка к домашнему уюту и императив отрицания уюта, утверждения безытности.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна... – Ср. в стих. "Шаги Командора": "Жизнь пуста, безумна и бездонна!".

...*Как пропел мне сиреной влюбленной...* – Старинные пневматические сигналы, стоявшие на ранних автомобилях, издавали гармоническое звучание. См.: Будыко Ю. Блок и автомобильная история // Нева. 1984. № 2. С. 183.

Тот, сквозь ночь пролетевший мотор. – По воспоминаниям В.А. Зоргенфрея о свиданиях 1915 г., он гулял как-то с Блоком по петроградской стороне: «Запомнился мне теплый летний вечер, длинная аллея Петровского острова, бесшумно пронесшийся мотор. «Вот из такого, промелькнувшего когда-то мотора вышли "Шаги Командора", – сказал А(лександр) А(лександрович) – И два варианта (то есть "С мирным счастьем покончены счета..." и "Седые сумерки легли..."". – *Ред.*) И прибавил, помолчав: "Только слово *мотор* нехорошо, – так ведь говорить неправильно» (*Воспоминания*, 2. С. 24).

"СЕДЫЕ СУМЕРКИ ЛЕГЛИ..."

(С. 15)

Автографы: *ЧН – ЗК₃₁*, л. 44–44 об.; *ЧН – ЗК₃₂*, л. 25; *ЧН₁ – ИРЛИ*, ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1, "1910" (над текстом); *ЧН₂* – там же, "4 марта 1914" (под текстом); *БА – Т₈*, л. 50 об., "1910 – 4 III 1914"; *Кор₂ Земли*, л. 14 и 30.

Впервые: *ГЖ*, Пг., 1915. № 5. С. 10, второе в подборке из двух стихотворений под общим загл. "Бесповоротно" (первое – "С мирным счастьем покончены счета...").

Публикации: *III₂*, С. 185, в разд. "Арфы и скрипки"; *III₃*, С. 23.

К черновому наброску в *ЗК₃₁* на л. 44 об. примыкает набросок стиха, относящийся к стих. "Шаги Командора" (см. раздел "Другие редакции и варианты"), вслед за *ЧН ЗК₃₁* следует набросок 2-й строфы стих. "С мирным счастьем покончены

счеты..." и 6-й строфы стих. "Шаги Командора". За *ЧН ЗК₃₂* следуют наброски, относящиеся к стих. "Шаги Командора". В *ЧН₁* и *ЧН₂* *ИРЛИ* два наброска с отдельной датировкой. Эта двойная датировка дана Блоком в *Т₈*. Зачеркнутая строфа в *ЧН₁* *ИРЛИ* варьирует 2-ю строфу стих. "С мирным счастьем покончены счета..." и перекликается с 5-й строфой стих. "Шаги Командора".

См. коммент. к стих. "С мирным счастьем покончены счета...".

...Ты изменил давно, // Бесповоротно. – Тема измены юности – одна из основных в разделе. "Измена понимается достаточно широко: и как отказ от любимой, предательство в любви, и как измена самому себе, главному в себе, и как измена великому долгу, отказ от подвига, который герой должен был совершить" (*Мицн*, 4. С. 29–30).

"ДУХ ПРЯНЫЙ МАРТА БЫЛ В ЛУННОМ КРУГЕ..."

(С. 15)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₃₀*. Л. 7 об.; *ЧА – ЗК₃₁*. Л. 42 об. – 43; *БА – Т₇*. Л. 54 об., "1910"; *БА – НР НЧ*. Л. 74; *Кор₁НЧ*. Л. 52 об.; *кор. л. – НР₂III₁*. Л. 68, ст. 9–12 – автограф, "Часовня на Крестовском острове" (помета карандашом); *Кор₁Земли*. Л. 11; *Кор₂ Земли*. Л. 14 об. и 30 об.

Впервые: *НЧ*. С. 106.

Публикации: *III₁*. С. 108; *III₂*. С. 184; в разд. "Арфы и скрипки"; *III₃*. С. 24.

В *ЗК₃₀* представлена незавершенная черновая редакция стихотворения, записанная чернилами. Текст соотносится с 1-й строфой и ст. 15–16 основного текста, а также с пометой под основным текстом: "Часовня на Крестовском острове". Правка текста – карандашом, в ст. (1) перечеркнуто "истаял", на полях – несколько вопросительных знаков. За *ЧА ЗК₃₀* следуют отчеркнутые карандашом наброски к стих. "Испугом схвачена, влекома...".

В *ЗК₃₁* первоначально 1-я строфа и нижний слой 2-й (вар. а, б) и 3-й строф были записаны чернилами, текст переработан и дописан карандашом, в результате чего он был существенно приближен к основному.

В *Т₇* сначала записаны 1-я, 2-я и 4-я строфы, под ними проставлена дата, под датой позднее была записана 3-я строфа (ст. 9–12). Она заключена в скобки синим карандашом (этим же карандашом подчеркнут ст. 11). Обозначено включение в текст ст. 9–12, но в первой публикации они не появились. Ст. 15–16 впервые выделены курсивом в *III₁*.

В. Волькенштейн в рецензии на *III₁* отметил, что "часто автор доверяется мимолетным, случайным ощущениям, отдается наслаждению творчества – и не преодолевает трудности художественного выбора; и тогда в музыкальных строфах возникают неожиданные неясности, ничем не оправданная недоговоренность или лихорадочное многословие", и привел в качестве примера ст. 3–4 (*Современный мир*. 1912. № 5. С. 311).

...Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног. – Ввод в высокую поэзию трафаретов поэзии "низовой" – характерная черта поэтики Блока, связанная с тем, что "банальное" у Блока оживает, получает новый и свежий смысл. См. об этом: *Мицн*, 4. С. 18.

В РЕСТОРАНЕ

("Никогда не забуду (он был или не был...)"

(С. 16)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЭК₃₁*. Л. 15 об. – 17; *ЧН – ЭК₃₀*. Л. 28 об. – 29 об.; *ЧА – ЭК₃₀*. Л. 26, "18–19 апр." (над текстом); *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 34, при письме Е.П. Иванову от 13 августа 1910 г. (вместе со стихотворениями "Демон" и "Под насыпью, во рву некошешном..."); *АС – Т₇*. Л. 45 об. – 46, "Весна – июль", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; заглавие, дата и правка – рукой Блока; *АС – НР НЧ*. Л. 75, рукой Л.Д. Блок; *Кор₁ НЧ*. Л. 53–53 об.; *Кор₂ НЧ*. Л. 54–54 об.; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 69, "[Весна 1910]"; *Кор₁ Земли*. Л. 11–12; *Кор₂ Земли*. Л. 15–15 об.; печ. текст – *Изборник*. Л. 301.

Впервые: *РМ*. 1910. № 11. С. 2. 1-я паг., второе в цикле из четырех стихотворений под общим загл. "Страшный мир".

Публикации: *НЧ*. С. 107–108; *III₁*. С. 109; *ЖЖ*. 1915. № 12. С. 16–17, в подборке из восьми стихотворений; *III₂*. С. 20–21; *Д-1918*. С. 24–25; *III₃*. С. 25–26.

Выстроить точную хронологическую последовательность черновых набросков в *ЭК₃₀*-и *ЭК₃₁* не представляется возможным. Предположительно в *ЭК₃₁* ранние карандашные наброски, следующий карандашный набросок – в *ЭК₃₀*, с ним соотносятся 2-я, 3-я строфы и начало 4-й строфы основного текста. *ЧА ЭК₃₀*, записанный чернилами и правленный карандашом, содержит в нижнем слое варианты предыдущих набросков, а правка приближает его к основному тексту (ст. 3, 8, 10). 4-я строфа (чернилами) не дописана, набросок ст. (15–16) вписан позже карандашом, 5-я строфа отсутствует, в 6-й строфе впоследствии изменился порядок строк, после нее карандашом записаны варианты, в которых намечена эта перестановка стихов. За *ЧН ЭК₃₀* на л. 30–30об. следует набросок, относящийся к другому стихотворению (см. стих. "Демон"). Начальные строки этого наброска перекликаются с завершающими строками *ЧН ЭК₃₀*.

В *РЭ III₁* на полях помета: "А(рфы) и С(крипки)", что свидетельствует о неосуществленном намерении Блока поместить стихотворение в этот раздел. Ст. 15–16 подчеркнуты, к выделенным в ст. 15 словам "всем презрением юным" относится помета на полях: "?!".

В основе стихотворения, по-видимому, лежит реальное событие. В. Орлов приводит рассказ М.Д. Нелидовой (записанный в 1948 г. А.Г. Лебедевой): «Мы сидели за столиком. "Посмотри, – сказала мне belle sœur, – с тебя Блок глаз не спускает" (он сидел недалеко от нас). Я отвернулась так, чтобы он не видел моего лица. Он послал мне бокал с вином, и в нем – красную розу. В этом я увидела дерзость, мне не захотелось больше оставаться там, я встала и вышла. Потом я как-то была у А.М. Ремизова. К ним пришел Блок. "А-а, незнакомка, – сказал он. – Отчего вы тогда ушли?" Мы познакомились. Он прочел стихи: "Я сидел у окна в переполненном зале..." Мы встречались еще... По его просьбе я переводила для него с французского Пеладана "Эдип и Сфинкс". Блоку мой перевод понравился, он хотел переложить его гекзаметрами» (*СС-8₃*. С. 504).

На М.Д. Нелидову как прототип героини стихотворения указывают также устные воспоминания Л.А. Дельмас, которые записал А.Е. Горелов и авторизованный текст которых есть в его архиве.

Мария Дмитриевна Нелидова (1875–1951) – жена А.П. Нелидова, актера театра В.Ф. Коммиссаржевской. Она была поразительно хороша собой, вместе с тем очень

скромна и не имела поклонников. По словам Марии Дмитриевны, после встречи с Блоком в ресторане состоялось их официальное знакомство и дружеские отношения поддерживались в течение длительного времени. Так, она рассказывала, что Блок как-то приехал в Москву, где она тогда жила, на Пасху, чтобы похристосоваться с ней. Любила повторять строки, которые, как она говорила, Блок посвятил ей и записал в ее альбом: "Из царства звезд, чужая здесь, // Блестящая, холодная звезда". Эти сведения не находят документального подтверждения и носят, таким образом, легендарный характер. Однако свидетельство о встрече Нелидовой и Блока в апреле 1910 г. следует признать достоверным, что подтверждается и указанием Л.А. Дельмас, близкого Блоку человека.

Версия о том, что героиней стихотворения была актриса О.А. Глебова-Судейкина, высказывавшаяся Н.М. Зоркой (На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976. С. 260), не находит подтверждений. Подробнее см.: Бudyko Ю.И. "Я послал тебе черную розу в бокале..." // Русская литература. 1984. № 4. С. 217–221.

13 августа 1910 г. Блок отправил стих. Е.П. Иванову и получил его отзыв о "ресторанных" стихах: "что за великолепии" (*Письма к Е. Иванову*. С. 129).

В статье "Поэзия Александра Блока" В. Жирмунский анализировал, как стихотворение выражает "двойственность в восприятии жизни", характерную для "романтического сознания" (*Об А. Блоке*. С. 77–78). Он же в статье "Два направления современной лирики" (1920) рассматривал данное стихотворение и стихотворение А. Ахматовой "Вечером" ("Звенела музыка в саду...") как пример "столкновения двух литературных поколений", "принадлежности к существенно разным художественным мирам" (*Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы. С. 183–184).

Стихотворение перекликается, как неоднократно замечали исследователи, с "Незнакомкой" (1906): основная схожесть ситуаций – встреча с незнакомкой в ресторане, а также близость деталей: "он был или не был" – "Иль это только снится мне?", духи и шелка, визг.

Я послал тебе черную розу... – С середины зимы до начала лета в Петербург поступали срезанные розы с юга Франции, в основном из Ниццы. Черных роз в цветоводстве нет. В 1910 г. единственным сортом, который можно было назвать черным, был выведенный во Франции сорт Chateau clos de Vougeot. Это роза с цветками размером до 10 см., с 40 лепестками, цветы имеют форму, среднюю между чашевидной и бокаловидной. Срезанный цветок через два-три дня темнеет, приобретает чернопурпурную окраску. Подробнее см.: Бudyko Ю.И. Указ. соч. С. 217–221.

...Ты сказала: "И этот влюблен". – Анат. Горелов предположил, что «возглас "И этот влюблен" как бы соответствует, правда в ином событийном сцеплении, мотиву "узнавания" в романе "Идиот"» (*Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. С. 256).

Но была ты со мной всем презрением юным... – Н. Гумилев в "Письмах о русской поэзии" писал, что лирический герой стихотворения "влюбляется в женщину за ее "юное презрение" к его желанию" (Аполлон. 1912. № 1. С. 70).

Ты рванулась ~ тревожно шелка. – Вас. Гиппиус в рецензии на *НЧ* привел предпоследнюю строфу в качестве примера того, что "Блок умеет не только петь, но и рисовать" (Новая жизнь. 1911. № 12. Стб. 270).

ДЕМОН

("Прижмись ко мне крепче и ближе...")

(С. 16)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₃₀*. Л. 26 об. – 27 об., "19 IV"; *ЧН₂ – ЗК₃₀*. Л. 30–30 об.; *АС – Т₇*. Л. 44 об. – 45, "Весна – июль", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; дата – рукой Блока; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 33, при письме Е.П. Иванову от 13 августа 1910 г.; *БА – НР НЧ*. Л. 69; *Кор₁ НЧ*. Л. 48–48 об.; *Кор₂ НЧ*. Л. 48–48 об.; *Кор₃ НЧ*. Л. 48–48 об.; печ. текст – *НР₂Ш₁*. Л. 70, "Весна 1910"; *Кор₁ Земли*. Л. 12–13; *Кор₂ Земли*. Л. 16–16 об. и 32–32 об.

Впервые: *РМ*. 1910. № 11. С. 1. 1-я паг., первое в цикле из четырех стихотворений под общим загл. "Страшный мир".

Публикации: *НЧ*. С. 95–96; *Ш₁*. С. 112–113, "Весна 1910"; *Ш₂*. С. 18–19; *Д-1918*. С. 25; *Ш₃*. С. 27–28.

В *НР НЧ* напротив ст. 19 помета Блока – вопросительный знак, видимо, относящийся к слову "плеснули", в котором подчеркнута первая буква.

В примеч. к *Ш₁* Блок писал: "Стихотворение написано под впечатлением смерти Врубеля; связь демонов Лермонтова и Врубеля, намеки на которую есть в этих стихах, подлежит исследованию". Развитие этой мысли – в статье Блока "Памяти Врубеля", особенно в первом ее варианте. "С Врубелем я связан жизненно", – писал Блок матери 8 апреля 1910 г. В. Альфонсов заметил, что под влиянием картины Врубеля "Демон поверженный" Блок "создал бессильного, по сути дела смертного Демона... Демон обрел черты разочарованного любовника, слился с героем третьего тома" (*Альфонсов В. Слова и краски*. М.; Л. 1966. С. 44).

13 августа 1910 г. Блок отправил стихотворение Е.П. Иванову, в ответном письме которого отмечалось: «Демон очень хорош, но во Врубелевском тоне. Я не таким воображал "врага святых и чистых побуждений". Меня "могучий" образ возмущал, сияющий такую красую, что становилось страшно. – Потому я не могу вполне беспристрастно судить» (*Письма к Е. Иванову*. С. 129).

Вас. Гиппиус в рец. на *НЧ* писал: «В его "Демоне" есть лермонтовское не только в названии» (*Новая жизнь*. 1911. № 12. Стб. 269).

Метафорический строй стихотворения рассматривался В.М. Жирмунским в статье "Поэзия Александра Блока" (*Об А. Блоке*. С. 122–123).

На дымно-лиловые горы <...> И в горном закатном пожаре... – Ср. в статье "Памяти Врубеля" (апрель – май 1910): «Небывалый закат озолотил небывалые синелиловые горы. Это только наше название тех преобладающих трех цветов, которым еще "нет названия" и которые служат лишь знаком (символом) того, что таит в себе сам падший: "И зло наскучило ему". Громада лермонтовской мысли заключена в громаде трех цветов Врубеля».

Пусть скачет жених – не доскачет! // Чеченская пуля верна. – Ср. в статье "О современном состоянии русского символизма" (март – апрель 1910): «Впиваясь взором в высоту, найдем ли мы в этом пустом небе след некогда померкшего золота? Или нам суждена та гибель, о которой иногда со страхом мечтали художники? Это – гибель от "играющего случая": кажется, пройдены все пути и замолены все грехи, когда в нежданный час, в глухом переулке, с неизвестного дома срывается прямо на голову

тяжелый кирпич. Этой лирикой случая жил Лермонтов:

Скажун на волю господина
Из битвы вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала»

(цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова "Демон". – *Ред.*).

"КАК ТЯЖЕЛО ХОДИТЬ СРЕДИ ЛЮДЕЙ..."

(С. 17)

Автографы *ЧН* – *ЗК*₃₀. Л. 31 об., "10 мая" (над текстом); *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1, "10 мая 1910 – 27/II 1914"; *БА* – *Т₈*. Л. 48, "10 мая 1910 (Шахм(атово) – 27 февр. 1914".

Впервые: *РМ*. 1914. № 8–9. С. 69. 1-я паг., вместе со стих. "Кольцо существованья тесно..." под общ. загл. "Размышления".

Публикации: *III*₂. С. 54, в разд. "Возмездие"; Весенний салон поэтов (*ВСП*). М., 1918. С. 38, первое в подборке из пяти стихотворений с общим для двух стихотворений заглавием "Размышления" (второе – "Кольцо существованья тесно..."); *III*₃. С. 29.

Текст *ЧН ЗК*₃₀ был заново переписан Блоком на отдельном листе (*ЧА ИРЛИ*) и взят за основу. Провка произведена частично чернилами, частично карандашом: 1-я строфа закончена чернилами, правка ст. 5 – также чернилами, ст. 3, 6 приведены к основному тексту карандашом; вар. *б* ст. 7–8 – карандашом. Вторая дата в *ЧА ИРЛИ* фиксирует время переработки стихотворения. Эпиграф в *Т₈* вписан позже карандашом.

Б. Эйхенбаум в статье "Судьба Блока" рассматривал стихотворение в качестве пророческого по отношению к развязке жизненного пути Блока: «Блок сам издавна подготовлял нас к этой развязке. (...) Но в словах его мы видели только "трагическую игру" близких нам эмоций. Призывая нас от "бледных зарев искусства" к "пожару жизни", Блок увел нас от подлинного искусства и не привел нас к подлинной жизни. Он стал для нас трагическим актером, играющим самого себя" (*Об А. Блоке*. С. 44).

По воспоминаниям Э. Герштейн, О.Э. Мандельштам назвал стихотворение "самым гениальным стихотворением Блока" (*Герштейн Э. Новое о Мандельштаме // Наше наследие*. 1989. № 5. С. 110).

Эпиграф. – Из стих. А.А. Фета "Когда читала ты мучительные строки..." (1887).

Как тяжело ходить среди людей //И притворяться непогибшим... – Ср. стих. "Как тяжко мертвецу среди людей..."

"Я КОРОТАЮ ЖИЗНЬ МОЮ..."

(С. 17)

Автограф: *БА* – *Т₇*, об., "27 IX 1910. Шахматово"; *Кор₁ Земли*. Л. 13; *Кор₂ Земли*. Л. 17 об. и 33 об.

Впервые: Огонек. 1912. № 26, 23 июня. С. 10.

Публикации: *III*₂. С. 120, в разд. "Разные стихотворения"; *III*₃. С. 30.

Автографы и авторизованные тексты: *БА* – Т₇. Л. 52–52 об., "4 октября 1910. С. Шахматово"; *АС* – *НР НЧ*. Л. 78–78 об., рукой Л.Д. Блок; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 70, "Октябрь 1910. С. Шахматово"; *Кор₁ НЧ*. Л. 57 об. – 58 об.; *Кор₂ НЧ*. Л. 58 об. – 59 об.; *Кор₁ Земли*. Л. 14; *Кор₂ Земли*. Л. 18–18 об. и 34–34 об.

Впервые: *НЧ*. С. 116–117.

Публикации: Антология. М., 1911. С. 14–15 ("Исход"); *III₁*. С. 113–114, "Октябрь 1910. С. Шахматово"; *III₂*. С. 121–122, в разд. "Разные стихотворения"; *III₃*. С. 31–32.

В *РЭ III₁* перечеркнуто (но в последующие собрания стихотворений входило), на полях помета Блока: "NB". В *Кор₁ Земли* Блок отметил курсивом слова в ст. 34.

Основываясь до известной степени на "великолепном спондее последней строки" стихотворения, В.Н. Княжнин, близко знавший поэта, писал: «Быть титаном невозможно. Но что-то "загладить" необходимо. И он принял за заглавку. И жертву он принес самую страшную, в жертву он принес – самого себя». Стихотворение Княжнин назвал «изумительным, и непонятным для всех, кто сердцем не чувствует Блока или не мог и не хотел считаться с его заявлением "рассматривать" всю его лирику с 1897 г. как "дневник"... » (*Княжнин В.Н.* Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 74–75).

Рецензируя "Антологию" издательства "Мусагет" (1911), С. Городецкий писал о стихотворении: «Чувство воспоминания, прерывистая природа этого чувства, то с необычайной остротой восстанавливающая какую-нибудь подробность ("Лишь телеграфные звенели на черном небе провода..."), то расплывающаяся в неопределенные ощущения ("Вдали, вдали звенело, гасло, уходило и отделялось от земли...")» великолепно передана в стихотворении "Исход"» (Речь. 1911. 27 июня).

Вот меч. Он был. Но он – не нужен. – "Утрата меча – обычный еще с периода "Снежной маски" символ отказа героя от идеалов "Высокого", от идеалов "первого тома" (*Миц, 4*. С. 116).

...Старинный ужас... – Возможно, данный образ связан с картиной Л. Бакста "Terror antiquus" ("Древний ужас") (1909), в которой живописуется гибель цивилизации и бессмертие духовной культуры. Ср. также статью Вяч. Иванова "Древний ужас" по поводу картины Л. Бакста "Terror antiquus" – Золотое руно. 1909. № 4.

...Раздался голос: Ессе homo! – Ессе homo! (Се человек!) – слова Понтия Пилата о Христе (Ин. XIX. 5). З.Г. Миц истолковывает эту формулу как свидетельство антихристианской направленности стихотворения (*Миц, 4*. С. 117–118). Данная формула использована Блоком в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910), где период "антитезы" характеризуется следующим образом: "Мой собственный волшебный мир стал ареной моих действий, моим анатомическим театром, или балаганом, где я сам играю роль наряду с моими изумительными куклами (ессе homo!)".

Меч выпал. – Ср. символику "таинственного" меча как знака тайного знания поэта-теурга и его "угасания" в статье "О современном состоянии русского символизма".

Но час настал ~ и обagri снега! – Отражение эпизода музыкальной драмы. Р. Вагнера "Тристан и Изольда": умирающий Тристан срывает со своей раны повязку.

УНИЖЕНИЕ

("В черных сучьях дерев обнаженных...")

(С. 19)

Автографы и авторизованные тексты: *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2–2 об.; *БА₂ – РГАЛИ*. Ф. 2247. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2–3, подпись: "Александр Блок"; *АС – Т₇*. Л. 65–65 об., "Ноябрь – декабрь", рукой Л.Д. Блок, заглавие, дата, правка – рукой Блока; *Кор₂ Земли*. Л. 35–35 об.

Впервые: *СЗ*. 1913, февраль. С. 5–6.

Публикации: *Ш₂*. С. 22–23; *Ш₃*. С. 33–34.

В дневниковой записи от 6 декабря 1911 г. Блок отметил: «Стишок дописал – "В черных сучьях дерев"».

В *СЗ* в ст. 25 опечатка: "В теплом зимнем, огромном закате", которую Блок назвал "ужасной" (*СС-8₇*. С. 230). В *СЗ* отсутствует курсив в ст. 11, 16, 23.

Многие образы, легшие в основу стихотворения, использованы Блоком в неоправленном письме к Н.Н. Скворцовой; см. запись в дневнике от 15 ноября 1911 г.

Это стихотворение, "любимое самим Блоком до конца дней" (*Книпович Е.* Блок и Гейне // *О Блоке*. М., 1929. С. 178), Блок, по воспоминаниям Н.А. Павлович, в последний год его жизни всегда включал в число тех немногих стихотворений, которые он читал на своих выступлениях. (*БС-1*. С. 452).

Красный штоф полинялых диванов, // Пропыленные кисти портьер... – Е.Б. Тагер писал о "трансформации предметных черт якобы реальной действительности": "Средствами интерьера публичного дома, оскорбительной пошлостью всего антуража пользуется Блок, чтобы вскрыть нечеловечность, царящую в действительности" (*Тагер Е.Б.* Мотивы "возмездия" и "страшного мира" в лирике Блока // *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 94).

Разве так суждено меж людьми? ~ (Разве это мы звали любовью?) – Ср. в "Записках из подполья" Ф.М. Достоевского: "Разве эдак любят?", "Разве эдак человек с человеком сходиться должны?" (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 155).

Так вонзай же, мой ангел вчерашний, // В сердце – острый французский каблук! – Ср. запись в дневнике от 10 ноября 1911 г. о любовном походе: "Варьетэ. Акробатка выходит, я умоляю ее ехать. (...) Я совершенно вне себя. (...) Я рву ее кружева и батист, в этих грубых руках и острых каблуках – какая-то сила и тайна".

Л.Я. Гинзбург отметила, что "небывалая метафора" Блока "строится (...) по модели древнего символа – сердца, пронзенного острием" (*Гинзбург Лидия*. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 305).

АВИАТОР

("Летун отпущен на свободу...")

(С. 20)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₃₁*. Л. 41–41 об.; *АС – Т₇*. Л. 66–67, "1910 (наброски) – нач. января 1912", рукой Л.Д. Блок, заглавие и дата – автограф; *Кор₂ Земли*. Л. 36–37.

Впервые: *Заветы*. 1912. № 1. С. 62–63. 1-я паг.

Публикации: Заветы. 1912. № 1. 2-е испр. издание. С. 62–63. 1-я паг.; *III*₂. С. 24–26; *III*₃. С. 35–37.

Перед *ЧН* и *ЗК*₃₁ – наброски ст. 9–10 стих. "В неуверенном, зыбком полете..."

Отдельные стихи *ЧН* *ЗК*₃₁ вошли в 6-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю строфы основного текста. В *T*₇ ст. 16–20 карандашом заключены в скобки, над текстом позже рукой Блока вписано: "(Памяти Смита, погибшего на моих глазах весной 1911 г. на Колом(яжском) аэродроме)". Имея в виду эту запись, Р.В. Иванов-Разумник заметил, что черновые наброски в *ЗК*₃₁ "относятся ко второй половине 1910 г., т.е. еще задолго до гибели авиатора Смита" (*Иванов-Разумник*. Л. 219).

В рукописи посвящено памяти одного из первых русских летчиков – В.Ф. Смита, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 г. Начиная с весны 1910 г., поэт часто посещал Коломяжский аэродром. "В полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно, – высокое", – писал он матери 24 апреля 1910 г.

Летун отпущен на свободу. – В Толковом словаре В. Даля сказано, что "летуном" в народе именуют "злого духа", "огненного змея", нечистую силу (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 249). Комментируя это значение, Л.И. Чурсина в статье "А. Блок и авиация (по материалам периодики начала XX века)" пишет: «Таким образом, аэроплан в стихотворении выступает как символ зла, он так же, как герой стихотворения 1916 г. "Демон", уносит свою жертву в зияющую высоту, опьяняет восторгом, а потом бросает с этой высоты и убивает. А в "авиационном стихотворении" 1910 г. ("В неуверенном, зыбком полете..." – *Ред.*) аэроплан прямо отождествляется с демоном» (Александр Блок. Материалы и исследования. [Вып. 2.] Л., 1991. С. 224).

Его винты поют, как струны... (...) *Пропеллер продолжает петь.* – По воспоминаниям В. Пяста, Блок утверждал, что шум пропеллера "ввел в мир новый звук" (*Пяст Вл.* Воспоминания о Блоке. П., 1923. С. 51).

Уж в вышине недостижимой... – Ср. у Ф.И. Тютчева: "С недостижимой высоты..." ("Живым сочувствием привета...", 1840).

Или восторг ~ остановил винты? – В. Жирмунский, приводя предпоследнюю строфу стихотворения, считал, что в нем отразились следующие строки из статьи Ф.М. Достоевского "Влас": "Потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойти до самой пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее, как ошалелому, вниз головой" (*Жирмунский В.* Поэзия Блока // *Об А. Блоке*. С. 101–102).

Иль отравил ~ несущий динамит? – Уже в 1910 и 1911 гг. в газетах появлялись сообщения о том, что за развитием авиации наблюдают различные военные ведомства, которые закупают новейшие аппараты и патенты на них.

"ПОВЕСЕЛЯСЬ НА БУЙНОМ ПИРЕ..."

(С. 21)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₆. Л. 54 об. – 55; *БАП* – *ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. Хр. 24. Л. 1; *БА* – *T*₇. Л. 68 об., "1909" (за гран(ицей) – наброски) – 3–6 января 1912"; *Кор*₂ *Земли*. Л. 37 об.

Впервые: Заветы. 1912. № 2. С. 57. 1-я паг.

Публикации: *III*₂. С. 188, в разд. "Арфы и скрипки"; *III*₃. С. 38.

Первая дата в *T*₇ отсылает к *ЧН ЗК*₂₆. За *ЧН ЗК*₂₆ следуют наброски, датированные 25 июня 1909 г.

Лишь соблазнитель ~ лги о прошлом. – Тема юности и святых воспоминаний о ней, важная для "третьего тома" в целом, находит в стихотворении неожиданный поворот: воспоминания о прошлом граничат в данном случае с соблазном, забвением настоящего и "святой" ложью.

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

Цикл "Пляски смерти" был впервые сформирован в *III*₃.

Стихотворения "Как тяжело мертвецу среди людей..." (под загл. "Пляска смерти"), "Пустая улица. Один огонь в окне...", "Ночь, улица, фонарь, аптека..." впервые вошли в состав тома в *III*₂.

Заглавие цикла связано с целым культурно-историческим пластом. Цикл находится в ближайшем соответствии с циклом В. Брюсова из пяти стихотворений, – "Пляска смерти", опубликованном в февральской книжке журн. "Аполлон" за 1910 г. Цикл Брюсова, имеющий подзаголовок "Немецкая гравюра XVI века", написан по мотивам сюжетов картин Ганса Гольбейна Младшего.

Заглавие цикла подключает его также к традиции романтизма, к сюжету пляски мертвецов в "Сновидениях" Гейне, которые, в свою очередь, восходят к Гофману и одновременно к балладе Гете "Пляска мертвецов", а дальше – к целому пласту немецкой литературы, известному как поэзия "пляски смерти".

Внимание Блока, несомненно, привлекала и остросоциальная драма Стриндберга "Пляски смерти", посвященная теме обреченности старого мира, его омертвелости, см. подробнее: *Шарынкин Д.М.* Блок и Стриндберг // Вестник ЛГУ. № 2. Сер. истории, языка и лит.-ры. Вып. 1. Л., 1963. С. 89–90.

«Заглавие вписывает цикл Блока в традиции европейской и русской музыкальной культуры. Здесь традиция восходит к средневековому напеву "dies irae" (день гнева), одному из разделов реквиема, носящему мрачный, зловещий характер. Этот напев лег в основу парафраза Ф. Листа – сочинения для фортепиано с оркестром, созданного под впечатлением фрески А. Орканьи "Триумф смерти" (1849). В 1874 г. К. Сен-Санс написал симфоническую поэму "Пляска смерти", чуть позже М. Мусоргский – свой известный цикл "Песни и пляски смерти"» (*Фоменко И.В.* Цикл стихотворений А. Блока "Пляски смерти". Заметки к интерпретации // Вопросы романтического миропонимания, метода, жанра и стили. Калинин, 1986. С. 57–71).

В русской поэзии XIX в. произведениями, в проблемно-тематическом отношении предвосхитившими блоковские "Пляски смерти", были такие стихотворения, как "Бал" А. Одоевского, "1-е января" Лермонтова, "Камаринская" К. Случевского и др.

В.А. Зоргенфрей привел следующее свидетельство об одном из выступлений Блока с чтением своих стихов: «Не я один был поражен, на вечере в Тенишевском зале, подбором стихов, исключительно зловещих и тоном голоса, сумрачным до гневности. – "О России, о России!" кричали ему из публики, после стихов из цикла "Пляски смерти". "Это всё – о России", почти гневно отвечал он» (Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 147).

1. "КАК ТЯЖКО МЕРТВЕЦУ СРЕДИ ЛЮДЕЙ..."

(С. 22)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 73–74 ("Totentanz"), "19 февраля 1912. СПб"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 4–6 ("Totentanz"); *БА – Изборник*. Л. 318–320, [1912]"; "[X1, 1912]"; *Кор₂ Земли*. Л. 38–39.

Впервые: Современник. 1912. № 11. С. 95.

Публикации: *Ш₂*. С. 27–28 ("Пляска смерти"), как самостоятельное стихотворение; *Ш₃*. С. 39–41.

В *Т₇* и *БА РГАЛИ* после 9-й строфы еще одно четверостишие, вошедшее только в первую публикацию в журн. "Современник". Позже в *Т₇* это четверостишие было заключено в скобки и зачеркнуто, вычеркнуто и заглавие.

В.А. Зоргенфрей вспоминал о времени создания стихотворения: "Помню еще одну незабвенную встречу с А.А. в феврале двенадцатого года в Петербурге, в один из периодов, которые назывались в петербургских литературных кругах периодами мрачности А.А., когда его нельзя было увидеть" (*Зоргенфрей В.А.* Александр Александрович Блок (По памяти за 15 лет, 1906–1921 гг.) // *Записки мечтателей*. 1922. № 6. С. 120). Он же вспоминал о встрече с Блоком в 1920 г.: «Перелистывая со мною третью книгу своих стихов, он указал на стихи: "Как тяжело мертвецу среди людей" и сказал: "Оказывается, это я писал о себе. Когда я писал это, я и не думал, что это пророчество" (*Там же*. С. 160).

К.И. Чуковский предполагал, что в этом стихотворении "под видом живого покойника частично выведен ... Аркадий Руманов, талантливо симулировавший над-рывную искренность и размашистую поэтичность души" (*Воспоминания*, 2. С. 219). *Аркадий Вениаминович Руманов* (1876–1960) – журналист, представитель редакции московской газеты "Русское слово" в Петербурге. В 1912 г. он часто встречался с Блоком, которого редакция "Русского слова" пыталась привлечь к активному участию в газете.

Как тяжело ~ лягз костей... – Д.М. Шарыпкин писал о переключке стихотворения с драмой А. Стриндберга "Пляски смерти": «Герою стриндберговской драмы, капитану крепостной артиллерии Эдгару, также как и блоковскому "мертвецу", приходится заботиться о карьере, делать визиты, "бывать в обществе", т.е. притворяться живым. А ведь он мертв: "Курт: – Я вынес впечатление, что он уже давно по ту сторону жизни. Его лицо как будто светится фосфорическим светом, как будто он уже разлагается... И глаза его горят, как блуждающие огни могил и болот" (*Шарыпкин Д.М.* Блок и Стриндберг. С. 90).

... *Как на плечо склонилась голова...* – Ср. у А.А. Фета: "К плечу слегка твоя склонилась голова" ("Вчера, увенчана душистыми цветами...", 1856).

... *То кости лязгают о кости.* – Борис Садовской в воспоминаниях "Встречи с Блоком" привел свой разговор с поэтом:

«– Не выходит у меня последний стих. Как лучше, по-вашему: кости звякают о кости или кости брякают о кости?

– Ни то, ни другое. Я бы поставил "лязгают".

Блок промолчал, однако в печатном тексте значится предложенный мною вариант» (*Воспоминания*, 2. С. 56).

2. "НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА..."

(С. 23)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₇. Л. 86, "[Сентябрь] 10 октябрь", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, ст. 1 и дата – рукой Блока; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 3; *Кор₂ Земли*. Л. 39.

Впервые: РМ. 1914. № 3. С. 24, вместе со стих. "Пустая улица. Один огонь в окне..." под общим загл. "Totentanz"¹.

Публикации: *III*₂ С. 30, как самостоятельное стихотворение; *III*₃. С. 41.

Василий Гиппиус вспоминал о том, как Блок познакомил его со стихотворением: «Это всем теперь известное восьмистишие имеет дату 10 октября 1912 года; разговор был 14 октября. Стихотворение поразило меня своей мрачной иронией. Замечательным поэтическим достижением показалась сразу эта "аптека", только на первый взгляд случайная в ряду ночи, улицы и фонаря. Я сказал это Блоку и полушутя добавил, что буду тем более помнить эти стихи, что и около нашего дома есть аптека. Но Блок как-то очень серьезно сказал: "Около каждого дома есть аптека"» (*Воспоминания*, 2. С. 82).

Существуют две версии насчет того, какая реальная петербургская аптека послужила прообразом аптеки, изображенной в стихотворении. Корней Чуковский в воспоминаниях "Александр Блок" писал: «Читая, (...) его знаменитые строки:

Ночь, улица, фонарь, аптека, –
я вспоминаю петербургскую аптеку, принадлежавшую провизору Винникову, на Офицерской улице, недалеко от канала Пряжки. Мимо этой аптеки Александр Александрович проходил и проезжал каждый день, порою по нескольку раз. Она была по пути к его дому и в его "Плясках смерти" упоминается дважды» (*Там же*. С. 219).

Д.С. Лихачев привел свидетельство Е.П. Иванова о том, что аптека, изображенная в стихотворении, находилась на углу Большой Зелениной и наб. Крестовского острова (ныне набережная Адмирала Лазарева, д. 44). В этой "мрачной захолустной аптеке" часто оказывалась помощь покушавшимся на самоубийство". Аптека стояла на низком берегу Малой Невки и отражалась в воде, что, по мысли Д.С. Лихачева, нашло место в "зеркальной" композиции стихотворения.

Что касается аптеки Винникова, на которую указывал К. Чуковский, то, по мнению Д.С. Лихачева, эта аптека, "на ярко освещенной улице, к тому же стоявшая далеко от воды Крюкова канала и посещавшаяся богатым артистическим миром (...) вряд ли так соответствовала теме смерти в воде, как та аптека, на которую указал (...) Е.П. Иванов" (*Лихачев Д.С. Из комментария к стихотворению А. Блока "Ночь, улица, фонарь, аптека..." // Литература–реальность–литература*. Л., 1984. С. 153–154).

Ю.И. Будыко, сравнивая две эти версии, считал, что «рассказ Е.П. Иванова об "аптеке самоубийц" не связан непосредственно с материальным контекстом стихотворений (...) из цикла "Пляски смерти", и полагал, что "аптеку "Плясок смерти" нужно поместить на Офицерскую, 51", в аптеку Винникова» (*Будыко Ю.И. Аптека, улица, ночь... // Нева*. 1984. № 11. С. 198).

В статье "Александр Блок" В. Брюсов заметил, что в творчестве Блока 1912–1915 гг. пафос "трагического отчаяния" наибольшей силы достигает в тех стихах, где поэт говорит не о самом себе, а хочет живописать жизнь так, как она ему теперь представляется". К таким произведениям Брюсов относил стихотворения из цикла

¹ Пляски смерти (нем.).

"Пляски смерти" – "Пустая улица. Один огонь в окне..." и "Ночь, улица, фонарь, аптека..." (Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. Ч. 2. С. 327).

Отдавая предпочтение "вольной жизни" Блока перед "брюсовской риторикой", Г. Иванов в заметке "Творчество и ремесло" цитировал полностью стихотворение и писал: «Эти восемь строчек, несложные по заданию, простые по исполнению, во сколько раз выше и чище они звучат, чем все громы и литавры "Семи цветов радуги"» (Русская воля. 1917. 23 янв.).

Младший современник Блока, поэт и критик Г. Адамович в своей поздней книге писал об этом стихотворении: "Есть ли что-нибудь во всей нашей поэзии более завораживающее, чем восьмистишие о мировой бессмыслице {...} – где простые, на этот раз не книжные, не условно-символические, не выдуманные слова {...} в точности отвечают такой же простой, как бы неумолимо простой, безысходной мелодии текста" (Адамович Г. Комментарии. Вашингтон, 1967. С. 156).

Умрешь ~ фонарь. – Д.М. Шарыпкин усматривал в этих стихах отражение тематически близких лейтмотивов из драмы А. Стриндберга "Пляски смерти" (см.: Шарыпкин Д.М. Блок и Стриндберг. С. 90).

... ледяная рябь канала... – Ю.И. Будыко привел метеорологические данные о ночи с 10 на 11 октября 1912 г. в Петербурге (похолодание, заморозки, юго-западный ветер). Он полагал, что в стихотворении имеется в виду река Пряжка, которую нередко называли каналом. «Особенностью Пряжки является отсутствие постоянного направления течения, оно определяется только ветром. Юго-западный ветер и вызвал тогда "ледяную рябь", отмеченную Блоком» (Будыко Ю.И. Аптека, улица, ночь... С. 199).

3. "ПУСТАЯ УЛИЦА. ОДИН ОГОНЬ В ОКНЕ..."

(С. 23)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₇. Л. 85 об. ("[Сентябрь–ноябрь] X"), рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух, ст. 1 и дата – рукой Блока; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 6; Кор₁ Земли. Л. 19; Кор₂ Земли. Л. 39–39 об.

Впервые: РМ. 1914. № 3. С. 24. 1-я паг., вместе со стих. "Ночь, улица, фонарь, аптека..." под общим загл. "Totentanz".

Публикации: III₂. С. 29, как самостоятельное стихотворение; III₃. С. 41–42.

Н. Анциферов в статье "Непостижимый город" иллюстрирует строками стихотворения мысль о том, что Петербург Блока – это город смерти, и "Блок поет хвалу всем опаленным, сметенным, сожженным" (Об А. Блоке. С. 310).

Еврей-аптекарь... – Если принять за основу предположение о том, что аптека "Плясок смерти" находилась на Офицерской, 51, то за персонажем стихотворения стоит реальное лицо – провизор, а позже владелец этой аптеки Арон Абрамович Винников.

4. "СТАРЫЙ, СТАРЫЙ СОН: ИЗ МРАКА..."

(С. 23)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1–2, "X 1913" (над текстом), "7 февр. 1914"; БА – Т₈. Л. 32–32 об., "(X 1913) – 7 февр. 1914"; Кор₁ Земли. Л. 19–20; Кор₂ Земли. Л. 39 об. – 40.

Публикации: *БВ*. 1915. № 15127. 4 окт., утр. вып.; *БВ*. 1915. 5 окт., 2-е изд. – с той же матрицы; *СУ*. С. 45–46; *Шз*. С. 42–43.

В *ЧА ИРЛИ* текст первоначально состоял из пяти строф, под ними поставлена вторая дата, 6-я строфа дописана позже. Черновые наброски, относящиеся к этой строфе, см. в *ЧА ИРЛИ* стих. "Вновь богатый зол и рад..."

Старый, старый сон... – Ю.И. Будыко предположил, что эта строка связана с воспоминаниями Блока о тех временах, «когда он жил на Лахтинской улице и осенью 1906 года писал пьесу "Незнакомка", "Второе видение" которой прямо связано также с Петербургской стороной – с Большой Зелениной и Крестовским мостом» (*Будыко Ю.И.* Указ. соч. С. 198).

5. "ВНОВЬ БОГАТЫЙ ЗОЛ И РАД..."

(С. 24)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1–3, "X 1913 – " (над текстом), "7 февр. 1914"; *БА – Т₈*. Л. 33–33 об., "(X 1913) – 7 февр. 1914"; *БА – РГБ*. Ф. 423. Оп. 1. Ед. хр. 11 ("Пляска смерти"); *АС – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 3 ("Пляска смерти"), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие и дата – автограф; *Кор₁ Земли*. Л. 20; *Кор₂ Земли*. Л. 40–40 об.; *АС – Изборник*. Л. 358, рукой Л.А. Дельмас.

Впервые: *РМ*. 1915. № 12. С. 65. 1-я паг. ("Пляска смерти").

Публикации: *СУ*. С. 47–48; *Шз*. С. 43–44.

В *ЧА ИРЛИ* между ст. 4 и 5 имеются зачеркнутые черновые наброски, которые относились, по-видимому, к предыдущему стих. "Старый, старый сон: из мрака..." и частично вошли в *ЧА ИРЛИ* этого стихотворения.

В *Т₈* ст. 9–14 (3-я и 4-я строфы) заключены в ломаные скобки, в публикации в *РМ* эти стихи отсутствуют, что объясняется пометой Блока в *АС РГАЛИ*: "Восстановлены пропуски, сделанные цензурой. Было напечатано "Русской мыслью" без строк 10–15". В *РМ* вместо ст. 9–14 – строка отточий.

С кровель каменных громад // Смотрит месяц бледный... – Ср. в стих. "Вновь у себя... Унижен, зол и рад": "Вон месяц, как паяц, над кровлями громад..."

"МИРЫ ЛЕТЯТ. ГОДА ЛЕТЯТ. ПУСТАЯ..."

(С. 25)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 78–78 об., "допис(ано) 2 июля"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1, 2; *Кор₁ Земли*. Л. 21; *Кор₂ Земли*. Л. 41–41 об.; *печ. текст – Изборник*. Л. 324; *печ. текст – НР СУ*, "2 июля 1912." (дата – автограф).

Впервые: Русская молва (*РМолва*). 1913. № 61. 10 февр.

Публикации: *Заветы*. 1913. № 3. С. 5; *СУ*. С. 33, "2 июля 1912"; *Шз*. С. 45–46.

В *Т₇* 2-я и 4-я строфы взяты в круглые скобки.

Окончательный текст – *РМолва*.

Э. Голлербах в рец. на "Седое утро" отнес стихотворение к лучшим в книге. Прочитывая третью строфу, он отметил, что "в этом "за сердце хватающем полете" весь смысл и очарование крылатой поэзии Блока" (*Вестник литературы*. 1920. № 12. С. 10).

В. Жирмунский, приведя вторую строфу стихотворения, писал о том, что "поэтомантик является искателем бесконечного счастья": «Этот "духовный максимализм" романтика-индивидуалиста возникает из ощущения бесконечности души человеческой, ее неспособности удовлетвориться ничем конечным и ограниченным. (...) Опустошенность повседневного существования, тяжелое похмелье (...) неизбежно следуют за мучительными взлетами страстного чувства» (*Об А. Блоке*. С. 91–92).

По свидетельству Г.А. Гуковского, «стихотворение повествует о (...) довольно ходком развлечении на вечерних гуляньях в увеселительных садах; развлечение это называлось "чертово колесо"; заключалось оно в том, что желающие располагались (просто лежа или сидя "на полу") на большом круге, а затем этот круг неожиданно начинал вращаться, причём публику центробежным движением сдувало с него в самых непредвиденных позах; кто мог, удерживался, уцепившись за край круга» (*Гуковский Г.А.* К вопросу о творческом методе Блока // *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 73). "А в то же время, – подчеркивал Гуковский, – это все-таки стихи о страшном беге космоса в истории (...) тема вращения чертова колеса с его жужжанием, скользящим краем, остановками и толчками воспринимается как равноценная тема полета миров и лет" (*Там же*. С. 73).

Миры летят. Годы летят. Пустая // Вселенная глядит в нас мраком глаз. – Ко времени написания стихотворения относится блоковское "увлечение небом", о котором вспоминает Грааль Арельский [С.С. Петров], передавая впечатления Блока от посещения обсерватории Народного дома в конце 1911 г.: "Как здесь тихо и хорошо, – говорил А.А. – Только знаете, меня почему-то подавляет эта бесконечность миров; она вызывает у меня чувство какой-то мучительной тоски" (*Воспоминания*, 2. С. 92). В это время, отмечает мемуарист, Блок особенно «интересовался вопросом о душе и никак не мог примириться с мыслью, что нами управляет, как и всей природой, "физический закон". Вот почему (...) этот "физический закон" так угнетал и подавлял индивидуализм А.А. Блока (...) и вызывал тоску одиночества, когда он смотрел в бездонные пучины неба...» (*Там же*. С. 93).

А ты, душа, усталая, глухая... – Автореминисценция из стих. "Я пригвожден к трактирной стойке..." (1908): "А ты, душа... душа глухая..."

Что счастье? Короткий миг и тесный... – Ср. запись в дневнике от 13 января 1912 г.: «Я искал "удовольствий", но никогда не надеялся на счастье. Оно приходило само и, проходя, как всегда, становилось сейчас же не собою. Я и теперь не жду его, Бог с ним, оно – не человеческое». Ср. также в стих. "Не затем величал я себя паладином..." (1908): "Или счастье вправду неверно и быстро?..."

... Не сходим ли с ума мы в смене пестрой // Придуманых причин, пространств, времен... – Возможный отзвук кантовского учения о пространстве и времени в его "Критике чистого разума". В "Симфонии (2-й, драматической)" А. Белого (М., 1902) герой, молодой философ, изучающий Канта и стремящийся "отгородиться" от пространства и времени, сходит с ума. Ср.: "Тихо ахнул чтец Канта и присел на корточки. (...) Ему хотелось убежать от времени и пространства, спрятаться от мира" (С. 54). Подробнее об этом см. в коммент. к стих. "Сижу за ширмой. У меня..." (т. 1 наст. изд.). В романе А. Стриндберга "Ад" герой находится на грани сумасшествия, пытаясь соединить в своем сознании самые разнородные явления и факты действительности, придать им некое "мистическое" значение предопределенности. Ср. в воспоминаниях В.П. Веригиной свидетельство А.А. Кублицкой-Пиоттух об отношении ее и Блока к Стриндбергу: "У Саши и у меня есть общее со Стриндбергом помешательство. Мы всюду видим знаки, стараемся угадать значение самых обычных явлений" (*Воспоминания*, 1. С. 469). Причинно-следственные связи, пространство и время – это неотъемлемые атрибуты действительности, реального мира, которому у

Блока противостоят "миры искусства" и – шире – "миры иные", где "нет причин и следствий, времени и пространства" (СС-85. С. 433).

... Дай мне руку, // Товарищ, друг! Забудемся опять. – В статье "Памяти Августа Стриндберга" (1912) Блок так писал о значении имени "товарищ": "... Это – самое человеческое имя сейчас; брат и учитель – имена навсегда; сейчас, может быть, многим дороже имя товарищ..." (СС-85. С. 468). Ср. также в стих. "Как свершилось, как случилось..." (1912):

"Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды".

"ОСЕННИЙ ВЕЧЕР БЫЛ. ПОД ЗВУК ДОЖДЯ СТЕКЛЯННЫЙ..."

(С. 26)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₇. Л. 86 об. – 87, "Сентябрь – 2 ноября", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, ст. 1 и дата – автографы; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 9; Кор₁ Земли. Л. 21–22; Кор₂ Земли. Л. 42–42 об.; БА – Изборник. Л. 326.

Впервые: СЗ. 1913, ноябрь. С. 16 ("Осенний вечер был").

Публикации: III₂. С. 126–127, в разд. "Разные стихотворения"; III₃. С. 47–48, "1912".

АС в Т₇ без эпиграфа, без курсива в ст. 11 и 20 и с написанием "сер" в ст. 8 и 20. В таком же виде текст существует в БА РГАЛИ, Изборнике и напечатан в СЗ, где появилось заглавие и написание "сер" изменено на "сёр". В III₂ курсив в ст. 11 и 20 отсутствует. В III₂ опубликовано с эпиграфом, сохраняющимся и в Кор₁ Земли. Здесь же в ст. 11 помечено курсивом "Лиор безумного Эдгара".

В Кор₂ Земли текст приведен к основному. Окончательный текст – III₃.

П. Медведев в статье "Творческий путь Александра Блока" использовал образы стихотворения для подтверждения своего тезиса о том, что для Блока начала 1910-х годов характерна "проповедь духовной трезвости, смиренного ученичества, послушания, воздержания. "Пора смириться, сэр", – этот давний совет джентльмена "с деловым, давно спокойным взглядом" теперь прочно осознан нашим поэтом" (В кн.: Памяти Блока. Пб., 1922. С. 63).

В Кор III₃ имеется следующая помета Блока к стихотворению: "Брюсов очень верно указывал на неуместность ада. Чуковский – против сёр. Стихи близки А. Белому". К.И. Чуковский вспоминал: "Однажды я сказал ему (Блоку. – Ред.), что в знаменитом стихотворении "Осенний вечер был" слово "сэр" написано неверно, что нельзя рифмовать это слово со словом "ковёр". Он ответил после долгого молчания:

– Вы правы, но для меня это слово звучало тургеневским звуком, вот как если бы мой дед произнес его – с французским оттенком" (Воспоминания, 2. С. 230–231).

А. Белый упоминает стихотворение в письме к Блоку от (17 марта 1918 г.), характеризуя свои негативные впечатления от пребывания в Европе: «В Англии воочию видел: "Пора смириться, сёр..." и "И в собрании каждом людей эти т а й н ы е с ы щ и к и е сть..." (имеется в виду стих. "Есть игра: острожно войти...". – Ред.). Если Россия и Европа не стряхнет с себя "железную пята" (образ капитализма в одноименном романе Дж. Лондона. – Ред.) – скоро мы увидим открытые человеческие жертвоприношения... Лучше анархия, гибель, смерть, чем то, что замыслил "сёр" из Твоего стихотворения: казнь первенцев замыслена...» (Блок и Белый. С. 335). В романе А. Белого "Записки чудака" мистифицированный образ "сёра" выступает как

воплощение "некоего мирового мерзавца". Следует отметить, однако, что обращение "сёр" относится в стихотворении к лирическому герою, а не к "джентльмену".

В своих воспоминаниях А. Белый толковал образ "джентльмена" как близкий к "нечисти", к темным, злым духам, которые (еще со времен периода "антитезы") искушали Блока, влекли его к "безднам": «... А.А. вместе с нами повторяет: "д у ш а м о я р а д а – в с я к о м у г а д у"; о, – легкомысленное отношение к собственным "недрам"! Оно – и после скажется при появлении Командора и Темного Сэра» (*Белый, 3. С. 213*).

Эпиграф. – Из баллады Э. По "Ворон" (в переводе В. Брюсова), с которой у стихотворения есть определенное сюжетно-тематическое сходство.

Вошел тот джентльмен. За ним – лохматый пес. – Возможный намек на 1-ю сцену "Фауста" Гете – появление Мефистофеля в кабинете Фауста в обличи черного пуделя.

Пред Гением Судьбы пора смириться, сёр. – Ср. в финале романа А. Стриндберга "Ад": "Что же делать? Смириться! (...) смириться перед Богом!" (*Стриндберг А. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1909. Т. 2. Ад. С. 244*).

... *"Она – всё та ж: Линор безумного Эдгара.* – Кроме баллады "Ворон", здесь имеется в виду и стихотворение Э. По "Линор", герой которого тяжело переживает смерть любимой: "Твоя Линор ушла. // И ты безумствуешь в тоске, твой дух скорбит о ней..." (*Собр. соч. Эдгара По / Пер. К. Бальмонта. М., 1901. Т. 1. С. 18*). Ср. также в стих. Ю. Верховского "Имя": "Она – все та ж. И ты – в плену времен..." (*Идиллии и элегии Юрия Верховского. СПб., 1910. С. 57*).

Возрата нет. – Ср. слова Мизгирия в "Снегурочке" А.Н. Островского: "И для любви погасшей // Возрата нет..." (*Действ. 1. Явл. 7*).

... *Представилась она гораздо проще мне...* – А. Белый в своих воспоминаниях так интерпретировал строку: "Простоту эту выдержать и не лишит себя жизни (...) – в этом смысл испытания; ведь невольно захочется уничтожения р ы ц а р ю п о д н е б е с н о й м е ч т ы" (*Белый, 4. С. 298*).

"ЕСТЬ ИГРА: ОСТОРОЖНО ВОЙТИ..."

(С. 26)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1, "15–17 дек(абря). 18" (над текстом); *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 2, 3; *БАП – Т₈*. Л. 13–14, "15–18 XII 1913."; *Кор₁ Земли*. Л. 22–23; *Кор₂ Земли*. Л. 43–43 об.; *АС – Изборник*. Л. 345–346, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *ЕЖ*. 1914. № 2. С. 5 ("Есть игра").

Публикации: *III₂*. С. 31–32; *III₃*. С. 49–50.

В *ЧН ИРЛИ* представлены наброски 1-й, 5-й, 4-й, 6-й и 7-й строф. В *ЧА ИРЛИ* были пронумерованы строфы римскими цифрами слева на полях. Их расположение стало соответствовать порядку следования строф в основном тексте. Тройная дата фиксирует время написания набросков (15–17 декабря 1913 г.) и время создания *ЧА* (18 декабря). *БАП* в *Т₈* совпадает с текстом первой публикации в *ЕЖ*. *БАП Т₈* был переработан в 1916 г. при подготовке *III₂*: ст. 7–8, 12, 13–14, 26 приведены к основному тексту; 8-я строфа (ст. 29–32) зачеркнута. 9-я строфа отчеркнута слева на полях и сопровождается пометой "переделать", но ее правка не произведена. В сокращенном виде опубликовано в *III₂*. В *Изборнике* и *Кор₁ Земли* ст. 29–32 восстановлены. Курсив в ст. 20 впервые появляется в *Кор₁ Земли*.

Окончательный текст – *III₃*.

А. Белый в статье "Поэзия Блока" истолковал заключительную строфу как выражение блоковского "прозрения", которое он назвал "трагедией трезвости" (Ветвь. Сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 279).

В стихотворении ощутимо влияние А. Стриндберга (главным образом, тема "преследования", невидимой "слежки"). Это отметил в своих воспоминаниях А. Белый; процитировав 4-ю строфу, он писал: "Ощущение мстительных и невидимых глаз, вероятно, приблизило Стриндберга к Блоку; и ощущение это господствовало в пору встречи (...) моей с А.А. (в 1912 г.)" (*Белый*, 4. С. 253).

А. Белый использовал ст. 19–20 стихотворения для характеристики своих тревожных впечатлений от пребывания в Европе в письме к Блоку от (17 марта 1918 г.): "В Англии воочию видел: "Пора смириться, сёр..." (имеется в виду стих. "Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный..." – *Ред.*) и "И в собрании каждом людей эти та й н ы е с ы щ и к и есть..." (*Блок и Белый*. С. 335). Знаменательно, что Блок специально отметил в своем экземпляре "Записок мечтателей" те места в "Записках чудака" А. Белого, где речь идет о "тайных сыщиках" (*ЗМ*. № 2–3. Пб., 1921. С. 21, 24; см.: *ББО-1*. С. 284).

Тем и страшен невидимый взгляд ~ Чьи глаза за тобою следят. (...) Есть дурной и хороший есть глаз ~ Неизвестных, играющих сил... – А. Белый отметил эти строфы как характеризующие ту "невнятицу человеческих отношений", которую остро чувствовал зрелый Блок (*Белый А. Поэзия Блока // Ветвь*. С. 272).

О, тоска! Через тысячу лет // Мы не сможем измерить души: // Мы услышим полет всех планет (...) И не ведаем сил мы своих... – В блоковском экземпляре книги Т. Карлейля "Французская революция. История" (СПб., 1907), которую он внимательно изучал в июне 1911 г., подчеркнуты те строки, где человек характеризуется как "бедное создание", являющееся "тайной для самого себя и для других" (с. 426; см.: *ББО-2*. С. 13). Ср. также в книге О. Уайльда "De profundis": "Но сознание, что душа человеческая непостижима – последняя ступень мудрости. Конечная тайна – мы сами. После того, как взвешено солнце на весах, измерены пути луны, занесены на карту все семь небес, звезда за звездой, – все же остается еще сам человек. Кто может измерить орбиту собственной души?" (*Уайльд О. De profundis*. М., б.г. (Универсальная библиотека, № 182). С. 57 / Пер. М. Ликиардопуло; это издание было в библиотеке Блока; см.: *ББО-2*. С. 322).

А пока – в неизвестном живем... – Ср. в письме Блока к А. Белому от 22 октября 1910 г.: "... незнание о будущем, окруженность неизвестным, вера в судьбу и т.д. – свойства моей природы, более, чем психологические".

И, как дети, играя с огнем, // Обжигаем себя и других... – Ср. в стих. "второго тома" "Есть лучше и хуже меня..." (1906): "И каждый другого зажжет // И снова потушит костер..."

"КАК РАСТЕТ ТРЕВОГА К НОЧИ!.."

(С. 28)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 1, 2, "23 дек(абря)", исправлено: "22 дек(абря)" (Л. 1, над текстом); "30 дек(абря)" (Л. 2, над текстом); "1913", подпись: "Александр Блок"; *БА – Тж*. Л. 20–20 об., "22–30 XII 1913."; *Кор₂ Земли*. Л. 44; *БА – Изборник*, "1913, XII (22.30)" (над текстом).

Впервые: Сирин. Сб. 3. СПб., 1914. С. LXII–LXIII, в цикле из семи стихотворений под загл. "Седое утро".

Публикации: *III*₂. С. 57, в разд. "Возмездие"; Весенний салон поэтов (*ВСП*). М., 1918. С. 37, первое в подборке из пяти стихотворений под загл. «Из цикла "Седое утро"»; *III*₃. С. 51, "1913".

В *ЧА ИРЛИ* дата на л. 1 и год (Л. 2) – карандашом. В *T₈* в ст. 12 и 14 правка карандашом. О публикации в *ВСП* см. с. 599 наст. тома.

Окончательный текст – *Сирин*.

В. Брюсов в связи со стихотворением отметил, что "для своей души опустошенной" поэт указывает один исход, – "хмельное забвение..." (*Брюсов В. Александр Блок // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. Ч. 2. С. 327*).

О настроениях Блока того времени, отчасти отразившихся в стихотворении, вспоминал Вл. Пяст: "Помню, как в годы около войны Блок мне признавался: "И вот, когда видишь все это кругом, эту нищету и этот ужас, в котором задыхаешься, и эту невозможность, бессилие переменить что-либо в этом {...} то вот берешь и со сладострастием, нарочно, тратишь не пятьдесят, а сто, двести на никому – а меньше всего себе – ненужный кутеж" (*Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. С. 66*).

Исследователями не раз отмечалось, что некоторые мотивы и образы стихотворения навеяны романом А. Стриндберга "Ад". Как и герою романа, "поэту зачастую мерещились демонические тени, преследующие его и угрожающие ему ночными страхами, древними ужасами" (*Соловьев Б. Поэт и его подвиг. М., 1973. С. 414*). Ср. у Стриндберга: "Мне часто кажется, что позади моего стула кто-то стоит"; "Попробуйте вернуться в свою комнату, вы там найдете кого-то. Он невидим, но вы чувствуете его присутствие" (*Стриндберг А. Т. 2. Ад. С. 201, 242*).

Как растет тревога к ночи! – О состояниях ночной тревоги Блок часто пишет зимой 1913–14 гг.; ср. записи от 1 февраля 1914 г.: "Тревога к ночи"; от 9 февраля: "Ночная тревога – до восторга – после кинематографа" (*ЗК. С. 205, 206*).

Совесть мучит, жизнь хлопочет. – Ср. записи в дневнике от 23 декабря 1913 г. (накануне, 22 декабря, были сделаны первые наброски стихотворения): "Совесть как мучит! Господи, дай силы, помоги мне". Ср. также в романе А. Стриндберга: "Угрызения совести, с одной стороны, страх, с другой. И оба жернова начинают растирать меня в порошок" (*Стриндберг А. Ад. С. 187*).

"НУ, ЧТО ЖЕ? УСТАЛО ЗАЛОМЛЕНА СЛАБЫЕ РУКИ..."

(С. 28)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₁₈*. Л. 8–10, "5 февраля" (над текстом); *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1, 2, "5 фев(аля) 1908"; *БА – T₈*. Л. 43 об. – 44, "5 II 1908 – 21 II 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 44 об.; *БА – Изборник*. Л. 360–361, ["1914"]; печ. текст – *НР СУ*. Л. 65–66, "21 февраля 1914" (дата–автограф).

Впервые: *РМ*. 1914. № 12. С. 148.

Публикации: *СУ*. С. 53, "21 февраля 1914."; *III*₃. С. 52.

В *T₈* и *Изборнике* в ст. 15–16 подчеркнуты слова, набравшиеся курсивом. В *НР СУ* исправлена опечатка в ст. 13.

Окончательный текст – *СУ*.

В. Брюсов считал, что словами "Да, был я пророком... Царем я не буду... Рабом я

не стану... Но я человек..." сам поэт "определяет (...) пройденный им путь" (Брюсов В. Александр Блок // Русская литература XX в. Т. 2. Ч. 2. С. 327).

... Устало заломлены слабые руки... – "Заломленные руки" – характерная черта образа лермонтовско-врубелевского Демона в лирике и публицистике Блока. Ср. об Ангеле–Демоне в статье "О лирике": "Человек, заломивший руки, познавший сладострастие тоски" (СС-85. С. 131). Ср. в стих. "Демон" ("Прижмись ко мне крепче и ближе...", 1910); "И плечи изломанных рук..."

... И вечность сама заглядывается в погасшие очи... – Ср. в стих. "Она, как прежде, захотела..." (1908): "Мне вечность заглянула в очи..."

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось. – Как пишет З.Г. Минц, "над героем тяготеют некие общие, универсальные закономерности" мирового бытия, которым он вынужден подчиниться (Минц, 4. С. 28).

Открой мои книги: там сказано всё, что свершится. – В письме к А. Белому от 22 октября 1910 г. Блок писал: «Ведь вся история моего внутреннего развития "напророчена" в "Стихах о Прекрасной Даме"». Мотивы прорицания содержатся и во вступлении к сб. "Земля в снегу" (1908): "Кто захочет понять, – пусть поймет немоллимую логику этих мало словесных книг. Кто захочет больше – поверить, – пусть верит, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайняя равнина – изначальная родина, может быть, сама Россия" (т. 2 наст. изд.); написано в марте 1908 г., а в феврале сделаны первые наброски стихотворения.

Да, был я пророком, пока это сердце молилось, – // Молилось и вело тебя (...) – "Пророком и глашатаем" Блок называл себя в письме к Л.Д. Менделеевой от (10 ноября 1902 г.). Ср. также в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910): «Произошло вот что: были "пророками", пожелали стать "поэтами"» (СС-85. С. 433).

...но ведь ты – не царица. – Символика "царя" и "царицы", характерная для лирики Блока периода "Стихов о Прекрасной Даме", во многом навеяна поэзией Вл. Соловьева. Ср., например: "Вся в лазури сегодня явилась // Преду мною царица моя..." ("Вся в лазури сегодня явилась...", 1877), "У царицы моей есть высокий дворец..." (1875). Под "царицей" Блок подразумевал, несомненно, Л.Д. Блок. Ср. в его письме к Л.Д. Менделеевой от (5 июня 1903 г.): "Не заметишь, не узнаешь, без горя, без боли, без страдания, моей Царицей станешь, моей Госпожей...". Об образе "царицы" в раннем творчестве Блока см. в коммент. к стих. "Царица смотрела заставки..." (т. 1 наст. изд.).

Царем я не буду (...) – Ср. в стих. Вл. Соловьева "Око вечности": "Ты станешь сам, безбрежен и прекрасен, // Царем всего...". Этот образ имеет здесь, вероятно, и то значение, которое Блок придал ему в стих. "второго тома" "Есть лучше и хуже меня..." (1906): "Да буду я – царь над собой..." (т. 2 наст. изд.).

Рабом я не стану (...) – "Раб", "слуга" – одна из ипостасей героя мистического романа, запечатленного в раннем творчестве Блока: см., например: "Servus – Reginae", "Ныне, полный блаженства..." (т. 1 наст. изд.). Ср. в письме Блока к Л.Д. Менделеевой от (10 ноября 1902 г.): "Я – Твой раб, слуга... Зови меня рабом".

Но я – человек. И, паденье свое признавая... – По мнению Д.Е. Максимова, тема "человека" реализована в стихотворении в евангельском ключе, что связано в определенной мере с влиянием соловьевских идей (см.: Максимов Д. Ал. Блок и Вл. Соловьев // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 170).

Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее. – Ср. в статье "Искусство и революция": "...Смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге" (СС-86. С. 25).

То ревность по дому, тревогою сердце снедая... – Ревность по дому – цитата из Евангелия (Ин. II. 17). Она восходит к одному из псалмов библейского царя Давида: "Чужим стал я для братьев моих и посторонним для сынов матери моей. Ибо ревность по дому Твоем снедает меня и злословия злословящих Тебя падают на меня" (Пс. LIVIII. 10). В таком контексте выражение объединяет несколько значений: «и мотив плача по утерянной мечте, и мотив потери душевной связи и мучительного разрыва с близкими, и, главное, тут (...) возникает осознание дома как символа веры. Ведь царь Давид, на которого ссылается поэт, имеет в виду ревностное служение дому "Господа Своего" – ревность в вере» (Холмцова Е. "Ревность по дому" // Лит. обозрение. 1980. № 11. С. 30). Символ веры смыкается с символом родины, которой поэт отводит "возвышенную, провиденциальную роль" (Там же. С. 30).

Что делаешь, делай скорее. – Цитата из евангелия, слова Иисуса, обращенные к Иуде (Ин. XIII. 27). Эта формула не раз употреблялась Блоком. Так, 5 февраля 1908 г. (в этот день были сделаны первые наброски стихотворения) он сделал следующую запись в альбоме, принадлежавшем А.Г. и М.К. Максимовым (хранится в Рукописном отделе РГБ): «"Что делаешь – делай скорее". – Верный этому завету – каждый день поднимает на плечи новую тяжесть и принимает в сердце новый кусок свинца. Если он при этом человек, а не рухляк, он неустанно продолжает восхождение: пока не свалится где-то, в горах. Но вот уже другой тащит; вслед за ним. И жизнь торжествует» (опубл.: Новый мир. 1955. № 11. С. 153; публ. Вл. Орлова). Ср. также в письме к Л.Д. Блок от 21 марта 1908 г.: «Беспочвенности и усталости я одинаково не принимаю к сердцу – им нет места среди нас – художников. И потому (...) я только могу пожелать: "Что делаешь – делай скорее"».

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

Название цикла восходит к первоначальному (в Т₈) заглавию стих. "Весь день – как день: трудов исполнен малых...".

Первые пять стихотворений были закончены Блоком в январе–феврале 1914 г., шестое – в мае, седьмое и восьмое – в декабре 1915 г. Вас. Гиппиус в воспоминаниях, относящихся к весне 1914 г., свидетельствовал: «Тогда же в первый раз я решился попросить Блока прочесть стихи. Блок согласился и читал довольно много из своей записной книжки. Он прочел целиком "Жизнь моего приятеля", итальянские стихи (из ненапечатанных тогда) и другие» (*Воспоминания*, 2. С. 85). Очевидно, что Вас. Гиппиус мог слышать тогда лишь первые шесть стихотворений. Есть основания предполагать, что уже в это время в сознании Блока существовал замысел цикла и даже обозначилась его основа.

Первые цикл под названием «Из "Жизни моего приятеля"» был опубликован в альм. "Эпоха" (1918. кн. 1). В его состав вошли всего три стихотворения: "Поглядите, вот бессильный...", "Всё свершилось по писаньям..." и "Когда невзначай в воскресенье...". Вероятно, они были отобраны Блоком из состава формировавшегося в то время для III₃ цикла "Жизнь моего приятеля", который и стал каноническим. Н. Абрамович так охарактеризовал цикл: "Стихи Блока – оригинальны, жизненны, проникнуты странной едкой остротой" (*Абрамович Н. О вечном и о "пыли злободневности"* // Свобода, 1918. 6 мая). В. Шершеневич считал, что «А. Блок не прибавил к своей славе ничего "Жизнью моего приятеля"» (Раннее утро. 1918. 27 июня).

В. Жирмунский писал о том, что для мироощущения героя цикла характерны "безысходная печаль и скука", бодлеровский "сплин", "некая метафизическая болезнь души" (*Об А. Блоке*. С. 88). А. Белый, имея в виду и героя "Жизни моего приятеля",

писал: "Самое страшное, что это не просто смерть, а смерть прижизненная; так сказать, с м е р т ь в т о р а я ; м е р т в е ц не укладывается в могилу, а бродит среди живых..." (*Белый, 4. С. 106–107*).

Настроения отчаяния, тоски, усталости, безверия, ставшие лейтмотивом "Жизни моего приятеля", овладели Блоком гораздо ранее времени создания цикла. Еще в статье "Народ и интеллигенция" (1908) он писал: "Отчего нас посещают все чаще два чувства: самозабвение восторга и самозабвение тоски, отчаяния, безразличия? Скоро иным чувствам не будет места..." (*СС-85. С. 328*). Это подтверждает в своих воспоминаниях и А. Белый: "Именно в это время (в 1908 г. – *Ред.*) слагались темы той р о к о в о й б е з н а д е ж н о с т и, которые с потрясающей силой встречают нас в третьем томе стихов..." (*Белый, 4. С. 94*).

Автобиографическая основа цикла не вызывает сомнений, о чем свидетельствуют дневники и записные книжки Блока. В образе "приятеля" воплощено, в сущности, второе "я" поэта. Примечательно, что именно так Блок косвенно назвал себя в дневниковой записи по поводу заметки В. Брюсова о его стихах, напечатанной в "Русской мысли": «Между строками можно прочесть: "Скучно, приятель? Хотел сразу поймать птицу за хвост?" Скучно, скучно, неужели жизнь так и протянется – в чтении, писании, отделяваньи, получении писем и ответчании на них?» (13 января 1912 г.).

Одной из основных в цикле является тема добровольной "гибели" героя, который не в силах изменить существующий "отменный порядок" жизни. Это – своеобразная форма индивидуального протеста. Логику такого исхода Блок обосновал, в частности, в подготовительных материалах к поэме "Возмездие" (1911 г.): "Бесконечно прав тот, кто опускает руки... человек, опускающий руки и опускающийся, прав... Нечего спорить против этого" (т. 5 наст. изд.). Однако в цикле ошутим и мотив самоосуждения героя, мотив автоиронии. Поэтому «смерть души "Моего приятеля" предстает и высокой трагедией, и трагикомедией, и фарсом, о его жизненном крахе говорится и с высоким сочувствием, и с беспощадной насмешкой» (*Правдина И. История формирования цикла "Страшный мир". С. 239; более подробный анализ "Жизни моего приятеля" см.: Там же. С. 236–239*).

Существенное значение имеет историко-культурный подтекст цикла. Есть основания рассматривать его как своего рода притчу, "житие". Вот почему в «"Жизнь моего приятеля" закономерно входят Смерть и ад, ангелы и черти, без которых не обходятся сюжеты древних притч и старинных лубочных картин» (*Соловьев Б. Поэт и его подвиг. С. 470–471*).

1. "ВЕСЬ ДЕНЬ, КАК ДЕНЬ: ТРУДОВ ИСПОЛНЕН МАЛЫХ..."

(С. 29)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1, 2, 3* ("Жизнь моего приятеля"), "25 янв(аря) 1914 – 11 февр(аля)" (над текстом). *БА – Т8. Л. 37 об.–38* ("Жизнь моего приятеля"), "25 янв(аря) – 11 февр(аля) 1914."; *БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44а. Л. 22–23; АС – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1, 2* ("Из Жизни моего приятеля"), "1914", текст рукой Л.А. Дельмас, дата и правка – рукой Блока, подпись: "Александр Блок"; *Кор₁ Земли. Л. 24–25; Кор₂ Земли. Л. 45–45 об.*; печ. текст – *НР СУ. Л. 56, 57* ("Жизнь моего приятеля"), "11 февраля 1914", дата – автограф.

Впервые: Голос (2). 1915. № 1. 1 нояб. С. 3, под загл. «Из "Жизни моего приятеля"».

Публикации: *СУ. С. 49–50, "11 февраля 1914"; ПЗ. С. 53–54.*

В *ЧА ИРЛИ* ст. 1–24 (Л. 1, 2) и ст. 27–28, вар. а (Л. 3) написаны карандашом, остальной текст (Л. 3) – чернилами. Вторая дата приписана, заглавие подчеркнуто. В *Т₈* карандашная правка в ст. 5, 7, 18, 28, 30; ст. 17–20 перечеркнуты, но присутствуют во всех публикациях. В *Кор₂ Земли* дано указание на выделение курсивом ст. 18.

Окончательный текст – III₃.

...*Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта // Придут тебе на ум.* – Г. Чулков в своих воспоминаниях свидетельствовал: "Но чем мятежнее и мучительнее была внутренняя жизнь Блока, тем настойчивее старался он устроить свой дом уютно и благообразно. У Блока было две жизни – бытовая, домашняя, тихая, и другая – безытная, уличная, хмельная" (*Чулков Г. Годы странствий.* М., 1930. С. 143). Ср. в стих. "Земное сердце стынет вновь...": "Нет, лучше сгинуть в стуже лютой! // Уюта – нет. Покоя – нет".

...*Ни охнуть, ни вздохнуть...* – Выражение И.А. Крылова из басни "Волк и Журавль".

И тихая тоска сожмет так нежно горло ~ Сам дьявол сел на грудь! // Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие... – Блуждания по ночному городу, настроения безысходности, тревоги, характерные для этого времени, многократно отмечены в записных книжках Блока. Ср. записи от 13 января 1914 г.: "Ночью брожу..."; от 20 января: "Опять вечером и ночью брожу в тоске" (*ЗК.* С. 201, 202). Ср. также в письме Блока к А. Белому от 8 мая 1911 г.: "В этих глубоких и тревожных снах мы живем и должны постоянно вскакивать среди ночи и отгонять сны". «"Дьявол на груди", метание по ночным "глухим улицам" – типичные образы для Стриндберга 90-х годов» (*Шарыпкин Д.М. Блок и Стриндберг.* С. 90). Ср., например, в романе "Ад": "Но когда нисходит ночь, тишина и одиночество, гордость умирает, сердце стучит, грудь судорожно сжимается. (...) Куда же идти вам всем, блуждающим от бессонницы ночью по улицам, ожидая наступления утра?" (*Стриндберг А. Т. 2. Ад.* С. 242).

2. "ПОГЛЯДИТЕ, ВОТ БЕССИЛЬНЫЙ..."

(С. 30)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 29, "30 дек(абря)"; *БА–Т₈.* Л. 40 об. ("Конченный"), "30 XII 1913 – 12 II 1914"; на сгибе л. 40 об.–41; *БА – РГАЛИ.* Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 3, "1913–1914"; *Кор₂ Земли.* Л. 46; *БА – НР СУ.* Л. 58; печ. текст – *НР СУ.* Л. 43, "30 декабря 1913" (дата – автограф).

Впервые: Солнце России (*СРоссии*). 1916. № 312, февр. С. 2, под загл. "Конченный".

Публикации: Эпоха. М., 1918. Кн. 1. С. 16, вместе со стихотворениями "Всё свершилось по писаньям..." и "Когда невзначай в воскресенье..." под общим загл. «Из "Жизни моего приятеля"»; *СУ.* С. 55, "30 декабря 1913"; III₃. С. 55.

ЧА ИРЛИ, помеченный сверху красным карандашом цифрой "1", объединен с *ЧА* стихотворений "Всё свершилось по писаньям...", "Пристал ко мне нищий дурак...", "Когда невзначай в воскресенье..." (помеченными соответственно цифрами "2", "3", "4"). В *ЧА* всех указанных стихотворений правка, приводящая текст к основному, может быть отнесена к указанным в *Т₈* вторым датам. В *Т₈*, вероятно, при подготовке первой публикации заглавие цикла было заключено в скобки и вписано заглавие стихотворения.

БА РГАЛИ, помеченный цифрой "3", объединен общим заглавием и датой с *АС РГАЛИ* стих. "Когда невзначай в воскресенье..." и *АС РГАЛИ* стих. "Всё свершилось по писаньям..." (помечены соответственно цифрами "1", "2").

В *НР СУ* на л. 48 – печ. текст, соответствующий публикации в *СУ*, на л. 58 – *БА* (карандаш.) с пункт. вар. в ст. 16, над текстом – цифра "2".

Окончательный текст – *Эпоха*.

С. Бобров в резкой по тону рецензии на "Седое утро" заявил, имея в виду первую строфу стихотворения, что Блок, якобы, "обокрал" Батюшкова (Печать и революция. 1921. № 1. С. 146). Возможно, он подразумевал начало стих. К. Батюшкова "Привидение. Из Парни" (1810): "Посмотрите! в двадцать лет // Бледность щеки покрывает; // С утром вянет жизни цвет; // Парка дни мои считает..."

...*Ваш удел на все похож...* – Удел лирического героя цикла – это участь "всех".

Как подчеркивает З.Г. Минц, характерное совпадение темы "я" и "Человека" «ведет нас к руссоистско-толстовскому пониманию искусства как исповеди, где, в частности, герой, с одной стороны, сведен к автобиографическому "я", а с другой – понят как человек как таковой, как в с е» (Минц, 4. С. 85).

3. "ВСЁ СВЕРШИЛОСЬ ПО ПИСАНЬЯМ..."

(С. 30)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1, 2, "30 дек(абря)"; *БА–Т8*. Л. 41 («Из "Жизни моего приятеля"»), "30 XII 1913 – 12 II 1914" (на сгибе л. 40–41); *АС – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 2, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, "1913–1914" (даты – автограф); *БА – НР СУ*. Л. 60; *БА* (под копирку) – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 2; *Кор2 Земли*. Л. 46–46 об.; печ. текст – *НР СУ*. Л. 44, "30 декабря 1913" (дата – автограф).

Впервые: *Эпоха*. М., 1918. Кн. 1. С. 15, вместе со стих. "Когда невзначай в воскресенье..." и "Поглядите, вот бессильный..." под общим загл. «Из "Жизни моего приятеля"».

Публикации: *СУ*. С. 40, "30 декабря 1913"; *Ш3*. С. 55–56.

См. коммент. к стих. "Поглядите, вот бессильный..."

В *НР СУ* на л. 44 – печ. текст, соответствующий публикации в *СУ*, на л. 60 – *БА* (карандаш.) Под текстом – перечеркнутая карандашная помета: "Эпоха". *БА РГАЛИ* представляет собой второй экземпляр *БА НР СУ*, написанный под копировальную бумагу. Над текстом синим карандашом написано и зачеркнуто: "Taedium" (скупа (лат.). – *Ред.*).

В *Т8*, публикациях в кн. "Эпоха" и *СУ* в ст. 6 кавычки вместо курсива.

Окончательный текст – *Эпоха*.

Имея в виду стих. "Всё свершилось по писаньям...", "Когда невзначай в воскресенье..." и "Пристал ко мне нищий дурак...", С. Бобров в своей резко отрицательной рецензии на "Седое утро" писал: «...вот какая-то негоднейшая и совершенно неусвояемая смесь из Гейне, Апухтина, Жадовской и какого-то близкого родственника Макара Девушкина (героя романа Достоевского "Бедные люди". – *Ред.*)» (Печать и революция. 1921. № 1. С. 146).

...*Остудился юный пыл, // И конец очарованьям // Постепенно наступил.* – Ср. запись Блока от 28 июля 1914 г.: "Жизнь моя есть ряд крушений многих надежд" (*ЗК*. С. 235).

...Утешался мукой ада... – Ср. обращение к Музе в первом стих. цикла: "Для меня ты – мученье и ад" ("К Музе", 1912). Ср. также в "Цыганской венгерке" А. Григорьева:

Неужель я виноват
Тем, что из-за взгляда
Твоего я был бы рад
Вынести муки ада?

...Пробудился: тридцать лет. ~ Смерть души своей печальной. – Возможно, здесь отразился один из основных мотивов пьесы Г. Ибсена "Когда мы, мертвые, проснемся...". Ср. слова Ирены в финале 2-го действия: "Что окончательно потеряно и непоправимо, мы видим лишь тогда (...) когда мы, мертвые, пробуждаемся" (пер. Л. Полонского).

4. "КОГДА НЕВЗНАЧАЙ В ВОСКРЕСЕНЬЕ..."

(С. 30)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1–2, "30 декабря"; *БА–Т8*. Л. 41 об., "30 XII 1913 – 12 II 1914"; *АС – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1, рукой А.А. Кублицкой-Пиотух; *БА* (под копиру) – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 3; *Кор₂ Земли*. Л. 46 об.–47; *БА – НР СУ*. Л. 62; печ. текст – *НР СУ*. Л. 45, "30 декабря 1913" (дата – автограф).

Впервые: Эпоха. М., 1918. Кн. 1. С. 14, вместе со стихотворениями "Поглядите, вот бессильный..." и "Всё свершилось по писаньям..." под общим загл. «Из "Жизни моего друга"».

Публикации: *СУ*. С. 41, "30 декабря 1913"; *Ш3*. С. 56–57.

См. коммент. к стих. "Поглядите, вот бессильный..."

В *НР СУ* (Л. 45) зачеркнуто заглавие «"Из "Жизни моего друга"» и поставлена цифра "3".

В *БА НР СУ* (Л. 62) – помета над текстом "4". Под текстом – перечеркнутая карандашная помета: "Эпоха". *БА РГАЛИ* – второй экземпляр, написанный под копировальную бумагу, *БА НР СУ*. Под текстом та же перечеркнутая помета, над текстом написана и зачеркнута цифра "2".

Окончательный текст – *Эпоха*.

Отзыв С. Боброва в рецензии на "Седое утро" см. в коммент. к стих. "Всё свершилось по писаньям..."

...Он душу свою потерял... – Реминисценция из шуточной "Эпитафии" (1892) Вл. Соловьева: "Он душу потерял" (отмечено З.Г. Минци).

5. "ПРИСТАЛ КО МНЕ НИЩИЙ ДУРАК..."

(С. 31)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 30, "30 дек(абря)"; *БА–Т8*. Л. 24 об., "30 XII 1913 – 3 I 1914"; *БА – Изборник*. Л. 348; *БА* (экземпляр, написанный под копировальную бумагу) – *ГЛМ*. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 366, подпись чернилами: "Александр Блок"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 4, "1913"; *Кор₂ Земли*. Л. 47–47 об.; печ. текст – *НР СУ*. Л. 47, "30 декабря 1913" (дата – автограф).

Впервые: ГЖ. 1915. № 16. 15 апр. С. 13.

Публикации: Вестник Воронежского округа путей сообщения (ВВОПС). 1919. № 10. С. 11; СУ. С. 42, "30 декабря 1913"; IIIз. С. 57–58.

См. коммент. к стих. "Поглядите, вот бессильный...". ЧА записан чернилами, правка синим (ст. 1 и 4) и простым (ст. 2, 6–8, 12–15) карандашами.

Окончательный текст – ВВОПС.

По предположению Д.Е. Максимова, "одной из отдаленных моделей этого (...) стихотворения служат известные Блоку по университетскому курсу песни и повесть о Горе-Злочастии, в которых злая кабацкая судьба, требующая покорности и подчинения, персонифицирована в гротескной фигуре серого оборотня, представляющего своего рода старорусский народный вариант двойника" (Максимов. I. С. 152). Сохранился блоковский экземпляр "Повести о горе и злочастии..." (М., 1914) с его пометами (см.: ББО-2. С. 196). Ситуация встречи с нищим двойником сходна с аналогичной у Г. Гейне в его лирическом цикле «К "Книге Лазаря"»; ср.: "Вдруг личность моя // Представляется мне же двойною, // С двойником мы сидим нераздельно... (...) Как он бледен, бедняк! Как он жалок и слаб! (...) Этот странный двойник уверяет меня, // Будто с ним составляем мы оба // Одного..." (Гейне Г. Собр. соч. СПб., 1900. Т. 7. С. 239–240 / Пер. П.И. Вейнберга).

Гляжу – близь меня никого... – Ср. сходный мотив в стих. "Двойник": "Вдруг – он улыбнулся нахально, – // И нет близ меня никого...". О сюжетно-тематической близости стихотворения к "Двойнику" см.: Максимов I. С. 154, 156.

6. "ДЕНЬ ПРОХОДИЛ, КАК ВСЕГДА..."

(С. 31)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₂₈. Л. 11–11 об., "27 августа" (Л. 10 об.); ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 1–7, "20.III.1914" (Л. 1), "27 авг(уста) 1909. Шахм(атово)" (Л. 6), "24 мая 1914" (Л. 7); БАП – Т₈. Л. 68 об.–70, "(27 VIII 1909) – 24 V 1914"; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44а. Л. 24, 25, 26; Кор₁ Земли. Л. 27–28; Кор₂ Земли. Л. 47 об.–48 об.; печ. текст – НР СУ. Л. 73–74, "24 мая 1914" (дата – автограф).

Впервые: Стрелец. Пг., 1915. Сб. 1. С. 54–56, под загл. «Из "Жизни моего приятеля"».

Публикации: СУ. С. 58–60, "24 мая 1914"; IIIз. С. 58–60.

ЧН в ЗК₂₈ (Л. 11–11 об.) следует за ЧА стих. "Чем больше хочешь отдохнуть..." (Л. 10 об.–11), помеченного на л. 10 об. датой "27 августа". С текстом этого стихотворения перекликаются 2 строки ЧН (Л. 11). Поэтому, предположительно, дата на л. 10 об. относится и к ЧН ЗК₂₈, что подтверждается и датой на л. 6 ЧА ИРЛИ. ЧА ИРЛИ состоит из семи отдельных листов, различных по качеству бумаги. На отдельном л. 6 находится написанный чернилами набросок 2-й строфы, датированный "27 авг(уста) 1909. Шахм(атово)" и близкий к наброску в ЗК₂₈ (Л. 11 об.). На л. 1–4 ЧА ИРЛИ находится написанный чернилами набросок 1-й строфы, датированный "20.III.1914" и выдержанный в гекзаметре. Первоначально оба наброска были написаны от первого лица. Листы 1–4, 6 были сложены вместе, что подтверждается нумерацией красным карандашом в левом верхнем углу римскими цифрами "I–V". Ве-

роятно, 24 мая 1914 г. Блок, переработав, объединил оба наброска в единое стихотворение. Правка и переработка *ЧА ИРЛИ* производилась карандашом и чернилами. В результате переработки сложилась первоначальная редакция.

В *T₈* представлена переработка первоначальной редакции (*T₈*-<1915?>), которая связана с подготовкой первой публикации в сб. "Стрелец" 1915 года: текст был сокращен, первое лицо заменено третьим, ряд стихов приведен к основному тексту. В первой публикации между ст. 7 и 8 имеются четыре строки, близкие к ст. (8–11) *БА – T₈* (*T₈*-<1915?>), и заглавие «Из "Жизни моего приятеля"». К тексту первой публикации близок *БА РГАЛИ*, имеющий такие же четыре строки между ст. 7–8 и помету Блока синим карандашом: «"Стрелец", сборник (февраль 1915)». Это позволяет датировать *БА РГАЛИ* не ранее 1915 г.

Ст. 57–60 (88–91) выделены курсивом во всех автографах и публикациях. Окончательный текст – *СУ*.

19 декабря 1914 г. Блок послал стихотворение А.Э. Беленсону для сб. футуристов "Стрелец", где оно и было впервые опубликовано (см.: *ЗК*. С. 251).

Ал. Ожигов [Н. Ашешов] в рецензии на сб. "Стрелец" отметил, что хотя Блок и "немного отравился футуризмом", но "сохранил ясность сознания": «И этот свидетель рисует нам футуризм в близких его соприкосновениях с сумасшествием... (...) Футуристы – здоровеннейший народ, и вряд ли есть им, с чего с ума сойти. (...) Психически больной всегда кажется таким, что он – вне мира сего. Это превосходная позиция, с которой не собьешь и здорового человека, когда он притворяется, что он вне мира сего. А футуристы притворяются, что они вне всяких норм и правил, что они создатели будущего, и все, чем выявляется настоящее, – для них мертвечина, через которую можно только брезгливо перешагнуть. Потому-то "не лучше ль, чтобы и новый день проходил, как всегда, в сумасшествии тихом?"» (Современный мир. 1915. № 3. С. 168. 2-я паг.).

Н.С. [Н. Суханов] в рецензии на этот же сборник противопоставил стихотворение произведениям футуристов: «Что можно найти футуристического в таких, например, произведениях, как (...) стихи А. Блока "Из жизни моего приятеля"...» (Современник. 1915. № 5. С. 287).

В. Ховин в рец. "Безответные вопросы" на сб. "Стрелец" писал: «...совсем неожиданно становится значительным и символичным стихотворение Блока, в котором так мало блоковского; но зато: какая необычная для этого поэта улыбка на губах его, улыбка хихикающего безверия, сколько плоских натуралистических вывихов, сколько трагической, но "улыбчато" переживаемой душевной пустоты» (Очарованный странник. 1915. Вып. 7. С. 11).

П. З-в назвал стихотворение "подлинным украшением сборника", отметив "пленительную задумчивую легкость свободного и простого стиха" (Эпоха. 1915. № 12. С. 17).

В стихотворении отразились некоторые реальные факты и события жизни Блока, относящиеся, по всей вероятности, к февралю–марту 1914 г.; они составляют своеобразную "хронику".

Все говорили кругом // О болезнях, врачах и лекарствах. – Ср. в письме Блока к А. Ахматовой от 26 марта 1914 г. о матери: "А в доме у нее – болезнь, и вообще тяжело..."

...Другой – о Христе... – Чаще всего на темы Христа Блок говорил со своим другом Е.П. Ивановым. Ср., например, запись Блока от 22 февраля 1914 г.: "Вечером придет Женя (Е.П. Иванов. – *Ред.*). Измучил даже физически своими Христами" (*ЗК*. С. 209).

...(Из Надсона и символистов). – Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) – русский поэт, пользовавшийся широкой популярностью в 80–90-е годы.

Критик, громя футуризм, // Символистом шпынял, // Заключив реализмом. – Возможно, имеется в виду Р.В. Иванов-Разумник. 28 февраля 1914 г. Блок записал: "Телефон к Раз(умнику) Вас(ильевичу) Иванову (пишет о символизме и реализме)" (ЗК. С. 210). Ср. в статье-обзоре Р.В. Иванова-Разумника "Русская литература в 1913 году": «Конечно, новое новому – рознь, и за старые наши "реализм" и "символизм" я охотно отдам десять самых новейших "акмеизмов" и "футуризов" минувшего года» (Заветы. 1914. № 1. С. 99, 2-я pag.).

В кинематографе вечером ~ Ее до себя возвышая... – Кинематограф в это время занимал значительное место в жизни Блока. Зимой и весной 1914 г. поэт особенно часто (несколько раз в неделю) посещал его (см. об этом в статье Н. Зоркой "Кинематограф в жизни Александра Блока". – В кн.: Из истории кино. Материалы и документы. Вып. 9. М., 1974. С. 124–126). Ср. запись, сделанную Блоком 19 марта 1914 г. (то есть накануне непосредственной работы над стихотворением): "И вечером после кинематографа у мамы (с тетей) усталый..." (ЗК. С. 217). Впечатления от кинематографа не случайно оказываются в ряду прозаических, будничных событий, "мимолетных мелочей"; Блок порой воспринимал его как способ освобождения от суетных дневных забот. Ср. высказывание, относящееся к 1908 г.: "Кинематограф – забвение, искусство – напоминание" (ЗК. С. 104).

Он с вечера крепко уснул // И проснулся в другой стране. <...> И в снах этих многое снится... – Противопоставление мира житейских "снов" романтическим снам "иным" восходит к Вл. Соловьеву; ср.: "И тяжкий сон житейского сознания // Ты отряхнешь..." ("Зачем слова? В безбрежности лазурной...", 1892). Ср. также в стих. "Там сумерки невнятно трепегали...": "Здесь, на земле, – как сон...", "Отброшу сны, увижу наяву..." (т. 1 наст. изд.).

Ни холод утра... – Ср. в стих. Д.С. Мережковского "Дети ночи" (1894): "Петуха ночное пенье, // Холод утра; это – мы..."

...*Ни манифест футуриста...* – В 1913–1914 гг. футуристы (Д. Бурлюк, В. Хлебников, Б. Лившиц, В. Маяковский и др.) особенно активно заявили о себе, выступив с манифестами и сборниками. В. Брюсов в статье "Год русской поэзии (Апрель 1913 – апрель 1914 г.)" писал: "Минувший год в русской поэзии останется памятен всего более спорами о футуризме. <...> Над футуристами смеялись, их всячески бранили, но все же их читали, слушали, смотрели в театрах..." (РМ. 1914. № 5. С. 25).

Буйно забьются в мозгу // Слишком светлые мысли... – Ср. в стих. "Опять с вековой тоскою..." (1908): "Вздыхаются светлые мысли // В растерзанном сердце моем".

Другие редакции и варианты

Хлебников и Маяковский ~ Не мог их продать без улыбки. (ЧА ИРЛИ, Т₈, БА РГАЛИ, Стрелец). – Вольф – книжный магазин М.О. Вольфа.

В. Ховин по поводу этой строфы иронически писал в статье "Безответные вопросы": "Однако не продолжает ли и теперь улыбаться вольфовский прикащик и не думает ли он свою отменно гостинодворскую думу, о ходком товаре: кто же – этот ходкий товар? – именитый ли символизм или кубисты? – Кто кому подсобит?" (С. 11). Аполлон Зоркий в рецензии на сб. "Стрелец" "вписал" это четверостишие в контекст поэзии футуристов: "И, действительно, получился недурный ансамбль.

Хозяин Д. Бурлюк восклицает:

Мне нравится беременный мужчина
Как он хорош у памятника Пушкина
Одетый в серую тужурку
Ковыряя пальцем штукатурку
Не знает мальчик или девочка
Выйдет из знатного семячка!.. и т. д.

А гость Александр Блок подпевает:

Хлебников и Маяковский
Набавили цену на книги
Так, что приказчик у Вольфа
Не мог их продать без улыбки...

Разница только та, что Бурлюк обходится совершенно без знаков препинания, а Блок ставит точки и запятыя там, где они кажутся ему необходимыми" (Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. 1915. № 4. Стб. 88–89).

Я был бездыханен, // Жил только там. (ЧА ИРЛИ, Т₈) – "Там" – мистическое понятие для обозначения "иных миров", противопоставленное у поэтов-романтиков и символистов понятию "здесь", обозначающему обыденную реальность. Ср., например, в стих. Жуковского "Путешественник" (1809): "Там не будет вечно здесь" См. об этом в примеч. к стих. "Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных..." (т. 1 наст. изд.). Ср. также у Андрея Белого:

Уйдешь – уснешь. Не здесь, а – там.
Забудешь мир. Но будет он.
И там, как здесь, отдайся снам;
Ты в повтореньях отражен.

7. ГОВОРЯТ ЧЕРТИ:

("Греши, пока тебя волнуют...")

(С. 33)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН–ЗК₄₅. Л. 15 об.; ЧА–ЗК₄₇.Л. 6, ("Черти говорят"), "9 XII"; БА–Т₉. Л. 4 ("Говорят черти:"), "18 X – 9 – 10 XII 1915."; АС – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 2 ("Говорят черти:"); текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, "1916" (дата – автограф), подпись: "Александр Блок"; Кор₁ Земли. Л. 29; Кор₂ Земли. Л. 49; печ. текст – НР СУ. Л. 104–105, " 10 декабря 1915" (дата – автограф).

Впервые: Вестник Воронежского округа путей сообщения (ВВОПС). 1919. № 6/7 (15–16), март. С. 6, вместе со стих. "Говорит СМЕРТЬ", без деления на строфы.

Публикации: СУ. С. 83–84, " 10 декабря 1915"; III₃. С. 61.

ЧН в ЗК₄₅ следует за ЧА стих. "Говорит СМЕРТЬ:". Под ЧН помета Блока: "Какая гадость, отчего этот день такой серый – 18 октября.", где дата совпадает с датировкой ЧА стих. "Говорит СМЕРТЬ".

В АС РГАЛИ записано после стих. "Говорит СМЕРТЬ:". Там же помета: "(не напечатано)". Во всех публикациях печаталось вместе со стих. "Говорит СМЕРТЬ:". Окончательный текст – СУ.

... Тебя подхватим, чтоб пятою // О камень не преткнулся ты. – Парафраз евангельского выражения: "да не преткнешься о камень ногою Твоею" (Лк. IV. 11). Ср.

также в письме Блока к Л.Д. Менделеевой от (27 декабря 1902 г.): «Ложное не выдержит никакого искушения: у него нет сопротивления, оно "мишурно", эластично, поддельно. И никогда "свергнувшегося вниз" с ложной верхинки не понесут Ангелы и не поддержат "крылами своими". Он "преткнется о камень". (...) А камень, о который он преткнется, будет мировая, громадная, серая "скука", которая всех поджидает внизу, и стоит потушить огонь, чтобы остаться в потемках, сбиться с дороги и погрузиться в неизвестность и безысходность не жизненного, а житейского процесса».

8. ГОВОРИТ СМЕРТЬ:
("Когда осилила тревога...")

(С. 33)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₄₅*, Л. 14. об.–15, ("Смерть говорит:"), "18 X"; *БА – Т₉*, Л. 3, ("Говорит смерть:"), "18 X–10 XII 1915"; *АС – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 1, текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, "1916" (дата-автограф), подпись: "Александр Блок"; *Кор₁ Земли*, Л. 29–30; *Кор₂ Земли*, Л. 49 об.; печ. текст – *НР СУ*, Л. 106, 107, "10 декабря 1915" (дата-автограф).

Впервые: Вестник Воронежского округа путей сообщения (*ВВОПС*), 1919. № 6/7 (15–16), март. С. 6, вместе со стих. "Говорят ЧЕРТИ:".

Публикации: *СУ*, С. 85–86, "10 декабря 1915"; *Шз*, С. 62.

В *ЧА ЗК₄₅* ст. 18 взят в скобки. За *ЧА ЗК₄₅* следует набросок ст. 1–4 стих. "Говорят ЧЕРТИ:" В дальнейшем в автографах и публикациях эти стихотворения помещались вместе. Об *АС РГАЛИ* см. коммент. к предыдущему стихотворению. Окончательный текст – *СУ*.

В. Жирмунский в статье "Поэзия Александра Блока" отнес стихотворение к "покаянным" автобиографическим произведениям последнего периода, в которых поэт судит "свое прошлое и настоящее" (*Об А. Блоке*, С. 68).

...*Он разучился славить Бога // И песни грешные запел. (...) Жар юности простыл...* – Ср. об этом мотиве "разуверения" в статье Ю. Айхенвальда "Поэзия Блока": "В душе, прежде богомольной, начинает гнездиться кощунство и богоборчество" (В кн.: Слово о культуре. М., 1918. С. 54). Ср. также сходный мотив в стих. "Всё свершилось по писаньям..." (1913): "Остудился юный пыл...".

Он больше ни во что не верит ~ Отыскивает вяло путь. – Ср. в первом стих. цикла "Весь день, как день; трудов исполнен малых..." (1914): "На дне твоей души, безрадостной и черной, // Безверие и грусть". Это, как пишет З.Г. Минц, «последняя фаза существования в "страшном мире" – прижизненная смерть, бесстрастное ожидание полного уничтожения» (*Минц*, 4. С. 64).

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

Цикл "Черная кровь" впервые появился в журн. "Голос жизни" (1914. № 1). В его состав вошли семь стихотворений: "Даже имя твое мне презренно...", "Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...", "Вновь у себя... Унижен, зол и рад...", "Испугом схвачена, влекома...", "Ночь – как века, и томный трепет...", "Я ее победил, наконец...", "Над лучшим созданием божьим...". Таким образом, в цикл не вошли два стихотворения из его окончательного состава: "Вполоборота ты встала ко мне..." и "О, нет!"

Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...". Вероятно, рукописью для публикации в ГЖ был беловой автограф ИРЛИ (Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 1–7), совпадающий с ней по составу и вариантам семи стихотворений, объединенных общим заглавием "Черная кровь". В "лирическую трилогию" цикл был включен во втором издании третьего тома; в этом издании его составили всего пять текстов: "Даже имя твое мне презренно...", "Испугом схвачена, влекома...", "Ночь – как века, и томный трепет...", "Вполоборота ты встала ко мне...", "Над лучшим созданием божьим...". Окончательно цикл сформировался в третьем издании тома в 1918 г. (III₃). К восьми стихотворениям, которые ранее (в разных изданиях) входили в состав цикла, Блок прибавил еще одно: "О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...".

Впервые образ "черной крови" в близком смысловом контексте возник у Блока еще в раннем стих. "Безмолвный призрак в терему..." (1902): "Я – черный раб проклятой крови" (т. 1 наст. изд.). Непосредственно образ-метафора "черная кровь" впервые появляется осенью 1911 г., когда Блок работал над поэмой "Возмездие"; ср.: "И черная, земная кровь..." (т. 5, 1 глава, наст. изд.). Позднее это выражение возникает в дневниковой записи от 25 марта 1913 г. в связи с одной из знакомых Блоку драматических актрис: "Фетисова, как всегда, пленяющая (черная кровь)". Метафора присутствует и непосредственно в самом цикле, в его первом стихотворении – "Вполоборота ты встала ко мне..." (2 янв. 1914 г.): "Нет! Не смирит эту черную кровь // Даже – свидание, даже – любовь!".

На языке Блока "черная кровь" – это нечто противоположное "желтой крови", являющейся синонимом пошлости, безволия, всего того, что исключает "борьбу и страсть"; ср. записи в дневнике от 14 и 21 ноября 1911 г. Образ "черной крови" связан с мотивами земной любви-страсти, темной чувственной стихии, разгула потаенных "играющих сил". А. Белый, касаясь реальной жизненной подоплеки "Страшного мира", так писал об этом: «И вместе со страстью звучит тема к р о в и, новая для А.А. (...) С т р а с т ь и к р о в ь господствуют в мире: впечатление жути рождается от созерцания этого мира; он – "страшный мир"» (*Белый*, 4. С. 97); "З о р и обертывались в Блоке к р о в ь ю; з о р и для него оказались взвешанно под небо землю" (*Там же*. С. 100). «Любовь-страсть людей "страшного мира" (в основном – мира Города), – отмечает З.Г. Минц, – чувство дисгармоническое, разорванное. "Низкая страсть" отрицает все духовное. Любовь-единение превращена в губящую, убивающую страсть. Из чувства, максимально выявляющего человеческое в человеке, она становится отрицанием человека, его смертью и убийством» (*Минц*, 4. С. 59–60; обстоятельный анализ цикла см.: *Там же*. С. 82–97).

Тема эта, безусловно, воспринималась Блоком как "демоническая". «Демон Блока, – подчеркивает, например, А. Горелов, – это декадентский дух "страшного мира" ... (...) Ведь и вампиризм "Черной крови" связан с декадентством (прежде всего имеется в виду стих. "Я ее победил, наконец...". – *Ред.*) (...) Демонизм "страшного мира" – проклятие, отрицание гармонии бытия. Стихия любовной страсти изуродована демонизмом времени и в этом надругательстве над истинно человеческим – обреченность демонизма» (*Горелов Анаст.* Гроза над соловьиным садом. Л., 1973. С. 356).

Ю. Айхенвальд использовал образы стихотворений цикла для характеристики лирического героя периода "третьего тома": "Знатный рыцарь в голубом плаще и с мечом, лирический принц, по духу своему аристократ голубой крови, он не ограбил себя и от крови черной" (*Айхенвальд Ю.* Поэзия Блока // Слово о культуре. С. 51).

В. Жирмунский в статье "Поэзия Александра Блока" писал, что для цикла "Черная кровь" характерны мотивы "душевного унижения, греха и падения" (*Об А. Блоке*. С. 86).

1. "ВПОЛОБОРОТА ТЫ ВСТАЛА КО МНЕ..."

(С. 34)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1, 2, 3, 4, 3 об., "2 янв(аря)" (Л. 4); *БАП – Т₈*. Л. 22–22 об., "XII 1913 – 2 I 1914". (ст. (15–18) опубл.: *Звезда-1936*. С. 273); *Кор₂ Земли*. Л. 50.

Впервые: *СЗ*. 1914. № 3. С. 6, в подборке под загл. "Три стихотворения".

Публикации: *III₂*. С. 33; *III₃*. С. 63.

ЧА ИРЛИ состоит из набросков (Л. 1, 2, 3) и вариантов (Л. 4), записанных чернилами. Первоначально ст. 1–2 следовали после ст. 3–4, ст. 7–8 – после ст. 11–12. Порядок их следования изменен при правке (см. раздел. "Другие редакции и варианты"). Вар. *а* ст. (15–18) записан поперек л. 4, вар. *б* – поперек л. 3 об. Дата в *ЧА ИРЛИ* (карандашом) фиксирует окончательную правку текста. Первой датой в *Т₈*, вероятно, отмечено начало работы над текстом. *БА* в *Т₈* подвергся переработке: исключены ст. 3–4, 11–12, (15–18), подчеркнуто слово "дышет" в ст. 6. Очевидно, Блок намеревался также исключить ст. 5–6, которые он начал перечеркивать. Переработка отражена в публикации в *III₂*, что позволяет датировать ее 1916 г. В *Кор₁ Земли* ст. 3–4, 11–12 восстановлены.

Окончательный текст – *III₃*.

Ю. Айхенвальд, анализируя стихотворения цикла, писал о том, что "черная кровь" оказалась не только в "презренной женщине", но и в самом поэте-рыцаре: «одинаково в обоих "нет, не смирит эту черную кровь даже свидание, даже – любовь!"» (*Айхенвальд Ю.* Поэзия Блока. С. 51).

2. "Я ГЛЯЖУ НА ТЕБЯ. КАЖДЫЙ ДЕМОН ВО МНЕ..."

(С. 34)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₇*. Л. 24, 23 об., *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 69, "Осень 1909"; *БА – Т₈*. Л. 55 об., "Осень 1909 – 22 III 1914"; *БА – ИРЛИ*. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 2; *Кор₂ Земли*. Л. 50 об.; печ. текст – *НР СУ*. Л. 69–70, "22 марта 1914" (дата – автограф).

Впервые: *ГЖ*. 1914. № 1. С. 6, в цикле из семи стихотворений под загл. "Черная кровь".

Публикации: *СУ*. С. 56, "22 марта 1914"; *III₃*. С. 64.

ЧН ЗК₂₇ состоит из первоначальных вариантов ст. 7–8 (Л. 24) и вариантов ст. 1–3 (Л. 23 об.). Вслед за *ЧН ЗК₂₇* (Л. 23) идет набросок 3-й строфы стих. "В эти желтые дни меж домами" (см. раздел "Другие редакции и варианты"). В *Т₈* указано на перестановку ст. 3–4, внесен лексический вариант. В *БА ИРЛИ* над текстом синим карандашом цифра "2". Однако это исправление в публикациях не отражено. В *НР СУ* карандашом отмечено деление на строфы.

Окончательный текст – *ГЖ*.

В экземпляре сб. "Седое утро", принадлежавшем Л.А. Дельмас, ее рукой сделана помета: "Л.Д.?". Как пишет в своей книге А. Горелов, «скрупулезно отметив стихи, обращенные к ней, Любовь Александровна это "демоническое" стихотворение переадресовала жене поэта – Любове Дмитриевне. Возможно, что "Л.А.Д." права, (...) хотя настораживает тот факт, что оно все же соседствует со стихами, обращенными

именно к "Л.А.Д."» (*Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. С. 595). Р.В. Иванов-Разумник, специально занимавшийся этим вопросом, пришел к выводу, что «написанное в разгар творчества "Кармен", стихотворение это явно относится к Л.А. Дельмас» (из письма Р.В. Иванова-Разумника Е.П. Иванову от 2 декабря 1940 г.; опубли.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 4. С. 650).

В день написания стихотворения Л.А. Дельмас была в Театре музыкальной драмы на представлении "Парсифаля". Она впоследствии вспоминала: «Там встретила дирижера Малько, который вдруг схватил меня за руки и с восторгом сказал: "А вы знаете, что в вас влюблен известный поэт Александр Блок, он сейчас в театре, хотите – я вас с ним познакомлю...". Я не из робких была, но почему-то смутилась, замахала руками и убежала, вскрикнув: "Не хочу, не хочу!"» (*Аврора.* 1971. № 1. С. 67). Подробнее об актрисе Л.А. Дельмас и ее роли в судьбе Блока см. во вступительной заметке к циклу "Кармен".

Каждый демон в тебе сторожит... – Ср. запись Блока после встречи с Л.А. Дельмас 2 марта 1914 г.: "Так как она – женщина, в ней бездны, которые чувствуют меня" (*ЗК.* С. 213).

Нет! Глаза отворотить, и не сметь, и не сметь // В эту страшную пропасть глядеть! – Ср. впечатления Блока от встречи с Л.А. Дельмас в театре 22 марта: «Вечером иду, волнуясь, в "Парсифаля" (...) Я дома – в восторге. Я боюсь знакомиться с ней. Но так не кончится, еще что-то будет» (*ЗК.* С. 219–220).

3. "ДАЖЕ ИМЯ ТВОЕ МНЕ ПРЕЗРЕННО..."

(С. 35)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 40 (ст. (5–8) опубли.: *Звезда-1936.* С. 274. С контаминацией слов); *БА – Т₈.* Л. 26 об., "29–30 янв(аря) 1914"; *БА – ИРЛИ.* Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 1; *БА – РГАЛИ.* Ф. 55, Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1, "1914, 29–30 янв(аря)" (над текстом); *Кор₁ Земли.* Л. 31; *Кор₂ Земли.* Л. 50 об.

Впервые: *ГЖ.* 1914. № 1. С. 6, первое в цикле из семи стихотворений под заглавием "Черная кровь".

Публикации: *III₂.* С. 34 и *III₃.* С. 64.

В *ЧА ИРЛИ* отражены два этапа создания стихотворения. Сначала чернилами был написан набросок ст. (1–10). В результате переработки ЧН ст. (1–4) приближены к основному тексту, ст. (5–8) переработаны, затем зачеркнуты, дописаны ст. 5–8 основного текста. Двойная дата в *Т₈* фиксирует время создания наброска (29 января) и время его переработки. В *БА ИРЛИ* над текстом общий заголовок цикла "Черная кровь", цифра "1" и надпись рукой неустановленного лица "А. Блок", против ст. 6 рукой Блока на полях запись "тонкие" и знак вопроса.

Окончательный текст – *ГЖ.*

В. Жирмунский привел первую строфу стихотворения в подкрепление своей мысли о том, что в самом падении поэт ощущает "мистически страстные восторги, дающие болезненное опьянение бесконечным" (*Об А. Блоке.* С. 86).

О реальных настроениях "женоненавистничества", отразившихся в данном стихотворении, а также в стих. "Над лучшим созданием божьим...", Блок писал 13 января 1912 г. в дневнике: "Женоненавистничество бывает у меня периодически..."

...Но, когда ты сощуришь глаза... (...) И, как кошка, ощерись ты... – Ср. сходный образ в наброске стих. "Хрустальный твой бокал – и буря..." (1909): "И вся дрожь, глаза сощура, // Ты, соплеменница пантер".

...Слышу, воеет поток многопенный... – Один из возможных источников образа – "символическая поэма" Ф. Ницше "Так говорил Заратустра": "Поверхность – это чувство женщины, она – подвижная, беспокойная волна на мелкой воде. Напротив, чувство мужчины глубоко, его бурный поток шумит в подземных пещерах..." (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1900. С. 124–125).

Другие редакции и варианты

О, проклятие темной богине, // Что такую тебя создала: // Создала это пение линий... (ЧА ИРЛИ). – Ср. в стих. "Сердитый взор бесцветных глаз..." (1914) из цикла "Кармен": "Всех линий – таянье и пень..."

4. "О, НЕТ! Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБ ПАЛИ МЫ С ТОВОЙ..."

(С. 35)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₇. Л. 72 об., ("Сонет"), "Осень 1911 – февр(аль) 1912"; Кор₂ Земли. Л. 51; печ. текст – НР СУ. Л. 32–33, "февраль 1912" (дата – автограф).

Впервые: Новая студия. 1912. № 1, дек. С. 5 ("Сонет").

Публикации: СУ. С. 31, "февраль 1912"; III₃. С. 65.

В Кор₂ Земли в ст. 11 опечатка "ад" исправлена на "яд".

Окончательный текст – СУ.

В. Жирмунский, целиком процитировав стихотворение, писал о том, что «падение и грех вскрываются поэту с полной ясностью в своем страшном религиозном смысле, как "глубины сатанинские": «Страсть становится мукой, унижением, из которого душа поэта ищет спасения "на синий берег рая", но которое снова увлекает в свою бездну – уже против воли» (Об А. Блоке. С. 85).

Н.Н. Скворцова полагала, что стихотворение относится к ней, о чем она писала Блоку в не дошедшем до нас письме в 1920 г. В ответном (непосланном) письме от 24 янв. 1921 г. Блок отрицал это предположение: «Что касается "ада скуки", то Вы напрасно думаете, что это к Вам относится. Насколько я помню, к Вам в этих книжках ничего не относится».

...Когда – ни расплести сцепившиеся руки, ~ Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!)... – Ср. в прозаическом отрывке, написанном Блоком в ноябре 1911 г.: "Неведомо от чего отдыхая, в тебе поет едва слышно кровь... (...) И во мне кровь молодеет ответно, так что наши пальцы тянутся друг к другу и с неизъяснимой нежностью сплетаются помимо нашей воли. (...) Скоро ветер рук моих, обжигаясь о тебя и становясь горячим, снимает тебя сверху, и наши губы уже могут встретиться, потому что ты наравне со мной. Тогда в ушах моих начинается свист и звон виол..." (СС-87. С. 86).

...Ни слушать скрипок вой ... – Ср. у А.Н. Апухтина: "Я видел блеск свечей, я слышал скрипок вой..." ("19 октября 1858 года"). Ср. также в стих. Блока "Вячеславу Иванову" (1912): "Был скрипок вой в разгаре бала".

...на синий берег рая... – О происхождении этого "культурного символа" см.: Миц, 4. С. 24.

... *Что твой змеиный рай – бездонной скуки ад.* – О генезисе и смысловых значениях образа "возлюбленной-змеи" в поэзии Блока см.: *Грыкалова Н.Ю.* О фольклорных истоках поэтической образности Блока. // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 58–66.

5. "ВНОВЬ У СЕБЯ... УНИЖЕН, ЗОЛ И РАД..."

(С. 35)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 39, "1913" (над текстом), X–XII янв(арь) 1914"; *БА – Т₈*. Л. 26, "X 1913 – 29 I 1914"; *БА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 3; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 6, "1913 X – 1914 I"; *Кор₁ Земли*. Л. 31–32; *Кор₂ Земли*. Л. 51 об.; печ. текст – *НР СУ*. Л. 50–51, "29 января 1914" (дата – автограф).

Впервые: *ГЖ*. 1914. № 1. С. 6, в цикле из семи стихотворений под загл. "Черная кровь".

Публикации: *СУ*. С. 44, "29 января 1914"; *ШЗ*. С. 66.

В основе *ЧА ИРЛИ* – набросок чернилами. В дальнейшем *ЧН* правился карандашом, которым записан и текст *ЧА ИРЛИ*. Первоначальная дата в *ЧА ИРЛИ* – "1913" – чернилами, затем – карандашом "X–XII"; дата, фиксирующая завершение работы ("январь 1914"), приписана чернилами.

В *БА РГАЛИ* и в *Т₈* слово "никогда" в ст. 11 взято в кавычки.

В *БА ИРЛИ* над текстом порядковый номер стихотворения в цикле "5" зачеркнут и исправлен на цифру "3". В *Кор₁ Земли* зачеркнут знак в ст. 12, который приведен к основному тексту. В *ГЖ* в ст. 4 – непропечатка знака.

Окончательный текст – *ГЖ*.

С. Бобров в рецензии на сб. "Седое утро", процитировав ст. 9–10, так охарактеризовал их содержание: "слово-бряцание и бумажные драконы" (Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 147).

Вновь у себя... Унижен, зол и рад... – Ср. с началом другого стих., вошедшего в цикл "Пляски смерти": "Вновь богатый зол и рад..." (стихотворения, вероятно, восходят к одному первоначальному замыслу; см. наброски в разделе "Другие редакции и варианты").

Вон месяц, как паяц, над кровлями громад // Гримасу корчит мне... – Ср. в стих. "Вновь богатый зол и рад...": "С кровель каменных громад // Смотрит месяц бледный...". Образ "гримасничающего" месяца не раз встречается во "втором томе": "Третий – месяц наверху – // Искривил свой рот..." ("Я прогнал тебя кнутом...", 1905); "Выйдет месяц – небесный Пьеро, // Встанет красный паяц на юру..." ("Ты оденешь меня в серебро...", 1906). А. Белый так интерпретировал этот образ: "Всюду – шурий, изогнутый, перекошенный и мертвый гримасник; таков этот месяц; а то же, что под ним, то есть – чувственность" (*Белый*, 3. С. 149).

Дневное солнце – прочь, раскаяние – прочь! – Ср. в драме Р. Вагнера "Тристан и Изольда": "Наш оплот – богиня-Страсть! // Прочь свет, дневная власть" (Акт. 2. Сц. 2; пер. Вс. Чешихина).

В опустошенный мозг ворвется только ночь ... (<...>) В пустую грудь один, один проникнет взгляд... – Возможно, отзвук одного из эпизодов драмы Р. Вагнера "Тристан и Изольда"; ср. слова Тристана, вспоминающего тот миг, когда он взял в руки кубок Изольды, уверенный в том, что в нем яд: "Как только сердцем (<...>) кубка святой завет я постиг, (<...>) мне в грудь спустилась Ночь" (Акт 2. Сц. 2).

Всё отойдет навек, настанет никогда, // Когда ты крикнешь: Да! – Ср. в стих. "Покойник спать ложится..." (1909): "Настало *никогда*". Образ восходит, вероятно, к стих. Фета "Никогда" (1879), в котором рисуется лик "остывшей", погибшей земли: "Да, я помню эти муки // Предсмертные. – Да, это наяву! (...) Все понял я: земля давно остыла // И вымерла". Возможно также влияние баллады Э. По "Ворон" с ее рефреном: "Никогда".

6. "ИСПУГОМ СХВАЧЕНА, ВЛЕКОМА..."

(С. 36)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА₁ – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1, "1 сентября 1912" (над текстѳм) (ст. (1–8) опубл.: *Звезда-1936*. С. 274); *ЧА₂ – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 4–4. об., на Л. 4 помета: "Допис(ано) 2 янв(аря) 1914"; *БА – Т₈*. Л. 21, "1 IX 1912 – 2 I 1914"; *БА – ИРЛИ*, Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 4; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 5, "1912 IX – 1914 I"; *Кор₁ Земли*. Л. 32; *Кор₂ Земли*. Л. 51 об.–52

Впервые: *ГЖ*. 1914. № 1. С. 6, в цикле из семи стихотворений под загл. "Черная кровь".

Публикации: *III₂*. С. 34 и *III₃*. С. 66–67.

В *ЧА ИРЛИ* представлена первоначальная редакция стихотворения; *ЧА₁* отмечен римской цифрой "I", под цифрой "II" – набросок стих. "Ночь, как века, и томный трепет..." В *ЧА₁* под текстом помета: "потом – думал, стало противно!", слева на полях восклицательный знак и помета: " (то – давнее воспоминание)". Там же помета синим карандашом: "не переписано". Ст. 6 *ЧА₁ ИРЛИ* переключается с набросками в *ЗК₃₀* (Л. 8) к стих. "Дух пряный марта был в лунном круге..." и восходит к тексту прозаической записи от 1 марта 1910 г. в *ЗК₃₀* (Л. 6 об.–7). В *ЧА₂ ИРЛИ* набросок на Л. 4 об. и ст. 1–4 записаны карандашом, правка в ст. 3 и текст – чернилами, дата – карандашом. В *Т₈* над текстом помета синим карандашом: "1914". В *БА ИРЛИ* над текстом порядковый номер стихотворения в цикле "7" зачеркнут и исправлен на цифру "4".

Окончательный текст – *ГЖ*.

Ю. Айхенвальд в статье "Поэзия Блока", затронув тему "черной крови", так толковал содержание стихотворения: "Как не похожа на Беатриче та, которую непохожий на Данте палкой ударил!.. (намек на стих. "Над лучшим созданием Божьим..." – *Ред.*) Но когда она спит и проникает "утра первый луч звенящий сквозь желтых штор", то "чертит Бог на теле спящей свой вековой узор": как это примирительно и ласково, как это далеко от черного! и возвращаются Беатриче и Данте, и можно ли гнущаться той, на чьем теле сам Бог не брезгает чертить свои световые узоры, играть звенящими лучами своего благодатного солнца!.." (*Айхенвальд Ю.* Поэзия Блока. С. 51).

В стихотворении отразился реальный эпизод встречи с "падшими" женщинами, о котором Блок упоминает в записной книжке № 30: «И потом произошел вихрь такой, что вот на следующий день я весь дрожу (...) Запоминаю косые их взгляды – вопросительные и испуганные, – я даже их вовлекаю в то, от чего им непривычно сладко и мучительно. "Ты Бог знает до чего дойдешь", "Я тебя боюсь". (...)»

Одна из них: "Погибнешь", говорила,

"Ты до всего дойдешь". – Да будет так.

"Боюсь тебя"» (Л. 6 об.–7; запись относится к началу мар-

та 1910 г.). Завершающий полупрозаический набросок связан в рукописи с черновиками стихотворения (см. раздел "Другие редакции и варианты"). Все это подтверждается и пометой в *ЧА₁ ИРЛИ*, отсылающей к указанному эпизоду: "то – давнее воспоминание".

7. "НОЧЬ, КАК ВЕКА, И ТОМНЫЙ ТРЕПЕТ..."

(С. 36)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 2; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 3; "допис(ано) 27.XII.1913" (над текстом); *БА – Т₈*. Л. 21 об., "IX 1912 – 27 XII 1913"; *БА – ИРЛИ*. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 5; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 4, "1912 IX – 1913 XII"; печ. текст. – *Кор₁ Земли*. Л. 32; *Кор₂ Земли*. Л. 52.

Впервые: *ГЖ*. 1914. № 1. С. 6, в цикле под загл. "Черная кровь".

Публикации: *Ш₂*. С. 35; *Ш₃*. С. 67.

Стихотворение создавалось вместе со стих. "Испугом схвачена, влекома...". *ЧН ИРЛИ* записан на листе, помеченном римской цифрой "II", на предыдущем листе находится *ЧН* стих. "Испугом схвачена, влекома...".

В *ЧН ИРЛИ* представлены наброски 3-й строфы стихотворения и отдельных строк, не вошедших в основной текст. В *ЧА ИРЛИ* и *БА ИРЛИ* между ст. 8 и 9 имеется строфа, отсутствующая в основном тексте: она зачеркнута в *Т₈*, вероятно, при подготовке *Ш₂*. В *БА РГАЛИ* эта строфа также позднее изъята.

Окончательный текст – *Ш₂*.

Ю. Айхенвальд, анализируя стихи цикла "Черная кровь", писал о том, что поэт, "аристократ голубой крови", «не оградил себя и от крови черной. Она оказалась не только в той презренной женщине, которую он палкой ударил, но и в нем самом: (...) в некоторые мгновения "мой рот извивом алым на твой таинственно похож!.." И в черном и в белом роднятся между собою люди» (*Айхенвальд Ю.* Поэзия Блока. С. 57).

В черновиках связано с предыдущим стихотворением: у обоих – общий круг реальных впечатлений, отраженных в записной книжке № 30 (л. 6 об.–7) (см. коммент. к предыдущему стихотворению).

Ночь, как века... – Характерное выражение "осенних" настроений Блока, свойственных ему в годы создания цикла. Ср. запись в дневнике от 10 ноября 1911 г.: "Но ночам теперь нет конца: октябрь, – весь мир наш полон ночью..."; "...стонать хочется оттого, что эта вечная ночь хранит и удесятеряет одно и то же чувство – до безумия".

Тогда мой рот извивом алым // На твой таинственно похож! – Ср. в стих. "Лазурью бледной месяц плыл..." (1906) из цикла "Город": "У всех, к кому я приходил, // Был алый рот крестом. (...) Я знал, что судороги губ // Открыли их позор..." (т. 2 наст. изд.).

8. "Я ЕЕ ПОБЕДИЛ, НАКОНЕЦ!.."

(С. 36)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₉*. Л. 3 об. – 4; *ЧН – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 1, "Окт(ябрь) 1909. Есть рукопись в Шах(атово)" (над текстом); *ЧА₁ – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 2, 3, 4 (опубл.: *Звезда-1936*. С. 274–275); *ЧА₂ – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 5, 6; *БА – Т₈*. Л. 71–71 об., "Октябрь 1909 – (июль

1914.)"; *БА – ИРЛИ*, Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 6–6 об.; печ. текст – *НР СУ*. Л. 21–22, "Октябрь 1909 (дата – автограф); *Кор₁ Земли*. Л. 33; *Кор₂ Земли*. Л. 52.об.–53.

Впервые: *ГЖ*. 1914. № 1. С. 6, 8, в цикле из семи стих. под загл. "Черная кровь".

Публикации: *СУ*. С. 22–23, "Октябрь 1909"; *III*₃. С. 68–69.

В *ЗК₂₉* представлен *ЧН* стихотворения, перебеленный на отдельном листе с некоторыми разночтениями и без пунктуационных знаков (*ЧН ИРЛИ*). *ЧА₁ ИРЛИ* отражает начало следующего этапа работы над текстом. Карандашная правка в ст. (3–4) приводит текст к основному. Первоначальная редакция (*ЧА₁ ИРЛИ*) была записана чернилами. В ней 32 стиха, между ст. (25) и (26) – незачеркнутый набросок ст. (26–29). В тексте *ЧА₁ ИРЛИ* карандашом обозначен порядок следования двестишестидесяти, соответствующий их расположению в основном тексте. В ст. (5) верхний слой правки – карандашом. Работа продолжена в *ЧА₂ ИРЛИ* (карандашом), где отсутствуют ст. 1–4. 3-я строфа была записана вновь с вар. в ст. 5. Строфика текста (с делением на двестишестидесяти) сложилась к моменту работы над *Ч₂ ИРЛИ*. В *ЧА₂ ИРЛИ* представлены основная редакция текста с многочисленными вариантами. В *T₈* скобки в дате – карандашом. В *БА ИРЛИ* над текстом цифра "6", под текстом карандашная помета Блока "см(отри) на обороте", лексический вар. в ст. 14.

Окончательный текст – *ГЖ*.

Звон, и трубы, и конский топ, // И качается тяжкий гроб... – Ср. в стих. "Песнь Ада" (1909): "К нам доносился погребальный звон..." Одним из возможных источников романтического мотива "любви мертвеца" является баллада немецкого поэта Г.-А. Бюргера (1747–1794) "Ленора" (1773). Ср.:

"Но кто там стонет? Что за звон? (...)
"По мертвом звон; надгробный стон; (...)
И виден ход: идут, поют,
На дрогах тяжкий гроб везут –
И голос погребальный..."

(Немецкие поэты в биографиях и образцах / Под ред. Н.В. Гербеля. Пер. В. Жуковского. СПб., 1877. С. 116). «Конский топ» – образ, неоднократно повторявшийся в поэзии Пушкина ("Евгений Онегин", "Наташа"), принципиально защищавшийся им в примечаниях к "Евгению Онегину" как исконно русский и достойный войти в "большую литературу" (*Мицк*, 4. С. 92). Ср. также в "Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях" Пушкина: "Гроб качается хрустальный".

Знаю, выпил я кровь твою... – В стихотворении отчетливо отразилась тема "вампиризма", глубоко волновавшая Блока в начале 1910-х гг.; "вампиризм" в его понимании – одна из емких иносказательных категорий, характеризующих атмосферу "страшного мира". Ср. в поэме "Возмездие":

"(Смотри: там хищник силы копит: (...)
И будет пить живую кровь (...)
Дрожащей жертвы...) Вот – любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека! (т. 5 наст. изд.)

Ср. также в "Песни Ада" образ "тоскующего вампира": "И пил я кровь из плеч благоуханных...". Примечательно, что осенью 1908 г. Блок прочел роман Б. Стокера

"Вампир граф Дракула", который произвел на него большое впечатление; в письме к Е.П. Иванову от 3 сентября (1908 г.) Блок писал о нем: "Это – вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил наконец меня прочесть ее".

9. "НАД ЛУЧШИМ СОЗДАНИЕМ БОЖЬИМ..."

(С. 37)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₃₀*. Л. 15 об.–16, "12–13 марта" (над текстом), ст. (3–7) опубл.: Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. Л. 1936. С. 530, с контаминацией слоев, "февр(аль) 1914" (слева на полях); *БА – Т₈*. Л. 43, "Март 1910 – (21 февр(аля) 1914.)"; *БА – ИРЛИ*. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 7; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 3; "1910 III (–1914 II) (над текстом); *Кор₂ Земли*. Л. 53–53 об.

Впервые: *ГЖ*. 1914. № 1. С. 8, в цикле из семи стихотворений под загл. "Черная кровь".

Публикации: *III₂*. С. 35–36; *III₃*. С. 69–70.

В *ЗК₃₀* – черновой автограф с обильной правкой. Ст. 16 вписан. В *БА ИРЛИ* над текстом цифра "7", под текстом подпись: "Александр Блок".

Окончательный текст – *ГЖ*.

Над лучшим созданием Божьим // Изведал я силу презренья. – О "презрении" как одном из проявлений земной любви-страсти Блок писал в дневнике еще в июле 1902 г.: "Я хочу не объятий: потому что объятия (внезапное согласие) – только минутное потрясение. (...) Больше испуга не будет. Больше презрения (во многих формах) – не будет". Ср. этот же мотив в раннем стих. "Порою вновь к твоим ногам..." (1900): "Я с новой силою воздам // И власть и должное презренья". Возможно некоторое влияние А. Стриндберга, К. Гамсуна, Ф. Ницше. Ср., например, у Ницше: "Если ты идешь к женщинам, не забудь захватить плетку!" (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. С. 125).

О том, что свободным я стал! ~ Я низкую страсть променял! – Возможный отзвук стих. Вл. Соловьева "С новым годом":

Власть ли роковая, или немощь наша
В злую страсть одела светлую любовь, –
Будем благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорела, мы свободны вновь.

Первые две строчки этого стихотворения были подчеркнуты Блоком в принадлежавшем ему экземпляре "Стихотворений" Вл. Соловьева (3-е изд., 1900); см.: *Максимов Д.* Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока). С. 143–144. Мотив освобождения от "низкой страсти" во имя "высокого" присущ и стих. Вл. Соловьева "Иматра" (1895):

Страсти волну с ее пеной кипучей
Тщетным желаньем, дитя, не лови:
Вверх погляди на недвижно-могучий,
С небом сходящийся берег любви.

Ср. также в сходном по теме стих. Г. Гейне "Странствуй!": "Почуешь, (...) Что стал ты свободен..." (*Гейне Г.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 119).

ДЕМОН

("Иди, иди, за мной – покорной...")

(С. 38)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₄₈*. Л. 72 об.–73, "20 III – 6 IV"; *БА – Т₉*. Л. 67, 68, ("Демон. упражнение."); 1916 20 III (–9 VI); *АМ – РГБ*. Ф. 1, 1.6; подпись: "Александр Блок"; *Кор₂ Земли*. Л. 54–54 об.; печ. текст – *НР СУ*. Л. 114–115, "9 июня 1916" (дата – автограф).

Впервые: Альманах "Творчество". М.; Пг., 1917. Кн. 1. С. 18–19.

Публикации: *СУ*. С. 91–93, "9 июня 1916"; *III₃*. С. 71–72.

В *ЧА ЗК₄₈* первоначально 8-я строфа (ст. 29–32) была записана после 10-й (ст. 37–40), перестановка строф обозначена красным карандашом, позже вписано заглавие "Демон". На сгибе л. 70–71 помета Блока: "упражнения... Как это грустно!" (ср. подзаголовок в *Т₉*). В тексте *АМ РГБ* 4-я и 6-я строфы (карандаш.) взяты в скобки. Окончательный текст – *СУ*.

Л.А. Дельмас в 1946 г. в разговоре с Д.Е. Максимовым утверждала, что стихотворение относится к ней; Дельмас пометила его в принадлежавшем ей экземпляре сб. "Седое утро" (см. об этом: *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 653).

В стихотворении Блок как бы трансформировал тот эпизод поэмы Лермонтова "Демон", "когда Демон в келье Тамары страстно молит ее о невозможном счастье, обещает ей неземные, нечеловеческие ощущения любви" (*Примочкина Н.* Демон Блока и Демон Врубеля: (К проблеме сопоставительного анализа произведений словесного и изобразительного искусства) // *Вопр. лит.* 1986. № 4. С. 162).

Ты знаешь ли, какая малость ~ Что дикой страстью ты зовешь? – Возможная реминисценция из "Евгения Онегина" Пушкина; ср. слова Татьяны Онегину в сцене последнего свидания (гл. 8-я):

А нынче! – что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

«Связь с Пушкиным поддерживается и общностью рифмы ("малость – жалость") и метра» (*Миц З.Г.* Блок и Пушкин // *УЗ ТГУ*. Вып. 306. Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Тарту, 1973. С. 143). Ср. также в "Демоне" Лермонтова: "Иль ты не знаешь, что такое // Людей минутная любовь?".

Да, я возьму тебя с собою ~ Землею кажется звезда. – Ср. в "Демоне" Лермонтова: "Тебя я, вольный сын эфира, // Возьму в надзвездные края".

...Ты узришь новые миры – ~ Создания моей игры... – Ср. в статье Блока "Памяти Врубеля" (1910): "Падший ангел и художник-заклинатель: страшно быть с ними, увидеть небывалые миры и залечь в горах" (*СС-8₃*. С. 424).

Дрожа от страха и бессилья, ~ В сияющую пустоту... – Возможно, здесь отразились строки стих. Тютчева "Проблеск" ((1825)): "Мы в небе скоро устаем, // И не дано ничтожной пыли // Дышать божественным огнем...".

И под божественной улыбкой... – О "надмирной улыбке" в связи с темой "демонизма" Блок писал в дневнике 27 декабря 1911 г.

ГОЛОС ИЗ ХОРА

("Как часто плачем – вы и я...")

(С. 39)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН–ЗК₃₁*. Л. 2–3 об., "6 июня – Троица. У камня под Руновым" (над текстом); *ЧН – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1, "9 Июня – 1910"; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 2, 3, "27 II 1914", (дважды на л. 2 и 3); *БА – Т₈*. Л. 49–49 об., "9 (испр.: 6) июня 1910 (Шахма(тово)) – 27 фев(аля) 1914"; *БА* (под копировальную бумагу – Собр. М.Л. Лозинского (*Л*), при письме Блока к М.Л. Лозинскому от 5 января 1915 г. (заглавие и подпись – чернилами); *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 1–1 об., подпись: "Александр Блок"; *Кор₂Земли*. Л. 55–55 об.; *АС – Изборник*. Л. 363, рукой Л.А. Дельмас; печ. текст – *НР СУ*. Л. 2–3, "1910–1914" (дата – автограф).

Впервые: *ЛТА*. 1916. Кн. 1. С. 68–69.

Публикации: *СУ*. С. 5–6, "1910–1914"; *Ш₃*. С. 73–74.

ЧН ИРЛИ на л. 1 в основном (за исключением 2-х последних строк) совпадают с *ЧН ЗК₃₁* и, очевидно, переписаны из *ЗК₃₁*. На л. 2, 3 – первоначальная редакция стихотворения, состоящая из пяти строф, из них 1-я и 2-я соответствуют 1-й и 2-й строфам основного текста, 3-я строфа – 5-й, 4-я–3-й, 5-я–4-й строфам основного текста. На л. 2 справа на полях посередине листа дата: "27 II 1914", которая повторена на л. 3 внизу под текстом. Вероятно, что черновые наброски 1910 года (*ЧН ЗК₃₁*) были переписаны Блоком в 1914 г. в блокнот, и тогда же на их основе написана первоначальная редакция без заглавия и 6-й строфы.

Окончательный текст – *ЛТА*.

Э. Голлербах в рецензии на сб. "Седое утро" особо отметил стихотворение: «Многое в этих старых стихах открывается ныне как пророчество. Таково первое стихотворение сборника "Голос из хора", потрясающее теперь больше, чем когда-либо» (*Вестник литературы*. 1920. № 12. С. 10).

А. Левинсон в рец. на сб. "За гранью прошлых дней" и "Седое утро" также назвал стихотворение пророческим. "И вот сегодня, – отметил он, – пока разум Блока влачит его по торной дороге большевистских общих мест, могущественный инстинкт побуждает его извлечь из вороха пожелтевшей бумаги именно этот роковой листок". В строках стихотворения, продолжал Левинсон, "как нигде больше в двух его книгах, обозначился облик нашего поэта, не зря ч е г о пророка" (*Левинсон А. Незрячий пророк // Жар-птица*. Париж; Берлин, 1921. № 1. С. 44). По свидетельству Георгия Адамовича, В.Ф. Ходасевич в одном из "парижских разговоров" о поэзии, несколько раз повторив строки "Будьте ж довольны жизнью своей...", сказал: «"Что тут говорить, был Пушкин и был Блок... Все остальные между!" – с интонацией, похожей, вероятно, на ту, с которой Писемский сказал о молодом "офицеришке" Толстом: "хоть перо бросай"» (*Адамович Г. Комментарии*. С. 148).

Ю. Верховский в статье "Восхождение (к поэтике Александра Блока)" отводит стихотворению важное место в композиции "Страшного мира" и пишет о том, что "Голос из хора" как бы сохраняет глубинное воспоминание о строгих возгласениях древнего хора античной трагедии, голоса Рока, но и звучит ноюще и плачуще тоскою нашей отъединенной души" (*Об А. Блоке*. С. 196). В позднейших воспоминаниях Ю. Верховский сделал предположение, что "ставя под стихотворением двойную дату: 1910–1914, поэт как бы дает понять, что ранние осуществления его предчувствий можно связывать с началом первой мировой войны" (*Верховский Ю. В память Александра Блока: (Отрывочные записи, припоминания, раздумья) // А. Блок и современность*. М., 1981. С. 347).

О тревожных предчувствиях Блока, отразившихся в стихотворении, В.А. Зоргенфрей писал: «Переживая войну, как грозу, томимый еще более грозными предчувствиями, он исключал свою волю из сферы действующих сил и лишь напряженно прислушивался к голосам стихий. В дни, когда знамения были, казалось, благоприятны, темнел он душою и ждал иного. Мне не забыть светлого воскресного дня, в кабинете на Офицерской, когда прочитал он стихи, которыми начинается "Седое утро" – "Будьте ж довольны жизнью своей – тише воды, ниже травы", глухо и угрожающе, подавляя волнение, произносил он, и когда, пораженный безысходностью отчаяния этих строк, я выразил изумление, он пояснил, помолчав: "Тут отступление на заранее подготовленные позиции"» (ЗМ. 1922. № 6. С. 138).

В.П. Веригина вспоминала, что со времени публикации стихотворения в журн. "Любовь к трем апельсинам" "мрачные ноты все чаще встречаются и в разговорах Блока" (*Воспоминания*, 1. С. 484).

Сохранилось свидетельство Вс. Рождественского о чтении Блоком стихотворения на одном из заседаний Петроградского Союза поэтов в 1920 г.: "...Лицо его, до тех пор спокойное, исказилось мучительной складкой у рта, слова звенели глухо, как бы надтреснуто. (...) Заключительные строки он произнес почти шепотом, с мучительным напряжением, словно пересиливая себя.

И всех нас охватило какое-то подавленное чувство. (...) Но Блок первый улыбнулся и сказал обычным своим голосом:

– Очень неприятные стихи. Я не знаю, зачем я их написал. Лучше бы было этим словам остаться не сказанными. Но я должен был их сказать. Трудное надо преодолеть! За ним будет ясный день" (*Воспоминания*, 2. С. 213–214).

В попытках опубликовать стихотворение Блок столкнулся с определенными трудностями. Е.Ю. Кузьмина-Караваева в своих мемуарах приводит слова Блока об истории несостоявшейся публикации "Голоса из хора" в журн. "Аполлон": «А вот Маковский оказался каким честным человеком. Они в "Аполлоне" издают к новому пятнадцатому году сборник патриотических стихов. (...) Меня просили послать. Послал. Кончаются так: "Будьте довольны жизнью своей, тише воды, ниже травы. Ах, если б знали, люди, вы холод и мрак грядущих дней". И представьте, какая честность, – вернули с извинениями, печатать не могут"» (*Воспоминания*, 2. С. 72). С.К. Маковский, редактор журнала, так мотивировал свой отказ: «...Ваши строфы по содержанию своему, беспросветно-мрачному, совершенно расходятся со всем "тоном" нашего литературного отдела. (...) и как мне ни грустно, я принужден (в первый раз) не печатать того, что, как поэзия, меня увлекает, но, как настроение на тему современности, мне представляется глубоко несправедливым, расходящимся со всем, что сейчас объединяет сотрудников Аполлона. Мы верим. Мы ждем. И грядущие дни озарены для нас всенародной и праведной победой...» (письмо от 7 января 1915 г., опубл.: *Литературный современник*. 1936. № 9. С. 192). Блок ответил: «Я хочу только сказать Вам, что стихи мои написаны задолго до войны: начаты в 1910 году, окончены весной этого года, когда о войне не было речи. Они относятся к далекому будущему. Что же касается ближайшего будущего, то я верю и жду, как и "Аполлон"; верю в величие России, люблю ее и жду победы» (письмо от 12 января 1915 г.).

Затем Блок послал стихотворение "для сборника в пользу Польши" (ЗК. С. 264), подготавливаемого С.М. Городецким и А.М. Ремизовым (издание не состоялось).

В стихотворении отразились "эсхатологические" настроения Блока. Однако следует подчеркнуть, что смерть в поэтическом сознании Блока 1910-х годов «никогда не воспринимается как сущность и неизбежный итог жизни вообще, – но только как сущность и неизбежный итог жизни в "страшном мире"» (*Милиця*, 4. С. 68).

...*Холод и мрак грядущих дней!* – Ср. слова Харона в поэме Данте "Ад": "Навеки вас за этою рекою // На мрак и зной и холод я отдам!" (Песнь III. Ст. 86–87; цит. по изд., которое было в библиотеке Блока: *Данте А. Божественная комедия. Ч. 1. Ад.* СПб., 1897; см.: *ББО-1. С. 256–257*). Ср. также у А.Н. Апухтина: "Холодный мрак грядущих дней!" ("Все, чем я жил, в чем ждал отрады...", 1892). Сходный мотив содержится в стих. Вл. Соловьева "Дракон" (1900), к которому Блок не раз обращался: "И мглою бед неотразимых // Грядущий день заволокло".

...*А смерть – далека.* – Один из апокалипсических мотивов; ср.: "В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них" (Откр. IX. 6). Ср. также в поэме Данте "Ад": "На смерть у них уже надежд нет боле" (Песнь III. Ст. 46). Это – наказание для тех, по словам Вергилия, кого не приемлет ни "небо", ни "ад", "для жалких душ тех, в чьей слепой судьбе // Нет места ни хвалам, ни порицанию" (*Там же.* Ст. 34–36; у Блока: "Тише воды, ниже травы").

...*На всех устах застынет смех, // Тоска небытия...* – В статье "Ирония" (1908) Блок писал об опасности "разлагающего смеха", "который готов затопить всю душу человеческую, все благие ее порывы, смести человека, уничтожить его" (*СС-85. С. 346*).

Ты будешь солнце на небо звать – // Солнце не встанет. – Мотив ненаступления дня, утра характерен для символистской литературы. Он стал центральным в драматическом отрывке Андрея Белого "Пасть ночи". Ср.:

"Христианка. Еще сутки. Опять не было дня.

В т о р а я. Давно не было дня. Его сменила холодная ночь. <...>

Т р е т ь я. Сестры, а если солнце не покажется больше? <...>

П е р в а я. Дан был от Бога день и свет. Не ценили. <...>

Господь отнял утро, отнял и день. <...>

П р о р о ч и ц а. Дети, дети, не виню вас за бессилие ваше, ибо всем нам предсказан близкий конец" (*ЗР. 1906. № 1. С. 62–64*). Этот же мотив содержится в стих. Андрея Белого "Время" (1907):

Ты скажешь – день; и день обманет.

Он – вот: но голову закинь –

Гляди: и в хмурый сумрак канет

Его сапфировая синь.

(*Белый Андрей. Урна. М.: Гриф, 1909. С. 118*). Ср. также в стих. З. Гиппиус "Опять" (1906): "Ночь прошла, но утра нет".

У Блока тема "длющейся ночи" встречается и в раннем творчестве; ср., например, в стих. "Я смотрел на слепое людское строение..." (1902): "Думали: за утром наступит день. <...> И понял, что будет темно..." (т. 1 наст. изд.)

ВОЗМЕЗДИЕ

Раздел "Возмездие" впервые появился в *НЧ*. Озаглавленный "Возмездие (1909)", он включал двенадцать стихотворений: "На смерть младенца", "Ночь, как ночь...", "Не спят, не помнят...", "Когда, вступая в мир...", "Когда я прозревал...", "Дохла жизнь...", "Здесь дух мой злобный...", "Я сегодня не помню...", "Под шум и звон...", "Весенний день прошел...", "Искуситель", "Посещение". Второе стихотворение относится к концу 1908 г., последнее – к 1910 (дата обозначена под текстом), остальные написаны в 1909 г.

В III₁ состав раздела был существенно изменен. Под названием "Возмездие" он объединил уже восемнадцать произведений разных лет, с 1907 по 1910 г.: "Усталость" ("Кому назначен темный жребий..."), "Ты отошла, и я в пустыне...", "Друзьям" ("Друг другу мы тайно враждебны..."), "Ночь, как ночь, и улица пустынна...", "Не затем величал я себя паладином...", "На смерть младенца", "Под шум и звон однообразный...", "Я сегодня не помню, что было вчера...", "Не венчал мою голову траурный лавр...", "Когда я прозревал впервые...", "Дохла жизнь в лицо могилы...", "Не спят, не помнят, не торгуют...", "Когда, вступая в мир огромный...", "Здесь дух мой злобный и упорный...", "Весенний день прошел без дела...", "Искушитель", "Всё на земле умрет – и мать, и младость...", "Посещение".

В III₂ раздел близок по составу к своему окончательному виду. В него вошло семнадцать стихотворений: "О доблестях, о подвигах, о славе...", "Она, как прежде, захотела...", "Ночь, как ночь, и улица пустынна...", "Я сегодня не помню, что было вчера...", "Я – Гамлет. Холодеет кровь...", "На смерть младенца", "Не спят, не помнят, не торгуют...", "Когда я прозревал впервые...", "Когда, вступая в мир огромный...", "Здесь дух мой злобный и упорный...", "Весенний день прошел без дела...", "Ты в комнате один сидишь...", "Чем больше хочешь отдохнуть...", "Как тяжело ходить среди людей...", "Шаги Командора", "Как растет тревога к ночи!...", "Как свершилось, как случилось?..."

Следующий, последний этап составления раздела относится ко времени подготовки III₃. Но существенных изменений в нем, по сравнению с составом в III₂, не произошло. Не изменилось количество стихотворений, а также композиция раздела, но в него вошло четыре стихотворения (три из которых ранее поэт с разделом не связывал): "Забывшие Тебя", "Дохла жизнь в лицо могилы..." (входило в раздел в III₁), "Кольцо существованья тесно...", "Мой бедный, мой далекий друг..."; а четыре стихотворения – "Я – Гамлет. Холодеет кровь...", "Не спят, не помнят, не торгуют...", "Как тяжело ходить среди людей..." и "Как растет тревога к ночи!..." – были перенесены в разделы "Ямбы" и "Страшный мир". Исключенные из раздела стихотворения и дополнившие его во многом близки по смыслу и тональности. В окончательном виде раздел открывает стихотворение 1908 г., а завершает написанное в 1913 г.

Хотя хронологические границы раздела и его состав менялись от издания к изданию, основное его ядро определилось с самого начала. Это восемь стихотворений февраля–марта 1909 г., общих для всех "редакций" раздела: "На смерть младенца", "Ночь, как ночь, и улица пустынна...", "Когда, вступая в мир огромный...", "Когда я прозревал впервые...", "Здесь дух мой, злобный и упорный..." ("Какая дивная картина..."), "Я сегодня не помню, что было вчера...", "Весенний день прошел без дела...", "Искушитель". Каждое из них по-своему варьирует тему крушения идеалов и жизненной судьбы лирического героя, жестоких утрат и разочарований. Эти исходные для раздела стихотворения глубоко лиричны, "исповедальны". Их отличает психологическая достоверность в раскрытии переживаний "нескончаемой ночи" жизни, "страшной памяти" сердечных утрат. Общность всех стихотворений, ставших основой раздела, созданных почти в одно время (февраль–март 1909 г.), обусловлена мироощущением поэта рубежа 1910-х годов: глубоким духовным кризисом и началом его преодоления (выразившимся в осознании этого кризиса). Объединение стихотворений начала 1909 г. уже в "первой редакции" раздела с другими – 1908 и 1910 гг. – свидетельство их значения в идейно-творческих исканиях поэта, их определенной лейтмотивности. В последующих "редакциях" раздела эта закономерность его формирования сказалась в полной мере: границы раздела расширились, в него вошли произведения многих лет, большого, обобщающего для всего творчества поэта

смысла. Блок перенес в раздел "Возмездие" стихотворения из других частей "третьего тома": "О доблестях, о подвигах, о славе...", "Она, как прежде, захотела..." – из раздела "На родине", "Кольцо существования тесно..." – из раздела "Разные стихотворения", "Забывшие Тебя", "Мой бедный, мой далекий друг!..." – из книги "Седое утро", "Как свершилось, как случилось?..." – из цикла "Седое утро". С другой стороны, и стихотворения раздела "Возмездие" пополняли другие части "третьего тома": "Ты отошла, и я в пустыне..." и "Посещение" вошли в окончательную "редакцию" раздела "Родина", "Не спят, не помнят, не торгуют..." и "Я – Гамлет. Холодеет кровь..." – в раздел "Ямбы", "Под шум и звон однообразный..." и "Как тяжело ходить среди людей..." – в раздел "Страшный мир" и т.д.

Уже в "первоначальной редакции" – в *НЧ* – раздел оказался тесно связанным с другим – со "Страшным миром": общность настроения объединяет, например, стих. "Весенний день прошел без дела..." с вошедшим в "Страшный мир" "Я помню длительные муки...", а стих. "Искуситель" – с "Идут часы, и дни, и годы...". Взаимодополняемость разделов "Возмездие" и "Страшный мир" расширяется в последующих "редакциях" "третьего тома". Изображение «драмы человеческого поражения в итоге немощного "безверия"» – эта тема является сквозной для обоих разделов (*Тагер Е.Б.* Мотивы "возмездия" и "страшного мира" в лирике Блока // *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 90). На основе этой, одной из ведущих тем Блока конца 1910-х годов – как ее идейно-эмоциональная доминанта – и возник образный мотив (образ-понятие) "возмездие". Блок формулирует эту поэтическую идею в статьях (например, "Генрик Ибсен", 1908), письмах (см. письмо к А. Белому от 6 июня 1911 г.), закрепляет за названием одного из разделов *НЧ*. Многократность обращения поэта к поэтической идее "возмездия" не имела одного и однажды заданного смысла. Не случайно Блок в письме к Белому от 6 июня 1911 г. заключал само понятие в кавычки, подчеркивая емкость его значения, связанность с целой полосой своего духовно-творческого развития. К этому смысловому значению – моменту на пути "вочеловечения" – и тяготеет то обобщающее значение, которое несет заглавие раздела. Оно не тождественно смыслу, содержащимся в названии поэмы "Возмездие", возникшем позднее. Как отмечено Е.Б. Тагером, "с отзвуками мотива заслуженного революционного возмездия" – "гневных" ямбов против отжившего мира – читатель встречается в разделе "Ямбы", в поэме "Возмездие". Что касается стихов раздела "Возмездие", то их "трагический накал" вызван другим: "Карающая рука – это чужая, внешняя, над виновным стоящая сила. "Расплата", наоборот, рождается изнутри, из осознания человеком, личностью, своей вины. И в блоковском контексте мотив "возмездия – расплаты" всегда сопряжен с нравственными обертонами этого мотива" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 87).

В плане литературных традиций Блок явился в таком толковании преемником Г. Ибсена и Верлена (см. указ. статью Тагера). По всей вероятности, свои особые акценты темы "возмездия" Блок обрел на достаточно широком литературном фоне: мотивы возмездия в разных смысловых наполнениях, нередко связанных с евангельским содержанием понятия, часто присутствуют в современной Блоку поэзии, драме, критике. Например, в пьесе К. Гамсуна "Драма жизни" (1902), статье Ф. Сологуба "Возмездие и совесть" (1904), в стихах Вяч. Иванова "Цусима" и "Астролог" (1905) и т.д. В генезисе блоковского мотива включена и евангельская идея возмездия. Это отметил Е.Б. Тагер: «Блок часто и по-разному использовал в своей поэзии евангельский миф. Сквозит этот миф и в разрезе темы "возмездия". Человеческая трагедия словно просветляется отблеском идеи победы над смертью, идеи "воскресения", образа Христа» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 95).

В "ранней редакции" раздела (в *НЧ*) намечились основные закономерности его структуры. Она достаточно свободна, организована ведущей темой и ее вариациями.

Эти особенности композиции основаны не на жесткой сюжетной определенности, а вытекают из своеобразия содержания раздела, где взаимодействуют различные смысловые тенденции. Стихотворения, составляющие начало раздела, дополняют друг друга, раскрывая трагическое состояние героя, потерявшего высокий смысл жизни. От стихотворения к стихотворению нарастает тема отчаяния, звучит и мотив богоборчества. В средней части раздела настроение безысходности остается ведущим, чередуются темы мрачной иронии и смерти. Однако в заключительной части появляется мотив преодоления "метелей", "мрака" и "пустоты". Заключительное стихотворение "Посещение" намечает как бы восходящую часть "пути воочеловечения": от "падений", "проклятий" – к осознанию вины и духовному возрождению.

Существенные особенности построения раздела сохранились и в последующем.

Мрачные и гнетущие мотивы раздела "Возмездие" как характерные для всей книги *НЧ* при чтении ее отметила С.Г. Карелина, двоюродная бабка поэта. Об этом она писала Блоку 18 декабря 1911 г.: "...Всеобщая преувеличенная петербургская тоска лежит как штемпель на расположении духу книжки (...) Стих у тебя чудесный (...) но т е м а увы! не стоит стиха (...) Кто умеет понимать все вышее и хорошее, как ты, мой благородный рыцарь и умный человек, какая охота описывать всю пустоту общества, утратившего веру – и стремление ко всему лучшему на свете" (*РГАЛИ*. Ф. 55. Ед. хр. 267. Л. 10–11).

В первых критических откликах на *НЧ* были замечены и стихотворения из раздела "Возмездие". В рецензии на сборник Н. Гумилев писал: «Перед А. Блоком стоят два сфинкса, заставляющие его "петь и плакать" своими неразрешенными загадками: Россия и его собственная душа» (Аполлон. 1912. № 1. С. 69–70). Восхищаясь поэтическим качеством книги, критик выделит стих. "Я сегодня не помню...": «Вообще Блок является одним из чудотворцев русского стиха. Трудно подыскать аналогию ритмическому совершенству таких стихотворений, как "Свирель запела" или "Я сегодня не помню» (*Там же*).

В. Брюсов в оценке *НЧ* также обращал внимание на стихотворения раздела "Возмездие": «Действительность, реальность вошла в поэзию А. Блока, подчинила ее себе. Мистические предчувствия сменились чувствами земными, и мы то читаем тихие раздумья "на смерть младенца", то стихи о "яркости последней страсти", то горькие признания...» (*PM*. 1912. № 1. С. 32. 3-я pag.).

В составе *III*₁ раздел завершался тем же, что и раньше, стих. "Посещение", но был начат другим – "Усталость", что содержало завязку нового сюжетного звена. Если в *НЧ* раздел открывался стихотворением "личностным" и последующее развитие сюжета имело яркую лирическую окрашенность, то теперь завязка сюжета совершалась на более широком, "повествовательном" фоне, да и сам сюжет обретал более обобщенный характер: это путь "одного" среди "других". Показательно в этом отношении включение в раздел стих. "Друзьям": в нем действуют уже и "мы" ("От смеху мы входим с ума..."). Другая особенность раздела в новом его составе – усиление напряженности сюжета. Это произошло в результате обострения контрастности, смены мотивов. Характерный пример – изменение последовательности стихотворений "Я сегодня не помню, что было вчера..." и "Под шум и звон однообразный...". Если в *НЧ* следовал переход от тональности безысходной и трагической к более светлой, то теперь направленность развития на этом отрезке сюжета – противоположная. В новой "редакции" углублена и духовно-мистическая линия сюжета, что сказалось в пополнении раздела такими стихотворениями, как "Ты отошла, и я в пустыне..." и "Всё на земле умрет – и мать, и младость...". В них лирический герой имеет не только земной облик, но получает и мистические уподобления – "Сын Человеческий", "невоскресший Христос". Благодаря этому в понятии, вынесенном в название раздела, усиливается

связь с одним из евангельских толкований темы возмездия: как духовного воскресения, а не только последнего суда и наказания.

В III₂ в состав раздела были внесены существенные изменения. Дополнив его рядом стихотворений (см. выше), Блок в то же время исключил из него стихотворения, на прежнем этапе имевшие определяющие значение: "Усталость", "Ты отошла, и я в пустыне...", "Друзьям", а также "Посещение", завершавшее две первых "редакции", и др. Тем самым поэт усиливал полифонию раздела, философско-обобщающую линию сюжета. Дополнил Блок и, условно говоря, повествовательно-эпическую линию сюжета. Так, "разногеройность" свойственна ряду вновь включенных стихотворений: такие из них, как "О доблестях, о подвигах, о славе..." и "Она, как прежде, захотела...", яснее прорисовывают облик любимой, а "Шаги Командора" вводят образ "изменника", "антигероя".

В ходе работы над III₃ Блок в основном уточнял то, что четко определилось в предыдущем издании. В окончательном составе раздела по-своему акцентирована трагическая тема утрат и гибели души. Она присутствует и в новых стихотворениях: "Дохнула жизнь в лицо могилы...", "Кольцо существования тесно..." и "Мой бедный, мой далекий друг!..". В структуре раздела в целом взаимодействуют линия лирического сюжета (не случайно стих. "О доблестях, о подвигах, о славе..." открывает раздел, а одно из самых исповедальных – "Мой бедный, мой далекий друг!.." – является предпоследним, продолжая лирическую тему как сквозную) и религиозно-философская. Она сопровождает также и начало раздела (второе стихотворение в нем – "Забывшие Тебя"), и конец: финальное – "Как свершилось, как случилось?..", несомненно, объединяет обе линии сюжета. Введение в раздел стих. "Забывшие Тебя" на последнем этапе работы (в III₃) явилось принципиальным. Тем самым усиливалась тема "памяти", а также тема "искания путей", что занимает важное место в блоковской концепции человека. Если необходимость этих тем в разделе уже в "ранних редакциях" его (в НЧ и III₁) была намечена (см. стих. "Когда я прозревал впервые..." и "Искуситель"), то в "поздних редакциях" их важность несомненна. Больше того, стих. "Забывшие Тебя" и "Как свершилось, как случилось?.." определили и структуру раздела (начало и конец) и его идейно-эмоциональную направленность.

В разные годы Блок включал стихотворения, вошедшие в раздел "Возмездие", в циклы, подборки. В 1910 г. поэт составил цикл "Ночные часы" для "Антологии" книгоиздательства "Мусагет" (М., 1911). В него вошли: "Когда, вступая в мир огромный...", "Ты в комнате один сидишь...", "То не ели, не тонкие ели...", "Идут часы, и дни, и годы..." (см. подробнее в коммент. к стих. "Когда, вступая в мир огромный...").

Стихотворение "Мой бедный, мой далекий друг!.." печаталось в РМ (1913. № 4) в подборке "Восемь стихотворений", которую составили произведения 1902 и 1910–1913 гг.: "Мой бедный, мой далекий друг!..", "И вновь порывы юных лет...", "Юрию Верховскому (При получении "Идиллий и элегий")" ("Дождь мелкий, разговор беспешный..."), "Валерию Брюсову (При получении "Зеркала теней")" ("И вновь, и вновь твой дух таинственный..."); "Борису Садовскому" ("Шар раскаленный, золотой..."); "Ветр налетит, завоюет снег..."; "Ты не ушла. Но, может быть..."; "Приближается звук. И покорна шемящему звуку...". Поэтическая форма послания – как точной обращенности (к Ю. Верховскому, В. Брюсову, Б. Садовскому), так и безымянной (к "далекому другу") – объединила половину этих стихотворений. В цикл из семи стихотворений под названием "Седое утро" вошло стих. "Как свершилось, как случилось?.." (Сирин. Сб. 3. СПб., 1914). (См. подробнее в коммент. к стих.)

Сохранился авторский перечень стихотворений, объединенных названием "Возмездие", который не совпадает по составу ни с одним из печатных вариантов раздела: "О доблестях...", "Ночь, как ночь...", "Я сегодня не помню...", "Весенний день прошел

без дела...", "Ты в комнате один сидишь...", "Чем больше хочешь отдохнуть...", "Шаги Командора", "Как свершилось..." (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 15). Запись не датирована, возможно, это черновой набросок нового состава раздела для III₂.

В 1919 г., откликаясь на просьбу П.В. Быкова, Блок намечает список из 12 стихотворений: "I. Предчувствую Тебя. Года проходят мимо... II. Ты горишь над высокой горюю... III. Ночь на Новый год. IV. Весна в реке ломает льдины... V. Ужасен холод вечеров... VI. Целый год не дрожало окно... (Андрею Белому) 1903. VII. Клеопатра (1907). VIII. О доблестях... (1908). IX. В ресторане. 1912. X. К Музе (Есть в напевах...) 1912. XI. Как свершилось... 1913. XII. Художник (В жаркое лето...) 1913" (ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 2. Ед. хр. 148). Ср. записи Блока от 14 марта 1919 г. – "Письмо и книга П.В. Быкову" и от 18 марта – "Двенадцать моих стихотворений Быкову" (ЗК. С. 452, 453). *Быков П.В.* (1844–1930), поэт, прозаик, историк литературы, библиограф. См. о нем: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 381–383. Где предполагалась и по каким причинам публикация не состоялась, не установлено.

Отдельные стихотворения раздела "Возмездие" были восприняты современниками как характерные для исканий Блока и его творческого облика периода НЧ и III₁. Так, В. Брюсов в статье о Блоке, говоря о "пафосе трагического отчаяния", свойственным стихам Блока 1912–1915 гг., приводил в качестве примеров образы стих. "Как свершилось, как случилось?...", "Кольцо существованья тесно...": «"Бесцельность бытия" – это противоположный полюс тех настроений, которые заставляли отрока "зажигать свечи" (...) Но самое страшное видит поэт даже не в том, что с "роковою отрадой" были "попираемы заветные святыни", что был он, по его образному выражению, "обожжен языками пре и сп о д н е г о огня" (причем добавляет: "не таюсь я перед вами"), а в том, что и в будущем может предстоять (...) то же самое. В знаменательном восьмистишии "Кольцо существованья тесно..." Блок говорит нам, что пред ним "в грядущей мгле" мерещится "все тот же жребий"» (Русская литература XX века. М., 1915. Т. 2. Вып. 2. С. 328). Признание Брюсовым за стихами Блока "почти всегда" "музыкальности", новизны ритмики ("Чаще, чем другие новые поэты, Блок отказывается от однообразных четверостиший и дает свои произвольные, нестрофические сочетания стихов, чередуя строки длинные и короткие...") может быть отнесено и к стих. "Ночь, как ночь, и улица пустынна...", "Я сегодня не помню, что было вчера...", "Чем больше хочешь отдохнуть...", "Ты в комнате один сидишь...".

В позднейших оценках современников стихотворения раздела "Возмездие", как правило, оценивались с большим позитивным вниманием, но не однозначно: с одной стороны, как характерные для определенного этапа эволюции Блока, а с другой, как выражающие целостный образ его судьбы. К.И. Чуковский в "Книге об Александре Блоке" (П., 1922), цитируя то одно, то другое стихотворение раздела, писал о периоде "самого черного пессимизма" Блока "третьего тома": «Этим страхом жизни порождены такие беспросветные стихотворения Блока, как "Пляски смерти", "Ночь, как ночь", "Ночь, улица, фонарь, аптека", "Жизнь моего приятеля" (...) Это время с 1908 по 1915 год было мрачной полосой его жизни. Религиозная натура, которой для того, чтобы жить, нужно было набожно любить и набожно верить, он вдруг окончательно понял, что любить ему нечего и верить не во что. Прекрасная дама ушла. А без нее пустота» (С. 64–65).

Сходно подходил к стих. "Когда, вступая в мир огромный...", "Какая дивная картина...", "Кольцо существованья тесно..." Ю.И. Айхенвальд, видя в них настроения Блока "жуткой полосы" его жизни: "Не юная и не быстрая кровь, жизнь еще не оставившаяся, но уже замедлившая свой шаг: именно этот период так опасен для романтизма и так склонен пятнать его мечты. Вот почему Блок от культа своей божественной невесты пришел к сомнению.." (Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 17).

Интерпретируя идею возмездия, современники сопоставляли Блока с Данте. Н.М. Минский писал в 1921 г.: «... по середине жизненной дороги, в тридцать пять лет, Блок, как и Данте, очутился в "темном лесу", у входа в Ад, но не вымышленный, а действительный, в ад русской Революции. И это поразительно, Блок вступает в ад, с тем же чувством, как Данте – с сознанием необходимости и справедливости совершающейся мести» (*Минский Н.* От Данте к Блоку // *Современные записки.* Париж, 1921. Кн. 7. С. 206).

В контексте всего творческого пути, а также итогов его оценивал мотивы "возмездия" П.Н. Медведев: «... значительная часть III тома может быть определена словами самого поэта, как "ночь скорбная элегий", как "чаша горького вина" (...) Все глубже поэта захватывает тема старости и смерти – она становится одной из доминирующих...» (*Медведев П.* Творческий путь Ал. Блока // *Памяти Блока.* Пб., 1923. С. 173). Однако в этой теме Медведев видел лишь одну сторону духовного опыта поэта: "... в противовес былой гипертрофии личного начала, разлившегося ядовитым потоком иронии, идет проповедь духовной трезвости, смиренного ученичества, послушания, воздержания" (*Там же.* С. 205). На этапе "синтетического завершения" творческого пути Блока, стремившегося войти "в феноменальный, исторический план бытия", не случайно и тема "возмездия" наполнялась новыми смыслами (в частности, в замысле большой поэмы). В последней главе очерка, названной "Гамлет XX века", Медведев использовал стих. "Как свершилось, как случилось?.." для раскрытия облика поэта последних лет жизни, в том числе времени "прекрасной и страшной" книги "Седое утро", считая, что в жизни и творчестве поэта все-таки "не наступил завершительный синтез" (*Там же.* С. 212, 213).

"О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ..."

(С. 43)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₂*. Л. 26–23 об. ("Когда замрут отчаянье и злоба..."), "1 августа" (над текстом); *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 6; *АС – Т₆*. Л. 70–70 об., "1908. XII", рукой Л.Д. Блок, дата и правка Блока; *БА – НР НЧ*. Л. 3; печ. текст – *НР₁ III₁*. Л. 49–50; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 93, "1908" (дата – автограф); *Кор III₁*. Л. 101 об., "1908"; *Кор₁ Земли*. Л. 36–36 об., "1908"; *Кор₂ Земли*. Л. 57–57 об., "1908"; печ. текст – *Изборник*. Л. 104, "[1908]".

Впервые: Новый журнал для всех (*НЖ*). 1910. № 15. Стб. 1–2.

Публикации: *НЧ*. С. 5–6, в разд. "На родине. (1908–1910)"; *III₁*. С. 178, "1908", в разд. "Родина"; *СРЛ*. С. 64–65; *ИСП*. С. 7; *ЖЖ*. 1915. № 12. С. 16; *III₂*. С. 39–40; *III₃*. С. 77–78, "1908".

Первоначальная редакция (*ЧА ЗК₂₂*) объединяла несколько тем, что явилось впоследствии основой выделения из раннего текста трех самостоятельных произведений: "О доблестях, о подвигах, о славе..." (декабрь 1908 г.), "Когда замрут отчаянье и злоба..." и "Забывшие Тебя", завершенных в феврале 1914 г. *ЧА* содержит правку и пометы карандашом, связанные с разделением замысла на самостоятельные части. Ст. (7–10) отчеркнуты на полях красным карандашом: они составили строфу основной редакции "О доблестях, о подвигах, о славе...". Ст. (11–34), в *ЧА* зачеркнутые красным карандашом, вошли в стих. "Забывшие Тебя". В *Т₈* – авторское примечание к стихотворениям "Когда замрут отчаянье и злоба..." и "Забывшие Тебя": «Это и предыдущее стих(отворение) – разные варианты стих(отворения) "О доблестях, о подвигах, о славе" (дополн(ено) и перебел(ено))» (Л. 36 об.).

М.А. Бекетова писала о биографических истоках стихотворения: «1908-ой год был одним из важных в идейном и творческом развитии Блока. Он много пережил за предыдущий 1907-ой год, проведенный "у шлейфа черного", полный безумной и неразделенной страсти, от которой поэт искал забвения в вине. Затем наступило отрезвление и началась люта тоска по жене, которая временно отошла от него. В 1908-ом году написано стихотворение "О доблестях, о подвигах, о славе"» (Бекетова М.А. Шахматово. Семейная хроника // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 778). В стихотворении отразились драматически-сложные отношения Блока с женой, когда Л.Д. Блок поступила в труппу В.Э. Мейерхольда, составленную для поездки по провинции. Отъезд Л.Б. Блок на долгие гастроли (в феврале 1908 г.) был в значительной степени и уходом от мужа. Л.Д. Блок писала ему о своей нежности и в то же время об опьяняющей ее "безумной" жизни, "мчащейся галопом", необходимой, чтобы стать актрисой (см. письмо от 11 марта 1908 г. – ЛН. Т. 89. С. 225), о том, что "жить нам вместе, кажется, невозможно" (письмо от 29 марта – Там же. С. 228). См. также два ответных письма Блока от 4 апреля. См. также в очерке В.Н. Орлова "История одной любви" // Орлов В.Н. Пути и судьбы. М.; Л., 1963. С. 711. Он же. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М., 1981. С. 378–388.

Судя по воспоминаниям В.В. Гиппиуса, уже весной 1909 г. стихотворение было передано в редакцию "Нового журнала для всех". "Поднявшись в редакцию, – писал Гиппиус о своей встрече в это время с Блоком, – я увидел на редакционном столе листок, написанный четким блоковским почерком. Мне бросились в глаза строки:

Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Я не задавал себе вопросов, почему плащ – синий. Блок со всей системой своих образов к тому времени прочно вошел в мое сознание, во всю мою жизнь" (Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 332).

В письме Блоку от 13 ноября 1911 г. А.М. Ремизов выделил данное стихотворение, открывавшее НЧ: "Первое Ваше стихотворение в сборнике очень хорошее" (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 98). К.А. Сюннерберг, получив от Блока его книги с дарственными надписями, писал 30 мая – 3 июня 1912 г.: «В "Снежной ночи" отмечены у меня прежде всего "Вольные мысли", "Всё это было", "О доблестях..."» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 420. Л. 6).

Оценивалось стихотворение и в связи с литературной борьбой, столкновением разных вкусов. Об этом писала А. Ахматова в одной из заметок 1960-х годов. Poleмизируя с однозначной оценкой Царского Села начала века как "города муз", она отмечала: «О таком огромном, сложном и важном явлении конца XIX и начала XX в., как символизм, царскоселы знали только "О, закрой свои бледные ноги..." и "Будем как солнце". При мне почтенные царскоселы издевались над стихами Блока:

Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Их рупором был нововременский Буренин» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 61–62).

О популярности стихотворения можно судить по неавторским его публикациям. Например, оно появилось вместе со стих. "Родина" в издании брошюр "Вместо сдачи" – № 1 (В пользу беспризорных детей. Чтец-декламатор) (б.г.). Вскоре после смерти поэта вошло в ряд изданий: в антологию "Из русских поэтов". Берлин, 1921; в книгу "Любовь многоцветная" (Избранные стихи А. Блока, В. Брюсова, А. Белого

и др.). Иваново-Вознесенск, 1922; в сб. "Вечера под зеленой лампой". Литературно-художественный сборник / Под ред. А. Волошина. Берлин, (1922).

Блок не однажды читал стихотворение на концертных выступлениях. В.В. Гиппиус вспоминал об одном из чтений, которое состоялось в начале декабря 1913 г. на "вечере новой поэзии" "Цеха поэтов". Много позднее критик писал: «Там оказался и Блок. Он читал на этом вечере три стихотворения: "О доблестях, о подвигах, о славе", "На железной дороге" и "В ресторане"» (*Гиппиус В.В. Встречи с Блоком // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. С. 338; см. также: Воспоминания, 2. С. 83*).

В 1920 г. Блок для записи на валик своего чтения (сделана С.И. Бернштейном) отобрал следующее: "О доблестях, о подвигах, о славе...", "Всё, что память сберечь мне старается...", "Русь моя, жизнь моя...", "Девушка из Spoleto", "Река раскинулась...", "Голос из хора", "В ресторане" (см. об этом: *Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке // БС-1. С. 452*).

Восторженный отклик на чтение Блоком стих. "О доблестях, о подвигах, о славе..." 25 апреля 1921 г. на вечере в Большом драматическом театре (это было последнее выступление поэта перед широкой аудиторией в Петрограде) содержит письмо молодой поэтессы Н.А. Минич к Блоку, написанное в тот же день (*РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 28*).

О своем чтении стихов Блока, в том числе "О доблестях...", в московском литературном обществе "Среда" поэту сообщала Н.А. Нолле-Коган в письме от 6 июня 1918 г. Это чтение явилось формой защиты поэта от яростной критики, вспыхнувшей на заседании "Среды" после доклада А.Б. Дермана "Творчество А. Блока". «Особенно негодовал Ив. Бунин... – отмечала Нолле-Коган. – Читала я "К музе", "Пляски смерти", "О доблестях...", "Ты в комнате...", "Успение", "Грешить бесстыдно", "Опять, как в годы золотые...", "Приближается звук...", "Скифы" и много еще, несколько раз я кончала, но просили еще. Я так была рада, потому что заранее верила в Вашу победу. Ив. Бунин подошел со словами: "Вы победили, Надежда Александровна", а когда я радостно ответила ему: "Да, гений поэта победил", он, усмехаясь, с поклоном подал мне ветку белой сирени...» (*ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 329*).

Стихотворение входило в программу концертных выступлений Н.Н. Волоховой. В годы гражданской войны, как вспоминала ее дочь, ею «больше читалось стихов о России, о Родине – это было созвучно эпохе. Из любовной лирики она любила читать "О доблестях..." и, по-моему, совсем не читала ей посвященное» (*Краснова И.А. Моя дорогая Н.Н.В. // Новые материалы по истории русской и советской литературы. М., 1983. С. 251*).

Современники видели в стихотворении одну из общих тенденций творчества Блока – связь с традиционными песенными началами русской поэзии. Ю.Н. Тынянов писал об этом: "Мелодическим материалом послужил ему и старинный романс..." (См. в сб.: *Об А. Блоке. Цит. по изд.: Тынянов Ю. Архаизмы и новаторы. Л.: Прибой. 1929. С. 513–514*). Рассматривалось стихотворение и как своеобразная параллель пушкинскому "Я помню чудное мгновение..." (см.: *Тимофеев Л.И. Творчество Александра Блока. М., 1963. С. 86*). Блок, однако, в отличие от Пушкина, раскрывает, по мнению исследователей, драматизм высокого чувства любви: "Пушкинскую задумчивую грусть сменяет отчаяние и некоторая надрывность, пушкинская элегия уступает место трагедии (<...>). Стихи Блока о любви в период 1908–1914 годов большей частью написаны в лермонтовском трагическом ключе" (*Крук И.Т. Поэзия Александра Блока. М., 1970. С. 131*).

Но час настал, и ты ушла из дому. // Я бросил в ночь заветное кольцо. – Ср. с другими стихотворениями 1908–1914 гг., отразившими драматизм семейных отноше-

ний поэта с Л.Д. Блок, например, "Своими горькими слезами..." (1908; т. 2 наст. изд.). Есть здесь отзвук и более ранних событий биографии поэта: его увлечения Н.Н. Волоховой. Как писала приятельница Л.Д. Блок актриса В.П. Веригина, стихотворение "огорчило Любу: в нем была обидная неправда (...) Кольцо бросил поэт раньше, когда взор его обратился в сторону (...) Волоховой" (*Воспоминания*, 1. С. 456). См. коммент. к "Снежной Маске" (т. 2 наст. изд.). Для Блока, однако, личная драма связана с общим неблагополучием. Ср. с его выводами в статье "Безвременье" (1906) о нравственном релятивизме нового времени: "Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет" (СС-85. С. 70). Творческая история стихотворения также указывает на его обусловленность кругом коренных вопросов, занимавших поэта: первоначально оно составляло одно целое со стих. "Забывшие Тебя".

Заветное кольцо – образ фольклорно-песенной традиции. Ср. в воспоминаниях М.А. Бекетовой об интересе Блока к народной песне "Потеряла я колечко..." (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 781).

Ты в синий плащ печально завернулась... – Блок использует общепозитическую (прежде всего романтическую) символику синего цвета (он связан с изображением духовно-возвышенных стремлений). Ср. в стих. "Потемнели, поблекли залы...": "Я рыдал в плаще голубом" (т. 1 наст. изд. С. 146–147). Ср. в драме "Незнакомка" значимость имени одного из персонажей – Голубой.

Не знаю, где приют своей гордыне // Ты, милая, ты, нежная... – Ср. изображение "бездн" в душе героини в стих. "Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене..." (1898): "Безумная, как страсть, спокойная, как сон..." (см. т. 1 наст. изд. С. 18).

Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий... – Ср. сходный мотив в стих. "Когда замрут отчаянье и злоба...": "И вижу в снах твой образ, твой прекрасный..."

ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ

("И час настал. Свой плащ скрутило время...")

(С. 43)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₂*. Л. 25 об.–24 (в составе первоначальной редакции стих. "О доблестях, о подвигах, о славе..."); *БА – Т₈*. Л. 36–36 об., "1 авг(уста) 1908 – (8 февр(аля) 1914)"; *БА – ГПБ*. Ф. 124. Ед. хр. 497; *Кор₁ Земли*. Л. 37–37 об., "1908"; *Кор₂ Земли*. Л. 58–58 об., "1908"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 6, "1 августа 1908" (число и месяц – автограф); *Кор₁ СУ*. Л. 12–13, "1 августа 1908"; *Кор₂ СУ*. Л. 12–13, "1 августа 1908".

Впервые: *ЕЖ*. 1915. № 12. Стб. 5.

Публикации: *Знамя труда*. *Временник литературы, искусства и политики*. 1918. № 1, июнь. С. 16; *СУ*. С. 12–13, "1 августа 1908"; *III*. С. 79–80, "1908".

В черновом виде входило в состав текста, датированного 1 августа 1908 г., из которого впоследствии выделилось три самостоятельных произведения (см. коммент. к стих. "О доблестях, о подвигах, о славе..."). Разные этапы работы над текстом отмечены в двойной датировке его и в примечании к нему в *Т₈*: «Это и предьд(ущее) стих(отворение) («Когда замрут отчаянье и злоба...» – *Ред.*) – разные варианты стих(отворения) "О доблестях, о подвигах, о славе" (дополн(ено) и перебел(ено)» (Л. 36 об.).

Заглавие вписано Блоком в *Хр. ук. Т₈*. Л. 90.

Выделяя стихотворение из первоначального, более объемного и разнонаправ-

ленного целого (чернового текста), Блок работал над его ритмической выразительностью. Так появились особые акценты в конце строф: каждая из них стала завершаться стихом более лаконичным – четырехстопным, а все произведение даже предельно кратким – трехстопным. Эту направленность авторской работы отметил Иванов-Разумник, сравнивая первоначальный текст с беловым: "Все последние строки каждой строфы были пяти- и шестистопные, а не четырехстопные, как в окончательном тексте" (*Иванов-Разумник. Л. 140*).

Притчевый, мифологический характер стихотворения основан на свободной интерпретации библейских предсказаний о гибели народов, не внявших заповедям Бога, о возмездии-мщении им. Описания грозных видений содержат разные библейские источники: книга Иова, книги пророков Исаии, Даниила и другие. В стихотворении немало выражений, находящихся соответствия в библейских текстах (см. ниже).

Стихотворение развивает важную для Блока тему "памяти" и "забвения". «"Память" в ее понимании Блоком – это неизменное присутствие в душе знания о высоком, выходящем за пределы индивидуальности: об идеале, о мире, о людях, о долге. Человек для Блока – это Помнящий, органически связанный с миром, поскольку это единение с миром без "памяти" невозможно (...) Антитезой памяти выступает у Блока забвение – утрата знания о мире, сон души и, шире, – сон культуры» (*Максимов П. С. 126*).

Ср. мотив "забвения" в драме "Незнакомка": трагедия Поэта заключается в том, что он "всё забыл" (*СС-84. С. 102*). Ср. с мотивом забвения земного мира и своей мечты в "Снежной Маске": "Вьюга память похоронит...", "Я всех забыл, кого любил..." (т. 2 наст. изд.). Нарастание трагической оценки темы "забвения" ощущается в произведениях Блока, созданных на рубеже 1910-х годов: стих. "Всё на земле умрет...", "Я сегодня не помню...", "В сыром ночном тумане..." и др. См. об этом: *Максимов П. С. 128*.

В негативном отзыве С. Боброва о сборнике "Седое утро" стихотворение оценивалось как "перепев" из Брюсова (*Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 146*).

Забывшие Тебя. – Обобщающая поэтическая формула стихотворения, восходящая к библейскому тексту, связана с часто встречающимся в разных книгах Священного писания наставлением Пророков в верности Богу и предостережением о возмездии за измену высшей правде. См. например: "Если же ты забудешь Господа, Бога твоего, и пойдешь вслед богов других, и будешь служить им и поклоняться им, то свидетельствуюсь вам сегодня [небом и землею], что вы погибнете..." (Втор. VIII. 19); "Еще он в свежести своей и не срезан, а прежде всякой травы засыхает. Таковы пути всех забывающих Бога..." (Иов. VIII. 12–13); "Да обратятся нечестивые в ад, – все народы, забывающие Бога" (Пс. IX. 18).

И час настал. – Ср. библейское выражение "И будет в тот день..." (Ис. XVII. 4; XXIV. 21 и др.). Библейский пророк предупреждает о том, что возмездие может наступить "внезапно, в один день" (Ис. XLVII. 9). Ср. в Евангелии: "... будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий" (Мф. XXIV. 44). Выражение имеет и традиции поэтического употребления. См. в стих. Ф.И. Тютчева "Я лютеран люблю богослуженье..." (1834): "Но час настал, пробил... Молитесь Богу...".

...И меч блеснул... – В библейских и евангельских текстах меч является символом, часто знамением возмездия. См.: "И падет меч на города его..." (Ос. XI. 6); "... и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч..."; "Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы" (Откр. I. 16; XIX. 15). О библейских реминисценциях и аналогичных образах у современников Блока (В.И. Иванова, Андрея Белого) см.: *Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 82*.

...и стены разошлись. – В книгах библейских пророков повествовалось о гибельных разрушениях и бедствиях, которые обрушиваются как отмщение на всех "жестоким сердцем, далеких от правды" (Ис. XLVI. 12). См., например: "И произойдет смятение в народе твоём, и все твердыни твои будут разрушены..." (Ос. X. 14).

Скитались мы, беспомощно роптали ~ не могли найти... – Ср.: "...мысли их – мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их (...) пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира" (Ис. LIX. 7–8); "...нисшедший в преисподнюю не выйдет, не возвратится более в дом свой..." (Иов. VII. 9–10).

Напрасный жар. – Ср. в стих. А. Фета "А.Л. Бржеской" ("Далекий друг, пойми мои рыдания...", 1879): "Напрасный жар, – никто не отвечает!.." (Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1901. Т. 1. С. 158).

Так – суждена безрадостность мечтанья // Забывшему Тебя. – Ср.: "...рабы Мои будут петь от сердечной радости, а вы будете кричать от сердечной скорби и рыдать от сокрушения духа" (Ис. LXV. 14).

"ОНА, КАК ПРЕЖДЕ, ЗАХОТЕЛА..."

(С. 44)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₆*. Л. 60 об. – 61, "30.VII.08.СПБ."; печ. текст – *НР НЧ*. Л. 12, ("На закате"); *Кор₁ НЧ*. Л. 9 об.–10; *БА – НР₁ III₁*. Л. 48, ("На закате"); печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 93, ("На закате"), "[1908]"; *Кор₁ Земли*. Л. 36; *Кор₂ Земли*. Л. 59–59 об.

Впервые: *Правда жизни (ПЖ)*. 1908. № 1, 1 дек., ("На закате").

Публикации: *НЧ*. С. 18–19, ("На закате"), в разд. "На родине. (1908–1910)"; *III₁*. С. 176, ("На закате"), в разд. "Родина"; *III₂*. С. 41; *III₃*. С. 81–82.

Первоначальный слой *БАП Т₆* совпадает с текстом первой публикации. Последующая карандашная правка сделана в разное время: в период подготовки *НЧ* (зачеркнуто четверостишие между ст. 4 и 5 основного текста) и в ходе работы над *III₂* (зачеркнуты ст. 9–12). В *НР НЧ* (печ. текст из газеты "Правда жизни") четверостишие между ст. 4 и 5 основного текста также вычеркнуто, и в *НЧ* стихотворение печаталось без него. В *Кор₁ Земли* и *Кор₂ Земли* включено в раздел "Возмездие. (1908–1913)". Здесь восстановлены ст. 9–12, заглавие отсутствует.

М.А. Бекетова связывала стихотворение со сложными отношениями Блока с женой, относящимися к 1908 г., видя в нем иной этап, отличный от того, который отразился в стих. "О доблестях, о подвигах, о славе..." (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 779). В стихотворении выражены и мучительные личные переживания поэта, и кризисность его идейных исканий в это время. Сопоставление стихотворения с письмами и записями поэта позволяет отнести его к числу тех произведений, которые стали своеобразным поэтическим дневником. Ср., например, обращения Блока к жене в письмах от 26 июля и 2 августа 1908 г.: "Я, кажется, дойду скоро до равнодушия полного, отправлю к черту весь этот проклятый мир"; "Я все время полон мыслями о тебе и только на тебя и надеюсь (...) Нам необходимо жить вместе и говорить много, помогать друг другу. Никто, кроме тебя, не поможет мне ни в жизни, ни в творчестве". См. также в письме Блока от 23 июля 1908 г. к жене: "Едва ли в России были времена хуже этого. Я устал бессильно проклинать, мне надо, чтобы человек дохнул на меня жизнью".

В 1912 г. К.А. Сюннерберг, откликаясь на получение от Блока книг с дарственными надписями, отмечал среди оказавшихся ему "больше по душе" стихотворений и

"На закате" (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 420. Л. 6; см. коммент. к стих. "О доблестях, о подвигах, о славе...").

...*Ни слов, ни счастья, ни обид*... – В авторском примечании к *III₁* Блок обозначил эту строку как реминисценцию из В. Брюсова, имея в виду стих. "К близкой" ("Предстанет миг, и дух мой канет...", 1903): "Мой дух бывшее отряхнет <...> И за познание тайн заплатит // Забвеньем счастья и обид <...> Восстанет вся любовь моя...". Идейная и эмоциональная тональность стихотворения Блока полемична по отношению к Брюсовскому.

Земное счастье запоздало // На тройке бешеной своей! – Ср. близкий образ в стих. "Я пригвожден к трактирной стойке...": "Вон счастье мое – на тройке // В серебристый дым унесено..." и коммент. Ближайшим истоком образа является стих. Н.А. Некрасова "Тройка" ("Что ты жадно глядишь на дорогу...", 1846) с его мотивом проносащегося мимо счастья: "Не нагнать тебе бешеной тройки..." В. Жирмунский в статье "Поэтика Александра Блока" (1921) в качестве более отдаленных источников образа указывает "Телегу жизни" А.С. Пушкина и "Ямщика Кроноса" Гете (см.: *Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 223–224).

...*Костер волненья залила*... – Ю.Н. Тынянов отмечал традиционность этого образа: он хранит "старую эмоциональность", "слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа <...> Поэтому в ряду символов Блок не избегает чисто аллегорических образов, символов давно застывших, метафор уже языковых..." (*Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. С. 517).

"НОЧЬ, КАК НОЧЬ, И УЛИЦА ПУСТЫННА..."

(С. 45)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЭК₂₃*. Л. 1., "4.XI." (над текстом); *АС* – *Т₆*. Л. 74 об., "1908. [XII] 4 XI", рукой Л.Д. Блок, правка и дата – рукой Блока; печ. текст – *НР НЧ*. Л. 21; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 24, "1908." (дата – автограф); *Кор₁ Земли*. Л. 37; *Кор₂ Земли*. Л. 60; печ. текст – *Изборник*. Л. 101, "[1908]".

Впервые: Речь. 1909. № 86. 29 марта.

Публикации: *НЧ*. С. 36; *III₁*. С. 119, "1908."; *III₂*. С. 42; *III₃*. С. 83.

Нижний слой *ЧА*, записанный карандашом, представляет первоначальную редакцию стихотворения, датированную "4.XI". В результате переработки первоначальной редакции текст приближен к основному.

В *АС Т₆* в ст. 7 – позднейшая правка Блока, так как ст. 7 в окончательном варианте впервые представлен в *III₂*.

В *НР НЧ* имеет помету: "Разделить", – и в тексте обозначено деление на четверостишия, как впоследствии и печаталось.

В *Кор₁ Земли* и *Изборнике* ст. 16 выделен курсивом.

В.Н. Орлов отмечал биографические истоки стихотворения, связанные с семейной драмой поэта, его переживаниями уходов Л.Д. Блок в 1908 г.: "Блок думал о ней и об ее судьбе непрестанно. К ней обращены строки одного из мрачайших его стихотворений:

Ночь – как ночь, и улица пустынна.

Так всегда!

Для кого же ты была невинна

И горда?"

(*Орлов Вл.* Гамаюн. Жизнь Александра Блока. С. 389).

Вероятно, при завершении работы над стихотворением в нем отразилась неожиданная для поэта встреча, которая произошла 13 ноября после чтения реферата "Россия и интеллигенция". 16 ноября Блок писал матери: «После религиозно-философского собрания мы с Женей (Ивановым Е.П. – Ред.) пришли пить чай к нам, а через полчаса позвонила очень милая девушка – из публики... русская, дочь священника. Очень глубокая и мрачная. 18 лет. Сидела она у меня до третьего часа ночи. Она знает все, что я писал, не только стихи, но все статьи. Хорошо знать, что есть такие читательницы. Важнее всего, что, по всему судя, она пришла с тем, чтобы спросить (не прямо, а косвенно, больше не у меня, а у моей "силы", которую она во мне видит) – стреляться ей или нет. Ушла, кажется, светлее, чем пришла». По характеру духовной настроенности "милая девушка – из публики", как ее воспринял Блок, вполне могла стать одним из прототипов героини (или героя) стихотворения.

По времени создания – ноябрь 1908 г. – стихотворение близко крупным публицистическим выступлениям поэта – статьям "Народ и интеллигенция" и "Ирония", переключается с ними размышлениями о трагизме переживаемого русским обществом момента. В кризисе духовных исканий, охватившем интеллигенцию, поэт видел одну из причин участвовавших самоубийств. См., например, записи Блока по поводу прений вокруг его доклада "Россия и интеллигенция" (он стал основой статьи "Народ и интеллигенция"): "Мне ясно одно: пропасть, недоступная черта между интеллигенцией и народом, – е с т ь. Та часть интеллигенции, которой закрыты пути к народу, громадна, она растет, она – не только лирики, декаденты, она – ежедневные самоубийцы (например)" (ЗК. С. 126).

Потерю воли к жизни, пессимизм самоуничтожения, – это "бытовое явление" конца 1910-х годов, поэт оценивал не однозначно. См. в статье "Народ и интеллигенция": «Интеллигенция осуждена бродить, двигаться и вращаться в заколдованном круге (...). Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного "богоборчества" декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением – развратом, пьянством, самоубийствами всех видов» (СС-85. С. 326–327). Ср. в Предисловии к переводу "Пра-матери": «...когда *старое* все еще не может умереть (...) а *новое* все еще не может окрепнуть, плачет немного неожиданными слезами, как Яромир, юноша сильный и мужественный, и погибает зря, как русские самоубивающиеся юноши без "цели в жизни"» (СС-84. С. 294).

В ритмике стихотворения – чередовании длинных и коротких хорейских строк – проявилась одна из характерных особенностей стиха Блока. Ср. со стих. "Ее песни" ("Не в земной темнице душной...", 1907), "Крылья" ("Крылья легкие раскину...", 1907) и др. (см. т. 2 наст. изд.). Ср. отзыв В. Брюсова (см. выше, с. 641). Хотя особенностями этого метрического строя пользовались и другие поэты начала XX в., в литературном сознании современников он вызывал часто ассоциации именно с Блоком. Показательны в этом отношении блоковские реминисценции, и прежде всего данного стихотворения, в пародии В.С. Познера на стих. В.А. Зоргенфрея "Эпилог" (РМ. 1908. № 12): "Блок как Блок, и все так же // Портят Блока... (<...> И в который раз перелагает // Блока он" (см.: Парнис А. Влад. Познер. "Наши страстные печали над таинственной Невой..." // Лит. обозрение. 1987. № 12. С. 92; ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 353).

Н.А. Павлович вспоминала о позднейшем обращении поэта к своему стихотворению в 1920 г.: «В серый осенний день Блок стоит у моего открытого окна. Только что прошел дождь. С крыши еще падают капли. Блок уже собирается уходить, вдруг

задерживается, оглядывает сырой пустынный переулочек и неожиданно начинает читать:

"Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам (...)
Слышите, п и с т о л е т! Это же мальчишество!"»

(БС-1. С. 482).

"Я СЕГОДНЯ НЕ ПОМНЮ, ЧТО БЫЛО ВЧЕРА..."

(С. 45)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₂₄. Л. 9–8 об., "3.П"(1909) (над текстом); *БАП* – *Т*₇. Л. 10 об., "3.П"; *БА* – *НР НЧ*. Л. 27; печ. текст – *НР*₂ *Ш*₁. Л. 72; *Кор*₁ *Земли*. Л. 37; *Кор*₂ *Земли*. Л. 60 об.

Впервые: Речь. 1909. № 51, 22 февр., без деления на строфы.

Публикации: *НЧ*. С. 42; *Ш*₁. С. 122; *Ш*₂. С. 43; *Ш*₃. С. 84.

В *ЧА* представлена первоначальная редакция, записанная чернилами. Карандашом добавлены стихи, соответствующие ст. 10–12 основного текста, приписан ст. (14), проведена правка. В *Т*₇, перед подготовкой *НЧ*, зачеркнута заключительная строфа первоначальной редакции. В *БА НР НЧ* текст записан с делением на строфы, затем строфическое деление устранено.

Темой "забвения" стихотворение связано с рядом произведений Блока рубежа 1910-х годов: "Забывшие Тебя", "Всё на земле умрет...", поэмами "Соловьиный сад" и "Возмездие" (см. в коммент. к стих. "Забывшие Тебя"). О развитии этой важной блоковской темы Д.Е. Максимов писал: «В стихотворении "Забывшие Тебя" (1908) говорится, что забывшим не отыскать путей и вообще не на что надеяться. В стихотворении "Всё на земле умрет..." (1909) забвение людской любви, подвигов, страстей толкуется как путь к смерти. Такое же решение мы находим в стихотворении "Я сегодня не помню, что было вчера..." (1909), которое, без сомнения, является кульминацией трагической темы забвения. Но угроза забвения продолжается и далее тяготеть над героем Блока...» (Максимов II. С. 127–128).

Стихотворение по-разному было воспринято современниками. Н. Гумилев восхитался его ритмическим совершенством (см. выше отзыв на *НЧ* в "Аполлоне". 1912. № 1). В. Брюсов, несомненно, имел и это стихотворение в виду, говоря о свежести образов Блока, непосредственности психологических наблюдений поэта (см. выше отклик на *НЧ* в *РМ*. 1912. № 1). Стихотворение (в ряду других – "Дохла жизнь в лицо могилы..." и "Когда я прозревал впервые...") привлекло внимание В. Львова-Рогачевского, который в статье "Символисты и наследники их", останавливаясь на книгах Блока "Ночные часы" и А. Белого "Пепел", писал: "Если отразилась русская жизнь в новых книгах поэтов-символистов, то в воплях отчаяния и растерянности". Ссылаясь на Блока, критик определял кризисное состояние символизма: «Наиболее искренние поэты отравили свои творения "незримым ядом мертвеца". У А. Блока Лучезарную сменила Смерть-владычица. Поэт глядит не в очи синие, бездонные заветной мечты, а в черные впадины черепа. "Пустынной жизни суета беззубым смехом искадила все, чем жива была мечта"». Рогачевский сопоставлял позицию Блока и Белого: «Книга Андрея Белого даже начинается стихотворением "Отчаяние":

"Довольно, не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ".

Ему точно вторит А. Блок...». Цитируя далее стих. "Я сегодня не помню, что было вчера..." со слов "Слишком больно мечтать...", критик делал вывод: "Это крах души. Это страшная опустошенность. С этим жить нельзя!" (Современник. 1913. № 6. С. 270–271).

Резко отрицательно оценивалось стихотворение в заметке без подписи "Сверх-поэзия", помещенной журналом "Светлый луч": «До каких геркулесовых столбов чепухи дописываются современные "декаденты", – трудно даже себе представить: до такой степени их писания похожи на бред психически больного мозга. Вот, например, какую прелестную вещьцу находим мы в "Речи" {...} Если в этом наборе слов вы что-нибудь поймете, – это будет весьма удивительно...». Далее приводилось полностью стих. "Я сегодня не помню, что было вчера..." (Светлый луч. 1909. Апрель. С. 800–801).

... Слишком больно мечтать // О былой красоте... – Не только общей трагической тональностью, но и сходством конкретных мотивов стихотворение близко ряду произведений Ф.И. Тютчева. См.: "Нет дня, чтобы душа не ныла, // Не изнывала б о былом..." (1865); "Но для души еще страшней // Следить, как вымирают в ней // Все лучшие воспоминанья..." ("Как ни тяжел последний час...", 1867).

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА ("Когда под заступом холодным...")

(С. 46)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₇. Л. 12, "2 марта"; АС – НР НЧ. Л. 20, рукой Л.Д. Блок; Кор₁ НЧ. Л. 18; Кор₂ НЧ. Л. 18; Кор₃ НЧ. Л. 18; печ. текст – НР₂ III₁. Л. 72, "Февраль 1909. Петербург." (дата-автограф); Кор₁ Земли. Л. 37–38, "Февраль 1909."; Кор₂ Земли. Л. 61, "Февраль 1909."

Впервые: РМ. 1910. № 2, февр. С. 184. 1-я паг.

Публикации: НЧ. С. 35; III₁. С. 120–121, "Февраль 1909."; III₂. С. 45, "Февраль 1909."; III₃. С. 85, "Февраль 1909."

В НР₂ III₁ обозначено деление на четверостишия. В РЭ III₁ под датой вписано: "Петербург". В Кор₁ Земли в ст. 19 слово "блаженным" выделено курсивом, до этого печаталось без выделения.

Дата под текстом – "Февраль 1909" – позволяет соотнести стихотворение с трагическим событием в семейной жизни поэта: 10 февраля 1909 г. умер сын Л.Д. Блок, родившийся 2 февраля. Посылая стихотворение матери 2 марта (в день его написания), Блок отметил, что оно ему нравится. В 1912 г. К.А. Сюннерберг, получив от Блока книги с дарственными надписями, писал 30 мая – 3 июня о своем прочтении "Снежной ночи": "... Мне интересно было выяснить для самого себя, что мне больше по душе в Ваших книгах". В числе выделенного им были "Вольные мысли", "Всё это было", "О доблестях...", "На смерть младенца" и ряд других (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 420. Л. 6). См. также коммент. к стих. "Она, как прежде, захотела...", "Весенний день прошел без дела...". В Брюсов, называя это стихотворение "тихими раздумьями "на смерть младенца", видел в нем характерную, на его взгляд, для НЧ устремленность: "мистические предчувствия сменились чувствами земными" (РМ. 1912. № 1. С. 32. 3-я паг.).

Ю. Айхенвальд, оценивая стихотворение, писал: "В душе, прежде богомольной, начинает гнездиться кошунство и богоборчество, – даже не жгучая ненависть к Богу, а презрение" (Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. С. 20).

К. Чуковский относил стихотворение к полосе духовного кризиса поэта: "Теперь в стихах, написанных на смерть младенца, он по-лермонтовски отрекается от Бога, а в другом стихотворении говорит, что люди, ищущие Бога, находят лишь Дьявола. Так без Бога и без людей, без неба и без земли, он остался один в пустоте – только со страхом и смехом" (Чуковский К. Книга об Александре Блоке. С. 72).

Позднее исследователи в пафосе "мужественности", присущем лирическому герою стихотворения, видели одну из главных линий развития "третьего тома": "Важная поэтическая мысль Блока (объединяющая влияние демократических концепций) состоит в том, что подвиг земного освобождения может совершить только человек и что подвиг этот – не в покорности, а в героической борьбе" (Миц З. Из поэтической мифологии "третьего тома" // Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века." Тарту, 1975. С. 51). См. об этом также в статье З.Г. Миц «Стихотворение Ал. Блока "Женщина"» // Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции. Омск, 1984. С. 71.

Мотив богоборчества в облике лирического "я" сближает стихотворение с другими произведениями раздела "Возмездие" (в разных его редакциях): "Не спят, не помнят, не торгуют..." (1909), "Мой бедный, мой далекий друг..." (1912).

Нет. Над младенцем, над блаженным, // Скорбеть я буду без Тебя. – В религиозном значении *блаженный* – это угодный Богу. См. евангельские стихи из Нагорной проповеди (Мф. V. 3–12). Богоборческим вызовом стих. перекликается с лермонтовской "Благодарностью" (1840). См.: Шувалов С.В. Блок и Лермонтов // О Блоке. М., 1929. С. 114.

"КОГДА Я ПРОЗРЕВАЛ ВПЕРВЫЕ..."

(С. 46)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 12 об., "Март."; *БА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 105. Л. 1; *БА – НР НЧ*. Л. 24; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 73; *Кор₁ Земли*. Л. 38; *Кор₂ Земли*. Л. 61 об.

Впервые: Искорки. 1910. № 25. Июнь. С. 3.

Публикации: *НЧ*. С. 39; *III₁*. С. 123; *III₂*. С. 47; *III₃*. С. 86.

В статье "Символисты и наследники их" В. Львов-Рогачевский, цитируя стихотворение (три последние строки второго четверостишия), относил его к числу характерных для книги *НЧ* с ее настроением "страшной опустошенности". В этом "крахе души" критик видел отражение кризиса символизма (Современник. 1913. № 6. С. 270–271). См. также коммент. к стих. "Я сегодня не помню, что было вчера..."

Когда я прозревал впервые... – Ср. в стих. "Всё бытие и сущее согласно...": "Я здесь в конце, исполненный прозренья {...} // Я только жду условного виденья..." (т. I наст. изд.). Первое четверостишие содержит воспоминания о мистических чаяниях юности. "Сюжет" воспоминаний строится на мотивах и образах ранних произведений, их развитии и переосмыслении.

... *Навстречу жаждущей мечте ~ И трубный ангел в высоте.* – Ср. с образами мистических видений "первого тома" (раздел *СПД*): "Ныне, полный блаженства, // Перед Божьим Чертогом // Жду прекрасного Ангела // С благовестным мечом"; "В лучах божественного света // Улыбка вспомнилась Жены"; "Верю в Солнце Завета, // Вижу зори вдали. // Жду вселенского света // От весенней земли" (см. т. I наст. изд.).

Мистические воспоминания лирического героя (как и образы ранних озарений) связаны (по своему происхождению) с традиционными атрибутами и символами божественного. "Лучи заревые" – поэтический образ нимба, осеняющего лик святых и небесный престол (см., например, Откр. I. 16). Образ "трубного ангела", связанный с мотивом чаемого преображения, восходит к евангельскому образу-символу семи Ангелов с трубами, возвещающих о Божьем суде над миром и его обновлении (Откр. VIII. 2–13).

Но торжества не выносила... – Ср. иное мироощущение в стихах раннего периода: "И весь исполнен торжества..." ("Сбылось пророчество мое...", т. 1 наст. изд. С. 53).

... *Беззубым смехом искажила ~ мечта.* – Мотивом разрушающей иронии стихотворение близко статье "Ирония" (1908). В позднейших оценках современников сущность этой переключки подчеркнул К. Чуковский: "И одно ему осталось в пустоте – это смех, тот кощунственный смех над любовью и верой, которым он смеялся еще в "Балаганчике". Но тогда в этом смехе было много лирической чарующей молодости. Теперь это жесткий смех опустошенного, не верящего в жизнь человека (...) Из Новалиса он сделался Гейне (...) Этот смех есть смерть. И все эти 8 лет, с 1908 по 1916 год, Блок неустанно твердил, что он мертвый" (Чуковский К. Книга об Александре Блоке. С. 67–68).

Обобщенное восприятие современниками образа "беззубого смеха" передавала Е.Ф. Книпович, вспоминая о Блоке периода работы над переводами Гейне – в 1919–1920 гг. Она писала: «Работа Блока над собранием сочинений Гейне походила не на редактирование, а на общение с живым человеком, бесконечно близким в одном и раздражающе чуждым в другом.

Гейневская ирония, которая способна разложить даже самое светлое – обратить в пустыню весь окружающий мир – эта ирония доводила Блока до самого злого отчаяния. В годы "страшного мира" он и сам нередко защищался "беззубым смехом" от разрывающих его противоречий. Но такой способ обороны он воспринимал, как тяжелую болезнь, и осуждал его как в других, так и прежде всего в себе» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 36–37).

Замолкли ангельские трубы... – Кроме мистической, наполненность образа связана и с концепцией "музыки", имеющей философско-обобщающее значение в творчестве Блока.

... *дневная ночь.* – Ср.: "Самый день – темнее ночи // Усыпленному душой" ("В день холодный, в день осенний...", т. 1 наст. изд.).

"ДОХНУЛА ЖИЗНЬ В ЛИЦО МОГИЛОЙ..."

(С. 47)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₇. Л. 13, "Март." (1909 г.); БА – НР НЧ. Л. 25; печ. текст – НР₂ III₁. Л. 73; Кор₁ Земли. Л. 38; Кор₂ Земли. Л. 62.

Впервые: "Студенческая жизнь" (Пасхальный номер). М., 1910. № 14–15. 18 апреля. С. 13 (Факсим.).

Публикации: НЧ. С. 40; III₁. С. 123; III₃. С. 87.

В РЭ III₁ вычеркнуто, в III₂ не вошло.

Общим трагическим настроением близко апрельским письмам Блока 1909 г. к родным и друзьям. См., например, в письме к Г.И. Чулкову: "Никогда еще не переживал я такой темной полосы, как в последний месяц – убийственного опустошения"

(апрель 1909 г.). Вероятно, стихотворение связано с переживаниями, которые вызвала смерть сына Л.Д. Блок. См. об этом в коммент. к стих. "На смерть младенца".

Об оценке стихотворения В. Львовым-Рогачевским (Современник. 1913. № 6) см. в коммент. к стих. "Я сегодня не помню, что было вчера..."

Дохнула жизнь в лицо могилкой... – Возможно, метафорический образ содержит ассоциации с поэзией Ф.И. Тютчева. Ср. со стих. "Арфа скальда" (1834): "Какой он жизнью на тебя дохнул?".

... *Чтоб гневной зрелостью презренья...* – Ср. у Лермонтова: "... Потомок оскорбит презрительным стихом, // Насмешкой горькою..." ("Дума", 1838). Мотив зреющего презрения-гнева – отрицания "страшного мира", получил развитие в стихотворениях, позднее составивших раздел "Ямбы". См.: "Дай гневу правому созреть..." ("Да. Так диктует вдохновенье...").

"КОГДА, ВСТУПАЯ В МИР ОГРОМНЫЙ..."

(С. 47)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 14, "Март." (1909 г.); *БА – НР НЧ*. Л. 23; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 73; *Кор₁ Земли*. Л. 39; *Кор₂ Земли*. Л. 62 об.

Впервые: альм. "Антология". М.: Мусажет, 1911. С. 9 ("Вступление") без посвящения, в цикле из 4 стихотворений под загл. "Ночные часы".

Публикации: *НЧ*. С. 38; *III₁*. С. 124; *III₂*. С. 48; *III₃*. С. 88.

В *Т₇* датировано посвящение: "Евгению Иванову (осень 1909)". Правка в ст. 10 и 15 в *Т₇* совпадает с такой же правкой в *НР НЧ* и относится ко времени подготовки *НЧ*. В *НР НЧ* сделано сокращение в посвящении: последние четыре буквы в имени зачеркнуты.

Написанное в марте 1909 г., стихотворение близко по смыслу другим произведениям этого времени, также отражающим глубокий духовный кризис, переживаемый поэтом (см. стих. "На смерть младенца", "Когда я прозревал впервые...", "Дохнула жизнь в лицо могилкой...", "Весенний день прошел без дела...", "Какая дивная картина...", "Ты в комнате один сидишь..."). В 1910 г. Блок включил его в цикл "Ночные часы", предназначенный для "Антологии" книгоиздательства "Мусажет" (М., 1911): "Вступление" ("Когда, вступая в мир огромный..."), "Искуситель" ("Ты в комнате один сидишь..."), "Посещение" ("То не ели, не тонкие ели..."), "Исход" ("Идут часы, и дни, и годы..."). В заглавиях стихотворений и композиции цикла выражен лирический сюжет "сумерек", "нескончаемой ночи" души. Стихотворению "Когда, вступая в мир огромный...", первому в цикле, отведена роль своеобразного зачина в раскрытии гибельного, трагического пути героя.

На приглашение А. Белого участвовать в "Антологии" (в конце августа – начале сентября 1910 г.) Блок ответил 6 сентября: "Конечно, я с огромным удовольствием пришлю стихов для альманаха "Мусажет". Могу прислать на днях, но хотел бы узнать сначала, сколько можно? Можно ли цикл (небольшой), или лучше – отдельное стихотворение?" Пересылка стихотворений состоялась только 22 октября 1910 г. «Прилагаемый цикл стихов, – писал Блок Белому, – который я хотел бы увидеть в "Мусажете", посылаю Тебе после долгих колебаний. Напиши мне свое откровенное мнение. Если Тебе очень не нравится, я мог бы заменить отдельные стихами (не циклом)". Белый вскоре ответил: "За стихи спасибо. Конечно, все пойдут; стихи – превосходны: они будут украшением альманаха (это вполне искренно)" (*Блок и Белый*. С. 241).

К выходу альманаха, которому мусагетовцы придавали большое значение (Белый рассматривал его как "смотр" тех, кто верен истинному символизму – см. его письмо Блоку от конца октября 1910 г.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 385; см. также: *Блок и Белый*. С. 240), Блок отнесся очень сдержанно. В письме от 6 июня 1911 г. он сообщал Белому: «Кстати: получил "Антологию" "Мусажета": зачем она? Время альманахов прошло; я думаю, что это – лишняя книга».

Ср. оценку в записи от 4 июня 1911 г.: «Альманах "Мусажета" – *никуда не нужная книга* (...). Надоели все стихи – и свои» (*ЗК*. С. 182).

На появление "Антологии" откликнулся С.М. Соловьев. 24 июня 1911 г. он писал Белому: "Твои стихи прекрасны. Блок слаб" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 384). О блоковском цикле в альманахе писал Г.В. Иванов 16 августа 1911 г. А.Д. Скалдину: «Плохие стихи его, по-моему, в "Антологии" Мусажета – какие-то трактаты, а не стихи...» (*Там же*. С. 386).

Когда, вступая в мир огромный, // Единства тщетно ищешь ты... – Ср. в лирике периода *СПД*: "Всё бытие и сущее согласно..." (1901, т. 1 наст. изд.). Сюжет стихотворения воссоздает один из моментов эволюции поэта периода "антитезы", кризиса мировоззрения. Если для "юношеского" символизма были свойственны "соответствия", то на следующем этапе "перед сознанием символистов – встало непримиримое нет" (заметка 26 марта 1910 г.: *ЗК*. С. 168).

... *Тоской иль страстию палим...* – Ср. с мотивом "тяжелой тоски" в стих. "Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет..." (1899, т. 1 наст. изд.). Образ включает перифраз стих. Пушкина "Духовной жаждою томим..." ("Пророк", 1826).

Когда ж ни скукой ~ уж не дышишь ты... – Ср. со стих. "Дохла жизнь в лицо могилой...". Мотив "дыхания жизни", то есть связи "я" и мира, развивается и варьируется в стихотворениях раздела "Возмездие" в своем противоположном значении: герой теряет связь с жизнью.

... *Когда запятнаны мечты...* – Ср. близкий мотив в стих. "Дохла жизнь в лицо могилой...": "Одна мечта (...) пой свои творенья // Незримым ядом мертвеца..."

... *жизнь ~ только замедляет шаг.* – Ср. тот же мотив в стих. "Какая дивная картина...": "Тихонько тлеет жизнь моя!"

"ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ ПРОШЕЛ БЕЗ ДЕЛА..."

(С. 48)

Автографы и авторизованные тексты: *БА* – Т₇. Л. 14 об., "Март." (1909 г.); *БА* – *НР НЧ*. Л. 29; *печ. текст* – *НР₂ III₁*. Л. 76; *Кор₁ Земли*. Л. 39; *Кор₂ Земли*. Л. 63.

Впервые: *НС*. 1910. № 4. Апрель. С. 3, ("Итог").

Публикации: *НЧ*. С. 44; *III₁*. С. 125; *III₂*. С. 50; *III₃*. С. 89.

Ю. Айхенвальд назвал стихотворение "элегией полной безнадежности и уныния" (*Айхенвальд Ю.* Поэты и поэтессы. С. 18).

Содержательную направленность стихотворения Блок при первой публикации подчеркнул заглавием "Итог". Стихотворение связано с рядом произведений конца 1900-х годов, сочетающих в теме утрат, "нисхождения" героя, лиризм и черты реального быта, "земных" проявлений драмы души. В этих особенностях стиля стихотворение сопоставимо с такими, как "Под шум и звон однообразный...", "Не спят, не помнят, не торгуют...", близкими ему и по времени написания (февраль и март 1909 г.). Они включались в ранние редакции раздела.

В 1912 г. К.А. Сюннерберг в письме к Блоку от 30 мая – 3 июня выделил в книге "Снежная ночь" в ряду других стихотворений, которые ему "больше по душе", и "Весенний день прошел без дела..." (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 420. Л. 6).

Весенний день <...> // У неумытого окна... – Конкретность ("весенний день") и приземленность ("неумытое окно", "на окнах шторы") обстоятельств действия отвечают облику героя, утратившего надмирные черты, живущего не бытием, а земными заботами. Объективно-реальный характер образности стихотворения в этом смысле заключает переосмысление символической условности образов ранней лирики (ср. образы "обетованной весны" в "первом томе" (раздел СПД), например, в стих. "Снова ближе вечерние тени...", "Хранила я среди младых созвучий..." (т. 1 наст. изд.).

... *прошел без дела...* – Ср. с мотивом бездеятельного существования героя, переживающего крушение, в стих. "Под шум и звон однообразный...": "Я ухожу, душою праздный, // В метель, во мрак и в пустоту". Напротив, мотив деятельного начала будет присутствовать в стихотворениях, раскрывающих новый этап пути героя – начало возрождения. См., например, в стих. "Как свершилось, как случилось?..": "Приходи ко мне, товарищ, // Разделить земной юдоли // Невеселые труды".

... *и пела, // Как птица пленная, жена.* – Традиционно-песенный образ пленной птицы используется для поэтизации обыденной жизни.

Я, не спеша, собрал бесстрастно // Воспоминанья и дела... – Ср. со сходными мотивами: "Мне страстной бурей не вздохнуть" (в стих. "Дохнула жизнь в лицо могилы..."); "Когда <...> Тоской иль страстию палим <...> ты волен // Гордиться счастьем своим!" (в стих. "Когда, вступая в мир огромный..."). Мотив опирается и на реминисценции из поэзии Ф.И. Тютчева: "Но для души еще страшней // Следить, как вымирают в ней // Все лучшие воспоминанья..." ("Как ни тяжел последний час...", 1867).

"КАКАЯ ДИВНАЯ КАРТИНА..."

(С. 48)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₇*. Л. 15, "Март" (1909 г.), ("Мой север"); *БАП – НР НЧ*. Л. 26, ("Здесь дух мой злобный и упорный..."); печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 73, ("Здесь дух мой злобный и упорный..."); *Кор₁ Земли*. Л. 39–40; *Кор₂ Земли*. Л. 63 об.

Впервые: *РМ*. 1911. № 4. Апрель. С. 1. 1-я паг., под загл. "На севере" ("Здесь дух мой злобный и упорный...").

Публикации: *НЧ*. С. 41 ("Здесь дух мой злобный и упорный..."); *III₁*. С. 125, ("Здесь дух мой злобный и упорный..."); *III₂*. С. 49, ("Здесь дух мой злобный и упорный..."); *III₃*. С. 90.

В *Т₇* текст содержит позднейшую правку: карандашом вычеркнуто начальное четверостишие. Такая же правка – и в *НР НЧ*. Позднее, при подготовке *III₃*, четверостишие было восстановлено.

Название стихотворения "Мой север" (*Т₇*), "На севере" (*РМ*) связывало его с широкой поэтической традицией медитативной лирики на северную тему. Она представлена у Пушкина, Лермонтова (например, "На севере диком..."), Баратынского, Тютчева ("Глядел я, стоя над Невою...", "Итак, опять увиделся я с вами..." и др.), Вл. Соловьева. Эту традицию продолжали и поэты-современники Блока. Возможно, стихотворение явилось откликом на интерпретацию темы севера Г. Чулковым: в конце 1907 г. вышел его сборник "Весною на Севере" (СПб., 1908; об отношении к нему Блока см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 314).

17 февраля 1911 г. Блок, отвечая на предложение В.Я. Брюсова продолжать сотрудничество с журн. "Русская мысль" (см. письмо Брюсова от 10 сентября 1910 г. – ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 513), писал: «Посылаю Вам два стихотворения для "Русской мысли". Простите, что так долго не посылал ничего. Это потому, что почти не пишу больше коротких стихотворений...». Из двух стихотворений – "На севере" ("Здесь дух мой злобный и упорный...") и "Не спят, не помнят, не торгуют..." – в журнале появилось лишь первое. "Вы видели, – сообщал Брюсов Блоку 8 апреля 1911 г., – что я напечатал одно из присланных Вами стихотворений в апрельской книжке "Р(усской) м(ысли)" (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 514).

... *Тревожит смехом тишину...* – Ср. с мотивом иронии в других стихотворениях раздела "Возмездие": "Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый, // Чтоб в тишине не изнемочь!" ("Когда я прозревал впервые..."); "Когда ты злобен (...) тогда еще ты волен // Гордиться счастьем своим!" ("Когда, вступая в мир огромный..."). См. коммент. к стих. "Когда я прозревал впервые..."

... *ворон черный // Качает мертвую сосну...* – Ср. в стих. "Всё б тебе желать веселья...": "И услышишь, замирая, // Мертвый окрик воронья!". Поэтический образ "воронья" как спутника (или предвестия) несчастья, смерти восходит к народным верованиям.

... *Тихонько тлеет жизнь моя!* – Ср. в стих. "Весенний день прошел без дела...": "Я, не спеша, собрал бесстрастно // Воспоминанья и дела..." Как и в других стихотворениях раздела "Возмездие", мотив недеятельного состояния сопровождает героя, утратившего высокие устремления. Реминисценция из стих. Ф.И. Тютчева "Как над горячею золой..." (не позднее 1830): "Так грустно тлится жизнь моя..." (см. об этом: *Петрова И.В.* Блок и Тютчев // Вопросы истории и теории литературы. Челябинск, 1968. С. 81).

"ТЫ В КОМНАТЕ ОДИН СИДИШЬ..."

(С. 49)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₇*. Л. 16–16 об., "Март." (1909 г.), ("Искуситель"); печ. текст – *НР НЧ*. Л. 30, ("Искуситель"); *Кор₁ НЧ*. Л. 23–23 об.; *Кор₂ НЧ*. Л. 23–23 об.; *Кор₃ НЧ*. Л. 23–23 об.; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 74, "1909" (дата–автограф), ("Искуситель"); печ. текст – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 126, "1909 III." (дата–автограф над текстом), ("Искуситель"); *Кор₁ Земли*. Л. 40; *Кор₂ Земли*. Л. 64–64 об.; печ. текст – *Изборник*. Л. 108.

Впервые: альм. "Антология". М.: Мусажет, 1911. С. 10–11, ("Искуситель"), в цикле из 4 стихотворений под загл. "Ночные часы".

Публикации: *НЧ*. С. 45–46, ("Искуситель"); *III₁*. С. 126–127, "1909.", ("Искуситель"); *III₂*. С. 51–52; *III₃*. С. 91–92.

БАП Т₇ содержит два ранних варианта заключительного четверостишия. Окончательный вариант вписан чернилами.

Написано в марте 1909 г., в 1910 г. (в сентябре–октябре) было включено в цикл "Ночные часы", предназначенный для "Антологии" книгоиздательства "Мусажет" (см. в коммент. к стих. "Когда, вступая в мир огромный..."). Пересылка А. Белому цикла сопровождала письмо от 22 октября 1910 г. В нем поэт выделял: «... Я последователен и в своей любви к "гибели" (незнание о будущем, окруженность неизвестным, вера в судьбу и т.д. – свойства моей природы, более чем психологические)». Этим кризисным мироощущением, когда поэт пришел "к отчаянию, проклятиям", "возмездью" в поис-

ках нового синтеза, объединены и стихотворения цикла. "Ты в комнате один сидишь..." занимает срединное положение, являясь своего рода кульминацией темы "Долгих лет нескончаемой ночи", "страшной памяти" утрат и расплаты (см. стих. "Посещение"). Включен в сюжет стихотворения и мотив двойничества. Двойственно раскрыт итог пути героя – как отчаяние и прозрение на пороге смерти, именно поэтому он представлен не только в духе разрушительной иронии, но и в трагическом аспекте. В стихотворении немало полемических параллелей к ранней лирике. Можно предположить, что заголовок "Искуситель" в рукописях и первых публикациях выделял его противопоставленность юношеской мистике: если там велся "диалог" героя с лучезарным Богом, то здесь – с Дьяволом-искусителем.

На общность данного стихотворения в теме "возмездия" за отступничество с переводом из П. Верлена "Синева небес над кровлей ..." обратил внимание Е.Б. Тагер (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 88). Ср. с отрывком из него, процитированным Блоком в статье "Три вопроса" (1908): "Что ты сделал, что ты сделал? // Исходя слезами, // О, подумай, что ты сделал // С юными годами!". Переводчику Ф.К. Сологубу Блок писал 2 декабря 1907 г.: «... оно неразлучно со мною с тех дней, "как постигал я первую любовь". И в эти дни, когда я мучительно сомневаюсь в себе (...) слова его со мной».

О последующем отношении Блока к напечатанным в "Антологии" стихотворениям см. выше в коммент. к стих. "Когда, вступая в мир огромный..."

Я твой давно забытый час... – Ср. в стих. "Забывшие Тебя": "И час настал". Слово-понятие восходит к евангельскому образу сроков возмездия.

... ты теперь в бреду, // Мятежный! – Облик героя, изменившего прежнему, своей молодости, рисуется в сопоставлениях с мотивами ранней лирики. См. "истинную" мятежность героя в стих. "Моей матери" (1901): "Чем больней душе мятежной, // Тем ясней миру..." (т. 1 наст. изд.). Ср. переключку с ранним мотивом мятежности в стих. "Покойник спать ложится...": он трактуется как трагический, без оттенков иронии. Стихотворение близко по времени написания к стих. "Ты в комнате один сидишь..." (написано в феврале 1909 г.)

... Старинный друг и нежный... – "Искуситель" предстает как ироническая параллель мистическим образам в ранней лирике. См. стих. "Моей матери": "Это Бог лазурный, нежный // Шлет свои дары". Именно к Богу, который "Нежностью объят", обращены мечты юного героя.

Не бойся вспоминать меня... – Мотив неодухотворенности высшим заключает полемическое переосмысление прежнего мотива бесстрашия перед лицом смерти как "инога новоселья" в ранней лирике. См. стих. "На смерть деда" и "Не бойся умереть в пути..." (1902). Ср. также в стих. "Жду я смерти близ денницы..." (1904) торжественный момент "готовности" к смерти: "Я готов. Мой саван плотен (...) Царски-каменной улыбки // Не нарушу на земли" (т. 2 наст. изд.).

Отмечен "определенный отзвук" в этих стихах из Я.П. Полонского. Ср. упомянутую Блоком строфу в "Автобиографии" (1915): "Снится мне: я свеж и молод, // Я влюблен. Мечты кипят. // От зари роскошный холод // Проникает в сад" ("Качка в бурю", 1850). См. об этом: *УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 306. С. 156.

Немудрый, знал ли ты тогда (...) Теперь ты мудр... – Ср. "ясность духа" "пред Божьим лицом" как истинную мудрость в стих. "Отрекись от любимых творений..." (1900): "Лишь единая мудрость достойна // Перейти в неизбежную ночь" (т. 1 наст. изд.). См. тот же мотив в стих. "На смерть деда" и "Не бойся умереть в пути..."

... знал ли ты тогда // Свой нищий путь возвратный? – Образ вызывает reminiscencies с евангельским нравоучением: "Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди" (2 Пет. II. 21).

Ты помнишь первую любовь... – Здесь Искуситель "напоминает" об евангельском

завете верности. Ср.: "Но имеют против тебя то, что ты оставил первую любовь твою" (Откр. II. 4).

... *И зори, зори, зори?* – "Таинство зари", знаки близкого "преображения" сопутствуют мистическому настроению героя во многих, прежде всего, юношеских стихотворениях Блока. См., например, "Верю в Солнце Завета" (1902), "Иванова ночь" (1906). См. об этом в коммент. к стих. "Когда я прозревал впервые..."

... *ветер за окном – // То трубы смерти близкой!* – Образ вызывает ассоциации с евангельскими текстами: трубящего Ангела, возвещающего страшный суд над миром и его обновление (Откр. X).

Я саван царственный принес // Тебе в подарок! – Ср. в стих. "Жду я смерти близ денницы...": "Опусти прозрачный полог // Отходящего царя" (т. 2 наст. изд.). Образ включает параллель мистическому мотиву смерти-преображения (с ее торжественными атрибутами), который характерен для стихов раннего Блока. См. также "Я знаю, смерть близка. И ты...", "Отрекись от любимых творений..." (1900).

"КОЛЬЦО СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕСНО..."

(С. 50)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₇. Л. 6; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1, "1909, лето –" (над текстом), "19 III 1914." (под текстом); *БА* – *Т*₈. Л. 55, "лето 1909 – 19 III 1914."; *Кор*₁ *Земли*. Л. 41; *Кор*₂ *Земли*. Л. 65.

Впервые: *РМ*. 1914. № 8/9. С. 69. 1-я паг., второе в цикле "Размышления" вместе со стих. "Как тяжело ходить среди людей..."

Публикации: *III*₂. С. 142, в разд. "Разные стихотворения"; "Весенний салон поэтов" (*ВСП*). М., 1918. С. 38, второе в цикле из двух стихотворений "Размышления" (в подборке под загл. «Из цикла "Седое утро"»); *III*₃. С. 93.

*ЧН ЗК*₂₇ (Л. 6) входил в состав первоначального замысла стих. "Всё это было, было, было...", из которого впоследствии оформилось три стихотворения. См.: *Быстров В.Н., Ясенский С.Ю.* О воплощении одного поэтического замысла Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 140–145.

ЧА ИРЛИ, имеющий двойную датировку, отражает два этапа работы над текстом. Он состоит из наброска второй строфы и *ЧА*, в котором текст представлен в основной редакции.

О публикации в *ВСП* см. с. 599 наст. тома.

Печатаю стихотворение вместе с "Как тяжело ходить среди людей..." в цикле под названием "Размышления", поэт выделял тем самым их общность, взаимодополняемость по настроению.

В рецензии В. Казанского на *III*₃, "одной из значительнейших книг нашего времени", отзыв на стихотворение выделял другую сторону оценки: «И все же Блок еще не вождь русского сознания {...} Александр Блок, хотя и увидел в свой божественный час раскрытое небо, еще не нашел обновленной земли. "Опять любить Ее на небе и изменить ей на земле", или мстить ей лермонтовским презрением и злостью – разве этим может дух спасти мир"» (*БВ*. 1917. № 16104. 17 февр.).

Кольцо существования тесно // {...} всё мы рабски повторим. – Стихотворение связано с философской концепцией "вечного возвращения". Блок обращался к ней в стихотворениях разделов "Пузыри земли", "Снежная Маска" (т. 2 наст. изд.).

...*все пути приводят в Рим...* – латинская пословица.

...*любить Ее на небе...* – Образом "Ее" стихотворение перекликается с миром

юношеской поэзии Блока – образом Прекрасной Дамы, идеалом Вечной Женственности. Однако это обращение к прежнему образу относится к периоду "антитезы", как его определял поэт в 1910 г.: "У меня – затемнение образа Прекрасной Дамы..." (ЗК. С. 168).

...И изменить ей на земле. – Отражением кризисного трагического мироощущения стихотворение близко неосуществленному драматическому замыслу конца 1908 г. См. запись от 19–20 ноября этого года (ЗК. С. 120–121).

"ЧЕМ БОЛЬШЕ ХОЧЕШЬ ОТДОХНУТЬ..."

(С. 50)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₂₈. Л. 10 об. "27 августа" (над текстом); БА – Т₇. Л. 62, "Осень 1909 – весна 1911. Шахматово.", ("Усталость"); Кор₁ Земли. Л. 41; Кор₂ Земли. Л. 65; печ. текст – *Изборник*. Л. 109.

Впервые: Сборник товарищества "Знание" за 1912 г. (*Знание*). СПб., 1912. Кн. 38. С. 26. 2-я паг., ("Усталость"), вместе со стих. "Осень" ("Там неба осветленный край..."). Публикации: III₂. С. 53; III₃. С. 93.

После вариантов ЧА ЗК₂₈ на следующих л. 11, 11 об. чернилами записаны наброски к стих. "День проходил, как всегда...", отдельные строки которых близки к данному стихотворению. Дата в Т₇ исправлена: "1910" на "1909".

В *Изборнике* авторская правка: изменение строфического расположения ст. 5.

О возможности напечатать стихотворение в очередном – XXXVIII – «Сборнике товарищества "Знание"» В.С. Миролюбов сообщал Блоку 12 января (н. ст.) 1912 г.: «2 стих(отворения) из присланных Вами ("Осень" и "Усталость") пойдут в след(ующий) Сборн(ик) "Знания"» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 7). Этому предшествовали переговоры Миролюбова с А.М. Горьким, который согласился на публикацию. Он писал: «"Сиенский собор" – очень запутанная вещь, а два другие стихотворения – можно печатать, хотя они не увеличивают лавров Блока» (М. Горький. Материалы и исследования. III. Л., 1941. С. 77).

Появление в этом издании стихов Блока стало предметом обсуждения в переписке Л. Андреева с Горьким в момент принципиальных разногласий между ними. В письме 28 марта (10 апреля) 1912 г. Л. Андреев отмечал: «Кстати, ты помнишь, почему по возвращении с Капри в Россию (в 1907 г. – *Ред.*) я отказался редактировать сборники "Знания"? Я хотел пригласить Блока и Сологуба, но ты восстал против этого и дал невозможно резкие характеристики того и другого. Теперь Блок – в "Знании". Мог бы я указать и на другие непоследовательности...» (ЛН. Т. 72. С. 333). На что Горький отвечал 11 (24) апреля: «Блок в "Знании" как пример моей непоследовательности – плохой пример: Блока печатают Пятницкий и Миролюбов, а я, как и раньше, не вижу в этом нужды, но и мешать этому не хочу, ибо мое отношение к "Знанию" изменилось» (Там же. С. 338).

...Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней... – Ср. с переживаниями поэта, которыми он делился с матерью в письме от 19 июня (н. ст.) 1909 г. из Милана: "Единственное место, где я могу жить, – все-таки Россия, но ужаснее того, что в ней (по газетам и по воспоминаниям), кажется, нет нигде (...) всем (кого мы ценим) отвратительно – всё хуже и хуже". Трагической настроенностью близко стих. "Жгут раскаленные камни..." из цикла "Флоренция". Заглавие в рукописи "Усталость", выделявшее общую тональность стихотворения, как бы предсказано поэтом в одном из итальянских стихотворений – "Искусство – ноша на плечах...": "А через год – в чужой

стране: // Усталость, город неизвестный...". Тематически перекликается со стих. "Дым от костра струею сизой...", где также выражено неприятие "страшного мира".

...*Сырой туман вползает в грудь...* – См. в стих. "Дым от костра струею сизой..." образный мотив "сырого тумана": "Всё, всё обман, седым туманом // Ползет печаль угрюмых мест (...) в свет зари вползает дым". Этот мотив-образ встречается в стихах раздела "Город". Например, в стих. "Вечность бросила в город...": "Уводи, переулоч, // В дымно-сизый туман..." (т. 2 наст. изд.).

...*По бархату ночей...* – Ср. близкий образ в стих. "Слабеет жизни гул упорный...", которое было задумано в то же время, что и данное стихотворение: "И некий ветер сквозь бархат черный (...)", "(...) Бросает в бархатную ночь!". Одушевленности высоким – "лучезарным" – в юношеской лирике часто сопутствовали освещенность красками зари и белый цвет.

Забудь о том, что жизнь была ~ Уснуть, уснуть... – Мотивом "забвения" (утраты "памяти") стихотворение связано с другими, вошедшими в разделы "Возмездие" ("Забывшие Тебя", "Я сегодня не помню, что было вчера..."), а также "Страшный мир" ("Под шум и звон однообразный..."). Стихотворение продолжает мотив забвения-сна, один из сквозных в разделе "Город". См., например, в стих. "Улица, улица...": "И забвенью купить, // И опять погрузиться // В сонное озеро города – зимнего холода... // Спице. Забудьте слова лучезарных" (т. 2 наст. изд.).

Образный строй стихотворения включает реминисценции из поэзии Ф.И. Тютчева. Ср. стих. (Из Микеланджело) (1855):

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть...

Ср. в стих. "Ночное небо так угрюмо..." (1865): "То вялый, безотрадный сон...".

ШАГИ КОМАНДОРА

("Тяжкий плотный занавес у входа...")

(С. 50)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₃₁*. Л. 44 об. – 45 об.; *ЧН* – *ЗК₃₂*. Л. 25; *БА* – *Т₇*. Л. 71–72, "Осень 1910 – 16 февр(аля) 1912"; *Кор₁ Земли*. Л. 41–42; "1910–1912."; *Кор₂ Земли*. Л. 65 об. – 66 об., "1910–1912."

Впервые: *РМ*. 1912. № 11. Ноябрь, С. 191–192 (1-я паг.).

Публикации: *III₂*. С. 55–56; *III₃*. С. 94–96, "1910–1912."

Наброски в *ЗК₃₁* (Л. 44 об.) непосредственно примыкают к наброскам к стих. "Седые сумерки легли...". Набросок в *ЗК₃₁* (Л. 45) варьирует 2-ю строфу стих. "С мирным счастьем покончены счеты..." и перекликается с *ЧН₁ ИРЛИ* к стих. "Седые сумерки легли...".

В *Т₇* посвящение приписано позже и датировано "17 VI 1916".

В *Кор₂ Земли* – помета Блока: «Брюсов указывал на неудачн(ое) вып(ажение) "мотор"». Ст. 39–40 отмечены курсивом в *Кор₁ Земли*.

К первоначальному наброску стихотворения (*ЧН*), который относится к осени 1910 г. (см.: *ЗК₃₂*. Л. 25), Блок вновь обратился летом 1911 г., во время работы над составлением *НЧ*. О завершающем книгу разделе "Итальянские стихи" поэт писал 26 июня Л.Д. Блок из Шахматова в Париж: «Все будет кончатся "Равенной". Пробовал

написать заключительные "Шаги Командора", но бросил; все равно, выйдет не первого сорта, лучше "Равенны" не написать». Стихотворение было закончено в феврале 1912 г. 25 сентября того же года Блок отослал его в "Русскую мысль", откликаясь на просьбу В. Брюсова не забывать журнала (в письме от 4 мая – ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 516). Брюсов ответил 29 сентября: «Благодарю за память и за стихи. Сознано, что "мотор" Дон-Жуана меня несколько смущает, и я не вполне уверен, хорошо ли это. Но, конечно, на то – Ваша воля, и я не почитаю себя вправе посягать на нее. Стихотворение будет напечатано в одной из ближайших книжек "Р(усской) м(ысли)"» (Там же). По поводу замечания Брюсова Блок писал 30 сентября 1912 г.: «Спасибо Вам за письмо. Относительно "мотора" Вы, кажется, правы, он и меня иногда коробил; но строфе этой уже около двух лет, а я все не сумел исправить, ничего лучшего пока не нашел».

Поводом посвящения стихотворения В.А. Зоргенфрею послужила одна из встреч с ним Блока. В 1922 г. Зоргенфрей писал об этом: «Запомнился мне теплый летний вечер, длинная аллея Петровского острова, бесшумно пронесшийся мотор. "Вот из такого, промелькнувшего когда-то мотора вышли "Шаги Командора", – сказал А(лександр) А(лександрович) (...) И прибавил, помолчав: "Только слово мотор нехорошо – так ведь говорить неправильно"» (ЗМ. 1922. № 6. С. 139). Об этой встрече Блок сделал запись 18 мая 1916 г.: "Вечером гулял я с В.А. Зоргенфреем по Петербургской стороне и Петровскому острову". О новой встрече запись сделана поэтом 17 июня: «Вечером в саду Народного дома, – встреча с В.А. Зоргенфреем (...) Он просил посвятить ему "Шаги Командора"» (ЗК. С. 300, 307). 21 июня Зоргенфрей напоминал поэту: "...я буду счастлив, если Вы сами напишете и пришлете мне стихи о Дон Жуане" (Русская лит. 1979. № 4. С. 129). Просьба была выполнена, вероятно, на следующий день: сохранился конверт письма Блока к Зоргенфрею с почт. штемп. 22 июня 1916 г. (см.: ИРЛИ. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 84). На следующий день, 23 июня, Зоргенфрей, видимо, именно в связи с этим писал: «Позвольте считать "Шаги Командора" посвященными мне, нынешнему, "страх познавшему"» (Русская лит. 1979. № 4. С. 129).

Стихотворение вызвало живой интерес у современников. Как отмечают современные исследователи, "образная система этого блоковского шедевра отразилась в одном из лучших стихотворений Зоргенфрея "Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче...", написанном 28 апреля 1916 г. (см.: Чертков Л. В.А. Зоргенфрей – спутник Блока // Русская филология. II сб. науч. студ. работ. Тарту, 1967. С. 132; Гречихин С.С. и Лавров А.В. А.А. Блок. Письма к В.А. Зоргенфрею // Русская лит. 1979. № 4. С. 129).

В оскорбительном тоне отозвался на публикацию стихотворения В.П. Буренин, называя его "образчиком стихотворной чепухи", "поистине бедламской пьесой": «... "новый стиль" именно в том и заключается, чтобы писать несусветную чепуху (...) Блок – один из самых блестящих светил бедламцев, признаваемых бедламскою критикою почти равным Брюсову и Бальмонту» (Новое время. 1912. № 13184. 23 нояб.).

По поводу этой рецензии Блок на следующий день записал в дневнике: «Буренин разнес меня за "Шаги Командора"». Как отмечал К. Чуковский, Блок помнил об этой рецензии и позднее, говоря о ней иронически – не только о Буренине, но и о своем стихотворении: «Ему действительно нравилась пародия В.П. Буренина, в которой тот втапывал в грязь его высокое стихотворение "Шаги Командора". Показывая "Новое Время" (...) он сказал: – Посмотрите, не правда ли, очень смешно:

В спальне свет. Готова ванна.
Ночь, как тетерев, глуха.
Спит, раскинув руки, донна Анна,
И над нею прыгает блоха.

Мне показалось, что такое откровенное хрюканье было ему милее, чем похвалы и приветы многих презираемых им тонких эстетов» (*Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт: (Введение в поэзию Блока). Пг., 1924. С. 46–47).

В. Казанский в отзыве на *III₂* останавливался и на "Шагах Командора": «Блок часто парит на великолепных высотах личного опыта, многие стихотворения его ("Шаги Командора", "Сон" и др.) дышат истинным величием мечты. Но когда же в нем будет то, что создает пророка и вождя – суровая героическая воля к преобразованию жизни?» (*БВ.* 1917. № 16104. 17 февр.).

По наблюдению Ю. Айхенвальда, у Блока в "Шагах Командора" «осердеченная простота нервно усложняется, и зрение смерти вызывает у него уже не непосредственный отклик участя, а "волны мысли" о смерти, и самую жизнью внушенная баллада принимает очертания, в которых мистика и модернизм, веяние жути и трезвое дыхание современной машинности вступают между собою в причудливый союз, так что зловещими стопами Каменного Гостя к Дону-Жуану приближается Командор в обстановке наших дней...» (*Айхенвальд Ю.* Поэты и поэтессы. С. 19–20).

Об интересе к стихотворению В. Маяковского вспоминал А.К. Гладков: «Осенью 1929 года я спрашивал (...) В.В. Маяковского (я провожал его домой из редакции "Комсомольской правды"), не является ли доказательством моего внутреннего надлома и органической нецелости мировоззрения то, что одновременно люблю его стихи и стихи Блока. Он ответил мне, что и сам любит Блока, и даже прочитал наизусть "Шаги Командора"» (цит. по изд.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 101).

В исследованиях, появившихся вскоре после смерти поэта – Ю. Тынянова, В. Жирмунского, стихотворение рассматривалось в связи с целостными оценками поэтики Блока, эволюции его творчества. Тынянов, объясняя своеобразие лиризма Блока, обращал внимание на традиционные образы, "стертые до степени штампов": "Такие же штампы и Арлекин, и Коломбина, и Пьеро, и Командор – любимые персонажи лирических новелл Блока (...) в них хранится старая эмоциональность; слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа, ибо новизна обычно отвлекает внимание от эмоциональности в сторону предметности" (впервые – в сб.: *Об А. Блоке*; цит. по изд.: *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. С. 516, 517).

В статье "Барсучья нора" О.Э. Мандельштам также оценивал связи Блока с традициями: "Вся поэтика девятнадцатого века – вот границы могущества Блока, вот где он царь...". В "Шагах Командора" Мандельштам видел "вершину исторической поэтики Блока, торжество европейского мифа, который свободно движется в традиционных формах, не боится анахронизма в современности". По его словам, "здесь пласты времени легли друг на друга в заново вспаханном поэтическом сознании, а зерна старого сюжета дали обильные всходы (Тихий, черный, как сова, мотор... Из страны блаженной, незнакомой, дальней слышно пенье петуха)" (*Россия.* 1922. № 1 (август). С. 28–29; цит. по кн.: *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987. С. 78.)

В. Жирмунский находил в "Шагах Командора" духовный максимализм романтика, как у Мюссе, Брентано: «Сознание душевного унижения, греха и падения проходит сквозь все последние стихи (...), – но в самом падении – взлеты мистически страстных восторгов, дающих болезненное опьянение бесконечным...» Образ "нездешней возлюбленной" в "Шагах..." является, по его словам, «карающим "отступника", угрожающим близким "возмездием" или поздним раскаянием» (впервые – в сб.: *Об А. Блоке*; цит. по изд.: *Жирмунский В.* Поэзия Александра Блока. – Пб., 1922. С. 24–25).

На примере "Шагов Командора" Жирмунский демонстрировал также основные черты "лирическо-музыкального стиля" Блока – "наиболее утонченные приемы в пользовании метафорой и символом": "...он строит свое произведение как бы на

самой границе соприкосновения двух миров – реального и сверхреального." В "Шагах Командора", этом "ночном стихотворении", привычные символы поэзии Блока – туман за окном, глухая ночь, наступление рассвета и крик петуха "из страны блаженной, незнакомой, дальней" – кажутся «почти реальными предметами "пейзажа", и вместе с тем, они дают уже предчувствие иной действительности (...) пока с появлением призрака эта иная действительность не становится воочию перед нами» (Там же. С. 80–81).

В статье Вяч. Вс. Иванова "Структура стихотворения Блока "Шаги Командора" (см.: Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975. С. 34–38) рассматривается звуковая организация стихотворения (анаграммы), выделен вопрос о соотношении использованной Блоком традиционной символики европейской легенды и ее русского воплощения (в "Каменном госте") с его собственным творчеством (образы "зеркал", "тумана", "стужи", "мотора" и "рожка", символическое обозначение – "Дева Света"). По мнению исследователя, для раннего Мандельштама и Ахматовой "это стихотворение было едва ли не наиболее близким к их собственному творчеству".

В.Н. Топоров отметил использование блоковских традиций А. Ахматовой: «В "Шагах Командора" обнаруживается много звеньев, которые с большим или меньшим приближением "разыгрываются" в "Поэме без героя" (...) Ахматова (...) предлагает читателю новый вариант поэтической биографии, усиленной помещением ее в рамки знаменитой традиции...» (Топоров В.Н. Об одном аспекте "испанской темы" у Блока // Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века." Тарту, 1975. С. 121).

Что теперь твоя постылая свобода, // Страх познавший Дон-Жуан? – Ср. у Пушкина: "Свою постылую свободу // Я потерять не захотел" ("Евгений Онегин". Гл. осьмая, "Письмо Онегина к Татьяне"). Ср. также в "Каменном госте" Пушкина: С т а т у я . (...) Дрожишь ты, Дон Гуан. Д о н Г у а н . Я? нет" (Сцена IV).

Близость Блоку, в интерпретации европейского литературного мифа, пушкинской традиции – нравственного суда над героем – подтверждает ряд соответствий. Как отмечено З.Г. Мицц, в блоковском тексте есть и цитаты, и перефразировки, чаще всего из "Каменного гостя". Переключку подчеркивает и переосмысленность образа (см. об этом: Мицц З.Г. Блок и Пушкин // УЗ ТГУ. 1973. Вып. 306. С. 135–296).

Холодно и пусто... – См. развитие мотива в сюжете стихотворения: "Из непомерной стужи...", "В час рассвета холодно и странно...", "Только в грозном утреннем тумане...". Этот традиционный блоковский мотив связывает стихотворение со стихами "Снежной маски", "Города" (см. т. 2 наст. изд.), а также "Страшного мира" и "Возмездия". См., например: "Я уожу, душою праздный, // В метель, во мрак и в пустоту" ("Под шум и звон однообразный...").

...Слышно пенье петуха. – Фольклорно-символический образ петуха – вестника рассвета – Блок использует неоднократно. См.: "Заливалось утро криком // Петуха..." ("Насмешница" ("Подвела мне брови красным...", т. 2 наст. изд.)).

Что изменнику блаженства звуки? – Ср. в стих. "Седые сумерки легли...": "(...) Ты изменил давно, // Бесповоротно". "Шаги Командора" имеют с этим стихотворением единый первоначальный замысел, они раскрывают одну тему – духовного краха, трагедии современника.

Донна Анна спит (...) видит сны... – Символический мотив "сна наяву" определился уже в юношеской лирике Блока. См., например, в стих. "Теряет берег очертанья..." (т. 1 наст. изд.). Ср. также в стих. "Чем больше хочешь отдохнуть...": "Одно, одно – // Уснуть, уснуть...". Мотив использован в поэме "Возмездие", к нему поэт часто

прибегал для обозначения своего духовного состояния, а также в письмах к близким. См., например, в письме к Л.Д. Блок от 21 марта 1908 г.: "Может быть, хоть кто-нибудь из вас очнется от сна".

Жизнь пуста, безумна и бездонна! – Ср. в стих. "С мирным счастьем покончены счеты...": "Жизнь пустынна, бездонна, бездонна...". Автоцитирование связано с тем, что стихотворения входили в общий первоначальный замысел. Мотив пустоты является одним из ведущих в разделах "Страшный мир" и "Возмездие". Он относится и к внешнему миру и к характеристике лирического героя (см.: *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. С. 203. См. также коммент. к стих. "Как свершилось, как случилось?..").

Черный, тихий, как сова, мотор. – Мотор (автомобиль) как реалия современной жизни присутствует и в стих. "С мирным счастьем покончены счеты..." Значимость этой поэтической детали Л.К. Долгополов определял так: «(...) "столкновение" со статуей Командора интерпретируется как столкновение "героя" с возмездием, с историей, с роком. Отсюда и автомобиль (...) – реальная примета времени, знак того, что "сюжет" стихотворения есть не более, чем условность» (*Долгополов Л.К.* Александр Блок: Личность и творчество. Л., 1980. С. 161).

Настежь дверь. Из непомерной стужи... – Ср. тот же символический мотив в стих. "Земное сердце стынет вновь...": "Но стужу я встречаю грудью...". Ю. Тынянов выделял во многих стихотворениях Блока единую эмоционально-лирическую основу. Мелодическим развитием – постепенным нарастанием определенных мотивов (холода, борьбы света и тьмы, боя часов – т.е. времени) – обладают и "Шаги Командора". См. об этом в кн.: *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. С. 518. См. в тексте развитие мотива времени: "Бой часов (...) Бьют часы в последний раз..."

"Ты звал меня на ужин. // Я пришел. А ты готов?.." – Ср. в "Каменном госте" Пушкина: "С т а т у я. Я на зов явился (...) Д о н Г у а н. (...) Я звал тебя и рад..." (Сцена IV). В блоковском толковании поединка Дон-Жуана и Командора осуществляется суд времени над героем, оказавшимся недостойным: «Здесь уже ничего нет ни от легенды, ни от Пушкина, ни от "подлинного" Дон-Жуана. Здесь только Блок с его обостренным и специфическим чувством эпохи» (*Долгополов Л.К.* Александр Блок. С. 162).

Дева Света! Где ты, донна Анна? – Версия образа донны Анны как носительницы идеального начала связывает его с идеями Вечной Женственности: образом Прекрасной Дамы, соловьевскими традициями у Блока. Сложность образа – донна Анна "спит в могиле", видит "неземные сны", однако говорится и о ее пробуждении в "смертный час" Дон-Жуана – раскрывает трагизм изображаемого, но не безысходность, в нем соприкасаются настоящее и будущее (см.: *Там же.* С. 163–164).

"МОЙ БЕДНЫЙ, МОЙ ДАЛЕКИЙ ДРУГ!.."

(С. 52)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т7.* Л. 91 об., "23 I 1909 – 29 XII 1912."; *Кор₁ Земли.* Л. 42; *Кор₂ Земли.* Л. 67; печ. текст – *НР СУ.* Л. 22, "29 декабря 1912." (дата – автограф); *Кор₁ СУ.* С. 36, "29 декабря 1912."; *Кор₂ СУ.* Л. 36, "29 декабря 1912".

Впервые: *РМ.* 1913. № 4. Апрель. С. 1. 1-я паг., в подборке под загл. "Восемь стихотворений".

Публикации: *СУ.* С. 36, "29 декабря 1912."; *III₃.* С. 97.

Негативную оценку стихотворение получило в отклике С. Боброва на сборник "Седое утро" (Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 146).

Высокий лексический строй, евангельская символика, эмоциональная напряженность и другие приемы ораторско-поэтического красноречия (обращения, прием градации) сближают стихотворение с традицией русской гражданской и романтической лирики XIX в.

...Снедающий меня недуг... – Близкие мотивы – "...я – в тревоге и в тоске...", "...я несу // Постылый груз воспоминаний..." – объединяют стихотворение с другими, вошедшими в подборку "Восемь стихотворений": "Ю. Верховскому" (1910), "Ветр налетит, завоюет снег..." (1912). Темой духовной трагедии героя стихотворение связано с большей частью входящих в раздел "Возмездие".

...постыли люди, // Уныло ждущие Христа... – Использование евангельского образа Христа как философско-поэтического символа встречается и в других стихах этого времени. Считая, что "Евангелие как образно-идейный источник было, безусловно, если не открыто, то воскрешено Блоком в мире Мережковских", З.Г. Минц отмечала: «Тем более символическим оказывается то, что, отходя от Мережковских, Блок в 1910-х гг. противопоставлял себя "постывшим" ему "людям, уныло ждущим Христа"» (БС-4. С. 153).

Их лишь к отчаянью приводят // Извечно лгущие уста... – Нарастающая в стихотворении интонация гнева-отрицания сближает его с рядом произведений 1910–1912 гг., в которых Блок выразил мотив гнева-возмездия, гнева-мятежа. Ср. стих. "Да. Так диктует вдохновенье...": "Дай гневу правому созреть (...) дай тоске и скуке // В тебе копить и гореть...". См. также стих. "Земное сердце стынет вновь...", "В огне и холоде тревог...", включенные поэтом в раздел "Ямбы", а первоначально составлявшие часть ранней редакции поэмы "Возмездие".

"КАК СВЕРШИЛОСЬ, КАК СЛУЧИЛОСЬ?.."

(С. 52)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1–5, "9 дек(абря)" (над текстом), "19 дек(абря)" (перед ст. 51); БА РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44а. Л. 9–11, "1913, XII (9–19)"; БА – Т8. Л. 6 об. – 8, "9–19 XII 1913."; печ. текст – ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 2. Ед. хр. 148; *Кор₁ Земли. Л. 43–44, "1912."; Кор₂ Земли. Л. 67 об. – 68 об., "[1912.] 1913."* (дата – автограф); БА (экземпляр, написанный под копировальную бумагу) – *Изборник. Л. 137, "[1913.XII]" (над текстом).**

Впервые: *Сирин. Сб. 3. СПб., 1914. С. 11, в цикле из семи стихотворений под загл. "Седое утро".*

Публикации: *III₂. С. 58–60; III₃. С. 98–100, "1913."*

В *БА РГАЛИ* сверху помета: "Сирин. III". Стихотворение сохранилось здесь вместе со стих. "Ты говоришь, что я дремлю..." и двумя стихотворениями, вошедшими в цикл "Седое утро" в 3-м сб. "Сирин": "Художник" ("В жаркое лето и в зиму метельную...") и "Как растет тревога к ночи!..".

Другими чернилами на *БА РГАЛИ* сделана помета "Возм(ездие)", вероятно, во время формирования раздела "Возмездие" для *III₂*.

Печатный текст стихотворения под номером XI в числе 12-ти стихотворений сохранился в конверте с надписью "П.В. Быкову" для предполагавшейся публикации, которая не состоялась.

На *БА Изборника* – более ранние пометы (зачеркнуты), связанные с подготовкой стихотворения для первой публикации в сб. "Сирин": проставлено название сборника – "Сирин. III", а также порядковый номер стихотворения в цикле "Седое утро" – "II".

Печатаю впервые стихотворение в цикле "Седое утро" ("Художник" ("В жаркое лето и в зиму метельную..."), "Как свершилось, как случилось?..", "О, нет! не расколдуешь сердца ты...", "Седое утро" ("Утреет. С богом! По домам!.."), "На бале" ("Я вижу блеск, забытый мной..."), "Как растет тревога к ночи!..", "Когда ты загнан и забит..."), Блок устанавливал его связь с рядом позднейших произведений (главным образом 1913 г.), которые развивали тему пути, а также преодоления испытаний на пороге нового. См. ее в открывающем цикл стих. "Художник": "Прошлое страстно глядится в грядущее (...) // (...) Я же, измученный, // Нового жду – и скуочаю опять".

Цикл "Седое утро" произвел сильное впечатление на Н.М. Фан-дер-Флит, корреспондентку поэта. Она прочтала стихотворение в корректуре сб. "Сирин", уже готовившегося к печати, о чем сообщала Блоку 9 или 10 марта 1914 г. (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 2–3). В записной книжке Блок оставил помету от 10 марта: "Письмо от Н. Фан-дер-Флит (о "Седом утре", еще не вышедшем). Я не отвечаю" (ЗК. С. 215). Получив вышедший сборник "Сирин" 20 марта, Блок 23 отметил: "К Кустодиеву (ему – наш третий сборник и две детских книжки)" (Там же. С. 218).

В Жирмунский рассматривал стихотворение в ряду тех многих произведений Блока "третьего тома", которые выражали противоречия его романтической философии – "бесконечности души человеческой". Он писал: «В своих последних стихах, включенных во второе и третье (посмертное) издание III книги, Блок – поэт пьяной, угарной, цыганской любви и все более тяжелого и безнадежного похмелья. Вместо восторженных взлетов первых страстных стихов – все усиливающееся, гнетущее сознание душевной разорванности и падения. Падение и грех вскрываются поэту с полной ясностью в своем страшном религиозном смысле, как "глубины сатанинские"». Далее исследователь цитировал строфу "Не таюся я перед вами ~ Преисподнего огня" (Жирмунский В. Поэзия Александра Блока. С. 23).

К этому же образу стихотворения прибегала О.Д. Форш в романе "Сумасшедший корабль", воссоздавая духовную жизнь Петрограда первых лет революции, роль в ней Блока: «Как Данте, возник он (Блок, называемый Форш Газтаном. – *Ред.*) среди пожара, "обожженный языками преисподнего огня"» (Форш О. Сумасшедший корабль. Л., 1931. С. 100).

В позднейшем изучении не однажды подчеркивалась связь стихотворения с темой пути как магистральной в творчестве Блока. По определению Л. Гинзбург, «Блок сам, в стихах и прозе, набрасывал схему своего "романа" (например, в стихотворении "Как свершилось, как случилось?..")» (Гинзбург Л. О лирике. Л., 1974. С. 263). Д.Е. Максимов считал, что в этом стихотворении тема пути разработана "наиболее полно и прямо", оно "одно из кульминационных" в ее развитии, связано со всем творчеством поэта и особенно тесно – с его статьями "О современном состоянии русского символизма", "От Ибсена к Стриндбергу" и "Памяти Августа Стриндберга" (Максимов И. С. 111).

Но Величий неких тайна ~ Я Высокое познал. – Иносказание об истоках пути может быть сопоставлено с мотивами "откровений" в юношеской лирике. Ср., например, обращенность к "Высокому" в стих. "Ищу спасенья...": "Но ярче всех – во мне духовный взор // И Ты вдали..." (т. 1 наст. изд.). Ср. также с рассказом Блока о начале своего пути в статье "О современном состоянии русского символизма": "В первой юности нам было дано неложное обетование" (СС-83. С. 435).

...Была я царь и страж случайный. – Ср. в статье "О современном состоянии русского символизма" о вступлении в период кризиса: "Мы пережили безумие иных миров, преждевременно потребовав чуда (...) мы отдавались закату, красивые, как царицы, но не прекрасные, как цари, и бежали от подвига" (Там же). Образ неверного

стража (см. далее – "И, покинув стражу...") может быть контрастно соотнесен с образом стих. "На страже", где "страж", двойник лирического героя, является носителем света, верности "Высокому".

Падший ангел, был я встречен // В стане их, как юный бог. – Образом *падшего ангела* стихотворение связывается со статьями "О лирике" (1907) и "Памяти Врубеля" (1910). Уже в первой из них образ, имеющий протяженные традиции от Лермонтова до Врубеля, получил широкое толкование в качестве символа человека новой эпохи. Исследователи творчества Блока рассматривают этот образ как неотъемлемую и важную часть его поэтического мифа о человеке (см., например: ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 146). Обобщающее значение образа, его органичность для творческих исканий Блока осознавали современники поэта. Не случайно в этой связи заглавие статьи А.Н. Толстого "Падший ангел", посвященной памяти Блока (*Толстой А.* Нисхождение и преображение. Берлин, 1922. С. 19–37).

Ср. в посвященном Блоку стих. В.И. Иванова "Бог в лунапарии" (1909): "И бога демон надоумил // Сойти на стогна с плит святых..."; а также встречу "падшего" героя "лемурами" в стих. В. Брюсова "Молния" (1904): "Ты – наш! – вскричали в дикой нежности, – (...) Тропы лазурные забудь!" (Впервые указано Н.В. Лоцинской; см. об этом в изд.: *Блок А.* Стихотворения. Кн.: 3. (1907–1916). СПб., 1994. С. 379.)

Но не спал мой грозный Мститель ~ гневно-светел... – Образ содержит реминисценции с ангельско-рыцарственными образами "Стихов о Прекрасной Даме", а также с образом стража-ангела в стих. "На страже": "Он не смежит упорный взор. // Он стережет все поцелуи, // Паденья, клятвы и позор" (т. 2 наст. изд.). По мнению Д.Е. Максимова, этот образ является сквозным в творческом развитии Блока: «Если же брать не только эмблематическую форму, но и внутреннюю тему образов (голос совести и долга), то легко убедиться, что она звучит на протяжении всего творчества Блока, объединяя раннюю и позднюю его поэзию, но особенно усиливаясь в третьем томе: "Май жестокий с белыми ночами!" (1908), "В сырном ночном тумане..." (1912), "Соловиный сад" (1915). Так, этический императив, возникший (...) еще в эпоху "святого прошлого" (...) конкретизируясь на новых этапах, превращается (...) в чувство напряженной бдительности и ответственности, в которых он (Блок. – *Ред.*) улавливает зов будущего» (*Максимов. II.* С. 94).

Только крыл раздался трепет ~ Как разгневанная тень. – Вероятны реминисценции с поэзией В. Соловьева. См. в стих. "Какой тяжелый сон! В толпе немых видений..." (1885, июнь 1886): "Напрасно я ищу той благодатной тени, // Что тронула меня своим крылом (...) // Вновь чую над собой крыло незримой тени...".

...День жестокий, день железный // (...) сталь и сталь... – Ср. сходное определение "жестокоего" – современного – века в стих. "Сквозь серый дым от края и до края...": "Тем кажется железней, непробудней // Мой мертвый сон. Ср. в черновике: "Тем, в этот век железный, непробудней // Наш тяжкий сон".

И пустыней бесполезной ~ Прежде милая мне даль. – Мотивом жизни-пустыни стихотворение переключается с другими, входящими в разделе "Страшный мир" и "Возмездие": "С мирным счастьем покончены счеты...", "Когда я прозревал впервые...", "Шаги Командора". Образы пустоты, пустыни, появившись в разделе "Город" (см. в стих. "Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...": "Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном..." – т. 2 наст. изд.), становятся одной из постоянных характеристик "страшного мира". Это проявилось в переосмыслении традиционного для Блока образа "дали", становящейся пустыней. См.: *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. С. 203.

...Я стою среди пожарниц... – Возможно, образ связан поэтическими реминисценциями со стих. "Мчи меня, память, крылом нестареющим..." (1892) В. Со-

ловьева: "Мчи меня, память (...) // В милую сердцу страну. // Вижу ее на пожарище тлеющем..."

Приходи ко мне, товарищ... – Слово "товарищ" имело для Блока в ту пору принципиальное значение. В этом явно проступали его демократические симпатии, что поэт признавал и подчеркивал в статье "Памяти Августа Стриндберга".

ЯМБЫ

В раздел "Ямбы" (далее в тексте сокращенно – Я) входит 12 стихотворений. Они были написаны Блоком в 1907–1914 гг.

К разделу, по наблюдению исследователя, "тянутся нити из многих разделов тома", а сами Я "по-новому освещают весь том" (*Правдина И.С.* Формирование лирической трилогии // *ЛН.* Т. 92. Кн. 4. С. 632).

Первое "безымянное" упоминание цикла встречается в записной книжке Блока от 7 февраля 1914 г.: «Стихи (и для "Заветов")». "Заветы" – литературно-политический журнал эсеровского направления. Его литературным отделом руководил Р.В. Иванов-Разумник, с которым Блок сблизился в эти годы (см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 367–385). Иванов-Разумник привлекал символистов к участию в журнале. 13 февраля, напоминая Вяч. Иванову про обещанный цикл стихов для "Заветов", он сообщал, что уже имеет "циклы Ф. Сологуба, А. Белого, А. Блока, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса" (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 429). Указанный цикл стихотворений Блока в журн. "Заветы" не появился: в августе 1914 г. после вступления России в войну последовало закрытие журнала, в связи с чем 17 сентября 1914 г. Блок отметил: «"Заветы" закрыты навсегда» (*ЗК.* С. 240).

В архиве Р.В. Иванова-Разумника уцелело несколько листов наборной рукописи этого неизданного первого варианта цикла. На обложке рукой Блока написано: "Александр Блок. Ямбы", ниже – карандашом: «"Заветы" Портфель» (второе слово приписано Ивановым-Разумником); еще ниже Блок приписал: "прошу присылать журналы Офицерская 57, кв. 21" (*ИРЛИ.* Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 39). В обложке находятся пронумерованные беловые автографы трех стихотворений: "О, я хочу безумно жить..." – под номером "2", "Так мне диктует вдохновенье..." – под номером "3", "Земное сердце стынет вновь..." – под номером "5". Второе и пятое стихотворения (соответственно этой нумерации) вскоре были напечатаны в составе цикла из четырех стихотворений под общим заглавием "Твердость": "И страшно, и легко, и больно..." (вариант стих. "Так. Буря этих лет прошла..."), "О, я хочу безумно жить...", "Земное сердце стынет вновь...", "О, как смеялись вы над нами..." (*Русское слово.* 1915. № 67. 22 марта, пасхальный выпуск); первые два стихотворения с тем же объединяющим заглавием были перепечатаны: *Маленькая газета.* 1915. № 86 (187), 30 марта.

О связи данного цикла с тем, что был предоставлен журн. "Заветы", свидетельствует позднейшая переписка Блока с Р.В. Ивановым-Разумником. 16 декабря 1916 г. последний обратился к поэту за разрешением поместить в подготавливаемом им сборнике "Скифы" «цикл (...) стихов ("Ямбы"), оставшийся еще после разгрома 1914 года» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 403). Спустя несколько месяцев, вернувшийся с фронта Блок отвечал: «"Ямбы" мои (если что-либо подобное еще может понадобится) давно напечатаны в "Русском слове"», имея в виду указанный выше цикл "Твердость" (письмо от 26 апреля 1917 г.).

Быстро менявшаяся ситуация в стране изменила отношение Блока к вопросу об актуальности цикла. В январе 1918 г. расширенный цикл под таким названием Блок

предложил для журн. "Наш путь" – нового печатного органа левых социалистов-революционеров (интернационалистов), в редакцию которого входил Р.В. Иванов-Разумник. «Вот матерьял для первой книги "Нашего Пути", – писал ему Блок 30 января 1918 г., называя в числе рукописей цикл "Ямбы", в котором, по его словам, – впервые будет печататься только четвертое стихотворение ("Тропами тайными, ночными...". – *Ред.*) (...) остальные почти все – с вариантами» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 406). Передача цикла в журн. "Наш путь" была неслучайной. По свидетельству М.А. Бекетовой, Блок "близко стоял к интересам редакции, находя в ее атмосфере отклик своих настроений" (*Бекетова 12*. С. 259). Однако и эта публикация не состоялась. Журнал вскоре был запрещен, в двух его вышедших номерах, за апрель и май 1918 г., цикл *Я* напечатан не был (о "разгроме" редакции журнала в июле 1918 г., см.: *Иванов-Разумник Р.В.* Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 242). Перипетии этого неосуществленного издания нашли отражение в записной книжке Блока. См. его записи от 12 апреля 1918 г.: «Выйдет 1 книжка "Нашего пути" (?) – Два экземпляра корректуры "Ямбов"; от 4 мая: «Восстановлены "Ямбы"» и 8 мая: «На Лиговку (там размещалась редакция журнала. – *Ред.*) (NB. Рукопись "Ямбы")» *ЗК*. С. 399, 404, 405).

В конце года Блок предложил опубликовать *Я* издателю "Нового журнала для всех" В.С. Миролубову. «"Ямбы", которые посылаю Вам для журнала отдельно заказной бандеролью, одновременно с этим письмом, – писал он ему 5 декабря 1918 г., – предназначались для III книжки прекратившегося "Нашего пути". Если напечатаете их, буду очень рад, так как мне они кажутся одними из лучших моих стихов. Все десять стихотворений, кроме четвертого, были напечатаны в разных местах в разное время». Наборная рукопись цикла сохранилась в архиве В.С. Миролубова (*ИРЛИ*. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1370). В ней находятся следующие пронумерованные стихотворения: "I. О, я хочу безумно жить...", "II. Так. Буря грозная прошла...", "III. Я ухо приложил к земле...", "IV. Тропами тайными ночными...", "V. В голодной и большой неволе...", "VI. Когда мы встретились с тобой...", "VII. О, как смеялись вы над нами...", "VIII. Страна под бременем обид...", "IX. Да. Так диктует вдохновенье...", "X. Земное сердце стынет вновь..."; к последнему пронумерованному тексту примыкает стих. "В огне и холоде тревог...", оно не имеет нумерации, но отделено от предыдущего чертой.

Все стихотворения за исключением восьмого вошли в канонический состав цикла (восьмое – "Страна под бременем обид...", являющееся частью третьей главы последней редакции поэмы "Возмездие", см. т. 5 наст. изд. – в качестве отдельного стихотворения публиковалось в 1915 г. в рождественском выпуске *БВ*).

В таком варианте *Я* также опубликованы не были: спустя 2 недели Блок просил вернуть рукопись в связи с намерением С.М. Алянского издать *Я* в издательстве "Алконост" отдельной "брошюрой" (см. письмо Блока В.С. Миролубову от 22 декабря 1918 г. и запись от того же числа в записной книжке Блока; ср. там же запись от 16 января 1919 г.: «звонил Миролубов ("Ямбы" – высшее интеллигентское (...))» (*ЗК*. С. 445).

4 января 1919 г. Блок отметил в записной книжке: «Алянскому – "Ямбы"» (*ЗК*. С. 444). 23 февраля им уже была получена от С.М. Алянского корректура, 25 июля – оттиски (см. записи за эти числа в записной книжке Блока). В августе вышла сама книга, что было также зафиксировано Блоком в записной книжке 6 августа 1914 г.: «Без меня Алянский принес "Ямбы"» (*ЗК*. С. 470). По составу это издание (сб. *Ямбы*) совпадает с окончательным разделом *Я*.

В сильно сокращенном виде цикл *Я* из четырех стихотворений ("Я ухо приложил к земле...", "Тропами тайными, ночными...", "Да, так велит мне вдохновенье...", "В огне

и холоде тревог...") при посредстве Р.В. Иванова-Разумника был напечатан в журн. "Знамя" (1920. № 1. Стб. 43–45). Тексты, как и ранее подчеркивал Блок, предлагая Р.В. Иванову-Разумнику цикл, и в этом новом составе имеют варианты, третьи из стихотворений дается в первоначальной редакции, при этом в публикации допущен ряд опечаток и типографских погрешностей.

Параллельно с подготовкой указанных публикаций шло формирование данного раздела в составе "лирической трилогии". Готовя корпус стихотворений третьего тома для издательства "Земля", Блок впервые ввел раздел *Я*, поместив его после раздела "Возмездие".

Поскольку издательство "Земля" не могло продолжать свою деятельность (см. об этом во вступительной статье к наст. тому) третий том был передан издательству "Алконост". В его основу были положены *Кор₁* и *Кор₂ Земли*; они были подписаны Блоком в августе 1918 г., однако, по свидетельству Иванова-Разумника, Блок и позднее продолжал вносить поправки в раздел *Я*. При подготовке этого раздела в *III₃* – уже в *Кор₁ Земли* – в него были перенесены из раздела "Возмездие" стих. "Я – Гамлет. Холодеет кровь..." и "Не спят, не помнят, не торгуют...".

Хронологические рамки раздела охватывают большую часть периода, который позднее был обозначен Блоком как период "между двух революций" ("Интеллигенция и революция", 1918). Два первые по времени создания стихотворения раздела ("Я ухо приложил к земле..." и "Тропами тайными, ночными...") были написаны в день роспуска Государственной Думы (3 июня 1907 г.).

Вторая группа стихотворений, входящих в раздел ("О, я хочу безумно жить...", "В голодной и больной неволе...", "Не спят, не помнят, не торгуют...", "Я – Гамлет. Холодеет кровь...", "Так. Буря этих лет прошла..."), была начата в феврале – мае 1909 г., в пору преодоления поэтом духовного кризиса. Пережитая Блоком личная трагедия (см. коммент. к стих. "На смерть младенца") наложила отпечаток на эти произведения, в которых звучат темы всеобщего неблагополучия, верности "первой любви", поиска жизнеутверждающих начал.

Третья группа текстов связана с творческой историей поэмы "Возмездие", из которой на разных этапах ее создания они были выделены. Их автографы находятся в составе рукописей поэмы (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139). В ранние редакции поэмы 1909–1911 гг. входили наброски и тексты стих. "Когда мы встретились с тобой..." (см. 4-ю главу второй редакции), "В огне и холоде тревог..." (должен было заключать вторую редакцию). Во вторую редакцию входил также текст стих. "О, как смеялись вы над нами..." (см. 7-ю главу).

Эти две редакции окрашены переживаниями от поездки Блока в Варшаву в декабре 1909 г. на похороны отца. По мере разрастания поэмы, в третьей ее редакции (осень 1911 г.), "варшавский" сюжет занял третью главу, из которой затем был вычленен текст стих. "Да. Так диктует вдохновенье..." (т. 5 наст. изд.).

Сохранилась также отдельная подборка фрагментов третьей редакции (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 49). Среди них – автографы текстов: "О, как смеялись вы над нами...", "Но так велит мне вдохновенье...", "Земное сердце стынет вновь...", "В огне и холоде тревог..." (т. 5 наст. изд.). Девять стихотворений второй датой имеют февраль 1914 г. – в это время Блок заново формировал третью главу, работал над первой главой и прологом к поэме.

5 февраля было закончено стих. "О, я хочу безумно жить...", имеющее помету "к поэме" и тематически связанное с ее вступительными стихами. 6 февраля – дата работы над стих. "О, как смеялись вы над нами...", "Я – Гамлет. Холодеет кровь...", "Когда мы встретились с тобой...", "Земное сердце стынет вновь...", "В огне и холоде тревог...". 7-м февраля датированы стих. "В голодной и больной неволе...", "Так. Буря

этих лет прошла...", "Да. Так диктует вдохновение...". И.А. Ревякина, осмысляя причины вычленения ряда текстов из поэмы "Возмездие", отмечает самостоятельность ранней редакции поэмы, поглощенной затем большим эпическим целым: цикл унаследовал от раннего замысла существенные элементы, отношение поэта к "холоду" жизни, к тому, что вызывает в ней призыв к мести, мятежу, идею "революционных предчувствий", – они родились из "эпилога раннего замысла поэмы" (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 645).

Футурологическая направленность цикла получила особый смысл при его публикации в виде отдельного сборника в издательстве "Алконост", в связи с которым Блок писал 2 февраля 1921 г.: "Группа писателей видит размеры развертывающихся мировых событий, наступление которых она предсказывала. Поэтому она обращена лицом не к прошедшему, тем менее – к настоящему. Она с тревогой всматривается в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое она носит". В контексте этой записи иное звучание обретает и подзаголовок сб. *Ямбы* – "Современные стихи". Для понимания цикла важно обозначить его соотношенность со "скифским" мироощущением Р.В. Иванова-Разумника. Блоку оказались принципиально созвучны те черты идейного максимализма Иванова-Разумника, в соответствии с которыми "дух испепеляющий" воспринимался одновременно как "дух созидающий". Аналогичные мотивы сконцентрированы в стихотворениях, вошедших в сокращенный вариант цикла в журн. "Знамя", в публикации которого принимал участие Иванов-Разумник. Недаром в одной из своих статей 1917 г. он использовал строки из стих. "В огне и холоде тревог..." (см. коммент. к этому стих.).

Прижизненные отклики на сб. *Ямбы* немногочисленны. И. Оксенов в статье "Ямбическая лирика" (Жизнь искусства. 1919. № 267. 14 октября), рассуждая о традициях ямба, писал: "Ямбическая лирика возникает тогда, когда поэту есть, что сказать – нужное для всех, когда поэт (...) знает, что переживаемое им должно найти доступ в другие души". Оксенов подчеркнул актуальность появления сб. *Ямбы* в те дни, пророческое звучание стихотворений и "самое тесное переплетение" в них "личного" и "общественного" начал: "В ямбах Блока предстает нам подлинный прекрасный индивидуализм личности, сознающей с чудной ясностью не только себя, но и все окружающее, вмещающей целый мир". В статье «"Общественность" в творчестве Блока» (Изв. Петрогр. Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 243 (735). 29 октября), имея в виду автора "Ямбов", И. Оксенов писал: " (...) есть среди нас немногие праведники, ради которых, как в библейской легенде, суд истории будет, быть может, не так суров". "Тяжкое раздумье о судьбах, пригибающих народ к земле, – подчеркивал критик, – никогда не оставляло поэта (...) в этом унижении и мраке (...) видел он небывалый расцвет души народной (...) призывал современников помнить о неизбежности великого переворота, о необходимости подготовиться ему путь".

Автор рецензии, подписанной инициалами "В.М.", рассматривал сборник как "дань моменту" и считал, что входящие в него стихотворения "не могут быть названы лучшими из произведений талантливого поэта", поскольку многое "сделано наспех, без окончательной отделки и строгого разбора" (Вестник литературы. 1919. № 9. С. 8). По мнению В. Брюсова, *Я* относятся к прошлому и "не прибавляют ничего к знакомому и любимому (...) творчеству поэта" (В.Б. Рец. на кн.: Блок А. Ямбы. Пб., 1919 // Художественное слово. 1920. № 1. С. 57). Сходной точки зрения придерживался В. Шершеневич: «Нам кажется, что "Ямбы" ничего не прибавят к облику Блока, но они не разочаруют ценителей этого последнего символиста». На его взгляд, подбор стихотворений в сборнике "обусловлен, кроме чисто внешнего начала (ямб), отсутствием лирического начала, и заменой его пророческим экстазом"; "Блок больше поэт,

чем пророк, и нам ближе его чувства, чем его думы (...)» (*В.Ш.* Рец. на кн.: Блок А. Ямбы. Пб., 1919 // Знамя, 1920. № 2 (4 мая). Стб. 56). В отклике В. Телье также отмечалось: "Не в характере поэзии Блока обличение, и его муза не владеет бичом (...)". По мнению рецензента, Я "производят именно фрагментарное впечатление", в них поэт "воплотил тревогу, которую ощущал он вместе со всею своею современностью" (Книга и революция. 1920. № 3/4. С. 62).

В дальнейшем Я рассматривались в работах П.Н. Медведева, Р.В. Иванова-Разумника, П.П. Громова, В.Н. Орлова, А.Е. Горелова, Д.Е. Максимова, З.Г. Минц и др. Анализ цикла имеется, в частности, в статьях: *Крук И.Т.* Методика анализа стихотворений Блока (цикл "Ямбы") // Методика преподавания рус. яз. и лит., Киев, 1969. № 4. С. 54–70; *Ильев С.П.* Мифопоэтическая основа хтонических топосов цикла "Ямбы" Александра Блока // Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции. Омск, 1984. С. 42–64 (далее в разделе сокращено – *Ильев*, с указанием страницы).

Заглавие "Ямбы" возникло в феврале 1914 г., когда Блок готовил вариант цикла для журн. "Заветы". Его значение было прежде всего связано с той символикой "ямба", которая раскрывается в прологе к поэме "Возмездие":

Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека –
Дроби, мой гневный ямб, камня!

Позднее, в 1919 г., Блок писал, что "ямб" явился "простейшим выражением ритма того времени, когда мир" готовился "к неслыханным событиям"; "потому, – заключал поэт, – повлекло и меня, издавно гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время" (авторское предисловие, написанное в связи с публикацией третьей главы поэмы "Возмездие", т. 5 наст. изд.).

Генетически заглавие восходит к античной традиции. Термин "ямбы", помимо значения ямба как размера, подразумевает также самостоятельный стихотворный жанр, возникший на основе античной ямбической лирики сатирического, реже лирического содержания (Архилох и др.). Жанр назван именем персонажа древнегреческого мифа, хромой Ямбы, рассмешившей богиню плодородия Деметру.

Заглавие "Ямбы" имеет свою традицию в творчестве французских поэтов. Среди них – цикл антиякобинской сатиры А. Шенье "Ямбы" (1794) и одноименный сборник А.О. Барбье, созданный во время французской революции 1830 г. Антибуржуазные сатиры Барбье, в которых обличительный пафос сочетается с трагедийными интонациями, имеют соответствия в цикле Блока. Весной 1918 г. в период подготовки к печати сб. *Ямбы* Блоку, по словам Е.Ф. Книпович, пришли на память "Ямбы" Барбье как "то, что может прозвучать" современно, "стать полезным в строительстве нового" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 20, 21). Данное заглавие соотносится и с традицией русской гражданской ямбической лирики – Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Хомякова, Некрасова и др. Ср. вариант заглавия стих. Пушкина "Поэт и толпа" – "Ямб". В 1910-е годы интерес к ямбу был активизирован в связи с теоретическими трудами Андрея Белого ("Опыт характеристики русского четырехстопного ямба" и "Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре" – 1909). Своя интерпретация ямба была у Вяч. Иванова. "Пушкинский Иамб, – писал он, анализируя стих. "Поэт и толпа", – (...) выразил всю трагедию разрыва между художником нового времени и народом (...) Бунт черни создал в лирике своего рода протестантизм (...) и далее – высказывался о ямбе как "антилирическом по своей природе размере" (*Иванов В.И.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. СПб., 1909. С. 352, 353, 355). Ср. заглавия стихотворений И. Анненского ("Ямбы" – в цикле

"Трилистник проклятья") и Вяч. Иванова ("Мирные ямбы", 1912 – исследователи отмечают его оксюморонность).

Значение ямбов как жанра гневной сатиры переключается с эпиграфом к данному разделу, извлеченным из текста первой сатиры Ювенала, стих 79: "(...) facit indignatio versum" (у Блока в эпиграфе: "Fecit") – негодование рождает стих (*лат.*).

При публикации сб. *Ямбы* Блок ошибочно (вслед за Ап. Григорьевым) приписал эпиграф из Ювенала Горацию. (Ср. эпиграф к стих. "Героям нашего времени" в подготовленной Блоком кн.: Стихотворения Аполлона Григорьева. М., 1916. С. 41; см. об этом: *Небольсин С.А.* История двух совпадений // Лит. учеба. 1978. № 3. С. 224–226.) Ошибка была исправлена Блоком в *Кор₂ Земли* во время подготовки данного раздела для *Шз*. В "подарочных" экземплярах сб. *Ямбы* поэт уничтожил страницы с эпиграфом (ср. помету в его дарственной надписи Н.А. Нолле-Коган: "страницы 5–6 вырваны, чтобы не позорить автора" – *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 108). Обличительная направленность сатиры Ювенала неслучайно соединилась в сознании Блока с именем Горация – родоначальника одной из разновидностей ямбов и автора "Эпод", известных также под названием "Ямбы". Ср. близкий по своему пафосу к стиху Ювенала – 79-й (как и у него) стих из "Послания к пизонам" Горация: "Яростный гнев снабдил Архилоха оружием ямба" (*Гораций, Квинт Флакк.* Оды, сатиры, послания / В пер. и с объяснениями А. Фета. СПб., 1898. 2-е изд. С. 458; предполагают, что этот текст Блок переводил на экзамене по латинскому языку в университете – *Воспоминания*, 1. С. 406).

Данный раздел (как и сб. *Ямбы*) поэт посвятил памяти Ангелины Александровны Блок (1892–1918) – своей сестры, дочери А.Л. Блока от второго брака, с М.Т. Беляевой. Стихотворения "Когда мы встретились с тобой..." и "В огне и холоде тревог..." – непосредственно обращены к ней и в некоторых публикациях имели заглавие "Моей сестре". Ей же была посвящена вторая редакция поэмы "Возмездие" (см. т. 5 наст. изд., а также: *Ревякина И.А.* Из творческой истории поэмы "Возмездие" // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 645).

После встречи в Варшаве в декабре 1909 г. во время похорон отца Блок "сблизился" с Ангелиной, обнаружив "много общих черт" с нею (см. письма Блока к матери и жене от 9 декабря 1909 г., а также – *ЗК*. С. 162–163, запись (1–18 декабря 1909 г.) и запись в дневнике от 29 декабря 1911 г. Относясь к Ангелине с большой теплотой (см. записи о ней в дневнике Блока от 2 января и 26 апреля 1912 г.), поэт принимал участие в ее судьбе и, не разделяя религиозных воззрений сестры, стремился вывести ее, как он полагал, "из мрака, ее окружающего" (см.: *ЗК*. С. 179, 180 – записи от 6 и 7 мая 1911 г.).

Ангелина Блок умерла 4 марта (20 февраля) 1918 г. "в новгородском лазарете", работая сестрой милосердия и заразившись сыпным тифом. «Ее хоронили, – записал Блок, – "как святую", с крестным ходом» (*ЗК*. С. 396, 397 – запись от 24 марта 1918 г.).

Посвящение раздела *Ямбы* памяти сестры было связано также с проходящей в нем темой "молодого поколения", еще не известного, по определению Блока, "ни нам, ни себе" – думы о котором соединялись у поэта с образом Ангелины (см. его запись в дневнике от 21 ноября 1911 г.).

"О, Я ХОЧУ БЕЗУМНО ЖИТЬ..."

(С. 57)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₂₅*, Л. 3 об., "6 V (1909); *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1, 2, "1909 – 5 февр(аля) 1914"; *БА* – *Т₈*. Л. 27, "(1909) – 5 февр(аля) 1914 (к поэме)"; *БА* (под копирку) – *ИРЛИ*. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 39. Л. 2, первое в цикле под загл. "Ямбы" вместе со стих. "Так мне диктует вдохновенье..." и

"Земное сердце стынет вновь..."; *Кор₁ Земли*. Л. 45; *Кор₂ Земли*. Л. 70; *АС* (рукой Л.А. Дельмас) – *НР Ямбы*. Л. 2; *БА – Изброник*. Л. 356, "[1909 – 1914, 5 П.]".

Впервые: Русское слово (*РС*). 1915. № 67. 22 марта (пасхальный выпуск). С. 5, второе в цикле "Твердость".

Публикации: Маленькая газета (*МалГ*). 1915. № 86. 30 марта. С. 3, второе в диптихе "Твердость" после стих. "И страшно, и легко, и больно..." ("Так. Буря этих лет прошла..."); *Ямбы*. С. 11; *Ш₃*. С. 103.

В первоначальном наброске (*ЧН ЗК₂₅*) представлен вар. ст. 9–12. Дальнейшую работу над текстом отражает *ЧА ИРЛИ*, входивший в папку "Черновые стихи" (*ЧС*). В соответствии с нумерацией листов в *ЧС* (см.: *Иванов-Разумник*. Л. 239, 242) данный *ЧА*, в котором на л. 1 сохранилась нумерация «140», следовал за автографом первой строфы стих. "Так. Буря этих лет прошла...", датированным "7 фев(аля)" (1914 г.). Расположение текста в *ЧА ИРЛИ* не позволяет точно установить последовательность записи стихов. Карандашом записаны первоначальные варианты ст. 5 (л. 1) и ст. 9–12 (л. 2), остальной текст – чернилами. Правка в ст. 5 и 9 – чернилами. Двойная датировка – чернилами.

Даты в *ЧН ЗК₂₅*, *ЧА ИРЛИ* и *T₈* свидетельствуют, что стихотворение было начато за год до первых набросков поэмы "Возмездие". Нереализованное намерение отнести стихотворение к поэме могло возникнуть в феврале 1914 г. в связи с работой Блока над прологом к поэме "Возмездие" и ее 1-ой главой.

О *БА ИРЛИ* (из архива Р.В. Иванова-Разумника) см. с. 669 наст. тома.

В *АС НР Ямбы* над текстом – порядковый номер "1", деление на четверостишия и пунктуационная правка – карандашом.

В автографах прямая речь (ст. 9–12) выделена вместо курсива кавычками (*T₈* и *БА НР Ямбы*) или тире (*БА ИРЛИ* и *БА Изброник*); в газетных публикациях (*РС* и *МалГ*) ст. 9–12 не выделены.

Отсутствие строфического деления в тексте публикации в *МалГ*, видимо, не является авторским, поскольку это перепечатка из *РС*, где деление на строфы имеется.

Первый набросок (*ЧН ЗК₂₅*), составивший позднее основу заключительной строфы стихотворения, был записан в мае 1909 г. во Флоренции в период преодоления поэтом духовного кризиса. Через пять лет, работая над поэмой "Возмездие", Блок вернулся к этому замыслу. О переключке его со вступительными стихами поэмы см.: *Максимов I*. С. 67. Эту связь подтверждает помета на автографе стихотворения в *T₁*: "к поэме". Не войдя в поэму, стихотворение стало зачином цикла "Ямбы". Обращенное к будущему, программное по содержанию, оно явилось своего рода "символом веры". Использованные Блоком понятия христианского вероучения, такие как "воплощение", "вочеловечение", "грядущее" и другие, в контексте его творчества приобретают иной, во многом противоположный исходному, смысл. Об осознаваемом самим поэтом антихристианском звучании темы "воплощения", связанной с боготворческими по сути мотивами "своеволия" и "бунта" в его лирике, в том числе и в наст. стихотворении, см.: *Мицк*, 4. С. 115.

В отклике на *Ямбы* И. Оксенов отметил "подлинный прекрасный индивидуализм личности, (...) вмещающей целый мир" и, приводя первую строфу стихотворения, делает вывод: "Вскрыв содержание этих строк, мы найдем, что для художника *жизнь* – значить *творить*" (*Жизнь искусства*. 1919. № 267. 14 октября).

Анализ стихотворения см.: *Максимов I*. С. 67–68; *Холодилова Л.Е.* Из опыта анализа языка стихотворного текста. А. Блок "О, я хочу безумно жить..." // Исследование языка художественных произведений (Материалы XVII зональной конф.

кафедр рус. яз. среднего и нижнего Поволжья, посвященной памяти проф. В.А. Малаховского, 20–22 мая 1974 г.). Куйбышев, 1975. С. 20–33; *Ильев*. С. 43–45.

О, я хочу безумно жить... – Стихийный жизнеутверждающий принцип составляет, по мысли Д.Е. Максимова, "источник, питающий поэзию Блока на всех этапах ее развития" (*Максимов I*. С. 67). Не случайны образно-тематические параллели с юношеским стих. "Зачем, зачем во мрак небытия..." (1899): "Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет {...} Но все вперед влечет какой-то свет". См. запись в дневнике Блока от 30 октября 1911 г.: "Безумно люблю жизнь, с каждым днем больше, все житейское, простое и сложное, и бескрылое и цыганское". Поэтизация стихийности и своеволия, опирающаяся на философию Ницше и представления символистов о дионисическом экстазе как одном из условий полноты творческого воплощения, выражалась в лозунге "Так я хочу" (см. статью Блока "О лирике", 1907). Рассуждения по поводу "священного" безумия встречаются и в статьях 1910 г. ("О современном состоянии русского символизма", "Памяти Врубеля"). О "дионисизме" Блока в связи с интерпретацией 1-й строки см.: *Ильев*. С. 43. По замечанию Д.Е. Максимова, "стихийность" уравновешивается в стихотворении признанием долга и ответственности художника, провозглашаемым стоящим перед ним задач.

...*Всё сущее...* – В контексте стихотворения "сущее" как сущностное, причастное вечности, достойное ее, сопоставимо с категорией "действительного" у Гегеля – "все действительное – разумно..." (см.: *Максимов I*. С. 67) и термином Вл. Соловьева из его трактата "Оправдание добра" – "Добро по существу" (указано: *Ильев*. С. 43).

Безличное – вочеловечить, // Несбывшееся – воплотить! – Ср. с процессом одухотворения всего окружающего "тварного" мира, соотносимым с концепцией Вл. Соловьева о поэтапном одухотворении Вселенной. Подобные идеи имели широкое хождение среди символистов и преломились, в частности, в драме З. Гиппиус "Святая кровь" (1901) и в цикле Блока "Пузыри земли" (1904–1905) (т. 2 наст. изд.).

Понятие "безличное" перекликается у Блока с понятием "безликое". В последнем – отразилось характерное для символистов (и восходящее отчасти к библейскому) понимание зла как антибытийного и античеловеческого, метафизического по природе начала, проявляющего себя через "безликую" неиндивидуализированную массу. По наблюдению З.Г. Минц, на Блока могла повлиять мысль Д.С. Мережковского (см. его кн. "Гоголь и черт", 1906) «о том, что подлинное зло – это не "антидобро", а "золотая середина", посредственность, мещанское ничто – "нуль"» (*Минц*, 4. С. 51).

Противопоставляя "безликое" "индивидуальному", "невоплощенное" "человеческому" и подытоживая свои размышления о смысле жизненных испытаний, из которых люди выходят – "ЧУДЕСНО РАЗНЫЕ – как подобает человеку", Блок заявлял в письме к Андрею Белому (от 6 июня 1911 г.): "Сходствует несказанное или страшное, безликое, но человеческие лица различны". И далее определял суть своего творческого пути как "трилогию вочеловечения": «от мгновения слишком яркого света {...} – к отчаянию, проклятию, "возмездию" и ... – к рождению человека "общественного", художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный материал, вглядываться в контуры "добра и зла" – ценою утраты части души» (о "вочеловечении" см. также в письме Блока к Андрею Белому от 12 марта 1911 г.).

Первоначальное значение понятия "вочеловечение", сопряженное с "воплощением", восходит к 3-му члену "Символа веры", где выражается исповедание Христа как Сына Божьего – "Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечася"; "Воплощение Сына Божия, – по учению православной церкви, – является центральным пунктом всей

истории домостроительства человечества (...) откровением того царства Божия, которое составляло цель творения и которое имеет завершиться в конце времен объединением всего небесного и земного. (...) Сын Божий (...) воспринимает в единство своей божественной ипостаси человеческую природу, которая в ней (...) получает свое бытие и свой центр существования" (Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., 1912. Вып. 3. Т. 1. Стб. 550).

Используя это понятие, Блок переосмысливает его, всецело относя к человеку и связывая со своим пониманием активной роли человека в мировом процессе. Позднее это было сформулировано и в предисловии к поэме "Возмездие".

Для Блока, по мнению З.Г. Минц, «путь человеческий и путь "невоскресшего Христа"» (образ из стих. "Ты отошла, и я в пустыне...", 1907) – "один и тот же путь земного воплощения". Человек как носитель бунтарского начала "оказывается не только двойником, но и антиподом Христа" (Минц, 4. С. 115). Трехединую задачу – "увечелечить", "вочеловечить", "воплотить" З.Г. Минц связывает с характерным для зрелого Блока стремлением к преобразованию действительности, к одухотворению "темной" материальности "страшного мира" и воплощению идеала "прекрасного мира" (Там же. С. 51, 76).

Пафос "воплощения" и "вочеловечения" у Блока был полемичен по отношению к позиции ряда символистов. В статье "Безвременье" (1906) он обозначил проблему "воплощения" как центральную в русской литературе XIX в., связав ее с творческими устремлениями Лермонтова, Гоголя, Достоевского и выступив против воспеания "красоты невоплощенной", эстетизации небытия, смерти в произведениях З. Гиппиус, Ф. Сологуба. "Проклятие отвлеченности", по признанию Блока в письме к матери от 30 января 1908 г., преследовало самого поэта: "(...) весь яд декадентства и состоит в том, что утрачены сочность, яркость, жизненность, образность не только типичное, но и характерное (...) А в жизни еще очень много сочности, которую художник должен воплощать".

Позднее, в связи со спорами о "жизнетворчестве", Блок подчеркивал конкретный национальный характер проблемы "воплощения": «Для того, чтобы принимать участие в "жизнетворчестве" (...) надо воплотиться, показать свое печальное человеческое лицо, а не псевдо-лицо несуществующей школы. Мы – русские», – писал он в дневнике 17 апреля 1912 г. Декларированную в стихотворении задачу ("Несбывшееся – воплотить") Д.Е. Максимов соотнес «с мечтой "соборной" – всенародной» (Максимов I. С. 67).

Пусть душит жизни сон тяжелый... – Аналогичные образы имеются у Вл. Соловьева (ср.: "В тяжелом сне земном" – "Прометей", реминисценция указана С.П. Ильевым; "тяжелый сон житейского сознания" – стих. "Зачем слова? В безбрежности лазурной...", 1892). Они восходят к переосмысленному в духе христианской эсхатологии учению Платона о двомирии, по которому мир явлений есть "искажение", "тьнь" истинного бытия – мира идеальных сущностей.

Восприятие жизни как тяжелого душащего сна – сквозной мотив блоковской лирики. Он связан с темой страстей, соблазнов – с "душной атмосферой" города, "влекущего и обманного", шире – с темой "страшного мира" вообще, и соотносится с темой необходимости внешней и внутренней свободы – "воздуха" для художника. Возможна автореминисценция из стих. "Я стар душой. Какой-то жребий черный..." (1899): "Тяжелый сон, проклятый и упорный, // Мне душит грудь". Ср. с образом жизни как "тяжелого томительного сна" в стих. В. Гюго "Утро" (вошло в составленную Блоком подборку журнальных вырезок: "Французские поэты в переводе А.А. Кублицкой-Пиоттук" – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 6).

...юноша веселый // В грядущем скажет обо мне... – Исследователи отмечают

переключку с стих. Пушкина "...Вновь я посетил..." (1835). Ср.: "...) пусть мой внук // (...)) Веселых и приятных мыслей полон // (...)) обо мне вспоманет".

См. автохарактеристику Пушкина ("Я был – // Веселым юношей") в одном из черновых вариантов того же стихотворения. Позднее она была дважды упомянута Блоком (см. запись в его дневнике между 2 и 5 февраля 1921 г. и обобщение – "веселое имя Пушкина" в статье "О назначении поэта", 1921). Данный образ сопряжен со сквозным в творчестве Блока мотивом грядущего суда "юности". Ср. с приведенной Блоком в концовке статьи "О театре" (1908) "пророческой" формулой Ибсена: "Юность – это возмездие", взятой затем в качестве эпиграфа к поэме "Возмездие". Образ "веселого юноши" соотносим и с концепцией "нового человека", связанной, в частности, у Блока с именем Стриндберга, чье наследие, по его словам, "открыто для веселой и мятежной юности всех стран" ("Памяти Августа Стриндберга", 1912).

Простим угрюмство... – Об "угрюмстве" – обобщающем понятии в творчестве Блока см. в статье В.Н. Быстрова «"Угрюмством множа красоту". Об одном эпиграфе у А. Блока» (Русская речь. 1989. № 1. С. 15–21), где оно рассматривается как "плата за призвание и способность воплощать красоту, добывая ее из хаоса мира и души". По наблюдению В.Н. Быстрова, "очистительный смысл" "угрюмства" был сопряжен для Блока с поэтической формулой Вл. Соловьева "Свет из тьмы". В письме к А.В. Гиппиусу от 23 июня 1902 г. Блок писал: «Для нас же и "угрюмство" должно "множить красоту". Мне чуются иногда впереди великие надежды и великие прегрешения, и все-таки – свет, свет и радость». В.Н. Быстров указывает на традицию изображения "угрюмства" гениев в русской литературе – у Пушкина ("Но ты останься тверд, спокоен и угрюм" – стих. "Поэту", 1830), Тютчева ("То светло-равно-весел, то угрюм (...)) Таков поэт" – стих. "Ты зрел его в кругу большого света...", 1829–1830), Лермонтова ("Любил с начала жизни я // Угрюмое уединенье" – стих. "Н.Ф. И...вой", 1830), Фета ("облик гения торжественно-угрюмый" – стих. "Бюст", 1842), Брюсова ("Угрюмый образ из далеких лет" – стих. "Данте", 1898) и др.

Об "угрюмстве" Блока писали его современники (см., в частности, свидетельство Андрея Белого – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 804). Ю.Н. Верховский приводил посвященные Блоку строки из шутивного послания В. Пяста ("(...) тот поэт // (Ах, ставший днесь угрюмцем нелюдимым!)", отметил, что уже в 1911 г., "трагическая складка боли ложилась на душу поэта" (Верховский Ю. В память Александра Блока. Отрывочные записи, припоминания, раздумья // Дружба народов. 1980. № 11. С. 257). Ср. с начальной строкой стих. Блока "Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух..." (1912).

...Сокрытый двигатель... – По мнению С.П. Ильева, это выражение восходит к понятию "перводвигатель" (Бог; движущее начало "небесных сфер" в геоцентрической системе мироздания). – Ильев. С. 44.

Он весь – дитя добра и света... и след. – "Дитя" как воплощение чистоты и не-злобия и "свет" как символ духовного просвещения, приобщения к высшему началу, восновления – сквозные образы Нового Завета и апостольских посланий (ср.: "...)) не будете как дети, не войдете в Царство Небесное" – Мф. XVIII. 3; "...)) веруйте в свет, да будете сынами света" – Ин. XII. 36). "Свет" – в широком, символическом смысле был назван Блоком в качестве источника сил великих русских художников, которые "погружались во мрак, но (...) имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет (...) знали свет" ("Интеллигенция и революция", 1918).

Афористичность комментируемых строк обусловлена ориентацией на многочисленные поэтические образцы. Ср. в поэме Перси Б. Шелли "Аластор, или Дух одиночества" (1815): "Прекрасный, светлый, // Дитя добра, познания, красоты" (пер. К.Д. Бальмонта; реминисценция указана в статье: Розанов И.Н. Мотивы "мировой скорби" в лирике Блока // О Блоке. М., 1929. С. 257); у А.М. Жемчужникова:

"Ты исповедуешь завет добра и света" ("Голоса", 1893), у Ш. Бодлера: "Ты вся была добра и красоты сиянье" ("Балкон" в пер. А.А. Кублицкой-Пиоттух, список рукой Блока: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 33). Выражение "Дитя Свободы" встречается в кн. Г. Карлейля "Sartor resartus" (см.: *Аверин Б.В., Дождикова И.А.* Блок и Карлейль // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 103). Ср. также с поэтическими формулами того же типа у Блока: "Добра певец" ("Готов ли ты на путь далекий...", 1899), "Божье то было дитя" ("Я ли пишу, или ты из могилы...", 1901), "Дитя моей свободы, // Подруга светлая" ("Везде – над лесом и над пашней...", 1907).

Собственный образ, предложенный Блоком потомкам, был поддержан ближайшим окружением поэта. "Дитя ясное, как солнце", – вспоминал о нем Е.П. Иванов (*БС-1*. С. 364). "В Блоке затаился (...) ребенок", – писал Андрей Белый (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 804).

"Я УХО ПРИЛОЖИЛ К ЗЕМЛЕ..."

(С. 59)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП* – *Т₆*. Л. 6 об., "3 июня (1907)" (над текстом), ([*"Рабочему"*]); *Кор₁ Земли*. Л. 45; *Кор₂ Земли*. Л. 70 об.; *БА* – *НР Ямбы*. Л. 3.

Впервые: Луч. 1907. № 1. С. 6, с делением на четверостишия и без ст. 17–20.

Публикации: *Ямбы*. С. 12–13, "1907"; *Знамя*. 1920. № 1(3) (апрель). Стб. 43, первое в цикле из 4-х стихотворений "Ямбы"; *Шз*. С. 104, "1907".

В *Т₆* – правка карандашом, ст. 17–20 чернилами заключены в квадратные скобки.

В *БА НР Ямбы* следует третьим, после стих. "Так. Буря этих лет прошла...".

При публикации в журн. "Знамя" опечатки в ст. 4 ("таишь" вместо "томишь") и в ст. 11 и 13 (в пунктуационных знаках).

По мнению Р.В. Иванова-Разумника, как с данным стихотворением, так и со следующим ("Тропами тайными ночными...") тематически соотносится набросок в *ЭК₁₆*. Л. 13 об.:

И мы подыдем их на вилы
[Мы] И в петлях раскачем тела,
Чтоб лопнули на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла.

Написано в день роспуска Государственной думы 3 июня 1907 г. ("третьеиюньский переворот").

Я ухо приложил к земле. – Строка дословно повторяет начальный стих одноименного стихотворения Ф. Сологуба 1900 г.; реминисценция другого стиха из того же стихотворения имеется в стих. Блока "Я вышел в ночь – узнать, понять..." (1902).

Мотив "слушания земли" восходит к мифопоэтическим представлениям о "матери-земле" как третьей по счету обожествляемой мировой стихии. Почитание "земли" проявлялось на Руси в обычае "вопрошания" ее, в частности, об урожае. Для этого на перекрестке вычерчивали крест и, припадая к нему ухом, слушали подземный гул: звук, напоминающий приближение груженых саней, означал плодородный год, пустых – неурожайный (*Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 251, 272). Эти ассоциации актуализованы в стихотворении символическими мотивами, связанными с "урожаем" ("зерна", "всходов", "нови") – сквозными в цикле *Я*.

Другой источник – предание о воеводе войска Дмитрия Донского – Дмитрии Боб-

роке Волянце, который в канун Куликовской битвы приник правым ухом к земле и услышал со стороны вражьего стана женский плач, а со стороны своего – девичий стон, что предвещало, по его истолкованию, победу над татарами ценой гибели многих русских воинов (см.: Сказание о Мамаевом побоище // *Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище*. СПб., 1906. С. 110). Приведенный эпизод также обыгран Блоком в стих. "Мы сам-друг, над степью в полночь стали..." (цикл "На поле Куликовом", 1908), в драме "Песня Судьбы" (1908), в статье "Народ и интеллигенция" (1908).

Образ "земли" как живого, стонущего существа соотносим с образом "матери-родины" в заметке Блока 1910 г., где "Родина – это огромное, родное, дышащее (...) бесконечно древнее существо" ((*Ответ Мережковскому*)). Ср. с призывом-вопросом в статье Блока "Безвременье" (1906): "Приложим ухо к земле родной и близкой: бьется ли еще сердце матери?".

Мотив "слушания земли" в контексте цикла *Я* связан со сквозной в творчестве Блока темой пророческого ведения поэта, его "вслушивания" в "подземные гулы" истории.

Я муки криком не нарушу... и след. – Подтекст строки отчасти обусловлен гражданской позицией Блока, которая проясняется в связи с полемикой, развернувшейся позднее вокруг его статьи "О современном состоянии русского символизма" (1910). Определяя роль писателей как "главнейших органов" чувств "земной родины", Блок писал: "(...) мы были слишком слабы, чтобы руководить тяжело страдающим существом (...) каким была вздернутая на дыбы, разгневанная и рвущая путы Россия начала нашего века. (...) Была минута, когда все чувства нашей родины превратились в сплошной, безобразный крик, похожий на крик умирающего от мучительной болезни".

Ср. также с блоковским понятием "молчания" как условия вызревания "нового" в глубинных недрах (об этом см. в коммент. к стих. "О, как смеялись вы над нами...").

...душу // Бессмертную томишь во мгле! – Ср. у Т. Карлейля: "Томиться в беспросветной темноте (...) таков удел миллионов (...) каждая единица этой массы – (...) человек (...) хранящий в себе божественную искру, которую ты называешь бессмертной душой! (...) Голодное, невежественное, безгласное поколение! Его голос – нечленораздельный крик" (*Карлейль Т. Французская революция*. СПб., 1907. С. 11, 25. Подчеркнуто Блоком, см.: *ББО-2*. С. 7). В образе томящейся "во мгле" бессмертной души С.П. Ильев видит реминисценцию одного из положений статьи Вл. Соловьева "Жизненная драма Платона": "Мир весь во зле лежит; тело есть гроб и темница для духа" (*Ильев*. С. 45); в тезисе Соловьева соединяются перифразированная цитата из апостольского послания (1 Ин. V. 19) и постулат философии Платона.

Эй, встань и загорись и жги! – Образно-лексическая реминисценция стих. Пушкина "Пророк" (1826): "Восстань (...) глаголом жги (...)". Ср. с библейскими воззваниями: "Восстань, светись (...)" (Ис. LX. 1), "(...) встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос" (Еф. VI. 14) и т.п., а также – с образами "огненного" возмездия в Апокалипсисе (см.: *Откр. XVI. 8*).

Аналогичные ассоциации возникают в стих. К. Бальмонта "К рабочему" (1905; ср. с первоначальным заглавием данного стихотворения Блока в *T₆* – "Рабочему"): «Ты встал – и грянул гром (...) // Ты труп молвил: "Встань"».

В призыве: "встань" – имеется также аллюзия начальной строки пролетарского гимна "Интернационал" (текст Э. Потье, рус. вар. А.Я. Коца опубл. в 1902 г.): "Вставай, проклятем заклейменный (...)".

Эй, подними свой верный молот, // Чтоб молнией живой расколот... и след. – Реминисценция рифмующихся строк из стих. Андрея Белого "Осень" (1903): "С размаху свой пустил железный молот (...) И видел я – небесный свод расколот". Перифразируя эти строки, Блок приводил их в письме к Андрею Белому от 7 апреля 1904 г.

(в ином по сравнению с данным стихотворением контексте). Символика "молота" и "молнии" связана с мифопоэтическими представлениями о них как "орудиях" богов. Ср. с аналогичной атрибутикой в славянских, германских, скандинавских мифах.

"Молот" и "молния" – в русской и европейской поэзии постоянные атрибуты образа титана-пролетария, вступившего в борьбу со "старым миром". Сходные с блоковским обращения к "пролетарию" имеются у В. Брюсова ("Ныне вручают вам яростный молот, // Смело берите – пора!" – "Братья бездомные", 1901) и К. Бальмонта ("Тяжелый молот пал, дробя // Оплоты крепостные" и далее: "Будь тверд, яви еще свой суд, – // Острог не весь расколот" – "Русскому рабочему", 1905). Черты "титанизма" при обрисовке образа рабочего были характерны для пролетарской поэзии. Ср. стих. Ф.С. Шкулева "Мы кузнецы..." (1906), в котором после "каждого удара" молота "редеет тьма, слабеет гнет", а также – с фигурами пролетария в стих. А.А. Богданова "Песня пролетариев" (1900): "(...) Титан непреклонный! // Ты молнии бросил из сумрака ночи..." и "Сына-богатыря" в стих. Л.П. Радиной «Снова я слышу родную "Лучину"...» (1898): "Смело возьмет он тяжелый свой молот // И разобьет им оковы раба".

Образ "молнии живой", раскалывающей мрак, имеет параллели с библейской символикой. Ср.: "...как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого" в дни, когда "солнце померкнет, и луна не даст света своего..." (Мф. XXIV. 27, 29).

Переосмысляя евангельские образы, Блок перекликался с пролетарскими поэтами, использующими эти образы для подчеркивания освободительной роли пролетариата (ср. мессианские мотивы в стих. Е. Тарасова "Ты говоришь, что мы устали...", 1900, где носителем "света", идущим вслед за "предтечами", назван тот, "кто тяжким молотом кует (...)").

Ты роешься, подземный крот! – Ср.: "Ты славно роешь землю, старый крот! Годишься в рудокопы" – эти слова Гамлет произносит в ответ на раздающийся из-под земли голос Призрака-отца, требующего возмездия (реминисценция указана В.Н. Орловым; цит. по кн.: *Шекспир В. Гамлет принц датский / В новом пер. А.Л. Соколовского. СПб., 1883. С. 34*; это издание имелось у Блока, см.: *ББО-2. С. 390*).

По средневековым представлениям, крот – символ "земли" как одного из четырех мировых элементов. В славянском фольклоре "крот" – животное, посвященное богу-громовику, связанное с оплодотворяющей силой дождя и влияющее на урожай (*Афанасьев, 1. С. 733, 767, 771*). О связи этого образа с катахтоническими ("подземными") топосами цикла *Я* – такими, как призраки, упыри, души умерших – см.: *Ильев. С. 51*.

Образ роющего землю "крота" соотносим также со сквозным в творчестве Блока символическим образом "рудокопа" – "пробивающего" пути к "новой жизни". Этот образ соприкасается и с той темой, которую позднее поэт обозначил как "мщение подземных сил, уже потревоженных" (запись в записной книжке от 6 июня 1916 г.).

Ср. также с характерным для пролетарской поэзии изображением презревающего, выходящего "на свет" и восстающего народа, уставшего "жить в потемках", "под землей" (см. стих. Е. Тарасова "Дерзости слава", 1905).

Не медли. – Этот призыв перекликается с побуждением к немедленному действию в агитационной пролетарской поэзии (см., например, стих. 1905 г. А.М. Гмырева "Призыв" и Е. Тарасова "Дерзости слава").

Под их секирой (...) За их (...) победой... – З.Г. Минц отмечает подчеркнутую "безликость", неназываемость сил "зла" (об этом см.: *Минц, 4. С. 50*, а также коммент. к ст. 2 предыдущего стихотворения).

Как зерна, злую землю рой ~ новая любовь. – Образы "колоса", "зерна", с одной

стороны, восходят к древней земледельческой символике, с другой – являются переосмыслением евангельской символики прорастающего "семени". В сочетании с мотивом "жертвенной крови" эти образы в поэзии символистов в период первой русской революции соотносятся с темой народной борьбы. В близком к данному стихотворению контексте эти мотивы и образы проходят в стих. К. Бальмонта "Царь – ложь" (1906). Ср.:

И кровь рабочего взошла,
Как колос, перед ним.
И задрожал приспешник зла
Пред Колосом таким.

Он красен, нет ему серпа, –
Обломится любой.
Гудят колосья, как толпа,
Растет колосьев строй.

Данный текст перекликается также с образным строем поэзии Э. Верхарна в восприятии Блока. Ср.: "Мы узнаем, как трудилась земля (...) чтобы с новой весной извергнуть эти соки (...) Верхарн (...) в смертной тоске и мощном усилии взрывал и разбрасывал землю, чтобы выйти на простор солнечных лучей. Упругие и свободные побеги его стихов воспитаны земным могильным соком" (*Блок А. Э. Верхарн. Стихи о современности. 1906*).

Мотив "выхода на свет" связан с темой "мирового круговорота", взаимосвязи "мрака" и "света" и в этом аспекте соотносится в цикле *Я* не только с символикой земледельческого годового цикла, но и с диалектической формулой Вл. Соловьева "Свет из тьмы", которая предполагает питающее "лики роз" "сумрачное лоно" (стих. "Мы сошлись с тобой недаром...", оно многократно цитировалось Блоком).

Тот же мотив соприкасается у Блока с темой протеста, мятежа, заявленной им ранее в стих. "Поднимались из тьмы погребов..." (1904), и в этом ключе перекликается со строчками из стих. Э. Верхарна "Мятеж" (1905, пер. В. Брюсова): "Все те, для кого безнадежность – надежда (...) Выходят из мрака на свет".

...*За их случайную победой // Роится сумрак гробовой.* – Мотив обреченности "старого мира" был одним из сквозных и в символистской, и в пролетарской поэзии. Причем, если в первой это выражалось в форме неясных символических предсказаний, то во второй – в виде прямых утверждений типа: "Скоро позорно падут палачи" (стих. А. Гмырева "Мои песни"). Ср. в стих. А. Коца "Песня пролетариев" (1902), где, по наблюдению Л.И. Шишкиной, используются формулы и образы "Коммунистического Манифеста":

Силен наш враг – буржуазия!
Но вслед за ней на страшный суд,
Как неизбежная стихия
Ее могильщики идут.

Лелей, пои, таи ту новь... – Ср. у Вл. Соловьева: "Не я растил, не я лелеял, // Не я поил его дождем..." (стих. "Когда в свою сухую ниву...", реминисценция указана: *Ильев. С. 46*); у Вяч. Иванова: "Баюкай тихо песнь, ледей в браздах незримых // Святые семена!" (стих. "Тихая весна", 1905).

...*Пройдет весна – над этой новью, // Вспоенная твоею кровью...* Мотивы "жертвенной крови" в сочетании с образом "нови" восходят к евангельской символике "ростков", "урожая", возрастающего "на доброй земле" (см. притчи о "сеятеле" и о

"небесном царстве" – Мф. XIII. 3–32) и хлеба как символа Христа и его добровольной жертвы ради спасения людей (Ин. VI. 48–58). Эти образы связаны также с культовой аграрной символикой, языческими представлениями о влиянии умерших на произрастание урожая. Ср. с мотивами "жертвенной крови" в пролетарской поэзии: у А.А. Богданова ("И кровь неповинную жертвенно лил" – "Песня пролетариев", 1900) и др.

...*Созреет новая любовь.* – Понятие "новая любовь" изначально связано с новозаветной символикой – образом "новой", "совершенной" любви, приносящей "много плода" (см. слова Христа: "Заповедь новую даю вам, да любите друг друга..."; "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" – Ин. XIII. 34; XV. 13).

В творчестве Блока это понятие переосмысливается в связи с его восприятием борьбы народных масс как явления высшей правды. В этом контексте образ созревающей "новой любви" перекликается с мотивами пролетарской поэзии (ср.: "Зреет в народе могучая сила" в стих. Л.П. Радица «Снова я слышу родную "Лучину"...»). Идея "новой любви" сопрягается для Блока также с ницшеанской проблематикой и темой крушения "старого" гуманизма и рождения "новой" этики.

Образ "новой любви" у Блока З.Г. Минц трактует как «царство "добра и света"» и вместе с тем как "итог всего сложного и мучительного пути исторического развития", связывая его с представлениями поэта о "прекрасном Будущем", в котором, по ее словам, "причудливо слились" "универсальная" идея "синтеза" Вл. Соловьева и "историзм (...) порожденный (...) эпохой великих социальных катаклизмов" (см.: *Минц, 4. С. 146, 150*).

"ТРОПАМИ ТАЙНЫМИ, НОЧНЫМИ..."

(С. 59)

Автографы: *БАП – Т₆*. Л. 7, "3 июня" (1907), "Испр(авлено) 1909–10" (над текстом); *Кор₂ Земли*. Л. 71; *БА – НР Ямбы*. Л. 3 об.

Впервые: *Ямбы*. С. 14–15, "1907".

Публикации: Знамя. 1920. № 1(3) (апрель). Стб. 43–44, второе в цикле из 4-х стихотворений "Ямбы"; Восход. Чита, 1921. № 1. С. 2; *III₃*. С. 105, "1907".

В *Т₆* – правка карандашом и чернилами, при переработке были зачеркнуты ст. 9–12. В сокращенном виде не публиковалось. В *БА НР Ямбы* над текстом порядковый номер: "VI". Курсив в ст. 15–16 (как в *III₃*) имеется в *Кор_{1,2} Земли*, в остальных источниках текста курсив отсутствует.

Стихотворение, как и предыдущее, написано в день роспуска Государственной думы. В Телье, приводя ст. 13–20 наст. стихотворения в отклике на *Ямбы*, отмечал: "Стихи Блока полны смутных предчувствий, но вместе с тем определенного отвращения к прошлому" (Книга и революция. 1920. № 314. С. 62).

Стихотворение имеет фольклорную и мифопоэтическую основу, будучи связано с народными представлениями о природных стихиях, демонических силах и неизбежности наказания за зло (см. образы "тайных троп", "упырей", явление "замученных" мучителям и др.).

Наряду с этим пророческим пафосом стихотворение перекликается с библейскими текстами. Ср. образы "бедствий" и прямое обличение "богатых", которые "роскошествовали и наслаждались на земле; напители сердца... как бы на день заклания" в Соборном послании св. апостола Иакова: "Богатство ваше сгнило... Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть

вашу, как огонь" (Иак. V. 2–3) – с аналогичными мотивами в данном стихотворении. В нем обнаруживаются также параллели с образным строем трагедий Шекспира (сходны и сама обстановка появления "призраков" и других "сил мщения" и характерная атмосфера неотвратимости возмездия). См. соответствующие сцены в трагедиях "Макбет" (Действ. 1. Сц. 1 и 4) и "Гамлет" (Действ. 1. Сц. 3; Д. 3. Сц. 2). Ср. в последней сцене слова Гамлета:

Настал ужасный час! Час ночи тайной,
Когда встают из гроба мертвецы
И самый ад тлетворным духом веет
На мир земной! – Горячей крови жажду
Напитаться я!..

(цит. по изд., которое было у Блока: *Шекспир В.* Гамлет принц датский. С. 82. См.: *ББО-2*. С. 390). О знакомстве Блока с источниками, послужившими Шекспиру материалом для создания образов "нечистой силы", см. в коммент. к заглавию и эпиграфу цикла "Пузыри земли", т. 2 наст. изд.).

Тропами тайными, ночными... – Образ восходит к поверьям о существовании "неведомых", "навых" троп (см.: *Даль В.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880). О ночи как времени действия колдовских сил и заклинаний, "когда слово и дело становятся неразличимы", Блок писал в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1904). См. также высказывание Блока об окраинах Петербурга как местах обитания "нечистой силы", где «откровение "небесных зорь"» соседствует с "бездонными топями, которых око человече не видело, ухо – не слышало" (письмо Блока к Е.П. Иванову от 25 июня 1905 г.).

...При свете траурной зари... – Догорающая, окаймленная тьмой заря – образ, характерный для лирики Блока 1905–1907 гг. Об изменении образа "зари" в лирике Блока 2-го тома писал Андрей Белый: «Потухает заря, становясь лишь "полоскою"» (*Белый Андрей.* Поэзия Блока // *Ветвь.* Сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 275).

Мотив "траурности" связывает образ "зари" в данном стихотворении с образами "кровавых зорь" в статье "Солнце над Россией" (1908), "страшной" и "кровавой" "зари", грозящей "Артуром и Цусимой (...) Девятым января", – в поэме "Возмездие".

Ср. с образом, вынесенным в заглавие стих. 3. Гиппиус "Мертвая заря" (Блок цитировал это стих. в письме к Е.П. Иванову от 28 июня 1904 г.), и с образом вечернего неба у В. Брюсова: "Над бредом предзакатных марев // Над трауром вечерних туч".

...ими (...) над ними (...) их... – О "безликости", "неуловимости" "зла" в понимании Блока см. в его письме к матери: "(...) единственный общий враг наш – российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники – не показывают своего лица, а натравляют нас друг на друга" (письмо к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 12–13 апреля 1909).

...упыри. – В славянских поверьях – мертвецы, бывшие при жизни колдунами. "В глухую полночь, выходя из могил", они "принимают различные образы, летают по воздуху (...) и высасывают кровь из сонных людей" (*Афанасьев, 3.* С. 557).

Сквозной в творчестве Блока образ "упырей" связан также с литературными традициями (Гоголь, Достоевский и др.), имеет политические ассоциации (С.Ю. Витте, П.Н. Дурново и др.). Об этом см., в частности: *Миц З.Г.* Блок и Гоголь // *БС-2*. С. 178, 195, 196. В статье "Солнце над Россией" (1908), осмысляя "все мрачное прошлое

родины", Блок писал о зловещем призраке, чье "мертвое и зоркое око" всегда следило "за душой и землей нашей" и чья "мертвая рука" направляла деятельность всех "упырей" в истории России.

...*Их помышленья и дела...* – Словосочетание восходит к формуле исповедания грехов в православных молитвах – "делом, словом, помышлением".

...*И загниют еще живые // Их слишком сытые тела.* – Ср. с ответом могильщика на вопрос Гамлета: "Долго ли может пролежать человек в земле, не сгнивши?" – "Если не сгнил заживо – а нынче это случается частенько (...)" (*Шекспир* В. Полн. собр. соч. СПб., 1903. Т. 3. Действ. 5. Сц. 1). Ср. с библейским мотивом саморазрушения пресыщенной плоти (Иак. V. 3).

Мысль о всеобщем "загивании" пронизывала письма и дневниковые записи Блока. Ср. в его письме к матери от 6/19 февраля 1909 г.: "Все люди сгниют, несколько человек останется" и в дневнике: "Всё ползет, быстро гниют нити швов изнутри (преют), а снаружи остается еще видимость" (запись от 14 ноября 1911 г.).

Их корабли в пучине водной // Не същут ржавых якорей... – В.Н. Орлов усматривал в этих строках ассоциацию с Цусимским сражением 14–15 мая 1905 г., во время которого в морском бою с японцами погибла большая часть русского флота. Эта трагедия получила отклик в стихах Блока 1905 г.: "Война", "Девушка пела в церковном хоре...", "В лапах косматых и страшных..." (т. 2 наст. изд.). Намек на обстоятельства гибели Тихоокеанской эскадры, связанные с разложением имперской "военной машины", возможно, содержится в образе "ржавых якорей". Часть образов восходит также к библейским: "пучина" как орудие гнева Божия (ср.: "...подниму на тебя пучину, и покроют тебя большие воды" – Иез. XXVI. 19) и "ржавчина" как знак гибели и несправедности перед Богом (см.: Иак. V. 3). Ср. образ тонущего корабля как символ исторической обреченности "старого" буржуазного мира у А.И. Герцена ("Корабль идет ко дну (...) корабль не может быть спасен" в статье "С того берега". – *Герцен А.И.* Сочинения и переписка с Н.А. Захарьиной. СПб., 1905. Т. 5. С. 250). Это издание было у Блока, о его пометах в томе см.: *ББО-1*. С. 223–225. Скрытые цитаты из философско-исторических произведений Герцена, входящих в этот том, встречаются в статьях Блока 1900 – 1910-х гг. при осмыслении им событий русской революции.

"Их корабли" противопоставлены сквозному в творчестве Блока образу "светлых" кораблей. О символике образа "кораблей" в связи с аргонавтическими построениями младших символистов, мотивами "свободы", темами "революции", будущего России см. в коммент. к поэме "Ее прибытие", 1904 (т. 2 наст. изд.).

...*И не успеть прочесть отходной...* и след. – *Отходная* – молитва на разлучение души с телом, которую священник (*иерей*) читает над умирающим. Ср. с предсказанием "о том, что никто не придет назад" вслед за молитвой "о всех кораблях, ушедших в море", в стих. "Девушка пела в церковном хоре...", в котором критика усматривала сходство с ситуацией проводов русского флота на войну (см. об этом в коммент. к стих. – т. 2 наст. изд.).

Так нам велит времен величье... – Мысль "о величии эпохи", знание о котором "надлежит хранить" художнику (см. ответ Блока на анкету ("Что сейчас делать"), 1918), поэт высказывал многократно, ср. в его письме к Е.П. Иванову от 25 июня 1905 г.: "Какое важное время! Великое время!". В развитии этой темы Блок опирался на традиции Пушкина и Тютчева. В статье "Искусство и газета" (1912), цитируя тезис Пушкина "Прекрасное должно быть величаво" (стих. "19 октября" ("Роняет лес багряный свой убор...", 1825)), он продолжал: "Величавой может быть жизнь (...) величавой может быть гибель даже", указывая далее на события 1905 г., а в статье "Интеллигенция и революция" вновь утверждал: "Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую

немного себе равных по величию", вспоминая при этом строки из стих. Тютчева "Цицерон" (не позднее 1830): "Счастлив, кто посетил сей мир // В его минуты роковые (<...>".

Образ "повелевающих" "времен", с одной стороны, может восходить к античным представлениям о "всезрящем" времени. С другой – связан с блоковской концепцией "воли" и "музыки" как сил, направляющих процесс мирового развития по восходящей линии (об этом в связи с интерпретацией данного стиха см.: *Максимов I. С.* 61–62).

...И *розоперстая судьба!* – Розоперстой названа богиня утренней зари в гомеровском эпосе "вследствие пяти бледно-розовых идущих перпендикулярно к горизонту лучей, которые заметны в Малой Азии и Греции и вообще на юге перед восходом солнца" (Ameis к Hom. Od. 2, 1; цит. по кн.: *Любкер Ф.* Реальный словарь классической древности. СПб.; М., 1884. С. 473; этой книгой пользовался Блок – см.: *ББО-2. С.* 111–138). Образ был излюблен в ориентированной на греческую мифологию поэзии символистов. У "младших" символистов символика "зари" как провозвестницы "нового века" была связана с их мистико-эсхатологическими ожиданиями. Наибольшее распространение образ получил в так называемую "эпоху зорь" среди московских символистов, называющих себя "аргонавтами" по имени героев греческого мифа о "золотом руне". См. аналогичные образы у Эллиса: "Золотоперстая зоря" (стих. "Вахханалия", напеч. в альманахе "Гриф". М., 1904, рядом с публикацией стихотворений Блока); Андрея Белого: "Сияя перстами, зоря рассветала"; Блока: "Туда манит перстами алыми // (<...> Недостижимая зоря" (стих. "Там дамы щеголяют модами...", 1906). После событий 1905 года образ "зари" ассоциировался для Блока и с надеждами на революционное обновление мира. Образ "розоперстой судьбы" связан также с мотивами 2-го тома лирики Блока и с идеями и образами задуманной весной 1907 г. драмы "Песня судьбы" (1908). Само сочетание атрибута "зари" – "розоперстая" – с "судьбой" могло быть продиктовано многозначительной контаминацией образов греческих богинь: Эос, возмещавшей появление Солнца и приход нового дня, и Адрастеи, богини кары и возмездия, олицетворявшей для греков неотвратимую Судьбу, мировую необходимость.

Гроба, наполненные гнилью... – Образ восходит к евангельскому сравнению: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты" (Мф. XXIII. 27). Образ часто встречается в поэзии. Ср. также с реальией в стих. К. Бальмонта "В глухие дни" ("В глухие дни Бориса Годунова...", напеч. в 1900): "Гроба, отяжелевшие от гнили (<...>".

Свободный, сбрось с могучих плеч! – Ср. с вар. *ЧА ИРЛИ*: "Рабочий, сбрось (<...>". Образ основан на аналогии с героями греческого мифа об Атласе и Атланте, держащими на своих плечах землю и небо; ср. с образом Атланта в трагедии Эсхила "Скованный Прометей" (СПб., 1904). Монументальностью трактовки образ перекликается с характерным для символистской и пролетарской поэзии тех лет образом рабочего-титана. Прямое обращение Блока к народу совпадает, по наблюдению З.Г. Минц, с характерной для революционной лирики поэтикой "призыва" (см.: *Минц, З. С.* 98).

Всё, всё – да станет легкой пылью... и след. – Ср. с заключением пророка Экклезиаста: "Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвратится в прах" (Еккл. III. 20). О сквозном в творчестве Блока образе "пыли" в связи с мотивами гибели цивилизации см.: *Поценья Д.М.* О единстве эстетических свойств слова в поэзии и прозе А. Блока // Вопросы стилистики. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1972. Вып. 4. С. 80.

...*Под солнцем, не уставшим жечь!* – Ср. с образом гнева Божия в Апокалипсисе: "Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной..." (Откр. XVI. 8–9). Выражение "под солнцем" является рефреном в кн. пророка Екклесиаста, где говорится о "всяком деле" "под солнцем" – свидетелем правды и беззакония, творимых "в веках" (см.: Еккл. I. 9–10 и др.).

Образ "солнца", испепеляющего все, недостойное "величия", восходит также к языческим представлениям о солнце, грозном и животворном божестве, и соотносится с блоковской концепцией "Прекрасного", мстящего "за себя, как древнее божество или как народная душа, испепеляя, стирая с лица земли все то, в чем лежит признак суеты" (статья "Искусство и газета").

"В ГОЛОДНОЙ И БОЛЬНОЙ НЕВОЛЕ..."

(С. 60)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₂₄. Л. 39 об. – 40, "15 II" (1909) (над текстом); *БА* – *Т*₈. Л. 34. "15 II 1909 – (7 II 1914)"; *Кор*₂ *Земли*. Л. 71 об.; *АС* – *НР Ямбы*. Л. 4, рукой Л.А. Дельмас; *БА* – *Изборник*. Л. 280.

Впервые: Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни (*ЕЖЛНУОЖ*). 1914. № 3. С. 3.

Публикации: *Ямбы*. С. 16–17, "1909"; *III*₃. С. 106, "1909".

В *АС НР Ямбы* над текстом – порядковый номер "V".

В голодной и больной неволе ~ народ? – Ср. с обращением к отчизне в стих. Н.А. Некрасова "Что ни год – уменьшаются силы...": "Мать-отчизна! дойду до могилы, // Не дождавшись свободы твоей!"

В четверостишии имеется также ряд образных соответствий (включая рифмы), в том числе полемически осмысленных, со стихотворениями Андрея Белого из сб. "Пепел" (1909). Ср.:

Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.
Здесь – немой народ. ("Деревья", 1908)

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год! ("Отчаянье", 1908)

Холодеющий шелест соломы.
Голодающий, бедный народ (...) ("Родина", 1908)

Когда же всколосится поле... – В русской поэзии XIX в. образы колосающегося поля были устойчиво связаны с раздумьями о судьбах родины и народа, олицетворяли народные чаяния, мечты о свободной привольной жизни. Ср. образ нивы в стих. М.Ю. Лермонтова "Родина" ("Когда волнуется желтеющая нива...", 1841), образы хлебного поля, колосьев в стихотворениях Н.А. Некрасова, И.С. Никитина, А.В. Кольцова, А.Н. Майкова, А.Н. Апухтина и др.

Символика образа соотносится также с библейским образом "созревшей жатвы" (см.: Иоил. III. 13; Мф. XIII. 39; Мк. IV. 26–29; Откр. XIV. 15) как времени исполнения "обетований".

Что лето, шелестят во мраке ~ началась. – По народным поверьям, ночное хлебное поле – место действия сверхъестественных сил, и божеских, и демонических. Одно из таких поверий Блок приводил в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1905): "Страх нападает на того, кто заметит в поле закрученные узлом колосья: их спутала нечистая сила".

О соотносительности "злаковой" символики в цикле *Я* с мифом о Деметре и древней земледельческой символикой в целом см.: *Ильев*. С. 42, 46, 47, 52.

Позднее мотив "тайны" в сочетании с образами "полевых злаков" ассоциировался для Блока с темой России. Ср. в стих. "Русь" (1906): "Где ведуньи с ворожеями // Чаруют злаки на полях // (...) И в тайне почивает Русь (...)". В близком контексте, имея в виду сокровенные судьбы родины, Блок цитирует в финале своего предисловия к *ЗС* (1908) концовку поэмы Н.А. Некрасова "Коробейники": "Распрячься ты, рожь высокая, // Тайну свято сохрани...". Ср. с другими образами хлебного поля у Некрасова: "Все рожь кругом, как степь живая" (поэма "Тишина", отмечено Блоком, см.: *ББО-2*. С. 173); "Цветут, растут колосья наливные // А я чуть жив!" (стих. "На родине"), а также с образом шепчущихся, клонящихся до земли, ожидающих жнеца "колосьев", которым "ветер принесит печальный ответ" (стих. "Несжатая полоса").

Аналогичные образы в связи с темой народа, мотивами вольности и цветения встречаются в набросках *ЧА ЗК₅* стих. Блока "Поэты" (1908), ср.: "А в поле был ветер, цвел колос" (см. раздел "Другие редакции и варианты").

В мотивах "тайны" и "цветения" "злаков" имеются параллели с евангельской притчей о тайном возрастании Царствия Божия, которое "...подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва" (Мк. VI. 28–29).

Ср. также с картиной колосащегося поля в дневниковой записи Е.П. Иванова от 8 октября 1905 г.: "Приходил А. Блок. Говорили о революции и о Христе. Опять о колосащемся в поле и в городе идущем... В поле среди колосащихся злаков, и сам колос, как колосающийся Христос, волнуется в полях..." (*БС-1*. С. 396). Блок, несмотря на признание (см. письмо к Е.П. Иванову от 15 июня 1904 г.), что ему чуждо уподобление хлебного колоса Христу ("Я емь хлеб жизни" – Ин. VI 35), использовал этот образ в стих. "Вот он – Христос в цепях и розах..." (1905), посвященном Е.П. Иванову.

...Всю ночь под тайным ветром... – Ночь как время постижения тайн бытия, хранимых природой, – сквозной мотив в творчестве Блока (см. стих. "Я вышел в ночь – узнать, понять...", 1902). О приобщении к "ночному языку" природы – в "глухую ночь", "в миг, созданный сплетением стихий", когда "мировая кровь и мировая плоть празднуют брачную ночь", Блок писал в статье "Поэзия заговоров и заклинаний". Ср. с образом ночной "ведающей" природы в стих. Ф.И. Тютчева "О чем ты воешь, ветр ночной?.." (нач. 1830-х гг.).

В раннем творчестве Блока ("Стихи о Прекрасной Даме") образ "ветра" был сопряжен с темой эсхатологических чаяний, мистических "намёков", предзнаменований (ср.: "Песни весенней намек (...)") – в стих. "Ветер принес издалека...", 1901). В дальнейшем он воспринимается поэтом как глубоко родственная народной душе стихия и соотносится с темой ожидания в народе социально-исторических перемен (ср. с образом "ветер родного селенья" в стих. Н.А. Некрасова "Что ни год – уменьшаются силы..."). Он связан также с образом революционной "бури" и в этом плане

перекликается с основанным на библейских ассоциациях образом "ветра" в кн. Т. Карлейля "Французская революция" (С. 34): "Вы и ваши отцы сеяли ветер, и вы пожнете ураган".

Народ – венец земного цвета, // Краса и радость всем цветам... – Ср. с библейскими представлениями о человеке как о "венце творенья" и сопоставление дней его жизни с цветением растения ("как цвет полевой, так он цветет" – Пс. СII. 15); ср. высказывание Христа о полевых лилиях: "...Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву на поле (...) Бог так одевает, то кольми паче вас, малoverы!" (Лк. XII. 27–28).

Ср. также со словами Гамлета: "Какое образцовое создание человек! (...) Краса мира! венец всего живого!" *Шекспир В. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 109*).

... Не миновать Господня лета // Благоприятного – и нам. – Выражение "Господне лето" упоминается в Священном Писании дважды: в кн. пророка Исайи, который "проповедует лето Господне благоприятно" (Ис. LXI. 1–2); тот же текст звучит из уст Христа, зачитавшего его собравшимся на проповедь в Назарете (Лк. IV. 18–19).

Одно из толкований этого символа в значении "венца" земной истории и времени наступления "золотого века" перекликается с выражением "венец земного цвета" в значении "высшего предела", "расцвета", "завершения". Интерпретируя образ "Господне лето" у Блока, Д.Е. Максимов отметил его соотносительность с категориями земной, исторической жизни и вместе с тем – параллели с мистико-утопическими идеями Ф.М. Достоевского, Вл. Соловьева, западноевропейского (хилиазм) и русского сектанства (*Максимов I. С. 123–124*).

Употребление формулы "Господне лето" не только в связи с обещанием исполнения конкретных народных чаяний и мистических надежд, но и в смысле утверждения неизбежности исторических социальных перемен, позволяет говорить о перекличке этого понятия у Блока с героико-романтическим и мистическим определением революции у Карлейля как "явления, венчающего наши новые времена" (*Карлейль Т. Французская революция. С. 147*). Используя выражение "Господне лето", Блок пренебрег прозвучавшим как раз в то время негативным высказыванием И. Анненского по поводу обыгрывания этого библейского символа в "новой поэзии". Приведя строки – "Лето Господне // Благоприятное" (из стих. Вяч. Иванова "Господне лето") и отослав к подобному начальному стиху М. Кузмина (см. его сб. "Сети", М., 1908. С. 123), критик указал на них как на пример "состязаний в версификации на красиво заданные темы", иронически добавив при этом: "И все это печатается. Все это хочет быть поэзией. Не декадентство ли самые эти состязания?" (*Анненский И. О современном лиризме // Аполлон. 1909. № 1. С. 21*; в статье был затронут и Блок).

Тот же символ в связи с образом весеннего ледохода и мотьюм "мятежных дум" встречается у Блока и ранее – в наброске "Вот реки полноводье..." (1907): "Дышит лето Господнее // От холодной воды" (*ЧА ЗК₁₆. Л. 13 об.*).

Соотнесенностью с судьбами родины образ "Господне лето" в комментируемом стихотворении перекликается также с образом "ведренный день" в обращении Н.А. Некрасова к "матери-отчизне":

Но желал бы я знать, умирая, (...)
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди (...)

("Что ни год –
уменьшаются силы...", 1861)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП* – *Т₇*. Л. 13 об. ("Святая Пасха" ["В трупье покорности и веры..."]); "30 марта" (1909); "передел(ано) весной 1911"; *БА* – *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 113. Л. 1, "Ревель. 30.III.1909"; *БА* – *НР НЧ*. Л. 25; *Кор₁ НЧ*. Л. 19; *Кор. л.* – *НР₂ Ш₁*. Л. 73, "1909", Ревель (дата карандашом); *Кор₂ Земли*. Л. 72.

Впервые: *НЧ*. С. 37, в разд. "Возмездие".

Публикации: *Ш₁*. С. 123–124, "1909 Ревель"; *Ш₂*. С. 46, "Ревель", в разд. "Возмездие"; *Ямбы*. С. 18–19, "Ревель"; *Ш₃*. С. 107.

Первоначально начиналось двумя четверостишиями, которые при переработке стихотворения для публикации в сборнике *НЧ* были зачеркнуты, вместо них вписаны ст. 1–4 основного текста.

В *БА ИРЛИ* над текстом – порядковый номер "LXXXVIII", в левом верхнем углу имеется нумерация (коричн. карандаш.): "148"; в правом – рукой неустановленного лица помечено: "А. Блок".

В *НР₂ Ш₁* карандашом помечено деление на четверостишия и поставлена дата "1909".

В *РЭ Ш₁* (Л. 67–67 об.) стихотворение помечено на полях двумя вопросительными знаками.

Было послано Блоком при письме В. Брюсову от 17 февраля 1911 г. для публикации в *РМ*. В ответ Брюсов сообщал 8 апреля 1911 г., что, посоветовавшись с редактором журнала П.Б. Струве, печатать стихотворение "не решился по соображениям цензуры" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 514).

В рецензии на *Ш₂* А. Дерман обратил внимание на данное стихотворение как поражающее "читателя болезненно неожиданной реакцией отвращения (к тому же не слишком удачно выраженной) к святой ночи", которая, по мнению критика, "ненавистна Блоку, именно потому, что какая-то живая вечность, универсальность и умиротворенность ее пронизают, а это враждебно поэту тревожного мгновения, смерти и острой страстной напряженности". «Когда, – писал Дерман, – сопоставляешь предмет этого стихотворения, – торжественный благовест пасхальной ночи, – с безгласным впечатлением автора, невольно является мысль, что почва его поэтических восприятий способна взращивать только одни "цветы зла"» (*Дерман А.* Об Александре Блоке. О III книге стихов "Снежная ночь" (М., 1912) // *РМ*. 1913. № 7. С. 60).

И. Оксенов, напротив, дал стихотворению положительную оценку, приведя его в качестве примера "равновесия внутреннего и внешнего" начал в лирике Блока, при котором, в первую очередь, звучит "звон над человеческим созданием и только в заключительной строфе над лично милой поэту мелочью мира" (*Оксенов И.* Ямбическая лирика // *Жизнь искусства*. 1919. № 267. 14 окт.).

Первоначальный текст был записан в Ревеле, куда Блок с женой приезжал к матери на Пасху, приходившуюся в 1909 г. на 30 марта (ср. вариант заглавия "Святая Пасха" и первую дату при стихотворении в *Т₇*). Перед этим Блок писал матери: "Я никогда еще не был, мама, в таком угнетенном состоянии, как в эти дни (...) Всё, что я вижу, одинаково постыло мне, и все люди тяжелы" (письмо от 23 марта 1909 г.). По тревожному мрачному настроению стихотворение связано также с переживаниями Блока на Пасху 1908 г., когда он "томился и блуждал около факелов Исаакиевского собора", "страшно", по его словам, беспокоясь об уехавшей жене, испытывая неприкаянность, тоску из-за несложившейся семейной жизни и "ужасное чувство" разлада и

отчуждения по отношению к происходившему вокруг (см. его письмо к Л.Д. Блок от 14 апреля 1908 г.). "Эти два больших христианских праздника (Рождество и Пасха), – тогда же писал он матери, – всё больше унижают меня; как будто и в самом деле происходит что-то такое, чему я глубоко враждебен" (письмо от 15 апреля 1908 г.).

З.Г. Минц обнаруживает в стихотворении скрытую полемику с идеей Гоголя о будущей России как "земле Христовой". По ее предположению, "жизненные впечатления" Блока "переплелись здесь с резко переосмысленными образами" из книги Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями", которую поэт внимательно перечитывал незадолго до написания данного стихотворения, работая над статьей "Дитя Гоголя" (март 1909). «В "письме", озаглавленном "Святое воскресение", Гоголь пишет о "торжественной полночи", "повсеместном колокольном (звоне), который всю землю сливает в один гул": "Всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гулят и гудут по всей земле, точно как бы будят нас» (*Минц З.Г. Блок и Гоголь // БС-2. С. 189*). Указывая на переключку варианта заглавия стихотворения Блока ("Святая Пасха") с заглавием этого "письма" Гоголя, З.Г. Минц отмечает, что «оценка "святого воскресения" у поэта прямо противоположна гоголевской» и что "звон" осмысливается поэтом как "призыв к забвению всех несправедливостей мира", а христианскому идеалу Гоголя противопоставлен "демократический идеал человека", "конкретное, живое, индивидуально-неповторимое" как "высшая ценность мира" (*Там же. С. 189–190*).

...как стон, // Стоит, терзая ночь глухую... – Ср.: "Ты слишком тяжким стоном душу // Бессмертную томишь во мгле" (стих. "Я ухо приложил к земле...", 1907).

Образ "глухой ночи" перекликается со словами Гоголя о всеобщем очерствении жизни: "Все глухо, могила повсюду" (*Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Письмо XXXII; процитировано в статьях "Народ и интеллигенция" и "Дитя Гоголя"*).

...Трезвонят до потери сил... – О колокольном звоне как орудии против злых духов см.: *Афанасьев, 1. С. 301*. Ср. Антифон 3-й пасхальной литургии: "Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его (...) Яко исчезает дым да исчезнут" (из молитвы Честному Кресту, входит также в пасхальные стихирь). Пасхальный звон, несущий людям весть о Воскресении, приравнен в стихотворении к "вбиванию в землю" "человеческого создания" (*Минц, 4. С. 118*).

...Над всем, чему нельзя помочь... – "Непоправимость" – один из "лейтмотивов" писем и записей Блока 1908–1911 гг. Ср. в его письме к матери от 19 июня (н. ст.) 1909 г.: "Переделать уже ничего нельзя – не переделает никакая революция" и признание "непоправимости" "всего" (относящееся к семейной драме поэта) в "пасхальном" письме Блока Андрею Белому от 11 апреля 1911 г. (ср.: "всё ужасно" – запись от 9 апреля 1911 г. о "последобеденном сне" "в Страстную субботу" – *ЗК. С. 177*).

...над шубкой меховою... – "Полумодная шубка с черным мехом" детально описана в неотправленном письме Блока Л.Д. Менделеевой, где он воспроизводит подробности ее облика – "давно знакомые" и "с любовью наблюденные" (*ЛН. Т. 89. С. 48–49*); о "теплой меховой ротонде" вспоминает Л.Д. Блок, рассказывая про свои свидания с Блоком (*Воспоминания, 1. С. 161*). Эта реалья неоднократно встречается в "первом томе" лирики Блока (ср. в стих. 1902 г.: "Ее серебристо-черный мех // И что-то шепчущие губы" – стих. "Она стройна и высока..."; "Он думал о шубке с мехом // И опять скрывался во мрак" – стих. "Его встречали повсюду...").

Образ "шубки" является в данном стихотворении «символично-метонимической заменой "Прекрасной Дамы" и цитатой из того символического и "мистериального" "текста жизни", каковым Блоку представляется история его взаимоотношений с

Л.Д. Блок» (Минц З.Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Тр. по знаковым системам. IV. Тарту, 1973. С. 390 (УЗ ТГУ. Вып. 308)).

...В которой ты была в ту ночь. – Речь идет о ночи с 7 на 8 ноября 1902 г., когда произошло решающее объяснение Блока с Л.Д. Менделеевой, и она согласилась стать его женой (*Воспоминания*, I. С. 162–164). Подобные намеки, до конца ясные лишь посвященным, играют, по наблюдению З.Г. Минц, особую роль в создании целостного образа утраченного прекрасного мира в "третьем томе" лирики Блока (см.: *Минц*, 4. С. 7).

Другие редакции и варианты

Святая Пасха (заглавие в Т₇). – Ср.: "<...> Пасха нова, святая (<...>)" (из пасхальной стихирь).

В тряпье покорности и веры ~ звон? (вар. ст. (1–8) в Т₇). – По мнению З.Г. Минц, здесь полемически перетолковывается евангельская притча (Мф. XXI. 33–41) о "винограднике" – см.: *Минц*, 4. С. 118. В *тряпье покорности* – Ср. изложение принципов христианского мироотношения в посланиях апостола Петра: "... будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа ... чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии" (1 Пет. II. 13, 15, 16), "ибо, кто кем побеждает, тот тому и раб" (2 Пет. II. 19).

Не счесть бесчисленных обид... – Призыв к "прощению обид" звучал в пасхальной стихире: "Воскресения день и просветимся торжеством, и друг друга объедем, рцем: братие! и ненавидящим нас, простим вся воскресением (<...>)". Ср. в стих. Блока "На смерть младенца" (написано в марте 1909 г., как и данное стихотворение):

В душе под песни панихид
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Когда рабы со всех сторон... – Уподобление взаимоотношений между Богом и человеком отношениям "господина" (Господа) и "раба" проходит через все книги Ветхого и Нового Завета, в зависимости от контекста имея разные, вплоть до противоположных, значения. См. многочисленные притчи в Четвероевангелии о "хозяине" и "работниках" ("слугах", "рабах" – "добрых" и "злых", "верных" и "лукавых", "благоразумных" и "ленивых"). "Не рабами (<...>) но (<...>) друзьями" называются, по слову Спасителя, те, кто, исполняя заповеди Христовы, приносит "плод" (Ин. XV. 15, 16). Ср. также понятие "раб Божий", в наивысшей форме выразившееся в словах Девы Марии: "се раба Господня" (Лк. I. 38), означавших свободное "смирненное согласие послужить беспрекословно воле Божией" и "Промыслу Божию" о человеке и человечестве (Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Новый Завет. Пб., 1911–1913, 2-е изд. Стокгольм, 1987. С. 124).

Интерпретируя взаимоотношения "хозяин" – "рабы" в противоположном христианскому миропониманию духе, Блок перемещает вину за "зло" в мире с творящего его человека на Бога.

"О, КАК СМЕЯЛИСЬ ВЫ НАД НАМИ..."

(С. 61)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 229, 230, 231, "1914 отдельн(ое) стих(отворение)"; *БА* – Т₈. Л. 29 об., "весна 1911 – (6 февр(аля) 1914) (из поэмы)"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1, "[1911]";

Кор₁ Земли. Л. 47; *Кор₂ Земли*. Л. 72 об.; *АС – НР Ямбы*. Л. 5 (рукой Л.А. Дельмас); *БА – Изборник*. Л. 313–314, ["1911 (–1914)"], ["1911 весна (1914, 6 февр(аля))"].

Впервые: Русское слово (*РС*). 1915. № 67. 22 марта. С. 5 – последнее в цикле из 4-х стихотворений "Твердость".

Публикации: *Ямбы*. С. 20–21; *IIIз*. С. 108.

Печатается по тексту *IIIз* с исправлением опечатки в ст. 10 "сроки" вместо "строки" (не замечено Блоком в *Кор₂ Земли*), что подтверждается остальными источниками текста.

Черновая редакция из 7-ми четверостиший (*ЧА ИРЛИ*) записана весной 1911 г. Она входила во вторую редакцию поэмы "Возмездие" (составившую впоследствии ее 3 главу) в качестве 7-й главы – над текстом *ЧА ИРЛИ* имеется нумерация Блока синим карандашом: "7" (подробнее о творческой истории поэмы см.: т. 5 наст. изд.). В начале 1914 г. тем же красным карандашом, которым записаны на полях *ЧА ИРЛИ* дата и помета о выделении данного текста в отдельное стихотворение, Блок вычеркнул 7-ю главу из поэмы, а против отчеркнутых на полях на л. 230 ст. (21–22) (о Толстом) записал: "гадость". Ст. (10–24) *ЧА ИРЛИ* не вошли в окончательную редакцию стихотворения. В значительно сокращенном (17 стихов вместо 21) и переработанном виде (лексически текст совпадает с основным) было записано в *T₈* с датой выделения текста из поэмы и его обработки – 6 февраля 1914 г.

БА РГАЛИ – в составе фрагментов 3-й редакции поэмы "Возмездие" (см. об этом во вступительной заметке к коммент. раздела *Я*). При подготовке первой публикации Блок внес некоторые изменения (см. варианты правки в *T₈(1915)*), учтенные также в *АС НР Ямбы* (печатный текст в *Ямбах* совпадает с основным).

В *АС НР Ямбы* над текстом – порядковый номер: "VII".

В *T₈* публикации в *РС*, в *БА НР Ямбы* и *Изборнике* ст. 16–17 выделены не курсивом, а кавычками.

Прямое обращение к читателям и полемическая заостренность стихотворения обусловлены его первоначальной ролью, которую этот текст играл в системе лирических отступлений в поэме "Возмездие", входя в ее 2-ю редакцию и развивая сквозные в поэме темы: о предназначении поэзии, связи "поэта" и "толпы", "возмездия", "обетования" и др. Их актуальность пояснилась в спорах символистов в начале 1910-х годов о пророческой миссии поэзии (ср. идеи Вяч. Иванова в статье "Заветы символизма" о роли поэта-теурга, поддержанные Блоком в статье "О современном состоянии русского символизма", 1910). В стихотворении заметна также ориентация на "вечностный" аспект в трактовке названных тем, соотносимый с идеями Вл. Соловьева, что характерно для раннего периода творчества Блока; в частности, имеются переключки с наброском его статьи о русской поэзии (см. записи в дневнике Блока за декабрь 1901 – январь 1902 г.).

О, как смеялись вы над нами, // Как ненавидели вы нас... – Ср. в стих. Ап. Григорьева: "Я не поэт, о Боже мой!":

Зачем же злобно так смеялись,
Так ядовито надсмехались
Судьба и люди надо мной?

Процитировано Блоком в статье "Судьба Аполлона Григорьева" (1915). Ср. с аналогичными мотивами в ранней лирике Блока ("Смеялись бедные невежды...", 1900 и др.) и в его статье 1905 г. "Творчество Вячеслава Иванова (гл. 1 "Поэт и чернь)". Ср. также мотивы непонимания толпы, ее глумления над поэтом в стих. Пушкина "Поэту"

(1830): "Услышишь суд глупца и смех толпы холодной..." и в близком по своему пафосу к циклу *Я стих*. Некрасова "Блажен незлобивый поэт..." (1852). Эти традиционные в русской поэзии XIX в. мотивы были актуализованы на рубеже XIX–XX столетий обстоятельствами литературной борьбы, конфликтом символистов с "позитивистами", реакцией публики на появление "новой поэзии" (об издательских откликах и пародиях, которыми пресса встретила первые публикации стихотворений Блока – см. вступит. статью к т. 1 наст. изд.); в статье "Три вопроса" (1907) Блок упоминал о "граде насмешек" над "русским новым искусством").

...тихими стихами // Мы громко обличили вас! – Ср. с названием сб. И. Анненского "Тихие песни" (1904); в рецензии на него Блок отмечал антибуржуазную направленность поэзии символистов. Ср. также с названием сб. К. Бальмонта "Тишина" (1898); эпиграф к нему указывает на ту же переключку с философской лирикой Ф.И. Тютчева в трактовке темы "молчания", что и в наст. стихотворении.

Но мы – всё те же... – Ср. с "программными" идеями наброска статьи Блока о русской поэзии, где говорится о глубинном родстве символистов с творчеством "великих учителей", о наследовании "вечных идеалов" "новой поэзией" (см. записи в дневнике Блока за декабрь 1901 – январь 1902 г.).

За вас, о вас тоскуем вновь, // Храня священную любовь... – Ср. с мотивами эсхатологических "тоски" и "любви" в стих. Вл. Соловьева "Зачем слова? В безбрежности лазурной..." (1892); с тезисом Андрея Белого: "Священная тоска становится нестерпимой" (отмечено Блоком в дневнике 26 марта 1902 г.), а также с мотивами "тоскования" как непрерывного стремления поэтов к обетованной гармонии, "когда враги (...) протянут друг другу руки" и берега "постигнутой бездны" «солятся "в одну любовь"» – в упомянутом выше наброске Блока статьи о русской поэзии.

«Но за плечами – всё "мое" и "не мое", равно великое: "с в я щ е н н а я л ю б о в ь", и 9-е января, и Цусима – и над всем единый большой, строгий, милый святой крест», – писал Блок Андрею Белому 12 марта 1911 г., работая над поэмой "Возмездие", куда входил и текст наст. стихотворения.

Ср. в стих. Н.А. Некрасова "Поэт и гражданин" (1855–1856):

А ты поэт! Избранник неба,
Глашатай истин вековых,
(...)
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

И так же прост наш тихий храм... – Символика образа "храма" восходит к традиционному пониманию поэзии как служения, выраженному, в частности, в наброске статьи о русской поэзии, где стихи приравниваются к молитвам, а миссия поэтов – к апостольской (см. записи в дневнике за декабрь 1901 – январь 1902 г.), в его стих. "Неведомому Богу" (1899): "Откроешь двери в новый храм // Укажешь путь из мрака к свету". Образ "тихого" храма связан и с темами "молчания" и "поэта и толпы". Ср. с образом поруганного храма в стих. Пушкина "Поэту" (1830) и сквозным в лирике Блока образом "темного", "пустого" храма: "Мне и темная церковь светла..." ("Ты прошла голубыми путями...", 1901); "Ничего вы не скажете люди, // Не поймете, что темен мой храм..." ("В бесконечной дали корридоров...", 1907) и др. Ср. также с прологом к поэме "Возмездие", по замыслу связанным с данным стихотворением: "Пусть церковь темная пуста (...) Свою обедню отслужу" (т. 5 наст. изд.). Эта близость еще нагляднее (лексически и интонационно) проявилась в варианте данного стиха в

ЧА ИРЛИ: "Пусть будет прост и скуден храм, // Где небо кроют мглою бесы" (см. раздел "Другие редакции и варианты"), где образ "храма" соотносится с темой обездоленной родины и сопоставим с образом оскудевшего, некогда благолепного храма, олицетворявшего "России новый строй" в стих. А.М. Жемчужникова "Духа не угашайте" (1888): "Теперь он опустел; все входы прах занес, // Священнодействий нет, он темен и печален...". Символика "простого" храма может быть соотнесена и с библейскими мотивами (Ис. LXV. 1–2).

Мы на стенах читаем строки... – Пророческие интонации поэтов-символистов уподоблены предсказанию библейского пророка Даниила, который истолковал царю-язычнику Валтасару надпись, таинственно появившуюся на стене его чертога во время пира и означавшую близкую гибель царя и царства (см.: Дан. V. 26–27). Отсылка к библейскому сюжету скрыто вводит в стихотворение образ "нечестивого пира" – один из сквозных при характеристике "страшного мира" в лирике Блока. В стих. Бальмонта "К рабочему" ((1905–1906?)) та же библейская реминисценция имеет открыто социальный смысл: "Ты в судьбах Родины сумел слова прочесть, // Которых мудрые, читая, не видали". Ср. также с эсхатологическими мотивами в стих. Вяч. Иванова "Знаменья": "Мы знаки видели, все те же, не однажды: // Но вечно сердцу нов их обманувший смысл".

О том, что под землей струи // Поют... – Ср. в стих. Ф.И. Тютчева "Иным достался от природы..." (1862) – о пророчески-слепом инстинкте: "Они им чувят, слышат воды // И в темной глубине земной..." и в стих. "Silentium!" ((не позднее 1830)): "Взрывая, возмутишь ключи, – // Внимай их пенью – и молчи!" Мифопоэтический образ "воды" – источника мудрости, обновления и приобщения к тайнам бытия имеет особое значение в творчестве символистов (ср.: в стих. Бальмонта "Проповедникам" ((1899?)): "Есть много струй в подлунном этом мире, // Ключи поют в пещерах, где темно...", в стих. Блока "Безрадостные всходят семена..." (1902): "Я здесь родной с подземными ключами! // Мгновенья тайн! Ты вечная любовь!", в статье Вяч. Иванова "Символика поэтических начал" – о раскрытии души "живым струям, бьющим из самых недр мира" и др.). О соотношении этих мотивов в цикле "Ямбы" с традициями "вольной русской поэзии" см.: *Мини*, 3. С. 94–95.

...бродят светлы... – Сквозные в лирике Блока мотивы "света" восходят к переосмысленному им евангельскому образу "фаворского света" (см.: Мф. XVII. 2; Мк. IX. 2–3; Лк. IX. 28–29) и к идеям исихазма (XIV в.) о скрыто присутствующем в мире "нетварном" свете, божественной энергии (учение Св. Гр. Паламы и др. исихастов), которые были восприняты Блоком через поэзию Вл. Соловьева. Ср. с мотивами "вселенского", "несказанного", "непостижного" света в "первом томе" лирики Блока ("Мы живем в старинной келье...", 1902; "Верю в Солнце Завета...", 1902 и др.).

Ср.: "Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены" (Иак. I. 17). В образе "светов" имеется также реминисценция (лексическая и образная) с вариантом заглавия – "Светы мирные", которое Андрей Белый предлагал Блоку для книги "Нечаянная радость" (т. 2 наст. изд.). В мифопоэтическом ключе образ "света" проходит в статье Блока "Памяти Врубеля" (1910), где говорится о движущих нас богах "огня и света".

Молчи, скрывайся и таи... и след. – Цитата из стих. Ф.И. Тютчева "Silentium!" ((не позднее 1830)). Ср. с мотивами "молчания" в стих. Блока "Молитву тайную твори..." (1901): "Готовься, мысли и молчи", в стих. Ф. Сологуба "Ангел благого молчания" (1900) и одноименном стих. В. Брюсова, которые соотносятся с традициями пребывания в отшельническом молчании и подвиге молитвенного "умного делания" монахов-исихастов. Ср. высказывание Вяч. Иванова в статье "Поэт и чернь" (1904) о значимости для символистов подвига "поэтического молчания" Тютчева, "чьи слова

многозначительны и загадочны, как некие тайные знамения великой и несказанной музыки духа" (отмечено Блоком – см.: *ББО-1*. С. 295).

Комментарии к вариантам *ЧА ИРЛИ*, входившим во вторую редакцию поэмы "Возмездие", см. в коммент. к поэме – т. 5 наст. изд.

"Я – ГАМЛЕТ. ХОЛОДЕЕТ КРОВЬ..."

(С. 61)

Автографы: *ЧА – ЗК₂₄*. Л. 40 об.; *БА – Т₈*. Л. 30 об., "II 1909 – 6 февр(аля) 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 73.

Впервые: Северные записки. 1915. № 2. С. 28, последнее в цикле из 3-х стихотворений "Офелия".

Публикации: *III₂*. С. 44, в разд. "Возмездие"; *Ямбы*. С. 22; *III₃*. С. 109.

В *Т₈* в ст. 6 слово "Увел" подчеркнуто.

Окончательный текст – *Северные записки*.

Стихотворение связано с воспоминаниями о любительском спектакле, состоявшемся в имении Менделеевых Боблово 1 августа 1898 г., когда были разыграны сцены из трагедии Шекспира "Гамлет". Постановка запомнилась лицам из ближайшего окружения Блока. Подробно ее описала М.А. Бекетова – см.: *Бекетова 1₂*. С. 61–63; *Она же*. Шахматово. Семейная хроника // *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 768. Особое значение имело это событие для Блока и его будущей жены, Л.Д. Менделеевой, исполнявших роли Гамлета и Офелии. Об этом свидетельствуют как позднейшая запись в дневнике Блока 1918 г., воспроизводящая наиболее важные для него моменты 1898 г., так и воспоминания Л.Д. Блок о сблизившей их атмосфере спектакля и последовавшей за ним прогулки "в костюмах", когда они "очутились вдвоем Офелией и Гамлетом в (...) звездной ночи" (*Воспоминания*, 1. С. 144). «Вечер представления "Гамлета"» и состоявшийся во время него "десятиминутный разговор" с Блоком был, по словам Л.Д. Блок, их «"романом" первых лет встречи, поверх "актера", поверх вымуштрованной барышни, в стране черных плащей, шпаг и беретов, в стране безумной Офелии, склоненной над потоком, где ей суждено погибнуть» (*Там же*). Эти впечатления преломились в лирике Блока – прежде всего в стихотворениях так называемого "гамлетовского" цикла 1898 г.: "Я шел во тьме к заботам и веселью...", "Есть в дикой роще, на краю оврага...", "Офелия в цветах, в причудливом уборе..."; позднее они были перепечатаны под общим заглавием «Воспоминания о "Гамлете"» в журн. "Культура театра" (1921. № 7/8. С. 17–19).

Я – Гамлет... – С чтения «монологов из "Гамлета"» началось в юности, по свидетельству М.А. Бекетовой, пристрастие поэта к Шекспиру (*Воспоминания*. 1. С. 51). О серьезности увлечения можно судить по обилию переписанных Блоком шекспировских текстов, размеченных для актерского исполнения, и по записям относительно "Гамлета" в его подборке "Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр." (1898–1904; см.: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175). Блок, декламирующий "Гамлета", – первое, основанное на рассказах М.В. Коваленской, "заочное" впечатление о нем Андрея Белого (*Воспоминания*, 1. С. 205). Подробные сведения об исполнении Блоком роли Гамлета в "бобловском" спектакле приводятся М.А. Рыбниковой в заметке "Блок в роли Гамлета и Дон Жуана", где ею записаны воспоминания С.Д. и Л.Д. Менделеевых (внучатых племянниц Д.И. Менделеева – участниц представления) – см.: *Там же*. С. 128–131.

Тема "гамлетизма" проходит через все творчество поэта. "Гамлетовские" реминисценции в его произведениях были замечены прижизненной критикой. У совре-

менников возникало и прямое сопоставление Блока с Гамлетом – например, у Г.И. Чулкова, когда он писал о переоценке ценностей, пережитой поэтом в годы первой русской революции (Культура театра. 1921. № 7/8. С. 2). См. также статью П.Н. Медведева о Блоке – "Гамлет XX века" (Жизнь искусства. 1922. № 23. 8–15 авг.).

Отождествление себя с Гамлетом было актуализировано у Блока также общей для символистов установкой на восприятие событий индивидуальной жизни как театрального действия. Не случайно Блок начал работу над стихотворением через несколько месяцев после наброска "пьески" "Умиравший театр", в котором "Время-режиссер" будит "Старика-актера" "в гриме Гамлета", вдруг понимающего: "молодость прошла" (ЗК. С. 113, запись между 19 августа и 12 сентября 1908 г.).

...*холодеет кровь* (...) *Увел далёко жизни холод...* – Ср. в поэме Пушкина "Евгений Онегин" (Гл. 8. Стрфа X): "Кто постепенно жизни холод // С летами вытерпеть умел". Мотивы "холода", возникавшие и в первом томе лирики Блока (см. стих. "Ужасен холод вечеров...", 1902), в дальнейшем приобретали в его творчестве все более глобальный характер. "А в России – жить трудно, холодно (...)", – заключал поэт в годы реакции в статье "Литературные итоги 1907 года". "Жить становится все трудней – очень холодно (...) точно все люди разлюбили и покинули", – признавался он матери в письме от 9 декабря 1907 г. Мотивы "холода" и "одинокства" проходят через его письма к жене 1908 г., когда «неудающаяся "личная жизнь"» – как определил ее Блок в письме к матери от 8 января 1908 г. – стала осознанным фактом, и Л.Д. Блок надолго покинула его, отправившись с театральной труппой на гастроли по югу России.

... *Когда плетет коварство сети...* – Этот "гамлетовский" мотив ассоциировался у Блока с перипетиями его взаимоотношений с теми, кто, называя себя «лучшими друзьями и "покровителями"» (как писал о них Блок в записной книжке 26 июня 1908 г.), вмешивались в его личную жизнь, выступали против него в журналах. "Ко многим людям у меня в душе накопилось много одинокого холода и ненависти (Мережковские, разные москвичи с г. А. Белым во главе и некоторые другие)", – писал он жене 24 июня 1908 г., видимо, подразумевая также Г.И. Чулкова и Вяч. Иванова. Все они – вспоминал позднее С. Городецкий – "вместе с обожанием точили яд разложения на него" (*Воспоминания*, 1. С. 332). Обстоятельства "дружбы-вражды" с Андреем Белым, "ядовитые" публичные выпады которого против Блока едва не закончились осенью 1907 г. дуэлью между ними, наводят на аналогии с ситуациями из "Гамлета" и могли отразиться в концовке данного стихотворения.

И в сердце первая любовь // Жива... Ср. в воспоминаниях Е.П. Иванова (БС-2. С. 369–370) его разговор с Блоком о "первой любви", "память" о которой "заповедана в Апокалипсисе" (Откр. II.4; это место Блок цитировал ранее в письме З.Н. Гиппиус от июля (до 21) 1902; оно отмечено в его экземпляре Библии – см.: ББО-1. С. 76). На сокровенный интимный смысл, который Блок видел в этом расширительном евангельском образе, указывал Е.П. Иванов. Имея в виду начальное чувство, связавшее ее с Блоком ("(...) свет, Христос, Соловьев" – ЛН. Т. 89. С. 75), то же выражение употребляла Л.Д. Блок. "Не изменю первой любви своей", – писала она Андрею Белому 19 марта 1906 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 240). Подробнее о значении мотива "первой любви" в лирике 3-го тома см.: Минц, 4. С. 8–11, а также с. 6–38 – гл. 1 "Первая любовь".

...*увел далеко жизни холод...* – Об "уходе" Л.Д. Блок см. в коммент. к стих. "О доблестях, о подвигах, о славе..." (1908).

...*Клинком отравленным заколот.* – Гамлет в трагедии Шекспира погибает от "укола" отравленной шпагой. Судя по вар. в ЧА ЗК₂₄, Блок пытался сохранить эту подробность – см.: "Пронзен отравленную шпагой"; возможно, он отказался от про-

работки вар. строфы с этим стихом, заметив неточность выражения – Гамлет был не пронзен, а только задет шпагой. В окончательном тексте четверостишия имеются переклички с концовкой стих. Ф. Сологуба "Безумием окована земля..." (1902):

Безумная и страшная земля,
Неистоющим твой дикий холод, –
И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот.

– приведено Блоком в статье "О лирике" (1907).

"ТАК. БУРЯ ЭТИХ ЛЕТ ПРОШЛА..."

(С. 61)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА (ст. 5–16) – ЗК₂₄. Л. 6 об. – 7 ("И страшно и легко и больно..."), "14 II" (1909) (над текстом); ЧА (ст. 1–3) – ЗК₂₆. Л. 75, "14 июля" (1909); ЧА (ст. 1–4) – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 1, "7 февр(аля)" (1914); БАП – Т₈. Л. 30 ("И страшно, и легко, и больно..."), "14 II 1909 (6–7 февр(аля) 1914)"; Кор₁ Земли. Л. 47; Кор₂ Земли. Л. 73 об.; БА (карандашом) – НР Ямбы. Л. 2 об. ("Так. Буря грозная прошла...").

Впервые: Русское слово (РС). 1915. № 67. 22 марта. С. 5 ("И страшно, и легко, и больно..."), первое в цикле из 4-х стихотворений "Твердость", без первой строфы.

Публикации: Маленькая газета (МалГ). 1915. № 86 (187). 30 марта. С. 3 ("И страшно, и легко, и больно..."), первое в диптихе "Твердость"; Ямбы. С. 23–24, "1909"; III₃. С. 110.

Первоначально начиналось со ст. 5 (см. ЧА ЗК₂₄). В ЧА ЗК₂₄ после ст. 16 следовал набросок, зачеркнутый синим карандашом, перекликающийся со ст. 14 наст. стихотворения:

Есть крылья – да в крови тяжелой,
[Есть сила] Есть силы – да
Вот погоди

Зачеркнутый набросок ст. 1–3 с датой "14 июля" имеется в ЗК₂₆ за 1909 г. В Т₈ стихотворение внесено 6 февраля 1914 г. без первой строфы. Эта строфа доработана 7 февраля на отдельном листке (ЧА ИРЛИ), входившем в папку Блока "Черновые стихи" (ЧС) – см. об этом: Иванов-Разумник. Л. 242. Тогда же ст. 1–4 приписаны под текстом в тетради и стрелкой отнесены к началу стихотворения. Позднее, видимо, при подготовке первой публикации, текст которой начинается со ст. 5, эти стихи были зачеркнуты в Т₈ карандашом.

В ЧА ИРЛИ в ст. 3–4 подчеркнуты слова: "Надо мною // Опять звенят весны крыла".

В НР Ямбы над текстом – порядковый номер: "II".

Курсив в ст. 6 и в ст. 13–14, введенный в Кор_{1,2} Земли, в НР Ямбы отсутствует, ст. 13–14 выделены в НР Ямбы кавычками; в Ямбах выделены курсивом только ст. 13–14. В Кор₂ Земли (Л. 74) на месте непропечатанного знака в конце ст. 6 поставлено многоточие.

Используя образы стихотворения, И. Оксенов писал в рец. "Ямбическая лирика" "Воедино слиты для поэта и "буря этих лет" (...) и первая любовь, сквозящая за тучкой легкоперой".

...*Буря этих лет...* – Распространенный в поэзии тех лет образ революционной "бури" в творчестве Блока перекликается с восприятием Т. Карлейля. Его образ "демократии <...> опоясанной бурей" (см.: *Карлейль Т. Французская революция. С. 31*) был позднее отмечен Блоком и трижды цитировался в статьях; см. об этом: *Аверин Б.В., Дожоикова Н.А. Блок и Карлейль // Александр Блок. Исследования и материалы. С. 90, 114–115.*

И страшно, и легко, и больно; // Опять весна мне шепчет: встань... – Автореминисценция строк из стих. "Твой образ чудится невольно..." (1900): "Порой легко, порою больно // Перед Тобой не падать ниц", связывающая данное стихотворение с мотивами и образами "первого тома" лирики Блока. О "возврате" юношеских настроений Блок писал Л.Д. Блок (письмо от 27 февраля 1908): " <...> весеннее солнце лечит <...> долго не заживающую рану в душе <...> бывает восторженно, как в ранней юности <...> чувствую, что <...> опять станет свежей душа <...> постоянно думаю о тебе..."

Ср. у Лермонтова: "И как-то весело и больно // Тревожить язвы старых ран..." ("Журналист, читатель и писатель", 1840; процитировано Блоком в письме к А.В. Гиппиусу от 30 августа 1901 г.), а также у А.М. Жемчужникова: "Опять, как в юные года // <...> Теперь мне радостно и больно" ("Осенью", 1889).

И сердце бьется слишком скоро ~ любовь... – Ср. у Ф.И. Тютчева: "Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь. // И верит сердце в правду и любовь" (стих. "Бывают роковые дни...", 1873).

Забудь, забудь о страшном мире... – Строка повторена в стих. "Дым от костра струею сизой..." (август, 1909).

Взмахни крылом, лети туда... – этот призыв перекликается с положениями статьи Блока "Стихия и культура", где говорится о "крылатой мечте", позволяющей художнику "улететь от земли", что рассматривается поэтом как демоническое искушение: "Всякий деятель искусства – демон, проклинаящий землю, промышляющий крылья, чтобы улететь от нее". Мотив "крылатости" связан также с "первым томом" лирики Блока (ср. образ "всемощных крыл" в стих. "Я укрыт до времени в приделе...", 1902 и др.). Ср. с образом "крыльев" в наброске, примыкающем к черновому автографу наст. стихотворения в *ЧА ЗК₂₄* (Л. 7): "Есть крылья да в крови тяжелой".

Нет, не один я был на пире! – Образ "страшного мира" как "пиршества", "бала" – один из сквозных в лирике "третьего тома" (см. стих. "Песнь Ада" ("День догорел на сфере той земли..."), 1909; стих. "Повеселясь на буйном пире...", "Вячеславу Иванову" ("Был скрипок вой в разгаре бала...") – 1912 и др.).

Нет, не забуду никогда! – "Отказ от возврата в мир первой любви, – по мнению З.Г. Минц, – <...> существенная сторона общественной позиции Блока" (*Минц, 4. С. 26*). Антиномию "память-забвение" Д.Е. Максимов рассматривает в связи с интерпретацией категории "памяти" у Блока как способа "единения с миром" и как неотъемлемого "знания о высоком, выходящем за пределы индивидуального: об идеале, о мире, о людях, о долге" (*Максимов I. С. 119; см. также с. 115–120*). О мотивах "забвения" и "памяти" в цикле см. также в коммент. к стих. "Земное сердце стынет вновь..."

"ДА. ТАК ДИКТУЕТ ВДОХНОВЕНЬЕ..."

(С. 62)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 309–312; ЧН (ст. 1–16) – ГПБ. Ф. 474. Ед. хр. 1. Л. 78* ("Так мне диктует вдохновенье..."), "7 февр(аля) <1914>"; *БАП – Тг. Л. 34 об. – 35* ("Так мне диктует вдохновенье..."), "Современнику" ("Да, так диктует вдохновенье..."), "Осень 1911 – 7 февр(аля) 1914 (из поэмы). Исправл(ено) 5 X 1915"; *БА (под копируку) – ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 39. Л. 3–4*, ("Так мне диктует

вдохновенье..."); *БА – ГПБ*. Ф. 474. Ед. хр. 1. Л. 74, 75 ("Современнику" ("Да, так диктует вдохновенье...")), подпись – автограф; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 2–3 ("Но так велит мне вдохновенье..."), [1911]; *Кор₂ Земли*. Л. 74–74 об.; *БА – НР Ямбы*. Л. 6.

Впервые: *БВ* (утр. вып.). 1915. № 15197. 8 нояб. С. 2. ("Современнику" ("Да, так диктует вдохновенье...")); *БВ* (второе издание). 1915. № 309. 10 нояб. С. 6 (перепечатка первой публикации).

Публикации: *Ямбы*. С. 27–28; *Знамя*. 1920. № 1(3). Апр. Стб. 44–45 ("Да, так велит мне вдохновенье..."), третье в цикле из 4-х стихотворений "Ямбы"; *Шз*. С. 111–112.

ЧА ИРЛИ входит в черновую редакцию 1911 года третьей главы поэмы "Возмездие" (подробнее о творческой истории поэмы см.: т. 5 наст. изд. В *ЧА ИРЛИ* выделяется набросок ст. (1–8) черновой редакции стихотворения и текст черновой редакции (ст. (1–24)). После ст. (8), (16) и (24) повторяется авторская помета карандашом: "Отдельн(ое) стих(отворение)"; на полях против последнего четверостишия запись Блока красным карандашом: "О! О! О! Трескотня (.) Мист(ический) анархизм!"

ЧН ГПБ (из архива П.Н. Медведева) представляет сформированный текст ст. 1–16: видимо, набросок был сделан в связи с доработкой текста в момент его выделения из поэмы в 1914 г.

Правка *БА* в *Т₈* производилась, судя по дате, непосредственно перед первой публикацией; варианты *б* и *в* ст. 21–24 приписаны в *Т₈* под первоначальным текстом, после даты, произведено деление на строфы.

В *БА ИРЛИ* над текстом имеется порядковый номер "3" синим карандашом, возможно, указывающий на место стихотворения в неосуществленной публикации подборки из цикла "Ямбы" (вариантный состав) в журн. "Заветы" (подробнее об этом замысле см. во вступительной заметке к разделу).

БА РГАЛИ – в составе переписанных Блоком набело фрагментов третьей редакции поэмы "Возмездие" (см. об этом во вступительной заметке к разделу); над текстом – зачеркнутая цифра "5".

В *БА НР Ямбы* над текстом – порядковый номер "IX".

Текст, опубликованный в журн. "Знамя", близок к тексту черновой редакции стихотворения (в составе черновых материалов к поэме "Возмездие").

Курсив в ст. 7–8 введен только в *Кор₂ Земли* и затем в *Шз*; слово "нет" в ст. 24 выделено курсивом в *Ямбы* и в *Шз*, в *БА ГПБ* и в *БА РГАЛИ* это слово подчеркнуто, а в публикации в *БВ* выделено разрядкой.

И. Оксенов в статье "Ямбическая лирика" (*Жизнь искусства*. 1919. № 267. 14 окт.), цитируя ст. 9–14, писал о пророческом звучании – "теперь, в свете всего пережитого" – стихотворения, написанного в 1911 г. В другой статье – "Общественность в творчестве Блока" (*Известия*. Пг., 1920. № 243, 29 окт.) – он отмечал, приводя ст. 1–4, что в "унижении и мраке, куда поэт настойчиво влекло вдохновение", Блок видел "небывалый расцвет души народной", призывая "современников помнить о неизбежности великого переворота, о необходимости подготовить ему путь". В Евгеньев-Максимов в статье "Блок и Некрасов" (*Жизнь искусства*. 1922. № 23. 8–15 авг.), сопоставив строки Некрасова: "Кто живет без печали и гнева, // Тот не любит отчизны своей..." с пафосом "правого гнева" в стихотворении Блока, делал вывод о том, что глубокое народолюбие привело обоих поэтов "к оправданию даже наиболее мрачных сторон революционной действительности".

Блок включал стихотворение в программу своих выступлений на литературных вечерах в начале 1918 г. – см. его запись около 29 января 1918 г. в записной книжке.

Вычленив текст из поэмы "Возмездие", Блок заменил конкретные мотивировки более общими. В частности, тема отверженности, связанная в поэме с характеристикой жизни отца, вырастает в стихотворении в образ "непроглядного ужаса жизни", в тему всех "униженных и оскорбленных" (в духе традиций Некрасова и Достоевского). Изначальная полемичность, обусловленная обращенностью лирического отступления к читателю и связью с сюжетом поэмы, переходит в стихотворении в открытый призыв к "Современнику" (так было озаглавлено оно в первой публикации).

О созвучии мотивов стихотворения "кульминационным" идейным мотивам романа Достоевского "Братья Карамазовы" ("реального гуманизма", апокалипсиса и "будущего общества", "отчуждения" и "протеста") – см.: Kovács Albert. Созвучие литературных мотивов в творчестве Достоевского и Блока // ATTI DEL SYMPOZIUM "ALEKSANDR BLOK". Milano, Gargnano del Garda, 6–11 settembre 1981. Università degli studi di Milano Istituto di Lingue e Letterature dell'Europa Orientale. Milano. 1984. С. 250–251.

...*Моя свободная мечта // Всё льнет туда, где униженье ~ нищета.* – Ср. с мыслями Блока об искусстве, выраженными позднее в письме к Л.А. Дельмас: "⟨...⟩ искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод (...) Такой седой опыт художников всех времен – я – ничтожное звено длинной цепи этих отверженных". На соотношенность мотива "мечты" с темой "униженных" и образом "обетованного" мира указывал Блок в статье "Безвременье" (1906), в связи с определением пафоса творчества Достоевского, мечтавшего, по словам поэта, "о восстановлении мировой справедливости, о защите униженных и оскорбленных и о воплощении мечты своей".

Реминисценция строк поэмы Н.А. Некрасова "Несчастные" (1856): "В приютах нищеты печальных // Блуждает грустная мечта" (указано В.Н. Орловым).

...*Где грязь, и мрак...* – Ср. высказывание о "мраке" в письме Блока – А.В. Гиппиусу от 23 июля 1902 г.: «Разве можно миновать "мрак", идя к "свету"? Я лично ⟨...⟩ не отдам ни пяди "жизненной драмы" за тончайшее "мистическое созерцание"». О соотношенности мотива "грязи и мрака" с темой России и с мотивом мечты об искомой гармонии см. в письме Блока к матери от 10 ноября 1909 г.: «Всё одинаково смрадно, грязно и душно – как всегда было в России ⟨...⟩ нужно иметь одну "подкожную" идею или мечту, которая протекает вместе с кровью то спокойно, то бурно, то в сознании, то подсознательно». См. также суждение Андрея Белого о том, что способность полюбить "раздавленных" "во всей конкретности их грязи" сделала Блока "поэтом, вобравшим в себя стихию России" (*Белый Андрей*. Памяти Блока // Памяти Александра Блока. Пб., 1922. С. 23).

Туда, туда, смиренней, ниже, – // Оттуда зримей мир иной... – Ср. подчеркнутый Блоком в Библии текст о близости Богу "смиренных" и "умаленных" (Иудифь. IX. 11; см.: *ББО-1*. С. 74) – к нему отчасти восходят сквозные в лирике Блока мотивы "умаления" (как пути постижения "синего Ока" – в стих. "Вот он – Христос – в цепях и розах...", 1905), "смирения" (ср.: "Смирись, душа" – вариант ст. 17 стих. "Сиенский собор", 1909. – в *БА ГПБ*, см. раздел "Другие редакции и варианты"). Ср. также с мотивом "родимой нищеты" в стих. "Русь" (1906).

Одно из значений мотива "смирения" и связанного с ним в стихотворении мотива "нисхождения" сопряжено у Блока с идеей "саморасточения", понимаемого Блоком в духе ницшеанского "дионисизма" как путь "воплощения" через страдание и сострадание. Другое – с "подвигом послушания" и "ученичества", о котором Блок писал в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910). В том же плане рассматривал проблему "нисхождения" у Блока Андрей Белый, отмечая "в этом нисхождении ноты прекрасного снисхождения, сердечности, расширенного сердца"

(*Белый Андрей*. Памяти Блока. С. 22). Мотив "нисхождения" у Блока полемичен по отношению к аналогичному мотиву в трагедии Вяч. Иванова "Тантал" (1905), герой которой спускается из "мира богов" к страждущему человечеству, но не обретает полноту общения с ним (*Герасимов Ю.К.* Жанровые особенности ранней драматургии Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 31). О преломлении в цикле и в наст. стихотворении дантовских мотивов схождения "по кругам Ада" см.: *Мицц, 4*. С. 111–112. Ср. с идеями и образами статьи Блока "О современном состоянии русского символизма", где способность художника прозревать "иные миры" соотносится с его готовностью сойти "с высокой горы", "уподобиться арестанту", находиться "в черном воздухе Ада".

...мир иной... – Ср.: "И день иной родится в свете воли. // И легок будет труд в ином миру" (из четверостишия "Неограченный дух прими для лучшей доли..."), которое является эпиграфом к наброску статьи о русской поэзии в дневнике Блока, записи за декабрь 1901 – январь 1902 г.; его автором В.Н. Орлов считает Блока).

Образ "инога мира" восходит к учению Платона о двоемирии, к библейским образам Царства обетованного и тысячелетнего царствования со Христом (переосмысляя их, Блок, помимо теории Вл. Соловьева о богочеловечестве, опирался на учение хилиастов, придававших библейским обетованиям социальный смысл – об этом см. также в коммент. к образу "Лето Господне" в стих. "В голодной и больной неволе..."). В образе "инога мира", равно как и в мотиве "нисхождения" в плане приближения к жизни социальных низов, откуда "зримей мир иной" – имеются переклички с образом "нового мира" в романе Толстого "Воскресение" (1899) и с самой ситуацией вхождения Нехлюдова в "совсем новый, другой, новый мир", "неизвестный и прекрасный мир" – с "радостями и страданиями настоящей трудовой и человеческой жизни" (см. относящуюся к этому отрывку запись Блока в записной книжке от 21 сентября 1908 г.). Ср. с позитивными характеристиками "инога мира" в вариантах *ЧА ИРЛИ*: "обетованный и прекрасный" и "человечески простой", сопоставимыми как с мотивами романа Толстого, так и с образом прекрасного неразвращенного человечества в рассказе Достоевского "Сон смешного человека" (1877). О гоголевских традициях гуманистического и "утопически"-исторического наполнения образа "инога мира" у Блока как мира реализованных потенций человека см.: *Мицц З.Г.* Блок и Гоголь. С. 181, 183. О соотносительности того же образа с идеями Вяч. Иванова см. в коммент. к ст. 24.

Ты видел ли детей в Париже // Иль нищих на мосту зимой? – Ср. с признаниями Блока в письме к матери от 4 сентября (н. ст.) 1911 г. из Парижа: "Я не полюбил Парижа, а многое даже в нем возненавидел" и далее: "В сожженных скверах – масса детей – бледных, с английской болезнью. Все лица – или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью". З.Г. Мицц отмечает в образе "детей в Париже" полемический отзвук стих. Я.П. Полонского "Одному из детей в Париже", а в образе "нищих на мосту зимой" – перекличку с аналогичным образом в романе Достоевского "Преступление и наказание" и с образом "нищей матери" в стих. Оммулевского "На городском мосту. Монолог в рождественскую ночь", предполагая также в выделенных Блоком курсивом стихах монтаж цитат из неизвестных нам источников (*Мицц, 3*. С. 91). Ср. с записью Блока в записной книжке от 20 апреля 1907 г. о мистиках и символистах, которые "плюют на проклятые вопросы", к сожалению. Им нипочем, что столько нищих". Образ "детей в Париже" С. Городецкой приводит в качестве примера кризиса "символической техники" у Блока, выражающего общий кризис символизма: "Язвы мира предстали опустошенной душе поэта. (...) Паутина символизма истлела под упрекающим взором парижских нищих. Взор поэта (...) стал искать его (вечно сущее. – *Ред.*) на земле, в

реальности" (*Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке // Воспоминания, 1. С. 339*).

На непроглядный ужас жизни ~ руки... – Ср. в письме Блока к Е.П. Иванову от 25 июня 1905 г.: "Живем ежедневно в ужасе, смраде и отчаянье (...) близится опять огонь (...) Старое рушится (...) мне кто-то начинает дарить оружие". О "всеобщем ужасе" ("люди, живущие в России, ведут ее и себя к гибели") – Блок писал матери 10 ноября 1909 г. Ср. также с впечатлением Блока от Парижа: "жуткое чувство бессмыслицы от всего, что видишь и слышишь" (письмо к матери от 4 сентября (н. ст.) 1911 г.). З.Г. Минц видит в образе "непроглядного ужаса" реминисценцию образа ада из "Божественной комедии" Данте – "подземное" страшное начало, приравненное в цикле "Ямбы" "к жизни (...) социальных низов" (*Минц, 4. С. 111*).

Открой скорей, открой глаза... – Д.Е. Максимов усматривает в этом призыве полемичность по отношению к предложению Андрея Белого в письме к Блоку в мае 1911 г.: "Пусть носятся мгlistые вихри; оставь их, сожмись, уйди в себя; пусть меркнет свет вокруг, Ты закрой лишь глаза. И святой Дух, свой собственный свет, прикосновением к всё новым ранам, опять и опять, и опять будет Тебя исцелять..." (*Блок и Белый. С. 258*).

...Пока великая гроза // Всё не смела... – Образ "грозы" как символа революционного возмездия – сквозной в русской литературе XIX – нач. XX в. Ср. в статье Блока "О театре" (1908): "Слова героини великой символической драмы Островского сбываются, ибо идет на нас Гроза". Ср. с апокалиптическими мотивами в статье Н.А. Клюева "С родного берега": "Мы живем, как под тучей – вот-вот грянет гром и свет осянет трущобы земли..." (процитировано Блоком в статье "Стихия и культура", 1908).

...Приготовляй к работе руки... // Не можешь – дай тоске и скуке // В тебе копиться и гореть... – З.Г. Минц сравнивает намеченные здесь перед "современником" "пути" с монологом Феди Протасова в драме Толстого "Живой труп" (1900, опубл. в 1911) – о возможности либо разрушать "пакость, в которой живешь", либо, если ты не герой, "забыться, пить, гулять, петь" (*Минц З.Г. Ал. Блок и Л.Н. Толстой // УЗ ТГУ. 1962. Вып. 119. Тр. по русск. и слав. филологии. 5. С. 272–273*). Ср. с размышлениями Блока в статье "О театре" (1908): «Мы накануне "великого бунта" (...) Закрывать на это глаза – это ведь только "переход к очередным делам" (...) На перекрестках подстерегает нас тоска (...) пора и поскучать (...) растратить душу (...) И вот, вероятно, единственная дорога для человека, который (...) потерял душу, обнищал: дорога к делу (...) Для этого нового дела есть богатая почва во всех областях русской жизни».

...лживой жизни этой // Румяна жирные сотри... – Образ "румян" ("румянца") неоднократно встречается у Блока в связи с характеристикой буржуазной цивилизации (см. его письмо к Е.П. Иванову от 25 июня 1905 г., статью "Безвременье", 1906). Призыв стереть "румяна" "лживой жизни" перекликается с его заявлением в статье "О театре" о том, что «всякое двоедушье (...) компромисс – только отодвигают желанную катастрофу, неизбежный и радостный час, когда писатель скажет окончательное "нет" фальшивым румянам, заклеят убийственным презрением мертвых искажителей живой мечты».

...Как боязливый крот от света // Заройся в землю – там замри. – Первоначально весь финал был непосредственно связан с темой отца в поэме "Возмездие". "Он прав хоть тем..." и далее – вар. *ЧА ИРЛИ* к ст. 17–24 – см. разд. "Другие редакции и варианты". Об этом Блок писал в планах поэмы: "Человек, опускающий руки и опускающийся, прав. (...) Всё так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю – есть право каждого. Это – возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир" (запись за январь 1911 г.; см. планы поэмы "Возмездие" – т. 5 наст. изд.).

Ср. с образом "кротов" в стих. Е. Тарасова "Замкнувшиеся в башню с окнами цветными..." (1906): "Но каждый, кто в склепе глухом не ослеп, // Ушел в потаенные норы".

Всю жизнь жестоко ненавижда ~ Дням настоящим молвив: нет! – Предваряя мотивы наст. стихотворения, Блок писал Андрею Белому 8 мая 1911 г.: «Все дело в том, есть ли сейчас в России *хоть один человек*, который здраво, честно, наяву и *по-божьи* (т.е. имея в себе в самых глубинах скрытое, но верное "ДА") сумел бы сказать "НЕТ" всему настоящему; впрочем, я начал (...) развивать ту длинную нить, которую я лелеял всю эту зиму (...) Пишу и хочу писать об этом». Примененная здесь формула абсолютного утверждения и отрицания, восходящая к словам "Нового Завета": "Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого" (Мф. V. 37), была широко распространена в творчестве символистов в связи с полемикой о критериях "добра" и "зла". Ср. с заявлением в статье Блока "О театре": «Вихрь чувств, мыслей, движений вдохновения, страсти, бессилия, отчаянья: где добро и где зло? Чему сказать свое прямое "да"? Кому крикнуть свое честное "нет"?» Ср. с определением "мистического анархизма" в статье Вяч. Иванова "О неприятии мира" (опубл. в качестве предисловия к книге: *Чулков Г.И. О мистическом анархизме*. СПб., 1906): "христианское неприятие мира составляет принцип мистического энергетизма", «оно – "непримиримое Нет", из коего уже сияет в своих сокровенных возможностях "слепительное Да"» (*Там же*. С. 10, 9; обе цитаты отмечены Блоком). Запись Блока на полях *ЧА ИРЛИ* против финала стихотворения – "О! О! О! Трескотня (.) Мист(ический) анархизм!" – свидетельствует о том, что он самокритично осознавал отмеченное сходство. Ср. реакцию Блока на оценку Е.П. Ивановым одного из путей Германа (герой драмы "Песня Судьбы", 1908) как пути мистического анархизма: «Всему, что ты пишешь, я говорю "да", и соответственно (...) "Песне Судьбы" (...) "нет"» (письмо Блока – Е.П. Иванову от 9 августа 1909 г.).

Вспоминая о кратковременном увлечении Блока "мистико-анархическими" идеями бунта "до конца" и используя мотивы данного стихотворения, Чулков делал резкий вывод: «Блок воистину был тогда персонификацией катастрофы. И в то время, как я и Вячеслав Иванов (...) не потеряли еще уверенности, что жизнь определяется не только отрицанием, но и утверждением, у Блока в душе не было ничего, кроме все более и более растущего огромного "нет"» (*Чулков Г. Александр Блок и его время // Воспоминания*, 1. С. 356). Однако в данном стихотворении отрицание сопряжено с утвердительным образом "иного мира" соотносительно с идеей указанной выше статьи Вяч. Иванова о неприятии "мира данного во имя мира должествующего быть".

О перекличке в концовке стих. с идеями Т. Карлейля "Sartor resartus", герой которой «говорит "вечное Нет" силам зла в мире и в собственной душе», см.: *Аверин Б.В., Дождиков Н.А.* Блок и Т. Карлейль. С. 103; указанная реминисценция более отчетливо выражена в вар. заключительного стиха в *T₈-(1915)* и в первой публикации: "Себе, себе сказал ты: – Нет!" ("Другие редакции и варианты").

"КОГДА МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С ТОБОЙ..."

(С. 62)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 168–169; *ЧН – ЗК₃₁*. Л. 42; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 225; *БА – T₈*. Л. 29, "1910 – 6 февр(аля) 1914 (из поэмы)", ("Моей сестре"); *Кор₁ Земли*. Л. 48; *Кор₂ Земли*. Л. 75; *АС – НР Ямбы*. Л. 4 об.

Впервые: Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни (*ЕЖЛНиОЖ*). 1914. № 4. С. 4, под загл. "Моей сестре".

Публикации: *Ямбы*. С. 27–28; *Шз*. С. 113.

В *ЧН ИРЛИ* (Л. 169) против текста, соответствующего ст. 9–12 стихотворения, имеются авторские пометы красным карандашом на полях: слева: "См. дальше – 2-ая ред(акция)"; справа: "взято в отд(ельное) стих(отворение)".

В *ЧА ИРЛИ* тем же красным карандашом Блок внес помету: "Отдельное стихотв(орение)", а против текста, соответствующего ст. 5–8 стихотворения, синим карандашом записал – "*ВБ* Пяст!".

В *АС НР Ямбы* над текстом – порядковый номер: "VI"; карандашом обозначено деление на строфы.

Стихотворение выделено Блоком из черновых редакций поэмы "Возмездие". Строчка, соответствующая ст. 8 стихотворения, входила в самый ранний набросок поэмы "Возмездие", датированный 7 июня 1910 г. – ср.:

(...) Боже мой,

Как скучно, холодно и больно!.. (*ЗК₃₁*. Л. 7).

Черновой набросок, соответствующий тексту стихотворения (*ЧН ИРЛИ*), входит в набросок первой редакции поэмы "Возмездие". На л. 167 над текстом, предшествующим данному, отмечена дата: "20 сентября (1910)". Затем Блок делает запись в *ЗК₃₁*, в которой обрисовывает контуры первоначального замысла поэмы. Ряд стихов в ней обозначен отдельными словами или заменен прочерками. В записи имеются и наброски к рассматриваемому фрагменту (*ЧН ЗК₃₁*), причем из последовательности стихов видно, что наброски к стихам, соответствующим ст. 9–12 основного текста, в этом варианте следуют перед набросками к ст. 6–7. Следующий этап работы – *ЧА ИРЛИ*. Автограф находится в составе 2-й черновой редакции поэмы в качестве ее 4-й главы – над текстом *ЧА ИРЛИ* на л. 225 имеется нумерация Блока синим карандашом: "4". 2-я редакция поэмы, впоследствии переработанная Блоком в качестве третьей главы, создавалась в январе 1911 г. (подробнее о творческой истории поэмы см.: т. 5 наст. изд.). К этому тексту (*ЧА ИРЛИ*) отсылает помета Блока в *ЧН ИРЛИ* против четверостишия, соответствующего ст. 9–12 стихотворения и отсутствующего в *ЧА ИРЛИ*. Даты в *Т₈* (см. выше) охватывают весь период работы над текстом. Вторая дата (6 февраля 1914 г.) уточняет момент окончательного выделения текста из поэмы и его переработки в качестве отдельного стихотворения (за основу были взяты *ЧА* и *ЧН ИРЛИ*). Впервые было опубликовано по варианту *Т₈*.

Окончательный текст – *Ямбы*.

Когда мы встретились с тобой... – Речь идет о встрече поэта в Варшаве в декабре 1909 г., в дни похорон отца, со своей сводной сестрой Ангелиной Александровны Блок (о ней см. коммент. к посвящению цикла "Ямбы").

...Я был больной, с душою ржавой... – Ср.: "О, исторгни ржавую душу!" (стих. "Вступление" ("Ты в поля отошла без возврата..."), 1905 – из цикла "Пузыри земли", 1904–1905; о значении мотива "ржавчины" в этом цикле см.: коммент. к названному стихотворению и стих. "Болотные чертенята", т. 2 наст. изд.).

В письме к матери от 10 ноября 1909 г., сообщая о своей затяжной болезни, Блок писал о "том жалком состоянии", в каком находится он, как и все "жители России". "Все, что я мог, у убогой жизни взял, взять больше у неба – не хватило сил", – заключал он в "итоговой" записи, сделанной в записной книжке в поезде, в ночь с 30 ноября на 1 декабря на пути в Варшаву, к умирающему отцу. "Думаю, не один я

испытывал чувство болезни и тоски в годы 1909–1916", – обобщал он позднее в статье "Интеллигенция и революция" (1918).

Осмысляя образ "ржавой души" в стих. "Вступление" (см. выше), Ю. Айхенвальд писал: "Страшно сказать про свою душу, что она ржавая; но ведь в самом деле человеческая душа способна ржаветь, и Блок слишком испытал это на самом себе" (Айхенвальд Ю. Поэзия Блока // Слово о культуре. Сб. критических и философских статей. М., 1918. С. 51).

Образ "ржавчины" как символ разложения души восходит к библейской символике (см.: Иак. V. 3).

Ср. в стих. К. Случевского "О неужели же на самом деле правы..." (1878): "Что ржавчина и плесень так в людях глубоки".

Сестра, сужденная судьбой... – Мотив predeterminedенной встречи (ср.: "Что встретиться судил нам Бог" (в вар.: "Рок"), в стих. "В огне и холоде тревог...", также обращенном к сестре) связан с темой судьбы в поэме "Возмездие".

О близости к сестре Блок сообщал из Варшавы матери и жене в письмах от 9 декабря 1909 г. Важность этого признания усиливается на фоне обычно негативного его отношения к родственным связям. Значительность именованная "сестра" подчеркнута в вариантах поэмы "Возмездие" (см. ЗК₃₁. Л. 37), предполагающих пушкинские аллюзии (ср.: "Ее сестра звалась Татьяна..." и далее – характеристику героини в XXIV–XXIX строфах второй главы романа "Евгений Онегин"):

Та девушка звалась – сестра.
Была мне <   >, право,
Живой души ее игра
Среди тоски твоей, Варшава!

Знакомый холодок мечты
Взрастившей в дорассветной тени
Едва раскрытые цветы.

(Приведен верхний слой текста, варианты см.: т. 5 наст. изд.)

...*Весь мир казался мне Варшавой!* – Ср. вариант ЧА ИРЛИ: "Весь мир казался мне тюрьмой" ("Другие редакции и варианты"). Оба варианта стиха – реминисценция слов Гамлета в беседе с Розенкранцем: "(...) Дания тюрьма! (...) Ведь (...) каждый меряет вещи на свой аршин. Для меня мир тюрьма" (цит. по изданию, которое было у Блока: Шекспир В. Гамлет принц датский. В новом пер. А.Л. Соколовского. СПб., 1883. С. 50–51). "Тюремные" ассоциации имеются и при описании Варшавы в поэме "Возмездие" (ср.: "Мост через Вислу – как тюрьма").

Приводя данную строку как отражение универсальной тоски и тревоги поэта, С. Городецкий писал: "В стихах, посвященных сестре (...) раскрылись все раны, нанесенные поэтическому сознанию Блока еще в юности" (*Воспоминания*, I. С. 339).

О всеобщей мерзости и позорном строе всей современной жизни Блок писал матери из Милана 19 июня (н. ст.) 1909 г. ("(...) некуда вернуться (...) в середине России повесят или посадят в тюрьму"). Чувство "богооставленности", случайности существования присутствует в упомянутой выше записи Блока в записной книжке от 30 ноября – 1 декабря 1909 г. (ср.: "Заброшен я на Варшавскую дорогу так же, как в Петербург").

О параллели "мир – тюрьма" в поэзии начала XX в. писала Н.А. Кожевникова (см. ее книгу "Словоупотребление в русской поэзии начала XX в.". М., 1986. С. 51).

Над черной Вислой – черный бред... – Символика "черного" цвета связана в лирике Блока с образом "хаоса". Ср. в записной книжке (запись от 5 сентября 1909 г.):

"душа – безумна, воздух – черный". Автобиографичность мотива "брета" зафиксирована в "варшавской хронике" Блока – см. запись в записной книжке от 15 декабря 1909 г.: "Delirium" (*лат.* – бред, горячка). Ср. также с описанием блужданий героя по ночной Варшаве в третьей главе поэмы "Возмездие", мотивами "брета" и "двойничества": "Вот Висла – снежной бури ад // (...) О, черен взор твой, ночи тьма // (...) Но в мыслях моего героя // Уже почти несвязный бред... // Идет... (По снегу вьется след // Один, но их, как было, двое...)"

...*Сырой притон тоски твоей...* – Ср. запись Блока в записной книжке от 11 декабря 1909 г.: "Смертельная тоска" и мотивы "невыразимой тоски" в третьей главе поэмы "Возмездие".

...*О холоде и об огне.* – Ср. в Апокалипсисе: "о, если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты... не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих" (Откр. III. 15–16. Отчеркнуто Блоком – см.: *ББО-1*. С. 76). См. также тексты о поддержании сердечного огня и хранении апостольской заповеди: "Духа не угашайте", отмеченные Блоком в "Добролюбии" (Добролюбие. М., 1905. Т. 1. С. 38, строки 1–4 и др.; *ББО-1*. С. 267). Ср. о "холоде" – в письме Блока к Т.Н. Гиппиус от 6 марта 1907 г.: "чистота души, преломленная двойственным ко всему отношением (...) неправая, потому что безжертвенная (не знающая долга и холода)". В концовке стихотворения – в самой передаче ситуации встречи зрелого, "охлажденного" жизненными испытаниями поэта с сестрой, полной юношеского волнения и пыла, возможна перекличка с мотивами "холода" и "огня" в XIII–XV строфах второй главы романа Пушкина "Евгений Онегин", посвященных знакомству и дружбе Онегина с Ленским – ср.: "Они сошлись. Волна и камень, // Стихи и проза, лед и пламень". План соответствий с романом "Евгений Онегин" был существен для Блока в период работы над поэмой "Возмездие", куда первоначально входил данный текст.

"ЗЕМНОЕ СЕРДЦЕ СТЫНЕТ ВНОВЬ..."

(С. 63)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 257, "1911–1914" (вторая дата – синим карандаш.); *БА* – *Т₈*. Л. 27 об., "1911 – 6 февр(аля) 1914 (из поэмы)"; *БА₁* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 2, "1911 весна – 1914. 6 февраля" (над текстом); *БА* (под копирку) – *ИРЛИ*. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 39. Л. 5, *БА₂* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 6 ("... Год минул. Сердце стынет вновь..."); *Кор₂ Земли*. Л. 75 об.; *АС* – *НР Ямбы*, л. 7, рукой Л.А. Дельмас ("Год минул. Сердце стынет вновь..."), *БА* – *Жевержеева* (в альбоме Л.И. Жевержеева) – *СПбГМТумИ*, КП 6641/1–103. ОРУ 8327. Л. 209, "19 июня 1918" ("Год минул. Сердце стынет вновь...").

Впервые: Русское слово (*РС*). 1915. № 67. 22 марта. С. 5, третья в цикле из 4-х стихотворений "Твердость".

Публикации: *Ямбы*. С. 29–30; *III₃*. С. 114.

ЧА ИРЛИ входит в черновую редакцию поэмы "Возмездие", на л. 257 – помета над текстом: "Последний отрывок", свидетельствующая о местоположении текста в первоначальном замысле поэмы (см. об этом замысле в обзоре творческой истории поэмы – т. 5 наст. изд.); слева от ст. 9–10 – помета: "к последнему", означающая, что ст. 9–12 также относятся к "последнему отрывку". В *ЧА ИРЛИ* – на полях помета (красным карандашом): "Отдельное стих(отворение)".

Двойная дата, помета в *Т₈* и даты в *БА₁ РГАЛИ* фиксируют начало работы над

текстом (в составе поэмы) и момент его доработки при выделении из поэмы в качестве стихотворения.

О *БА ИРЛИ* (из архива Р.В. Иванова-Разумника) см. во вступительной заметке к разделу.

БА₂ РГАЛИ – в составе фрагментов третьей редакции поэмы "Возмездие" (см. об этом во вступительной заметке к разделу); имеет общую с примыкающим к нему стих. "В огне и холоде тревог..." зачеркнутую нумерацию: "7".

Над текстом *АС НР Ямбы* – нумерация "X", текст наклеен на одном листе вместе с пронумерованным стихотворением "В огне и холоде тревог...", их разделяет карандашная черта.

В *БА Жевержеева* под текстом – подпись Блока и помета: "(Из "Ямбов")".

Во всех автографах и в первой публикации не выделялась курсивом прямая речь в ст. 9–10.

...*Но стужу я встречаю грудью.* – Ср. с мифопоэтическим образом "стужу" как олицетворения мирового зла в цикле "Снежная Маска" (1907) и коммент. к нему – т. 2 наст. изд., и с образом "холода" в предисловии Блока к *ЗС*: "холод, сковывая душу, заграждает пути" (т. 2 наст. изд.).

Храню я к людям на безлюдьи // Неразделенную любовь. – Здесь переосмыслены мотивы "первого тома" лирики Блока – ср. в стих. "Не поймут бескорбные люди..." (1902): "Ищу на распутьи безлюдий...". Ср. евангельский мотив неразделенной любви к людям (Ин. I. 11; XV. 19; Мф. XXII. 2–15 – притча о "брачном пире" и др.).

Печать забвенья, иль избранья. – Реминисценция из стих. Ап. Григорьева "Две судьбы" (1844): "Печать проклятья иль избранья". Образ использован в статье Блока "Судьба Аполлона Григорьева" (1915): "Черты призвания ("проклятья иль избранья") сквозят в облике Григорьева". Ср. с библейскими мотивами "проклятья" и "избранья" (Быт. IV. 11–15; Мф. XXV. 34, 41; Мк. XIII. 27; Ин. XV. 16, 19; Откр. VII. 3; IX. 4; XX. 15). О значении альтернативы "забвенья, иль избранья" в контексте финала наст. стихотворения и в связи с интерпретацией антиномии "память" – "забвение" в творчестве Блока см.: *Максимов I*. С. 119–121 и 114–118, где блоковская концепция "памяти" соотнесена с воззрениями Андрея Белого, Вяч. Иванова, П.А. Флоренского.

Пускай зовут: Забудь поэт! и след. – Ср. с обращением в письме к Блоку Андрея Белого в мае 1911 г.: "Пусть носятся мгlistые вихри: оставь их, сожмись, уйди в себя" (*Блок и Белый*. С. 258). В призыве к "забвению" и отказе от него присутствует момент внутренней борьбы (ср. в стих. "Повеселясь на буйном пире..." (1912): "Но соблазнитель мой не спит" и далее). См. также признание Блока в письме к матери от 10 ноября 1909 г.: "чувствовать себя сносно можно только в периоды забвения об окружающем".

...*красивые уюты...* – Ср. с высказыванием Блока: "Смертельно скучно не *прекрасное*, а только *красивое*, без надобности хорошенькое" (*СС-85*. С. 199). О тлетворности "уютя" см. в статье Блока "Безвременье" (1906): "уютные *interieur*, бывшие когда-то предметом любви художников (...) цветником добрых нравов", "символом Золотого века", стали заражены "паучьим ядом" "пошлости" и "сладострастия". Ср. также с записью Блока в *ЗК₁₆* от 20 апреля 1907 г.: «Мистики и символисты (...) плюют на "проклятые вопросы" (...) Они под крылышком собственного "я". У них свои цветники ("ор")» и с его призывами очнуться от "аполлинического сна" культуры (по терминологии Ницше) – в статье "Стихия и культура" (1908). О семантике "красивого" (в противовес "прекрасному") в лирике Блока как признаке декаданса и эстетства, объединявшихся «блоковским понятием "модернизма" – духовной безродности» см.: *Максимов I*. С. 121.

Нет! Лучшие сгинуть в стуже лютой! – Ср. с аналогичными мотивами в статье "Безвременье": "Нет больше домашнего очага (...) Двери открыты на вьюжную площадь" и в финале стих. "Поэты" (1909): "Пускай я умру под забором, как пес (...) Я верю: то Бог меня снегом занес, // То вьюга меня целовала!".

Уюта – нет. Покоя – нет. – Ср. в стих. А.И. Подолинского "Моя болезнь неизлечимая..." (1842): "Покоя нет, забвенья нет..." и в стих. Андрея Белого "Кольцо" (1907): "Покоя ищешь ты. Покоя не ищи. // Покоя нет" (обе реминисценции указаны В.Н. Орловым). Отрицание "покоя" и "уюта" – сквозные мотивы в лирике Блока "третьего тома" – ср. в первом и последнем стих. цикла "На поле Куликовом" (1908): "Покой нам только снится (...) Покоя нет!"; "Не может сердце жить покоем". Эти мотивы внутренне полемичны по отношению к строкам Лермонтова "Я ищу свободы и покоя // Я б хотел забыться и заснуть!" из стих. "Выхожу один я на дорогу..." (1841) – ср. с реминисценцией этих строк в стих. Блока "Друзьям" (1908). О полемике с понятием "покоя" у Пушкина, которая ведется Блоком с позиций "эпохи, когда личный момент в лирике окончательно стал выражением общего", см.: *Колосов М.* Обещание зрелости // Литературное обозрение. 1980. № 11. С. 16–17. Ср. обоснование "непокоя" в письме Блока В.В. Розанову от 20 февраля 1909 г.: "Для писателя – мир должен быть обнажен и бесстыдно ярок. Таков он для Толстого и для Достоевского. Оттого – нет ни минуты покоя". З.Г. Минц считает, что мотив "непокоя" у Блока связан "с революционно-гражданской (особенно – народнической) традицией" (в поэзии П. Якубовича, Надсона – ср., в частности, его строки: "Бесконечно постыдны заботы и грезы // О тепле и довольстве родного угла" (*Минц, З.* С. 101)).

"В ОГНЕ И ХОЛОДЕ ТРЕВОГ..."

(С. 63)

Автографы: *ЧН – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 167, "20 сент(ября) <1910>"; *ЧН – ЗК₃₁*. Л. 42; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 258, 259, 260, "1911" (дата карандашом, дважды, на полях л. 258 и л. 259), "6 февр(аля) 1914" (карандашом, в конце текста); *БАП – Т₈*. Л. 28–28 об. ("Моей сестре"), "1910 – 6 февр(аля) 1914 (из поэмы)", "8 марта 1915"; *Кор₂ Земли*. Л. 76–77 об.; *БА – НР Ямбы*. Л. 7–7 об.; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 6–7 "[1911]".

Впервые: *БВ* (утр. вып.). 1915. № 14807. 26 апр., под загл. "Моей сестре".

Публикации: *Ямбы*. С. 31–33, "1910–1914"; *Ш₃*. С. 115–116, "1910–1914".

Черновики стихотворения (*ЧН ИРЛИ*, *ЧН ЗК₃₁*, *ЧА ИРЛИ*) находятся среди материалов к поэме "Возмездие", куда входил данный фрагмент, выделенный в феврале 1914 г. в отдельное стихотворение (об истории данного текста в связи с творческой историей поэмы "Возмездие" см. в 5 т. наст. изд.).

ЧН ИРЛИ входит в наброски первой редакции поэмы "Возмездие": несколько выше наброска <1> на л. 167 стоит дата, видимо, относящаяся и к данному наброску.

ЧН ЗК₃₁ завершает набросок общего контура первой редакции поэмы "Возмездие" – ряд уже сформировавшихся в предыдущих черновиках строк заменен прочерками (запись в основном указывает последовательность фрагментов).

ЧА ИРЛИ, представляющий первоначальную редакцию текста, находится в составе третьей редакции поэмы "Возмездие", входя в ее третью главу. На полях *ЧА ИРЛИ* трижды (на л. 258, 259 и 260) повторяется авторская помета (красным каран-

дашом): "Отдельн(ое) стих(отворение)". Переработка первоначальной редакции в связи с выделением фрагмента из поэмы производилась согласно дате (карандашом в конце текста) 6 февраля 1914 г. Правка велась карандашом по первоначальному тексту чернилами, последняя строфа дописана на отдельном листке с авторской пометой: "К стр. 35" (на этой стр. записан текст данного фрагмента поэмы).

В T_8 зачеркнутая дата относится, по предположению Р.В. Иванова-Разумника, к той переработке текста, когда были зачеркнуты в тетради все строфы, кроме 2-й и 3-й основного текста (в таком виде стихотворение не публиковалось). Против ст. 2, 3 и 15 и над ст. 17–24 в T_8 повторяется авторская помета: "NB".

БА РГАЛИ – в составе фрагментов 3-й редакции поэмы "Возмездие" (см. вступительную заметку к разделу); примыкает к стих. "Земное сердце стынет вновь..." и имеет с ним общую нумерацию: "7" (зачеркнуто).

В *БА НР Ямбы* ст. 15–16 подчеркнуты волнистыми чертами; текст в отличие от остальных автографов, входящих в наборную рукопись, не пронумерован, но отделен от предыдущего стих. "Земное сердце стынет вновь..." чертой (карандашом).

Обращено, как и стих. "Когда мы встретились с тобой...", к Ангелине Александровне Блок, сестре поэта; о ней см. в коммент. к посвящению цикла *Я*. Оба текста входили в рукописи поэмы "Возмездие". Помимо общей биографической основы, связь между ними проявилась в перекличке мотивов финала стих. "Когда мы встретились с тобой..." с зачином данного стихотворения.

В статье "Бунт и мятеж" от 5 июля 1917 г. Р.В. Иванов-Разумник, осмысля события лета 1917 г., подтверждал свои размышления цитатой из данного стихотворения: «Кроме сумбурного "бунта", есть еще и стихийный "мятеж", а удавшийся мятеж "есть революция" {...} слова поэта (Александр Блок) {...} уместны и для сегодняшнего дня: да чтоб ни было –

...у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева – есть мятеж!»

(Иванов-Разумник. Год революции:
Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 63)

И. Оксенов в числе примеров «неразделимости "личного" и "общественного"» у Блока называл данное стихотворение, в котором, по его словам, «поэт восходит от встречи у гроба (факта, имеющего, казалось бы, чисто личное значение) к "завету юношам и девам"» (Оксенов И. Ямбическая лирика). В статье «"Общественность" в творчестве Блока», цитируя ст. 13–16, он подчеркивал их пророческий характер (Известия. Пг., 1920. № 243/735. 29 окт.).

В. Телье в отзыве на *Ямбы*, обращаясь к образам данного стихотворения – "сердца поэтов чутко внемлют, в их беспокойстве воли дремлют" – отмечал, что и сам Блок "воплотил тревогу, которую ощущал он вместе со всею своею современностью" (Книга и революция. 1920. № 3/4. С. 62).

В огне и холоде тревог – // Так жизнь пройдет. – По первоначальному замыслу данный текст входил в финал черновой редакции поэмы "Возмездие". В ее последней редакции мотивы "огня" и "холода" проходят в прологе к поэме в связи с темой формирования "новой человеческой породы" (см. сцену "ковки меча" и превращение "угля" в "алмаз") и темой познания.

См. также запись о сестре (к ней обращены комментируемые строки) в дневнике

Блока от 19 марта 1912 г.: "Если Ангелина может *ковать свою жизнь* (...) Из огня нужно бросаться в воду...".

На разнообразие значений "огня" (как начала и творческого, и губящего) в лирике "третьего тома" указывала З.Г. Минц – см.: *Минц, 4. С. 61–64*. Социально-исторический смысл мотивов "огня" и "холода" позднее был раскрыт Блоком в ответе на анкету ("Что же нам делать") (1918), где он призывал хранить "огонь знания о величии эпохи" и "холодное", "главное" "знание о социальном неравенстве". О сквозных в цикле *Я* мотивах "очищающего" "огня" и "укрепляющего" "холода" см. в примеч. к стих. "Я – Гамлет. Холодеет кровь...", "Когда мы встретились с тобой...", "Земное сердце стынет вновь...". (В двух последних стихотворениях, как и в данном, проходят также мотивы "тревоги" и "непокоя", о которых позднее Блок писал: "(...) кто поймет, что смысл человеческой жизни (...) в беспокойстве и тревоге (...) будет новый человек" (статья "Искусство и революция", 1918).)

...*Запомним оба...* – На значение "памяти" в цикле *Я* как связующего начала между прошлым и будущим указывал С.П. Ильев, находя в данном стихе переключки с идеями Вл. Соловьева (трактат "Оправдание добра") о связи времен, осуществляемой через преемственность поколений, кровное родство, культ предков и "вечную память" об умерших "в области безусловного и неизменного бытия" (см.: *Ильев. С. 56–57*).

...*Что встретиться судил нам Бог...* и след. – О встрече поэта со своей сводной сестрой Ангелиной Александровной Блок у гроба отца в Варшаве см. в коммент. к стих. "Когда мы встретились с тобой...".

...*В час искупительный – у гроба.* – Ср. с религиозными представлениями об искупляющем значении страданий и смерти; а также – с темой исторического "искупления" и мотивами "юности-возмездия" в поэме "Возмездие", куда первоначально входил данный текст.

По мнению С.П. Ильева, в стихотворении переосмыслены положения "нравственной философии" Вл. Соловьева, и смысл выражения "час искупительный" состоит в том, что "смерть предстает не только как момент разрыва кровной связи, но и как момент ее спасения и укрепления" (*Ильев. С. 57*).

Я верю: новый век взойдет // Среди всех несчастных поколений. – Ср. в стих. Пушкина "К Чаадаеву" (1818): "Товарищ, верь: взойдет она, // Звезда пленительного счастья...".

Комментируемые строки ассоциируются также с библейскими эсхатологическими мотивами и образами. С.П. Ильев связывает выражение "новый век взойдет" с апокалипсическим образом "звезда светлая и утренняя" (Откр. II. 28; XXII. 16), предвещающим наступление всеобщего Царствия Божия (см.: *Ильев. С. 60*). Ср. с другими мотивами Апокалипсиса: "И увидел я новое небо и новую землю... И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло" (Откр. XXI. 1, 4; это место отмечено Блоком в его экземпляре Библии – см.: *ББО-1. С. 76*). В статье "Рыцарь-монах" (1910), используя образы Апокалипсиса, Блок писал: "(...) мы стоим перед лицом нового и всемирного (...) в этом грозном свете (...) умудрили нас поздней мудростью – все века. Те из нас, кого не смыла и не искалечила страшная волна истекшего десятилетия, (...) ждут нового света от нового века (...)".

О переосмыслении библейской символики в третьем томе лирики Блока "в категориях земной, исторической жизни" и о соотносительности образа "новый век" с формулами "Господне лето" (из стих. "В голодной и больной неволе...", 1909) и "царствие Твое" (из стих. "Рожденные в года глухие...", 1914) писал Д.Е. Максимов – см.: *Максимов I. С. 123–124*.

Образ "несчастливых поколений" перекликается также с рассуждением в книге Т. Карлейля "Французская революция" (СПб., 1907. С. 10) о поколениях, которые имели "несчастье" родиться "во времена упадка", "узнавать, что Божий мир есть мир диавола и лжи" и жить "в этой безотрадной вере" (отмечено Блоком – см.: *ББО-2*. С. 7).

Недаром славит каждый род // Смертельно оскорбленный гений. – С.П. Ильев интерпретирует ст. 5–8 в духе идей трактата Вл. Соловьева "Оправдание добра". В соответствии с ними "будущее (...) находит свое идеальное оправдание в гении, который (...) как бессмертный дух рода соединяет" поколения "в вечности" (Ильев. С. 58–59). В вар. *ЧА ИРЛИ* эти строки были связаны с польской темой, проходившей в поэме "Возмездие", и более отчетливо звучал мотив "оскорбления" гения своими же современниками (ср.: "И не напрасно свой народ // Коперник оскорбленный славил" – см. разд. "Другие редакции и варианты").

И все, как он, оскорблены // В своих сердцах, в своих певучих. и след. – З.Г. Минц отмечает в ст. 9–12 перекличку со строками П. Якубовича:

А ты, о сердце поколенья,
Как яд, носившего в крови
Святую жажду искупленья
(...)
(...) оскорбленное до боли
В мечте заветнейшей своей.

(Указано: *Минц*, З. С. 102)

О значении эпитета "певучий" у Блока в связи с символической категорией "музыки" как выражения творческого начала и гармонической сущности жизни – см.: *Поцелня Д.М.* Эпитет "певучий" в поэзии А. Блока // Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвящ. памяти Б.А. Ларина. Л., 1969. С. 82. По позднему определению самого Блока, "певучи" означает "проникнуты духом музыки", выразителем которого являлись "великие художники", а "хранителем" – "народные массы", ведущие "великую битву" "против безмузыкальной цивилизации" (статья "Крушение гуманизма", 1919).

...священный меч войны // Сверкает в неизбежных тучах. – Символика "священного меча войны" связана с комплексом мотивов тетралогии Р. Вагнера "Кольцо Нибелунгов", герой которой, Зигфрид, завладев "божественным мечом" Вотана, побеждает змея. С другой стороны, она восходит к библейским образам "меча Господа", нисходящего с небес (см. Ис. XXXIV. 5–6) и "обоюдоострого меча" – орудия гнева Божия (Откр. I. 16; XIX. 15, 21). Библейские реминисценции подкрепляются в стихотворении, по наблюдению С.П. Ильева, "эсхатологическим" обобщением – всех... все... всем – что придает теме "священного" возмездия расширительное значение (см.: *Ильев*. С. 59).

О мотивах "святой мести" в творчестве Блока в традициях революционно-демократической и народнической поэзии см.: *Минц*, З. С. 102.

Пусть день далек ~ кирка. – По первоначальному замыслу этот текст должен был завершать поэму "Возмездие" (раннюю редакцию). Его основные мотивы и образы имеют соответствия в финале пролога к поэме в ее последней редакции.

...у нас всё те ж // Заветы юношам и девам... – Ср. в прологе к поэме "Возмездие": "(...) и уж ясны // Заветы темной старины". О "заветах" Блок писал В.В. Розанову 20 февраля 1909 г.: "(...) нам завещано в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, во вздохах измученных русских общественных деятелей XIX века, в светлых и неподкупных (...) взорах русских мужиков – огромная (...) концепция живой могучей и юной России".

Презренье созревает гневом... – Ср. в прологе к поэме "Возмездие": "О том, как зреет гнев в сердцах, // И с гневом – юность и свобода".

А зрелость гнева – есть мятеж. – Ср. с идеями мятежа "против всего данного" во вступительной статье Вяч. Иванова "О неприятии мира" в кн.: *Чулков Г.И.* О мистическом анархизме. СПб., 1906. С. 11 (книга имелась у Блока – ББО-2. С. 372). По замечанию С.П. Ильева, Блок, выдвигая "мятеж" как условие наступления "нового века", разошлся с Вл. Соловьевым "в вопросе о нравственном прогрессе человечества" и о смысле "нерасторжимой связи поколений" (*Ильев*. С. 59).

Разыгрывайте жизнь, как фант. – Мотив "разыгранной" жизни изначально был связан с темами "отца" и "возмездия" (см. вар. *ЧА ИРЛИ*, входящий в рукописи поэмы "Возмездие": "Где жизнь и смерть, как праздный фант, // Разыграны в тоске гостиной, – // Там пусть вонзится, Ангелина, // Возмездья черный бриллиант").

Ср. с библейским мотивом "возмездия" как вынутого "жребия" (Ис. XXXIV, 17) в стих. Вяч. Иванова (из цикла "Година гнева"). О параллели "жизнь – игра" в русской литературе см.: *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 9.

Сердца поэтов чутко внемлют... – В цитированном выше письме к Розанову (см. коммент. к ст. 14) Блок писал: «Если где эти заветы хранятся, то (...) только в тех сердцах, которые тревожно открыты, в мыслях, которые вбирают в себя эту концепцию ("живой, могучей и юной России". – *Ред.*) как свежий воздух». Ср. вар. *ЧА ИРЛИ*: "В сердцах тревожных спит возмездье" (см. "Другие редакции и варианты").

...В их беспокойстве – воли дремлют... – Представление Блока о поэтах как носителях "воли" С.П. Ильев соотносит с теократическим учением Вл. Соловьева, согласно которому одним из условий прогресса человечества является "деятельность личных носителей верховных жизненных начал", в том числе "пророков" как носителей "полной свободы", не знающих "другого мерила суждений и действий, кроме доброй воли и чистой совести" (*Ильев*. С. 59).

...черный бриллиант... – В прямом значении – ограненный и отшлифованный "черный" алмаз, природный драгоценный камень, прозрачный минерал, редкой дымчатой, вплоть до черной, окраски. Под "черным алмазом" в минералогии понимается также его непрозрачная сверхтвердая разновидность, так называемый карбонадо – буровато-черного цвета. В этом значении – "алмаз" ("бриллиант") – излюбленный символистами образ, символизирующий твердость и красоту человеческого духа, который, по наблюдению З.Г. Минц, восходит – через творчество Г. Ибсена и Р. Вагнера – к скандинавской и германской мифологии (см.: *Минц З.* Из поэтической мифологии "третьего тома" // Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975).

В переносном смысле "черный алмаз" – перифраз угля, который, как и алмаз, является одним из видоизменений углерода (ср. в стих. Блока "Новая Америка": "Черный уголь – подземный мессия" – где символика "угля" также связана с темой обновления мира). Этот перифраз мог появиться у Блока в связи с широко обсуждающейся на рубеже XIX–XX вв. проблемой получения алмаза из угля путем выжигания (о чем Блок мог прочитать, в частности, в имевшейся у него кн.: *Менделеев Д.И.* Основы химии. СПб., 1906. См.: ББО-2. С. 150).

Превращение "угля" в "алмаз" как символ духовного преображения человека и мира – один из сквозных мотивов символистской поэзии. Наиболее распространен он у Вяч. Иванова (ср.: "Мы возблестим, как угля мрачность, // Преображенная в алмаз"; "Угль, воскресший радугой алмаза", "Раскал сердец родит алмаз свободы" и др.), встречается у К. Бальмонта ("Из угля черного – рождение алмаза" – стих. "Путь Прав-

ды" из сб. "Горящие здания") Андрея Белого ("Затверденей алмазом брани // В перегоревших углях Ты"). Переносный смысл образа "черного бриллианта" усиливается в контексте рукописей поэмы "Возмездие", куда первоначально входил данный текст. Тема "выковывания" характера "в огне и холоде тревог" или путем сжигания собственной жизни (ср. вар. *ЧА ИРЛИ*: "Нам суждено в огне тревог // Сжечь жизнь") связана с символикой "огненного" преобразования "угля" в "алмаз", и с мотивом "беспокойства" и сопоставлением "воль", таящихся в сердцах поэтов, с "черным бриллиантом", скрытым в недрах. Ср. с вар. *ЧА ИРЛИ*: "В твоей тревоге Ангелина, // Возмездья черный бриллиант".

Символ "уголь" – "алмаз" проходит в прологе к поэме "Возмездие" в связи с теми же, что и в стихотворении, мотивами "юности – возмездия" и темой формирования "новой породы" людей, готовых, по выражению Блока, "ухватиться (...) за колесо, движущее человеческую историю" (см. авторское предисловие к поэме – т. 5 наст. изд.). Исследователи соотносят этот символический образ с выработанной Блоком (в духе идей Ницше, Ибсена, Стриндберга) концепцией "человека-артиста", способного, как определил поэт в статье "Крушение гуманизма", "жадно жить и действовать". Образ "алмаза" ("бриллианта") связан и с темой России, о чем, цитируя строку "пролога", Блок писал в предисловии к поэме: «"уголь превращается в алмаз", Россия – в новую Америку» (см.: т. 5 наст. изд.).

Спит сном неведомым и странным // В очарованьи бездыханном... – Мотив зачарованного сна ("дремлющих воль") в связи с темой околдованной, поработанной Родины имеет глубокие традиции в русской литературе – от Пушкина (см. в его стих. "К Чаадаеву": "Россия вспрянет ото сна...", ср. также с образом "мертвой царевны", который в поэтическом сознании Блока занимал особое место, о чем см. т. 1 наст. изд., с. 455, 456 и др.) и Гоголя – до Андрея Белого, отождествившего образ гоголевской "спящей красавицы" (панно Катерины из повести "Страшная месть") с Россией. Эти мотивы нашли отражение в поэме "Возмездие", откуда был выделен данный текст (см. вступление, т. 5 наст. изд.).

...Среди глубоких недр ~ кирка. – Ср. в стих. Г. Ибсена "Рудокоп": "Надо путь пробить туда, // Где поет, звенит руда". Ср. те же мотивы в стих. Блока "Когда я создавал героя..." (1907) и в прологе к поэме "Возмездие" ("Дроби, мой гневный ямб, камня"). Связь мотива "разбуженных" недр с темой пробуждающейся России позднее была прояснена Блоком (ср. его запись в записной книжке от 5 ноября 1915 г. о том, что "будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств"; об этом см. также в коммент. к стих. "Новая Америка").

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

"Итальянские стихи" (*ИС*) связаны с путешествием Блока по Италии в мае–июне 1909 г., которое стало важным событием его жизни. Впервые Блок побывал в Италии в 1883 г. в трехлетнем возрасте, когда некоторое время жил с матерью и теткой, М.А. Бекетовой, во Флоренции. Замысел поездки в Италию возник у Блока летом 1906 г., о чем он сообщал в письме к Е.П. Иванову от 25 июня: "Может случиться, что мы с Любой поедем осенью в Италию, хотя я сам мало этому верю. Люба очень хочет, да там, надо полагать, и действительно хорошо – в Венеции, Риме и Флоренции". Замысел этот осуществить тогда не удалось. Но, видимо, далеко не случайно, что поездка Блока в Италию состоялась именно в 1909 г. "Еще в феврале месяце, –

свидетельствовала М.А. Бекетова, – у Блоков зародилась мысль о весенней поездке за границу, в Италию; купаться в море, жариться на солнце, окунуться в итальянское искусство – все это давно привлекало обоих. Они изучали Бедекера и составляли маршрут круговой поездки (в библиотеке Блока сохранились путеводители К. Бедекера по Италии, в которых имеются многочисленные блоковские пометы; см.: *ББО-3. С. 10–29. – Ред.*). (...) Оба с наслаждением думали об отъезде, готовились стряхнуть груз многообразных и тяжелых впечатлений русской действительности, забыть политиканство, дразги, ссоры...” (*Бекетова 12. С. 118*). Период накануне отъезда в Италию (начало 1909 г.) был очень трудным, мучительным для Блока. В письме к матери от 23 марта 1909 г. он признавался: “Я никогда еще не был, мама, в таком угнетенном состоянии, как эти дни. (...) Все, что я вижу, одинаково постыло мне, и все люди тяжелы. (...) Думаю, что до заграницы мое состояние не изменится. Впрочем, я на нее надеюсь тоже очень отвлеченно, и знаю только, что нужно уехать в Италию”. О том же Блок писал в апреле 1909 г. и Г.И. Чулкову: “Никогда еще не переживал я такой темной полосы, как в последний месяц – убийственного опустошения. Теперь, кажется, полетчало, и мы уедем, надеюсь, скоро – в Италию. Оба мы разладились почти одинаково. И страшно опостытели люди”. Это состояние душевной опустошенности негативно влияло и на творческий настрой Блока, и здесь ожидание перемен Блок связывал с желанной поездкой в Италию. “Новых стихов нет пока, – писал он матери 13 марта 1909 г. – А вот, я думаю, в Венеции, Флоренции, Равенне и Риме – будут”.

О том, что так болезненно угнетало его и что он, уезжая в Италию, хотел оставить в России, забыть ради искусства, Блок писал перед самым отъездом матери: «Несчастливы мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву – для злобы и ссоры друг с другом. (...) Изю всех сил постараюсь я забыть начистоту всякую русскую “политику”, всю российскую бездарность, все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти. (...) Я считаю теперь себя вправе умыть руки и заняться искусством» (12–13 апреля 1909 г.).

В Италию Блок и Любовь Дмитриевна выехали в последних числах апреля и прибыли в Венецию 1 мая 1909 г. (ср. в открытке, посланной Блоком А.А. Кублицкой-Пиоттух 4 мая из Венеции: “Мама, мы в Венеции уже четыре дня...”; даты, связанные с пребыванием Блока в Италии, указываются по новому стилю). О первых итальянских впечатлениях, вызванных “новизной не поражающей, но успокоительной и освежающей”, о своем восприятии искусства Блок писал матери 7 мая 1909 г. из Венеции: «Жить спокойно, просто и дешево. Очень многие мои мысли об искусстве здесь разъяснились и подтвердились, я очень много понял в живописи и полюбил ее не меньше поэзии за Беллини и Боккачио Боккачино... (...) Здесь хочется быть художником, а не писателем, я бы нарисовал много, если бы умел. Среди итальянских галерей и музеев вспоминается Чехов в Художественном театре (накануне отъезда Блок смотрел “Три сестры” Чехова в постановке этого театра. – *Ред.*) – и не уступает Беллини... (...) Рассматриваю людей и дома, играю с крабами и собираю раковины. Все очень тихо, лениво и отдохновительно». Уже в Венеции Блок в значительной мере ощутил благотворное влияние Италии. В том же письме он отмечал: “Наконец-то нет русских газет, и я не слышу и не читаю неприличных имен Союза русского народа и Милюкова, но во всех витринах читаю имена Данта, Петрарки, Рескина и Беллини. Всякий русский художник имеет право хоть на несколько лет заткнуть себе уши от всего русского и увидеть свою другую родину – Европу, и Италию особенно”.

В Венеции Блок прожил до 9 мая. 10 мая он приехал в Равенну, где провел два дня. Этот провинциальный городок поразил его древними саркофагами, мозаиками, умиротворенной тишиной, искусством первых веков христианства (см. в письме Блока

к матери от 13 мая 1909 г.). В ночь с 12 на 13 мая Блок и Любовь Дмитриевна приехали во Флоренцию, которую Блок, наряду с Венецией, непременно хотел посетить. Флоренция, однако, вызвала у Блока противоречивые чувства. Как и в Венеции, он заинтересованно изучал здесь итальянское искусство эпохи средневековья и Возрождения, он полюбил дворцы, церкви, музеи, парки Флоренции. Но, с другой стороны, он увидел и господство "всеевропейской" бездуховной цивилизации, "трескучей" суеты большого города (об отношении Блока к Флоренции см. ниже, во вступительной заметке к одноименному циклу, а также в коммент. к стих. "Умри, Флоренция, Иуда..."). Разочарование Блока было столь велико, что он отказался от поездки в Рим, намечавшейся с самого начала путешествия. Перед отъездом из Флоренции он так, в частности, объяснял свое решение: "Отныне не хочу терпеть больших городов – довольно и Петербурга" (25–26 мая (н. ст.) 1909 г.). Находясь во Флоренции, Блок побывал в местечке Сеттиньяно, расположенном в ее окрестностях (впечатления о нем отразились в двух стихотворениях цикла). Можно предположить, что Блок был и в городке Фьезоле, который он в одноименном стихотворении назвал "нагорным".

Флоренцию Блок покинул 27 мая. О дальнейшем маршруте он в письме к матери от 25–26 мая писал: "Ближайшая цель – Перуджия, потом – скорее всего – прямо Пиза, т.е. море около нее. (...) Решительно, после Перуджии, Ассизи, Сиены (это всего несколько дней) мы будем там..." Судя по датировкам в записных книжках и письмах, в Перуджии Блок провел последние дни мая; тогда же он побывал в Ассизи, недалеко от Перуджии; 31 мая он был в городке Фолиньо, 3, 4 и 5 июня – в Сполето. Предположительно 6 июня (см. письмо к Е.П. Иванову от 7 июня 1909 г.) Блок приехал в Сиену и выехал в Пизу не ранее 8 июня. В Пизе, вопреки первоначальным намерениям, Блок с женой прожили недолго: уже 17 июня они были в Милане. Милан оказался последним из итальянских городов, которые они посетили. 21 июня Блок уехал из Италии в Германию (Франкфурт, Бад-Наугейм, Кёльн, Берлин). Существенно отметить, что после Сиены Блок перестает вести свой "лирический дневник" путешествия: ни Пиза, ни Милан не нашли отражения в "Итальянских стихах".

К концу поездки по Италии Блок почувствовал утомление и усталость. 19 июня он писал матери из Милана: "Подозреваю, что причина нашей изнервленности и усталости почти до болезни происходит от той поспешности и жадности, с которой мы двигаемся. Чего мы только не видели: – чуть не все итальянские горы, два моря, десятки музеев, сотни церквей". Откровенные и резкие суждения, высказанные Блоком в этом письме, в котором он, по существу, обобщал свои впечатления от поездки, свидетельствовали о двояком восприятии им Италии: насколько дорога и близка оказалась ему ее богатая культура прошлых веков, ее старинное искусство, настолько же был чужд, неприемлем, порой ненавистен, современный строй ее жизни. "Европейская жизнь так же мерзка, как и русская, – писал Блок, – вообще – вся жизнь людей во всем мире есть, по-моему, какая-то чудовищно грязная лужа. (...) Более чем когда-нибудь я вижу, что ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь. Ее позорный строй внушает мне только отвращение" (19 июня (н.ст.) 1909 г.). Суть своего восприятия Италии Блок позднее сформулировал так: "Путешествие по стране, богатой прошлым и бедной настоящим, – подобно нисхождению в дантовский ад. (...) Италия трагична одним: подземным шорохом истории, прошумевшей и невозвратимой" ("Молнии искусства". СС-85. С. 390). Ср. также высказывание Блока об Италии в письме к матери от 25 июня 1909 г.: "Это самая нелирическая страна – жизни нет, есть только искусство и древность. И потому, выйдя из церкви и музея, чувствуешь себя среди какого-то нелепого варварства".

Первые стихотворения из итальянского цикла были написаны еще во время путешествия (ср. в письме к матери от 25–26 июня: "Я написал несколько хороших

стихотворений"). Кроме стих. "Равенна", посланного матери в мае из Флоренции, имеются в виду, вероятно, почти законченные стихотворения "Девушка из Spoleto", "Благовещение", "Успение", а также первоначальные редакции стихотворений "Умри, Флоренция, Иуда..." и "Почитет в мире Теодорих...". Тексты остальных стихотворений создавались (или завершались) уже в России.

По возвращении из-за границы Блок еще довольно длительное время находился под впечатлением от поездки, интересовался всем, что касалось Италии, ее истории, культуры, искусства. 1 декабря 1912 г. он отметил в своем дневнике, вспоминая 1909 г.: "После Италии было лето, когда мысль и жизнь были поработаны и сжаты Италией...". Это был период напряженного осмысления увиденного и пережитого им за время путешествия (ср. в письме к В.А. Пясту от 20 августа 1909 г.: "Я очень много пережил, передумал, узнал и понял нового в Италии и Германии"). 20 августа 1909 г. Блок сообщал Е.П. Иванову: "Я все читаю книги о Возрождении и вычитал много замечательного". Среди книг об Италии, которые были включены в составленный им список (в нем указаны преимущественно лишь авторы; см.: ЗК. С. 152), необходимо отметить следующие: *Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1904–1906. Т. 1–2 (*ББО-1*. С. 114–116); *Гете И.-В.* Путешествие в Италию // *Гете И.-В.* Собр. соч. в переводах русских писателей. СПб., 1879. Т. 7 (*ББО-1*. С. 226–227); *Зайчик Р.* Люди и искусство итальянского Возрождения. СПб., 1906 (*ББО-1*. С. 278–279); *Мутер Р.* История живописи. СПб., 1901–1904. Т. 1–3 (*ББО-2*. С. 166–169); *Перцов П.П.* Венеция. СПб., 1905 (*ББО-2*. С. 189); *Розанов В.* Итальянские впечатления. СПб., 1909 (*ББО-2*. С. 214–216); *Тэн И.* Путешествие по Италии. М., 1913, 1916. Т. 1–2; *Фойгт Г.* Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма. М., 1884–1885. Т. 1–2. Кроме того, Блок несомненно был знаком с книгой А.А. Трубникова "Моя Италия" (СПб., 1908; *ББО-2*. С. 313). Позднее большой интерес вызвала у него очень известная в художественных кругах книга П.П. Муратова "Образы Италии" (М., 1911–1912. Т. 1–2; *ББО-2*. С. 165–166). Ср. запись в дневнике от 23 января 1912 г.: "Вчера на ночь – увлекательное чтение книги Муратова".

В августе и сентябре 1909 г. в Шахматове Блок продолжил работу над некоторыми задуманными и начатыми в Италии стихотворениями. В это время были закончены стихотворения "Холодный ветер от лагуны...", "Слабеет жизни гул упорный...", "Голубоватым дымом...", "Madonna da Settignano". Эти стихотворения, а также те, что были написаны еще в Италии (кроме, вероятно, первоначальной редакции стих. "Почитет в мире Теодорих..."), явились первыми из цикла, которые стали известны сначала узкому, а затем и более широкому кругу читателей как "Итальянские стихи". В.П. Веригина, дружившая с Блоком и его женой, вспоминала: «В 1909 году я приехала опять в Петербург осенью и пробыла больше месяца. Почти все вечера проводила у Блоков. Они вернулись из Италии. Александр Александрович написал цикл "Итальянских стихов"; читал их нам с Любовью Дмитриевной наизусть и особенно хорошо "Равенну". (...) После чтения "Итальянских стихов" являлось особое настроение, как будто мы переносились в иной мир. То были образы и картины "его" Италии» (*Воспоминания*, 1. С. 460). М.А. Бекетова свидетельствовала, что эти первые из "Итальянских стихов" чрезвычайно нравились всем, причастным к литературе (*Бекетова 1₂*. С. 124). Появлению этих стихотворений в печати предшествовал целый ряд событий, связанных с журналом "Аполлон" и его редактором С.К. Маковским.

В октябре 1909 г. Блок выступил с чтением своих новых произведений в образованном под эгидой "Аполлона" "Обществе ревнителей художественного слова" (или иначе – "Поэтической академии"). С.К. Маковский в мемуарах так писал об этом: «Выступление Блока с только что написанными "Итальянскими стихами", после его скитаний по Ломбардии, Венеции, Тоскане, явилось для "Поэтической академии"

маленьким событием. В 1909 году слава Блока уже гремела... (...) Вот он встал, прямой и тихий, не спеша прошел в угол зала и оперся о стенку стула. (...) Смотрит прямо перед собой, поверх слушателей; волнуется, но хочет казаться спокойным и "простым".

Помолчав несколько секунд, глухим своим голосом он стал ронять строки намеренно-однозвучно, почти не давая смысловых ударений, только нажимая на рифмующее слово... Читал долго. Прочел шесть-семь стихотворений, еще не напечатанных, из "итальянского" цикла. Одно за другим, с короткими паузами (прерывать чтеца аплодисментами не полагалось). Умолк. И все молчали. Как почувствовалось в этой "первой" тишине, что блоковское чтение заворожило слушателей! В его манере читать было что-то очень внушительное, как-то помимо слов стихи убеждали.

Затем произнес похвальную речь председатель Вячеслав Иванов. Тут же я попросил у Блока некоторые из прочитанных стихотворений для "Аполлона". Он согласился» (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". Мюнхен, 1962. С. 150–151). Затем, следуя принятому в "академии" обычаю, С.К. Маковский выступил в качестве оппонента ("адвоката дьявола"), постаравшись отметить наименее удавшееся в прочитанных стихах с "академической" точки зрения. «Зная, – вспоминал С.К. Маковский, – что мне предстоит "бранить Блока", я постарался, слушая его, запомнить отдельные промахи в этой "Италии", этимологические и синтаксические – в первую очередь (многое в ней и по существу показалось мне тогда же и претенциозным, и плохо звучащим). Говорил я кратко и очень мягко, но придиричиво и как будто убедительно, – "Академия" на возникших дебатах поддержала в общем мою критику. Показалось мне, что и Блок принял ее благосклонно... Но, передавая мне стихи для "Аполлона", на замечания "адвоката дьявола" он не отозвался ни единым словом, как будто их и не было...» (*Там же.* С. 151). Посылая цикл С.К. Маковскому 3 ноября 1909 г., Блок писал: «Вот все мои "Итальянские стихи". Мое личное желание увидеть их напечатанными целиком и в таком же порядке в январской книжке "Аполлона". Черкните мне два слова о том, можно ли это и не имеете ли Вы каких-нибудь возражений против отдельных стихотворений? (...) Я колеблюсь в заглавиях четырех стихотворений о мадонне – из-за цензуры. Да пропустит ли она "Благовещенье"?». Судя по всему (рукопись до нас не дошла), первоначальный состав посланного в "Аполлон" цикла был следующим: "Равенна" ("Всё, что минутно, всё, что бrenно..."), "Maria da Spoleto" ("Девушка из Spoleto"), "Madonna da Settignano", "Холодный ветер от лагуны...", "Слабеет жизни гул упорный...", "Умри, Флоренция, Иуда...", "Голубоватым дымом...", "Благовещание", "Успение". Установить порядок расположения текстов в цикле не представляется возможным. "Четыре стихотворения о мадонне", в заглавиях которых колебался Блок, это – "Maria de Spoleto" ("Девушка из Spoleto"), "Madonna da Settignano", "Благовещание" и "Успение". По поводу двух последних Блок писал матери 28 октября 1909 г., еще до передачи цикла в "Аполлон": "Благовещ(ение) и Успение, я думаю, можно напечатать".

Как и предполагал Блок, у С.К. Маковского возникли "возражения против отдельных стихотворений". Редактор "Аполлона" безоговорочно отверг оба стихотворения о Флоренции (см. об этом в коммент. к стих. "Умри, Флоренция, Иуда..."), а также одно из произведений о мадонне, которое он, видимо, посчитал особенно дерзким ("Madonna da Settignano", см. отзыв С.К. Маковского о нем в коммент. к стих.). Кроме того, С.К. Маковский сделал целый ряд замечаний и поправок, касающихся остальных текстов. Вместе с корректурой он отправил Блоку письмо, где подробно указывал на желательную "ретушь". «Александр Александрович, – вспоминал С.К. Маковский, – по телефону, поблагодарил "за внимание", но от ретуши отказался наотрез: "Печатайте все стихотворения в указанном порядке без всяких изменений, или – ни одного. В письме к Вам, уже отосланном, я подробно излагаю мою точку

зрения» (Маковский С. На Парнасе "Серебряного века". С. 151). В своем письме от 23 декабря 1909 г. Блок сообщил С.К. Маковскому: "М.А. Кузмин принес мне сегодня корректуру моих стихов с Вашими замечаниями, и я просил его передать Вам, что я прежде всего принципиально не согласен ни на какие изменения. Сверх того, я должен прибавить, что не согласен и с текстом корректуры... (...) Сверх того, внимательно просмотрев Ваши замечания, я должен прибавить, что ничего не имею против некоторых из них (по преимуществу грамматических) внешним образом (но не внутренним)... (...) Этими стихами (...) я доволен, готов печатать их и отвечать за них, а исправлять я не могу и не хочу, потому что они мне дороже именно в таком виде. Если же Вы не согласны печатать эти стихи так, как я представляю их в корректуре, мне остается только сожалеть о том неудобстве, которое я доставлю Вам как раз перед выходом очередного номера, и о неловкости по отношению к Н.К. Рериху, которую я всеми силами постараюсь загладить (Н. Рерих вместе с Г. Лукомским делал иллюстрации к циклу. – *Ред.*)". С.К. Маковский в ответном письме выразил недоумение по поводу занятой Блоком позиции. Блок, однако, подтвердил ее в письме к С.К. Маковскому от 29 декабря 1909 г.: «Хочу только ответить Вам на Ваше недоумение относительно моего несогласия исправлять стихи. Я писал Вам, что ничего не имею против некоторых Ваших замечаний "грамматических" – внешним образом. Больше того, разумеется, я признателен Вам за них, но именно только *внешне*. Для меня дело обстоит вот как: всякая моя грамматическая оплошность в этих стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать (в качестве примера Блок привел строку из стих. "Успение", см. в коммент. к нему. – *Ред.*). Далее: я не говорю, что это так *навсегда*; очень может быть, что, отойдя от стихотворения на известное расстояние, я смогу без жертвы найти эквивалент некоторым строкам – более "грамотный"; может быть, при этом воспользуюсь именно Вашими указаниями... (...) Но *сейчас-то* не могу ничего сделать *от себя*, все дело в этом. Вот причина моего Вам ответа – почти чувство молодой матери, когда ей говорят, что у ребенка такие-то, хоть и мелкие, недостатки; почти физиологическая досада: "ну хорошо, я знаю, а все-таки он и так хорош, и даже *единственно* так хорош – "принципиально", мне другого не надо". Столь придирчивое отношение С.К. Маковского к "Итальянским стихам" было вызвано его стремлением приблизить их к тем канонам "классической", ясной, строгой по форме поэзии, которые исповедовала редакция "Аполлона" и которые далеко не во всем были приемлемы для Блока.

Текст стихотворений Блок отстоял, однако состав цикла ему пришлось изменить. В январском номере "Аполлона" (1910. № 4) было опубликовано всего шесть стихотворений: "Равенна" ("Всё, что минутно, всё, что бrenно..."), "Maria de Spoleto" ("Девушка из Spoleto"), диптих под названием "Венеция" ("Холодный ветер от лагуны...", "Слабеет жизни гул упорный..."), "Благовещение" и "Успение".

"Итальянский" цикл был высоко оценен современниками. Еще до публикации в "Аполлоне" Блок писал матери: «...итальянские стихи меня как бы вторично прославили. Я выбран в Совет "Общества ревнителей художественного слова" (при "Аполлоне")...» (*Письма к родным*, 1. С. 277). Редакция "Аполлона" стихи в целом воспринимались как "аполлинические", "ясные". Н.С. Гумилев в письме В.Я. Брюсову от 2 сентября 1910 г. заметил: «...я вынес то впечатление, что он (Блок. – *Ред.*) стремится к строгому искусству, которое ему нравится называть религией... (...) Пример его стихи в "Аполлоне", где он явно учится у Вас» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 372).

Формируя цикл для сборника "Ночные часы" (1911), Блок восстановил три отвергнутых С.К. Маковским стихотворения. Таким образом, в состав этой редакции *ИС* вошли девять стихотворений: "Maria de Spoleto" ("Девушка из Spoleto"), "Madonna da Settignano", "Венеция" ("Холодный ветер от лагуны..."), "Венеция" ("Слабеет жизни гул упорный..."), "Флоренция" ("Умри, Флоренция, Иуда..."), "Флоренция" ("Голубоватым

дымом..."), "Благовещение", "Успение", "Равенна" ("Всё, что минутно, всё, что брэнно..."). «О "классичности" нового периода творчества Блока заговорили сразу после выхода "Ночных часов", и в первую очередь применительно к "Итальянским стихам"... (...) После урбанизма "Нечаянной Радости" и бурных метафор "Снежной маски" их символика могла показаться прозрачной и строгой» (*Гинзбург Л. О лирике. М.; Л., 1964. С. 311*).

С. Городецкий в рец. на *НЧ* отметил: «...во многих стихах есть та "строгая четкость", которая дается только на высотах мастерства, с торжественной простотой достигаемых ныне Блоком. Особенно это можно сказать про цикл прекрасных "Итальянских стихов"» (Речь. 1911. № 320. 21 нояб.). Вас. Гиппиус выделил "Итальянские стихи" среди тех стихотворений сборника, которые "показывают, что Блок умеет не только петь, но и рисовать". «А в итальянских фресках, – писал он, – которые автор "Прекрасной Дамы" чертит с любовью и вдумчивостью – "за оградой вспыхивают розы, тонкие поют колокола". "А выше по крутым оврагам поет ручей, цветет миндаль". Какая изысканность и какое редкое благородство вкуса!» (*Гиппиус Вас. Александр Блок. Ночные часы // Новая жизнь. 1911. № 12. Стб. 270*). По мнению Вас. Гиппиуса, "Ночные часы" – "книга отречения". Он выразил надежду, «что за этим отречением – не смерть, а "волна возвратного прилива" (образ из стих. "Слабеет жизни гул упорный..."». – *Ред.*)» (*Там же. Стб. 271*). Рецензент журн. "Наша жизнь" подчеркнул, что «реализм Блока заметен не только в конкретизации образов, но в самой четкости стихов, отдел "итальянских стихов" тому подтверждение» (*Современник. Записная книжка // Наша жизнь. 1911. № 2. 29 нояб. С. 14*). Это же отметил рецензент "Пути": "Строгой красотой овеяны итальянские стихи..." (*Н. Б(ернер). Александр Блок. Ночные часы. [Рецензия] // Путь. 1911. № 2. С. 75*). П. Медведев назвал отдел "Итальянские стихи" "строгим и четким" (*Медведев П. Литературный дневник. VIII. Ал. Блок. "Ночные часы" // Против течения. 1912. № 24. 10 марта*).

Е.В. Аничков, рецензируя сборник, писал, касаясь "итальянского" цикла, о том, что русской оставалась душа поэта и во Флоренции, и в Венеции (*Аничков Евг. "Ночные сны" Александра Блока // Запросы жизни. 1911. № 9, 2 дек. Стб. 565*). Высоко оценил "Итальянские стихи" в своих "Письмах о русской поэзии" и Н. Гумилев: «Как никто, умеет Блок соединять в одной две темы, не противопоставляя их друг другу, а сливая их химически. В "Итальянских стихах" – величавое и светлое прошлое и "некий ветер, сквозя бархат черный поющий о будущей жизни" (образ из стих. "Слабеет жизни гул упорный..."». – *Ред.*) ... (...) Этот прием открывает нам безмерные горизонты в области поэзии» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 1. С. 70*). Очень сдержанно отозвался об "Итальянских стихах" лишь В. Брюсов, которому они показались "несколько надуманными" (*Брюсов В. Александр Блок // РМ. 1912. № 1. С. 32. 3-я паг.*).

Готовя раздел в составе первого издания "третьего тома" (*III₁*), Блок в мае 1911 г. завершил еще три "итальянских" стихотворения: "Флоренция, ты ирис нежный...", "Перуджия" и "Сиенский собор". Они были добавлены к напечатанному в *НЧ*. Таким образом, в *III₁* раздел включает в себя 12 текстов: "Равенна" ("Всё, что минутно, всё, что брэнно..."), "Maria da Spoleto" ("Девушка из Spoleto"), "Madonna da Settignano", "Холодный ветер от лагуны..." (первое в диптихе "Венеция"), "Слабеет жизни гул упорный..." (второе в диптихе "Венеция"), "Перуджия", "Умри, Флоренция, Иуда..." (первое в триптихе "Флоренция"), "Голубоватым дымом..." (второе в триптихе "Флоренция"), "Флоренция, ты ирис нежный..." (последнее в триптихе "Флоренция"), "Сиенский собор", "Благовещение", "Успение".

В рецензии на *III₁* В. Волькенштейн отметил, что "полная подлинного своеобразия лирика" Блока "мало изменчива", что "чисто внешнюю новизну вносят его

итальянские или древнерусские мотивы: так зависимы они от его постоянных настроений, так мало в них самоудовлетворяющей красочной ценности" (Современный мир. 1912. № 5. С. 311).

Следующий важный этап в создании "Итальянских стихов" относится к январю-марту 1914 г., когда была закончена работа над десятью новыми стихотворениями. В марте 1914 г. Блок написал редактору литературного отдела журнала "Русская мысль" Л.Я. Гуревич: «Позвольте предложить Вам для "Русской мысли" два цикла стихов: новые "Итальянские стихи" – для апреля (...) и "Под знаком Девы" – для августа...». Получив согласие, Блок послал названные циклы в редакцию "Русской мысли" 22 марта 1914 г. «... Вот оба цикла, – писал он Л.Я. Гуревич. – Может быть, можно "Итал(ьянские) стихи" поместить в июнь? (...) Если же можно поместить "Итал(ьянские) стихи" в майскую книжку, (...) еще бы лучше было». Редакция журнала учла пожелание Блока, и в майском номере "Русской мысли" за 1914 г. появился новый цикл "Итальянских стихов". Состав его был следующим: "Венеция" ("С ней уходил я в море..."), "Равенна" ("Почует в мире Теодорих..."), "Флоренция" ("Под зноем флорентийской лени..."), "Страстью длинной, безмятежной...", "Жгут раскаленные камни...", "Окна ложные на небе черном..." ("Площадь Синьории"), "Фьезоле", "Сеттиньяно" ("Вот девушка, едва разившись..."), "Сиена", "Латинская эпитафия Фра Филиппо Липпи".

Рецензент газеты "Голос Москвы" так откликнулся на публикацию цикла в *РМ*: «Среди стихов красивы и звучны "Итальянские стихи" Александра Блока. Равенна, Венеция, Флоренция, Фьезоле, Сиена навеяли на поэта изящное раздумье» (*Маугли [Гиляровская Н.]*. Листки из блокнота // Голос Москвы. 1914. № 133. 11 июня).

В.Я. Брюсов в статье "Александр Блок" упомянул эту публикацию цикла в контексте своих рассуждений о том, что Блок, по его мнению, трагически сознает "противоречия между своим настоящим и своим прошлым": «Временно Блок мог принять скромный жребий – быть только поэтом, временно может и теперь создавать такие прекрасные строфы чистой поэзии, как его последние "итальянские стихи" (опять картины Венеции, Флоренции, Сиены и др.), но не в силах окончательно заглушить в себе воспоминания о более высоких мечтах юности» (*Брюсов В.* Александр Блок // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1915. Т. II. Ч. II. С. 326–327).

При подготовке второго издания "третьего тома" (*III*₂) Блок значительно расширил состав цикла. Из 22 опубликованных в *III*₁ и в *РМ* текстов он отобрал 19, исключив стих. "Умри, Флоренция, Иуда...", "Почует в мире Теодорих..." и "Сеттиньяно" ("Вот девушка, едва разившись..."). Эти 19 стихотворений были расположены в следующем порядке: "Равенна" ("Всё, что минутно, всё, что бренно..."), "Девушка из Spoleto", "Венеция" ("О, красный парус..." – особая редакция стих. "С ней уходил я в море...", "Холодный ветер от лагуны...", "Слабеет жизни гул упорный..."), "Перуджия", "Флоренция" ("Голубоватым дымом..."), "Флоренция, ты ирис нежный...", "Страстью длинной, безмятежной...", "Жгут раскаленные камни...", "Окна ложные на небе черном...", "Под зноем флорентийской лени..."), "Madonna da Settignano", "Фьезоле", "Сиена", "Сиенский собор", "Благовещение", "Успение", "Эпитафия Фра Филиппо Липпи".

Б. Казанский в рецензии на *III*₂, в частности, отметил: «Неутолимой тоске по Святой Деве, которой проникнуто все лучшее искусство и вершины средневековой жизни, отдает и Александр Блок свое страстное сердце. И поистине "тень Данта с профилем орлиным" (строка из стих. "Равенна". – *Ред.*) чудится в Итальянских стихах и Песне Ада... (...) И кажется, что душа всего народа в тайном откровении сошла в сердце поэта, чтобы создать эти стихи...» (*БВ.* 1917. № 16104. 17 февр., utr. вып.).

В третьем издании тома (III₃) Блок включил в раздел все тексты, печатавшиеся в составе "Итальянских стихов" (22 стих.), а также еще два стихотворения, над которыми он работал в феврале–марте 1914 г. и которые впервые были напечатаны на страницах газет: "Искусство – ноша на плечах..." и "Глаза, опущенные скромно...". Есть основания полагать, что второе из них, как "кошунственное", Блок ранее не пытался опубликовать из цензурных соображений. Оба эти стихотворения вошли в сборник "Седое утро" (1920).

Оценивая "Итальянские стихи" в контексте всей блоковской лирики, современники подчеркивали их высокие художественные достоинства. Так, Н.Я. Абрамович в своей книге о русской поэзии утверждал, что "стихи к Италии" "принадлежат к числу лучших созданий Блока" (Кадмин Н. [Абрамович Н.Я.] История русской поэзии. От Пушкина до наших дней. М., 1915. Т. 2. С. 286). В. Пяст отмечал, что стихотворения "итальянского" цикла отличаются "небывало классическим совершенством" (Пяст В. Памяти А.А. Блока // Вестн. лит. 1921. № 8. С. 10). К.И. Чуковский вспоминал о том, с каким успехом читал Блок стихи, посвященные Италии, в Итальянском обществе в мае 1921 г. в Москве: "В Итальянском обществе Блока встретили с необычайным радушием, и он читал свои стихи упоительно, как еще ни разу не читал их в Москве: медленно, певучим, густым, страдальческим голосом" (Воспоминания, 2. С. 250).

Современниками было отмечено также серьезное влияние итальянской живописи на поэтику цикла. М.А. Бекетова свидетельствовала, что после итальянского путешествия Блок "стал живее и любовнее относиться к живописи" (Бекетова 1₂. С. 125). С.М. Соловьев высказал мысль о близости некоторых мотивов и образов "Итальянских стихов" и ранней лирики Блока именно в связи с живописью итальянских мастеров: "Уже в его ранних стихах было много от итальянских прерафаэлитов: и золото, и лазурь Беато Анжелико, (...) и что-то от влажности Боттичелли. И действительно, в Умбрии в нем ожили напевы стихов о Прекрасной Даме" (Воспоминания, 1. С. 126). Уместно отметить тот факт, что в качестве художественных иллюстраций к впервые публикуемым стихам Блока (Новый Путь. 1903. № 3) были выбраны "Благовещение" Леонардо да Винчи и фреска Беато Анжелико из флорентийского монастыря св. Марка.

«Наиболее близкими для Блока стали мастера, творчество которых еще тесно связано со средневековьем. Живопись Фра Анжелико и Джованни Беллини, где символическая глубина средневекового мироотношения получает столь чистое и "детское" (не канонически-условное) выражение, была, если можно так выразиться, психологически близка Блоку и прямо соответствовала его эстетическим идеалам. Творчество обоих мастеров приходится на переходное время, осуществляя связь между двумя эпохами в искусстве, и в этом смысле их судьба совпадает с судьбой самого Блока, что, по-видимому, ясно сознавал поэт» (Даниэль С. Поэтика Александра Блока и живопись // Творчество. 1980. № 11. С. 18). Образы, настроения и ассоциации, связанные с живописью Возрождения, отразились во многих стихотворениях раздела. Прежде всего это относится к образам блоковских мадонн в стихотворениях "Девушка из Spoleto", "Madonna da Settignano", "Глаза, опущенные скромно...", "Благовещение", "Успение" (подробнее см. об этом: Альфонсов В. Слова и краски. М.; Л., 1966. С. 76–84).

"Демонические" мотивы "Итальянских стихов", обусловившие их внутреннюю сложность, также были отмечены современниками. Тем из них, кто воспринимал Блока прежде всего как автора "Стихов о Прекрасной Даме", эти мотивы казались чужеродными и даже "кошунственными". По мнению С.М. Соловьева, автор "Незнакомки" и некоторых итальянских стихов дал много материала "адвокату дьявола" (Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 42). С.К. Маковский высказался еще резче:

«В Италии Блок не столько полюбил Италию, ее красоту, ее искусство, сколько с новым самоупоеанием предался своей эротической мечтательности. Он предстал себе в Италии каким-то сверх-Дон-Жуаном, рыцарем Святой Марии, решив, что эта роль ему наиболее к лицу, и стихотворение за стихотворением он обращается с любовными признаниями к той, которая "многим кажется святой", но "вероломна" и ждет его "восторг нескромный". В заключительных стихотворениях это очень безвкусное донжуанство переходит в навязчивую идею: Богоматерь раннего Ренессанса становится воплощением его, блоковской, "Прекрасной Дамы"» (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". С. 154).

Как подчеркивает современный исследователь, Италия предстает в стихах Блока "не гармонической, но печальной и смутной". «Характерна в этой связи трактовка темы мадонны, очень существенной, так как она связывает итальянский цикл с исконной блоковской темой Вечной Женственности, тем самым вовлекая его в большой контекст трилогии. И вот наряду с ясной Марией стихотворения "Madonna da Settignano" – "коварные мадонны" "Сиены" или вовсе не каноническая богоматерь "Благовещения"...» (*Гинзбург Л.* О лирике. С. 312).

В "Итальянских стихах" отчетливо отразилось восприятие Блоком истории как движения духа во времени. "Время глубже пространства, – формулировал суть такого восприятия Д.С. Мережковский. – Тело движется в пространстве, дух – во времени; в пространстве есть то, что есть; во времени – и то, что было, и то, что будет" (*Мережковский Д.С.* Невоенный дневник. 1914–1916. Пг., 1917. С. 86). Во многом именно поэтому «бунтарское отрицание современности заставляет Блока мечтать о прямом скачке из прошлого в будущее (ощущение такого скачка дает, например, творчество; ср. в стихотворении "В жаркое лето и в зиму метельную...": "Прошлое страстно глядится в грядущее. // Нет настоящего. Жалкого нет"; в "Итальянских стихах" особенно часто сквозит мысль о подлинной жизни как прошлой: античность, Ренессанс – и будущей, противопоставленной псевдожизни современной Италии...» (*Мицк, 4.* С. 74–75). Искусство, по мысли Блока, способно воскресить и сохранить дух прошлого, а также угадать, предвосхитить будущее, реализуя силу прозрения художника. Поэтому концептуально важной для "Итальянских стихов" является тема бессмертия духа, выражением которого служит искусство.

В составе "третьего тома" "Итальянские стихи" не случайно занимают срединное положение, являя собой сложный синтез темных и светлых начал, переплетение мотивов горечи, гнева, смятения, "демонизма" с мотивами надежды, утверждения высокой любви, веры в силу искусства. По наблюдению Л.Я. Гинзбург, «"Итальянские стихи" с их внешней классической дисциплиной, сдерживающей внутреннее смятение, стоят между утверждающими циклами "Ямбы", "Родина" и "Страшным миром", циклом "отчаяния и проклятия" (выражение Блока)» (*Гинзбург Л.* О лирике. С. 313).

Среди работ, посвященных специально "Итальянским стихам", укажем следующие: *Хлодовский Р.* "Песнь Ада" (заметки к теме "Блок и Данте") // Филологические науки. 1965. № 4; *Он же.* Блок и Данте // Данте и всемирная литература. М., 1967; *Альфонсов В.* В мире образов Возрождения // *Альфонсов В.* Слова и краски. М.; Л., 1966; *Эткинд Е.* Тень Данта... (Три стихотворения из итальянского цикла Блока) // *Вопр. лит.* 1970. № 11; *Пирог Джеральд.* Стихотворение Блока "Равенна": город-знак // *Анциферовские чтения.* Л., 1989. С. 133–134; *Флакер Александр.* Блок, Беллини, Фра Филиппо Липпи // *Russica Romana.* 1996. Vol. 3. С. 225–237.

Ценным материалом для комментария к "Итальянским стихам" служат заметки Блока в записных книжках, которые он делал во время путешествия, его письма из Италии, а также "неоконченная книга итальянских впечатлений" под названием "Молнии искусства".

РАВЕННА

("Всё, что минутно, всё, что бrenно...")

(С. 68)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₂₅*. Л. 6, "Равенна 10 мая" (опубл.: *ЗК-1930*. С. 107); *ЧН₂ – ЗК₂₅*. Л. 14 об., 15–15 об.; *АС – Т₇*. Л. 17–17 об., рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 3–4; *БА – РГБ*. Ф. 386. Карт. 77. Ед. хр. 37. Л. 10–10 об., при письме к В.Я. Брюсову от 2 октября 1909 г.; печ. тексты – *НР НЧ*. Л. 88; *НР₂ III₁*. Л. 75; *РЭ III₁*. Л. 71–71 об.; *Кор₂ Земли*. Л. 78–78 об.

Впервые: Аполлон. 1910. № 4 (январь). С. 39–40. 2-я паг., первое в цикле *ИС*.

Публикации: *НЧ*. С. 135–137, девятое в цикле *ИС*, заключительное в сборнике; *III₁*. С. 131–132, первое в цикле *ИС*; *III₂*. С. 79–80, первое в цикле *ИС*; *III₃*. С. 119–120.

Первый набросок в *ЗК₂₅* сделан, согласно помете, 10 мая 1909 г. в Равенне. Второй набросок, судя по его месту в *ЗК₂₅*, относится приблизительно к середине мая. Стихотворение было закончено Блоком в мае 1909 г. в Италии, что явствует из его письма к матери от 29 мая, где он спрашивает: "Нравится ли тебе мое равеннское стихотворение?".

Публикация в журн. "Аполлон" не отличается от основного текста, за исключением ст. 36. В таком виде стихотворение печаталось до *III₁* включительно. При подготовке *III₂* Блок исключил ст. 17–20 и привел к основному тексту ст. 36 (изменения внесены в *РЭ III₁*). В *III₃* ст. 17–20 были восстановлены.

Равенна, в которой Блок пробыл два дня, произвела на него самое благоприятное впечатление. В письме к матери от 19 июня 1909 г. он, подытоживая свои впечатления от поездки по Италии, отметил: "Всех дороже мне Равенна..." Об этом же свидетельствует и письмо Блока к В.Я. Брюсову от 2 октября 1909 г., к которому было приложено данное стихотворение: «Хотя я и собирался в Равенну, но, может быть, не поехал бы туда, если бы Вы не соблазнили. Чувствую, что прилагаемые стихи внушены не только Равенной, но и Вашей поэзией. Потому прошу у Вас позволения посвятить их Вам, если они Вам понравятся. Я их люблю, несмотря на то, что море ушло от Classis'a (гавань. – *Ред.*), кажется, до Теодориха, а "Галла" и "Плакида" – одно лицо...» Сопоставляя свое стихотворение с брюсовскими, Блок, вероятно, имел в виду некоторое сходство в восприятии прошлого в связи с будущим. Ср., например, наблюдение исследователя, касающееся стихотворения Брюсова "Данте": "Художественно-временная специфика образа у Брюсова такова, что, когда поэт ведет речь о прошедшем, он имеет в виду одновременно и будущее, точнее, все времена разом в их мыслимом целом" (*Колобаева Л.А.* Встреча времен (художественное время в цикле "Родина" А. Блока) // *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология.* 1980. № 6. С. 26). Реакция Брюсова на желание Блока посвятить ему стихотворение нам не известна, но, публикуя "Равенну", Блок отказался от своего первоначального намерения.

Как вспоминал редактор "Аполлона" С.К. Маковский, Блок особенно ценил это стихотворение среди "итальянских" и твердо не соглашался учесть некоторые редакторские возражения и замечания. «Уж и тогда, – писал Маковский, – не мог я примириться со строками:

Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Младенец спит на руках у матери, а не "в руках". Весь зрительный образ неверен от такой "оплошности". Это не придирка, а требование речевой точности. Ведь оттого и вправе поэт говорить о руках вечности, что здесь вечность уподобляется матери, держащей на руках младенца, никак не "в руках" (хотя тут грамматической ошибки и нет); можно и "в руках" держать, но это – другое. <...> Разве порог "гробовых зал" может быть "тенист", да еще "чтобы... взор... не прожог"? И почему "виноградные п у с т ы н и"? И может ли печаль "проходить чередой", да еще робкой?» (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". С. 153). Блок, однако, не счел нужным исправлять текст, представленный редакции "Аполлона".

С.М. Соловьев в своих мемуарах, касаясь "Итальянских стихов", отметил, что Блок "особенно тонко почувствовал <...> Равенну" (*Воспоминания, I.* С. 126).

А. Дерман, анализируя городскую тему в поэзии Блока, писал: "Блок – поэт не города в целом, но более или менее острых и тревожных моментов городской жизни; он не понимает городской стихии, или она чуждо-враждебна ему, и только арабски орнамента города, тонкий и острый угар его – захватывают Блока. <...> Только смерть примиряет Блока с городом, только мертвый город не оскорбляет его и мертвый город – Равенна, а не живой – Флоренция, вызвал у него примиренные, прекрасные, каким-то священным ритмом проникнутые строки (цит. 1-ю строфу стих.)" (*Дерман А.* Об Александре Блоке // *РМ.* 1913. № 7. С. 62. 2-я паг.).

Исследователи подчеркивают содержательность, смысловую насыщенность стихотворения, в котором сплелись воедино размышления Блока о судьбах культуры, искусства, о прошлом и будущем, о "бренном" и "вечном" в истории. Ср.: "Город для Блока был знаком, носителем исторической и духовной судьбы культуры. Эта судьба явственна не только в исторических памятниках, переживающих течение времени, она явственна также в людях, живущих в городах, особенно в женщинах. <...> В случае Равенны весь город представлен как некрополь, в котором захоронены и сохранены исторические и культурные деятели, представляющие три великие эпохи в истории Италии – имперский Рим, христианские средние века и начало современности" (*Пирог Джеральд.* Стихотворение Блока "Равенна": город-знак. С. 133, 134). Обстоятельный анализ поэтической структуры стих. см.: *Эткинд Е.* Тень Данта... С. 89–99.

Описание древних достопримечательностей Равенны см.: *Муратов П.* Образы Италии. Т. 1. С. 132–141).

Всё, что минутно, всё, что бrenно, ~ У сонной вечности в руках. – В письме к матери от 13 мая 1909 г. Блок писал о Равенне: "Это – глухая провинция, еще гораздо глуше, чем Венеция. Городишко спит крепко...". Ср. также в письме к В.Я. Брюсову от 2 октября 1909 г.: "Едва ли Равенна изменилась с тех пор, как Вы были там. Повидимому, она давно и бесповоротно умерла и даже не пытается гальванизироваться автомобилями и трамваями, как Флоренция. Это очень украшает ее – откровенное отсутствие людей и деловой муравьиной атмосферы. <...> Совершенно понятно, почему Дант нашел пристанище в Равенне. Это город для отдыха и тихой смерти". Выразительный образ Равенны запечатлен в книге И. Тэна "Путешествие по Италии": "Этот город мертв, я не знаю сколько столетий; море удалилось от него; это был последний этап римской империи – точно занесенный песком обломок, который Византия, удаляясь, оставила на берегу" (*Тэн И.* Путешествие по Италии / Пер. П.П. Перцова. Т. 2. Флоренция и Венеция. С. 156). Ср. также сходный поэтический образ города в одном из "итальянских сонетов" Вяч. Иванова:

Таким явился мне, о, мертвая Равенна!
Твой лес прославленный, – ты, в лепоте святынь,
Под златом мозаик хранительных забвенна!

И был таков твой сон и скорбь твоих пустынь,
Где веет кротко Смерть, под миром крыл лелея
Мерцающую Жизнь, как бледный огонь елея.

(Иванов Вяч. Кормчие звезды.
СПб., 1903. С.184)

Рабы сквозь римские ворота // Уже не ввозят мозаик. – Внутреннее убранство равенских церквей, усыпальниц отличается богатством мозаичных изображений, относящихся в основном к V–VI вв. "Входя в эти здания, – писал исследователь равенских мозаик Е.К. Редин, – присмотревшись к внутреннему убранству их, поражаешься этой вечной живописью – мозаикой, пережившей столько веков и все еще блещущей своими красотами – простым, но изящным орнаментом, величественными образами..." (Редин Е.К. Мозаики равенских церквей. СПб., 1896. С. 9). Ср. в письме Блока к В.Я. Брюсову от 2 октября 1909 г.: "Старый храм Аполлинария (см. о нем ниже. – Ред.) (...) ремонтируют с головы до ног. Пол снимают и на глубине около полуаршина открывают куски мелкой римской мозаики, по-видимому IV века".

И догорает позолота // В стенах прохладных базилик. – Название "базилика" означает "царский дом". В Древнем Риме так назывались прямоугольные сооружения, в которых заседали суды, шла торговля. Позднее (в эпоху раннего христианства) эти здания были использованы для богослужебных целей. Кроме того, они послужили архитектурной основой для христианских храмов.

От медленных лобзаний влаги ~ Святым монахов и цариц. – 12 мая Блок посетил церковь св. Аполлинария во флоте (in Classe), расположенную в окрестностях Равенны. Своими впечатлениями он поделился в письме к матери от 13 мая 1909 г.: "Сыро, пахнет, как в туннелях железной дороги, и всюду гробницы. Одну я отыскал под алтарем, в темном каменном подземелье, где вода стоит на полу. Свет из маленького окошка падает на нее; на ней нежно-лиловые каменные доски и нежно-зеленая плесень". В примеч. к стих. в III₁ Блок писал: "Плиты пола в подземельи под алтарем храма Св. Аполлинария и в ротонде Теодориха Великого ушли в землю и постоянно покрыты водой; оттого низко стоящие мраморные саркофаги подергиваются нежной плесенью розовато-лилового и светло-зеленого цвета" (С. 192). В этой же церкви Блок переписал в записную книжку латинскую надпись, гласившую: "Святой Ромуальд Равеннский, молясь ночью у этого алтаря, блаженным мучеником Аполлинарием, дважды явившимся ему в видении, призван был к святому монашескому чину в лето 927... Кровь мученика – семя веры твоей, Равенна... Посвящено царицей мучеников" (пер. с лат. – Ред.) (ЗК. С. 134).

Безмолвны гробовые залы... – Ср. в письме к матери от 13 мая о церкви св. Аполлинария: "И страшная тишина кругом".

...Чтоб черный взор блаженной Галлы, ~ Не пел страстей протекших лет. – В примеч. к стих. в III₁ Блок так писал о "той, которая названа Галлой в четвертой строфе и Плакидой в пятой": "Я позволил себе так грецизировать имя Галлы Плацидии, лицо которой у некоторых художников похоже на лицо гречанки. Впрочем, да простит мне археолог мои личные мысли о знаменитой царице V века, сестре, супруге и матери римских императоров (Гонория, Констанция и Валентиниана III), вдове вестготского вождя (Атаульфа). Многошумная судьба бросила эту страстную и властолюбивую женщину от позорной колесницы варвара на трон Западной Римской

Империи, сердцем которой была пышная в те дни Равенна. Образ Галлы с лицом то девически-нежным, то твердым и жестоким, почти как лицо легионера, неоднократно вставал перед художниками, в том числе русскими. Средневековое предание говорит, что она похоронена в сидячем положении; но ее высокий саркофаг, как и соседние с ним (сына и мужа) – пусты" (С. 192). Ср. также о Галле Плацидии в письме Блока к В.Я. Брюсову от 2 октября 1909 г.: «...я не мог не посвятить двух строф царице, поныне властвующей над Равенной незримо. Думаю, что она походила на ту египетскую девушку, изображение которой хранится на доске в Александрийской комнате Флорентийского археологического музея (см. очерк "Взгляд египтянки" в "Молниях искусства", СС-8₅. С. 397–399. – *Ред.*) Впрочем, в Уффицих есть картина Карло Дольчи – Плацидия с крестом. Но здесь она – более римлянка, а я думаю, что тип ее – греческий и брови византийские – дугами, как у той египтянки. И была она именно Плакида, а не Плацидия». О портрете Галлы Плацидии работы Карло Дольчи, который Блок видел в картинной галерее Уффици во Флоренции, он сделал следующую краткую запись: "нежная, черноокая, юная, держит распятие" (ЗК. С. 140).

Далёко отступило море, // И розы оцепили вал... – Ср. в примеч. Блока к стих. в III; "Лежащий на юго-восток от Равенны Classe был во времена Августа главной римской гаванью – portus Classis; но Адриатика давно уже отступила от этих берегов, и шумная некогда гавань состоит теперь из нескольких домиков и огромной полупустой базилики, с прахом св. мученика Аполлинария. Sanguis martyris – semel fidei tuae, Ravenna" (Кровь мученика – семя веры твоей, Равенна. – *лат.*) (С. 192). Это примеч. нуждается в уточнении. Как отметил в своей книге исследователь равеннских храмов Е.К. Редин, мощи св. Аполлинария, патрона равеннской церкви, в IX в. были перенесены из церкви св. Аполлинария во флоте (in Classe) в церковь св. Аполлинария Нового в Равенне (*Редин Е.К. Мозаики равеннских церквей. С. 73*).

...Чтоб спящий в гробе Теодорих // О буре жизни не мечтал. – Теодорих Великий (456–526) – король остготов, в 493 г. завоевавший Равенну, древнюю столицу Западной Римской империи. Об усыпальнице Теодориха, находящейся в окрестностях Равенны, см. в коммент. к следующему стих.

А виноградные пустыни, // Дома и люди – всё гроба. – Ср. в очерке Блока "Немые свидетели": "Жить в итальянской провинции невозможно потому, что там нет живого, потому, что весь воздух как бы выпит мертвыми и по праву принадлежит им. Виноградные пустыни, из которых кое-где смотрят белые глаза магнолий; на площадях – зной и стрекошущие коротконогие подобия бывших людей. Только на горах, в соборах, могилах и галереях – прохлада, сумрак и католические напоминания о мимолетности жизни" ("Молнии искусства". СС-8₅. С. 390–391). Ср. сходный образ в стих. "Умри, Флоренция; Иуда...": "Гнилой морщиной гробовою // Искажены твои черты!". О значении и этимологии этого образа см. в коммент. к стих. "Тропами тайными, ночными..." (1907).

Лишь медь торжественной латыни // Поет на плитах, как труба. – В письме к матери от 13 мая 1909 г. Блок, описывая древнюю церковь св. Аполлинария, отметил: "Удивительные латинские надписи". Некоторые из них он переписал в свою записную книжку. Ср. также в письме к матери от 19 июня 1909 г.: "Всегда и всюду мне близок и дорог, как родной, искаленный итальянцами латинский язык". Латинский язык в эпоху, к которой относятся и равеннские мозаики (IV–VI вв.), был общеупотребительным (*Редин Е.К. Указ. соч. С. 220–221*).

Лишь в пристальном и тихом взоре // Равеннских девушек... – См. коммент. к сходным строкам стих. "Почит в мире Теодорих...".

Лишь по ночам, склонясь к долинам, ~ О Новой Жизни мне поет. – Дант – Данте

Алигьери (1265–1321) – великий поэт эпохи итальянского средневековья, личность и творчество которого Блок высоко ценил. Особое значение Блок придавал раннему произведению Данте под названием "Vita puova" ("Новая жизнь", 1292). В его библиотеке было два перевода этой книги: *Данте А. Обновленная жизнь* / Пер. с итал. А.П. Федорова. СПб., 1895; *Данте А. Новая жизнь* / Пер. М.И. Ливеровской. Самара, 1918 (*ББО-З*. С. 223; *1*, С. 257). А.П. Федоров во вступлении к своему переводу писал о значениях формулы "Новая жизнь": «Это – внутреннее обновление, произведенное в душе Данте юностью и девственною грацией Беатриче; эта женственная прелесть не только обновила жизнь Данте, но в ней еще заключается и та особенность, что она может быть рассматриваема как прообраз того великого обновления, которое совершилось в тот век, когда жил великий Данте. Все, что каждый испытывал и требовал от тринадцатого века в Италии, то Данте выразил и требовал в своей "Обновленной жизни"» (*Федоров А.П. [Вступит. статья] // Обновленная жизнь*. СПб., 1895. С. 30–31). Блок воспринял у Данте не только термин, но и его содержание. Для него тоже Vita puova вмещала в себе и обновляющее человека чувство очень высокой юношеской любви, и "gepovatio tempogum" – "неслыханные перемены" революции, – и гуманистические идеалы нового общества и нового человека (см.: *Хлодовский Р.И. Блок и Данте*. С. 194). Одно из значений термина в контексте "Итальянских стихов", возможно, связано с новыми блоковскими представлениями об искусстве; ср. в письме к матери от 7 мая 1909 г.: "Но итальянская старина ясно показывает, что искусство еще страшно молодо, что не сделано еще почти ничего, а совершенного – вовсе ничего: так что искусство всякое (и великая литература в том числе) еще все впереди". Символизированное, многозначное понятие "Vita puova" было столь распространенным в художественной среде, что нередко использовалось как обиходное, вполне привычное для "посвященных". Ср. в дневнике В.Я. Брюсова запись от 27 декабря 1894 г. о встрече с К. Бальмонтом: "Говорил он и о своей vita puova" (*Брюсов В. Дневники*. 1891–1910. М., 1927. С. 20). Ср. также в письме Блока к Е.П. Иванову от 29 июня 1910 г.: «Сообщу тебе, что очень мало чувствую относительно "новой жизни". (...) Что-то во мне сорвалось».

П.П. Муратов, описывая в своей книге мавзолей Данте в Равенне, заметил, что дух поэта "живет не здесь, но в печальных равнинах, отделяющих Равенну от моря..." (*Муратов П. Образы Италии*. Т. 1. С. 138).

"ПОЧИЕТ В МИРЕ ТЕОДОРИХ..."

(С. 70)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН-ЗК₂₅*. Л. 16 об. – 17; *ЧА* (первоначальная редакция) – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1 ("Равенна"), "(1909 – Firenze... – февр. 1914)"; *БА-Т₈*. Л. 47 ("Равенна"), "Firenze 1909 – 27 февр. 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 79.

Впервые: *РМ*. 1914. № 5. С. 1–2. 1-я паг., под загл. "Равенна", второе в цикле *ИС*. Публикации: *Ш₃*. С. 121. В другие издания не входило.

Черновой набросок в *ЗК₂₅* сделан в мае 1909 г. во Флоренции (на л. 17 внизу под одной из записей проставлена дата "22 V 09", которая, возможно, относится и к стихотворению). К тому же времени относится, вероятно, и текст первоначальной редакции *ЧА ИРЛИ*. При подготовке первой публикации Блок 27 февраля 1914 г. переработал первоначальную редакцию, приблизив ее к основному тексту, за исключением заглавия и ст. 11–12.

Окончательный текст – *PM* (за исключением заглавия, снятого при подготовке *III*₃).

Анализ художественной структуры и содержания стих. см. в статье Е. Эткинда "Тень Данта... (Три стихотворения из итальянского цикла Блока)" // *Вопр. лит.* 1970. № 11. С. 99–100.

Почует в мире Теодорих, // И Дант не встанет с ложа сна. – В письме к матери от 13 мая 1909 г. Блок, в частности, сообщал: "...мы видели могилу Данта, древние саркофаги, (...) дворец Теодориха. В поле за Равенной – среди роз и глициний – могила Теодориха". П. Муратов в своей книге об Италии так писал о гробнице Теодориха Великого: «Гробница короля готов находится за городом среди полей, садов и виноградников. Ее массивный купол хорошо знаком равеннскому пахарю и виноделу. (...) Это одно из тех мест на свете, где почему-то дано живо ощущать ход веков, где такое отвлеченное понятие, как "история", чувствуется с захватывающей силой и близостью» (*Муратов П. Образы Италии. Т. 1. С. 138*). Ср. также об усыпальнице, где погребен прах Данте: "Еще один мавзолей находится в Равенне, – часовня, сохраняющая священный прах Данте, умершего здесь в 1321 году. Но его великой памяти не достойно это маленькое скучное здание, окруженное провинциальными скучными домами" (*Там же*).

Где прежде бушевало море, // Там – виноград и тишина. – Ср. в стих. "Равенна": "Далеко отступило море, // И розы оцепили вал...". П. Муратов так описывал бывшую равеннскую гавань: "Порт давно занесен песком, но, судя по словам Данте, в его время церковь (Санта Мария ин Порто. – *Ред.*) еще была недалеко от моря. Теперь здесь нет никаких признаков моря, кроме настойчивого влажного ветра. Церковь окружена пространствами недавно осушенных полей, молодыми фруктовыми садами и виноградниками" (*Там же. С. 139*).

В ласкающем и тихом взоре // Равеннских девушек – весна. – Ср. запись, сделанную Блоком в Равенне 10 мая 1909 г.: "Ласкающий, тихий, пристальный взгляд равеннских девушек. Невинность" (*ЗК. С. 133*).

О, Галла! – страстию к тебе // Всегда взволнован и встревожен! – О Галле Плацидии см. в коммент. к стих. "Равенна".

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

("Строен твой стан, как церковные свечи...")

(С. 70)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₂₆. Л. 24 об. – 26, "Spoleto. Утро 3 июня. У Акведукa"; *АС* – *Т7*. Л. 19 об. ("Maria da Spoleto"), "Spoleto 3 июня", рукой Л.Д. Блок (заглавие – автограф); *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 6, "Spoleto, 3 июня"; печ. тексты – *НР НЧ*. Л. 80 ("Maria da Spoleto"); *НР*₂*III*₁. Л. 76 ("Maria da Spoleto"); *Кор*₁ *Земли*. Л. 52; *Кор*₂ *Земли*. Л. 79 об.

Впервые: Аполлон. 1910. № 4. С. 40, 43. 2-я паг., под загл. "Maria da Spoleto", второе в цикле *ИС*.

Публикации: *НЧ*. С. 121 ("Maria da Spoleto"), первое в цикле *ИС*; *III*₁. С. 132–133 ("Maria da Spoleto"), второе в цикле *ИС*; *III*₂. С. 81, второе в цикле *ИС*; *III*₃. С. 122.

Текст *ЧА* в *ЗК*₂₆ был создан целиком 3 июня 1909 г. в Сполето. Верхний слой этого текста близок к основному. После третьей строфы (Л. 25 об.) – отчеркивание

двумя чертами; возможно, этой строфой Блок намеревался завершить стихотворение. Под текстом ЧА запись: "А, когда мы уезжали – она сказала: Mille grazie (Тысяча благодарностей (итал.). – *Ред.*)".

При подготовке первой публикации в T_7 вписано первоначальное заглавие ("Maria da Spoleto") и приведен к основному тексту ст. 3. Каноническое заглавие впервые появилось в III_2 . В $HP III_1$ третья строфа помечена слева на полях "крестом".

Окончательный текст – III_2 .

П. Медведев в рец. на HC полностью процитировал стих. в доказательство своей мысли о том, насколько более зрелой стала лирика Блока в сравнении с предыдущим периодом творчества: "Выросла сила и родилась внутренняя, художественная убедительность образов, стих стал виртуозней, музыкальнее, расширилась область поэтических заданий, обострился ритм речи, пары рифм слились в дружном консонансе" (*Медведев П.* Литературный дневник. VIII. Ал. Блок. "Ночные часы" // Против течения. 1912. № 24, 10 марта. С. 3).

В. Журин, прослеживая развитие образа Прекрасной Дамы в творчестве Блока, отметил, что в этом стих. "всего сильнее и ярче мечта о Прекрасной Даме сливается с образом Богородицы" (*Журин В.* Servus-Reginae // Сб. студенческого лит. кружка при Императорском Казанском ун-те. Казань, 1915. С. 38).

По наблюдению исследователя, особенностью стихотворения является "его внутренняя связь с образностью, характерной для сонетов Петрарки" (*Эткинд Е.* Гень Данта... С. 102; подробный анализ художественной структуры стихотворения см.: *Там же.* С. 101–105).

Заглавие. – Есть основания полагать, что соединение слов, из которых одно пишется по-русски, а другое – по-итальянски, имеет определенное значение (ср. первоначальное название: "Maria da Spoleto"); «в этой "смеси" отражена двойственность субъекта: итальянская девушка и русский путешественник, (...) средневековая "ноуменальность" петраркизма – и современная влюбленность; Вечная Женственность (недаром имя "Мария"! (...)) и реальная темнокудрая девушка...» (*Эткинд Е.* Указ. соч. С. 105).

Взор твой – мечами пронзающий взор. – Ср. в III сонете Петрарки в пер. Вяч. Иванова: "...Луч огня // Из ваших глаз врасплох настиг меня..." (отмечено в указ. статье Е. Эткинда, с. 102). Ср. также в стих. В. Брюсова "Ответ": "Остро и пламенно ранит // Взор твой, блестящий клинок" (*Брюсов В.* Все напевы. Стихи 1906–1909. М., 1909. С. 58). Сходный мотив – в стихотворении Блока "Сердце предано метели" из цикла "Снежная маска" (1907): "Пронзай меня, // Крылатый взор..." (т. 2 наст. изд.).

Дай, как монаху, взойти на костер! – Образ костра, как символ мученичества во имя возлюбленной, не раз встречается у Петрарки; ср. в сонете XIX в пер. Вяч. Иванова: "...Сам себя веду я на костер!" (отмечено в указ. статье Е. Эткинда. С. 103). Этот образ ранее был использован Блоком в цикле "Снежная Маска"; ср., например, в стих. "Сердце предано метели": "Я сам иду на твой костер!" (т. 2 наст. изд.). В.Н. Альфонсов высказал обоснованное предположение, что мерой поклонения и воодушевления поэта избирается подвиг монаха, мужественно умирающего за веру на костре: «Наверное, и здесь Блок имел в виду патетический образ Савонаролы, который есть в первом стихотворении о Флоренции ("там, где святой монах сожжен")» (*Альфонсов В.* Слова и краски. С. 77). Можно отметить сходный мотив и в ценимом Блоком стих. В. Брюсова "Поэту" (1907): "Да будет твоя добродетель – // Готовность взойти на костер" (*Брюсов В.* Все напевы. С. 3).

Счастья не требую. Ласки не надо. // Лаской ли грубой тебя оскорблю? – Ср. в стих. В. Брюсова "Отречение" ("Все кончено! Я понял безнадежность..."): "Но в мире, где любовь на время, – нежность // Лишь оскорбленье вещей Красоты" (Брюсов В. Все напевы. С. 39).

Лишь, как художник, смотрю за ограду, // Где ты срываешь цветы, – и люблю! – В примеч. к III₁ Блок писал по поводу этих строк: "Художники Возрождения любили изображать себя самих на своих картинах, в качестве свидетелей, или участников. Одни – сладострастно подсматривают из-за занавески, как старцы за купающейся Сусанной, другие – только присутствуют в качестве равнодушных участников; так, на фресках Пинтуриккио в библиотеке Энея Сильвия в Сиенском Соборе – художники Рафаэль, Андреа дель Сарто, Джованни да Удинэ и сам автор стоят в церкви со свечами; присутствие третьих, по-видимому, необходимо и имеет уже характер какого-то таинственного действия; так, на фреске в Новой Капелле Орвьетского Собора, изображающей свержение с небес антихриста, автор фрески Лука Синьорелли изобразил себя самого и фра Джованни Анжелико – свидетелями великого события: оба художника стоят спокойно, в темных одеждах, со сложенными руками, напоминая позы ангелов (на других фресках той же Капеллы), которые так же спокойно взирают с небес на толпу грешников, обреченных на вечные муки геенны; а перед ними волнуется целое море обнаженных тел и напряженных мускулов.

В этом стихотворении, так же как в "Благовещении", я хотел представить художника третьего типа: созерцателя спокойного и свидетеля необходимого" (С. 192–193). Эти мысли Блока нашли отражение в финале его программной статьи "О современном состоянии русского символизма" (1910): «Мы обязаны, в качестве художников, ясно созерцать все священные разговоры ("santa conversazione") и свержение антихриста...» (СС-85. С. 436). Ср. также в упомянутом выше стих. В. Брюсова "Поэту": "Всего будь холодный свидетель, // На всё устремляя свой взор". Комментируемые строки имеют очевидную связь с ранним стих. Блока "Я, отрок, зажигаю свечи..." (1902):

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

(т. 1 наст. изд.)

...Позволь // Взору – прозреть над тобой херувима... – По предположению В.Н. Альфонсова, этот образ мог быть навеян поэту картиной итальянского художника Джованни Беллини (1430–1516) "Мадонна в венце из голов херувимов", которую Блок видел в венецианской Академии. Ср. его запись о двух мадоннах Беллини: "одна изумительная женщина; красные херувимы над другой" (ЗК. С. 133). Подробнее см. об этом в книге В. Альфонсова "Слова и краски". С. 77. *Херувимы* – в христианской мифологии ангелоподобные существа.

Сердцу – изведать сладчайшую боль! – Ср. в сонете СХХХII Петрарки в пер. Вяч. Иванова: "А сладость этих мук... (...) То же, // Что в жизни смерть, – любовь. На боль похоже // Блаженство..." (отмечено в указ. статье Е. Эткинда. С. 103).

Тайных стихов драгоценный алмаз. – Образ восходит к стихотворению Пушкина "Близ мест, где царствует Венеция златая..." (1827): "И тайные стихи обдумывать люблю". Ср. в письме Блока к отцу от 5 августа 1902 г.: «Иногда можно даже "обдумывать тайные стихи"..."

María da Spoleto (*Т7, Аполлон, НЧ, III₁*). – Существенно, что имя Мария – наиболее употребительное из всех женских имен в лирике Блока. «Причина тому, – отмечает исследователь, – евангельские реминисценции, связанные с этим именем, как бы возвышающие, облагораживающие его. Имя это было символическим, на нем изначально лежал отблеск "святости", и поэтому именно оно более других подходило для называния "Несказанной"» (*Азадовский К.М.* Александр Блок и Мария Добролюбова // *БС-8*. С. 46). В "Итальянских стихах" это имя возникает также в стихотворениях "Madonna da Settignano", "Глаза, опущенные скромно...".

Дева, свершай надо мной приговор! (*ЧА ЗК₂₆*). – Ср. в упомянутом выше стих. В. Брюсова "Ответ": "Ты позовешь, – я отвечу, // Скажешь, – приму приговор".

ВЕНЕЦИЯ

Венеция была первым итальянским городом, который Блок с женой посетили во время своего путешествия. Она вызвала в Блоке светлые впечатления. В письме к матери от 7 мая 1909 г. он писал: "Я здесь очень много воспринял, живу в Венеции уже совершенно как в своем городе, и почти все обычаи, галереи, церкви, море, каналы для меня – свои, как будто я здесь очень давно". Этот город казался Блоку особенным, не похожим на другие итальянские города. Ср. в его письме к В.Я. Брюсову от 2 октября 1909 г., где он делился своими мыслями и наблюдениями, касающимися Италии: "Венеция поместилась как-то на особом месте, даже почти вне Италии; ее можно любить примерно как Петербург; как Петербург к России, так Венеция относится к Италии". Это же Блок отметил и в очерке "Немые свидетели" ("Молнии искусства". *СС-8₅*. С. 391).

Н.М. Лагов так писал о современной Блоку Венеции: "Венеция некогда была самым цветущим торговым городом в мире. Теперь это – главный город провинции, сильная крепость и резиденция патриарха. Город расположен в 4-х килом(етрах) от материка, в лагунах Адриатического моря. (...) Городские постройки все возведены на сваях, и площадь, занимаемая ими, имеет в окружности 10⁷/10 килом(етров). Около 150 каналов делят всю эту площадь на 117 островов, соединенных 378 мостами. В промежутках между каналами вьется тесный лабиринт улиц, ширина которых иногда не превосходит 1¹/₂ м" (*Лагов Н.М.* Рим, Венеция, Неаполь... СПб., 1911. С. 67). О Венеции см. также в книге П. Муратова "Образы Италии" (Т. 1. С. 19–24), в книге В. Розанова "Итальянские впечатления" (гл. "Золотистая Венеция". С. 218–233).

Подцикл под названием "Венеция" появился в первой публикации "Итальянских стихов" в журн. "Аполлон" (1910. № 4). Он состоял из двух стихотворений: "Холодный ветер от лагуны..." и "Слабеет жизни гул упорный...". В сб. "Ночные часы" (1911) эти стихотворения печатались как самостоятельные в цикле "Итальянские стихи" (каждое имело заглавие "Венеция"). В *III₁* они вновь составили диптих под названием "Венеция". В 1914 г. было впервые опубликовано стих. "С ней уходил я в море..." (*PM*. 1914. № 5, как самостоятельный текст в цикле "Итальянские стихи"). В своем окончательном составе цикл "Венеция" появился в *III₂* (в отличие от *III₃*, первое стихотворение напечатано здесь в особой редакции).

1. "С НЕЙ УХОДИЛ Я В МОРЕ..."

(С. 71)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН-ЗК₂₅*. Л. 5 об. – 6, "Венеция 9 мая"; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 38 ("В Венеции"), "9 V 1909 (Venezia) – 16 янв. 1914"; *БАП – Т₈*. Л. 25 об. ("В Венеции"), "9 V 1909 (Venezia) – 16 I 1914"; *Кор₁ Земли*. Л. 52; *Кор₂ Земли*. Л. 80.

Впервые: *РМ*. 1914. № 5. С. 1. 1-я паг., первое в цикле *ИС*, под загл. "Венеция".

Публикации: *III₂*. С. 82 ("О, красный парус..."), в цикле *ИС*, первое в подцикле "Венеция"; *III₃*. С. 123.

ЧН ЗК₂₅ записан, согласно помете, 9 мая 1909 г. в Венеции. Дальнейшая работа над стихотворением относится к 16 января 1914 г., когда был создан текст *ЧА ИРЛИ* под заглавием "В Венеции".

Готовя стихотворение для *III₂*, Блок значительно переработал его, зачеркнув в *Т₈* (карандаш) ст. 1–4, 9–14; в результате осталось лишь одно четверостишие. В такой редакции стихотворение было напечатано в *III₂*. В *III₃* Блок вернулся к тексту первой публикации.

Окончательный текст – *РМ*.

Н. Павлович в своих воспоминаниях о Блоке писала: «Осенью 1920 года в Петербург приехал поэт Мандельштам и читал в Союзе поэтов свои стихи. Одно из них было посвящено Венеции ("Венецкой жизни, мрачной и бесплодной..."), оно отмечено в дневнике Блока – *СС-87*. С. 371). Через несколько дней мы с Александром Александровичем вспомнили об этом чтении и отметили, что Венеция поразила обоих (и Блока и Мандельштама) своим стеклярусом и чернотой» (*Воспоминания*, 2. С. 398).

О, красный парус // В зеленой дали! // Черный стеклярус // На темной шали! – В очерке "Немые свидетели" Блок отметил как характерные приметы Венеции: "красный парус над лагуной; древняя шаль, накинутая на ловкие плечи венецианки" (*СС-85*. С. 391). О "священных шальях" венецианок Блок упоминает также в записи от 10 мая 1909 г. (*ЗК*. С. 133). Делясь своими впечатлениями о Венеции, о море, Блок в письме к матери от 7 мая 1909 г., в частности, писал: "Вода вся зеленая". Ср. также в описании лагуны и морской дали П. Муратовым в его книге "Образы Италии": "Тут были желтые паруса, рыжие, оранжевые, темно-коричневые, почти красные" (*Муратов П.* Указ. соч. С. 88). Существенно отметить в двух первых строках строфы художественный "эффект сопоставления дополнительных цветов (к ним относится и пара "красный – зеленый"), особенно активно использовавшийся живописцами средневековья и раннего Ренессанса с целью усиления цветовой активности изображения" (*Даниэль С.* Поэтика Александра Блока и живопись. С. 19).

Христос, уставший крест нести... – Образ восходит к Евангелию. Иисус Христос, приговоренный к смерти, должен был нести крест до места казни на Голгофе. Поскольку Иисус изнемогал под тяжестью креста, его помогал нести ему некто Симон из Кирены (Мк. XV; 21; Мф. XXVII; 32). Ср. сходный образ в стих. "Россия" ("Опять, как в годы золотые...") (1908): "И крест свой бережно несус..."

2. "ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР ОТ ЛАГУНЫ..."

(С. 71)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₂₆*. Л. 75 об. – 76 об.; *ЧН₂ – ЗК₂₈*. Л. 2 об. – 3, 12 об.; *БАП – Т₇*. Л. 24 об. – 25 ("В Венеции"), "Август–сентябрь. Шахматово"; печ. тексты – *НР НЧ*. Л. 82 ("Венеция"); *НР₂ Ш₁*. Л. 76; *Кор₂ Земли*. Л. 80 об.

Впервые: Аполлон. 1910. № 4. С. 43. 2-я паг., без посвящения, в цикле *ИС*, первое в подцикле "Венеция".

Публикации: *НЧ*. С. 123 ("Венеция"), третье в цикле *ИС*; *Ш₁*. С. 134, в цикле *ИС*, первое в подцикле "Венеция"; *Ш₂*. С. 82–83, в цикле *ИС*, второе в подцикле "Венеция"; *Ш₃*. С. 124.

ЧН₁ ЗК₂₆ записан приблизительно в середине июля 1909 г. *ЧН₂ ЗК₂₈* относится ко второй половине августа того же года. Первоначальный текст в *Т₇* под заглавием "В Венеции" включал в себя шесть строф; позднее Блок зачеркнул ст. (17–24), отметив под текстом: "Уничтожены Вяч. Ивановым 6.Х". Аналогичная запись, касающаяся ст. (17–24), сделана в *Кор₂ Земли*: "Дальнейшее очень справедливо выкинуто Вяч. Ивановым" (Л. 80 об.).

Посвящение "Евгению Иванову" в *Т₇* вписано позднее карандашом (в первой публикации оно отсутствует).

Окончательный текст – "Аполлон".

Г. Иванов в заметке "Творчество и ремесло" отметил, что "тайна перевоплощений открыта Блоку", что его лирический герой выступает "на пестрых карнавалах жизни" в "разных масках"; в качестве примера он привел, в частности, строки из стих.: "Таясь, проходит Саломея // С моей кровавой головой..." (Русская воля. 1917. № 22. 23 янв. С. 7).

В письме к матери от 4 мая 1909 г. из Венеции Блок сообщал: "В сущности здесь очень хорошо – и всего лучше львы, гондолы и Беллини". *Беллини* Джованни (1430–1516) – итальянский художник венецианской школы, живопись которого произвела большое впечатление на Блока.

Посвящение. – О ближайшем друге Блока Е.П. Иванове см. в примеч. к стих. "Вот он – Христос – в цепях и розах..." (т. 2 наст. изд.).

Холодный ветер от лагуны. – О происхождении венецианских лагун Гете писал: "Лагуны – произведение древней природы. Сперва работа прилива и отлива и земли, борющихся друг с другом, потом постепенное убывание древних вод создали на верхнем конце Адриатического моря большую болотистую полосу, которую посещает прилив, а отлив частично оставляет свободною. Человеческое искусство завладело самыми высокими местами, – и так образовалась Венеция, составленная из сотни островов и окруженная сотнями других" (*Гете*. Путешествие в Италию // *Гете*. Собр. соч.: В 13 т. М., 1935. Т. 11. С. 102; пер. Н.А. Холодковского).

Гондол безмолвные гроба. – *Гондолы* – продолговатые лодки с кожаными, набитыми перьями подушками. В начале века они в Венеции заменяли извозчиков, на малых каналах являлись единственным средством передвижения. Ср. в поэме А. Григорьева "Venezia la bella" (1858): "И мне гондолы траур гробовой // Понятен стал" (Стихотворения Аполлона Григорьева. М., 1916. С. 442).

Я в эту ночь, больной и юный – // *Простерт у львиного столба*. – *Львиный*

столб – гранитная колонна с крылатым львом на вершине, находится на площади св. Марка, недалеко от Дворца дождей. Ср. в книге В.В. Розанова "Итальянские впечатления": "Вся Венеция усеяна изображениями льва, это одно из апокалипсических животных (их четыре: орел, телец, человек, лев), которое помещается в церковных изображениях за спиной этого евангелиста (св. Марка.). Лев венецианский, поставленный на мачтах, на столбах, колоннах, (...) имеет два полуприподнятые крыла и чуть-чуть опустился на передних лапах, как готовый сейчас прыгнуть. Это лев в оживлении, а не сидящий, не лежащий" (*Розанов В.* Итальянские впечатления. С. 224–225). Ср. также в стих. Брюсова "Лев святого Марка" (1902): "Лев с раскрытыми крылами // На торжественном столбе" (*Брюсов Валерий.* Пути и перепутья. Собрание стихов. М., 1908. Том 2. С. 95). Василий Гиппиус, описывая свою поездку в Венецию летом 1911 г., вспоминал: «Там все напоминало о Блоке, о его "Итальянских стихах". Я послал Блоку открытку с видом площади Святого Марка, написав на ней две строки, все эти дни бывшие в сознании:

Холодный ветер от лагуны,
Гондол безмолвные гроба...

Продолжение этих строк: "Я в эту ночь, больной и юный, простерт у львиного столба". И эти строки звучали в сознании так настойчиво, что, дойдя до "львиного столба", захотелось исполнить блоковские строки буквально. Осуществить полусуточный, полусерьезный обряд оказалось совсем не трудно... (...) При встрече с Блоком я рассказал ему о том, как "простирался" в его память. Он, улыбаясь, сказал: "А я не простирался"» (*Воспоминания*, 2. С. 79–80).

На башне, с песнию чугунной, // Гиганты бьют полночный час. – Часовая башня (1496–1499) находится на площади св. Марка. "Ее огромный циферблат показывает с 1-го по 24-й час. А наверху находятся два бронзовые гиганта, которые отбивают в колокол часы. Смотреть на них, когда они бьют полдень, собираются все туристы" (*Лагов Н.М.* Рим. Венеция, Неаполь... С. 71). Ср. также в книге А.А. Трубникова "Моя Италия": "На башне бронзовый звонарь бьет в тяжелый колокол" (СПб., 1908. С. 11).

Марк утопил в лагуне лунной // Узорный свой иконостас. – В примеч. к III, Блок отметил: «Я назвал "иконостасом" единственный в мире фасад Собора Св. Марка» (С. 193). В письме к редактору журн. "Аполлон" С.К. Маковскому от 23 декабря 1909 г. Блок, отвечая на его замечания, в частности, писал: «... рядом со словами о "Марке" и о "лунной лагуне" Вы пишете: "Неверно. Лагуна далеко от Марка". Таким образом, Вы подозреваете меня в двойном грехе: в незнании венецианской топографии и в декадентстве дурного вкуса (ибо называть лагуну, освещенную луной, "лунной лагуной" – было бы именно "бальмонтизмом" третьего сорта). Уверю Вас, что я говорю просто о небесных лагунах – именно о тех, в которых Марк купает свой "иконостас" (в данном случае портал) в лунные ночи». «Марк стало имя, синоним, звук, знамя, медаль, – отмечал в своей книге об Италии В.В. Розанов. – Венеция и "Марк" – неотделимы; "Марк" есть патрон Венеции...» (*Розанов В.* Итальянские впечатления. С. 225). Построенное первоначально из кирпича, здание собора св. Марка в 976 г. было перестроено; в середине XI в. оно подверглось новой переделке в византийском стиле и было украшено с чисто восточной роскошью. Готические приделки к его фасаду, произведенные в XV в., придали ему особенный фантастический вид (*Лагов Н.М.* Рим, Венеция, Неаполь... С. 71). О фасаде собора П.П. Перцов писал: "смесь мрамора, гранита, яшмы, порфира, бронзы, мозаики, скульптуры, резьбы" (*Перцов П.* Венеция. М., 1912. С. 6–7). Ср. также описание собора в лунную ночь в книге А.А. Трубникова: "В фосфоре весь Святой Марк. Луна заморозила храм. Ее лучи вспыхивают

на царственном золоте мозаик, скользят по саду мраморных украшений..." (Трубников А.А. Моя Италия. СПб., 1908. С. 11).

В тени дворцовой галереи... – Судя по всему, Блок имел в виду галерею Дворца дождей, расположенного на площади св. Марка.

... *Чуть озаренная луной...* – Ср. ремарку в финале пьесы О. Уайльда "Саломея": "Луч лунного света падает на Саломею и освещает ее" (Уайльд О. Полн. собр. соч. М., 1906. Т. 3. С. 335).

... *Таясь, проходит Саломея // С моей кровавой головой* (ср. вариант в ЗК₂₆: "Главу Крестителя на блюде // Она сквозь сумрак галлерей // Несет на площадь..."). – Блок использует известный евангельский сюжет, связанный со смертью Иоанна Крестителя, праведника и пророка, возвестившего о приходе в мир Иисуса Христа. "...Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка. Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей" (Мф. XIV. 3–11). "Трагические контрасты пиршества и казни, глумливой греховности и страждущей святости, вкрадчивой женственности и открытого палачества, присущие сюжету усекновения главы Иоанна Крестителя, не раз привлекали живописцев и поэтов" (Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 553). Этот сюжет использован, например, в новелле Г. Флобера "Иродиада", в пьесе О. Уайльда "Саломея". В письме к матери от 2 ноября 1908 г. Блок сообщал, что был «на генеральной репетиции "Саломеи"».

Знакомясь с полотнами Карло Дольчи в галерее Уффици во Флоренции, Блок отметил в записной книжке: "Carlo Dolci – тоже XVII век! Саломея с головой Иоанна Крестителя" (ЗК. С. 140). Среди сюжетов фресок Дж. Манни в Collegio del Cambio в Перуджии Блок выделил и "злополучную историю с Саломеей" (ЗК. С. 141). Известно, что у Блока дома была репродукция картины "Саломея" работы К. Массиса (*Воспоминания*, 2. С. 159).

Важно подчеркнуть, что, отождествляя в канонической редакции образ лирического героя с образом Иоанна Крестителя, Блок как бы уподобляет судьбу певца, поэта судьбе пророка. Ср. в "Прологе" поэмы "Возмездие":

Но песня – песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот – голову его на блюде
Царю плясунья подает (СС-8з. С. 302).

Всё спит – дворцы, каналы, люди, // Лишь призрака скользкий шаг... – Ср. сходное впечатление от ночного Дворца дождей в книге А.А. Трубникова: "Я верю, ночью там непокойно: в золотых залах – шаги, шепот, шорох, шелест шелка... В тюрьмах – вздохи, рыдания. Иначе быть не может" (Трубников А.А. Моя Италия. С. 10).

Другие редакции и варианты

... *площадь, там где люди // Тоскливо кормят голубей...* (ЗК₂₆). – Ср. в книге П.П. Перцова "Венеция": «...по всей Пьяцце (площадь св. Марка. – *Ред.*) шумят и мелькают голуби – тоже св. Марка. Эти голуби – не простые птицы: они обитают на

площади из поколения в поколение уже несколько столетий. Это – "местная" птица... (...) Во времена республики прокормление этих голубей составляло одну из обязанностей правительства. (...) Теперь эту заботу приняли на себя туристы, и во всякое время можно видеть на площади толпу иностранцев (...) со свертками бумаги, наполненными зерном, а вокруг них – шум, сбор и волнение птичьей стаи» (Перцов П. Венеция. С. 7–8).

Плясунья в тунике прозрачной // Лобзает голову мою! (ЧН₂ ЗК₂₈, Т₇; ср. также вар. ЧН₂ ЗК₂₈: "Как обнаженная царица // Целует голову в уста"). – Эпизод, когда Саломея целует в уста отсеченную голову Иоанна Крестителя (Иоканаана), является ключевым в финале трагедии О. Уайльда "Саломея" (Уайльд О. Т. 3. С. 332–335).

3. "СЛАБЕЕТ ЖИЗНИ ГУЛ УПОРНЫЙ..."

(С. 71)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₂₇. Л. 5–5 об., 7–8; ЧН₁ – ЗК₂₈. Л. 3 об. – 4, 6 об. – 8 (даны в вариантах к стихотворению "Всё это было, было, было..."); ЧН₂ – ЗК₂₈. Л. 9–9 об., "26 августа"; БА – Т₇. Л. 25 об. – 26 ("Дума"), "26 Август (–Сентябрь) Шахматово"; печ. тексты – НР НЧ. Л. 83 ("Венеция", заглавие – автограф); Кор₃ НЧ. Л. 124–125 ("Венеция"); НР III₁. Л. 77; Кор₂ Земли. Л. 80 об. – 81.

Впервые: Аполлон. 1910. № 4. С. 44. 2-я паг., в цикле ИС, второе в подцикле "Венеция".

Публикации: НЧ. С. 124–125 ("Венеция"), четвертое в цикле ИС; III₁. С. 134–135, в цикле ИС, второе в подцикле "Венеция"; III₂. С. 83–84, в цикле ИС, третье в подцикле "Венеция"; III₃. С. 124–125.

Первоначальные наброски стихотворения в ЗК₂₇ и ЗК₂₈, сделанные в июле–августе 1909 г., входят в общий черновик, связывавший в едином замысле наброски к стихотворениям "Всё это было, было, было...", "Слабееет жизни гул упорный...", "Кольцо существованья тесно...". См.: Быстров В.Н., Ясенский С.Ю. О воплощении одного поэтического замысла А. Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 140–145. Вычленение этих набросков разрушило бы целостную картину формирования исходного замысла.

Судя по датировке в ЗК₂₈, стихотворение обрело самостоятельный характер 26 августа 1909 г., когда Блоком были написаны первая и заключительная строфы основного текста. Эти строфы с вариантами и набросками (а также вторая строфа) и воспроизводятся в вариантах к данному стихотворению.

Перед заключительными набросками в ЗК₂₈ запись: «Не могу писать. Мож(ет) быть, не нужно. С прежним "романтизмом" (недоговариваньем и т.д.) борется что-то, пробиться не может, а только ставит палки в колеса» (Л. 8 об. – 9).

В Т₇ стихотворение имеет заглавие "Дума" и эпиграф, заключенный затем в скобки и не вошедший в печатный текст: "Слабееет моря гул прощальный"; под именем Мережковского, которому принадлежит эта строка, позднее приписано карандашом: "или Ек. Бекетова?". Ст. 13, 18 в Т₇ исправлены на основной текст, вероятно, при подготовке первой публикации.

В НР НЧ подчеркнуты: в ст. 2 "вспять", в ст. 24 "Священной шалью"; в ст. 11 зачеркнуто: "В грядущем мраке"; напротив на полях помета: "?!".

Окончательный текст – "Аполлон" (в НЧ – заглавие и вар. в ст. 10).

П.П. Перцов, процитировав третью и четвертую строфы стихотворения, иронически писал: "Обо всем спрашивали поэты, всё воспели. Но воспеть свое собственное зачатие – этого, кажется, никому еще не приходило в голову. Надо отдать справедливость Ал. Блоку. Он побил своего рода рекорд поэтической беспардонности" (*Искатель жемчуга* [Перцов П.]. Литературные ракушки // Новое время. 1912. № 12911. 21 февр. С. 5).

В стихотворении отразилась распространенная в начале века идея "вечного возвращения". См. о восприятии ее Блоком в книге: *Максимов I*. С. 78–87. Ср. также в коммент. к стих. "Всё это было, было, было...".

Слабеет жизни гул упорный. // Уходит вспять прилив забот. – П.П. Муратов, описывая Венецию, отметил, в частности, что "все здесь внушает чувство покоя, какого не бывает в жизни. Все напоминает давний, забытый сон" (*Муратов П. Образы Италии*. Т. 1. С. 20).

И некий ветер сквозь бархат черный // О жизни будущей поет. – Ср. сходный образ в стих. Андрея Белого "Время" (1907):

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы

(*Белый Андрей*. Урна.
М., 1909. С. 118)

...Потомок дожа, // Купец, рыбак, иль иерей... – *Дож* – избравшийся пожизненно глава венецианской республики. *Иерей* – священник.

...Канцоной нежной слух пленя... – *Канцона* (Canzone) – по-итальянски значит "песня". Как стихотворная форма, канцона – стихотворение из 5–7 строф любого строения. Жанр возник в средневековой поэзии трубадуров. Канцоны писали Данте и Петрарка.

...Открыть у львиного столба? – О "львином столбе" см. в коммент. к стих. "Холодный ветер от лагуны...".

...Священной шалью оградить? – О "священных шальях" венецианок Блок упоминает в записи от 10 мая 1909 г. (ЗК. С. 133). Ср. также в примеч. к *III₁*: "Черные шали с бахромой – до сих пор неизменная принадлежность костюма венецианок; их накидывают и носят особенно" (С. 193).

Другие редакции и варианты

Эпиграф: Слабеет моря гул прощальный (*T₇*) – первая строка стих. Д.С. Мережковского "Addio Napoli" (1891) (опубл.: *Мережковский Д.* Символы. СПб., 1892. С. 237–238).

ПЕРУДЖИЯ

("День полувеселый полустрадный...")

(С. 72)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – ЗК₂₆. Л. 13; 31; *БАП* – *T₇*. Л. 56 об.; печ. тексты – *НР₂ III₁*. Л. 77; *РЭ III₁*. Л. 73 об.; *Кор₁ Земли*. Л. 54; *Кор₂ Земли*. Л. 81 об.

Впервые: *III₁*. С. 136, с эпиграфом: "Carita, justicia, fide".

Публикации: *III₂*. С. 85; *III₃*. С. 126.

Набросок в *ЗК*₂₆ относится к маю 1909 г. Слова, послужившие эпиграфом в *Т*₇ и *III*₁, записаны в *ЗК*₂₆ (Л. 23) позднее, чем набросок, приблизительно в конце мая: "Carita justicia fide (слова девушки – на склоне вечерней горы – Перудж(ия) – и на пут(и) в Сполето)". Правка в *Т*₇ и *РЭ III*₁, приводящая текст к основному (зачеркнуты эпиграф и ст. (10)), сделана при подготовке *III*₂. В *Т*₇ над зачеркнутым эпиграфом запись: "! На каком это языке!?". Внизу под текстом помета: "(то же, что предьд(ущее))"; имеется в виду стих. "Сиенский собор" (Л. 55 об. – 56), оконченное (или исправленное) 5 мая 1911 г. Этим временем отмечен завершающий этап работы и над данным стихотворением.

Окончательный текст – *III*₂.

В письме к В. Брюсову от 2 октября 1909 г. Блок назвал Перуджию в числе наиболее полюбившихся ему мест Италии.

В очерке "Немые свидетели" Блок писал об этом городе: «Мы налюбовались Перуджией – "столицей" Умбрии, родины св. Франциска; и сама она – родина Перуджино и Рафаэля. Вот – три светлейших имени; если прибавить сюда, что высокий холм Перуджи тонет в голубоватом воздухе, мягко озаряется солнцем, омывается прохладными дождями и струями нежнейшего ветра, – остается только удивиться тому, что видишь и что вспоминаешь (имеется в виду контраст между непосредственным впечатлением и возникающими в памяти картинами кровавой истории средневековой Перуджи. – *Ред.*)» (*СС-85*, С. 391). *Рафаэль Санти* (1483–1520) – великий итальянский художник эпохи Возрождения. О св. Франциске и Перуджино см. ниже.

...*Голубая даль от Умбрских гор.* – В письме к Вяч. Иванову от 8 июня 1909 г. Блок, в частности, отметил: "Нагляделся на красоту Умбрских гор" (*БС-2*, С. 375). Ср. в стих. Вяч. Иванова "Красота": "Вижу вас, божественные дали, // Умбрских гор синеющий кристалл!" (*Иванов Вяч.* Кормчие звезды. СПб., 1903. С. 3).

...*За окном открытым – громкий хор.* – В очерке "Немые свидетели" Блок, описывая Перуджию, упоминает "хор опереточной труппы, разучивающей свой репертуар за открытыми окнами театрального сарая" (*СС-85*, С. 395).

Там – в окне, под фреской Перуджино... – *Пьетро Перуджино* (Кристофоро Ваннуччи) (1452–1523) – итальянский художник раннего Возрождения; родился в Умбрии, в Перуджи, откуда и произошло его прозвище. Ср. о нем в книге Р. Мутера: "Перуджино – дитя гористой Умбрии... (...) На его картинах лежит отпечаток характера его родины (...) Он был одним из первых, открывшим таинственные нити, соединяющие настроение пейзажа с человеческою душой" (*Мутер Р.* История живописи. СПб., 1901. Т. 1. С. 188, 181). Возможно, в стихотворении речь идет о цикле фресок, написанных Перуджино в 1499–1500 гг. в Collegio del Cambio (здание служило своего рода биржей или домом для купцов), где Блок видел и фреску Дж. Манни "Благовещение", вызвавшую замысел стих. "Благовещение" (см. коммент. к нему).

...*монастырь Франциска...* – Имеется в виду монастырь св. Франциска Ассизского, средневековый готический храм в Ассизи, недалеко от Перуджи. Ср. о нем в книге И. Тэна "Путешествие по Италии": "Здесь три церкви, одна над другой, все расположенные над гробницей святого Франциска" (*Тэн И.* Путешествие по Италии. Т. 2. С. 15). *Франциск Ассизский* (1182–1226) – один из выдающихся деятелей христианства, основатель ордена нищенствующих монахов, проповедник бедности и смирения.

Эпиграф: Carita, justicia, fide (*Т₇, III₁*). – Латинский текст записан Блоком неточно; нужно: "Caritas, justitia, fides" ("Любовь, справедливость, вера").

ФЛОРЕНЦИЯ

Во Флоренцию Блок приехал после Венеции и Равенны. В письме к матери от 13 мая 1909 г. он отметил: "Флоренция – совсем столица после Равенны. Трамваи, толпа народу, свет, бичи щелкают". Отношение Блока к Флоренции было очень сложным, противоречивым. Вероятно, нигде больше за время своего путешествия он столь остро и болезненно не переживал контраст между богатым прошлым и бедным настоящим Италии. Порой город вызывал в нем чувства почти воинственной неприязни. Подытоживая свои впечатления от итальянских городов, Блок в письме к матери от 19 июня 1909 г., в частности, писал: "... проклинаю Флоренцию..." В письме к В. Брюсову от 2 октября 1909 г. он также отметил, что Флоренция полюбилась ему меньше всего, что он видел. Его поразило здесь господство цивилизации, уродующей душу человека. Эти блоковские настроения с публицистической отчетливостью отразились в первом стихотворении цикла ("Умри, Флоренция, Иуда..."). О двойственности, обманчивости облика Флоренции Блок писал в очерке "Маски на улице" ("Молнии искусства". СС-85. С. 388–390).

А. Дерман связывал столь суровое отношение Блока к Флоренции с восприятием им жизни города вообще: "Она до такой степени в целом чужда и даже враждебна ему, он до того сильно – я сказал бы, болезненно – реагирует на то, что принято считать признаком, так сказать, городского здоровья: шум, движение, многообразие города, что все это он воспринимает как оскорбление жизни. Достаточно ему столкнуться со стихией городской жизни во Флоренции, чтобы для него исчезла прелесть последней. Кто жила в Флоренции, тот, вероятно, с удивлением прочтет посвященные ей стихи Блока. (...) Эти стихи едва ли вызовут сочувственный отклик у читателя, ибо не всякий до такой степени отдается в плен мгновению, отрывочному впечатлению, как Блок, от которого так характерно скрылась Флоренция за своим случайным и тонким налетом" (Дерман А. Об Александре Блоке. С. 61–62).

Цикл "Флоренция" складывался как бы в два этапа. В сб. "Ночные часы" (1911) были опубликованы два стихотворения в составе "Итальянских стихов": "Умри, Флоренция, Иуда..." (под заглавием "Флоренция") и "Голубоватым дымом..." (под заглавием "Флоренция"). Впервые цикл под названием "Флоренция" возник в *III₁*. В него вошли три стихотворения: два названных и стих. "Флоренция, ты ирис нежный...". Второй стадией формирования цикла можно считать публикацию остальных четырех текстов из его канонического состава в журн. "Русская мысль" (1914. № 5): "Под зноем флорентийской лени...", "Страстью длинной, безмятежной...", "Жгут раскаленные камни...", "Окна ложные на небе черном...". Они образовали своего рода особую редакцию цикла (также под названием "Флоренция"). При подготовке *III₂* Блок соединил стихи о Флоренции, вошедшие в *III₁* и опубликованные в *PM*, исключив при этом стих. "Умри, Флоренция, Иуда...". Остальные тексты он расположил в следующем порядке: "Голубоватым дымом...", "Флоренция, ты ирис нежный...", "Страстью длинной, безмятежной...", "Жгут раскаленные камни...", "Окна ложные на небе черном...", "Под зноем флорентийской лени...". В *III₃* Блок восстановил первое стихотворение цикла, а стих. "Голубоватым дымом..." сделал завершающим.

Ю. Верховский уделил особое внимание циклу, посвященному Флоренции. Он отметил присущую ему смену ритмов, чередование ямбов ("Умри, Флоренция, Иуда..."), "гимна" ("Флоренция, ты ирис нежный..."), "страстных и томных хореев",

снова ямба и, наконец, песни ("Голубоватым дымом..."). "Если даже как раз только перебойми, – считал Ю. Верховский, – музыкальными интермедиями являются такие напевы, – разве от этого они менее убедительно свидетельствуют о высоких взлетах, о творческих достижениях. Эти взлеты могут возносить и в темное небо, эти достижения могут погружать и в бездонную глубину, где видно иное, свое небо" (Верховский Ю. Восхождение (к поэтике Александра Блока) // Об А. Блоке. С. 200–201).

1. "УМРИ, ФЛОРЕНЦИЯ, ИУДА..."

(С. 73)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₆*. Л. 7–9, 34 об. – 35; *АСП – Т₇*. Л. 18–18 об., рукой Л.Д. Блок, "Firenze-Spoleto. Май – июнь"; *БАП – НР НЧ*. Л. 84–84 об. ("Флоренции"), ["Firenze-Spoleto. Май–июнь"]; печ. тексты – *НР₂ III₁*. Л. 77; *Кор₁ Земли*. Л. 54–55; *Кор₂ Земли*. Л. 82–82 об.

Впервые: *НЧ*. С. 126–127, пятое в цикле *ИС*, под загл. "Флоренции", без ст. 9–12.

Публикации: *III₁*. С. 136–137, в цикле *ИС*, первое в подцикле "Флоренция"; *III₃*. С. 127–128.

Черновые наброски на л. 7–9 в *ЗК₂₆* сделаны в мае 1909 г. во Флоренции; наброскам на л. 34 об. – 35 предшествует помета: "Продолж(ение) [Опять] проклятия Флоренции" (они относятся к началу июня; следующая за этими набросками запись датирована 7-м июня). Обозначение порядка строф в *ЗК₂₆* сделано после того, как были записаны все восемь строф первоначального текста. В такой последовательности они и были воспроизведены в *Т₇*. При подготовке публикации в *НЧ* ст. 1 был приведен к основному тексту, изъяты ст. 9–12 и две строфы первоначального текста между ст. 16 и 17 (ст. 17–24) зачеркнуты в *Т₇* и *НР НЧ*).

В *РЭ III₁* Блок первоначально исключил вторую строфу, затем зачеркнул все стихотворение; в *III₂* оно не вошло.

Стихотворение в составе цикла было послано 3 ноября 1909 г. С.К. Маковскому для публикации в журн. "Аполлон". Блок, как бы предвосхищая возможные возражения со стороны редакции, писал С.К. Маковскому: «В частности, я заранее вступаю за первую "Флоренцию" (вместе с этим стих. Блок послал стих. "Голубоватым дымом..." – *Ред.*), которую, вероятно, никто не одобрит. Но, право, это – не кощунство, а "выстраданное" переживание, так что мне оставалось только вычеркнуть несколько совсем остервенелых строф». После того как С.К. Маковский отказался печатать оба стихотворения, посвященные Флоренции, Блок не стал отстаивать первое из них, что явствует из его письма к редактору "Аполлона" от 23 декабря 1909 г.: «... я уступил Вам только первую "Флоренцию", но не вторую».

А. Дерман в статье "Об Александре Блоке" привел 4-ю и 5-ю строфы стихотворения, в которых наиболее отчетливо, по его мнению, выразилось отношение поэта к Флоренции: "Та наружная суета и налет современности, которые столь мало характерны и случайны для Флоренции, так мало заслоняют ее святую прелесть, убили последнюю в глазах Блока" (С. 62).

Умри, Флоренция, Иуда... – Анализируя статью Льюси Вогл "Блок в краю Данте" (опубл. в журн. "Russian Review". 1967. № 3), С. Небольсин отметил: «Верно, что мрачный общий тон стихов о Флоренции и обращения "Иуда", "изменница", выбранные для

Флоренции Блоком, объясняются тем, что Флоренция для Блока – это не просто город капиталистической цивилизации, а город, в свое время отвергший и изгнавший своего поэта – Данте» (*Небольсин С. Александр Блок и современное западное литературоведение // Русская литература и ее зарубежные критики. М., 1974. С. 321–322*). Подобное утверждение имеет определенные основания, особенно если учитывать широкий смысловой контекст "Итальянских стихов" в целом.

...*Исчезни в сумрак вековой!* – В письме к матери от 25–26 мая 1909 г. Блок, выражая свое крайне негативное отношение к Флоренции, в частности, писал: "Остаются только несколько дворцов, церквей и музеев, да некоторые далекие окрестности, да Боболи (парк во Флоренции), – остальной прах я отрясаю от своих ног и желаю ему подвергнуться участи Мессины". Мессина – итальянский город, подвергшийся в 1908 г. разрушительному землетрясению.

Я в час любви тебя забуду... – Ср. в стих. "Сиенский собор": "Когда-нибудь придет он, строгий, // Кристально-ясный час любви".

O, Bella, смейся над собою, // Уж не прекрасна больше ты! – *Bella* – Прекрасная (*итал.*) – распространенное в Италии название Флоренции.

Гнилой морщиной гробовую // Искажены твои черты! – Ср. в стих. "Равенна": "Дома и люди – всё гроба". Ср. также сходный образ в стих. "Тропами тайными, ночными..." (1907) из "Ямбов": "Довольных сытое обличье, // Сохройся в темные гроба! <...> Гроба, наполненные гнилью..." (о генеалогии образа см. в коммент. к этому стих.).

Хрипят твои автомобили... – Ср. запись от (15 мая), сделанную Блоком во Флоренции: "Звонки и хрипы автомобилей – ведь это все от отчаянья – назло. Такими сотворил их Город. Скоро он задушит нас всех..." (*ЗК. С. 135*).

... *Твои уродливы дома, // Всевропейской желтой пыли // Ты предала себя сама!* – Ср. в письме Блока к матери от 25–26 мая 1909 г.: "... Флоренцию я проклиная не только за жару и мушкетеров, а за то, что она сама себя предала европейской гнили, стала трескучим городом и изуродовала почти все свои дома и улицы". Есть основания предполагать значимость в контексте стихотворения контраста желтого и синего ("синий сон") цветов, который является одним из планов смыслового противопоставления "святость – предательство"; см. об этом в статье С. Даниэля "Поэтика Александра Блока и живопись" (С. 19).

Звенят в пыли велосипеды // Там, где святой монах сожжен... – Имеется в виду Джироламо Савонарола (1452–1498), монах ордена св. Марка, проповедник, выступивший против папы римского. Тело его после казни было сожжено на площади Синьории во Флоренции. У флорентийцев в течение нескольких столетий существовал обычай усыпать цветами в день смерти Савонаролы то место на площади, где он был подвергнут казни. Ср.: "Историческое величие Савонаролы заключается для нас в том, что он осмелился верить, когда все сомневались, в том, что он выступил <...> против скептического цинизма философов, выдвигая на первый план забытые и осмеянные права христианства, свободы и разума. <...> Он первый признал в добродетели прочное основание для религии и истинный рычаг свободы... <...> Он жаждал всего идеального в христианском смысле этого слова, настойчиво твердил современникам, что без добродетели, без самоотречения, без нравственного величия, как отдельный человек, так и целое общество, неминуемо идут к гибели. <...> Вере в добродетель, освящаемую религией и освящающую человеческую свободу, он посвятил всю свою жизнь и за нее умер. В итальянском Возрождении <...> Савонарола является фигурой героической, окруженной ореолом мученичества, несмотря на все свои суеверия, ошибки, галлюцинации и слабости" (*Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913. Т. 1. С. X–XI. 2-я паг.*; эта книга была в библиотеке

Блока, см.: *ББО-3*. С. 216). О Савонароле см. также в кн. Роберта Зайчика "Люди и искусство итальянского Возрождения" (С. 198–214).

...*Где Леонардо сумрак ведал... – Леонардо да Винчи* (1452–1519) – великий итальянский художник и ученый эпохи Возрождения. В письме к матери от 19 июня 1909 г. Блок писал: «Леонардо и все, что вокруг него (а он оставил вокруг себя необозримое поле разных степеней гениальности – далеко до своего рождения и после своей смерти) меня тревожит, мучает и погружает в сумрак, в "родимый хаос"». О "сумраке", который ведом художнику, Блок писал 3 сентября 1909 г. Е.П. Иванову: "О том, что мир явлений телесных и душевных есть только хаос, нечего распространяться, это должно быть известно художнику (и было известно Эсхилу, Данту, Пушкину, Беллини, Леонардо, Микель-Анджело и будет известно будущим художникам)". Ср. заметку Блока в записной книжке, датированную 18 мая 1909 г.: «Монахиня срисовывает "Благовещенье" Леонардо... А он понимал, кажется, что воздух – черный...» (*ЗК*. С. 137). Эту мысль Блок развил позднее в статье "О современном состоянии русского символизма": "... искусство есть чудовищный и блистательный Ад. Из мрака этого Ада выводит художник свои образы: так Леонардо заранее приготавливает черный фон, чтобы на нем выступали очерки Демонов и Мадонн..." (*СС-85*. С. 434). Ср. также в кн. Р. Мутера о картине Леонардо да Винчи "Мона Лиза Джоконда": "Этот фантастический сине-черный мир, грозovým зноем и темнотою окружающий бледную женщину, так же таинственен и сказочно непостижим, как и существо, которое в нем находится" (*Мутер Р.* История живописи. Т. 1. С. 216).

...*Беато снился синий сон! – Беато Анджелико* (Фра Джованни да Фьезоле) (1387–1455) – итальянский художник эпохи позднего средневековья. В 1407 г. он стал монахом доминиканского монастыря во Фьезоле, где принял имя Джованни ("фра" значит монах, буквально "брат"). В 1436 г. вся братия переселилась из Фьезоле в монастырь Сан Марко во Флоренции, где фра Джованни украсил фресками множество внутренних помещений. Блок в записи от 15 мая, назвав художника "пленительным", отметил: "Нужнее всех (даже Боттичелли) – Фра Беато" (*ЗК*. С. 134). 18 мая Блок сделал краткое описание картины фра Беато "Рождение Иоанна Крестителя": "Мать (в зеленом) с Ваней и пятью девушками (подругами) (красная, синяя, желтая) пришла к святому старику для метрической записи. (...) Старик записывает у стены под синим небом на веселом лужку. Сзади – полутемный коридор, за ним – зеленый просвет (чего я хотел, то отчасти и задумал Фра Беато). Краски, по обыкновению, детские, веселые, разнообразные" (*ЗК*. С. 137–138). Блок очень высоко оценил творчество фра Беато Анджелико. В письме к матери от 25–26 мая 1909 г. из Флоренции он, в частности, писал: "Так же, как в Венеции – Беллини, здесь – Фра Беато стоит на первом месте, не по силе, – а по свежести и молодости искусства". Ср. об особенностях дарования фра Беато в книге Р. Зайчика: "В его фресках и картинах обнаруживается безыскусственность и прозрачная ясность души, чистой и свободной от всяких страстей; его творчество – выражение наивной и благочестивой души, не знающей никаких внутренних противоречий и раздвоенностей. (...) В его произведениях встает перед нами человек чуткой души и прирожденной сердечной доброты, выражающий на скромном языке красок свои надежды и желания, повинувшись искреннему внутреннему влечению, и передающий чистые образы своей фантазии с трогательной кротостью и любовью. (...) В его совершенно безыскусственной передаче красок закладывается что-то одухотворенное, какой-то мистический и вместе с тем ясный восторг..." (*Зайчик Р.* Люди и искусство итальянского Возрождения. С. 228, 229). Ср. также у Р. Мутера: "... можно забыть все земное, когда стоишь перед картинами Фьезоле. (...) Тысячи художников, явившихся после него и обладавших гораздо большими техническими средствами, писали царство небесное, но ни в каком

раю так не хотелось бы жить, как в раю Фьезоле – в этом невинном, чудном мире, где всегда воскресенье..." (*Мутер Р.* История живописи. Т. 1. С. 44, 45).

Ты пышных Медичей тревожишь... – *Медичи* – знаменитый род флорентийских банкиров и политических деятелей. Благодаря богатствам, дальновидной политике и щедрому покровительству наукам и искусствам, этот род достиг в XV в. абсолютной власти во Флоренции. Наибольшую известность среди членов династии Медичи получили Козимо Старший (1389–1464) и, особенно, его внук Лоренцо Великолепный (1449–1492), могущественный меценат, выдающийся политик и поэт своего времени.

... *Ты топчешь лилии свои...* – *Лилия* – символический знак, входящий в герб Флоренции. Белая лилия является в христианстве традиционным символом святости, чистоты и праведности.

Гнусавой мессы стон протяжный... – *Месса* – название литургии (христианского богослужения) у католиков. В вокальном искусстве – термин (*missa voce*), обозначающий протяжное пение.

... *И трупный запах роз в церквах...* – В ряде западноевропейских стран роза – цветок, связанный со смертью, с похоронами. Ср. у Г. Гейне в новелле "Бахаракский равнин": "Трупами пахла цветы". Эта строчка подчеркнута Блоком в принадлежавшем ему экземпляре книги из Полн. собр. соч. Г. Гейне (Т. 3. 2-е изд. СПб., 1904. С. 476; см.: *ББО-1*. С. 200). Возможно также, что Блок подразумевал запах увядающих роз.

Другие редакции и варианты

Забить, забыть в полях блаженных... (*ЧН ЗК₂₆*) – "Поля блаженных" – синоним "елисейских полей", место забвения, отдохновения души, успокоения духа, противопоставленное миру Города (ср. в набросках, примыкающих к данной строфе черновика: "Прощай же город { } продажный // Забуду я в полях..."). В письме к матери от 1 апреля 1910 г. Блок, касаясь этой актуальной для него в то время темы, писал: "Действительно, во мне все крепче полевая мысль". О "полях блаженных" Блок писал в письме к А.И. Арсенишвили от 8 марта 1912 г.: «...для Вас стихи тех поэтов, о которых Вы пишете, (и мои), как "елисейские поля" – благоуханные цветущие поляны... прошлого. (...) В этом же смысле могу сказать: "не люблю я стихов" – т.е. "слишком, болезненно люблю", за то, что все прошедшие стихи (и мои в том числе) способны стать вдруг "полями блаженных", царством забвения. Чем меньше сил для жизни, тем слаще забвение».

В Palazzo Vecchio впуская // Своих чиновников стада... (*ЧН ЗК₂₆, Т₇, НР НЧ*) – *Palazzo Vecchio* – Старый дворец (1298–1314), находящийся на площади Синьории; имеет вид средневекового замка с бойницами и башнями. В нем заседало сначала правительство Флорентийской республики, а позднее – герцогов Тосканских. Служит городской ратушей.

Пред пышным, многоцветным Диото... (*ЧН ЗК₂₆, Т₇, НР НЧ*) – *Диото* – главный флорентийский собор, *Santa Maria del Fiore*.

2. "ФЛОРЕНЦИЯ, ТЫ ИРИС НЕЖНЫЙ..."

(С. 73)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₂₅*. Л. 14; *БА* – *Т₇*. Л. 57 ("Флоренции"); печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 78; *Кор₂ Земли* Л. 82 об.

Впервые: *III₁*. С. 138–139, в цикле *ИС*, третье в подцикле "Флоренция".

Публикации: *III₂*. С. 87, в цикле *ИС*, второе в подцикле "Флоренция"; *III₃*. С. 128.

ЧН ЗК₂₅ записан в середине мая 1909 г. (предшествующая запись на л. 13 дати-

рована 16-м мая). Вверху над текстом помета: "утро Кашины". В T_7 записан канонический текст, за исключением заглавия ("Флоренция"); внизу – помета: "(то же)"; имеется в виду датировка завершения работы над текстом перед публикацией в III_1 (наряду со стих. "Сиенский собор" и "Перуджия") – 5 мая 1911 г.

Окончательный текст – III_1 .

...*Весь день в пыли твоих Кашин?* – Ср. запись Блока от 14 мая: "Мы уехали с отвратительно гремучей Galzaioli (улица во Флоренции. – *Ред.*) и поселились в тихом пансионе вблизи от Кашин и Арно" (*ЗК*. С. 134). *Кашины* – парк в пригороде Флоренции, отличавшийся изобилием ирисов. Образ "пыль Кашин" связан именно с ирисами; ср. в стих. "Голубоватым дымом...": "Дымится пыльный ирис...". *Арно* – река, на берегах которой раскинулась Флоренция.

О, сладко вспомнить безнадежность: ~ Своей стареющей души... – В очерке "Маски на улице" Блок писал о Флоренции: "Всё – древний намек на что-то, давнее воспоминание, какой-то манящий обман" ("Молнии искусства". *СС-85*. С. 389). Ср. также в книге П. Муратова: "Ближе всего к Флоренции тот, кто любит. Для пилигримов любви она священна; в ее светлом воздухе легче и чище сгорает сердце. Счастье любви здесь благороднее, страдание прекраснее, разлука сладостнее" (*Муратов П. Образы Италии*. Т. 1. С. 151).

Другие редакции и варианты

Флоренция – ты ирис нежный // Страны, где я когда-то жил... (*ЗК₂₅*) – В 1888 г. Блок некоторое время жил во Флоренции с матерью и теткой, М.А. Бекетовой (см. об этом: *Бекетова М.А.* Александр Блок и его мать. М.; Л., 1925. С. 20–22). Ср. в письме к матери от 13 мая (н. ст.) 1909 г. из Флоренции: "...я очень смутно помню направления только и, пожалуй, – Арно, а все остальное – ничего не напоминает". Возможен также символический подтекст (память о "прошлой жизни"). Ср. в стих. Брюсова "Венеция" (1902): "Здесь – пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила" (*Брюсов В. Пути и перепутья*. Том. 2. С. 93).

Твой дымный ирис будет сниться, // Как первая любовь... (*ЗК₂₅*) – Воспоминания о первой любви были связаны у Блока с К.М. Садовской (см. о ней в т. 1 наст. изд., с. 423). Ср. в стих. "Уже померкла ясность взора..." из цикла "Через двенадцать лет": "Встал предо мной, как редкий дым, // Тот призрак, тот непобедимый..." (см. также вступительную заметку к циклу "Через двенадцать лет"). Ср. контрастный мотив в первом стихотворении цикла "Флоренция": "Я в час любви тебя забуду...".

3. "СТРАСТЬЮ ДЛИННОЙ, БЕЗМЯТЕЖНОЙ..."

(С. 74)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₂₅*, *Л. 14 об.*; *ЧА* – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1 ("Страстью длинной, безнадежной..."), "Fir(enze) 1909"; *БА* – *Т₈*. Л. 52 ("Флоренция"), "(Fir(enze) 1909) – 17 III 1914"; *Кор₁ Земли*. Л. 55; *Кор₂ Земли*. Л. 83.

Впервые: *РМ*. 1914. № 5. С. 2. 1-я паг., в цикле *ИС*, второе в подцикле "Флоренция".

Публикации: III_2 . С. 88, в цикле *ИС*, третье в подцикле "Флоренция"; III_3 . С. 129.

ЧН ЗК₂₅ записан приблизительно 17–18 мая 1909 г. Он сопровождается пометой:

"Днем – в Баболи". *ЧА ИРЛИ* представляет собой первоначальный набросок чернилами, включающий пять строк (к нему относится помета: "Fir(enze) 1909"), и текст стихотворения, записанный карандашом (он создан, согласно датировке в *T₈*, 17 III 1914 г.). Верхний слой текста *ЧА ИРЛИ* близок к основному, за исключением ст. 1.

Окончательный текст – *РМ*.

...*Ирис дымный, ирис нежный...* – Об образе "дымного ириса", сквозном в цикле, см. в коммент. к стих. "Жгут раскаленные камни..."

Другие редакции и варианты

Страстью длинной, безнадежной... (*ЧА ИРЛИ*) – Ср. в стих. "Флоренция, ты ирис нежный...": "Любовью длинной, безнадежной..."

4. "ЖГУТ РАСКАЛЕННЫЕ КАМНИ..."

(С. 74)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₂₅*. Л. 17 об.; *ЧН₂ – ЗК₂₆*. Л. 6 об.; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 1 ("Флоренция"), "Fir(enze) 1909 – 27 II 1914"; *БА – Т₈*. Л. 46 ("Флоренция"), "Firenze 1909 – 27 II 1914"; *Кор₁ Земли*. Л. 56; *Кор₂ Земли*. Л. 83.

Впервые: *РМ*. 1914. № 5. С. 2–3. 1-я паг., в цикле *ИС*, третье в подцикле "Флоренция".

Публикации: *III₂*. С. 88, в цикле *ИС*, четвертое в подцикле "Флоренция"; *III₃*. С. 129.

ЧН₁ ЗК₂₅ относится ко второй половине мая 1909 г. *ЧН₂ ЗК₂₆* был записан в самом конце мая 1909 г. Эти фрагменты вошли в текст первоначального наброска *ЧА ИРЛИ*, к которому относится первая дата: "Fir(enze) 1909". В результате значительной переработки этого наброска 27 II 1914 г. был создан текст, близкий к основному, за исключением заглавия ("Флоренция"), строфики и порядка расположения стихов (ст. 1–4 следуют после ст. 5–8). Зачеркнутые ст. (3–4) первоначального наброска *ЧА ИРЛИ* близки заключительному двустихию стихотворения "Окна ложные на небе черном...".

Окончательный текст – *РМ* (в *III₂* – с делением на четверостишия).

А. Рашковская использовала образы стихотворения для характеристики настроений Блока эпохи "третьего тома": "Пилигрим страны неведомой, он странствовал и здесь в постылом и повторном круге земли, и это теплое и приветное для других небо Италии было черно для него, это там, в стране бездумной радости, горько размышлял он:

О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть,
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь"

(*Рашковская А.*

Мотивы поэзии

Александра Блока //

Вестник литературы.

1921. № 8. С. 10)

Дымные ирисы в пламени, // Словно сейчас улетят. (Ср. также вар. в *ЧА ИРЛИ*: "Дымные ирисы клонятся, // Словно хотят улететь".) – О "голубых ирисах" в парке Кашины Блок писал в очерке "Маски на улице": "Когда случайный ветер залетит в неподвижную полосу зноя, – все они, как голубые огни, простираются в одну сторону, точно хотят улететь" ("Молнии искусства". *СС-85*, С. 389–390).

В черное небо Италии // Черной душою гляжусь. – Ср. запись Блока от 16 мая 1909 г.: "Утро воскресенья – следующее. Опять дьявол настиг и растерзал меня сегодня ночью. Сажу в кресле – о, если бы всегда спать. Вижу флорентийские черепицы и небо. Вон они – черные пятна. Я еще не отрезвел вполне – и потому правда о черном воздухе бросается в глаза. Не скрыть ее" (*ЗК*, С. 136). Важный для цикла (и "третьего тома" в целом) символический образ "черного неба" ("черного воздуха"), выражающий определенное состояние души (тоску, безысходность, "хаос" и т.д.), а также "темные" стороны бытия, восходит к повести Андрея Белого "Серебряный голубь" (1909; опубл. в 1910 г.): "А небо? А бледный воздух его, сперва бледный, а коли приглядеться, вовсе черный воздух?.. Вздрогнул Дарьяльский, будто тайная погрозила ему там опасность, как грозила она ему не раз, будто тайно его призывала страшная, от века заключенная в небе тайна..." (гл. первая). Блок привел этот фрагмент в статье "О современном состоянии русского символизма" в качестве одного из подтверждений своей мысли о том, что "именно в черном воздухе Ада находится художник, прозревающий иные миры" (*СС-85*, С. 434). Из воспоминаний Андрея Белого явствует, что образ "черного неба" возник в его сознании еще летом 1904 г., когда он гостил у Блока в Шахматове. Это случилось, свидетельствовал он, во время одного из важных и откровенных разговоров между ним и Блоком: «А(лександр) А(лександрович) стал говорить о себе, о своих свойствах, о своей "не" мистичности", о том, какую роль в человеке играет косность, родовое, наследственное, как он чувствует в себе эти родовые именно силы, и о том, что он "темный". (...) Помню, я был растерян и беспомощно глядел в сине-знойное июльское небо, – и небо мне казалось черным. Черное небо выступило на мгновение передо мной, а А(лександр) А(лександрович) мне сказал, что он вообще не видит в будущем для себя света, что ему – темно, что он темный, что смерть, может быть, восторжествует...» (*Воспоминания*, I. С. 287–288).

5. "ОКНА ЛОЖНЫЕ НА НЕБЕ ЧЕРНОМ..."

(С. 74)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₂₅*, Л. 16; *ЧА* – *ИРЛИ*, Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1 ("Флоренция (Площадь Синьории)"), "Fir(enze) 1909"; *БА* – *Т₈*, Л. 51 об. ("Флоренция (Площадь Синьории)"), ("Fir(enze) 1909) – 17 III 1914"; *Кор₂ Земли*, Л. 83 об.

Впервые: *РМ*, 1914. № 5. С. 3. 1-я паг., с подзаголовком "(Площадь Синьории)", в цикле *ИС*, четвертое в подцикле "Флоренция".

Публикации: *III₂*, С. 89 ("Площадь Синьории"), в цикле *ИС*, пятое в подцикле "Флоренция"; *III₃*, С. 130.

ЧН ЗК₂₅, состоящий из двух стихов, был записан во второй половине мая 1909 г. Он сопровождается пометой: "Мотив песенки, петой на площади Синьории". Это двустишие имеет в *ЗК₂₅* самостоятельный характер. Первоначально оно вошло (в чуть измененном виде) в текст чернового наброска стих. "Жгут раскаленные камни...".

ЧА ИРЛИ представляет собой набросок чернилами, состоящий из двух строк (к

нему относится дата: "Fir(enze) 1909"), и черновой текст стихотворения, записанный карандашом 17 III 1914 г. Варианты ст. 4, 6 *ЧА ИРЛИ* другими источниками не зафиксированы; вероятно, они были приведены к основному тексту при переписке стихотворения в *Т₈*. Подзаголовок ("Площадь Синьории") был снят при подготовке *III₃*. В публикациях в *РМ* и *III₂* ст. 7–8 курсивом не выделены.

Окна ложные на небе черном... – О важном для цикла образе-символе "черное небо" см. в коммент. к предыдущему стихотворению.

... *И прожектор на древнем дворце.* – Имеется в виду, вероятно, Palazzo Vecchio (Старый дворец), находящийся на площади Синьории.

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

Подзаголовок: (*Площадь Синьории*) (*ЧА ИРЛИ, Т₈, РМ, III₂*) – *Площадь Синьории* – главная площадь Флоренции.

6. "ПОД ЗНОЕМ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ЛЕНИ..."

(С. 74)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₅*. Л. 11; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1, "Июнь 1909 (Firenze) – [16 янв.] [7] 11 февр. 1914"; *БА – Т₈*. Л. 37, "[Июнь] 17 Май 1909 (Firenze) – 11 II 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 83 об.

Впервые: *РМ*. 1914. № 5. С. 2. 1-я паг., в цикле *ИС*, первое в подцикле "Флоренция".

Публикации: *III₂*. С. 89, в цикле *ИС*, шестое в подцикле "Флоренция"; *III₃*. С. 130.

ЧН ЗК₂₅ сделан, согласно уточняющей помете в *Т₈*, 17 мая 1909 г. во Флоренции (находится он, однако, между записями, датированными 15 и 16 мая). Дальнейшая работа над стихотворением относится к 16 января 1914 г., когда был создан текст *ЧА ИРЛИ*, отличающийся от основного вариантами в ст. 2, 4; 11 февраля 1914 г. Блок исправил карандашом ст. 2, 4, приведя их к основному тексту. В *ЧА ИРЛИ* в ст. 6 слово "творческую" заключено в скобках, которые при последней правке были сняты.

Окончательный текст – *РМ*.

Н. Гиляровская, высоко оценив публикацию "Итальянских стихов" в *РМ*, отмечала, цитируя вторую строфу данного стихотворения: "Поэзия – величайший дар человечества, лучшая страница его истории. Поэзия камня и слова, звука и красок, преобразенная в душе человека порывом вдохновения. Но мало ее в жизни, все меньше и меньше с каждым днем..." (*Маугли [Гиляровская Н.]*. Листки из блокнота. С. 4).

Так береги остаток чувства... – Ср. в "Думе" (1838) Лермонтова: "Мы жадно бережем в груди остаток чувства". Ср. также у Некрасова:

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, –
Нам рано предаваться ей!

(1850)

Эти строки послужили эпиграфом к статье Блока "Ирония" (1908).

...Храни хоть творческую ложь... – Идея "творческой лжи" связана с близкой Блоку романтической идеей преображения мира посредством искусства, творческой воли, фантазии и т.д. Однако этой идее присуще также и то значение, которое ей придавали художники, проповедовавшие эстетизм в искусстве. Ср., например, утверждение О. Уайльда: "Лгать, говорить прекрасные неправды – вот истинная цель Искусства" (Уайльд О. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 257). Ср. его же высказывание, приведенное на обложке альманаха интуитивистской критики и поэзии "Очарованный странник" (1914. Выд. 4) под заглавием "Апология творческой лжи": "Единственная безупречная форма лганья – это ложь ради лжи, а высшей стадией этого дарования является ложь в искусстве".¹

...Лишь в легком челноке искусства // От скуки мира уплывешь. – Восприятие искусства как сопротивления безысходности, реалиям "страшного мира", как одного из оснований жизненной веры было характерно для Блока. В контексте "Итальянских стихов" этот мотив обретает особенно важное значение (ср. стих. "Равенна", "Искусство – ноша на плечах..." и др.). В письме к матери от 19 июня 1909 г. Блок писал: "Люблю я только искусство, детей и смерть".

7. "ГОЛУБОВАТЫМ ДЫМОМ..."

(С. 76)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₂₇. Л. 9–10; ЧА (ст. 1–14) – ЗК₂₇. Л. 13–13 об.; ЧА (ст. 15–28) – ЗК₂₈. Л. 12; БА – Т₇. Л. 23 об. – 24 ("Флоренция"), "Август. Шахматово"; БА – НР НЧ. Л. 85 ("Флоренция"); печ. тексты – НР₂ III₁. Л. 78; Кор₁ Земли. Л. 57; Кор₂ Земли. Л. 84–84 об.

Впервые: НЧ. С. 128–129 ("Флоренция"), шестое в цикле ИС.

Публикации: III₁. С. 137–138, в цикле ИС, второе в подцикле "Флоренция"; III₂. С. 86–87, в цикле ИС, первое в подцикле "Флоренция"; III₃. С. 131–132.

Черновые наброски в ЗК₂₇ (Л. 9–10) были сделаны, судя по их местоположению, в начале августа 1909 г. Первые строчки этого текста ("Дымные ирисы клонятся // Словно хотят улететь...") уже были записаны ранее в ЗК₂₆ (Л. 6 об.); они вошли в состав первоначального наброска (ЧА ИРЛИ) стих. "Жгут раскаленные камни..." В тексте ЧН, кроме приведенного двустишия, остался незачеркнутым отрывок под заглавием "Демон" (Л. 10), состоящий из шести строк.

В ЧА ЗК₂₇ вошли ст. 1–14 (Л. 13–13 об.); они записаны приблизительно тогда же, когда были сделаны наброски. В ЧА ЗК₂₈ вошли ст. 15–28 (Л. 12); эта вторая половина текста записана в самом конце августа. Тексты ЧА ЗК₂₇ и ЧА ЗК₂₈ зачеркнуты. Ст. 17 в Т₇ приведен к основному тексту, вероятно, при подготовке III₃ (исправлено в Кор₁ Земли).

В примеч. к III₁ Блок отметил, что стихотворение "написано на мотив итальянской уличной песни" (С. 193).

Ю. Верховский в статье "Восхождение (к поэтике Александра Блока)" назвал стихотворение "песней, насыщенной вечерним благоуханием и истомой, и молитвой, и горечью, и сладостью любви и тоски..." (Об А. Блоке. С. 200).

Он мимо, мимо, мимо // Летучей мышью бросится // Под уличный фонарь... – Ср. в очерке "Маски на улице": "А вот в том же безумном галопе мечется по воздуху

несчастная, испуганная летучая мышь, вечная жилица всех выветренных домов, башен и стен. Она едва не задевает за головы гуляющих, сбита с толку перекрестными лучами электрических огней" ("Молнии искусства". СС-85. С. 389).

...И тешатся синьоры // Канцоной площадной... – О "канцоне" см. в коммент. к стих. "Слабеет жизни гул упорный..."

Дымится пыльный ирис... – Об образе "дымного ириса" см. в коммент. к стих. "Жгут раскаленные камни...". Ср. также в книге А.А. Трубникова в описании ночной Флоренции: "Земля в цветах. Цветы... как кадила незнаемого бога, они курятся ночью" (Трубников А.А. Моя Италия. С. 43).

...И легкой пеной пенится // Бокал Христовых Слез... – "Христовы слезы" ("Lacrima christi") – марка итальянского вина. Ср. в стих. В. Брюсова "Городу": "И нежно пенится в бокалах // Мгновений сладострастных яд" (Брюсов В. Все напевы.. С. 101).

Пляши и пой на пире, // Флоренция, изменница... – Ср. в первом стихотворении цикла: "Умри, Флоренция, Иуда..." В смысловом контексте раздела возможна аллюзия на пляску Саломеи (см. коммент. к стих. "Холодный ветер от лагуны...").

...В венке спаленных роз!.. – "В христианстве роза обретает особую символическую емкость: милосердие, всепрощение, божественная любовь, мученичество, победа. (...) После Данте роза все чаще символизирует духовное избрничество, высокое этическое совершенство, творческий порыв..." (Мифы народов мира. Т. 2. С. 386). Образ "венка спаленных роз" – символ утраты прежних высоких достоинств.

"ВОТ ДЕВУШКА, ЕДВА РАЗВИВШИСЬ..."

(С. 76)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА (первоначальная редакция) – ЗК₂₅. Л. 9 об. – 10 ("И девушки, едва развившись..."); БА – Т₈. Л. 25 ("В Сеттиньяно"), "[Июнь] 15 V 1909 (Setignano) – 16 янв. 1914"; Кор₁ Земли. Л. 57; Кор₂ Земли. Л. 85.

Впервые: РМ. 1914. № 5. С. 3–4. 1-я паг., под загл. "Сеттиньяно", восьмое в цикле ИС.

Публикации: III₃. С. 133. В другие издания не входило.

Текст первоначальной редакции в ЗК₂₅ создан, согласно уточняющей датировке в Т₈, 15 мая 1909 г. в Сеттиньяно. Текст этот имеет характер наброска, но определенная степень законченности позволяет квалифицировать его как редакцию. Дальнейшая работа над ним относится к 16 января 1914 г., когда появился текст БА в Т₈ под заглавием "В Сеттиньяно". При подготовке первой публикации были зачеркнуты ст. (8–9), которые не вошли в печатный текст. В РМ опубликован окончательный текст, за исключением заглавия (снято в III₃).

Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно... – Сеттиньяно – местечко в окрестностях Флоренции.

У выветрившегося камня Септимия Севера. – Север, Люций Септимий (146–211) – римский император (с 193 по 211 г.). Блок переписал в свою записную книжку латинскую надпись на каменной статуе, посвященную ему: "Императору Л(юцию) Септимию Северу, – за то, что он дал имя этому прелестнейшему холму, – жители,

знаменитые во всем мире живописью, скульптурой и архитектурой и долженствующие скорее быть предпочтенными (перед древними), нежели сравниваемы с ними, благодарные за столь важную заслугу, – под покровительством Козимо Медичи, знаменитого герцога Тосканы, – (установили) эту статую в 1558 г." (ЗК. С. 135).

MADONNA DA SETTIGNANO
("Встретив на горном Тебя перевале...")

(С. 77)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₂₆. Л. 26 об. – 27; АС – Т₇. Л. 19, "Spoleto 3–4 июня", рукой Л.Д. Блок; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 5, "Spoleto. 3–4 июня"; БА – ИРЛИ. Ф. 618. Ед. хр. 31. Л. 2 ("К Мадонне"), "Settignano, 1909", при письме к Н.С. Архиповой (Гурвич) от 11 янв. 1911 г.; БА – НР НЧ. Л. 81; БА – НР III₂. Л. 63; печ. текст – НР₂ III₁. Л. 76; Кор₂ Земли. Л. 85 об.

Впервые: НЧ. С. 122, второе в цикле ИС.

Публикации: III₁. С. 133, третье в разд. ИС; III₂. С. 90; III₃. С. 134.

ЧН в ЗК₂₆, согласно датировке в Т₇, был сделан 3–4 июня 1909 г. в Сполето. В Т₇ исправления, приводящие текст к основному (кроме ст. 11), внесены Блоком, вероятно, при подготовке первой публикации в НЧ. В НР НЧ ст. 2 и 4 отчеркнуты слева скобками, в ст. 6 подчеркнуто слово "сонный", напротив – вопросительный знак.

Окончательный текст – III₂.

С. Маковский в своих мемуарах привел 3-ю строфу стихотворения в подтвержденные мысли о том, что стихи Блока, обращенные к Богоматери, "не только не благоговейны, сплошь да рядом они кощунственно дерзки" (Маковский С. На Парнасе "Серебряного века". С. 153).

В примеч. к III₁ Блок писал: "Settignano – местечко в окрестностях Флоренции. Стих. это внушил мне бюст синеокой Мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный над местечком, в полугоре" (С. 193). Ср. также заметку в записной книжке от 15 мая 1909 г.: "Днем: Сеттиньяно. На огромном подъеме внезапно утоляет зной и напояет сердце прохладой Madonna – синеокая брюнетка в желтом платке с цветочками. Но подъем – опять" (ЗК. С. 135).

...Вечному путнику – мне? – Образ "путника", "странника", обретая в "Итальянских стихах" конкретное значение, связан с важнейшей для Блока идеей "пути", воплощенной в "лирической трилогии". Ср. в стих. "31 декабря 1900 года": "Бреду, как путник запоздалый..."; этот же образ – в стих. "Ты так светла, как снег невинный..." (1908). Подробнее об этом см. в статье Д.Е. Максимова "Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока" (Максимов I. С. 102–135).

Другие редакции и варианты

Мой прояснившийся; взор // Понял туманные Умбрские дали... (ЗК₂₆, БА РГАЛИ). – Ср. в стих. "Благовещение": "Умбрии ласкающая мгла".

ФЬЕЗОЛЕ

("Стучит топор, и с кампанил...")

(С. 77)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1, "Fir(enze) 1909 – 27 февр. 1914"; *БА – Т₈*. Л. 46 об., "Firenze 1909 – 27 февр. 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 86.

Впервые: *РМ*. 1914. № 5. С. 3. 1-я паг., четвертое в цикле *ИС*.

Публикации: *III₂*. С. 91; *III₃*. С. 135.

Первоначальный набросок чернилами сделан в мае 1909 г. во Флоренции. При последующей работе над текстом (27 февраля 1914 г.) этот набросок был зачеркнут, ниже записан карандашом черновой текст стихотворения, верхний слой которого идентичен основному.

Окончательный текст – *РМ*.

Стучит топор, и с кампанил... – Кампанила – колокольня.

Не так же ли стучал топор ~ Флоренцию приметил с гор? – Об итальянском средневековом художнике Фра Беато Анджелико см. в коммент. к стих. "Умри, Флоренция, Иуда...". До пятидесяти лет Фра Беато прожил в горных городках, Кортоне и Фьезоле. Затем он поселился во Флоренции, в монастыре св. Марка, где писал свои фрески.

Другие редакции и варианты

Флоренцию с высочих гор // Преметил детский взор Беато (ЧА ИРЛИ, набросок) – Детская непосредственность восприятия мира является одной из главных особенностей дарования Фра Беато Анджелико. Р. Мутер в своей книге называет его "блаженным" и характеризует так: "неглубокий художник, а просто детская душа, но среди средневековых мастеров последнего периода бывший привлекательнейшим явлением. (...) картины его действуют так же трогательно, как чистые детские молитвы" (*Мутер Р.* История живописи. Ч. 1. С. 43, 44; перев. с немецкого под ред. К. Бальмонта). Ср. также: "Детская душа Фра Анджелико часто выражает (...) мысли наиболее возвышенные, его картины – произведения истинной душевной высоты и всепобеждающей святости" (*Зайчик Р.* Люди и искусство итальянского Возрождения. С. 228).

СИЕНА

("В лоне площади пологой...")

(С. 78)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₆*. Л. 35 об. – 37 ("Siena 7 июня"). Л. 60 об. – 61 об.; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1–3, "12 февр. 1914"; *БА – Т₈*. Л. 39 об. – 40, "Июнь 1909 – 12 февр. 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 86 об.

Впервые: *РМ*. 1914. №5. С. 4. 1-я паг., шестое в цикле *ИС*, с четверостишием после ст. 20.

Публикации: *III₂*. С. 92; *III₃*. С. 136.

Первые наброски в *ЗК₂₆* (Л. 35 об. – 37) сделаны 7 июня 1909 г. Другая часть набросков относится к концу июня (Л. 60 об. – 61 об.). *ЧА ИРЛИ* был записан 12 фев-

ряля 1914 г. Верхний слой его близок к основному тексту, за исключением заглавия, ст. 3 и заключительной строфы, то есть ст. (21–24). Ст. (21–24) вошли в текст T_8 и первой публикации в PM ; были сняты при подготовке III_2 .

Окончательный текст – III_2 (за исключением вар. в ст. 14).

Н. Гиляровская особо выделила "Сиену": «Особенно хорошо стихотворение, посвященное Сиене, в которой высятся "башни – свечи Божества". Красивый образ для выражения духа готики создал А. Блок. Он говорит, обращаясь к Сиене:

От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

Иногда одно слово поэзии говорит больше, чем тома ученых исследований. Как много книг стараются определить сущность готики и дух ее стрельчатых башен, уходящих в небо. Бессознательно говорит поэт и в порыве вдохновения проникает в истинную суть вещей» (*Маугли [Гиляровская Н.]*. Листки из блокнота. С. 4).

Об истории и достопримечательностях Сиены см. в книге П. Муратова "Образы Италии" (Т. 1. С. 238–265).

Впечатления Блока от этого старинного города отразились в очерке "Вечер в Сиене", который во многом перекликается со стихотворением (см. "Молнии искусства". СС-8₅. С. 395–397).

В лоне площади пологой // Пробивается трава. – Ср. в очерке "Вечер в Сиене" о главной площади города, на которой находится Palazzo Publico ("общественный дворец"): "Вся площадь представляет из себя вогнутый полукруг, в котором местами пробивается трава" (СС-8₅. С. 396). Ср. также в книге И. Тэна "Путешествие по Италии": "Эта площадь, неправильной формы и неровная, кажется странной и удивительной, как всякий естественный предмет, не искаженный и не исправленный административным благоустройством" (*Тэн И.* Путешествие по Италии. Т. 2. С. 36).

... Башни – свечи Божества. (...) Острия церквей и башен // Ты вонзила в небосклон! – Ср. в очерке "Вечер в Сиене": "Острые башни везде, куда ни глянешь, – тонкие, легкие, как вся итальянская готика..." (СС-8₅. С. 395). П.П. Муратов в "Образы Италии" отмечал: "Треченто (XIV век. – Ред.) было веком итальянской готики, и ни в каком другом городе в Италии нет столько готических воспоминаний, как здесь" (*Муратов П.* Образы Италии. Т. 1. С. 247).

О, лукавая Сиена, (...) Вероломство и измена – // Твой таинственный удел! – И. Тэн так писал о полной драматизма истории этого средневекового тосканского города: "Внешние войны против Пизы, Флоренции и Перуджии; междоусобные войны дворян, буржуазии и народа; уличные битвы, избияния в ратуше, конституционные перевороты (...) конфискации, массовое вешанье, союзы изгнанных против города, народные мятежи, отчаянье доходящее до отречения от свободы и до подчинения иностранцу; внезапные бешеные восстания... (...) Нигде еще жизнь не была столь трагичной! С двухсот тысяч население города упало до шести тысяч. Какая ненависть была нужна, чтобы истощить столь полный жизни народ! (...) они лили кровь друг друга из жил до последней капли, прежде чем успокоиться на лоне монархий" (*Тэн И.* Путешествие по Италии. Т. 2. С. 33–34).

От соседних лоз и пашен // Оградясь со всех сторон... – Ср. о Сиене в книге И. Тэна: "Старинный город, окруженный рыжими стенами..." (Путешествие по Италии. Т. 2. С. 33).

И томленьем дух влюбленный ~ Очи влажные сощуря!... – Ср. в очерке "Вечер в Сиене": "И в длиннооких ее (Сиены. – *Ред.*) мадоннах есть дерзкое лукавство; смотрят ли они на ребенка, или кормят его грудью, или смиренно принимают благую весть Гавриила, или просто взгляд их устремлен в пустое пространство, – неизменно сквозит в нем какая-то лукавая кошачья ласковость. Буря ли играет за плечами, или опускается тихий вечер, – они глядят длинными очами, не обещая, не разуверая, только щурясь на гвельфовские затеи своих хлопотливых живых мужей" (СС-85, С. 395). *О гвельфах* см. ниже.

Возможно, тема "двойственности" Красоты, причастности ее и небесному, и земному, в определенной мере связана с Д.С. Мережковским; ср. в его стих. "Леонардо да Винчи":

И у тебя во мгле иконы
С улыбкой Сфинкса смотрят вдали
Полуязыческие жены, –
И не безгрешна их печаль

(*Мережковский Д.С.*
Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 22. С. 140;
отмечено З.Г. Минц: БС-4. С. 191)

Другие редакции и варианты

Ты на зависть гибеллинам // Башню узкую внесла. (ЧН ЗК₂₆, ЧА ИРЛИ) – Гибеллины и гвельфы – названия средневековых политических партий, возникших в первой четверти XIII в. "Гвельфы – сторонники папства – и гибеллины – сторонники империи – стоят друг против друга как непримиримые враги в течение XIII, XIV и даже отчасти XV веков" (*Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение. Л., 1947. Т. 1. С. 11–12). Промышленно-торговая Флоренция была одним из оплотов гвельфов, а ремесленно-ростовщическая Сиена почти всегда входила в гибеллинский лагерь (*Там же*. С. 12). Ср. в стих. В. Брюсова "Данте" (1898):

Я вижу, как безумный бред,
Людей, принявших снова вид звериный.
Я слышу вой во славу их побед.
(То с гвельфами боролись гибеллины!).

В очерке "Вечер в Сиене" Блок писал: «На зависть флорентийским гибеллинам (Вероятно, нужно было написать "гвельфам". – *Ред.*) вознесли сиенцы свой "общественный дворец", не меньший, чем флорентийский Palazzo Vecchio, и очень похожий на него» (СС-85, С. 396). Имеется в виду Palazzo Publico, городская ратуша Сиены. О Palazzo Vecchio, считавшемся своеобразным символом могущества Флоренции, см. в коммент. к стих. "Умри, Флоренция, Иуда...". О башне, возвышающейся над левой частью сиенского дворца, ср. в книге И. Тэна: "Налево гигантская башня подьмет изумительно высоко свой стройный очерк и двойной ряд зубцов: это башня города, несущая на своей вершине изображение его патрона, его знамя, и издали держащая речь к соседним городам" (*Тэн И.* Путешествие по Италии. Т. 2. С. 36).

Ты на зависть той – цветущей... (ЧН ЗК₂₆) – "Цветущая" ("florens") – название Флоренции.

Иль, сама о том не зная, // С безрассудством красоты, // Строгой готикой играя, // В сердце Бога метишь ты? (ЧА ИРЛИ, Т₈, РМ) – В письме к матери от

25 июня 1909 г. Блок, делясь своими итальянскими впечатлениями, в частности, отметил: "Готикой соборов (...) играют, как ребятишки, не понимающие ее смысла". В очерке "Вечер в Сиене" Блок писал об острых башнях города: "...тонкие до дерзости и такие высокие, будто метят в самое сердце бога. Сиена всех смелей играет строгой готикой – старый младенец!" (СС-85, С. 395).

СИЕНСКИЙ СОБОР

("Когда страшишься смерти скорой...")

(С. 78)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₆. Л. 15, 21; *БА* – *Т*₇. Л. 55 об.– 56, "Начато в Италии, оконч(ено) 5 V 911 (СПб.); *БА* (ст. 17–20) – *ГПБ*. Ф. 124 (собр. П.Л. Вакселя). Ед. хр. 500, в письме к В.В. Денисову от (14) февраля 1912 г.; печ. текст – *НР*₂ *III*₁. Л. 79; *Кор*₂ *Земли*. Л. 87.

Впервые: *III*₁. С. 139–140, в цикле *ИС*.

Публикации: *III*₂. С. 93, в цикле *ИС*; *III*₃. С. 137.

Черновые наброски в *ЗК*₂₆ относятся к июню 1909 г. Текст стихотворения был создан, согласно датировке в *Т*₇, 5 мая 1911 г. в Петербурге. Ст. 15–16 в *Т*₇ приведены к основному тексту, вероятно, при подготовке первой публикации (*III*₁); там же строфы 3-я и 4-я позднее переставлены местами (отмечены римскими цифрами), что не нашло отражения в публикациях.

Окончательный текст – *III*₁.

Стихотворение было послано Блоком в издательство "Знание". М. Горький так отозвался о нем в письме к В.С. Миролубову (конец 1911 г.): «"Сиенский собор" – очень запутанная вещь...» (М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 77). Стихотворение не было опубликовано в сборнике "Знания".

В примеч. к *III*₁ Блок писал: «Мраморный пол собора покрыт многими изображениями (т.н. "graffiti"); среди прочих – возрасты человека и девять Сивилл...» (С. 193). Ср. описание мозаичного пола Сиенского собора в книге П.П. Муратова: "Рисунки состоят здесь из тонких черных линий на общем фоне белого мрамора. Вначале лишь изредка и потом все чаще, ради стремления к живописному эффекту, появляются вставки из черного и цветного мрамора. Итальянцы называют этот способ изображения "graffiti". Современное слово графика также приложимо к нему. В самом деле, это не что иное, как колоссальная гравюра на мраморе" (*Муратов П. Образы Италии*. Т. 1. С. 255). Ср. также в книге И. Тэна: "...это мозаичные фигуры, которые кажутся набросанными карандашом на широких плитах" (*Тэн И. Путешествие по Италии*. Т. 2. С. 39).

Скажи, где место вечной ночи? – "Вечная ночь" – здесь, вероятно, метафора смерти. Ср. в стих. "Она, как прежде, захотела..." (1908): "И вечной ночи не боюсь...".

Вот здесь – Сивиллины уста ~ О воскресении Христа. – Сивиллы (греч. мифол.) – пророчицы, предсказывавшие грядущие события. В данном случае Блок имеет в виду одну из сивилл, изображенных на мраморных плитах, о которой он писал в примеч. к *III*₁: "...волосы распущены по плечам, лицо напоминает трагическую маску, и вся фигура – стремление; это та, которая пророчит: "Et mortis fatum finit. Trium dierum sommo suscepto tunc a mortuis regressus in lucem veniet primum resurrectionis initium ostendens (Судьба смерти тоже имеет предел. Охваченный трехдневным сном, – потом, восстав

из мертвых, он явился на свет, являя первый пример воскресения. – *лат.*)" (С. 193). Открытка с изображением Кумской Сивиллы хранится в одном из блоковских альбомов (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 18 об. № 103). В очерке "Немые свидетели" Блок отметил, что в "подземном шорохе истории" ясно слышно "бормотание древних сивилл" ("Молнии искусства". СС-85. С. 390).

Здесь под резцом оцепенело ~ Склоняется на двух клюках. – П.П. Муратов в своей книге отметил, что эти изображения "Семи возрастов жизни", сделанные архитектором и скульптором XV в. Антонио Федериги, – "одно из самых чистых откровений итальянского Возрождения". В них, считает он, ярко выразилось "то утреннее и серебряное, что было в душе кватроченто (XV в. – *Ред.*)" (*Муратов П.* Образы Италии. Т. 1. С. 255–256). В блоковском альбоме репродукций и фотографий хранится открытка с изображением "Семи возрастов человека" А. Федериги (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 19. № 105).

Молчи, душа. Не мучь, не трогай... (ср. также вар. *БА ГПБ*: "Смирись, душа. Не мучь, не трогай...") – Ср. в стих. З.Н. Гиппиус "Вечерняя заря" (1897): "Не забывай Господнего завета, // Душа, – молчи, смирись...". Ср. также в стих. Андрея Белого "Закат" (1902): "Душа, смирись... Средь пира золотого // Скончался день".

"ИСКУССТВО – НОША НА ПЛЕЧАХ..."

(С. 79)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₆*. Л. 22 об., "31 мая"; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1, "Фолиньо 1909 – 1 III 1914 4 марта"; *БА – Т₈*. Л. 50, "(Фолиньо, 1909) – 4 III 1914"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 15–16, "Июнь 1909. Фолиньо" (дата – автограф); *Кор₁ Земли*. Л. 60; *Кор₂ Земли*. Л. 87 об.

Впервые: Приазовский край. 1915. № 1. 1 янв., последнее в подборке "Три стихотворения".

Публикации: Пряник осиротевшим детям. Пг., 1916. С. 21. "1909", пятое в цикле "Городские видения"; *СУ*. С. 18, "Июнь 1909. Фолиньо"; *III₃*. С. 138. В другие издания не входило.

ЧН ЗК₂₆, представляющий собой неоконченный вариант заключительной строфы, сделан 31 мая 1909 г. Работа над стихотворением была продолжена, видимо, в начале июня того же года в Фолиньо. На отдельном листе были воспроизведены чернилами три стиха, почти идентичные записанным в *ЗК₂₆*. Последующую стадию работы отражает чернильный слой *ЧА ИРЛИ*; определить, какая его часть относится к 1909 г., не представляется возможным. Доработка черногого текста датирована 1 и 4 марта 1914 г.; часть правки сделана чернилами, часть – карандашом, карандашная правка (4 марта) приближает текст к основному.

Окончательный текст – "Приазовский край".

К.И. Чуковский писал, имея в виду данное стихотворение: "Среди самых мрачных стихов – вдруг, неожиданно – он признавался, что ему, как поэту, жизнь дорога даже в мимолетных своих мелочах, что ему сладостно чувствовать, как у него в жилах переливается певучая кровь, что его сердце радо радоваться и самой малой новизне" (*Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924. С. 137).

Зато как мы, поэты, ценим // Жизнь в мимолетных мелочах! – Философия самоценного "мига" была в значительной мере присуща символистам. Ср., например, в

стих. К. Бальмонта: "Я постиг в мимолетном намеке..." ("Я когда-то был сыном Земли...", 1897), "Я только миг люблю..." ("Пламя", 1897).

...*Бросающую в жар любовь // Поймаешь за тучкою летучей...* – Ср. в близком по мотивам стих. "Поэты" (1908): "По крайности, есть у поэта // И косы, и тучки, и век золотой...". Ср. также в стих. "Так. Буря этих лет прошла..." (1909): "Когда за тучкой легкоперой // Сквозит мне первая любовь...".

В мурлыкающем нежно треске // Мигающего снѣта!.. – Снѣта (франц.) – кинематограф. О заинтересованном отношении Блока к кинематографу см. в коммент. к стих. "День проходил, как всегда...".

А через год – в чужой стране: ~ Черты француженки прелестной!.. – В городке Фолиньо Блок случайно увидел в кинематографе французский фильм, уже виденный им за год до того в Петербурге (примеч. В.Н. Орлова к наброску в *ЗК₂₆: ЗК*. С. 548).

"ГЛАЗА, ОПУЩЕННЫЕ СКРОМНО..."

(С. 79)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₂₅*. Л. 17 об.; *ЧН₂ – ЗК₂₆*. Л. 27 об. – 28; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1–3, "1909 It(alia) – 7 февр. 1914"; *БАП – Т₈*. Л. 38 об. – 39 ("Мадонна"), "1909 (Италия) – 12 февр. 1914 – VI 1915"; *БА – ИРЛИ*. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1371. Л. 2, 3 ("Мадонна") ("В венецианской церкви темной..."); *БА* (копировальная автокопия) – *ГПБ*. Ф. 474. Ед. хр. 1. Л. 70–71 ("Мадонна") ("В венецианской церкви темной..."); печ. текст – *НР СУ*. Л. 13–14 ("Мадонна"), "12 июня 1909" (заглавие и дата – рукой Блока); *Кор₁ Земли*. Л. 60–61. *Кор₂ Земли*. Л. 88–88 об.

Впервые: *БВ*. 1916. № 15314. 10 янв., утр. вып., под загл. "Мадонна" ("В венецианской церкви темной..."), без ст. 13–20; *БВ*. 1916. № 25. 27 янв., 2-е изд.

Публикации: *ЕЖДВ*. 1918. № 2–3, стб. 5–6 ("Мадонна") ("В венецианской церкви темной..."); *СУ*. С. 16–17 ("Мадонна"), "12 июня 1909"; *III₃*. С. 139–140. В другие издания не входило.

ЧН₁ ЗК₂₅, представляющий собой вариант заключительной строфы основного текста, относится к 22 или 23 мая 1909 г. *ЧН₂ ЗК₂₆* сделаны, согласно датировке в *СУ*, 12 июня того же года. В феврале 1914 г. был создан текст первоначальной редакции, состоящей из 40 стихов (*ЧА ИРЛИ*); этот текст при переработке (карандаш) был сокращен на две строфы: зачеркнуты ст. (29–36). В июне 1915 г. Блок снова переработал стихотворение, введя заглавие ("Мадонна"), изменив 1-ю строфу и зачеркнув ст. 13–20 основного текста. В таком виде оно было напечатано в *БВ* и *ЕЖДВ*. Для *СУ* Блок взял за основу текст 1914 г., сохранив заглавие (снято в *III₃*).

О "двойственности" образа мадонны ("святость" – "коварство") см. в коммент. к стих. "Сиена". Ср. об этой особенности восприятия мадонны как черты итальянского средневековья в книге А.А. Трубникова "Моя Италия": "Но люди были на распутье; их манили искушения Пана и зовы Христа. Так Венера улыбалась Мадонной, а Мадонна – Венерой" (*Трубников А.А. Моя Италия*. С. 77).

Глаза, опущенные скромно (..) Но Ты, Мария, вероломна... – Ср. в стих. Тютчева "Люблю глаза твои, мой друг..." ((1836)): "Глаза, потупленные ниц...". В набросках статьи о русских поэтах Блок писал о Тютчеве: "Вечно нежная гармония помешала ему лицезреть весь ужас тайны этой самой женственной души, ужас, который он все-

так смутно чуял..." (СС-87. С. 33). Ср. также раннее блоковское стих. "Ты свята, но я Тебе не верю..." (1902).

Теперь – во всех церквах Она ~ На поруганье предана... – Ср. в стих. Тютчева "Чему молилась ты с любовью..." ((1851–1852)):

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Он видит Твой необычайный, // Немеркнувший, Мария, свет! – Сходный мотив преклонения поэта, художника перед "преданной на поруганье" Марией содержится в заключительной строфе стих. "Благовещение".

Д р у г и е   р е д а к ц и и   и   в а р и а н т ы

Дай мне, безумцу, два крыла, // Чтобы Твою красотой // Душа насытиться могла! (ЧА ИРЛИ). – Ср. в стих. "Тревога" (1907) из цикла "Снежная Маска": "Дай мне два крыла! // Чтоб с тобою, сердцу милой, // (...) Вся душа изнемогла!" (т. 2 наст. изд.). Об этом мотиве в лирике Блока см. в коммент. к ст. 14 стих. "Так. Буря этих лет прошла..." (1909).

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

("С детских лет – видения и грезы...")

(С. 80)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₆*. Л. 13–15, 21 об. – 22; *ЧА – ЗК₂₆*. Л. 29–30 об.; *АС – Т₇*. Л. 20–20 об., "Perudgia – Spoleto Май – июнь", рукой Л.Д. Блок; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1–2, "Perudgia – Spoleto. Май – июнь"; печ. тексты – *НР НЧ*. Л. 86; *НР₂ III₁*. Л. 79 ("Perudgia – Spoleto", помета – автограф); *Кор₁ Земли*. Л. 61–62; *Кор₂ Земли*. Л. 89–89 об.

Впервые: Аполлон. 1910. № 4. С. 47–48. 2-я паг., с подзаголовком "Фреска", пятое в цикле *ИС*.

Публикации: *НЧ*. С. 130–132, седьмое в цикле *ИС*; *III₁*. С. 140–141, "Perudgia – Spoleto"; *III₂*. С. 94–95, "Perudgia – Spoleto"; *III₃*. С. 141–142.

Две группы набросков в *ЗК₂₆* относятся к концу мая и началу июня 1909 г. Первую группу (Л. 13–15) составляют 4-я, 5-я, 6-я строфы (с вариантами) и фрагментами 7-й и 8-й строф; вторую группу (Л. 21 об. – 22) – 1-я, 2-я и 3-я строфы. Верхний слой текста *ЧА ЗК₂₆* близок к основному.

В *Т₇* Блок исправил своей рукой только ст. 29, изменив основной текст на вариант, неоднократно возникающий в набросках *ЗК₂₆* ("Я пропала, если мать выйдет..."); вариант этот в публикациях не отражен.

Блок отказался от подзаголовка ("Итальянская картина" в *Т₇* и *БА РГАЛИ*, "Фреска" в журн. "Аполлон" и *НЧ*) при подготовке *III₁*.

Окончательный текст – *III₁*.

В.П. Веригина вспоминала о своих встречах с Блоком и Любовью Дмитриевной в их доме осенью 1909 г.: "Когда мы рассматривали фотографии и открытки, привезенные Блоком из Италии, он, между прочим, указал на одну из фресок, изображающую Благовещение, и сказал: «Как раз это Благовещение в моих стихах».

Действительно, ангел на той картине был демоничный "темноликий ангел с дерзкой ветвью", в темно-красных развевающихся одеждах» (*Воспоминания*, I. С. 460).

По мнению Л. Столицы, стих. "Благовещение" и "Успение" являются свидетельством того, что Блок – "избранный служитель Богоматери, ревнейший причетник в ее храме", "вернейший живописец икон ее" (*Столица Л. Христианнейший поэт XX века. Об Александре Блоке // Новое вино*. 1913. № 2. С. 12–13).

Б. Казанский в рец. на III₂, назвав стихотворение "несравненным", отметил, что в нем "струится мистический огонь" (*БВ*. 1917. № 16104. 17 февр., утр. вып.)

С.М. Соловьев, имея в виду данное стихотворение, писал в своих воспоминаниях, что его "неприятно поразили мотивы "Гавриилиады" (поэмы Пушкина. – *Ред.*). Когда он сказал об этом Блоку, тот "мрачно" ответил: «Так и надо. Если б я не написал "Незнакомку" и "Балаганчик", не было бы написано и "Куликово поле"» (*Воспоминания*, I. С. 126). С.К. Маковский в мемуарах особо выделил стихотворение, назвав его "самым благозвучным", отметив при этом: «Недаром на них (стихах из "Благовещения". – *Ред.*) отсвет "Гавриилиады"…» (*Маковский С. На Парнасе "Серебряного века"*. С. 154).

Н.А. Павлович в своих воспоминаниях приводит разговор с Блоком, состоявшийся осенью 1920 г.; он касался "Итальянских стихов" и, в частности, "Благовещения": «– А как Вы думаете, – спросил Блок, – "Благовещение" высокое стихотворение или нет?

– Высокое!

– А раньше, в первом варианте, оно было хорошим... бытовым! – сказал Блок с жалостью в голосе. (...)

Это стремление к "бытовому" и жизненному было особенно характерно для зрелого Блока, потому что здесь он чувствовал пути к будущему» (*БС-1*. С. 485–486).

В III₁ Блок сделал следующее примечание к стихотворению: «Гриф – символ Перуджии с древнейших времен, о чем свидетельствуют изображения грифов в соседящей с городом этрусской могиле Волумниев. Под знаком грифа был и внушивший мне эти стихи Жианникола Манни, автор нескольких фресок в Collegio del Cambio (Перуджия). Под его "Благовещением" и другими новозаветными фресками подписано *ite grosul mopeo, sacer est locus, ite profani* (заклинаю: идите прочь, здесь святое место, прочь, непосвященные (*лат.*). – *Ред.*). Как бы оградившись этим заклинанием с оттенком личного (*mopeo*) от непосвященного и склонного заподозрить кощунство зрителя, художник позволяет себе с интимностью (вечной спутницей демонизма) изображать бытовые сцены: моют новорожденного Иоанна Крестителя; Елизавета прибегает с кумовскими ужимками сообщить Марии важную новость; тут же – история Саломеи; и наконец – темноликий вестник в красной одежде дерзким любовным приветствием заставляет красавицу оторваться от книги. – Демоны художников диктуют "Леду и Лебеда" тому, кто замыслил "Annunziazione" ("Благовещение", речь идет о полотнах Леонардо да Винчи. – *Ред.*), и "Гавриилиаду" – автору стихотворения "Средь множества картин" (имеется в виду сонет Пушкина "Мадонна" ("Не множеством картин старинных мастеров...", 1830). – *Ред.*)» (С. 193–194). И. Тэн в своей книге об Италии писал о Collegio del Cambio в Перуджии, что это «нечто вроде биржи или гильдейского дома для купцов. (...) Там Джан Николо Манни нарисовал по двум сторонам главного алтаря гордые и нежные фигуры своего "Благовещения"» (*Тэн И. Путешествие по Италии*. Т. 2. С. 10, 11). Ср. запись Блока, связанную с этой фреской Дж. Манни: «Дерзкий и темноликий ангел в красной одежде встал на темном золоте и произнес дерзкое любовное приветствие: "Ave, gratia plena" (Радуйся, благодатная (*лат.*). – *Ред.*). "Ecce ancilla Dei" (Се – раба Божия (*лат.*). – *Ред.*)

– подписано под темноликой красавицей, которая вполоборота к ангелу говорит: "Это я-то?", оторвавшись от книги» (ЗК. С. 140–141). Ср. также переписанную Блоком латинскую надпись, посвященную данному сюжету: "Gabriel Angelus locutus est Mariae, dicens: Ave gratia plena, Dominus te cū[m]: Benedicta tu inter mulieres. Аñа [Ancilla] Maria dixit" (Ангел Гавриил обратился к Марии со словами: Радуйся, благодатная, Господь с тобой: Благословенна ты между женами. Мария сказала: Се, раба Его (лат.). – Ред.) (ЗК. С. 145).

В.Н. Альфонсов в книге "Слова и краски" отметил, что «миловидные и экспрессивные фигуры архангела и Марии в "Благовещении" Манни разделены центральной алтарной композицией ("Крещение Христа") и воспринимаются обособленно, а Блок создает в своем стихотворении жанровую сцену, в которой персонажи почти вступают в соприкосновение...» (Альфонсов В. Слова и краски. С. 81). Он также высказал мнение, что «черты "демонизма" в "Благовещении" Манни явно преувеличены Блоком" (Там же. С. 81).

Благовещение. – В христианских религиозно-мифологических представлениях – начальный момент истории вочеловечения Бога, т.е. земной жизни Иисуса Христа. Согласно Евангелию архангел Гавриил, посланный Богом к деве Марии в галилейский городок Назарет, приносит ей весть о том, что у нее родится сын Иисус, и это будет мессия и сын Божий. Уяснив, что речь идет об исполнении воли Бога, Мария отвечает смиренным согласием: "да будет мне по слову Твоему" (Лк. I. 26–38).

...Умбрии ласкающая мгла. – Умбрия – область в Италии, где находится город Перуджия.

На оградах вспыхивают розы... – Американский исследователь Джеральд Пирог в статье, посвященной анализу стих. "Благовещение" в связи с западной иконографией, отметил: "Розы давно рассматривались как символ любви и чувственности. Они также принадлежат к группе символов, особо связанных с традицией изображения Марии в западной иконографии. (...) В той же самой традиции огороженный сад служит символом Девы" (Russian literature. Amsterdam, 1979. Vol. 7. № 5. P. 495).

Лишь она одна в предвечном круге // Ткет и ткет свой шелковый узор. – Согласно христианским представлениям, судьба Марии как Богородицы была предопределена от самого ее рождения. Отсюда – образ "предвечного круга" в стихотворении. Ср. также: "Приход архангела застигает Марию либо за молитвой, либо за чтением священного писания, либо, в согласии с апокрифическим повествованием, за работой над пурпурной тканью для Иерусалимского храма" (Мифы народов мира. Т. I. С. 174).

Робкие томят ее надежды, // Грезятся несбыточные сны. – Ср. в поэме Лермонтова "Демон" о Тамаре, ожидающей "изгнанника рая": "Недаром сны ее ласкали... (...) Уж много дней она томится, // Сама не зная почему..." (Гл. VI). Следует заметить, что в стихотворении имеются очевидные переключки с поэмой Лермонтова, которые призваны, возможно, создать "демонический" подтекст его.

И внезапно – красные одежды // Дрогнули на золоте стены. – В очерке "Немые свидетели" Блок писал: "Отчего так красны одежды у темноликого ангела, который возник из темно-золотого фона перед темноликой Марией на фресках Джиганикола Манни?" ("Молнии искусства". СС-85. С. 391).

Темноликий Ангел с дерзкой ветвью... – Масличная ветвь – один из атрибутов архангела Гавриила.

...Молвит: Здравствуй! Ты полна красы! – Ср. в "Демоне" Лермонтова первые слова "падшего ангела", обращенные к Тамаре: "Ты прекрасна!" (Гл. X).

И она дрожит пред страстной вестью... – Ср. в "Демоне" Лермонтова: "И вся, вскочив, дрожит она..." (Гл. VI).

И она без сил склоняет ниже // Потемневший, помутневший взор... <...> Не уйти, не встать и не вздохнуть... – Ср. в поэме Лермонтова о Тамаре, предчувствующей появление Демона: "Пылают грудь ее и плечи, // Нет сил дышать, туман в очах..." (Гл. VI).

А над ними – символ своеволя – // Перуджийский гриф когтит тельца. – Гриф – в античной мифологии крылатое чудовище с головой орла и туловищем льва. Описывая гробницу Волумниев в Перуджии, Блок отметил в своей записной книжке: "Гриф Перуджии. <...> На некоторых саркофагах гриф когтит человека (как теленка в Перуджии)" (ЗК. С. 142, 143). О посещении этой гробницы Блок писал в очерке "Немые свидетели": "На свет Божий выходишь слепой, как из сумрака ада, унося с собой подтверждение того, что и светлейший из итальянских городов стоит под знаком кровожадного грифа. Если бы здесь повторилась история – она бы опять потекла кровью" ("Молнии искусства". СС-85. С. 394). Ср. там же: "И отчего, наконец, в феодальном гербе Перуджии возник остервенелый гриф, терзающий тельца?" (С. 392).

Лишь художник, занавесью скрытый, – // Он провидит страстной муки крест... – О художнике как "свидетеле" и "созерцателе" см. в коммент. к стих. "Девушка из Spoleto". Ср. также сходный мотив в предыдущем стих. "Глаза, опущенные скромно..." (особенно строфа 6-я).

И твердит: Profani, procul ite, // Sic amoris locus sacer est. – Об источнике данного выражения см. выше, в примеч. Блока к стихотворению. Ср. эпиграф к стихотворению Пушкина "Поэт и толпа" (1828): "Procul este, profani (Идите прочь, непосвященные (лат.). – Ред.). Он восходит к поэме Публия Вергилия Марона "Энеида" (VI, 255–258) и воспроизводит слова Сибиллы при входе с Энеем в подземное царство: "Procul, o, procul este, profani!" (Прочь, прочь, непосвященные!) (лат.). – Ред.).

УСПЕНИЕ

("Ее спеленутое тело...")

(С. 82)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₆. Л. 31–33; *ЧА* – *ЗК*₂₆. Л. 33 об. – 34 (ст. 1–4 на л. 32); *АС* – *Т*₇. Л. 21–21 об. ("Успение Божией Матери. Итальянская картина"), "Spoleto. 4 июня," рукой Л.Д. Блок; *БА* – *РГАЛИ*. ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 7 ("Успение Божией Матери. Итальянская картина"), "Spoleto. 4 июня"; печ. тексты – *НР НЧ*. Л. 87; *НР*₂ *III*₁. Л. 79, "Spoleto" (помета – автограф); *Кор*₂ *Земли*. Л. 90–90 об.

Впервые: Аполлон. 1910. № 4. С. 48–49. 2-я паг., с подзаголовком "Фреска", последнее в цикле *ИС*.

Публикации: *НЧ*. С. 133–134, восьмое в цикле *ИС*; *III*₁. С. 141–142, "Spoleto"; *III*₂. С. 96–97, "Spoleto"; *III*₃. С. 143–144.

Черновой текст в *ЗК*₂₆ создан, согласно датировке в *Т*₇, 4 июня 1909 г. в Сполето. Сначала были сделаны наброски первых четырех строф (Л. 31–33); за ними следует черновой автограф всего текста стихотворения (Л. 33 об. – 34), кроме первой строфы, которая записана (и осталась незачеркнутой) среди набросков (Л. 32). Верхний слой *ЧА* *ЗК*₂₆ близок к основному тексту, за исключением ст. 10, 16 и пятой строфы, где строки переставлены местами.

Заглавие "Успение Божией Матери" и подзаголовок "Итальянская картина",

имеющиеся в Т₇ и БА РГАЛИ, в печати не воспроизводились. В первых публикациях ("Аполлон", НЧ) стихотворение имело подзаголовок "Фреска", который был снят при подготовке III₁ (в НР₂ III₁ он есть).

Окончательный текст – III₁.

Отзыв Л. Столицы об "Успении", в котором, по ее мнению, выразилась верность Блока культу Богородицы, см. в коммент. к стих. "Благовещение".

С.М. Соловьев в своих воспоминаниях писал, что в этом стихотворении Блок "воспроизвел всю прелесть треченто (XIV в. – Ред.)" (*Воспоминания*, I. С. 126).

Г.П. Блок, двоюродный брат поэта, в письме от 30 апреля 1921 г. выразил желание иметь сборник "Ночные часы" с авторской надписью. «Особенно люблю "Успение", – отмечал он. – "Могильный ангел смотрит вдаль" – это останется навсегда» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 11). Он же в рукописном отклике на смерть Блока писал 9 августа 1921 г.: «Тысячелетняя тоска по ярким, чудесным и вечным чертам – это была для него действительно тоска... Достаточно припомнить, какие удивительные слова нашлись у него, когда он захотел рассказать про итальянскую фреску "Успение"» (ИРЛИ).

По свидетельству Н.А. Павлович, Блоку из "Итальянских стихов" особенно дорого было "Успение" (БС-1. С. 485).

В примеч. к III₁ Блок писал: "Стихотворение внушено фреской фра Филиппо Липпи в алтаре Сполетского собора (Умбрия)" (С. 194). О фра Филиппо Липпи см. в коммент. к следующему стихотворению.

Успение. – Согласно евангельским представлениям, события, связанные со смертью Марии, символически как бы повторяют важнейшие смысловые моменты ее жизни (см. об этом: Мифы народов мира. Т. 2. С. 113). Это нашло свое отражение и в данном стихотворении.

...*Вернув бывалую красу.* – Отвечая на "грамматические" замечания редактора "Аполлона" С.К. Маковского, Блок в письме к нему от 29 декабря 1909 г., в частности, писал: «...я не имею силы прибавить, например, местоимение к строке "вернув бывалую красу" в "Успении" (сказать, например, "вернув ей прежнюю красу" – не могу – не то)».

В последний раз Архангел старый // Влагает белые цветы. – Имеется в виду архангел Гавриил. "Белые цветы" – лилии, которые в христианстве связываются с чистотой и невинностью девы Марии. В иконографии Благовещения белая лилия нередко являлась атрибутом архангела Гавриила.

...*И над туманами долины // Встают усопших три царя.* – По евангельской легенде, когда родился Иисус Христос, к нему пришли три царя из восточных земель. Ср. стих. Г. Гейне "Три светлых царя из восточной страны...", переведенное Блоком в январе 1909 г. (СС-8₃. С. 383).

Их привела, как в дни былые, // Другая, поздняя звезда. (ср. также вар. ЧН ЗК₂₆: "Взошла, как в те года былые // Другая, поздняя звезда") – Согласно Евангелию, когда родился Иисус Христос, в небе над Вифлеемом появилась новая звезда (Мф. II. 7–10).

И пастухи, уже седые, // Как встарь, сгоняют с гор стада. – Согласно Евангелию, к младенцу Иисусу Христу пришли поклониться пастухи, побужденные к этому славословящими ангелами (Лк. II. 8–20).

...*Златятся нимбы без числа.* – Нимб – сияние вокруг головы, изображавшееся на иконах "святых". Ср. в воспоминаниях Г.П. Блока: «Вокруг каждого предмета, вступавшего в поле зрения Блока, возникал нимб его поэтической мечты. Только эти "нимбы без числа" он и видел» (*Воспоминания*, I. С. 109).

...*Поет ручей, цветет миндаль...* – Ср. в сделанном Блоком кратком описании одной из картин Беато Анджелико, которую он видел в Академии во Флоренции: "В горных садах цветет миндаль" (ЗК. С. 139). По поводу последней строфы стихотворения С.М. Соловьев отметил: "Здесь вновь дыхание миндальных цветов, как в юношеском подражании Экклезиасту:

Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь"

(Воспоминания, I. С. 126)

...*И над открытым саркофагом // Могильный Ангел смотрит вдаль.* – За успением, то есть разлучением души Марии с телом, следует их чудесное воссоединение и уход воскресшего тела в потусторонний мир: апостолы, раскрывши гробницу для запоздавшего Фомы, обрели ее пустой (Мифы народов мира. Т. 2. С. 113). То же событие произошло и после смерти Христа. Когда Мария Магдалина и еще две женщины пришли, чтобы умастить благовониями тело Иисуса, саркофаг оказался пуст, а на краю его сидел "юноша, облаченный в белую одежду" (Мк. XVI. 1–6).

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ

("Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...")

(С. 83)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1, "14 I 1914"; *БА – Т₈*. Л. 52 об.–53 ("Латинская Эпитафия Фра Филиппо Липпи"), "(перев(од) оконч(ен) 17 III 1914)"; печ. тексты – *Кор₁ Земли*. Л. 63; *Кор₂ Земли*. Л. 9].

Впервые: *РМ*. 1914. № 5. С. 5. 1-я паг., седьмое в цикле *ИС*.

Публикации: *III₂*. С. 98, последнее в цикле *ИС*; *III₃*. С. 145.

В *ЗК₂₆* (Л. 23 об. – 24) содержится запись эпитафии на латинском языке с пометой: "Сполето. Эпитафия Полициана на могиле Фра Фил(иппо) Липпи в соборе в Сполето". Запись сделана в первых числах июня 1909 г. Над некоторыми словами латинского текста вписан их перевод: "Conditus" – "Скрыт"; "diu" – "dius" – "божественный"; "stupuit" – "изумилась, оцепенела"; "fassa" – "призналась (fateor)"; "humili" – "простой, низкой". Над словом "manus" помета: "род. пад. (ж.р.)".

К работе по переводу Блок приступил 14 января 1914 г. К этому времени относится текст первоначальной редакции, записанный чернилами (*ЧА ИРЛИ*). 17 марта 1914 г. Блок доработал этот текст (карандаш), приблизив его к основному.

В *Т₈* под заглавием "Латинская Эпитафия Фра Филиппо Липпи" имеется примечание: "(сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного)".

В *Т₈* и в *РМ* последние два стиха отделены от остального текста интервалом; в *Кор₁ Земли* после ст. 6 помета: "разделить".

Окончательный текст – *III₂*.

К.И. Чуковский вспоминал, что Блок прочел эту латинскую эпитафию в своем публичном выступлении в Москве весной 1921 г.: "Он вышел хмурым и вместо своих стихов прочел, к великому смущению собравшихся, латинские стихи Полициана" (*Воспоминания*, 2. С. 249).

Заглавие (ср. также в *Т₈*: "Латинская Эпитафия Фра Филиппо Липпи"). – *Эпитафия* – надпись на надгробной плите, либо короткое стихотворение, посвященное

умершему. Увлечение латинским и греческим языками было характерно для Флоренции XV в., где тогда "начинали писать на самом чистом латинском языке, предъявляя к тому, что писалось, требования языка Цицерона" (*Зайчик Р.* Люди и искусство итальянского Возрождения. С. 146). Автор данной эпитафии, итальянский писатель-гуманист Анджело Полициан (1454–1494), хорошо знал латинский и греческий языки и античную литературу.

Филиппо Липпи (ок. 1406–1469) – итальянский живописец позднего средневековья. Еще ребенком осиротел и был отдан в монастырь, где получил имя фра Филиппо ("фра" значит "монах", буквально – "брат"). Творил во Флоренции во время правления Козимо Медичи.

Дивная прелесть моей кисти – у всех на устах. – Филиппо Липпи обладал во Флоренции славой одного из лучших мастеров небольших композиций. Он, отмечает Р. Зайчик, "всюду пользовался большим почетом": "Когда Лоренцо де Медичи отправил послов в Сполето, чтобы потребовать останки Филиппо Липпи для погребения их во флорентийском соборе, жители Сполето настаивали на том, чтобы они остались у них, так как они имеют мало знаменитых людей. Флоренция же обладает ими во множестве" (*Зайчик Р.* Указ. соч. С. 133).

В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий // Медичи... – Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным (1449–1492), внук Козимо Старшего, увековечил свое имя как государственный человек, как поэт и как влиятельный и щедрый меценат, покровитель наук и искусств. "Филиппо Липпи, любимому живописцу своего деда, Лоренцо (...) велел поставить на свой счет гробницу в Сполето..." (*Зайчик Р.* Указ. соч. С. 194; о Лоренцо Медичи см.: *Там же.* С. 185–197). Именно по просьбе Лоренцо его друг Полициан сочинил эпитафию.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Раздел "Разные стихотворения" состоит из 25 стихотворений. Они датированы 1908–1916 гг.

Раздел "Разные стихотворения" впервые появился в издании "Стихотворений" Блока 1916 г. (*III*₂). Его заглавие по аналогии с заглавием одноименного раздела во втором томе того же издания восходит к названию раздела в единственном прижизненном авторском сборнике "Стихотворений" Аполлона Григорьева (СПб., 1846).

Основная часть стихотворений, составляющих раздел, ранее была опубликована в сборнике "Ночные часы" (*НЧ*) (стихотворение "За гробом"), третьем томе "Собрания стихотворений" Блока 1912 г. (*III*₁) и в периодической печати. В *III*₁ были напечатаны около половины стихотворений, вошедших впоследствии в первоначальный состав раздела. Они входили в разделы: "Песня судьбы" ("Всё это было, было, было..."); "Страшный мир" ("Не пришел на свиданье...", "На островах", "На железной дороге", "Идут часы и дни, и годы..."); "Возмездие" ("Друзьям", "Под шум и звон однообразный...", "Всё на земле умрет – и мать, и младость..."); "Арфы и скрипки" ("Поздней осенью из гавани..."), "Аэроплан" ("В неуверенном, зыбком полете..."); "Родина" ("За гробом"). Стихотворение "Ты так светла, как снег невинный..." (раздел "Родина") не вошло в первоначальный состав раздела "Разные стихотворения" в *III*₂, но было включено в него в *III*₃. Стихотворения "Всё это было, было, было...", "Идут часы и дни, и годы...", а также стихотворение "Заключение" ("Благословляю всё, что

было..."), не входившее первоначально в раздел, но включенное в его окончательный состав, завершали, соответственно, разделы "Песня судьбы", "Страшный мир", "Родина". Их последующее включение в окончательный состав раздела "Разные стихотворения" свидетельствует об изначальной тенденции присутствия в нем тем других разделов тома.

Первый этап формирования раздела "Разные стихотворения" – его публикация в *III*₂. "Разные стихотворения" помещены пятым разделом после раздела "Итальянские стихи" и перед разделом "Арфы и скрипки". В рабочем экземпляре *III*₁ (РЭ *III*₁) – подготовительном источнике для *III*₂, два стихотворения, впоследствии вошедшие в раздел "Разные стихотворения", имеют пометы Блока, указывающие на их предполагаемое перемещение в состав других разделов. Стихотворение "Не пришел на свиданье" помечено: "Город", стихотворение "На железной дороге" имеет помету: "Родина". Стихотворение "Идут часы и дни, и годы..." вычеркнуто из раздела "Песня судьбы".

В *III*₂ новообразованный раздел "Разные стихотворения" составляют 30 стихотворений: "Когда замрут отчаянье и злоба..."; "Не пришел на свиданье" ("Поздним вечером ждала..."); "За гробом"; "Друзьям"; "Под шум и звон однообразный..."; "Всё это было, было, было..."; "Всё на земле умрет – и мать, и младость..."; "Поздней осенью из гавани..."; "На островах"; "Сон"; "На железной дороге"; "Я коротаю жизнь мою..."; "Идут часы, и дни и годы..."; "В неуверенном, зыбком полете..."; "Ты помнишь? В нашей бухте сонной..."; "Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный..."; цикл "Послания" из пяти стихотворений: "Юрию Верховскому", "Валерию Брюсову", "Владимиру Бестужеву", "Вячеславу Иванову", "Анне Ахматовой"; "И вновь – порывы юных лет..."; "Новая Америка"; "Художник"; "О, нет! не расколдуешь сердца ты..."; "Кольцо существования тесно..."; "Последнее напутствие"; "Грешить бесстыдно, непробудно..."; "Петроградское небо мутилось дождем..."; "Рожденные в года глухие...".

В *III*₂ внутренняя структура и композиционная последовательность текстов вновь сформированного раздела обусловлены не хронологическим принципом, а являются результатом попытки сконцентрировать в нем основные темы третьего тома.

В окончательном виде раздел "Разные стихотворения" опубликован в третьей книге третьего издания "Стихотворений" Блока 1921 г. (*III*₃) и состоит из 25 стихотворений.

По сравнению с *III*₂ состав раздела сокращен и изменен. 15 стихотворений перенесены в другие разделы: "Не пришел на свиданье" – в раздел "Город" второй книги "Стихотворений"; "Под шум и звон однообразный...", "Поздней осенью из гавани...", "На островах", "Я коротаю жизнь мою...", "Идут часы, и дни, и годы...", "Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный..." – в раздел "Страшный мир"; "Всё на земле умрет – и мать, и младость...", "В неуверенном, зыбком полете..." – в раздел "Арфы и скрипки"; "На железной дороге", "Новая Америка", "Последнее напутствие", "Грешить бесстыдно, непробудно...", "Петроградское небо мутилось дождем...", "Рожденные в года глухие..." – в раздел "Родина". В новый состав раздела "Разные стихотворения" введены 9 стихотворений: "Поэты", "Сусальный ангел", "Комета", "Женщина", "Перед судом", "Антверпен", "Ты так светла, как снег невинный...", "Благословляю всё, что было...". За исключением двух последних стихотворений, опубликованных в *III*₁, остальные ранее появились в периодической печати и сборнике "Седое утро" 1920 г. (СУ). Из стихотворений, впоследствии включенных в раздел "Разные стихотворения", в СУ были опубликованы: "Поэты", "Сусальный ангел", "Комета", "Женщина", "Перед судом", "Антверпен". В целом, стихотворения в разделе "Разные стихотворения" в *III*₃ расположены в хронологическом порядке.

Раздел "Разные стихотворения" расположен в середине третьей книги. Д.Е. Максимов определил место раздела внутри общей композиции тома, отметив в нем "ряд разделов ("Итальянские стихи", "Разные стихотворения", "Арфы и скрипки", "Кармен"), скрепленных между собой менее интенсивной, более свободной смысловой связью и все же включенных в общую систему тома как отражение сознания современного человека, его состояний, путей, поисков выхода (любовь, "цыганская стихия", искусство, боль жизни, ее бездонность, ее угрозы, тревога, порывы, "безочарование")." (*Максимов I. С. 139*). Название раздела, одноименное с разделом второй книги, подчеркивает разнотемность, разноплановость составляющих его стихотворений. Но, в то же время, раздел обладает внутренней целостностью, заключающейся в закономерном движении его основных тем и мотивов.

В *III₂* раздел открывает тема утраты мира "Первой любви". Эта тема начинается со стих. "Когда замрут отчаянье и злоба..." и проходит через весь раздел ("Идут часы, и дни, и годы...", "Ты помнишь? В нашей бухте сонной...", "Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...", "Кольцо существования тесно...", "Последнее напутствие" ("Боль проходит понемногу...")). Одним из главных поэтических образов раздела является образ "страшного мира", в который погружается лирический герой, утративший исконную гармонию и полноту бытия. Комплекс мотивов, раскрывающих этот образ, формирует лирическую композицию стихотворений "Не пришел на свиданье" ("Поздним вечером ждала...", "За гробом", "Поздней осенью из гавани...", "На островах", "На железной дороге", "Я коротаю жизнь мою...", "В неуверенном, зыбком полете...". Одной из ипостасей героя, погруженного в бездну "страшного мира", предстает герой-художник, поэт. Тема творчества как одного из типов интуитивного постижения действительности – бытия "страшного мира" – обусловила композицию стихотворений "Друзьям", цикла "Послания", "И вновь – порывы юных лет...", "Художник", "О, нет! не расколдуешь сердца ты...". Наконец, внутренний сюжет всего раздела завершает тема "новой жизни" – будущего, тесно соприкасающаяся с такими темами, как тема "возвращения" утраченного мира прошлого – мира "Первой любви", тема конца и нового возрождения, тема Родины ("Всё это было, было, было...", "Всё на земле умрет – и мать, и младость...", "Сон", "Я коротаю жизнь мою...", "И вновь – порывы юных лет...", "Новая Америка", "Последнее напутствие", "Грешить бесстыдно, непробудно...", "Рожденные в года глухие...").

Таким образом, для первоначального текста раздела "Разные стихотворения" в *III₂* характерен принцип построения раздела как некоей модели всего третьего тома. В разделе развивается его единый поэтический сюжет: путь лирического героя через утрату былой гармонии к реальности и многогранности "страшного мира" и, в финале, к видению контуров будущего – нового бытия.

В ходе переработки текста раздела для *III₃* Блок изменил его состав. Текст лишается своей тематической многоплановости, но приобретает единую тематическую доминанту. Ею становится тема творческого начала. Она подчиняет себе всю образную систему раздела. Образ лирического героя отчетливо приобретает черты "поэта", "творца". Центральное место в разделе занимает цикл "Послания", в котором конкретно выявляются художественные позиции Блока в контексте его литературного окружения. После этого цикла следует стих. "Художник", в котором тема творчества приобретает наиболее обобщающий характер. Как отметила З.Г. Минц, ипостась лирического героя – "я – поэт" «родственна демоническим образам, поскольку и сама поэзия, акт творчества – воплощение, материализация духа, замыкание его в клетку слова ("Художник") – осмысливается как демоническое, "кошунственное" действие» (*Минц, 4. С. 110–111*). Однако в разделе "Разные стихотворения" творчество предстает не только как составная часть "страшного мира", но и

как начало, способствующее его преодолению ("За гробом", "Друзьям", "Поэты", "Художник"). В окончательном тексте раздела сохранена и тема "новой жизни". Она соединяется с темой творчества, осмысляемого, как деяние, преображающее мир и направленное к "музыке и свету" грядущего.

ЗА ГРОБОМ

("Божья Матерь Утоли мои печали...")

(С. 87)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* и *ЧА* – *ЗК₂₁*. Л. 8 об.–8; Л. 8–6 об., "6.VII." (над текстом), "6.VII.08" (под текстом); *БА* – *Т₆*. Л. 56, "6.VII.08. СПб"; печ. текст – *НР НЧ*. Л. 20; *Кор. л.* – *НР₂ III₁*. Л. 93 "[1908]" (дата – карандашом); печ. текст – *Изборник*. Л. 247; *Кор₁ Земли*. Л. 64.

Впервые: Сатирикон. 1908. № 17. С. 6.

Публикации: *НЧ*. С. 29; *III₁*. С. 177 в разд. "Родина"; *III₂*. С. 106–107; *III₃*. С. 149–150.

Лексически текст в основном сложился в *ЧА ЗК₂₁*, причем начало и конец работы над текстом датированы одним и тем же числом (см. выше). Против ст. 15 в *ЧА ЗК₂₁* Блок пометил: "Несоверш(енный) вид должен быть". Помете предшествовала правка чернилами в ст. 15 и ст. 19, заменяющая несовершенный вид глаголов, которыми начинаются эти стихи, на совершенный (см. вар. б ст. 15 и основной текст ст. 19). В ст. 15 Блок восстановил несовершенный вид глагола, однако правка не была закончена – часть стиха зачеркнута без замены (см. ст. 15, вар. в).

В *Кор. л. НР₂ III₁* помечено деление на строфы, имевшее во всех публикациях.

Курсив в ст. 1 введен Блоком при правке *Кор₁ Земли*, во всех предшествующих источниках текста название иконы было дано в кавычках (*ЧА ЗК₂₁, Т₆, Сатирикон, НР НЧ, НЧ, III₁, III₂, Изборник*).

Окончательный текст – *НЧ*.

Выступая на открытом заседании Вольной Философской Ассоциации 28 августа 1921 г., Андрей Белый осмыслял творческий путь Блока в связи с погружением поэта в "глубочайшие сокровеннейшие темы". Он приводил стих. "Божья Матерь Утоли мои печали..." как пример появления у Блока темы "снихождения и кротости" и "прикосновения к корням народности" (Памяти Александра Блока. Пб., 1922. С. 23). Эти идеи были развиты в речи Андрея Белого на вечере Памяти Блока 26 сентября 1921 г. В качестве "основного зерна", из которого, по выражению Андрея Белого, "выветвляется" все творчество Блока, он берет образ Софии, Премудрости Божией, или "в догматически историческом разрезе" – Богоматери. К ней, считает он, обращена "вся лирика" поэта. «Мировое единство в душевном мире, – пишет Андрей Белый, – открывается в образе Богоматери. Это – «Божья Матерь Утоли мои печали» (...) в 3-м томе она открывается как душа народа, как Россия (...) некое органическое единство (...) Блок прислушивается к ее голосу, она ему – мать, невеста, жена. (...) он чувствует в каждой русской женщине отображение русской народной души, и в отображении народной души – отображение самого женственного начала – Божества, то отображение, которым кончается великая драма Гете (...) – "Фауст"» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 764, 766, 777, 778).

В статье "Александр Блок" Андрей Белый отождествляет образ невесты в данном стихотворении с образом России и, цитируя финал стихотворения (ст/23–24), заключает: «Не царевича в парчовом кафтане она [Россия] ожидает: Христа. "Царевич" –

славянофильские тенденции Блока – мог ее только смять» (Белый А. Поэзия слова. Пб., 1922. С. 127).

Один из корреспондентов Блока, Ф.Г. Васильев-Черников, упоминает в письме к нему 1908 (?) г. о своем чтении стих. "За гробом" у Г.И. Чулкова (см.: РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 2).

Анализ фольклорных и обрядовых мотивов в стихотворении "За гробом" предпринят в статье: Левинтон Г.А. Заметки о фольклоризме Блока // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 181–183.

Божья Матерь Утоли мои печали... – Чтимая в народе в качестве чудотворной икона Божьей Матери *Утоли мои печали* была принесена в Москву казаками в 1640 г. Блоку могло быть известно предание о первом прославлении иконы, по которому больной женщине явилась в видении Богоматерь с этого образа, повелев ехать в Москву, разыскать затерянный в церкви Святителя Николая образ и молиться пред ним об исцелении (сведения приводятся в издании, рекомендованном для средних учебных заведений: Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон, чтимых православной церковью на основании Священного Писания и церковных преданий с изображениями в тексте праздников и икон Божией Матери. СПб., 1894. С. 127–132). В Петербурге в храме Вознесения Господня имелся список с этой иконы, привезенный в 1765 г. Образу оказывалось особое чествование, перед ним совершались молебны с акафистом Божией Матери Утоли мои печали; существовал обычай, по которому верующие принимали образ в свои дома. Икона представляет разновидность типа Одигитрии (Богоматерь с Младенцем). На ней изображена Божия Матерь, которая держит Младенца правой рукой, приложив левую к главе; в руках у Младенца – развернутый свиток. Название иконы восходит к словам тропаря ("Утоли болезни многовоздыхающая души моя, Утолившая всяку слезу от лица земли...") и молитвы ко Пресвятой Богородице: "утоли наша печали (...) отыми бремя грехов моих, Преплагая, и утоли печали моя, сокрушающие сердце!".

Божья Матерь ~ Перед гробом шла... – Применение глагола "шла", по наблюдению Г.А. Левинтона, дает "основание думать, что речь идет (...) о самой Богоматери или об ожившей иконе (...) в развертывании текста сакральный персонаж заменяется (...) ритуальным объектом (иконой, которую несут перед гробом. – Ред.), то есть происходит "замещение" в духе идей П.А. Флоренского о функциях иконостаса" (Левинтон Г.А. Указ. соч. С. 182). Прием метонимии у Блока имеет в данном случае яркую фольклорную окраску, поскольку, помимо обрядового значения (икона в похоронной процессии) образ Богоматери в стихотворении связывается с народным апокрифическим сознанием. Ср. образ Богородицы с младенцем – "Она плыла по ненасытному аду // Мальчика несла она на руках" (Бондарева Н. Хождение Богородицы по мукам. Опыт истории христианской легенды. Киев, 1904. С. 48); эти стихи А.М. Ремизов переписал для Блока в письме к нему от 17 апреля 1905 – ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 82). Ср. легенду о "неизвестной тени", проходившей по улицам в "богородичный праздник" и слившейся "с громадным стенным образом Божьей матери главного городского собора" – запись в дневнике Блока от 2 сентября 1902 г. Аналогичный мотив, связанный с преданиями об иконах Божией Матери, встречается в написанном незадолго до стихотворения "За гробом" и перекликающемся с ним фольклорными мотивами стих. "В ночь, когда Мамай залег с ордою..." (14 июня 1908), где Богоматерь сходит накануне сражения в русский стан, а наутро "лик нерукотворный" оказывается на щите воина. Об интересе Блока к сказаниям об иконах Богородицы см. также в коммент. к стих. "Ты проходишь без улыбки..." (1905) (т. 2 наст. изд.).

Божья Матерь {...} *шла, светла, тиха.* – "Светла", "тиха" – прославляемые православной церковью и чтимые в народе качества Богородицы. "Светоносность" и "молчаливость" – в числе характеристик "софийных" и близких им женских образов в блоковской лирике I–III томов. Ср. в стих. "В ночь, когда Мамай залег с ордою..." (26 июня 1908): "Ты сошла в одежде свет струящей". Просветленному молчанию в стихотворении противопоставлено мирское многословие: "фраз избитых повторенья, // Никому не нужные слова", "Где и грусть не может быть тиха". Ср. антитезу: молчание – суесловие в стих. В. Брюсова "Ангел благого молчания" (7 мая 1908): "В тихих глубинах сознания // Светят святые огни! // Ангел благого молчания, // Душу от слов охраня!" См. также об этом в коммент. к стих. "О, как смеялись вы над нами..."

А за гробом {...} // *Шла невеста, провожая жениха...* – О фольклорной основе мотивов сопоставления брака и смерти и сближения образа невесты в творчестве Блока с именем Богородицы (одно из именовании которой – "Невеста невестная") см.: *Левинтон Г.А.* Указ. соч. С. 181–182. Отмечая наличие в стихотворении противопоставленных уровней: сакрального и мирского, обрядового и профанического, Г.А. Левинтон указывает на антитезу образа жениха в зачине и "Иного Жениха" в финале стихотворения (*Там же.* С. 182). Ср. сближение темы брака и смерти в стих. "Она веселой невестой была..." (см. т. 2 наст. изд.).

Был он ~ слов кощунственных творец... – В этой характеристике "модного литератора" выразилось отрицательное отношение Блока к модернистским идеям словотворчества в отрыве от народной почвы (ср. с положениями написанного тогда же доклада "Народ и интеллигенция", 1908). Ср. негативную характеристику, данную Блоком себе и своему ближайшему окружению в следующем стихотворении данного раздела – "Друзьям": "Пустых расточители слов". Мысль о кощунстве современного ему искусства, о его разрыве с жизнью Блок развил в феврале 1909 г.: "Современная жизнь есть кощунство перед искусством, современное искусство – кощунство перед жизнью" (*ЭК.* С. 132). Ср также поэтические заповеди Вяч. Иванова (Спорады, 1907), среди которых были наказания "не творить прелюбодеяния словесного" и "не служить кумирам формы" (*Иванов Вяч.* По звездам. СПб., 1909. С. 351). Стилистический прием оксюморонного снижения высокого значения слова "творец" в словосочетании "слов кощунственных творец" усилен в стихотворении противопоставленным ему образом "венец творенья". Ср. самооценку Блока – "кощунственный лирик" – в письме к К.С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г., а также приравнивание "словесности" к "кощунству" в письме Блока – Л.Я. Гуревич от 9–14 апреля 1910 г. "Главной мукой" Блока, отмечает С. Городецкий, "было – к <190>9-му году {...} то, чтоб нельзя было про него сказать: "Был он только литератор модный, только слов кощунственных творец" (*Воспоминания, I.* С. 335). Констатируя стремление Блока выйти из "круга мистического индивидуализма", Городецкий вспоминал о своих беседах с ним тех лет: "Он ненавидел всякие литературные комбинации, кружки, течения, моды, и от всего этого иронически отделялся уничтожающими фразами" (*Там же.* С. 334, 336). Самоопределение "литератор", как вспоминал Г.И. Чулков, был "термин не слишком лестный" в устах Блока (*Там же.* С. 347).

Но мертвец – родной душе народной... – Ср. понятие "народной души" в статье Блока "Поэзия заговоров и заклинаний" (1905), где оно употреблено в той же соотнесенности с сущностными началами бытия, что и в данном стихотворении: "любовь и смерть одинаково таинственны там, где жизнь проста {...} в зачарованном кольце жизни народной души". Приобщение "литератора модного" к народной душе через обрядовые "корневые" начала сопоставимы с тем значением, которое Блок в той же статье признает за народной обрядностью как источником "неподдельной" поэзии, питающей "книжную", "бумажную" поэзию вплоть до наших дней.

Воссоздание народной точки зрения на мир как единственно верной более всего, по мысли Э.Г. Минц, роднит Блока с Гоголем (см.: *Минц Э.Г. Блок и Гоголь // БС-2. С. 183*). Ср. также воспроизведение народного взгляда на смерть в "Исповеди" Л. Толстого – ее проблематика была существенна для Блока в период написания статьи "Народ и интеллигенция" (1908).

А друзья и близкие пылили // На икону, на нее, на гроб... – Ср. вариант "Желтой пылью обдана" (см. раздел "Другие редакции и варианты"). Мотив "снижения" (в духе романтической иронии) "высокого" плана стихотворения путем столкновения с миром обыденной реальности находит обоснование в статье "Ирония" (1908). В ней, приводя слова Гейне: "(...) не могу понять, где оканчивается ирония и начинается небо", Блок пишет о провокационной иронии, которая "искажает лики наших икон, чернит сияние ризы наших святых".

...И венок случайный за венком (...) венец творенья... – Г.А. Левинтон отмечает, что пересечение в стихотворении двух ритуальных рядов (погребение – брак) проявляется и в двусмысленности, возникающей от соположения слов венок (погребальный) и венец (творенья)", последний "в этом контексте актуализирует и свое свадебное значение" (*Левинтон Г.А. Заметки о фольклоризме Блока. С. 182; см. там же (С. 183) отсылку к названию статьи Андрея Белого "Венок или венец"*).

Этих фраз ~ Возвела она в венец творенья... – Ср. слова Лазрта об Офелии: "Тоску и грусть, страданья, самый ад, // Все в красоту она преобразила." (*Шекспир В. Гамлет. Действие IV. Сцена V. Пер. А. Кронеберга*) Блок поставил их эпиграфом к стих. "Я шел во тьме к заботам и веселью..." (1898). Об атрагической концепции смерти, характерной для лирики Блока "первого тома", см. в коммент. к стих. "Мне снилась смерть любимого созданья..." (1901) (т. 1 наст. изд.).

"Венец творенья" – библеизм. Это выражение встречается в стих. Блока "Пророк земли – венец творенья..." (1900).

...В тайную улыбку Божества... – Мотив тайного знания о красоте мира (ср. "в тайне мир прекрасен" – стих. "Владимиру Бестужеву", 1912), связанный с образом Софии, Премудрости Божией проходит через все творчество Блока. Ср. в стих. "Мы преклонились у Завета" (1902): "В лучах божественного света // Улыбка виделась Жены" (вар. T_2 , см. раздел "Другие редакции и варианты" т. 1 наст. изд.), а также в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910): "В лазури чьего-то лучезарного взора пребывает теург; этот взор (...) сквозь все миры доходит к нему (...) сиянием Чьей-то безмятежной улыбки".

Сам образ восходит к творчеству Вл. Соловьева (ср. образы "подруги вечной" в его поэме "Три свидания", 1898; "Лучезарной Подруги" – в стих. "Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи...", 1898). Ср. выделенные Блоком слова в трактате Вл. Соловьева "Оправдание добра", касающиеся мирозерцания египетских гностиков Валентиновой школы (II в.): "в той же материальной природе эти мыслители поэты узнавали проявления небесной Премудрости, ниспавшей из высших сфер: так видимый свет нашего мира был для них **улыбкой Софии**, вспоминающей нездешнее сияние (...) полноты абсолютного бытия" (*Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 7. С. 61; о пометах Блока – см.: ББО-2. С. 261*).

Ср. также мотивы "невывразимой красоты" в стих. К. Льдова "Среди волнений мимолетных..." (1897):

Она мерцает отовсюду
И скорбный мир животворит
(...)

В ее младенческой улыбке
Сквозит улыбка Божества.

Убралась она фатой от пыли... – Ср. в стих. "В ночь, когда Мамай залег с ордуо...": "А Непрядва убралась туманом, // Что княжна фатой". О фольклорных истоках этого образа и об антитезе "траурная вуаль" – "фата" писал Г.А. Левинтон (см.: *Указ. соч.* С. 180, 181).

...И ждала Иного Жениха... – Иной Жених – евангельский образ. Ср.: "... не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась... Приходящий свыше и есть выше всех..." (Ин. III. 28–31). Эти слова Иоанна Крестителя о Христе приведены в дневнике Блока – см. запись от 2 апреля 1902 г.; слова: "Имеющий невесту ~ жениха" являются эпиграфом к стих. Блока "Я отрок зажигаю свечи..." (1902). См. также эпиграф из Апокалипсиса: "И Дух и невеста говорят: прииди!" (Откр. XXII. 17) – к стих. Блока "Верю в Солнце Завета" (1902); ср. интерпретацию этой цитаты в дневниковой записи Блока (между 26 июня и 21 июля) 1902 г.: "Перед нами Невеста – будущая Жена – дверь блаженства. Тайна сия велика есть". См. также евангельскую притчу о десяти девах, ожидающих жениха (Мф. XXV. 1–13).

Образ "жениха" многократно варьируется в творчестве Блока. Ср. в стих. "Мой любимый, мой князь, мой жених..." (1904): "Жду тебя, моего жениха, // Всё невеста – и вечно жена".

Ср. рассуждения Вяч. Иванова ("Спорады", 1907) о русской национальной душе, в которой он выделял ее женственное религиозное начало – «восприимчивость к свету, открытость Земли Небу, покорность наитию божественному (...) просветленное смирение тварности (...) радостный ответ Духу: "се, раба Господня", верное ожидание Жениха во полноту» (*Иванов Вяч. По звездам.* С. 371).

ДРУЗЬЯМ

("Друг другу мы тайно враждебны...")

(С. 88)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₆. Л. 59 об.–60, "24 VII 08 СПб"; БА – НР₂ III₁. Л. 71; печ. текст – *Изборник.* Л. 249–250; Кор₂ Земли. Л. 94–94 об.

Впервые: РМ. 1909. № 1. С. 83–84. 1-я паг.

Публикации: ЧД-1909. С. 489; III₁. С. 118–119, в разд. "Возмездие"; III₂. С. 108–109; III₃. С. 151–152.

В Т₆ против 2-й строфы помета Блока: "Мерзость"; вычеркнуты строфы 4-я (синим карандашом) и 7-я (красным карандашом), видимо, при подготовке публикации в III₁, те же строфы отсутствуют и в III₂.

В ЧД-1909 опубликовано без 2-й и 3-й строф.

Окончательный текст – РМ.

Толчком к написанию стихотворения послужили перипетии взаимоотношений Блока с лицами из его ближайшего литературного окружения (см. его письмо к Л.Д. Блок от 24 июня 1908 г. и записи в записной книжке от 26 июня 1908 г.). "(...) мне надо, чтобы человек дохнул на меня жизнью, а не только разговорами, плевками и предательствами, как это все время делается вокруг меня", – писал Блок жене в письме от 23 июля 1908 г., в котором проходят многие мотивы созданного на другой день стих. "Друзьям".

"Периодически вспыхивали у него ссоры и дружбы с Вячеславом (Ивановым), Чулковым, Белым, Мережковскими. Он никогда не лицемерил в литературных

отношениях и мнения свои говорил резко и прямо", – вспоминал С. Городецкий (*Воспоминания*, I. С. 336; подробнее об этом см., в частности: *Соловьев Б.И.* Поэт и его подвиг. М., 1973. С. 224–249 – главки, названные строками данного стихотворения: "Друг другу мы тайно враждебны..." и "Предатели в жизни и в дружбе..."). "Приливами гейневской иронии и злобы" были, по мнению С. Городецкого, вызваны к жизни написанные в один день стих. "Друзьям" и "Поэты". "Никто злее не говорил о литературных друзьях, чем он" (*Воспоминания*, I. С. 335). «Никогда не раздавалось "гимна" в честь дружбы, подобного стихотворению "Друзьям" (...), запев которого поражает своей трагической мрачной иронией», – писал Б.И. Соловьев (Поэт и его подвиг. С. 242). "Гейнеобразным" назвал это стихотворение Д.Е. Максимов (см.: *Максимов I. С.* 127).

Эпиграф из стих. А.Н. Майкова "Менестрель" (1869).

Друг другу мы тайно враждебны ~ вражды! – "Может быть, таков и я сам – тем больше я втайне ненавижу окружающих: ведь они же старательно культивировали те злые семена, которые могли бы не возрасти в моей душе столь пышно", – признавался поэт жене в письме от 23 июля 1908 г. "Несчастливы мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву – для злобы и ссоры друг с другом", – объяснял он позднее это явление в письме к матери от 13 апреля 1909 г. "(...) в тяжелых условиях русской культуры лежит (...) непримиримая вражда современников", – заключал в заметке («Ответ Мережковскому», 1910). Ср. об этом в воспоминаниях современников. "Мы жесточно нападали друг на друга", – вспоминал один из друзей его юности, С. Соловьев (*Воспоминания*, I. С. 124). "Я (...) придирался к поведению, чтобы оскорблять его в темной для меня точке его поведения...", – писал Андрей Белый (*Там же*. С. 315). "Блок был в сетях Мережковских – ускользал из этих сетей и вновь в них попадал", – считал Г.И. Чулков (*Там же*. С. 352).

Ср. у Гейне: "Давно тиранство дружбы знаю я" (поэма "Торквато Тассо" в пер. В.А. Зоргенфрея, выписки из нее имеются в дневнике Блока за 1921 г.).

...А как бы и жить и работать, // Не зная извечной вражды! – Призыв "отрешиться от разъедавших символизм (...) межгрупповых и личных ссор" сохранился, по мнению З.Г. Минц, в утраченном письме Блока к З.Н. Гиппиус от 14 сентября 1908 г. (*БС-4*. С. 162).

...каждый старался // Свой собственный дом отравить ~ преклонить! – Мотив разрушения быта, неприязни, бездомности проходит через письма Блока к жене 1908 г. (ср.: "Давно чужие люди зашаркали нашу квартиру" – письмо от 24 июня).

...Все стены пропитаны ядом... – Ср. с образами статьи "Безвременье" (1906), где описаны отравленные "паучьим ядом" "интеллигентные квартиры, дома, улицы".

...И негде главу преклонить! – В ряде источников (*Т₆, III₁, Изборник*) было: "И негде главы приклонить!", а в *III₂* – "(...) главы преклонить!". Основной текст стиха допускает игру смыслов (преклонить главу – почтительно наклонить голову). Однако все формы фразеологизма (основная и варианты) могут рассматриваться как синонимичные – в значении отсутствия пристанища. Ср. евангельское речение: "...Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову" (Мф. VIII. 20). Реминисценция его имеется в стих. Блока "Ты отошла, и я в пустыне..." (1907): "Сын Человеческий не знает, // Где приклонить ему главу".

...От смеху мы сходим с ума... – "От иронии, (...) ложных надежд и обещаний можно с ума сойти", – писал Блок жене 23 июля 1908 г. Теме "истерического смеха" была посвящена статья Блока "Ирония" (1908), где он писал: "Мы видим людей, одержимых разлагающим смехом, в котором они топят, как в водке, свою радость, свое отчаянье, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть".

...И, пьяные, с улицы смотрим... и след. – Ср. в статье "Ирония": «Перед лицом проклятой иронии – все равно (...) добро и зло (...) Все смешано, как в кабаке (...) А с пьяного человека – что спрашивается? Пьян иронией, смехом, как водкой; так же все обезличено, все "обесцелено"».

...Как руются наши дома... – Ср. вариант стих. "Холодный день" ("Мы встретились с тобою в храме...", 1906): "И в дом свой улицу (впусти)" (раздел "Другие редакции и варианты", т. 2 наст. изд.). О мотиве "бездомности", "разрушения" своего очага в связи с темами измены миру "первой любви", искажения "исконной гармонии бытия", саморазрушения человека в "страшном мире" писала З.Г. Минц (см.: *Минц, 4. С. 29, 32, 33, 55*).

Предатели в жизни и дружбе... – Ср. в стих. Андрея Белого "На рельсах": "Привязанность, молодость, дружба, – // Исчезли, рассеялись сном" (процитировано Блоком в статье "Безвременье", 1906). Ср. ироническое утверждение в поэме Блока "Ночная Фиалка" (1905–1906): "(...) что же приятней на свете, // Чем утрата лучших друзей", по поводу которого Белый писал, что "легкость этого заявления – показатель глубины страдания и печали, лежащей под ней (...) начало выхода в путь" (*Воспоминания, 1. С. 270*).

...Пустых расточители слов... – Ср. признание Блока: "(...) я сам (...) заражен декадентством, словесностью" (запись в записной книжке от 22 декабря 1908 г.). Эти черты, по мнению поэта, отделяли интеллигенцию от народа. Ср. в стих. Л. Вилькиной "Слова": "Слова мертвы и тяжелей оков. // Слова – души обманчивый покров".

...Мы путь расчищаем... – Эта тема была развита Блоком позднее в поэме "Возмездие". Д.Е. Максимов связывает эти строки с темой "нисхождения" у Блока – в форме утверждения "чем хуже, тем лучше"; аналогичные мотивы проходят в стих. "Дохла жизнь в лицо могилы..." (1909) и "Да. Так диктует вдохновенье..." (1911–1914) – см.: *Максимов I. С. 127–128*.

Забиться бы сном навсегда! О "забвении" Блок писал матери 28 апреля 1908 г., цитируя стих. Пушкина "Калмычке": "Друзья! Не всё ль одно и то же: // Забиться вольною мечтой (...)". Ср. в стих. М.Ю. Лермонтова "Выхожу один я на дорогу..." (1841): "Я б хотел забиться и заснуть // (...) Я б желал навеки так заснуть (...)". Ср. мотивы "забвения" в монологе Гамлета "Быть или не быть...": "Забиться сном, уснуть и видеть сны..." ("Окончить жизнь – уснуть!" – *Шекспир В. Гамлет принц датский / В новом пер. А.Л. Соколовского. СПб., 1883. С. 65 – Действие 3. Сцена 1*). См. также выписки Блока в записной книжке за декабрь 1906 г. из трактата Ф. Ницше "Происхождение трагедии" (рус. изд. 1900 г.), где говорится о "пропасти забвения", которой "разделяются миры – будничной и дионисовой действительности" и где последователь Диониса сравнивается с Гамлетом" (*ЗК. С. 81*).

ПОЭТЫ

("За городом вырос пустынный квартал...")

(С. 88)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₅*. Л. 7–2 об., "26 июня (1903)" (дата над текстом на Л. 6); *БА – Т₆*. Л. 58 об. – 59, "(1903 (B(ad) N(auheim))) 24 VII 08", правка: "(IV 1918)"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1–1 об.; *Кор₂ Земли*. Л. 95–95 об.; печ. текст – *НР СУ*. Л. 7, "24 июля 1908" (дата – рукой А.А. Блока); *Кор₁ СУ*; *Кор₂ СУ*; *Кор₁ Земли*. Л. 66.

Впервые: Кривое зеркало. 1909. № 5. С. 5.
Публикации: газ. Пламя. 1918. № 3, 19 мая. С. 5; СУ. С. 10–11, "24 июля 1908"; IIIз. .
153–154.

Черновая незаконченная редакция (без заглавия см. *ЧА ЗК₅*) состоит из 40 стихов и сопровождается множеством набросков и вариантов. В их числе – зачеркнутые ст. (5)–(8) и наброски четверостиший между ст. (36) и (37). Текст в *ЗК₅* записан в обратном порядке нумерации листов.

Первоначальный текст в *T₈* (июль 1908 г.) близок к основному (вар. в ст. 9, 15, 25). При подготовке первой публикации Блок внес исправления в ст. 5 и зачеркнул 8-ю строфу. На л. 58 об. на полях – помета: "Отвратительный анархизм несчастного пьяницы". Перерабатывая текст для публикации в газ. "Пламя" (см. *T₆–1918*), Блок пытался переделать 8-ю строфу, сопроводив правку карандашом ст. 29–32 в *T₆* пометой на л. 59: "Для Луначарского и Мейерхольда (IV 1918). Нет, не выходит!". Тогда же на полях в *T₆* было приписано не вошедшее в основной текст четверостишие. В газ. "Пламя" (и в *БА РГАЛИ*, наиболее близком по тексту к этой публикации) оно помещено между 8-й и 9-й строфами.

Окончательный текст – *СУ*.

В *T₃* (Л. 55 об.) под текстом стих. "Ты из шепота слов родилась..." (1903–1908) – запись: "Тогда же сочинены "Поэты" (см. лето 1908) (Пришли в голову летом в В(ad). Nauheim'e – и оправдались.)".

С. Бобров в рецензии на книгу Блока "Седое утро" (см.: Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 14) в связи с данным стихотворением обвинил Блока в "не умном" и "не умелом" подражании Маяковскому.

Используя образы этого стихотворения, С. Городецкий писал: «Все шире открывались глаза Блока на болото "Башни" и весь мистический круг (...) Еще злее говорит он о мещанском обществе (...) сатира – основной тон всех лет его немоты и отчаянья». (*Воспоминания*, I. С. 335).

За городом вырос пустынный квартал // На почве болотной и зыбкой. – Видимо, здесь дан обобщенный образ петербургских окраин в районе Лахты, Новой Деревни, которые были местами прогулок Блока. Ср. об этой местности в письме Блока – Е.П. Иванову, где он писал, какими "бездонными топями" окружен Петербург. В творчестве символистов (Мережковский, Андрей Белый и др.) были широко распространены мотивы, связанные с легендой о строительстве Петербурга, гласящей, что "камни", положенные в его основание, укладывались прямо "на воздух", а также – с пророчеством "царицы Авдотьи" – "Петербургу быть пусту!". В эпитете "зыбкой" имеется также намек на переносный смысл выражения "зыбкая почва" (ср. утверждение Блока в письме к З.Н. Гиппиус от 14 сентября 1902 г. об открывшейся ему возможности "строить здание не на песке", а также запись в дневнике Блока от 13 сентября 1902 г. о Д.И. Мережковском: "Болотце обходимее и безопаснее наших трясин").

Напрасно и день светозарный вставал... – Светозарность – одна из характеристик лирического мира "первого тома" Блока. Ср. в его стих. "Ожидание" (1901): "Светозарны дни". См. также тезис Андрея Белого – "Светозарна философия зорь" – в его письме к М.К. Морозовой (*РГБ*. Ф. 171. Карт. 24. Ед. хр. 1а; приведено: *Лавров А.В.* Мифотворчество "Аргонавтов" // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 158. Письмо Белого относится к тому же 1903 г., каким датирован первоначальный текст наст. стихотворения).

Когда, напивались, то в дружбе клялись... и след. – Ср. воспоминания С. Горюдецкого об атмосфере, царившей на "Башне" Вяч. Иванова: "Все были влюблены в него (Блока. – Ред.), но вместе с обожанием точили яд разложения на него" (*Воспоминания* 1. С. 332).

...мечтали о веке золотом... – Упоминание в этом контексте о "веке золотом" содержит момент автоиронии. Ср. употребление этой формулы, означающей наступление "Царства обетованного", в письме Блока – З.Н. Гиппиус от (июля (до 21) 1902): «буду (...) ждать свой "беспечальный Век Златой"» (слова в кавычках – цитата из кн.: *Мережковский Д.* Вокресшие боги (Кн. VIII. Золотой век. Гл. 8)). Ср. название одной из глав "Дневника писателя" Ф.М. Достоевского (за январь 1876) – "Золотой век в кармане"; Блок использовал его в статье "Безвременье" (1906).

Ты будешь доволен собой и женой, // Своей конституцией куцой... – Эти строки переключаются с характеристикой российского обывателя в рассказе М.Е. Салтыкова-Щедрина "Культурная тоска" (из цикла "Культурные люди", 1876): "Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать (...) зарекомендовавши себя благонамеренным, можно и об конституциях на досуге помечтать". Эпитет "куцая" соотносится со словами Блока в передаче Вл. Пяста: "(...) настоящей конституции нет; Думу быстреем образом обкорнали..." (*Воспоминания*, 1. С. 388).

...А вот у поэта – всемирный запой... и след. – Р.В. Иванов-Разумник вспоминает о своей встрече с Блоком в середине июня 1917 г., когда он "шутя напомнил" поэту "о современной эпохе "керенщины" – «что "всемирный запой" не излечивается никакими "конституциями"». На это Блок ответил: "Да, знаете, – душно!" (...) пытаются (...) оковать стихию революции, которая ворвалась в жизнь, но еще не весь сор смела с лица земли" (Памяти Александра Блока. Пб., 1922. С. 56).

...И мало ему конституций! – О противоречивости своего отношения к "конституциям" Блок писал Андрею Белому от 23 декабря 1904 г.: «Я думаю: "верно нужна конституция" (...) Тут-то подбегает "ребенок-я" и, протягивая на меня палец, кричит, заливаясь смехом: "Он хочет конституции!"».

Пусть я умру под забором, как пес ~ целовала! – Ср. в стих. "Друзьям": "Когда под забором в крапиве // Несчастные кости сгниют (...)". "Дионисическое" стремление раствориться в стихии выражено в стих. "По улицам метель метет..." (1907) – ср.: "Уйду я в поле, в снег и в ночь, // Забьюсь под куст ракитовый". О двустороннем значении мотивов "бездомности" и "падения" лирического героя Блока – с одной стороны, как результата измены высокому идеалу юности, с другой – как следствия законов "страшного мира" – см.: *Минц, 4.* С. 34.

...Пусть жизнь меня в землю втоптала... – З.Г. Минц соотносит этот мотив в лирике Блока с представлениями "шестидесятников" о действии "внешней среды" ("среда заела") – см.: *Минц, 4.* С. 31.

...То вьюга меня целовала!.. – Ср. в статье "Безвременье" (1906): "Но вьюга знает избранных. Ее ласки понятны шатунам, распятым у заборов".

"КОГДА ЗАМРУТ ОТЧАЯНЬЕ И ЗЛОБА..."

(С. 92)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА (ст. 1–6) – ЗК₂₂. Л. 26–25 об., "1 августа"; ЧА (ст. 7–12) – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 47, "8 февр(аля) 1914"; БА–Т₈. Л. 35 об., "8 февр(аля) 1914 – 1 авг(уста) 1908".

Впервые: Ежемесячный журнал. 1914. № 11. С. 3.
Публикации: *III*₂. С. 103; *III*₃. С. 155.

Стихотворение создавалось в два этапа: 1-е и 2-е трехстишия с незначительными вариантами записаны (чернилами) в *ЗК*₂₂ 1 августа 1908 г.; 3-е и 4-е – в *ЧА ИРЛИ* (автограф входил в папку *ЧС*) 8 февраля 1914 г. В *ЧА ИРЛИ* над текстом отточие, указывающее на то, что данный автограф является продолжением автографа в *ЗК*₂₂; курсив в ст. 10 не обозначен.

*T*₈ лексически совпадает с основным текстом, в ст. 10 слова "всё та же ты" подчеркнуты.

Публиковалось без вариантов.

Окончательный текст – *Ежемесячный журнал*.

По мнению З.Г. Минц, "соотношение персонажей" данного стихотворения ("я" и "ты" предельно далеки друг от друга, но "я" видит во сне "тебя"; "ты" – "меня") "дает нам довольно точную отсылку к источнику: "На севере диком..." Лермонтова (или "Eip Fichtenbaum steht einsam" Гейне, интерес к творчеству которого у Блока в эти годы резко возрастает): – *Минц З.* Функция реминисценций в поэтике А. Блока // *УЗ ТГУ*, 1973. Вып. 308. Тр. по знаковым системам. VI. С. 394.

В стихотворении имеется также переключка со строками трагедии Гете "Фауст" (пер. А. Фета). Ср.:

Почиют в глубине сердечной
Все злые помыслы и сны,
Полны любви мы бесконечной,
Любовью к Богу мы полны...

– эти строки являются эпиграфом к стих. Блока "Настал желанный час. Природа..." (1899).

...*Нисходит сон ~ дали.* – Ср. с мотивами и образами философской лирики Тютчева (см. в стих. "Как океан объемлет шар земной..." ((не позднее 1830)): "Земная жизнь кругом объята снами..."; "Есть некий час в ночи всемирного молчания..." ((не позднее 1829)): "И в оный час явлений и чудес (<...>)". Ср. также в его стих. "Бессонница" ("Часов однообразный бой..." (не позднее 1829)):

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
<...>
Бледнеет в сумрачной дали <...>

...*На разных полюсах земли.* – Автореминисценция (ср. в стих. "Сегодня в ночь одной тропею..." (1900, цикл "Ante Lucem"): "Определенные судьбою // Для разных полюсов земли...").

...*И сны встают в земной дали ~ зари.* – Ср. в стих. Ап. Григорьева "К****" ("Мой друг, в тебе пойму я много..."):

Передо мною, из-за дали
Минувших лет, черты твои
В часы суда, в часы печали
Встают в сиянии любви...

– отмечено Блоком с пометой "мистика" в его экземпляре книги: *Григорьев Ап.* Стихотворения. М., 1846. – см.: *ББО-1*. С. 251.

...твой образ, твой, прекрасный, // Каким он был до ночи злой и страстной... – Ср. в стих. Вл. Соловьева "С новым годом" (1884): "Власть ли роковая или немощь наша // В злую страсть одела светлую любовь {...}" – приведено Блоком в его наброске статьи о русской поэзии (см. записи в дневнике за декабрь 1901 – январь 1902).

Всё та же ты... – Автоцитата из стих. "Прошли года, но ты – всё та же..." (1906). По определению З.Г. Минц, формула "всё та же" в лирике Блока отражает представление поэта о неизменной глубинно прекрасной сущности мира (см.: *Минц, 4. С. 9, 24*).

...какой цвела когда-то... – "Цветение" – одна из характеристик героини "Стихов о Прекрасной Даме". Ср. в стих. "Сегодня шла ты одиноко..." (1901): "Твоей лазурью процвести" и в стих. "Признак истинного чуда..." (1901): "Ты, лазурью золотою // Просиявшая навек!"

...Там, над горой туманной и зубчатой... и след. – Речь идет о многократно встречающемся в первом томе лирики Блока образе "зубчатой" Бобловской горы. О ней Андрей Белый писал: «(...) гору, над которой Она "жила" (...) я тоже знаю, над ней, над возвышенностью за Шахматовом, бывает такой ясный закат, куда мчались искры от костра поэзии А(лександра) А(лександровича) в 1901 г.» (*Воспоминания, 1. С. 271*). Ср. в стих. "Сегодня шла ты одиноко..." (1901; правилось Блоком в 1908 г.): "Там над горой Твоей высокой // Зубчатый простирался лес" и в стих. "Ты горишь над высокой горою..." (1901). Эта гора, по замечанию З.Г. Минц, является не только конкретной приметой мира "первой любви", но и символом самой темы мистической "Встречи" – см.: *Минц, 4. С. 20*.

Эпитет "туманной" также связан с героиней "первого тома". Ср. в стих. "Ты прошла голубыми путями..." (1901): "За тобою клубится туман" и в стих. "Я, отрок, зажигаю свечи..." (1902):

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

...В лучах немеркнущей зари. – Строка отсылает нас к "Зорям" первого тома лирики Блока. Ср. в стих. Блока "Предчувствую Тебя. Года проходят мимо..." (1901): "Всё в облике одном предчувствую Тебя // Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо..." и в стих. "Мы преклонились у Завета..." (1902): "В лучах божественного света {...)". Этот мотив восходит к представлению о "райском" времени как недвижимом, вечном бытии" (*Минц, 4. С. 24*). Он связан с образом из стих. Вл. Соловьева "Бедный друг! истомил тебя путь..." (1887): "Неподвижно лишь солнце любви". Ср. также с заглавием стих. К. Случевского "Заря во всю ночь".

"ТЫ ТАК СВЕТЛА, КАК СНЕГ НЕВИННЫЙ..."

(С. 92)

Автографы и авторизованные тексты: *АСП – Т₆*. Л. 74, "1908 [XII] 8 XI"; рукой Л.Д. Блок, дата, правка и помета – рукой Блока; *БА – НР₂ III₁*. Л. 89. "1908" (дата – карандашом).

Впервые: Новый журнал для всех, 1909. Январь. № 3. Стб. 1.

Публикации: Вихрь. Литературно-художественный сборник современных писателей. СПб., 1909. С. 150; *III₁*. С. 169, "1908", в разделе "Родина"; *III₃*. С. 156.

Правка в T_6 – красным, простым и синим карандашами. Красным, повторно – простым карандашами произведены зачеркивания, простым – вписан новый текст (см. вар. б ст. 1, 3, 8, 9), зачеркнутый затем синим карандашом, которым также восстановлен подчеркиванием первоначальный основной текст в ст. 1, 3, 9 и подчеркнут вписанный основной текст в ст. 8. Первоначальный текст T_6 опубликован в НЖДВ (первая публикация) и в сб. "Вихрь". Промежуточный вариант (правка карандашом) Блоком не публиковался. Под текстом в T_6 – помета Блока: "(см. письмо какого-то профессора в Биржевке)".

В публикации в *НЖДВ* деление на четверостишия обозначно только сдвигом вправо 2-й строфы.

Окончательный текст – III_1 .

Помета Блока в T_6 (см. выше) имеет в виду "Письмо в редакцию" (напечатано: *БВ*, 1909. № 10956. 12 февр., веч. вып.). Его автор некий профессор П.И. Дьяконов (по мнению В.Н. Орлова, здесь могла иметь место мистификация) предлагал "всякому, в том числе и автору уплатить 100 рублей за перевод на общепонятный язык" данного стихотворения.

Обращено к Л.Д. Блок и перекликается с записью Блока в записной книжке от 1 августа 1907 г.: "Светлая всегда со мною. (...) Уже не молод я, много "холодного белого дня" в душе. Но и прекрасный вечер близко". Ср. утверждение Блока; "(...) Знаю ясно, что ты светлая" (письмо к Л.Д. Блок от 21 мая 1907 г.). "Светлая" – атрибут героини "первого тома", восходящий к образу "Светлой жены" Вл. Соловьева. Ср. в стих. Блока "Ты была светла до странности..." (1902). С миром "первой любви" соотносены также образы стихотворения – "дальний храм", "путник", "тихий терем", "весна далекая".

Ты так светла, как снег невинный. – Ср. в стих. Вл. Соловьева "На Сайме зимой" (1894): "Ты непорочна, как снег за горами, // (...) Темного хаоса светлая дочь!" (взято Блоком эпиграфом к сб. "Стихи о Прекрасной Даме"). См. также слова Гамлета – Офелии: "(...) будь ты чиста как лед и бела как снег (...)" (цит. по изданию, которое было у Блока: *Шекспир В.* Гамлет принц датский / В нов. пер. А.Л. Соколовского. С. 67. Действие 3. Сцена 1.). Ср. в стих. В. Григорьева "Грузинка" (напечатано в альм. "Северные цветы на 1829 год"): "Ее душа как снег на теме гор..." (приводится в письме А.А. Попова – Б.В. Томашевскому от 12 февраля 1912 г. в связи со стих. Блока "Она росла за дальними горами...", 1901 – см. *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 393–394).

Ты так бела, как дальний храм. (...) *Быть может, путник запоздалый...* – Ср. с образом "белого храма" в стих. "Она росла за дальними горами..." (1901): "Кто белый храм, безумцы, посетил". См. также переключки со стих. Вл. Соловьева "В тумане утреннем неверными шагами..." (1884): "И до полуночи (...) Все буду я идти к желанным берегам, // (...) Меня дождется мой заветный храм".

"ВСЁ ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО..."

(С. 92)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₆. Л. 52 об.; *ЧН* – *ЗК*₂₇. Л. 3. об.–10; *ЧН* (ст. 21–24) – *ЗК*₂₈. Л. 8; *БА* – *T*₇. Л. 60 об.–61, "1909 осень в Шахм(атово) после Италии – см. стр. 36) – 1911 – весна в Шахматове"; *АС* – *НР*₁*III*₁. Л. 9 рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук; Кор. л. – *НР*₂*III*₁. Л. 62.

Впервые: *PM*. 1911. № 1.. С. 70. 1-я паг., под загл. "Раздумье".

Публикации: *Ш₁*. С. 91–92, в разд. "Песня судьбы"; *Ш₂*. С. 111–112; *Ш₃*. С. 157–158.

Первый набросок – *ЧН ЗК₂₆* расположен между записями, датированными соответственно "23 июня" и "25 июня" 1909 г. Он содержит лексически сложившиеся ст. 1–4 и начало следующей, не вошедшей в основной текст строфы. К нему примыкают самостоятельные отрывки "И долго ль мне смотреть с улыбкой..." и "Я прихожу к тебе не дважды...", которые тематически и ритмически соотносятся с данным *ЧН* и с набросками к циклу "Через двенадцать лет", начатого тогда же в *ЗК₂₆*.

ЧН ЗК₂₆ был исходным для набросков в *ЗК₂₇* и *ЗК₂₈*. Эти наброски представляют нереализованный замысел Блока, в котором были неразрывно связаны темы трех впоследствии самостоятельных стихотворений: "Всё это было, было, было...", "Слабеет жизни гул упорный..." (раздел *ИС*) и "Кольцо существования тесно..." (раздел "Возмездие"). Подробнее об этом замысле см.: *Быстров В.Н., Ясенский С.Ю.* О воплощении одного поэтического замысла А. Блока // А.А. Блок. Материалы и исследования. Л., 1987. Для сохранения исходного смыслового единства наброски в *ЗК₂₇* и в *ЗК₂₈* не разделяются в качестве вариантов к разным стихотворениям, а целиком приводятся в разделе "Другие редакции и варианты" при стихотворении "Всё это было, было, было..." как наиболее близком по композиции и основным мотивам к начальному замыслу. При этом отмечаются как текстовые, так и тематические совпадения этих набросков с тремя вычленившимися позднее из них стихотворениями.

ЧН ЗК₂₇ по стадиям творческой работы можно условно разделить на три отрывка. В I входят варианты и наброски десяти четверостиший. Из них первые пять соответствуют ст. 1–19 стихотворения "Всё это было, было, было...". Далее следуют наброски, близкие 2-й, 5-й, 6-й строфам стих. "Слабеет жизни гул упорный...", 6-й строфе стих. "Всё это было, было, было..." и 2-й – стих. "Кольцо существования тесно...". Заканчивается отрывок наброском 7-й (последней) строфы стих. "Всё это было, было, было...", композиционно совпадая с началом и концовкой этого стихотворения. II отрывок содержит наброски, тематически перекликающиеся и контактирующие образы 3-й, 2-й и 4-й строф стих. "Всё это было, было, было...", 2-й и 6-й строф стих. "Слабеет жизни гул упорный..." и заканчиваются впервые сложившимся текстом 3-й строфы последнего. III отрывок состоит из пяти законченных четверостиший и двух – в набросках. Первое четверостишие ("Порою всматриваюсь жадно...") тематически тяготеет к стих. "Слабеет жизни гул упорный...", два последующих – перекликаются со 2-й, 3-й и 4-й строфами стих. "Всё это было, было, было...", далее идут четверостишия и наброски, составившие 2-ю, 3-ю и 4-ю строфы стих. "Слабеет жизни гул упорный...".

Наброски в *ЗК₂₈* органично разрабатывают замысел, намеченный в *ЗК₂₇*. *ЧН₁ЗК₂₈* (запись карандашом) варьирует мотивы, отразившиеся в 4-й, 6-й и 1-й строфах стих. "Слабеет жизни гул упорный...". *ЧН₂ЗК₂₈* (запись чернилами) состоит из семи законченных и двух незаконченных четверостиший. Из них первые три соответствуют 4-й, 5-й и 6-й строфам стих. "Слабеет жизни гул упорный...", три последующих – не вошли ни в одно из вычленившихся из первоначального замысла стихотворений, седьмое – является вариантом 6-й строфы стих. "Всё это было, было, было...", далее должно следовать четверостишие, совпадающее с 3-й строфой стих. "Слабеет жизни гул упорный...", оно уже было записано в *ЧН ЗК₂₇*, а здесь обозначено записью первого стиха и строкой отточий. После строки отточий идут наброски четверостишия, открывавшего III отрывок в *ЗК₂₇* ("Порою всматриваюсь жадно..."), которое могло быть как продолжением темы, так и одним из вариантов зачина. Эти наброски обрываются прозаической записью, обозначившей кризис исходного замысла;

после чего в *ЗК₂₈* появляется еще один набросок (близкий по содержанию к *ЧН₂ ЗК₂₈*), в котором в качестве самостоятельного намечен сюжет стихотворения "Слабеет жизни гул упорный..." (о времени его вычленения см. в коммент. к этому стихотворению).

Тогда же из общего замысла был выделен сюжет стих. "Всё это было, было, было...". Это подтверждает перечень стихотворений, записанный Блоком в *ЗК₂₈* осенью 1909 г. В нем против названия – "Всё это было, было; было..." обозначено краткое содержание стихотворения, "Пасхальная полночь – Коршун – Кремль – Четыре стены". (*ЗК₂₈*. Л. 2). Аналогичная запись сделана в *ЗК₃₁* на Л. 35.

В *T₇* при стих. "Всё это было, было, было..." имеется отсылка к "стр. 36" в *T₇* (нумерация Блока), где записано стих. "Слабеет жизни гул упорный...".

Общим импульсом для данного стихотворения и примыкающих к его первому наброску самостоятельных отрывков послужило очередное (третье) пребывание Блока в Бад-Наугейме в конце июня 1909 г. Первый из примыкающих отрывков в *ЗК₂₆* (о нем см. выше) предваряет многозначительная запись: «2-ой день "Там же в парке" в Бад-Наугейме. 23 июня» (*ЗК₂₆*. Л. 51 об.); в ней упоминается памятное для Блока место его юношеских свиданий с К.М. Садовой (подробнее об этом см. в коммент. к циклу "Через двенадцать лет"). Начатая в Бад-Наугейме работа была продолжена в Шахматове, в августе–сентябре того же года. По сравнению с первоначальным наброском замысел стихотворения был значительно расширен. В *ЧН ЗК₂₇*, помимо комплекса Бад-Наугеймских воспоминаний, определивших подтекст 1-й строфы, появляются мотивы и образы, навеянные петербургскими, московскими, шахматовскими, итальянскими впечатлениями, звучат темы судьбы, родины, любви к "единственной на свете", размышления о противоположности "небесного" и "земного", о смысле прожитой жизни и о возможности нового воплощения в ином отечестве. Этот многообъемлющий замысел в развернутом виде реализован не был. Обширные наброски в *ЗК₂₇* и *ЗК₂₈* свидетельствуют о мучительных поисках соответствующей формы. По масштабности постановки тем эти наброски тяготеют к большому лирическому замыслу о судьбах мятежной личности – о ее месте в историческом времени и вечности. Одна из линий этого замысла о том, как "странствует" "из века в век // Неусмиренный, горделивый // И неприютный человек" (*ЧН ЗК₂₈*. Л. 7 об.), своеобразно переключается с финалом философско-лирической поэмы Горького "Человек" (1903): "Так шествует мятежный человек. Вперед и выше. Все вперед и выше". Другие идеи и образы, касающиеся художественной концепции времени, имеют соответствия в творчестве Андрея Белого и Вяч. Иванова (о параллели со стих. Андрея Белого "Время", которое Блок цитировал в письме к матери от 26 октября 1908 г., см. в коммент. к стих. "Слабеет жизни гул упорный..."). Не расставшись «с прежним "романтизмом"» (*ЧН ЗК₂₈*. Л. 8 об.), по признанию самого поэта, препятствующим воплощению данного замысла, Блок не смог осуществить задуманное. Отдельные мотивы его проходят в ряде стихотворений того периода. В черновиках в *ЗК₂₆*, *ЗК₂₇*, *ЗК₂₈* прослеживается образно-тематическая связь этого замысла не только с тремя названными выше стихотворениями, на которые он распался, но и с набросками к стихотворениям цикла "Через двенадцать лет", а также – к стих. "Утро в Москве" (*ЗК₂₇*. Л. 2 об.–3 об.), "Чем больше хочешь отдохнуть..." (*ЗК₂₈*. Л. 11, 11 об.), "Дым от костра струею сизой..." (*ЗК₂₈*. Л. 4, 10 об.).

Всё это было, было, было ~ вернет? – Мотив фатальной повторяемости и невозвратности "былого" имеет подтекст, обусловленный тем, что в "Автобиографии" 1915 г. Блок определил как "личную (<...> мистику" своих "поездок в Bad Naugeim", с

которым, по его словам, у него были "связаны особенные воспоминания" и куда ему "приводилось (...) возвращаться" "каждые шесть лет". Тема воспоминаний, приводящих к углубленному раздумью о жизни и смерти, прошедшем и грядущем, могла возникнуть в стихотворении также под воздействием музыки Р. Вагнера, которую Блок слушал тогда в Бад-Наугейме, о чем в его записной книжке имеется запись от 29 июня 1909 г.: "Вагнер в Наугейме – нечто вполне невыразимое: напоминает – ἀνμνησις" (припоминание – греч.; термин эстетики Платона. – *Ред.*). Мотивы неизменной власти "прошедшего" и ностальгии по нему являются сквозными в цикле "Через двенадцать лет" – ср. в стих. "В темном парке под ольхою...": "Всё, что было, всё прошло" (см. также стих. "Всё та же озерная гладь...", "Когда мучительно восстали..." и др.). Те же настроения были выражены в примыкающих к данному замыслу незавершенных набросках в ЗК₂₆ – ср.: "И долго ль мне смотреть с улыбкой // На берег юности моей? (...) Вновь музыкой – живу, живу! (...) Я прихожу к тебе не дважды // И нет, и нет возврата мне // (...) Вернешься ль ты // И (ль) вовсе не вернешься ты?" (ЗК₂₆. Л. 51 об., 52, 52 об., 53).

...*Свершился дней круговорот.* – О значении в творчестве Блока концепции "вечного возвращения", восходящей к восточной философии (Веды, Упанишад), библейскому тезису о возвращении "на круги своя" (Еккл. I.6), учениям греческих философов (Гераклит, Эмпедокл), воззрениям А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др., и о преломлении этих идей в поэзии символистов – см.: *Максимов I. С. 74–87, 97–98, 110.*

Какая ложь, какая сила... – Ср. вариант данной строки в ЧН ЗК₂₇: "Какая ночь, какая сила". О соотношенности понятий "ложь", "ночь", "страсть" см. в письме Блока – Л.Д. Менделеевой от 2 июня 1903 г. из Бад-Наугейма (вторая поездка). Передавая свое впечатление от музыкальной драмы Вагнера "Тристан и Изольда", Блок писал о силе страсти, благодаря которой Изольда, любившая, «"ложь" страсти», "не поверила ни своей, ни Тристановой смерти". В том же письме понятие "ложь" встречается и при описании Бад-Наугейма. «И всё, всё вечером такое вкрадчивое, обаятельно-"лживое"», – пишет Блок, поясняя: «это называется "ложь"!». Ср. в его стих. "Днем вершу я дела суеты..." (1902): "Я люблю эту ложь, этот блеск". Ср. также призывание "страстей" ради обретения утраченного "блаженства" в стих. "Когда мучительно восстали...". Понятие "ложь" перекликается с идеей "творческой лжи", преображающей мир посредством воображения, творческой воли, в стих. "Под зноем флорентийской лени..." (было начато в мае–июне 1909 г.).

В час утра чистый и хрустальный, // У стен Московского Кремля... – Эти мотивы и образы развиты в стих. "Утро в Москве" ("Упоительно встать в ранний час..."); Ср. также строку в наброске к этому стихотворению в ЗК₂₇ (Л. 2 об.): "В это утро прозрачность Кремля" со строками ЧН ЗК₂₇ (Л. 7 об.) стих. "Всё это было, было, было...": "Увижу ль утром Кремль хрустальный // Холмы прозрачные Москвы?".

...*Восторг души первоначальный...* – Выражение "восторг души" встречается в стих. Вл. Соловьева "Поэту-отступнику" (1885); цитировалось Блоком в статьях "О современном состоянии русского символизма" (1910) и "Иудаизм у Гейне" (1919). Ср. словосочетание "души восторг" в написанном тогда же стих. Блока "Как прощались, страстно клялись..." (датировано: 5 сентября 1909).

Иль в ночь на Пасху (...) Иль на возлюбленной поляне (...) Иль просто в час тоски беззвездной... – Ср. аналогичные синтаксические конструкции в тематически близких строках стих. Пушкина "Дорожные жалобы" ("Долго ль мне гулять на свете...", 1830): "Иль во рву, водой размытом, // (...) Иль чума меня подцепит, // Иль мороз окостенит, //

(...) Иль со скуки околею (...)” и стих. "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." (1829):

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

Иль в ночь на Пасху, над Невою, // Под ветром, в стужу, в ледоход... – Ср. описание пасхальной ночи 1908 г. в письме Блока – Л.Д. Блок от 13 апреля 1908 г., когда, по его признанию, он "томился и блуждал около факелов Исаакиевского собора": "Дул ветер, всю ночь шел ладожский лед, было холодно и некуда деваться".

...*Старуха нищая клюкою // Мой труп спокойный шевельнет?* – Ср. с эпизодом из 5-й главы труда Пушкина "История Пугачева" (1833), в котором описано, как старуха-казачка "клюкою пригребая к берегу плывущие трупы", искала своего сына (сходство ситуаций замечено Ф.Я. Приймай).

...*Под шелест осени седой...* – Ср. в стих. "Юрию Верховскому" (1910): "И в шуме осени суровом".

...*Мне тело в дождевом тумане // Расклевает коршун молодой?* – Этот фольклорный образ (коршун расклеывает тело убитого молодца) повторяется в стих. "Коршун" (1916).

И в новой жизни, непохожей, (...) И буду также помнить дождей... – Размышления о возможности обретения новой родины путем метемпсихоза – "нового" рождения на итальянской земле стали темой стих. "Слабеет жизни гул упорный...", вобравшего впечатления Блока от путешествия по Италии. Выражение "новая жизнь" перекликается с термином Данте "Vita nuova" – см. о нем в коммент. к строкам стих. "Равенна": "Тень Данта (...) о Новой Жизни мне поет".

... *помню Калиту?* – Иван I Данилович Калита (ум. 1340), великий князь московский, объединитель русской земли под властью Московского княжества. Позднее, в 1919 г. в планах "Исторических картин" Блок отметил: "Надо написать Калиту – как он молитвенно собирает русскую землю и без милости казнит расточителей".

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ ("На разукрашенную елку...")

(С. 93)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 70–70 об., "[осень 1909 – осень 1910]", "Осень 1909–1911". *БА – НР Сказки, РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 28–29; *Кор₁ Земли*. Л. 68; *Кор₂ Земли*. Л. 98–98 об., печ. текст – *НР СУ*. Л. 23 "25 ноября 1909".

Впервые: Заветы. 1912. № 2. С. 56.

Публикации: *Сказки*. С. 18; *СУ*. С. 24–25; "25 ноября 1909"; *III₃*. С. 159–160.

Первоначально в *Т₇* были записаны первые четыре строфы, под ними поставлена зачеркнутая позднее дата (см. выше). Затем сделана приписка: "Продолж(ение) следует! И превращает уже не в фальсифик(ацию) детск(ого)", после чего на л. 70 об. приписаны 5-я и 6-я строфы и под текстом поставлена новая дата.

В сб. "Сказки" публиковалось без 5-й и 6-й строф.

Окончательный текст – *СУ*.

Сюжет стихотворения перекликается с рассказом Л. Андреева "Ангелочек" – ср. его изложение в статье Блока "Безвременье" (1906): "Сашка снял с райской елки

одного только ангелочка, чтобы не страшен и сладок был путь, сужденный всем таким Сашкам, и ушел из рая <...> к пьяному отцу. <...> отец с Сашой заснули блаженным сном, а ангелочек растаял в отдушине печки".

Заглавие "Сусальный ангел" – рождественское украшение, фигурка из сахара, покрытая сусальным золотом, применяемым для декоративной отделки, в том числе пищевых изделий.

...Сусальный ангел смотрит в щелку... – Ср. в стих. Вяч. Иванова "Дионис на елке" (1910): "Кто заглядывает в щелку // На рождественскую елку?"

Ломайтесь, тайте ~ суеты! Ср. в стих. Е.А. Баратынского "Чудесный град порой сольется..." (1830):

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

(Реминисценция
указана В.Н. Орловым)

... и умрите <...> Под ярким пламенем событий... – З.Г. Минц рассматривает эти строки в контексте сквозного для "третьего тома" мотива губительного пламени (ср. "<...> жизни гибельной пожар" – в стих. "Как тяжело ходить среди людей...", 1910), который обретает здесь мажорное звучание – "сама гибель изображается как проявление живых сил души". (см.: Минц, 4. С. 61–63).

...Под гул житейской суеты! – Ср. выражение "житейский шум трескучий" в стих. Вл. Соловьёва "Милый друг, иль ты не видишь..." ((1895)).

СОН

("Я видел сон: мы в древнем склепе...")

(С. 94)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₃₁. Л. 10–10 об.; ЧА – ЗК₃₁. Л. 11–12, "29 июня (1910)"; БА – Т₇. Л. 58–58 об., "(весна 1910 в Шахм(атове) – 5 V 1911)."; АС – НР₁ III₁. Л. 2. "1910", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие (чернилами), посвящение (карандашом) и дата – рукой Блока; Кор. л. – РН₂ III₁. Л. 51. "1910", вторым вместе со стихотворением "Я насадил мой светлый рай..." в диптихе "Моей матери". Кор₂ Земли. Л. 99–99 об.

Впервые: Литературный альманах изд. Аполлон. СПб., 1912. С. 16.

Публикации: III₁. С. 70, "1910" в разд. "Песня судьбы", вторым вместе со стих. "Я насадил мой светлый рай..." в диптихе "Моей матери"; Литературный альманах изд. Аполлон. СПб., 1914. 2-е изд. С. 16; III₃. С. 117; III₃. С. 161–162.

В Хр. Ук в Т₇ – помета Блока о выходе альманаха "Аполлон" с первой публикацией стихотворения: "вышел XI 1911".

В ЗК₃₁ имеются наброски и автограф карандашом без 4-й строфы, 3-я строфа записана на л. 12 чернилами после всего текста, ниже – варианты ст. 1–2.

В НР₁ III₁ над текстом – нумерация Блока карандашом: "XLVII".

В кор. л. НР₂ III₁ текст первоначально дан в виде отдельного стихотворения. Вводя его в состав диптиха с общим заглавием "Моей матери", Блок зачеркнул заглавие и посвящение, поставив цифру "2" над текстом; в таком виде стихотворение представлено в III₁.

В РЭ III₁ 5-я строфа зачеркнута.

В автографах и публикациях (до публикации в III₂) 4-я и 5-я строфы следовали в обратном порядке.

"Блок часто парит на великолепных высотах личного опыта, многие стихотворения его (...) дышат истинным величием мечты", – писал В. Казанский в рецензии на III₂ (БВ. 1917, 17 февраля, утр. вып.), в качестве примера называя и данное стихотворение.

В стихотворении имеется переключка с мотивами и образами стих. Сюлли-Прюдома "Сон". Ср.:

Я умер, и меня в могилу опускали,
Где предки улеглись согласною семьей,
(...)
Ужели настает эпоха обновления?
– Нет, то – мое дитя, – сказал им мой отец.
Не плачь. В земле сырой засни глубоким сном.
Придет великий день. Покойся в упованьи.
Отец, как позабыть о небе голубом?
И как не думать мне о солнечном сияньи?

Это стихотворение в переводе матери Блока вошло в составленную им подборку ее переводов французских поэтов – см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 26.

Ср. также с мотивами стих. Н. Минского "Как сон пройдут века и помыслы людей..." (1887).

Труба далекая слышна. – Евангельский образ – ср.: "И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною..." (Мф. XXIV. 31). Ср. в письме Блока – Л.Д. Менделеевой от 8 апреля 1903 г.: «Или правда, что я "не умру, но изменюсь (...) во мгновение ока по Последней Трубе"» (Блок цитирует: I Кор. 15, 52). Ср. близкие мотивы в стих. Пушкина "Подражание Корану": "Но дважды ангел вострубит (...)".

...*Не хочет воскресать она...* – Ср. о "сне" близких – в письме Блока к жене от 29 апреля 1913 г.

Нет, мать. Я задохнулся в гробе... – Ср. аналогичный мотив в стих. Гейне "Глаза мне ночь покрыла...", герой которого оказывается неспособен увидеть всеобщее воскресение.

Чтоб ангел камень отвалил ... – Евангельская реминисценция (ср.: "Ангел Господень (...) отвалил камень от двери гроба" – Мф. XXVIII. 1).

Ср. у Некрасова: "И от моей могилы душной // Надгробный камень отвали..." (указано В.Н. Орловым).

КОМЕТА

("Ты нам грозишь последним часом...")

(С. 95)

Автограф: БА – Т₇. Л. 51–51 об., "Шахм(атово). Сентябрь – октябрь (1910)", правка: "1917".

Впервые: Гамаюн. СПб., 1911. С. 191–192.

Публикации: Знамя труда (*Зн. труда*). 1918. 3(16) января. № 109. С. 2; СУ. С. 29–30, "Сентябрь 1910"; III₃. С. 163–164.

В первой публикации ст. 17–24 печатались по первоначальному тексту Т₇.

Правка карандашом, приводящая текст к основному, видимо, внесена Блоком в Т₇ при подготовке публикации в газ. "Знамя труда". Дата правки поставлена карандашом дважды: на л. 51 – ниже нового текста ст. 17–18 и на л. 51 об. – под вновь записанным текстом ст. 19–24, против которого имеется помета Блока карандашом: "настряпано".
Окончательный текст – *Зн. труда*.

Стихотворение написано в связи с появлением в 1910 г. кометы Галлея, возвращающейся к земле с периодичностью в 75 1/2 лет. По вычислениям астрономов (Коуэлла и Кроммелина) "ее хвост должен был задеть Землю, если бы достиг большой высоты. Это обстоятельство сильно взволновало публику, так как (...) он мог бы произвести в земной атмосфере значительные пертурбации, несмотря на свою крайнюю разреженность. Но он прошел мимо и сверх того развился так мало, что вызвал полное разочарование у всех наблюдателей" (*Морозов Н.* Вселенная // *Итоги науки в теории и практике.* М., 1911; см.: *Он же.* "Что может принести нам встреча с кометой" (М., 1910), а также заметку "Комета Галлея" (*Русские Ведомости.* 1910. № 103. 7 мая – в день наибольшего приближения кометы к земле). Появление кометы вызвало интерес Блока, пытавшегося вести за ней наблюдение (см. его запись в записной книжке от 11–12 мая 1910 г., а также шуточный рисунок Ремизова на с. 1 подаренной им Блоку кн.: *Ремизов А.М.* Сочинения. СПб., 1910. Т. 1, где был изображен человек на мосту с подписью: "Блок на Николаевском мосту наблюдает комету невидимую невооруженному глазу. 1910 г. февраль" – *ББО-2.* С. 209). Это событие отразилось в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910), где Блок писал: "Пустая, далекая равнина, а над нею – последнее предостережение – хвостатая звезда"; ср. образ "Кометы грозной и хвостатой" во вступлении к первой главе поэмы "Возмездие".

Образным строем стихотворение перекликается со статьей Блока "Стихия и культура" (1908), в которой "аполлиническому сну" культуры (определение Ницше) противопоставлена "разрушительная стихия" – ср.: «Вдруг в минуту истории, когда Толстой пишет "Войну и мир" (...) когда железнодорожные поезда пожирают пространство во всех направлениях, когда император немецкий (...) обнимает (...) завоевателя воздуха, -- в этот самый момент отклоняется в обсерватории стрелка сейсмографа».

Ты нам грозилшь последним часом... – "В древние времена однохвостые кометы (...) считались мечами Божиими, посланными (...) за грехи" (*Морозов Н.* Вселенная. С. 845). Ср. у Ап. Григорьева; "Грозя иным звездам стремленьем и огнем" ("Комета", 1843).

...Из синей вечности... – Ср. образ в статье Блока "Дитя Гоголя" (1909): "Из синей бездны будущего (...)" (синий цвет у Блока связан с образами "вечности" и "рая" – ср.: "Синий, синий, певучий, певучий..." в стих. "Ты – как отзвук забытого гимна", 1914). Ср. также в стих. Ап. Григорьева "Комета": "Из лона отчего, из родника творенья".

...До звезд разносится матчиш! – *Матчиш* – популярный в начале века танец в быстром темпе. Ср. о нем в статье В. Каратыгина "Блок и музыка" (*Жизнь искусства.* 1992. № 31. 8–15 августа): «"до звезд доносится матчиш" наглого человеческого зверья, отравляющего своим дыханием жизнь города».

Наш мир, раскинув хвост павлиний, // Как ты, исполнен буйством грез... – Комета Галлея относится к числу однохвостых комет, форму ее хвоста сравнивали с "мечом Божиим" и с "гурецкой саблей".

...Через Симплон... – Симплон – горный перевал в Швейцарии на стыке Пен-

нинских и Лепонтинских Альп. Вблизи него на высоте 700 м проходит знаменитый железнодорожный туннель длиной 19,7 км.

...*Сквозь алый вихрь небесных роз...* – Образ "зоревого" неба соединен здесь с мистической символикой "небесных роз" (ср. образ "Розы" в "Божественной комедии" Данте; "Рай". XXX–XXXIII). Словосочетание "небесных роз" встречается в статье Блока "О современном состоянии русского символизма" (1910); там же цитируется стих. Вл. Соловьева "Июньская ночь на Сайме", где имеется сходный образ: "И сквозь розы небес <...>". Выражение "небесных роз" подчеркнуто Блоком в его экземпляре кн. *Иванов В.И.* Кормчие звезды. СПб., 1903. С. 198 – *ББО-1*. С. 294. "Розы" как принадлежность "горнего" мира – сквозной образ в первом томе лирики Блока.

...*Звезды ужасной красоты!* – Ср. в стих. Ап. Григорьева "Призрак": "Он – будто свет зловещей, но прекрасной // Кометы <...>" – стихотворение отмечено Блоком в его экземпляре кн.: *Григорьев Ап.* Стихотворения. М., 1846. С. 172 – *ББО-1*. С. 251.

Другие редакции и варианты

Летят на демонской машине // Моран, Ефимов и Шавёз! (Т₇, Гамаюн) – Об интересе Блока к полетам первых авиаторов (в их числе были и названные в данном стихе летчики) и о его отношении к проблемам "воздухоплавания" см., в частности, в коммент. к стих. "В неуверенном зыбком полете..." (1910) и "Авиатор" (1910 – январь 1912).

Ефимов Михаил Никифорович (1881–1919) – один из первых русских летчиков; в 1910 г. окончил во Франции летную школу Фармана; в том же году на соревнованиях в Ницце и Петербурге установил ряд авиационных мировых рекордов.

"ТЫ ПОМНИШЬ? В НАШЕЙ БУХТЕ СОННОЙ..."

(С. 96)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЭК₃₃*, Л. 17 об.; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2, "6 февр(аля) 1914"; *БА – Т₈*, Л. 31–31 об., "6 февр(аля) 1914 – (лето 1911– Aberwrach) последняя строфа".

Впервые: *РМ*. 1914. № 4. С. 1. 1-я паг., "1911. Aber'Wrach, Finistère".

Публикации: *III₂*, С. 124, "Aber'Wrach, Finistère. 1911"; *III₃*, С. 165–166, "Aber'Wrach, Finistère. 1911".

В *ЭК₃₃* (1911 г.) сделан набросок одной последней строфы, ниже (под наброском к поэме "Возмездие") – помета: "Аберврак – из последних дней. Жду Любу на дороге к Мельпомене".

ЧА ИРЛИ (карандашом) входил в папку *ЧС*, на полях *ЧА* – пометы: "Эта бумага куплена в Абервраке! летом 1911 г." (Л. 1); "1914 вечером 6 февр(аля) жду Любу от Анны Ивановны (Менделеевой), вернувшейся из Рима" (Л. 2, синим карандашом).

В *Т₈* верхняя часть листа, над которым записаны первые три строфы стихотворения, оставлена свободной.

Окончательный текст: *III₂*.

Обращено к Л.Д. Блок и связано с их общими воспоминаниями о пребывании во Франции на побережье Атлантического океана в местечке Аберврак (порт на Бретонском побережье) летом 1911 г. Эпизод, положенный в основу стихотворения, был детально описан Блоком в письме к матери от 12 августа (н.ст.) 1911 г.

По свидетельству Вас. Гиппиуса, Блок высоко ценил это стихотворение (см.: *Воспоминания*, I. С. 85).

О посылке Блоком стихотворения в *РМ*, где оно было впервые напечатано, см. его переписку с Л.Я. Гуревич (письма от 12 февраля и (14 марта) 1914 г. – БС-5. С. 68,69).

З.Г. Минц отмечает в этом стихотворении "реальные" детали, заземляющие традиционно романтический образ моря у Блока (в наст. стихотворении – тема "дальних стран"), связывая эту особенность с темой "мужественных людей" и "боя" (Минц, 4. С. 158).

...*В нашей бухте сонной...* – Ср. в письме Блока к матери от 24 июля (н.ст.) 1911 г. из Аберврака: "Мы на берегу большой бухты, из которой есть выход в океан, и океан виден за группой скал и островов". Эпитет "сонной" – видимо, связан с восприятием Блока жизни на побережье как "очень тихой" и "скудной" (см. его письма к матери от 2 августа и 12 августа (н.ст.) 1911 г.).

...*Когда кильватерной колонной ~ Четыре – серых...* – Кильватерная колонна – боевой порядок кораблей, строй, при котором они следуют один за другим по линии курса. Ср. об этом событии в письме Блока – матери от 12 августа (н.ст.) 1911 г.: "На днях вошли в порт большой миноносец и четыре миноноски, здороваясь сигналами друг с другом и с берегом, кильватерной колонной – все как следует".

...*И вопросы // Нас волновали битый час...* – "<...> я решил, – писал Блок матери в том письме, – что пахнет войной, что миноносцы спрятаны в нашу бухту для того, чтобы выследить немецкую эскадру (<...>) и т.д."

...*И загорелые матросы // Ходили важно мимо нас.* – Ср. в цитированном выше письме Блока – матери: "Сейчас же стал думать о том, что немцы победят французов (<...>) жалеть жен французских матросов и с уважением смотреть на довольно корявого командира миноноски, который проходил военной походкой по набережной".

...*И вдруг – суда уплыли прочь...* – В том же письме Блок писал матери: "<...> когда миноносцы через несколько часов снялись с якоря и отправились к Шербургу, наступило всеобщее разочарование (<...> все втайне хотят, чтобы что-нибудь стряслось".

...*Нам, детям – и тебе и мне. ~ новизне...* – О "трепетной нежности" их отношений с Блоком Л.Д. Блок вспоминала: "мы окружили себя выдуманными существами (<...> как отдаленное отражение этого мира в стихах – (<...> все детское (<...> чтобы бы ни случилось с нами (<...> – у нас всегда был выход в этот мир (<...>) В нем нам было легко и надежно, если мы даже и плакали (<...>) о земных наших бедах" (*Воспоминания*, I. С. 187).

"БЛАГОСЛОВЛЯЮ ВСЁ, ЧТО БЫЛО..."

(С. 96)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₂, Л. 17 об., «К "Исходу" 1911» (карандашом над текстом); *ЧА* – *ЗК*₃₂, Л. 26 об. – 28; *БА* – *Т*₇, Л. 69 об., "15 января 1912"; *БА*₁ (ст. 1–4) – *ГПБ*. Ф. 124. Ед. хр. 510. Л. 1, "1912"; *БА*₂ (ст. 13–16) – *ГПБ*. Ф. 124. Ед. хр. 511. Л. 1, "Январь 1912"; *БА* – *НР*₂ *Ш*₁, Л. 97, "Январь 1912. С. Петербург"; *Кор. Ш*₁, Л. 106, "Январь 1912. С.-Петербург".

Впервые: *Ш*₁, С. 187, "Январь 1912. С.-Петербург", "Заключение".

Публикации: *Ш*₃, С. 167.

В *ЧН* *ЗК*₃₂ вполне оформлена (совпадает с основным текстом) 1-я строфа, в набросках же продолжения намечалась перекличка со стих. "Всё это было, было,

было...". В той же записной книжке (см. ЧА ЗК₃₂) записана черновая незаконченная редакция стихотворения из пяти строф.

В ГПБ в собр. П.Л. Вакселя хранятся два автографа на почтовых открытках, записанные Блоком по просьбе их адресатов: 1) студента-художника В.А. Триваса (см. БА₁ ГПБ с записью 1-й строфы данного стихотворения), на открытке п. шт. – "17-I-(19) 12"; 2) гимназиста Э.П. Юргенсона, впоследствии библиотекаря Публичной библиотеки в Петербурге (БА₂ ГПБ – с записью последней строфы стихотворения). В.А. Тривасу кроме того была послана записка: "Многоуважаемый Господин Тривас. Насколько помню, я послал Вам автограф. Ну вот – другой. 1912. Александр Блок". (ГПБ. Ф. 124. Ед. хр. 510. Л. 28).

В РЭ III₁ против второй строфы поставлен вопросительный знак, затем стихотворение зачеркнуто.

Создавалось в качестве заключения первого трехтомного "Собрания стихотворений" поэта. О том свидетельствует местоположение и заглавие текста в III₁ и запись о нем в дневнике Блока от 15 января 1912 г.: "(...) корпел весь день. Дописал стихи (заключение III книги)". Задуманное «К "Исходу"» не только 1911 г. (см. помету в ЧН ЗК₂₂), но и целого жизненного периода стихотворение, по первоначальному замыслу, являлось своеобразным итогом лирической трилогии и, как она, было посвящено тому "кругу чувств и мыслей", которому поэт, по его словам, "был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни" (Предисловие к "Собранию стихотворений", 1911). По своей образности и тематике оно перекликается и с авторскими предисловиями к НР и ЗС, и с характеристикой, которую Блок дал трем томам своей лирики в письме к Андрею Белому от 6 июня 1911 г., с другими высказываниями поэта о смысле своего творческого пути. В нем использованы мотивы и образы трилогии, обобщается и развивается тема пути, провозглашаются приятие драматизма жизни, верность изначальным идеалам, открытость будущему. Пафос трагически-мужественной борьбы сближает данный текст со стих. Ф.И. Тютчева "Два голоса" (1850), в котором Блок выделял близкую ему тему борьбы с Роком и мировым злом (см. об этом: Петрова И.В. Блок и Тютчев // Вопросы истории и теории литературы. Челябинск, 1968. Вып. 4. С. 92–93). В стихотворении отчетливо звучит романсная интонация.

Благословляю всё, что было ~ свет. – Ср. со стих. М.Ю. Лермонтова "Благодарность" (1840), первые пять строк которого Блок поставил эпиграфом к своему циклу "Заключение огнем и мраком" (1907). Это же стихотворение Блок вспоминает в письме к жене от 18 июля 1908 г. Рядом мотивов и образов блоковский текст соотносится с лермонтовским (ср. у Лермонтова: "За всё, за всё тебя благодарю я: // За тайные мучения страстей, // За горечь слез (...) За жар души, растроченный в пустыне"), но по сути противоположен ему. Горькой иронии Лермонтова, пессимистической концовке его стихотворения у Блока противостоит утверждение – "Я не утратил прежний свет" и заявленная в финале готовность "продолжать путь".

Образно-тематические переклички и внутренняя полемика имеется здесь и со стих. А.А. Фета "А.Л. Бржеской" ("Кто скажет нам, что жить мы не умели...", 1879), которое приводится Блоком в предисловии к ЗС.

О, сердце, сколько ты любил! // О, разум, сколько ты пылал! – Ср. в авторском предисловии к ЗС: "Далеко в потемках светит огромный факел влюбленной души", а также – сходные образы – "жар души", "душа пылает" в упомянутых выше стихотворениях Лермонтова и Фета.

...в страстной буре... – Ср. аналогичные выражения в стих. Блока – "Опустись,

занавеска линиялая..." (1908): "<...> бурей страстей огневой" и "Дохнула жизнь в лицо могилкой..." (1909): "Мне страстной бурей не вздохнуть".

...Я не утратил прежний свет. – Категория "света" – одна из важнейших в лирике Блока. В письме к Андрею Белому от 6 июня 1911 г. в качестве отправной точки "трилогии вочеловечения" он назвал "мгновение слишком яркого света". Ср. в стих. Блока "Всюду ясность Божия..." (1907): "Только верить хочешь всё, // Что на склоне лет // Ты, душа, воротись // В самый ясный свет".

И ты, кого терзал я новым ~ твоим. – Четверостишие обращено к жене поэта, Л.Д. Блок. В письме к ней от 18 июля 1908 г. Блок писал: "Все ту же глубокую тайну мне одному ведомую я ношу в себе один (...). И значит к тебе относил я слова "За всё, за всё тебя благодарю я...", как, может быть, все, что я писал, думал, чем жил (...). отослоско к тебе".

...Нам быть – вдвоем. – Ср. рефрен писем Блока к жене во время кризиса их взаимоотношений в 1908 г.: "Мы должны жить вместе и будем" (письмо от 21 июня), "Мне надо, надо быть с тобой" (письмо от 24 июня).

Глядят внимательные очи... – Символика образа восходит к идеям Вл. Соловьева о Вечной Женственности и Душе Мира. Ср. в его стих. "Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи..." (1898):

Кто-то здесь... Мы вдвоем, –
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.

Процитировано Блоком в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910), где развивается тема связи художника с "горними мирами", его "пребывания" "в лазури Чьего-то лучезарного взора". Семантически образ "внимательных очей" соотносится также у Блока с "Нечаянной Радостью", которая, по его собственному определению, является образом "грядущего мира", глядящего в глаза поэту "очами синими, бездонными" (предисловие к *НР* – т. 2 наст. изд.).

...В холодном мраке снежной ночи // Свой верный продолжая путь. – "Снежная ночь" – заглавие третьей книги "Собрания стихотворений" Блока, которую заключало данное стихотворение. О семантике этого образа см. в примеч. Блока к *III*₁. Концовка стихотворения перекликается с предисловием к *ЗС*, где автор предстает в образе путника, которому "снег слепит очи и холод (...) заграждает пути", но "во мрак и тревогу (...) торопят (...) восторги жадной жизни", и он "верит, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути (...) расстилается (...) изначальная родина" (т. 2 наст. изд.).

ПОСЛАНИЯ

Цикл "Послания" включает стихотворения 1911–1913 г., впервые объединенные под общим заглавием в *III*₂.

В начале XX в. символисты воскрешают жанр послания, расцвет которого в русской литературе относился к эпохе романтизма – 10-м – началу 20-х годов XIX в. «Послание стилизовало быт и прозаизировало сферу "поэзии", пытаясь утвердиться на игровой, фамильярной черте, одновременно разделяющей и соединяющей эти реальности» (*Грехнев В.А.* Лирика Пушкина. Горький, 1985. С. 26). В поэтических сборниках послания составляли специальный раздел книги. Для произведений этого жанра пушкинской поры были характерны: представление о духовной общности поэтов, обуславливающее обилие скрытых намеков, цитат; свобода тематического раз-

вития; восприятие автором адресата послания через созданный последним поэтический мир.

Панэстетическое мироощущение символистов лежало в основе широкого использования этого жанра в их поэтической практике. Обмен посланиями был одним из средств литературного и бытового общения и полемики. Вопрос о правомерности такой поэтической переписки был обыгран в символистской печати. В Брюсов в заметке "О дикарях" (Весы. 1909. № 6. С. 87–88) ответил на статью Л. Мовича (Образование. 1909. № 5. С. 78–90), критиковавшего В. Брюсова и М. Кузмина за обмен восхваляющими "своих" сонетами-акrostихами, и особо отметил следование символистов литературной традиции в использовании жанра послания. Ориентируясь на поэтическую практику литераторов пушкинской поры, сам Брюсов вводил в свои стихотворные сборники специальный раздел "Послания" (например, "Urbi et orbi" (1903), "Все напевы" (1909).

Целостность блоковского цикла посланий обусловлена жанровым единством стихотворений. Они адресованы собратьям-поэтам, отражают их восприятие Блоком и являются подведением определенных итогов творческих и личных отношений. Все стихотворения цикла преемственно связаны с предшествующими или ответными посланиями их адресатов. Образ лирического объекта послания представлен в стихотворениях Блока не столько в его бытовой, сколько в поэтической индивидуальности, раскрывающейся через его творчество. Это обусловило характерные черты поэтики посланий Блока: скрытое "цитирование" произведений адресатов на уровне реминисценций, воспроизведения свободных вариаций их тематики или стилевой доминанты поэзии адресата стихотворения. Присущая жанру композиционная свобода определила переходы тематического развития блоковских посланий то в реальный, то в идеальный планы.

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При получении "Идиллий и Элегий")
("Дождь мелкий, разговор неспешный...")

(С. 97)

Автографы: ЧН – ЗК₃₁. Л. 23 об., 24 об., 25, 24; БА – Т₇. Л. 59. "(Осень 1910 Шахм(атово) – 5 V 1911 СПб.)"; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 2, "1910"; БА (из собр. Н.П. Ильина – на авантитуле I₂) – ГМИСПБ (опубл.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 43).

Впервые: РМ. 1913. № 4. С. 2. 1-я паг., "1910", в подборке "Восемь стихотворений" под номером "III".

Публикации: III₂. С. 128, "1910"; III₃. С. 168, "1910".

Печатается по III₃ с исправлением опечатки в ст. 1: "непешный" вместо "поспешный" по всем источникам текста.

Наброски в ЗК₃₁ выполнены карандашом и чернилами: наброски <1> (Л. 23 об.) и <5>–<7> (Л. 24 об. – 25) – карандашом; наброски <2>–<4> (Л. 23 об. – 24) и <8> (Л. 25) – чернилами; причем наброски <1> и <2>, <3> и <4>, <7> и <8> отделены друг от друга горизонтальными чертами чернилами, имеется правка чернилами по карандашу и карандашом по чернилам. Наброски даются в той последовательности, в какой они расположены в записной книжке.

Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) – поэт, историк литературы, специалист по русской поэзии пушкинской поры. В отклике на стихотворный дебют Верховского в "Зеленом сборнике" (СПб., 1905) Блок отметил его умение "разнообразить

размеры" и владеть "стихом лучше всех" (СС-85. С. 587). В 1908 г. Блок хотел написать статью о сборнике Верховского "Разные стихотворения" (М., 1908) (ЗК. С. 117, 122). Поэты были связаны дружескими отношениями (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 43–44).

Сборник "Идиллии и элегии" (СПб., 1910) был подарен автором Блоку с надписью: "Дорогому Александру Блоку с крепким рукопожатием – автор 1910. VII. СПб." (ББО-1. С. 123). В письме Верховского от 21 ноября 1910 г. имеются сведения о начале работы Блока над посланием: "От души благодарю Вас, дорогой Александр Александрович, за ласковое приветствие моей книге и за все Ваше хорошее дружеское письмо. (...) Я тоже, сказать по правде, питал намерение ответить Вам стихами, но и не принялся за них, потому что до самых последних дней вот уже с месяц (что для меня много) не написал и строчки стихотворной. Главное мое намерение было в том, чтобы побудить Вас закончить Ваши стихи и прислать мне. И все жду их – и все буду ждать" (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 502. Л. 3–3 об.). 5 мая 1911 г. Блок присутствовал на докладе Верховского в "Обществе ревнителей художественного слова" о подготовке издания сочинений А. Дельвига (см.: Барон Дельвиг. Материалы библиографические и литературные, собранные Ю. Верховским. Пб., 1922). См. помету в записной книжке Блока: "5 мая. Общество ревнителей художественного слова. (...) Уютное гробокопательство Верховского (о Дельвиге)" (ЗК. С. 179). Эта же дата – окончание работы над текстом послания. Возможно, что на заседании Блок вручил Верховскому экземпляр I_2 со стихотворной дарственной надписью (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 43). 7 августа 1911 г. Верховский послал Блоку письмо с ответом на послание: "Вот стихи, дорогой Александр Александрович, которые должны были застать Вас в Шахматове, но оказались ненаписанными, когда Вы уже странствовали за границей (куда я и не знал, или забыл, что Вы собираетесь). Они бы могли в сентябре найти Вас в Петербурге, но я сам был еще там, когда узнал, что Вы вернулись, был у Вас и не застал, каждый день перед отъездом думал забежать к Вам и не успел. (...) Отзовитесь, если не на стихи мои (которые сами – отзыв), то на прозу" (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 502. Л. 6). Текст послания Верховского опубли.: Дружба народов. 1980. № 1. С. 251. Анализ поэтики стихотворения Блока см.: Кихней Л.Г. Послание Александра Блока "Юрию Верховскому" // Структура литературного произведения. Межвуз. сб. Владивосток, 1983. С. 107–116.

Дождь мелкий, разговор неспешный... – В воспоминаниях "О Блоке" Верховский отметил, что "в одном из позднейших изданий ошибочно напечатано: поспешный – и, кажется, где-то так перепечатывалось" (ГМИСПб. КП 106913. $\frac{XI-B}{95-1}$. Л. 3).

...Из-под цилиндра прядь волос... – Характерная деталь облика Верховского тех лет. Ср. в послании В. Пяста Верховскому (1911): "Потом ты мылся, зачерпнув воды // Своим цилиндром, будто он из меди..." (Воспоминания, 2. С. 384).

...светлый гений... – Гений (рим. мифол.) – божество, рождающееся вместе с человеком, всюду сопровождающее его и руководящее его действиями. Изображался в виде юноши с факелом, рогом изобилия в руке. Здесь: посыльный.

...С туманным факелом в руке... – Ср. в стих. "Сама судьба мне завещала..." (1899): "Светить в преддверьи Идеала // Туманным факелом моим". (Т. 1. наст. изд.).

...За каждый ваш намек ~ грустном чертеже. – В воспоминаниях Верховский отмечает переключку этой строки с оценкой Блоком стих. Верховского "Даль – очарована. И разочарованье..." в письме от 25 февраля 1913 г.: «(...) стихи не созвучны; они – Ваши очень, как многие Ваши стихи, они также "запечатаны", их надо как-то расшифровать, несмотря на полную "понятность". (...) Удивительно верный чертеж – и слабый нажим пера».

...В ночь скорбную элегий... – Реминисценция названия кн. Публия Овидия Назона "Скорбные элегии".

Другие редакции и варианты

На старой ткани "тюрлюрю". См. также приписку Блока: "Тюрлюрю – Тюрмарло" (ЗК₃₁) – Образ заимствован из "Горе от ума" Грибоедова: "Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а: Нет, если б видели мой тюрлюрю атласный!" (Действ. III. Явл. VII). О его значении см. примеч. И.Д. Гарусова в кн.: *Грибоедов А.С. Горе от ума*. СПб., 1875. С. 368: "Тюрлюрю – выездная накидка, в роде нашей мантильи. (...) В рукописи Ефремова слово *тюрярюрю* заменено другим: Нет, если б видели мой Тюрмарло атласной! В модных журналах 20-х годов мы не могли найти женской накидки под названием *тюрмарло*. При этом заметим, что только в одной последней рукописи и нашли мы слово тюрмарло". Издание "Горе от ума" под ред. Гарусова Блок изучал в 1905 г. при работе над компилятивным "Очерком литературы о Грибоедове", заказанным проф. С.А. Венгеровым (см.: *СС-12₁₁*. С. 92). Введение в послание слова из "Горе от ума" служит характеристике Верховского – филолога, занимающегося литературой начала XIX в.

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

(При получении "Зеркала теней")

("И вновь, и вновь твой дух таинственный...")

(С. 98)

Автографы: *БА – Т₇*. Л. 74 об. – 75, "20 марта (1912)"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 7, "1912 20 III"; *БА* (из собр. Э.И. Григолюка, Москва) – на авантитуле и обороте *III₁* (опубл.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 41).

Впервые: *РМ*. 1913. № 4. С. 3. 1-я паг., "1912", в подборке "Восемь стихотворений" под номером "IV".

Публикации: *III₂*. С. 129 "1912" (под рубрикой "Послания"); *III₃*. С. 169, "1912".

В *Т₇*, в *БА РГАЛИ* и в публикации в *РМ* ст. 5–8 заключены в кавычки.

Окончательный текст – *РМ*.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) – поэт-символист, критик, прозаик. Стихи Брюсова оказали значительное воздействие на поэзию Блока. Об истории их отношений см. вступ. статью З.Г. Минц и Ю.П. Благоволиной к переписке Блока с В.Я. Брюсовым (1903–1919) (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 466–477). В дарственной надписи на *I₁* Блок назвал Брюсова "законодателем русского стиха" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 40). В 1903–1904 г. он пишет две восторженные рецензии на книгу Брюсова "Urbi et orbi", отмечая ее как "важный и знаменательный литературный факт" (*СС-8₅*. С. 545). Воздействие брюсовского урбанизма ощутимо в блоковской лирике 1903–1905 г. (см.: *Максимов Д.* Брюсов. Поэзия и позиция. Л., 1969. С. 75). В рецензии 1906 г. Блок отметил, что книга Брюсова "Στέφανος. Венок" (М., 1906) "не превосходит "Urbi et orbi" (*СС-8₅*. С. 600). Новое сближение Блока и Брюсова происходит в 1907 – начале 1909 г. 26 августа 1907 г. Блок писал Г. Чулкову: "Б р ю с о в а я считал, считаю и буду считать своим ближайшим учителем – после Вл. Соловьева". В это время Брюсов публикует положительную рецензию на *II₁* (*Весы*. 1907. № 2), существенную для Блока в момент его размежевания со многими символистами. В 1910 г. произошло расхождение поэтов после публикации статьи Брюсова «О "речи рабской", в защиту поэзии» (Аполлон.

1910. № 9) – ответа на доклады Вяч. Иванова "Заветы символизма" и Блока "О современном состоянии русского символизма".

Послание написано после получения Блоком в марте 1912 г. книги Брюсова "Зеркало теней. Стихи 1909–1912" (М., 1912) с дарственной надписью: "Александрю Александровичу Блоку в знак давней дружбы и любви Валерий Брюсов 1912" (*ББО-1*. С. 110). См. дневниковую запись Блока от 19 марта 1912 г.: "Книга новых стихов от Брюсова (отозвались прежней сладостью и болью)". В ответ он послал Брюсову *III*₁ с текстом стихотворения (опубл.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 41). 4 мая 1912 г. Брюсов писал Блоку: «Хотя несколько поздно, но приношу Вам дружескую благодарность за Ваши стихи, написанные Вами на экземпляре "Снежной ночи". Мне они очень дороги, и если я не сказал Вам этого до сих пор, то лишь потому, что хотел Вам ответить стихами же. Но пока мне не удалось написать в ответ Вам ничего, что было бы равносильно Вашим строфам, и я принужден сказать свое "благодарю" – "смиренной прозой"» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 516).

...таинственный // единственной... – Ср. повтор рифмы в стихотворении "Незнакомка" (1906): "И каждый вечер друг единственный... ~ И влагой терпкой и таинственной..." (т. 2 наст. изд).

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(Ответ)

("Да, знаю я: пронзили ночь отвеча...")

(С. 98)

Автографы: *БА* – *Т*₇. Л. 75 об., "24 марта (1912)"; *БА* – *ИРЛИ*. Ф. 77. Ед. хр. 231, "23 марта 1912"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 8, "1912, 23 III".

Впервые: Гиперборей, Ежемесячник стихов и критики. II. Ноябрь. 1912. СПб. С. 4, "Март 1912".

Публикации: *III*₂. С. 130, "1912"; *III*₃. С. 170, "1912".

В *БА РГАЛИ* подзаголовок ("Ответ") дан в кавычках без скобок.

БА ИРЛИ был послан Владимиру Гиппиусу в конверте с почт. штемп.: "23.3.12" (конверт хранится – *ИРЛИ*. Ф. 77. Ед. хр. 210).

В "Гиперборее" стихотворение напечатано в составе поэтического триптиха: 1) Вл. Бестужев "Александрю Блоку" ("1912 февраль"), 2) Александр Блок "Вл. Бестужеву. Ответ" ("Март 1912 г."), 3) Вл. Бестужев "Александрю Блоку. Ответ." ("1912 г. Апрель").

Окончательный текст – *Гиперборей*.

Владимир Бестужев (Владимир Васильевич Гиппиус, 1876–1941) – поэт (псевдонимы: Вл. Бестужев, Вл. Нелединский), критик, педагог. Первый сборник стихов "Песни" (СПб., 1897). Отошел от литературы и стал преподавать в гимназии, видя в этом "дело общественного обновления России" (Автобиография. – *ИРЛИ*. Ф. 377. 2-е собрание автобиографий. № 184). В 1907–1908 гг. входил в кружок Мережковских, в 1912 г. вновь сблизился с ними на почве общности религиозно-философских взглядов. В 1910-е годы Вл. Гиппиус встречался с Блоком у своего брата А. В. Гиппиуса – университетского товарища Блока, у Мережковских и на заседаниях Петербургского религиозно-философского общества. 21 ноября 1911 г. Блок присутствовал на лекции Вл. Гиппиуса о Пушкине из цикла "Пессимизм и религиозное сознание в русской литературе", прочитанной в Петербургском религиозно-философском обществе. По мнению Блока, «суть лекции – проповеднический призыв не только к "религиозному

ощущению", но и к "религиозному сознанию» (СС-87. С. 95). На основе лекции Гиппиусом написана брошюра "Пушкин и христианство" (Пг., 1915), подаренная им Блоку (ББО-1. С. 232).

"Владимиру Бестужеву" Блока является ответом на послание Гиппиуса "Александру Блоку" (февраль 1912; опубл.: "Гиперборей". II. Ноябрь. 1912. СПб. С. 3), бывшее в свою очередь, откликом на стих. Блока "Всё на земле умрет – и мать, и младость..." (1909):

"Александру Блоку.

...Оттуда ринутся лучи.

Ты думаешь – они оттуда ринутся?
Мне кажется, что – нет:
Но в час назначенный все опрокинутся –
Все зримые в незримый свет –

Незримый свет, который в зримом стелется,
Струится и молчит;
Он вдруг заговорит, – и всё изменится,
Всё неизменное в истоме лет!

Ты понял ли, что все уже известное
Лишь неизвестно нам, –
Что мы идем в стране уже прелестной,
Но горестной очам,

Что мы струимся в самом сердце мира, –
Но мир еще не наш...
Что мы заждались в самом буйстве пира
Заветных чаш!"

24 марта 1912 г. Блок отметил в дневнике получение стихотворения Гиппиуса: "Вчера: (...) Послание в стихах от Вл. Гиппиуса". Вл. Гиппиус вспоминал об истории обмена посланиями: "Каж(ется) весной (1912 г.) – я послал ему свое возражение в стихах – со стороны оптимизма на его формулу в стихах – пессимизма. Он отозвался – тотчас же – ответил – посланием со стихами – пессимизма – пушного. По почте. Я ответил длиннейшим поучением в стихах. По почте же" (*ИРЛИ*. Ф. 77. Ед. хр. 151. Л. 39–40). Четыре стихотворения Гиппиуса ("1. Таинственно люблю и знаю сладость в розах...", "2. Да, всё признать – и безрассудно верить...", "3. Но мы забыли чувственную прелесть...", "4. Да, всё забыть! Любить с тоской пристрастной...") по своей идейной концепции продолжают первое послание Гиппиуса. Их автографы имеются в архиве Блока с пометой: "Ответ на мой вопрос вскоре", "получ(ено) 23 III 1912" (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 1, 4). Стихотворения Гиппиуса опубл.: "Гиперборей". II. Ноябрь. 1912, СПб. С. 6–8. Вл. Гиппиус писал: «На это поучение он – уже не ответил. А я ждал. И – дождался. Осенью – через моего младшего брата Васю (Вас. В. Гиппиус. – *Ред.*) – он – передал мне только что вышедшее собрание своих стихотворений – с надписью: (И усыпительно, и сладко // Поет незвучная вода, – // Что сон ночной, что сумрак краткий – // Не навсегда, не навсегда... Вл. Бестужев. – *Ред.*) Четверостишие – было взято из книги моих стихов Возвращение (Пб., 1912. На титульном листе экземпляра, принадлежавшего Блоку, дарственная надпись: "Александру Александровичу Блоку, 1 октября 1912 г." – ББО-1. С. 232. – *Ред.*)

незадолго до того посланной к Блоку. (По почте – опять же). Но я думаю, что понял верно эту выписку из моей книги – на собрании его стихотворений как ответ – на мое весеннее поучение» (*ИРЛИ*. Ф. 77. Ед. хр. 151. Л. 40). Текст надписи Блока – цитата из стих. Вл. Гиппиуса "Ты слышишь как в реке холодной..." – восстановлен по автографу Блока – надписи на *I*₂ из собрания Н.В. Гиппиуса, С.-Петербург.

С.М. Городецкий способствовал напечатанию поэтической переписки Блока и Гиппиуса в журн. "Гиперборей". 11 сентября 1912 г. он писал Вас. В. Гиппиусу: "У Вашего брата хочу просить его переписку с Блоком для второго номера" (*ЛН*, Т. 92. Кн. 3. С. 402). 15 декабря он обратился с той же просьбой к Блоку: "От Бестужева я уже получил стихи. Пожалуйста, пришли свои тотчас" (*ЛН*, Т. 92. Кн. 2. С. 60).

Послание Блока пронизано мотивами и образами стих. Гиппиуса "Александрю Блоку" и его лекции о Пушкине.

Да, знаю я: пронзили ночь отвлека // Незримые лучи. – Полемика с первой строкой послания Гиппиуса: "Ты думаешь – они оттуда ринутся? // Мне кажется, что – нет..." Образ "лучей", пронизывающих все мироздание, неоднократно повторяется в поэзии Вл. Гиппиуса 1910-х годов (*Бестужев Вл.* Ночь в звездах. Пг., 1915) и развит в брошюре "Пушкин и христианство". Ср. сквозной образ "лучезарного луча" в статье Блока "О современном состоянии русского символизма" (1910).

...человека, // Ослепшего в ночи! – Ср. в повторном ответе Гиппиуса ("4"): "Ты не ослеп – ты зарыдал в метелях // Ты встретишь ночь в звездах!".

Да, знаю я, что в тайне – мир прекрасен... – Ответная реплика на строку Гиппиуса: "Что мы идем в стране уже прелестной, // Но горестной очам". Ср. в статье Блока "О современном состоянии русского символизма" цитату из доклада В. Иванова "Заветы символизма" (1910): «Теперь на фоне оглушительного вопля всего оркестра громче всего раздается восторженное рыдание: "Мир прекрасен, мир волшебен, ты свободен"» (*СС-85*. С. 429). Также в письме Блока Л.Я. Гуревич от 17 ноября 1911 г.: "Но мир прекрасен – втайне".

Ты ведаешь, ~ до дна... – Реминисценция из стих. Пушкина "Странник" (1835): «"Я вижу некий свет", – сказал я наконец". Это стихотворение – притча о поиске человеком, "странником" в этом мире, пути духовного спасения – было подробно проанализировано Гиппиусом в лекции, а затем в книге "Пушкин и христианство" (С. 39–40).

Но страннику... – Образ восходит к стих. Пушкина "Странник".

...кто снежной ночью полон... – характерный для поэзии Блока 1910-х годов мотив стихийного начала, которому подвластен лирический герой. Ср. название третьей книги стихов Блока: "Снежная ночь" (М., 1912). Ср. в стих. "Благословляю всё, что было..." (1912): "В холодном мраке снежной ночи // Свой верный продолжая путь".

...Кто загляделся в тьму... – Ср. в повторном ответе Гиппиуса ("3"):

"И все с горящим сердцем умираем,
Томясь сознанием тьмы:

Мы раздвоили внутреннюю цельность
Навек – лучей и тьмы..."

...Приснится, что не в вечный свет вошел он, // А луч сошел к нему. – Полемический отклик на мысль Гиппиуса о пути всеобщего преображения мира "сотворенной плоти" в мир высшей реальности. Ср. у Гиппиуса: "Здесь мы или там? – И здесь и там. Еще – здесь, и уже – там!" ("Пушкин и христианство". С. 8); "Иду в rose Твоей, иду в ночи пылающей, – // Иду в свету Твоем – в Твой блеск, в Твой блеск

сверкающий, // Господь миров, Господь, миры сжигающий..." ("Ночь в звездах". С. 56). Блок противопоставляет этому пути другой – озарение человека лучом вечной истины. Образ "света" – истины восходит к евангельскому сюжету сошествия Св. Духа на апостолов (Деян. II. 3–4). Ср. интерес Блока к этому мотиву в 1907 г. при изучении литературы по истории средневекового театра: "Действительно, спускали из церковного купола на апостолов языки святого духа" (ЗК. С. 100). Ср. в ст. "О современном состоянии русского символизма" движение мотива "золотого луча"- "золотого меча": "возникают вопросы о проклятии искусства, о "возвращении к жизни", об "общественном служении", о церкви, о "народе и интеллигенции". Это – совершенно естественное явление, конечно лежащее в пределах символизма, ибо это искание утраченного золотого меча, который вновь пронзит хаос, организует и усмирит бушующие лиловые миры" (СС-85. С. 431). Ср. образ "вечного света" в стих. "Я долго ждал – ты вышла поздно..." (1901): "И в вечном свете, в вечном звоне..." (т. 1 наст. изд.) и финал стих. "Всё на земле умрет – и мать, и младость...": "Когда оттуда ринутся лучи".

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

("Был скрипок вой в разгаре бала...")

(С. 99)

Автографы: ЧН – ЗК₂₆. Л. 71 об.–72, "5 июля. Прасолово, большая дорога" (Л. 71 об.); БА – Т₇. Л. 76–77, "Допис(ано) 18 апреля 1912"; БА₁ (под копировальную бумагу) – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 9–10, "Апрель 1912" (дата и подпись – чернилами); БА₂ (на чистом листе и его обороте и обороте титульного листа III₁) – РГАЛИ (Библ. 45462/4693а), "Апрель 1912".

Впервые: РМ. 1914. № 2. С. 88–89. 1-я паг., "1912".

Публикации: III₂, С. 131–132, "1912"; III₃, С. 171–172, "1912".

Окончательный текст – РМ.

В рецензии на III₂ критик Б. Казанский отмечал: «Романтизм для Блока не мифосозерцание, но и не манера письма, а самое существо лирического мышления. (...) В нем нет претенциозности, нет роскоши. Как нищий, он смотрит на "царский поезд" Вячеслава Иванова, и свой синий плащ романтизма он носит божьей милостью» (БВ. 1917. № 16104, 17 февр., утр. вып.).

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – поэт, филолог-классик, теоретик символизма. В 1904 г. Блок написал рецензию на книгу Иванова "Прозрачность" (СС-85. С. 538–540). В статье "Творчество Вячеслава Иванова" (1905) Блок высоко оценил его как лирика и теоретика символизма. 1905–1907 г. – время наибольшего сближения обоих поэтов. В годы революции Блока привлекают идеи "дионисийства" Иванова, который "в своих весьма свободных интерпретациях Ницше рассматривает "дионисийские" начала жизни (дигармония, страсть, страдание, разъятие, гибель) как одну из сторон бытия, без которой невозможны и гармония, радость, цельность, возрождение" (Минц З.Г. А. Блок и В. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции // Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Тр. по русск. и слав. филологии. Литературоведение. Тарту, 1982. С. 102 (УЗ ТГУ. Вып. 604). Воздействие идей Иванова и образов его лирики наиболее ощутимо в цикле "Снежная маска" (см. т. 2 наст. изд.). После 1907 г. намечается расхождение Блока и Иванова. Их позиции частично сближаются в 1908 г. в размышлениях о судьбе России и в особенностях в 1910 г. в полемике о кризисе символизма. Резкое охлаждение наступило в

1912 г., когда Блок не согласился с Ивановым в вопросе о путях преодоления кризиса символизма. В письме Андрею Белому от 16 апреля 1912 г. Блок писал: "Не досадуя за меня за мое "анти-Вяч. Ивановство", для меня его атмосфера тяжела *нужно*".

О взаимоотношениях Блока и Вяч. Иванова см.: *Белькин Д.Л.* Блок и Вячеслав Иванов // *БС-2*. С. 365–373; Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н.В. Котрелева // *Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка*. 1982. Т. 41. № 2. С. 163–176.

Стихотворение является поэтическим итогом многолетних отношений Блока и Вяч. Иванова. Смена их отдельных этапов составляет его внутренний сюжет. 5 января 1912 г. Блок записал в дневнике о намерении обратиться к Иванову "с воспоминательными стихами". Послание также представляет собой отклик на стих. Иванова "Бог в лупанарии" (1909), посвященное Блоку (*Иванов Вяч. Cog Ardens*. Ч. 1. М., 1911. С. 141–142; см. также *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 550). Оно строится на повторении отдельных мотивов лирики Блока, относящейся к годам максимального сближения с Ивановым (цикл "Снежная Маска") и мотивов, отражающих "дионисийское" мироощущение Иванова (см. их анализ: *Медведева К.А.* Послание А. Блока "Вячеславу Иванову" // *Структура литературного произведения*. Владивосток. 1978. С. 73–81). О работе над стихотворением Блок писал Иванову 16 января 1912 г.: "Вас я не забываю, а напротив, – иногда сочиняю стихи к Вам обращенные". Иванов ответил на послание двумя стихотворениями: "Ты царским поездом назвал...", "Пусть вновь – не друг, о мой любимый!" (*Иванов Вяч. Нежная тайна*. Лѣтѣ. СПб., 1912. С. 10–13; см. также: *ББО-1*. С. 297). 6 мая 1912 г. Блок писал А.А. Кублицкой-Пиоттх: "Вячеслав прислал мне *Cog Ardens* с ответом в стихах – очень трогательным".

Был скрипок вой в разгаре бала. – Реминисценция из стих. А.Н. Апухтина "19 октября 1858 года" (1858): "Я видел блеск свечей. // Я слышал скрипок вой".

...В ту ночь ~ душа. – Отражение революционной атмосферы 1905 г.

Из стран чужих, из стран далеких... – В 1905 г. Вяч. Иванов приехал в Россию из Женевы. До этого 10 лет он жил за границей. (см.: Автобиографическое письмо Вячеслава Иванова С.А. Венгеру // *Русская литература XX века. 1890–1910*. М., 1916. С. 95)

...В наш огонь вступивши снеговой... – оксюморон, неоднократно повторяющийся в цикле "Снежная маска". Ср.: "Пронзай меня ~ Иглою снежного огня!" ("Сердце предано метели...", т. 2 наст. изд.); "Чтоб огонь зимы палящей..." ("Тревога", т. 2. наст. изд.). О значении этого мотива см. коммент. к стих. "Тревога".

...В кругу безумных, томнооких... – Образы одержимых священным безумием связаны с "дионисийским" мироощущением, воспринятым Блоком через книгу Ницше "Рождение трагедии из духа музыки" и ее вольную интерпретацию в творчестве Вяч. Иванова. Ср. также запись Блока к поэме "Возмездие" от 24 февраля 1911 г.: герой "попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова "революция", "мятеж", "анархия", "безумие" (...) Каждый безумствовал" (*СС-83*. С. 460).

...Ты золотою встал главой. – Характерная деталь облика Иванова. Ср. в воспоминаниях А. Белого: "Зимой 1905 года, в конце ноября, в декабре, в Петербург переехал на жительство он; золоторунная, изумрудноглазая его голова (...) наклонялась (...) поэты стекались к доброму пастырю, чаровнику" (*Белый А.* Начало века. М., 1933. С. 313). Золотая глава – народно-поэтическая метафора солнца (см.: *Афанасьев, И.* С. 220).

Был миг ~ грудь... – Мотив экстатического восторга, восходящий к "дионисийству" Вяч. Иванова.

...Не ведаю ~ мне... – Представление о сферическом строении мира восходит к "Божественной комедии" Данте (см. вступительную заметку к циклу "Страшный мир"). Образ круга – один из главных в цикле "Снежная Маска".

...И наши души ~ ныне вьюга. – Конец 1906–начало 1907 г. – время наиболее тесных творческих и личных связей Блока и Вяч. Иванова. Образ "вьюги" – один из центральных в цикле "Снежная Маска" – указывает на момент их наибольшего сближения. 16 апреля 1912 г. Блок писал А. Белому: «Когда прошли все эти годы "снежных масок", я опять стал дичиться Вячеслава; ведь в *лучшем* и заветном моем я никогда не был близок ему». Ср. у С. Городецкого: « (...) в период "Снежной маски" "среды" сыг- рали для Блока большую роль» (*Воспоминания, 1. С. 331*).

...И друга ~ как тогда, – В ответе Вяч. Иванова Блоку: "Пусть вновь – не друг, о мой любимый! // Но братом буду я тебе".

...И древних ликов красоты... – Возможно, образ восходит к статье Иванова "Символика эстетических начал" (1905). В ней раскрыты три "лика" Красоты, воспринимаемой древними через разные ипостаси образа Афродиты: «Из пенящегося хаоса возникает, как вырастающий к небу мировой цветок, богиня, – "Афрогения", "Анадиомена". Пучиною рожденная, подьмется – и уже обьемлет небо, – "Урания", "Астерия". И, "златотронная", уже к земле склонила милостивый лик; "улыбчивая", близится легкою стопою к смертным... И влюбленный мир славословит, колено-преклоненный, божественное нисхождение "Всенародной"» (*Иванов Вяч. По звездам. С. 32*).

Да, царь самодержавный – ты. – Образ поэта-"царя" восходит к стихотворению Пушкина "Поэт" (1830): "Ты царь: живи один. Дорогою свободной // Иди, куда влечет тебя свободный ум", процитированному в статье Вяч. Иванова "О веселом ремесле и умно веселии": «истинный художник есть ремесленник (...) и, если провозглашает о себе подчас, что "царь" и, как таковой, "живет один", – то лишь потому, что сердится на неудовлетворенных его делом и не идущих к нему заказчиков» (*Иванов Вяч. По звездам. С. 221*).

А я, печальный, нищий, жесткий... – Противопоставление "царя" и "нищего" характерно для блоковского осмысления сути художника в 1910-е г. А. Белый писал в воспоминаниях, что после 1906 г. «А.А. становится путником, "нищим распевающим" на дорогах мира, в то время когда мы, "мистики", тщимся задержать неизбежный ход духовного развития» (*Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 75*). В докладе "О современном состоянии русского символизма", прочитанном после доклада Иванова "Заветы символизма" (1910), Блок утверждал, что путь художника – "ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета. (...) Художник должен быть трепетным в самой дерзости, зная, чего стоит смешение искусства с жизнью, и оставаясь в жизни простым человеком" (*СС-85. С. 436*). Блок особо выделил мотив "печали" при чтении работы С.А. Венгерова "В чем очарование русской литературы XIX века?" (СПб., 1912). Одним из ее главных свойств Венгеров называет "Великую Печаль", обусловленную русским национальным характером. На с. 15 Блок отчеркнул слова: "Но ни в коем случае Великую Печаль, великую тоску русской литературы не следует смешивать с унынием. Уныние – начало мертвящее, а русская печаль – начало творческое" и записал на полях ст. 17 послания Иванову (*ББО-1. С. 120*).

Ср. отзыв Блока о статье Иванова "Мысли о символизме" (1912) в письме А. Белому 16 апреля 1912 г.: "Над печальными людьми, над печальной Россией в лохмотьях он с приятностью громыхнул жестяным листом". См. также дневниковую запись Блока от 17 апреля 1912 года: «В. Иванову свойственно миражами сверхискусства мешать искусству. (...) Для того чтобы принимать участие в "жизнетворчестве" (это суконное слово упоминается в слове от редакции "Трудов и дней"), надо воплотиться, показать свое печальное человеческое лицо, а не псевдолицо несуществующей школы».

В час ~ смотрю. – Царь – народно-поэтическая метафора солнца (*Афанасьев, I. С. 199*). По мифологическим представлениям на заре солнце-царь "надевало на голову светозарный венец, и как герой выезжало на небо на колеснице" (*Там же. С. 219*). Ср. ответную реллику Вяч. Иванова: "Ты царским поездом назвал // заката огненное диво".

АННЕ АХМАТОВОЙ

(«"Красота страшна", – Вам скажут...»)

(С. 100)

Автографы: *ЧН* и *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1, 2, 3–3 об.; Л. 2 об.– 1 об., "15 декабря", "16 дек(абря) 1913"; *БА* – *Т₈* Л. 12 об., "16 XII 1913"; *БА* (карандашом) – *РГБ*. Ф. 644, 2.18, "декабрь 1913." (дата и подпись – чернилами); *БА* (на обороте авантитула *III₁*) – в собр. М.С. Лесмана (Ленинград), "16 декабря 1913" (опубл.: 1) Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 429 (факсимиле); 2) *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 29).

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 1. С. 6, "Декабрь 1913 г." (в дате опечатка: "1914 г.").

Публикации: *III₂*. С. 133, "1913"; *III₃*. С. 173, "1913".

Черновой автограф, включающий наброски, входил в папку *ЧС*. Сначала чернилами на л. 1, 2, 3–3 об. были записаны наброски; затем на свободной обратной стороне листов (л. 2 об., 1 об.) – первоначальный вариант стихотворения. Правка *ЧА ИРЛИ* производилась карандашом и синим карандашом, карандашом вписаны также заглавие и даты (дважды: на л. 3 об. и на л. 1 об.).

Окончательный текст – *ЛТА*.

Анна Ахматова (Анна Андреевна Горенко, 1889–1966) – поэтесса, в 1910-е годы входила в литературное объединение акмеистов "Цех поэтов", в печати начала выступать с 1907 г. Блок отметил литературный талант Ахматовой в дневниковой записи 7 ноября 1911 г.: "А. Ахматова (читала стихи, уже волнует меня; стихи чем дальше, тем лучше)". В статье "Без божества, без вдохновенья" (Цех акмеистов) (1921) Блок выделил творчество Ахматовой: «Настоящим исключением среди них была одна Анна Ахматова; не знаю, считала ли она сама себя "акмеисткой"; во всяком случае, "расцвета физических и духовных сил" в ее усталой, болезненной, женской и самоуглубленной манере положительно нельзя было найти» (*СС-8₆*. С. 180). Об отношениях Блока и Ахматовой см.: *Жирмунский В.М.* Анна Ахматова и Александр Блок // *Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 323–354.

Стих "Анне Ахматовой" написано 15–16 декабря 1913 г. Ахматова свидетельствует, что она зашла к Блоку «лишь один раз, в декабре 1913 года, с тем, чтобы он сделал ей надписи на его книгах. Он жил тогда на Офицерской, она торопилась к себе в Царское Село и ушла сразу после того, как вернулась Любовь Дмитриевна. "Я просидела у Блока недолго, минут сорок» (Цит. по: *Максимов Д.Е.* Ахматова о Блоке // *Художественно-документальная литература. Межвуз. сб. научн. тр.* Иваново, 1984. С. 95). 16 декабря Блок надписал Ахматовой *I₁*, *НЧ* и *III₁*, на последнем был текст послания (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 29). Ахматова вспоминала: «На каждой он написал просто: "Ахматовой – Блок". А на третьем томе поэт написал посвященный мне мадригал: "Красота страшна" – Вам скажут..."» (*Воспоминания*, 2. С. 95). 7 января 1914 г. Блок получил ответное стих. Ахматовой "Я пришла к поэту в гости..." и отметил это в записной книжке. Оба стихотворения были напечатаны в журн. "Любовь к трем

апельсином" (1914. № 1). 18 января 1914 г. Блок писал Ахматовой: «Мейерхольд будет редактировать журнал под названием "Любовь к трем апельсинам". (...) Позвольте просить Вас (по поручению Мейерхольда) позволить поместить в первом номере этого журнала – Ваше стихотворение, посвященное мне, и мое, посвященное Вам. Гонорара никому не полагается. Если Вы согласны, пошлите стихотворение Мейерхольду (площадь Марининского театра, 2), или напишите мне два слова, я его перепису и передам».

Об истории послания Блока см. предисловие В.А. Черных к публикации переписки Блока с А. Ахматовой (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 571–575).

Стихотворение написано размером испанского романсеро в его русском варианте – четырехстопные хорей без рифм, со строфическим чередованием трех стихов с женским и одного с мужским окончанием. Анализ поэтики стихотворения см.: *Лотман Ю.М.* А.А. Блок. Анне Ахматовой // *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972. С. 223–234.

Шаль испанскую на плечи, // Красный розан – в волосах. – В воспоминаниях о Блоке Ахматова писала: «У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила. Не случайно это стихотворение написано испанской строфой романсеро. И в последнюю нашу встречу, за кулисами Большого драматического театра весной 1921 года, Блок подошел и спросил меня: "А где испанская шаль?" Это – последние слова, которые я слышала от него» (*Воспоминания*, 2. С. 95). Несмотря на это утверждение Ахматовой, шаль присутствует в ее портретах 1910-х годов. На портрете работы Н. Альтмана (1914) она изображена в желтой шали.

"*Красота проста*"... – Ср. в написанном в тот же день стих. "О, нет! не расколдуешь сердца ты..." (1913): "И ты *простой* возжаждешь красоты". О сходстве мотивов этих стихотворений см. в работе: *Топоров В.Н.* Об одном аспекте "испанской" темы у Блока // Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975. С. 122.

"И ВНОВЬ – ПОРЬВЫ ЮНЫХ ЛЕТ..."

(С. 101)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1, "1912" (дата – красным карандашом); *БА – Т7*. Л. 79–79 об. "Ночь 19–20 июня (1912)".

Впервые, *РМ*. 1913. № 4. С. 1–2. 1-я паг., в подборке "Восемь стихотворений" под номером "II".

Публикации: *III*₂, С. 134; *III*₃, С. 174, "1912".

В *ЧА ИРЛИ* – на листе из записной книжки, под текстом помета чернилами: "Ночь 19–20 июня, жду милую из Терик в гости", на полях – запись карандашом: "20 VI – вчера было так, а сегодня – уже нет..."

В публикации в *РМ* в ст. 15 выделены курсивом слова "мое" и "наше".

Окончательный текст. – *III*₂.

Мотивы данного стихотворения повторены и переосмыслены в написанном несколько дней спустя стих. "Миры летят. Года летят. Пустая..." (2 июля 1912). Ср.:

А ты, душа, усталая, глухая
О счастья твердишь, – который раз?

⟨...⟩

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...

и далее.

И вновь – порывы юных лет... – О периодическом возвращении юношеских настроений Блок писал Л.Д. Блок 27 февраля 1908 г.: "Иногда бывает восторженно, как в ранней юности". Ср. в стих. А.М. Жемчужникова "Осенью" (1889): "опять, как в юные года ⟨...⟩". Обе аналогии относятся и к стих. "Так. Буря этих лет прошла..." – см. коммент. к нему.

Но счастья не было – и нет. – Аналогичные мотивы проходят во многих стихотворениях Блока. Ср. в стих. "Усталый от дневных блужданий..." (1898): "Где счастье брезжит нам порою, // Но предназначено – не нам" (эти стихи отсылают нас к строкам стих. М.Ю. Лермонтова "Чаша жизни": "Что в ней напиток был мечта // И что она не наша"; ср. в наст. стих. мотив "несбыточной мечты" и образ "чаши"); см. также в стих. "Она, как прежде, захотела..." (1908) утверждение – "земное счастье запоздало ⟨...⟩" и подобное – в стих. "С мирным счастьем покончены счеты..." (1910).

Пройди опасные года. ~ чуду... – Ср. в письме Блоку – Андрею Белому от 6 июня 1911 г. признание об опасности, которые подстерегали его, когда он "неопытным юношей задумал тревожить темные силы – и уронил их на себя". И там же – о "чуде", ожидающем тех, кто пережил "этот долгий и страшный поединок" – они "должны выйти из ночи – ЧУДЕСНО РАЗНЫЕ, как подобает человеку".

...Что счастья и не надо было, ~ не хватило... – Отказ от личного счастья был обусловлен у Блока его пониманием смысла человеческой жизни как пути "воплощения" и "вочеловечения" – от "мгновения слишком яркого света" через "болотистый лес" – к "рождению человека "общественного" ⟨...⟩ мужественно глядящего в лицо миру" (ср. в наст. стих. – "И с миром утвердился связь". "Воплощенный – всегда "несчастливцев"" (то же письмо Андрею Белому, см. выше). Ср. отрицание счастья в его стих. "Холодный день" ("Мы встретились с тобою в храме...", 1906): "Нет! Счастье – праздная забота, // Ведь молодость давно прошла".

Определение счастья как "несбыточной мечты" связано с проблемой "воплощения несбыточного" понимаемого как "вечная гармония" (статья Блока "Безвременье", 1906). Ср. у П. Якубовича: "Что умерла о счастья мечта..." (стих. "Рассеян мрак – завеса поднята"; в нем, как и в наст. стихотворении, "отрицание счастья связано, – по наблюдению З.Г. Минц, – с радостным ощущением причастности к общей жизни: "Идем бороться, мыслить, жить" – Минц, З. С. 101).

Что через край перелилась // Восторга творческого чаша... – Ср. в письме Блока – Г.И. Чулкову слова о Вл. Соловьеве: "⟨...⟩ и не от убыли, а от прибыли пролилась его богатейшая чаша ⟨...⟩ и на меня упала капелька ⟨...⟩" (письмо от 23 июня 1905 г.). Образ переполненной чаши отчасти связан с концепцией Ф. Ницше, различавшего два типа творчества – "из полноты" и "из голода". Ср. основанные на этой теории рассуждения Вяч. Иванова о творчестве Шиллера и Гете: «⟨...⟩ Шиллер не кажется нам творящим "из полноты", скорее – "из голода". Отсюда – его порыв. ⟨...⟩ Друг Шиллера – Гете – творил из полноты и поистине подобылся переполненной чаше. Но его преимущественной чертой была хранительница **мера, этот эстетический аспект закона самосохранения**» (Иванов Вяч. По звездам. С. 82–83; подчеркнуто Блоком, им также отмечены строки о Шиллере – см.: *ББО-1*. С. 295). Ср. в данном стих. дионисийские мотивы ("порывы", "взрывы сил"), которые уравниваются мужественным приятием мира, утверждением единства с ним.

...И всё уж не мое, а наше... – Идея перехода от "личного" к "общему" владела Блоком во время работы над поэмой "Возмездие" (позднее он назвал это "главной ее мыслью" – см. запись в записной книжке от 3 июня 1916 г.). Ср. в письме Блока Андрею Белому от 12 марта 1911 г.: « (...) за плечами огромная жизнь (...) – все "мое" и все "не мое", равно великое: "священная любовь", и 9-е января, и Цусима – и над всем единый большой, строгий, милый, святой крест. Настоящее – страшно важно, будущее – так огромно, что замирает сердце (...)».

...О детской той мечте, о зыбкой... – Ср. в стих. "Сусальный Ангел" (1909): "Ломайтесь, тайте и умрите, // Созданья хрупкие мечты" – об этой параллели писала З.Г. Минц (см.: *Минц*, 4. С. 153).

ХУДОЖНИК

("В жаркое лето и в зиму метельную...")

(С. 101)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 1–3, («"Художник" (Творчество)»), "12 XII. (1913)"; *АС – Т8*, Л. 2–2. об., "12 XII 1913. Периодическая(?) Л(юба? – Л.Д. Блок) 30 XII" (рукой Л.Д. Блок); заглавие, дата и помета – рукой А.А. Блока; *БА – ИРЛИ*. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 31. Л. 1–2. *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а, Л. 13–14, "1913, 12 XII"; печ. текст – *Изборник*, Л. 341–342; *БА* (ст. 1–4) – в альбоме К.И. Чуковского (*Чукоккала*); опубл. (факсимиле): Чукоккала. М., 1979. С. 211.

Впервые: Сирин. СПб., 1914. Сб. 3. LIII–LIV, в цикле "Седое утро" под номером "I".

Публикации: *III*₂. С. 138–139; *III*₃. С. 175–176, "1913".

В *ЧА ИРЛИ* сначала были записаны семь строф: 1-я, 2-я, 4-я и 5-я – на листе, пронумерованном Блоком цифрой "I" (Л. 1), 6-я, 7-я и 8-я – на листе с цифрой "II" (Л. 3). Затем на отдельном листе (Л. 2). с пометой Блока: "к 1", отсылающей к л. 1, была записана 3-я строфа и все строфы пронумерованы на полях цифрами "1"–"8" в той же последовательности, что и в основном тексте.

В *БА ИРЛИ* (из фонда Р.В. Иванова-Разумника) имеется помета Блока карандашом: "Сирин III"; 3-я и 4-я строфа отделены друг от друга чертой красным карандашом; над текстом стоит цифра "1" (синим карандашом); против 1-й строфы – цифра "3", против 4-й строфы – цифра "4" (обе красным карандашом).

В *БА РГАЛИ* под текстом помета карандашом: "Сирин III".

Окончательный текст – *Сирин*.

В 1919 г. в ответ на расспросы К.И. Чуковского о стих. "Художник" Блок записал в его альбом 1-ю строфу этого стихотворения с пояснением: "Таков художник – и до сих пор это так, ничего с этим не сделаешь, искусство с жизнью помирить нельзя. Александр Блок 13 марта 1919. Заседание." (*БС-2*. С. 425; Чукоккала. М., 1979. С. 212).

Проблема творчества (в одном из вариантов *ЧА ИРЛИ* стихотворение так и называлось – "Творчество") волновала Блока всю жизнь. Многие из его статей – начиная от юношеского наброска статьи о поэзии в дневнике 1901–1902 гг. и кончая статьей "О назначении поэта" (1921) – посвящены раздумьям о сущности творчества и предназначении поэта. Одним из исходных моментов был тезис о "нездешних" источниках вдохновения, о приобщении поэта путем творческого акта к "мирам иным",

"музыкальной" основе мира. Такая концепция творчества у Блока была связана с особым пониманием "музыки" как начала, творящего мир. Это понимание, в свою очередь, восходит к представлениям древних греков о музыкальной гармонии сфер, идеям А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Т. Карлейля (подробнее об этом см.: *Максимов 1. С. 363–366*). Взгляды Блока на смысл творческого процесса перекликаются с воззрениями Андрея Белого и Вяч. Иванова. Последний, в частности, заявлял, что художник "должен перестать творить вне связи с божественным всеединством" (*Иванов Вяч. По звездам. С. 284*; цитируемое подчеркнуто Блоком – см.: *ББО-1. С. 296*). Ср. также готовность Вяч. Иванова следовать призыву Сократа: "Предайся музыке" (*Там же. С. 350*). А с идеей Блока о "творческом разуме" как силе, "закрепляющей" и убивающей "познанное" ("Жду, чтоб понять, закрепить и убить"), соотносимо представление Вяч. Иванова о том, что "гений – демоническая сила (...) хранительная и роковая вместе" (*Там же. С. 342*).

В жаркое лето и в зиму метельную ~ звон. – Прозвучавшая, по разъяснению самого Блока, в подтексте 1-й строфы мысль о трагической непримиримости искусства и жизни (см. выше запись в "Чукоккале" по этому поводу) была сформулирована им ранее в 1912 г., в статье "Искусство и газета" и повторена в заметке "Непонимание или нежелание понять?". В ответ, упрекнув Блока в антидемократизме его эстетических воззрений, Д.С. Мережковский противопоставил такому размежеванию "искусства" и "жизни" опыт народного мировосприятия – например, няни Пушкина, которая «слушает в церкви во время обедни херувимскую, – и жизнь не "постыла" ей (...) между красотой божественной и жизнью человеческой есть для нее примирение» (статья "О черных колодцах" – В кн.: *Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг., 1915. С. 319*).

В дни ваших свадеб, торжеств, похорон... – Автореминисценция строки из стих. "Сгушался мрак церковного порога..." (1902): "В дни свадеб, в дни рождений, похорон". Близкие словосочетания встречаются в стих. М.Ю. Лермонтова "Поэт" ("Отделкой золотой блистает мой кинжал...", 1838): "Во дни торжеств и бед народных" и стих. Я. Полонского "Вечерний звон": "И будет день иных явлений // Иных торжеств и похорон (1-й вариант 1890 г.; это двустичие дважды цитировалось Блоком в его дневниковых записях за 1902 г. – см.: *СС-87. С. 41, 50*). Ср. также в стих. Вяч. Иванова "Дни недели" (1888): "В дни трудов и в дни торжеств".

...Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную... – О сквозном в лирике Блока мотиве "скуки" как состояния предтворческого, родственного "угрюмству" см. в статье В.Н. Быстрова "Угрюмством множа красоту. Об одном эпитафе у А. Блока" (*Русская речь. 1989. № 1. С. 15–21*).

...И с холодным вниманием // Жду, чтоб понять, закрепить и убить. – Ср. в статье "О назначении поэта": "Второе требование Аполлона заключается в том, чтобы поднятый из глубины и чужеродный внешнему миру звук был заключен в прочную и осязательную форму слова". Ср. также с идеей Вяч. Иванова о том, что "развитие поэтического дара есть изошрение внутреннего слуха: поэт должен уловить, во всей чистоте, истинные свои звуки" (*Иванов Вяч. По звездам. С. 349*).

С моря ли вихрь? Или сирини райские // В листьях поют? (...) Или ангел летит? – Сирин в средневековой мифологии райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам. В русских духовных стихах Сирини, опускаясь из рая на землю, зачаровывали людей своим пением. Генетическое родство сирини с сиренами, обитающими на скалистых морских берегах, ощутимо в данном стихотворении ("С моря ли вихрь?"). Прослеживается также связь с тем значением сирен, которое они обрели в классической античности (см.: *Платон. Государство. X. 616b–617e*) как мудрые

существа, сидящие на восьми небесных сферах "мирового веретена" богини Ананке и своим пением созидающие гармонию космоса (ср. "звон (...) тянет (...) еле приметную нить"). Ср. запись в дневнике Блока от 11 октября 1912 г.: "Сам я, может быть (мало вероятно), могу проникнуть в 'Ανάνκη (судьбу – греч. – Ρεδ.) (...), но я и останусь один, а вокруг меня будет по-прежнему бушевать равнодушная к Богу эпоха".

Называя "рай" в качестве одного из возможных источников творческого вдохновения. Блок перекликается с Вяч. Ивановым, также следовавшим этой традиции и актуализировавшим ее, связывая с проблемой бессознательного в искусстве, вопрошая: "И не в древний ли сокровенный рай всякий раз чудесно проникает художник, чтобы творить успешно? Не тогда ли только творит он успешно, когда творит бессознательно, когда направляющий его руку центр сознания не в нем, как личности, а где-то вне его?.." ("Спорады" – гл. "О художнике" – В кн.: *Иванов Вяч. По звездам.* С. 342–343).

Ср. в трагедии Пушкина "Моцарт и Сальери" (1830):

(...) Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!

...Или время стоит? – Мотив "неподвижного", "райского" времени – один из сквозных в лирике Блока. Ср. в стих. Вяч. Иванова "Пламенники": "Над временами живых // Стоит неподвижное время" и в его же стих. "Время": "Прекрасное, стоит мгновенье. // Вечность, // Хранит уста..." (к нему взят эпитафия из стих. Вл. Соловьева "Бедный друг! Истомил тебя путь...": " (...) Неподвижно лишь солнце любви").

Прошлое страстно глядится в грядущее. // Нет настоящего. Жалкого – нет. – Ср. запись Блока от 29 июня 1909 г. после слушания музыки Р. Вагнера в Бад-Наугейме: «"Настоящего" в музыке нет, она всего яснее доказывает, что настоящее (...) только условный термин для определения границы (несуществующей, фиктивной) между прошедшим и будущим (...) Музыка творит мир. Она есть духовное тело мира – мысль (текущая) мира (...)» (ЗК. С. 150).

И замыкаю я в клетку холодную... Ср. в стих. Вяч. Иванова "Художник" (1906): "Одной души живую сагу // Замкнет в огонь своей мечты".

...*Птицу, хотевшую смерть унести, // Птицу, летевшую душу спасти.* – В различных мифопоэтических традициях птицы выступают как символ божественной сущности, духа жизни, свободы, вдохновения, пророчества. Образ восходит также в древним фольклорным представлениям о птице как переносчице души из царства мертвых в царство живых. О параллели птица – мечта, воображение, мысль – в русской поэзии см.: *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. С. 101–102. Ср. у Блока в стих. "В лапах косматых и страшных..." (1905): "Золотую птицу мы увидим во сне // Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты"; в стих. "В бесконечной дали корридоров..." (1907): "Сердце – легкая птица забвений // В золотой пролетающий час"; в стих. "Стучится тихо. Потом погромче..." (1907): "И что мне снится // В моей темнице, // Когда поет // Такая птица? // Прочь из темницы // Куда зовет?".

Лябите вы под окном постоять? // Песни вам нравятся. Я же, измученный... – В статье "О назначении поэта" (1921), выделяя основные моменты творчества, Блок писал (...) чем напряженнее приобщение к хаосу, чем труднее рождение звука, – тем более ясную форму стремится он принять, тем он протяжней и гармоничней, тем неотступнее преследует он человеческий слух. Наступает очередь для третьего дела

поэта: (...) приведенные в гармонию звуки надлежит внести в мир. Здесь происходит знаменитое столкновение поэта с чернью".

"О, НЕТ! НЕ РАСКОЛДУЕШЬ СЕРДЦА ТЫ..."

(С. 102)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1–7 об., "допис. 15 XII (1913)", вместе с зачеркнутыми набросками в верхней части: л. 2 – "Я думал жизнь минула..."; л. 4 – стих. "Мы забыты одни на земле..." и на л. 6 об. стих. "Седое утро"; *БА – Т₈*. Л. 4 "15 XII 1913"; *БА* (ст. 1–4) – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1, "29 июня 1917 СПб.", на форзаце, вырванном из книги с подписью: *БА* (карандашом) – *Изборник*. Л. 343–344, [15 XII]; *Кор₁ Земли*. Л. 76, *Кор₂ Земли*. Л. 107–107 об.

Впервые: Сирин. СПб., 1914. Сб. 3. С. LVIII–LX, в цикле "Седое утро" под номером "III".

Публикации: *Ш₂*, С. 140–141; *Ш₃*. С. 177–178, "1913".

ЧА ИРЛИ входил в папку *ЧС*, на л. 2 нумерация "190", причем Блок использовал часть листов с зачеркнутыми набросками трех других стихотворений (см. выше описание л. 2, 4, 6 об. *ЧА ИРЛИ*).

Первоначально в *ЧА ИРЛИ* были записаны чернилами и пронумерованы карандашом восемь строф: с 1-й по 6-ю, 8-я и 9-я (помеченные цифрами "7" и "8"). При этом 2-я строфа была записана на отдельном листе (видимо, позднее) и помечена цифрой "2". Вероятно, также был вложен в общую первоначальную последовательность текста л. 4 с записью второго варианта 6-й строфы (первый вариант ее на л. 5 был зачеркнут синим карандашом и не нумерован).

Доработка *ЧА ИРЛИ*, приближающая текст к основному, производилась карандашом. На л. 4 ниже третьего (исправленного карандашом) варианта 6-й строфы была приписана 7-я строфа. На л. 7–10-я строфа (и наброски к ней – на л. 7 об.). Все строфы перенумерованы в соответствии с их расположением в основном тексте. Ниже 10-й строфы на л. 7 поставлена дата переработки (см. выше).

В *ЧА ИРЛИ* и в *Т₈* подчеркнуты слова: "простой" в ст. 20, "неземного" в ст. 22, "недуг" в ст. 28.

В *Кор₂ Земли* в ст. 15 подчеркнуто слово "красивой", на полях – помета Блока: "NB–курсив!". Курсив в этом стихе был введен в *Ш₃*.

В *БА Изборник* подчеркнуты слова: "красивыми" в ст. 9 "простой" в ст. 20, "он" в ст. 21, "неземной" в ст. 22, "недуг" в ст. 28.

Окончательный текст – Сирин; в *Ш₂* – без 7-ой строфы.

Упоена красивыми мечтами... – В статье "Искусство и газета" (1912) Блок писал об антиномии "красивого" и "прекрасного": "Многие люди любят красивое (...) Прекрасного не любит почти никто". О значении этих категорий в эстетике Блока см.: Орлов Вл. Перепутья. М., 1976. С. 329.

И ты простой возжаждешь красоты. – О понятии "простой" красоты у Блока см. в коммент. к стиху: «"Красота проста", Вам скажут...» в стих. "Анне Ахматовой".

...лусто; нет огня... – Ср. в стих. Вл. Ленского "Утренние звоны": "Душа без жизни, без огня..."; процитировано Блоком в статье "Литературные итоги 1907 года".

...Их тайный жар тебе поможет жить. – Ср. у Н.М. Минского: "И как твой тайный жар другие назовут" (стих. "Конец земной борьбы нам видеть не дано...", 1896; реминисценция указана Вл. Орловым). Образы "сердечного жара", "пыла", "душевного огня" проходят через лирику Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета и др. поэтов. Они являются сквозными и у Блока (см. стих. "Там в полусумраке собора...", 1902; "Всё это было, было, было...", 1909; "Благословляю всё, что было...", 1911 и др.). Выражение "тайный жар" Блок использовал позднее в статье "О романтизме" (1919) для характеристики романтического мировосприятия – "глубокого перелома (...) в душе, которая (...) взглянула на мир по-новому, потряслась связью с ним, прониклась трепетом, тревогой, тайным жаром (...)". "Тайный жар глубокого пафоса", по мнению критика Б. Казанского, "озаряет изнутри" "простоту и прозрачность стиля" стихотворений всего третьего тома лирики Блока, "предохраняя его от жесткости и сухости" (*Казанский Б. Александр Блок. Стихотворения. Кн. 3. 2-е изд. М., 1916 // БВ. 1917. 17 февраля, утр. вып.*).

ЖЕНЩИНА

("Да, я изведала все муки...")

(С. 103)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* (ст. 1–40 – *ЗК*₂₄. Л. 12 об., "31 января (1909)"; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 87, Л. 1–5, "31 I 1909–1914"; *БА* – *Т8*. Л. 77 об.–78 об., "(31 I 1909) – авт(уст) 1914"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 28–29, "1914 авт(уст) (–31 I 1909). "(на л. 28 помета: "день 22 III 1915 (Пасха)".

Впервые: *День*, 1915. 79(877). 22 марта. С. 3, без деления на строфы.

Публикации: *СУ*, С. 66–68, "Август 1914"; *III*₃. С. 179–180.

Первоначальный текст в *ЧА ИРЛИ* состоит из десяти строф, причем вместо ст. 5–8 следуют две другие строфы, а строфы 9-я и 10-я отсутствуют (их набросок зачеркнут и помечен на полях галочкой). Там же – на л. 4 имеется набросок начала стихотворения, а на л. 5 – близкий к основному тексту набросок ст. 33–40, отмеченный на полях волнистой чертой и зачеркнутый карандашом. Там же на л. 5 записана переработка ст. 5–10, приближающая текст ст. 5–8 к основному, причем ст. (5)–(12) в *ЧА ИРЛИ* зачеркнуты не были.

Окончательный текст – *СУ*.

В стихотворении отражены автобиографические мотивы, а также темы, навеянные творчеством А. Стриндберга. Анализ стихотворения "Женщина" в различных контекстах (автобиографическом, литературной традиции, творчества Блока) дан в статье *Миц З.Г.* Стихотворение Ал. Блока "Женщина" // *Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции*. Омск, 1984. С. 65–77. Непосредственные литературные источники стихотворения указаны в статье *Шарыпкин Д.М.* Блок и Стриндберг // *Вестник ЛГУ*. № 2. Сер. Истории, языка и лит. Вып. 1. Л., 1963. С. 91. Первый из них – отрывок из гл. "Кладбищенские очерки" романа Стриндберга "Ад", написанного от лица главного героя – писателя: «Однажды утром в июне я вижу молодую женщину, прогуливающуюся взад и вперед по главной аллее. На ее лице нет страданий; она, очевидно, кого-то ждет, и ее беспокойный взор прикован к главному входу, куда так много входит людей, чтобы никогда уж не возвратиться. Неудавшееся свидание, да и не особенно приятное в отношении места, думаю я и ухожу с кладбища. На следующее утро я снова встретил ее. (...) Я видел ее каждый день. Она становилась все бледнее и бледнее, страдание облагородило ее лицо. Она ждет, но он все не приходит. (...) Она

ждет его день и ночь! Быть может, она сумасшедшая? Да, она – жертва великого безумия: "любви"! (...) И так медленно она умирает» (*Стриндберг А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. 2-е изд. М., 1910. Т. 2. С. 59–60). В стихотворении также преломились сюжетные коллизии драмы Стриндберга "Винновны – невинновны". Ее главный герой – драматург Морис, влюбившись в демоническую женщину Генриетту, желает смерти своему маленькому ребенку от другой женщины – Жанны. Когда же тот, точно повинувшись желанию отца, умирает, Морис ощущает себя невольным мистическим убийцей, его чувство к Генриетте переходит из любви в ненависть, она же смеется над его горем.

Блок видел эту пьесу в Триокском театре на Вечере памяти А. Стриндберга 14 июля 1912 г. Л.Д. Блок играла роль потерявшей ребенка Жанны. В письме матери от 15 июля 1912 г. Блок писал: «Спектакль был весь праздничный и, несмотря на некоторые частные неудачи, был настоящий. (...) Все первое действие Люба не сходила со сцены и наконец по-настоящему понравилась мне как актриса: очень сильно играла. Действие происходит в церкви, Жанна (которую она играла) стоит среди церкви с ребенком на руках и произносит слова, полные страшных предчувствий (пьеса написана тогда же, когда "Inferno"); Люба говорила наконец своим, очень сильным по звуку и по выражению голосом, который очень шел к языку Стриндберга. Впервые услышав этот язык со сцены, я поразился: простота доведена до размеров пугающих: жизнь души переведена на язык математических формул, а эти формулы, в свою очередь написаны условными знаками, напоминающими зигзаги молний на очень черной туче».

В стихотворении также отразилось блоковское переосмысление стриндберговских воззрений на биопсихологическое противостояние мужского и женского начала. Введение этой темы подчеркнуто заглавием и подзаголовком стихотворения. В блоковской картине мира этих лет существенно противопоставление "женского" начала, как пассивного, отрицательного, и "женственного", продолжающего быть олицетворением идеала Красоты. В свою очередь, "мужское" начало противостоит не только "женскому", но, как также несовершенно, находится в оппозиции началу "мужественному". В статье "Памяти Августа Стриндберга" Блок писал: «В жизни Стриндберга было время, когда все женское вокруг него оказалось "бабьим"; тогда во имя ненависти к бабьему он проклял и женское; но он никогда не произнес кощунственного слова и не посягнул на женственное; он отвернулся от женского только, показав тем самым, что он не заурядный мужчина, так же легко "ненавидящий женщин", как подпадающий расслабляющему бабьему влиянию, а мужественный человек, предпочитающий остаться наедине со своей жестокой судьбой, которую только и способна принять честная и строгая душа" (СС-85. С. 467). По Блоку "мужественное начало" непосредственно связано с героем "стриндберговского типа", вариантом "нового человека", противостоящего "страшному миру". Как пишет З.Г. Минц, «в стихотворении мужской и женский миры не только полностью противопоставлены, но и наглухо закрыты друг от друга. "Мужскому" началу, в духе Стриндберга, отдается безусловное предпочтение перед "женским"» (С. 76).

Литературные мотивы стихотворения слиты с автобиографическими, связанными со смертью в 1909 г. ребенка Л.Д. Блок, могилу которого Блок впоследствии неоднократно посещал.

И.Н. Розанов вспоминал, что после Октябрьской революции «наибольший успех у читателей имело (...) "Седое утро" (издание "Алконоста" 1920 года), а в этом сборнике – четыре стихотворения", среди которых "Женщина"» (*Воспоминания*, 2. С. 379).

Памяти Августа Стриндберга – Точное совпадение с заглавием статьи Блока 1912 г.

Весной по кладбищу бродила... – Ср. сцену на кладбище в 1 картине 1 действия пьесы "Винновы – невинновы" (РО СПбГТБ. № 20230).

Другие редакции и варианты

Тот разлюбил меня и бросил... (ЧА ИРЛИ) – Ср.: "Разлюбил тебя и бросил..." ("В этот серый летний вечер..." (1907), 2 т. наст. изд.).

А этот... просто дикий зверь. (ЧА ИРЛИ) – Ср.: "Он пред тобой – что лютый зверь." ("Девушке" (1907), 2 т. наст. изд.); "Я перед ней, как дикий зверь..." ("И я провел безумный год..." (1907), 2 т. наст. изд.).

ПЕРЕД СУДОМ

("Что же ты потупилась в смущеньи?..")

(С. 105)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₄₅. Л. 9 об.–11 об., "11 октября (1915)" (дата над текстом); БА – Т₉. Л. 12–13. "11 X 1915"; печ. текст – *Изборник*. Л. 378–379.

Впервые: Русская мысль (РМ). 1916. № 1. С. 1–2. 1-я паг.

Публикации: СУ. С. 78–79, "11 октября 1915"; III₃. С. 181–182, "1915".

В ЧА ЗК₄₅ имеется не вошедшая в основной текст строфа между 12 и 13; заглавие и дата записаны ниже первых двух стихов-набросков.

В НР СУ на полях неразборчивая помета: "Вол" (?) В левом и правом верхних углах и под текстом вымаранные пометы, подпись зачеркнута.

Блок в итоговой записи 28 июня 1916 г. отметил: «Цикл "Кармен" должен заканчиваться стихотворением "Что же ты потупилась..."» (ЗК. С. 309). Но оно никогда не включалось в указанный цикл. В литературоведении существует спор о том, кто является адресатом стихотворения: Л.Д. Блок или Л.А. Дельмас, хотя для последних этот вопрос был ясен. Л.А. Дельмас неоднократно свидетельствовала, что "Перед судом" посвящено ей. Ее сестра Е.А. Фашевская вспоминала: «Однажды я застала ее особенно грустной. Она протянула мне только что полученное письмо поэта, в нем было стихотворение "Перед судом". Обращенное к ней суровое стихотворение было обидным, оно причинило глубокую боль» (Цит. по кн.: Горелов А.Е. Гроза над соловьиным садом. Л., 1973. С. 585). В экземпляре сборника "Седое утро", принадлежавшем Дельмас, она пометила своими инициалами все стихотворения, посвященные ей, и в том числе "Перед судом" (Горелов А. Александр Блок и его Кармен // Аврора. 1971. № 1. С. 69). В свою очередь, Л.Д. Блок отрицала, что стихотворение адресовано ей. В.П. Веригина писала: «В другой раз зашла речь о стихотворении, которое меня смutilo. (...) Я прочитала про себя: "Перед судом", и мелькнула мысль: к кому это относится, уж не к Любе ли? (...) Люба ответила почти сердито: "Нет, конечно... Мне такого никогда не бывает в стихах Саши". Ее удивило, как я могла хоть на мгновение подумать, что речь идет о ней. (...) Конечно, это не она. Теперь я говорю это с полной уверенностью, вспоминая Любу осенью 1915 года, – веселой, энергичной, открытой. Да и перед какими судьями вообще "потупилась" бы она в смущении? Она, которая вообще не обращала внимания на осуждения ее поступков окружающими "дальними". Притом никогда ничем путь Любви Дмитриевны не был "лукавым"» (Веригина В.П. Памяти Любви Дмитриевны Менделеевой-Блок // Звезда. 1980. № 10. С. 171–172). В то же время единого мнения

среди исследователей не существует. Для тех, кто считает, что текст обращен к Л.А. Дельмас, основным доказательством является запись Блока в ЗК. К ним принадлежит А.Е. Горелов, который в кн. "Гроза над соловьиным садом" пишет: «В архиве Л.А. Дельмас уцелел клочок страницы, датированной 31 октября (1915 г., по предположению исследователя. – Ред.) (...) Начало строки оторвано, но не трудно догадаться, что утерян слог "вспо". (...) "...мнил снова стихи мне – "Перед судом". Мне и "Перед судом" подчеркнуты» (С. 584). Горелов анализирует копию этого стихотворения в собрании Н.П. Ильина, снятую в 1964 г. с хранившегося у Дельмас и утраченного оригинала: «Во-первых, после заглавия рукою Блока было написано: "К Л.Д." Учитывая, кому поэт посылал автограф стихотворения, никак нельзя представить, что он полагал "К Любови Дмитриевне". (...) Во-вторых, весьма наглядно различие в автографе (...) Первая строка последней строфы начиналась "Ночь кудрей..." вместо "Эта прядь..." канонического текста. Можно допустить, что, решив не включать стихотворение в цикл "Кармен", Блок изменил и эту строфу, бесспорно относившуюся только к Л.А. Дельмас. Ведь она явственно перекликается со строкой "И золото кудрей – червонно-красным..." из стихотворения "Есть демон утра..."» (С. 584). Наконец, Горелов цитирует вышеприведенные воспоминания Е.А. Фашевской. Но в итоге исследователь приходит к выводу, что обобщенный смысл стихотворения может быть соотнесен и с судьбой Л.Д. Блок. С.А. Небольсин пишет в комментарии к стихотворению, что оно «обращено к Л.А. Дельмас, возлюбленной Блока» (*Блок А. Собр. соч. В 6 т. М., Т. 3. 1971. С. 340*). В.Н. Орлов считает адресатом Л.Д. Блок (см.: *СС-83, С. 552* и ст. "К вопросу о личном и общем в лирике. "Перед судом" // *Орлов В. Здравствуйте, Александр Блок. Л., 1984. С. 81–85*) и отмечает, что "всем своим содержанием, образным строем, деталями лирического сюжета стихотворение приводит на память лишь одно правомерное в данном случае имя: Любовь Дмитриевна Блок" (С. 82). Запись Блока в ЗК исследователь считает недоказательной, так как в последующие годы поэт имел возможность включить текст в цикл "Кармен", но не осуществил ее. Л.К. Долгополов в кн. "Александр Блок. Личность и творчество" (2-е изд. Л., 1980) отмечает, что содержание "Перед судом" «(особенно если оно будет соотнесено со стихами цикла "Кармен" и другими, явно обращенными к Дельмас) говорит о том, что здесь адресатом скорее может быть Л.Д. Блок. (...) Можно предположить, что в сознании Блока два этих женских образа переплелись, слились в один» (С. 180). Сходной точки зрения придерживается и В. Енишерлов в кн. "Александр Блок. Штрихи судьбы" (М., 1980), беседовавший с Л.А. Дельмас и считающий, что "наивно было бы относить" стихотворение "к тому либо иному конкретному лицу" (С. 131).

Свод исследований о биографической основе стихотворения представлен в работе: К творческой истории стихотворения Блока "Перед судом" (Из переписки Р.В. Иванова-Разумника и Е.П. Иванова) / Предисл. публ. и коммент. Н.В. Скворцовой // *ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 647–657*. Опубликованная переписка специально посвящена определению адресата стихотворения. Р.В. Иванов-Разумник в письме от 2 декабря 1940 г. на основании хронологии написания текстов и анализа содержания доказывает, что стихотворение обращено к Л.А. Дельмас. Процитировав вошедшую в окончательный текст строфу, начинающуюся со строки "Женщина, прекрасная когда-то...", Иванов-Разумник пишет: «Уже одно это показывает, что к Л(юбови) Д(митриевне) это не имеет никакого отношения: "замучила семья", которой у Л(юбови) Д(митриевны) никогда не бывало. Недаром А(лександра) А(ндреевна) в своих письмах Марии Павловне называет Любу "бродягой" ("не страница, а бродяга"), "бездомной". Но вопрос решает запись А(лександра) А(лександровича) в Записной книжке № 48» (С. 651). Добавлением к этому является письмо Иванова-Разумника от 6 декабря

1940 г.: « Был у Л.А. Дельмас, которая подтвердила все мои предположения и рассказала о каждом из двадцати одного стихотворения (...) Особенно подробно о "Перед судом". Кстати, прибавлю, что уже первая его строка показывает, что оно адресовано не Л(юбови) Д(митриевне) – "Что же ты потупилась в смущеньи..." Разве "Люба" могла "потупиться в смущеньи?" Вот уж не похоже было бы это на нее! (...) И запись А(лександра) А(лександровича) и свидетельство Дельмас окончательно решают вопрос» (С. 653). В своем ответе от 23 декабря 1940 г. Е.П. Иванов писал: «Мне кажется, Л(юбови) А(лександровна) вполне разделит Ваше мнение, что стихотворение "Перед судом" написано по поводу ее и только. (...) Насчет повода я не возражаю. Поводом служит несомненно момент глубокого переживания от признания Л(юбови) А(лександровны) о пережитом ею. Он и выражен в строфе, которую Вы приводите. (...) Но не поводом определяется суть стихотворений. (...) Замечательно, что эта приведенная строфа, служащая поводом всего стихотворения, является *слабой* во всех отношениях, вычеркивается автором (...). Но пережитый момент при признании был так глубок, что (...) охватил всю жизнь самого автора с пережитым им. Перспектива стихотворения ширится на всю жизнь А(лександра) Б(лока), не ограничиваясь только 14-ым годом. "Эта *прядь* такая золотая разве не от старого огня" связано с "золотой *прядью* на лбу" стихотворения, несомненно связанного с "Любой". Люба, конечно, не "Прекрасная Дама", но в Любе была сфера, которая вызвала в сфере Блока образ Прекрасной Дамы. (...) написанное Вами о том, что первая строка "что ты потупилась" не подходит к Л(юбови) Д(митриевне) такой, какой Вы знали ее, и это, пожалуй, послужит Вам поводом утверждать, что перед судом говорится не о Любе, а об Л(юбови) А(лександровне). Но "дорогой" мой, ведь Вы Любу не знали, какой она была до 1907 г., как она краснела и потупившись стояла тогда, да и потом долго еще перед ближе знавшими ее. Стихотворение охватывает ее такой, а не последней, "страстной, безбожной, пустой и все же незабвенной", которой говорит Ал(ександр) Ал(ександрович) "прости" как отчасти виноватый в таком изменении прежнего чудного лица. (...) Поэтому мое утверждение, что перед судом идет речь не только об Л(юбови) А(лександровне), но в основном об Л(юбови) Д(митриевне), имеет еще и ту правду, что лицо самого автора становится необычайно прекрасным, преображенным в этом стихотворении и в его "прости меня". Наконец запись Алекс(андра) Алекс(андровича) в его записной книжке является совсем не исчерпывающей вопроса в этом деле. В первых, потому, что "*все-таки*" – не помещено "Перед судом" в цикл "Кармен", да и странно бы оно там звучало, а во-вторых, автор, творя, может и сам неясно сознавать, что творится им помимо его воли» (С. 654–655). В письме от 24 декабря 1940 г. Р.В. Иванов-Разумник суммировал итоги их полемики: «Что же касается сути Вашего письма ко мне – по поводу "Перед судом", то ни мало не возражаю против углубления его "направленности". Адресовано оно – не Л(юбови) Д(митриевне), а Л(юбови) А(лександровне), но обе "Любы" пересеклись в подсознании А(лександра) А(лександровича), и, кстати сказать, у обеих была "золотая прядь". Но в 1915 году золотая прядь Л(юбови) Д(митриевны) погасла, а у Л(юбови) А(лександровны) – пылала "прежний огонь" был огнем марта 1914 года, но мог вспомниться и огонь 1902 года. И все же – это стихотворение относится к "Кармен" и говорит нам о том, чем закончился этот цикл. Так сказал сам автор» (С. 657).

По своей ритмико-синтаксической структуре и сюжету стихотворение продолжает традиции лирики Некрасова (см.: Орлов В.Н. Блок и Некрасов. К постановке вопроса // Орлов В.Н. Здравствуйте, Александр Блок. С. 78).

Вот какой ты стала – в униженьи... – См. стих. "Унижение" (1911).

Я и сам ~ злой. – Ср. стих. "Когда-то гордый и надменный..." (1910).

Я смотрю ~ путь земной. Мотив "упрощения" лирического героя, характерный для лирики третьего тома.

Более, чем судьям ~ на краю. – Ср. сходный мотив социальной вины героя перед падшей женщиной в романе Л. Толстого "Воскресение" (см.: *Минц*, 4. С. 30).

АНТВЕРПЕН

("Пусть это время далеко...")

(С. 106)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1–3, "4–5 X 1914"; *БА – Тз*. Л. 83 об. – 84, "4–5 окт(ября) 1914"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 86, "5 октября 1914", "[1914 X 14]" "[21 X 1914]", даты – рукой А.А. Блока.

Впервые: *День*. 1914. № 286. 21 октября.

Публикации: Бельгийский сборник (*БСб*). Пг., 1915. С. 11–12; Современная война в русской поэзии. На помощь Польше. Пг., 1915. Вып. 1. С. 162–163; Военные стихи современных русских поэтов. Пг., 1917. С. 11–12; *СУ*. С. 69–70, "5 октября 1914"; *IIIз*. С. 183–184, "1914".

Первоначальная редакция (*ЧА ИРЛИ*) состояла из пяти законченных четверостиший и набросков шестого. При переработке *ЧА ИРЛИ* правка чернилами и карандашом) четверостишия были дополнены до пятистиший. Первые четыре строфы пронумерованы, при этом порядок следования 2-й и 3-й строф изменен (как в основном тексте). Ст. (17)–(22) зачеркнуты, против ст. (17) сделана помета, касающаяся содержания: "Это уж слишком". Листы *ЧА ИРЛИ* пронумерованы римскими цифрами и на л. "III" карандашом записан текст заключительной 5-й строфы (в первоначальной редакции ей соответствуют наброски 6-й). Переделывая текст, Блок не зачеркнул первоначальные варианты 1-й и 3-й (в окончательной нумерации) строф. К словосочетанию "Гром пушек" в ст. (1) первоначальной редакции относится помета карандашом: "!!?!?!?" Над текстом *ЧА ИРЛИ* перед датой помета карандашом: «*строчил по заказу Щеголева для "Дня" (газеты)*».

Окончательный текст – *День*.

29 сентября 1914 г. Блок отметил в записной книжке: "Звонил Щеголев, просил к четвергу или пятнице что-нибудь для "Дня" (о Бельгии)". П.Е. Щеголев сотрудничал в газ. "День", его просьба была связана с подготовкой номера газеты, посвященного "Героической Бельгии", оказавшейся в начале первой мировой войны в центре военных действий.

4 октября 1914 г. там же Блок записал: "Пробую бельгийские стихи"; и 6 октября: «Последний день для представления в "День" отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или в прозе. Я же чувствую только России одну»; позднее к этой записи Блок приписал: «(...) послал "Антверпен"».

В указанном выпуске газ. "День" стихотворение Блока было напечатано в одном ряду со стихотворениями З. Гиппиус ("Три креста"), Д. Мережковского ("Убийца лебедей"), Ф. Сологуба ("Утешение Бельгии"), И. Северянина ("Поэма о Бельгии") и др.

Г. Иванов в статье "Испытание огнем (Военные стихи)" (Апполон. 1914. № 8. С. 52, 58) писал: «Хороши или плохи военные стихи наших поэтов (...) они несут в себе признаки (...) перерождения нашего одряхлевшего модернизма (...) война разорвала

душный круг индивидуальности, породила широкие, общие интересы ⟨...⟩ "Антверпен" Блока – прекрасен, но очень отдаленно, географически только, касается войны, как и все, впрочем опыты Блока в "военном" роде».

Стихотворение "Антверпен" было отмечено также в откликах на сборники, в которых оно публиковалось. См.: *Чемоданов А. // Вешние воды. 1915. № 7. С. 192.* Рец. на кн.: Бельгийский сборник. Пг., 1915; *Масляненко Д. Русские поэты о современной войне // Исторический вестник, 1915. № 1. С. 243.*

Стихотворение отразило впечатления поэта от посещения Антверпена 23–25 августа (5–7 сентября н.ст.) 1911 г. (см. его письма к матери и жене за эти числа). Блок, не ожидавший, по его словам, "от Бельгии ⟨...⟩ многого" (см. письмо к матери от 4 сентября (н. ст.) 1911 г.) и сначала писавший об отрицательных впечатлениях от Антверпена (см. его письма к родным от 5 сентября (н.ст.) 1911 г.), уже на следующий день сообщал Л.Д. Блок: "⟨...⟩ Я ошибся относительно Антверпена, он очарователен. Несмотря на жару ⟨...⟩, я сегодня с раннего утра исходил почти весь город и музеи. Накупил фотографий и карточек. Здесь удивительная Шельда с кораблями, доками, кранами и запахом моря, собор, статуи, фонтаны, фламандская древность, уже близкая мне, и великолепный музей" См. ниже описание Антверпена в его письме – к матери (от 6 сентября (н.ст.) 1911 г.).

...И за морем крови... – Осенью 1911 г. газеты были полны сообщений о кровопролитных боях в Бельгии.

...Ты памятен мне глубоко... – Ср. воспоминания Блока об Антверпене в письме к Андрею Белому от 16 апреля 1912 г., а также свидетельство Вл. Пяста о значимости бельгийских впечатлений для Блока (см.: *Воспоминания, 1. С. 392.*)

Широкой, как Нева, Эско. – *Эско* – Французское название реки Шельда, протекающей по территории Бельгии и Франции. Ее длина 430 км (судоходна на протяжении 333 км). Впадает в Северное море в пределах Нидерландов. На ее берегах расположены города Антверпен и Гент. Об этой реке Блок писал матери: "⟨...⟩ огромная, как Нева, Шельда, тучи кораблей, доки, подъемные краны, лесистые дали, запах моря ⟨...⟩" (письмо от 6 сентября (н.ст.) 1911 г.; ср. описание реки во второй и третьей строфах стихотворения).

Стимер – Морское судно.

Конго – Конго Бельгийское – Так называлась тогда колония Бельгии в Центральной Африке.

А ты – во мглу веков глядись // В спокойном городском музее... – Ср. отзывы Блока в письмах к матери и жене от 6 сентября (н.ст.) 1911 г.: "Музей так хорош ⟨...⟩", "великолепный музей". Позднее на основе бельгийских впечатлений Блок писал, что "мы обязаны старой школой фламандской живописи – Рубенсом, Ван-Дейком, Теньером и др." народу Бельгии, о которой сказал: "маленькая страна с большой историей" (статья «О "голубой птице" Метерлинка», 1920).

...Там царствует Квентин Массис... – *Массис (Массейс) Квентин* (Quinten Metsys; 1466–1530) – один из крупнейших мастеров нидерландской живописи эпохи Возрождения, творчество которого сложилось под влиянием Ван-Дер-Лейдена и Мемлинга. Как сообщает Вл. Пяст, среди "отрадных" впечатлений, которые Блок вынес из путешествия по Бельгии, "сильнейшим" было то, которое "оставил на нем праотец нидерландской школы – Квентин Массейс" (*Воспоминания, 1. С. 392.*) Картины Массейса в городском музее Антверпена Блок настоятельно рекомендовал посмотреть Андрею Белому (см. письмо Блока – Андрею Белому от 16 апреля 1912 г.).

Образ "царствующего" "Массиса" мог возникнуть у Блока как в связи с количеством картин Массейса в музее Антверпена, так и под влиянием их монументальности.

...Там в складки платья Саломеи // Цветы из золота вплелись ... – Саломея – Библейский персонаж, дочь Иродиады, по совету матери, просившая у отчима, галилейского царя Ирода–Антипы, за свою пляску принести ей на блюде главу Иоанна Крестителя, который обличал незаконное сожительство Ирода с женой брата (см.: Мк. VI. 17–28). Написанная на этот распространённый в европейской живописи сюжет картина Квентина Массейса является частью триптиха "Погребение Христа" (1508–1511). В его центральной части изображено "Оплакивание Христа", а с одной из сторон – Саломея с главой Иоанна Крестителя.

Детальность описания платья Саломеи (ср. вар. *ЧА ИРЛИ*: "В [прозрачность] воздушность платья Саломеи // Узоры нежные вплелись" – "Другие редакции и варианты") обусловлена отличительной особенностью работ Массейса, соединивших монументальность с тщательной проработкой деталей, причем женские образы искусствоведы считают наиболее интересными на его полотнах.

Среди приобретенных Блоком репродукций картин была и эта картина Массейса. 27 декабря 1911 г. Блок записал в дневнике: «Днем я вставил в раму "Усекновение главы" Массиса». М.В. Бабенчиков, рассказывая о своем посещении квартиры Блока, упомянул, что в кабинете среди любимых картин Блока висела и "Саломея" Массейса (*Воспоминания*, 2. С. 159). (В настоящее время эта репродукция находится в экспозиции музея-квартиры А.А. Блока в С.-Петербурге.)

Взгляни вверх ~ аэроплан. – Ср. в письме Блока жене от 7 сентября (н.ст.) 1911 г. из Антверпена: "Вчера сидел усталый в зоологическом саду (...) Вдруг знакомый шум. Поднимаю голову, а надо мной высоко Блерио, покружился и улетел. Вздрагивает и покачивается (...)".

Образ аэроплана как "предвестника бури" соотносится с финалом статьи Блока "Стихия и культура" (1908): "Мы видим себя уже как бы (...) на легком кружевном аэроплане, высоко над землею; а под нами (...) огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы".

Другие редакции и варианты

Спят львы, вздыхают бегемоты // В Зоологическом саду... (вар. *ЧА ИРЛИ*) – В Антверпене Блок посетил Зоологический сад, надеясь увидеть его достопримечательность – "18 бегемотов" (см. об этом в письме к матери от 4 сентября (н.ст.) 1911 г.). "Сейчас иду посмотреть миленьких (т.е. зверей. – *Ред.*)", – сообщал он жене 6 сентября (н.ст.) 1911 г., на другой день дополнив: "(...) сидел (...) около бегемотиков (их 3)".

"ПОХОРОНЯТ, ЗАРОЮТ ГЛУБОКО..."

(С. 106)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₆*, Л. 43 об. – 44, "9 августа (1903)"; *ЧА – ЗК₄₅*, Л. 13 об.–14, "9 VIII 1903 – 18 X 1915"; *БА* (карандашом) – *Т₉*, Л. 5, "(9 VIII 1903–) 18 X 1915" (дата – чернилами, "1903" – дважды подчеркнуто); *БА* (под копирку) – *ИРЛИ*. Шифр. фонд. Ед. хр. 3055; печ. текст – *НР СУ*, Л. 100, "18 октября 1915" (дата – рукой А.А. Блока), *Кор₁ Земли*, Л. 80.

Впервые: *СУ*, С. 80, "18 октября 1915".

Публикация: *Ш₃*, С. 185.

В *ЗК₆* представлена незаконченная черновая редакция из 12 стихов без деления на строфы. Работу над стихотворением Блок возобновил спустя 12 лет. Текст в *ЗК₄₅* близок к основному.

Окончательный текст – *СУ*.

"НА УЛИЦЕ – ДОЖДИК И СЛЯКОТЬ..."

(С. 107)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА-ЗК₄₅*, Л. 16–17, "19 X – 10 XII (1915)" (первая дата – чернилами, вторая – карандашом); *БА* (карандашом) – *Т₉*, Л. 2, "19 X – 10 XII 1915" (дата – чернилами) печ. текст – *НР СУ*, Л. 103, "10 декабря 1915" (дата – рукой Блока).

Впервые: *СУ*, С. 82, "10 декабря 1915".

Публикация: *Ш₃*, С. 186.

В *ЧА ЗК₄₅* имеется также дата перед набросками ко второму четверостишию: "21 X (1915)" (см. варианты).

Окончательный текст – *СУ*.

Мотивы тоски, не востребованной удали имеют в стихотворении выраженную национальную окраску. Ср. начало стихотворения с зачином колыбельной песни "На улице дождик...". По своей лексике ("тоска", "лучина", "кручина") стихотворение переключается с русской народной песни "Лучина" ("Извела меня кручина..."). Первая строфа вызывает также ассоциации со стих. Лермонтова "И скучно, и грустно" (1840). Вместе с тем в стихотворении есть целый ряд образно-тематических соответствий со стих. П. Верлена "Слезы безмолвные в сердце моем..." в переводе матери Блока (вошло в составленную Блоком подборку печатных вырезок с переводами А.А. Кублицкой-Пиотгух французских поэтов – см.: *ИРЛИ*, Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 52, Л. 27). Ср.:

⟨...⟩

Что за тоска мое сердце гнетет?

Тихо над городом дождик идет.

⟨...⟩

Горько не знать, отчего и зачем

Я пред тоскою бессилен и нем.

Как без любви и без злобы страдать?

Как без причины в тоске изнывать?

"ТЫ ТВЕРДИШЬ, ЧТО Я ХОЛОДЕН, ЗАМКНУТ И СУХ..."

(С. 107)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₄₅*, Л. 7 об., "30 IX 1915"; *ЧН₂ – ЗК₄₅*, Л. 8, "[ноябрь] 31 октября"; *ЧА – ЗК₄₇*, Л. 1–1 об.; *ЧН – ЗК₄₇*, Л. 11; *ЧА – ЗК₄₈*, Л. 69–70; *БА* (карандашом) – *Т₉*, Л. 71–72, "XI 1915 – 9 VI 1916" (дата – чернилами); *БА – РГАЛИ*, Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 58, "Другу", "1916". Л. 1–2; *БА* (под копировальную бумагу) – *ИРЛИ*, Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 28, 27 об. (при письме к А.А. Кублицкой-Пиотгух от 10 июня 1916 г.).

Впервые: *СУ*, С. 94–95, "9 июня 1916".

Публикация: *Ш₃*, С. 187–188, "1916".

В *ЗК₄₅* (1915 г.) имеется два наброска. Более полный текст из шести строф (без 2-й, 4-й, 7-й и 8-й) представлен в *ЧА ЗК₄₇* (1916 г.), причем 9-я строфа следует в нем после 3-й. В *ЗК₄₈* (1916 г.) стихотворение начала состояло из восьми строф (без 7-й и 8-й), 3-я и 4-я строфы следовали в обратном порядке, 9-я – после 4-й. Все строфы были пронумерованы Блоком римскими цифрами на полях в указанной последовательности.

При переработке *ЧА ЗК*₄₈ Блок приписал 7-ю и 8-ю строфы, приблизил к основному текст 6-й строфы и произвел перенумерацию всех строф на полях в соответствии с основным текстом, в том числе пронумеровав и зачеркнутую при переработке 5-ю строфу.

В *Т₉* заглавие вписано позднее. *БА ИРЛИ* (при письме к матери) сопровождался вопросами и просьбой Блока: "Мама, как бы это назвать?" "Что ты об этом думаешь?" "Перепиши мне это, когда захочешь, точно так же – в двух экземплярах".

В *БА РГАЛИ* на л. 1 вымараны синим карандашом авторская помета: "16 V 19 (XI 15) Другу" и нумерация страниц, на л. 2 имеется помета Блока под текстом карандашом: "(не напечатано)".

Окончательный текст – *СУ*.

С заглавием "Другу" входило в перечень стихотворений, которые Блок читал на литературных вечерах в начале 1918 г. (см. *ЗК*, запись (около 29 января 1918 г.)). Под тем же заглавием стихотворение было передано Блоком А.Л. Волюнскому для публикации в журн. "Театр" (см. *ЗК*, запись от 27 августа 1918 г.); в журнале не появлялось. Позднее по просьбе П.Н. Зайцева Блок послал стих. "Другу" для журналов "Рабочий мир" и "Вестник Воронежского округа путей сообщений" (см. запись в *ЗК* от 6 февраля 1919 г., а также письмо П.Н. Зайцева – Блоку от 3 февраля 1919 г. и ответное письмо Блока от 6 февраля 1919 г. – *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 559); в указанных журналах данное стихотворение не публиковалось.

Создававшееся в годы первой мировой войны стихотворение пронизано пафосом неприятия окружающей действительности и вместе с тем глубоко скрытой верой в грядущее обновление мира. Своеобразным комментарием к нему служит написанное в ту же пору письмо Блока к С.Н. Тутолминой от 16 января 1916 г., в котором он с предельной искренностью объясняет ей причины – мировоззренческие, житейские, психологические – своей отчужденности от людей и "мрачного" взгляда на жизнь в то время, когда, по его словам, "родина, может быть, на краю гибели, когда социальный вопрос так обострен во всем мире, когда нет общества, государства, семьи, личности, где было бы хоть сравнительно благополучно". Проходящие в стихотворении темы одиночества человека в современном мире, коварства, "дружбы-вражды", необходимости внутренней "брони", холодности, защищающей сокровенные "струны души" от непосвященных и от "зла" жизни – сквозные в лирике третьего тома и сопряжены с трагической концепцией "страшного мира" у Блока. Само заглавие-обращение "Другу" в *БА РГАЛИ* связывает данный текст со стих. "Друзьям" ("Друг другу мы тайно враждебны...", 1908 – см. коммент. к нему). О взаимоотношениях поэта с "лучшими друзьями" и "покровителями", под которыми он подразумевал Мережковских, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Г.И. Чулкова и др. и с которыми, как ему казалось в 1908 г., он "внутренно разделался навек" (*ЗК*, запись от 26 июня 1908 г.) см. в коммент. к стих. "Я – Гамлет. Холодеет кровь..." (1909) в связи с темой предательства. Ряд мотивов и образов стихотворения перекликается с аналогичными в творчестве поэтов-символистов. Эти аллюзии связывают данный текст с именами Д. Мережковского, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба и др. Однако по интимности обращения можно также предположить, что оно относится к одному из ближайших друзей или приятелей поэта. Таковыми сам Блок считал Е.П. Иванова, А.В. Гиппиуса, В.А. Пяста (Пестовского), В.А. Зоргенфрея, Вл. Княжнина (Ивойлова), Ю.Н. Верховского, Н.П. Ге (см.: *ЗК*, запись от 28 июня 1916 г.).

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух... – Упреки в "замкнутости", "холодности", "сухости" в адрес Блока раздавались с разных сторон. Они встречаются

в его переписке с теми, о ком в 1908 г. он писал жене: "Ко многим людям у меня в душе накопилось много одинокого холода" (письмо от 24 июня). С.Н. Тутолмина, двоюродная сестра поэта, вспоминала, как она «слышала от всех, что он живет совершенно уединенно, избегает новых знакомств и вообще "не любит людей"» (*Воспоминания*, 1. С. 94). "Угрюмцем нелюдимым" назван Блок в шутовском стихотворном послании Вл. Пяста – Ю.Н. Верховскому (*Там же*. С. 384). Предвидя возможные недоразумения, Блок заранее оправдывался перед Андреем Белым: "Пишу Тебе сухо *поневоле* (...)", "(...) я опять стал дичиться Вячеслава (Иванова) (...)" (письма от 25 января и 16 апреля 1912 г.). Теми же побуждениями было обусловлено упомянутое письмо к С.Н. Тутолминой, в котором он обращался к ней: "Я хочу, чтобы ты сердцем знала, что если я упрямлюсь, дичусь и т.д., – то это происходит (...) от строя моей души, которого я не могу изменить". Объясняя Е.П. Иванову причины "холодности" Блока, мать поэта, А.А. Кублицкая-Пиоттух, писала: «Вы как-то не допускаете себе верить, насколько он бесчувствен. А ведь уж надо это помнить, и если Вы его любите, не ждате от него чувств. Вы говорите: "Я мог бы околеть, и он не пришел ко мне". (...) Что же делать? Он такой. У него это от отца и от матери (...) Саша живет страстями и духом. (...) Чувства – это ему было чуждо всегда» (письмо от 18 апреля 1912 г. – *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 398). В письме к С.Н. Тутолминой Блок мотивировал свою "бесчувственность" и неспособность ценить сердечное отношение к себе потребностями своего "дела" и максималистскими требованиями "от жизни – или безмерного, чего она не дает, или уже ничего (...)".

... Не для ласковых слов я выковывал дух, // Не для дружб я боролся с судьбой. – Тема "выковывания духа" и трагически-мужественной борьбы с судьбой проходит в драме "Песня Судьбы" (1908), в лирике второго и третьего томов (ср. в предисловии к *ЗС*: "(...) не победит и Судьба"), в поэме "Возмездие" (см. сцену "ковки меча" по мотивам музыкально-драматической тетралогии Вагнера "Кольцо Нибелунгов" в прологе к поэме – т. 5 наст. изд.).

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей... – Эта характеристика применима ко многим лицам из окружения поэта. В частности, в рецензии на книгу стихотворений Д.С. Мережковского Блок находил, что "в его мирозерцании есть нечто средневековое (...) Голос его Музы напоминает крик петуха. Кругом еще холодная ночь, все искажено мраком (...)" (*СС-85*. С. 657). А в стих. "Вячеславу Иванову" (1912) Блок обращался к адресату: "О, скольких душ пустынный холод // Своим ты холодом пронзил!" и писал о "странности" его "лика", "пронзительности" "очей", "бездонных чар" души.

... По звездам прочитай ты умел... – Интерес к астральному миру, гадание по звездам – одна из черт символизма. В заметке ("Ответ Мережковскому") (1910) Блок писал: "Мы (...) не знаем сроков, только читаем их по звездам (...)". Ср. посвящение памяти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал сб. статей Вяч. Иванова "По звездам" (1909), где он писал о гадании с ней: "по тем же звездам (...) о путях духа до ночи"; см. также его стих. "Астролог" (1905).

... Что грядущие ночи – темней и темней, (...) Нестерпим окружающий мрак. – Ср. аналогичное апокалипсическое пророчество в стих. "Голос из хора" (1914): "О, если б знали вы, друзья, // Холод и мрак грядущих дней!".

Вот – свершилось ~ уста... – Ср. со ст. 1 стих. "Всё свершилось по писаньям..." (1913). З.Г. Минц считает, что здесь отразились представления Блока (в духе библейских предсказаний и философии Вл. Соловьева) о трагическом пути человечества к утраченному раю через искажение первоизданной гармонии бытия, извращение всех форм развития человека и общества (см.: *Минц*, 4. С. 52).

...*Весь мир одичал...* – В письме к А.А. Измайлову от 28 января 1916 г., Блок, размышляя о настроениях, которые "близки современной душе", писал: «"Одичание", которое теперь у всех на языке, – факт, в большой степени совершившийся...». Ср. запись в ЗК от 10 ноября 1915 г.: "*Одичание* – вот слово; а нашел его (<...> Мережковский". О сходстве и различии в понимании Блоком и Мережковским этого термина – см.: Минц З.Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*. С. 190–191.

...*Ни один не мерцает маяк.* – Тема "кромешной тьмы" (выражение из письма Блока к Л.Д. Блок от 18 июля 1908 г.) – сквозная в его творчестве и переписке. В упомянутом письме к С.Н. Тутолминой, связывая свои размышления с идеей рассказа Л. Андреева "Тьма" (1907), герой которого призывает погасить "все фонарики", Блок писал: "<...> отдельные светлые точки кажутся кощунственным диссонансом, потому что слишком черна (<...> окружающая нас ночь". Ср. в стих. Блока "Мой бедный, мой далекий друг" (1912): "И так ненужны маяки".

И тому, кто не понял везания звезд ~ уста... Ср. запись от 24 марта 1912 г. в дневнике Блока: "Жить можно только будущим (<...> самоубийств было бы меньше, если бы люди научились лучше читать небесные знаки". На эту же тему он высказывался в заметке ("Ответ Мережковскому"): "<...> границы сотрутся и родиной станет вся земля, а потом (<...> бесконечная вселенная (<...> время близко, потому что мы читаем о нем в звездах, но оно бесконечно далеко для нашего младенческого духа".

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть... – Ср. в поэме Д.С. Мережковского "Смерть" (опубл. 1891): "Мы – дети мрака и безверья // (<...> Нет даже прошлого у нас".

Было время надежды и веры большой... – Ср. воспоминания Андрея Белого о так называемой "эпохе зорь" – времени «на заре "символизма"», когда был создан кружок "аргонавтов" (в него входил Блок) и когда "казалось, что уйти всем вместе из старого мира легко и просто, потому что Новый мир идет навстречу" (*Воспоминания*, 1. С. 249). Эти эсхатологические чаяния и вера в немедленное преображение мира нашли выражение в первом томе лирики Блока (см. стих. "Верю в Солнце Завета...", 1902; цикл "Молитвы", 1904 и др.). Мотив детства и юности как времени "надежды и веры", по мнению З.Г. Минц, связан с проблемой "исходного" состояния человека, "начала" не только личного "пути", но и "бытия как такового (<...> истории мира" и тем самым с темой "потерянного рая" (*Минц*, 4. С. 8–9).

А теперь – тех надежд не отыщешь следа... – Ср. запись Блока от 28 июля 1914 г.: "Жизнь моя есть ряд спутанных до чрезвычайности личных отношений, жизнь моя есть ряд крушений многих надежд" (*ЗК*. С. 235).

И, к кому шел с открытой душою тогда, // От того отвернуться пришлось. – О перипетиях взаимоотношений Блока с лицами из его окружения начала 1900-х годов (Мережковскими, Андреем Белым, С. Соловьевым и др.) см. выше.

...*пылая, ждала, (<...> И сгорела она, та душа.* – Позднее Блок писал: "У художника – все бытовое, житейское, быстро сменяющееся – найдет свое выражение потом, когда перегорит в жизни" ("Интеллигенция и революция", 1918). Мотивы романтического "пыла", "сгорания" души – сквозные у Блока. О "горении" творческом и гибельном в лирике третьего тома см.: *Минц*, 4. С. 61–63.

И осталась – улыбкой сведенная бровь... – Ср. в воспоминаниях Ф.А. Кублицкого-Пиоттух: «(<...> в детстве общительный, а с годами все более замкнутый, чуждающийся "пошлой" житейской обстановки, порой угрюмый, – вот портрет Саши Блока. Открытая ясная улыбка сменилась несколько грустным, даже ироническим выражением лица» (*Воспоминания*, 1. С. 82).

...*Зажигая звериную страсть...* – Тема "звериной страсти", искаженных взаимоотношений между мужчиной и женщиной – одна из ведущих в разделе "Страшный

мир" (см. стих. "Унижение", 1911, и др.). Представление о противоборстве "мужского" и "женского" начал сформировалось у Блока отчасти под влиянием идей А. Стриндберга – подробнее об этом см. в коммент. к стих. "Женщина" (1914).

Не стучись же напрасно у плотных дверей ~ людьми. – Ср. в стих. Ф. Сологуба "Мы – плененные звери..." (1905); "Голосим, как умеем. // Глухо заперты двери, // Мы открыть их не смеем".

Проблему одичания, разобщения людей в современном мире ставил Д.С. Мережковский (ср. заглавие его статьи: "Сердце человеческое или сердце звериное?" – Речь. 1909. № 38. 8 февр.). Называя Блока – "одиноким из одиноких", он же писал в статье "О черных колодцах": "Все, что (...) разобщает (...), встало между людьми, как стена" (*Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг., 1915. С. 313, 314).

Ты – железною маской лицо закрывай... – Образ "заоблачного воина-рыцаря" проходит через все творчество Блока (см., например, стих. "Ночная" ("Спи. Да будет сон твой спокоен..." из цикла "Молитвы", 1904; стих. "Снежная Дева" и "На страже" (из цикла "Снежная Маска"), 1907 и др.). Об "ангельски-рыцарских" атрибутах лирического героя в ряде стихотворений третьего тома см.: *Максимов I.* С. 88. Как последователи Вл. Соловьева, "преданного культу Мировой души", и собрата пушкинского "бедного рыцаря" восприняли Блока многие современники (см.: *Иванов Вяч.* // Весы. 1904. № 12. С. 50. Рец. на кн.: Блок Александр. Стихи о Прекрасной Даме, Москва, 1905; о полемике на эту тему см.: *Скворцова Н.В.* Раннее творчество Блока в оценке критиков и современников // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 134–135).

Таким же предстает поэт в воспоминаниях Е.П. Иванова, который, знакомясь с Блоком у Мережковских, увидел в нем "только что посвященного рыцаря": « (...) под студенческим сюртуком точно латы, в лице "строгий крест" (...) восковую маску забралом опустил он на лицо (...)» (*БС-1.* С. 363).

Блок, по словам Е.П. Иванова, «в обществе, могущем заставить его определенно сказать о его "несказанном" (...) был похож на (...) "заоблачного воина" (...)» На нем, как в бою, доспех, шлем с опущенным забралом и длинный меч (...)» (*Там же*).

Той же цели внутренней самозащиты служили, по мнению Н.А. Павлович, "строгость лица" и "высокая гармония" самих стихов при чтении их Блоком с эстрады (см.: *БС-1.* С. 453; там же Н.А. Павлович описывает особенности исполнения Блоком данного стихотворения).

...*Охраняя железом до времени рай, // Недоступный безумным рабам.* – Ср. запись в дневнике Блока от 16 февраля 1913 г. – о "миллионе", «к которому можно выходить лишь в БРОНЕ, закованным в форму; иначе (...) "молодежь" с "исканиями" (...)» все драгоценности разменяет на медные гроши, всё растеряет, разиня рот».

...*рай, // Недоступный...* – Ср. у Ш. Бодлера: "Как ты далек, благоуханный рай"; взято эпитафией в стих. матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух – "Памяти Бодлера" (1896).

АРФЫ И СКРИПКИ

Раздел "Арфы и скрипки" (АС) складывался в течение девяти лет – с 1910 по 1918 год включительно. Его прообразом послужил раздел "Голоса скрипок" (ГС) в сборнике "Ночные часы" (подготовка к печати – октябрь 1910, выход в свет – 1911). ГС состоял из 20 стихотворений, написанных в 1908–1910 г. "Голоса скрипок",

29х
1911.

Любв.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

Ночные часы

Четвертый сборникъ стиховъ

(1908—1910).

Книгоиздательство «Мусагетъ».
Москва — МСМХІ

АЛЕКСАНДР БЛОК. НОЧНЫЕ ЧАСЫ
М.: Мусагет, 1911. Обложка с автографом поэта
Из личной библиотеки Блока (ИРЛИ)

"Юность", "Не затем величал я себя паладином...", "Грустя и плача и смеясь...", "Свирель запела на мосту...", "Мой милый, будь смелым...", "Как прощались, страстно клялись...", "Встреча", "Маргарите" ("Душа! Когда устанешь верить..."), "Май жестокий с белыми ночами...", "Три послания" ("Всё помнит о весле вздыхающем...", "Черный ворон в сумраке снежном...", "Знаю я твое лыстиевое имя..."), "Я не звал тебя – сама ты...", "Уже над морем вечереет...", "Опустись, занавеска линиялая...", "Я пригвожден к трактирной стойке...", "Уже померкла ясность взора...", "Всё, что память сберечь мне старается...", "Поздней осенью из гавани..."

Раздел впервые был представлен в III₁ (АС-1). Из ГС Блок изъясил три стихотворения ("Не затем величал я себя паладином...", "Маргарите", "Я пригвожден к трактирной стойке...") и ввел восемь новых стихотворений, из которых только одно было опубликовано впервые ("Всё та же озерная гладь...", "В темном парке под ольхой...", "Всё б тебе желать веселья...", "Встречной", "В серебре росы трава...", "И я любил. И я изведаль...", "Аэроплан" ("В неуверенном, зыбком полете...") – впервые, "На смерть Веры Федоровны Коммиссаржевской"). Таким образом, АС-1 состоял из 25 стихотворений, написанных Блоком в основном в 1908–1910 гг. (1906 годом датируется стих. "В серебре росы трава..."). Кроме внутреннего цикла "Три послания", который был уже в ГС, Блок ввел в АС-1 еще один цикл – "Через двенадцать лет". Этот цикл из пяти стихотворений Блок поместил в начале раздела, за первым стихотворением "Голоса скрипок". Остальные стихотворения, вновь включенные в раздел, Блок поместил между стихотворениями, ранее входившими в ГС, почти не изменив их последовательности (изменения коснулись только местоположения стих. "Всё, что память сберечь мне старается...", ставшего последним в цикле "Через двенадцать лет", и стих. "Опустись, занавеска линиялая...", которое Блок поместил перед стих. "Я не звал тебя – сам ты...").

Состав раздела "Арфы и скрипки" (АС-2) вновь подвергся изменению при подготовке III₂. Из АС-1 Блок исключил четыре стихотворения ("В серебре росы трава...", "Аэроплан", "Уже над морем вечереет...", "Поздней осенью из гавани...") и ввел 24 стихотворения, ранее напечатанных в периодических изданиях и альманахах ("Не затем величал я себя паладином...", "Я пригвожден к трактирной стойке...", "Часовая стрелка близится к полночи...", "Не венчал мою голову траурный лавр...", "Покойник спать ложится...", "Здесь в сумерки в конце зимы...", "Когда мучительно восстали...", "Бывают тихие минуты...", "Где огдается в длинных залах...", "Дух пряный марта был в лунном круге...", "Седые сумерки легли...", "Без слова мысль, волнение без названья...", "Шар раскаленный, золотой...", "Повеселясь на буйном пире...", "Ветр налетит, завоюет снег...", "Испанке", "Есть минуты, когда не тревожит...", "Болотистым пустынным лугом...", "Есть времена, есть дни, когда...", "Седое утро", "Я вижу блеск, забытый мной...", "Твой южный голос томен. Стан..." ("Ты говоришь, что я дремлю..."), "Ваш взгляд, его мне подстеречь...", "Натянулись гитарные струны..."). Таким образом, АС-2 включал 45 стихотворений, написанных Блоком в 1908–1913 гг.

В подготовленном к печати в августе 1918 г. III₃ раздел был представлен в новой редакции (АС-3). Три стихотворения были изъяснены Блоком и помещены в разделе "Страшный мир" ("Дух пряный марта был в лунном круге...", "Седые сумерки легли...", "Повеселясь на буйном пире..."). Наряду с этим Блок ввел 30 новых для раздела, но ранее опубликованных стихотворений: семь стихотворений 1908 г. ("Душа, когда устанешь верить...", цикл "Мэри" из трех стихотворений, "Усни те блаженно, заморские гости, усни...", "Старинные розы...", "Уже над морем вечереет..." – входили в АС-1); три стихотворения 1909 г. ("Синеокая, бог тебя создал такой...", "Утро в Москве", "Всё на земле умрет – и мать, и младость..."); четыре стихотворения

1910 г. ("На Пасхе", "Когда-то гордый и надменный...", "Сегодня ты на тройке звонкой...", "В неуверенном, зыбком полете..."); три стихотворения 1912 г. ("Сквозь серый дым, от краю и до краю...", "В небе – день, всех ночей суеверней...", "В сыром ночном тумане..."); 13 стихотворений 1913–1916 гг. ("Ты –буйный зов рогов призывных...", "Как день, светла и непонятна...", "Петербургские сумерки снежные...", "Смычок запел, и облакдушный...", "Ты жил один! Друзей ты не искал...", "Превратила всё в шутку сначала...", "Та жизнь прошла...", "Была ты всех ярче, верней и прелестней...", "Разлетясь по всему небосклону...", "Он занесен – сей жезл железный...", "Пусть я и жил, не любя...", "Протекли за годами года...", "За горами, лесами..."). Кроме того, что в АС-3 Блок образовал три внутренних цикла ("Три послания", "Мэри", "Через двенадцать лет"), в конце раздела он сгруппировал стихотворения, отразившие его отношения с Л.А. Дельмас и близкие к циклу "Кармен", но внутри АС-3 в отдельный цикл не выделенные.

В 1920 г. Блок выпустил сборник "Седое утро", в который включил главным образом стихотворения из задержавшейся в печати третьей книги. Всего сборник насчитывал 60 стихотворений. Из 55 стихотворений, выбранных из третьей книги, по 20 стихотворений Блок взял из разделов "Страшный мир" и "Арфы и скрипки". Вне зависимости от помет в рукописях самого поэта, Л.А. Дельмас в принадлежавшем ей экземпляре СУ пометила своими инициалами (Л.А.Д. и Л.Д.) 12 стихотворений (экземпляр хранится в собрании И.А. Фашевской). Восемь из них входили в АС-3: "Как день, светла, но непонятна...", "Петербургские сумерки снежные...", "Смычок запел. И облакдушный...", "Ты жил один. – Друзей ты не искал...", "Та жизнь прошла...", "Была ты всех ярче, верней и прелестней...", "Пусть я и жил не любя...", "Превратила все в шутку сначала...". «Это увлечение, отливы и приливы которого можно проследить в стихах Блока не только цикла "Кармен", но и цикла "Арфы и скрипки", длилось несколько лет», – писала М.А. Бекетова (*Бекетова 12*. С. 193).

Проследившая историю формирования раздела, можно заметить, что в ГС Блок указал лишь хронологические границы раздела (1908–1910), разместив стихи вне хронологии (в НЧ даты написания стихотворений не отмечены). В АС-1 хронология расположения также не была соблюдена Блоком, но при этом он после 12 стихотворений дал хронологические, а в двух случаях и топографические указания: "Голоса скрипок" – "1910". "Всё та же озерная гладь...", "В темном парке под ольхой..." – "Bad Nauheim. 1897–1909"; "В тихий вечер мы встречались..." – "Елагин остров"; "Свирель запела на мосту..." – "1908"; "Мой милый, будь смелым..." – "1909"; "Встречной" – "лето 1908"; "Три послания" – "1908–1910"; "Май жестокий с белыми ночами..." – "1909"; "Поздней осенью из гавани..." – "окт. 1909"; "На смерть Веры Федоровны Коммиссаржевской" – февр. 1910".

В АС-2 стихотворения расположены главным образом в хронологии лет и даны крайне редкие хронологические и топографические указания: "Всё та же озерная гладь...", "В темном парке под ольхой...", "Когда мучительно восстали..." – "Bad Nauheim 1897–1909"; "Бывают тихие минуты...", "В тихий вечер мы встречались..." – "Елагин остров"; "На смерть Коммиссаржевской" – "февр. 1910"; "Дух прыжкий марта был в лунном круге..." – "Часовня на Крестовском острове". Даты были проставлены Блоком под двенадцатью из 25 стихотворений в АС-1 и под четырьмя из 45 стихотворений в АС-2. Топографические указания и дата написания, не уточненная до числа или месяца, делали стихотворение страницей лирического дневника поэта, указывая на место действия и время событий его "внешней" или внутренней жизни.

В АС-3 указаны общие хронологические границы раздела и уточнены даты написания многих стихотворений до числа и месяца. В композиции раздела соблюдено хронологическое размещение по годам написания (принцип нарушается лишь

внутренними циклами, к которым можно условно присоединить стихотворения, связанные с Л.А. Дельмас), но не соблюдено – в пределах месяцев и чисел. В АС-3 Блок включил 19 стихотворений 1908 г., 13 стихотворений 1909 г., 12 стихотворений 1910 г., одно стихотворение 1911 г., восемь стихотворений 1912 г., семь стихотворений 1913 г., три стихотворения 1915 г., одно стихотворение 1916 г.

В АС-3 из 72 стихотворений Блок озаглавил (или сохранил прежние названия) семь стихотворений, не считая внутренних циклов: "Встречной", "Утро в Москве", "На смерть Коммиссаржевской", "Голоса скрипок", "На Пасхе", "Испанке", "Седое утро". В ГС каждое стихотворение имело название, чаще всего формальное, состоящее из начальных слов первой строки стихотворения. Лишь четырём стихотворениям Блок дал заглавия, имеющие определенное содержательное и символическое наполнение: "Голоса скрипок", "Юность" ("В тихий вечер мы встречались...") "Встреча" ("Уж вечер светлой полосой..."), "Маргарите" ("Душа! Когда устанешь верить?.."). В АС-1 Блок снял формальные заглавия и озаглавил лишь пять из 25 стихотворений, не считая циклов: "Голоса скрипок", "Встреча", "Встречной", "Аэроплан" ("В неуверенном, зыбком полете..."), "На смерть Веры Федоровны Коммиссаржевской". В АС-2 и АС-3 Блок дал названия соответственно пяти из 45 стихотворений ("Встречной", "Голоса скрипок", "На смерть Коммиссаржевской", "Испанке", "Седое утро") и семи из 72 стихотворений (в дополнение к вышеназванным – "Утро в Москве" и "На Пасхе").

Воспринимая третью книгу лирики Блока как единое целое, современники почти не оставили откликов на раздел "Арфы и скрипки". Цикл "Голоса скрипок" привнес критиками лучшим разделом сборника "Ночные часы". Так считали, в частности, С. Городецкий (Речь. 1911. 21 нояб.) и П. Медведев (Против течения. 1912. 10 марта). Анализируя стихотворения НЧ, вошедшие в III₁, Н.С. Гумилев отмечал "торжественное приближение Духа Музыки, побеждающего демонов": «Музыка – это то, что соединяет мир земной и мир бесплотный. Это душа вещей и тело мысли. В скрипках и колоколах "Ночных часов" (второй половины "Снежной ночи") уже нет истерии – этот период счастливо пройден поэтом. Все линии четки и тверды, и в то же время ни один образ не очерчен до замкнутости в самом себе, все живы в полном смысле этого слова, все трепетны, зыблются и плывут в "отчизну скрипок беспредельных". Слова – как ноты, фразы – как аккорды. И мир, облагороженный музыкой, стал по-человечески прекрасным и чистым, – весь, от могилы Данте до линиялой занавески над больными геранями» (Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 8. С. 156–157).

Исследователь поэтической символики Блока В.М. Жирмунский связывал "бесспорно иносказательное заглавие целого отдела "Арфы и скрипки" с тем, что в творчестве поэта "в своем частом повторении, в своеобразном метафорическом оживлении мотив скрипки становится постоянной символической принадлежностью известной душевной настроенности" (Об А. Блоке. С. 141).

К 1921 г. для ряда критиков мотивы раздела "Арфы и скрипки" стали определять тональность всего творчества Блока. "И вся жизнь – лишь ожидание, а душа – вечное напряжение, вечная устремленность, вечное желание звуков небес, заглушенных, но юно прекрасных, – писала А. Рашковская. – {...} А те небесные скрипки, те струнные рыдания серафимов, те отзвуки гимнов, пропетых не на земле, они сменились скрипящими смычками румын и визгом цыганских напевов. И только зори и закаты остались теми же и скорбно-недоуменно слушают эти звуки" (Вестник литературы. 1921. № 8. С. 11).

Название раздела "Арфы и скрипки" восходит к символической концепции мира как воплощения "духа музыки"; музыка – "мысль мира" (Ср.: "Дух есть музыка", – ст. "Интеллигенция и революция", 1918). С этой же концепцией связаны появ-

ляющиеся здесь образы "мирового оркестра", "запредельных скрипок" ("голоса скрипок").

Мотив арфы повторяется в цикле три раза (см. стих. "Уже померкла ясность зора...", "На смерть Коммиссаржевской", "Есть минуты, когда не тревожит..."). С арфами связана идея гармонического звучания "мирового оркестра". Образ эоловой арфы, струны которой звучат от дуновения ветра, один из наиболее распространенных в новой литературе. Ср. мотив эоловой арфы в стих. "На смерть Коммиссаржевской": "...Как будто ветер тронул струны // Там, в незнакомой вышине...".

Арфы упоминаются в Библии (Псалом 136), арфистом был библейский царь Давид, причем игра на арфе составляла часть религиозной службы, так как глубокое воздействие музыки на душу объясняли прямым божественным влиянием.

В любимой Блоком средневековой легенде о Тристане и Изольде Тристан, подплывая к берегам Ирландии, также играет на арфе. В "Тристане и Изольде" есть такое утверждение: "Бог любит хороших певцов. Их голоса и голос арфы трогают человеческие сердца, будят дорогие воспоминания и заставляют забыть горе и печаль" (Роман о Тристане и Изольде, в изложении Ж. Бедье / Пер. Е.С. Урениус. М., 1913. С. 13).

Арфа (лира) звучит в "Божественной комедии" Данте (Рай. XV):

Сочувственная воля, истекая
Из праведной любви, как из дурной
И ненасытной истекает злая,

Прервала пенье лиры неземной,
Святые струны замирая властно,
Настроенные вышнюю рукой, –

(Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1967. С. 377), причем каждая струна лиры – душа блаженного, обращенная к Богу. В христианской традиции арфу принято изображать как инструмент серафимов. См., например, в стих. А.С. Пушкина "В часы забав иль праздной скуки..." (1830): "И внемлет арфе серафима // В священном ужасе поэт" и близкий мотив в стих. Блока "На смерть Коммиссаржевской": "И струнно плачут серафимы, // Над миром расплескав крыла".

Символический образ мировой арфы (лиры) встречается у Вяч. Иванова: "Для лирики одно событие – аккорд мгновения, пронесшийся по струнам мировой лиры" (Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909. С. 350).

Сопоставление поэзии и музыки разрабатывалось французскими символистами. Критикуя их, Н.К. Михайловский писал: «Сен-Поль-Ру-Великолепный в письме Жюлю Гюре изложил на своем удивительном языке следующую теорию: "В поэтической религии душа есть арфист, арфу которого представляют собою тело. Это пятиструнная арфа. Щипните одну из струн, и вы получите эгоистический и односторонний голос в пустыне; троньте все пять струн – и вот экспансивная любовь, вот симфония (...) Органически говоря, поэт может, следовательно, быть сравниваем с вышшею арфой, обращающейся к маленьким арфам народов (...) Поэзия, синтез различных искусств, есть одновременно вкус, запах, звук, свет, форма..."» (Михайловский Н.К. Еще о декадентах, символистах и магах // Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900. Т. 2. С. 93).

Мотив скрипок неоднозначен. Если арфа у Блока связана с гармоническим, упорядоченным образом мира (в мифологии арфа (лира) – атрибут Аполлона), то скрипка скорее соответствует дионисийскому началу в жизни и искусстве. Кроме того, звучание скрипки в стихах Блока связано с дисгармонией, диссонансом в мировом оркестре. Такой мотив традиционен для Блока. См., например: "Скрипка стонет под

горой" (т. 1. наст. изд.); "И звучит эта адская музыка, // Завывает унылый смычок..." ("Балаганчик", т. 2 наст. изд.); "Дальних скрипок вопль туманный..." (Из хрустального тумана). Продолжен он и в цикле "Арфы и скрипки". Противопоставление арфы и скрипки есть и у Брюсова в стих. "Образ ночи" (1905, 1907): "Скрипка визгливая, // Арфа певучая..."

Для Блока мотив скрипок связан также с темой роковой "земной страсти" ("Где отдается в длинных залах..."). Подчас звучание скрипки уподобляется пению соловья: "Не соловей, то скрипка пела" ("Смычок запел. И облак душный..."), "Валентина, звезда, мечтанье! // Как поют твои соловьи..."

Скрипка, как и гитара, связана и с цыганской, и с аналогичной ей у Блока испанской темой – одной из основных в разделе. "Раздирающий аккомпанемент скрипок" и напевы, "подобные цыганским песням", характеризуют период антигезы в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910).

С другой стороны, арфы и скрипки не только противопоставлены как гармоническое и дисгармоническое начала мира, но и сопоставлены как единая гармония "мирового оркестра" в стих. "Голоса скрипок":

Учись вниманью длинных трав,
Развейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послал
В отчизну скрипок запредельных.

Двойственность образа скрипки раскрывается Блоком в статье "Памяти В.Ф. Коммиссаржевской": "Бывают скрипки расстроенные и скрипки настроенные. Расстроенная скрипка всегда нарушает гармонию целого; ее визгливый вой врывается докучной нотой в стройную музыку мирового оркестра (...) В.Ф. Коммиссаржевская голосом своим вторила мировому оркестру (...) Душа ее была как нежнейшая скрипка"(СС-85. С. 417–419).

Образ "мирового оркестра" с внешней стороны определяется "многоголосием" цикла. Здесь звучит свирель, арфа, скрипка, бубен, литавры, гармонь, гитара, колокола. Многоголосие усиливается разнообразием мелодий: "высокий" романс, цыганская песня, фольклорная крестьянская и фабричная песня, мелодия скрипки, "струнный плач серафима", "легкая музыка вальса", "буйный звук рогов призывных", "лепет бубенчика" и просто "тра-ля-ля". Разнообразны и "герои" раздела – от лирического "я" до "чужого", объективированного сознания, максимально удаленного от "я" поэта. Столь же широка в "Арфах и скрипках" и гамма психологических состояний: от "смертной тоски" до прозрения высокого значения и смысла жизни. Но многозвучие и многоголосие "Арф и скрипок" объединяется в образ "мирового оркестра" сочетанием двух центральных тем раздела – любви и творчества. Музыка для романтиков и символистов была искусством, максимально удаленным от реального и частного и потому соприкасающимся с "горными" мирами. Одновременно музыка – единственное средство прямой передачи чувств человека, всего многообразия его переживаний. Любовь – наиболее личное, конкретное чувство, и в то же время только в любви за образом конкретной "подруги" может открыться "подруга неземная". Любовь – это творчество, и, будучи претворенной в творчество поэтическое, то есть "воплощенной", дает возможность соединить несоединимое. Так возникает одна из главных проблем цикла:

Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?
("Грустя и плача и смеясь...")

В разделе при всей полярности его тем, мотивов, героев, психологических состояний возникают именно эти "черты". И в обрамляющих раздел стихотворениях – первом и последнем – говорится о "прозрачной глубине", "высоте", "тишине" ("Свирель запела на мосту..."), о "былом", которое воспринимается как близкое "вчерашнее", а "далекое имя" "повторяется" и "вспоминается" ("За горами, лесами..."). И если ранее в стихах Блока утверждалось, что "не постигнешь синего ока, // Пока не станешь сам как стезя..." ("Вот он – Христос – в цепях и розах..." (т. 2 наст. изд.), то в "Арфах и скрипках" присутствует уже момент осуществленного движения: "Ведет, уводит в голубое // Едва приметная стезя" ("Он занесен – сей жезл железный...").

"СВИРЕЛЬ ЗАПЕЛА НА МОСТУ..."

(С. 111)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₀*. Л. 16 об.-17, "22 мая Вознесение"; *БА – Т₆*. Л. 51 об., ("Май (романс)"), "22 мая. Вознесение. СПб"; *БА – НР НЧ*. Л. 53; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 82, "1908" (дата-автограф); печ. текст – *Изборник*. Л. 244–245.

Впервые: *ЗР*. 1908. № 11/12. С. 30, под загл. "Май (романс)", в цикле из четырех стихотворений под общим загл. "Пьяная весна".

Публикации: *НЧ*. С. 73, в разд. "Голоса скрипок"; *III₁*. С. 149–150, "1908"; *III₂*. С. 153; *III₃*. С. 191.

Правка в *ЧА ЗК₂₀* приближает текст к основному. Ст. 17 вписан над ст. 18. Текст *ЧА ЗК₂₀* зачеркнут красным карандашом. На л. 17 об. записано и зачеркнуто "Свирель".

Окончательный текст – *НЧ*.

Н.С. Гумилев в "Письмах о русской поэзии", анализируя сборник "Ночные часы", писал: «Трудно подыскать аналогию ритмическому совершенству таких стихов, как "Свирель запела" или "Я сегодня не помню"» (Аполлон. 1912. № 1. С. 70).

Приводя пример из этого стихотворения А. Белый в статье "Поэзия Блока" доказывал, что "Александр Блок – наиболее певучий поэт, осуществляющий музыку своих ритмов и красок, словесной инструментовки непредвзято, произвольно...; расположение, сочетание блоковских слов сливаются с внутренним ритмом поэзии; чисто блоковские повторения слов, игра повторений – выражение ритма Музы, ищущего в повторениях все того же во многом единства многообразия..." (Ветвь. Сборник клуба московских писателей. М., 1917. С. 281).

Свирель запела на мосту... – Мотив свирели в творчестве Блока связан с миром героини. В античной традиции свирель является атрибутом культа Диониса. См. об этом: *Петросов К.* Лири и свирель в стихах Блока и Маяковского // *Литературная учеба*. 1983. № 2. С. 179–183.

В статье "Творчество Вяч. Иванова" (1905) Блок одно из значений символа "мост" трактует как искусственное соединение материального и духовного: "...и мост, искусственное преодоление стихийных преград: борьба стихий с духом и духа со стихиями...". См. коммент. к стих. "Снежная вязь" (т. 2 наст. изд.).

И ангел поднял в высоту // Звезду зеленую одну... – Образ "зеленой звезды" впервые у Блока появляется в дарственной надписи В.Я. Брюсову на книге "Стихи о Прекрасной Даме": "Законодатель русского стиха, // Кормщику в темном плаще, // Путеводной зеленой Звезде..." (см. т. 1 наст. изд.). В данном случае образ связан с евангельской символикой Вифлеемской звезды.

"ДУША! КОГДА УСТАНЕШЬ ВЕРИТЬ?.."

(С. 111)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₀*. Л. 6 об.–5 об., "26 III", "9 июня"; *АС – Т₆*. Л. 53 об., текст рукою А.А. Кублицкой-Пиоттух, ("Маргарите"), "26 III – 9 VI", (заглавие, дата и правка рукою Блока); *БА – НР НЧ*. Л. 57.

Впервые: *ЗР*. 1908. № 11/12. С. 29–30, в цикле из четырех стихотворений под общим загл. "Пьяная весна".

Публикации: *НЧ*. С. 77 ("Маргарите"), в разд. "Голоса скрипок"; *III₃*. С. 192.

В *ЧА ЗК₂₀* отражены два этапа работы над текстом. Чернилами записаны 1-я строфа (Л. 6 об.), наброски (Л. 6), не вошедшие в основной текст, а также ст. 7–8, переработанные позже (карандаш), и ст. 11–12. Ст. 5–6 и 9–10 были вписаны карандашом. Карандашом записана отсутствующая в окончательном тексте строфа (Л. 5 об.), находившаяся между ст. 8 и 9, и наброски к ней (Л. 5 об.–6). Римскими цифрами проставлена нумерация строф. Строфа, не вошедшая в основной текст, представлена также в *Т₆* и в первой публикации. В *Т₆* была зачеркнута и впоследствии стих. печаталось без нее.

Окончательный текст – *III₃*.

Не пой, не требуй, Маргарита... – Существует мнение, что стихотворение обращено к Маргарите Аносовой, курсистке, начинающей поэтессе, которую Блок упоминает в дневнике и записных книжках (см. коммент. В.Н. Орлова в *СС-8₃*. С. 554). Сохранился обращенный к ней стихотворный набросок Блока, относящийся к 1910 г.: «Моих "страстей земные были"…» (*СС-8₃*. С. 555).

"И Я ЛЮБИЛ. И Я ИЗВЕДАЛ..."

(С. 112)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₀*. Л. 9–11, "30 III–08" (дважды); *БА – Т₆*. Л. 47–48, ("Анархист"), "30 марта. СПб."; "Январь 1912 (для III кн.)" (к ст. 17–24); *БА – НР₂ III₁*. Л. 86, "1908"; *Кор₂ Земли*. Л. 115–115 об.

Впервые: Образование. 1908. № 7. С. 48. 1-я паг., под загл. "Анархист".

Публикации: Литературно-художественный сборник журнала "Жизнь" (*ЛХС*). СПб., 1908, ("Анархист"). С. 237–238; *III₁*. С. 159; *III₂*. С. 160–161; *III₃*. С. 193–194.

В *ЧА ЗК₂₀* помета под текстом: "Вот так лирика! Называется – Анархист".

Возможно, в первоначальном замысле было связано со стих. "Душа! Когда устанешь верить?" (см. раздел "Другие редакции и варианты").

В *ЧА ЗК₂₀* представлена первоначальная редакция стихотворения, ст. (17)–(36) отсутствуют в окончательном тексте. Красным карандашом подчеркнуты слова: "горный" в ст. (21), "кряж" в ст. (26), "ущельям" в ст. (31). Весь текст зачеркнут красным карандашом.

В *Т₆* – варианты первоначальной редакции с четверостишием между ст. (4) и (5), соответствующим ст. 5–8 основного текста. В таком виде опубликовано в *О* и *ЛХС*. Переработка *БА Т₆* датирована Блоком: "Январь 1912 (для III кн.)"; ст. (17)–(40) зачеркнуты красным карандашом; карандашом записаны ст. 17–24. Помета в *Т₆*: "См. стр. 97 (то же самое)" отсылает к стих. "Их было много – дев прекрасных...", в *ЧА* связанному со стих. "И я любил. И я изведаль..." (см. т. 4 наст. изд.).

Окончательный текст – *III₁*.

В стихотворении, особенно в заключительном четверостишии, присутствует переосмысленный символистами мотив лермонтовского "Демона", ср., напр., в стих. Бальмонта "Он был из тех, на ком лежит печать..." (сб. "Только любовь", 1903):

Всё то, что, молча выносив свой гнет,
Внезапной бурей грянет в миг единый,
Как чистый снег заоблачных высот
Стремится вниз – губительной лавиной.

...И имя: враг; и слово: друг. – Ср. запись в дневнике Блока от 8 ноября 1913 г.: "Другом называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. Врагом – тот, который не хочет говорить о будущем но подчеркивает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было... дурного (или – что ему кажется дурным)".

"МАЙ ЖЕСТОКИЙ С БЕЛЫМИ НОЧАМИ!.."

(С. 112)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₂₀. Л. 17 об.–20, 21, ("Родине"), "28 мая", БА – Т₆. Л. 48 об., ("Родине"), "28 мая. СПб."; БА – НР НЧ. Л. 58; печ. текст – НР₂ III₁. Л. 84, "1908" (посвящение и дата – автографы); РЭ III₁. С. 156; Кор₂ Земли. Л. 116, посвящение-автограф.

Впервые: ЗР. 1908. № 11/12. С. 29, под загл. "Родине", первое в цикле из четырех стихотворений под общим загл. "Пьяная весна".

Публикации: НЧ. С. 78, в разд. "Голоса скрипок"; III₁. С. 156, "1908"; III₂. С. 154; III₃. С. 195.

Первоначально был записан ст. 1, вар. а, затем ст. был зачеркнут, отмечена дата, под ней – текст ЧА, начиная со ст. 1, вар. б. Заглавие вписано. В ЧА после ст. 16 следовало четверостишие, отмеченное на полях волнистой линией и знаком "NB". Карандашом зачеркнуты ст. (17)–(19) и следовавшие за ст. (20) наброски на л. 19–19 об. Над текстом последнего наброска помета: "Корабль ни при чем", свидетельствующая об отказе от развития мысли в данном направлении. Весь текст ЧА зачеркнут красным карандашом.

Окончательный текст – III₁.

Рецензент московского журнала "Путь" отмечал, что стихи "сильны внутренней убежденностью долга" (Н.В. [Рецензия] // Путь. 1911. № 2. Декабрь. С. 75. Рец. на кн.: Александр Блок. Ночные часы. М., 1911).

Критик А.А. Закржевский находил в стих. свидетельство того, что "жизнь сильнее мечты": жизнь заставила Блока изменить Ей, "перейдя на служение другой царице – безобразной, постаревшей, но верной – Смерти". Последние строки стихотворения критик прочитывал как "мольбу о спасении" (Закржевский А. Религия. Киев, 1913. С. 423–424). Монографический анализ стих. см.: Шраер М. О пределах современного стихотворного анализа: комментарий к стихотворению А.А. Блока "Май жестокий с белыми ночами" // Зап. Русской академ. группы в США. N.-Y., 1994. Т. 26. С. 363–384.

Посвящено Пясту Владимиру Алексеевичу – поэту, критику, переводчику, теоретику символизма, близкому другу Блока (о нем см.: ЛН. Т 92. Кн. 2. С. 175–192, публикация З. Г. Минц.

...Но достойней за тяжелым плугом // В свежих росах поутру идти! – Ср. со строками из статьи "Солнце над Россией" (1907): "Пока Толстой жив, идет по борозде, за плугом, за своей белой лошадкой, – еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и – слава Богу. Толстой идет – ведь это солнце идет. А если закатится солнце, умрет Толстой, *уйдет последний гений*, – что тогда?" (СС-83. .С. 303).

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В сб. "Ночные часы" (НЧ) три стихотворения, два из которых ранее уже появлялись в печати, впервые были объединены в цикл (в *НР НЧ*, л. 59 имеется помета: "Все три стих(отворения) печатать подряд"), озаглавленный "Три послания" и включенный в раздел "Голоса скрипок". В дальнейшем состав цикла, последовательность стихотворений в нем не изменились. В *III*₁ даты под каждым текстом заменены общей датировкой: 1908–1910, а сам цикл помещен в раздел "Арфы и скрипки", в состав которого он входил и в последующих переизданиях третьей книги.

Цикл посвящен Валентине Андреевне Щеголевой (урожд. Богуславской, 1878–1931). В 1906 г., когда состоялось знакомство, она играла в театре В.Ф. Коммиссаржевской (см. публикацию Е.Ю. Литвин и С.С. Гречишкина "Блок и Щеголева" – *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 850–856). В.А. Щеголева, по свидетельству мемуаристки, «всегда относилась к людям и жизни серьезно. Горячо спорила, защищая свое мнение. Любила справедливость, была всегда искренней и откровенной (...) Александр Блок, которым она была очарована (...), посвятил ей "Три послания", написанные в разное время его блужданий и скитаний, участницей которых она иногда бывала» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // *РГБ*. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 246–247). О прогулках, катаниях на лодках и поездках на острова со Щеголевой сохранились упоминания в письмах поэта к матери (см.: *Письма к родным*, 2. С. 114, 118). В 1906–1910 гг. Блок и Щеголева встречаются на литературных вечерах, концертах, чтениях, в литературных гостиных. Известно, что она исполняла мелодекламацию на стихи Вяч. Иванова и Сологуба (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 325), особым успехом пользовалась "Менада" Вяч. Иванова. "Благодарный автор" посвятил ей стих. "Как жертвы тень с любовью онемелой..." (1906), в котором называет ее "единой из Менад" (альбом В.А. Богуславской-Щеголевой – *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 2; см. также: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 850). Вероятно, под влиянием созданного Щеголевой образа менады возникает в цикле мотив мятежной, сжигающей, дионисийской страсти, присущей "страшному миру". Эту закономерность творчества Блока уловил Андрей Белый, писавший, что «в 1908 г. в сознании А.А. очень прочно складывались контуры его "Страшного мира" – лейтмотив, проходящий через весь третий том (...) угаром и страстью охвачены строчки стихов (...)» (*Белый Андрей*. Воспоминания об Блоке // *Эпопея*. 1923. № 4. С. 94).

21 декабря 1910 г., посылая Щеголевой подготовленный для *НЧ* цикл "Три послания" (*БА ИРЛИ*) Блок писал: "Над этими тремя стихотворениями – можно ли мне поставить Ваши инициалы в книге?" (*ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 3). На следующий день корреспондентка Блока ответила ему: "Так испугана Вашими стихами... и взволнована! Инициалы поставьте, если хотите" (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 474. Л. 1). А.М. Ремизов, которому Блок послал сборник, неодобрительно отнесся к посвящению, 13 ноября 1911 г. он писал Блоку: "Ну, а вот насчет посвящения В.А. Щ., то тут лично я против. Вам сказал бы сегодня вечером, но так и не пришлось" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 98). Протест Ремизова вызван опасением, что посвящение скомпрометирует

близких ему людей. С мужем Валентины Андреевны Павлом Елисеевичем Щеголевым Ремизов подружился в 1900-е гг. в вологодской ссылке. Тогда же Ремизов женился на С.П. Довгелло, а Щеголев познакомился со своей будущей женой – артисткой Вологодского драматического театра. В ответном письме 14 ноября 1911 г. Блок выразил демонстративное пренебрежение к самому предмету спора: "Я хотел с Вами говорить об очень важном, что важнее всяких посвящений" – и в то же время решительно воспротивился такого рода автобиографическому прочтению своей лирики: «Насчет "Трех посланий" Вы не правы. Вы не смотрите на посвящения, а смотрите на стихи. Или Вы не можете отвлечься, или, если осуждаете, так не знаете этих стран. Поговорим еще об этом» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 99). 20 ноября Ремизовы обедали у Блока. Повидимому, тогда же состоялся их разговор, и Ремизову удалось в чем-то переубедить поэта. Вечером Блок записал в дневнике: "О Щеголевой (я думал об этом иначе утром)". В *III*₁ Блок сохранил посвящение к циклу в виде трех инициалов, а в *III*₂ заменил его одним: "В".

Стихотворения, написанные в форме посланий, Блок и ранее группировал в циклы. Так, в *ЗС* был образован раздел из 15 стихотворений, озаглавленный "Послания", куда помимо прочего вошли три цикла из 3 стихотворений: "Незнакомке", "Н.Н. Волоховой", "Осенняя любовь", а также стих. "Послание" (Ушла. Но гиацинты ждали...). В каноническом "третьем томе" имеется еще один цикл "Послания" в разделе "Разные стихотворения". В нем объединены пять посланий, обращенных к поэтам.

1. "ВСЁ ПОМНИТ О ВЕСЛЕ ВЗДЫХАЮЩЕМ..."

(С. 113)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₂₀. Л. 13 об.–15; *АС* – *Т*₆. Л. 53 ("Белая ночь"), "Май–июнь", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, дата и заглавие – рукой Блока; *БА* – *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 3 об., "1908"; *БА* – *НР НЧ*. Л. 59; *Кор*₁ *НЧ*. Л. 79; *Кор*₃ *НЧ*. Л. 79; печ. текст – *НР*₂ *III*₁. Л. 84.

Впервые: *ЗР*. 1908. № 11/12. С. 29 ("Белая ночь"), в цикле из четырех стихотворений под общим загл. "Пьяная весна".

Публикации: *НЧ*. С. 79, в разд. "Голоса скрипок"; *III*₁. С. 154; *III*₂. С. 157; *III*₃. С. 196.

ЧА *ЗК*₂₀ содержит ряд зачеркнутых набросков и текст стихотворения, в котором первоначально строфы были записаны в другом порядке (3-я, 1-я, 2-я). На полях строфы пронумерованы в порядке, совпадающем с основным текстом. В *НЧ* и *III*₁ посвящение к циклу "Три послания": "В.А.Щ."; в *III*₁ общая для цикла дата: "1908–1910".

18 мая 1908 г. поэт описал матери свое времяпрепровождение: "Мама, последние дни я ложусь спать через ночь и трачу много энергии на вино, катанья по морю, блужданья по полям и лесам, на женщин".

Н.Г. Чулкова вспоминала, что «Блок часто уходил бродить за город. Любил кататься на лодке – один или с кем-нибудь из друзей. Однажды в такую прогулку Блок увлек целую маленькую компанию: Валентину Андреевну Щеголеву, актрису Кореневу и Г.И. Чулкова. Это было в начале мая 1908 г. Уехав с утра на взморье, они вернулись только на другой день к обеду. Блок пошел домой, а его две спутницы остались обедать с нами. Обе были веселы, полны впечатлений от необыкновенной ночной прогулки. {...} Эта прогулка отразилась в стихах Блока "Все помнит о весле вздыхающем мое блаженное плечо..."» (Чулкова Н.Г. Воспоминание о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми. Л. 81–82).

21 апреля 1908 г. В.А. Щеголева записала в дневнике о катании с Блоком на лодке: "это утро на взморье, голубой шелк моря, лодка и мягкая рука на веслах. И ему и мне было очень весело" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 851).

Позже в автобиографической заметке "Все вечности жерлом пожрется" Щеголева вспоминала, как Блок переписал и передал ей стихотворение на маскараде у Федора Сологуба 3 января 1909 г. "Милые незатейливые строки" напомнили ей то утро, "когда ничто не нарушало гармонии, цвели тюльпаны на Каменном острове, сверкала желтым золотом серебряная гладь взморья" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 854).

2. "ЧЕРНЫЙ ВОРОН В СУМРАКЕ СНЕЖНОМ..."

(С. 113)

Автографы и авторизованные тексты: $ЧА_1 - ЗК_{30}$. Л. 1 об.-3 об., "24 января"; $ЧА_2 - ЗК_{30}$. Л. 11 об.; $АС - Т_7$. Л. 41 об. ("[Валентина]", "Вдвоем"), "февраль", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук, заглавие, посвящение, дата – рукой Блока; $БА - ИРЛИ$. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 4, "1910"; $БА - НР НЧ$. Л. 60; печ. текст – $НР_2 III_1$. Л. 84; *Корп Земли*. Л. 84–85.

Впервые: *РМ*. 1910. № 11. С. 4. 1-я паг. ("Вдвоем") в цикле "Страшный мир".

Публикации: *НЧ*. С. 80, в разд. "Голоса скрипок"; III_1 . С. 155; III_2 . С. 158; III_3 . С. 197.

В первоначальном черновом наброске ($ЧА_1$) в $ЗК_{30}$ тесно переплетены темы и образы, вошедшие позднее в два самостоятельных стих.: "Черный ворон в сумраке снежном.." и "Всё, что память сберечь мне старается...". Текст наброска, записанный чернилами, позднее был переработан (правка карандашом). В $ЗК_{30}$ представлена также первоначальная редакция стихотворения ($ЧА_2 ЗК_{30}$), подвергшаяся позднейшей переработке. Рядом с $ЧА_2 ЗК_{30}$ имеется черновик письма, обращенный, по-видимому, к В.А. Щеголевой (Л. 12; в $ЗК$. С. 164 – адресат не установлен).

Д. Агов в отклике на первую публикацию отметил как "нелепость" образ рысака, летящего "над бездонным провалом в вечность". "Обрывки впечатлений, полунамеки на мысли, – пишет критик, – кружатся в его (Блока. – *Ред.*) воображении вихрем: в снежный сумрак залетают у него соловьи... Но... этот причудник не оставляет вас безучастным к своим переживаниям" (*Агов Д.* Литературная хроника // Россия. 1910. № 1546. 1 дек.). В рецензии на *НЧ* Вас. В. Гиппиус обратил внимание на «всецело блоковский, задыхающийся, почти жуткий ритм в таких строках: "снежный ветер, твое дыханье, опьяненные губы мои..."» (*Новая жизнь*. 1911. № 12. Стб. 269). Стиховедческий анализ текста дал В. Шершеневич в статье "Лорелея ритма" (*Жизнь и творчество русской молодежи*. 1919. № 30/31. С. 5, 7). По мнению В. Жирмунского, «безмерность в переживании любовного экстаза придает лирике Блока в это время (...) невиданную еще в русской поэзии смелость и иррациональность построения – как бы ощущение присутствия творческого довременного хаоса, освобожденных космических сил, из ночного "страшного" мира наплывающих на поэта и затопляющих узкую область светлого дневного сознания» (*Жирмунский В.* Поэзия Александра Блока // *Об А. Блоке*. С. 83). Французская исследовательница творчества Блока С. Бонно-Лаффит сопоставила стих. с сонетом С. Малларме "Лебедь" (см.: *Laffitte S.* Le symbolisme occidental et Alexandre Block // *Revue des études slaves*. 1957. Т. 34. Р. 91–92). Один из возможных фольклорных источников стихотворения – "Сказания русско-

го народа, собранные Н.П. Сахаровым" (СПб., 1885) рассматривается в работе Г.А. Левинтона "Заметки о фольклоризме Блока" (Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978. С. 172–175).

Над бездонным провалом в вечность, // Задыхаясь, летит рысак. – ср. тексты 26 октября 1908 г. в записной книжке: "задыхающийся гон тройки (...) Это – Россия летит неведомо куда – в сине-голубую пропасть времен – на разубранной своей и разукрашенной тройке".

Валентина, звезда, мечтанье! // Как поют твои соловьи... – Н. Гумилев, ссылаясь на эти строки, пишет, что Блок "как стилист, (...) не чурается обычно красивых слов, он умеет извлекать из них первоначальное их очарование" (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии.* С. 70).

Страшный мир! – См. вступит. статью к циклу, а также вступит. статью к разделу "Страшный мир".

... Темный морок цыганских песен, // Торопливый полет комет! – Прочитировав последнюю строфу стихотворения, рецензент журнала "Путь" заметил: "По-прежнему у Блока романтика будней и предчувствие чуда. Но подруга жизни стала реальной женщиной, сочетав в себе одновременно загадочность цыганки" (*Н.Б. // Путь.* 1911. № 2. С. 75). "Любовная лирика последнего периода, – по мысли В. Жирмунского, – приводит Блока от Вл. Соловьева к Аполлону Григорьеву и цыганскому романсу" (*Об А. Блоке.* С. 83–84).

3. "ЗНАЮ Я ТВОЕ ЛЬСТИВОЕ ИМЯ..."

(С. 114)

Автографы: *ЧА – ЗК₃₁.* Л. 26–26 об., "18.XI", "18 сентября"; *ЧН* (ст. 5–8) – *ЗК₃₁.* Л. 28 об.; *БА – Т₇.* Л. 54, дата "18 сентября 1910" исправлена. "18 ноября?"; *БА – ИРЛИ.* Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 4 об., "1910"; *БА – НР НЧ.* Л. 61; печ. текст – *НР₂ III₁.* Л. 84.

Впервые: *НЧ.* С. 81, в разд. "Голоса скрипок".

Публикации: *III₁.* С. 155–156; *III₂.* С. 158–159; *III₃.* С. 197–198.

После 1-й строфы черновой редакции в *ЗК₃₁* повторяется дата, сделана помета: "Тогда же спрош(ен) у Верховского ее теперешний адрес". Ю. Верховский послал Блоку адрес В.А. Щеголевой 21 октября 1910 г. (см.: Ал. Блок. Переписка. Аннотированный каталог. М., 1979. Вып. 2. С. 157). В незачеркнутом варианте ст. (6) слово "низких" заключено в круглые скобки, против него поставлены вопросительный и восклицательный знаки, в ст. (7) слово "разящий" отмечено вопросительным знаком. На полях против ст. (7–8) восклицательный знак, имеется помета, подчеркнутая красным карандашом: «"В изгипе" нельзя "заносить меч"». Слово "Серебро" в первоначальном варианте ст. (10) сопровождается пометой: "?-да". Ст. (5–8) черновой редакции зачеркнуты. Вторая строфа основного текста первоначально появилась в *ЗК₃₁* среди черновых набросков к стих. "Посещение" ("То не ели, не тонкие ели..."). Затем она была переработана (вар. *в, г* – правка карандашом), на полях сделана помета: "Относ(ится) к другому".

Знаю я твоё льстивое имя... – В. Жирмунский считал, что в поэзии Блока "даже имя возлюбленной служит предметом метафорического преобразования" (*Об А. Блоке.* С. 111). Блок обыгрывает созвучие имени Щеголевой Валентина с "валентиной" (от

англ. valentine) – другом сердца, возлюбленной, выбираемой во время английского праздника дня св. Валентина, приходящегося на 14 февраля.

...*Твои дикие слабые руки, // Бормотаний твоих жемчуга.* – Ср. запись Блока, сделанную в сентябре 1910 г.: "NB: тут же жемчужные руки, бормочущие – они только усугубляют путаницу" (ЗК. С. 173). По воспоминаниям Н.Г. Чулковой, В.А. Щеголева «была совсем некрасива лицом, но очень женственна и грациозна, имела свой приятный голос. Когда она волновалась, речь ее была порывистой и почти бессвязной. В третьем послании строчки "эти дикие слабые руки" и "бормотаний твоих жемчуга" прекрасно передавали ее манеру выражать свои чувства» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 851).

ВСТРЕЧНОЙ

("Я только рыцарь и поэт...")

(С. 114)

Автографы: *БАП* – *Т₆*. Л. 45 об.–46 ("Даме с парохода"), "2 июня. СПб."; "передел(ано) 1909 и в 1912!", *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 9; *БА* – *НР₂ III₁*. Л. 84, "Лето 1908". (Заглавие и дата – карандашом.)

Впервые: Речь, бесплатное прил. 1909. № 354. 25 дек.

Публикации: Неделя современного слова. 1909. № 91. С. 4. *III₁*. С. 153–154, "Лето 1908"; *III₂*. С. 162–163; *III₃*. С. 199–200.

БА в *Т₆* дважды перерабатывался: в 1909 г. перед первой публикацией и в 1912 г. для *III₁*, где представлен окончательный текст. В *НР₂ III₁* заглавие вписано карандашом.

В. Волькенштейн в рецензии на третью книгу "Собрания стихотворений" (М., 1912) включал стих. в ряд произведений, которые отличает "очаровательная хрупкость, нежность слова и сила чувства". "В них поэзия души, мало прикосновений к жизни, воспитанной легкими и глубокомысленными видениями", – писал рецензент, называя Блока "истинным художником" (Современный мир. 1912. № 5. С. 311).

Уайльд Оскар (1856–1900) – английский прозаик, поэт, драматург, признанный законодатель эстетства.

МЭРИ

Все три стихотворения написаны в один день – 17 июля 1908 г. В черновике (*ЧА ИРЛИ*) они пронумерованы и объединены в цикл, а в *Т₆* цикл озаглавлен "Мэри". В том же 1908 г. Блок включил в *ЗС* в раздел "Подруга Светлая" под таким же заглавием цикл из четырех стихотворений 1905–1906 гг. В него вошли: "Нет имени тебе, мой дальний...", "Молитва" ("О жизни, догоревшей в хоре..."), "В синем небе, в темной глубине...", "Отрывок (Из Байрона)" ("Бесплодные места, где был я сердцем молод...").

В окончательном составе цикл "Мэри" впервые увидел свет в литературном сборнике "Италии" (СПб., 1909) – в том виде, в каком он был записан в *Т₆* – первое стихотворение в более пространной первоначальной редакции, второе – с незначительными вариантами. Для *НЧ* поэт переработал первое стихотворение и незначительно изменил второе (правка в *Т₆*). В *НР НЧ* имеется помета: "(все 3 стих(отворения) печатать подряд)". В этом издании цикл вошел в раздел "На Родине". По составу, последо-

вательности стихотворений и текстам эта публикация совпадает с канонической. В *III₁* поэт увеличил цикл до шести стихотворений за счет входивших ранее в одноименный цикл в *ЗС* (кроме перевода из Байрона) и вновь включил его в раздел "На Родине". В *РЭ III₁* три основных стихотворения цикла имеют помету "А(рфы) и с(крипки)", три других – не отнесены ни к какому разделу. В *III₂* Блок вновь публикует цикл из шести стихотворений, но переносит его в указанный в *РЭ III₁* раздел. В *III₃* поэт вернулся к циклу из трех стихотворений, опубликованному ранее в *НЧ*.

18 июля 1908 г. Блок сообщает матери о созданном накануне цикле, а также описывает свое душевное состояние: "Написал несколько хороших стихотворений. Ужасное одиночество и безнадежность; вероятно, и эта полоса пройдет, как все". В этот же день он пишет жене: "Если я буду продолжать жить так, как теперь (...) этого ненадолго хватит: душа становится старой и седой". 24 июля Блок посылает матери черновики трех стихотворений (*ЧА ИРЛИ*; см. коммент. к стих. "Опять у этой двери..."), а 31 июля в ответ на ее отзыв пишет: «Напрасно тебе не нравится "Мэри". Прочти еще».

Считается, что образ Мэри не имеет реального прототипа, а восходит к литературным источникам, на что указывает прежде всего имя героини (*Левинтон Г.А.* Заметки о фольклоризме Блока // Миф. Фольклор. Литература. С. 185; *Спроге Л.В.* Рецепция пушкинских образов и сюжетов в лирике А. Блока. Цикл "Мэри" // Проблемы пушкиноведения. Сб. науч. трудов. Рига, 1983. С. 103). Ближайшим источником является образ Мэри из пушкинского "Пира во время чумы" (1830). В 1899 г. Блок написал стихотворение "Мэри" ("Пир во время чумы"), выделив тем самым в пушкинском произведении не являющийся центральным образ шотландской девушки как наиболее близкий его творчеству (см.: *Миц З.Г.* Блок и Пушкин // *УЗ ТГУ*. Вып. 30. Тарту, 1973. С. 150–151). С "маленькой трагедией" цикл помимо образа грустной, "задумчивой" Мэри, поющей в память об умершем, сближает также мотив последней страсти накануне смерти. На блоковский цикл повлиял и образ, созданный Пушкиным в стихотворении "Из Barry Cornwall" ("Пью за здравие Мэри", 1830). Ср. слова, рифмующиеся с именем героини в пушкинском стихотворении и блоковском цикле: Мэри – двери – пери – потери (Пушкин) двери – перий (перы) – Мэри – потере (Блок) (отмечено Л.В. Спроге в указ. статье).

Центральный образ блоковского цикла связан и с образом Мэри в целом ряде стихотворений Байрона (см.: *Правдина И.* Из истории формирования "третьего тома" лирики А. Блока // Тез. I(III) Всесоюзной конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975. С. 39). Его прототип – Мэри Мэстерс (урожд. Чаворт), возлюбленная Байрона в юные годы, чувство к которой, как утверждают биографы, поэт пронес через всю жизнь несмотря на множество увлечений (о ней см.: *Аничков Е.* Жизнь и переписка Байрона // *Байрон Д.-Г.* Сочинения. СПб., 1905. Т. 3. С. 622–623; *ББО-1*. С. 15–19). В 1905 г. Блок перевел для венгерского издания Байрона одно из самых драматичных его стихотворений, написанное вскоре после замужества Мэри Чаворт, – "Отрывок" ("Бесплодные места, где был я сердцем молод...") (о включении его в *ЗС* в цикл "Мэри" см. выше). Блок перевел также стихотворение Байрона "Посвящается Мэрион" ("Что ты, Мэрион, так грустна?"), адресованное Герриэт Мальтбл (о восприятии Блоком байроновских стихотворений о Мэри "сквозь призму Пушкина" см.: *Миц З.Г.* Блок и Пушкин. С. 190).

Образ земной девушки Мэри соотносен в творчестве Блока с образом небесной девы Марии (см.: *Миц З.Г.* Блок и Пушкин. С. 151; *Григорьев А.Л.* Литература и мифология. Л., 1975. С. 72; *Левинтон Г.А.* Заметки о фольклоризме Блока. С. 184), ср. образную параллель Мэри – мадонна в сонете К.Д. Бальмонта "Мэри" ("Когда в глухой тиши старинного музея...") (*Бальмонт К.Д.* Собрание стихов. М., 1905. Т. 1.

С. 95). В 1907 г. еще до написания цикла, Д. Философов, проследившая эволюцию творчества Блока, расценил как кощунство тот факт, что героиня драмы "Незнакомка", некоторыми аналогиями связанная с образом Богородицы, названа именем Мэри. Он писал: «Сначала были у него проникновенные гимны "Прекрасной Даме" и Деве Марии, а затем Дева Мария превратилась каким-то фокусом в Мэри, героиню "Незнакомки", {...} пьесы, отдающей "остроумием самым уличным и пошлым"» (*Философов Д. Дела домашние // Товарищ. 1907. № 379. 23 сент.*) Поэтесса Любовь Столица, напротив, увидела в авторе цикла "Мэри" "нежнейшего чтеца" канона Богоматери, которая для него "живое Божество, а не метафизический термин и не библейский миф" (*Новое вино. 1913. № 2. С. 13*).

Лексические ассоциации цикла со свадебной терминологией ("жених", "дорога", "проводив", "порог", "дверь", "негаданный"), связь с браком имени Мэри (Мария), а также использование свадебных мотивов ("косы {...} распущены", "слезы уронены" и др.) прослежены в статье Г.А. Левинтона "Заметки о фольклоризме Блока". С. 183–185.

1. "ОПЯТЬ У ЭТОЙ ДВЕРИ..."

(С. 115)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₃₁*. Л. 8 об.–9; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 411. Ед. хр. 17. Л. 1–3, "17.VII" (дата цикла); *БА – Т₆*. Л. 56 об.–57, "17 июля. СПб."; *БА – НР НЧ*. Л. 12; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 91.

Впервые: Италии. Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. [СПб.], 1909. С. 148–149.

Публикации: *НЧ*. С. 15, в разд. "На родине"; *III₁*. С. 174, в разд. "Родина"; *III₃*. С. 201–202.

По свидетельству Иванова-Разумника (*Иванов-Разумник*. Л. 283), *ЧА ИРЛИ* представляет собой один из трех автографов стихотворений цикла "Мэри", посланных Блоком матери в письме от 24 июля 1910 г. ("Посылаю тебе черновики трех стихотворений, если разберешь"). В *ЧА ИРЛИ* – первоначальная редакция стихотворения. Она была переписана в *Т₆* и опубликована в сб. "Италии". Позже текст в *Т₆* подвергся сокращению: 2-я, 5-я и 6-я строфы первоначальной редакции зачеркнуты. В таком сокращенном виде стихотворение было опубликовано в *НЧ* (окончательный текст).

Другие редакции и варианты

Грустнее падшей Пери (ЧА ИРЛИ, ст. 3, вар. а) – в стих. Пушкина "Barry Cornwall" ("Пью за здоровье Мери...") героиня названа "маленькой пери".

О, как тебя приму я? // Я болен, стар и сед [я устал] // Я голову седую (ЧА ИРЛИ, ст. (7)–(12) сноски 3) – ср. признания в письмах Блока 18 июля 1908 г. к матери и к жене о его душевном состоянии.

2. "ЖЕНИХА К ПОСЛЕДНЕЙ ДВЕРИ..."

(С. 115)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 411. Ед. хр. 17. Л. 4–5; *БА – Т₆*. Л. 57 об., "17 июля. СПб."; *БА – НР НЧ*. Л. 13; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 91–92.

Впервые: Италии. Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. [СПб.], 1909. С. 149.

Публикации: *НЧ*. С. 16, в разд. "На родине"; *III₁*. С. 174–175, в разд. "Родина"; *III₃*. С. 202.

О *ЧА ИРЛИ* см. коммент. к стих. "Опять у этой двери..."

Встала Мэри у порога, <...> Тихо пой у старой двери, – Ср. монолог Мери в "Пире во время чумы" А.С. Пушкина: "Самой себе я, кажется, внимаю, // Поющей у родимого порога". Ср. с символикой двери у В.А. Жуковского: "Сей гроб – затворенная к счастью дверь. // Отворится..." ("Теон и Эсхин", 1800).

Вон о той звезде далекой, // Мэри, спой. // Спой о жизни одиноко прожитой... – Народные поверия связывают рождение человека, его судьбу и его смерть со звездой (Афанасьев, I. С. 206, 208). Ср. призыв к Мери спеть в память об умершем в "Пире во время чумы": "Спой, Мери, нам уныло и протяжно."

3. "КОСЫ МЭРИ РАСПУЩЕНЫ..."

(С. 116)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 411. Ед. хр. 17. Л. 6; *БА – Т₆*. Л. 58, "17 июля. СПб."; *БА – НР НЧ*. Л. 14; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 92, "1908".

Впервые: Италия. Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. [СПб.], 1909. С. 150.

Публикации: *НЧ*. С. 17, в разд. "На родине"; *III₁*. С. 175, "1908", в разд. "Родина"; *III₃*. С. 203.

О *ЧА ИРЛИ* см. коммент. к стих. "Опять у этой двери..."

Косы Мэри распущены... – Косы – один из постоянных атрибутов блоковского образа Мэри, см. стих. "О жизни, догоревшей в хоре..." и "В синем небе, в темной глубине...". С распущенными косами причитают женщины над покойником (см.: Афанасьев, I. С. 117).

И рассыпалась грусть // Жемчугами... – По народно-поэтическим представлениям, видеть во сне жемчуг предвещает слезы (Афанасьев, I. С. 603).

...Не заплесть желтых кос // Тучки утренней. – Распущенные волосы – обозначение дождевых туч (дождь – слезы) означают печаль (Афанасьев, I. С. 117), ср. с начальной строкой стихотворения.

"УСНИТЕ БЛАЖЕННО, ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ, УСНИТЕ..."

(С. 116)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₆*. Л. 61 об., "30.VII.08. СПб."; *БА – НР₂ III₁*. Л. 65.

Впервые: Лебедь. 1908. № 3. С. 3 ("Вы спите блаженно, заморские гости, вы спите...").

Публикации: *III₁*. С. 100, в разд. "Страшный мир"; *III₃*. С. 204.

В журнале "Лебедь" публиковался первоначальный вариант текста, зафиксированный в *Т₆*. Правка в *Т₆* относится, по-видимому, ко времени подготовки *III₁*, где впервые представлен окончательный текст. В *РЭ III₁* стихотворение зачеркнуто и в *III₂* не вошло. В *III₃* вновь включено в собрание.

*Что падают звезды, чертя серебристые нити, // Что пляшут в стакане вина
золотистые змеи... – Ср. у В. Брюсова:*

О, плывите! о, плывите
Словно змеи, словно нити
Вьются, путаются, рвутся
В зыби волн огни луны.
.....
Не уйти нам, не уйти нам
Из серебряной черты!
Мы горим в кольце змеином.

(“Тишина”, 1905)

"Я ПРИГВОЖДЕН К ТРАКТИРНОЙ СТОЙКЕ..."

(С. 116)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₃*. Л. 3 об.–6, "26.X" (ст. (5–7) опубл. *СС-83*. С. 559); *АС – Т₆*. Л. 71, "1908. XII", "26.X", рукой Л.Д. Блок; *БА – НЧ*. Л. 65; печ. текст – *Кор₁ НЧ*. Л. 44 об.; печ. текст – *НЧ III₁*. Л. 65; *Кор₂ Земли*. Л. 121.

Впервые: Новое образование. 1910. № 1 (февраль). С. 116.

Публикации: Вешние воды. Лит.-обществ. сб. Кн. 1. СПб., 1910. С. 106; *НЧ*. С. 88, в разд. "Голоса скрипок"; Весна (Газета Шебуева), 1911. № 25. С. 1; *III₁*. С. 101, в разд. "Страшный мир"; *ЧД-1912*. Т. 4. С. 612; *ЖЖ*. 1915. № 12. С. 16; *III₂*. С. 156; *III₃*. С. 205.

В *ЧА ЗК₂₃* первая строфа и не вошедшие в основной текст ст. (5–7) записаны на л. 4 об.; 2-я строфа и варианты ст. 9–10 – на л. 3; 3-я и 4-я строфы записаны на л. 4 в обратном порядке. Строфы 1-я и 2-я пронумерованы на полях римскими цифрами. Непосредственно за черновиком следует прозаический набросок, тематически и образно перекликающийся со стихотворением: «И вот поднимается тихий занавес наших сомнений, противоречий, падений и безумств: слышите ли вы [то (...)] задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной [России] равнины? Это – Россия летит неведомо куда – в сине-голубую пропасть времен – на разубранной своей и разукрашенной тройке. Видите ли вы ее звездные очи – с мольбою обращенные к нам: – Полюби меня, полюби красоту мою! – Но нас от нее отделяет эта бесконечная даль времен, эта синяя морозная мгла, эта снежная звездная сеть. – Кто же проберется навстречу летящей тройке [,] тропами тайными и мудрыми, кротким словом остановит взмыленных коней, смелой рукою опрокинет демонского ямщика и...».

Очевидно, при переписке стихотворения в тетрадь порядок строф был приведен в соответствие с основным текстом. В *Т₆* красным карандашом исправлена датировка: вместо "1908.XII" – "26.X." (дата уточнена по *ЗК₂₃*).

Окончательный текст – *НЧ*.

А. Белый, исследуя поэтику стихотворения, находил в нем "прорыв самосознания к духовному центру чрез застылые льдины страстей..." (*Белый А. Поэзия Блока*. С. 283).

Вспоминая о трагизме облика Блока, характерном для 1908–1910 гг., о присущем ему чувстве нависшей беды и гибели, К. Чуковский писал в 1921 г.: "В те времена многим из нас, петербуржцев, случилось не раз с сокрушением видеть, как отчаянно он топил свое горе в вине. Именно отчаянно, с каким-то нарочитым безудержем..."

Нам чудилось, что он действительно бесприютный скиталец, от лица которого он пел в те времена свои песни..." (*Воспоминания*, 2. С. 228–229).

Образы этого стихотворения С.М. Городецкий использовал в пародийном обращении к Блоку: "От трактирной, друг мой, стойки..." (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 551).

В глухую темень ~ счастье прошло... – Ср. у Я. Полонского:

Но мимо пролетит, кто счастьем богат...
Их кони мчат, минуя косогор...
За ними эхо по лесу летит,
То издали им жалобно звенит,
То звонким лепетом их колокольчик дразнит...
Глухая ночь меня застигла...

("Ф.И. Тютчеву", 1865)

И ответ Тютчева – Полонскому: "Нет боле искр живых на голос твой приветный: // Во мне глухая ночь и нет для ней утра!" ("Другу моему Я.П. Полонскому", 1865).

"НЕ ЗАТЕМ ВЕЛИЧАЛ Я СЕБЯ ПАЛАДИНОМ..."

(С. 117)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₂₃. Л. 17 об.; *АСП* – *Т*₆. Л. 75 об., "1908.XII", рукой Л.Д. Блок, правка и дата – рукой Блока; *БА* – *НР НЧ*. Л. 51; печ. текст – *НР*₂ *II*₁. Л. 72.

Впервые: Новый журнал для всех. 1909. № 8. Стб. 1.

Публикации: *НЧ*. С. 71, в разд. "Голоса скрипок"; *III*₁. С. 120, в разд. "Возмездие"; *СРЛ*. С. 66; *III*₂. С. 155; *III*₃. С. 206.

По расположению в *ЗК*₂₃ стихотворение можно датировать концом октября – ноябрем 1908 г., однако в *Т*₆ дата указывает на декабрь 1908 г. Правка в *Т*₆ производилась, по-видимому, перед подготовкой *НЧ* (окончательный текст). В *НР*₂ *III*₁ деление на строфы обозначено карандашом.

Паладин – (от позднелат. *palatinum* – придворный) в средневековой западноевропейской литературе название сподвижников Карла Великого. Позднее – доблестный рыцарь, преданный своему государю или даме.

"ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА БЛИЗИТСЯ К ПОЛНОЧИ..."

(С. 117)

Автографы: *ЧН*₁ – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1; *ЧН*₂ – Там же. Л. 2–5, "29.VII.07"; *ЧА*₁ – Там же. Л. 4 об.–6; *ЧН*₃ – Там же. Л. 6; *ЧА*₂ – Там же. Л. 7–8; "4.XI.08" "1908–1913", *ЧН*₄ – Там же. Л. 9 (черновые автографы опубл.: *Орлов В.Н.* Неосуществленный замысел Блока // Октябрь. 1936. № 8. С. 280–284); *БА* – *Т*₈. Л. 23, "1908.XI–1913.XII"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 4.

Впервые: Отечество. 1915. № 1. С. 9.

Публикации: *III*₂. С. 164; *III*₃. С. 206.

Первоначально объединено со стих. "Старинные розы...", с которым имеет общие

черновые автографы. Хронологически первым является недатированный прозаический набросок (*ЧН₁ ИРЛИ*) с описанием новогоднего вечера. Дальнейшее развитие эта тема получила в записи от 29 июля 1907 г., которая представляет собой набросок рассказа о приезжей польской панне (*ЧН₂ ИРЛИ*), причем первая фраза написана стихотворным размером. На оборотной стороне л. 4 и 5 Блоком сделано стихотворное переложение этого наброска (*ЧА₁ ИРЛИ*). Прозаические наброски, по-видимому, следует считать подготовительным материалом для книги "Сказок о Венгерской Графине", которую в это время намеревался выпустить Блок (как готовящаяся к печати она была анонсирована в 1908 г. в приложении к первому изданию его драм). Об этом может свидетельствовать и запись в *ЗК₂₁* (Л. 10), очевидно, представляющая собой перечень тем задуманных Блоком прозаических произведений. "Венгерская графиня. Она среди гостей. Карла. Перстень в вине". Данная запись является второй темой перечня.

В дальнейшем Блок сосредоточил свое внимание на стихотворном переложении. В 1908 г. (согласно дате, поставленной, очевидно, позднее, в 1913 г.) Блок переработал ст. (15–19) первоначальной редакции (*ЧА₁ ИРЛИ*) и дописал еще два стиха (20–21). К этому же времени относится набросок (*ЧН₃ ИРЛИ*) двух стихов, записанных на отдельном листе (Л. 6), под ст. (20–21). Вероятно, уже тогда Блок намеревался выделить переработанную им часть текста в отдельное стихотворение, это подтверждает и попытка в *ЧН₃ ИРЛИ* ввести тему новогоднего вечера. В дальнейшем была создана промежуточная редакция, датированная "4.XI.08", в которую вошла переработанная часть первоначальной редакции и был заново написан текст объемом в 31 стих. Эта промежуточная редакция соединяет в себе стихотворения "Часовая стрелка близится к полночи..." и "Старинные розы...". Следующим этапом работы была правка 1913 г., значительно изменившая текст. Никаких прямых указаний на разделение на два самостоятельных стихотворения в черновике нет. Единственным косвенным указанием может служить записанный на отдельном листе уже после переработки 1913 г. набросок ст. (34–37) (*ЧН₄ ИРЛИ*), разрушающий кольцевую композицию промежуточной редакции.

В *T₈* имеет двойную датировку, вторая дата заключена в скобки синим карандашом. Текст *БА РГАЛИ* совпадает с основным.

Окончательный текст представлен в первой публикации.

См. также коммент. к следующему стих. "Старинные розы..."

"СТАРИННЫЕ РОЗЫ..."

(С. 117)

Автографы: *ЧН₁ – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1; *ЧН₂* – Там же. Л. 2–5, "29.VII.07"; *ЧА₁* – Там же. Л. 4 об.–6; *ЧН₃* – Там же. Л. 6; *ЧА₂* – Там же. Л. 7–8, "4.XI.08", "1908–1913"; *ЧН₄* – Там же. Л. 9 (черновые автографы опубли.: *Орлов В.Н.* Неосуществленный замысел Блока. С. 280–284); *БА – T₈*. Л. 23 об.–24, "XI.1908. Ревель – 2.I.1914"; *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 2, под № 2 вместе со стих. "В те ночи светлые, пустые..." под общим загл. "Два стихотворения"; *БА₂ – РГАЛИ*. Там же. Л. 3 (копия под копировальную бумагу *БА₁ РГАЛИ*); печ. текст – *НР СУ*. Л. 11–12, "4 ноября 1908" (дата – автограф).

Впервые: День, лит. прил. 1914. № 351. 25 дек.

Публикации: *СУ*. С. 14–15, "4 ноября 1908"; *III₃*. С. 207.

Варианты черновых автографов приведены при стих. "Часовая стрелка близится к полночи...", с которым имеет общие черновики и объединено в одно стихотворение в тексте промежуточной редакции. Дата окончательной обработки – 2 января 1914 г. (*T₈*). Помета в *T₈* "XI.1908. Ревель – 2.I.1914", некоторая общность образов (в частности, фантастический образ человека в черном плаще с мечом в руках) позволяет отнести к этому стихотворению прозаический отрывок (*ИРЛИ*. Ф 654. Оп. 1. Ед. хр. 14), который ранее, по свидетельству Р.В. Иванова-Разумника (*Иванов-Разумник*. Л. 288), был приложен к черновым автографам стих. "Часовая стрелка близится к полночи..." и "Старинные розы...". Судя по бумаге, однотипной с л. 6 этих автографов, отрывок мог быть записан между 29 июля 1907 г. и 4 ноября 1908 г.

«Сказка.

Из-за всего этого – передо мной вырастает человек обезумевший от того, что "ничто не ново под луною". У него волосы поднялись дыбом, как языки пламени, черный плащ раздулся, у пояса – кинжал, на ручке его под луною зарделись рубины. Он видит море и старый город – остановил бег, оскалился – и сильный его подбородок прижался к рукоятке меча.

Ревель. Море.

Брюсов. Ибсен.»

БА₁ РГАЛИ совпадает с основным текстом.

Окончательный текст впервые представлен в первой публикации..

С.П. Бобров в резко отрицательной рецензии на сборник "Седое утро" (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 822–823) единственными "двумя приличными стихотворениями на всю книгу" считал "Старинные розы..." и "В сыром ночном тумане..." (Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 146–147).

"УЖЕ НАД МОРЕМ ВЕЧЕРЕЕТ..."

(С. 118)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₃*. Л. 27 ("Бывшим друзьям"); *ЧА – ЗК₂₃*. Л. 20 об.–21 об., "24.XI." (ст. (25–32) опубл.: А. Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. Л., 1936. С. 540); *АСП – Т₆*. Л. 65 об.–66 ("Моей смерти"), "1908.XI", рукой Л.Д. Блок, правка и дата – рукой Блока (ст. (13–16) опубл.: А. Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. Л., 1936. С. 540); печ. текст – *НР НЧ*. Л. 63; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 86; *Кор₁ Земли*. Л. 89–90; *Кор₂ Земли*. Л. 122 об.

Впервые: Слово. 1909. № 696. 1 февр. С. 2 ("Моей смерти").

Публикации: *НЧ*. С. 84–85, в разд. "Голоса скрипок"; *III₁*. С. 160–161; *III₃*. С. 208.

В *ЗК₂₃* (Л. 27) имеется недатированный набросок, озаглавленный "Бывшим друзьям". Там же (Л. 20 об.–21 об.) представлена первоначальная редакция стих., датированная 24 ноября 1908 г. В дальнейшем две последние строфы были исключены, а 3-я строфа первоначальной редакции помещена после 6-й. В *T₆* стих. первоначально состояло из шести строф. В таком виде оно было опубликовано в газете "Слово". При подготовке *НЧ* подверглось сокращению: были исключены ст. (13–16). Такая правка имеется в *T₆* и *НР НЧ*. В *НР НЧ* карандашом отмечено деление на строфы.

Окончательный текст впервые представлен в *НЧ*. В *РЭ III₁* зачеркнуто и в *III₂* не вошло. Вновь опубликовано в *III₃*.

Обетование неложно... – из "Чина погребения младенца" (Православный треб-

ник). Это же выражение Блок приводит в статье "О современном состоянии русского символизма": «Но есть неистребимое в душе – там, где она – младенец. В одном месте панихиды о младенцах дьякон перестает просить, но говорит просто: "Ты дал *неложное обетование*, что *блаженные младенцы* будут в Царствии Твоем"» (СС-83. С. 435).

"ВСЕ Б ТЕБЕ ЖЕЛАТЬ ВЕСЕЛЬЯ..."

(С. 119)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 72, "1908.7.XII", текст рукой Л.Д. Блок, дата – рукой Блока; БА – НР₂ III₁. Л. 83.

Впервые: Наша газета (НГ). 1909. № 56, 8 марта.

Публикации: III₁. С. 151–152; III₂. С. 165; III₃. С. 209.

Текст автографа в наборной рукописи III₁ совпадает с основным.

Окончательный текст представлен в первой публикации.

Всё б тебе желать веселья... – Ср. у А. Григорьева: На тебе лежит печать // Буйного похмелья, // Горького веселья ("Цыганская венгерка", 1857).

...Подколотная змея! – Устойчивый фольклорный образ. Ср., например, песню "То не ветер ветку клонит".

"Я НЕ ЗВАЛ ТЕБЯ – САМА ТЫ..."

(С. 119)

Автографы и авторизованные тексты: АСП – Т₆. Л. 72 об., "7.XII", рукой Л.Д. Блок, правка и дата – рукой Блока; БА₁ – РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2900. Л. 5; БА₂ – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 5; БА – НР НЧ. Л. 62; БА – НР₂ III₁. Л. 85; Кор₁ НЧ; Кор₃ НЧ. Л. 41 об.–42; Кор₁ Земли. Л. 90–91.

Впервые: Аполлон. 1911. № 3. С. 39 ("Пришлица"), первое в цикле "Романсы".

Публикации: НЧ. С. 82, в разд. "Голоса скрипок"; III₁. С. 157–158; III₂. С. 167; III₃. С. 210.

Печатается с исправлением опечатки в ст. 1: "Я не звал тебя – сама ты" по всем источникам текста.

Правка в Т₆, по-видимому, производилась перед первой публикацией. В НР₂ III₁ деление на строфы обозначено карандашом.

Окончательный текст – НЧ.

"ГРУСТЯ И ПЛАЧА И СМЕЯСЬ..."

(С. 120)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 73, "8.XII", рукой Л.Д. Блок, дата – рукой Блока; БА – НР НЧ. Л. 52; печ. текст – НР₂ III₁. Л. 81; Кор₁ Земли. Л. 91.

Впервые: Наша газета. 1909. № 15. 18 янв.

Публикации: Задушевные речи. 1909. № 3. С. 47; ЖЖ. 1915. № 12. С. 16 (с опечаткой в ст. 5 "связь" вместо "вязь"); НЧ. С. 72, в разд. "Голоса скрипок"; III₁. С. 149; СРЛ. С. 67; ИСП. С. 4; III₂. С. 166; III₃. С. 211.

Текст НР НЧ совпадает с основным.

Окончательный текст – НЧ.

«Пьеса "Грустя и плача и смеясь..." представлялась мне отголоском "Стихов о Прекрасной Даме"», – вспоминал Ю.Н. Верховский. В письме Блоку он писал о своем стихотворении, навеянном строками Блока: "Эти стихи Ваши, дорогой Александр Александрович, (...) зазвучали – запели во мне еще с первого чтения. На днях отзвук этот сложился в строки" (*Верховский Ю.Н. В память Александра Блока // А. Блок и современность. М., 1981. С. 349, 350*).

"ОПУСТИСЬ, ЗАНАВЕСКА ЛИНЯЛАЯ..."

(С. 120)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₂₀*. Л. 16 (опубл.: *Медведев П.Н. Записные книжки Блока. Л., 1930. С. 81*); *ЧН₂ – ЗК₂₃*. Л. 8 об., "4–8.XI", "30.XII" (опубл.: *СС-83. С. 564*); *АСП-Т₆*. Л. 68–68 об., "1908.XII", рукой Л.Д. Блок, дата и правка – рукой Блока; печ. текст – *НР НЧ*. Л. 64; печ. текст – *НР₂ Ш₁*. Л. 85; *Кор₁ Земли*. Л. 91–92.

Впервые: Новое слово (*НСл*). 1910. № 7. С. 52, факсимиле подписи: "Александр Блок".

Публикации: *БВ*, 1910, № 11845, 1 авг., утр. вып., *НЧ*, С. 86–87, в разд. "Голоса скрипок"; *Ш₁*, С. 156–157; *ИСП*, С. 6; *Ш₂*, С. 168; *Ш₃*, С. 212.

Недатированный набросок в *ЗК₂₀* был записан, вероятно, весной 1908 г. Двойная датировка (4–8 ноября и 30 декабря) наброска в *ЗК₂₃* указывает на два этапа работы над текстом.

В *Т₆* текст имеет три слоя правки. Первая правка (чернилами) производилась, по-видимому, после публикации в *НСл* и *БВ*: ст. 4 и 18 приведены к основному тексту, ст. 10–12 – к вар. *б*. Во втором слое правки (карандашом) приведены к основному тексту ст. 10–12 и 20. Эта правка производилась, очевидно, при подготовке *НЧ*. Перед публикацией в *ИСП* из текста была исключена третья строфа. В таком виде стихотворение и печаталось в *ИСП*. В *Ш₂* вошло в полном объеме.

Окончательный текст – *НЧ*.

Опустись, занавеска линиялая... – Ср. у В. Брюсова: "Опустись, опустись, занавеска!" ("Когда опускается штора...", 1899).

"МОЙ МИЛЫЙ, БУДЬ СМЕЛЫМ..."

(С. 121)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₇*. Л. 9, "1-го января" ("Песня"), рукой Л.Д. Блок, правка – рукой Блока; *БА – НР НЧ*. Л. 54; *Кор₁ НЧ*. Л. 37 об.; *Кор₂ НЧ*. Л. 37 об.; печ. текст – *НР₂ Ш₁*. Л. 82, "1909"; печ. текст – *Изборник*. Л. 278; *Кор₁ Земли*. Л. 92.

Впервые: Новый журнал для всех (*НЖ*). 1909. № 4. Стб. 1 ("Песня").

Публикации: *НЧ*. С. 74, в разд. "Голоса скрипок"; *Ш₁*. С. 150–151, "1909"; *Ш₂*. С. 169; *Ш₃*. С. 213.

В *Т₇* текст правился, очевидно, перед публикацией в *НЧ*. В *НР НЧ* текст совпадает с основным. В *НР₂ Ш₁* карандашом обозначено деление на двустушия.

Окончательный текст – *Ш₁*.

Зеленой звездю // С востока блесну... – См. коммент. к стих. "Свирель запела на мосту...".

"НЕ ВЕНЧАЛ МОЮ ГОЛОВУ ТРАУРНЫЙ ЛАВР..."

(С. 122)

Автографы: *ЧА – ЗК₂₄*. Л. 29 об.–32, "19.1.09". "22.1" (ст. (5–10) опубли.: А. Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. Л., 1936. С. 541); *БА – Т₇*. Л. 9 об., "январь"; *БА – НР₂ III₁*. Л. 73.

Впервые: Искорки. 1910. № 1/2. С. 4, факсимиле подписи "Александр Блок".
Публикации: *III₁*. С. 122, в разд. "Возмездие"; *III₂*. С. 170; *III₃*. С. 214.

ЧА ЗК₂₄ состоит из наброска и черновой редакции, которая создавалась, согласно дате, 19 января 1909 г. Она подверглась значительной переработке (датирована 22 января): первая строфа оставлена без изменений, ст. (5–10) зачеркнуты карандашом и вместо них написаны карандашом две строфы. В результате переработки текст был приближен к основному. В *РЭ III₁* помета "А(рфы) и С(крипки)".

Окончательный текст – *III₁*.

"ПОКОЙНИК СПАТЬ ЛОЖИТСЯ..."

(С. 122)

Автографы: *ЧА – ЗК₂₄*. Л. 8–7 об., "3.11"; *БАП – Т₇*. Л. 11, "3.11".

Впервые: Остров. [1909]. № 2. С. 8.
Публикации: *III₂*. С. 171; *III₃*. С. 215.

ЧА ЗК₂₄ датирован 3 февраля (1909 г.). В *Т₇* разделено на шестистишия, на полях римскими цифрами отмечены номера строф, слева карандашом под каждой горизонтальной чертой помета "разделить". Провка производилась, очевидно, перед публикацией в *III₂* (окончательный текст). В *Т₇* помета: «"Остров". 1909. № 2 (в неотдел(анном) виде)».

"УЖ ВЕЧЕР СВЕТЛОЙ ПОЛОСОЮ..."

(С. 123)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₇*. Л. 11 об., "1 марта" ("Встреча"); *АС – НР НЧ*. Л. 56, рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух; *Кор₂ Земли*. Л. 126 об.

Впервые: Бодрое слово (*БС*). 1909. № 7. Стб. 21–22 ("Встреча").
Публикации: *НЧ*. С. 76 ("Встреча"), в разд. "Голоса скрипок"; *III₁*. С. 152–153 ("Встреча"); *III₂*. С. 172; *III₃*. С. 216.

Окончательный текст – *III₂*.

Подчеркивая импрессионистичность художественной манеры Блока, А. Дерман писал в статье "Об Александре Блоке": "Это не только одно из лучших стихотворений у Блока, не только одно из лучших стихотворений современной поэзии, но это вообще одно из самых удивительных стихотворений, это в своем роде классический образец мимолетной лирики!" Отсутствие интересной темы, считал критик, не помешало поэту показать "перспективу образов, наполненных острой, неуловимой, щемящей грустью, тонкой и неизъяснимой прелестью образов всем доступных, многоговорящих и необычайно властно захватывающих... Поэт окунулся в родную ему стихию отрывочных моментов, мимолетности, неопределенных, смутных, но страстных зовов,

мгновенного рождения и умирания впечатлений, и здесь он обрел ту красоту, какой не находил в привычной освященной веками прелести и красоте звона в пасхальную заутреню" (*РМ.* 1919. № 7. 2-я паг. С. 63).

"ЗДЕСЬ В СУМЕРКИ В КОНЦЕ ЗИМЫ..."

(С. 123)

Автографы: *БА – Т7.* Л. 15 об., "март. На островах", ("На островах").

Впервые: *Ш2.* С. 173.

Публикации: *Ш3.* С. 217.

Остались: месяц, камыши, // Да горький запах миндаля. – Ср. в статье "О современном состоянии русского символизма" (март–апрель 1910 г.): "Лиловый сумрак рассеивается; открывается пустая равнина – душа, опустошенная пиром. Пустая далекая равнина, а над нею – последнее предостережение – хвостатая звезда. И в разреженном воздухе – горький запах миндаля".

См. также запись в Дневнике от 22 декабря 1911 г.

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Возвращаясь в 1909 г. из поездки по Италии, Блок остановился в немецком курортном городке Бад-Наугейме, где пробыл с 8(21) по 18 июня (1 июля) (о Бад-Наугейме см.: Огонек. 1910. № 52. 25 дек. С. 25; в библиотеке Блока сохранился фотоальбом: Bad Nauheim. Dresden. 1898, *ББО-3.* С. 9; см. также: Baedeker. Allemagne du Nord. Leipzig. 1909. S. 199). Там были созданы пять первых стихотворений цикла "Через двенадцать лет". Они навеяны воспоминанием о Ксении Михайловне Садовской (урожд. Островской; о ней см. т. 1, с. 423), с которой поэт познакомился здесь двенадцать лет назад в мае 1897 г. (см. в Дневнике мемуарную запись от 30(17) августа 1918 г.).

Несколько портретных зарисовок К.М. Садовской и воспоминания о первой юношеской страсти поэта оставила М.А. Бекетова. По ее словам, "это была высокая, статная, темноволосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка и ее красота, щегольские туалеты и смелое завлекательное кокетство сильно действовали на юношеское воображение" (*Бекетова 12.* С. 56). "След этого романа остался на всю жизнь (...), но чувство поэта угасло" (*Бекетова М.А. Шахматово и его обитатели // ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 769).

В записной книжке Блока 1909 г. среди различного рода заметок, сделанных в Бад-Наугейме, имеются стихотворные наброски, датированные 23 июня, в которых прослеживаются образы, темы и мотивы будущего цикла:

И долго мне смотреть с улыбкой
На берег юности моей?

А поцелуи смерти сладки,
Как слезы первая любви

Как первой страсти сладкий лепет,
Как первой молодости сон.

Вновь музыкой – живу, живу!

А я был юн, красив и строен

(*ЗК26.* Л. 51 об.-52).

За ними следуют черновики стихотворений, написанных также в Бад-Наугейме (среди них не входившее в цикл "Всё это было, было, было...").

Три последних стихотворения цикла, в которых появляется образ "умершей любовницы", написаны в марте 1910 г., вероятно, под впечатлением от дошедшего до него ложного известия о смерти К.М. Садовской. В записной книжке этого года имеется сюжетный набросок, сделанный от третьего лица, но имеющий автобиографическую основу. В нем описывается душевное состояние поэта и обстоятельства, сопутствовавшие получению этого известия: «Ужасно сложное – в его жену влюблен человек гораздо более значительный, чем он. Они ссорятся, потом мирятся. Любовь. Перипетии любви.

Но есть одна задняя мысль: он, "защитивший" жену и сам называющий ее "первой любовью", *всегда* смутно знает, что она – не первая любовь. Какая же была первая?

Однажды случайно доносится отрывок разговора: "Вы слышали, умерла К.С." Он не может спросить. Бросается за газетой. Подтверждается.

(...) Однако кто же умер? Умерла старуха. Что же осталось?

Понемногу он погружается в синеву воспоминаний. По их нити он уходит в глубокую ночь, откуда возвращения нет. В один прекрасный день извозчик привозит из кабака *труп*.

NB : тут же – жемчужные речи, бормочущие – они только усугубляют путаницу» (ЗК. С. 172–173). В конце записи содержится намек на В.А. Щеголеву (ср. с финальной строкой посвященного ей стих. "Знаю я твое льстивое имя...": "Бормотаний твоих жемчуга"). В этой же записной книжке есть набросок, переработанный позднее в два самостоятельных стихотворения. Одно из них – "Черный ворон в сумраке снежном...", обращено к В.А. Щеголевой, другое – "Всё, что память сберечь мне старается...", посвящено К.М. Садовской. Вторая строфа стих. "Знаю я твое льстивое имя...", вошедшего в щеголевский цикл "Три послания", возникла среди набросков к стихотворению "Посещение" ("То не ели, не тонкие ели..."), написанного в сентябре 1910 г. и навеянного известием о смерти К.М. Садовской. Образ "умершей любовницы" имел, по всей видимости, для Блока и другую, сохранившуюся в его памяти литературную параллель. Тетка поэта вспоминала, что «летом 1897 года, после возвращения из Наугейма, где произошел роман с К.М.С., Блок особенно тщательно изучал "Ромео и Юлию" и то и дело декламировал монолог Ромео в склепе "О, недра смерти..."» (Бекетова М.А. Шахматово и его обитатели. С. 768).

"Через двенадцать лет" – так Блок первоначально озаглавил в черновике стих. "В темном парке под ольхой...", датированное 1897–1909 гг., то есть временем первой и третьей поездки в Бад-Наугейм. Цикл из двух первых стихотворений под заглавием "Через двенадцать лет" с посвящением "К.М.С." возник в *T*₇ и был опубликован во "Всеобщем ежемесечнике" (1911. № 10. С. 11). В *H*₄ как самостоятельные стихотворения, не составляющие цикла, в раздел "Голоса скрипок" вошли: "Юность" ("В тихий вечер мы встречались..."), "Уже померкла ясность взора..." и "Всё, что память сберечь мне старается...". В *T*₇ под заглавием цикла из двух стихотворений позже была сделана помета: "Цикл для III тома", впоследствии измененная: "2 стих(отворения) для цикла из III тома". В *III*₁ цикл с посвящением "К.М.С." состоял из пяти стихотворений (без третьего, четвертого и пятого в каноническом составе), он вошел в раздел "Арфы и скрипки". В *PЭ III*₁ под заглавием цикла вписано: "(Bad Nauheim 1897–1909)". В *III*₂ в цикл вошли еще два стих. "Когда мучительно восстали..." и "Бывают тихие минуты...". Окончательно он сформировался в *III*₃, когда в него вошло стих. "Синеокая, Бог тебя создал такой...".

Заглавие цикла соотносится со строкой из стих. Вл. Соловьева "На том же месте":

"Ушли двенадцать лет отважных увлечений" (через 12 лет Блок оказался "на том же месте" – то есть в Бад-Наугейме). Соловьевское стихотворение датировано 1898 г., в сборнике его "Стихотворений" Блок подчеркнул указанную строку и поставил напротив нее дату: "1910" (см.: *Максимов Д.* Ал. Блок и Вл. Соловьев // Творчество писателей и литературный процесс. Иваново, 1981. С. 126, 149). Двенадцать лет творчества (1898–1910) – это и хронологические рамки блоковской лирической трилогии в ее первом издании (1911–1912). В предисловии к этому изданию поэт писал, что она "посвящена одному кругу чувств и мыслей", которому он "был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни". Но временные границы, охватываемые циклом "Через двенадцать лет", смещены по сравнению с лирической трилогией на один год: это – 1897–1909. 1897 г. – свидетельница бад-наугеймовских событий, М.А. Бекетова называет "весьма знаменательным в его жизни", "переходным от отрочества к юношеству" (*Письма к родным, I.* С. 309). По ее наблюдению, "начало творчества Блока совпадает со временем его первого романа с Ксенией Михайловной Садовской, к ней обращены "первые стихи", которые он "не решился печатать" (*Бекетова М.А.* Разрозненные материалы о жизни и творчестве А. Блока // *ИРЛИ.* Ф. 462. Ед. хр. 12. Л. 114). В автобиографии 1915 г. Блок замечает, что ему "приводилось почему-то каждые шесть лет" "возвращаться в Bad Nauheim", с которым у него "связаны особенные воспоминания" (*СС-87.* С. 16).

1. "ВСЁ ТА ЖЕ ОЗЕРНАЯ ГЛАДЬ..."

(С. 124)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₂₆.* Л. 53 об.–54; *ЧН₂ – ЗК₃₁.* Л. 23; *БА – Т₇.* Л. 62 об., В{ad} N{auheim}. 1897–1909" (над текстом), первое в цикле "Через двенадцать лет" вместе со стих. "В темном парке под ольхой..." с общим посвящением "К.М.С."; печ. текст – *НР₂ III₁.* Л. 80.

Впервые: Всеобщий ежемесячник. 1911. № 10. С. 11, в цикле "Через двенадцать лет" вместе со стих. "В темном парке под ольхой...", с общей пометой: "Bad Nauheim".

Публикации: *III₁.* С. 146; *III₂.* С. 174; *III₃.* С. 218.

В *Т₇* под заглавием цикла имеется помета: "Цикл для III тома", позднее уточненная: "2 стих(отворения) из цикла для III тома".

Окончательный текст – *III₁.*

Всё та же озерная гладь, // Всё так же каплет соль с градирен. – В письме от 25 июня 1909 г. Блок сообщал матери о своих впечатлениях от Бад-Наугейма: "Он почти тот же, так же таинственно белеют и дымят шпрудели по вечерам (теперь уже три), только бадхаузов уже восемь – все они новые, очень красивые, но чужие (...) Но парк, Teich (пруд – нем.), леса, деревни и Фридберг с дворцом и садом – все те же". В Примечаниях к *III₂* Блок пояснял: "Градирни, салины – высокие стены из деревянных клеток, набитых хворостом, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду. Ряд салин стоит в полях с подветренной стороны немецкого курорта Bad Nauheim, благоуханный воздух которого насыщается солью"; об этом см. также в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906); фотография с изображением наугеймовской градирни имеется в альбоме Блока (*ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 40. № 220).

Иль первой страсти... – Ср. размышления поэта о "первой любви" (*ЗК.* С. 172).

Другие редакции и варианты

И голос юга (ЧН₁ ЗК₂₆) – ср. обращение Блока к К.М. Садовской в письме от 7 марта 1898 г.: "Ты одна, одна несравненная яркая роза юга". (БС-2. С. 317).

2. "В ТЕМНОМ ПАРКЕ ПОД ОЛЬХОЙ..."

(С. 124)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН₁ – ЗК₂₆. Л. 54–54 об.; ЧН₂ – ЗК₂₇. Л. 12 об.; ЧА – ЗК₃₁. Л. 21 об. – 22 ("Через 12 лет"), ("1897–1909"); БА – Т₇. Л. 63–63 об., "Bad Nauheim juni 1909 (оконч(ено) в Шахм(атове) 1911, май)", второе в цикле "Через 12 лет" (см. коммент. к стих. "Всё та же озерная гладь..."); печ. текст – НР₂ III₁. Л. 80 "Bad Nauheim. 1897–1903" (дата – карандашом); Кор₁ Земли. Л. 95.

Впервые: Всеобщий ежемесячник. 1911. № 10. Окт. С. 11, второе в цикле "Через двенадцать лет" (см. коммент. к стих. "Всё та же озерная гладь...").

Публикации: III₁. С. 146–147, "Bad Nauheim 1897–1909"; III₂. С. 175; III₃. С. 219.

В Т₇ входило в цикл из двух стихотворений, опубликованных во "Всеобщем ежемесячнике". В НР₂ III₁ дата: "Bad Nauheim 1909" исправлена на: "B(ad)N(auheim) 1897–1909". В РЭ III₁ первая из дат зачеркнута.

Окончательный текст – *Всеобщий ежемесячник*.

В ЗК₂₆ (л. 51 об.) имеется запись: «2-й день "Там же в парке" в Bad Nauheim'е». В письме к Л.Д. Менделеевой от 2(15) июня 1903 г. во время второй поездки в Бад-Наугейм Блок описывал озеро, парк и "романтическое" настроение, навеваемое этим пейзажем: "Лебеди белые и важные, на лодках смеются и потупляются женщины (...) Парк такой романтический, и днем и вечером, что мы с мамой негодовали вчера, (...) что в этом царстве мало заметно романов. Ночью листва черная и электрический свет бросает пятна сквозь нее. (...) гравий скрипит под ногами, так что влюбленному легче слышать легкие шаги, вкрадчивые". В мемуарной дневниковой записи от 30(07) августа 1918 г. Блок упомянул о месте встреч с К.М. Садовской в Бад-Наугейме: "Teich (пруд. – нем.) по вечерам, туманы под ольхой". Ср. также описание сада фридбергского дворца как места свиданий в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906): "... русские, самые непокорные и незаконные люди (...) гуляют в парке и над озером, где совсем сказочные лебеди и туманы" (СС-85. С. 84).

... *Сладко дышат мне духи...* – Автореминисценция из стих. "Незнакомка" ("По вечерам над ресторанами...", 1906): "Дыша духами и туманами..." (т. 2 наст. изд.).

3. "КОГДА МУЧИТЕЛЬНО ВОССТАЛИ..."

(С. 125)

Автографы: ЧА – ЗК₂₆. Л. 53 об., 55 об. – 56, ("Frauenwald" (Девичий Лес – нем.); БА₁ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1, "B(ad)N(auheim) 1909"; БА – Т₈. Л. 48 об., "Bad Nauhe(im) 1909 – 27 февр. 1914"; БА₂ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 2, "февр. 1914".

Впервые: Вершины. 1915. № 7. Янв. С. 2, в цикле "Воспоминание" вместе со стих. "Синеокая, Бог тебя создал такой...".

Публикации: III₂. С. 175–176, "Bad Nauheim 1897–1909"; III₃. С. 219–220.

В *ЧА ЗК₂₆* после наброска ст. 9–12 написано слово: "Нет!". Оно, как считает Р.В. Иванов-Разумник, могло служить началом новой строфы или же означало отказ от данного варианта (*Иванов-Разумник*. Л. 292). В ст. (6) черновой редакции подчеркнуты слова "твой гений мне блистал", а в ст. (13) – слово "волшебной". На л. 56 об. имеется помета: «С тем связаны слова "волшебный", "дивный" – все те, которые неприлично проинести русскому дворянину, но которые приятно припоминать в одиночестве и иногда употреблять в стихах – тайком». Февралем 1914 г. (в *Т₈* и *БА₂ ИРЛИ*) датирована переработка первоначальной редакции, сделанная перед публикацией в "Вершинах".

Окончательный текст – *Вершины*. Курсив в ст. 5 впервые появляется в *III₃*.

В стихотворении использованы темы и образы музыкальной драмы Р. Вагнера "Зигфрид" (1871). Вероятно, во время своего последнего пребывания в Бад-Наугейме Блок также слушал Вагнера (об исполнении музыки Вагнера поэт неоднократно писал Л.Д. Менделеевой из Бад-Наугейма в июне 1903 г., см.: *ЛН*. Т. 89. С. 141, 142), в его записной книжке имеются помеченные 29 июня 1909 г. размышления о музыке и поэзии, начинающиеся словами "Вагнер в Наугейме...". В них приводится важная для понимания стихотворения фраза из музыкальной драмы "Зигфрид": "Сон – мечта, в мечте – мысли, мысли рождаются из знания". М.А. Бекетова вспоминала, что в 1909–1910 гг. Блок "с жадностью слушает и воспринимает музыку Вагнера, сыгравшую роль в его внутренней жизни, повлиявшую на его творчество" (*Бекетова I₂*. С. 132).

... *дела и дни...* – Ср. "Труды и дни" – название поэмы Гесиода, ставшее крылатым выражением для обозначения рассказа о жизни и делах кого-либо.

... *И сном глубоким от печали // Забылся я в лесной тени...* – Ср.: "Он пришел к ученикам и нашел их спящими от печали" (Лк. XXII. 45), ср. также сон Зигфрида: "ложится под липой. Глубокая тишина, шелест леса" (*Вагнер Р.* Зигфрид. М., 1901. С. 32, *ББО-1*. С. 117).

... *в лесу девичьем...* – Ср. с заглавием первоначальной редакции стих. (*ЧА ЗК₂₆*) – "Frauenwald" (Девичий Лес – *нем.*) (название парка в Бад-Наугейме).

... *Проходит память прежних дней...* – Ср. в записи от 29 июня 1909 г.: "Вагнер в Наугейме – нечто вполне невыразимое: напоминает – ἀνάμνησις (вспоминание – *греч.*)" (*ЗК*. С. 150). О значимости анамнезиса для Блока см. т. 1, с. 441 наст. изд.

... *Услышал ясно в пенье птичьем...* и след. – Ср. "Птичка": песню любви // Я распеваю: // Сладкой тоской // Песня полна; – // Влюбленный ее лишь поймет!" (*Вагнер Р.* Зигфрид. С. 32–33); а также со словами Блока в письме Белому 3 января 1903 г. о голосе птички, «"запевающей" Зигфриду, "манящей", inferнальной... о, да! inferнальной!». Эта же тема возникает и в статье Блока "От Ибсена к Стринбергу" (1912): "Зигфрид, понявший голос птицы, достигает вершины скалы, разрывает огненное кольцо и обретает свою любовь и гибель близ дочери Хаоса, которую он разбудил". (*СС-8₈*. С. 52).

4. "СИНЕОКАЯ, БОГ ТЕБЯ СОЗДАЛ ТАКОЙ..."

(С. 125)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₂₆*. Л. 57 об. – 58; *БАП* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 67, "В.Н.1909–19/III 1914"; *БА* – *Т₈*. Л. 53 об. "В(ad) N(auheim) 1909 – (19 III 1914)"; *Кор₁ Земли*. Л. 96.

Первые: *Вершины*. 1915. № 7. Янв. С. 2, в цикле "Воспоминание", вместе со стих. "Когда мучительно восстали..."

Публикация: *III₃*. С. 220.

В *ЧА ЗК₂₆* первая строка отделена от остального текста чертой, вероятно, она была записана раньше. В *ЧА ЗК₂₆* – первоначальная редакция, которая в *БАП ИРЛИ* подверглась переработке и была приведена к основному тексту.

Окончательный текст – *Вершины*.

Синеокая – М.А. Бекетова вспоминала о К.М. Садовской, что это была (...) женщина с (...) такими удивительными синими глазами, на которые засмотрелся бы всякий поэт, особенно такой прирожденный романтик-лирик как Блок" (*Бекетова М.А.* Разрозненные материалы ее о жизни и творчестве А. Блока. *ИРЛИ*. Ф. 462. Ед. хр. 12. Л. 39 об.)

Гений первой любви надо мной... – Ср. в стих. "Всё та же озерная гладь...": "Иль первой Страсти". См. также размышления поэта о "первой любви" (*ЗК*. С. 172).

И в глубокую глаз синеву // Погружаюсь опять наяву. – Ср. автобиографическую запись в марте 1910 г.: "Помемногу он погружается в синеву воспоминаний" (*ЗК*. С. 173). Возможна также перекличка со стих. Вл. Соловьева "Вижу очи твои изумрудные" (1892): "Вижу очи твои изумрудные... // В эти сны наяву непробудные, // Унесло меня новой волной".

Другие редакции и варианты

В *эти южно-гортанные звуки (ЧА ЗК₂₆)* – см. выше коммент. к стих. "Всё та же озерная гладь...", ср. в стих. "Бывают тихие минуты": "Твои гортанные слова".

5. "БЫВАЮТ ТИХИЕ МИНУТЫ..."

(С. 125)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₂₆*. Л. 57; *БА* – *Т₇*. Л. 67 об. В(ad) N(aheim) 1909 – 3 янв. 1912"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 8; *Кор₁ Земли*. Л. 96.

Впервые: *БВ*. 1912. № 13278. 2 дек., утр. вып.; *НС*. 1912. № 12. С. 3 (подпись-факсимиле).

Публикации: *Ш₂*. С. 176; *Ш₃*. С. 221.

И вдруг – туман большого сада... и след. – Вероятно, навеяно воспоминаниями о королевском саду во Фридберге. Описание этого сада с мостом через ров и розами вдоль стены см. в письме Блока к Л.Д. Менделеевой 24 июня 1903 г., а также в прозаическом наброске "Девушка розовой двери" (10 июля 1903) и в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906).

... *И синий, синий плен очей...* – См. выше коммент. к стих. "Синеокая, Бог тебя создал такой...".

6. "В ТИХИЙ ВЕЧЕР МЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ..."

(С. 126)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₃₀*. Л. 17 об. – 19, "23.III" (над текстом); *АС* – *Т₇*. Л. 42 об. – 43, "24–25 марта" ("Юность"), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие, дата и правка – рукой Блока; *БА* – *НР НЧ*. Л. 50 ("Юность"); *Кор₂ НЧ*. Л. 70; печ. текст – *НР₂ Ш₁*. Л. 80; *Кор₁ Земли*. Л. 96–97.

Впервые: Аполлон. 1911. № 3. С. 39–40 ("Юность"), в цикле из трех стихотворений под общим загл. "Романсы".

Публикации: *НЧ*. С. 70 ("Юность") в разд. "Голоса скрипок"; *III₁*. С. 147–148, "Елагин остров"; *III₂*. С. 177, "Елагин остров"; *III₃*. С. 221.

В *ЧА ЗК₃₀* представлена первоначальная редакция. Правка в третьей строфе сделана чернилами, нумерация строк обозначена на полях. В конце автографа записан еще один вариант последней строфы, позднее зачеркнутый. В *T₇* четверостишие между ст. 12 и 13 зачеркнуто при подготовке текста к первой публикации. В *РЭ III₁* под стих. поставлена дата: "Весна 1910".

Окончательный текст с заглавием "Юность" – в "Аполлоне", без заглавия – впервые в *III₁*.

В письме от 6 июня 1911 г. А.В. Гиппиус писал Блоку: «Думается о этой юности («Юность» – заглавие стихотворения в "Аполлоне" и *НЧ*. – *Ред.*) и ревниво хочется отнести эти стихи и к себе». (*СС-88*. С. 607). "Если бы я мог, – ответил Блок 13 июня 1911 г., – я бы посвятил тебе стихи о юности; но они посвящены одной давней и милой тени, от которой не осталось и связки писем".

В тихий вечер мы встречались // (Сердце помнит эти сны). – Ср. в письме Блока к К.М. Садовской от 10 марта 1898 г.: «Наверно Ты, дорогая Оксана, не помнишь, так же, как и я, последнего вечера, который мы с тобой провели. Он представляется мне теперь волшебным сном... "Сон, сон волшебный, сон чудесный..."».

Ясным заревом алея, // Уводила вдоль пруда // Эта узкая аллея... – Ср. в стих. "Хожу по камням старых плит..." (1900):

Здесь – бедной розы лепестки
На камнях плакали алея...
Там – зажигала огоньки
В ночь уводящая аллея...

В автокомментарии к ранним стихам в дневнике 1918 г. (запись от 30(17) августа) Блок связывал стих. "Хожу по камням старых плит..." с К.М. Садовской: "Все еще возвращались воспоминания о К.М.С."

... *сны и тени...* – Ср. мотив "снов" и "теней" в стих. "Когда мучительно восстали..."

... *Раздушенный ваш платок.* – В дневнике 1918 г. (запись от 30(17) августа) Блок упоминает "ее (К.М. Садовской. – *Ред.*) платок с *Peau d'Espagne* (испанская кожа – *фр.* – название духов. – *Ред.*); ср. также о "духах" "м-ме Садовской" (*ЗК*. С. 192).

... *Поздний вечер над прудами...* – О встречах поэта с К.М. Садовской в баднаугеймовском парке с его многочисленными прудами см. выше коммент. к стих. "В темном парке под ольхой..."

Другие редакции и варианты

Чередую "вы" и "ты". – (*ЧА ЗК₃₀, T₇*) – Ср. обыгрывание "Вы" и "ты" в посвященном К.М. Садовской стих. "Этюд" ("Прощайте. Дайте руку Вашу...", 1898): «Сегодня, различаясь с Вами, // Я не скажу Вам больше: "Ты!"». Восходит к стих. Пушкина "Ты и вы" ("Пустое вы сердечным ты...", 1828; см. т. 4 наст. изд.).

7. "УЖЕ ПОМЕРКЛА ЯСНОСТЬ ВЗОРА..."

(С. 126)

Автографы и авторизованные тексты: *АС* – *T₇*. Л. 44, "март", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, дата и правка – рукой Блока; *БА* – *НР НЧ*. Л. 65–а; *Кор₃ НЧ*. Л. 89; печ. текст – *НР₂ III₁*. Л. 81.

Впервые: *НЧ*. С. 89, в разд. "Голоса скрипок".
Публикации: *III*₁. С. 148; *III*₂. С. 177–178; *III*₃. С. 222–223.

Окончательный текст – *НЧ*. Курсив в последней строке появился только в *III*₃.

8. "ВСЁ, ЧТО ПАМЯТЬ СВЕРЕЧЬ МНЕ СТАРАЕТСЯ..."

(С. 127)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА*₁ – *ЗК*₃₀. Л. 1 об. – 3 об. "24 января"; *ЧА*₂ – *ЗК*₃₀. Л. 4 об.; *ЧН* – *ЗК*₃₀. Л. 18, "23.III"; *АС* – *Т*₇. Л. 43 об., "март", рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух, дата – рукой Блока; *БА* – *НР НЧ*. Л. 66; печ. текст – *НР*₂ *III*₁. Л. 81; печ. текст – *Изборник*. Л. 298–299.

Впервые: *Огонек*. 1910. № 42. 16 окт. С. [9].

Публикации: *НС*. 1910. № 12. С. 44 (подпись – факсимиле); *НЧ*. С. 90, в разд. "Голоса скрипок"; *III*₁. С. 148–149; *III*₂. С. 178; *88 стихотворений*. С. 36; *III*₃. С. 223.

О *ЧА*₁ *ЗК*₃₀ см. коммент. к стих. "Черный ворон в сумраке снежном...". В *ЗК*₃₀ имеется первоначальная редакция, состоящая из двух строф (*ЧА*₂). Строфа, ставшая позднее третьей в основном тексте, записана среди вариантов к стих. "В тихий вечер мы встречались...", дата ее написания совпадает с датой создания указанного стих. (*ЧН*).

... первая снится любовь... – См. коммент. к стих. "Все та же озерная гладь..." и "Синеокая, Бог тебя создал такой...".

... Синий призрак умершей любовницы... – Об образе "умершей любовницы" см. с. 844 наст. тома.

УТРО В МОСКВЕ

("Упоительно встать в ранний час...")

(С. 127)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₇. Л. 3–3 об., 2 об.; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 58, "Москва, июль 1909 – фев(аль), 1914"; *БА* – *Т*₈. Л. 47 об., "Июль 1909 (Москва) – (фев(аль) 1914.)"; *БА* – *ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1 (ст. 1–4), подпись: "Александр Блок", помета: "Москва, Арбат"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 17–18. "Июль 1909" (дата – автограф).

Впервые: *Голос жизни*. 1914. № 3. С. 12, без деления на строфы, факсимиле подписи "Александр Блок".

Публикации: *СУ*. С. 19, "Июль 1909"; *III*₃. С. 224.

В *ЗК*₂₇ представлены первоначальные наброски, в ряде случаев строфически и ритмически не оформленные. Под текстом *ЧН ЗК*₂₇ помета: "На скамейке в Алекс(андровском) саду Москва".

В *ЧА ИРЛИ* выделяются два этапа работы, что подтверждается двойной датировкой под текстом. Первая дата проставлена чернилами, вторая – карандашом. В июле 1909 г. текст *ЧА ИРЛИ* был записан чернилами, чернилами же производилась правка ст. 2 и 7. В результате карандашной правки ст. 4 и 6, произведенной в феврале 1914 г., текст *ЧА* приближен к основному.

Окончательный текст – *СУ*.

"КАК ПРОЩАЛИСЬ, СТРАСТНО КЛЯЛИСЬ..."

(С. 127)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₈*. Л. 13, "30 августа" (над текстом), "конец 5 сент(ября)"; *БА – Т₇*. Л. 22, "30 VIII – 5 Сентябрь. Шахматово."; *БА – НР НЧ*. Л. 55; *НР₂ III₁*. Л. 82, гранки; печ. текст – *Изборник*. Л. 287.

Впервые: *БВ*. 1910. № 11716. 16 мая, утр. вып., под загл. "Простая песня".

Публикации: Новое слово. 1910. № 5. С. 3 ("Простая песня"), факсимиле подписи ("Александр Блок"); *НЧ*. С. 75, в разд. "Голоса скрипок"; *III₁*. С. 151; *III₂*. С. 179; *III₃*. С. 225.

В *ЗК₂₈* представлены первоначальные наброски первой и второй строф. Дата под текстом – карандашом, между набросками помета чернилами "конец 5 сент(ября)".

Окончательный текст – *III₁*.

"ВСЁ НА ЗЕМЛЕ УМРЕТ – И МАТЬ, И МЛАДОСТЬ..."

(С. 128)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₈*. Л. 15–14 об., "7 [августа] сентября", *БА – Т₇*. Л. 64, "7 сент(ября) 1909. Шахматово"; *БА – НР₂ III₁*. Л. 74, "Сент(ябрь) 1909. с. Шахматово"; печ. текст – *Изборник*. Л. 288.

Впервые: *ЛА* -1912. С. 17.

Публикации: *III₁*. С. 127, в разд. "Возмездие", "Сентябрь 1909 с. Шахматово"; *ЛА-1914*. С. 17; *III₂*. С. 113, в разд. "Разные стихотворения"; *III₃*. С. 226.

В *ЧА ЗК₂₈* римскими цифрами пронумерованы строфы. Подчеркнуты слова в ст. 11 "здесь" и "ничего", в ст. 12 – "оттуда". В *Т₇* в ст. 11 подчеркнуто слово "здесь", в ст. 12 – слово "оттуда". Под текстом – запись: "здесь – конец III книги собрания стихотворений (см. только стр. 124 – заключ(ение))". Последнее указание отсылает к стих. "Благословляю всё, что было...".

Окончательный текст – *III₁*.

Строка данного стих. ("... Оттуда ринутся лучи") была взята Вл.В. Гиппиусом в качестве эпиграфа к посланию "Ал. Блоку". Блок откликнулся стих. "Владимиру Бестужеву" ("Да, знаю я: пронзили ночь от века..."), на которое Гиппиус ответил циклом из 4-х стихотворений (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 553–554).

Всё на земле умрет – и мать, и младость, // Жена изменит и покинет друг. – Ср. у Брюсова:

Жена поплачет – утешится,
Друг погрустит – другого найдет,
Старуха–мать все равно умрет.

("Царю северного полюса",
1898–1900)

Но ты учись вкушать иную сладость... – Ср. в стих. Ф. Сологуба "Я один в безбрежном мире...": "Но наскучила мне радость переменчивых лучей, / Я зову иную сладость, слитность верную ночей" (Впервые: *ЗР*. 1907. № 2. С. 26). На эту параллель указывает О. Ронен в статье "Кому адресовано стихотворение И. Анненского "Поэту". См. в кн.: *Text, Symbol, Weltmodel*. München, 1984. С. 455.

Чтоб было здесь ей ничего не надо, // Когда оттуда ринутся лучи. – Противопоставление романтических формул "там" и "здесь" восходит к "Вертеру" Гете. В русской поэзии связано с именем В.А. Жуковского (см.: "Путешественник", 1809; "Голос с того света", 1815 и др.). Блок неоднократно использовал это противопоставление. Впервые, выделенное курсивом, оно встречается в стих. "Сны раздумий небывалых" (т. 1 наст. изд.).

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ (*"Пришла порою полуночной..."*)

(С. 128)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₃₀. Л. 5 об. – 6; *АС* – *Т*₇. Л. 40–41, (Памяти В.Ф. Коммиссаржевской), "февраль", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие и дата – рукой Блока; *БА* – *СПБГМТиМИ*, в автографе речи "Памяти В.Ф. Коммиссаржевской"; печ. текст – *НР*₂ *Ш*₁. Л. 87 ("На смерть Веры Федоровны Коммиссаржевской"), "Февраль 1910".

Впервые: Ежегодник императорских театров, 1910. Вып. 2. С. 100–101, в тексте речи "Памяти В.Ф. Коммиссаржевской".

Публикации: Сборник памяти В.Ф. Коммиссаржевской. СПб., 1911. С. 427–428; *Ш*₁. С. 162–163; *Ш*₂. С. 181–182; *Ш*₃. С. 227–228.

В *ЗК*₃₀ представлены отдельные наброски. Впервые стих. прозвучало в речи Блока "Памяти В.Ф. Коммиссаржевской", произнесенной 7 марта 1910 г. в зале Городской думы на вечере памяти актрисы.

Окончательный текст – *Ш*₂.

Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) – знаменитая драматическая актриса. Блок познакомился с ней в 1906 г. В ее театре (на Офицерской ул.) был поставлен "Балаганчик" Блока и переведенная им "Праматерь" Ф. Грильпарцера. Блок говорил об этом: "Да, мне заказали стихи. Я очень долго над ними работал и наконец написал" (*Воспоминания*, 2. С. 77). Речь Блока "Памяти В.Ф. Коммиссаржевской" по существу представляет собой развернутый комментарий к стихотворению.

... камень бел-горючий ~ плакун-трава – Образы русского фольклора, наиболее распространенные в плачах (см. статью Блока "Поэзия заговоров и заклинаний", 1906).

ГОЛОСА СКРИПОК (*"Из длинных трав встает луна..."*)

(С. 129)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₃₀. Л. 11; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 22, в письме к Е.П. Иванову от 26 февраля 1910 г.; *АС* – *Т*₇. Л. 42, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, "февраль"; посвящение, правка и дата рукой Блока; *БА* – *НР* *НЧ*. Л. 49; печ. текст – *НР*₂ *Ш*₁. Л. 80, "1909" (дата – автограф).

Впервые: Аполлон. 1911. № 3. С. 40, в составе цикла "Романсы" (вместе со стих. "Пришлица" ("*Я не звал тебя – сама ты...*") и "Юность" ("*В тихий вечер мы встретились...*").

Публикации: Музыка. 1911. № 18. 2 апр. С. 418 (с указанием на перепечатку из

журн. "Аполлон"), в разд. "Тексты для музыки"; *НЧ*. С. 69, первое в разд. "Голоса скрипок"; *III*₁. С. 145, "1910", первое в разд. "Арфы и скрипки"; *III*₂. С. 180; *III*₃. С. 229.

*ЧН ЗК*₃₀ записаны на одном листе с *ЧН* стих. "С прежней жизнью покончены счесть...", датированном "Ночь 10–11 февраля".

В *T*₇ посвящение вписано карандашом.

Окончательный текст – *НЧ*.

"В глубоко музыкальном по мощной смелости звучащих сопоставлений стихотворении "Голоса скрипок" Блок мерит стремления личности мерой звучания мира...", – писал в 1922 г. композитор и музыкальный критик Б.В. Асафьев (*Глебов И.* Видение мира в духе музыки: поэзия А. Блока // Блок и музыка. Л.; М., 1972. С. 43).

В.М. Жирмунский замечал, что «в философской символике стихотворении "Голоса скрипок" (...) тютчевский "мыслящий тростник" ("Певучесть есть в морских волнах...") заменен более привычным для Блока метафорическим иносказанием:

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Но искусство поэта в этих последних стихах заключается именно в том, – отмечает Жирмунский, – что он строит свое произведение как бы на самой границе соприкосновения двух миров – реального и сверхреального – так что переход из мира реальности в мир символов ускользает от читателя, и самые обычные предметы как бы просвечивают иным значением, не теряя, вместе с тем, своего вещественного смысла» (*Жирмунский В.* Поэзия Александра Блока // *Об А. Блоке*. С. 142–143).

Посвящено *Иванову Евгению Павловичу* (1879–1942) – другу Блока (см. о нем т. 2 наст. изд., с. 613). Стихотворение связано с символистской концепцией мира как воплощения "духа музыки". Тема творчества как слушания "мирового оркестра" часто встречается в статьях Блока: «Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть неперемнное условие писательского бытия. Только слыша музыку отдаленного "оркестра" (который и есть "мировой оркестр" души народной), можно позволить себе легкую "игру"» ("Душа писателя", 1909. – СС-85. С. 370–371).

Из длинных трав встает луна // Щитом краснеющим героя... – Ср. у Н.С. Гумилева ("Одержимый", 1906): "Луна плывет, как круглый щит // Давно убитого героя". Ср. также у Тургенева: "Луна уже встала на небосклоне, красная и широкая, как медный щит" ("Новь". Гл. X). Эта параллель приводится в кн.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". Л. 1984. С. 211.

Зачем же ~ песней торопливой? – Ср. в статье 1910 г. "Памяти В.Ф. Коммиссаржевской: "Расстроенная скрипка всегда нарушает гармонию целого; ее визгливой вой врывается докучной нотой в стройную музыку мирового оркестра..."

НА ПАСХЕ

("В сапогах бутылками...")

(С. 130)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₃₀ (ст. 9–16). Л. 25 об.; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 1; *БА* – *T*₈. Л. 65 об., ("Гармоника"), "Пасха 1910 – (–май 1914)"; *БА* – *ГПБ*. Ф. 474. № 1. Л. 67, подпись под текстом: "Александр Блок" ("Гармоника"); печ. текст – *НР СУ*. Л. 26–27, "18 апреля 1910" (дата–автограф).

Впервые: Альманахи стихов, выходящие в Петрограде. Вып. первый. Пг., 1915. С. 6–7, под загл. "Гармоника".

Публикации: Рабочий мир. 1918. № 15. С. 4, ("Гармоника"); СУ. С. 27, "18 апреля 1910"; *Шз*. С. 230.

В *ЧА ЗК₃₁* представлены ст. 9–16. Над текстом помета: "Что я слышу в окно на Пасхе под гармонику; дворники будто поют:".

В *ЧА ИРЛИ* ст. 9–16 переписаны чернилами, сопровождаются пометой и датой над текстом: "Дворники, будто, поют", "Пасха 1910–". Позже Блок вернулся к работе над стихотворением и дописал ст. 1–8 (карандаш). Дата завершения работы над стих. зафиксирована в *Т₈*.

Первоначальное заглавие "Гармоника" в *НР СУ* исправлено на окончательное. Окончательный текст – *СУ*.

"КОГДА-ТО ГОРДЫЙ И НАДМЕННЫЙ..."

(С. 130)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₃₁*. Л. 17 об., "11 июля" (над текстом); *ЧА* (ст. 9–12) – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 1; *БАП – Т₈*. Л. 17 об., "11 июля 1910 – 24 дек(абря) 1913. Шах(атово) – СПб. Треугольный лужок между молодыми соснами и местом, которое я чистил"; *БА – РГБ*. Ф. 423. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1 ("Тоска"); *БА – Изборник*. Л. 306; печ. текст – *НР СУ*. Л. 28–29, "11 июля 1910" дата – автограф.

Впервые: *БВ*. 1916. № 15424. 6 марта, утр. вып., под загл. "Тоска".

Публикации: *СУ*. С. 28, "11 июля 1910"; *Шз*. С. 231.

Ст. 9–12, отсутствующие в *ЧА ЗК₃₁*, были записаны позже на отдельном листе (*ЧА ИРЛИ*) – позднейшая правка, в публикациях не отразившаяся. К *БАП Т₈* прикладывает *БА Изборника*, отличающийся лишь пунктуацией. В *БА РГБ* стихотворение получило заглавие "Тоска", под которым и было впервые опубликовано в *БВ*.

Окончательный текст – *СУ*.

По воспоминаниям И.Н. Розанова, было одним из пяти стихотворений сборника "Седое утро", пользовавшихся наибольшим успехом. (*Воспоминания*, 2. С. 379).

П.Г. Антокольский, вспоминая о поэтическом вечере в Петербурге в зале Тенишевского училища весной 1916 г. писал: «Выступали все литературные корифеи... Он (Блок. – *Ред.*), единственный из всех выступавших, серьезно и искренно рассказывал, оценивал или переоценивал свою собственную жизнь и судьбу. В этом было все дело. Похоже было на то, что он действительно просил: "Спляши, цыганка, жизнь мою!". И короткое блоковское стихотворение, всего двадцать или двадцать четыре строки, кажется длинной поэмой, полной слишком большого содержания, чтобы его сразу можно было определить на слух» (*Воспоминания*, 2. С. 136–137).

"ГДЕ ОТДАЕТСЯ В ДЛИННЫХ ЗАЛАХ..."

(С. 131)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₃₁*. Л. 18–21, "19 июля" (над текстом); *АС – Т₇*. Л. 49–49 об. ("Хоровод"), "июль", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие, дата и правка рукой Блока.

Впервые: Свободным художествам. 1910. № 1. Ноябрь. С. 20, под загл. "Хоровод".
Публикации: *III*₂. С. 183; *III*₃. С. 232.

*ЧА ЗК*₃₁ представляет собой первоначальную редакцию. После ст. (1–16), близких к ст. 1–16 основного текста, следовали четыре строфы, не вошедшие в основной текст. Две из них были зачеркнуты в тексте первоначальной редакции. Две другие – ст. (17–20)– и (21–24) – вошли в *T*₇ и были представлены в первой публикации. Зачеркнуты в *T*₇ при подготовке публикации в *III*₂.

Окончательный текст – *III*₂.

"СЕГОДНЯ ТЫ НА ТРОЙКЕ ЗВОНКОЙ..."

(С. 131)

Автографы и авторизованные тексты: *АС* – *T*₇. Л. 50–50 об., ("Большая дорога"), "Прошлая весна – июль 1909 – перед границей", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие и дата – рукой Блока; *БА* – *HP*₂ *III*₁. Л. 69, ("Большая дорога").

Впервые: *PM*. 1910. № 11. С. 3. 1-я паг., под загл. "Большая дорога", в цикле из четырех стихотворений "Страшный мир".

Публикации: *III*₁. С. 111–112, ("Большая дорога"), в разд. "Страшный мир"; *III*₃. С. 233.

В *PЭ III*₁ было зачеркнуто и в *III*₂ не вошло.

Окончательный текст – *III*₃.

"В НЕУВЕРЕННОМ, ЗЫБКОМ ПОЛЕТЕ..."

(С. 132)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₃₁. Л. 41; *БА* – *T*₇. Л. 55, "Ноябрь 1910"; *БА*₁ – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 62, ("Аэроплан"); *БА*₂. – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 3; печ. текст – *HP*₂ *III*₁. Л. 86, ("Аэроплан").

Впервые: *III*₁. С. 160, под загл. "Аэроплан".

Публикации: *III*₂. С. 123, в разд. "Разные стихотворения", *III*₃. С. 234.

Набросок в *ЗК*₃₁ примыкает к черновым наброскам стих. "Авиатор".

Окончательный текст – *III*₂.

По воспоминаниям В. Пяста, Блок в этот период увлекся авиацией и утверждал, что шум пропеллера "ввел в мир новый звук" (*Пяст Вл.* Воспоминания о Блоке. Пб. 1923. С. 51).

В письме к матери от 24 апреля 1910 г. Блок писал: "В полетах людей, даже самых неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно. – высокое".

Цитируя полностью это стихотворение, А. Дерман отмечал, что Блока-импрессиониста может заинтересовать только явление, в котором есть "элемент острой и напряженной страсти, мимолетности". "В этом отношении, – писал критик, – особенно характерно остроумное стихотворение "Аэроплан". Казалось бы здесь, в полете человека есть и напряжение, и зыбкость, и острота грозной опасности, и стихия страсти, страсти человеческого ума, разрешающего тайны природы, сражающегося с ней и побеждающего ее. Но Блок ничего этого не замечает: аэроплан для него олицетворение чего-то бесстрастного, быть может, потому, что стихия создавшего его

человеческого ума проявилась в нем методически, а не мгновенным порывом..." (Дерман А. Об Александре Блоке // *РМ*. 1913. № 7. Отд. II. С. 64).

В неуверенном, зыбком полете // Ты над бездной взвился и повис. – Ср. у Фета ("На стоге сена ночью южной", 1857):

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

О, стальная, бесстрастная птица, // Чем ты можешь прославить Творца? – В книге Т. Карлейля "Французская революция. История" (СПб., 1906) Блок выделил знаком "NB" наблюдения автора о том, что технические достижения и, в частности, полеты на воздушном шаре, являются ярким примером бездуховности общества, стремящегося "достичь неба", то есть приобщиться к Божеству с помощью технических средств (см. с. 141).

"БЕЗ СЛОВА МЫСЛЬ, ВОЛНЕНЬЕ БЕЗ НАЗВАНЬЯ..."

(С. 132)

Автографы: *БА* – *T*₇. Л. 64 об., "Декабрь!"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 48.

Впервые: *Заветы*. 1912. № 8. С. 41. 1-я паг.

Публикации: *III*₂. С. 186; *III*₃. С. 235.

Окончательный текст – *Заветы*.

Без слова мысль, волнение без названья... – Перефразированная строка Вл. Соловьева ("В Альпах", 1886): "Мыслей без речи и чувств без названья // Радостно-мощный прибой...".

"ВЕТР НАЛЕТИТ, ЗАВОЕТ СНЕГ..."

(С. 133)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₃₁. Л. 39 об.–40; *БА* – *T*₇. Л. 69, "Начато в Шахм(атове) (поздн(я) осень 1910), конч(ено) 6 янв(аря) 1912 (восп(оминание) об удельном лесе у полотна Ф(инляндской) ж(елезной) д(ороги))"; *Кор*₂ *Земли*. Л. 136 об.; *БА* – *Изборник*. Л. 317. ["1912" (?)].

Впервые: *РМ*. 1913. № 4. 1-я паг. в подборке из восьми стихотворений.

Публикации: *III*₂. С. 189; *III*₃. С. 236.

В *ЗК*₃₁ – набросок первых двух строф стихотворения. В *T*₇ представлено в полном объеме.

Окончательный текст – *РМ*.

...И девочка поет в лесу. – Ср. заметку Блока от 19 декабря 1910 г. в Записной книжке: "Тот же лес, почти ночь – и девочка поет в лесу. За снегом еле видны семафоры. Поезда ходят уже по высокой насыпи. Ланская неузнаваема".

Воспоминание касалось стих. "Милый брат! Завечерело...", где также отразился пейзаж возле станции Ланская (окраина Петербурга).

"ШАР РАСКАЛЕННЫЙ, ЗОЛОТОЙ..."

(С. 133)

Автографы: *БА* – Т₇. Л. 68, "3–6 января 1912"; *БА*₁ – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1, "1912"; *БА*₂ – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 2.

Впервые: *РМ*. 1913. № 4. С. 3–4. 1-я паг., в подборке из восьми стихотворений.

Публикации: *Ш*₂. С. 187; *Ш*₃. С. 237.

Окончательный текст – *РМ*.

1 апреля 1920 г. К.И. Чуковский записал в дневнике: «Я спросил как-то у Блока, почему он посвятил свое стихотворение "Шар раскаленный, золотой..." Борису Садовскому, которому он так чужд. Он помолчал и ответил: "Садовской попросил, чтобы я посвятил ему, нельзя было отказать". Обычный пассивизм Блока. "Что быть должно, то быть должно"» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 253).

Садовской (Садовский) Борис Александрович (1881–1952) – поэт, беллетрист, историк литературы. С Блоком познакомился в декабре 1906 г. у Брюсова. Более близкое знакомство относится к началу 1910 г. Садовской – автор воспоминаний о Блоке (*Воспоминания*, 2. С. 47–57; *Садовской Б. Встречи // Звезда*. 1968. № 3. С. 182–186). Письма Садовского к Блоку опубликованы В.П. Коршуновой в кн.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 309–314.

Шар раскаленный, золотой... – Ср. у Тютчева ("Летний вечер", 1829): "Уж солнца раскаленный шар // С главы своей земля скатила..."

...*Твои сияющие очи: // Ужасней дня, страшнее ночи...* – Ср. у Пушкина в "Бахчисарайском фонтане" (1824): "Твои пленительные очи // Яснее дня, чернее ночи..."

"СКВОЗЬ СЕРЫЙ ДЫМ ОТ КРАЮ И ДО КРАЮ..."

(С. 134)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1, "весна 1912–1913"; *БА* – Т₈. Л. 14 об., "1912–1913"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 34–35, "30 апреля 1912" (дата – автограф).

Впервые: Приазовский край. 1915. № 1. 1 янв., под № 2 в подборке "Три стихотворения".

Публикации: *ПОД*. С. 22, "1912", заключительное в цикле из семи стихотворений под общим загл. "Городские видения"; *СУ*. С. 32, "30 апреля 1912"; *Ш*₃. С. 238.

ЧА ИРЛИ имеет два слоя правки. Текст был записан и правлен чернилами весной 1912 г.; в 1913 г. Блок вернулся к работе над текстом (карандашная правка ст. 11–12).

Окончательный текст – *ПОД*.

...*Тем кажется железней, непробудней // Мой мертвый сон.* – Ср. у Тютчева ("Здесь, где так вяло свод небесный...", 1879): "Здесь погрузившись в сон железный, // Усталая природа спит".

"ЕСТЬ МИНУТЫ, КОГДА НЕ ТРЕВОЖИТ..."

(С. 134)

Авторизованный текст: АС – Т₇. Л. 88 об., "Лето", рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух, первая строка и дата – рукой Блока.

Впервые: РМолва. 1912. № 1. 9 дек.

Публикации: III₂. С. 191; III₃. С. 239.

Окончательный текст – РМолва.

К.И. Чуковский считал это стихотворение свидетельством того, что Блок "даже в третьем томе, когда его творчество стало строже и сдержаннее", часто предавался "инерции" "опьянения звуками" (*Воспоминания*, 2. С. 223).

"БОЛОТИСТЫМ, ПУСТЫННЫМ ЛУГОМ..."

(С. 134)

Авторизованные тексты: АС – Т₇. Л. 84 об.–85, "Сентябрь – Октябрь", рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух, первая строка и дата – рукой Блока, Кор₂ Земли. Л. 138 об.

Впервые: РМ. 1914. № 1. С. 1. 1-я паг.

Публикации: III₂. С. 192; III₃. С. 240.

Печатается по Кор₂ Земли.

Происхождение вариантов в III₃, не подкрепленных ни одним источником, установить нельзя; возможно, они не являются авторскими.

Окончательный текст – РМ.

"Это стихотворение, – писал Блок 8 декабря 1913 г. Л.Я. Гуревич, просившей у него стихов для журнала "Русская мысль", – мне кажется лучшим из всех, которые сейчас у меня есть". "Я в нем люблю все строки, – уточнял он в письме от 11 декабря 1913 г., – кроме третьей от конца, с которой еще не умею ничего сделать".

... *Туманов и духов...* – Ср. в стих. "Незнакомка" (1906): "Дыша духами и туманами" (т. 2 наст. изд.).

ИСПАНКЕ

("Не лукавь же, себе признаваясь...")

(С. 135)

Авторизованные тексты: АС – Т₇. Л. 89 об.–90. "Лето – октябрь" рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух, заглавные, первая строка и правка – рукой Блока; Кор₂ Земли. Л. 139.

Впервые: СЗ. 1914. Март. С. 5, первое в подборке из трех стихотворений вместе со стих. "Вполоборота ты встала ко мне..." и "Белая ночь" ("В небе – день, всех ночей суеверней...").

Публикации: III₂. С. 190; III₃. С. 241.

В Т₇ ст. 5–8 были зачеркнуты при подготовке III₂, где они отсутствуют.

В Т₇ в ст. 18 подчеркнуто слово "Handà".

Handà – (искаженное исп. andà) – давай, пошел.

"В НЕБЕ – ДЕНЬ, ВСЕХ НОЧЕЙ СУЕВЕРНОЙ..."

(С. 136)

Авторизованные тексты: АС – Т₇. Л. 89. ("Белая ночь"), "лето – октябрь", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук, заглавие, ст. 1, дата – рукой Блока; печ. текст – НР СУ. Л. 39. "Октябрь 1912".

Впервые: СЗ. 1914. № 3. С. 6, под загл. "Белая ночь", в подборке "Три стихотворения".

Публикации: СУ. С. 35, "Октябрь 1912"; III₃. С. 242.

Согласно датировке в Т₇, замысел стих. относится к лету 1912 г. Работа над ним была продолжена и завершена в октябре того же года.

Окончательный текст – СУ.

В небе – день, всех ночей суеверной... – Первоначальное заглавие стихотворения "Белая ночь" – раскрывало предмет изображения.

"В СЫРОМ НОЧНОМ ТУМАНЕ..."

(С. 136)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₂₇. Л. 26; БА – Т₇. Л. 90 об.–91 ("Навождение"), 1909 – дек. 1912"; печ. текст – НР СУ. Л. 41–42, "Декабрь 1912" (дата – автограф).

Впервые: Русская молва (*РМолва*). 1913. № 81. 3 марта, под загл. "Навождение".

Публикации: Новый журнал для всех (*НЖДВ*). 1916. № 1. С. 3 ("Навождение"); СУ. С. 37–38, "Декабрь 1912"; III₃. С. 243–244.

ЧН ЗК₂₇ сделан, вероятно, в августе 1909 г. Работа над текстом относится к декабрю 1912 г. (дата в Т₇). В СУ Блок отказался от заглавия "Навождение", имевшегося в рукописи и в первых публикациях. Во всех изданиях, кроме III₃, печаталось с делением на четверостишия (в НР СУ оно обозначено карандашом).

Окончательный текст. – СУ.

В отрицательной рецензии на сборник "Седое утро" С.П. Бобров назвал "двумя приличными стихотворениями на всю книгу" "Старинные розы" и "В сыром ночном тумане..." (Печать и революция. 1921. Кн. 1. С. 146–147).

СЕДОЕ УТРО

("Утреет. С Богом! По домам!..")

(С. 137)

Автографы: ЧН₁ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 5 об.; ЧН₂ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 4 об.; ЧН₃ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 6; ЧН₄ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 3 об.; ЧН₅ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 5; ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1–5; "29 ноября"; БА – Т₈. Л. 11–11 об., "29 XI 1913"; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 7, 8, "1913, 29 XI".

Впервые: Сирин. Сб. третий. СПб, 1914. С. LXI–LXII. 1-я паг., без эпитафия, четвертое в цикле "Седое утро".

Публикации: III₂. С. 194–195; III₃. С. 245–246.

Созданию чернового текста (*ЧА ИРЛИ*) предшествовала серия набросков, которые по большей части представляют собой тексты отдельных строк (с вариантами). *ЧН₂* содержит, помимо фрагментов, строфу, не вошедшую в основной текст (*ЧН₂*, как и *ЧН₁*, сделан на оборотной стороне чернового автографа стих. "Новая Америка"); *ЧН₃* включает в себя 2-ю и 4-ю строфы (записаны на оборотной стороне чернового автографа стих. "О, нет! Не расколдуешь сердца ты..."), *ЧН₄* – 3-ю строфу, *ЧН₅* – 5-ю и 6-ю строфы. Все наброски перечеркнуты, установить последовательность их появления не представляется возможным.

ЧА ИРЛИ, в котором отсутствуют заглавие и эпиграф, создан 29 ноября 1913 г. Последний слой этого текста близок к основному, за исключением строфы между ст. 12 и 13.

Заглавие "Седое утро" впервые появилось в *T₈*; рядом с ним – другое, возможно, вариантное: "Разлука"; над вторым заглавием, заключенным в скобки, – вопросительный знак. Заглавие "Разлука" воспроизведено первоначально в *БА РГАЛИ*, затем исправлено на основное. Строфа между ст. 12 и 13 вошла в текст первой публикации; позднее Блок отказался от нее (она зачеркнута в *T₈* и *БА РГАЛИ*). В *T₈* в ст. 9 подчеркнуты слова "еле видная", вероятно, не удовлетворявшие Блока (в *БА РГАЛИ* они зачеркнуты). В *БА РГАЛИ* также обозначено деление на четверостишия.

Эпиграф впервые появился в *III₂*.

Окончательный текст – *III₂*.

Эпиграф взят из стих. И.С. Тургенева "В дороге" (1843), которое стало популярным романсом.

В письме к матери от 5 июля 1911 г. Блок сообщал: «В субботу я поехал в Парголово, но не доехал, остался в Озерках на цыганском концерте, почувствовал, что здесь – судьба. И, действительно, оказалось так. Цыганка, которая пела о множестве миров, потом говорила мне необыкновенные вещи, а потом – под проливным дождем в сумерках ночи на платформе – сверкнула длинными пальцами в броне из острых колец, а вчера обернулась кровавой зарей ("стихотворение")».

Упоминание об этом эпизоде есть и в записных книжках (3 июля 1911 г.): "Вчера в сумерках ночи под дождем на Приморском вокзале цыганка дала мне поцеловать свои длинные пальцы, покрытые кольцами. Страшный мир. Но быть с тобой странно и сладко". (См. также письмо к В.А. Пясту от 3 июля 1911 г.)

"ЕСТЬ ВРЕМЕНА, ЕСТЬ ДНИ, КОГДА..."

(С. 138)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 3 об.; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–2, "22 XI 1913"; *БА* – *T₈*. Л. 12. "22 – XI – 1913"; *АС* – *Изборник*. Л. 336, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *РМ*. 1915. № 1. С. 82. 1-я паг.

Публикации: *III₂*. С. 193; *III₃*. С. 247.

ЧН ИРЛИ сделан карандашом на оборотной стороне листа, на котором записан черновой автограф стих. "Ты говоришь, что я дремлю...". Под текстом *ЧА ИРЛИ* имеется помета: «Как "заржавели" стихи. Долго не писал. Это – не оригинально. Дописано (если дописано) 22 XI 1913».

Окончательный текст – *РМ*.

"Я ВИЖУ БЛЕСК, ЗАБЫТЫЙ МНОЙ..."

(С. 138)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1 ("На балу"), "12 XII"; *БА – Т₈*. Л. 5 об. ("На бале"), "12 XII 1913"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 15 ("На бале"), "1913 12 XII".

Впервые: Сирин. Сб. третий. СПб., 1914. С. LXIII. 1-я паг., под загл. "На бале", пятое в цикле "Седое утро".

Публикации: *III₂*. С. 196; *III₃*. С. 248.

Текст *ЧА ИРЛИ*, последний слой которого близок к основному, создан 12 декабря 1913 г. Первоначально он был связан со стих. "Ты говоришь, что я дремлю...", написанным в этот же день (см. коммент.). Затем Блок отделил его, дав заглавие: "На балу"; это заглавие воспроизведено в *Т₈*, *БА РГАЛИ* и в первой публикации. Позднее заглавие в *Т₈* и *БА РГАЛИ* зачеркнуто. На *БА РГАЛИ* имеется помета: "Сирин Ш А(рфы) и С(крипки)".

Окончательный текст – *III₂*.

... *Тот голос, низкий и грудной...* – Ср. у М.А. Лохвицкой: "Мой голос – низкий и грудной" (указано В.Н. Орловым в его кн.: "Здравствуйте, Александр Блок" (С. 213). Стих., возможно, навеяно воспоминаниями о К.М. Садовской, у которой был низкий и грудной голос.

"ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО Я ДРЕМЛЮ..."

(С. 138)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1–3, "12 XII"; *БА – Т₈*. Л. 4 об.–5, "12 XII 1913"; *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 12, "1913, 12 XII"; *БА₂ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 1.

Впервые: Отечество. 1914. № 7. С. 131.

Публикации: *III₂*. С. 197 ("Твой южный голос томен. Стан..."); *III₃*. С. 249.

ЧА ИРЛИ состоит из первоначального наброска, включающего в себя отдельные стихи и 4-ю строфу с вариантами (наброски перечеркнуты), и текста стихотворения, датированного 12-м декабря 1913 г. Исходя из нумерации строф, сделанной Блоком, можно предположить, что первоначально стих. "Ты говоришь, что я дремлю..." и "Я вижу блеск, забытый мной..." были взаимосвязаны. Цифрой "5" помечена первая строфа стих. "Я вижу блеск, забытый мной...", начало которой в исходном варианте совпадало с первым стихом 5-й строфы настоящего стихотворения (сначала цифрой "5" были обозначены два первых, зачеркнутых, стиха 5-й строфы – ст. 17–18, вар. *а*). Решив выделить стих. "Я вижу блеск, забытый мной...", Блок зачеркнул цифру "5" над 1-й строфой, вписал заглавие ("На балу") и исправил ст. 1, приведя его к основному тексту; возможно, после этого была записана заключительная строфа стих. "Ты говоришь, что я дремлю...", которая осталась не пронумерованной. Все стадии работы над данными текстами относятся, по-видимому, к 12 декабря 1913 г.

В *БА₂ РГАЛИ* помета: "для № 6" "Отечества" (вероятно, стихотворение предполагалось печатать в № 6); на *БА₁ РГАЛИ* помета такого же характера: «"Отечество", № 7 (Рождество) 1914».

Окончательный текст – *Отечество*.

При подготовке публикации в *III*₂ Блок изъяс ст. 1–4, 9–12 (эти строфы в *T*₈ заключены в скобки); в *III*₃ были восстановлены.

"ВАШ ВЗГЛЯД – ЕГО МНЕ ПОДСТЕРЕЧЬ..."

(С. 139)

Автографы: *ЧН* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2 об.; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1, "док(ончено) 12 XII"; *БА* – *T*₈. Л. 6, "12 XII 1913".

Впервые: *Отечество*. 1915. № 12. С. 5.

Публикации: *III*₂. С. 198; *III*₃. С. 250.

Первоначальные карандашные наброски (*ЧН ИРЛИ*) включают в себя варианты и стихи 1-й и 3-й строф; весь текст набросков перечеркнут. Последующая работа над стих. относится к 12 декабря 1913 г., когда был закончен текст *ЧА ИРЛИ*, последний слой которого близок к основному.

Окончательный текст – *Отечество*.

"НАТЯНУЛИСЬ ГИТАРНЫЕ СТРУНЫ..."

(С. 140)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₄₁. Л. 13 об.–14, "12 XII", "19 XII"; *БА* – *T*₈. Л. 10 об., "12–19 XII 1913"; *Кор*₂ *Земли*. Л. 144.

Впервые: *Отечество*. 1915. № 14. С. 7, под загл. "Цыганка".

Публикации: *III*₂. С. 199; *III*₃. С. 251.

Первоначальный набросок в *ЗК*₄₁ датирован 12 декабря 1913 г.; 19 декабря записан черновой текст стихотворения, последний слой которого близок к основному тексту, за исключением пунктуационных вариантов.

В *T*₈ позднее вписано карандашом посвящение: "К.К.П.", которое в печатных текстах не воспроизводилось (в *Кор*₁ *Земли* также вписано посвящение: "К."). Ст. 13–16 в *T*₈ зачеркнуты, они отсутствуют в *III*₂; в *III*₃ – восстановлены.

В тетради беловых автографов Блока (*T*₈) стихотворение посвящено К.К.П. – то есть цыганской певице Ксении Прохоровой, о которой Блок дважды упоминает в письмах. См.: *Письма к родным*, 2. С. 220, 224.

"ТЫ – БУЙНЫЙ ЗОВ РОГОВ ПРИЗЫВНЫХ..."

(С. 140)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₀. Л. 24 об.; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. ед. хр. 19. Л. 1 ("Кому-то"), "1908–12 XII 1913"; *БА* – *T*₈. Л. 15 ("Неотступное"), "1908–XII 1913"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 5 ("Неотступное"); *БА*₁ – *ГПБ*. Ф. 77. Ед. хр. 1. Л. 5 ("Неотступное"); *БА*₂ (автограф под копировальную бумагу) – *ГПБ*. Ф. 77. Ед. хр. 1. Л. 6 ("Неотступное"); *БА* – *Изборник*. Л. 351 ("Неотступное"); печ. текст – *НР СУ*. Л. 48–49, "Декабрь 1913" (дата – автограф).

Впервые: *БВ*. 1914. № 14568. 21 дек. утр. вып., под загл. "Неотступное".
Публикации: *СУ*. С. 43, "Декабрь 1913"; *Шз*. С. 252.

Первоначальный набросок в *ЗК*₂₀, включающий в себя, кроме отдельных строк, вариант 2-й строфы, записан между текстами стихотворений, датированными 7 и 8 июня 1908 г. Набросок перечеркнут, под ним – позднейшая помета: "допис(ано) 1913". Имеется в виду дальнейшая работа над стихотворением, относящаяся к 12 декабря 1913 г., когда был записан текст *ЧА* *ИРЛИ* под заглавием (– посвящением?) "Кому-то". В *Т₈* стихотворение получило заглавие "Неотступное", под которым и было впервые опубликовано в *БВ* (имеется также в *БА* *РГАЛИ*, *БА* *ГПБ* и *Изборнике*). Ст. 5–6, 9–10 в *Т₈* были приведены к основному тексту, вероятно, при подготовке *Шз* (исправления учтены в *Кор₁ Земли*). Под текстом *БА₂ ГПБ* – помета Блока: "Для юбилейного сборника в честь Ильи Александровича Шляпкина" (профессора СПб-го ун-та. – *Ред.*).

Окончательный текст – *СУ*.

"КАК ДЕНЬ, СВЕТЛА, НО НЕПОНЯТНА..."

(С. 140)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₁₈*. Л. 16–15 об., "24 XII 1907" (исправлено, было: "1908"), "А dokonчено – 20 II 1914"; *БА* – *Т₈*. Л. 42–42 об., "24 XII 1908 – осень 1909 – 20 II 1914"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 63–64, "20 февраля 1914" (дата – автограф).

Впервые: Новый журнал для всех (*НЖДВ*). 1915. № 1. С. 35, под загл. "Она".

Публикации: *СУ*. С. 51–52, "20 февраля 1914"; *Шз*. С. 253.

Датой "24 XII 1907" в *ЧА* *ЗК₁₈* отмечено начало работы над стихотворением; вторая дата фиксирует момент завершения работы над текстом черного автографа, близким к основному: "А dokonчено – 20 II 1914". В *Т₈* указана и промежуточная дата: "осень 1909". Первоначально в тексте *ЧА* *ЗК₁₈* 3-я строфа (ст. 9–12) отсутствовала, она была вписана позднее (Л. 15 об.), после того, как был создан весь остальной текст (с введением этой строфы, вероятно, связана правка ст. 13 в 4-й строфе).

Окончательный текст – *СУ*.

"ПЕТЕРБУРГСКИЕ СУМЕРКИ СНЕЖНЫЕ..."

(С. 141)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 1–2, "14 марта", "15 марта"; *БА* – *Т₈*. Л. 64 об., "15 III–14 V 1914"; *БА* – *ИРЛИ*. Ф. 185 (архив В.С. Миролюбова). Оп. 1. Ед. хр. 1371. Л. 9; печ. текст – *НР СУ*. Л. 67–68, "15 марта 1914" (дата – автограф).

Впервые: Вершины. 1914. № 1. С. 3, в подборке "Три стихотворения".

Публикации: *СУ*. С. 55, "15 марта 1914"; *Шз*. С. 254.

Начало работы над стих. относится к 14 марта 1914 г., когда Блок записал два варианта одной строки. 15 марта был создан текст *ЧА* *ИРЛИ*, последний слой которого близок к основному. В *ЧА* *ИРЛИ* и *Т₈* посвящено Л.А. Дельмас; в печатных текстах

посвящение отсутствует. В *T₈* содержится также вторая дата: "14 V 1914"; к этому времени, вероятно, относится окончательное оформление стихотворения.

Окончательный текст – *Вершины* (в *СУ* – вариант в ст. 7).

Биографическую основу стихотворения составляют обстоятельства знакомства Блока с Л.А. Дельмас (*Воспоминания*, 2. С. 134). Р.В. Иванов-Разумник писал Е.П. Иванову 2 декабря 1940 г.: «Еще два стихотворения, написанные тогда же, А.А. не включил в цикл "Кармен", хотя они и относятся к Л.А. Дельмас. Это, во-первых, "Петербургские сумерки снежные..."» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 650).

"СМЫЧОК ЗАПЕЛ. И ОБЛАК ДУШНЫЙ..."

(С. 142)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₂₄*. Л. 12. "27 XII"; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1, "27 XII 1908" (над текстом), "14 V 1914"; *БА* – *T₈*. Л. 65, "27 XII 1908 – 14 V 1914"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 71–72, "14 мая 1914" (дата – автограф).

Впервые: В год войны. Артист солдату. Пг., 1915. С. 7, под загл. "Скрипка".

Публикации: Свободный журнал (*СЖ*). 1918. № 2. С. 3, в подборке из трех стихотворений "Стихи о любви"; *СУ*. С. 57. "14 мая 1914"; *III₃*. С. 255.

Черновой набросок в *ЗК₂₄*, состоящий из двух строф, датирован 27 декабря 1908 г. Дальнейшая работа, которую отражает *ЧА ИРЛИ*, относится к 14 мая 1914 г. Сначала был воспроизведен текст *ЧН ЗК₂₄* (к нему относится дата, проставленная сверху: "27 XII 1908"); затем сделана его синхронная правка. Ст. 1–4 записаны ниже; вероятно, лишь после этого была произведена правка в первой строке наброска (ст. 5, вар. б). Заключительный стих *ЧА ИРЛИ* ("Не соловей, то скрипка пела...") впоследствии (в *T₈*) вошел в основной текст (ст. 5). Дата создания *ЧА ИРЛИ* – "14 V 1914" – проставлена внизу. Текст в *T₈* соответствует основному, за исключением пунктуационных вариантов.

В сборнике "В год войны. Артист солдату" напечатано под заглавием "Скрипка", в "Свободном журнале" и *СУ* – с делением на четверостишия (в *НР СУ* оно обозначено карандашом).

Окончательный текст – *Свободный журнал*.

Р.В. Иванов-Разумник причисляет это стихотворение к «ряду "карменских" стихов», то есть посвященных Л.А. Дельмас (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 650).

"ТЫ ЖИЛ ОДИН. ДРУЗЕЙ ТЫ НЕ ИСКАЛ..."

(С. 142)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1. "20 августа" (над текстом), "26 авг(уста)"; *БА* – *T₈*. Л. 74 об., "20–26 авг. 1914"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 1; *БА* – *ГЛМ*. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 36 в. ("Один"); *АС* – *Собр. Фащевской*; печ. текст – *НР СУ*. Л. 76–77, "26 августа 1914" (дата – автограф).

Впервые: *ГЖ*. 1915. № 16. С. 13, под загл. "Один".

Публикации: *СУ*. С. 62, "26 августа 1914"; *III₃*. С. 255.

Первая дата в *ЧА ИРЛИ* относится, вероятно, к 1-й строфе, вторая фиксирует завершение работы над текстом, последний слой которого близок к основному. В *СУ* указана лишь вторая дата.

В *АС* из *Собр. Фащевской* Л.А. Дельмас подчеркнула ст. 3: "Ты острый нож безжалостно вонзал" и часть ст. 5: "Ты мог бы счастлив быть!".

Окончательный текст – *СУ*.

"ПРЕВРАТИЛА ВСЁ В ШУТКУ СНАЧАЛА..."

(С. 142)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₄₇*. Л. 11 об.–12 об., "ночь 28–29 II"; *БА* – *Т₉*. Л. 63, "28–29 февр. 1916 (ночь)"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 108–109, "29 февраля 1916" (дата – автограф).

Впервые: *БВ*. 1916. № 15697. 24 июля, утр. вып., под загл. "Она".

Публикации: Северный луч (*СЛ*). 1916. № 5. С. [6] ("Она"); *СУ*. С. 87, "29 февраля 1916"; *Ш₃*. С. 256.

Текст *ЧА ЗК₄₇*, близкий к основному, создан в ночь на 29 февраля 1916 г. В *Т₉* записан (карандашом) основной текст; видимо, тогда Блок окончательно оформил ст. 7, 11, 14. В *БВ* и журн. "Северный луч" напечатано под заглавием "Она", которое впоследствии не воспроизводилось.

Окончательный текст – *СУ*.

В рецензии на сборник "Седое утро" Э. Голлербах назвал стихотворение в числе шести лучших (Вестник литературы. 1920. № 12. С. 10).

"ТА ЖИЗНЬ ПРОШЛА..."

(С. 143)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₃₁*. Л. 25 об., "15 VIII"; *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1, "1910" (над текстом), "авг. 1914"; *БА* – *Т₈*. Л. 80, "(1910 лето)" – 31 авг. 1914"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 78–79, "31 августа 1914" (дата – автограф); *АС* – *Собр. Фащевской*.

Впервые: Вершины. 1914. № 1. С. 3, с делением на трехстишия, в подборке "Три стихотворения".

Публикации: *СУ*. С. 63, "31 августа 1914"; *Ш₃*. С. 257.

Первоначальный набросок в *ЗК₃₁*, состоящий из трех строк, сделан 15 августа 1910 г. Последующая работа над стих. относится к августу 1914 г., когда был создан текст *ЧА ИРЛИ*. При этом Блок сначала воспроизвел трехстишие из *ЗК₃₁* (к нему относится помета вверху: "1910"), а затем, по мере создания остального текста, исправил его. Под текстом *ЧА* дата: "авг. 1914". Она уточнена в *Т₈*: "31 авг. 1914".

В *АС* из *Собр. Фащевской* помета Л.А. Дельмас: "А.Б. согласился, что преждевременные стихи".

В журн. "Вершины" и в *СУ* напечатано с делением на трехстишия (в *НР СУ* обозначено деление на трехстишия); в *Ш₃* Блок вернулся к строфике *Т₈*.

По мнению Р.В. Иванова-Разумника, стихотворение посвящено Л.А. Дельмас (см. *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 651).

"БЫЛА ТЫ ВСЕХ ЯРЧЕ, ВЕРНЕЙ И ПРЕЛЕСТНЕЙ..."

(С. 143)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1, "лето 1910" (над текстом); *БА – Т₈*. Л. 80 об., "(1910 лето) – 31 авг. 1914"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 80–81, "31 августа 1914" (дата – автограф).

Впервые: Вершины. 1914. № 1. С. 3, в подборке "Три стихотворения".

Публикации: *СУ*. С. 64, "31 августа 1914"; *Ш₃*. С. 257.

Работа над текстом *ЧА ИРЛИ* была начата летом 1910 г. и закончена, согласно датировке в *Т₈*, 31 августа 1914 г. Первоначально был записан, вероятно, набросок, состоящий из двух последних стихов 1-й строфы и варианта 2-й строфы (ст. 5–8, вар. *а*).

Окончательный текст – *Вершины*.

В рецензии на сб. "Седое утро" Э. Голлербах назвал стихотворение в числе лучших (Вестник литературы. 1920. № 12. С. 10).

Была ты всех ярче, верней и прелестней... – В письме к Л.А. Дельмас Блок пытался так раскрыть смысл слова "верность": «Из бури музыки – тишина, – нет – не тишина; *старинная женственность*, – да, и она, но за ней – еще: какая-то глубина верности, лежащая в Вас; опять не знаю, то ли слово: "верность" – Земля, природа; чистота, **ЖИЗНЬ, ПРАВДИВОЕ** лицо жизни..." (Звезда. 1970. № 11. С. 197).

"РАЗЛЕТЯСЬ ПО ВСЕМУ НЕБОСКЛОНУ..."

(С. 144)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* (первоначальная редакция) – *ЗК₂₄*. Л. 14–13. "11 XII"; *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 1, "11 XII 08"; "31 авг. 1914"; *БА – Т₈*. Л. 86 об. ("Художник"), "11 XII 1908 – (25 XII 1914)"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 2; печ. текст – *НР СУ*. Л. 82–83, "31 августа 1914" (дата – автограф).

Впервые: *БВ*. 1914. № 14578. 28 дек., утр. вып., вместе со стих. "К ногам презренного кумира...", под общим загл. "Художник".

Публикации: *СУ*. С. 65, "31 августа, 1914"; *Ш₃*. С. 258.

В *ЗК₂₄* представлена первоначальная редакция в составе четырех строф, созданная 11 декабря 1908 г. Текст *ЧА ИРЛИ* совпадает по числу строф с основным: Блок отказался от ст. (13–16) первоначальной редакции. Ст. 3, 4, 10, 11 записаны с лакунами, что, возможно, объясняется неудовлетворенностью соответствующими стихами первоначальной редакции. Под текстом *ЧА ИРЛИ* помета: "Нет, это фальшиво и надо бросить. Самое положение ложно. 31 авг. 1914".

В *Т₈* введено заглавие ("Художник"), ст. 7, 9 приведены к основному тексту; правка в ст. 10, 11 сделана, вероятно, 25 декабря 1914 г. (дата окончательной правки в *Т₈*).

Окончательный текст – *СУ*.

...*Огнекрасная туча...* – образ, символизирующий у Блока любовь-страсть. Возможно восходит к "Новой жизни" Данте, в которой бог любви Амор является в облаке цвета огня (цвет огня – цвет Амора). (См.: *Данте*. Обновленная жизнь / Пер. стихами А. Федорова, СПб., 1895. С. 9.)

"ОН ЗАНЕСЕН – СЕЙ ЖЕЗЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ..."

(С. 144)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1; *БАП* – *Т₈*. Л. 85, "3 дек. 1914"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 3; *БА* – *ИРЛИ*. Ф. 79 (арх. Р.В. Иванова-Разумника). Оп. 4. Ед. хр. 22; *БА* – *Изборник*. Л. 376, ["1914"]; *Кор₂ Земли* Л. 148; печ. текст – *НР СУ*. Л. 88–89, "3 декабря 1914" (дата – автограф).

Впервые: Огонек. 1914. № 52. С. 2.

Публикации: Знамя труда (*ЗТ*). 1918. № 112. 6 янв.; *СУ*. С. 71, "3 декабря 1914"; *Ш₃*. С. 259.

ЧА ИРЛИ создан, согласно датировке в *Т₈*, 3 декабря 1914 г. Текст его следует непосредственно за черновым автографом стих. "Я не предал белое знамя..." (Л. 1, 2), написанного в тот же день. Возможно, что на начальном этапе работы эти тексты были связаны между собой.

Текст в *Т₈* поначалу отличался от основного вариантами в ст. 7, 11–12, которые были воспроизведены в первой публикации. При подготовке второй публикации Блок в *Т₈* исправил эти стихи, приведя их к основному тексту, а также вписал вариант ст. 8 ("Сиянье Божьего Лица"); позднее (в *СУ*) он вернулся в ст. 8 к основному тексту (вариант зачеркнут в *Т₈* и исправлен в *НР СУ*).

Окончательный текст – *СУ*.

Жезл железный – Образ из Апокалипсиса (*Откр.* II. 27; XII. 5).

Тем лучезарнее, тем зримей // Сияние Ее лица. – Ср. у Вл. Соловьева:

И только я помыслил это слово, –
Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова –
Одно ее лицо – оно одно.

(Поэма "Три свидания", 1898)

"ПУСТЬ Я И ЖИЛ, НЕ ЛЮБЯ..."

(С. 144)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₄₅*. Л. 8 об.–9, "8 X"; печ. текст – *Т₉*. Л. 45, "8 X 1915" (дата – автограф); *БА* – *ИРЛИ*. Ф. 185 (арх. В.С. Миролюбова). Оп. 1. Ед. хр. 1371. Л. 8; печ. текст – *НР СУ*. Л. 96–97, "8 октября 1915" (дата – автограф).

Впервые: *БВ*. 1916. № 15300. 1 янв., утр. вып., под загл. "Очарования сна".

Публикации: *ЕЖ*. 1918. № 1. Стб. 5; *СУ*. С. 76–77, "8 октября 1915"; *Ш₃*. С. 260.

ЧА ЗК₄₅ датирован 8-м октября 1915 г.; его последний слой близок к основному тексту. В *Т₉* вклеена вырезка из *БВ* (без заглавия), где стихотворение было впервые опубликовано.

Окончательный текст – *Ежемесячный журнал*.

В. П. Веригина в "Воспоминаниях об Александре Блоке" свидетельствовала, что это стихотворение, также как и стих. "Протекли за годами года...", "За горами, лесами...", обращено к Л.Д. Блок (*Воспоминания*, 2. С. 483).

О, эти дальние руки! – Образ из стих. И. Анненского "Дальние руки" (1909):

Мои вы, о дальние руки,
Ваш сладостно-сильный зажим
Я выносил в холоде скуки,
Я счастьем оваян чужим.

Оно волновало Блока, о чем говорит его дневниковая запись от 18 июня 1912 г., включающая также и текст стихотворения И. Анненского. В приведенном четверостишии Блок выделил ст. 1, 3 и 4.

...*В сне, никогда не свободном, // Снится мне брошенный дом.* – Ср. черновой набросок к стих. "Река раскинулась. Течет, грустит лениво...": "И вечно – бой! И вечно будет сниться // Наш мирный дом".

Тема "брошенного" или оставленного "мирного дома", встречающаяся в стихах, в драме "Песня Судьбы" и в письмах Блока автобиографична, связана с Л.Д. Блок (см. *ЛН*. Т. 83. С. 163).

"ПРОТЕКЛИ ЗА ГОДАМИ ГОДА..."

(С. 145)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₄₅*. Л. 6 об., "[30 IX]"; *ЧН₂ – ЗК₄₇*. Л. 6 об., "30 IX"; *ЧА – ЗК₄₈*. Л. 71, "30 IX 1915" (над текстом), "9 VI 1916"; *БА – Т₉*. Л. 69, "30 IX 1915 (– 9 VI 1916)"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 93, "30 сентября 1915" (дата – автограф); *Кор₂ Земли*. Л. 149.

Впервые: *ЕЖ*. 1917. № 1. Стб. 5.

Публикации: *СУ*. С. 74, "30 сентября 1915"; *III₃*. С. 261.

Черновой набросок в *ЗК₄₅*, представляющий собой вариант 1-й строфы и фрагменты 2-й и 3-й строф, сделан 30 IX 1915 г. (дата зачеркнута). Нижний слой этого наброска отражает намерение Блока писать от первого лица (от "я"); затем "я" было синхронно исправлено на "он". Воспроизводя набросок в *ЗК₄₇*, Блок вернулся к этому первоначальному замыслу. Здесь же отсылочная помета: "смотри зап. кн. № 45". Дальнейшая работа над стихотворением относится к 9 июня 1916 г., когда на основе первоначального наброска был создан текст *ЧА ЗК₄₈*, верхний слой которого близок к основному. Под текстом *ЧА* помета, относящаяся также к записанному на соседнем листе стих. "За горами, лесами...": "упражнения... Как это грустно!".

В *Т₉* вторая дата заключена в скобки; таким образом, Блок выделяет дату появления первоначального наброска в *ЗК₄₅* ("30 IX 1915"), которая и фигурирует в *СУ*.

Окончательный текст – *Ежемесячный журнал*.

По свидетельству В.П. Веригиной, стихотворение относится к Л.Д. Блок (см. *Воспоминания*, 2. С. 483).

"ЗА ГОРАМИ, ЛЕСАМИ..."

(С. 145)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₄₅*. Л. 4 об.–5; *ЧН₂ – ЗК₄₇*. Л. 6 об., "X 1915"; *ЧН₃ – ЗК₄₇*. Л. 12 об.; *ЧА – ЗК₄₈*. Л. 70 об., ("X 1915), – VI 1916" (над текстом), ("9 VI 1916"); *БА – Т₉*. Л. 70 "X 1915 (– 9 VI 1916)"; печ. текст – *НР СУ*. Л. 94–95, "30 сентября 1915" (дата-автограф).

Впервые: *ЕЖ*. 1917. № 1. Стб. 5.

Публикации: *СУ*. С. 75, "30 сентября 1915"; *III*₃. С. 262.

Первоначальный набросок в *ЗК*₄₅, представляющий собой фрагменты 1-й и 2-й строф, записан в сентябре 1915 г. Фрагмент 1-й строфы переписан затем дважды в *ЗК*₄₇ (Л. 6 об и 12 об.) с указанием даты в первом случае: "X 1915"; здесь же (Л. 6 об.) – отсылочная помета: "смотри зап. кн. № 45". Последующая работа над стихотворением относится к 9 июня 1916 г., когда был создан текст *ЧА ЗК*₄₈, верхний слой которого близок к основному. Помету в *ЗК*₄₈ см выше в коммент. к стих. "Протекли за годами года...".

В *T*₉ вторая дата заключена в скобки; таким образом, Блок акцентировал (как и в стих. "Протекли за годами года...") дату появления первоначального наброска ("X 1915"), которая была уточнена в *СУ* ("30 сентября 1915"). Возможно, Блок при этом ориентировался на дату появления первоначального наброска стих. "Протекли за годами года...", который в *ЗК*₄₅ записан рядом и датирован 30-м сентября 1915 г.

Окончательный текст – *Ежемесячный журнал*.

По свидетельству В.П. Веригиной, стих. относится к Л.Д. Блок (*Воспоминания*, 2. С. 483).

КАРМЕН

Цикл "Кармен" состоит из 10 стихотворений, созданных в течение короткого периода – с 18 по 31 марта 1914 г., и лишь стихотворение, открывающее цикл, написано 4 марта (см. коммент. к стих. "Как океан меняет цвет..."). Три стихотворения имеют двойную дату, отмечающую начало работы и ее завершение: "На небе – празелень, и месяца осколок...", "Есть демон утра. Дымно-светел он..." – "24.III. – 5.IV.1914"; "Бушует снежная весна..." – "18 марта – 1 апреля".

Стихотворения "Как океан меняет цвет...", "Сердитый взор бесцветных глаз...", "Бушует снежная весна...", "Вербы – это весенняя таль...", "Ты, как отзвук забытого гимна...", "Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь..." вместе с письмами были посланы Блоком Л.А. Дельмас и автографы этих стихотворений, кроме первых двух, переданных вместе с письмом в составе Ильинской коллекции в *ГМИСПб*, хранятся в частном собрании И.А. Фашевской, племянницы Л.А. Дельмас, а *БА* стих. "О, да, любовь вольна, как птица..." – в *СПбГМТиМи*. *БА* стих. "Среди поклонников Кармен..." – надпись на книге "Собрание стихотворений", кн. 1 (М.: Мусагет, 1912), местонахождение которой неизвестно (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 64).

Первыми увидели свет второе и третье стихотворения, опубликованные в журн. "Дневники писателей" (1914. № 2) как цикл под заглавием "Из восьмистиший" с посвящением "Л.А.Д.". 11 апреля 1914 г. Блок писал А.Н. Чеботаревской: «Позвольте предложить Вам эти два стихотворения для "Дневников писателей". Прошу Вас, если есть место, напечатать их поскорее». Все другие стихотворения цикла были впервые напечатаны в журн. "Любовь к трем апельсинам" (1914. № 4/5). Стихи были отданы В.Э. Мейерхольду 13 мая 1914 г. (*ЗК*. С. 227). 19 декабря – получен номер журнала (*ЗК*. С. 249, 251). В этой публикации цикл получил свое заглавие и имел полное посвящение: "Посвящается Любви Александровне Дельмас". Под завершающим цикл стихотворением стояла общая дата: "Март 1914 года". Порядок расположения сти-

хотворений несколько отличался от их расположения в *III*₃; стихотворения имели порядковую нумерацию. Цикл, опубликованный в *ЛТА*, был переписан и подарен Блоком Л.А. Дельмас. На титульном листе – заглавие и посвящение, как в *ЛТА*, и помета Блока, указывающая на место публикации: "Любовь к трем апельсинам" (журн(ал) Докт(ора) Дапертутто) № 4–5 1914". Сейчас эти автографы хранятся в собрании И.А. Фашевской, но без стих. "О, да, любовь вольна, как птица...", подаренного Дельмас Н.П. Ильину и впоследствии переданного в *ГМИСПб* (в настоящее время находится в экспозиции Музея-квартиры А.А. Блока в С.-Петербурге).

В *III*₂ был опубликован цикл из восьми стихотворений: в него не вошли "Сердитый взор бесцветных глаз..." и "Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...", а стих. "Ты, как отзвук забытого гимна..." и "О, да, любовь вольна, как птица..." были представлены в сокращенном виде, причем последнее являлось заключительным. Вероятно, Блок намеревался ввести в состав цикла стих. "Что же ты потупилась в смущеньи...", которое должно было завершать цикл (см. запись от 28 июня 1916 г. – *ЗК*. С. 309). Этот замысел осуществлен не был. В *III*₂ цикл озаглавлен "Кармен", датирован "1914" и посвящен "Л.А.Д." (так же в *III*₃), но порядок следования стихотворений был несколько иным, чем в *III*₃.

В *III*₃ цикл приобретает свой канонический вид. Первое стихотворение здесь выделено и набрано курсивом.

1 апреля 1913 г. Блок услышал исполнение партии Кармен гастролровавшей тогда в России Марией Гай (*Дн.* 1 апр. 1913 г.); см. также: Французская опера. Мария Гай. Кармен // *Обозрение театров*. 1910. № 987. 9 февр. С. 11–12). По воспоминаниям М.А. Бекетовой, "оно ему понравилось, но особенно сильного впечатления он тогда не вынес" (*Бекетова I*₂. С. 191). Летом того же года, отдыхая на берегу Бискайского залива в Гетари (Франция), расположенном недалеко от испанской границы, Блок побывал на родине Кармен. 19(6) июня 1913 г. он пишет В. Пясту: "Два раза ездили в Испанию – в San-Sebastian и Fuenter-rabia. (...) Вокруг нас – баскский, испанский и французский говор"; это же смешение языков, а также провинция Бискайя упоминаются и в новелле П. Мериме "Кармен". В Гетари поэт увидел необыкновенной красоты молодую испанку, названную им "Perla del Océano" – "жемчужина океана". Под впечатлением ее образа был создан первый набросок стихотворения, ставшего позднее вступлением к циклу ("Как океан меняет цвет...").

Непосредственным поводом к созданию цикла послужила постановка оперы "Кармен" в театре Музыкальной драмы (премьера – 9 октября 1913 г.). Блок посмотрел спектакль осенью 1913 г. (*Бекетова I*₂. С. 192), возможно даже в октябре, так как этим месяцем датирована переработка первоначального наброска к стих. "Как океан меняет цвет...".

Режиссер постановки И.М. Лапицкий (1874–1944), последователь системы Станиславского, увидел в Кармен не "общечеловеческий" тип, а "истое дитя Испании, плоть от плоти, кровь от крови испанского народа" ("Кармен" в толковании театра "Музыкальной драмы" // *БВ*. 1913. № 13770. 25 сент., веч. вып.). Он насытил спектакль бытовыми деталями, перенес действие оперы в начало XX в., что подчеркивалось "современными костюмами" (*Бродский Ал.* Театральная жизнь Петербурга // *Маски*. 1913–14. № 2. С. 62). Особое внимание режиссер уделил литературному источнику оперы, заказав новый перевод, казавшийся современникам "откровением" «по сравнению с "оперной поэзией" печатных клавиров» (*Левик С.Ю.* Записки оперного певца. М., 1962. С. 690). "Слушатель ясно и раздельно воспринимал текст и при том отнюдь не в ущерб музыке" (*Обозрение театров*. 1913. № 2229. 11 окт. С. 13). Критика отметила огромную работу, которую проделали исполнители, "отойдя совершенно

от графарета" (*Яншин*. Петербургские письма // Театральная газета. 1913. № 4. 20 окт.).

Цикл посвящен одной из исполнительниц партии Кармен в театре Музыкальной драмы – Любови Александровне Андреевой (урожд. Тишинская, по сцене Дельмас, 1879–1969 (год рождения уточнен, см.: *ЦИИАСПб*. Ф. 361. Оп. 2. № 6692. Л. 1, 10); о ней см.: *Клинко Т.* Любовь Александровна Дельмас-Андреева // Музыка и жизнь. Вып. Л.; М., 1973. Т. С. 215–230 и вступительную статью к сообщению Ю.Е. Галаниной "Переписка Блока с Л.А. Дельмас на театральном диспуте 30 марта 1914 г." – *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 578–582). Сохранился рассказ Л.А. Дельмас о работе над образом Кармен. «В 1913 году, – вспоминает мемуаристка, – я была приглашена для роли Кармен. (...) Я только что возвратилась из Парижа, где на родине Мериме и Бизе посмотрела всех Кармен. Французские Кармен меня огорчили и разочаровали. Одной красивой позы без внутреннего огня мало для Кармен. В них не было ни загадочной таинственности, ни реализма, ни "бури цыганских страстей". Пусть смутно, но мне рисовался иной тип яростной, вольной цыганки. (...) Моя жизнь в то время была на распутье: что-то во мне бунтовало (...). Полный душевный разлад (...). Поступив в театр, который открыл для меня совершенно новые художественные традиции, я погрузилась вся в работу" (*Дельмас Л.А.* "Мой голос для тебя...". Воспоминания // *Аврора*. 1971. № 1. С. 66). В создании образа Кармен Дельмас ориентировалась на манеру исполнения цыганских романсов А.Д. Вяльцевой. В ее оперном клавире неоднократно встречается упоминание имени исполнительницы цыганских романсов и пометы типа: "Вяльцева. Скрытая страсть" (Л. 76).

В отзывах на постановку Л.А. Дельмас почти не упоминалась, это объясняется тем, что премьершей была другая исполнительница – М.С. Давыдова (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 580). Не восторженный, но тем не менее одобрительный отзыв дал критик Яншин: "С типом Кармен у нас связано представление о кокетстве, об удали, о песне, о пляске. (...) у г-жи Андреевой-Дельмас, увы, этого (...) немного, но все же она и пела, и плясала, и играла. Все это во всяком случае не было плохо" (*Яншин*. Петербургские письма. С. 4–5).

Как свидетельствует М.А. Бекетова, "сезон 1913–14 года ознаменовался" для Блока "новой встречей и увлечением (...) он увидел в роли Кармен (...) Любовь Александровну Дельмас и был сразу охвачен стихийным обаянием ее исполнения и соответствием всего ее облика с типом обольстительной и неукротимой испанской цыганки" (*Бекетова И.* С. 191–192). Так же как и тетка, мать поэта, сообщая одной из своих корреспонденток о новом увлечении сына, подчеркивает неразрывную связь в сознании Блока в то время, когда писался цикл, образа новой возлюбленной с созданным ею на сцене образом Кармен: "А Саша (...) полюбил Кармен. Он ее так и полюбил во время представления в Музыкальной драме, во время ее воплощения Кармен (...) А теперь уже и катанья, и гулянья, и цветы. И целые дни заняты ею. А она опять стихийная" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 431).

В блоквских дневниках и записных книжках зимы–весны 1914 г. прослеживается история "театрального романа", "развитие творческих сил" которого "запечатлено в Кармен" (*Волков Н.* Александр Блок и театр. М., 1926. С. 120). Сама исполнительница так вспоминала завязку этого "романа": «После двух-трех выступлений в "Кармен" я получаю письмо (14 февраля 1914 года) – чудесный конверт с печатью А.Б. и роскошный букет красных роз. Вскрываю, почему-то волнуясь, перечитываю восторженный отзыв о Кармен (...). После каждого выступления в "Кармен" – розы, письмо, стихи» (*Дельмас Л.А.* "Мой голос для тебя...". С. 67).

Весь март 1914 г. Блок погружен в атмосферу "Кармен". Он перечитывает новеллу Мериме (*ЗК*. С. 208), покупает оперное либретто (*ЗК*. С. 213), в музыкальных

магазинах ищет фотографии Дельмас в роли Кармен, посещает спектакли театра Музыкальной драмы и ожидает Дельмас у ее дома после спектаклей.

18 марта 1914 г., написав второе стихотворение, навеянное Кармен ("Бушует снежная весна..."), поэт решил создать цикл и посвятить его Дельмас. Восстанавливая в записной книжке события марта 1914 г., связанные с Любовью Александровной, Блок записал: "18 марта (...) Да, я напишу цикл стихов и буду просить принять от меня посвящение" (ЗК. С. 219). 27 марта 1914 г., посылая Дельмас несколько стихотворений из будущего цикла, поэт писал: "Если Вы позволите посвятить Вам эти новые стихи, Вы доставите мне величайшую честь. Мне жаль, что я должен просить Вас принять мое бедное посвящение, но я решаюсь просить Вас об этом только потому, что, как ни бедны мои стихи, я выражаю в них лучшее, что могу выразить". (СС-8г. С. 436 с неточной датой 22 марта; см.: Звезда. 1970. № 11. С. 192). 28 марта состоялось знакомство Дельмас и Блока, а 30 марта на театральном диспуте, организованном журналом "Любовь к трем апельсинам", Блок сообщает Дельмас о намерении опубликовать цикл с посвящением: «Я хочу печатать так: Посвящается Любви Александровне [Андреевой]-Дельмас и больше ничего без "певице" или "артистке", потому что стихи посвящаются не только певице и артистке» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 589; впервые опубл. в статье: Горелов А. Цикл "Кармен" Александра Блока // Звезда. 1969. № 11. С. 191, с ошибочным пояснением как посвящение для публикации в ЛТА).

Образ героини цикла восходит одновременно к нескольким источникам. Литературный источник – новелла П. Мериме "Кармен". В библиотеке Блока есть текст новеллы на французском языке: "Mérimée P. Carmen..." Paris, 1885 (ББО-3. С. 114), не содержащий никаких помет. Имелся также несохранившийся русский перевод (без указания выходных данных: «"Кармен" пере(вод)» – ИРЛИ. Ф. 388. Л. 101 об.). 19 февраля 1914 г. Блок записал: «Вечером (...) я у мамы с тетей. Мама читает мои стихи вслух, потом – "Кармен"» (ЗК. С. 208). Существует версия, что блоковский экземпляр "Кармен" был подарен им Дельмас (см. Емельянова В., Стюнекова А. "Ваш образ дорогой навек..." // А. Блок и современность. М., 1981. С. 281–282). В собрании И.А. Фащевской сохранилась книга: Мериме Пр. Кармен. Роман. 3-е изд. СПб.: Издание А.С. Суворина [1909], с владельческой надписью: "Любовь Дельмас" (никаких помет, свидетельствующих о принадлежности этой книги Блоку, нет) и многочисленными подчеркиваниями в тексте (ссылки в комментарии даются на это издание с указанием страницы). Другим источником является оперное либретто; оно было куплено Блоком 4 марта 1914 г. (ЗК. С. 213), но в библиотеке поэта не сохранилось. Вероятно, к этому же времени относится приобретение им книги Ю. Энгеля "Кармен. Опера Ж. Бизе. Путеводитель. М., б.г." – (ББО-3. С. 272).

И, наконец, последний и самый важный источник – сценическое воплощение этого образа Л.А. Дельмас в театре Музыкальной драмы. Сохранились три клавира оперы "Кармен", принадлежавших исполнительнице (один – в СПбГМТиМиИ, два – в собрании И.А. Фащевской). Клавір в зеленом колленкоре – Carmen. Opera en 4 Actes. Poème du M. Meilhac et L. Halévy. Musique de G. Bizet. Moscou (Дозволено цензурою. Москва 20 июня 1887 г.) содержит многочисленные надписи, вероятно, представляющие собой коррекцию текста в связи с новым переводом (Емельянова В., Стюнекова А. "Ваш образ дорогой навек...". С. 283). Именно с текстом этого клавира совпадают выделенные Блоком (курсив) стихотворные строки (далее в тексте: *Клавір*, с указанием листа).

На образ Кармен, сложившийся у Блока, оказала влияние и трактовка оперы Бизе Фр. Ницше. "Тема оперы, – считал он, – заимствует у Мериме логику страсти, ее прямой ход, ее непоколебимую необходимость. (...) И наконец – любовь, любовь настоящая. (...) любовь во всей ее фатальности, ужасе, откровенности, ярости,

дикости (...) Я не знаю, где трагический дух, который есть сущность любви, выражался бы с такой суровостью и в такой трагической форме, как в этом крике Дона Хозе, которым оканчивается опера" (*Ницше Фр.* Вагнерианский вопрос. Киев, 1899. С. 7–8; отзыв Ницше приводится в кн.: *Энгель Ю.* Кармен. С. 6).

Многоплановость главных героев цикла – «Она предстает то как земная женщина, то как актриса в образе Кармен, то как символический образ Кармен, она (...) каждый раз только партнер по "роли"» (*Сапогов В.А.* Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс, 1980. С. 95) – позволяет увидеть в отношениях героя и героини "отражение фабульной композиции оперы" (*Волков Н.* Александр Блок и театр. С. 126; *Сапогов В.А.* Сюжет в лирическом цикле. С. 95) и в то же время – отличие драматического конфликта в цикле от оперной коллизии (*Емельянова В., Стюнекова А.* "Ваш образ дорогой навек...". С. 288).

В блоковском осмыслении образ Кармен связан с широким спектром тем и мотивов его творчества: с цыганской темой (*Емельянова В., Стюнекова А.* "Ваш образ дорогой навек...". С. 286), проблемой народа и народной стихии (*Лотман Ю., Минц Э.* "Человек природы" в русской литературе XIX века и цыганская тема у Блока // *БС-1*. С. 155), с мотивами недостижимости мечты и трагической фатальности (*Сапогов В.А.* Сюжет в лирическом цикле. С. 94).

Составляя в 1920 г. пояснительную записку к "Двенадцати", поэт определил место цикла в своем творчестве (СС-8₃, С. 474).

По прочтении цикла Вас. Вас. Гиппиус писал Блоку 19 января 1915 г.: «"Кармен" была для меня новостью. Почти все стихотворения в этом цикле, по-моему, замечательно хороши, я многое уже помню и повторяю. Вы очень утешили меня – кругом жизнь такая глупая, такая невыносимо однообразная (как это ни покажется странно)" (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 216. Л. 6).

Г. Иванов в статье "Творчество и ремесло" воспринял цикл как испанскую тему в творчестве поэта. "Тайна перевоплощений, – заметил он, – открыта Блоку. (...) Вот он – испанец, влюбленный в Кармен" (*Русская воля*. 1917. № 27. 23 янв.).

"КАК ОКЕАН МЕНЯЕТ ЦВЕТ..."

(С. 149)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА₁* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1, "(лето 1913) – (окт. 1913) – март 1914" (над текстом); *ЧА₂* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1, "4 марта" (рядом с текстом); *БА – Т₈*. Л. 51, "(лето 1913) – (окт. 1913) – 4 марта 1914"; *БА – ГМИСПб*. Кп-97638/1-2. Л. 3, в письме к Л.А. Дельмас, датированном 22 марта 1914 г., посланном 26 марта вместе со стих. "Сердитый взор бесцветных глаз..."; *БА – Собр. Фащевской*. Л. [1]; *БА – НР Кармен*. Л. 1 (факсимиле: *Венгров Н.* Путь Александра Блока. М., 1963. С. 313); *Кор₁ Земли*. Л. 117; *Кор₂ Земли*. Л. 150; печ. текст – *Изборник*. Л. 364 ("Кармен") (заглавие и посвящение – автографы).

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 5, первое в цикле из восьми стихотворений под загл. "Кармен".

Публикации: *III₂* С. 203; *III₃*, С. 264.

ЧА₁ и *ЧА₂* написаны на одном листе, имеют две датировки и посвящение. На этом же листе рисунок Блока – профиль Л.А. Дельмас. *ЧА₁* представляет незаконченную первоначальную редакцию, относящуюся к лету 1913 г. и не связанную с темой "Кармен". Более поздняя по времени помета Блока в левом нижнем углу листа: "До

той молоденькой испанки мне нет уже больше никакого дела" – подтверждает тот факт, что замысел стихотворения возник летом 1913 г. во время пребывания поэта на юге Франции под впечатлением встречи с испанкой, названной Блоком "Perla del Océano" (ЗК. С. 192, 193, 194; *Письма к родным*, 2. С. 243, а также вступит. статью к циклу). Переработка первоначальной редакции датирована октябром 1913 г. (после посещения Блоком театра Музыкальной драмы). Тема "Карменситы" впервые появляется в *ЧА*₂, датированном "4 марта" и близком к основному тексту. Именно к этому времени относится начало увлечения Блока Дельмас-Кармен (ЗК. С. 211–213).

В *Т*₈ сохранены тройная дата и посвящение.

Во всех публикациях открывало цикл "Кармен".

В *ЛТА* и *III*₂ в ст. 8 слово "Карменситы" дано в разрядку, курсивом стихотворение впервые выделено в *III*₃.

В письмах к Л.А. Дельмас 14 февраля и 2 марта 1914 г. Блок говорит о впечатлении, произведенном на него исполнительницей главной партии, а также созданным ею образом. 4 марта (день завершения работы над стихотворением) поэт купил в музыкальном магазине на Морской либретто оперы (см.: ЗК. С. 213). 27 марта 1914 г. он передал через швейцара письмо для Дельмас, написанное 22 марта, приложив к нему стих. "Как океан меняет цвет..." и "Сердитый взор бесцветных глаз...".

Проанализировано в кн.: *Эткинд Е.* Материя стиха. Париж, 1978. С. 39–43.

Как океан меняет цвет... – Ср. с начальной строкой стих. Ф.И. Тютчева "Как океан объемлет шар земной..." (1830).

...*Перед явленьем Карменситы.* – Карменсита – уменьшительно-ласкательная форма имени Кармен. В новелле Мериме героиня названа этим именем при первом своем появлении: "Слыхали вы про Карменситу? Это я" (С. 27). Ср. появление героини в 1 акте (Явл. V) оперы: "Вот она! Вот идет Карменсита" (*Клавир*. С. 35).

"НА НЕБЕ – ПРАЗЕЛЕНЬ, И МЕСЯЦА ОСКОЛОК..."

(С. 151)

Автографы: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 1, "24.III"; *БА* – *Т*₈. Л. 63 об., "24.III. – 5.IV.1914"; *БА* (экземпляр под копировальную бумагу) – *ИРЛИ*, Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 5. Л. 2; *Кор*₁ *Земли*. Л. 117; *Кор*₂ *Земли*. С. 151.

Впервые: *Дневники писателей*. 1914. № 2. С. 3, второе в цикле "Из восьмистиший".

Публикации: *III*₂. С. 204; *III*₃. С. 265.

В *ЧА* *ИРЛИ* имеется первоначальный набросок, датированный "24.III", близкий ко второй строфе основного текста. Позже приписаны первая строфа в окончательной редакции и вариант второй строфы. В архиве Ф. Сологуба, издававшего совместно с Ан. Чеботаревской журнал "Дневники писателей", хранится *БА* *ИРЛИ*, который вместе с *БА* *ИРЛИ* стих. "Есть демон утра. Дымно-светел он..." послужил наборной рукописью для публикации в журнале. Тексты были написаны под копировальную бумагу, каждое имело посвящение "Л.А.Д.". Чернилами вписано заглавие и представлена нумерация.

В *III*₂ и *III*₃ печаталось вторым в разделе "Кармен".

В записной книжке Блока 25 марта 1914 г. помечено: "Стихи ей" (ЗК. С. 218). Кроме этого стихотворения 24 марта написано стих. "Есть демон утра. Дымно-светел он...".

На небе – празелень... – Празелень (устар.) – иссиня-зеленоватый цвет. Эта часть строки в точности совпадает со строкой из стих. Ю.П. Анисимова "Сура", опубликованного в его сб. "Обитель" (М., 1913), который молодой поэт послал Блоку в конце апреля 1913 г. с просьбой дать на него отзыв.

...и весна, и лед последний колок... – В 1-й строфе, написанной позже 2-й (см. выше), отразились впечатления от прогулок с Дельмас. Ср. запись Блока от 2 апреля: "Солнце, мы ходили три часа, пахнет ветром на ледоходной реке" (ЗК. С. 221).

...В последнем этаже, там, под высокой крышей, // Окно... – 22 марта 1914 г. Блок после представления "Парсифаля" ждал Дельмас возле ее дома. В записной книжке он отметил: "Идут двое, а зади них – одна. Подходя к подъезду, я вижу, что она хочет обогнать переднюю пару и пройти скорее. (...) Швейцар бежит поднимать лифт. Через минуту на мгновение загорается, потом гаснет первое окно – самое верхнее и самое крайнее (5 этаж). Я стою у стены дураком, смотря вверх" (ЗК. С. 220). 25 марта, вернувшись вновь после "Парсифаля", поэт записал: "Ночью свет за ее шторой" (ЗК. С. 218). По воспоминаниям Дельмас, дом на Офицерской (где в то время жила) "был угловой, и квартира высоко, на четвертом этаже" (Юность. 1969. № 10. С. 95).

"ЕСТЬ ДЕМОН УТРА. ДЫМНО-СВЕТЕЛ ОН..."

(С. 151)

Автографы: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1–2, "24.III" (над текстом); *БА* – *Т₈*. Л. 64, "24.III. – 5.IV.1914"; *БА* (экземпляр под копировальную бумагу) – *ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 5. Л. 1; *Кор₁ Земли*. Л. 117; *Кор₂ Земли*. Л. 151.

Впервые: Дневники писателей. 1914. № 2. С. 3, первое в цикле "Из восьмистиший". Публикации: *III₂*. С. 205; *III₃*. С. 265.

Текст *ЧА ИРЛИ* в результате правки приближен к основному. Даты в *ЧА* и *Т₈* совпадают с датами стих. "На небе – празелень, и месяца осколок...". О *БА ИРЛИ* см. коммент. к предыдущему стихотворению.

В *III₂* и *III₃* печаталось третьим в разделе "Кармен".

О создании стихотворения см. выше, в коммент. к стих. "На небе – празелень, и месяца осколок...".

Проанализировано Н. Волковым (Александр Блок и театр. М., 1926. С. 122) и И.Т. Круком ("Сокрытый двигатель его...". Киев, 1980. С. 92–100) в связи с проблемой демонизма в творчестве Блока.

Есть демон утра. – О "демоне сегодняшнего утра" и демоническом мировоззрении см. в коммент. к стих. "Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...".

Но как ночью тьмой сквозит лазурь ~ И голос – рокотом забытых бурь. – Ср. с первой строфой стих. Вл. Соловьева:

О, как в тебе лазури чистой много
И черных, черных туч!
Как ясно над тобой сияет отблеск Бога,
Как злой огонь в тебе томителен и жгуч

(1880)

(См.: *Слонимский А.* Блок и Вл. Соловьев // *Об А. Блоке*. С. 273), а также строки из стих. Вл. Соловьева "Июньская ночь на Сайме" (1896): "И сквозь розы небес что-то сдержанно-бурное // Уловил я во взоре твоём".

"БУШУЕТ СНЕЖНАЯ ВЕСНА..."

(С. 151)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 1, "18 марта" (над текстом), "1 апреля"; *БА – Т₈*. Л. 63, "18 марта – (1 апреля)"; *БА – Собр. Фашцевской*, в письме Блока к Л.А. Дельмас, посланном 2 апреля (датируется по содержанию); *БА₂ – Собр. Фашцевской*. Л. [2]; *БА – НР Кармен*. Л. 2; *Кор₁ Земли*. Л. 117–118; *Кор₂ Земли*. Л. 151 об.

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 6, второе в цикле "Кармен".

Публикации: *III₂*. С. 208, шестое в разд. "Кармен"; *III₃*. С. 266.

18 марта были написаны ст. 1–8 *ЧА ИРЛИ*. Далее следовал карандашный набросок (позднее зачеркнутый) строк, вошедших в стих. "О, да, любовь вольна, как птица...", написанное 28 марта.

[Твоих духов]
И на ночь я с руки не смою
Твоих духов, Кармен.

1 апреля были дописаны последние четыре стиха. Карандашом записан первоначальный вар. ст. 5 и осуществлена правка в ст. 4.

В *БА Т₈* была двойная датировка, позднее вторая дата взята в скобки.

Сцена гадания по руке Цуниги, отсутствовавшая в либретто, была введена в постановку оперы в театре Музыкальной драмы. "Очень остроумный трюк, – говорится в одном из отзывов, – придуман в первом действии, в песенке Кармен, перед тем, как ее ведут в тюрьму. Она гадает Цуниге по руке и поглядывает на Хозе" (*Яншин*. Петербургские письма // Театральная газета. 1913. № 4. 20 окт.). Обращаясь к Дельмас с просьбой сфотографироваться в роли Кармен, Блок указал и эту сцену: "Кармен, гадающая по руке Цуниги ("...жизнью заплатишь ты...", взгляд на Хозе)" (*СС-8₈*. С. 435).

В арии Кармен, исполнявшейся в этой сцене ("Любовь сильна, любовь могуча, пред ней никто не устоит!" (Акт 1. Явл. XI; *Клавир*. С. 91, реминисценция из арии введена Блоком в стихотворение), звучит мотив роковой неотвратимости любви, невозможности "устоять" перед страстью, ср. в стихотворении: "И я забыл все дни, все ночи, // и сердце захлестнула кровь, // Смывая память об отчизне..."

Бушует снежная весна... – О снежной весне 1914 г. имеются многочисленные пометы в записной книжке Блока.

О, страшный час... – Посылая стихотворение Дельмас, поэт сопроводил его запиской: "Да страшно – потому что когда такие тревоги просыпаются, их уже нельзя усыпить". Горите, горите тревогой, гордость моя" (*Звезда*. 1970. № 11. С. 194).

...И я забыл все дни, все ночи... – Ср. слова Хозе в новелле Мериме: "Я забыл и приказ и все" (С. 48; указано в статье: *Эткинд Е.* "Кармен" Александра Блока. Лирическая поэма как антироман // *Alexander Blok. Centennial Conference. Columbus*, 1984. P. 11).

...Смывая память об отчизне... – Об образе отчизны см. коммент. к стих. "Сердитый взор бесцветных глаз..."

...Ценою жизни // Ты мне заплатишь за любовь! – Ср. в арии Кармен (Акт 1, Явл. XI): "По твоему пути судьба любви проходит! // Ценою жизни за нее заплатишь ты" (*Клавир*. С. 91).

"СРЕДИ ПОКЛОННИКОВ КАРМЕН..."

(С. 151)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 1, 2, 3; *БА – Т₈*. Л. 57, "26 марта"; *БА – Собр. Фащевской*. Л. [3]; *БА – НР Кармен*. Л. 3; *Кор₁ Земли*. Л. 118; *Кор₂ Земли*. Л. 152.

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 7, третья в цикле "Кармен".

Публикации: *Ш₂*. С. 207; *Ш₃*. С. 267.

ЧА ИРЛИ состоит из набросков (л. 1, 2) (приведены Р.В. Ивановым-Разумником без первоначальных вариантов: *Иванов-Разумник* Л. 310–311) и текста стихотворения, в результате правки приближенного к основному. В *Т₈* после даты помета в скобках: "надпись на книге". 26 марта Блоком было послано Л.А. Дельмас трехтомное "Собрание стихотворений" (М.: Мусагет, 1911–1912) (*ЗК*. С. 218) с автографом стихотворения на 1-м томе (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 64). В настоящее время местонахождение автографа неизвестно.

26 марта 1914 г. Блок пришел в театр Музыкальной драмы, надеясь, вероятно, быть представленным Дельмас (см. запись от 22 марта: *ЗК*. С. 219–220 и отправленное на следующий день письмо к ней от 27 марта), но увидел исполнительницу партии Кармен в окружении "поклонников". В тот же день написано стихотворение и послано Дельмас в виде дарственной надписи на первом томе "Собрания стихотворений" (М.: Мусагет. 1911). В стихотворении описана обстановка 2 акта оперы "Кармен". Действие происходит в таверне Лиллас-Пастья, где собираются цыганки, офицеры и контрабандисты, исполняются цыганская песня и цыганская пляска. Кармен, "сидя в стороне", наблюдает за ними. Цыгане играют на гитаре, бьют в тамбурины. Критика назвала этот акт "самым ярким моментом постановки" в театре Музыкальной драмы: "танцы и атмосфера кабачка (...) опьяняли зрителя, он заражался этой вакхической пляской" (*Обозрение театров*. 1913. № 2229. 11 окт. С. 13).

Среди поклонников Кармен, // Спешищих пестрою толпою... – Ср. в арии Кармен (Акт 1. Явл. X): "Юноши вслед за мной толпой" (*Клавир*. С. 83, текст рукой Дельмас). 26 марта Блок отметил в записной книжке: "Ужасный вечер. Она приходит в первом антракте "Богемы". С ней – легион" (*ЗК*. С. 220).

Лиллас-Пастья – В опере "Кармен" хозяин таверны.

...Когда же бубен зазвучит... – Ср. с цыганской песней, исполнявшейся во 2 акте (Явл. 1): "Эй, бубен, громче ты звени // Гремите струны под руками" (*Клавир*. С. 97).

"СЕРДИТЫЙ ВЗОР БЕСЦВЕТНЫХ ГЛАЗ..."

(С. 152)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 1–5; *БА – Т₈*. Л. 56–56 об., "25 марта. Благовещение 1914 года"; *БА – ГМИСПб*. Кп – 97638/1–2. Л. 3 об.–5, в письме к Л.А. Дельмас, датированном 22 марта 1914 г., посланном 26 марта вместе со стих. "Как океан меняет цвет..."; *БА – Собр. Фащевской*. Л. [4], [5]; *БА – НР Кармен*. Л. 4, 5; *Кор₁ Земли*. Л. 118–119; *Кор₂ Земли*. Л. 152 об.–153.

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 8–9, четвертое в цикле "Кармен".

Публикации: *Ш₃*. С. 268–269.

В *ЧА ИРЛИ* после ст. 8 следуют ст. 13–16, 25–28, 9–12, 17–24, начиная со ст. 29 расположение стихов совпадает с основным текстом. Работа над *ЧА*, по-видимому,

проходила в несколько этапов. 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 7-я строфы записаны чернилами, 5-я, 6-я – карандашом и далее 8-я и 9-я снова чернилами; правка в ст. 23 чернилами. На полях римскими цифрами обозначен порядок строф, соответствующий основному тексту. После ст. 4, 28, 12, 33 – зачеркнутые наброски. Правка приближает текст к основному.

В первой публикации печаталось со строфическим делением между ст. 24 и 25, ст. 38 не был строфически выделен. В *III*₂ не входило.

2 марта в театре Музыкальной драмы партию Кармен пела М.С. Давыдова, но неожиданно для себя в партере поэт увидел Дельмас. «"Кармен" – какая-то Давыдова, которой я почти не слышал. В креслах была она. Я потерял голову», – записал он в этот день (ЗК. С. 210). В отправленном в тот же день письме к Дельмас поэт говорит об этой встрече: "Когда я увидел Вас без грима и совершенно не похожей на ту, на Вашу Кармен, я потерял голову больше, чем когда я видел Вас на сцене". События этого вечера, отразившиеся в стихотворении, поэт еще раз более детально воспроизвел в записной книжке 5 марта: «2 марта. Я страшно тороплюсь в "Кармен". На афише Давыдова, но я тороплюсь, весь день – тревога. (...) Вхожу, когда уже началось, увертюра пропущена, уже солдаты на сцене, Хозе еще нет. (...) Я жду Кармен (Хозе – тот же, Микаэла – та же). (...) Выходит какая-то коротконогая и рабская подражательница Андреевой-Дельмас. Нет Кармен. Антракт. Я спрашиваю у пожилой барышни (...) правого прохода, будет ли еще Андреева-Дельмас. – "Нет, она больше не служит. Да она здесь в театре, сейчас со мной говорила". Я курю и ишу среди лиц. Нет. Я спрашиваю у пожилой барышни: "Вы мне покажете Андрееву-Дельмас?" Она мило идет, показывает в партер и говорит: "Вот сейчас смотрит сюда, рыженькая, некрасивая". Я иду ближайшим проходом. Встречаю суровый взгляд недовольных, усталых, заплывших глаз. Прохожу на свое место (далеко). Не сядитесь. Я перехожу назад, в темноте, близко от нее, сажусь. Начинаются танцы, сегидилья. (...) Чуткость скоро дает себя знать. Она оглядывается все чаще. Я страшно волнуюсь. Антракт. Я прохожу мимо. (...) Антракт кончается, я сажусь. (...) Она проскальзывает тихо и садится на свое место. Все чаще смотрит в мою сторону. Я вне себя, почти ничего не слушаю. Иногда явственно овал ее лица в темноте обращен ко мне. Перед занавесом, еще в темноте, я прохожу мимо. Она бросает взгляд, быстро отворачивается, когда я прохожу к выходу, – и точно ждала, что я подойду. В антракте я вижу опять издали, что она стоит с кем-то у входа за кулисы. (...) Свет гасят, вступление к 4-му акту, я жду. Уже толпа, уже тореадор. Ее нет. Я решаю ждать Хозе. Вот и Хозе, ее нет, на сцене бездарно подражая ей, томится Давыдова. Я ухожу. (...) Выхожу – мокрая метель» (ЗК. С. 211–212). Для этой записи характерно параллельное воспроизведение событий, происходящих на сцене и в стихотворении (см. коммент. к стих. "Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...").

Позже, в письме к Дельмас от 20 июня 1914 г. Блок вспоминает события того вечера: «Вслед за бурей музыки – Вы в партере, бледная, и несомненно недаром, по воле судьбы, неукрасившаяся, усталая, недоверчивая ("Сердитый взор...") и непостижимо прекрасная; или Вы думаете, что я когда-нибудь забуду, как меня било в тот вечер, как что-то стучало мне в сердце и требовало отворить? И билетная барышня, и полячишко-служитель, и мокрый снег, и чужой дворник – все сразу меня выбило из того прозябания, которому я предавался давно; и наступило новое; и меня бросило тогда – в "бурю музыки"».

Сердитый взор бесцветных глаз. – См. приведенные выше запись от 5 марта и письмо от 20 июля 1914 г.

Так я Вас встретил в первый раз. – 2 марта Блок "в первый раз" увидел Дельмас не на сцене, а "в жизни".

Нагрудник черный близко, близко... – О "рабочем репетиционном платье с черным нагрудником" Блок упоминает в письме к Дельмас от 11 марта 1914 г.

(Так на людей из-за ограды // Угрюмо взглядывают львы). – В новелле Мериме рассказчик, описывая глаза Кармен, говорит: "Глаз цыгана – глаз волка, это испанская пословица, указывающая на хорошую наблюдательность. Если у вас нет времени сходить в зоологический сад, чтобы изучить взгляд волка, посмотрите на вашу кошку, когда она постерегает воробья" (С. 21).

А там, под круглой лампой... – Круглая лампа в таверне Лиллас-Пастья – деталь декорации во 2 акте.

Сегидилья – Испанский танец-песня.

Эскамилло – Действующее лицо оперы, тореадор. Появляется на сцене во 2 акте со знаменитыми куплетами тореадора.

...Не Вы возьметесь за тесьму, // Чтобы убавить свет ненужный... – Во 2 акте оперы, когда в таверну Лиллас-Пастья входил Цунига, Кармен, вскочив на стул, прикручивала фитиль, и сцена затемнялась (см. *Волков С., Редько Р.* Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени // Блок и музыка. М.; Л., 1972., С. 104).

...Как память об иной отчизне... – Мотив воспоминания лирическим героем "иной отчизны" разрабатывался Блоком в стихотворном наброске, датированном июлем 1909 г. ("Или проснись в другой отчизне. (...) И памятью об этой жизни // Вздохну когда-нибудь во сне?"), позднее в переработанном виде вошедшем в стих. "Всё это было, было, было..." и "Слабеет жизни гул упорный...". Образ "отчизны дальней" встречается в особенно полюбившемся Блоку в исполнении Дельмас романсе А.П. Бородина на слова Пушкина "Для берегов отчизны дальней..." (1888) (*Бекетова I*. С. 204; *Дельмас Л.А.* "Мой голос для тебя...". С. 67). Ср. также в стих. Вл. Соловьева "Близко, далеко, не здесь и не там..." (1875–1876): "Мне, оглушенному в мире чужом, (...) Вдруг прозвучало в приветие твоём // Слово отчизны моей".

...Уйдем, уйдем от жизни, // Уйдем от этой грустной жизни! // Кричит погибший человек... – В арии Дона Хозе в 4 акте (Явл. III) есть такие слова: "уйдем, уйдем от этой грустной жизни, уйдем скорей, спаси себя, себя спаси с тобой и я спасусь" (*Клавир*. С. 292, текст рукой Дельмас).

И март наносит мокрый снег. – Мокрый снег упоминается в процитированных выше записи от 5 марта и письме от 20 июня 1914 г.

"ВЕРБЫ – ЭТО ВЕСЕННЯЯ ТАЛЬ..."

(С. 153)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1–2 ("Вербное Воскресенье"), "30 марта"; *БА – Т8*. Л. 61 об. ("Вербное Воскресенье"), "30 марта 1914"; *БА₁ – Собр. Фащевской*, при письме Блока к Л.А. Дельмас от 30 марта 1914 г. ("Вербное Воскресенье"); *БА₂ – Собр. Фащевской*. Л. [9]; *БА – НР Кармен*. Л. 4–5; *Кор₁ Земли*. Л. 119; *Кор₂ Земли*. Л. 153 об.

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 12, шестое в цикле "Кармен".

Публикации: *III₂*. С. 206, четвертое в разд. "Кармен"; *III₃*. С. 270.

В *ЧА ИРЛИ* 1-я строфа расположена после 2-й. Первоначально они состояли из шести стихов. В *БА Т₈* порядок строф и их количественный состав соответствует основному тексту.

На 30 марта (дата создания стихотворения) в 1914 г. приходилось Вербное воскресенье. В тот день поэт получил от исполнительницы роли Кармен розы, ячменные колосья, вербу и красное письмо (*ЗК*. С. 221). Вечером того же дня на диспуте "О театре", устроенном редакцией журнала "Любовь к трем апельсинам" в зале Тенишевского училища, Дельмас в записке спросила поэта: "А как Вам нравится такое сочетание: Розы, вербы, рожь. Это послано с целью". На что Блок ответил: "С какой? Почему рожь?" (*ГМИСПб*. Фонд А.А. Блока, опубл.: Простор. 1970. № 3. С. 98–99; комментарий к записке см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 589). В дарственной надписи на своей книге "Театр" (М.: Мусагет, 1916) Блок напомнил Дельмас о поднесенном ему в Вербное воскресенье подарке: "Любови Александровне Дельмас на память о вербах, розах и ячменных колосьях 1914 г." (опубл.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 65, ср. также запись от 21 мая 1917 г.: *ЗК*. С. 339–340).

В коммент. к стих. "На весеннем пути в теремок..." Блок писал: «Слово "таль" – старое, русское. Оно встречается еще в XVIII веке у Болотова» (т. 2 наст. изд.). *Таль* (устар., обл.) – таяние снега, оттепель.

"ТЫ, КАК ОТЗВУК ЗАБЫТОГО ГИМНА..."

(С. 153)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1–3, "28.III" (над текстом); *БА – Т₈*. Л. 58 об. – 59; "28 марта 1914"; *БА₁ – Собр. Фащевской*, в письме Блока к Л.А. Дельмас (не датировано); *БА₂ – Собр. Фащевской*, Л. [6]; *БА – НР Кармен*. Л. 6, 7; *Кор₁ Земли*. Л. 120; *Кор₂ Земли*. Л. 154–154 об.

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 10–11, пятое в цикле "Кармен".

Публикации: *III₂*. С. 209, седьмое в разд. "Кармен"; *III₃*. С. 271–272.

В *ЧА ИРЛИ* представлен текст стихотворения с многочисленными вариантами и правкой, приближающей его к основному. На л. 3 наброски, вероятно, относящиеся к другому стихотворению. В *Хр. ук.* дано по первой строке: "Ты, как отзвук небесного гимна...". Такой вариант ст. 1 нигде не встречается. В *III₂* вошло без последних двух строф, но в *III₃* вновь напечатано в полном объеме, как и в первой публикации.

По свидетельству Дельмас, написано вместе со стих. "О, да, любовь вольна, как птица..." в ночь после состоявшегося 28 марта 1914 г. знакомства Блока с нею (*Шилов* Л. Кармен. По страницам блоковских дневников и писем. // Юность. 1969. № 10. С. 94).

По образному строю близко к поэме "Соловьинный сад" (1915), которую поэт подарил Дельмас с надписью "Той, которая поет в "Соловьинном саду" (опубл.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 65). Сон лирического героя, в котором он видит Кармен, и сон Кармен о родимом крае мог восходить как к лермонтовскому переложению стих. Г. Гейне "На севере диком стоит одиноко...", 1841 (см.: *Турков* А. Александр Блок. М., 1969. С. 246), так и к стих. "Сон" ("В полдневный жар в долине Дагестана...", 1841).

...И твоя одичалая прелесть... – Ср. у Мериме: "То была странная и дикая красота" (С. 21).

...*Даль морскую и берег счастливый...* – Возможно, здесь отразились личные впечатления от знакомства Блока с Испанией летом 1913 г. "Даль" и "берег" – распространенные в поэзии Блока образы-символы, см. коммент к стих. "Незнакомка" (1906) и к поэме "Ее прибытие" (1904) (т. 2 наст. изд.).

...*И любимый, родимый свой край, (...)* *Неподвижно-блаженный, как рай.* – В новелле Мериме рассказчик, пытаясь угадать, откуда родом Кармен, называет "страну Иисуса, в двух шагах от рая" (метафорическое обозначение Андалузии) (С. 19).

"О, ДА, ЛЮБОВЬ ВОЛЬНА, КАК ПТИЦА..."

(С. 154)

Автографы: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 1–2; *БА – Т₈*. Л. 57 об. – 58, "28 марта 1914"; *БА – СПбГМТумИ*. Кп 10320 ОРУ 9469. Л. [1–2]; *БА – ГМИСПб*. Кп 97627. Л. 1–1 об.; *БА – НР Кармен*. Л. 9, 10; *Кор₁ Земли*. Л. 120–121; *Кор₂ Земли*. Л. 155–155 об.

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 13–14, седьмое в цикле "Кармен".

Публикации: *Ш₂*. С. 210, заключительное в разд. "Кармен"; *Ш₃*. С. 273–274.

В *ЧА ИРЛИ* начало имело иной порядок строф: 2-я, 3-я, 1-я. Правка приближает текст к основному. В *ЧА* стих. "Бушует снежная весна..." – набросок стихов, впоследствии вошедших в данное стихотворение (ст. 15–16):

[Твоих духов]
И на ночь я с руки не смою
Твоих духов, Кармен.

В *Ш₂* публиковалось без третьей и шестой строф. Курсивом ст. 1 впервые выделен в *Ш₃*.

О создании стихотворения см. выше, в коммент. к стих. "Ты, как отзвук забытого гимна...". Л.А. Дельмас поразил "настоящий жесткий ритм испанской песни", переданный стихотворением. Восходит к тексту знаменитой хабанеры в опере "Кармен": "У любви, как у пташки крылья..." (об исполнении Дельмас хабанеры см.: *Клинко Т.* Любовь Александровна Андреева-Дельмас // *Музыка и жизнь*. Л., 1973. Вып. 2. С. 224–225). Но если в хабанере звучит мотив переменчивости любви и любовной измены, то в стихотворении, напротив, развивается тема верности. Заново переведенный текст хабанеры был написан Дельмас в ее рабочем клавире. Сохранился автограф хабанеры (*ГМИСПб*. Фонд А.А. Блока. КП-97630. Л. 1–2), совпадающий с текстом в рабочем клавире, первый лист – рукой Блока, два других рукой Дельмас.

"Раз в спектакле, – вспоминала исполнительница роли Кармен, – я запела первую строку этих стихов, за что и досталось мне от переводчика" (*Дельмас Л.А.* "Мой голос для тебя...". С. 68).

О, да, любовь вольна, как птица... – Ср. в хабанере: "Да, любовь вольна, как птица" (*Клавир*. С. 38, текст рукой Дельмас).

Да, всё равно, – я твой! – Ср. в хабанере: "Да, если я хочу любить, хочу любить тебя, тогда напрасно ты бежишь, все равно будешь мой" (*Клавир*. С. 40, текст рукой Дельмас).

Как иерей, свершу я требу // За твой огонь – звездам! – Иерей – священнослужитель; треба – богослужебный обряд (крестины, венчанье, панихида), совершаемый по просьбе самих верующих. Перекликается с двумя эпизодами из новеллы

Мериме: Хозе перед тем как убить Кармен, просит отшельника отслужить службу за нее, позже перед своей казнью он просит об этом же рассказчика.

Да, я томлюсь надеждой сладкой, // Что ты, в чужой стране, // Что ты, когда-нибудь, украдкой // Помыслишь обо мне... – Ср. посвящение к поэме Пушкина "Руслан и Людмила" (1820):

Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой,
На песни грешные мои.

Образ "чужой страны" соотносится с образом "иной отчизны", см. коммент. к стих. "Сердитый взор бесцветных глаз...".

"НЕТ, НИКОГДА МОЕЙ, И ТЫ НИЧЬЕЙ НЕ БУДЕШЬ..."

(С. 155)

Автографы: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1–3, "31 марта" (над текстом) (факсимиле последней строфы опубл.: Александр Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. Л., 1936. С. 258); *БА* – *Т₈*. Л. 62–62 об., "31 марта 1914. ночь."; *БА₁* – *Собр. Фащевской*, при письме Блока к Л.А. Дельмас, датированном 31 марта – 1 апреля 1914 г. (дата под текстом стихотворения: "31 марта – ночью"); *БА₂* – *Собр. Фащевской*. Л. [7, 8]; *БА* – *НР Кармен*. Л. 11, 12; *Кор₁ Земли*. Л. 121; *Кор₂ Земли*. Л. 156–156 об.

Впервые: *ЛТА*. 1914. № 4/5. С. 15–16.

Публикации: *III₃*. С. 275–276.

Правка в *ЧА ИРЛИ* приближает текст к основному. После текста стихотворения – набросок стиха, зачеркнутый Блоком. В *Т₈* правка в ст. 8 и незначительная пунктуационная правка простым карандашом, "Здесь" и "Там" подчеркнуты, в ст. 20 слово "Кармен" графически не выделено.

Этим стихотворением завершается цикл "Кармен". В *III₂* не входило.

31 марта Блок отметил в записной книжке: "Важные стихи". В тот же день стихотворение было послано Дельмас с запиской: "Вам этого никто про Вас не говорил, и Вы этого ни про себя, ни про меня не узнаете и не поймете, верно, но это так, клянусь Вам и в этом. Ваше и мое ужасное вдохновение "Демон" сегодняшнего утра мне еще это подтвердил. Подумайте обо мне сегодня" (Звезда. 1970. № 11. С. 193). На следующий день 1 апреля Блок записал: «Демоническое "мировоззрение"» (*ЗК*, 221).

Проанализировано в статье О.П. Ермаковой «Опыт лингвистического толкования стихотворения Блока "Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь..."» (в кн.: Образное слово А. Блока. М., 1980. С. 122–131).

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь. – Начальная строка восходит к финальному диалогу Кармен и Хозе в новелле Мериме, ср.: "– В последний раз, – закричал я, – хочешь ты остаться со мной?! – Нет! нет! нет! – сказала она, ударяя ногой" (С. 71).

Так вот что так влекло... – Ср. в письме к Дельмас от 20 июня 1914 г.: «Что влечет меня к Вам, куда влечет нас? Это больше моего понимания. (...) И этот медленный рост музыки опять новой ("Так вот что так влекло"...). И наконец ясно обозначилось то, что теперь все чаще стоит передо мной, которое страшно серьезное – во

весь рост. (...) Старинная женственность (...) Земля, природа, чистота, жизнь, правдивое лицо жизни. (...) Возможность счастья, что ли? Словом, что-то забытое людьми, и не мною одним, но всеми христианами, которые превыше всего ставят крестную муку. Такое же простое, чего нельзя объяснить и разложить. Вот Ваша сила в этой простоте».

...я – твой поклонник... – Письмо к Дельмас 12 марта 1914 г. Блок подписал "Ваш поклонник". 26 марта он, обращаясь к Дельмас, писал: "я, будучи поклонником Вашего таланта (...)". Позже в дарственной надписи на книге "Двенадцать" поэт еще раз повторил: "Любови Александровне Дельмас от ее неизменного поклонника" (опубл.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 66).

Здесь ~ Там... – О романтическом "двомирии" в раннем творчестве Блока ("здесь" и "там") см. коммент. к стих. "Сны раздумий небывалых" (см. т. 1 наст. изд.). С первых дней посещения оперы "Кармен" и увлечения исполнительницей заглавной партии Блока не покидало чувство, что все происходящее с ним, совершается как бы в двух планах: "здесь" и "там". В первом же письме к Дельмас 14 февраля 1914 г. он писал: «...я покупаю Ваши карточки, совершенно непохожие на Вас, как гимназист и больше ничего, все остальное как-то давно уже совершается в "других планах"» На противопоставлении "там" (на сцене, где разворачивается действие оперы "Кармен") и "здесь" (в зале, где поэт увидел сидящую в креслах Дельмас) построено стих. "Сердитый взор бесцветных глаз...". Ср. "здесь" и "там" в одном из последних диалогов Кармен и Хозе в новелле Мериме: "...поклонись мне в одном: ты последуешь за мной в Америку и там будешь вести себя смиренно. – Нет, – сказала она сердитым тоном, я не хочу ехать в Америку. Мне и здесь хорошо. – (...) Переменим жизнь, Кармен, – сказал я ей умоляющим тоном. Давай жить где-нибудь там, где нас никто не разлучит" (курсив наш. – *Ред.*) (С. 67–68).

Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале! – и след. Имеется в виду встреча Блока и Дельмас 2 марта 1914 г., которой посвящено стих. "Сердитый взор бесцветных глаз...".

Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо... и след. – Ср. образ кометы в стих. Пушкина "Портрет" (1828):

И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как незаконная комета
В кругу расчисленных светил

(указано в статье: *Альтман М.С.* Пушкинские реминисценции у Блока // *Philologica. Л.*, 1973. С. 350), а также в близком по метрико-строфической форме стих. Ап. Григорьева "Комета" (1843):

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой...

Мелодией одной звучат печаль и радость... – Ср. в драме Блока "Роза и Крест" (1912) в песне Гаэтана: "Радость – Странанье одно...", см. также процитированное выше письмо к Дельмас от 20 июня 1914 г.

Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен. Дельмас, вспоминая о своей работе над ролью, писала: "Блуждаю в потемках. Как выявить все то, что у меня накапливается, растет, поет во мне... (...) Полный душевный разлад (...) Необъяснимое состояние,

какая-то неизъяснимая безнадежность пути. Позднее выяснилось, что нечто сходное переживал и Блок. Впоследствии он уверял меня, что, находясь "о край неизвестных дорог", мы – подобные друг другу – друг друга и искали..." (*Дельмас Л.Д.* "Мой голос для тебя..." С. 67).

СОЛОВЬИНЫЙ САД

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 1–9, "6 янв(аря) 1914" (Л. 4, над текстом); *ЧА – Там же*. Л. 10–27, "11 августа 1914" (Л. 13), "14.X.1915" (Л. 27); *БАП – Там же*. Л. 28–43, "6 янв(аря) 1914 – 14 окт(ября) 1915" (Л. 43); печ. текст – *Тр.* Л. 38–45 (вырезка из *РС*), "(6 января 1914 –) 14 октября 1915" (дата – автограф (чернилами), скобки – карандашом); печ. текст – *Изборник*. Л. 381–385, ["1914–1915"] (вырезка из газ. "Воля народа"); *Кор₂ Земли*. Л. 157–161 об.

Впервые: *РС*. 1915. № 296, 25 дек. (Рождественский выпуск).

Публикации: Народная (Воля народа). 1917. № 1. < 26 > нояб. (Литературное приложение); *Блок А.* Соловьиный сад. Пб., 1918, 26 с.; "Стихи 1918". М. – Одесса, [1919]. С. 11–32; *III*. С. 277–286; *Блок А.* Соловьиный сад. Поэма. Тифлис, 1921. 8 с.

Печатается с исправлением в ст. 45: "И в призывном круженье и пеньи" вместо "И в призывном круженье и пенье" – по *БАП ИРЛИ*, отд. изд. 1918.

Черновые рукописи позволяют реконструировать несколько этапов работы Блока над поэмой. Первоначальные черновые наброски имеют два слоя: запись чернилами, датированная 6 января 1914 г., и запись карандашом (исправленный вариант первого слоя записи и продолжающие ее наброски). Листы Блок пронумеровал синим карандашом. Второй слой записи разделен на две главки (в основном соответствующие 1-й, 2-й и частично 3-й главам основного текста), завершающиеся прозаическим планом дальнейшего развития темы. Судя по карандашной приписке к карандашным исправлениям: "в Шахматове (в 1914). К черту!" (Л. 5 об.), – этот слой автографа относится к лету 1914 г. (Блок жил в Шахматове с 9 июня до 19 июля). В последних строках набросков происходит переход от первого лица, от которого велся стихотворный рассказ, к третьему лицу.

От предварительных набросков отделен собственно черновой автограф поэмы на 18 листах, пронумерованных Блоком (1–18; л. 10–27 архивной нумерации); начало автографа записано черными чернилами, продолжение и правка – фиолетовыми чернилами; кроме того, автограф содержит правку карандашом и цветными карандашами (синим и красным); стихотворный рассказ ведется здесь от третьего лица. Первоначальный слой записи (черными чернилами) гл. I и II в этом автографе датирован 11 августа 1914 г.; текст имеет соответствия со строфами 1-й – 3-й главок основной редакции поэмы. Первоначальный текст гл. III в черновом автографе представлен в виде многочисленных набросков с многослойной одновременной правкой и различными вариантами одних и тех же строф; тексты, относящиеся к гл. III чернового автографа, имеют соответствия с 3-й – 5-й главками основной редакции поэмы. Аналогичным образом наброски, составляющие первоначальный текст гл. IV чернового автографа, соотносятся с гл. 6–7 основной редакции. Первоначальный слой текста этих двух черновых глав, записанный черными чернилами, зафиксирован, по всей вероятности, летом 1914 г.; последующая правка (фиолетовыми чернилами) проведена, видимо, в 1915 г.

Переработка первоначального текста гл. III–IV в 3–7 главы черного текста, соотносимые с основной редакцией поэмы, происходила, по всей вероятности, осенью 1915 г.; при этом новый текст записан поверх прежнего черного слоя (впережку фиолетовыми и черными чернилами, а также карандашом). В окончательном слое черновой редакции последних главок поэмы Блок возвращается к повествованию от первого лица. На последнем листе черного автографа – дата окончания работы Блока над этим текстом: "14.X.1915" (Л. 27).

Беловой автограф поэмы содержит ряд исправлений, приближающих текст к основному. Стихи пронумерованы Блоком на полях: 1, 5, 10, 20, 25 и т.д. – до: 145.

Во всех прижизненных публикациях, кроме III₃, 3-я строфа 4-й главы поэмы (ст. 77–80) печаталась в редакции, предложенной А.А. Кублицкой-Пиоттух (в *T₉* – карандашная помета Блока на полях, относящаяся к этой строфе: "переделать все-таки еще раз (мамина редакция)"). Блок намечал также изменить ст. 123 и ст. 127–128; в *T₉* – карандашные записи слева на полях: у ст. 123 ("Я вступаю на берег пустынный") – "При(хожу?)"; "Выхожу я"; у ст. 127–128 ("Нет, я помню камней очертанье, // Тощий куст и скалу над водой...") – "знакомых"; "скала".

Черновые рукописи поэмы впервые были охарактеризованы (и в извлечениях опубликованы) в кн.: *Медведев П.* Драммы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания. Л., 1928. С. 165–175.

Рассмотрению двух редакций 3-й строфы 4-й главы поэмы (ст. 77–80) была посвящена статья поэта и критика Иннокентия Оксенова "К истории блоковского текста" (Записки Передвижного театра. 1923. № 66. 4 декабря. С. 4–5). Переработку строфы Оксенов объясняет стремлением Блока к большей конкретизации и смысловой ясности образа, связанным «с общим уклоном блоковского творчества последнего периода к наибольшему "реализму", в связи с отхождением поэта от канонов символической поэтики», однако окончательный вариант текста строфы признает неудачным, поскольку в нем допускается неблагозвучное столкновение однородных звуковых комплексов ("объятия те", "Громче, чем в (...) нищей мечте"): смысловое преимущество "сводится на нет ущербом, понесенным звуковой и ритмической стороной стихов. В нашем восприятии пропадают все достоинства образные и смысловые и на первый план вырывается диссонансирующая фонетика".

По всей вероятности, первоначальный замысел "Соловьиного сада" ограничивался идеей создания сравнительно небольшого произведения – во всяком случае, не поэмы (ср. блоковскую запись в первоначальных черновых набросках: «Сделать бы из этого "рассказ в стихах..."» – С. 475). Запись Блока от 10 августа 1914 г.: "Поэмка" (ЗК. С. 236), – подразумевающая работу над "Соловьиным садом", включает в себя и элемент авторской характеристики жанра создаваемого произведения: "поэмка" – в отличие от "поэмы" (то есть от "Возмездия"), к работе над которой Блок вернулся также в августе 1914 г. (см. запись от 24 августа – ЗК. С. 237). При этом не исключено, что "Соловьиный сад" в тематическом отношении первоначально осмыслялся автором как некая аналогия "Возмездью" (*Долгополов Л.К.* Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. М.; Л., 1964. С. 129–130).

14 октября 1915 г. Блок записал: «Кончен черне "Соловьиный сад"»; «на следующий день: "Бахвалился поэмой (Любе и маме, – нравится)" (ЗК. С. 268). Высокой оценке "Соловьиного сада" в ряду своих произведений Блок остался верен и впоследствии. Так, в письме к нему от 3 февраля 1919 г. поэт и литератор П.Н. Зайцев сообщил: «Я пишу (не очень большое) исследование о "Соловьином саде", который я и со мной многие считают изумительным по музыкальности Вашим созданием. Исследование, главным образом, формальное: ритм, образы и лишь в части затра-

гивает содержание (...) Так вот мне для справки нужно было знать, в каком году эта поэма Вами написана» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 559. Публикация Р.Д. Тименчика). Блок отвечал 6 февраля 1919 г.: "Рад, что Вы так относитесь к Соловьиному саду, я его до сих пор люблю, хотя он дописан в 1915 году (а начат в 1914)" ("Исследование" П.Н. Зайцева до печати, видимо, не было доведено). В то же время отношение Блока к своей поэме не оставалось однозначным. Е.Ф. Книпович, много общавшаяся с ним в 1919–1920 гг., свидетельствует: «Подозрительной казалась ему и "музыка" "Соловьиного сада" – "На этом круженье и пенье бог знает куда заехать можно"» (*Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 52*).

Важные свидетельства, позволяющие судить об авторском понимании художественного и философско-этического смысла "Соловьиного сада", содержат рукописные воспоминания Е.А. Фашевской, сестры Л.А. Дельмас, приводимые А.Е. Гореловым: «...Блок (...) спросил, как я поняла его поэму. Мой ответ был незатейлив, я сказала, что больше очарована красотой пенья соловья, чем глубокой мыслью этой поэмы. Александр Александрович молча слушал меня, потом задумчиво сказал: "Я сам был очарован пеньем в звенящем саду, я думал в этих песнях заглушить свою грусть и тревожные мысли о судьбе людской". А затем он начал говорить о большом чувстве долга, которое должно быть присуще каждому человеку, как бы ни сложилась его жизнь и как бы ему ни было трудно и скучно в ней. Человек всегда должен помнить об угнетенных, обиженных, несущих непосильный труд, слабых и бедных. Каждый должен идти избранной им дорогой, посильно неся людям свой вклад добра. Нужно воспитывать волю и мужество, чтобы в лучшую пору своей жизни не оставаться спокойным и безразличным к людским тревогам. Нужно стремиться к борьбе, к новой, красивой жизни. В связи с поэмой "Соловьиный сад" он как бы прочел мне лекцию о цели, к которой мне надо стремиться, чтобы плодотворно пройти свой жизненный путь и принести людям радость» (*Горелов Анат. Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд., доп. Л., 1973. С. 593–594*).

30 ноября 1915 г. Блок писал в ответ на несохранившуюся телеграмму редактора "Русского слова" Ф.И. Благова (в которой содержалось предложение дать материал для рождественского номера этой московской газеты): «Лучшее, что у меня есть сейчас, – небольшая поэма "Соловьиный сад"; я работал над ней почти два года, но ее надо еще отделать в мелочах и переписать. Если Вас не смутит то, что поэма совсем не касается злобы дня, что размер ее – 148 стихов (разделенные на семь глав) и что я хотел бы получить за нее 300 рублей, – то позвольте предложить ее Вам для рождественского номера "Русского слова"». Рукопись поэмы была отправлена в редакцию газеты 4 декабря (*ЭК*. С. 279).

Факт напечатания "Соловьиного сада" «в самой распространенной в России газете "Русское слово"» писатель Л.В. Никулин расценивает как "своеобразное признание всероссийской главы поэта" (*Воспоминания*, 2. С. 389). Однако первая публикация поэмы прошла фактически незамеченной: содержательных откликов на нее, печатных или рукописных, не зарегистрировано. Осталась без внимания и повторная публикация поэмы в воскресном недатированном литературном приложении к газете "Воля народа", вышедшем в свет, видимо, 26 ноября 1917 г. (в макет "Изборника" Блок ввел текст поэмы, воспроизведенный в этой газете; см.: *Блок А.А. Изборник / Изд. подготовили К.М. Азадовский и Н.В. Котрелев. М., 1989: С. 158–163, 278*). Эту публикацию организовал без ведома автора М.М. Пришвин, который, высылая Блоку экземпляр "литературного приложения", сообщал в сопроводительном письме от 29 ноября 1917 г.: «Я получил Ваши стихи от Ремизова, который взял на себя ответственность – что Вы не обидитесь за "без спроса"» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 336). Блок отвечал Пришвину 2 декабря: "Я совсем не сержусь, наоборот, очень рад, что эта

поэма опять напечатана; публика новая, и читать будет (если будет) заново". Ко времени выхода в свет "Соловьиного сада" отдельным изданием, как свидетельствует М.А. Бекетова, "поэма настолько забылась, что даже критик Львов-Рогачевский принял ее за новое произведение Блока" (*Бекетова 1*. С. 262; об отзыве В. Львова-Рогачевского см. ниже).

Отдельное издание "Соловьиного сада" состоялось в результате знакомства с С.М. Алянским, замышлявшим собственное издательское предприятие (первый визит Алянским к Блоку – 14 июня 1918 г.; см.: *ЗК*. С. 412). Алянский вспоминает, что Блок, разузнав о его издательских проектах, предложил: «Есть у меня мало кому известная поэма "Соловьиный сад". Она была напечатана только в газете и не вошла в собрание стихотворений. Эта поэма у меня свободна. Может быть, ее можно и стоит издать маленькой книжечкой. Я приготовил ее для вас. Возьмите, почитайте и, если она понравится вам, попробуйте ее издать для начала». «Блок, – продолжает Алянский, – передал мне несколько листиков бумаги, на которых аккуратно были наклеены вырезанные из газеты столбцы набора поэмы "Соловьиный сад"» (*Воспоминания*, 2. С. 267). Пересказываемый Алянским разговор состоялся 2 июля 1918 г. (Блок записал в этот день: «Алянский. "Соловьиный сад"» – *ЗК*. С. 415); следующая встреча поэта с издателем, в ходе которой обсуждались конкретные обстоятельства печатания поэмы, произошла 7 июля (ср. запись Блока в этот день: «Утром Алянский (по поводу "Соловьиного сада")» (*Там же*)).

"Соловьиный сад" стал первой книгой основанного С.М. Алянским издательства "Алконост", к деятельности которого Блок затем имел самое ближайшее отношение (подробнее об обстоятельствах печатания "Соловьиного сада" см. в воспоминаниях Алянского: *Воспоминания*, 2. С. 267–270; см. также: *Белов С.В.* Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л., 1979. С. 14–19; *Он же*. Блок и первые послереволюционные издательства // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 715–725). Уже 11 июля Алянский принес Блоку корректуру "Соловьиного сада" (*ЗК*. С. 416), а к 19 июля 1918 г. тираж поэмы был отпечатан (в этот день Блок записал: «Алянский (принес 50 экземпляров "Соловьиного сада")» – *ЗК*. С. 417). 24 июля Блок отметил: «Уже 500 экземпляров "Соловьиного сада" продано» (*ЗК*. С. 418). В конце июля – начале августа 1918 г. он дарит авторские экземпляры поэмы близким и знакомым (см. записи от 30 июля, 2 августа – *ЗК*. С. 418, 419; *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 146). При жизни Блока поэма перепечатывалась дважды без наблюдения автора – в сборнике "Стихи 1918" (М.; Одесса, [1919]) и отдельным изданием в Тифлисе в 1921 г. (с множеством ошибок и опечаток); последнее издание Блоку осталось неизвестным (см.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 192). С чтением поэмы Блок выступал 3 октября 1919 г. в Студии "Всемирной литературы"; в хроникальной заметке "Вечер А. Ремизова и А. Блока" сообщалось, что «Блок прочел пленительный "Соловьиный сад"» (*Жизнь искусства*. 1919. 11–12 октября; подпись: Ник. О. [Н.А. Оцуп?]). Ср. запись Блока от 3 октября 1919 г. – *ЗК*. С. 477).

Отзывы на "алконостовское" издание "Соловьиного сада" были сравнительно многочисленны. При этом поэма, прямо или косвенно, осмыслялась и рассматривалась в сопоставлении с появившейся несколькими месяцами ранее поэмой "Двенадцать", вызвавшей широчайший резонанс и находившейся в центре критической полемики. Многими критиками "Соловьиный сад" воспринимался как новое произведение Блока, созданное после "Двенадцати", и даже как антитеза "Двенадцати". Следы подобной трактовки налицо уже в первом по времени анонимном информационном отклике на "Соловьиный сад", напечатанном в газетной рубрике "Книжная полка": «Новое издательство "Алконост" (...) дебютировало выпуском в виде ми-

ниатюрной книжечки новой поэмы Александра Блока "Соловьиный сад". Это – первое поэтическое признание Блока после знаменитого "красногвардейски-христианского" цикла "Двенадцать", перепечатанного во всех лево-эсеровских газетах и журналах (...) Содержание поэмы символическое. Поэт водит по пыльной дороге осла, которого почтительно именуется товарищем; но влечет его в сад, за изгородь, где поют соловьи и где ждет таинственная возлюбленная. Словом, в ненадежном поводыре призыв музыки грозит осилить гражданский долг. Однако, это горькое сознание не умаляет певучей грации мастерского стиха» (Новая газета. 1918. № 56. 30 июля). Сходная характеристика поэмы была дана в другой газетной заметке под той же рубрикой "Книжная полка": "В этой книжечке помещено всего семь стихотворений, объединенных одной мыслью. В этих стихах поэт уходит от овладевших им в последнее время тем в соловьиный сад чистой поэзии и слагает прежние гимны, которые так высоко ценят любители истинной нетленной поэзии" (Утренние новости. 1918. № 9. 20 авг.). Вырезку с текстом этой заметки Блок вклеил в записную книжку (см.: ЗК. С. 586).

В большинстве критических откликов "Соловьиный сад" расценивался как новое и очень значительное творческое достижение Блока, отмечались глубокий лиризм, музыкальность, оригинальность и совершенство образов и сюжета. "Было бы бесполезно пытаться передать содержание этого произведения, – утверждал, например, один из рецензентов, – так как при этом нарушилось бы настроение, которым проникнуто это произведение, и разрушились бы образы, которыми говорит автор. Рисуемые автором картинки действительности подернуты сонной дымкой, и эта действительность, полная знойной истомы, сливается со сном, с сонным видением. В выдержанности тона, в незаметных переходах от действительности ко сну и к видению и обратно к действительности сказывается рука мастера" (*Бытописец*. В читальне // Мир. 1918. № 6. 9 авг.). Ср. отзыв критика Д.И. Выгодского о 3-й книге "Стихотворений" Блока: «...целый ряд новых стихов, не бывших в прошлых изданиях, в частности, поэма "Соловьиный сад", заставляет еще раз вспомнить о том, какого поэта мы потеряли в Блоке» (*Выгодский Д. О новых стихах* // Петербург. 1921. № 1. Дек. С. 30). Поэт и прозаик Олег Леонидов [О.Л. Шиманский], оценивая поэму чрезвычайно высоко ("Эта пленительная поэма Блока дышит истинной поэзией, в ней – истинное вдохновение, в ней взмахи крыльев, в ней дыханье подлинного творческого огня") и рассматривая ее опять же на фоне "Двенадцати", подчеркивал, что "Соловьиный сад" представляет собой "дань не политике, не сегодняшнему дню, а вечному аполитичному искусству": «Эта маленькая книжечка (...) ярче всяких полемических статей говорит о том, что, каковы бы ни были политические уклоны поэта, раз он остается прежним истинным художником, он выше подозрений, выше мелкой человеческой ненависти, выше злопыхательства врагов и недавних друзей. "Соловьиный сад" – весь напевный, точно звучащий дивной музыкой из каждого стиха, заставляет забыть о Блоке – политическом деятеле, о Блоке, авторе "Двенадцати", и снова влечет к нему объятые были сомнениями и страхом, ненавистью и злобой читательское сердце» (*Леонидов О. Соловьиный сад* // Свободный час. 1918. № 6. Сент. С. 15). Аналогичным образом – как возврат от переходящих злободневных сюжетов к прежним "вечным" лирическим темам – расценил поэму и Ю.И. Айхенвальд: «Соловьи всегда правы. Когда бы они ни пели, в какую бы грозную годину ни осуществлялось их искусство, оно все равно сохраняет свою благословенную силу. Человеческая соловьиность, это – лирика. Она может быть и патетической, бурной, гневной; но больше всего ей свойственны нежные трели. Недавно они послышались, напевной волною полились из "Соловьиного сада" Александра Блока, и это вернуло нашего лирика в его родную стихию, из которой его увлекли, было, грубые "Двенадцать" и самозванные, мнимые, искусственные "Скифы". Политика инородным телом своим нарушает хаотичность блоковских мелодий, и они хороши только в своей пер-

воначальной чистоте. Блок – только лирик. К счастью, это очень много» (*Айхенвальд Ю.* Лирик нашего времени // Театральный курьер. 1918. № 11. 29 сент.). В то же время черты сходства поэмы с произведениями Блока, созданными до "Двенадцати", вызывали не только сочувственную и восторженную оценку; так, В.Г. Шершеневич сдержанно охарактеризовал "Соловьиный сад" как "цикл стихов, проникнутых очень хорошим лиризмом, но по существу являющихся несомненным переживанием блоковских мелодий" (*Шершеневич В.* Путеводитель по поэзии 1918 года // Огни (Воронеж). 1919. № 2. 3 марта).

В большинстве отзывов на "алконостовское" издание поэмы, расценивавших ее как новый шаг Блока после "Двенадцати" и "Скифов", основное внимание уделялось разительным отличиям "Соловьиного сада" от этих революционных произведений, главная же идейная коллизия поэмы и особенности трактовки в ней темы символического двоемирия чаще всего оставались за рамками оценки и анализа. Этой проблематики коснулся в своей полемической рецензии прозаик и критик Н.Н. Русов, также воспринимавший поэму как новейшее произведение Блока ("О чем поет соловей, когда пылает вокруг революция?"). "Соловьиный сад", по его мнению, – это "неудачный роман между искусством и трудом", и выбор, совершаемый в финале лирическим героем поэмы, не способен разрешить затронутых в ней извечных противоречий: "Уединение и наружная бездеятельность – необходимые условия для истинного мыслителя и для истинного поэта"; "Прав Толстой, который проклинает культуру, но прав и Блок, очарованный белым платьем в соловьином саду" (*Русов Н.Н.* Революция и соловей // Мир. 1918. № 39. 19 сент.). С другой стороны, В. Львов-Рогачевский, также принимая "Соловьиный сад" за произведение, написанное в 1918 г., усматривал в его сюжете недвусмысленное проявление той общественной позиции, которую занял Блок после революции, и с этой точки зрения расценивал поэму как вершинное творческое достижение ее автора: «В этом 1918 г. Александр Блок резко и неоднократно подчеркивает самую тесную связь поэта с эпохой. В особенности ярко, в изумительной поэтической форме, с редкой красотой и прежней нежностью "не от мира сего" пропел об этом Блок в своем лучшем произведении: "Соловьиный сад". Это была его последняя лебединая, вернее не лебединая, а соловьиная песня, и в ней поэт-пророк отрекался от соловьиного сада с его красивым уютом"; "В этой поэме говорится не только о связи с эпохой, сообщающей тревогу песне, но и о связи с трудовым народом, с его "варварской" песней, говорится о верности стихии, которая должна быть навеки нерушимой! {...} Глубина, значительность мыслей, дидактизм поэмы не помешали ее красоте, ибо мысль поэмы проникнута пережитым, личным, пропитана захватывающим лиризмом. Поэт-пророк раскрывает в этой поэме глубокий смысл своего поэтического подвига» (*Львов-Рогачевский В.* Поэт-пророк. Памяти А.А. Блока. М., 1921. С. 24, 26–27). В позднейших интерпретациях "Соловьиный сад", разумеется, уже не рассматривался в контексте пореволюционного творчества Блока, однако общая концепция поэмы, предложенная Львовым-Рогачевским, получила признание и дальнейшее развитие: многие исследователи блоковской поэзии едины в истолковании "Соловьиного сада" как этапного произведения на пути "от объективно-индивидуалистической мечтательности к прочной связи с реальным миром, жизнью и действительностью" (*Ременник Г.* Поэмы Александра Блока. М., 1959. С. 114).

В ряду позднейших критических интерпретаций заслуживает упоминания статья известного поэта русской эмиграции Валерия Перелешина "Соловьиный сад А. Блока" (Грани. 1968. № 68). В предложенной им трактовке "соловьиный сад" – символ "сверхчувственного мира", из которого "обновленный дух возвращается в свой дольний плен" (С. 135); в целом произведение Блока осмысливается как "поэма об экстазе" – «о том, как человеческий дух торжествует над косными силами притяженья и

возносится в миры иные, где ему бывает дано слышать "глаголы неизреченные"» (С. 133).

Среди поэтов-современников "Соловьиный сад" получил неоднозначную оценку. С.М. Городецкий в "Воспоминаниях об Александре Блоке" (1922) отметил, что "Соловьиный сад" "был бы значительнейшей его вещью, если б ирония в ней была доведена до конца" (*Воспоминания*, 2. С. 341). С.К. Маковский относил поэму к творческим неудачам Блока (*Маковский С. На Парнасе "Серебряного века"*. Мюнхен, 1962. С. 167). В то же время К.Д. Бальмонт в мемуарном очерке "Три встречи с Блоком" (1923) упомянул, что он «глубоко (...) восхищался когда-то "Соловьиным Садам", поэмой, каких немного даже в Русской Поэзии, хоть Русская Поэзия последних десятилетий самая богатая и звучная из всех поэтических творчеств на Земле» (Лит. обозрение. 1980. № 11. С. 110; публикация А. Парниса). Любопытна позднейшая (7 января 1948 г.) дневниковая запись М.М. Пришвина о "Соловьином саде": "Осел привез поэта в Соловьиный сад, и он там заскучал по своему ослу. Смысл этой поэмы тот, что каждый поэт мечтает освободиться от своего осла, и когда попадает в боги – скучает о своем осле. И такова вся жизнь поэта, как альпиниста: хочется уйти от осла, но осел везет продовольствие" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 334).

Как и другие произведения Блока, "Соловьиный сад" имеет автобиографические проекции. В основе пейзажных мотивов поэмы лежат впечатления Блока от пребывания во Франции на берегу океана – летом 1911 г. в Бретани (Аберврак) и летом 1913 г. на берегу Бискайского залива в южной Франции (Гетари). Ср. описания пейзажа Аберврака в письмах Л.Д. Блок к Блоку (конец июля – начало июля н.ст. 1911 г.), приехавшей туда раньше его: "Море есть и оно говорит, здесь я его вижу и слышу. Надо подняться за нашу гостиницу на холм, тогда открывается полгоризонта моря, сначала скалы и островки, потом открытое море"; "Во время отлива обнажаются камни и дно, и по ним можно пойти, как по дороге, до самых последних скал, и у самых ног будут разбиваться волны, а перед глазами только синий, синий океан" (*ЛН*. Т. 89. С. 269–270). Во многом сходные впечатления Блок вынес от пребывания в Гетари. "Здесь все так грандиозно, как только может быть, – писал он матери 9 июля (н. ст.) 1913 г. из Гетари. – В Бретани мы были около бухты, хотя и большой, а здесь – открытый океан (...) все пропитано запахом цветов (...). Берег похож на бретонский, такие же скалы (...)". М.А. Бекетова сообщает, что и в других образах и коллизиях "Соловьиного сада" также отразились жизненные впечатления Блока, восходившие к летнему отдыху в южной Франции: "В Гетари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы. Блоки часто проходили мимо нее и видели на скалистом берегу рабочего с киркой и ослом" (*Бекетова I*₂. С. 200–201).

Образ героини "Соловьиного сада" связывался для Блока с Л.А. Дельмас; отношения с нею представляли жизненный фон в период создания поэмы, хотя и не обнаруживали каких-либо конкретных аналогий с ее сюжетом (подробнее о Л.А. Дельмас см. в коммент. к разделу "Кармен"). Наблюдаются, однако, черты сходства между поэтической образностью "Соловьиного сада" и тональностью жизненных отношений, отчасти отразившихся в переписке Блока с Дельмас (см.: *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. С. 406–407, 573–574); мотив пения, являющийся характерным атрибутом героини поэмы, дополнительно подчеркивает параллель с Дельмас – певицей театра Музыкальной драмы. О том, что Блок соотносил образ героини "Соловьиного сада" с Дельмас, свидетельствует его дарительная надпись на "алконостовском" издании поэмы: "Л.А.Д. Той, которая поет в соловьином саду. А.Б. 8 августа 1918 г. Петербург" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 13, 65; см. также: *Дельмас Л.А.* "Мой голос для тебя..." Воспоминания // *Аврора*. 1971. № 1. С. 68; *Максимов П.* С. 140); ср. фразу в письме Блока к Дельмас от 14 июля 1914 г.: "Господь с Вами, червонное золото и соловьиное сердце".

Истоки образности "Соловьиного сада" в значительной мере восходят к более раннему творчеству Блока. Мотив соловьиного пения встречается уже в его юношеских стихотворениях (1898) "Пора забыться полным счастья сном...", "Пусть рассвет глядит нам в очи..." (см. т. 4 наст. изд.) – мотив, навеянный ближайшим образом поэзией Я.П. Полонского и А.А. Фета. Элементы образной структуры "Соловьиного сада" обнаруживаются в стих. "Я буду факел мой блюсти..." (1902; см. т. 1 наст. изд.), "В сыром ночном тумане..." (1912); о возможной связи замысла "Соловьиного сада" с этим стихотворением (см.: *Турков А.* Александр Блок. М., 1969. С. 248), отдельные образные аналогии – в циклах "Через двенадцать лет" (1909–1910) и "Кармен" (1914; см. в особенности стих. "Ты – как отзвук забытого гимна..."). Явственны в поэме также реминисценции из статьи Блока "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906; предварительный набросок этого сюжета: "Девушка розовой двери (из Германии)" (1903) – *ЗК*. С. 48–50), в которой описывается тенистый сад, скрытый за "серой каменной стеной" (*СС-8₅*. С. 85–89) – символ "западного", романтического мира; образ сада в поэме и статье ("гармонические линии, нежные тона, томные розы") обрисован сходными штрихами и несет во многом сходную идейно-тематическую нагрузку (та же коллизия – в предварительном наброске: сад отделен от внешнего мира "калиткой, схваченной розами со всех сторон"; за его пределами, по "ту сторону стены" – "чужая", "открытая жизнь", "ветер" – *ЗК*. С. 48, 49). Прослежены также черты внутреннего сходства поэмы со стихотворением Блока "Я вырезал посох из дуба..." (1903, первоначальная редакция); см.: *Паперный Э.С.* Биография стихотворения. Записные книжки Александра Блока // Генезис художественного произведения. Материалы советско-французского коллоквиума. М., 1986. С. 166–168.

Помимо автореминисценций, в "Соловьином саду" отчетливо сказываются литературные и мифопоэтические традиции. Смысловую основу поэмы составляет древнейший мифологический мотив утраченного рая; кроме того, в поэме варьируется на новый лад мифопоэтический сюжет о волшебных чертогах, в которые проникает герой и где он наслаждается любовью и забывает о прежней жизни. См.: *Максимов Д.Е., Приходько И.С.* Сюжет поэмы А. Блока "Соловьиный сад" и его истоки (К проблеме мифотворчества поэта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 6. С. 510–516; *Лавров А.В.* "Соловьиный сад" А. Блока. Литературные реминисценции и параллели // *БС-9*. С. 71–89; *Приходько И.С.* Мифопоэтика А. Блока (Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам). Владимир, 1994. С. 76–102. С этим сюжетом Блок был знаком, в частности, по "Одиссее" Гомера в переводе В.А. Жуковского; 10-я песнь поэмы содержит конкретные аналогии с "Соловьиным садом": Одиссей, оказавшийся на острове, попадает к волшебнице Кирке (Цирцею), обитающей в роскошном дворце; он покоряет Цирцею и счастливо живет с нею; пребывание в чертогах связано с забвением прежней жизни (волшебница дает спутникам Одиссея волшебный напиток, "чтоб память у них об отчизне пропала" – ст. 235–236); проведя у Цирцеи год, Одиссей покидает ее и отплывает с острова. Связь поэмы Блока с этим мифологическим сюжетом подчеркивается и совпадением конкретных мотивов – мотива искусственного, прекрасного пения, мотива чародейного питья Цирцеи (ср. в 4-й главке "Соловьиного сада": "Опьяненный вином золотистым (...) Я забыл о пути каменистом"). См. также выполненный Блоком в 1905 г. перевод стихотворения французского поэта Себастьяна-Шарля Леконта "Цирцея" (*СС-8₂*. С. 359–360). Сюжет "Соловьиного сада" обнаруживает аналогии и с историей страсти христианского рыцаря Ринальдо и сарацинской волшебницы Армиды в поэме Торквато Тассо "Освобожденный Иерусалим" (1580); русский перевод этой поэмы сохранился в библиотеке Блока (см.: *ББО-2*. С. 302), кроме того, история Ринальдо и Армиды могла быть известна ему по другим произведениям поэзии, живописи,

театрального искусства (балет Н.Н. Черепнина "Павильон Армиды", поставленный М.М. Фокиным в 1907–1908 гг. в Мариинском театре). Чародейка Армида погружает в сон рыцаря Ринальдо и переносит его в волшебный замок, где он в ее объятиях забывает о своем предназначении. В поэме Тассо воспевается сад Армиды, полный роскоши, красот, благодати, прохлады и оглашаемый пением птиц (Песнь 16-я. Строфы IX–XVII). Пробужденный от томных грез соратниками-христианами, Ринальдо размыкает "волшебный круг", оставляет любящую его Армиду и возвращается к исполнению рыцарского долга. В отличие от Армиды, героиня "Соловьиного сада" не наделена демоническими чертами, но в остальном образно-сюжетная схема поэмы Блока не противоречит той, которая была использована Тассо (в свою очередь опиравшегося на литературно-мифологическую традицию). Образ сада, связанный с мотивом любовного томления, мог восходить у Блока и к другим западноевропейским источникам – в частности, к произведениям средневековой литературы, с которыми он знакомился в 1912 г., работая над драмой "Роза и Крест": так, в тексте изучавшегося им тогда провансальского рыцарского романа "Фламенка" (XIII в.) Блок отчеркнул на полях фрагмент, в котором влюбленный рыцарь слушает в загородном саду соловьиное пение (см.: *Жирмунский В.* Драма Александра Блока "Роза и Крест". Литературные источники. Л., 1964. С. 42). Явные точки пересечения имеет поэма и со знаменитым аллегорическим "Романом о Розе" (XIII в.), // известном Блоку в русском пересказе (Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой. В трех томах. СПб., 1896. Т. 1. С. 213–246; в экземпляре, принадлежавшем Блоку, текст "Романа о Розе" имеет его многочисленные пометы, см.: *ББО-1*. С. 282–283); в текстах поэмы и пересказа "Романа о Розе" имеется множество совпадений – вплоть до отдельных штрихов. См.: *Максимов Д.Е., Приходько И.С.* Сюжет поэмы А. Блока "Соловьиный сад" и его истоки. С. 513–514; *Приходько И.С.* Мифопоэтика А. Блока. С. 80–82.

Мифопоэтическую природу имеют в "Соловьином саду" и реминисценции из музыкальной драмы Р. Вагнера "Парсифаль" (1882), обнаруживающие и биографические аллюзии: Л.А. Дельмас участвовала в постановке "Парсифаля" в театре Музыкальной драмы – исполняла партию одной из нимф в "саду Клингзора" (см. ее фотографию в этой роли: *Юность*. 1969. № 10. С. 96). В произведении Вагнера соблазнительница Кундри завлекает героев Монсальвата, рыцарей-монахов, призванных к свершению христианского подвига, в волшебный замок чародея Клингзора, окруженный цветущим садом; Парсифаль отвергает соблазны сада и любовь Кундри. Подробнее об образно-тематических перекличках между "Парсифалем" и поэмой Блока см.: *Соловьев Б.* Поэт и его подвиг. Творческий путь Александра Блока. 4-е изд. М., 1980. С. 586–589; *Бураго С.Б.* Блок и Вагнер // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 6. С. 523–529.

Установлена также интересная аналогия между "Соловьиным садом" и сюжетом древней японской легенды о рыбаке Урасима, известной в России с 1890-х годов в нескольких переводах и пересказах (*Дербенев Г.И.* Антиномия борьбы и покоя в поэзии А. Блока // *Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции*. Омск, 1984. С. 90–93). Молодой рыбак попадает в подводное царство, где предается любви с красавицей в чудесном саду; когда он возвращается на землю, то обнаруживает, что незаметно протекли долгие годы и о нем самом забыли. Параллели с "Соловьиным садом" особенно наглядны в рукописных вариантах финала поэмы (в одном из набросков "старуха" спрашивает героя: "Отчего твои волосы седы"; в другом "новый рабочий с киркою" говорит ему: "Был другой здесь когда-то, // Да уж он, говорят, утонул"), однако вопрос о "японских" аллюзиях в поэме остается открытым, поскольку неизвестно, был ли знаком Блоку сюжет этого сказания.

Образ осла в поэме – воплощающий смирение, усердие, кротость, терпение, а не те качества, которые ему обычно приписываются (глупость, упрямство, невежество), – выполняет не только служебную сюжетную функцию хозяйственного животного, но и вбирает другие подтексты, восходящие к сакральному, в том числе к библейско-евангельскому кругу представлений (у древних евреев осел – символ мира и спасения, народами древности осел почитался как божество солнечного зноя и производительных сил; см.: *Фрейдберг О.М.* Въезд в Иерусалим на осле (Из евангельской мифологии) // *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 491–531). Вероятно, в сознании Блока образ осла был связан также с эротическим мотивом – в амбивалентном отношении со- и противопоставления. Д.Е. Максимов, ссылаясь на беседу с Л.А. Дельмас (1946 г.), сообщает, что «Блок, читая ей "Соловьиный сад" и отождествляя себя с героем поэмы, шутливо спросил, не обидится ли она, что он ушел от нее к ослу» (*Максимов И. С.* 140). В этой связи сюжетная коллизия "Соловьиного сада" могла вызывать ассоциации с романом Апулея "Метаморфозы" ("Золотой осел", II в.), в котором герой за грехи превращен в осла и в этом обличье оказывается объектом страсти женщины, а также с комедией-феерией Шекспира "Сон в летнюю ночь" (1596), где обыгрывается аналогичная ситуация: заколдованный ткач Основа наделен ослиной головой, в него под воздействием чар влюбляется царица фей и эльфов Титания. Этот сюжет был актуализирован в начале XX в. в комической пьесе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал "Певучий осел", представлявшей собой вариацию на темы "Сна в летнюю ночь" и, безусловно, известной Блоку: первое действие пьесы было опубликовано в альманахе "Цветник Ор. Кошница первая" (СПб., 1907), действия 2–4 сохранились в рукописи (РГБ. Ф. 109. Карт. 41. Ед. хр. 19–23; в полном объеме этот "сатирический маскарад в четырех ночах" опубликован Н. Богомоловым, см.: *Театр.* 1993. № 5. С. 159–191). В названных сюжетах герой скрыт в образе осла; в поэме Блока осел – своеобразный двойник героя, его второе "я", и в этом отношении возможна еще одна ассоциация, связанная с образом св. Франциска Ассизского. Франциск «свое собственное тело (...) добродушно и насмешливо называл "братом ослом" и укорял часто за леность и непослушание» (*Дурылин С.Н.* Св. Франциск Ассизский и "Цветочки" // *Цветочки святого Франциска Ассизского.* М., 1913. С. XXI); в одном из рассказов о нем эта формула возникает опять же в связи с мотивом любострастия: «...когда диавол распалил его плотскою страстью, блаженный отец, сняв одежду, начал жестоко бичевать себя веревкой, приговаривая: "вот, брат осел, как надо с тобою обращаться (...)»» (*Конради В.* Книга о святом Франциске. СПб., 1912. С. 58–59). Эти аллюзии не исчерпываются мотивом любовного искуательства: характер жизни героя поэмы Блока вне "сада" (труд, согласие с природой, нищета, аскетизм) вполне согласуется с францисканским идеалом.

Широкий круг параллелей к "Соловьиному саду" может быть прослежен в русской литературе – классической и современной Блоку. Поэма сопоставлялась со стихотворением А.А. Фета "Ключ" (1870), в котором обыгрывается мотив соловьиного пения (*Кирпотин В.* Poleмический подтекст "Соловьиного сада" // *Вопр. лит.* 1959. № 6. С. 179–180): было указано на тождество размера, рифмовки, эфонической системы, сходство образной символики произведений; отмечались в "Соловьином саде" и другие реминисценции из Фета – из стихотворений "Зной" (1888), "Соловей и роза" (1887) ("партия розы": "Зацелуй тебя, закачаю..." – обнаруживает соответствия с картинами жизни в "соловьином саду"). "Соловьиная" тема могла связываться для Блока и с поэзией Я.П. Полонского; ср. его стихотворение "Соловьиная любовь" (1856), в котором соловей призывает птичку в клетке – "затворницу сонную" – покинуть "золотую тюрьму".

А.М. Турков обнаруживает в "Соловьином саде" реминисценции из трех стихо-

творений современников Блока – К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина и В.Я. Брюсова (Турков А. Александр Блок. С. 251–254). Черты сходства "Соловьиного сада" со стихотворением Бальмонта "Не вернувшийся" (Весы. 1906. № 1; *Бальмонт К.Д.* Птицы в воздухе. Строки напевные. СПб., 1908. С. 100–101), герой которого обретает блаженство в "мире бесennom" в объятиях Морской Царевны, скорее всего имеют случайный характер, но два других стихотворения правомерно указывать в ряду непосредственных источников поэмы Блока: "Невольник" Бунина, впервые опубликованный в "Золотом руне" (1906. № 5) и вошедший в сборник Бунина "Стихотворения. 1903–1906 г." (СПб., 1906), который Блок рецензировал в статье "О лирике" (СС-85. С. 141–144; в экземпляре сборника, сохранившемся в библиотеке Блока, на текст стихотворения нанесены его пометы; см.: *ББО-1*. С. 112), а также "Побег" Брюсова из его книги "Urbi et orbi" (1903). Бунинского "невольника" и героя "Соловьиного сада" роднит тяжкая работа знойными днями на берегу моря, содержание их внутреннего мира (у Бунина: "Я, невольник, // Живу лишь сонным ядом грез"); обнаруживаются и конкретные образные соответствия в этих произведениях. Те же общие мотивы соотносят поэму Блока со стихотворением С.Я. Надсона "Полдороги" (1880–1881):

Путь суров... Раскаленное солнце палит
 Раскаленные камни дороги;
 О горячий песок и об острый гранит
 Ты изранил усталые ноги;

и т.д., а также с первыми строками стихотворения Вл. Соловьева (1887): "Бедный друг, истомил тебя путь, // Темен взор, и венок твой измят. // Ты войди же ко мне отдохнуть".

Тематика и сюжетная схема брюсовского "Побега" имеет прямые аналогии с "Соловьиным садом": лирический герой Брюсова, пребывающий вдали от жизни, в райском сонном забытьи, слышит призывный "победно возраставший звук" и бежит от "пышного алькова"; "мир другой", противопоставленный "алькову", у Брюсова, как и позднее у Блока, метафорически уподобляется водной стихии; встречаются и другие образные параллели, в совокупности позволяющие утверждать, что память о стихотворении Брюсова сказывалась при работе над "Соловьиным садом". Сходные с поэмой Блока коллизии обнаруживаются и в стихотворении Брюсова "Путник" (1903), также входящем в "Urbi et orbi" (см.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 289–291). В стихотворении обозначены два мира: "безводная степь", по которой бредет "красивый юноша-прохожий", и "тихий сад", где владеет царевна; блоковскому "путнику" открываются те же соблазны, что и герою "Соловьиного сада":

Зовет царевна: "Брат безвестный,
 Приди ко мне, сюда! сюда!
 Вот здесь плоды в корзине тесной,
 Вино и горная вода. (...)
 В моем покое златотканом
 К тебе я припаду, любя", –

но гордый "путник" не принимает предлагаемых милостей.

С картинами райского блаженства в "Соловьином саду" соотносятся также стихи из книги Граала Арельского "Голубой ажур":

В твоих очах цветет волшебный сад!
 И в том саду, я вижу, ты – другая,
 Свершаешь снов магический обряд
 Над алтарем несбыточного рая. (...)

И как отраднo там с тобою мне
Пить аромат неведомых растений,
Любить тебя в твоём лазурном сне,
Слагать мечтой напевы песнопений.

(*Грааль Арельский*. Голубой ажур. Стихи. СПб., 1911. С. 22). Книга была подарена автором Блоку и сохранилась в его библиотеке, имеет многочисленные пометы (см.: *ББО-2*. С. 189–190); в письме к автору (ноябрь 1911 г.). Блок сочувственно отозвался о ней: "многим мне близка".

В кругу возможных реминисценций, отразившихся в "Соловьином саде", правомерно назвать рассказ А.А. Кондратьева (поэта и прозаика, близкого знакомого Блока с университетских лет) "Улыбка Ашеры", вошедший в сборник того же заглавия (книга была подарена Блоку автором в апреле 1911 г.). Герой рассказа, раб, – такой же чернорабочий, как и герой блоковской поэмы: "Напевая, проходишь ты мимо сада, где работаю я (...)" ; "Твердой мотыгой я бью желтую рыхлую землю. Горячий пот ручьями струится по моей обожженной солнцем спине" (*Кондратьев А.* Улыбка Ашеры. Вторая книга рассказов. СПб., 1911. С. 3). Карфагенянка Ашера, госпожа героя, обрисована штрихами, сближающими ее с героиней "Соловьиного сада", и основная сюжетная линия рассказа Кондратьева аналогична той, которая прослеживается в поэме Блока: герой соединяется с Ашерой сначала "в сладостном сне", а затем и в реальности, но, став "властелином" своей госпожи, чувствует неудовлетворенность: "Воспрянувший дух мой рвется на волю" (*Там же*. С. 10, 13); покинув Ашеру, герой после скитаний оказывается на берегу моря: "Я сижу на прибрежном камне, слушаю шепот прилива (...) Темнеют красноватые скалы" (*Там же*. С. 16). Сходные с "Соловьиным садом" образы и мотивы не наделены в "Улыбке Ашеры" глубинным символическим смыслом, говорить о прямом воздействии этого произведения на поэму Блока не приходится, однако в орбиту ассоциаций, возникавших у поэта в ходе его работы, рассказ Кондратьева (перепечатан в кн.: *Кондратьев А.* Сны. СПб., 1993. С. 191–206) мог входить.

Звучащий в поэме очень явственно и играющий конструктивно значимую роль мотив "ограды тенистой", отделяющей "соловьиный сад" ("закрытое" пространство) от внешнего мира ("открытое" пространство), также сопряжен с "посторонними" поэтическими реминисценциями. Образ "ограды" занимает большое место в поэтическом мире Ф. Сологуба, где он выступает одним из символов "декадентской" изолированности и самодостаточности. Одно из стихотворений Сологуба ("Проходил я мимо сада..."), развивающее этот мотив и хорошо известное Блоку (переписано им и введено в подборку материалов "Моя декламация", см.: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 63 об.), правомерно указать в числе непосредственных источников "Соловьиного сада"; сходство общей коллизии и тождество основных повторяющихся (и рифмуемых) образов (*сад, ограда*) подкрепляются близостью конкретных деталей:

Проходил я мимо сада.
Высока была ограда,
И затворены ворота.
Вдруг калитка предо мной
Отворилась и закрылась, –
На мгновенье мне явилось
Там, в саду зеленом, что-то,
Словно призрак неземной.

Вновь один я возле сада,
Высока его ограда,
Перед ним, за ней молчанье, –
Пыль и камни предо мной.
Я иду, и верю чуду,
И со мной идет повсюду
Бездыханное мечтанье,
Словно призрак неземной.

(Сологуб Ф. Собр. соч. СПб.:
"Шиповник", [1909]. Т. 1. С. 144)

Другой возможный источник, который мог учитываться Блоком в разработке того же мотива, – стих З.Н. Гиппиус "Ограда" (1902), написанное от лица утомленного путника, ищущего "отдыха и сна" в саду "за стрельчатой оградой":

Ужель за подвиг нет награды?
Я чашу пил мою до дна...
Но там – за стрелами ограды –
Молчанье, мрак и тишина.

(Гиппиус З.Н. Собрание стихов
1889–1903 г. М., 1904. С. 117–118)

В стихотворении явственен глубоко созвучный Блоку мотив метафизического пути и воздаяния за следование ему или за отступничество. Герой Гиппиус, пошедший по несправедливой стезе, не получает "награды", для героя "Соловьиного сада" "тема ухода с пути и тема долга, призывающего на путь, поставлены резко и определенно" (Максимов П. С. 114) – и с привлечением той же поэтической фразеологии: "Наказанье ли ждет, иль награда, // Если я уклонюсь от пути?".

У Гиппиус и у Сологуба образ сада за оградой выступает как символ недоступного или потерянного рая, и в этом отношении он близок мифопоэтическим представлениям Блока 1910-х годов, когда актуально переживавшимся настроениям и мотивам "страшного мира" и "возмездия" противостояли в его сознании образные ряды, напоминавшие об утраченной гармонии мира юношеской лирики (см.: Минц, 4. С. 36–37). Мир "сада", до которого не доносятся "жизни проклятья", соотносился для Блока со сферой теургических идеалов "младших" символистов и собственного раннего творчества, а мотив "огражденности" имел амбивалентный смысл: "сад" одновременно символизировал и мир светлого идеала, утраченного, но неизбежного в своих духовных основах, и мир "декадентской", индивидуалистической изолированности и отверженности; в первом отношении мир "сада" противопоставлялся "страшному миру" с распадом ценностных критериев, во втором – "открытому", "большому" миру и подлинному человеческому предназначению.

Оба круга значений отражены в стихах поэтов-символистов, причем образ "ограды" – границы между двумя мирами – оказывается одним из излюбленных и семантически емких: так, первая книга стихотворений Вл. Пяста, одного из ближайших друзей Блока, озаглавлена "Ограда" ([СПб.; М.], 1909); входящее в нее стих. "Стансы" имеет черты сходства с образной системой "Соловьиного сада". В статье Иванова-Разумника о поэзии Пяста "В заколдованном кругу", безусловно, хорошо известной Блоку, был особо акцентирован мотив "огражденности", "отграниченности от мира и человека" как выражающий внутреннюю сущность поэтического мироощущения Пяста и других "декадентов" – в отличие от символистов, пытающихся "эту ограду разбить" (Заветы. 1913. № 9. 2-я паг. С. 184). В заключение статьи критик приветствует попытки "прорвать ограду" и выйти "в подлинную живую жизнь": "И благо тому, кто этот

выход нашел, – если не Вл. Пяст, то другие его товарищи по судьбе, бывшие пленники собственной огады" (*Там же*. С. 186). В этих словах – явный намек на Блока: статья о Пясте писалась в пору, когда Иванов-Разумник и Блок постоянно дискутировали по тем же вопросам (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 372–373). Аналогичную направленность имеет и статья Иванова-Разумника «"Роза и Крест" (Поэзия Александра Блока)» (Заветы. 1913. № 10. 2-я паг. С. 114–125), в которой творчество Блока интерпретируется как попытка, по большей части безуспешная, разорвать "заколдованный круг" индивидуализма и эстетизма. Акцентированный в статье мотив очарованного, замкнутого круга, за пределы которого направлены блоковские творческие интенции, также мог поэтически переосмыслиться автором "Соловьиного сада" (ср. в рукописных вариантах: "Не доносятся жизни проклятья // В этот круг, обнесенный стеной").

1

...*В час отлива на илстом дне...* – Впервые Блок имел возможность наблюдать океанический отлив летом 1911 г. в Бретани: ср. его письмо к матери от 14/27 июля 1911 г. из Аберврака: "Прилив и отлив – каждые 6 час. 20 минут, отлив такой, что третья часть бухты остается свободной от воды и можно пройти пешком; тогда поднимают креветок и морскую траву".

...*прохладный // И тенистый раскинулся сад.* – Эта характеристика сада, возможно, содержит отзвук строк из стих. Я.П. Полонского "Качка в бурю" (1850: "От зари роскошный холод // Проникает в сад" (*Полонский Я.П.* Полн. собр. стихотворений в пяти томах. СПб., 1896. Т. 1. С. 181). В "Автобиографии" (1915) Блок приводит эти стихи как пример поэтических впечатлений своего раннего детства (СС-87. С. 12–13).

По огаде высокой и длинной // Лишних роз к нам свисают цветы. – Ср. стих. "Бывают тихие минуты..." (1909) из цикла "Через двенадцать лет": "...туман сырого сада (...) Вся в розах серая огада". Та же система образов развита в статье Блока "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906) – в описаниях огажденного стеной тенистого сада, аллеи, ведущей "по самому краю стены (...) окружаясь розами и георгинами" (СС-85. С. 86). Ср. в стих. "Я буду факел мой блюсти..." (1902): "Ты будешь цвет и лист плести // Высоко вдоль огад" (т. 1 наст. изд.).

...*Что-то шепчут ручьи и листья.* – Ср. в пересказе "Романа о Розе": "... передо мной явился удивительный сад, около него журчал прозрачный светлый ручей (...)" (Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой. В трех томах. СПб., 1896. Т. 1. С. 214).

...*А в саду кто-то тихо смеется, // И потом – отойдет и поет.* – Ср. "Одиссею" в переводе В.А. Жуковского: "Кто-то, за тканью // Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность" (Песнь 10. Ст. 226–227). Вероятна также реминисценция из стих. В.Я. Брюсова "Путник" (1903): "И смех чуть слышен за огадой" (*Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 291). Сходный мотив – в стих. "Ночь на Новый год" (1901): "За воротами смеются"; «"Ваше имя?" Смех в ответ» (т. 1 наст. изд.).

...*Опускается синяя мгла.* – Ср. в юношеском стих. "Помнишь ли город тревожный..." (1899), посвященном К.М. Садовской: "Синяя города мгла..." (т. 1 наст. изд.). Образ генетически связывается со "Словом о полку Игореве": "чръныя тучя с моря идуть (...) а въ нихъ трепещуть синии млънии" (*Смирнов И.П.* Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX вв. // *БС-4*. С. 255), – однако для Блока он имел в первую очередь автобиографический смысл: "синий" колорит обычно имели для него ассоциации, вызванные воспоминаниями о К.М. Садовской; ср. в стих. "Быва-

ют тихие минуты..." (1909) из цикла "Через двенадцать лет": "И синий, синий плен очей...". Мотив синевы возникает и в обрисовке лирической героини цикла "Кармен": ср. в стих. "Ты – как отзвук забытого гимна..." (28 марта 1914 г.): "И любимый, родимый свой край, // Синий, синий <...>".

2

Только всё неотступнее снится // Жизнь другая – моя, не моя... – Мотив сна был для Блока в 1914 г. тесно связан с восприятием образа Л.А. Дельмас; ср. его письма к ней – от 29 марта 1914 г.: "... все сны, сны, сны" (о стих. "Ты – как отзвук забытого гимна..."), от 28 июля 1914 г.: "Вы и издали будете сниться, как снитесь мне теперь". В то же время указание на "жизнь другую" переключает этот мотив также в область воспоминания о мире юношеской любовной лирики.

...В этот сад, обнесенный стеной... – В пересказе "Романа о Розе" о саде говорится: "... был он обнесен высокой стеной <...>" (Западноевропейский эпос и средневековый роман... С. 214).

...В синем сумраке белое платье... – Ср. строку из стих. "Мы встретились с тобой на закате..." (1902): "Я любил твоё белое платье" (т. 1 наст. изд.). "Белое платье" – один из признаков сходства между возлюбленной из "Соловьиного сада" и героиней юношеской лирики Блока, воплощавшей гармонический мир первой любви. "Сумрак" – слово, также характерное для поэтической символики "первого тома": не принадлежа к числу самых общепотребительных, встречается в нем 51 раз (Минц З.Г., Шишкина О.А. Частотный словарь "первого тома" лирики А. Блока // Тр. по знаковым системам. V (УЗ ТГУ. Вып. 284). Тарту, 1971. С. 312).

...Прохожу мимо этих ворот, // И она меня, легкая, манит // И круженьем, и пеньем зовет. – Ср. запись Блока от 17 августа 1914 г., подразумевающую Л.А. Дельмас: "Ночью – её мелькнувший образ. Ночью она громко поет в своем окне" (ЗК. С. 237). Запись и соотносящиеся с нею мотивы поэмы имеют биографический подтекст: Блок неоднократно останавливался под окнами дома, в котором жила Дельмас; ср. его письмо к ней от 6 мая 1914 г.: "Счастье мое, я смотрел на Ваше окно в 11 часов и сейчас; Ваше окно светится <...> когда я смотрю на светлое окно, меня наполняет горячая нежность и благодарность Вам за то, что Вы – в мире, за то, что Вы такая – и красивая, и прекрасная, и окрыленная, и тихая, веселая и печальная", – а также письмо от 12 августа 1915 г.: "Сейчас, вечером, я прошел мимо Вашего окна. Оно освещено и открыто, и Вы, по-видимому, дома одна. <...> 12-й час, Вы потушили уже большой свет, и теперь огонь у Вас слабый". Ср. в пересказе "Романа о Розе": "Она, смеясь, показала мне на мчавшийся к нам в чудном танце рой легкокрылых существ <...> все они летели и кружились в чудном танце под звуки песни юной девушки" (Западноевропейский эпос и средневековый роман... С. 218).

3

...за знойною мглой. // И знакомый, пустой, каменистый <...> путь... – Ср. стих. З.Н. Гиппиус "Прогулка вдвоем" (1900):

И вот я бреду одинокий.
А полдень тяжелый и жаркий...
Тропой каменистой, широкой
Иду я в бестенности яркой <...>

(Гиппиус З.Н. Собрание стихов
1889–1903 г. М., 1904. С. 66)

Как бы в дверь соловьиного сада // Постучаться, и можно ль войти? – Та же сюжетная коллизия – в "Романе о Розе": "Долго бродил я вокруг диковинной стены (...) но не умел найти входа в прекрасный сад. Страстное желание проникнуть туда наполнило мое сердце" (Западноевропейский эпос и средневековый роман... С. 217).

4

Не стучал я – сама отворила // Неприступные двери она. – Ср. в пересказе "Романа о Розе": "... я нечаянно наткнулся на маленькую калиточку, тщательно укрытую зеленью. Долго стучался я в нее, наконец, замок щелкнул, и я вошел. Калитку отворила мне молодая веселая красавица (...) "(Там же. С. 217).

Чуждый край незнакомого счастья // Мне открыли объятия те, // И звенели, спадая, запястья... – Реминисценция из стих. В.Я. Брюсова "Сладострастие" (1901; из его книги "Urbi et orbi"), с той же парой рифмующихся слов: "Чу! загремели чуть слышно запястья (...) Снова, о снова, истомы и счастья!" (Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 339). Ср. черновой вариант стиха Блока: "С белых рук зазвенели запястья". Строки включают и автобиографические аллюзии; ср. письмо Блока к Л.А. Дельмас от 17 августа 1914 г.: "... Вы перевернули всю мою жизнь и долго держали меня в плену у счастья, которое мне недоступно".

5

... Заглушить рокотание моря // Соловьиная песнь не вольна! – Ср. заключительный стих поэмы Я.П. Полонского "Кузнечик-музыкант" (1859): "Звучно раздавался рокот соловьиный" (Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений. Т. 3. С. 193).

... Отдаленного шума прилива // Уж не может не слышать душа. – Ср. впечатления Блока в письмах к матери из Бретани: "Совершенно необыкновенен голос океана" (11/24 июля 1911 г.); "По вечерам океан поет очень ясно и громко" (2 августа (н. ст.) 1911 г.). Строфа содержит вероятную реминисценцию из стих. Брюсова "Побег"; ср.: "И я был странно близок раю, // И жизнь шумела, далека" (Брюсов В. Собр. соч. Т. 1. С. 272).

6

Я проснулся на мгlistом рассвете // Неизвестно которого дня. – Ср. в стих. Брюсова "Побег": "И в этой мгле прошли – не знаю, – // Быть может, годы и века".

... Призывающий жалобный крик. // Крик осла... – Роль осла в данном случае аналогична той, какую выполняет этот образ в романе Ф.М. Достоевского "Идиот" (1868) – в рассказе князя Мышкина о пребывании в Швейцарии (Ч. 1. Гл. V); и в том и в другом случае крик осла дает первый импульс к преодолению "чужого", к пробуждению от "мрака". Ср.: "Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я от этого мрака, помню я, вечером, в Базеле, при въезде в Швейцарию, и меня разбудил крик осла на городском рынке. Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился, а с тем вместе в моей голове как бы все прояснело. (...) С тех пор я ужасно люблю ослов. Это даже какая-то во мне симпатия. Я стал о них расспрашивать (...), и тотчас же сам убедился, что это преполезнейшее животное, рабочее, сильное, терпеливое, дешевое, переносливое (...)" (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 48). Об этой реминисценции из Достоевского в "Соловьином саде" см.: Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 88; Соловьев Б. Поэт и его подвиг. Творческий путь Александра Блока. 4-е изд. М., 1980. С. 584.

Крик осла был протяжен и долгов ~ И тихонько задернул я полог, // Чтоб прод-

лить очарованный сон. – Вероятная реминисценция из стих. В.Я. Брюсова "Побег" (ср. тождество рифмовки: *долг: полг*):

Мой трубный зов, ты мой слышан
Сквозь утомленный, сладкий сон! (...)
И сон, который был так долг,
Вдруг кратким стал, как все во сне.
Я распахнул тяжелый полг
И потонул в палящем дне.

Их шипы, точно руки из сада, // Уцепились за платье мое. – Ср. в пересказе "Романа о Розе": "... репейник и колючая изгородь подняли свои иглы и шипы"; "... шипы, репейник и колючий кустарник не пустили меня к ней (...)" (Западноевропейский эпос и средневековый роман... С. 223).

7

Путь (...) кремнист и тяжел. // Я вступаю на берег пустынный ~ Или я заблудился в тумане? – Реминисценции из стих. М.Ю. Лермонтова "Выхожу один я на дорогу..." (1841): "Сквозь туман кремнистый путь блестит (...) Пустыня внемлет Богу". См.: *Левинтон Г.* Две заметки о Блоке. II. К истории сочетания "кремнистый путь" // Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975. С. 72–73. Ср. заглавие книги стихов и прозы Г. Чулкова "Кремнистый путь" (М., 1904).

... серые спруты ~ Закарабкался краб всполохнутый... – В этих строках отразились впечатления Блока от пребывания на берегу Бискайского залива в июле 1913 г. В письмах к матери из Гетари он сообщает: "Я провожу много времени с крабами (...)" (13 июля н. ст.); "Вчера мы нашли в камнях в море морскую звезду, спрутов и больших крабов. Это – самое интересное, что здесь есть" (6/19 июля); "... гоняем и дразним крабов" (10/23 июля). Аналогичные впечатления Блок вынес и из Бретани, где отдыхал двумя годами ранее; 2 августа (н. ст.) 1911 г. он писал матери из Аберврака, что "во время отлива" "на дне ловят креветок и крабов с кулак величиной". Л.Д. Блок относила крабов в "Соловьином саде" (а также и осла) к тому кругу зооморфных образов, который отражал условный, игровой язык общения между нею и Блоком (*Воспоминания*, 1. С. 187). В мифологии и символике океанических народов образ краба выражает идею одиночества, разъединенности, изолированности (ср. русск. *рак-отшельник*). См.: *Максимов Д.Е., Приходько И.С.* Сюжет поэмы А. Блока "Соловьиный сад" и его истоки. С. 527.

РОДИНА

Раздел "Родина" состоит из 27 стихотворений; они написаны с 1907 по 1916 г., размещены внутри раздела в соответствии с хронологией их создания.

Окончательный состав и композиция раздела сложились только при подготовке третьей книги "Стихотворений" Блока, вышедшей в свет в 1921 г. (III₃). Ему предшествовали аналогичные по замыслу и тематике и близкие по составу разделы в трех книгах Блока: "На родине" в книге "Ночные часы" (1911), "Родина" в "Собрании сти-

хотворений, кн. 3. Снежная ночь" (1912) (*III*₁), "Родина" в "Стихотворениях, кн. 3" (1916) (*III*₂), а также книга "Стихи о России" (1915), объединяющая стихотворения из различных сборников по тематическому принципу (*Правдина И.С. Из истории формирования цикла "Родина" // БС-5. С. 19–32*). Большинство стихотворений, входящих в раздел, отражают тему России, ее истории и современного состояния, однако раздел не случайно назван "Родина" (а не "Россия"): это заглавие охватывает для Блока более широкий круг представлений и ассоциаций, затрагивающих и тему индивидуальной судьбы в различных аспектах (мир детства, отношения с возлюбленной, тема смерти и т.д.).

Контуры темы, объединяющей стихотворения раздела, впервые стали отчетливо вырисовываться для Блока в 1907–1908 гг., в период работы над драматической поэмой "Песня Судьбы" и статьями о России и интеллигенции. 9 декабря 1908 г. Блок писал К.С. Станиславскому: «... стоит передо мной моя тема, тема о России (...) Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это – первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный (...) Ведь здесь – жизнь или смерть, счастье или погибель. К возрождению национального самосознания, к новому, иному "славянофильству" без "трех китов" (или по крайней мере без китов православия и самодержавия) и без "славянства" (...) влечет, я знаю, всех нас». Новый подход Блока к проблемам национального самосознания предполагал решительное отвержение России в ее современном, социальном, бытовом, политическом укладе; в письмах к матери он пишет о своей "пакостной, грязной, тупой и кровавой родине" (13 апреля 1909 г.), подчеркивая: "... все видимое простым глазом – не есть Россия" (7 мая (н. ст.) 1909 г.). К концу 1908 – началу 1909 г. относится и замысел неосуществленной статьи Блока на тему: "Чувство родины" (*ЗК. С. 122*). "Лирическое" отношение к России было связано с ощущением скрытой в ней духовной субстанции, с переживанием собственной неразрывной связи с родиной и верой в ее провиденциальное предназначение. Этот потаенный лик России соотносится для Блока – с годами все явственнее – с образом небесной возлюбленной, женственного начала в мире, с лирической героиней собственных ранних стихов. З.Н. Гиппиус подчеркивала, что для Блока была характерна «"своя" любовь к России, даже не любовь, а какая-то жертвенная в нее влюбленность, беспредельная нежность. Рыцарское обожание ... ведь она была для него в то время, – Она, вечно облик меняющая "Прекрасная Дама"..."» (*Гиппиус З.Н. Живые лица. Прага, 1925. Т. 1. С. 48*). В социально-историческом плане Блок осмыслял Россию как совершенно особое государство, противостоящее Западу и Востоку, Европе и Азии, и надежды на дальнейшее развитие связывал с выявлением особого пути, ей предначертанного; ср. запись Блока от 15 июля 1909 г.: «Я (мы) не с теми, кто за старую Россию (Союз русского народа, сюда и Розанов!), не с теми, кто за европеизм (социалисты, к.-д., Венгеров например), но – за новую Россию, какую-то, или – за "никакую". Или ее не будет, или она пойдет совершенно другим путем, чем Европа (...)"» (*ЗК. С. 154*).

Первый опыт тематического объединения стихов о России – раздел "На родине", открывавший книгу Блока "Ночные часы". В него входило 16 стихотворений, из которых 10 были включены в окончательный состав раздела "Родина": цикл "На поле Куликовом" (5 стихотворений), "Осенний день", "Россия", "Родине" ("Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?.."), "На железной дороге", "Романс" ("Дым от костра струю сизой..."). Стих. "Посещение", вошедшее в окончательный состав раздела, было помещено в той же книге в разделе "Возмездие"; стих. "Ты отошла, и я в пустыне..." и "В густой траве пропадешь с головой...", открывающие раздел в *III*₃, не могли быть напечатаны в "Ночных часах", поскольку уже были опубликованы в пре-

дыдущей книге стихов Блока "Земля в снегу" в разделе "Подруга Светлая" (этот раздел не без оснований рассматривается – по замыслу и тематике – как непосредственно предшествующий будущим объединениям стихов на тему родины; см.: *Правдина И.С.* Из истории формирования цикла "Родина". С. 19–21). Кроме того, в раздел "На родине" вошли 6 стихотворений, в окончательный состав "Родины" не включенных: "О доблестях, о подвигах, о славе...", цикл "Мэри" ("Опять у этой двери...", "Жениха к последней двери...", "Косы Мэри распушены..."), "На закате" ("Она, как прежде, захотела..."), "За гробом".

Книга "Ночные часы" вышла в свет в конце октября 1911 г. Уже в первых откликах на нее обращалось особое внимание на стихи раздела "На родине". Е.В. Аничков писал в статье «"Ночные сны" Александра Блока»: "Вместе с Русью, измученной и пьяной, кабацкой Русью последних кровавых напряжений своих, до боли радостных и до отчаяния немощных, простонал он свои певучие стихи, всегда на улице, всегда среди толпы, всегда зрячий, всегда со святой ненавистью во взоре и с сердцем, переполненным всем, кроме самовлюбленности художника" (Запросы жизни, 1911, № 9, 2 дек. Стб. 565). П.С. Соловьева, благодаря Блока в письме от 19 ноября 1911 г. за "прекрасные стихи", отмечала: «Особенное удовольствие доставили мне первые: "На родине"» (опубликовано в статье А. Кузнецова "Поэтесса, художница, издательница" в кн.: Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 20. С. 248). В то же время поэт и критик Н.В. Недоброво, сообщая Блоку в письме от 22 ноября 1911 г. свои впечатления от "Ночных часов", признавался: "Стихотворения о России – тем, в чем они ее касаются – затронули меня меньше, и, верно, потому, что Россия представляется мне гораздо менее пестрой, чем Вам, но более архитектурной" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 295).

В третьей книге ("Снежная ночь") "Собрания стихотворений", вышедшей в свет в марте 1912 г. (*III*), заключительный раздел "Родина" состоял из 23 стихотворений, 10 из них были позднее включены в окончательный состав: те же стихотворения, которые входили в раздел "На родине" в "Ночных часах" (за исключением стих. "На железной дороге", перенесенного в раздел "Страшный мир"), и "В густой траве пропадешь с головой...". Стих. "Ты отошла, и я в пустыне..." и "Посещение" были напечатаны в разделе "Возмездие". В разделе "Родина", кроме того, были помещены 13 стихотворений, в окончательный состав не вошедшие: "Прошли года, но ты – все та же...", "Везде – над лесом и над пашней...", "Ты так светла, как снег невинный...", цикл "Мэри" из шести стихотворений ("О жизни, догоревшей в хоре...", "В синем небе, в темной глубине...", "Нет имени тебе, мой дальний...", "Опять у этой двери...", "Жениха к последней двери...", "Косы Мэри распушены..."), "На закате" ("Она, как прежде, захотела..."), "За гробом", "О доблестях, о подвигах, о славе...", "Заключение" ("Благоговяю все, что было..."). И в "Ночных часах", и в "Снежной ночи" стихотворения, отражающие тему России, ее истории и современного состояния, и стихотворения интимно-лирического звучания были представлены в разделе "Родина" ("На родине") примерно в равных пропорциях; тем самым подчеркивалась связь темы России с образом Подруги Светлой, с женским началом.

Следующий опыт создания цельной композиции из стихотворений, затрагивающих национальную тему, – книга "Стихи о России". Предложение подготовить ее Блок получил от петроградского издательства и журнала "Отечество", занимавшего оборонческо-патриотическую позицию в годы мировой войны и передававшего доход от своих изданий в "Общество русских писателей для помощи жертвам войны"; ср. запись Блока от 23 декабря 1914 г.: «Телефон с А.М. Ремизовым (предлагает издать книжку в "Отечестве" в пользу раненых)» (*ЗК*. С. 251). В начале марта 1915 г. Блок читал корректуру книги (3 марта: «Корректуры {...} "Стихов о России"» – *ЗК*. С. 257), в конце мая "Стихи о России" вышли в свет (27 мая: "Книга от Гржебина" – *ЗК*. С. 264), 29 мая

Блок выслал первые экземпляры книги матери и М.А. Бекетовой (*Письма к родным*, 2, С. 266). Судя по дарственной надписи на книге, сделанной Блоком Александре Чеботаревской (участвовавшей тогда в издательской работе "Отечества"), между ним и издательством в ходе подготовки "Стихов о России" возникали трения: «Александре Николаевне – эта книжка, изданная в безвременье, неизвестно кем и неизвестно зачем, – с благодарностью за дружбу и за перенесение разных неприятностей, с изданием этой книжки связанных, и на память о разговорах о разных отечественных и "отечественных" вопросах, по телефону веденных» (*БС-1*. С. 550; публикация Д.Е. Максимова). Ныне "Стихи о России" переизданы репринтно (М., [1995]; редактор-составитель С.С. Лесневский).

Книга "Стихи о России" состоит из 25 стихотворений, из них 16 вошли в окончательный состав раздела "Родина": "На поле Куликовом" (цикл из пяти стихотворений), "Вот он, ветер...", "Россия", "Осенний день", "Задебранные лесом кручи...", "Ветер стих, и слава заревая...", "Рожденные в года глухие...", "Праздник радостный, праздник великий..." ("Новая Америка"), "Грешить бесстыдно, непробудно...", "Петроградское небо мутилось дождем...", "Последнее напутствие", "Я не предал белое знамя...", Кроме того, в сборнике были помещены стихотворения: "Я живу в отдаленном скиту...", "Когда в листе сырой и ржавой..." (сокращенная редакция первого стихотворения цикла "Осенняя любовь"), "Русь", "Вот Он – Христос – в цепях и розах...", "Полюби эту вечность болот...", "Осенняя воля", "Не мани меня ты, воля...", "Холодный день", "В октябре". Все эти стихотворения входят в различные разделы "канонического" свода 2-й книги "Стихотворений" Блока. Тексты размещены в сборнике в целом без соблюдения хронологического принципа, который лишь отчасти сказывается в заключительной части книги: последние семь стихотворений датируются 1913–1914 гг.

"Стихи о России" были оценены критикой чрезвычайно высоко. Именно этот сборник способствовал окончательному формированию общего представления о Блоке как о крупнейшем национальном поэте современности, достигшем в стихах на тему родины вершин своего творчества. "Что касается стихов о России, – писал критик и литературовед Ю.А. Никольский в статье "Александр Блок о России", – то я не ошибусь, должно быть, если скажу: среди них есть такие, что они – лучшее из всего, что было создано в этой области со времен Тютчева. Не все стихи одинаково ценны, но после некоторых долго остается жуткое впечатление. Хотя большинство из них известны давно, но, собранные вместе, они действуют особенно неслучайностью своих мотивов. О России раскрывается новая истина" (*РМ*. 1915. № 11. 3-я паг. С. 16. Блок отметил появление этой статьи в записи от 3 декабря 1915 г. – *ЗК*. С. 279).

Восторженную статью о книге («"Стихи о России" Александра Блока») опубликовал в "Аполлоне" Георгий Иванов (вошла в репринтное переиздание "Стихов о России" (С. 48–53); см. также: *Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 472–476*). «Мы и не подозревали, читая в каталогах об этой маленькой книжке "военных" стихов, что на серой бумаге, в грошовом издании, нас ожидает книга из числа тех, которые сами собой заучиваются наизусть, чьими страницами можно дышать, как воздухом...», – писал поэт-акмеист, подчеркивая, что сборник Блока подобен "стройной поэме", "где каждое стихотворение звено или глава" и "почти каждое – новый этап лирического познания России": «Блок постиг тайну гармонического творчества силой своего творческого прозрения (...) В "Стихах о России" – почти все совершенно (...) и более всего безукоризненное мастерство поэта сказалось именно в плане книги. Выбор стихов сделан так, что мы иначе и не решаемся определить его, как "провидение вкуса"» (*Аполлон*. 1915. № 8–9. С. 96, 97). С особым восхищением отмечал Георгий Иванов заслугу Блока как создателя совершенно нового лирического образа родины, чуждого распространенным поэтическим штампам: «В "Стихах о России" нет ни

одного "былинного" образа, никаких молодечеств и "гой еси". Но в них – Россия былин и татарского владычества, Россия Лермонтова и Некрасова, волжских скитов и 1905 года. Как фальшиво звучат рядом с этими подлинно народными стихами подделки наших поэтов под народную поэзию, с неизменными Ярилой, Ладую и Лелем (...) Книга Блока – точно чистый воздух, от соприкосновения с которым рассыпаются в прах стилизаторские мумии "под народ". Последние стихи Блока истинно классичны (...) Утонченное мастерство совпадает в "Стихах о России" со всем богатством творческого опыта. Любовь, мука, мудрость, вся сложность чувств современного лирика соединены в них с величественной, в веках теряющейся духовной генеалогией. Старая истина – что современникам трудно и невозможно, пожалуй, верно оценить поэта, с точностью определить удельный вес его творчества. Но что Блок не просто "мастер чеканной формы", а явление одного порядка с теми, "чьи имена звучат нам, как призывы" – после выхода "Стихов о России" можно сказать с уверенностью» (*Там же*. С. 99). С уверенностью Иванов говорит и о том, что "Стихи о России" – лучшая книга Блока. Вспоминая об обстоятельствах появления этого отзыва, редактор "Аполлона" С.К. Маковский отмечает: «... из статьи Георгия Иванова я не выкинул ни одной хвалебной строчки, т.к. по существу он был прав, восхищаясь именно этим Блоком, называя лучшей его книгой "Стихи о России"; "Тут Блок достигает предела доступной ему преобразующей силы слова и, конечно, достаточно этих стихотворений, чтобы Россия его не забыла" (*Маковский С. На Парнасе "Серебряного века"*. Мюнхен, 1962. С. 158, 166).

Журналист Владимир Рындзюн [А. Ветлугин] в статье «"Сегодня" и "вчера" в русской поэзии» особо коснулся книги Блока как поэтического отклика на современность, и в частности на военные темы; собранные в ней стихотворения являются, по мнению критика, "выдающимся поэтическим событием" «как по изумительной, неизменной у Блока, силе, яркой свежести изобразительного стиха, так и потому, что дают глубинно-психологический образ русского "вчера" и "сегодня"»: «бравурная трескотня, трафаретный "бой литавр", дешевая мишура, заносчивость, – как все это чуждо Блоку, объятому сознательным серьезным настроением, творящим в тишине своего художнического "я", "для себя и в себе" решающим неизмеримо важные вопросы, понимание и оценку которых он заимствовал у своего великого учителя и "спутника жизни" Владимира Соловьева»; «Осененный поэзией сознательной думы и всепринимавшей любви встает перед нами образ поэта, который, сокрушаясь о хорошо известных ему "плохостях" родины, не клеймит ее за это колкой насмешкой или лицемерным прощением, но принимает все, как необходимое, и деятельно верит в ее высокое провиденциальное назначение. Вера его не тютчевская, "нутровая", она исходит из теперешних много показывающих переоценивающих событий» (Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1916. № 173, 3 июля). В сходном ключе оценивает "Стихи о России" Борис Гусман в статье "Александр Блок": «... у Блока под внешним спокойствием чувствуется "вечный бой". Каждая строчка рождена в горении, поэтому такой внутренней необходимостью дышит каждый образ (...) Александр Блок – самый русский из современных поэтов. Недаром он называет Русь – женой своей. Это она бросила в медлительные строки поэта грусть своих степей и широких, ленивых рек, тревожную "кровь закатов" и веселые огни костров» (ЖЖ. 1915. № 12. С. 16; подпись: Борис Гу-н). Книгу высоко оценила З.Н. Гиппиус, как явствует из записи Блока от 4 декабря 1915 г.: "Зинаида Николаевна по телефону мои стихи хвалит (о России)" (ЗК. С. 279). "Стихи о России" с большим интересом читал М. Горький; Вс. Рождественский свидетельствует, что эта книга "долго лежала у Горького на рабочем столе, и он не раз открывал ее, чтобы процитировать ту или иную строфу" (*Рождественский Вс. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний*. 2-е изд. М., 1974. С. 156).

В третьей книге "Стихотворений" Блока, 1916 (III₂) раздел "Родина" содержал 25 стихотворений, 17 из которых были включены в окончательный его состав: "Ты отошла, и я в пустыне...", "В густой траве пропадешь с головой...", "Задебренные лесом кручи...", цикл "На поле Куликовом", "Россия", "Осенний день", "Дым от костра струею сизой...", "Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...", "Посещение", "Там неба осветленный край...", "Сны", "Ветер стих, и слава зарева...", "Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...". 6 стихотворений, вошедших позднее в окончательный состав "Родины", были помещены в этой книге в разделе "Разные стихотворения" ("На железной дороге", "Новая Америка", "Последнее напутствие", "Грешить бесстыдно, непробудно...", "Петроградское небо мутилось дождем...", "Рожденные в года глухие..."), 2 стихотворения из того же состава ("Вот он, ветер...", "Я не предал белое знамя...") в книгу не вошли. 8 стихотворений, помещенных в разделе, позднее перенесены Блоком во 2-ю книгу "канонического" свода стихотворений, где были распределены по различным разделам: "Осенняя воля", "Я живу в отдаленном ски-ту...", "Не мани меня ты, воля...", "Белый конь чуть ступает усталой ногой...", "Вот Он – Христос – в цепях и розах...", "Прошли года, но ты – все та же...", "Русь", "Когда в листе сырой и ржавой..." (текст в редакции, помещенной в "Стихах о России"). Главным основанием для этого перераспределения было, по всей вероятности, следование хронологическому принципу: за исключением стих. "Когда в листе сырой и ржавой...", написанного в 1907 г., все остальные стихотворения, изъятые из раздела "Родина", датируются 1905–1906 гг. – временем создания большинства стихотворений, включенных во 2-ю книгу, в то время как верхняя хронологическая граница стихотворений, вошедших в окончательный корпус "Родины", – 1907 год.

Окончательный состав раздела "Родина" в III₃, таким образом, сложился из: 17 стихотворений, помещенных в этом разделе в III₂, и 6 стихотворений, в III₂ входивших в раздел "Разные стихотворения", двух стихотворений, не включенных в III₂, но ранее опубликованных в "Стихах о России" ("Вот он, ветер...", "Я не предал белое знамя..."), и двух стихотворений 1916 г. ("Дикий ветер...", "Коршун"), написанных после подготовки III₂ и входящих в книгу Блока "Седое утро".

М.В. Бабенчиков свидетельствует, что в третьей книге своих стихов Блок "охотно выделял, хотя тоже с большими оговорками, стихи о России" (*Воспоминания*, 2. С. 163). О большом значении, которое придавал Блок этим произведениям, красноречиво говорит и тот факт, что в "Изборник" – книгу избранных своих стихотворений, готовившуюся к печати в издательстве М. и С. Сабашниковых, но не увидевшую света, – он включил 19 стихотворений из 27, входящих в окончательный состав "Родины" (за пределами "Изборника" остались: "Задебренные лесом кручи...", "Вот он, ветер...", "Посещение", "Там неба осветленный край...", "Сны", "Петроградское небо мутилось дождем...", "Я не предал белое знамя...", "Дикий ветер..."). Блок неоднократно выступал с чтением стихотворений из раздела "Родина"; об одном из таких чтений на квартире Ф. Сологуба вспоминает К.Д. Бальмонт в очерке "Три встречи с Блоком": "... встреча (...) явила мне Блока, читающим замечательные стихи о России, и он мне казался подавленным этой любовью целой жизни, он был похож на рыцаря, который любит Недосяжимую, и сердце его истекает кровью от любви, которая не столько есть счастье, сколько тяжелое, бережно несомое бремя. Казалось, что Блок поникал, пригибался, что тяжесть, которую он нес, была слишком велика даже и для его сильных рук, даже и для его упрямота, священного, как обеты Средневековья" (*Парнис А.* "... Рыцарь грезы заповедной". *Воспоминания и стихи К. Бальмонта о Блоке* // *Литературное обозрение*. 1980. № 11. С. 110).

Стихотворения, составляющие раздел "Родина", при всем объединяющем их внутреннем трагизме, тяготеют к двум образно-тематическим полюсам, один из которых

обозначает проблематику самого общего характера (осмысление России в ее историческом прошлом и в связи с современной жизнью под знаком историософских символов Востока и Запада), другой – проблематику интимно-лирическую, имеющую прямое отношение к личной биографии Блока. Пересечение и взаимопроникновение общего и частного, явлений исторических и явлений индивидуальной жизни сообщают двойной смысл всему художественному целому, организуют двойное течение лирического сюжета, в ходе развертывания которого "события, совершающиеся в стране поэта, совершаются и в душе поэта" (*Гинзбург Л.* О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 292–294).

"ТЫ ОТОШЛА, И Я В ПУСТЫНЕ..."

(С. 167)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₆*. Л. 6 ("Л.Д.Б. (Заключение цикла "Подруга Светлая")"), "30 мая. 1907. Ночь. С-П-Б"; *БА – РГАЛИ*, Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 21 ("Л.Д.Б."), "1907. Весна. С-П-Б" (подпись под текстом: "Александр Блок"), в письме к Л.Д. Блок от 30 мая 1907 г. (опубл. – текст и факсимиле: *ЛН*. Т. 89. С. 202, 205); кор.л. – *НР₁ III₁*. Л. 51; кор.л. – *НР₂ III₁*. Л. 71, "Май 1907" (дата – рукой Блока); печ. текст – *Изборник*. Л. 231; *Кор₂ Земли*. Л. 162 об., "Май 1907".

Впервые: "Корона 1". [М., 1908]. С. 77, "1907", заключительное в цикле "Подруга светлая (Тринадцать стихотворений 1899–1907 года)".

Публикации: *ЗС*. С. 35 ("Ты отошла"), "1907 г. Май", в разд. "Подруга Светлая"; *III₁*. С. 117–118, "Май 1907", в разд. "Возмездие"; *III₂*. С. 222, "Май. 1907"; *III₃*. С. 288.

Стихотворение набрано курсивом только в *III₃* (*Кор₂ Земли*).

Окончательный текст – *Корона*, *III₁*, *III₃*. Заглавие "Ты отошла" и эпиграф – только в *ЗС*.

Автограф стихотворения Блок выслал жене в письме от 30 мая 1907 г., в письме к ней от 3 июня он спрашивал: "Что ты думаешь о стихотворении?" Л.Д. Блок отвечала 6 июня: "Получила твое письмо со стихотворением. Оно мне ужасно приятно и очень нравится. Только в последней строфе мысль выражена нехорошо, непонятно с первого раза. Надо бы переделать первые две строки"; в письме к Блоку от 8 июня 1907 г. она вновь обращалась к образной системе стихотворения: «Мне даже теперь не хочется и говорить ни о чем, только бы тебя видеть, быть с тобой и чтобы тебе казалось хоть иногда, что есть где "приклонить главу"» (*ЛН*. Т. 89. С. 204–206). Критические замечания жены, видимо, не убедили Блока: в дальнейшем он текст стихотворения не дорабатывал.

В автографе стихотворение адресовано жене ("Л.Д.Б."), во многом навеяно отношениями с нею, какими они сложились к лету 1907 г., и тем самым заключает в себе непосредственно автобиографический аспект. В то же время оно вбирает предельно общие смыслы, характеризующие поэтическую личность Блока, в которой факты индивидуальной и общественной, исторической жизни, "образ женщины, возлюбленной, и образ родины, родной земли (Галилея) (...) сливаются" (*Долгополов Л.К.* Александр Блок. Личность и творчество. 2-е изд. Л., 1980. С. 57–58), – что и позволяет этому стихотворению предельно личного звучания открывать раздел, посвященный историческому осмыслению судеб России.

Исследователи обратили внимание на связь между стихотворением и Житием Марии Египетской, христианской подвижницы VI в., распространенным в древнерусской книжности переводным памятником (см. статью О.В. Творогова в кн.: Словарь

книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 161–162). По сюжету жития, монах Зосима, задумавшийся над тем, "есть ли кто на свете, превосходящий его благочестием", встречает в Иорданской пустыне нагую женщину – преподобную Марию, которая скитается в пустыне 47 лет, а в прошлом была блудницей в Александрии и после чудесного знамения обратилась к вере. "После того как Зосима отдает Марии свою ризу, чтобы она могла прикрыть наготу, они бросаются на песок и, распростершись ниц, просят благословения друг у друга. Во время молитвы, слова которой остаются непонятными старцу, преподобная отделяется от земли и висит в воздухе". Спустя год старец возвращается в пустыню и причащает святую, а еще год спустя обнаруживает на том же месте ее тело и погребает его. Сюжет Жития Марии Египетской приводим в изложении И.П. Смирнова, проследившего связь между ним и сюжетно-образными коллизиями стихотворения Блока – отнесение действия в пустыню, мотив приникновения к песку, отказ от "слова гордого", мотив высоты – духовной и физической, – доступной для святой, и др. (Смирнов И. "Бытия возвратное движенье" // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 53–55).

Ты отошла, и я в пустыне... – Ср. строки из более ранних стих. Блока: "Ты отошла, не дав ответа" ("Мы шли на Лидо в час рассвета...", 1903), "Отошла Я в снега без возврата" ("Без Меня б твои сны улетали...", 1902), "Ты в поля отошла без возврата" ("Вступление", 1905) (т. 1 наст. изд., т. 2 наст. изд.). В данном стихотворении глагол "отошла", соотносясь по смыслу с цитированными строками ("отошла" – то есть "ушла"), неоднозначен, что было отмечено Ю.Н. Тыняновым: «Слово "отошла" разносится сразу по двум лексическим рядам: русскому и церковнославянскому, с разными основными признаками (отойти – умереть и отойти – уйти). В данном случае (в начале стихотворения) неясно, какой основной признак выступает в контексте, – и значение представляется колеблющимся между двумя основными признаками, пока дальнейшая лексика не создает среду, благоприятную для ассоциации с церковнославянской лексикой (...) Нечего и говорить, что колеблющийся признак остается и после того, как определился здесь основной" (Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965. С. 135–136). Параллель с Житием Марии Египетской способна дополнительно усилить смысловую связь с церковнославянским лексическим рядом.

... *К песку горячему приник.* – Образ горячего песка, не акцентированный в Житии Марии Египетской, восходит, видимо, к характеристике этого памятника в романе Ф.М. Достоевского "Подросток" – в пересказе странника Макара Ивановича, названного отца героя: «Я запомнил, например, из этих рассказов один длинный рассказ – "Житие Марии Египетской" (...) это почти нельзя было вынести без слез, и не от умиления, а от какого-то странного восторга: чувствовалось что-то необычайное и горячее, как та раскаленная песчаная степь со львами, в которой скиталась святая» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 309). См.: Смирнов И. "Бытия возвратное движенье". С. 54.

... *Не может вымолвить язык.* – Реминисценция строки "Псалма" ("Коль славен наш Господь в Сионе...") М.М. Хераскова, положенного на музыку Д.С. Бортнянским: "Не может изъяснить язык".

... *Ты – родная Галилея // Мне – невоскресшему Христу.* – Галилея – область к западу от реки Иордан, в которой Иисус Христос провел первые тридцать лет своей земной жизни. Ср. признания критика и драматурга В.И. Самойло в письме к Блоку от 29 октября 1909 г.: «... Ваша поэзия, – Вы сами чувствуете это ("невоскресший Христос!"), – (...) дает очень немного больше романтико-эстетического утешения..."; "Вы предтеча предтечи, "невоскресший Христос" (...) И конечно, это – Ваше интимное

страдание» (Калинкович Н. Как дань глубокого уважения... Письма В. Самойло к А. Блоку // Неман, 1979. № 11. С. 157, 158). См. также: Файнберг М.А. Письма к Блоку В.И. Самойло // ЛН. Т. 92. Кн. 5. С. 579–582.

И пусть другой тебя ласкает... – Мотив, соотносимый с Житием Марии Египетской ("блудническое" прошлое подвижницы), включает, вероятно, и скрытый биографический подтекст: несостоявшийся "роман" Л.Д. Блок с Андреем Белым в 1906 г., связью ее с Г.И. Чулковым в 1907 г.

... *Сын Человеческий не знает, // Где приклонить ему главу.* – Евангельская цитата; ср.: "Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову" (Мф. VIII. 20; Лк. IX. 58). Эти же слова почти одновременно были использованы Блоком в статье "О лирике" (июнь–июль 1907 г.): "... нищий, ничем не прикрытый, не ведающий, где приклонить голову. Этот Человек – падший Ангел-Демон – *первый лирик*" (СС-85. С. 131).

"В ГУСТОЙ ТРАВЕ ПРОПАДЕШЬ С ГОЛОВОЙ..."

(С. 168)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₆. Л. 9 об. – 10 ("На родине"), "12 июля"; БА – ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1369. Л. 1–1 об. ("На родине"), подпись под текстом: "Александр Блок"; БА – НР₁ III₁. Л. 37 ("Parva domus – magna quies"); кор.л. – НР₂ III₁. Л. 88, "1908" (дата – автограф); АС – Изборник. Л. 233, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; Кор₂ Земли. Л. 163, "1907".

Впервые: "Трудовой путь" (ТП). 1907. № 12. С. 1, под загл. "На родине", с делением текста на восемь четверостиший.

Публикации: ЗС. С. 17 ("На родине"), в разд. "Подруга светлая"; III₁. С. 168, "1908"; III₂. С. 223; III₃. С. 289.

Первоначальная редакция текста представлена в Т₆, БА ИРЛИ и в первой публикации, где текст разделен на восемь четверостиший. Каждые два стиха объединены в один впервые в ЗС. Заглавие "На родине" снято при подготовке III₁, при этом как новое заглавие в НР₁ III₁ вписан текст эпиграфа к стихотворению, с которым оно публиковалось в ЗС: "Parva domus – magna quies"; однако в печатный текст это заглавие не вошло.

Окончательный текст – III₁.

Стихотворение развивает мотив мистического бракосочетания Прекрасной Дамы с грядущим Женихом, характерный для блоковской лирики "первого тома", и непосредственно соотносится со стих. "Мой любимый, мой князь, мой жених..." (1904). Тема возвращения в "тихий дом" после жизненных скитаний сближает стих. с драмой Блока "Песня Судьбы" (1908). См.: *Правдина И.С.* Из истории формирования цикла "Родина" С. 20–21. См. также развернутую интерпретацию стихотворения: *Бураго С.Б.* Александр Блок. Очерк жизни и творчества. Киев, 1981. С. 163–164; *Дербенев Г.И.* Антиномия борьбы и покоя в поэзии А. Блока // Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции. Омск, 1984. С. 83–89.

В рецензии на книгу Блока "Снежная ночь" В.М. Волькенштейн назвал стихотворение в ряду тех, в которых "очаровательная хрупкость, нежность слова и сила чувства сливаются воедино" (Современный мир. 1912. № 5. С. 311).

В густой траве пропадешь с головой. – Ср. стихотворные черновые наброски

Блока (июль–август 1902 г.): "Пропаду я в высокой траве"; "Пропаду я в речной осоке (СС-124. С. 250, 251).

... И, статная, скажет: "Здравствуй, князь. – Князь – наименование жениха в величальных песнях русского свадебного обряда. Ср. 1-ю строку стих. "Мой любимый, мой князь, мой жених..." (т. 1 наст. изд.), в стих. "Я живу в пустыне..." (1903): "Князь мой, милый, ты", "Друг мой, князь мой милый" (т. 4 наст. изд.); слова Фаины в драматической поэме "Песня Судьбы" (1908): "Приди ко мне! (...) Князь! (...) Жених!" (СС-84. С. 149). Об этом образе у Блока см.: Левинтон Г.А. Заметки о фольклоризме Блока // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 177–178.

Вот здесь вчера – повилিকা вилась. – Ср. в стих. "Мой любимый, мой князь, мой жених...": "Повилкой средь нив золотых // Завилась я на том берегу" (т. 1 наст. изд.).

Д р у г и е   р е д а к ц и и   и   в а р и а н т ы

Эпиграф. (ЗС) – Parva domus – magna quies (лат.) – Малый дом – большой покой.

"ЗАДЕБРЕННЫЕ ЛЕСОМ КРУЧИ..."

(С. 168)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₁₇. Л. 11 об. – 12; ЧН – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1, "окт(ябрь) 1907" (над текстом); ЧА – Там же. Л. 2, 3; БАП – Т₈. Л. 79 об., "окт(ябрь) 1907" – 29 авг(уста) 1914", исправлено: "окт(ябрь) 1907 – (29 авг(уста) 1914)"; БАП – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44 а. Л. 2, "1907 X (–1914 VIII)"; Кор₂ Земли. Л. 163 об. (С. 290).

Впервые: ЕЖ. 1914. № 10. С. 3, первое в цикле из двух стихотворений под общим загл. "Россия" (вместе со стих. "Ветер спал, и слава зарева...").

Публикации: СР. С. 31; III₂. С. 225, в разд. "Родина"; III₃. С. 290.

Первоначальные черновые наброски (октябрь 1907 г.), относящиеся к стихотворению (ЧН ЗК₁₇, ЧН ИРЛИ), близки по составу текста друг к другу, но весьма далеки от основной редакции стихотворения, содержат образы и мотивы, не нашедшие в ней отражения.

В ЧА ИРЛИ строфы 3-я (ст. 9–12) и 4-я (ст. 13–16) записаны в обратной последовательности, 3-я строфа зачеркнута. В Т₈ ст. 9–12, соответствующие основному тексту, вписаны.

Основная редакция стихотворения представлена в первой публикации. Позднее Блок сократил стихотворение: вычеркнул 3-ю и 5-ю, заключительную строфы (Т₈, БАП РГАЛИ). Однако в СР отсутствует только 5-я строфа. В III₂ текст восстановлен в прежнем объеме.

Окончательный текст – III₂.

К маю–июню 1908 г. относится запись Блока, неосредственно связанная с первоначальными набросками текста стихотворения: "Бич пастуший. Под заревом старинной веры. Глаза сияют под платком" (ЗК. С. 108).

Начало работы над стихотворением относится ко времени пробуждения у Блока острого интереса к русскому старообрядчеству и сектантству. 20 сентября 1907 г. он писал матери: "Хочу заниматься русским расколом", 28 сентября – ей же: "... находить время заниматься расколом (...)". Этот интерес сохранялся у Блока длительное время. 30 ноября 1908 г. он сообщал матери: "... мы (...) пошли к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это – не последний раз"; в ночь с 16 на 17 февраля 1909 г.

записал: "К сектантам – в Россию" (ЗК. С. 131; ср. мемуарные свидетельства А.Д. Скалдина в кн.: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 180–181); 15 декабря 1908 г. отметил (в связи с Д.С. Мережковским): "раскольничий огонь" (ЗК. С. 123) и т.д. 27-м октября 1907 г. датируется набросок стих. "Меня пытали в старой вере..." (см.: СС-8₂. С. 336). Ближайшим образом этот интерес был стимулирован общением Блока с Н.А. Клюевым, завязавшимся осенью 1907 г. (см. вступительную статью К.М. Азадовского к письмам Клюева Блоку – ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 432–443), и в целом был вызван тяготением поэта к постижению "народной души" и к сближению с нею. О "грозном и огромном явлении", растущем в России, – сектантстве Блок писал в статье "Литературные итоги 1907 года" (СС-8₅. С. 215).

В стихотворении отразились представления Блока об "огненной", "аввакумовской", раскольничьей России. Тема самосожжения старообрядцев (наиболее отчетливо заданная в первоначальных набросках стихотворения) затронута Блоком также в драматической поэме "Песня Судьбы" (1908) – в рассказе Монаха (II картина): "В черную ночь увидал я багровое зарево над рекой. Это – раскольники сжигались: старая вера встала заревом над землею... (...) Ветер гнул деревья, и далеко носились искры, и пламя крутилось в срубах" (СС-8₄. С. 116). В окончательной редакции стихотворения, вероятно, отразились впечатления Блока от оперы М.П. Мусоргского "Хованщина", развивающей тему "раскола" и самосожжения; Блок был на представлении "Хованщины" 18 ноября 1911 г. в Мариинском театре (с Ф.И. Шаляпиным в роли Досифея) и на следующий день изложил свои восторженные впечатления в письме к матери. См.: Волков С., Редько Р. А. Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени // Блок и музыка. Сб. статей. Л.; М., 1972. С. 110–111. Обращаясь к изображению старообрядцев-самосожженцев, Блок, безусловно, опирался также на роман Д.С. Мережковского "Антихрист (Петр и Алексей)" (1905) – третью часть трилогии "Христос и Антихрист"; в кн. 9-й романа ("Красная Смерть") в подробностях описываются раскольничий скит в лесах Ветлуги и массовое самосожжение в срубе. Сведения о быте заволжских старообрядцев, о раскольничьих скитах и тайных сектах Блок почерпнул также из романа П.И. Мельникова (Андрея Печерского) "В лесах" (1874); ср. его запись от 6 марта 1908 г.: «Фаина – "В лесах" Печерского. Тоже – раскольница с демоническим» (ЗК. С. 103).

Другие редакции и варианты

Так смуглолица и статна ~ Глаза сияли под платком (ЧН ЗК₁₇). – Ср. слова Монаха в драматической поэме "Песня Судьбы" (II картина): "Высоко, над обрывом стояла статная девушка и смотрела далеко за реку. Как монахиня, была она в черном платке, и только глаза сияли из-под платка" (СС-8₄. С. 115).

Теперь глухой бастыльник виснет... – Бастыльник – сорная крупная трава, бурьян (в нижегородских говорах).

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Автографы и авторизованные тексты: БАП – Т₆. Л. 50–51, 55–55 об., 62–62 об., 73 об.; АСП – НР НЧ. Л. 7–11, текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие и правка рукой Блока; кор. л. – НР₁ III₁. Л. 33–36 об.; кор. л. – НР₂ III₁. Л. 95–96, ["1908"]; печ. текст – *Изборник*. Л. 261–271.

Первые: *Шиповник* 10. С. 273–278, под загл. "На Куликовом поле (стихи)".

Публикации: *НЧ*. С. 7–14, в разд. "На родине (1908–1910)"; *III₁*. С. 182–186; *СР*. С. 5–12; *III₂*. С. 226–231, "1908"; *III₃*. С. 291–296.

В первой публикации и во всех последующих авторских сборниках (а также в макете *Изборника*) цикл воспроизводится в неизменном составе и последовательности входящих в него стихотворений.

В *НР НЧ* – помета Блока: "(все 5 стих(отворений) печатать подряд)".

Историческая основа цикла – битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 г., в районе рек Дона и Непрядвы, между золотоордынским войском, предводительствуемым Мамаем, и ратью великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича (Донского), закончившаяся победой русских и сыгравшая решающую роль в освобождении Руси от монгольского ига.

В *III₁* цикл сопровождается авторским примечанием: "Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди". Убежденность Блока в возвращении, повторение исторических событий проецируется на идею о "вечном возвращении" Ф. Ницше, обоснованную в философской поэме "Так говорил Заратустра" (1885), и подчиняет себе всю художественную структуру цикла: исторические и современные темы и мотивы перекликаются друг с другом и в конечном счете сливаются в нерасторжимое целое под знаком вечности, художественное время циклично, начала и концы явлений не прояснены. Идея "вечного возвращения" реализуется в цикле и на лексико-синтаксическом уровне: постоянные подчеркивания возобновляемости и незавершенности событий ("*И нет конца*"; "*И опять, опять* они кричат"; "*Опять* с вековой тоскою"; "*Опять* над полем Куликовым"; "Над вражьем станом, *как бывало*"), повторения лексем ("*Летит, летит* степная кобылица", "*Плачь, сердце, плачь*"), цепевидные синтаксические конструкции ("... *долгий путь! // Наш путь* – стрелой татарской древней воли (...) *Наш путь* – степной, *наш путь* – в тоске безбрежной, // *В твоей тоске*, о Русь!") и т.п. (См.: *Йованович М.* Миф о "вечном возвращении" в разделе "Родина" Александра Блока // *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1984. Vol. XXV (1). P. 61–88). Тем самым историческая коллизия становится символическим прообразом противоборства двух метафизических начал – "русского" и "татарского"; эти начала Блок провидит в народной душе, в национальной психологии, в явлениях общественной жизни. Цикл "На поле Куликовом" дает наиболее отчетливое представление о специфике исторического мышления Блока, для которого характерны убежденность в обратимости разворачивающихся во времени событий, переживание истории в эсхатологическом плане – как преодоление времени и ожидание конца истории (см.: *Паперный В.* К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока (Цикл "На поле Куликовом") // *Сб. тр. СНО филологического факультета. Русская филология. V. Тарту, 1977. С. 67–69*).

Тематика, затрагиваемая в цикле, волновала Блока с юности. Еще в стих "Гамаюн, птица вещая" (1899) он писал про "иго злых татар (...) злодеев силу, гибель правых..." (т. 1 наст. изд.); ср. упоминание "Мамая с Куликовского поля" (в контексте размышлений о "прошлом покое и о грядущем перевороте") в письме к А.В. Гиппиусу от 23 июля 1902 г. "Татарское" для Блока при этом – понятие не столько этнографическо-национальное, сколько историософское и нравственно-психологическое (*Альфонсов В.Н.* Тема России в лирике А.А. Блока в 1905–1916 гг. // *Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена. Л., 1957. Т. 164. Ч. 1. С. 14*); оно было одним из обозначений "восточного" начала в той системе мифологем Востока и Запада, которая непосредственным образом восходила к Вл. Соловьеву и соотноси-

лась с соловьевской идеей "панмонголизма" – "Востока Ксеркса", деструктивных мистических начал, угрожающих христианскому миру; Соловьев так же, как и Блок, осмыслил события древнерусской истории, отразившие борьбу с восточными кочевниками, под символическим, провиденциальным углом зрения, ср. его стих. «Ответ на "Плач Ярославны"» (1898):

Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Все тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.

(Соловьев Вл. Стихотворения
и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 124
("Б-ка поэта", большая серия))

Идея написания цикла связана с переработкой первоначальной редакции драматической поэмы "Песня Судьбы" (в соответствии с пожеланиями К.С. Станиславского, ознакомившегося с нею в мае 1908 г.); в дневниковой записи от 1 декабря 1912 г. Блок вспоминал об этом: «1908 год (...) Станиславский (...) велел переделать две картины, и я переделал в то же лето в одну (здесь родилось "Куликово поле" – в Шахматове)»; см.: Усок И.Е. Куликовская битва в творчестве Александра Блока // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 260–266). В пятой картине "Песни Судьбы" Герман произносит монолог о сражении на Куликовом поле: "Все, что было, все, что будет, – обступило меня: точно эти дни живу я жизнью всех времен, живу муками моей родины. Помню страшный день Куликовской битвы" (СС-84. С. 148). В монологе Германа уже присутствуют многие элементы идейно-образной структуры, развитые в стихотворном цикле.

Темы Куликовской битвы Блок касается также в статье-докладе "Россия и интеллигенция" (1908 г.; позднее заглавие – "Народ и интеллигенция"). Воссоздаваемая в статье картина двух станов – татарского и русского, – стоящих друг против друга в ночной тишине перед сражением на Куликовом поле, является для Блока символическим прообразом современной общественной ситуации: "Есть между двумя станами – между народом и интеллигенцией – некая черта, на которой сходятся и сговариваются те и другие. Такой соединительной черты не было между русскими и татарами, между двумя станами, явно враждебными; но как тонка эта нынешняя черта – между станами, враждебными тайно! Как странно и необычно схождение на ней! (...) тонка черта; по-прежнему два стана не видят и не хотят знать друг друга, по-прежнему к тем, кто желает мира и сговора, большинство из народа и большинство из интеллигенции относятся как к изменникам и перебежчикам. Не так ли тонка эта черта, как туманная речка Непрядва? Ночью перед битвой вилась она, прозрачная, между двух станов; а в ночь после битвы и еще семь ночей подряд она текла, красная от русской и татарской крови" (СС-85. С. 323–324). Несколькими годами позднее Блок (в письме к В. Пясту от 6 июня 1911 г.) констатирует то же положение вещей с еще большей тревогой: "... начавшееся при Петре и Екатерине разделение на враждебные станы должно когда-нибудь естественно окончиться страшным побоищем". При этом неправомочно было бы считать, что Блок прямо и конкретно уподобляет современные "станы" – народ и интеллигенцию – русским и татарам на Куликовом поле (мнение, что "татарский стан" у Блока – иноказательное обозначение русской интеллигенции, одно время бытовало в блоковедческой литературе; его разделяли и некоторые современники Блока, ср.: "И стало мерещиться, что пораженцы, эти (...) не понимающие государственного патриотизма интеллигенты, безбожные, отрекшиеся подчас не только от общества и церкви, но и от Христа, – перебежчики через Непрядву, покинувшие святой русский стяг Дмитрия Донского". – Анничков Е. Новая

русская поэзия. Берлин, 1923. С. 100–101). Противоборство русских и татар для Блока – не аллегория, а историческая аналогия; содержание и смысл грядущих битв видится ему не в борьбе между народом и интеллигенцией, а в их совместном противостоянии разрушительным началам, угрожающим культуре и духовности, условно определяемым как "панмонголизм", "желтая опасность", тираническому нигилизму в самых многообразных идеологических, социальных и национальных формах (см.: *Максимов II*. С. 365–367). Сама ассоциация враждующих идеологических лагерей с русским и татарским станами на Куликовом поле, возможно, восходит к повести В.А. Слепцова "Трудное время" (1865); герой повести разночинец Рязанов говорит (гл. VIII): «... вижу я битву на Куликовом поле, слышу стук мечей, стоны умирающих. "Инде татаре теснят россиян; инде россиянин теснит татарина" ... а еще больше того вижу подвиг воинов гражданской глупости, свойственных мирным россиянам» (*Слепцов В.А.* Соч.: В 2 т. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 188–189). См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* "На поле Куликовом" Блока и памятники Куликовского цикла // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л., 1979. С. 86.

Три первых стихотворения цикла были написаны в первой половине июня 1908 г., четвертое – в июле, над пятым стихотворением Блока работал в октябре и закончил его в декабре 1908 г. 23 декабря 1908 г. он отослал цикл для опубликования в организовывавшемся тогда в Петербурге новом модернистском журнале "Аполлон" (1 ноября 1908 г. Блок был "у С. Маковского на учредительном собр(ании) нового большого журнала" – "Аполлона"; см.: *Письма к родным, I*. С. 227). В сопроводительном письме от 23 дек. 1908 г. к С.К. Маковскому, редактору будущего издания, он писал: «Вот Вам любимый мой цикл, пожалуй, лучшее, что я писал в этом году (из лирических стихов). Нравятся ли Вам эти стихи? Здесь 120 строк. Больше не посылаю Вам, потому что хочу, чтобы этот цикл появился отдельно, ничем не разбавленный. Буду очень Вам признателен, если сможете перевести мне гонорар за него до выхода "Аполлона"; текст исправлен по оригиналу, хранящемуся в личном архиве М.Л. Лозинского). Однако издание "Аполлона" тогда наладить не удалось (см.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 140), журнал начал выходить только с осени 1909 г., и Блок передал цикл в альманах "Шиповник". 12 марта 1909 г. он сообщал матери: «"Песня Судьбы" выйдет в IX альманахе в апреле, а "На поле Куликовом" – в X-м – в мае». 10-й выпуск альманаха "Шиповник" вышел в свет в июле 1909 г.

Первые печатные отклики на публикацию цикла в *Шиповнике 10* были неблагоприятными, что, видимо, отчасти объяснялось неподготовленностью критики к восприятию новых блоковских тем. В. Малахнева-Мирович в рецензии на 10-ю книгу "Шиповника" писала: «Этот альманах состоит из пьесы Метерлинка "Мария Магдалина" и третьей части "Навских чар" Сологуба. "Куликовская битва" Блока – не в счет. Певец трагических арлекинад и элегантного устремления к звездам, голосом, созданным для славословия Прекрасной Дамы, для напевов Пьерро и мечтаний о таинственных незнакомках, – запел о Непрядве, о "поганой орде", о "молнии боевой" – и вышло так вяло и фальшиво, что в интересах самого поэта, чтобы эту Куликовскую битву читатель или совсем не прочел, или прочел и забыл настолько, чтобы никогда ее с именем Блока не связывать» (*PM*. 1909. № 10. 3-я паг. С. 235). Сходным образом – как нечто чужеродное поэтическому дарованию Блока – воспринял цикл Б.А. Садовской: «Мы не имеем права сетовать на рыцаря "Прекрасной Дамы" за его превращение в модернизированного "народника", темно и вяло тоскующего о народной стихии, но грустно и больно, когда истинный поэт подменяет свое стихийное творчество какой-то придуманной теоретической стихией (...) В стихотворениях "На Куликовом поле" не замечается внутренней необходимости, которая оправдывала бы

их появление и, по-видимому, само Куликово поле послужило лишь внешним предлогом к написанию цикла хороших, но ненужных, каких-то беспредметных стихов. Поэтический стих Блока давно уже освободился от нежной изысканности, которою он щеголял когда-то, а с этою изысканностью прошло и все их очарование. Хуже всего, что последние стихотворения напоминают местами что-то знакомое, уже читанное когда-то" (*Голов И. [Садовской Б.А.] Розы без шипов // Весы. 1909. № 9. С. 95*). Позднее Садовской, впрочем, изменил свое мнение; в письме к Блоку от 9 ноября 1911 г. он признавался: «Без мурашек не могу читать "Поля Куликова" и "России"» (*РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391*). Скептическое отношение к циклу высказывали и впоследствии; так, В.М. Волькенштейн в рецензии на "Снежную ночь" Блока отмечал, что "чисто внешнюю новизну вносят его итальянские или древнерусские мотивы" (*Современный мир. 1912. № 5. С. 311*).

Восторженную реакцию вызвала первая публикация цикла у Андрея Белого. Он вспоминает: «Летом 1910 года произошла моя последняя, третья встреча с А.А. (...) Я случайно прочел в Волынской губернии стихотворение "Куликово поле", и действие этого стихотворения на меня было действием грома. (...) "Куликово поле" было для меня лейтмотивом последнего и окончательного "да" между нами. "Куликово поле" мне раз навсегда показало неслучайность наших с А.А. путей, перекрещивающихся фатально и независимо от нас, ибо стиль и тон настроения, вплоть до мельчайших подробностей, был выражением того самого, к чему я пришел, что я чувствовал, что я переживал всеми фибрами своей души, не умея это все высказать в словах. И вот А.А. за меня выразил в своем стихотворении это мое, т.е. опять-таки "наше с ним"» (*Воспоминания, 1. С. 319*); «... попалося "Куликово поле" мне, строчка за строчкою совпадая с интимнейшими переживаниями этих лет жизни; вся тема его: нависание мглы и угроза востока (татарства), и чувство необходимости вооружаться для боя с оккультным врагом были мной пережиты (...)» (*Белый А. Воспоминания о Блоке // Опыта. Берлин, 1923. № 4. С. 173*). Цикл "На поле Куликовом" явился для Белого одним из стимулов к восстановлению отношений с Блоком, которые были разорваны в начале мая 1908 г. 15/28 марта 1911 г. он писал Блоку из Каира: «... то, что мучило наши души, теперь оно начинает грохотать на востоке: скорей бы... "Куликово поле", милый – то "Куликово поле", которое показало мне, что и Ты... Ты знаешь. Стало быть наши дороги, не нами избранные, до смерти одного из нас будут всегда неожиданно... (...) *сходиться*» (*Блок и Белый. С. 251*). В письме к А.М. Ремизову (апрель 1913 г.) Белый называл "На поле Куликовом" "произведением вещим", одной из "вех русской литературы" (*Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 50–51*). Эсхатологический подтекст, уловленный Белым в цикле "На поле Куликовом", отразился в его романе "Петербург" (1911–1913; гл. II. Главка "Бегство"), в котором образ Куликова поля непосредственно соотносится с блоковским:

"Бросятся с мест своих (...) все народы земные; брань великая будет, – брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обагрят поля европейские океанами крови; будет, будет – Цусима! Будет – новая Калка!..

Куликово Поле, я жду тебя!

Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. Если, Солнце, ты не взойдешь, то, о, Солнце, под монгольской тяжелой пятой опустятся европейские берега (...)" (*Белый А. Петербург. Л., 1981. С. 99*). Этот фрагмент "Петербурга" сопоставил с заключительным стихотворением цикла Блока Вл. Рындзюн в статье «"Сегодня" и "вчера" в русской поэзии».

Высоко оценил цикл и С.М. Соловьев: «Появились стихи Блока "На поле Куликовом", где я радостно узнал мощные и светлые звуки прежнего певца "Прекрасной Дамы"» (*Воспоминания, 1. С. 124*); в письме к Блоку от 25 июня 1912 г. Соловьев

привел заключительную строфу 3-го стихотворения цикла, добавив: «Твое "Куликово поле" любимые стихи мои и моей невесты (...)» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 405).

В литературной критике 1910-х годов возобладало отношение к циклу "На поле Куликовом" как к одному из вершинных созданий Блока-поэта. Н.С. Гумилев в рецензии на "Ночные часы" (Аполлон. 1912. № 1) отметил цикл как пример органического соединения исторической и любовной (так он понимал отношение лирического героя цикла к "светлой жене") тем: «Как никто, умеет Блок соединять в одной две темы, – не противопоставляя их друг другу, а сливая их химически (...) в "Куликовом поле" – нашествие татар и историю влюбленного воина русской рати. Этот прием открывает нам безмерные горизонты в области поэзии» (Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 93). Е.В. Аничков рассматривал цикл как обращение Блока к проблемам национального самосознания: "... недаром вспомнилась та битва поэту. Не западничество победило тогда татару, потому что западничество только учит. И исполать ему: пусть учит, но костями ложится не западничество, а то другое в нас. Вот смотрите, как оно кривляется и фиглярит, и палачествует, и дразнит, на все лады, но горит полымем в сердце то же самое, только настоящее, свое, что произнесем мы в святости лишь в великий час предела наших скорбей и мук" (Аничков Евг. "Ночные сны" Александра Блока // Запросы жизни. 1911. № 9. 2 декабря. Стб. 566).

Многие из писавших о "На поле Куликовом" подчеркивали остро современное звучание этого произведения: «... цикл "На поле Куликовом" озаменован печатью гнета и тоски безвременья, вещей предчувствий страшного грядущего (...), уже висящего в воздухе» (Рындзюн В. "Сегодня" и "вчера" в русской поэзии); «Пророческие намеки (...) я вижу в цикле стихов "На поле Куликовом" (...) К известной исторической Куликовской битве они не имеют никакого отношения (...) Вообще, смысл этих пяти стихотворений казался совершенно темным в 1908 году, когда они были написаны, но события недавних лет неожиданно (вероятно, и для самого автора неожиданно) дают к ним ключ. Если б к этим стихам применить тот метод исторической критики, которым пользуются ученые для хронологического приурочения библейских текстов, то вывод показался бы бесспорным: стихи написаны не в 1908 году, а на 11 или 12 лет позднее» (Губер П. Гражданские мотивы в поэзии Блока // Литературные записки. 1922. № 3. С. 3). Рецензируя сборник Блока "Стихи о России", открывавшийся циклом "На поле Куликовом", Георгий Иванов отмечал: "Этот цикл определяет тон всей книги – просветленную грусть и мудрую ясно-мужественную любовь поэта к России" (Аполлон. 1915. № 8–9. С. 97). В. Львов-Рогачевский, расценивший "На поле Куликовом" как "цикл прекраснейших, по тревожно-волнующей музыке, стихов", утверждал: "Крест России становится крестом Блока, ее Голгофа – его Голгофа. Символ Куликова поля становится излюбленным символом" (Львов-Рогачевский В. Поэт-пророк. Памяти А.А. Блока. М., 1921. С. 16). Андрей Белый в "Воспоминаниях о Блоке" интерпретировал цикл в историософском плане, сопоставляя его, в частности, со своим романом "Петербург" и его идейной проблематикой: «Россия, стоящая меж востоком и западом, должна явно сказать свое "нет", чтобы выполнить миссию: отражения бойни с востока; она – щит (...) В 1908 году Блок предчувствовал "бой": в образе воспоминания о Куликовом Поле встает поле будущего; святость русско-вселенского дела требует незапятнанности "щита", поставленным пред востоком и заграждающим Европу: в "щите" отразится ведь лик Богородицы» (Эпопея. № 4. С. 301, ср. с. 141, 144, 211, 240, 261–267). От цикла "На поле Куликовом" прослеживается линия преемственности к позднейшим произведениям Блока – стих. "Скифы" (см., например: Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 196) и поэме "Двенадцать" (см. обзор параллелей в кн.: Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия. М.; Пг., 1923. С. 65–67).

25 апреля 1921 г. Блок читал "На поле Куликовом" на своем вечере в Большом драматическом театре в Петрограде (см. воспоминания Н.И. Комаровской: *Воспоминания*, 2. С. 349–350).

Большинство исследователей цикла отмечают двойственность его лирического героя – это одновременно и исторический персонаж, воин, участник Куликовской битвы, и лирический двойник автора. Неоднозначная определенность лирического героя позволяет выдвигать различные концепции относительно внутренней организации и сюжета, прослеживаемого в линейной последовательности пяти составляющих цикл стихотворений. Большинство исследователей рассматривают 1–3 стихотворения цикла как звенья единой сюжетной цепи (1 – путь в степь, 2 – ожидание битвы, 3 – ночь перед битвой), относительно стихотворений 4 и 5 существуют различные трактовки, сводящиеся, однако, как правило, к признанию того, что, в них историческое становится уже целиком символом современного и провиденциального (*Евреинова Н.Н.* Цикл стихов А. Блока "На поле Куликовом" и его источники в древнерусской литературе // *Русская советская поэзия и стиховедение*. М., 1969. С. 154–155). В частности, П.П. Громов осмысляет стихотворения 1–2 как первые два акта лирической трагедии, ведущие к кульминации (3), стихотворение 4 – как новую трагедийную перипетию («процесс духовного самоопределения "новой интеллигенции"»), стихотворение 5 – как "утверждение действенного, исторически активного поведения человека в неизбежно надвигающемся {...} грандиозном общественном конфликте" (*Громов П. А.* Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 342–345). Г.П. Федотов видит в стихотворениях 2–3 утверждение темы верности, сменяющейся в стихотворении 4 страстным отчаянием, а в стихотворении 5 – разрешение внутреннего конфликта: "От смирения и жертвенной верности к радости любви услышанной, к восторгу неземных видений" (*Богданов Е.* [*Федотов Г.П.*]. На поле Куликовом // *Современные записки*. Париж, 1927. Т. XXXII. С. 420; *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 105). В то же время налицо и определенный изоморфизм образно-тематической структуры стихотворений, составляющих цикл: каждое стихотворение (отчасти за исключением первого) повторяет движение от тьмы и ночи к свету и дню (см.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* "На поле Куликовом" Блока и памятники Куликовского цикла. С. 91–92).

Цикл насыщен многообразными внутренними связями с произведениями конца XIV – начала XV в., посвященными Куликовской битве ("Задонщина", "Сказание о Мамаевом побоище"), со "Словом о полку Игореве" и другими памятниками древнерусской литературы. С памятниками Куликовского цикла Блок был знаком скорее всего по изданию: *Шамбинаго С.К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

1. "РЕКА РАСКИНУЛАСЬ. ТЕЧЕТ, ГРУСТИТ ЛЕНИВО..."

(С. 170)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₀*. Л. 21 об. – 24, "7 июня. Шахматово" (над текстом), "7 июня (19)08. Шахм(атово) вечер. Письмо Л(юбы) из Грозного"; *БАП – Т₆*. Л. 50–50 об., "7 июня. Шахматово" (факсимиле опубл.: Александр Блок. М., 1986. С. 152); *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 76–76 об., "7.VI.(19)08. Шахматово", подпись под текстом: "Александр Блок", при письме к Л.Д. Блок от 9 июня 1908 г.; *АСП – НР НЧ*. Л. 7–7 об., текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, правка и порядковый номер – рукой Блока; кор. л. – *НР₁ III₁*. Л. 33–33 об.; кор. л. – *НР₂ III₁*. Л. 95; печ. текст – *Изборник*. Л. 261–262; *Кор₂ Земли*. Л. 164–164 об. (С. 291–292).

Впервые: *Шиповник 10*. С. 275.

Публикации: *НЧ*. С. 7–8; *III₁*. С. 182–183; *СР*. С. 5–6; *ЖЖ*. 1915. № 12. С. 16 ("На поле Куликовом"), *III₂*. С. 226–227; *III₃*. С. 291–292.

Основная редакция текста представлена в первой публикации. В дальнейшем печаталось без существенных изменений.

Блок выслал Беловой автограф стихотворения с письмом к Л.Д. Блок от 9 июня 1908 г. (*ЛН*. Т. 89. С. 232–234).

С чтением стихотворения Блок выступал 25 января 1915 г. в зале петроградской Городской думы (см.: *Воспоминания*, 2. С. 101). В 1920 г. Блок выбрал его в числе других шести для записи в авторском чтении на граммофонный валик, осуществленной С.И. Бернштейном (см.: *Павлович Н.А.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1*. С. 452).

Ю.А. Никольский в статье "Александр Блок о России", выделив стихотворение в цикле как "бесспорно чудесное, по прозрению" ("будто предугадано наше время"), предпринял анализ его лексики, ритмической и эвфонической структуры: "Даже при беглом рассмотрении можно увидеть постепенное укорачивание строчек, – оно вполне оправдано внутренне. Первая строфа характеризует застылость и грусть. Хорошо передается такая картина звуковым сочетанием "ст", как бы восходящим к праарийскому "sta": "река... грустит", "в степи грустят стога". Резкое восклицание нарушает печальную идиллию: "О, Русь моя! Жена моя!" Ведь все это "мое", "наше", и оттого боль стрелой пронзает сердце: "до боли нам ясен долгий путь"... Здесь начинается тот бешеный ритм с укорачиваньем стоп, который один достаточно передает бешеную скачку степной кобылицы. Наездник как бы захлебывается в своем неудержимом лёте, и это отражается на стиле "лестницей": одна строка кончается "долгий путь", другая начинается: "наш путь..." и т.д. В следующей строфе снова повторение {...}". В строфе, которую следует признать кульминационной по движению, – продолжает критик, – уже не только человеческий бунт, но и бунт неба:

Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови.

Вообще движение и смятенность находятся в согласии с фонетической структурой. Основная мелодия – чередование гласных "и" и "у", проходящая через все стихотворение, повторяется здесь четырежды в одной строчке.

Поэт хотел разбудить родную Россию – вместо этого всюду кровь. Последняя строфа замедленнее предыдущей. С горечью произносится: "покая нет". Ударные "а" ("плачь", "вскачь") дают печальное разрешение {...)" (*РМ*. 1915. № 11. 3-я паг. С. 16–17).

Метрическая организация стихотворения – чередование пятистопных и двух- или трехстопных ямбов – сближает его со стихотворением А.А. Фета "О, не зови! Страстей твоих так звонок..." (1847), все четверостишия которого представляют собой сочетание строк пятистопного и двухстопного ямба; это стихотворение Фета было хорошо известно Блоку (Н.А. Нолле-Коган в "Воспоминаниях об Александре Блоке" свидетельствует, что он читал его наизусть; см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 363) и, видимо, отразилось в "Река раскинулась..." не только размером, но и отдельными образами и мотивами; ср.: "... дай волю сердцу биться" – "Из сердца кровь струится!"; "... все, что может сниться" – "Покой нам только снится"; "... плакать, как ребенок" – "Плачь, сердце, плачь"; "... возница // Лежит в пыли" – "Сквозь кровь и пыль"; мотив движения: "Рухнула с разбега колесница, // Хоть цель вдали" – "Домчимся", "... летит степная кобылица", "Останови!". Семантический ореол этого размера был связан для Блока также со стихами Жуковского, А.К. Толстого и Вл. Соловьёва (см.: *Левинтон Г.* Две заметки о Блоке. 1. К семантике одного размера у Блока // *Тез. 1 Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века"*. Тарту, 1975.

С. 69–72). Ср. написанное этим же размером стих. Блока "Я стар душой. Какой-то жребий черный..." (1898), включающее сходные образы и мотивы (т. 1 наст. изд.):

... Какой-то жребий черный –
Мой долгий путь. (...)
Мне друг один – в сыром ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья – как в темном океане –
Одна печаль.

См.: *Дербенев Г.И.* Антиномия борьбы и покоя в поэзии А. Блока // *Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции.* Омск, 1984. С. 81–82.

Река раскинулась ~ В степи грустят стога. – В пейзаже первой строфы отмечены специфически среднерусские черты, как указывал Г.П. Федотов: "... степь, где "грустят стога", совсем не та степь, где растет ковыль. В первом случае степь взята вместо лугов, но взята умышленно, предваряя основную тему: тоска-печаль северного поля вливается в тоску-страсть южных степей" (*Богданов Е.* [Федотов Г.П.] На поле Куликовом. С. 419–420; *Федотов Г.П.* Судьбы и грехи России. Т. 1. С. 104). Мотив грусти и образы стогов, вероятно, восходят к тексту "Задонщины": "... лѣжат трупы крестьяньские акы сѣнныи стоги у Дона великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла" (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 13). Анализ семантического поля *реки* в стихотворении см.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* "На поле Куликовом" Блока и памятники Куликовского цикла. С. 74–75.

О, Русь моя! Жена моя! До боли... – Обращение "О, Русь" соотносится с аналогичными формулами в "Слове о полку Игореве" ("О Русьская земле!"), в "Евгении Онегине" Пушкина (эпиграф к главе второй: "О Русь!"), в стихотворениях Вл. Соловьева "Ex oriente lux" (1890) и "Панмонголизм" (1894): "О Русь!". Наиболее широко распространено представление о том, что в этой строке Блок уподобляет Русь жене-возлюбленной: "И не как мать любит он Россию, а как жену, которую находят, когда настанет пора" (*Гумилев Н.* Соч.: В 3 т. Т. 3. С. 92). Вместе с тем не исключено, что слово "жена" здесь заключает в себе значение, характерное для традиционно-поэтической и приподнятой речи в высоком стиле, – женщина вообще (см.: *Харчевников В.И.* Образ Руси в цикле А. Блока "На поле Куликовом" // *Нравственно-эстетические проблемы художественной литературы.* Элиста, 1983. С. 109–113); видимо, именно так воспринимал этот образ Н.А. Клюев, откликаясь на него в стихотворениях, одно из которых посвящено Блоку: "О, кто Ты? Женщина? Россия?", "О, кто ты, родина? Старуха? // Иль властноокая жена?" (*Клюев Н.* Сосен перезвон. М., 1912. С. 36, 39–40). Возможно, образ Руси-жены связан у Блока с древнерусской традицией представления государства в облике женщины, в частности, в аллегории Максима Грека ("Инока Максима Грека Слово, пространне излагающе, с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития") Василия, знаменующая власть, владычество, господство, называется "женой" (в значении "женщина"): "Мир тебе, о жено" и др., – при этом в тексте Максима Грека слово "жена" в нескольких употреблениях соседствует со словом "путь". См.: *Евреинова Н.Н.* Цикл стихов А. Блока "На поле Куликовом" и его источники в древнерусской литературе // *Русская советская поэзия и стиховедение.* М., 1969. С. 157; *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 78–79. Возможно, обращение "О, Русь моя! Жена моя!" включает на лексикосинтаксическом уровне реминисценцию слов Пера Гюнта, обращенных к Сольвейг, в финальной сцене драматической поэмы Г. Ибсена "Пер Гюнт" (1866): "О, мать моя! Жена моя!" (*Ибсен Г.* Полн. собр. соч. / Пер. А. и П. Ганзен. М., 1905. Т. 4. С. 242;

отмечено Д.М. Магомедовой). Образ Руси-жены у Блока вызвал отрицательную реакцию М. Горького, писавшего Д.Н. Семеновскому (31 января 1915 г.): «Иногда Блок говорит смешные вещи, напр.: "О, Родина! Жена моя!" Это вызывает у меня комическое впечатление» (приводится в кн.: *Тимофеев Л.И.* Творчество Александра Блока. М., 1963. С. 79); ср. аналогичный отзыв Горького о той же строке в письме к С.Я. Елпатьевскому (август 1909 г.) (*Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 93).

Наш путь – стрелой татарской древней воли // Пронзил нам грудь. – Ср. использование тех же образов в письме Блока к К.С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г.: "... путь мой в основном своем устремлении – как стрела, прямой, как стрела – действенный. Может быть, только не отточена моя стрела". Соединение *воли* (татарское начало) с *болью*, подчеркнутое рифмовкой (*до боли: воли*), восходит к стих. "По улицам метель метет..." (1907) из цикла "Заключение огнем и мраком" (т. 2 наст. изд.):

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной... – Ср. стих. И. Коневского "В роды и роды" (1898): "Хоть не было конца пути степному {...} И стлалась ширь, и к мареву цветному // Влеклась мечта" (*Коневской И.* Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. М., 1904. С. 37); строка Коневского соотносится и со следующим ниже стихом: "И нет конца!". "В роды и роды" имеет еще ряд соответствий со стих. Блока: рифмовка *даль: сталь*, мотив "зова на бой", идея неодолимого движения (см.: *Мордерер В.Я.* Блок и Иван Коневской // *ЛН.* Т. 92. Кн. 4. С. 170–171). Возможна также реминисценция первых строк стих. А.А. Григорьева "Героям нашего времени" (1845): "Нет, нет – наш путь иной... И дик, и страшен вам {...} Подъятый факел Немезиды" (Стихотворения Аполлона Григорьева. СПб., 1846. С. 56).

И даже мглы – ночной и зарубежной... – Слово *зарубежной* восходит, по всей вероятности, к духовному стиху о Дмитрие Солунском – великомученике и воине, патроне Дмитрия Донского, – побеждающем войско Мамаю; страна Мамаю при этом неоднократно называется *порубежной*: "Отогнал он неверного царя Мамаю // Во его страну в порубежную" (*Бессонов П.* Калики перехожие. М., 1861. Вып. 3. С. 590). См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 75.

В степном дыму блеснет святое знамя... – Ср. в "Сказании о Мамаевом побоище": "Князь же великий Дмитрий Иванович {...} и все князи и воеводы, выехаша на место высоко и видеша образ святыи, иже бе суть воображен во христианских знаменех, и акы неки светильници светящися" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 94).

И вечный бой! Покой нам только снится... – Мифологема "вечного боя", возможно, связана с понятием "вечной войны" у Ф. Ницше ("Веселая наука", 1883), предполагающим и борьбу с самим собой, с определенными качествами в себе, что в концепции цикла соотносилось с идеей борьбы против "татарского" начала в русской душе. См.: *Йованович М.* Миф о "вечном возвращении" в разделе "Родина" Александра Блока // *Cahiers du Monde russe et soviétique.* 1984. Vol. XXV (1). P. 70–71, 83.

Летит, летит степная кобылица... – Образ необузданной кобылицы – одного из воплощений "татарского", "степного" начала в цикле – обнаруживает параллели с гоголевской тройкой в финале первого тома "Мертвых душ" (см.: *Усок И.Е.* Кули-

ковская битва в творчестве Александра Блока. С. 276–277), с образом из стихотворении Пушкина ("Кобылица молодая <...> Что ты мчишься, удалая?", 1828) и из сказки П.П. Ершова "Конек-горбунок" (1834): "Кобылица молодая <...> пустилась, как стрела. // Вьетса кругом над полями, // Виснет пластью надо рвами" и т.д. (Ершов П.П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. С. 58). См.: Харчевников В.И. Образ Руси в цикле А. Блока "На поле Куликовом". С. 106. Образ соотносится и со стих. А.К. Толстого "Колокольчики мои...", также затрагивающем тему противоборства с "востоком" ("злой киргиз-кайсак"):

Конь несет меня стрелой
На поле открытом <...>
Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
и т.д.

(Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1963. Т. 1. С. 58–59). См.: Долгополов Л.К. Александр Блок. Личность и творчество. 2-е изд. Л., 1980. С. 104. Возможна также реминисценция из стихотворения Вяч. Иванова "Время" (написанного также сочетанием пяти- и двухстопного ямба): "Как мертвый вихрь, несут нас глухо кони – // Нас Время мчит" (Иванов Вяч. Кормчие звезды. Книга лирики. СПб., 1903. С. 352). См.: Левинтон Г.А., Смирнов И.П. Указ. соч. С. 81.

...И мнет ковыль... – Образ восходит к "Слову о полку Игореве" ("Чему, господине, мое веселіе по ковылію развьѣя?") и "Задонщине" ("...на зелѣнѣ ковылѣ траве" – Сказания и повести о Куликовской битве. С. 11); см. также стихотворение И.А. Бунина "Ковыль" (1894) (Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 1. С. 90–91). Возможна также реминисценция из статьи Андрея Белого "Луг зеленый": "Искони был вольный простор. Серебрилась ковыль. Одинокій казак заливался песнью, несясь вдоль пространств <...>" (Весы. 1905. № 8. С. 14).

И нет конца! Мелькают версты, кручи... // Останови! – В "Воспоминаниях об Александре Блоке" В.П. Веригина приводит признание А.А. Кублицкой-Пиотух в связи с этими строками: "Саша описал мой сон. Я постоянно вижу во сне, что мчусь куда-то и не могу остановиться... Мимо меня все мелькает, ветер дует в лицо, а я лечу с мучительным чувством, знаю, что не будет покоя" (Воспоминания, 1. С. 417). В подтексте, возможно, – антитеза строкам из стих. Фета "О, не зови! Страстей твоих так звонок...": "Я это знал – с последним увлеченьем // Конец всему". Образ мелькающих верст заключает в себе, вероятно, реминисценцию из финала 1 тома "Мертвых душ": "...и сам летишь, и все летит: летят версты <...> и что-то страшное заключено в сем быстром мельканьи <...>" (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. [Л.], 1951. Т. 6. С. 246). Ср.: Миц З.Г. Блок и Гоголь // БС-2. С. 183–184. Возможен также отголосок из "Евгения Онегина" А.С. Пушкина (гл. 7, строфа XXXV). "И версты, теща праздный взор, // В глазах мелькают, как забор".

Закат в крови! – Ср. в "Слове о полку Игореве": "Другаго дни вельми рано крѣвавыя зори свѣтъ повѣдаютъ". См.: Усок И.Е. Указ. соч. С. 270.

Покоя нет! Стенная кобылица... – Ср. стих. Андрея Белого "Кольцо" (1907), впервые опубликованное в альманахе "Корона" (Сб. 1. М., 1908. С. 37): "Покоя ищешь ты. Покоя не ищи. // Покоя нет" (Белый Андрей. Урна. Стихотворения. М., 1909. С. 96). Формулировка "Покоя нет", возможно, полемична по отношению к пушкинскому: "На свете счастья нет, но есть покой и воля" ("Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...", 1834). См.: Левинтон Г.А., Смирнов И.П. Указ. соч. С. 81.

Другие редакции и варианты

Наш мирный дом. – Образ соотносится с "белым домом" Германа, его жены и матери – героев драматической поэмы "Песня Судьбы" (1908).

2. "МЫ, САМ-ДРУГ, НАД СТЕПЬЮ В ПОЛНОЧЬ СТАЛИ..."

(С. 170)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₂₀. Л. 25 об. – 26 об., "8 июня" (над текстом); *БА* – *Т*₆. Л. 51, "8 июня. Шахматово"; *АС* – *НР НЧ*. Л. 8, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук; кор. л. – *НР*₁ *III*₁. Л. 34; кор. л. – *НР*₂ *III*₁. Л. 95; печ. текст – *Изборник*. Л. 264; *Кор*₂ *Земли*. Л. 164 об. – 165.

Впервые: *Шиповник* 10. С. 276.

Публикации: *НЧ*. С. 9; *III*₁. С. 183; *СР*. С. 7; *III*₂. С. 227–228; *III*₃. С. 292–293.

Основная редакция текста представлена в первой публикации. В дальнейшем печаталось без существенных изменений.

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали... – Сам-друг (*устар.*, *просторечн.*) – вдвоем. Строка связана с описанием в "Сказании о Мамаевом побоище" выхода в поле Дмитрия Волынца (Боброка) с Дмитрием Донским в ночь перед Куликовской битвой. Вместе с тем формула *мы, сам-друг* содержит намек на Пересвета и Ослябю (см. ниже).

...Не вернуться, не взглянуть назад. – Намек на переправу русского войска через Дон; эта тема окрашивается мифологическим мотивом запрета оглядки. Строка связана с текстом "Сказания о Мамаевом побоище": «Князь же великий нача думати (...) "Здѣ ли паку пребудем или Донъ перевеземся?" Рекоша же ему Олгордовичи: "Аще хочеши крѣпкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будеть ни единому же помышления въспяты» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 37–38). См.: *Евреинова Н.Н.* Указ. соч. С. 158–159.

За Непрядвой лебеди кричали... – Ср. в статье "Народ и интеллигенция": "Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди" (*СС-8*₅. С. 323); в стих. "Если только она подойдет..." (1903): "Кто прикликал моих лебедей?" (т. 4 наст. изд.). Непрядва – западный приток Дона, ограничивающий с севера Куликово поле (находится в верховьях Дона, современная Тульская область). Строка восходит к "Сказанию о Мамаевом побоище": "...по рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крыльми плещуще, необычную грозу подающе" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40). См.: *Кусков В.В.* Осмысление поэтических образов древнерусской литературы в цикле стихотворений А. Блока "На поле Куликовом" // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1980. № 6. С. 13–14.

На пути – горючий белый камень... – Горючий белый камень – образ былинного фольклора, символ преткновения пути в народной поэзии. См.: *Евреинова Н.Н.* Указ. соч. С. 160.

За рекой – поганая орда. – Блок употребляет слово *поганый* в древнерусском значении – как определение народов неправославного вероисповедания (ср., например, в "Задонщине": "поганые татаровя, бусормановя"; "У Дону стоят татаровя поганые").

Светлый стяг над нашими полками // Не възграет больше никогда. – Ср. фразу из монолога Германа в пятой картине "Песни Судьбы": "И двинулся с холма сияющий княжеский стяг". Образ неоднократно встречается в "Слове о полку Игореве": "стоять стязи в Путивлѣ", "стязи глаголють", "понизите стязи свои"; одно из употреблений,

видимо, непосредственно отразилось в блоковском тексте: "...к полудню падоша стязи Игоревн".

И, к земле склонившись головою, // Говорит мне друг: – Остри свой меч... – Ср. фразу из монолога Германа в "Песне Судьбы": "Князь и воевода стали под холмом и слушали землю" (СС-8₄. С. 149). Подразумевается эпизод из "Сказания о Мамаевом побоище" – слушание земли Дмитрием Волынцем: «И уже заря померкла, ноши глубоць суши, Дмитрий же Волынецъ, поимъ с собою великого князя единого, и выѣхавъ на поле Куликово {...} И паку рече: "И еще ми есть примѣта искусити". И сниде с коня и приниче к земли десным ухом на долгъ час. Вѣставъ, и пониче и въздохну от сердца»; «И рече Волынецъ: "{...} И рано утре вели имъ подвизатися на коня своа, всякому вѣину, и вѣоружатися крепко и крестом огражатися: тѣй бо есть оружие на противныа {...}» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40). С фразой "Остри свой меч" ср. в "Слове о полку Игореве": "поостри срдця своего мужествомъ". Ср. в стих. Вл. Соловьева "Дракон" (1900): "Но перед пастию дракона // Ты понял: крест и меч – одно" (Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 137). Сочетание *склонившись головою* соотносится также с формулой церковных песнопений "приклони ухо твое"; эта формула включалась в службу 8 сентября – в день Рождества Богородицы (т.е. в день Куликовской битвы). См.: Левинтон Г.А., Смирнов И.П. Указ. соч. С. 88. Ср. также стих. И. Коневского "В роды и роды" (1898):

С коней срываясь, приникали ухом
Они к земле, дрожавшей под конем.
И внятен был им, как подземным духам,
Рок день за днем.

Им слышалось нашествие незримых
Дружин за гранью глади голубой.
Так снова в стремена! Необоримых
Зовем на бой!

(Коневской И. Стихи и проза.
Посмертное собрание сочинений.
М., 1904. С. 37–38)

...Чтоб не даром биться с татарвою, // За святое дело мертвым лечь! – Строки включают, вероятно, реминисценцию из "Задонщины" – разговор Пересвета и Осляби, иноков-воинов, героев Куликовской битвы: «И молвяше Ослябя чернец своему брату Пересвѣту старцу: "Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны великия, уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речке Напрядве за вѣру крестьянскую, и за землю за Рускую"» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 11). Соотнесение с этими образами могло подкрепляться для Блока "Выбранными местами из переписки с друзьями" Гоголя, где говорится: "Друг мой! или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия. Вспомните, что когда приходила беда ей, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину, и легли на кровавом поле битвы {...}" (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 301–302). Начало этой цитаты Блок приводит в статье "Народ и интеллигенция" (СС-8₅. С. 326). Отражение в подтексте образов Пересвета и Осляби могло дополнительно объясняться тем, что имена этих монахов, как следует из "Сказания о Мамаевом побоище" (см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 31), соответственно – Александр и Андрей, что у Блока могло вызвать ассоциации с

самим собой и с Андреем Белым. См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 84–85.

Я – не первый воин, не последний ~ Мила друга, светлая жена! – Строфа содержит анаграмму имен Пересвета и Осляби: "Я – не ПЕРВый воин, не ПОСЛЕДний, // Долго будет родина БОльна, // Помяни ж за раннею обедней // Мила друга, СВЕТлая жена!". См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 84; *Йованович М.* Указ. соч. С. 82. Понятие *первого* и *последнего* воина, возможно, связано с рассуждениями о людях первых и последних в главе "Беседа с королями" в книге Ницше "Так говорил Заратустра" (см.: *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. Ю.М. Антоновского. 3-е изд. СПб., 1907. С. 271–272). См.: *Йованович М.* Указ. соч. С. 83.

...Долго будет родина больна. – Тема болезни Руси отражена в Слове Максима Грека, в "Слове о погибели Русской земли" (XIII в.) ("А в ты дни болѣзнь крестияном <...>"), а также в главе XIX ("Нужно любить Россию") "Выбранных мест из переписки с друзьями": "Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. <...> Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 300). См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 79–80.

...Мила друга, светлая жена! – Ср. образ Жены, облеченной в солнце, в Апокалипсисе (Откр. XII. 1). Образ Богородицы, нисходящей на ночное поле, имеется в духовном стихе о Дмитровской субботе (при этом видение Дмитрия Донского совершается во время обедни): "... а видит он чисто поле Куликово. Изуслано поле мертвыми телами <...> По тому ль полю Куликову // Ходит сама Мать Пресвятая Богородица <...> Со светлыми со свещами" (*Бессонов П.* Калики переходящие. Вып. 3. С. 674). См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 93. В Львов-Рогачевский свидетельствует: "...в церкви Николаи на Песках в Москве панихида литераторов по Блоку была начата стихами:

Помяни за раннею обедней
Мила друга, Светлая Жена.

Священник – поэт Бруни, сказав эти слова, перекрестился и, казалось, в маленькой белой церкви зазвучал пророческий голос самого Блока" (*Львов-Рогачевский В.* Поэт-пророк. Памяти А.А. Блока. М., 1921. С. 35).

3. "В НОЧЬ, КОГДА МАМАЙ ЗАЛЕГ С ОРДОЮ..."

(С. 171)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₀. Л. 26 об.; *ЧА* – *ЗК*₂₀. Л. 27–31; *БА* – *Т*₆. Л. 55–55 об. ("Куликово Поле. 3"), "14 июня. (19)08. Шахматово"; *АС* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 83–83 об., "14 июня 1908. Шахматово", подпись под текстом: "Александр Блок" (текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, дата и подпись – автограф), при письме к Л.Д. Блок от 14 июня 1908 г.; *АС* – *НР НЧ*. Л. 9–9 об., рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; кор. л. – *НР*₁ *III*₁. Л. 34 об. – 35; кор. л. – *НР*₂ *III*₁. Л. 95–96; печ. текст – *Изборник*. Л. 266; *Кор*₂ *Земли*. Л. 165–165 об.

Впервые: *Шиповник* 10. С. 276–277 (с печатками в слове "Непрядва").

Публикации: *НЧ*. С. 10–11; *III*₁. С. 183–184; *СР*. С. 8–9; *III*₂. С. 228–229; *III*₃. С. 293–294.

Основная редакция текста представлена в первой публикации. В дальнейшем печаталось без существенных изменений.

Блок выслал текст стихотворения с письмом к Л.Д. Блок от 14 июня 1908 г. (*ЛН*. Т. 89. С. 236–237).

В ночь, когда Мамай залег с ордою // Степи и мосты... – Залечь (сев., диалектн.) – сделать непроходимым. Мамай – главная политическая фигура в Золотой Орде, правитель, объединивший под своей властью в 1370-е годы территорию от Волги до Днепра, а также Северный Кавказ, Причерноморские степи и Крым; после поражения на Куликовом поле бежал в Орду, а затем в Крым, где был убит в 1380 г.

...*Степи и мосты ~ Разве знала Ты?* – Ср. литургическое наименование Богородицы "мостом": "Радуйся, мосте, переводяй сухих от земли на небо" (см.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 89).

Перед Доном темным и зловецим... – Эпитеты сообщают Дону мифопоэтический ореол реки смерти.

С полуночи тучей возносилась // Княжеская рать... – То же сравнение – в "Задонщине": "На том полѣ силньи тучи ступишася (...) То ти ступишася руские сынове с погаными татарами за свою великую обиду" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 10).

...*И вдали, вдали о стремя билась, // Голосила мать.* – Ср. монолог Германа в 5-й картине "Песни Судьбы": "...рыдала вдовица, мать билась о стремя сына" (СС-8₄. С. 149); фразу из статьи "Народ и интеллигенция": "...заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле: он услышал, как неутешно плачет вдовица, как мать бьется о стремя сына" (СС-8₅. С. 323); из статьи "Безвременье" (1906): "...мать-казачка билась о стремя сына, пропадающего в (...) необозримых ковылях" (СС-8₅. С. 77). Этот образ отчасти восходит к "Сказанию о Мамаевом побоище": "Слышах (...) землю надвое плачущися: едина еллинским языком своим чад своих напрасно вопиюще, акы вдова, другая же страна, акы некая девица тихо и жалосно плачущися, акы некто един в сиверель просопе плачевным гласом" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 95); кроме того, он навеян сценой из гл. 1 "Тараса Бульбы": "Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому (...) она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпускала его из рук своих" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 52). См.: *Миц З.Г.* Блок и Гоголь // *БС*–2. С. 154; *Паперный В.* К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока (Цикл "На поле Куликовом") // *Сб. тр. СНО филологического факультета. Русская филология. V.* Тарту, 1977. С. 63–64; *Кусков В.В.* Указ. соч. С. 13–14. Пересмысленную трактовку блоковских строк применительно к современности дает А. Горностаев в статье "Красная тайна (Россия в поэзии А. Блока)": «...где дух настолько материализован, замутнен, что у него отшибло память былой свободы, где родина воображается и зовется матерью, там, – неизбежно, – ненависть, отвращение детей к этой матери растет с ростом их самосознания. "Вдали, вдали о стремя билась – голосила мать". О чем голосила? о сыне ренегате» (Южный огонек (Одесса). 1918. № 16. Авг. С. 11).

И, чертя круги, ночные птицы // Реяли вдали. – Одна из примет, возвещающих грядущую битву, в "Сказании о Мамаевом побоище": "... по десной же странѣ плъну татарскаго ворони кличуще и бысть трепеть птичей великъ велми" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40). Ср. стих. И. Коневского "Слово заклатья" (1899): "Куда ни взглянешь – нагие степи // И стаи хищные карих птиц" (*Коневской И.* Указ. соч. С. 90).

А над Русью тихие зарницы // Князя стерегли. – Ср. в "Песне Судьбы": "Только над русским станом стояла тишина, и полыхала далекая зарница" (СС-84. С. 149); в статье "Народ и интеллигенция": "Над русским станом полыхала далекая и зловещая зарница" (СС-85. С. 323). Имеются в виду приметы будущей победы ("Сказание о Мамаевом побоище"): «...бысть тихость велика. Рече же Волынецъ: "Видиши ли что, княже?". Он же рече: "Вижу; многи огнены зари снимахуся!" И рече Волынецъ: "Радуися, государь, добри суть знамена, токмо Бога призывай и не оскудѣй вѣрою!» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40). См.: *Паперный В.* Указ. соч. С. 63.

Орлий клекот над татарским станом // Угрожал бедой... – Ср. монолог Германа в "Песне Судьбы": "...орлиный клекот грозил непогодой. Потом поползла зловещая ночь (...)" (СС-84. С. 149). Текст восходит к "Сказанию о Мамаевом побоище": «...рече (...) Волынец: "Слушайте с страны татарских полков". Слышав же стук велик и кликот и трубы гласяще (...) по лесной их стране орлове клехчаше» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 95). Ср. также в "Слове о полку Игореве": "Уже бо бѣды его пасеть птичь по дубію (...) орли клекотъ на кости звѣри зовуть". См.: *Ильина (Сеферянц) А.* Непостижимая (К эйдологии Блока) // О Блоке. М., 1929. С. 316; *Кусков В.В.* Указ. соч. С. 16.

...А Непрядва убралась туманом, // Что княжна фатой. – Отражение образности русского свадебного обряда, в котором невеста именовалась "княгиней" (в былинах – "княжной"); ср. в монологе Германа ("Песня Судьбы"): "...и Непрядва убралась туманом, как невеста фатой" (СС-84. С. 149). У фольклористов мифологической школы свадебная фата отождествлялась с утренним туманом; одно из метафорических обозначений битвы – брачное пиршество. См.: *Левинтон Г.А.* Заметки о фольклоризме Блока. С. 175–178.

И с туманом над Непрядвой спящей... – Ср. описание ночи перед битвой в "Сказании о Мамаевом побоище": "...бысть же въ ту ночь теплота велика и тихо велии, и мраци росни явишася" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40).

...Ты сошла, в одежде свет струящей... – Ср. аналогичный мотив нисхождения небесной возлюбленной в ранней лирике Блока: "Она сошла на землю не впервые" ("Небесное умом не измеримо...", 1901, т. 1 наст. изд.). См.: *Усок И.Е.* Указ. соч. С. 274. Блоку могла быть известна метафора "Одеяние света (...) будущего света покой являет" (рукописный сборник Чудова монастыря, XV в.), относящаяся к св. Софии Премудрости Божией; в русской традиции св. София отождествлялась с Богородицей. См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 88–89.

Серебром волны блеснула другу // На стальном мече... – Блестящий меч – символ победы. Ср. в "Сказании о Мамаевом побоище": "...доспѣхы же русских сыновъ, аки вода въ вся вѣтры колыбашеся" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 39).

...Был в щите Твой лик нерукотворный // Светел навсегда. – "Ты" здесь – прежде всего Богородица: битва на Куликовом поле происходила в день Рождества Богородицы (8 сентября); отправляясь на битву, Дмитрий Донской молился перед чудотворной иконой Владимирской Божией Матери в Успенском соборе в Москве (посвященном Богородице). В духовном стихе о Дмитровской субботе воссоздается видение Дмитрию Донскому образа Богоматери на поле битвы; этот стих использовал в своих лекциях проф. И.А. Шляпкин – один из университетских учителей Блока. См.: *Евреинова Н.Н.* Указ. соч. С. 163–164. Ср. интерпретацию этих строк у Андрея Белого в "Воспоминаниях о Блоке": "...осеняет Ее новый образ: является Богоматерью, которую отражает щит светлый воина; щит этот – солнечный; видит Женой, облученною в солнце, Ее" (Эпопея. Берлин, 1923. № 4. С. 240).

Другие редакции и варианты

Я – князь Христов. Сияют латы. (ЧН ЗА₂₀) – Образ, вероятно, восходит к св. Дмитрию Солунскому, великомученику-воину, изображаемому с оружием и в доспехах; Дмитрий Солунский выступал как патрон Дмитрия Донского.

4. "ОПЯТЬ С ВЕКОВОЮ ТОСКОЮ..."

(С. 172)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП* – Т₆. Л. 62–62 об. («Продолжение цикла "Куликово поле"»), "31 июля 1908. СПб."; *АСП* – *НР НЧ*. Л. 10–10 об., текст рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух, правка – рукой Блока; кор. л. – *НР₁ III₁*. Л. 35 об. – 36; кор. л. – *НР₂ III₁*. Л. 96; печ. текст – *Изборник*. Л. 268–269; *Кор₂ Земли*. Л. 165 об. – 166.

Впервые: *Шиповник 10*. С. 277–278 (с опечаткой в ст. 2).

Публикации: *НЧ*. С. 12–13; *III₁*. С. 185–186; *СР*. С. 10–11; *III₂*. С. 229–230; *III₃*. С. 294–295.

Окончательный текст – *III₁*.

...*Пригнулись к земле ковыли.* – Ср. в стих. И. Коневского "В поднебесьи" (1897): "А с земли ковыль широкий шум доносит" (*Коневской И.* Указ. соч. С. 24). См.: *Мордерер В.Я.* Блок и Иван Коневской // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 169.

Умчались, пропали без вести // Степных кобылиц табуны... – Ср. в том же стих. Коневского: "Носится коней табун шальной", "И все в тот же край табун лихой уносит, // В край, где реют белые валы" (*Коневской И.* Указ. соч. С. 169). Текст, возможно, связан со "Словом о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича": "...а нечестивый Мамай без вести погыбе" (*Миллер О.* Хрестоматия к Опыту исторического обозрения русской словесности. СПб., 1862. Ч. 1. С. 182). См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 93.

...*Развязаны дикие страсти // Под игом ущербной луны.* – Мотив "диких страстей" подчеркнут консонансной рифмой (*вести: страсти*). "Ущербная луна", по народно-поэтическим представлениям, – основание для тревожных предчувствий (см.: *Евреинова Н.Н.* Указ. соч. С. 169). Вероятно, в этих строках отразилось восприятие Блоком неблагоприятия современной ему общественной жизни (см.: *Громов П. А.* Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 343–344).

...*Как волк под ущербной луной...* – Образ связан со "Словом о полку Игореве", где с волком сравниваются воины и певец Боян: "сърым вълкомъ по земли", "скачють акы сърныи вълци въ полъ", "вълци грозу всерожать по яругамъ", и др.

...*Не знаю, что делать с собою...* – Содержание строки проясняется связанными с ней словами Германа в "Песне Судьбы": "...я – здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час!" (*СС-84*. С. 149).

...*Я слушаю рокоты сечи...* – Слова *рокот*, *рокотать* в поэтической традиции XIX в. связываются со "Словом о полку Игореве"; слово *рокотать* зафиксировано только в этом памятнике ("славу рокотаху"). См.: *Евгеньева А.П.* Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов "рокотать" и "трепетать" // *Тр. Отдела древнерусской литературы*. Л., 1969. Т. 24. С. 28.

...*Широкий и тихий пожар.* – Ср. образ тишины после боя в "Слове о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича": "...и бысть тишина в Русьской земле".

...Я рыщу на белом коне... // Встречаются вольные тучи // Во мглистой ночной вышине. – Рыщу – слово, характерное для "Слова о полку Игореве"; ср. характеристику Бояна: "...рыщя въ тропу Трояню чресь поля на горы". Образ *белого коня* в иконописной традиции связан со св. Георгием Победоносцем (Егорием Храбрым), воином-великомучеником, драконоборцем; в контексте стихотворения он противопоставит *табунам степных кобылиц*. Строки вместе с тем соотносятся с образом всадника-мстителя в повести Гоголя "Страшная месть": "...кто среди ночи (...) едет на огромном вороном коне? какой богатырь с нечеловечьим ростом скачет под горами, над озерами (...)"; "...остановился конь и всадник (...) и тучи, спустясь, закрыли его" (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. I. С. 272). См.: Паперный В. Указ. соч. С. 64. Ср. также образ заблудившегося ночного всадника в статье "Безвременье" (1906; СС-85. С. 75) и стих. "Белый конь чуть ступает усталой ногой..." (1905; т. 2 наст. изд.). Возможно, строки включают и реминисценции из "Четвертой симфонии" Андрея Белого "Кубок метелей" (М., 1908), в которой многократно обыгрывается образ летящего в небе всадника на белом коне. См.: Левинтон Г.А., Смирнов И.П. Указ. соч. С. 94.

Вздвываются светлые мысли... – Ср. характеристику Бояна в "Слове о полку Игореве": "...аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу (...)".

"Явись, мое дивное диво!" – Образ, вероятно, включает различные реминисценции: литургическую (в Службе св. Софии Божественная Мудрость величается "дивным чудом"; см.: Левинтон Г.А., Смирнов И.П. Указ. соч. С. 88–89), фольклорную (былинная формула: "чудо чудное, диво дивное"), восходящие к древнерусским литературным памятникам – "Слову о погибели земли Русской" ("...земля Русская! И многими красотами удивлена еси (...) полями дивными (...) селы дивными"), "Слову о полку Игореве" и "Задонщине" (образ дива: "Дивъ кличеть върху древа"; "Кликнуло Диво в Руской земли" – ср. ст. 4 данного стихотворения: "Ты кличешь меня издали...").

5. "ОПЯТЬ НАД ПОЛЕМ КУЛИКОВЫМ..."

(С. 173)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₂₀. Л. 31 об., "15 июня" (над текстом); ЧА – ЗК₂₃. Л. 6 об. – 7, "27. X.", "11 XII." (над текстом); БАП – Т₆. Л. 73 об. ("На поле Куликовом. V."), "27 X – 23 XII (19)08"; БА – НР НЧ. Л. 11; кор. л. – НР₁ III₁. Л. 36 об.; кор. л. – НР₂ III₁. [1908"]. Л. 96; печ. текст – *Изборник*. Л. 270–271; *Кор₂ Земли*. Л. 166 об.

Впервые: *Шиповник* 10, с. 278.

Публикации: НЧ. С. 14; III₁. С. 186; СР. С. 12; III₂. С. 230–231; III₃. С. 296.

В ЗК₂₃ представлена незаконченная черновая редакция текста.

В первой публикации – варианты в ст. 4, 11, 16; с вариантом в заключительном ст. 16 стихотворение также печаталось в НЧ и СР. Окончательный текст – III₁. Эпиграф предпослан стихотворению впервые в III₂. В *Изборнике* эпиграф вписан чернилами, зачеркнут и вторично вписан карандашом.

В день завершения работы над стихотворением, 23 декабря 1908 г. (см. датировку в Т₆), Блок упомянул в письме к матери: "Есть хорошие новые стихи".

Эпиграф. Цитата из стих. Вл. Соловьева "Дракон. Зигфриду" ("Из-за кругов небес незримых...", 1900), написанного по поводу решения императора Вильгельма II по-

слать войска для усмирения восставшего Китая. Блок воспринимал события, отраженные в стих. Соловьева, в аспекте извечного противостояния Востока и Запада и как знак "восточной", "желтой" опасности. 2-я строка эпиграфа дословно цитируется в 4-й строке стихотворения Блока. Ср. авторское примечание в III: «Строка "Грядущий день заволокла" взята из предсмертного, обращенного к императору Вильгельму II, стихотворения Вл. Соловьева "Дракон"».

... *Взошла и расточилась мгла...* – Вероятно, строка навеяна картиной солнечного затмения в "Слове о полку Игореве" (ср. прояснение этой мотивировки в черновом автографе: "Лучи светил заволокла"): "Тъгда Игорь възрѣ на свѣтлое сълнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты". Глагол *расточилась* восходит к церковной формуле: "Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его" (ср.: *Псалтирь*. LXVII. 2). См.: *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* Указ. соч. С. 92. Актуальный подтекст строки вскрывается сопоставлением со статьей "О театре" (февраль–март 1908 г.): "Та действительно великая, действительно мучительная, действительно *переходная* эпоха, в которую мы живем, лишает нас всех очарований, и на всех перекрестках подстерегает нас какая-то густая мгла, какое-то далекое багровое зарево событий, которых мы все страстно ждем, которых боимся, на которые надеемся" (СС-85. С. 257).

... *И, словно облаком суровым...* – Ср. образ облака в видениях, описываемых в "Сказании о Мамаевом побоище": "На высокоѣ мѣсте стоя, видѣти облакъ от вѣстока великъ зѣло изрядно приа, аки нѣкакиа плѣки, к западу идущъ"; "...видѣх над вами небо разврѣсто, из него же изыде облакъ, яко багрянаа заря над плѣком великого князя, дрѣжашесе низко. Тѣй же облакъ исплѣненъ рукъ человеческихъ, яже руки дрѣжаше по велику плѣку ово проповѣдники, ово пророчески" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40–41, 44).

Над вражѣм станом, как бывало, // И плеск, и трубы лебедей. – Реминисценция из "Слова о полку Игореве": "Въстала Обида (...) вѣступила дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебединими крылы на синемъ морѣ у Дону, плещучи, упуди жирна времена"; ср. в "Задонщине": "Тогда гуси возгоготаша и лѣбѣди крылы вѣсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крылы вѣсплескаша, но поганый Момай пришел на Рускую землю и вое своя привел" (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 9). Совмещение образов *лебедя* и *трубы* также – в "Песне Судьбы" (ремарки: "... лебедь (...) кричит трубным голосом", "... лебяжѣм трубным голосом кричит Фаина"; реплика Фаины: "Лебедь кричит, труба взывает! Час пробил! Приди!" – СС-84. С. 149, 150); в этом контексте образы соотносятся со свадебной песней (метафора "лебедь – невеста"). См.: *Левинтон Г.А.* Заметки о фольклоризме Блока. С. 178–179. Ср. в стих. "Дали слепы, дни безгневны..." (1904): "Мы опять расплещем крылья, // Снова отлетим!" (т. 1 наст. изд.). Вероятны здесь также ассоциации с живописью М.А. Врубеля – с образом Царевны-Лебеди (репродукция картины Врубеля "Царевна-Лебедь" (1900) висела в библиотеке шахматовского дома Блока; см.: *Гордин А.М., Гордин М.А.* Александр Блок и русские художники. Л., 1986. С. 169–174); в этой связи 2-й стих того же четверостишия ("Высоких и мятежных дней!") может быть в подтексте соотносим с темой лермонтовского Демона в живописной трактовке Врубеля.

Доспех тяжел, как перед боем. – Возможно, в строке отразились слова Брингильды, девы-воительницы, в музыкальной драме Р. Вагнера "Валькирия" (II акт): "Как нынче // Тяжел доспех. – // Бейся вольно я, // Легко было б мне. // А этот бой // Давит грудь мою" ("Валькирия". Опера в 3-х актах. Музыка Р. Вагнера / Пер. И. Тюменева. 5-е изд. М., [1900]. С. 20).

Теперь твой час настал. – *Молись!* – Ср. заключительные слова монолога Герма-

на в "Песне Судьбы": «Вот зачем я не сплю ночей: я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: "Пробил твой час! Пора!"» (СС-84. С. 149). Г.П. Федотов пишет по поводу последней строки стихотворения: «Дух беспокойства и мятежа поэт уже прочно связал с татарской стихией. Это против него бросает он свое последнее заклятие: "Молись!" Но до конца остается темным: когда настанет час последней битвы, которая для Блока была не поэтической фикцией, а реальным ожиданием всей жизни (...)» (Богданов Е. [Федотов Г.П.]. На поле Куликовом. С. 422; Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 106).

РОССИЯ

("Опять, как в годы золотые...")

(С. 173)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА*₁ – *ЗК*₂₂. Л. 4–5, "2 окт(ября)" (над текстом); *ЧА*₂ – *ЗК*₂₃. Л. 11 об.–13, "18 окт(ября)"; *АСП* – *Т*₆. Л. 64–65, "2–18.Х", текст рукой Л.Д. Блок, дата и правка – рукой Блока; *БА* – *НЧ*. Л. 17 (заглавие вписано карандашом); кор.л., *БА* (ст. 21–26) – *НР*₁ *Ш*₁. Л. 38–39 (заглавие – автограф); кор.л. – *НР*₂ *Ш*₁. Л. 94, "1908" (дата – карандашом); печ. текст – *Изборник*. Л. 252–253; *АС* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 2, 3, "1908", подпись под текстом: "Александр Блок" (текст рукой Л.А. Дельмас, дата и подпись – автограф); *Кор*₂ *Земли*. Л. 167–168, "1908".

Впервые: *БВ*. 1910. № 11518. 17 янв., утр. вып. (первоначальная редакция).

Публикации: *НСл*. 1910. № 1. С. 22 (подпись-факсимиле: "Александр Блок"); *НЧ*. С. 22–23, в разд. "На родине (1908–1910)"; *Ш*₁. С. 180, "1908"; *ИСП*. С. 19; *ИСТ*. С. 117; *СР*. С. 27–28; "Россия в родных песнях". Стихотворения выбраны Анас. Чеботаревской (*РРП*). Пг., [1915]. С. 124–125; *Ш*₂. С. 232–233; *Д-1918*. С. 21; *Ш*₃. С. 297–298.

ЧА *ЗК*₂₂ завершается прозаической записью, представляющей собой схематическое изложение последующего текста, каким он тогда представлялся Блоку; *ЧА* *ЗК*₂₃ не является непосредственным развитием этой прозаической записи. Стихотворные части *ЧА* *ЗК*₂₂ и *ЧА* *ЗК*₂₃ осмыслены Блоком как единый текст: в *ЗК*₂₂ над текстом – зачеркнутый порядковый номер "1" (Л. 4); в *ЗК*₂₃ – продолжение нумерации: "2" (Л. 12), "3" (Л. 11 об.), "4" (Л. 12 об.), помета на л. 12: "См. предыд(ущую) книжку".

Черновой текст стихотворения в записных книжках в основном соответствует его первоначальной, расширенной редакции, зафиксированной в *Т*₆ и опубликованной в *БВ* и в *НСл*. При подготовке *НЧ* Блок сократил и переработал стихотворение (правка в *Т*₆), приведя его к основной редакции, которая представлена во всех последующих прижизненных изданиях (с пункт. вар. в ряде стихов).

Готовя к печати *Ш*₃, Блок решил восстановить большую часть стихов, входивших в первоначальную редакцию текста: в *АС* *РГАЛИ* содержатся строфа между 2-й и 3-й строфами и пять строф между 5-й и 6-й строфами основного текста (ст. (9–12), (25–44) первоначальной редакции); к заглавию Блок сделал примечание (автограф): "Новый вариант напечатанного стихотворения (вошло в собрание стихотворений и до того было напечатано неоднократно)" (Л. 2). Однако в корректуре Блок изъясил эти строфы первоначальной редакции и восстановил основной текст. На исправленном тексте корректуры – запись Блока: "Все эти дополнения из первонач(альной) рукописи устранил (?). Особенно настаивал Чуковский" (*Кор*₂ *Земли*. Л. 168). В дневниковой записи от 12 января 1921 г. К.И. Чуковский приводит слова Блока в этой связи: "Я все

ваши советы помню, – сказал он мне. – Вы советовали выкинуть куски в стих(отворении) "России", я их выкину" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 254).

В посмертных изданиях, печатавшихся по новой орфографии, ст. 8 воспроизводился: "Как слезы первые любви" (как в первоначальной редакции в *Т₆*, *БВ*, *НСл*), – в то время как в основной редакции стихотворения было установлено чтение: "Как слезы первая любви" (т.е. *слезы первой любви*, а не *первые слезы любви*). Такая форма окончания прилагательных женского рода единственного числа родительного падежа, заимствованная из церковнославянского языка, не подлежит исправлению по орфографической реформе (ср. у А.Ф. Мерзлякова: "Среди долины ровныя...", у Пушкина ("Пророк"): "Жало мудрая змеи") и, соответственно, не может быть модернизирована в тексте Блока без искажения его смысла. См.: *Панфилов А.К.* Тайна знакомой строки // *Русский язык в школе*. 1984. № 4. С. 75–78.

М.А. Бекетова утверждает, что стихотворение навеяно впечатлениями от дороги с железнодорожной станции Подсолнечная в Шахматово: "Неважно, где именно оно написано, но с первых строк уже чувствуется: Блок едет с Подсолнечной в Ш(ахматов)о" (*ИРЛИ*. Ф. 462. Ед. хр. 12. Л. 232); ср. признания Блока в письме к жене от 18 июля 1908 г.: "Целый день я ехал по сияющим полям между Шахматовым, Рогачевым, Бобловым. {...} И бесконечная даль, и шоссеная дорога, и все те же несбыточные, щемящие душу повороты дороги, где я был всегда *один* и в союзе с Великим {...}" (*ЛН*. Т. 89. С. 242).

В.Е. Беклемишева в своих мемуарах "Встречи" вспоминает о чтении Блоком стихотворения на одной из "сред" Вяч. Иванова ("Книги. Архивы. Автографы". Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. С. 47; публикация Р.Б. Заборовой). С чтением "России" Блок выступал и на вечере в Политехническом музее в Москве в начале апреля 1916 г. (см.: *Воспоминания*, 2. С. 117; воспоминания О.В. Гзовской).

Поэт С.А. Клычков в дарственной надписи Блоку (2 января 1914 г.) на шмуцтитуле своей книги "Потаенный сад" (М., 1913) привел 2-ю строфу стихотворения (см.: *ББО-2*. С. 25–26).

Стихотворение вызвало большой резонанс в критике. Оно служило подтверждением того, что для Блока "ценна {...} только Русь, только родина, только правда" (*Аничков Евг.* "Ночные сны" Александра Блока // *Запросы жизни*. 1911. № 9. 2 дек. Стб. 565), что "поэт ходит по земле, по нашему чернозему, и видит подлинную нищую, но и могучую Россию и поет ей и о ней", "сам подчеркивает это свое возвращение к земле, к родине" (*Икар [Ивинский Б.И.]*. Литературные новинки // *Раннее утро*. 1912. № 87. 14 апр.). Андрей Белый в статье о поэзии Блока (1916), процитировав стихотворение, заключал: «Блок полюбил нашу родину странной любовью: благословляющей и проклинаящей; и от этого любишь поэзию Блока той же странной любовью: благословляющей и проклинаящей. Поэзию Блока жалеть не умею; произношу подчас суровые приговоры ей; произнеся приговор, вижу ясно: я, русский, люблю поэзию, эту – поэзию "ветровую", – как "слезы"» (*Белый Андрей*. *Поэзия слова*. Пб., 1922. С. 110). Белый солидаризируется с Блоком в его концепции России, подчеркивая: «Блок верит, что отдание *разбойной* красоты иному началу приведет к просветлению: "Не пропадешь, не сгинешь ты" – в этой вере в грядущее *правая* вера в Россию, соединенная с *западнической* критикой ее темных низин» (*Там же*. С. 125). В пейзажных строках, открывающих стихотворение, усматривали иносказательное изображение современной российской социально-политической действительности: «Октябризм – кислый, ленивый октябризм, так похожий на скучное осеннее ненастье, на безысходную тоску русского "большака" в слякоть, в распутицу, в бездорожье, когда

Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Это – из Александра Блока, самого современного поэта, и про Россию. Хорошо еще, что "спицы расписные", – но какие уж там краски, если по самую ступицу вязнет колесо!» (*Хитрово Г.* "Русь моя, жизнь моя!... // С.-Петербургские ведомости. 1913. № 176. 8 авг.).

Во многих откликах на стихотворение отмечалась преемственность "России" Блока по отношению к образу родины у Ф.И. Тютчева ("Эти бедные селенья..."). В статье "Об Александре Блоке" А.Б. Дерман, приводя цитаты из "России", отмечал: "Это прекрасно, но... не самостоятельно; конечно, не прямое подражание, но, быть может, невольное и бессознательное отражение пленившего некогда поэта тютчевского мотива. У Тютчева мы видим, так сказать, статический образ убогой России, у Блока – характерный для него динамический, но это различие не меняет дела. И, поскольку это не самостоятельно, – нет необходимости спорить с Блоком, отмечать и анализировать, на наш взгляд, опасную позицию – пусть не этического, а эстетического, – но все же удовлетворения нищетой, скорбью, глухими острожными песнями... И, во всяком случае, эти заимствованные мотивы серьезные, важны и великолепно аранжированы" (*PM.* 1913. № 7. 2-я паг. С. 70–71). О том, что, "исходя в своем понимании России из тютчевских откровений (...), Блок как бы дополняет Тютчева", писал и Ю. Никольский, улавливая и черту, отличающую Блока от его предшественника: "...он не умеет жалеть России – Россия может отдаваться какому угодно чародею, – так тверда его вера" (*Никольский Ю.* Александр Блок о России // *PM.* 1915. № 11. 3-я паг. С. 18); ср. отзыв о стихотворении в рецензии Вас.В. Гиппиуса на "Ночные часы": «Русь, о которой еще недавно Блок писал, как романтик, теперь явилась ему в нищей прелести, какой любил ее Тютчев, и что-то еще непетое звучит в его словах о "степном дыме", о "дали дорожной"» (*Новая жизнь.* 1911. № 12. Стб. 270).

Помимо тютчевских, в стихотворении прослеживаются и другие реминисценции из русских классиков. В частности, отмечено, что в 1-й строфе в трансформированном виде возникает образ гоголевской тройки из финала 1 тома "Мертвых душ" ("Три стертых треплются шлеи"); см.: *Правдина И.С.* Из истории формирования цикла "Родина" // *БС-5.* С. 23. В "России" Блока, безусловно, отразились и обращения Гоголя к родине в начале гл. XI тома 1 "Мертвых душ": "Русь! Русь! (...) бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы (...) Открыто-пустынно и ровно все в тебе (...) ничто не обольстит и не очарует взора. (...) Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? (...) Что пророчит сей необъятный простор?" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 220–221). Фрагменты из этого текста Блок взял одним из эпиграфов к драматической поэме "Песня Судьбы" и процитировал в статье "Дитя Гоголя" (1909; *СС-85.* С. 378). Образ России в стихотворении Блока обнаруживает преемственность и по отношению к Н.А. Некрасову; ср. его стих. "Утро" (1872–1873):

С окружающей нас нищетой
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Черты сходства с "Россией" имеются и у стих. Некрасова "Дома – лучше!" (1868): "...родины ласки // Ни с чем не сравнимы. Вернувшись домой, // В телегу спешу пересесть из коляски"; "Под солнцем осенним родная картина // Отвыкшему глазу нова...". См.: *Скатов Н.* Литературные очерки. М., 1985. С. 318–322. Явные черты сходства с Россией блоковского стихотворения имеют и "Гимны родине" Ф. Сологуба: "Люблю я грусть твоих просторов"; "Печалью, бессмертной печалью // Родимая дышит страна"; "Тоскует о скудных селеньях, // О дыме родных деревень"; ср. в особенности:

Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.

(Сологуб Ф. Родине. Стихи.
Кн. 5. СПб., 1906. С. 5–7)

... *Как слезы первые любви!* – В автобиографическом плане мотив "первой любви" ассоциируется для Блока с его юношеской любовью к К.М. Садовской (см. коммент. к циклу "Через двенадцать лет").

Какому хочешь чародею // Отдай разбойную красу! – Андрей Белый отмечает в сочетании образов "чародея" и женской "разбойной красы" гоголевские реминисценции ("Страшная месть", Костанжогло во 2-м томе "Мертвых душ"). См.: *Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 296. О героине стихотворения Белый пишет как о Катерине из "Страшной мести" (*Белый А.* Воспоминания о Блоке // Эпопея. № 4. Берлин. 1923. С. 253–254).

Пускай заманит и обманет... – Реминисценция из стихотворения С. Городецкого "Куда?": "Весна заманит и обманет // И унесет, завьёт... Куда?" (*Городецкий С.* Перун. Стихотворения лирические и лиро-эпические. СПб., 1907. С. 30). В принадлежавшем Блоку экземпляре книги цитированная строфа отчеркнута на полях (*ББО-1*. С. 238).

... *А ты все та же – лес, да поле...* – Автореминисценция; ср. первую строку стих. 1906 г.: "Прошли года, но ты – все та же" (т. 2 наст. изд.); "Смотри: // *Всё та же ты,* какой цвела когда-то" ("Когда замрут отчаянье и злоба...", 1 августа 1908 г.).

И невозможное возможно... – Ср. интерпретацию З.Н. Гиппиус в ее статье о поэзии Блока: "Истинное величие – только в Реальности. А реальность только тогда реальна и божественна, когда она полна, когда бесстрашно вводят в нее все, казалось бы, противоречивое, все сны, грезы и мечты, все невозможное, как и возможное, влюбленность вместе со страстью, праздник рядом с буднями, порыв – рядом с черной работой" (*Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]*. Милая девушка // Речь. 1908. № 251. 19 окт.). Андрей Белый пишет в той же связи в "Воспоминаниях о Блоке": «Возможно – да, да! – невозможное, когда всю свою <волю?> отдашь в волю жизни народа, и душу народа полюбишь в душе "Катерины" – любовью небесной {...}» (Эпопея. № 4. С. 254).

... *Когда блеснет в дали дорожной // Мгновенный взор из-под платка...* – Реминисценция из стих. Н.А. Некрасова "Тройка" ("Что ты жадно глядишь на дорогу...",

1846): "Из-под брови твоей полукруглой // Смотрит бойко лукавый глазок" (см.: *Прийма Ф.Я.* Блок и Некрасов // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 14).

... *Когда звенит тоской острожной // Глухая песня ямщика!*.. – Строки ассоциируются с мотивами песен и романсов на "ямщицкую" тему – "Однозвучно гремит колокольчик..." (середина XIX в., автор неизвестен, музыка А.Л. Гурилева):

... дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.
Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном, и т.д.;

"Ямщик, не гони лошадей" (1905; слова Н.А. Риттера, музыка Я.Л. Фельдмана): "Как грустно, туманно кругом, // Тосклив, безотраден мой путь", и др. См.: "Песни русских поэтов" в 2-х т. Л., 1988. Т. 2. С. 341, 366–367.

Другие редакции и варианты

... *таинственный сын растет... сын растет просыпается* (ЧА ЗК₂₂) – Мотив "растущего сына" связывает этот набросок замысла с темой будущей поэмы "Возмездие", задуманной в 1910 г.

Пусть оскудевая природа... – Реминисценция из стих. Тютчева "Эти бедные селенья...": "Эта скудная природа". Ср. стих. И. Коневского "В езде" (1900): "Пускай леса порю тощи, // Мелеет полный гул дубрав" (*Коневской И.* Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. М., 1904. С. 113).

"ВОТ ОН, ВЕТЕР..."

(С. 174)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₂₃. Л. 18 об.–18, "4 XI" (над текстом на полях); АСП – Т₆. Л. 75, "1908. XI" (приписано карандашом), текст рукой Л.Д. Блок, дата и правка рукой Блока; Кор₂ Земли. Л. 168 об.

Впервые: "Наша газета" (НГ). 1909. № 32. 8 февр. С. 3.

Публикации: СР. С. 18; 88 стихотворений. С. 22; III₃. С. 299.

Печатается с восстановлением запятой в конце ст. 1 – по ЧА ЗК₂₃ и публикации в НГ.

В ЗК₂₃ представлена черновая редакция стихотворения; ее фрагмент, записанный на л. 18, в дальнейшей истории текста не отразился.

В Т₆ и в первой публикации – промежуточная редакция стихотворения, которая была переработана (Т₆ – б.д.), однако результаты правки не нашли отражения в публикациях. В СР стихотворение представлено в объеме основного текста, ст. 3–4 и 5–6 переставлены местами.

Отмечены общие мотивы (ветер, тоска, ощущение смерти), сближающие стихотворение с произведениями Андрея Белого второй половины 1900-х годов, вошедшими в его книгу стихов "Пепел" (СПб., 1909); см.: *Альфонсов В.Н.* Тема России в лирике

А.А. Блока в 1905–1916 гг. // Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена. Л., 1957. Т. 164. Ч. 1. С. 22.

...ветер // *Звенящий тоскою острожной...* – Автоцитата из стих. "Россия" (октябрь 1908 г.): "Когда звенит тоской острожной". Мотив звенящего ветра связывает стихотворение с заключительной сценой драматической поэмы "Песня Судьбы" (1908); ремарка: "Только снег и ветер звенит"; реплика Германа: "И нет дороги. Что же делать мне, нищему? Куда идти?" (СС-8₄. С. 166).

... *Огонь невозможный...* – Ср. в финале "Песни Судьбы" реплику Коробейника: "Вон там огонек ты видишь?" (СС-8₄. С. 166).

Другие редакции и варианты

... *Вот зачем я пустился ~ С родною семьею!* (ЧА ЗК₂₃) – Обыгрывается сюжетный мотив "Песни Судьбы" – уход Германа в "широкий мир" из родного дома от жены.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

("Идем по жнивью, не спеша...")

(С. 174)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₂₂. Л. 12–11 об., "21. IX. Шахм(атово)"; АСП – Т₇. Л. 8–8 об., "1-го января" – текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и правка – рукой Блока; БА – НР НЧ. Л. 16; кор.л. – БА (ст. 21–24) – НР₁ III₁. Л. 55–56; кор.л. – НР₂ III₁. Л. 89, "1909" (дата – карандашом); печ. текст – *Изборник*. Л. 275–276; *Кор₂ Земли*. Л. 169–169 об., "1 января 1909".

Впервые: "Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909". СПб., [1909]. С. 245.

Публикации: НЧ. С. 20–21, в разд. "На родине (1908–1910)"; III₁. С. 169–170, "1909"; СР. С. 29–30; III₂. С. 234–235; "Осенняя антология". Сост. Е. Николаева [Пг., 1916]. С. 24–25; "Осенняя антология". Сост. Е. Николаева. Второе дополненное издание. [Пг., 1918]. С. 24–25; III₃. С. 300–301.

В ЧН ЗК₂₂, записанном 21 сентября 1908 г., 1-я строфа не имеет аналогий с основным текстом, 2-я строфа соответствует 3-й строфе основного текста.

Основная редакция текста впервые представлена в НЧ; в дальнейшем печаталось без существенных изменений (с пункт. вар.).

Стихотворение отразило впечатления Блока от пребывания в Шахматове и его окрестностях в сентябре 1908 г.; ср. относящуюся к этому времени запись: "Руново.

Виденное: гумно с тощим овином. <...> Дождик. Сиверко. Вдруг осыпались золотые листья молодой липки на болоте у прясла под ветром, и захотелось плакать.

Когда выходишь на место срубленной рощи в сумерки (ранние, осенние), – дали стираются туманом и ночью. Там нищая, голая Россия.

Просторы, небо, тучи в день Покрова" (ЗК. С. 115–116).

Блок предполагал послать текст стихотворения Ф. Сологубу "для программы вечера в пользу беженцев в Городской думе около 18 октября" 1915 г. (ЗК. С. 274).

Критикой стихотворение было отмечено прежде всего как характерный симптом, свидетельствующий о тяготении Блока к непосредственно жизненной реальности: «Как один из самых чутких лириков, он ярче других сознал необходимость возвращения к действительности <...> мы начинаем догадываться, что это не туманная вечная

женственность, а более реальная величина – "Русь"» (*Современник*. Записная книжка // *Наша жизнь*, 1911. № 2. 29 нояб. С. 14); "Он словно зачарован тем, что так было знакомо с детства, но что почувствовал и полюбил он лишь возмужав, как человек и поэт. {...} Поэт проникся страданием России, через это страдание полюбил свою "мать-родину" {...}" (*Икар [Ивинский Б.И.]*. Литературные новинки. С. 5). А.Б. Дерман отметил в стихотворении "тютчевское сочетание смирения и гордости, скорби и удовлетворения" (*Дерман А.* Об Александре Блоке // *РМ*. 1913. № 7. 2-я паг. С. 70). Ю.И. Айхенвальд, характеризуя "Осенний день", писал: Блок "говорит о России с каким-то болезненным стоном любви и тоски. Он называет ее своей женою, своей бедной женою, своей жизнью; он нищую страну свою и круг ее низких, нищих деревень принимает глубоко в сердце и безумно хочет разгадать ее загадку и ее рыдание" (*Айхенвальд Ю.* Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 25). М.В. Бабенчиков обратил внимание на изменение в "Осеннем дне" образа России по сравнению с более ранними произведениями Блока: «Меняется самый "вид" России. Теперь это: черноземный пустырь, серые избы, овин, придорожные ветлы. Все буднично, серо по-осеннему. Жизнь, а не сказка. Только явь, хотя еще пока и сонная, но ни дурман, ни кошмар, ни сон» (*Бабенчиков М.* Ал. Блок и Россия. М.; Пг., 1923. С. 37).

Идем по жнивью, не спеша ~ Как в сельской церкви темной. – В строфе, возможно, отразились отдельные мотивы из 1 главы поэмы Н.А. Некрасова "Тишина" (1856–1857): "Все рожь кругом, как степь живая"; "Спасибо, сторона родная, // За твой врачующий простор!"; "Храм Божий на горе мелькнул // И детски чистым чувством веры // Внезапно на душу пахнул"; "И долго я рыдал и бился // О плиты старые челом". См.: *Прийма Ф.Я.* Блок и Некрасов // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 14–15.

... *За летом журавлиным... // Летят, летят косым углом...* – Ср. заключительные строки стих. "Последний пурпур догорал..." (1900): "Взлетели к югу журавли // Протяжно плачущей станией" (т. 1 наст. изд.).

О чем звенит, о чем, о чем? – Возможно, реминисценция из "Слова о полку Игореве": "Что ми шумить, что ми звенить {...}". См.: *Ильина (Сеферянци) А.* Непостижимая (К эйдологии Блока). С. 317.

О, нищая моя страна ~ О, бедная моя жена... – Ср. в стих. "Река раскинулась. Течет, грустит лениво..." из цикла "На поле Куликовом" (1908): "О, Русь моя! Жена моя!". В рецензии на "Ночные часы" С.М. Городецкий писал об этой строфе: "Изумленно видим, что это не рифма: страна – жена, что это, действительно, новое раскрытие символа Вечной женственности" (Речь. 1911. № 320. 21 нояб.).

"ДЫМ ОТ КОСТРА СТРУЕЮ СИЗОЙ..."

(С. 175)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₂₈. Л. 1 об.; *ЧА* – *ЗК*₂₈. Л. 4 об.–6; *БА* – *Т*₇. Л. 22 об.–23 ("Романс"), "Август–сентябрь. Шахматово"; *БА* – *НР* *НЧ*. Л. 21 ("Романс"); кор.л. – *НР*₁ *III*₁. Л. 58–58 об. ("Романс"); кор.л. – *НР*₂ *III*₁. Л. 94 ("Романс"), "1909" (дата – карандашом); *Кор*₂ *Земли*. Л. 170.

Впервые: "На рассвете". Художественный сборник под редакцией А.Ф. Мانتель, кн. 1. Казань, 1910. С. 1, под загл. "Романс".

Публикации: *НЧ*. С. 31–32 ("Романс"), в разд. "На родине (1908–1910)"; *III*₁. С. 181 ("Романс"), "1909"; *III*₂. С. 236; *III*₃. С. 302–303.

Основная редакция текста представлена в первой публикации. Заглавие "Романс" снято при подготовке III₂.

Окончательный текст – III₂.

При подготовке III₂ Блок предполагал перенести стихотворение в раздел "Арфы и скрипки" (в РЭ III₁ на полях помета карандашом: "А(рфы) и С(крипки)?"), но не осуществил этого намерения.

В III₁ стихотворение сопровождается авторским примечанием: "Эпиграф из цыганского романа".

Стихотворение, по наблюдению Л.Я. Гинзбург, представляет собой "своеобразный сгусток, фокус преломления трилогии в ее первой редакции, в пределах примерно первых четырех сборников стихов" (*Гинзбург Л. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 293*): в нем последовательно наслаиваются блоковские символы, характерные для "Стихов о Прекрасной Даме" ("сумрак", "свет зари", "алый круг", "туман"), "Нечаянной Радости" ("обман", "печаль угрюмых мест" – во 2-й строфе), третьего тома (тема "страшного мира" в 3-й строфе). Своей лирической темой стихотворение соотносится наиболее тесно с разделом "Страшный мир" (см.: *Горелов Анат. Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд., доп. Л., 1973. С. 269–270*).

Эпиграф. – Цитата из романа "Не уходи, не покидай" ("Не уходи, побудь со мною..."; М., 1900; слова М.П. Пойгина, музыка Н. Зубова), пользовавшегося известностью в исполнении В.В. Паниной. См.: "Песни русских поэтов" в двух томах. Л., 1988. Т. 1. С. 363, 721 (примеч. В.Е. Гусева). В ноябре 1920 г. Блок переписал текст романа (без рефренов) в дневник (СС-87. С. 375).

Дым от костра струею сизою... – Образ "дыма" связан, видимо, с выражением "дым отечества", восходящим к стиху Г.Р. Державина "Отечества и дым нам сладок и приятен" ("Арфа", 1798) и отразившимся в известных словах Чацкого: "*И дым отечества нам сладок и приятен*" ("Горе от ума", действие 1, явл. 7); кроме того, в связи с эпиграфом этот образ вызывает ассоциации с цыганским романсом (дым цыганского костра); ср. стихотворение Я.П. Полонского "Песня цыганки" ("Мой костер в тумане светит..."), ставшее популярным цыганским романсом. См.: *Гинзбург Л. О лирике. С. 293–294; Лотман Ю., Минц З. "Человек природы" в русской литературе XIX века и "цыганская тема" у Блока // БС-1. С. 146*.

Струится в сумрак, в сумрак дня. – Ср. в стих. "Передо мной – моя дорога..." (1902): "В голубоватый сумрак дня" (т. 4 наст. изд.).

Подруга, на вечернем пире, // Помедли здесь ~ Забудь, забудь о страшном мире... – Реминисценция из строк стих. "Так. Буря этих лет прошла..." (14 февраля 1909 г.), входящего в цикл "Ямбы":

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!*

Высказывалось предположение, что образ "вечернего пира" здесь, возможно, ассоциируется с "тайной вечерей" Христа или с пиром Валтасара (Книга пророка Даниила, V); см.: *Ильёв С.П. Мифопоэтическая основа хтонических топосов цикла "Ямбы" Александра Блока // Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции. Омск, 1984. С. 53*.

Помедли здесь, побудь со мной. – Рефрен романа "Не уходи, не покидай": "Побудь со мной, // Побудь со мной!"

Вздохни небесной глубиной. – В "Воспоминаниях о Блоке" Андрей Белый пишет в этой связи: "Глубиною небесной отчитывает цыганку поэт; и в цыганщине освобождает он связанное огневое начало любви, которое – Неопалимая Купина {...}" (Эпопея. № 4. Берлин, 1923. С. 256–257).

Кольцом из рук, кольцом стальным. – Вероятная реминисценция из стих. В.Я. Брюсова "Побег" (1901): "И разорвал кольцо из рук" (*Брюсов Валерий. Urbi et orbi.* Стихи 1900–1903 гг. М., 1903. С. 7).

"РУСЬ МОЯ, ЖИЗНЬ МОЯ, ВМЕСТЕ ЛЬ НАМ МАЯТЬСЯ?.."

(С. 176)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₃₀*. Л. 13 об.–14, "28 февраля" (чернилами), "оконч(ено) 19. VII" (карандашом); *АС – Т₇*. Л. 46 об.–47, "весна – июль", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, дата и исправление – рукой Блока; *БА – НР НЧ*. Л. 18 ("Родине") (опубл. факсимиле: Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1980. Т. 41. С. 238); кор.л. – *НР₁ III₁*. Л. 40–41 ("Родине") (заглавие – автограф); кор.л. – *НР₂ III₁*. Л. 94 ("Родине"), "1910" (дата – карандашом); печ. текст – *Изборник*. Л. 296; *Кор₂ Земли*. Л. 170 об., "1910".

Впервые: *НЧ*. С. 24–25, под загл. "Родине", в разд. "На родине (1908–1910)".

Публикации: *III₁*. С. 179 ("Родине"), "1910"; *ИСП*. С. 18 ("Родине"); *ИСТ*. С. 116 ("Родине"); *III₂*. С. 237; *III₃*. С. 304.

Нижний слой *ЧА ЗК₃₀* записан чернилами 28 февраля 1910 г., верхний слой – 19 июля 1910 г. – карандашом: правка в ст. 8, 10, 19, 20; вписаны ст. 12, 14–16; первая строфа отсутствует.

Заглавие "Родине", данное при первой публикации, снято Блоком при подготовке *III₂*.

Окончательный текст – *НЧ*; в дальнейшем печаталось без изменений.

По свидетельству Н.А. Павлович, Блок выбрал стихотворение, в числе семи, для записи на валик в авторском чтении; запись осуществлена С.И. Бернштейном в 1920 г. (см.: *БС-1*. С. 452).

Один из первых откликов на стихотворение принадлежал Вяч. Иванову; в рецензии на "Ночные часы", помещенной в английском журнале "The Russian Review" (1912. № 2), он писал, приводя первую и две заключительные строфы: "...поскольку в истинно лирическом создании всегда слышно волнение души народной, мы должны заключить, что русская душа все еще глубоко омрачена, все еще страдает от нравственных ран, нанесенных войной и крушением великих надежд. (...) Но, сколь ни болезненны эти переживания, они, в отличие от прежней безнадежности, несут в себе, как нам кажется, здоровое семя. Это семя – страстная волнующая религиозная любовь к стране" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 397; пер. с английского). Е.В. Аничков (в статье «"Ночные сны" Александра Блока»), говоря о выраженной в стихотворении «надежде проникновения в тайные судьбы "России, нищей России"», затрагивал его в аспекте творческой эволюции Блока: «Влекла к мыслям о Руси теза, руководимая унаследованной от Владимира Соловьева таинственной Девой, а антитеза насмеялась, оскорбила: куклой намазанной перевернулась Дева. Вот она – вот Русь ненаглядная, еще более нищая, жалкая, немощная, еще более грубая, чем прежде (...) Что же: "разлучиться, раскатыться"?» (Запросы жизни. 1911. № 9. 2 дек. Стб. 566).

Андрей Белый в статье о Блоке (1916), опираясь на стихотворение, утверждал: "Славянофильский лик Музы разоблачен в Блоке Блоком: ни София он, ни Россия, а древняя, темная Русь, т.е. сонное марево (...) Эта разбойная Русь (...) должна трагически просветиться, очиститься, чтобы групповое, стихийное, древнее в ней начало возвысилось до соединения с Небом (вне-национальным) и стало Душою России, огромной России, в которой мы ныне живем" (*Белый Андрей. Поэзия слова.* Пб., 1922. С. 124–125). А.А. Гизетти отметил, что в стихотворении воплощается "именно новая любовь" поэта к России – «не "ответ", не "успокоение" и "синтез", не "поглощение личного" – "всенародным", а прежде всего тревожное вопрошание родины» (*Гизетти А. О Блоке // Вестник литературы. 1921. № 10 (34). С. 4.*)

Форма "вопрошания", образный строй и содержание блоковских вопросов обнаруживают черты сходства с гоголевскими обращениями к Руси в начале главы XI тома I "Мертвых душ": "Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? (...) Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... (...) главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. (...) И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразив во глубине моей (...)" (*Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 220–221. См.: Альфонсов В.Н. Тема России в лирике А.А. Блока в 1905–1916 гг. С. 27. Образы и мотивы, обыгрывающие азиатское, "татарское" начало, тяготеющее над Русью, восходят главным образом к Вл. Соловьеву и его размышлениям об исторической и религиозной миссии России: "Каким же хочешь быть Востоком: // Востоком Ксеркса или Христа?" ("Ex oriente lux"); ср. стих. "Панмонголизм". См.: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 80–81, 104–105.*

Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма! – Предводитель казаков и завоеватель Сибири Ермак, разбивший в 1582–1584 гг. татарское войско, здесь, вероятно, осмысливается Блоком не столько как историческое лицо, сколько как легендарный образ, сложившийся в народных исторических песнях и отраженный в думе К.Ф. Рыльева "Смерть Ермака" ("Ревела буря, дождь шумел...", 1822), ставшей популярнейшей песней. Журналист Г. Хитрово, хваливший стихотворение Блока за "истинную современщину", нашел образ Ермака в нем излишним: "...самое страшное в этом отчаянном мотиве, в этой песне горемычной, что из нее приходится еще выкинуть "Ермака"... Его захватил ретроспективный взгляд поэта; но для Ермака теперь у нас места не осталось. Он немислим сегодня: он – только жалкий анахронизм" (*Хитрово Г. "Русь моя, жизнь моя!..."*).

Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться... // Вольному сердцу на что твоя тьма? – Ср. интерпретацию этих строк А. Горностаевым: «Не пора ль разлучиться – значит, возможно разлучиться, раскаяться; очнуться вдруг в иной отчизне, не в этой сумрачной стране, родиться от какой-нибудь "венетической девы" (...)» (*Горностаев А. Красная тайна (Россия в поэзии А. Блока) // Южный огонек (Одесса). 1918. № 16. С. 11*). В строках отразилось неприятие Блоком современного государственного и социально-бытового уклада России, особенно обострившееся в канун его отъезда в Италию весной 1909 г.; ср. его письмо к матери от 13 апреля 1909 г.: "Это (...) один из (...) углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины, которую я завтра, слава тебе Господи, покину"; "Или надо совсем не жить в России, плюнуть в ее пьяную харю, или – изолироваться от унижения (...)".

Чудь начудила, да Меря намерила... – Меря – древние финно-угорские племена,

жившие в районах среднего Поволжья. Чудь – чудское, финское племя, либо "народ дикарь, живший, по преданию, в Сибири, и оставивший по себе одну лишь память в буграх (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признака власти белого царя, чудь или чудаки вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли" (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 612).

...*Но до Царьградских святынь не дошла...* – Имеются в виду памятники византийской культуры и православной церкви в Константинополе (Стамбуле); Царьград – древнерусское название Константинополя. Исторический подтекст строки предполагает соотнесение древних и новейших событий – поход великого князя Киевского Святослава Игоревича против Византии в 971 г. (отраженный в "Повести временных лет") и политические претензии Российской империи на овладение Константинополем, древнейшим центром православной церкви, особенно активизировавшиеся во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 22 ноября 1911 г. Н.В. Недробово писал Блоку после прочтения книги "Ночные часы": «...Россия представляется мне гораздо менее пестрой, чем Вам, но более архитектурной. Поистине, наши годы – не время завершения, и, кажется, Вы поторопились, укорив ее стихом: "Но до Царьградских святынь не дошла"» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 295; публикация М.М. Кралина).

Соколов, лебедей в степь распустила ты – // Кинулась из степи черная мгла... – Ср. в "Слове о полку Игореве": "рци лебеди распущени". Строки включают реминисценции образного строя цикла "На поле Куликовом" (1908); ср.: "Слышал я Твой голос сердцем вещим // В криках лебедей"; "И когда на утро, тучей черной, // Двинулась орда"; "Над вражьем станом, как бывало, // И плеск, и трубы лебедей".

...*Дико глядится лицо онемелое...* – Возможно, строка включает отголосок из 1-го "Философического письма" (1829) П.Я. Чаадаева: "Находясь в других странах (...) где лица так одушевлены, так говорящи, я сравнивал не раз моих соотечественников с туземцами, и всегда поражала меня эта немота наших лиц" (*Чаадаев П.Я.* Сочинения и письма / Под ред. М.О. Гершензона. М., 1914. Т. 2. С. 11). См.: *Венгров Н.* Путь Александра Блока. М., 1969. С. 258–259.

...*Очи татарские мечут огни...* – Ср. интерпретацию Андрея Белого в "Воспоминаниях о Блоке", сопоставившую с основной идеей его романа "Петербург": «...*татарские очи* у Блока суть символы самодержавия, или востока; и символы социалодержавия, запада; здесь, как и там, одинаково "*очи татарские*" угрожают России» (*Эпопея.* № 4. Берлин, 1923. С. 260).

...*Очи татарские мечут огни... // Тихое, долгое, красное зарево...* – Сочетание сходных образов у Блока – в стих. "Зарево белое, желтое, красное..." (1901): "Заревом ярким и поздними криками // Ты не разрушишь мечты. // Смотрится призрак очами великими" (т. 1 наст. изд.).

Тихое, долгое, красное зарево // Каждую ночь над становьем твоим... – В рецензии на "Ночные часы" (Аполлон. 1912. № 1) Н.С. Гумилев сравнивал эти строки с предшествующей им строфой стихотворения: "...за великолепно-страшными строками (...) непосредственно следуют строки примиряющие, уже самой ритмичкой, тремя подряд стоящими прилагательными (...) Этот переход от негодования не к делу или призыву, а к гармонии (пусть купленной ценой новой боли – боль певуча), к шиллеровской, я сказал бы, красоте, характеризует германскую струю в творчестве Блока" (*Гумилев Н.* Соч. Т. 3. С. 132).

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

("Под насыпью, во рву некошенном...")

(С. 176)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₃₁*. Л. 8 об.–9, "14 июня" (над текстом); *ЧН₂ – ЗК₃₁*. Л. 12 об.–13; *ЧА – ЗК₃₁*. Л. 13 об.–15; *АСП – Т₇*. Л. 47 об.–48 об., "июнь–июль", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие, посвящение, датировка и правка – рукой Блока; *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед.хр. 11. Л. 35–35 об. ("Под насыпью, во рву некошенном..."), при письме к Е.П. Иванову от 13 августа 1910 г.; *БА₂ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 106. Л. 2–2 об. (подпись: "Александр Блок"), при письме к М.П. Ивановой от 17 февраля 1911 г.; *БА – НР НЧ*. Л. 19–19 об.; кор.л. *БА* (ст. 33–36) – *НР₁ III₁*. Л. 14–15; кор.л. – *НР₂ III₁*. Л. 69, "1910" (дата – карандашом); печ. текст – *Изборник*. Л. 303–304; *Кор₂ Земли*. Л. 171–171 об., "1910".

Впервые: "Новая жизнь" (*НЖ*). 1911. № 3. Февр. С. 3–4, без посвящения.

Публикации: *НЧ*. С. 26–28, в разд. "На родине (1908–1910)"; *III₁*. С. 110–111, "1910", в разд. "Страшный мир"; *III₂*. С. 118–119, в разд. "Разные стихотворения"; *III₃*. С. 305–306.

Черновые рукописи стихотворения представлены двумя рядами предварительных набросков и полным черновым автографом, содержащим существенные расхождения с основным текстом. Беловые автографы стихотворения содержат варианты в ст. 18, 19, 32. Основная редакция текста – в первой публикации (без посвящения, которое опубликовано впервые в *НЧ*); в дальнейшем стихотворение печаталось без существенных изменений (с пункт. вар. в отдельных стихах).

В *III₁* стихотворение сопровождается авторским примечанием: «Н а ж е л е з н о й д о р о г е». Бессознательное подражание эпизоду из "Воскресения" Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне вагона Нехлюдова в бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса». Подразумевается эпизод из романа "Воскресение" (1899), в котором соблазненная Нехлюдовым и ждущая от него ребенка Катюша Маслова осенней ночью приходит на станцию, где несколько минут должен стоять поезд, в котором проезжает Нехлюдов (Ч. 1. Гл. XXXVII); между этой сценой и стихотворением Блока имеются почти дословные совпадения: «Выбежав на платформу, Катюша тотчас же в окне вагона первого класса увидала его. В вагоне этом был особенно яркий свет. На бархатных креслах сидели друг против друга два офицера без сюртуков и играли в карты. (...) Он в обтянутых рейтузах и белой рубашке сидел на ручке кресла, облокотившись на его спинку, и чему-то смеялся. Как только она узнала его, она стукнула в окно зазубленной рукой. Но в это самое время ударил третий звонок, и поезд медленно тронулся, сначала назад, а потом один за другим стали подвигаться вперед толчками сдвигаемые вагоны. Один из играющих встал с картами в руках и стал глядеть в окно. (...) Поезд прибавил хода. Она шла быстрым шагом, не отставая, но поезд все прибавлял и прибавлял хода (...) Она бежала, но вагон первого класса был далеко впереди. Мимо нее бежали уже вагоны второго класса, потом еще быстрее побежали вагоны третьего класса, но она все-таки бежала. (...) "Он в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, а я вот здесь, в грязи, в темноте, под дождем и ветром – стою и плачу", – подумала Катюша, остановилась и, закинув голову назад и схватившись за нее руками, зарыдала. (...) "Пройдет поезд – под вагон, и кончено", – думала (...) Катюша (...) Измученная, мокрая, грязная, она вернулась домой (...) С этой страшной ночи она перестала верить в добро» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1933. Т. 32. С. 130–132). Блок

перечитывал "Воскресение" в сентябре 1908 г., к этому времени относится его запись: «Завещание уходящего столетия новому – "Воскресение" Толстого (1899)» (ЗК. С. 114); ср. фразу из письма Блока к Г.И. Чулкову от 18 сентября 1908 г.: "Перечитываю Толстого и Тургенева. Изумляюсь".

Сюжет стихотворения – смерть "красивой и молодой" женщины, лежащей под железнодорожной насыпью, – вызывает ассоциации и с романом Толстого "Анна Каренина" – со сценой гибели героини под колесами поезда (см.: *Мицц З.Г.* Ал. Блок и Л.Н. Толстой // Тр. по русской и славянской филологии. V. (УЗ ТГУ. Вып. 119). Тарту, 1962. С. 246–247; *Иванов Г.В.* "На железной дороге" А.А. Блока // Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 238–239). Стихотворение вбирает в себя и другие литературные реминисценции. Неоднократно отмечалась его связь с "Тройкой" ("Что ты жадно глядишь на дорогу...", 1846) Н.А. Некрасова – стиливая и образно-тематическая, включая и конкретные параллели (см.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". С. 78; *Будникова Л.И.* Традиции Н.А. Некрасова в поэзии А.А. Блока // Проблемы советской поэзии. Челябинск, 1974. Вып. 2. С. 64–65; *Иванов Г.В.* "На железной дороге" А.А. Блока. С. 240). Кроме того, в стихотворении Блока возможны отголоски одноименного стихотворения Я.П. Полонского ("На железной дороге", 1868), в котором запечатлены картины, наблюдаемые героем из проносящегося поезда, в частности:

Красна девица с горки идет,
По тропинке идет не спеша;
Может быть – золотая душа,
Может быть – красота из красот. (...)
Мчится, мчится железный конек,
И железная тянется нить.

(*Полонский Я.П.* Стихотворения. Л., 1954. С. 286). Очевидные черты сходства с блоковским стихотворением обнаруживает и стихотворение А.Н. Апухтина (впервые опубликованное в 1885 г.), в котором также остаются окончательно непроясненными конкретные причины гибели героини:

В убогом рубище, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля.
К бревну прислонена, лежала голова.
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашиб ли хмель ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли вор хватил ее в смятенье,
Недуг ли поразил, – еще не знали мы
И уловить в лице старались выраженья,

и т.д.

(*Апухтин А.Н.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1991. С. 175). См.: *Пьяных М.* Слушайте революцию. Поэзия Александра Блока советской эпохи. М., 1980. С. 30–32. В стихотворении преломились и собственные переживания и мысли Блока, связанные с железной дорогой, о которых он сообщал в письме к Е.П. Иванову от 29 июня 1910 г.: «Я был в Петербурге 14 июня (...) хотел прийти на службу к тебе; но махнул рукой вдруг и уныло забрался в вагон (...) Я сидел один в спальном купе II класса (...) Какая тупая боль от скуки бывает! И так постоянно – жизнь "следует" мимо, как поезд, в окнах торчат заспанные, пьяные, и веселые, и скучные, – а я, зевая, смотрю вслед с "мокрой платформы". Или – так еще ждуть счастья, как поезда ночью на открытой

платформе, занесенной снегом». Подробную интерпретацию стихотворения см. в статье: *Иванов Г.В. "На железной дороге"* А.А. Блока. С. 235–247.

В сюжете стихотворения, вероятно, отразился также эпизод, рассказанный Е.П. Ивановым в письме к Блоку от 8 июня 1910 г.: «...проезжая мимо дач одного из "Стрельнинских" парков, увидел у канавы лежащую девушку лет 13–15, кругом в почтительном отдалении дачники. "Отравилась". Лицо совсем детское и все в огне. Но покой сна в этом лице. Я был так подл, что проехал мимо и не остановился и ничем не помог. (...) Кругом никто не знал, что делать. Но еще и оттого не остановился, что боялся увидеть ужас и боль ее, когда проснется от обморока». Упомянув далее о других событиях, Иванов завершал: "Впрочем, все это пустяки, Саша. А вот девушка, лежащая в канаве, отравившаяся, это не пустяки. Это буря, буря... выкинула" (*Ильюнина Л.А. Неопубликованные письма из архива Е.П. Иванова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1990. М., 1992. С. 119*).

Автограф "На железной дороге" Блок выслал в письме к Е.П. Иванову от 13 августа 1910 г. – в подборке из трех стихотворений, которые, по его замечанию, "все-таки получше других"; Иванов отвечал 16 августа: «За стихи большое спасибо. По моему, они так прекрасны, что это знак от Нея рыцарю верному (...) стихотв(орение) "Под насыпью, во рву некошенном" и другое, "ресторанное", что за великолепие. Мане страшно нравятся оба эти, особенно же "Под насыпью...", сердечно, замечательно сердечно...» (*Письма к Е. Иванову. С. 78–79, 129; Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1990. С. 120. "Маня" – М.П. Иванова*).

Блок неоднократно выступал с публичным чтением стихотворения: 2 декабря 1913 г. на "вечере новой поэзии", 25 января 1915 г. на вечере в зале петроградской Городской думы, в начале апреля 1916 г. в Москве в Политехническом музее (*Воспоминания, 2. С. 83, 101–102, 116–117*); намечал послать Ф. Сологубу текст стихотворения для "вечера в пользу беженцев в Городской думе около 18 октября" 1915 г. (*ЗК. С. 274*). "На железной дороге" включено Блоком в составленный около 29 января 1918 г. список стихотворений, которые он читал в то время на литературных вечерах (*ЗК. С. 387*).

В 1915 г. режиссером Я.А. Протазановым был поставлен кинофильм "Не подходите к ней с вопросами" (с участием И.И. Мозжухина), в котором были использованы отдельные мотивы стихотворения "На железной дороге" и других стихотворений Блока. Поскольку стихотворение было использовано кинематографистами без ведома и разрешения автора, Блок выступил с заявлением по этому поводу, напечатанным 11 декабря 1915 г. в "Биржевых ведомостях" (см.: *СС-85. С. 679*). См.: *Вишневский В. Александр Блок и кино // Искусство кино. 1936. № 9. С. 49–50; Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976. С. 213* (изложение сюжета кинофильма).

Посвящение. Мария Павловна *Иванова* (1873–1941) – врач, сестра Е.П. Иванова; близкая подруга А.А. Кублицкой-Пиоттх, состоявшая с ней в постоянной переписке. 12 января 1911 г. Кублицкая-Пиоттх сообщила М.П. Ивановой: «Сашенька мой тоже к Вам относится исключительно хорошо. Мы с ним о Вас говорили, когда он был у меня. Тогда же он мне сказал, что хочет посвятить Вам свои стихи "У полотна железной дороги". Я сказала ему тогда на это, что это стихотворение Вам особенно нравилось» (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 377*). Высылая М.П. Ивановой (17 февраля 1911 г.) автограф "На железной дороге", Блок писал: "...хочу послать Вам рукопись того стихотворения, которое Вы позволили мне посвятить Вам (...) я люблю то, что Ваше, и всегда Вас слушаю и у Вас учусь". 18 февраля М.П. Иванова отвечала Блоку: "Я очень, очень тронута Вашим письмом и глубоко благодарна за рукопись; мне очень

хотелось иметь ее у себя, так как все, что дорого мне, хранится у меня спрятанным далеко, далеко" (цитируется в кн.: *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. С. 376; письмо ныне хранится в Музее-квартире А.А. Блока в С.-Петербурге). Н.А. Павлович в "Воспоминаниях об Александре Блоке" пишет о М.П. Ивановой: «...это была уже немолодая девушка необыкновенной доброты, отзывчивости и грусти. Всю себя она посвятила брату, Евгению Павловичу Иванову, и воспитанию его дочери Марины. (...) Много лет спустя после начала нашего знакомства я решила спросить Марию Павловну, как, при каких обстоятельствах, Блок посвятил ей эти стихи. Она улыбнулась своей милой, застенчивой улыбкой: "Мне понравилось, он и посвятил". (...) Мария Павловна была немногословна, но ее молчание всегда было доброжелательно и значительно» (*БС-1*. С. 464).

...*Нежней румянец, круче локон...* – Ср. в "Тройке" Некрасова: "Сквозь румянец щеки твоей смуглой".

Вагоны шли привычной линией ~ Молчали желтые и синие; // В зеленых плакали и пели. – Синего цвета – вагоны I класса, желтого – II класса, зеленого – III класса. Цитируя эту строфу, Н.С. Гумилев писал в рецензии на книгу Блока "Ночные часы" (Аполлон. 1912. № 1): "В своей лознгриновской тоске Блок не знает решительно ничего некрасивого, низкого, чему он мог бы сказать, наконец, мужское: нет! А может быть, хочет, ищет? Но миг – и даже тема о забытом полустанке рыдает у него, как самая полнозвучная скрипка" (*Гумилев Н.* Соч. Т. 3. С. 92).

Лишь раз гусар, рукой небрежною ~ Скользнул – и поезд в даль умчал. – Ср. в "Тройке" Некрасова: "На тебя, подбоченясь красиво, // Загляделся проезжий корнет"; "...и к другой // Мчится вихрем корнет молодой...".

...*В пустынные глаза вагонов...* – Исправление текста этой строки по отношению к первоначальному варианту ("Из пробегающих вагонов"), противоположному по смыслу, приветствовала М.П. Иванова в цитированном письме к Блоку от 18 февраля 1911 г.: «Выражение в Вашем стихотворении "в пустынные глаза вагонов" мне нравится гораздо больше, чем прежде...».

...*Любовью, грязью иль колесами // Она раздавлена – все больно.* – В рецензии на *III*₂ Б. Казанский усмотрел в этих строках "какой-то навязчивый аллегоризм", который "появляется из соединения отвлеченного и зрительного образа" (*БВ*. 1917. № 16104. 17 февр., утр. вып.).

ПОСЕЩЕНИЕ

("То не ели, не тонкие ели...")

(С. 178)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН*₁ – *ЗК*₂₇. Л. 25–24 об. ("Ночная песнь"); *ЧН*₂ – *ЗК*₂₈. Л. 20 об.–21, "17 сентября" (над текстом); *ЧН*₃ – *ЗК*₂₈. Л. 21, "12 января 1910"; *ЧН*₄ – *ЗК*₃₁. Л. 27 об.–30; *ЧН*₅ – *ЗК*₃₁. Л. 32 об.–34; *БА* – *Т*₇. Л. 53–53 об., "(1909–)1910" (скобки карандашом); *АС* – *НР* *НЧ*. Л. 34, "1910", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, дата – автограф; кор.л. – *НР*₁ *III*₁. Л. 53–53 об.; "1910"; кор.л. – *НР*₂ *III*₁. Л. 74: "Осень 1910. С. Шахматово" (помета под текстом – карандашом, кроме обозначения года); *Кор*₂ *Земли*. Л. 172–172 об., "с. Шахматово. 1910".

Первые: "Антология". М.: Мусaget, 1911. С. 12–13, в цикле "Ночные часы".

Публикации: *НЧ*. С. 47–48, "1910", в разд. "Возмездие (1909)"; *III*₁. С. 128, "Осень 1910. с. Шахматово", в разд. "Возмездие"; *III*₂. С. 238–239, "с. Шахматово"; *III*₃. С. 307–308.

Наброски в записных книжках дают представление о нескольких этапах создания стихотворения. *ЧН₁ ЗК₂₇*, озаглавленный "Ночная песнь", содержит строки, соответствующие ст. 5–12 основного текста. *ЧН₂ ЗК₂₈*, датированный 17 сентября 1909 г., соответствует ст. 1–12 основного текста и имеет продолжение (зачеркнуто); после зачеркнутых строк Блок несколько месяцев спустя (12 января 1910 г.) приписал четверостишие (*ЧН₃ ЗК₂₈*). Вновь к работе над стихотворением Блок возвращается, по всей вероятности, в сентябре 1910 г.: к этому времени относятся черновые наброски чернилами (*ЧН₄ ЗК₃₁*, правка в ряде стихов карандашом) и карандашом (*ЧН₅ ЗК₃₁*), разделенные прозаической записью: "Ужасно сложное – в его жену влюблен человек ~ Она только усугубляет путаницу" (*ЗК₃₁*. Л. 30 об.–32; см.: *ЗК*. С. 172–173); эти наброски развивают тему "Ночной песни" (см. *ЧН₁ ЗК₂₇*).

Основная редакция текста представлена в первой публикации. В дальнейшем печаталось без существенных изменений.

Стихотворение навеяно образом "первой любви" Блока – К.М. Садовской (первый "голос" принадлежит Садовской, "второй голос" – Блоку) и ложным слухом о смерти Садовской (см. подробнее коммент. к циклу "Через двенадцать лет"). Ср. фрагменты прозаической записи (сентябрь 1910 г.), примыкающей к черновым наброскам стихотворения: «Однажды случайно доносится отрывок разговора: "Вы слышали, умерла К.С." (...) Он не может спросить. Бросается за газетой. Подтверждается. (...) Понемногу он погружается в синеву воспоминаний. По их нити он уходит в глубокую ночь, откуда возвращения нет» (*ЗК*. С. 172–173). М.А. Бекетова свидетельствует (подготовительные наброски для книги о Блоке): «Первое впечатление этой юной любви отразилось даже в образе Прекрасной Дамы в стихотворении "Посещение". Первый голос – ее»; "К.М.С. была первым источником его поэзии" (записи приводятся во вступительной статье Л.В. Жаравиной к публикации писем Блока к К.М. Садовской – *БС-2*. С. 313).

После первой публикации в альманахе "Антология" стихотворение встретило разноречивые отклики. Н.С. Гумилев расценил цикл "Ночные часы", в составе которого было помещено "Посещение", чрезвычайно высоко: "Александр Блок является в полном расцвете своего таланта: достойно Байрона его царственное безумие, влитое в полнозвучный стих" (Аполлон. 1911. № 7. С. 75–76; *Гумилев Н.* Соч. Т. 3. С. 84); С.П. Бобров писал Андрею Белому 2 июля 1911 г.: «Блока "то не ели, не тонкие ели..." и Ваши стихи (...) по-моему лучшие вещи в альманахе» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 385). Этого мнения Бобров придерживался и позднее, подчеркивая, что в "Посещении" "любовная лирика достигает тончайшего развития" (*Бобров С.* Символист Блок // *Красная новь*. 1922. № 1(5). С. 249). С другой стороны, С.М. Соловьев писал Белому о том же блоковском цикле в "Антологии" (24 июня 1911 г.): "Блок слаб"; аналогичным было мнение Георгия Иванова (в письме к А.Д. Скалдину от 16 августа 1911 г.): «Плохие стихи его (Блока. – *Ред.*), по-моему, в "Антологии" "Мусажета" – какие-то трактаты, а не стихи» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 384, 386). См. также интерпретации стихотворения: *Закржевский А.* Религия. Психологические параллели. Киев, 1913. С. 426; *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. С. 291–292.

То не ели, не тонкие ели... – Ср. дневниковую запись С.П. Боброва от 7 января 1913 г.: «И все-таки хороший Блок: "То не ели, не тонкие ели...", хорошим надо быть, между прочим, поэтом, чтобы так слово "тонкие" поставить!» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 408).

...Вот они – еще синие очи // На моем постаревшем лице! – "Синие очи" – характерная примета образа К.М. Садовской в восприятии Блока; ср. в стихах цикла "Через

двенадцать лет": "Синеокая, Бог тебя создал такой"; "...синий, синий плен очей"; "Синий призрак умершей любовницы".

...*И остыл одинокий очаг.* – Автореминисценция из статьи "Безвремяе" (1906): "Нет больше домашнего очага. (...) Радость остыла, потухли очаги" (СС-8₅, С. 70).

Я привык, чтоб над этой постелью // Наклонялся лишь пристальный враг. – Реакция на эти строки матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух, ознакомившейся с рукописью "Посещения" в Шахматове в 1910 г., была непредсказуемой по своим последствиям. М.А. Бекетова свидетельствует: «Прочтя эти стихи, которые, по обыкновению, принес показать ей сын, Ал(ександра) Андр(еевна) решила, что "*пристальный враг*" – это она, и потому ей лучше уйти из жизни, чтобы не мешать сыну. Не долго думая, она отравилась, т.е. приняла весь запас вероналу, который привезла с собой из санатория на случай бессонницы. Когда веронал начал действовать, она позвала меня и все это мне объяснила. Я думала, что она умирает, но оказалось, что от веронала только временно отнимаются ноги и наступает состояние опьянения, напоминающее бред. (...) Разумеется, Ал(ександр) Ал(ександрович) уверил мать в том, что пристальный враг не она, [но это в сущности мало помогло...]" (ИРЛИ. Ф. 462. Ед.хр. 12. Л. 235). Ср. запись М.А. Бекетовой от 29 февраля 1912 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 628).

Другие редакции и варианты

Как и встарь над зубчатой горой... (ЧН ЗК₂₈) – Реминисценция образов из ранних стихотворений Блока; ср.: "Там, над горой Твоей высокой // Зубчатый простирался лес" ("Сегодня шла Ты одиноко...", т. 1 наст. изд.).

"ТАМ НЕБА ОСВЕТЛЕННЫЙ КРАЙ..."

(С. 179)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₃₁. Л 27; БА – Т₇. Л. 57 об. ("Осень"), "(ос(ень) 1910 Шахм(атово) – 5.V. 1911)"; Кор₂ Земли. Л. 173.

Впервые: «Сборник товарищества "Знание" за 1912 год». Кн. 38. СПб., 1912. С. 25, под загл. "Осень".

Публикации: Блок А. Круглый год. Стихотворения для детей. М., 1913. С. 20 ("Осенняя радость"); III₂. С. 240; III₃. С. 309.

В первой публикации имело вар. в ст. 5 и 11.

Окончательный текст – III₂.

6 января 1912 г. Блок отправил стихотворение В.С. Миролюбову для публикации в сборнике товарищества "Знание" (см.: СС-8₇. С. 120). М. Горький писал в этой связи Миролюбову, что два стихотворения Блока – "Там неба осветленный край..." и "Усталость" ("Чем больше хочешь отдохнуть...") – "можно печатать, хотя они не увеличивают лавров Блока" (М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 77).

В стихотворении отразились впечатления Блока от пребывания в Шахматове осенью 1910 г., когда он занимался перестройкой усадьбы.

...*Там старый лес под топором // Редет.* – В Шахматове Блок часто занимался рубкой деревьев и кустарников. Ср. сообщение Блока в письме к матери от 11 мая 1910 г.: "Я уже подчищал лес". М.А. Бекетова вспоминает о Блоке в Шахматове: "Он много занимался чисткой сада, причем нередко пугал нас с матерью смелостью

своего размаха. Рубить деревья было всегда одним из его любимых занятий, причем он обыкновенно увлекался, хватал через край, и рубил кусты и деревья без всякой видимой надобности. (...) От его рубки в доме становилось светлее и суше" (*Бекетова* 12. С. 190).

"ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЗВУК. И ПОКОРНА ЩЕМЯЩЕМУ ЗВУКУ..."

(С. 179)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т7*. Л. 77 об., "2 мая" (опубл. факсимиле: Александр Блок. М., 1986. С. 149); *БА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед.хр. 23. Л. 18 об.–19, в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 2 июня 1912 г.; *БА – Изборник*. Л. 322, "1912" (датировка зачеркнута); *Кор2 Земли*. Л. 173 об., "1912".

Впервые: *РМ*. 1913. № 4. 1-я паг. С. 4–5, в авторской подборке "Восемь стихотворений".

Публикации: *Ш2*. С. 244; *Ш3*. С. 310.

Печатается с исправлением в ст. 13: "он твой," вместо "он твой" – по *Т7*, *РМ*, *Изборнику*.

Во всех источниках текст не имеет существенных отличий от основной редакции.

Обращено к Л.Д. Блок и навеяно воспоминаниями о юношеских встречах с нею в Шахматове и Боблове. Высылая автограф стихотворения в письме к матери от 2 июня 1912 г., Блок отмечал: "...оно написано еще в мае".

13 апреля 1913 г. Блок записал в дневнике о М.И. Терещенко: «Мои стихи "Приближается звук..." запомнил почти наизусть».

...*Старый дом глянет в сердце мое...* – В автобиографическом плане подразумевается усадьба Менделеевых в Боблове.

...*Жизнь и горе отдам, // Хоть во сне, твою прежнюю милую руку // Прижимая к губам.* – Автореминисценция стих. "Когда-то долгие печали..." (1901):

Теперь – за ту младую муку
Я жизнь отдам...
О, если б вновь живую руку
Прижать к губам! (т. 4 наст. изд.)

СНЫ

("И пора уснуть, да жалко...")

(С. 180)

Автографы и авторизованные тексты: *АСП – Т7*. Л. 82–83 ("В детской (Сны)"), "Октябрь", текст – рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие, правка, датировка – рукой Блока; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 51. Л. 4–5 ("В детской"); *Кор2 Земли*. Л. 174–174 об., "1912".

Впервые: "Огоньки". Рождественский альманах для детей младшего возраста. 25 декабря 1912 (*Ог*). М., изд. т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 30–31 (подпись – факсимиле: "Александр Блок"), под загл. "В детской".

Публикации: *Сказки*. С. 24–26; "Проталинка". Сборник стихов для детей (*Пр*). М., 1914. С. 17–18; *Ш2*. С. 241–242; *Ш3*. С. 311–312.

В первых публикациях печаталось со строфой (между 2-й и 3-й строфами), не вошедшей в основной текст, который впервые представлен в *Ш2*.

Блок предполагал включить стихотворение в неосуществленный сборник "Для детей" – согласно плану содержания этого сборника, составленному им 19 августа 1918 г. (см.: Корсаков Р. [Иванов-Разумник] Стихи А. Блока для детей // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 79).

М.А. Бекетова свидетельствует, что в стихотворении отразились детские воспоминания Блока о жизни в 1886–1889 гг. на Большой Московской улице (дом 9) против Свечного переулка, в квартире «с большой детской, где спала и няня Соня: у нее был свой уголок за перегородкой. Именно в этой комнате была лошадь-качалка и зеленая лампадка, известные (...) по стихотворению "Сны" (...) В промежутках между игрой и гуляньем няня Соня читала Саше вслух в то время, как он рисовал или что-нибудь мастерил» (*Воспоминания*, I. С. 42; няня Блока – Софья Ивановна Колпакова).

Б. Казанский упомянул "Сны" как пример тех стихотворений Блока, которые "дышат истинным величием мечты" и в которых поэт "парит на великолепных высотах личного опыта" (*БВ*. 1917. № 16104. 17 февр., утр. вып.).

В стихотворении отразились реминисценции стих. Я.П. Полонского "Качка в бурю" (1850), известного Блоку с раннего детства: цитату из него он привел в "Автобиографии" (1915), вспоминая о первых своих "лирических волнах" (*СС-87*. С. 13); ср.:

Вижу я во сне: качает
Няня колыбель мою
И тихонько запекает –
"Баюшки-баю!"

Свет лампы на подушках;
На гардинах свет луны...
О каких-то все игрушках
Золотые сны.

(Полонский Я.П.

Стихотворения. Л., 1954. С. 127.

Б-ка поэта, большая серия)

Эта параллель прослежена И.Р. Эйгесом в неизданной статье "Блок и Полонский" (*РГАЛИ*. Ф. 2218. Оп. 1. Ед.хр. 11. Л. 21). Явную ориентированность "Снов" на поэтику и стилистику Полонского отмечает также М.Л. Гаспаров в статье «"Спи, младенец мой прекрасный": семантический ореол разновидности хореического размера» (*Проблемы структурной лингвистики*. 1981. М., 1983. С. 194). Система образов, воссоздаваемая в "Снах", неоднократно использовалась Блоком и ранее – отчетливее всего в стих. "Дали слепы, дни безгневны..." (т. 1 наст. изд.).

Внемлю сказке древней, древней // О богатырях, // О заморской, о царевне... – Подразумевается прежде всего главный сюжетный мотив "Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях" (1833) А.С. Пушкина – пробуждение спящей в гробу царевны королевичем Елисеем. См.: *Мицц З.Г.* Блок и Пушкин // *Тр. по русск. и слав. филологии*. XXI. Литературоведение (*УЗ ТГУ*. Вып. 306). Тарту, 1973. С. 254; *Орлов В.* "Здравствуйте, Александр Блок". С. 200. Детские воспоминания о чтении пушкинской "Сказки о мертвой царевне..." Блок предполагал отразить и в поэме "Возмездие" – согласно предварительному "плану первой части" (10 октября 1911 г.): "...няня читает (...) долго-долго, внимательно, изо дня в день:

Гроб качается хрустальный...
Спит царевна мертвым сном".

Ср.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 37–38. Вероятны также ассоциации со стихотворной сказкой В.А. Жуковского "Спящая царевна" (1831), основывающейся на том же мифопоэтическом сюжете. Мифа о спящей царевне и ее грядущем освобождении Блок касается и в статье "Рыцарь-

монах" (декабрь 1910 г.): «...одно земное дело: дело освобождения пленной Царевны, Мировой Души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса и пребывающей в тайном союзе с "космическим умом"» (СС-85, С. 451). См.: *Мицн З.Г.* Лирика Александра Блока. Вып. 3. Тарту, 1973. С. 108–109.

... *Конник в латах ~ За собой меня...* – Строки, вероятно, отразили воспоминания Блока об одной из своих детских игр, о которой рассказывает М.А. Бекетова: "Это была бурная, воинственная игра, для которой Саша надевал картонные золотые латы с такой же каской {...} Он вихрем носился по комнатам" (*Воспоминания*, I. С. 42). Не исключено, что они содержат и реминисценции стих. Андрея Белого "Перед старой картиной" (1910), опубликованного в альманахе "Антология" (М.: Мусажет, 1911):

Рыцарь, в стальной броне, –
Из безвестных,
Безвестных
Далей
Я летел на косматом коне.

(*Белый Андрей.*
Королевна и рыцари.
Сказки. Пб., 1919. С. 10–11)

Спит в хрустальной, спит в кровати... – Реминисценция из "Сказки о мертвой царевне..." Пушкина: "И в хрустальной гробе том // Спит царевна вечным сном".

Дремлешь? – Внемлю... сплю. – Ср. в "Качке в бурю" Полонского: "Я дремлю в каюте тесной... // Закачало – сплю"; "Вновь я лег и вновь дремлю я... // Закачало – сплю".

Другие редакции и варианты

Тихо, сладостно, знакомо ~ Дремлешь?.. Внемлю... сплю... (Т₇ и др.) – Н.А. Павлович отмечает, что "этой строфой усилен элемент колыбельной", особенно значимый в изданиях для детей, в которых строфа сохранена (*Павлович Н.* Блок и детская литература // *Детская литература*. 1940. № 11–12. С. 75).

НОВАЯ АМЕРИКА

("Праздник радостный, праздник великий...")

(С. 181)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 21, 8 лл. ("Россия"), "8–10–11–12 дек(абря)" (над текстом); БА – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44а. Л. 17–19 ("Россия"); печ. текст – Т₈. Л. 8 об. – 10 ("Россия"), "8–12 XII 1913" (дата – автограф; текст – вырезка из РС; печ. текст – *Изборник*. Л. 338–339 об. (заглавие вписано карандашом); Кор₂ *Земли*. Л. 175–176, "1913".

Впервые: РС. 1913. № 297. 25 дек. С. 5, под загл. "Россия".

Публикации: СР. С. 34–36 ("Праздник радостный, праздник великий..."); Ш₂. С. 135–137, в разд. "Разные стихотворения"; Ш₃. С. 313–315.

ЧА *ИРЛИ* имеет несколько слоев правки – чернилами и карандашом, последовательность строф отмечена на полях чернилами; последняя строфа (ст. 57–60) представлена в виде нескольких черновых набросков, в результате правки текст приведен к основному. Заглавие и дата вписаны карандашом.

Заглавие "Россия", имеющееся в автографах и в первой публикации, снято в *СР*; заглавие "Новая Америка" впервые – в *III*₂. Текст печатался в редакции, близкой к основному тексту, – за исключением ст. 58, исправленного в *III*₃ (*Кор₂ Земли*).

В *T*₈ текст был сокращен и исправлен: сняты первые шесть строф, а также 13-я строфа (ст. 49–52), текст начинался с исправленного ст. 25 ("Степь, да ветер... И ветер рванулся..."). Однако в этой редакции стихотворение не публиковалось.

Отвечая на приглашение, исходившее от И.Д. Сытина, сотрудничать в издаваемой им газете "Русское слово", Блок писал 10 декабря 1913 г. редактору газеты Ф.И. Благову: "...я надеюсь прислать Вам стихотворение к 16 декабря. Оно еще не дописано. В нем будет строк 40–50"; ему же – 12 декабря, высылая стих. "Россия" ("Новая Америка"): «Вот стихотворение для рождественского номера "Русского слова". Извиняюсь: вышло 60 строк».

Образный строй "Новой Америки", основанный на противопоставлении настоящего России (*метелица дикая, убогая Русь* и т.п.) ее будущему, возможно, включает аллюзии стих. С.М. Городецкого "Нищая" (1910), входящего в его книгу "Ива" (СПб., 1913; в экземпляре книги, принадлежавшем Блоку, имеются его пометы к тексту стихотворения); ср.:

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгнула где без вестей?

Или сама ты заброшена
В тьму, маету, нищету?
Горе, незвано, непрошено,
Треплет твою красоту?

Ну-ка, вздохни по-старинному,
Злую помеху свали,
Чтобы опять по-былинному
Силы твои расцвели!

(Городецкий С. Избр.
произведения в двух томах.
М., 1987. Т. 1. С. 236)

Одновременно с созданием стихотворения Блок вынашивал замысел неосуществленной драмы "Нелепый человек" (его первая фиксация – в дневниковой записи от 9 декабря 1913 г.), в центре сюжета которой – обнаружение героем угольного месторождения (см.: *Орлов Вл.* Неосуществленный замысел Александра Блока – драма "Нелепый человек" // Учен. зап. Лен. пед. ин-та. 1948. Т. 67. С. 234–261). Стихотворение и драматургический замысел в равной мере были обусловлены активизировавшимся в это время у Блока интересом к проблемам промышленного и технического развития России и идеей ее "фабричного возрождения" (о богатствах недр родины Блок писал еще в 1908 г. в первоначальной редакции стихотворения "Россия" – см. раздел "Другие редакции и варианты"); характерно, что в ответе на анкету о лучших литературных произведениях 1913 г. Блок назвал (19 декабря 1913 г.), наряду с "Петербургом" Андрея Белого, изображающий, по его словам, "близкое будущее", роман немецкого писателя Бернгарда Келлермана "Туннель", герой которого, американский инженер-шахтер и сын горняка, занят осуществлением грандиозного проекта подводного туннеля, соединяющего Америку и Европу: "...оба произведения, отмеченные печатью необычайной значительности, говорят о величии

нашего времени" (СС-85. С. 677). Этот интерес стимулировался у Блока целым рядом факторов: одновременным внимательным чтением книги Д.И. Менделеева "Познание России" (СПб., 1906), в которой шла речь о разработке природных богатств и развитии производительных сил в России (принадлежавший Блоку экземпляр книги имеет его многочисленные пометы; см.: ББО-2. С. 150); постоянным общением в 1913 г. с М.И. Терещенко, связанным с миром техники и промышленности (попытка поставить под сомнение факт влияния Терещенко имеет голословный характер; см.: Соловьев Б. Поэт и его подвиг. Творческий путь Александра Блока. 4-е изд. М., 1980. С. 457–458); встречами с представителями "негуманитарной" интеллигенции (см.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 186; статья З.Г. Минц); усиленным чтением А. Стриндберга, являвшего для Блока тип "нового человека", "рабочего", "ремесленника", социального утописта (Шарышкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 268–269; ср. фразу из письма Блока к матери от 17 июля 1912 г. – о прогулке с Пястом: "...осматривали завод торфяных брикетов (Стриндберговское занятие)").

О том, что представления о богатствах подземных недр ("Черный уголь – подземный мессия", "руда") и промышленном развитии облекались для Блока не только прямым, но и более широким иносказательным смыслом, свидетельствуют его записи от 5 декабря 1915 г.: "...будущее России лежит в еле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств"; "...Россия явно требует уже не чиновников, а граждан; а ближайшее будущее России требует граждан-техников и граждан-инженеров (...) до какой степени техника и художественное творчество немыслимы друг без друга (τέχνη по-гречески – искусство), мы скоро увидим, ибо, если мы только выправимся после этого потопа, нам предстоит перенестись как на крыльях в эпоху великого возрождения, проходящего под знаком мужественности и воли" (ЗК. С. 275, 276). П.С. Сухотин в очерке "Памяти Блока" (1924) передает близкие по смыслу слова поэта о будущей России: "...когда я подумаю и постараюсь только представить себе, сколько в России богатств, сколько так называемых недр и возможностей, то почти сумасшедшая мечта создается в моей голове, мечта о том, когда все эти недра задвигают машины и люди. Чем будем для мира мы – дикие скифы, русские посконные мужики! Это может быть и страшно, но – чудесно" (Воспоминания, 2. С. 88). Ср. аналогичное свидетельство в мемуарах о Блоке М.В. Бабенчикова ("Отважная красота"): "Он охотно и подолгу говорил со мной о зреющих новых народных силах. Его любимой жизненной темой стала тема о мировом будущем промышленной молодой России. "Россия не нищая. Россия – золото, уголь", – негодуяще бросил он мне как-то" (Там же. С. 170). Предрекая России будущее как "новой Америке", Блок исходил из своего понимания "американизма"; этим определением он, по его словам, "издавна привык называть" такой "внешний подход" к делу, который "требует больших масштабов и широкого размаха" ("Доклад в Коллегию Театрального отдела"), 1919. – СС-86. С. 299). В то же время Блок подчеркивал (в письме к матери от 19–20 марта 1917 г.), что для него "мыслима и приемлема будущая Россия, как великая демократия (не непременно новая Америка)", а в предисловии к поэме "Возмездие" (12 июля 1919 г.) с наибольшей ясностью обозначал свою концепцию: «... "уголь превращается в алмаз", Россия – в новую Америку; в новую, а не в старую Америку» (т. 5 наст. изд.). См.: Тимофеев Л.И. Творчество Александра Блока. М., 1963. С. 106–109.

Первый печатный отклик на публикацию стихотворения – редакционная статья (без подписи) "Наши задачи" в еженедельнике "Горно-заводское дело" (издание Совета Съезда горнопромышленников юга России). В статье отмечалось, что "у нас в России считаются с тем, что не проживешь без промышленности, нельзя обойтись без угля, железа, ситца, но под влиянием аграрно-народнических настроений это рассматривается, как некое неизбежное зло, как досадная необходимость"; поэтому задача

печати – в том, чтобы восстановить в правах "духовную сторону нашего индустриализма": «...уголь и железо – материальная основа всей современной культуры (...) нам недостает лишь *психологических* предпосылок, для того, чтобы вызвать к жизни все те мощные силы, которыми мы так богаты. Поэтическая интуиция прозревает такое значение нашей промышленности, и один из ультра-современных поэтов, А. Блок, в своем последнем стихотворении "Россия" так думает над этими вопросами». Далее в статье приводятся четыре заключительных строфы "Новой Америки" и делается вывод: «Необходимо, чтоб этой светлой, животворящей идеей огромного духовного значения промышленности прониклись все слои русского общества – и т.н. "потребители", и руководители нашей внутренней экономической политики, и законодательные учреждения, и, наконец, сами представители промышленности и торговли» (Горно-заводское дело. 1914. № 1. 8 янв. С. 8328–8330). Вырезка из журнала с этой статьей была прислана Блоку Андреем Кондратьевым (см. запись Блока от 22 февраля 1914 г. – ЗК. С. 209). Статья произвела на Блока большое впечатление, о чем свидетельствует В. Пяст: «Я как раз был у Блока, когда почта принесла журнал "Горное дело". В своей передовице первого номера этот орган ссылаясь на (...) стихотворение, густо цитируя его в доказательство необходимости осуществлять мудрые мысли поэта и скорее и интенсивнее эксплуатировать естественные богатства России. Оба мы глубоко обрадовались этому. Мы тут воочию видели силу воздействия слова, поэзии, на действительность...» (*Воспоминаний*, 1. С. 382).

В рецензии на "Стихи о России" Ал. Ожигов [Н.П. Ашешов], останавливаясь на "Новой Америке", отмечает, что в этом стихотворении Блок касается "тайны" России, "раскрывает ее и выдает относительно нее свои затаенные мысли"; процитировав заключительные четыре строфы, критик поясняет: «Таков идеал поэта, и понятно, что при таких условиях "Россия" для него не слово легкое для рифмы, а волнующая мучительница и прекрасная вечная греза. И поэт всем сердцем воспринимает эту мучительницу-грезу. В стихотворении, жутком и прекрасном, трагическом и трогательном, г. Блок создает образ, поистине, синтетический. Трепетанье Руси в нем чувствуется, ужас смерти ее и та великая любовь, которая все преодолевает и побеждает» (Современный мир. 1915. № 9. 2-я паг. С. 189). Ср. отзыв о "Новой Америке" Г.В. Иванова: "Это стихи символиста. Но какой реалист (...) не примет их? Какой акмеист не скажет, что они прекрасны?" (Аполлон. 1915. № 8–9. С. 99). Как "своего рода историко-географическую карту блоковской России" расценивает стихотворение Г.П. Федотов в позднейшей статье о Блоке (*Богданов Е. [Федотов Г.П.]*). На поле Куликовом. С. 433; *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. 1. С. 120).

О чтении стихотворения Блоком в Москве в начале апреля 1916 г. на вечере в Политехническом музее вспоминает О.В. Гзовская: «Пророчески звучало в исполнении Блока стихотворение "Новая Америка". Вся история России проходила перед нами, когда мы слушали это стихотворение. (...) Взволнованно, почти восторженно произносил Блок заключительные строки (...) ударение на слове "новой" звучало так, что верилось: не повторением, не подражанием Америке будет Россия, ей предназначена иная судьба» (*Воспоминания*, 2. С. 117–118). М.В. Бабенчиков свидетельствует, что к темам, затронутым в стихотворении, Блок предполагал обратиться в новых творческих опытах: «Если снова вернусь к литературе, – говорил мне Ал.Ал. (в 1917 г. в период перерыва, когда он почти ничего не писал), – продолжу начатое в III-м томе, главное тему "Новой Америки"... мысли идут, нить не прерывается...» (*Бабенчиков М.* Ал. Блок и Россия. М.; Пг., 1923. С. 85).

...Роковая, родная страна. – Вероятная реминисценция из стих. Андрея Белого "Родина" ("Те же росы, откосы, туманы...", 1908): "Роковая страна, ледяная, // Про-

клятая железной судьбой" (*Белый Андрей*. Пепел. Стихи. СПб., 1909. С. 67). О том, что "Новая Америка" написана "в прямой полемике" с трактовкой темы России в "Пепле" Белого, см.: *Пискунов В.* Тема о России. Россия и революция в литературе начала XX века. М., 1983. С. 142–143.

За снегами, лесами, степями... – Ср. первую строку стих. А.А. Фета (1891): "За горами, песками, морями" (см.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". С. 213). Возможна также реминисценция из стих. И. Коневского "Среда" (1901): "Меж озерами, морем, реками // Он продрог под бореньем ветров" (*Коневской И.* Стихи и проза. С. 120).

...Я на утлые санки сажусь. – Вероятная реминисценция начальных строк Поучения Владимира Мономаха (начало XII в.): "Съдя на санех, помыслих в души своей {...}" (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1975. С. 392).

Не в богатом покоишься гробе // Ты, убогая финская Русь! – Ср. в стих. Коневского "Среда": "Здесь заглохли и выдохлись финны" (*Коневской И.* Стихи и проза. С. 119). Образ "финской Руси" был связан для Блока с именем Коневского, о котором он писал в 1905 г. (в рецензии на книгу А.Л. Миропольского): "...финская Русь была воспринята им сильно, уверенно – во всей ее туманности, хляби, серой слякоти и страшной двойственности" (СС-85. С. 599. См.: *Мордерер В.Я.* Блок и Иван Коневской // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 168). Эпитет "убогий", вероятно, включает в себе ассоциацию с вступлением к поэме Пушкина "Медный всадник" (1833): "Чернели избы здесь и там, // Приют убогого чухонца".

...Ектеньи, ектеньи, ектеньи... – *Ектения* – моление, читаемое в православной церкви дьяконом или священником, на которое хор отвечает: "Господи, помилуй" и "подай, Господи".

...Запылавшие щеки твои... – Ср. интерпретацию П. Губера: "Эти *запылавшие щеки* воистину изумительны здесь, в этом контексте. Поэт не умел и не мог мыслить аллегориями. Для него Россия действительно живая, реальная, любимая и любящая женщина" (*Губер П.* Гражданские мотивы в поэзии Блока // *Литературные записки*. 1922. № 3. С. 2).

...Словно дьякон взмахнул орарем... – *Орарь (орарий)* – часть дьяконского облачения, перевязь с крестами по левому плечу.

А уж там, за рекой полноводной, // Где пригнулись к земле ковыли... – Автоцитата из стих. "Опять с вековой тоскою..." из цикла "На поле Куликовом" (1908): "Пригнулись к земле ковыли. // Опять за туманной рекою {...}".

Нет, не видно там княжьего стана ~ Не клянет половецкий полон... – Строфа содержит аллюзии двух тем "Слова о полку Игореве" – похода на Дон князя Игоря Святославича против половцев и плача Ярославны. См.: *Смирнов И.П.* Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX вв. (на материале "Слова о полку Игореве") // *БС-4*. С. 260. Ср. стих. И.А. Бунина "Ковыль" (1894), также ориентированное на "Слово о полку Игореве":

Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками? {...}
Вежи половецкие колышет
И бежит-звенит старинной быльё?

(*Бунин И.А.* Собр. соч.:
В 9 т. М., 1965. Т. 1. С. 91)

...*Не шеломами черпают Дон...* – Ср. в "Слове о полку Игореве": "любо испити шеломомъ Дону"; в "Задонщине" (конец XIV в.): "...посмотрим быстрого Дону, испиемь шеломом воды" (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 9). Зачерпнуть шлемом и испить воды из реки, протекающей по вражеской территории, – традиционный древнерусский образ покорения врага и его земли. Ср. в стих. С.М. Соловьева "Киев": "...Князю любо (...) Отдыхать под тенью дуба // И шеломом черпать Дон" (Соловьев С. Апрель. Вторая книга стихов. 1906–1909. М., 1910. С. 47–48).

Путь степной – без конца, без исхода... – Реминисценция из стих. "Река раскинулась. Течет, грустит лениво..." из цикла "На поле Куликовом" (1908): "Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной".

...*Но не страшен, невеста, Россия, // Голос каменных песен твоих!* – Андрей Белый в "Воспоминаниях о Блоке" полемически откликнулся на эти строки ("надменнойший вызов"): «Думаю все-таки – "страшен"»; «И не является ль "Новая Америка" (...) Россией, отдавшей свою луговую, разбойную статью иноземному колдуну ("Страшной Мести)", одетому в красный жупан с искрой ответа "железо-плавильных печей"» (Эпопея. № 4. Берлин, 1923. С. 302–303). Еще сильнее акцентировал подобную трактовку блоковских строк Г.П. Федотов: «Половецкая, татарская Русь воскресает на наших глазах буйством заводов, царством Донецкого угля (...) в новой Америке встает старая Орда. Но ведь, за хаосом огня в доменных печах должен стоять строй машин, тяжелый порядок, – и татарская орда на миг является у Блока в виде "буйной крепости", предвзятой евразийскую концепцию Золотоордынской государственности» (Богданов Е. [Федотов Г.П.] На поле Куликовом. С. 433–434; Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 120).

...*Мне Америки новой звезда!* – Образ "новой звезды" восходит к образу звезды Вифлеемской, возвестившей волхвам о рождении Христа. Ср.: «Тема "Звезды" Новой Америки над Россией – последняя жизненная тема Блока, он любил говорить о ней и, как всегда, когда что-нибудь его особенно сильно занимало, "собирал" мнения других, "проверяя" себя в данном вопросе. До конца жизни Блок полагал, что на эту звезду, воссиявшую на черном небе Востока над ночной Россией (...) и возвестившую миру о рождении *России новой*, стекутся "волхвы" со всего света» (Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия. С. 83).

"ВЕТЕР СТИХ, И СЛАВА ЗАРЕВАЯ..."

(С. 183)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 1–2; БАП – Т₈. Л. 79. "авг(уст) 1914"; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44а. Л. 27, "1914 V 14" (над текстом); печ. текст – *Изборник*. Л. 368–369 (посвящение – приписано карандашом).

Впервые: ЕЖ. 1914. № 10. С. 3 ("Ветер спал, и слава зарева..."), без посвящения, второе в цикле из двух стихотворений под загл. "Россия" (вместе со стих. "Задобренные лесом кручи...").

Публикации: СР. С. 32; III₂. С. 243; III₃. С. 316.

После первой публикации Блок исправил текст стихотворения в Т₈, однако новые варианты стихов (за исключением ст. 1) не отразились в последующих публикациях.

Окончательный текст – СР. В последующих изданиях печаталось без изменений.

В образно-тематическом плане соотносится со стих. "Вот он, ветер...", также входящим в разд. "Родина".

Вон и схимник. Книгу закрывая... – Схимник – монах, принявший схиму – в православной церкви высшую степень посвящения, требующую выполнения суровых аскетических правил.

Да и что за жизнь без клобука?.. – Клобук – монашеский головной убор в виде высокой шапки с покрывалом.

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ ("Боль проходит понемногу...")

(С. 183)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 80. 5 лл, "28 XII" (Л. 1), "9 декабря" (Л. 3), "оконч(ено) 14 V 1914" (Л. 5); *БАП – Т₈*. Л. 66–67, "9–28 дек(абря) 1913 – 14 мая 1914"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44а. Л. 20–21, "1913 XII – 1914 V"; печ. текст – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1 (вырезка из *БВ*, 26 окт. 1914 г.); печ. текст – *Изборник*. Л. 367–367 об.; *Кор₂ Земли*. Л. 177–178, "1914".

Впервые: *БВ*, утр. вып. 1914. № 14456. 26 окт. С. 2 (*БВ I*).

Публикации: *БВ*. Второе изд. 1914. № 279. 8 нояб. С. 5; *СР*. С. 41–42; *III₂*. С. 143–145, в разд. "Разные стихотворения"; *III₃*. С. 317–319.

Печатается с исправлением опечатки в ст. 19.

В *ЧА ИРЛИ* представлен карандашный набросок, датированный 28 декабря 1913 г., и текст (чернилами), верхний слой которого близок к основному. Листы *ЧА ИРЛИ* пронумерованы римскими цифрами (I–V). На л. 3 (III) дата (над текстом): "9 декабря". Здесь помещены ст. 21–30 и зачеркнуты наброски между ст. 20–21 и 30–31.

В *Т₈* стихотворение имело первоначальное заглавие "Утешение". Карандашная правка приближает текст к основному.

В *Кор₂ Земли* в ст. 19 и 20 подчеркнуты слова "грезить" и "постылый".

Окончательный текст – *БВ I*; в последующих изданиях печаталось без изменений.

Основная авторская работа над стихотворением относится к декабрю 1913 г., текст окончательно оформлен 14 мая 1914 г.; в этот день Блок отметил в записной книжке: "Стихи кой-какие пишутся" (*ЗК*. С. 227), ср. фразу в письме Блока к матери от 17 мая 1914 г. с "описанием этих дней": "Дописывал кой-какие стишки".

В письмо к жене от 26 октября 1914 г. Блок вложил газетную вырезку с первой публикацией стихотворения (см.: *ЛН*. Т. 89. С. 334).

Судя по воспоминаниям В.С. Чернявского, Блок читал стихотворение 28 марта 1915 г. на вечере "Поэты – воинам" в пользу Лазарета деятелей искусств в Зале Армии и Флота: "Волнуясь, он прочел стихи о России, о своей, блоковской, России и о человеческой глупости, прочел обычным, холодноватым и все-таки страстным, слегка дрожащим голосом, приглушенным и чистым одновременно {...}" (*Чернявский В.С. Первые шаги // Воспоминания о Сергее Есенине*. М., 1965. С. 138).

Известно также, что Блок читал "Последнее напутствие" перед аудиторией на своих публичных выступлениях в Москве 3–9 мая 1921 г. (*Воспоминания*, 2. С. 467; комментарии Вл. Орлова).

Строфическая организация и оригинальная система рифмовки (AbCAb/DeCDe) "Последнего напутствия" были ранее использованы Блоком в стих. "Как свершилось, как случилось?..." (19 декабря 1912 г.).

Тематически стихотворение соотносится с текстом тропаря из поэмы А.К. Тол-

стого "Иоанн Дамаскин" (1858?); см.: *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1963. Т. 1. С. 526–528). По композиционной и образной структуре "Последнее напутствие" вызывает также аналогии с одним из предсмертных стихотворений Н.А. Некрасова – "Баюшки-баю" ("Непобедимое страданье...", 1877). См.: *Прийма Ф.Я.* Блок и Некрасов // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 18–19.

Цитируя стихотворение в рецензии на *СР*, критик Ал. Ожигов [Н.П. Ашешов] отмечал: «Среди милитаристической поэзии стихи г. Блока звучат именно, как "нежная скрипка", и волнуют сердце, как "рой легких сновидений"…» (Современный мир. 1915. № 9. 2-я паг. С. 188). Высокую оценку стихотворению дал Ю.А. Никольский: "Блок знает, какую боль он делает своими открытиями, и вот он снова подходит к нам, грустный и ласково проникновенный в своем «Последнем напутствии» (...) Речь Блока в этом стихотворении до растроганности взволнованная. В Блоке то и замечательно, что для него нет ни "формы", ни "содержания", – в слове для него заключена истина в целом, и вот почему связь рифмой – для него всегда является связью "формы внутренней". И вот почему внедряющаяся в строфу непарная строчка, рифмующаяся с непарной в следующей строфе, связана с ней и своим внутренним смыслом» (*Никольский Ю.* Александр Блок о России // *РМ.* 1915. № 11. 3-я паг. С. 19).

Чтобы звуки, чуть тревожа ~ И в иное увлекли... – В.Н. Орлов отмечает параллель (см.: *СС-83.* С. 598) между этой строфой и заключительными строками стихотворения Нежданова, героя романа И.С. Тургенева "Новь" (Гл. XII; 1876):

И предсмертной тишины
Не смутив напрасным стоном,
Перейду я в мир иной,
Убаюкан легким звоном
Легкой радости земной!

(*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.:
В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1982.
Т. 9. С. 203)

...*Наша русская дорога*, и след. – Ю.А. Никольский писал об этих строках: «Хочется думать, что не случайно связана "наша русская дорога" с той, "кого любил ты много". Тут путь, "шоссе", по которому все время тосковал Блок в стихах о России, приведет его опять к его Прекрасной Даме» (*РМ.* 1915. № 11. 3-я паг. С. 19). Проследивая точки соприкосновения между поэзией Блока и Г. Гейне, Ю.И. Айхенвальд писал о русском поэте: «От Гейне отличается он своим патриотизмом. "Наша русская дорога, наши русские туманы, наши шелесты в овсе", эта русская стихия его, эта искренняя и любовная заинтересованность Россией производят сильное и отрадное впечатление. Многие строфы его проникнуты неподдельным чувством родины» (*Айхенвальд Ю.* Лирик нашего времени // Театральный курьер. 1918. № 11. 29 сент. С. 2). Ср.: "Особенно замечательны и привлекательны эти леса, поляны, проселки и шоссе (...) Здесь русская стихия Блока, здесь тот его патриотизм (...) которые в этом слагателе итальянских стихов и в этом обитателе космических снежных далей производят неотразимое впечатление (...)» (*Айхенвальд Ю.* Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 23).

...*В Елисейские поля.* – *Елисейские поля*, или Элизиум (*греч. миф.*) – место для праведников в царстве мертвых. Ср. противоположное по смысловой направленности употребление этого образа в письме Блока к А.И. Арсенишвили от 8 марта 1912 г.: "...берегитесь елисейских полей; пока есть в нас кровь и юность, – будем верны будущему".

"ГРЕШИТЬ БЕССТЫДНО, НЕПРОБУДНО..."

(С. 185)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1, 2, "30 дек(абря) 1913" (над текстом; год приписан синим карандашом – у Блока описка: "1914"); *БАП – Тг*. Л. 76 об. – 77, "30 XII 1913 – 26 VIII 1914"; *БА – ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 7: Ед. хр. 5. Л. 3–3 об. ("Россия") (подпись: "Александр Блок"); печ. текст – *Изборник*. Л. 371–372; *Кор₂ Земли*. Л. 178 об. – 179, "1914".

Впервые: *РС*. 1914. № 217. 21 сент., под загл. "Россия", в рубрике "По поводу войны" вместе со стих. "На войну" ("Петроградское небо мутилось дождем...").

Публикации: *СР*. С. 37–38; "Россия в родных песнях". Стих. выбраны А. Чеботаревской (*РПИ*). Пг., [1915]. С. 126; *III₂*. С. 146–147, в разд. "Разные стихотворения"; *Д-1918*. С. 25–26; *III₃*. С. 320–321.

В *ЧА ИРЛИ* выделяются два этапа работы над текстом: сначала написаны стихи, соответствующие 2-й, 3-й и 5-й строфам основного текста (датированы – "30 дек(абря)"), затем, на отдельном листе – стихи, в окончательном слое правки почти точно воспроизводящие 1-ю, 4-ю и 6-ю строфы основного текста.

Стих, вписанный позже над ст. (1) и соответствующий ст. 1 основного текста, свидетельствует о начатой Блоком переработке *ЧА*.

Заглавие "Россия" – только в первой публикации и в *БА ИРЛИ*.

Окончательный текст – *СР*.

23 сентября 1914 г. Блок писал о газетной публикации двух стихотворений – "Грешить бесстыдно, непробудно..." и "Петроградское небо мутилось дождем..." – жене: "В "Рус(ском) слове" в воскресенье 21/IX были мои стихи: одно – "военное", а другое – русское, тебе известное" (*ЛН*. Т. 89. С. 328); матери: «В Рус. Слове в воскресенье были мои стихи – оба, которые я послал: "военное", известное тебе, и "Россия" (Грешить бесстыдно, непробудно); кажется, ты и его знаешь». Об этой публикации стихотворения в *РС* пишет в "Воспоминаниях о Блоке" Вл. Пяст: «Газета (...) приобрела стойвшееся десятка желательных ей передовиц стихотворение, появившееся там вместе с другими уже во время войны. Это стихотворение, признаюсь, было для меня последнею великою радостью от творчества Блока. (...) Я говорю о классически-простом "Грешить бесстыдно, непробудно..."» (*Воспоминания*, 1. С. 381–382).

25 января 1915 г. Блок читал стихотворение на вечере "Писатели – воинам" в пользу лазарета деятелей искусств, состоявшемся в Александровском зале Городской думы (см.: *ЛН*. Т. 89. С. 346; *Тагер Е.М.* Блок в 1915 году // *Воспоминания*, 2. С. 101), и, по свидетельству репортера, "с большим успехом" (*И.Н.-ъ*. "Писатели – воину" // *БВ*. 1915. № 14635. 26 янв., веч. вып.). О чтении Блоком стихотворения в Москве 12 мая 1920 г. на авторском вечере в Политехническом музее вспоминает Н.А. Павлович (*БС-1*. С. 453).

5 августа 1917 г. Блок (работавший тогда в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в Зимнем дворце) записал в дневнике: «Я принес из дворца (...) записку (по заказу его величества) с выпиской, между прочим, моих стихов ("Грешить бесстыдно...")». Сокращенная копия с этой "записки", сделанная Л.Д. Блок, сохранилась в собрании В.Н. Орлова, который сообщает: «"Записка" была составлена "по заказу его императорского величества государя императора – для представления немедленно лично" и сохранилась в деле канцелярии Совета министров № 8 за

1916 г. (начато 21 января 1916 г.) – "Анонимы"». В подборке выписанных текстов – стихотворение "Грешить бесстыдно, непробудно..." и "безграмотные вирши "Ответ Александру Блоку", подписанные "Поляк". Автор со своей антирусской позиции воспринял стихи Блока как "обличение России" (СС-87. С. 503).

Стихотворение вызвало читательский резонанс уже после первой публикации. 11 мая 1916 г. Блок сообщил матери: «Я получил из действий. армии очень забавную похвалу своим стихам в "Рус. Слове"». Религиозный публицист К.М. Аггеев отсылал к стихотворению, говоря о природе национального начала, о чувстве связи с народом и нацией: «Переживание своей неотрывности от нации становится особенно интенсивным в грозные моменты истории, как, например, в переживаемый нами. Забываются тогда все темные пятна на облике национальном и лишь чувствуется одно: эта нация – моя нация, я в ней, и она во мне. И мне понятно настроение недавнего стихотворения А.А. Блока "Россия", как и то, что оно появилось именно теперь» (Аггеев К., *свящ.* Национальный вопрос пред судом религии // *БВ.* 1914. № 14476. 5 нояб., утр. вып.). В связи с появлением этой статьи Блок записал (6 ноября 1914 г.): «Священник К.М. Аггеев улыбнулся мне (в статье, в "Биржевых ведомостях")» (ЗК. С. 246).

В статье о *СР* Ал. Ожигов [Н.П. Ашешов], приведя весь текст "Грешить бесстыдно, непробудно..." ("прекрасное стихотворение"), писал: "Больно и мучительно, но прекрасно... Только большая любовь к родине могла родить такое вдохновение... И в чреде барабанных излияний бранной поэзии оно сверкает всеми цветами неподдельного бриллианта любви к России" (Современный мир. 1915. № 9. 2-я паг. С. 189). Ю. Никольский назвал "Грешить бесстыдно, непробудно..." "самым великим стихотворением Блока": «Какая "реальная правда", и уже не правда, а фантастика ясновидца. Тот ли это тихий Блок, писавший стихи о Прекрасной Даме, и как тогда мы не заметили, что его перо может быть мощным в своей беспощадности? Много душевных сил и любви, действительно иррациональной, т.е. самой истинной, надо иметь, чтобы и после этого сказать: "Да и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне"» (*РМ.* 1915. № 11. 3-я паг. С. 18–19). О том, что стихотворение показывает "мудрую ясно-мужественную любовь поэта к России", – писал и Г.В. Иванов (Аполлон. 1915. № 8–9. С. 97).

Стихотворения особо коснулся и Вл. Рындзюн в статье о *СР*; дав представление о нем в цитатном пересказе, критик заключал: «Последние две строчки могли бы служить эпиграфом для всей книжки: чем непрогляднее внешний лик России, чем больше проявляется гибельное "татарское", тем (вечно русская черта) глубже страдательная любовь даже к ее дыму, даже к ее падениям» (*Рындзюн Вл.* "Сегодня" и "вчера" в русской поэзии // *Приазовский край* (Ростов-на-Дону). 1916. № 173. 3 июля). 6 августа 1917 г. Блок записал в дневнике: «"Русская свобода" № 12–13, в котором опять цитируется "Грешить бесстыдно, непробудно..."» (имеется в виду статья Соколова "Церковные силы", в которой идет речь о "типичном уклоне русского благочестия" – "смешение святости и игры"). С.А. Аскольдов в статье "Религиозный смысл русской революции", опираясь на стихотворение "Грешить бесстыдно, непробудно...", рассматривал проблему "срастания греха с благочестием" в народной душе (см.: "Из глубины". М.; Пг., 1918. С. 18; "Вехи". "Из глубины". М., 1991. С. 227–228).

В стихотворении отмечены линии связи с некрасовской поэтической традицией (см.: *Гинзбург Л.* О лирике. С. 291, 308) – в частности, со стихотворением "Влас" (1855). См.: *Скатов Н.* Некрасов в поэтическом мире Александра Блока // *Скатов Н.* Литературные очерки. М., 1985. С. 323–326. О "некрасовской" музыке, звучащей в "Грешить бесстыдно, непробудно...", писала А. Рашковская в статье "Некрасов и символисты" (*Вестник литературы.* 1921. № 12(36). С. 6). В образе торгаша и

лавочника, изображенного в стихотворении, прослежены черты сходства с героями поэмы И.С. Никитина "Кулак" (1857); главный герой ее, мелкий торговец Карп Лукич, совершает те же действия (Гл. XII):

На перекрестке помолился
На церковь; нищей поклонился;
Откуда, чья она – спросил
И грош ей в чашку положил (...)
Купил на площади торговой
Осенней шерсти два мешка (...)
И, вся шерсть, на рубль украл;

другой изображенный Никитиным в поэме купец, Пучков, представляет собой ту же смесь стяжательства и ханжества (Гл. XV):

Глядел смиренником и был
О чести строгой проповедник.
Не кушал рыбы по постам,
Молился долго по ночам,
На церковь подавал грошами,
Перед нетленными мощами
Большие свечи зажигал,
Но плутовства не покидал.
И странно! плут не лицемерил:
Он искренно в святыню верил.

(Никитин И.С. Соч. 4-е изд.
М., 1886. Т. 2. С. 145, 168)

См.: Минц З.Г. Лирика Александра Блока. Тарту, 1973. Вып. 3. С. 92–93.

Параллели обнаруживаются и со стих. С. Городецкого "Мощи" – тематические (мотив моления) и формально-синтаксические (безличная форма, проходящая через весь текст стихотворения). Стихотворение Городецкого, впервые опубликованное в альманахе "Вешние воды" (СПб., 1910. Кн. 1. С. 145–146), вошло в его книгу "Ива"; в своем экземпляре Блок отчеркнул 2-ю и 3-ю строфы "Мощей" (см.: ББО-1. С. 237). По общему своему смыслу стихотворение Городецкого, однако, противоположно блоковскому, поскольку воссоздает картину подлинно духовного служения; ср.:

В колоде дни свои последние,
Часы последние дочесть;
За птичьей утренней обеднею
Хвалу предсмертную вознесть. (...)

Взглянуть еще на келью темную
И посох давний обласкать
И силу вещую, поемную
В предел немеющий собрать.

И холод тихо подступающий
В ногах далеких уловить,
И крест сложив благословляющий,
Чуть улыбаясь, опочить.

В дубовом ложе дни забвения,
Все тридцать тысяч дней провесть,
Пока блаженного нетления
Не просияет миру весть;
и т.д.

(Городецкий С. Ива.
Пятая книга стихов. СПб.,
1913. С. 15–16)

...И, с головой, от хмеля трудной ~ Три раза преклониться долу ~ Горячим прикоснуться лбом. – Вероятная реминисценция из романа Ф.М. Достоевского "Идиот" (1868); ср. характеристики Лебедева (Ч. 2. Гл. II): "Разве к вечеру когда воротится, так хмелен; да и то теперь больше на ночь плачет и нам вслух из Священного писания читает (...)" ; "За мошенников в суде стоит, а сам ночью раза по три молиться встает, вот здесь в зале, на коленях, лбом и стучит по полу, и за кого-кого не молится, чего-чего не причитает, спяна-то?" (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 160, 163–164). См.: Минц Э.Г. Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 241–242; Альфонсов В.Н. Тема России в лирике А.А. Блока в 1905–1916 г. // Учен. зап. Лен. пед. ин-та им. Герцена, 1957. Т. 164. Ч. 1. С. 38. Возможна также реминисценция из письма А.С. Суворина к В.В. Розанову от 8 июля 1904 г.: "И больше всего русский человек любит юмор, а потом лиризм, который поднимает его. Из кабака прямо в церковь, а из церкви прямо в кабак" (Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 140). Цитаты из этого письма приводятся и многократно полемически обыгрываются в известной Блоку (см.: ЗК. С. 203–204, 557–558) статье Д.С. Мережковского "Суворин и Чехов", опубликованной в "Русском слове" 22 января 1914 г. (№ 17; см.: Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник 1910–1914. Пг., 1915. С. 243, 247, 248, 252). См.: Лавров А.В. Из комментариев к стихотворениям А. Блока. 4. "Грешить бесстыдно, непробудно..." // Russian Studies. 1995. Т. 1. № 4. С. 123–129.

А, воротясь домой, обмерить // На тот же грош кого-нибудь... – Ср. в стих. Некрасова "Влас": "Не поверит гроша медного, // Второе с нищего сдерет!". Строки, возможно, включают также реминисценцию из стих. Некрасова "Утро" (1872–1873):

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

"ПЕТРОГРАДСКОЕ НЕБО МУТИЛОСЬ ДОЖДЕМ..."

(С. 185)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 95. 4 лл., "1 сентября" (над текстом); БАП – Т₈. Л. 81–82 ("Война"), "1 – [7] сентября 1914" ("7" – зачеркнуто карандашом); БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44а. Л. 30–31, "1914. 1–7. IX" (над текстом); Кор₂ Земли. Л. 179 об. – 180, "Сентябрь 1914".

Впервые: РС. 1914. № 217. 21 сент. С. 4, под загл. "На войну", в рубрике "По поводу войны" вместе со стих. "Россия" ("Грешить бесстыдно, непробудно...").

Публикации: СР. С. 39–40; "Война в русской поэзии". Сост. Анс. Чеботаревская (ВРП). Пг., [1915]. С. 80–81; III₂. С. 148–149, "Сентябрь 1914", в разд. "Разные стихотворения"; "Весенний салон поэтов". М.: Зерна. 1918. С. 39–40; III₃. С. 322–323.

В ЧА ИРЛИ представлена черновая редакция стихотворения (чернилами) и ее переработка (карандашом); имеются строфы, не отраженные в основном тексте.

Беловые автографы содержат варианты в ряде стихов, отразившиеся в первых публикациях. Эти варианты приведены к основному тексту при подготовке *III₂* (карандашная правка в *T₈*), где стихотворение было напечатано в сокращенном виде (без последних двух строф); восстановлено в первоначальном объеме в *III₃* (*Кор₂ Земли*).

В альманахе "Весенний салон поэтов" стихотворение было перепечатано (по тексту сборника "Война в русской поэзии") без ведома автора; ср. запись Блока от 17 июня 1918 г.: «В "Весеннем салоне поэтов" {...} перепечатаны (без спроса): {...} 5) "Петроградское небо..."» (ЗК. С. 412).

Стихотворение навеяно впечатлениями Блока от проводов военных эшелонов, отправлявшихся на фронты первой мировой войны. Накануне начала работы над стихотворением, 30 августа 1914 г., Блок записал: "Мы обедаем у мамы в Петергофе. – Эшелон уходил из Петергофа – с песнями и ура"; на следующий день отметил: "Стихи" (ЗК. С. 238). Три дня спустя Блок провожал жену, уезжавшую в действующую армию сестрой милосердия (запись от 3 сентября: "Люба уезжает: 11.37 вечера с товарной станции Варшавского вокзала" – ЗК. С. 238).

Первоначально Блок предполагал опубликовать стихотворение в газете "Речь"; 8 сентября 1914 г. он писал матери: «Мож. быть, на днях я помещу в "Речи" стихи о войне». О публикации стихотворения в РС Блок извещал мать и жену 23 сентября 1914 г. (см. выше коммент. к стих. "Грешить бесстыдно, непробудно..."). С чтением стихотворения Блок выступал в Москве в начале апреля 1916 г. в Политехническом музее на вечере в пользу раненых воинов (см. воспоминания Н.И. Комаровской – *Воспоминания*, 2. С. 334, 442, 462).

Стихотворение отражает восприятие Блоком мировой войны в первые недели после ее начала. О настроениях, охвативших Блока в эту пору, сообщает З.Н. Гиппиус в мемуарном очерке о нем "Мой лунный друг": «Насколько помню, первое "свиданье" наше с Блоком после начала войны – было телефонное. Не хотелось, – да и нельзя было говорить по телефону о войне, и разговор скоро оборвался. Но меня удивил возбужденный голос Блока, одна его фраза: "ведь война – это прежде всего *весело!*" Зная Блока, трудно было ожидать, что он отнесется к войне отрицательно; страшило скорее, что он увлечется войной, впадет в тот неумеренный военный жар, в который впали тогда многие из поэтов и писателей. Его "весело" уже смущало... Однако, скажу сразу, этого с Блоком не случилось. Друга в нем непримиримые, конечно, не нашли {...} от "упоения" войной его спасла "своя" любовь к России {...}» (*Гиппиус З.Н. Живые лица*. Прага, 1925. Кн. 1. С. 47–48). В письме к С.К. Маковскому от 12 января 1915 г. Блок признавался: "Что же касается ближайшего будущего, то я верю и жду {...} верю в величие России, люблю ее и жду победы" (Литературное обозрение. 1986. № 7. С. 111). Близко знавший Блока в это время В.Н. Княжнин свидетельствует: "Отношение его к войне представляется моему сознанию как отношение довольно сложное и с течением времени изменявшееся. В начале войны он ходил провожать эшелоны, с одним из которых, между прочим, уехал его отчим"; касаясь стихотворения "Петроградское небо мутилось дождем...", Княжнин отмечает: "...стихи скорее о России, чем о войне, или об отношении к войне, но как к чему-то стихийному, не от нашей воли зависящему" (*Княжнин В.Н. Александр Александрович Блок*. Пб., 1922. С. 115, 116). С.М. Городецкий в "Воспоминаниях об Александре Блоке" (1922) утверждает: «У него все-таки хватило силы противостоять шовинистическому угару, охватившему русское общество в 1914 году. "Ура" прозвучало для него как "пора!"» (*Воспоминания*, 1. С. 340).

Отклик на первую газетную публикацию стихотворения содержит статья Мих. Левидова "Бессильные", представляющая собой обзор новейшей русской поэзии на

военную тему. Блок, по мнению критика, выгодно отличается от других поэтов, поскольку "имел силу и мужество остаться самим собой": «Мистик романтизма и индивидуализма, прямой потомок Новалиса, этот поэт сказал самое красивое, ценное и искреннее слово о текущем дне, слово, которое останется вечно. Это слово – его стихотворение "На войну". И искренне, ценно, красиво оно потому, что он единственный стал на верную позицию, отмежевал себя от происходящего, не претендовал ни на роль пророка, обличителя, или вождя. Просто, как человек с аристократической интимной душой, он понял, что даже и теперь он должен быть одним, на горе вверху, и сказал в лирическом раздумьи, провожая уходящих туда:

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это – ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Здесь нет сожаления, решения, призыва, здесь только раздумье, рождающееся в душе поэта всегда, когда проносятся мимо далекие ему волны событий – великих или маленьких – это все равно. Слово Блока – истинное дитя времени {...}» (Жемчужина. 1914. № 7. 24 нояб. С. 16). В то же время В. Рындзюн видел в стихотворении проявление принципиально новых качеств поэзии Блока, продиктованных изменившейся реальностью: «Вместо прежнего беспричинного надрыва теперь душа поэта полна иной тревогой {...} *Пора* – недаром курсивом обозначил это слово Блок: в том мощном и трагичном, кровавом и обещающем, что дала война, звучит призыв – пора измениться, встать на дорогу возрождения. {...} Кроме "своего", слишком личного, эмоционального каждому надлежит проявить нечто другое важнейшее. Каждого из нас, как бы он ни отрешивался, война подавляет *качеством* и *количеством* поставленных ею задач, материальных и духовных» (Рындзюн Вл. "Сегодня" и "вчера" в русской поэзии). Прочитав в статье о *СР* первые четыре строфы стихотворения, Г.В. Иванов отмечал: «Когда читаешь такие стихи, ясным становится, как, в конце концов, не нужны истинным поэтам все школы и "измы", их правила и поэтические "обязательные постановления"» (Аполлон. 1915. № 8–9. С. 98; Иванов Г. Собр. Соч. Т. 3. С. 475).

И, садясь, запевали "Варяга" одни... – Песня "Гибель Варяга" (музыка А.Б. Вилинского) на текст стихотворения Е.М. Студенской «Памяти "Варяга"» ("Наверх, о товарищи, все по местам!...", 1904), известная в песенниках с 1910-х гг. и исполнявшаяся Н.В. Плевицкой. См.: "Песни русских поэтов" в двух томах. Л., 1988. Т. 2. С. 321–322, 480 (коммент. В.Е. Гусева). "Варяг" – русский крейсер, погибший во время русско-японской войны в бою у Чемульпо 27 января 1904 г.

...*А другие – не в лад – "Ермака"...* – Имеется в виду песня "Ревела буря, дождь шумел..." – сокращенный и измененный вариант думы К.Ф. Рылеева "Смерть Ермака" (1822). См.: *Там же*. Т. 1. С. 299–301; Т. 2. С. 382–383, 492.

...*С Галицийских кровавых полей...* – Вероятная реминисценция из баллады В.А. Жуковского "Замок Смальгольм" (1822; перевод баллады В. Скотта "Иванов вечер"): "...англичанин бежит // С Анкрамморских кровавых полей". См.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". С. 214. В Галиции с 5/18 августа по 8/21 сентября 1914 г. происходило (на фронте свыше 400 км) одно из крупнейших сражений первой мировой войны между русской и австро-венгерской армией, закончившееся победой русских войск; каждая из сторон потеряла при этом свыше 200 тысяч человек.

Восходящего солнца страшной тишина... (ЧА ИРЛИ) – Намек на "желтую", "восточную" опасность, по ощущению Блока, угрожавшую гибелью и разложением русской и европейской цивилизации (в подтексте – распространенное обозначение Японии как страны восходящего солнца).

"Я НЕ ПРЕДАЛ БЕЛОЕ ЗНАМЯ..."

(С. 186)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1–2; БАП – Т₂. Л. 191 об., "Декабрь" (над текстом); БАП – Т₈. Л. 84 об., "Декабрь 1902 – 3 дек(абря) 1914"; БА – ИРЛИ. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 43. Л. 1 – 2-й экземпляр автографа, записанного карандашом под копировальную бумагу, второе в цикле "Два стихотворения" (первое – "Наступает пора небывалая..."), подпись чернилами: "Александр Блок", на полях – помета чернилами: «Для Рождественского номера "Бирж(евых) Ведомостей"».

Впервые: БВ. 1914. № 14575. 25 дек., утр. вып. (Рождественский вып.) (БВ I), – второе в цикле из двух стихотворений под общим загл. "Белое знамя" вместе со стих. "Наступает пора небывалая..."

Публикации: БВ. 2-е изд. 1914. № 327. 28 дек. (БВ II), второе в цикле из двух стихотворений под общим загл. "Белое знамя"; СР. С. 43; III₃. С. 324.

1-я строфа стихотворения восходит к четверостишию, написанному в декабре 1902 г. (БАП Т₂); там же четверостишие переработано и снабжено пометой на полях: "см. стихи 1914 года".

Черновой автограф стихотворения, последовательность трех строф которого (1-я строфа основного текста отсутствует, на полях – помета, отсылающая к Т₂) соответствует 4-й, 2-й, 3-й строфам основного текста, продолжается записью ЧА стих. "Он занесен – сей жезл железный...". Не исключено, что в первоначальном замысле Блока эти два стихотворения представляли собой единое целое.

Текст, зафиксированный в Т₈, Блок перерабатывал после публикаций в БВ и СР: в автографе вычеркнуты 1-я и 4-я строфы, изменен ст. 5 (ст. 1 в новой редакции). Однако в таком виде стихотворение не было напечатано.

Об образно-тематической связи стихотворения со стихами первого тома см.: Бураго С.Б. Александр Блок. Очерк жизни и творчества. Киев, 1981. С. 162–163.

Я не предал белое знамя... – Белый цвет здесь – символ высоких духовных, мистических начал и представлений, под знаком которых сформировалось на рубеже веков раннее творчество Блока и определились жизненные идеалы его и его ближайших единомышленников.

...*Ты прошла ночными путями...* – "Ты" – образ лирической героини первого тома стихотворений Блока. Ср. начальную строку стихотворения 1901 г.: "Ты прошла голубыми путями" (т. I наст. изд.).

...*И опять мы к тебе, Россия, // Добрели из чужой земли.* – Возможно, в строках отразились реминисценции стих. Н.А. Некрасова «Сыны "народного бича"» (1870–1871):

Жизнь как изгнанники влача,
По свету долго мы блуждали (...)
И мы на родину пришли,
Где был весь род наш ненавидим,
Но там все то же мы нашли –
Как прежде, мрак и голод видим.

См.: *Прийма* Ф.Я. Блок и Некрасов. С. 15–16.

А вблизи – всё пусто и нemo... – Ср. стих. Д.С. Мережковского "Возвращение": "О, Русь! И вот опять закована, // И безглагольна, и пуста" (*Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1914. Т. 15. С. 205).

И горит звезда Вифлеема // Так светло, как любовь моя. – Звезда Вифлеема – звезда, взошедшая на востоке как знак рождения Иисуса Христа и указавшая волхвам путь в Вифлеем – место рождения Христа (Мф. II. 1–11). Ср. отзыв Георгия Иванова: «Подлинно – звезда горит, "как любовь", а не наоборот. Вынесенная из мрака и смуты, она светлей даже вифлеемской звезды!» (Аполлон. 1915. № 8–9. С. 98). В статье «"Сегодня" и "вчера" в русской поэзии» Владимир Рынцзюн писал о тех же строках: «Та же "любовь моя" красной нитью проходит чрез каждое стихотворение, и в ней именно причина особого грустного очарования, которое объемлет нас при чтении. Знаем, чувствуем, что скорбит поэт о столь частом у нас "попираньи заветных святынь"» (Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1916. № 173. 3 июля).

"РОЖДЕННЫЕ В ГОДА ГЛУХИЕ..."

(С. 187)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 96. 3 лл., "4 XII 1913" (над текстом); *БАП – Т₈*. Л. 82 об. – 83, "4.XII.1913 – 8.IX.1914"; *БА – Собр. М.Л. Лозинского* (СПб.), текст – копия под копировальную бумагу, подпись: "Александр Блок"; *БА – Изборник*. Л. 374; *Кор₂ Земли*. Л. 181, "1914".

Впервые: Аполлон. 1914. № 10. С. 7, без посвящения.

Публикации: *СР*. С. 33; *III₂*. С. 150, в разд. "Разные стихотворения"; 88 *стихотворений*. С. 48; "Весенний салон поэтов". М.: Зерна. 1918. С. 38–39; *III₃*. С. 325.

В *ЧА ИРЛИ* выделяются два слоя – первоначальная фиксация фрагментов текста и последующий слой правки, приводящий текст к первоначальной редакции. 2-я, 3-я, 4-я, 5-я строфы первоначальной редакции отмечены на полях римскими цифрами. Эта редакция, состоящая из шести четверостиший, представлена беловым автографом в *Т₈*, там же проведены сокращения и переработка, приближающие текст к основному.

Посвящение З.Н. Гиппиус впервые – в *III₂*.

Окончательный текст – *III₂*.

Редактор журн. "Аполлон" С.К. Маковский вспоминает: «Я попросил Блока (...) (разговор происходил по телефону) дать мне какое-нибудь ненапечатанное еще стихотворение из его серии "Родина" (...) Он сейчас же согласился. Ответил: "Я дам лучшее, все не мог решиться напечатать ни в одном журнале". Это и было "Рожденные в года глухие"..."» (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". С. 158). Автограф стихотворения Блок выслал секретарю "Аполлона" М.Л. Лозинскому вместе с письмом от 5 ноября 1914 г. (см.: Литературное обозрение. 1986. № 7. С. 111). Печатаемая стихотворение в журнале, Маковский испытывал определенные колебания, поскольку оно по своей эмоциональной тональности не гармонировало с теми

оптимистическими настроениями и однозначным патриотическим пафосом, которые культивировались в литературном отделе "Аполлона" после начала мировой войны; отказываясь от публикации стихотворения "Голос из хора" из-за его "беспросветномрачного" содержания, Маковский писал Блоку 7 января 1915 г.: "Я сделал, правда, маленькое исключение для Вашего Рожденные в года глухие, потому что (...) мне трудно отказаться от Вашей музыки, которую я бесконечно люблю (...)" (опубликовано в статье: *Максимов Д.* Блок и империалистическая война // *Литературный современник.* 1936. № 9. С. 192; ср.: *Корецкая И.В.* "Аполлон" // *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания.* М., 1984. С. 253–254). Позднее Маковский давал стихотворению высокую оценку: «Стихи, по содержанию своему во всяком случае, значительны. Блоковская любовь к России, стража за ее будущее, надежда на преобразенное "Царствие", которое возникает над "смертным ложем" кровавых, испепеляющих лет (все та же мысль, мучавшая и опьянявшая Блока с юности), ни в каких других строках не была им выражена строже и точнее» (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". С. 158).

Колебания, которые испытывал Маковский в вопросе о публикации, могли подкрепляться и более частными причинами. Блок противопоставляет в стихотворении свое литературное поколение ("Мы – дети страшных лет России") другому, которое "пути не помнит своего"; наиболее вероятно, что в данном случае подразумевалась новая генерация, пришедшая на смену символистам, сформировавшимся на рубеже веков и пережившим исторические бури 1904–1905 гг. (в черновом автографе такое противопоставление заявлено особенно отчетливо: "Мы знали голос колокольный, // Вы, вновь родившиеся, – нет"). См.: *Максимов П.* С. 129–130. Прямым образом это имело отношение к акмеистам, составлявшим в ту пору авторское ядро "Аполлона"; тем самым стихотворение могло восприниматься как полемическое по отношению к журналу, в который оно было направлено, и его литературной позиции.

Проблему поколений, обозначенную в стихотворении, затронула в письме к Блоку от 11 апреля 1916 г. петроградская гимназистка О.А. Кауфман, прося его прояснить смысл "Рожденных в года глухие...": «В этом стихотворении Вы – почти пророк, может быть, и просто пророк. (...) Мы, наше поколение, – носим ли мы тоже на своих лицах кровавый отсвет "дней свободы" – или наши "дни свободы" – будут чистые? Мы ли те достойные? Или долго еще ждать, долго не знать и томиться, и еще не родились те, что достойны?» (*РГАЛИ.* Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 270). Блок отвечал в письме от 14 апреля: «Вообще деление на поколения условно. Есть люди, в которых сразу – как бы десять поколений, а то и того нет. (И только с этой оговоркой я могу сказать Вам): да, и на Ваших лицах, на лицах Вашего поколения, я вижу "кровавый отблеск" и "роковую пустоту" за ним». В письме к Блоку от 25 апреля 1916 г. О. Кауфман уточняла свои слова: «...я разумела (...) "наше поколение" в чисто возрастном смысле – людей, которые тогда были слишком малы, чтобы почувствовать "дни свободы", и теперь, когда выросли, получили "кровавый отсвет" и "роковую пустоту" в наследство» (*РГАЛИ.* Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 270).

Критик и литературовед Ю.А. Никольский, вошедший в литературу в 1910-е годы, также относил слова Блока к своему поколению: «На наших лицах кровавый отсвет от дней войны и "дней свободы". Гул набата заградил нам уста, и мы остались немыми, а в сердцах наших – пустота» (*Никольский Ю.* Александр Блок о России // *РМ.* 1915. № 11. 3-я паг. С. 18). В то же время Вл. Рындзюн относил первые строки стихотворения непосредственно к Блоку: "Человек, принадлежащий к поколению, рожденному в года глухие, он вел какую-то ненужную жизнь, влачил за собой свое тело, изъеденное сплином" (*Рындзюн Вл.* "Сегодня" и "вчера" в русской поэзии). Сходного мнения о стихотворении придерживался Е.В. Аничков, считавший, что в нем

"презрел Блок поколение, к которому принадлежал (...) и старался вырваться из оков мысли" (*Аничков Е.* Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 99–100). Ал. Ожигов [Н.П. Ашешов], отметивший стихотворение как отклик поэта на мировую войну, увидел в нем "пессимизм, вообще покрывающий своей дымкой поэзию г. Блока" (*Современный мир.* 1915. № 9. 2-я паг. С. 188).

С публичным чтением стихотворения Блок выступал в Москве в начале мая 1921 г. (*Воспоминания,* 2. С. 386–387, 467).

Посвящение. *Гиппиус* (по мужу – Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэт, прозаик, критик, драматург, видная участница символистского движения, принадлежавшая к старшему поколению русских символистов; жена Д.С. Мережковского. Об отношениях Гиппиус и Блока см.: *Мицц З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4.* С. 116–222 (работа включает публикацию писем Гиппиус к Блоку). Стих. "Рожденные в года глухие...", по свидетельству Маковского, Гиппиус «считала (...) "лучшим" из всего, что написал Блок» (*Маковский С.* На Парнасе "Се-ребряного века". С. 158).

Идея посвящения стихотворения З.Н. Гиппиус относится к концу ноября 1915 г.; в это время Блок сделал запись: «Зинаида Николаевна посвятить стихотворение "Рожденные в года глухие..."» (*ЗК.* С. 279). Осенью 1915 г. Блок часто встречался с Мережковскими. Намерение посвятить "Рожденные в года глухие..." Гиппиус, вероятно, было отчасти вызвано идейно-тематической перекличкой между стихотворением и ее пьесой "Зеленое кольцо", в которой также затрагивалась проблема преемственности поколений, причем надежды на общественное обновление связывались с молодежью и ее исканиями: "Зеленое кольцо" в пьесе – кружок подростков-гимназистов, обособляющихся от "отцов" и протестующих против старого уклада жизни. В послесловии к пьесе ("Зеленое – белое – алое") Гиппиус выражала надежды, сходные с теми, которые сформулировал Блок в последних строках своего стихотворения: «Такие ли эти завтрашние люди, как герои "Зеленого кольца", или не такие, и все ли они сейчас юны (по возрасту цифровому) – я не знаю. Знаю, однако, что опор для своего строительства они будут искать своих, – прежних не возьмут (...) Родается тревога. Шатаются устои... Через головы людей прошлого, боязливо-ненавидящих или равнодушно не понимающих, я посылаю привет тем, которые придут завтра» (*Гиппиус З.* Зеленое кольцо. Пг., 1916. С. 146–147).

Пьеса была написана в январе 1914 г., Блок прочел и одобрил ее в рукописи (*ЗК.* С. 206–207), был вместе с Гиппиус на репетиции "Зеленого кольца" в Александринском театре (см. его письмо к жене от 9 февр. 1915 г.); ср. замечание Гиппиус об отношении Блока к ее пьесе в мемуарном очерке о нем: "Она ему почему-то особенно нравилась" (*Гиппиус З.Н.* Живые лица. С. 49). После премьеры в Александринском театре (18 февраля 1915 г.; постановка В.Э. Мейерхольда) Блок писал жене: "Актеры сыграли пьесу в четверть ее роста. Пьеса неумелая, с массой недостатков, и все-таки – какого она роста, какой зрелости, даже в руках актеров!" (*ЛН.* Т. 89. С. 354). В послесловии к пьесе Гиппиус интерпретирует ее содержание и говорит про "последнюю" молодежь, цитируя стих. "Рожденные в года глухие..." и опираясь в своих рассуждениях на его образную ткань: «Да, именно у них, "рожденных в глухие года" и переживших, на переломе юности, "дни войны" и "дни свободы" (действительным переживанием), у них – "В сердцах, вторженных когда-то, Есть роковая пустота". "Кровавый отблеск в лицах" – не оправдание ли и пустоты, и "немоты", и всего, что было и могло быть с "детьми страшных лет России"... Кто знает? годы эти, быть может, переживались страшнее теперешних... Иная поросль гибнет... но не гибнет земля, и дает новые побеги. Вот эти новые побеги, – люди, рожденные не в "глухие",

а именно в "страшные" годы, – и должны быть совсем другими. Не в памяти и в сердце, – но в крови у них "страшные" годы. (...) Конечно, они еще не "достойней", но они могут стать достойней, и потому *должны* сделать свое дело, по завету гибнущих: "...Да узрят Царствие Твое!"» (*Гиппиус З.* Зеленое кольцо. С. 136–137). Подробнее см.: *Лавров А.В.* "Рожденные в года глухие": Александр Блок и З.Н. Гиппиус // Русская литература. 1995. № 4. С. 126–131.

Рожденные в года глухие // Пути не помнят своего. – Ср. первые строки вступления ко второй главе поэмы "Возмездие" (1911): "В те годы дальние, глухие, // В сердцах царили сон и мгла" (т. 5 наст. изд.). В "Возмездии" эти стихи характеризуют эпоху 1880-х годов, с которой могут быть соотнесены и "года глухие" настоящего стихотворения.

Мы – дети страшных лет России – // Забыть не в силах ничего. – Строки (и стихотворение в целом), вероятно, включают реминисценции "петербургской поэмы" Д.С. Мережковского "Смерть"; ср.:

Мы – дети горестных времен,
Мы – дети мрака и безверья! (...)
Нет даже прошлого у нас!

(*Мережковский Д.С.*
Полн. собр. соч.
М., 1914. Т. 23. С. 52)

См.: *Миц З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*. С. 192–193. М.В. Бабенчиков приводит слова Блока: "Людам моего поколения, пережившим в сознательном возрасте ту эпоху, которую и вам было суждено пережить, – говорил мне Ал. Ал., – никогда не забыть многого" (*Бабенчиков М.* Ал. Блок и Россия. М.; Пг., 1923. С. 52).

От дней войны, от дней свободы... – Имеются в виду русско-японская война 1904–1905 гг. и революция 1905–1907 гг. А. Горностаев в статье "Красная тайна (Россия в поэзии А. Блока)" пишет об этих строках: «Сказано о *той* войне, о *той* *прежней* свободе 1904–5 годов. Новая война и новая свобода – в неизмеримо грандиознейшем масштабе – не только ничем не заполнила "роковой пустоты"; но еще шире ее раздвинула, углубила до бездонной пропасти, на краю которой и находимся все сейчас...» (*Южный огонек* (Одесса). 1918. № 16. Авг. С. 8).

...Те, кто достойней, Боже, Боже, // Да узрят Царствие Твое! – Евангельская реминисценция: "Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят" (Мф. V. 8). Ср. строки из поэмы Д.С. Мережковского "Смерть":

...Весь наш род,
Как на арене гладиатор,
Пред новым веком казни ждет (...)
Придут иные поколенья,
Но в оный день, пред их судом
Да не падут на нас проклятья (...)
Грядущей веры новый свет,
Тебе – от гибнущих привет!

(*Мережковский Д.С.*
Полн. собр. соч. Т. 23. С. 53)

"ДИКИЙ ВЕТЕР..."

(С. 187)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₄₈*. Л. 68 об. – 69 "(1 III – –) – 22 III" (над текстом); *БА – Т₉*. Л. 64–65 ("Ветер"), "22(1) III 1916" (дата – чернилами, текст – карандашом); кор. л. – *НР СУ*. Л. 110–111, "22 марта 1916" (дата – автограф).

Впервые: *РС*. 1916. № 83. 10 апр. (Пасхальный вып.). С. 2, под загл. "Ветер", в цикле из 4-х стихотворений "Родные картины".

Публикации: *СУ*. С. 88–89, "22 марта 1916"; *III*₃. С. 326–327.

В нижнем слое *ЧА ЗК₄₈* ст. 1–9 переставлены в редакции, отличной от основной (вар. *а*). 1-я строфа следовала после 2-й и, по первоначальному замыслу, должна была иметь продолжение – как ст. 23–26. Блок отказался от этого замысла. Помета на полях ("1") указывает на порядок следования стихов, соответствующий их расположению в основном тексте. Ст. 5–7, вар. *б*. записаны на л. 69, под ними помета: "*Русские картины. В час заутрени*". На этом же листе – ст. 23–26.

Заглавие "Ветер" – в *Т₉* и в первой публикации.

Окончательный текст – *СУ*.

Образ ветра в стихотворении связан для Блока, с одной стороны, с темой жизненных лишений и бедствий (ср. "Песню убогого странника" в "Коробейниках" (1861) Н.А. Некрасова: «...ветер свищет в лугах: // "Холодно, странничек, холодно"»), с другой стороны – с темой смерти (ср. стих. "Вот он – ветер..." (1908), цикл "О чем поет ветер" (1913) и др.).

Интерпретацию стихотворения см.: *Долгополов Л.К.* Александр Блок. Личность и творчество. 2-е изд. Л., 1980. С. 160.

...*Там река ломает лед...* – Ср. стих. "Одиночество" (1899): "Река несла по ветру льдины, // Была весна, и ветер выл" (т. 4 наст. изд.). Возможен также отзвук первой строки стихотворения "Весна в реке ломает льдины..." (март 1902; т. 1 наст. изд.).

КОРШУН

("Чертя за кругом плавный круг...")

(С. 188)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₄₈*. Л. 72, "22 III 1916" (над текстом); *БА – Т₉*. Л. 66, "22 III 1916" (дата – чернилами, текст – карандашом), опубл. факсимиле: Александр Блок. М., 1986. С. 115; *АС – Изборник*. Л. 387, текст рукой Л.А. Дельмас; кор. л. – *НР СУ*. Л. 112–113, "22 марта 1916" ("22 марта" – автограф, приписано карандашом); *Кор₂ Земли*. Л. 182 об., "1916".

Впервые: *РС*. 1916. № 83. 10 апр. (Пасхальный вып.), в цикле из 4-х стихотворений "Родные картины".

Публикации: *СУ*. С. 90, "22 марта 1916"; *III*₃. С. 328.

На странице, предшествующей *ЧА ЗК₄₈*, – стихотворный отрывок "На белой льдине – моржий клык..." и помета на полях: "К поэме" (Л. 71 об.; опубл. Ивановым-Разумником: *СС-12₅*. С. 196–197); в тексте отрывка – зачеркнутая строка: "коршун кружит", – указывающая, к какому месту в поэме "Возмездие", по первоначальному плану Блока, предназначался "Коршун". Стихотворение, таким образом, тематиче-

ски связано с подготовительными материалами к "Возмездию"; в первой главе поэмы имеется фрагмент, близко связанный по образно-стилевой фактуре с "Коршуном", вплоть до совпадения отдельных стихов (см.: *СС-125*. С. 58; т. 5 наст. изд.).

Окончательный текст – СУ.

А.Д. Сумароков в воспоминаниях "Моя встреча с А.А. Блоком" (1922) приводит стихотворение по автографу, присланному ему автору (см.: *Воспоминания*, 2. С. 195). Ныне местонахождение этого автографа неизвестно.

Сопоставительную характеристику стихотворения и соотносящегося с ним фрагмента из поэмы "Возмездие" см.: *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. С. 350–353.

Тематически стихотворение соотносится также с ненаписанным эпилогом к "Возмездию"; в Предисловии к поэме (1919) Блок сообщает: "В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет (...)" (т. 5 наст. изд.).

Блок выступал с публичным чтением стихотворения в Москве в начале мая 1921 г. (см.: *Воспоминания*, 2. С. 386).

В стихотворении отчетливо прослеживаются некрасовские традиции – прежде всего в трактовке темы материнства (см.: *Гинзбург Л.* О лирике. С. 291; *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". С. 76; *Скатов Н.* Литературные очерки. М., 1985. С. 308); в частности, "Коршун" ассоциируется со стих. Некрасова "Баюшки-баю" (1877), в котором также звучит "голос матери родной": "Усни, страдалец терпеливый! // Свободной, гордой и счастливой // Увидишь родину свою", и т.д. Тот же мотив колыбельной сближает стихотворение Блока с "Балладой" ("В избушке позднюю порою...", 1831) М.Ю. Лермонтова, завершающейся заветом матери младенцу: "И мстить учись у женской груди!.." (см.: *Голованова Т.П.* Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. С. 37). Образ коршуна у Блока – воплощения злых, хищных, роковых начал, – возможно, включает реминисценцию из "Сказки о царе Салтане..." (1831) А.С. Пушкина: коршун-чародей, носящийся над лебедью-царевной и угрожающий ей гибелью.

Идут века, шумит война... – Ср. в стих. И. Коневского "Затишье" (1900): "Идет война, гуляет мор" (*Коневской И.* Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. М., 1904. С. 112).

...А ты всё та же, моя страна... – Автореминисценция: "Прошли года, но ты – всё та же..." (1906; т. 2 наст. изд.). "Смотри: // *Всё та же ты*, какой цвела когда-то" ("Когда замрут отчаянье и злоба...", 1908), "А ты все та же – лес, да поле, // Да плат узорный до бровей..." ("Россия", 1908). См.: *Родина Т.М.* Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 82–83.

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

Авторизованный текст: *Кор₂ Земли*. Л. 184–184 об.

Впервые: *РМ*. 1915. № 2. 1-я паг.С. 1–6.

Публикации: *III₂*. С. 247–256; *III₃*. С. 327–340.

Во всех указанных публикациях цикл воспроизводится в неизменном составе и одинаковой последовательности входящих в него стихотворений.

В *РМ* заглавие цикла не сопровождается обозначением года написания, стихотворения пронумерованы: I–VI, циклу предпослано посвящение: "Посвящается моей жене".

В *III₂* цикл выделен в самостоятельный раздел одноименного названия.

Документальных материалов, характеризующих работу Блока в октябре 1913 г. над стихотворениями, составившими цикл, не выявлено. О настроениях, отразившихся в цикле, можно судить по воспоминаниям Н.А. Павлович, передающей один из разговоров с Блоком (вероятно, в 1920 г.):

«Однажды он пришел ко мне хмурый, постаревший. Взял свой III том и открыл "О чем поет ветер".

– А это Вам нравится?

– Совсем не нравится, т.е. стихи прекрасные, но это последняя усталость, и борьбы уже нет.

– Да! – ответил он даже с некоторым удовлетворением:

"Мне было очень скверно, когда я писал эти стихи"» (*Павлович Н.А.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1*. С. 484; ср. другой вариант того же текста: *Воспоминания*, 2. С. 397). Стихотворения цикла дорабатывались 26 августа 1914 г. (ср. запись Блока в этот день: "Много стихов" – *ЗК*. С. 238). Настроения, в них отраженные, не были для Блока мимолетными и случайными, они сказывались также в ряде стихотворений, написанных после оформления цикла: см., например, "Та жизнь прошла..." (31 августа 1914 г.), "Пусть я и жил, не любя..." (8 октября 1915 г.), "Протекли за годами года..." (30 сентября 1915 г.), а также цикл "Жизнь моего приятеля".

6 марта 1915 г. Блок послал цикл жене – по всей вероятности, в виде журнального оттиска из *РМ* (см.: *ЛН*. Т. 89. С. 355). Первая публикация цикла была оставлена критикой без внимания; последующие его переиздания в составе 3-й книги "Стихотворений" Блока также не вызвали специального интереса.

Образно-тематическая основа цикла восходит к одному из основных мотивов драматической поэмы "Песня Судьбы" (1908), отраженном в словах Германа его жене Елене: "Слышишь, как поет ветер? Точно – песня моей судьбы... веселая песня. Слышишь?" (*СС-8₄*. С. 113). См.: *Крук И.Т.* "Сокрытый двигатель его..." Проблемы эволюции творчества А. Блока. Киев, 1980. С. 137–138. Образные истоки цикла обнаруживаются и в более раннем творчестве – в частности, в стих. "Мы всюду. Мы нигде. Идем..." (1902): "... зимний ветер (...) Поет и задувает свечи"; "... вдали (...) Где – мы пропели и прошли, // Еще поет и ходит Кто-то"; "На ветер зимний я гляжу: // Боюсь понять и углубиться" (т. 1 наст. изд.). Сумеречные, меланхолические мотивы, преобладающие в "О чем поет ветер", сказывались во многих стихотворениях Блока второй половины 1900-х – начала 1910-х годов, предшествовавших созданию цикла, – отчетливее всего в стих. "Чем больше хочешь отдохнуть..." (1909): "Забудь о том, что жизнь была, // О том, что будет жизнь, забудь... // С полей ползет ночная мгла...". Аналогичные мотивы, развивающие также тему любви и забвения, Блок выделял в творчестве других авторов; так, 31 декабря 1912 г. он переписал в дневник из

принадлежавшей ему книги К.К. Павловой "Стихотворения" (М., 1863) несколько строф стихотворения "Серенада" (1851), созвучных по смыслу и образной структуре с циклом "О чем поет ветер":

Ты все, что сердцу мило,
С чем сжился я умом;
Ты мне любовь и сила;
Спи безмятежным сном. {...}
Все, что мне жизнь сулила
Напрасно с каждым днем:
Весь бред молодого пыла; –
Спи безмятежным сном. {...}
Судьба осуществила
Все в образе одном,
Одно горит светило; –
Спи безмятежным сном.

(См. также: Павлова К. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 150–151).

Развиваемая в цикле тема "тихого дома" и одиночества вдвоем автобиографична: с сентября 1913 г. Блок и Л.Д. Блок, после длительных разъездов, совместно и порознь, обосновались в своей петербургской квартире, где вели относительно уединенный образ жизни; в августе 1913 г. исполнилось десять лет их супружества, что побуждало Блока к осмыслению былого и к сопоставлению юношеских чувств и переживаний с тем внутренним мироощущением, какое сформировалось в нем за прожитые совместно годы. См.: Орлов Вл. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978. С. 497–499.

Настроения непонятости и безысходности, мотивы забвения, одиночества, угасания, смерти, преобладающие в цикле, позволяют рассматривать составляющие его шесть фрагментов как художественное единство, родственное лирической поэме, поскольку образно-тематические и ассоциативные связи между отдельными стихотворениями чрезвычайно сильны (см.: *Спроге Л.В.* Лирический цикл как поэмообразная структура (А. Блок. "О чем поет ветер") // *Жанры в литературном процессе.* Межвузовский сб. науч. тр. Вологда, 1986. С. 28–39). Цикл, "построенный с преобладанием минорной тональности, овеванный лиризмом забвения" (*Максимов И. С.* 141), несет в себе особую семантическую нагрузку как заключительная часть композиции "третьего тома" и поэтической трилогии в целом. В структуре "третьего тома" завершающий цикл во многом связан с циклом, его открывающим, – "Страшным миром": «... тревожный, щемящий и лихорадочный уют этого цикла есть прямое следствие действия "страшного мира", сбивающего душу с пути. В свете этих мыслей возникает догадка о тяготении третьего тома к кольцевому построению с затаенным в этой форме намеком на "вечное возвращение"» (*Там же.* С. 142; см. также: *Мици, 4.* С. 164). Аналогичным образом "О чем поет ветер" может рассматриваться как заключительная часть кольцеобразной композиции всей поэтической трилогии, в соотношении с циклом юношеских стихотворений "Ante Lucem". Между этими двумя циклами имеются определенные идейно-образные переклички (мотив замкнутости в сфере индивидуальных переживаний, темы уединенности, отрешенности, молчания) и композиционные соответствия: если "Ante Lucem" знаменует рождение творческой индивидуальности и начало поэтической судьбы, то цикл "О чем поет ветер", с явственно звучащей в ней темой смерти, с вариациями возвращающихся мотивов юношеской любви, предстает как завершение индивидуального мифопоэтического пути, запечатленного "трилогией вочеловечения".

"МЫ ЗАБЫТЫ, ОДНИ НА ЗЕМЛЕ..."

(С. 191)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 16, 3 л., "1913 19 октября на ночь" (над текстом); *БАП – Т₈*. Л. 18–18 об., "19 X 1913"; печ. текст – *Изборник*. Л. 333–334; *Кор₂ Земли*. Л. 184–184 об.

Впервые: *РМ*. 1915. № 2. 1-я паг. С. 1–2, под номером I.

Публикации: *Ш₂*. С. 247–248; *Ш₃*. С. 331–332.

Основная редакция текста – в первой публикации. В *Ш₂* напечатано в сокращенном виде (без ст. 9–10); первоначальный объем восстановлен в *Ш₃* (*Кор₂ Земли*).

Стихотворение имеет непосредственный автобиографический подтекст: обращено к Л.Д. Блок и включает в себе раздумья Блока об итогах совместной жизни с нею.

Мы забыты, одни на земле. – Возможная реминисценция из раннего стих. "Многое замолкло. Многие ушли..." (1903): "Много дум уснуло на краю земли. (...) Истина осталась: мы с тобой – одни" (т. 4 наст. изд.).

В этом комнатном, теплом углу // Поглядим на октябрьскую мглу. – Ср. стих. И.Ф. Анненского "Сиреневая мгла" из его книги "Кипарисовый ларец" (1910): «Я молил ее, сиреневую мглу: // "Погости, побудь со мной в моем углу"» (*Анненский И.* Стихотворения и трагедии. ("Б-ка поэта", большая серия). Л., 1990. С. 85; *Блок А.* Стихотворения. Кн. 3. СПб., 1994. С. 460; комментарий Н.В. Лоцинской).

Точно ангела бурного ждешь? – Этот образ проясняется в третьем стихотворении цикла: "Ангел бури – Азраил!"

...Светлый бисер на нитки низать... – Автореминисценция из стих. "Сторожим у входа в терем..." (1904): "Бисер нижет, в нити вяжет – // Вечная Весна" (т. 1 наст. изд.). Ср.: *Ермилова Е.В.* Теория и образный мир русского символизма. М., 1989. С. 97–98.

...И шелка ты поярче брала... – Намек на увлечение Л.Д. Блок вышиванием (об этом упоминает Т.Н. Гиппиус в письме к Андрею Белому от 26 января 1906 г. – *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 237).

"ПОЕТ, ПОЕТ..."

(С. 192)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 28. 3 л., "допис(ано) 27 XII" (Л. 2); *БА – Т₈*. Л. 19–19 об., "19 X. – 27 XII 1913"; *Кор₂ Земли*. Л. 185–185 об.

Впервые: *РМ*. 1915. № 2. 1-я паг. С. 2–3, под номером II.

Публикации: *Ш₂*. С. 249–250; *Ш₃*. С. 333–334.

В *ЧА ИРЛИ* нижний слой правки – чернилами, верхний – карандашом. После ст. 22 помета: "допис(ано) 27 XII". *ЧА ИРЛИ* заканчивался стихами – ст. (31–38), не включенными в основной текст.

Основная редакция текста – в первой публикации. В дальнейшем печаталось без существенных изменений.

Поет, поет... – Эта формулировка (применительно к ветру) встречается в письме Блока к Л.Д. Менделеевой от 15 декабря 1902 г.; образ поющего ветра возникает в

непосредственной связи с любовным чувством: «... неизмеримо высоко и звонко поются песни о Тебе – слова и фразы, или одни только мелодии без звуков, иногда случайными протекающими в голове словами – так же произвольно и безвольно, как шум деревьев, когда их качает ветер. Поет, поет – и все забывается, все светло и ярко, торжественно и тайно. Тут какая-то великая тайна "жизни по любви"».

Нетяжко бремя... – Постоянный эпитет ("тяжкое бремя") коррелируется с евангельской формулой (слова Иисуса: "... бремя Мое легко" – Мф. XI. 30).

...*Седой зимы...* – Образ из стих. А.С. Пушкина "Осень" (1833): "И отдаленные седой зимы угрозы".

Померк последний свет зари. – Ср. в стих. "Многое замолкло. Многие ушли..." (1903): "Всё, что миновалось, вот оно – смотри: // Бледная улыбка утренней зари" (т. 4 наст. изд.).

"МИЛЫЙ ДРУГ, И В ЭТОМ ТИХОМ ДОМЕ..."

(С. 192)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 85; *БА* – Т₈. Л. 76, "Окт(ябрь) 1913 – (26 авг(уста) 1914)" (скобки карандашом); *Кор₂ Земли*. Л. 186.

Впервые: *РМ*. 1915. № 2. 1-я паг. С. 3, под номером III.

Публикации: *III₂*. С. 251; *III₃*. С. 335.

В *ЧА ИРЛИ* – помета Блока на полях: "Это написано больше, чем за год до войны".

Основная редакция текста – в первой публикации. В дальнейшем печаталось без существенных изменений.

Тема "тихого дома", противопоставленного "огромному миру", развита Блоком ранее в драматической поэме "Песня Судьбы" (1908); ср. слова Германа, автобиографического героя поэмы: "Мне слишком хорошо в моем тихом белом доме"; "А в доме нет ветра и не слышно песни судьбы" (*СС-8₄*. С. 110, 113). Об отразившихся в стихотворении настроениях мировой тревоги и неблагополучия, предвосхитивших тему "Соловьиного сада", см.: *Турков А.* Александр Блок. М., 1969. С. 240–241; *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд., доп. Л., 1973. С. 593.

... *взывает вьюга, // Страшен мне уют...* – Ср. стих. "Земное сердце стынет вновь..." (1911–1914): "Лучше сгинуть в стуже лютой! // Уюта – нет".

Даже за плечом твоим, подруга // Чьи-то очи стерегут! – Ср. стих. Вл. Соловьева "Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи..." (1898), цитируемое Блоком в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910; *СС-8₅*. С. 427). : "Кто-то здесь... Мы вдвоем, – // Прямо в душу глядят лучезарные очи // Темной ночью и днем"; ст. 7–8 Блок цитирует по рукописному или первопечаному варианту: "Только Имя одно Лучезарной Подруги // Угадаешь ли ты?" (*Соловьев Вл.* Стихотворения. 7-е изд. / Под ред. и с предисловием С.М. Соловьева. М., 1921. С. 181, 336). См.: *Блок А.* Стихотворения. Кн. 3. СПб., 1994. С. 462 (комментарий Н.В. Лощинской).

...*Слышу трепет крыл...* – Возможно, реминисценция из стих. З.Н. Гиппиус "Ограда" (1902): "Я слышу только шелест крыл // И голос, – легкий, как прохлада" (*Гиппиус З.Н.* Собрание стихов 1889–1903 г. М., 1904. С. 118).

Ангел бури – Азраил! – Азраил (Израил) – в мусульманской мифологии ангел смерти. Образ воспринят Блоком, вероятно, через раннюю незаконченную поэму М.Ю. Лермонтова "Азраил" (1831), тематически связанную с "Демоном"; тема ветра обозначена в начальных строках монолога Азраила: "Ветер дует, // Серебряный ковыль волнует // И быстро гонит облака" (*Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1980. Т. 2. С. 102*). Ср. также строку из другой юношеской поэмы Лермонтова – "Ангел смерти" (1831): "Как меч – его пронзает взор (...)" (*Там же. С. 122*). Не исключено, что Блоку был знаком также сюжет о встрече индийского царевича с Азраилом (говорящий о роковой неотвратимости взгляда ангела смерти), известный в изложении английского поэта Эдвина Арнольда (стихотворение "Азраил" в цикле его "Восточных сказаний", переведенное на русский язык А.П. Барыковой; см.: *Барыкова А.П. Стихотворения и прозаические произведения. СПб., 1897. С. 253–255*).

"ИЗ НИЧЕГО – ФОНТАНОМ СИНИМ..."

(С. 193)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1–2; БА – Тг. Л. 70 об. ("Фейерверк"), "окт(ябрь) 1913 – 26 мая 1914"; Кор₂ Земли. Л. 186 об. (С. 336).*

Впервые: *РМ. 1915. № 2. 1-я паг. С. 3, под номером IV.*

Публикации: *III₂. С. 252; III₃. С. 336.*

Заглавие "Фейерверк" в публикации не вошло.

Окончательный текст – *РМ.*

В стихотворении, вероятно, отразились впечатления от праздничных фейерверков, виденных Блоком и Л.Д. Блок на юге Франции летом 1913 г. 13 июля (н.ст.) 1913 г. Блок писал матери: "Завтра – национальный праздник (14 июля), в Биаррице виден фейерверк", 5 августа (н. ст.) – ей же: "Третьего дня по случаю воскресенья на пляже был фейерверк" ср. запись Блока от 3 августа (н. ст.) 1913 г.: "Вечером – великолепный фейерверк на пляже" (*ЗК. С. 195*). Возможно, сказались и литературные ассоциации: со стих. А.А. Фета "Ракета" (1888), в котором образ фейерверка также связан с мотивом смерти: "Лечу на смерть вослед мечте. // Знать, мой удел – лелеять грезы // И там со вздохом в высоте // Рассыпать огненные слезы" (*Фет А.А. Стихотворения и поэмы. (Б-ка поэта, большая серия). Л., 1986. С. 300*); с романом Ф.М. Достоевского "Бесы" (1872), где фейерверк противопоставляется "настоящему" огню – пожару (Ч. III. Гл. 2. IV): "Большой огонь по ночам всегда производит впечатление раздражающее и веселящее; на этом основаны фейерверки; но там огни располагаются по изящным, правильным очертаниям и, при полной своей безопасности, производят впечатление игривое и легкое, как после бокала шампанского. Другое дело настоящий пожар (...)" (*Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 394*). Ср.: *Мицк., 3. С. 32*. См. также стих. Вяч. Иванова "Фейерверк": "Замер синий сад в испуге... // Брызнув в небо, змеи-дуги // Огневые колеса, // Миг – и сумрак оросят" (*Иванов Вяч. Cor ardens. М., 1911. Ч. 1. С. 121*).

"ВСПОМНИЛ Я СТАРУЮ СКАЗКУ..."

(С. 193)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 3–6, 2; *БА – Т₈*. Л. 72–73, "Окт(ябрь) 1913 – 26 авг(уста) 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 187–187 об.

Впервые: *РМ*. 1915. № 2. 1-я паг. С. 3–5, под номером V.

Публикации: *Ш₂*. С. 253–254; *Ш₃*. С. 337–338.

Начало чернового автографа – на листе, содержащем заключительные строки чернового автографа стих. "Было то в темных Карпатах..."; разграничение текстов двух стихотворений при этом не обозначено. Не исключено, что Блок первоначально осознавал стих. "Вспомнил я старую сказку..." не как самостоятельный текст, а как непосредственное развитие темы стих. "Было то в темных Карпатах...".

В *ЧА ИРЛИ* после ст. 8 следуют ст. 17–20, 9–12; стихи, не вошедшие в основной текст; ст. 13–16, 21–24. Начиная со ст. 25 расположение стихов совпадает с основным текстом. На полях указана последовательность строф, соответствующих ст. 1–32 основного текста. *ЧА ИРЛИ* заканчивался четверостишием – ст. (50–54), не вошедшим в основной текст. Ст. 37–49 и ст. (50–54) записаны на л. 2.

Основная редакция текста – в первой публикации. В дальнейшем печаталось без существенных изменений.

Сюжетная основа стихотворения – переложение сказки Х.-К. Андерсена "Нехороший мальчик" (1835). См.: *Андерсен. Собр. соч.*: В 4 т. / Пер. с датского подлинника А. и П. Ганзен. СПб., 1894. Т. 1. С. 37–39. Тома 2–4 этого издания сохранились в библиотеке Блока. Сказка Андерсена написана на сюжет одного из стихотворений древнегреческого поэта Анакреона (ок. 570–478 до н.э.), известного в русском переводе Л.А. Мея ("Песня III. Эрот" ("Средь полуночного часа..."), 1858). См.: *Мей Л.А. Избранные произведения*. ("Библиотека поэта". Большая серия). Л., 1972. С. 265–266. Образ Амура у Блока, возможно, имел также бытовой, "домашний" подтекст: в кабинете поэта стоял старинный книжный шкаф с резным изображением амура на латунной накладке замка; см. стих. "Бледные сказанья" и примечания к нему (т. 2 наст. изд.).

Сказочник добрый и старый // Тихо сидел у огня. – У Андерсена: "Жил-был старик-поэт, такой славный старик, настоящий поэт. Раз, вечером, он сидел себе дома, а на дворе разыгралась непогода".

Дождик стучался в окошко ~ Сказочник добрый сказал. – У Андерсена: "Дождь лил, как из ведра, но старику-поэту было так уютно и тепло возле печки, где ярко горел огонек и, весело шипя, пеклись яблоки.

– Плохо беднякам в такую погоду; нитки сухой на теле не останутся! – сказал он.

Он был очень добрый". Образ завывающего ветра введен Блоком, у Андерсена он отсутствует.

В дверь постучались легонько ~ Дождик порог окатил... – У Андерсена:

"– Впустите, впустите меня! Я озяб и весь промок! – закричал за дверями ребенок.

Он плакал и стучал в дверь, а дождь так и лил, ветер так и бился в окошки.

– Бедняжка! – сказал старик-поэт и пошел отворять двери".

Мальчик стоит на пороге ~ Лук с тетивой тугой. – У Андерсена: "За дверями стоял маленький мальчик, совсем голенький. С его длинных золотистых волос бежала вода (...) он весь посинел от холода и дрожал, как осиновый лист. В руках у него был чудесный лук; беда только, он весь испортился от дождя; краски на стрелах совсем полиняли". Строки включают также вероятную реминисценцию из стих. М.А. Кузмина

"Опять затопил я печи..." (1911), входящего в цикл "Зимнее солнце":

И ходит за мною следом
Бесшумно отрок нагой.
Кому этот гость неведом?
В руке самострел тугой.

(Кузмин М. Осенние озера.
Вторая книга стихов.
М., 1912. С. 58)

И, усадив на колени ~ К старому сердцу приник. – У Андерсена: "Старик-поэт уселся к печке, взял мялютку на колени, выжал его мокрые волосы, согрел ручки в своих руках и вскипятил ему сладкого вина".

– *Что у тебя за игрушки? ~ И тетиву натянул...* – Здесь Блок не столь точно и последовательно воспроизводит ход изложения у Андерсена, как в предыдущих четверостишиях. Ср.: "Мальчик оправился, щечки у него зарумянились, он спрыгнул на пол и стал плясать вокруг старика-поэта.

– Ишь, ты, какой веселый мальчуган! – сказал старик-поэт. – А как тебя зовут?

– Амур! – отвечал мальчик. – Ты разве не знаешь меня? Вот и лук мой! Я умею стрелять! (...)

– А лук-то твой испортился! – сказал старик-поэт.

– Вот было бы горе! – сказал мальчуган, взял лук и стал его осматривать. – Он совсем высох, и ему ничего не сделалось! Тетива натянута, как следует! Сейчас попробую".

В самое сердце попал он, // Старое сердце в крови... – У Андерсена: "И он натянул лук, положил стрелу, прицелился и выстрелил старику-поэту прямо в сердце!

– Вот, видишь, мой лук совсем не испорчен! – закричал он, громко засмеялся и убежал. (...)

Добрый старик лежал на полу и плакал: он был ранен в самое сердце". Последующие иронические наставления, которые в заключение делает Андерсен, предостерегая от "злого Амура", Блок опускает.

Спи, спи... – Ср. в стих. "Чем больше хочешь отдохнуть..." (1909): "Одно, одно – // Уснуть, уснуть..."

Всё, что было ~ Что прошло, – // Всё, всё. – Ср. заключительные строки стих. "В темном парке под ольхой..." (1909) из цикла "Через двенадцать лет": "Всё, что было, всё прошло, // В прудовой туман ушло".

"БЫЛО ТО В ТЕМНЫХ КАРПАТАХ..."

(С. 195)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 1–3; *БАП – Тг*. Л. 73 об. – 74, "Окт(ябрь) 1913 – 26 авг(уста) 1914"; *Кор₂ Земли*. Л. 188–188 об.

Впервые: *РМ*. 1915. № 2. 1-я паг. С. 5–6, под номером VI.

Публикации: *III₂*. С. 255–256; *III₃*. С. 339–340.

В черновом автографе, возможно, составляло единое целое со стих. "Вспомнил я старую сказку...". *ЧА ИРЛИ* начинался четверостишием, впоследствии помещенным между ст. 8 и 9 основного текста: снято в *Кор₂ Земли* при подготовке *III₃*.

В стихотворении, возможно, отразилась идея несостоявшейся поездки Блока в Карпаты летом 1913 г.; 21 апреля 1913 г. он писал жене: "В конце мая доктор велит ехать купаться в Средиземное море. Потом – в горы (Карпаты? Галиция?)".

С.М. Соловьев в "Воспоминаниях об Александре Блоке" (1921) цитирует первые строки стихотворения, упоминая о мировой войне, начавшейся в августе 1914 г., и о Галицийском фронте (*Воспоминания*, 1. С. 127). Однако Андрей Белый, обращаясь к стихотворению, справедливо отметил, что "стихи писаны до карпатских боев": «Какие ж Карпаты? Гоголевские: гора Криван, на ней всадник, жаждущий "страшной мести"»; поясняя строки "Это – из жизни *другой* мне // Жалобный ветер напел", Белый указывает: «Другая жизнь – образы из "Страшной мести"; гоголевский "колдун" сотрясал Блока, влезая в него (...) Потому и припоминание: "Было то в темных Карпатах"» (*Белый Андрей*. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 297). Эту же параллель Белый проводил ранее в "Воспоминаниях о Блоке", интерпретируя стихотворение в связи с темой двойничества и демонического искуательства у Блока: «Рыцарь с Карпат – повествует о гибели павшего (...) "я"»; «Повторяется "*Страшная Месть*" (...)»; «Узнается Мертвец из глубокой пропасти подкарпатской, которого грызут мертвецы, и к которому сбросится грешное тело»; Белый подчеркивает и мифопоэтическую природу прослеженной им связи: «Т.е. из жизни гоголевской "Страшной мести", реминисценция, литература? О, нет: так – *бывает всегда!*» (Эпопея. № 4. Берлин, 1923. С. 280–282). Имеются в виду эпизоды из повести Н.В. Гоголя "Страшная месь" (1832), в которых изображается всадник на вороном коне, преследующий колдуна: "Уже проехал много он гор и взъехал на Криван"; "...и донныне стоит на Карпате на коне дивный рыцарь, и видит, как в бездонном провале грызут мертвецы мертвеца (...)". См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. [Л.], 1940. Т. 1. С. 272, 278, 282. Гоголевские ассоциации, безусловно, осознались Блоком; в статье "Безвременье" (1906) он обыгрывает систему образов и ситуации "Страшной мести", называя среди них и Карпаты: "А колдун появился уже на Карпатах" (СС-85, С. 78). Образ Карпат из "Страшной мести" отражен и в статье Блока "Дитя Гоголя" (1909).

Стихотворение вбирает в себя, вероятно, и другие аллюзии. Возможны ассоциации с поэзией И. Коневского, в которой тема ветра занимает большое место (Блок обратил на это внимание в статье "О современной критике" (1907); см.: СС-85, С. 207), – в частности, со строкой из стих. "Издадека" (1899): "За мной дымятся дальние Карпаты" (*Коневской И.* Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. М., 1904. С. 61). Подробнее см.: *Мордерер В.Я.* Блок и Иван Коневской // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 164–165. Темы Карпат, Богемии, "жизни другой", возможно, в своем взаимосочетании связаны с тем биографическим подтекстом, который отразился в набросках продолжения 3-й главы поэмы "Возмездие", – с образом "простой девушки" ("Мария, нежная Мария"), являющейся герою: "Как называть тебя? – Мария. // Откуда родом ты? – С Карпат" (т. 5 наст. изд.; о польской девушке – возлюбленной Блока см.: *Павлович Н.А.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1*. С. 486–487). Связь "карпатских" ассоциаций с любовным мотивом и с конкретным женским именем ("Мария с Карпат"), подкрепленная темой "жизни другой" и темой смерти и забвения, общей для всего цикла, допускает возможность того, что эти ассоциации заключают в себе отголоски истории австрийского эрцгерцога Рудольфа и его возлюбленной, 20-летней румынской графини Марии Вецера (Вечера), покончивших с собой в 1889 г. в охотничьем замке Майерлинг. "Карпатская" тема могла возникать в сознании Блока также в связи с "Книгой сказок о венгерской графине" – неосуществленным прозаическим замыслом, который он пытался реализовать в 1907–1908 гг. См.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 162–163. Возможны также литературные ассоциации – с произведениями "карпатско-богемского" ареала, окрашенными в тона экзотизма и таинственности (романы "Дракула" (1897) Брэма Стокера, "Замок в Карпатах" (1892) Жюль Верна, "Консуэло" (1843) и "Графиня Рудольштадт" (1844) Жорж Санд, "Галицийские повести" (1876) Леопольда Захер-

Мазоха и др.). См.: *Лавров А.В.* "Другая жизнь" в стихотворении А. Блока "Было то в темных Карпатах..." // Сб. статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Гарту, 1992. С. 347–357; *Эткинд А.* Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 57.

...*Жалобный ветер напел... // Верь, друг мой, сказкам...* – Вероятная реминисценция из стих. И. Коневского "Осенние голоса. 1" (1899): "Сказку, ветер, как встарь, мне скажи!" (*Коневской И.* Стихи и проза. С. 98; в принадлежавшем Блоку экземпляре книги это стихотворение отмечено особым знаком; см.: *ББО-2*. С. 35).

–*Туманный ход // Иных миров...* – В статье "Искусство и газета" (1912) Блок утверждает, что "душа искусства" «во все времена имеет целью, пользуясь языком, цветами и формами нашего мира как средством, воссоздавать "миры иные"» (*СС-85*, С. 475). Ср. стих. "Внемля зову жизни смутной..." (1901): "Чуть слезу (...) Уплывающие тени // Суетливых дел мирских // Средь видений, сновидений, // Голосов миров иных" (т. 1 наст. изд.).

Другие редакции и варианты

Что ж? "Не общественно"? – Знаю ~ Что? "Непонятно"? – Пускай (ЧА ИРЛИ, РМ, III₂). – Критик Д. Выгодский, характеризуя второе "мусгагетское" издание "Стихотворений" (1916), отмечает, что Блок, "переиздав три тома своей лирики", «существенно нового не дал ничего, кроме разве, опять-таки суммирующего многое в его творчестве, конца последней книги: "Что ж? "Не общественно"? – Знаю"» и т.д. (*Выгодский Д.* Поэзия и поэтика. (Из итогов 1916 г.) // *Летопись*. 1917. № 1. С. 250). Четверостишие, возможно, ассоциировалось для Блока с образом "непонятного декадента" И. Коневского, чье творчество входило в орбиту реминисценций стихотворения (см.: *Мордерер В.Я.* Блок и Иван Коневской. С. 165). Оно могло заключать в себе также полемический отклик на статью С. Городецкого "Некоторые течения в современной русской поэзии" (*Аполлон*. 1913. № 1; экземпляр журнала, принадлежавший Блоку, содержит его многочисленные пометы и подчеркивания в тексте статьи, а также полемические замечания, см.: *ББО-3*. С. 166–167); в ней символисты критиковались за "текучесть слова", за стремление "облекаться в тогу непонятности" и т.д. (С. 46).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

(к Собранию стихотворений. Кн. третья.
Снежная ночь (1907–1910). М.: Мусагет, 1912)

(С. 196)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₃₂. Л. 28 об. – 29; Кор. III₁. Л. 108–109 об.

Печатается по III₁. С. 191–194.

Примечания написаны Блоком для первого издания третьей книги "Собрания стихотворений". Содержание ЧН ЗК₃₂, записанного в начале июня 1911 г., не нашло отражения в тексте "Примечаний".

В НР₂ III₁ "Примечания" отсутствуют.

"Примечания" к III₁ продолжают начатую Блоком в II₁ попытку лирического истолкования этапов собственного творческого пути (см. раздел "Приложение" и коммент. к нему в т. 2 наст. изд.). III₁ объединяет стихотворения 1906–1910 гг. и открывается разделом "Снежная Маска". Подчеркивая в "Примечаниях" к II₂, что раздел этой книги "Магическое" связан со "Снежной ночью", Блок имел в виду "метельные" стихотворения "второго тома", включенные им в III₁. О восприятии III₁ современной Блоку критикой см. вступительную статью к наст. тому.

Северные ночи длинны, синева их изменчива, видения их многообразны. – Ср. в предисловии к II₁ о разд. "Магическое": "Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи – снежные королевы – влачат свои шлейфы в брызгах звезд" (т. 2 наст. изд.).

Северный художник поневоле предпочитает бесцветному дню – многоцветную снежную ночь. – Ср. образ лирического героя в стих. "Владимиру Бестужеву" (март 1912): "Но страннику, кто снежной ночью полон, // Кто загляделся в тьму...".

...я хотел бы, чтобы читатели вместе со мною видели в ней не одни глухие ночные часы... – В III₁ вошла часть стихотворений, опубликованных в сборнике "Ночные часы" (1911). См. вступительную статью к наст. тому.

...стихотворения 1906 года... – Из стихотворений 1906 г. в III₁ вошли: "Балаган" ("Над черной слякотью дороги..."), "Н.Н.В." ("Я в дольний мир вошла, как в ложу...", 1 января 1907 г.), "Вот явилась, заслонила...", "Я был смущенный и веселый...", "Прошли года, но ты – всё та же...", "Мэри" ("Нет имени тебе, мой дальний...").

Блоком отмечены следующие стихотворения как впервые увидевшие свет в составе III₁: "В эти желтые дни меж домами..." (LXXII), "Перуджия" (СIII), "Флоренция, ты ирис нежный..." (CIV₃), "Сиенский собор" (CV), "Аэроплан" ("В неуверенном, зыбком полете...") (СХХIII), "Заключение" ("Благословляю всё, что было...") (СXL).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

- ГА РФ* – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГЛМ – Государственный литературный музей. Отдел рукописей (Москва)
ГМИ СПб – Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГПБ (сейчас – *РНБ* – Российская национальная библиотека) – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг (С.-Петербург)
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей (Москва)
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский ДОМ) РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва)
СПбГМТuМИ – Санкт-петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства
СПбГТБ РО – Санкт-петербургская государственная театральная библиотека. Рукописный отдел
ЦГИА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ДН₂₋₁₀* – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 312–320. Дневники 1911–1920 гг. Описание см. в списке сокращений к т. 1 наст. изд.
ЗК₁₋₆₂ – записные книжки (1901–1921). Из 62 сохранилось 47. *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 321–367.
Изборник – макет книги избранных стихотворений А. Блока "Изборник". Изд-во Сабашниковых. 1918 г. Издание не состоялось. (*РГБ*. Ф. 261. Карт. 13. Ед. хр. 2).
T₁₋₁₀ – десять тетрадей А. Блока, содержащих беловые автографы стихотворений (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 1–10). Краткое описание см. в списке сокращений т. 1 наст. изд.
Хр. ук. T₁₋₁₀ – хронологически-библиографические указатели, приложенные к каждой тетради беловых автографов. Краткое описание см. в списке сокращений т. 1 наст. изд.

НАБОРНЫЕ РУКОПИСИ И КОРРЕКТУРЫ

<i>НР НЧ</i> – <i>РГБ</i>. Ф. 190. XIII.1 <i>Кор₁ НЧ</i> – <i>РГБ</i>. Ф. 190. XIII.2 <i>Кор₂ НЧ</i> – <i>РГБ</i>. Ф. 190. XIII.3 <i>Кор₃ НЧ</i> – <i>РГБ</i>. Ф. 190. XIII.4	}	"Ночные часы"

- НР СУ – РГАЛИ.* Ф. 55. Оп. 1. 74
Кор₁ СУ – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. 75
Кор₂ СУ – там же, сохранившаяся часть
корректур до стих. "Похоронят,
зарюют глубоко..." } "Седое утро"
НР₁ III₁ – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. 43. – сохранившиеся три раздела: "Песня судьбы",
 "Страшный мир" и "Родина" – позднее измененные.
НР₂ III₁ – РГБ. Ф. 190. XII.1. – корректурные листы, гранки, БА, печ. тексты.
Кор III₁ – там же, сохранившаяся часть верстки со стих. "За гробом" и до конца книги.
Кор₁ Земли – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 71
Кор₂ Земли – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. № 4,
 до стих. "Было то в темных Карпа-
 тах..." } Корректур несостоявшего 3-го изда-
 ния в изд-ве "Земля"
РЭ III₁ – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 3.
НР "Кармен" – РГАЛИ. Ф. 55, 1.55, "Март 1914" – цикл "Кармен" (8 стих.), наборная
 рукопись для публикации в журн. "Любовь к трем апельсинам". 1914. № 4–5.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- I₁ – Блок А.* Стихи о Прекрасной Даме. М.: Гриф, 1905.
I₂ – Блок А. Собрание стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме. (1898–1904).
 2-е изд., испр. и доп. М.: Мусaget, 1911.
I₃ – Блок А. Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904). М.: Мусaget, 1916.
I₄ – Блок А. Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904). 4-е изд. Пб.: Земля, 1918.
I₅ – Блок А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904). Пб.: Алко-
 ност, 1922.
II₁ – Блок А. Нечаянная радость. Второй сборник стихов. М.: Скорпион, 1907.
II₂ – Блок А. Собрание стихотворений. Кн. 2. Нечаянная Радость. (1904–1906). 2-е изд.,
 испр. и доп. М.: Мусaget, 1912.
II₃ – Блок А. Стихотворения. Кн. 2 (1904–1907). 3-е изд., перераб. М.: Мусaget, 1916.
II₄ – Блок А. Стихотворения. Кн. 2 (1904–1908). 4-е изд., доп. Пб.: Земля, 1918.
II₅ – Блок А. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения. Кн. 2 (1904–1908). Пб.: Алко-
 ност, 1922.
III₁ – Блок А. Собрание стихотворений. Кн. 3. Снежная ночь (1907–1910). М.: Мусaget,
 1912.
III₂ – Блок А. Стихотворения. Кн. 3 (1905–1914). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мусaget,
 1916.
III₃ – Блок А. Стихотворения. Кн. 3 (1907–1916). 3-е изд., доп. Пб.: Алконост, 1921.
Аполлон – Аполлон (журнал).
Афанасьев, 1–3 – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865,
 1868, 1869. Т. 1–3.
ББО-1–3 – Библиотека А.А. Блока. Описание. Л., 1984, 1985, 1986. Кн. 1–3.
БВ – Биржевые ведомости (газета).
Бекетова I – Бекетова М.А. Александр Блок. Биографический очерк. Пб.: Алконост,
 1922.
Бекетова I₂ – То же. 2-е изд. Л.: Academia, 1930.
Белый, 1–4 – Белый Андрей. Воспоминания о Блоке // Эпопея. М.; Берлин: Геликон,
 1922. № 1. С. 123–237; № 2. С. 105–299; № 3. С. 125–310; № 4. С. 61–305.

- Блок и Белый* – Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М.: Гос. лит. музей, 1940.
- БС-1* – Блоковский сборник [1]. Тр. науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1964.
- БС-2* – Блоковский сборник [2]. Тр. Второй науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972.
- БС-3* – Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник [3]. Тарту, 1979 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 479).
- БС-4* – Наследие Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник [4]. Тарту, 1981 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 535).
- БС-5* – Мир А. Блока. Блоковский сборник [5]. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 657).
- БС-6* – А. Блок и его окружение. Блоковский сборник [6]. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 680).
- БС-7* – А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник [7]. Тарту, 1986 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 735).
- БС-8* – Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник [8]. Тарту, 1988 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 813).
- БС-9* – Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник [9]. Тарту, 1989 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 857).
- Воспоминания, 1–2* – Александр Блок в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста В. Орлова. М., 1980. Т. 1–2.
- ГЖ* – Голос жизни (газета).
- Д-1918* – Декламатор. Т. 1. Русские авторы. М., 1918.
- ЕЖ* – Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни (с № 10, 1914 под загл. "Ежемесячный журнал").
- ЖДВ (ЕЖДВ)* – Журнал для всех (с № 1 1903 под загл. "Ежемесячный журнал для всех").
- ЖЖ* – Журнал журналов.
- Звезда-1936* – Неизвестные стихи / Публ. и примеч. В. Орлова // Звезда. 1936. № 8. С. 264–280 (Из лит. наследия Александра Блока).
- ЗК* – Блок А. Записные книжки. 1901–1920 / Подг. текста и примеч. В. Орлова. М., 1965.
- ЗК-1930* – Записные книжки Ал. Блока [1901–1919] / Ред. и примеч. П. Медведева. Л.: Прибой, 1930.
- ЗР* – Золотое руно (журнал).
- Иванов-Разумник* – *Иванов-Разумник Р.В.* История стихотворений Александра Блока. Макет невышедшего издания (корректурные листы с авторскими рукописными и машинописными дополнениями и правкой). Готовилось к печати в 1940–1941 гг. (РГАЛИ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 2).
- ИСП* – Избранные стихи русских поэтов. Серия сб. по периодам. Период 3. СПб., 1914. Вып. 2.
- ИСТ* – Избранные стихи русских поэтов. Серия сб. по темам. Россия. СПб., 1914.
- ЛА-1912* – Аполлон. Литературный альманах. СПб., 1912.
- ЛА-1914* – Литературный альманах журнала "Аполлон". 2-е изд. СПб., 1914.
- ЛН* – Литературное наследство (сборники).
- ЛТА* – Любовь к трем апельсинам (журнал).
- Максимов 1* – *Максимов Д.Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Советский писатель, 1975.

- Максимов И* – То же. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1981.
- Мицн, 1–4* – Мицн З.Г. Лирика Александра Блока. Тарту, 1965, 1969, 1973, 1975.
Вып. 1–4.
- НЖДВ* – Новый журнал для всех.
- НС* – Блок А. Неизданные стихотворения. 1897–1919 / Ред. и примеч. П. Медведева. Л., 1926.
- НСл* – Новое слово (журнал).
- НЧ* – Блок А. Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908–1910). М.: Мусажет, 1911.
- Об А. Блока* – Об Александре Блоке. Пб.: Карточный домик, 1921.
- Письма к Е. Иванову* – Письма Ал. Блока к Е.П. Иванову / Ред. Ц. Вольпе; подг. текста и коммент. А. Космана. М.; Л.: АН СССР, 1936.
- Письма к родным, 1–2* – Письма Александра Блока к родным. М.; Л., 1927, 1932. Т. 1–2.
- Письма к жене* – Александр Блок. Письма к жене. ЛН. Т. 89. М., 1978.
- ПОД* – Пряник осиротевшим детям. Пг., 1916.
- РМ* – Русская мысль (журнал).
- РС* – Русское слово (газета).
- СЗ* – Северные записки (журнал).
- Сказки* – Блок А. Сказки. Стихи для детей. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913.
- СР* – Блок А. Стихи о России. Пг., 1915.
- СРоссии* – Солнце России (журнал).
- СС-1* – Блок А. Собрание сочинений. М.; Л., 1929.
- СС-12₁₋₁₂* – Блок А. Собрание сочинений: В 12 т. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932–1936.
- СС-12₁* – То же издание, но с примечаниями (с. 285–388) Р.В. Иванова-Разумника, имеющимися, по его сведениям (см. ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 391), лишь в десяти экземплярах 1-го тома. Ссылки даются по экземпляру, принадлежавшему Л.Д. Блок и ныне хранящемуся в библиотеке ИРЛИ.
- СС-8₁₋₈* – Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общей ред. В. Орлова и др. М.; Л., Гослитиздат, 1960–1963.
- СУ* – Блок А. Седое утро. Стихотворения. Пб.: Алконост, 1920.
- УЗ ТГУ* – Учен. зап. Тарт. ун-та.
- ЧД-1909* – Антология современной поэзии: Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. Киев, 1909 (Чтец-декламатор. Т. 4).
- Шиповник, 2–10* – Литературно-художественные альманахи изд-ва "Шиповник". СПб., 1907–1909. Кн. 2, 3, 10.
- Ямбы* – Блок А. Ямбы (Современные стихи) (1907–1914). Пб.: Алконост, 1919.

При оформлении разделов "Другие редакции и варианты" и "Комментарии" в настоящем томе используются также следующие условные сокращения:

АМ – авторизованная машинопись	кор. л. – корректурный лист
АС – авторизованный список	печ. текст – авторизованный печатный текст
БА – белой автограф	
БАП – белой автограф с правкой	разд. – раздел
б.д. – без даты	ст. – стих
вар. – вариант	ЧА – черновой автограф
кор. – корректура	ЧН – черновой набросок

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Александр Блок. 1913 г.....	Фронтиспис
Александр Блок. Ямбы. Пб., 1919.....	58
Равенна. Могила Данте. Открытка из альбома Блока (ИРЛИ).....	69
Черновой автограф стихотворения "Под зноем флорентийской лени..." (ИРЛИ)	75
Беловой автограф стихотворения "Поэты" с правкой (ИРЛИ).....	90, 91
Черновой автограф стихотворения "Как океан меняет цвет..." (ИРЛИ).....	150
Александр Блок. Соловьиный сад. Пб., 1918.....	160
Александр Блок. Стихи о России. Пг., 1915.....	169
Черновой автограф стихотворения "На железной дороге" ("Под насыпью, во рву некошенном...") (ИРЛИ).....	177
Черновой автограф стихотворения "Под шум и звон однообразный..." (ИРЛИ)	202
Черновой автограф стихотворения "В огне и холоде тревог..." (ИРЛИ).....	294
Черновой автограф стихотворения "Антверпен" (ИРЛИ).....	377–379
Черновой автограф стихотворения "Бушует снежная весна..." (ИРЛИ).....	466
Черновой автограф стихотворения "Грешить бесстыдно, непробудно..." (ИРЛИ)	539
Александр Блок. Стихотворения. Книга третья (1905–1914).....	565
Александр Блок. Ночные часы. М.: Мусагет, 1911.....	819

Замеченные опечатки в I и II томах

Том	Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
I	193	2 снизу	М.В. Котрелев	Н.В. Котрелев
II	8	2 снизу	В.П. Виригиной	В.П. Веригиной
III	45	5 сверху	дальнего	дольнего
II	877	6 сверху	Гасуна	Гамсуна
II	889	12 сверху	В.П. Виригиной	В.П. Веригиной

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1907–1916)

Текст   Другие   Коммен-
          ред. и вар.   тарии

СТРАШНЫЙ МИР

(1909–1916)

К Музе ("Есть в напевах твоих сокровенных...").....	7	201	585
"Под шум и звон однообразный..."	8	201	587
"В эти желтые дни меж домами..."	8	204	587
"Из хрустального тумана..."	9	204	588
Двойник ("Однажды в октябрьском тумане...")	9	205	589
Песнь ада ("День догорел на сфере той земли...")	10	207	590
"Поздней осенью из гавани..."	13	207	592
На островах ("Вновь оснежённые колонны...")	14	208	592
"С мирным счастьем покончены счета..."	15	208	593
"Седые сумерки легли..."	15	209	594
"Дух пряный марта был в лунном круге..."	15	210	595
В ресторане ("Никогда не забуду (он был, или не был...)...")	16	212	596
Демон ("Прижмись ко мне крепче и ближе...")	16	215	598
"Как тяжело ходить среди людей..."	17	217	599
"Я коротаю жизнь мою..."	17	218	599
"Идут часы, и дни, и годы..."	18	218	600
Унижение ("В черных сучьях дерев обнаженных...")	19	218	601
Авиатор ("Летун отпущен на свободу...")	20	219	601
"Повеселясь на буйном пире..."	21	219	602
Пляски смерти			
1. "Как тяжко мертвецу среди людей..."	22	220	604
2. "Ночь, улица, фонарь, аптека..."	23		605
3. "Пустая улица. Один огонь в окне..."	23		606
4. "Старый, старый сон: из мрака..."	23	221	606
5. "Вновь богатый зол и рад..."	24	222	607
"Миры летят. Года летят. Пустая..."	25	223	607
"Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный..."	26	223	609
"Есть игра: осторожно войти..."	26	224	610
"Как растет тревога к ночи!..."	28	227	611
"Ну, что же? Устало заломлены слабые руки..."	28	228	612
Жизнь моего приятеля			
1. "Весь день, как день: трудов исполнен малых..."	29	229	615
2. "Поглядите, вот бессильный..."	30	231	616
3. "Всё свершилось по писаньям..."	30	232	617
4. "Когда невзначай в воскресенье..."	30	233	618
5. "Пристал ко мне нищий дурак..."	31	234	618
6. "День проходил, как всегда..."	31	235	619
7. Говорят ЧЕРТИ: ("Греши, пока тебя волнуют...")	33	243	622
8. Говорит СМЕРТЬ: ("Когда осилила тревога...")	33	244	623

Черная кровь			623
1. "Вполоборота ты встала ко мне..."	34	245	625
2. "Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне..."	34	247	625
3. "Даже имя твое мне презренно..."	35	248	626
4. "О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой..."	35	249	627
5. "Вновь у себя... Унижен, зол и рад..."	35	250	628
6. "Испугом схвачена, влекома..."	36	251	629
7. "Ночь, как века, и томный трепет..."	36	253	630
8. "Я ее победил, наконец!..."	36	254	630
9. "Над лучшим созданием Божьим..."	37	258	632
Демон ("Иди, иди за мной – покорной...")	38	259	633
Голос из хора ("Как часто плачем – вы и я ...")	39	260	634

ВОЗМЕЗДИЕ

(1908–1913)

"О доблестях, о подвигах, о славе..."	43	264	642
Забывшие Тебя ("И час настал. Свой плащ скрутило время...")	43	266	645
"Она, как прежде, захотела..."	44	266	647
"Ночь, как ночь, и улица пустынна..."	45	267	648, 650
"Я сегодня не помню, что было вчера..."	45	268	651
На смерть младенца ("Когда под заступом холодным...")	46	269	652
"Когда я прозревал впервые..."	46	269	653
"Дохнула жизнь в лицо могилкой..."	47	269	654
"Когда, вступая в мир огромный..."	47	270	655
"Весенний день прошел без дела..."	48	270	656
"Какая дивная картина..."	48	270	657
"Ты в комнате один сидишь..."	49	270	658
"Кольцо существованья тесно..."	50	271	659
"Чем больше хочешь отдохнуть..."	50	271	660
Шаги Командора ("Тяжкий плотный занавес у входа...")	50	272	661
"Мой бедный, мой далекий друг!..."	52	273	665
"Как свершилось, как случилось?..."	52	273	666

ЯМБЫ

(1907–1914)

"О, я хочу безумно жить..."	57	276	674
"Я ухо приложил к земле..."	59	276	679
"Тропами тайными, ночными..."	59	277	683
"В голодной и больной неволе..."	60	278	687
"Не спят, не помнят, не торгуют..."	60	279	690
"О, как смеялись вы над нами..."	61	279	692
"Я – Гамлет. Холодеет кровь..."	61	282	696
"Так. Буря этих лет прошла..."	61	282	698
"Да. Так диктует вдохновенье..."	62	283	699
"Когда мы встретились с тобой..."	62	289	704
"Земное сердце стынет вновь..."	63	291	707
"В огне и холоде тревог..."	63	293	709

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

(1909)

Равенна ("Всё, что минутно, всё, что бrenно...").....	68	296	724
"Почиет в мире Теодорих..."	70	297	728
Девушка из Spoleto ("Строен твой стан, как церковные свечи...")	70	299	729
Венеция			732
1. "С ней уходил я в море..."	71	300	733
2. "Холодный ветер от лагуны..."	71	301	734
3. "Слабеет жизни гул упорный..."	71	304	737
Перуджия ("День полувеселый, полустрадный...").....	72	305	738
Флоренция			
1. "Умри, Флоренция, Иуда..."	73	306	741
2. "Флоренция, ты ирис нежный..."	73	310	744
3. "Страстью длинной, безмятежной..."	74	310	745
4. "Жгут раскаленные камни..."	74	311	746
5. "Окна ложные на небе черном..."	74	312	747
6. "Под зноем флорентийской лени..."	74	313	748
7. "Голубоватым дымом..."	76	314	749
"Вот девушка, едва развившись..."	76	316	750
Madonna da Settignano ("Встретив на горном Тебя перевале...")...	77	317	751
Фьезоле ("Стучит топор, и с кампанил...")	77	318	752
Сиена ("В лоне площади пологой...")	78	319	752
Сиенский собор ("Когда страшишься смерти скорой ...")	78	321	755
"Искусство – ноша на плечах..."	79	322	756
"Глаза, опущенные скромно..."	79	323	757
Благовещение ("С детских лет – видения и грезы...")	80	328	758
Успение ("Ее спеленутое тело...")	82	331	761
Эпитафия Фра Филиппо Липпи ("Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...")	83	334	763

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1908–1916)

За гробом ("Божья Матерь <i>Утоли мои печали</i> ...").....	87	335	767
Друзьям ("Друг другу мы тайно враждебны...")	88	337	771
Поэты ("За городом вырос пустынный квартал...")	88	338	773
"Когда замрут отчаянье и злоба..."	92	343	775
"Ты так светла, как снег невинный..."	92	344	777
"Всё это было, было, было..."	92	344	778
Сусальный ангел ("На разукрашенную елку...")	93	351	782
Сон ("Я видел сон: мы в древнем склепе...")	94	352	783
Комета ("Ты нам грозись последним часом...")	95	354	784
"Ты помнишь? В нашей бухте сонной..."	96	355	786
"Благословляю всё, что было..."	96	356	787
Послания			
Юрию Верховскому ("Дождь мелкий, разговор неспеш- ный...")	97	358	790

Валерию Брюсову ("И вновь, и вновь твой дух таинственный...").....	98	360	792
Владимиру Бестужеву ("Да, знаю я: пронзили ночь от века ...").....	98	360	793
Вячеславу Иванову ("Был скрипок вой в разгаре бала ...")	99	360	796
Анне Ахматовой («"Красота страшна", – Вам скажут...»).....	100	361	799
"И вновь – порывы юных лет..."	101	364	800
Художник ("В жаркое лето и в зиму метельную...").....	101	364	802
"О, нет! Не расколдуешь сердца ты..."	102	366	805
Женщина ("Да, я извела все муки...").....	103	370	806
Перед судом ("Что же ты потупилась в смущеньи?..").....	105	374	808
Антверпен ("Пусть это время далеко...").....	106	376	811
"Похоронят, зароят глубоко..."	106	381	813
"На улице – дождик и слякоть..."	107	382	814
"Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух..."	107	383	814

АРФЫ И СКРИПКИ

(1908–1916)

"Свирель запела на мосту..."	111	388	825
"Душа! Когда устанешь верить?..."	111	388	826
"И я любил. И я извела..."	112	390	826
"Май жестокий с белыми ночами!..."	112	393	827
Три послания			828
1. "Всё помнит о весле вздыхающем..."	113	395	829
2. "Черный ворон в сумраке снежном..."	113	396	830
3. "Знаю я твое льстивое имя..."	114	398	831
Встречной ("Я только рыцарь и поэт...")	114	400	832
Мэри			
1. "Опять у этой двери..."	115	401	834
2. "Жениха к последней двери..."	115	404	834
3. "Косы Мэри распущены..."	116	405	835
"Усните блаженно, заморские гости, усните..."	116	405	835
"Я пригвожден к трактирной стойке..."	116	406	836
"Не затем величал я себя паладином..."	117	407	837
"Часовая стрелка близится к полночи..."	117	408	837
"Старинные розы..."	117	412	838
"Уже над морем вечереет..."	118	413	839
"Всё б тебе желать веселья..."	119		840
"Я не звал тебя – сама ты..."	119	415	840
"Грустя и плача и смеясь..."	120	415	840
"Опустишь, занавеска линиялая..."	120	415	841
"Мой милый, будь смелым..."	121	417	841
"Не венчал мою голову траурный лавр..."	122	417	842
"Покойник спать ложится..."	122	419	842
"Уж вечер светлой полосой..."	123	420	842
"Здесь в сумерки в конце зимы..."	123	420	843

Через двенадцать лет			
1. "Всё та же озерная гладь..."	124	421	845
2. "В темном парке под ольхой..."	124	421	846
3. "Когда мучительно восстали..."	125	423	846
4. "Синеокая, Бог тебя создал такой..."	125	424	847
5. "Бывают тихие минуты..."	125	425	848
6. "В тихий вечер мы встречались..."	126	425	848
7. "Уже померкла ясность взора..."	126	427	849
8. "Всё, что память сберечь мне старается..."	127	428	850
Утро в Москве ("Упоительно встать в ранний час...")	127	428	850
"Как прощались, страстно клялись..."	127	429	851
"Всё на земле умрет – и мать, и младость..."	128	430	851
На смерть Коммиссаржевской ("Пришла порою полночной...")	128	431	852
Голоса скрипок ("Из длинных трав встает луна...")	129	432	852
На Пасхе ("В сапогах бутылками...")	130	433	853
"Когда-то гордый и надменный..."	130	433	854
"Где отдается в длинных залах..."	131	435	854
"Сегодня ты на тройке звонкой..."	131	437	855
"В неуверенном, зыбком полете..."	132	438	855
"Без слова мысль, волнение без названья..."	132	438	856
"Ветр налетит, завоюет снег..."	133	438	856
"Шар раскаленный, золотой..."	133	439	857
"Сквозь серый дым от краю и до краю..."	134	439	857
"Есть минуты, когда не тревожит..."	134		858
"Болотистым, пустынным лугом..."	134		858
Испанке ("Не лукавь же, себе признаваясь...")	135	439	858
"В небе – день, всех ночей суверней..."	136	439	859
"В сыром ночном тумане..."	136	440	859
Седое утро ("Утреет. С Богом! По домам!...")	137	440	859
"Есть времена, есть дни, когда..."	138	444	860
"Я вижу блеск, забытый мной..."	138	444	861
"Ты говоришь, что я дремлю..."	138	445	861
"Ваш взгляд – его мне подстеречь..."	139	447	862
"Натянулись гитарные струны..."	140	448	862
"Ты – буйный зов рогов призывных..."	140	449	862
"Как день, светла, но непонятна..."	140	450	863
"Петербургские сумерки снежные..."	141	451	863
"Смычок запел. И облак душный..."	142	453	864
"Ты жил один. Друзей ты не искал..."	142	454	864
"Превратила всё в шутку сначала..."	142	455	865
"Та жизнь прошла..."	143	455	865
"Была ты всех ярче, верней и прелестней..."	143	456	866
"Разлетаясь по всему небосклону..."	144	457	866
"Он занесен – сей жезл железный..."	144	458	867
"Пусть я и жил, не любя..."	144	459	867
"Протекли за годами года..."	145	460	868
"За горами, лесами..."	145	461	868

КАРМЕН

(1914)

"Как океан меняет цвет..."	149	462	873
"На небе – празелень, и месяца осколок..."	151	463	874
"Есть демон утра. Дымно-светел он..."	151	464	875
"Бушует снежная весна..."	151	465	876
"Среди поклонников Кармен..."	151	465	877
"Сердитый взор бесцветных глаз..."	152	467	877
"Вербы – это весенняя таль..."	153	469	879
"Ты, как отзвук забытого гимна..."	153	470	880
"О, да, любовь вольна, как птица..."	154	471	881
"Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь..."	155	473	882

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

Соловьиный сад ("Я ломаю слоистые скалы...")	159	474	884
--	-----	-----	-----

РОДИНА

(1907–1916)

"Ты отошла, и я в пустыне..."	167	498	906
"В густой траве пропадешь с головой..."	168	498	908
"Задебренные лесом кручи..."	168	499	909
На поле Куликовом			
1. "Река раскинулась. Течет, грустит лениво..."	170	503	916
2. "Мы, сам-друг, над степью в полночь стали..."	170	505	921
3. "В ночь, когда Мамай залег с ордою..."	171	506	923
4. "Опять с вековой тоскою..."	172	508	926
5. "Опять над полем Куликовым..."	173	509	927
Россия ("Опять, как в годы золотые...")	173	511	929
"Вот он, ветер..."	174	517	933
Осенний день ("Идем по жнивью, не спеша...")	174	518	934
"Дым от костра струею сизой..."	175	518	935
"Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..."	176	520	937
На железной дороге ("Под насыпью, во рву некошенном...")	176	521	940
Посещение ("То не ели, не тонкие ели...")	178	525	943
"Там неба осветленный край..."	179	529	945
"Приближается звук. И, покорна щемящему звуку..."	179	529	946
Сны ("И пора уснуть, да жалко...")	180	529	946
Новая Америка ("Праздник радостный, праздник великий...")	181	530	948
"Ветер стих, и слава зарева..."	183	535	953
Последнее напутствие ("Боль проходит понемногу...")	183	536	954
"Грешить бесстыдно, непробудно..."	185	538	956

"Петроградское небо мутилось дождем..."	185	541	959
"Я не предал белое знамя..."	186	545	962
"Рожденные в года глухие..."	187	547	963
"Дикий ветер..."	187	550	967
Коршун ("Чертя за кругом плавный круг...").....	188	551	967

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

(1913)

"Мы забыты, одни на земле..."	191	552	970
"Поет, поет..."	192	553	971
"Милый друг, и в этом тихом доме..."	192	554	972
"Из ничего – фонтаном синим..."	193	555	979
"Вспомнил я старую сказку..."	193	556	973
"Было то в темных Карпатах..."	195	558	975

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примечания (к Собранию стихотворений. Кн. третья. Снежная ночь (1907–1910). М.: Мусарет, 1912).....	196	560	978
--	-----	-----	-----

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ 183

КОММЕНТАРИИ 561

Условные сокращения, принятые в настоящем томе.....	979
Список иллюстраций.....	983

Печатается по решению
Научно-издательского совета РАН

Редакционная коллегия:

*М.Л. ГАСПАРОВ, Ю.К. ГЕРАСИМОВ (зам. главного редактора),
А.Л. ГРИШУНИН (главный редактор), Н.Ю. ГРЯКАЛОВА,
А.М. ДОЛОТОВА, В.П. ЕНИШЕРЛОВ,, В.А. КЕЛДЫШ, Ф.Ф. КУЗНЕЦОВ,
А.В. ЛАВРОВ, Д.М. МАГОМЕДОВА, З.Г. МИНЦ, С.А. НЕБОЛЬСИН,
Л.М. РОЗЕНБЛЮМ, Н.Н. СКАТОВ, А.М. ТУРКОВ*

Основные тексты и другие редакции и варианты
стихотворений подготовили, комментарии составили:

*Б.В. АВЕРИН, В.Н. БЫСТРОВ, А.М. ГРАЧЕВА, Н.Ю. ГРЯКАЛОВА, Г.К. КАУРОВА,
О.А. КУЗНЕЦОВА, А.В. ЛАВРОВ, О.А. ЛИНДЕБЕРГ, Н.В. ЛОЩИНСКАЯ,
И.А. РЕВЯКИНА, С.Ю. ЯСЕНСКИЙ*

Ответственный редактор тома

Ю.К. ГЕРАСИМОВ

Александр Александрович Блок
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Т о м III
Стихотворения
Книга третья

Заведующая редакцией
"Наука-культура" *А.И. Кучинская*
Редактор *Е.Ю. Жолудь*
Художник *С.А. Литвак*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Э.Б. Павлюк*
Корректоры *Э.Д. Алексеева, Н.Л. Голубцова,*
Н.П.Круглова, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 22.09.97

Формат 70×90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 72,68. Усл.кр.-отг. 72,7. Уч.-изд.л. 61,0

Тираж 2000 экз. Тип. зак. 2386

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6